КЛАССИК ЖАНРА

Гарри
ГАРРИСОН

Спасательный корабль

НАСТОЯЩАЯ НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

Эксмо

Гарри
ГАРРИСОН

Спасательный корабль

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИ

Гарри
ГАРРИСОН

Спасательный корабль

Гарри
ГАРРИСОН

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Гарри Гаррисон,
Гордон Диксон
Спасательный корабль

•

Гарри Гаррисон
Падающая звезда

•

Гарри Гаррисон
Далет-эффект

•

Гарри Гаррисон, Марвин Мински
Выбор по Тьюрингу

МОСКВА
ЭКСМО
2006

Гарри
ГАРРИСОН

Спасательный корабль

МОСКВА
ЭКСМО
2006

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Г 20

Gordon R. DICKSON and Harry HARRISON
THE LIFESHIP
Copyright © 1976 by Gordon R. Dickson and Harry Harrison
Harry HARRISON
SKYFALL
Copyright © 1976 by Harry Harrison
THE DALETH EFFECT
Copyright © 1977 by Harry Harrison
Harry HARRISON & Marvin MINSKY
THE TURING OPTION
Copyright © 1992 by Harry Harrison & Marvin Minsky

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Гаррисон Г.
Г 20 Спасательный корабль: Фантастические романы/ Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 960 с.

ISBN 5-699-15619-4

Эта книга — подарок для любителей настоящей НАУЧНОЙ фантастики! Межзвездные перелеты, секрет антигравитации и тайны искусственного интеллекта — вот лишь немногие из ошеломляющих достижений человеческого разума, которые, по мнению Гарри Гаррисона, ожидают нас в недалеком будущем. Наука дарит людям все новые и новые возможности, но готовы ли они использовать их на благо себе и всей Вселенной?

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Перевод. Л. Ермакова, Е. Малыхина, И. Тогоева, В. Артемов, О. Басинская, Г. Чхартишвили, И. Почиталин, А. Иорданский, 2006
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2006

ISBN 5-699-15619-4

Глава 1

Взрыв, заставивший содрогнуться весь корпус космического корабля альбенаретцев, прогремел в тот миг, когда Джайлс подошел к винтовой лестнице, что вела из грузового отделения наверх, в пассажирский отсек. Джайлс ухватился за поручень и повис на нем. Однако почти сразу же последовал другой взрыв и с силой швырнул его в металлическую стенку коридора.

Оглушенный, шатаясь, Джайлс добрался все же до нижней площадки трапа и стал карабкаться наверх, ускоряя темп. В голове прояснилось. «Кажется, я потерял сознание, не надолго, может быть, на несколько секунд», — подумал он. Добравшись до верхнего коридора, он торопливо зашагал назад, в хвост корабля, где находилась его каюта. Но по пассажирскому коридору пробираться было уже нелегко: его заполнили испуганные фигурки в серых комбинезонах, мужчины и женщины — арбайты, законтрактованные на Белбен. В этот момент, разрывая барабанные перепонки, в мозг ворвался душераздирающий вопль сирены — сигнал «корабль потерял управление». В коридоре все острей ощущался едкий запах дыма, раздавались мольбы о помощи — кричали почти невидимые в дыму арбайты.

Случилось невероятное. От двух взрывов на огромном космическом корабле вспыхнул пожар, и межзвездный лайнер стал беспомощной песчинкой, мимолетной звездочкой, падающей в пустоту космического пространства. Возможность возгорания космических кораблей практически исключалась, особенно массивных кораблей альбенаретцев, и все же корабль горел. У Джайлса засосало под ложечкой: воздух становился все горячее и смешивался с дымом, теряя прозрачность, вопли арбайтов впивались в мозг острыми иглами. Усилием воли он подавил в себе атавистический отклик на страхи, витавшие вокруг. У него, в конце концов, есть дело, долг, который он обязан выполнить.

Долг — прежде всего, остальное и остальные — потом. За арбайтов, находившихся на корабле, прямая ответственность лежала на нем. Он бросился бежать, увертываясь от протянутых к нему рук, догоняя смутно вырисовывавшихся в дыму арбайтов, отбрасывая их в стороны, перепрыгивая через упавших.

И все это время сквозь ледяной ком в груди прорастала ярость. Джайлс еще прибавил скорости. Коридор кое-где уже начал рушиться: металлические стенки панели, поблескивавшие сквозь дым, оседали и прогибались, словно пластинки тающего воска. Столь полная катастрофа казалась совершенно немыслимой, но сейчас у него не было времени размышлять о том, где была допущена ошибка. Стоны и вопли арбайтов доносились до Джайлса, но он бежал со всех ног в хвост корабля.

Внезапно из дыма возникла высокая фигура, темная и узкая, не похожая на человека. Длинная, странной формы — трехпалая — рука крепко вцепилась в рукав его форменной коричневато-оранжевой куртки.

— На спасательный корабль! — прожужжал альбенаретец, член экипажа, невнятно воспроизведя человеческую речь. — Кругом! Бегите назад! Не в хвост!

Джайлс подавил инстинктивное желание вырваться. Он был гораздо сильнее любого арбайта, кроме тех, кого специально растили и тренировали для физического труда, и все же пытаться высвободиться из этих тощих, слабых на вид пальцев бесполезно.

— Я не арбайт! — крикнул он в надежде, что альбенаретец поймет его. — У меня обязательства... долг! Я — Стил, из рода Стилов, металлургов! Джайлс Стил Ашад из клана Эделей. Единственный из Эделей здесь, на корабле. Ты не узнаешь меня?

Инопланетянин и Джайлс на мгновение замерли, преграждая друг другу путь. На Джайлса в упор смотрело темное и узкое безгубое лицо. Затем рука альбенаретца разжалась, а его рот отверзся на миг, издав сухой, трескучий звук-смех, который мог означать что угодно, но только не веселье.

— Бегите, — прожужжал он.

Джайлс повернулся и побежал.

Вскоре он уже был у двери своей каюты люкс. Металлическая ручка обожгла пальцы. Он, крякнув от усилия, саданул по двери ногой. Дверь распахнулась. От едкого густого дыма в каюте перехватило горло.

Джайлс ощупью нашел чемодан, резким движением открыл его и вытащил небольшой металлический контейнер. Кашляя, набрал шифр, замок щелкнул, крышка пружинисто отскочила.

Он торопливо стал шарить в груде бумаг, пока не отыскал ордер на арест; он сунул его в карман куртки и опять погрузил руку в контейнер — нужно нажать кнопку и превратить его в пепел вместе со всем содержимым. Сверкнула ярко-белая вспышка, металлическая коробка сплющилась и растеклась, как тающий лед. Джайлс повернулся и, поколебавшись мгновение, вытащил из-под форменной куртки инструмент. Он собирался, выполнив задание, припрятать его понадежнее, но теперь на корабле не было надежного места. Все еще кашляя, он бросил инструмент в жарко догоравший контейнер, повернулся и снова нырнул в коридор; воздух там был почище, и Джайлс устремился назад, в нос лайнера, где находился спасательный корабль, — корабль жизни, к которому он приписан.

Альбенаретца на посту не было. Верхний свет тускло освещал задымленный коридор. Арбайтов тоже не видно. Затеплилась слабая надежда: быть может, кто-то о них позаботился. Джайлс продолжал бежать. Спасательный корабль где-то близко. Впереди, совсем рядом, он услышал голоса, но вдруг что-то большое и темное как бы ниоткуда возникло перед ним, и нечто, похожее на гигантскую мухобойку, сшибло его с ног.

Он упал на мягкое покрытие коридора, секунду лежал неподвижно, стараясь не потерять сознания. На полу дым был не таким густым. Он понял, что ударился о распахнутую кем-то дверь, и услышал голоса: разговаривали двое арбайтов, один голос был мужской, другой — молодой, женский.

— Ты слышала? Кораблю крышка, — сказал мужчина.

— Значит, оставаться здесь и ждать нет смысла. Спасательный корабль там, в коротком отсеке. Пошли.

— Нет, Мара. Подожди... нам сказали ждать здесь... — Голос мужчины был едва слышен.

— Чего ты боишься, Грос? — насмешливо спросила девушка. — Ты ведешь себя так, словно шагу не смеешь ступить без его позволения. Намерен торчать здесь, пока не задохнешься?

— Тебе-то все равно, — промямлил мужчина, — а я никогда и ни в чем не был замешан. У меня анкета чистая.

— Если это, по-твоему, так важно...

В голове Джайлса прояснилось. Стремительным движением он вскочил на ноги, обошел злополучную дверь и присоединился к двум невысоким фигурам в серых комбинезонах.

— Все в порядке, — сказал он решительно. — Ты права, девушка. Спасательный корабль именно там, вниз по коридору. А ты... как тебя зовут? Грос? Ступай вперед!

Мужчина-арбайт молча повиновался, подчинившись приказу, как подчинялся всю жизнь командам, отдаваемым Эделями. Это был невысокий, коренастый, круглоголовый человек средних лет. Прежде чем последовать за ним, Джайлс на мгновение оглянулся на арбайт-девушку. Невысокого роста, как и все они, из низшего класса, но весьма миловидна. Бледное узкое лицо под шапкой стриженых волос смотрело спокойно и вовсе не испуганно. Видимо, в ее родословной благородная кровь, подумал Джайлс.

— А ты — славная девушка, — сказал он гораздо мягче. — Иди за мной. Если дым станет гуще, держись за мою куртку.

Джайлс потрепал ее по волосам и двинулся вслед за Гросом. Он не увидел, каким негодованием и яростью исказилось ее лицо, когда его рука коснулась ее волос. Впрочем, выражение это исчезло так же мгновенно, как и появилось. Она покорно последовала за Джайлсом с обычным для арбайтов невозмутимо-спокойным выражением лица.

Догнав Гроса, Джайлс сжал его правое плечо. Арбайт вздрогнул.

— Смелее, слышишь? — резко бросил ему Джайлс. — Твое дело повиноваться! Ну же, вперед!

— Да, ваша честь, — неуверенно пробормотал Грос. Однако плечи его распрямились. Он тверже зашагал по клубившемуся дымом коридору.

Между тем дым становился все гуще. И Джайлса, и арбайтов пробирал кашель. Джайлс почувствовал, как Мара ухватилась за куртку.

— Быстрей, не останавливаться! — прохрипел Джайлс между приступами кашля. — Теперь, верно, недалеко.

Внезапно они натолкнулись на препятствие.

— Дверь, — сообщил Грос.

— Открывайте! Скорей! — задыхаясь, выговорил Джайлс, теряя терпение.

Арбайт подчинился, и все трое оказались в небольшом помещении. Здесь было не так дымно. Мара толчком захлопнула за собой дверь.

Напротив была другая дверь, тоже закрытая. Тяжелая шлюзовая дверь. Опередив Гроса, Джайлс толкнул ее, но безуспешно; тогда он ударил кулаком по электронной кнопке. Дверь медленно отворилась. За нею был тамбур и еще одна дверь, открытая.

— Туда! — коротко приказал он арбайтам.

Мара повиновалась.

— Но, ваша честь... сэр? — пробормотал вопросительно Грос. — Пожалуйста... что случилось с лайнером?

— Взрыв где-то в хвосте. Причины не знаю, — коротко ответил Джайлс. — Ступайте же вперед. Там, за второй дверью, спасательный корабль.

Грос все еще колебался.

— А может, сюда идут и другие? — спросил он.

— Тогда они очень скоро будут здесь, — сказал Джайлс. — В коридорах полно дыма, времени в обрез. Спасательный корабль должен взять старт с минуты на минуту.

— Но что, если мне, когда я войду...

— Когда ты войдешь, там будет альбенаретец, — прервал его Джайлс, — и он скажет, что нужно делать. Спасательным кораблем всегда ведает офицер-инопланетянин. А теперь — живо!

Грос выполнил приказ. Джайлс обернулся. Клубы дыма обволакивали его, хотя дверь в коридор была закрыта. Внезапно динамик над дверью донес отдаленный кашель.

— Сэр, — услышал он позади себя голос Гроса, — на спасательном корабле нет альбенаретцев.

— Ступай назад. Жди там! — рявкнул Джайлс, не повернув головы. Кашель в динамике раздавался громче, его сопровождал звук спотыкающихся шагов. Похоже, альбенаретец, подумал Джайлс, а лучше бы сам капитан корабля. Джайлс в пределах Солнечной системы пилотировал личный космокатер — он называл его яхтой, но управлять кораблем инопланетян...

Он нажал кнопку «открыть». Шлюзовая дверь отворилась. Неясные фигурки, спотыкаясь, шли сквозь дым. Джайлс выругался. Это были арбайты, одетые в одинаковые тускло-серые комбинезоны. Арбайтов было пятеро, он сосчитал их, когда они подошли ближе, держась друг за друга; в перерывах между приступами кашля кое-кто всхлипывал. Впереди шла угловатая седая женщина. Завидев Джайлса, она по привычке почтительно склонила голову. Джайлс открыл внутреннюю дверь и знаком приказал им войти, отступив в сторону, чтобы они не касались его. Неожиданно лампы в коридоре замигали, погасли, засветились вновь... и выключились окончательно.

Джайлс захлопнул дверь за пятеркой арбайтов, нажал кнопку свечения собственных часов. Циферблат высветил лишь клубы дыма, ворвавшиеся в тамбур из коридора. Пожар, судя по всему, приближался. Джайлс опять закашлялся, голова раскалывалась.

С резким стуком упала секция тамбурной стенки, и Джайлс обернулся. Приток воздуха из неведомого источника усилился, в

прочном на вид металле образовался длинный проем, в который устремились струи дыма; воздух стал чище. В проеме появилась высокая тонкая фигура.

— Очень вовремя, — кашляя, выдавил Джайлс.

Альбенаретец не ответил; быстро, не сгибая ног в коленях, он двинулся к внутренней двери. Джайлс следовал за ним по пятам. Оказавшись внутри спасательного корабля, альбенаретец задраил дверь. Лязг захлопнувшейся двери шлюза прозвучал стуком крышки гроба.

Голоса арбайтов смолкли; они настороженно расступились перед высокой узкой фигурой инопланетянина. Альбенаретец молча вытащил из-под мягкого полового покрытия металлический каркас, обтянутый гибким пластиком. Это была гравитационная складная кровать, покрытая толстым слоем пыли.

— Открывать кровати вот так, — приказал альбенаретец; он заговорил на языке землян, но странным, высоким и жужжащим голосом. — Прикрепить ремнями. Корабль оторвется резко.

Затем он повернулся и, широко переставляя ноги, пошел в нос корабля, к приборному щиту, сел в одно из двух кресел, пристегнулся к сиденью ремнями. Его трехпалые руки орудовали очень ловко. На приборном щите загорелись огни, и два обзорных экрана ожили, высветив размытые изображения металлических стенок корабля. Джайлс и арбайты едва успели вытащить свои складные кровати; альбенаретец нажал стартовую кнопку. Резкое ускорение обрушилось на них всей тяжестью.

Корабль-спасатель выбросило из материнского чрева корабля-носителя в космическое пространство, гравитационные силы вжали тела людей в эластичный пластик складных кроватей. Включилось управление спасательного корабля, и он стал удаляться от гибнущего лайнера.

Джайлс, как и все, боролся с подступившей тошнотой. Руки его вцепились в металлический каркас кровати, но глаза следили за экранами в носовом отсеке. На левом экране светились звезды, правый открывал взору картину пылающего лайнера.

Останки его ничем не напоминали космический лайнер, на который они пришли двадцать дней назад. Искореженные, разорванные, раскаленные добела металлические конструкции ярко сияли в космической тьме. Светящаяся громада уменьшалась по мере удаления, напоминая пылающую факелом человеческую фигуру. Потом она стала перемещаться с одного экрана на другой — спасательный корабль делал вокруг лайнера круги! Альбенаретец что-то говорил в микрофон на своем гортанном жужжащем языке. Он — или она? — упорно повторял одни и те же слова, пока в динамике не раздались скрип, шипение и наконец другой голос. Последовал быстрый обмен репликами; полыхавшие останки лайнера вдруг прочно утвердились на переднем экране и стали стремительно увеличиваться в размере.

— Мы возвращаемся! — раздался в темноте истерический вопль арбайта. — Остановите его! Мы же возвращаемся!

— Спокойно! — приказал Джайлс. — Всем сохранять спокойствие, это приказ! — И секунду спустя добавил: — Альбенаретец знает, что делает. Кроме него, никто не может пилотировать корабль.

Арбайты молча смотрели, как стремительно увеличиваются контуры горящего лайнера, заполняя собой весь экран. Казалось, они с бешеной скоростью мчатся прямо в огонь. Однако плавные движения шести пальцев альбенаретца, скользивших по кнопкам приборного щита, мягко направили спасательный корабль внутрь лайнера, мимо острых стальных зубцов, проплывших на переднем экране. Вдруг перед ними выросла гладкая, совсем не поврежденная секция корпуса, они с грохотом и лязгом пришли в соприкосновение с нею. Глухо сработали магнитные присоски — «спасатель» передвигался теперь толчками, с оглушительным скрипом, будто его направляла к нужному месту какая-то система внутри лайнера. Инопланетянин встал и своим широким твердым шагом проследовал в хвост корабля, чтобы открыть задраенную шлюзовую дверь. Дверь ушла вниз, вслед за нею открылась другая.

Ни малейшего движения воздуха, они были плотно притерты к шлюзу космического лайнера. Его наружная дверь, ледяная от космического холода и покрытая инеем конденсированной влаги, с громким скрежетом отъехала немного в сторону и замерла. Альбенаретец обернул руки полами своего одеяния, похожего на халат, ухватился за край чуть отодвинувшейся двери и стал с силой толкать ее. Дымный туман за нею быстро рассеялся, открыв взгляду шлюз лайнера и две тощие фигуры альбенаретцев.

Инопланетяне коротко переговорили между собой. Джайлс не заметил никакого волнения на их морщинистых темнокожих лицах. У всех троих круглые, немигающие глаза. Альбенаретцы сопровождали свои слова похрустыванием трехпалых рук, сжимая и разжимая пальцы. Разговор закончился неожиданно. Двое альбенаретцев вышли вместе, на прощание коснувшись кончиком пальцев третьего, стоявшего чуть поодаль, в глубине шлюза.

Затем двое первых вернулись в спасательный корабль. Дверь

лайнера стала медленно закрываться, и все трое одновременно, в унисон, засмеялись тоненьким клекочущим смехом и смеялись до тех пор, пока задвинувшаяся дверь лайнера их не разделила. Капитан и инопланетянин, стоявший рядом с ним, смеялись, а спасательный корабль между тем отделялся от их товарища, оставшегося на борту обреченного лайнера. И еще долго звучал их смех, и ошеломленно молчали арбайты.

Глава 2

Потрясение, вызванное катастрофой, усталость, отравленные дымом легкие — все это вместе оглушило землян; они не спускали красных от напряжения глаз с пылавшего на заднем экране лайнера. Изображение уменьшалось, превратившись в крохотную звездочку, одну из многих светившихся на экране точек.

И вот она вовсе исчезла из глаз. Тогда высокий инопланетянин, тот, что первым вошел в спасательный корабль и вывел его из пылавшей утробы лайнера, встал со своего кресла у приборного щита и направился к пассажирам-землянам.

Остановившись перед Джайлсом на расстоянии вытянутой руки, он поднял длинный темный средний палец.

— Я Капитан Райумунг. — Палец описал полукруг и указал на второго инопланетянина. — Инженер Мунгханф.

Джайлс кивнул в знак того, что принял сообщение к сведению.

— Вы их бригадир?

— Я — Эдель, — ледяным тоном произнес Джайлс. Даже учитывая естественную неосведомленность инопланетянина в земных делах, предположение, что он, Эдель, может быть одним из арбайтов, было нестерпимо.

Капитан отвернулся. Это послужило сигналом — к нему воззвало сразу несколько голосов, голосов арбайтов. Но Капитан словно не слышал их. Длинный инопланетянин вернулся в свой носовой отсек, к приборному щиту. Альбенаретцы достали из шкафчика прямоугольный предмет, завернутый в золотистую ткань, и церемонно подержали его с минуту на вытянутых руках, прежде чем положить на горизонтальную поверхность приборного щита. Инженер чуть-чуть отступил в сторону. Капитан положил палец на золотистую ткань. Оба молча склонили головы перед неизвестным предметом и застыли.

— Что это? — услышал Джайлс позади себя голос Гроса.

— Помолчите, — резко отозвался Джайлс. — Это их священная книга — астронавигационная книга альбенаретцев, в которой собраны таблицы межзвездных полетов и информация о звездных маршрутах.

Грос умолк. Однако Мара решительно пренебрегла запретом.

— Ваша честь, сэр, — проговорила она в самое ухо Джайлса. — Не скажете ли вы нам, что происходит? Пожалуйста!

Джайлс покачал головой и приложил палец к губам. Альбенаретцы подняли головы и стали выпрастывать из золотистой оболочки свое сокровище. Оно очень походило на предмет из прошлого человечества и, несомненно, из прошлого самих альбенаретцев переплетом из кожи животных и бумагой, выделанной из растительной массы.

— Так вот, — проговорил наконец Джайлс, обернувшись к стоявшей позади него девушке. Он обращался к ней и одновременно ко всем арбайтам. — Для альбенаретцев полеты в космосе и религия — одно и то же. Пилотирование этого или любого другого космического корабля — священное ритуальное действо. Об этом вас должны были проинструктировать еще там, на Земле, когда посылали на космический лайнер.

— Кое-что нам рассказали, сэр, — не унималась Мара, — но не объяснили, в чем дело и почему.

Джайлс взглянул на нее не без раздражения. В его обязанности не входило быть наставником горстки арбайтов. Однако будет лучше, если он кое-что растолкует им. Несколько дней, а может, и недель им придется жить вместе, бок о бок и в весьма суровых условиях. Они легче приноровятся к лишениям, если поймут ситуацию.

— Ну что ж, слушайте все, — сказал он. — Для альбенаретцев космос — это то же, что небо, обретение полного Совершенства. В их глазах планеты и все обитаемые твердые тела — местонахождение несовершенного. Альбенаретец, уходя в космос, тем самым устремляется к Совершенству. Чем больше в его жизни таких полетов и чем больше времени проведет он в космосе, вдали от планет, тем вернее приблизится к Совершенству. Вы слышали, Капитан назвал себя Райумунгом, Инженера — Мунгханфом. Это — не имена. Это — их ранги, как бы ступеньки на подъеме к статусу Совершенства. И они никак не определяют их индивидуальных обязанностей на борту космических кораблей, не считая того, что более ответственные обязанности выполняет обычно тот, кто выше рангом.

— Но в таком случае, что означают ранги?

Опять голос Мары. Джайлс улыбнулся ей:

— Ранги означают число полетов в космос и время, проведенное в нем. Но не только. Чем суровее выполняемый им долг, тем больше времени нужно для достижения следующего ранга. Например, полет на этом спасательном корабле сильно продвинет вперед Капитана и Инженера, и не потому, что они спасают наши жизни. Спасая нас, они упускают случай умереть в горящем космическом лайнере. А последняя и высшая цель альбенаретца — умереть в космосе.

— Но тогда им все равно! — крикнула девушка-арбайт, черноволосая, такая же молодая, как и Мара, но без признаков воли в чертах лица. — Если что-то пойдет не так, они обрекут нас на смерть, чтоб самим умереть в космосе!

— Вовсе нет! — резко оборвал ее Джайлс. — И немедленно выбросьте подобные мысли из головы! Смерть есть величайшее из свершений, доступных альбенаретцу, но после того, как он выполнит в космосе все, что только возможно. Лишь в том случае, если вернуться не удастся, альбенаретцы позволят смерти забрать их.

— А вдруг эти двое решат, что вернуться возможности нет, или еще что-нибудь выдумают? И просто отправятся умирать...

— Чтобы я больше не слышал подобных разговоров! — прикрикнул Джайлс.

Ему вдруг надоело объяснять, его охватил стыд и отвращение к ним ко всем — к их постоянной готовности жаловаться, откровенному, бесстыдному проявлению страха, отсутствию выдержки, самообладания, самоконтроля, к их нездоровым пастозным лицам, свидетельствующим о том, что большую часть жизни они проводят в закрытых помещениях, не видя солнца. Каждая мелочь, говорившая об их принадлежности к низшему сословию, вдруг встала ему поперек горла.

— Успокойтесь! — сказал он. — Займитесь делом, поставьте кровати, выберите себе соседей. И никаких перемещений, споров, ссор — я не намерен разбираться, улаживать скандалы. Сейчас я осмотрю наш спасательный корабль, а потом запишу ваши имена и скажу, как вы должны вести себя, пока мы не совершим посадку. Итак, за дело!

Арбайты повиновались не колеблясь — все, за исключением, пожалуй, этой девушки, Мары. Джайлсу показалось, что она на какую-то долю секунды замешкалась. Его это поразило. Возможно, она из тех несчастных арбайтов, которых забаловали, заласкали в семье каких-нибудь Эделей, воспитав способность чувствовать. Арбайты, взращенные подобным образом, в дальнейшем

всегда плохо адаптировались к реальной жизни. Не усвоив соответствующих навыков в ранние годы, они, повзрослев, не могли должным образом приспособиться к своему месту в обществе, усвоить социальную дисциплину.

Он отошел от арбайтов и приступил к более детальному ознакомлению со спасательным кораблем. Тот ничем или почти ничем не походил на его собственную космояхту, в высшей степени комфортабельную и максимально автоматизированную. На ней он, как и большинство Эделей, частенько летал среди планет Солнечной системы.

— Сэр... — услышал он позади себя шепот. — Вы не знаете, они — женского рода?

Джайлс обернулся — это был Грос. Лицо арбайта побелело, на лбу выступили капли пота. Джайлс перевел глаза на инопланетян. Вообще альбенаретцы были почти не различимы по полу, и мужские, и женские особи на равных исполняли обязанности и здесь, на корабле, и везде в просторах космического пространства. Однако чрезмерно длинный торс Капитана, а также его особенно прямая осанка давали ключ к загадке. Капитан был женского пола, Инженер — мужского.

Джайлс опять обратил внимание на болезненную бледность Гроса, явно объятого страхом. Среди арбайтов ходили тысячи кошмарных слухов о том, как ведут себя альбенаретки во время активизации определенных желез, причем по отношению не только к собственным «мужчинам», но и, как суеверно полагали арбайты, к любым другим наделенным интеллектом мужским особям. Основанием для этих слухов служил тот факт, что альбенаретская «женщина» (на самом деле два пола инопланетян не соответствовали *мужскому* и *женскому* полам людей) в брачный период требовала от «мужчины» не только особых микроскопических телец-оплодотворителей, но и всю генитальную систему «мужского» тела. «Женщина» закладывала эту систему целиком в яйценосную сумку, и там оплодотворяющее устройство подключалось к ее собственной системе кровообращения, становилось частью ее тела и источником питания эмбриона на период его внутриутробного роста.

Присвоение «мужской» генитальной системы, акт, совершенно нормальный по альбенаретским законам, по человеческим понятиям представлял собой жестокое увечье. «Женщина» тем самым лишала «мужчину» половой сферы до ее восстановления. По земному времяисчислению на это уходило примерно два года — время, потребное отпрыску альбенаретца, чтобы родиться,

научиться передвигаться вертикально. Земные ксенобиологи разработали теорию, согласно которой в доисторические времена принцип, просматривающийся за дегенитализацией альбенаретского «мужчины», должен был обеспечить его поддержку и помощь «женщине», вынашивавшей его потомка в наиболее уязвимый период, пока и она, и ее отпрыск не будут в состоянии заботиться о себе самостоятельно.

Однако столь изощренное понимание инстинктов инопланетян, подумал Джайлс, не под силу арбайтам, тревожно шушукавшимся по углам. Грос, например, явно потерял голову от ужаса, столь свойственного низшему классу, при мысли о том, что способна учинить над ним инопланетянка в момент возбуждения половых желез. Надо полагать, точно так же поведут себя и другие мужчины-арбайты на корабле, если узнают, какого пола их Капитан.

— Это же офицеры, — презрительно бросил Джайлс. — Или, по-твоему, они похожи на женщин?

— Нет-нет, ваша честь. Нет, сэр, конечно, нет. Спасибо вам, сэр. Большое, большое спасибо.

Он ретировался. Джайлс продолжал обследование корабля. Однако ему мешала сосредоточиться мысль о том, что случится, если импульс к размножению настигнет двух инопланетян здесь, на корабле, до того, как они совершат посадку. Он понятия не имел, в каких условиях мог возникнуть такой инстинкт, и решил выбросить эти мысли из головы. В данный момент все под его контролем, что, собственно, и требуется. И Джайлс сконцентрировал свое внимание на спасательном корабле.

Глава 3

1 час 2 минуты

Корабль, в сущности, представлял собой почти правильный цилиндр. Заднюю половину цилиндра занимала энергетическая установка. В носовой части находились контрольный приборный щит и три экрана. Остальная площадь — что-то вроде трубы с проложенным внутри полом — имела чуть больше двадцати метров в длину и четыре метра в диаметре. Пол был выстлан багряным ноздреватым материалом, ходить по нему неловко, зато удобно сидеть и лежать. Складные кровати, которыми они воспользовались, когда корабль отрывался от космического лайнера, хранились под этим упругим покрытием.

Сверкающая гирлянда голубовато-белых светильников протянулась над головой по всей длине спасательного корабля. Изучая альбенаретцев и их космические корабли, Джайлс узнал, что эти огни не выключаются никогда, даже если корабль не в работе. Постоянный источник света необходим для здорового роста вьющегося растения *иб,* побеги которого покрывали все свободные поверхности от середины корабля и до самой его кормы. Это растение было в равной степени источником жизни для всех пассажиров, инопланетян и людей, так как устьица их плоских, красно-зеленых листьев выделяли кислород. Округлые золотистые плоды *иб,* свисавшие, словно украшения, с длинных тонких стеблей, были единственным источником питания, доступным на борту корабля. Ствол растения, толщиною по всей его длине с человеческую ногу, рос из похожего на гроб металлического резервуара с питательным раствором. Тусклая металлическая крышка на резервуаре прикрывала отверстие, куда отправлялись все пищевые излишки и отходы для переработки. Простая и эффективная система выживания, полный цикл, включавший в себя и санитарные удобства, которые состояли из сосуда с водопроводным устройством и закрытого контейнера возле резервуара.

Пассажиры-арбайты пока не подозревали, какие ограничения ждут их на борту спасательного корабля альбенаретцев. Они еще не понимали, куда забросила их судьба. Осознание происшедшего повергнет их в глубокий шок. Они ведь не Эдели, которые в тех же обстоятельствах — и мужчины, и женщины — сочли бы нравственным долгом сохранить самоконтроль и не дать волю недостойному Эделей страху или жалобам на ситуацию.

Надо будет помягче их подготовить, подумал Джайлс и вернулся к арбайтам, которые закончили распределение кроватей: каждый занял ту, что вытащил из-под пола сам, на ней каждый и останется, пока корабль не пришвартуется к какой-нибудь планете.

— Все устроились? — спросил он.

Арбайты кивком, как обычно, ответили «да». Джайлс постоял, глядя на них сверху. Он был на голову выше всех, кроме одного, явно рабочего из трудовой команды, державшегося поодаль. Арбайты постараются держать его на расстоянии, отметил для себя Джайлс, как человека, стоящего на социальной лестнице еще ниже, чем они. Но он не должен допускать подобных расслоений.

Рабочий был одного роста с Джайлсом и весил, без сомнения, килограммов на двадцать больше. Но на этом сходство кончалось. Из всех находившихся здесь представителей человечества

только у Джайлса была загорелая кожа, красивые, правильные черты лица и зеленые, с лучиками морщин в уголках глаза, что свидетельствовало как о породе, так и о том, что часть жизни он проводит на открытом воздухе. Это резко выделяло его среди остальных, даже если не принимать в расчет его дорогой, сверкавший особой выделкой темно-оранжевый форменный костюм, так непохожий на унылые и плохо пригнанные серые комбинезоны арбайтов. Достаточно было увидеть его лицо, чтобы понять: он здесь, чтобы повелевать, все остальные — чтобы повиноваться.

— Прекрасно, — сказал он. — Меня зовут Джайлс Стил Ашад. Теперь по очереди назовите себя. — Он повернулся к Маре, которая заняла кровать в первом ряду, слева от него. — Мара, вы первая.

— Мара, номер 12911. Вольнонаемная. Хочу подзаработать, направлена на Белбен, как и остальные.

— Хорошо. — Джайлс повернулся к Гросу, расположившемуся напротив Мары. — Теперь говорите вы, Грос. Имя и номер контракта.

— Грос, номер 5313, направлен на три года, служба компьютерного контроля. Белбен, Шахты и Промышленное производство.

— Отлично, Грос. Рад видеть, что ваш компьютер при вас.

— Без него никуда, сэр. Я без него как голый.

Джайлс увидел, что арбайты заулыбались этой старой как мир шутке. Улыбки были хорошим знаком: возвращалось ощущение, что все идет как надо. Следующим за Гросом был худощавый жилистый блондин; его пальцы выбивали на бедрах нервную дробь.

— Эстивен, номер 6786, служба развлекательных радиопередач, — проговорил он высоким тенором. — На Белбене будет новая радиосистема, которая заменит нам нынешнюю, автоматизированную.

— Так. Что у вас в футляре? Магнитофон?

— Да, сэр, ваша честь. Хотите взглянуть? Записана музыка, многоканальный запас памяти.

— Прекрасно. Мы сможем использовать его в качестве бортового журнала.

Джайлс протянул руку. Эстивен шагнул вперед и все же помешкал, прежде чем вытащить плоский кейс.

— Вы ведь не пожелаете стереть всю музыку, не правда ли, сэр? Если можно... Все же какое-то развлечение на этом кораблике...

Джайлс внутренне поморщился: эти умоляющие интонации! Даже арбайту не следовало бы просить так униженно.

— Не всю, не всю, — сказал Джайлс, — не беспокойтесь. Сотрите мне, по своему выбору, на час времени. Этого пока достаточно. Если не хватит, я попрошу стереть еще.

— На час? — Лицо Эстивена просветлело. — Конечно, сэр. Только один час — нет проблем, конечно, конечно. Здесь ведь записано всего понемножку. Я могу стереть что-нибудь из джаз-поп-музыки, или старинные симфонии, или музыкальную радиорекламу, ее тут немало... — Эстивен доверчиво улыбался, остальные засмеялись, но смех тут же замер: арбайты заметили, что Джайлс не улыбался вместе с ними. — Ваша честь, простите, сэр... я, конечно, не то имел в виду. Просто шутка. Вот, час музыки... возьмите, здесь весь комплект. — Он отдал магнитофон, руки его дрожали.

— Я запишу сюда ваши имена, — мы должны вести дневник полета. — Джайлс повторил на магнитофон имена и уже названные номера. — А теперь вы четверо, слева.

— Бисет, номер 9482. Наблюдение, командировка на год. — Она стояла по стойке «смирно» — высокая, угловатая, седая женщина, та, что привела группу уцелевших арбайтов на борт спасательного корабля. Эта, видно, привыкла общаться с власть имущими, подумал Джайлс, жизнь научила... Не то что Мара. Позади Бисет стояли рядышком двое арбайтов — темноволосый молодой человек и такая же темноволосая пухленькая девушка. Они держались за руки, пока не заметили, что на них смотрят. Девушка вспыхнула. Молодой человек ответил за двоих:

— Фрэнко, номер 5022. А это моя... жена Ди, номер 3579. Мы с ней из службы коммуникаций, командированы на семь лет.

— Только что со школьной скамьи, первая командировка и уже — женаты?

Общий смех, свободный и открытый, несколько снял напряжение. Фрэнко кивнул и улыбнулся. Ди улыбнулась тоже, оглядывая всех и откровенно наслаждаясь вниманием. Это была та самая девушка, что едва не впала в панику, когда Джайлс рассказал арбайтам об альбенаретцах. Джайлс записал их имена на магнитофон и посмотрел на могучего рабочего парня, стоящего позади них:

— Теперь твоя очередь, парень.

Прежде чем ответить, рабочий в виде приветствия коснулся указательным и средним пальцами лба, чуть ниже шапки коротко стриженных черных волос.

— Хэм, номер 7624, ваша честь, сэр, — сказал он. Широкое молодое лицо, совсем без морщин, но голос звучал грубо, надтреснуто, со старческой хрипотцой. — Разнорабочий, без специальности, сэр. Но с опытом и отличная характеристика.

— Рад за тебя, — сказал Джайлс. — Нам всем повезло, что с нами на борту такой человек, как ты, Хэм. Всегда может понадобиться сила, а на тебя мы смело можем положиться. — Он обвел взглядом лица остальных и понял, что арбайты вполне уловили социальный смысл, вложенный в его слова. Кое-кто покраснел, кто-то, насупясь, уставился в пол. Только Маре явно не понравилось, что Хэма ставят в один ряд с ними.

Джайлс протянул магнитофон Эстивену.

— Все в порядке, — сказал Джайлс. — А теперь я хочу поговорить с Капитаном. Пока мне известно одно: либо произошло столкновение, либо был взрыв... и, похоже, только нам посчастливилось уйти с лайнера.

— Более двухсот человек — землян — на борту... двести двенадцать человек, — хрипло проговорил Грос, выстукивая цифры на своем компьютере, будто пытаясь представить их воочию.

Джайлс внутренне содрогнулся, вновь ощутив острые угрызения совести.

— И двенадцать инопланетян, членов экипажа, — сказал он вслух. — Так что нам повезло. Помните об этом, если дела пойдут плохо. Спасательные аппараты этого типа предназначены только для спасения жизни и не слишком комфортабельны. Расставлять кровати вы уже научились. Вот эти плоды *иб,* которые вы видите на лозе, будут нашей пищей. На три четверти они состоят из жидкости, так что в питье у нас недостатка быть не должно. В них много протеина, поэтому и голод нам не грозит. Растение *иб* — мутант, генетически предназначенный исключительно для этих целей.

— Но, сэр, каковы они на вкус? — спросила Ди. Вообще-то ей никогда в жизни не доводилось есть ничего, кроме готовой интендантской пищи.

— Ну, а это?.. Где оно? Там? — спросила седая женщина по имени Бисет, презрительно и сурово кивнув в сторону бака под крышкой.

— Боюсь, что так оно и есть, — сказал Джайлс. — Но где-то под полом или в стенах должны быть складные переборки. Я спрошу Капитана. Мы что-нибудь приспособим, чтобы можно было уединиться.

— Спросите его, почему мы возвращались за тем недоно-

ском! — Теперь, когда страх немного отпустил, Грос дал волю злости. — Мы все могли погибнуть, все до одного!

— У Капитана, вероятно, были веские причины поступить так, как он поступил. Я спрошу его. А теперь слушайте меня. Никто из вас, надо полагать, прежде не бывал в космосе, но я знаю, что вы вдоволь наслушались всяких ужасов об альбенаретцах. Забудьте эти россказни немедленно! Мы полностью зависим от двух инопланетян, которые сидят там, впереди. Короче, чтобы я больше не слышал слова «недоносок». Это понятно? Теперь проверьте ваши кровати и не шумите, пока я буду говорить с Капитаном.

Разговаривая с арбайтами, Джайлс не спускал глаз с альбенаретцев. Они извлекли из золотистой ткани звездную книгу и вложили ее в специальные, инкрустированные драгоценными камнями зажимы на приборном щите. Сняв верхние пласты оклада, Инженер осторожными движениями тончайшего шильца стал приподнимать лист за листом. Капитан сидела молча, сложив руки крест-накрест и устремив глаза в космическую пустоту. Джайлс подошел к ней.

— *Я хотел бы поговорить с Райумунг,* — произнес он на жужжащем языке альбенаретцев.

Капитан Райумунг медленно повернула к нему лоснящееся морщинистое лицо.

— *Вы говорите на нашем языке?*

— *Я Эдель, из рода Стилов, металлургов. Я лечу в космос, потому что это мой долг. По этой же причине я выучил ваш язык. Прошу вас рассказать то, что мне следует знать.*

— *Мой корабль погиб, но я не могла умереть с ним. Скоро мы ляжем на курс и полетим на Белбен.*

— *На Белбен*? — повторил за нею Джайлс.

— *На Белбен,* — подтвердила инопланетянка.

— *Но сколько это займет времени?*

— *Точно еще не знаю. Может быть, сотню корабельных дней. Этот маленький аппарат недостаточно быстроходен, так что Мунгханфу очень не повезло, что пришлось лететь с нами.*

— *Это его заботы. Причина несчастного случая установлена?*

— *Несчастного случая не было. Мой корабль погиб в результате подстроенного взрыва.*

Впервые Капитан Райумунг проявила хоть какой-то намек на эмоции, она чуть повысила голос, ее пальцы задрожали.

— *Этого не может быть,* — произнес Джайлс.

— *Это несомненно так. Там, где произошли взрывы, расположе-*

ны пустые грузовые трюмы. Там не было ничего, что могло бы воспламениться. Только половое покрытие, которое способно загореться лишь при сверхвысоких температурах.

— Тяжкое обвинение, — сказал Джайлс. *— В чьих интересах было совершить диверсию на космическом корабле альбенаретцев?*

— Этого я не знаю. Но преступление было совершено. — Темные глаза альбенаретки смотрели прямо в глаза Джайлса. *— Преступление, какого не совершил бы никто из альбенаретцев.*

— Но разве это не могло быть просто аварией? — сказал Джайлс. *— Ваш корабль был очень стар, Райумунг. Многие корабли Альбенарета очень старые.*

— Их возраст не имеет значения. Это не просто авария. — Голос «женщины»-Капитана опять был ровным, но длинные трехпалые руки крепко сцепились — признак глубокого волнения у альбенаретцев, как помнил Джайлс, в свое время изучавший инопланетян.

Он переменил тему:

— Вы сказали, чтобы достичь Белбена на этом спасательном корабле, потребуется, возможно, сто корабельных дней. Нельзя ли сделать посадку где-нибудь поближе?

— Нашей целью был Белбен. И он по-прежнему остается нашей целью.

— Но, право же, — сказал Джайлс, *— было бы гораздо разумнее выбрать другую цель, к ближайшему пункту, где можно благополучно сделать посадку.*

— Я и мои офицеры, весь мой экипаж отброшены далеко назад на пути к Совершенству, поскольку допустили гибель нашего корабля. — Темные глаза Райумунг отвернулись от Джайлса, как бы показывая, что говорить больше не о чем. *— Мой Инженер и я не вправе позволить себе даже благословение смерти. Но не достичь поставленной цели означает еще большее бесчестие. Наш разговор окончен.*

Джайлсу стоило немалых усилий сдержать себя, но голос его звучал ровно.

— Я не закончил разговор, Райумунг, — сказал он, и Райумунг обернулась к нему. *— Я несу ответственность за людей, что находятся здесь, со мной. Я обращаюсь к вам с официальной просьбой найти более близкий пункт посадки и тем сократить наше пребывание на борту корабля.*

Капитан Райумунг некоторое время молча смотрела на него.

— Человек, — проговорила она наконец, *— мы позволили вам летать на наших священных кораблях в священных просторах космоса, ибо у вас нет для этого собственных кораблей и потому, что помогать другим означает еще один шаг на Пути. Даже если речь идет о землянах, которые никогда не познают, что есть Совершенство. Кроме того, вознаграждение за то, что мы вас транспортируем в космическом пространстве, позволяет большему числу альбенаретцев освободиться от миров в начальных стадиях их существования. Но перевозим мы вас исключительно по нашей доброй воле. Так что не вам указывать мне направление и цель.*

Джайлс собрался было ответить, но Райумунг уже не смотрела на него и заговорила опять:

— К тому же мне не нравится, что на моем корабле вас так много. Вас здесь восемь человек, число не оптимальное.

Джайлс смотрел на нее с недоумением.

— Мне не понятно, о чем говорит Райумунг, — сказал он.

— Для Совершенства число не оптимальное, — повторила она. *— Лучше, чтобы на время нашего полета к Белбену вас было на одного меньше. Чтобы вы уменьшили ваше число на одну единицу.* — Она указала на резервуар в хвосте корабля. *— Конвертер мог бы обработать дополнительное сырье.*

Джайлс оцепенел.

— Убить арбайта только во имя Совершенства? — воскликнул он резко.

— Почему бы и нет? — Темные круглые глаза смотрели на него не мигая. *— Вы используете их как рабов, но здесь, на этом маленьком корабле, столько рабов вам ни к чему. И что такое один из них в сравнении с моей доброй волей — ведь все ваши жизни в моих руках. Так стоит ли держаться за одного?*

Шок лишил Джайлса дара речи. Прошло несколько секунд, прежде чем он справился с собой настолько, чтобы заговорить.

— Они арбайты! — Жужжащие звуки альбенаретского языка вырвались из горла человека. Джайлс сам услышал свое рычание. *— Они арбайты, а я — Эдель! Эдель Стил, мой род известен в двадцати поколениях! Бросьте в конвертер меня, Райумунг, если вы думаете, что можете сделать это. Но коснитесь только пальцем одного из них — тех, кто находится сейчас под моей защитой, и я клянусь вам Богом моего народа и Совершенством, которому поклоняетесь вы, что этот корабль вообще не достигнет никакой цели и вы умрете опозоренными... Даже если мне придется сорвать обшивку корпуса корабля вот этими голыми руками!*

Капитан Райумунг угрожающе нависла над Джайлсом. Бесстрастный морщинистый лик инопланетянки приблизился к нему почти вплотную.

— *Я только предложила, а не приказала,* — произнесла Райумунг. Голос прозвучал необычно, его интонации были окрашены подобием мрачного юмора. — *Но вы действительно думаете, что способны сразиться со мной, человек?*

Она отвернулась. Джайлс почувствовал, что весь трясется от ярости, дрожит, как сухой лист на зимней ветке. Он постоял секунду, пока не унялась дрожь, и только тогда повернулся, чтобы уйти. Он не может показаться арбайтам, не владея собой.

Он позволил себе поддаться эмоциям, и результаты могли оказаться губительными и для него самого, и для его миссии. Он не имеет права терять самообладание ни при каких обстоятельствах. Разумеется, уничтожение другого человеческого существа не столь пустяковая акция, как полагала Капитан-альбенаретка. Чисто теоретически цель Джайлса была гораздо масштабнее, чем жизнь любого арбайта на корабле, и логика диктовала, не колеблясь, пожертвовать одним из них, если это потребуется для выполнения его миссии. Больше того, Джайлс не сомневался, что немало Эделей из Ока-фронта не испытали бы подобных колебаний. И все же в глубине своего «я» он знал, что он еще и еще раз отвергнет предложение Капитана.

Он был *Стил* — отпрыск древнего и уважаемого рода *металлургов,* его род по-прежнему жил и работал с металлом, который принес и состояние и высокое положение в обществе, — в отличие от Куперов, или Комсетов, или Атлов, давно оставивших профессии, давшие имя их роду. Они только хозяева своих арбайтов. Металл — сталь — поставил человека на ноги, дал возможность сделать первые шаги на его пути к цивилизации. Эйфелева башня и мост во Фриско все еще стоят как памятники начала этого пути. Отойти в сторону и молча позволить надругательство над беззащитным арбайтом, позволить убить его значило бы предать род Стилов, его фамильную честь.

Он успокоился. Вопроса о том, что есть его долг, не стояло. Он должен следовать только своему внутреннему побуждению — а там пусть каждый живет или умирает как может.

Глава 4

3 часа 17 минут

Панели для переборок были сухие и старые, как и многое другое на этом спасательном корабле. Они хрустели и ломались в мощных руках Хэма, когда гигант арбайт вытаскивал их из-под

полового покрытия. Джайлс лежал на своей кровати, наблюдая, как Грос и Эстивен старательно прилаживали поломанные края с помощью липкой пленки и инструментов для ремонта, небольшой набор которых предоставил им Инженер-альбенаретец. Позади кресел инопланетян были постоянные экраны-переборки, свернутые рулоном. Если опустить и закрепить их, отсек управления окажется вне поля зрения пассажиров. Джайлс был благодарен за это относительное, но все же укрытие. Чем реже арбайты будут видеть инопланетян, полагал он, тем больше надежды, что они уживутся с альбенаретцами. Когда их переборки будут починены и поставлены, он пошлет двух женщин собрать плоды *иб.* Но пока им работать негде — все суетились над разложенными для ремонта панелями.

Он перевел взгляд с товарищей по несчастью на потолок корабля, состоявшего из секций серого второсортного металла, и вздохнул по своему комфортабельному межпланетному катерку... Мысли его обратились к проблемам куда более важным, к его миссии.

Предписание он, слава богу, спас. Не имея приказа, ему пришлось бы решиться на убийство в Колонизованном мире, законы которого ему незнакомы. Джайлс не без горечи улыбнулся про себя. Когда-то Эделям не было нужды убивать друг друга, но Пол Ока слишком натянул цепь событий, теперь она лопнула и неизбежно ударит, уничтожит его самого. Если бы Пол удовлетворился тем, что стал их знаменем, их философом, тем, что он организовал их всех, лучших из клана Эделей, создавших Ока-фронт шесть лет назад, наставил их на путь очищения и возрождения человеческого духа! Но какой-то вывих в психике Пола, какой-то разрушительный инстинкт толкнул его на следующий шаг: Пол предложил открыть, причем немедленно, Свободные Центры Обучения для всех арбайтов.

— Ты в своем уме, Пол? — спросил его Джайлс.

— Нелепый вопрос, — холодно отозвался Пол.

— Так ли? — сказал Джайлс. — Тебе должно быть известно, что попытаться сделать это без подготовки означает породить хаос. Люди станут умирать от голода прямо на улицах, правительственный контроль будет опрокинут, производство придет в упадок. Осуществлять то, что предложил ты, нужно, но постепенно, шаг за шагом. Почему, думаешь, наши предки остановились на существующей ныне социальной системе? Да просто не хватало ни места, ни продукции, чтобы обеспечивать население, — а власть нуждается в постоянном обновлении технологии. Выбора

не было, и все понимали это. Пришла пора остановить развитие цивилизации, неконтролируемый рост населения и изобретений — на время, необходимое, чтобы народ заработал всерьез и смог обеспечивать себя без дальнейшего выкачивания ресурсов планеты. Сейчас мы почти достигли того уровня, когда различия между кланом Эделей и арбайтами могут быть стерты, — а ты хочешь погубить все, что достигнуто, вознеся арбайтов немедленно, забежав вперед на пятьдесят лет.

— Я полагал, — проговорил Пол (его правильное лицо было непроницаемо, сохраняя классическую бесстрастность и холодность, присущие члену клана Эделей), — я полагал, что ты разделяешь мои принципы, принципы Ока-фронта.

— Разделял и разделяю, — сказал Джайлс, — принципиальные цели. Ока-фронт состоит из клана Эделей, Пол. Помни это. Я не буду поддерживать идеи одного из членов Фронта, если считаю эти идеи ложными... как не стал бы этого делать и ты. Да, ты организовал наш Фронт, Пол, но он не принадлежит тебе. Ты лишь один из тех, кто хочет работать для того, чтобы покончить с противоестественной социальной структурой, продержавшейся двести лет. Не веришь мне, спроси мнение других членов Фронта. Им, как и мне, не нравится твоя идея немедленной революции. Это отдает охотой за славой, желанием непременно увидеть при жизни, как взвились все сигнальные ракеты.

— Слава? — повторил Пол. — Охота? — Он намеренно разделил эти два слова.

— Я это сказал, — произнес Джайлс так же раздельно. Лишь Эдель, такой же Эдель, как они, глядя на двух высоких, худощавых молодых людей, слушая их ровные интонации, мог бы угадать, что оба они готовы вот-вот взорваться. — Я это сказал, и я так думаю. Повторяю, спроси других членов Фронта.

Пол посмотрел на него долгим взглядом.

— Джайлс, — сказал он, — мне случалось и прежде сомневаться в твоих убеждениях. То, что произошло сейчас, подтверждает справедливость моих сомнений. У тебя ложное понимание долга. Мы призваны быть хранителями всей остальной части человечества, простых людей. Этот долг превыше всего. Если бы ты был верен долгу в полной мере, ты бы понимал: ничего, решительно ничего не меняется оттого, что открытие для всех и сейчас Центров Обучения приведет ко всеобщему упадку, повсеместному голоду или любому иному катаклизму. Если время пришло, значит, оно пришло. Но в тебе, Джайлс, есть изъян. Ты отчасти романтик и всегда был романтиком. Ты беспокоишься о людях, а не о великом перевороте и расцвете человечества.

— История — это люди, — сказал Джайлс. Его тон, поведение оставались прежними, но в душе он испытывал чувство, похожее на отчаяние. Вспышка гнева, взбудоражившая его мгновением раньше, погасла так же быстро, как и возникла. Эдели не имеют друзей, по крайней мере, в старом смысле этого слова. Как сказал Пол, для них долг был всем. И тем не менее Пол был его самым старым и близким другом. Их отношения восходили к годам ранней юности, проведенной в Академии. Они всегда были рядом — в столовой, в аскетических дортуарах, в холодных классных комнатах, на голых спортивных площадках. Бок о бок они толковали о семейном тепле — пусть даже весьма условном тепле домов Эделей, пока не выросли в членов правящего класса. Теперь им ведом лишь долг, о котором говорил Пол, никто из них не нуждается ни в чем и ни в ком, ничего, кроме исполнения долга.

Теперь каждый из них жил самостоятельно, изолированно, только в себе, самодовлеющие индивидуумы, не позволяющие себе такой слабости, как близость с другим человеческим существом. Так нужно, чтобы коррупция, моральная неустойчивость, свойственные людям, не нанесли вреда строгой структуре выживания общества, которую разработали их предшественники; только так они могли сохранить ее. До тех пор пока не будет достаточно места, достаточно пищи, достаточно будущего для всех — чтобы все человечество опять стало свободным.

Теперь же свободным, по существу, не был никто. Арбайты были рабами Эделей, но Эдели были рабами долга — Программы Выживания, предложенной за два столетия до них. Эделям не полагалось задаваться вопросом, будет ли обеспечено выживание всего человечества, в свою очередь, они не допускали, чтобы вопросы задавали арбайты.

Все это было верно. Как, по-видимому, верно и утверждение Пола, что Джайлс — романтик и потому чувство долга у него с изъяном. Но все же Пол был не прав, собираясь так скоро открыть двери Центров для всех. Если он намерен настаивать, остальным членам Фронта придется удержать его, что по необходимости означает: уничтожить. Никто из Эделей не отступится от того, что полагает правильным, независимо от влиятельной оппозиции или из страха перед последствиями. Джайлс не хотел, чтобы Пола уничтожили. Пол сделал так много хорошего, нуж-

ного. Он слишком полезен, чтобы его лишиться. И Джайлс решил попытаться еще раз.

— Класс арбайтов уже не раз давал трещины, Пол, — сказал он. — Ты это знаешь не хуже меня. Вспомни хотя бы группу оголтелых революционеров «Черный четверг». Или эти бандиты, которые потехи ради жестоко избивают других арбайтов. Особенно арбайтов-рабочих, как если бы они были законными их трофеями, хотя всем арбайтам известно, что рабочие-арбайты генетически скроены существами безвредными — только у себя в бараках они устраивают между собой дружеские потасовки. Наконец, возьми бюрократию арбайтов, которая сильно эволюционировала за последние два столетия. Лучшие из них уже стали помощниками нам, Эделям. Так остановись же и подумай об этих трех группах — каждая со своими собственными эгоистическими интересами или просто непониманием Плана Выживания, который у тебя и у меня в крови, основа нашего существования. Допустим, ты мог бы распахнуть двери Центров Обучения завтра — скажи, неужели ты веришь, что представители этих разных групп арбайтов мирно усядутся и станут ждать, когда План осуществится своим чередом? Ты знаешь, как это будет. Не можешь не знать, что каждый из них с головой погрузится в хаос, который воцарится из-за ослабления социального порядка, каждый постарается обеспечить свою группу самым лакомым куском власти. Сословие арбайтов будет разодрано в клочья, Пол. Каждый наберет себе сторонников, и этот истерзанный старый мир вновь увидит войну.

Джайлс выбился из сил. В сущности, что еще он мог сказать об опасностях не в меру поспешного приобщения арбайтов к власти? Он пристально смотрел на Пола, надеясь услышать контрдоводы и сохранить хоть какую-то надежду убедить его с помощью логики. Но Пол никак не реагировал на аргументацию Джайлса — ни малейшего знака, понятного глазу собрата его, Эделя.

— Это все, что ты хотел мне сообщить, Джайлс?

— Нет, — ответил Джайлс с внезапно нахлынувшим волнением. — Не совсем. Надо подумать и об альбенаретцах.

— До инопланетян нам дела нет, — твердо заявил Пол. — Мы в них не нуждались до того, как приступили к исполнению Плана. Пока осуществлялась Программа, они были полезны. Снабжать их нашими промышленными товарами в виде оплаты за их межзвездный транспорт оказалось гораздо дешевле, чем с азов начинать строительство собственного космического флота. С их помощью мы смогли обустроить новые миры для расселения человечества, и стоило нам это вполовину меньше, чем если бы действовали без них. Но теперь мы так или иначе будем развивать свой космофлот, и альбенаретцы нам больше не нужны. Мы можем просто игнорировать их в дальнейшем.

— Нет, — мрачно отрезал Джайлс. — Мы, земляне, не можем позволить себе просто так войти в контакт с жителями другого мира, использовать их в течение пары столетий, а потом повернуться к ним спиной. Альбенаретцы были нам полезны, но мы спасли им жизнь. Наша технология и рабочая сила сберегли им много часов, и, таким образом, они могли направить в космос больше своих людей. Ты видел секретный отчет Совета. Они подошли к самому краю, к экономическому краху, и им уже не до комплектования новых космических кораблей, а ведь космос для них — это своего рода религия. Теперь они набирают команды на свои старые или порядком запущенные корабли и вовсе не собираются их списывать, ибо ни один альбенаретец не позволит себе лишить другого альбенаретца шанса жить и умереть в Священном Космосе.

— Это их дело, — сказал Пол. — Пусть каждая цивилизация сама заботится о себе.

— Это и наше дело! — резко возразил Джайлс. — Одного нашего Плана Выживания уже недостаточно для разрешения проблем землян. Любая реалистическая программа должна принять в расчет также альбенаретцев и их проблемы; как ради нас, так и ради них самих; альбенаретцы должны будут модифицировать свою религию, которая требует, чтобы каждый альбенаретец проводил жизнь в космосе, но пренебрегает экономикой, базирующейся на самой планете и достаточно развитой, чтобы поддерживать столь необходимую им жизнь в космосе.

— Я повторяю, — сказал Пол, — альбенаретцы не имеют никакого отношения к нашим проблемам. Их можно просто сбросить со счетов. Пусть живут и умирают по своему выбору. Наш единственный долг — выживание землян, человечества. Полагаю, можно пренебречь твоими словами о том, будто другие члены Ока-фронта сумеют осадить меня с большим успехом, чем ты.

Он незаметно бросил взгляд на старинные дедовские, богато изукрашенные часы, занимавшие центральное место на задней стене кабинета, хотя его глаза тотчас же вновь обратились на Джайлса. Намек, однако, для другого Эделя более чем прозрачный.

— Прошу прощения, — сказал Джайлс официальным то-

ном, — если занял у тебя слишком много времени. Но, полагаю, предмет очень важен. Возможно, в другой раз, причем не откладывая надолго, нам удастся поговорить подольше.

— Возможно, — отозвался Пол.

— В таком случае, — сказал Джайлс, — я намерен переговорить с другими членами Фронта. Так или иначе, но в ближайшее время мы свяжемся.

— Непременно, — сказал Пол. — Всего хорошего.

— Всего хорошего.

Джайлс вышел. Он говорил себе, что вступать в переговоры с другими членами Фронта ему пока не следует. По крайней мере, несколько дней можно подождать, чтобы хорошенько обдумать позицию Пола. Может быть, и чудо убеждения еще сработает.

Но не прошло и полутора месяцев со времени их беседы, как Пол исчез, а еще полгода спустя обнаружилось, что среди низших сословий ходит его «манифест», призывающий арбайтов требовать себе права Эделей.

Разумеется, начались усиленные поиски Пола. В течение первой же недели Джайлс и другие члены Ока-фронта убедились — хотя Межгалактическая полиция их уверенности не разделяла, — что Пол Ока покинул Землю и почти наверняка даже Солнечную систему. Арбайты каким-то образом помогли ему — вероятно, отправили с зафрахтованным грузом в какой-либо из пограничных миров.

Осуществить такую акцию непросто. Это означало, что арбайты стали формировать революционные группы, лелеять мысль о немедленном уничтожении контрактов и о неограниченной свободе передвижения, за что и ратовал Пол.

Итак, Пол Ока должен был умереть, как только Джайлс отыщет его, — умереть, потому что фактически организовал движение арбайтов. Чтобы построить собственный космический флот, способный заменить землянам флот инопланетян, необходимы законопослушные добровольцы-арбайты. Так же как и сознающие свой долг Эдели. Необходимо множество арбайтов и много-много земных лет. Гениальный интеллект Пола Оки должен быть устранен, его нельзя допустить к руководству, нельзя допустить преждевременную революцию арбайтов.

Но как это непросто — убить старого своего знакомого, думал Джайлс, сколь ненавистна ему сама мысль о подобном убийстве. Хотя это не имеет никакого значения — придет время, и ты исполнишь свой долг, ибо исполнение долга, словно железный стержень вместо позвоночника, вживлено в тебя.

Одна переборка делила среднюю часть корабля почти надвое, так что получилось два отдельных помещения. Другая, покороче, отгораживала санитарный узел. Его открытая сторона была обращена к хвосту корабля, предоставляя дополнительную возможность для уединения.

— Мара, Ди, — сказал Джайлс, — идите сюда. Вам поручается собирать плоды *иб*.

— Ой, я никогда раньше этого не делала! — Ди старалась держаться сзади. Джайлс знал, что в ней говорит обычная для арбайтов боязнь взять на себя любую ответственность.

— Не думаю, что этому так уж трудно научиться, — сказал он мягко. — Подойдите обе сюда. Видите нижний конец стебля? Нагните его так, чтобы плод упал вам прямо в руки. Срывать не надо, иначе повредите стебель. Наберите пару корзин и принесите сюда. — Он повернулся к рабочему: — Хэм, как ты сегодня, силенки есть?

Хэм вскочил со своей кровати, на которой было улегся, и ухмыльнулся.

— У нас в бараках меня еще никогда никто не клал на лопатки, сэр. — Воспоминание о потасовках заставило его сжать кулаки. — Вы только скажите, чего вам надобно сделать, сэр, ваша честь.

— Ну-ну, драться ни с кем не нужно, по крайней мере пока, — сказал Джайлс невозмутимо. — Хотя я не сомневаюсь, что в этом ты мастер. Есть одно дело, для которого мне нужен человек с крепкими мускулами.

— Дак вот он я!

— Что ж, прекрасно. Вот эта штука — соковыжималка. — Джайлс указал на тяжелый чугунный аппарат, укрепленный на стене. Наверху его было круглое отверстие, а посередине — длинная рукоятка; снизу под аппаратом прилажены два помятых контейнера из пластика. — Ты отводишь рукоятку, плоды бросаешь сюда, вот так. Затем посильней нажимаешь рукоятку. Сок стекает в этот контейнер. А когда поднимешь рукоятку, мякоть упадет в другой контейнер. После этого можно брать следующую порцию.

— Это мне нипочем, это я запросто!

В общем-то выжимание плодов *иб* большой силы не требовало, но Хэм взялся за дело охотно и с азартом.

— Контейнеры полнехоньки, — объявил он, покончив с работой.

— Великолепно. Ну, а теперь — кто хочет первым попробовать?

По правде говоря, и Джайлс должен был себе в этом признаться, желто-зеленая масса выглядела отвратительно. Арбайты пугливо отпрянули. Джайлс ободряюще улыбнулся, погрузил в контейнер кружку и набрал в нее сырого месива. Столовой посуды на корабле не было, так что пришлось обойтись собственными пальцами. Месиво было вязкое и пахло плесенью, как сточенное червями дерево. Он положил комок в рот и принялся усердно жевать его. К счастью, *иб* оказался совершенно безвкусным. Зато с соком повезло: вода, совсем чистая, с едва ощутимым сладковатым привкусом. Он еще набрал месива, и Ди, поколебавшись, взяла в рот крошечный комок. И тут же его выплюнула:

— Тьфу! Какой ужас!

— А по-моему, не так уж плохо. Думаю, нам придется привыкнуть к этой пище. Еще кто-нибудь голоден?

Единственный, кто решился попробовать *иб,* был Хэм. Он жевал и глотал месиво без всякого выражения и справился с целой чашкой. Судя по всему, ему было почти безразлично, вкусно это или нет.

— Еда как еда, — сказал он.

— Ну вот, один едок уже доволен, — сказал Джайлс. — Заставлять я никого не собираюсь, но пища из плодов *иб* перед вами. В течение следующих двенадцати часов я прошу всех попробовать ее. Мы все должны сохранить здоровье и силы, никто не должен заболеть. Это наша пища, и мы будем ее есть.

Подтверждая сказанное собственным примером, он опять наполнил чашку и заставил себя есть с самым невозмутимым видом. Возглавить часто легче, чем идти вслед. Он ополоснул руки в чане, без особого, впрочем, удовольствия, так как воду в нем заменял сок *иб.* В этот момент к нему подошла Мара.

— Капитан сказал вам, как долго мы будем лететь?

Джайлсу было просто необходимо, чтобы кто-то задал этот вопрос.

— Путешествие, судя по всему, будет не слишком коротким, — сказал он. — В этом я уверен. Как только Капитан закончит вычисления, я дам вам знать.

— Он сказал, почему оставил одного из членов их экипажа на борту лайнера?

И этого вопроса ожидал Джайлс и заранее приготовил ответ, который, по его мнению, должен удовлетворить всех. Узнай они,

что двигатели сработали не так как нужно, началось бы волнение.

— Чтобы понять альбенаретцев, нужно знать кое-что об их философии... их религии... называй это, как хочешь, — сказал он Маре. — С их точки зрения, самый факт пребывания в космосе есть благодать, в нем они обретают то, что ты бы назвала святостью. Единственное, что превосходит ценность многолетнего пребывания в космосе, — это честь и умереть в космосе, отдав жизнь служению ему. Иными словами, всем, кто остался на лайнере, по их воззрениям, очень повезло. В том числе и альбенаретцу, у которого был шанс улететь с нами, но он им не воспользовался. По их понятиям, это было самым значительным и самым лучшим событием в его жизни.

Мара нахмурилась.

— Ненормальные они, что ли? Я хочу сказать — быть в космосе означает быть в космосе, и только. И умереть в космосе — тоже не слишком большое свершение.

— Альбенаретцы считают иначе. — Он попытался вернуть разговор к их собственным проблемам. — Вы собрали достаточно плодов?

— Гораздо больше, чем нужно. Никто не спешит их есть. Мы наполнили две корзины, бегемот уже вспотел, выдавливая сок.

— Бегемот?..

Мара посмотрела на него чуть-чуть настороженно и вдруг улыбнулась.

— Бегемот, — проговорила она. — Так мы называем простых рабочих, Хэма. Но вы его так не зовите.

— Почему?

— Потому что... — Она поколебалась. — В общем, так называют того, кто в детстве ушиб голову и... и поэтому у него мозги не в порядке. Мы говорим так... между собой, но, если это слово произнесете вы, он поймет его... превратно.

Джайлс посмотрел на нее с интересом.

— Ты хорошо выражаешь свои мысли, — сказал он.

Ему показалось, что в ее глазах промелькнуло и мгновенно погасло нечто похожее на гневную вспышку.

— Для арбайта... вы это имели в виду, — сказала она. Голос ее звучал совершенно ровно.

— Ну да, — сказал он. — Не думаю, чтобы у тебя была возможность получить хорошее образование.

— Конечно, — прошептала она. — Значит, я должна поблагодарить вас за комплимент.

— Комплимент? — ошеломленно повторил он. Комплимент он мог бы сделать только женщине из клана Эделей. — Я просто констатировал факт, факт, которым ты, конечно, вправе гордиться.

— О, я горжусь. — Сказано это было чуть-чуть раздраженно, хотя интонация тут же изменилась. Джайлсу послышались в голосе Мары нотки печали. — Как и все остальные, я рада уже просто тому, что осталась в живых. Если не думать о том, как много людей там, на Земле, отдали бы все, чтобы оказаться в космосе. Даже если это означает угодить на спасательный корабль...

Джайлс смотрел на нее в полном замешательстве.

— Ты хочешь сказать, что есть арбайты, которые страстно любят полеты в космосе?

Она подняла голову и посмотрела на него. На какую-то долю секунды ему почудилось, что она готова посмеяться над ним, Эделем. Непростительное нарушение приличий!

— Конечно, нет, — сказала Мара. — Я просто говорю о шансе получить назначение на какой-нибудь из Колонизованных миров, о шансе покинуть Землю.

— Покинуть Землю? — Эта девушка озадачивала его своими странными замечаниями. — Оставить спокойную жизнь на родной планете, оторваться от веселых парков, от увеселительных центров — все бросить, чтобы работать по многу часов ежедневно, на скудной диете и в суровых условиях... Зачем это арбайту?

— А Эделю зачем? — сказала она.

— Это совершенно другое дело. — Джайлс нахмурился. Он решительно не знал, как объяснить этой девочке из низов, что значат для каждого Эделя самодисциплина и цель. Смутно, из давних-давних времен припомнилось ему чувство одиночества четырехлетнего малыша, оторванного от семьи и отправленного в пансион, где долгие годы его будут готовить ко всему, что понадобится для выполнения ответственных обязанностей лидера человечества. Он тогда плакал. Вспомнив об этом, Джайлс поморщился от стыда — да, в ту первую ночь он плакал, молча, в подушку, как и многие другие маленькие Эдели. И только один из них плакал не скрываясь. Мальчик плакал в первую и в последующие ночи, и неделю спустя его забрали из пансиона. Куда — никто так никогда и не узнал, и никто не хотел о нем говорить.

— Тут все совершенно иначе, — повторил Джайлс. — Это, как тебе известно, вопрос ответственности нашего класса. Эдели отправляются на Колонизованные миры не потому, что предпочитают их Земле. Этот путь указывает им долг.

Мара внимательно смотрела на него.

— Вы действительно в это верите? — спросила она. — И вы никогда не делали ничего, чего бы вам хотелось, просто потому, что — хотелось?

Он засмеялся.

— Какой же я Эдель, если бы я мог утвердительно ответить на твой вопрос!

— Вы были бы — человеком.

Он покачал головой, хотя чувствовал себя совершенно сбитым с толку.

— Сэр, ваша честь, — услышал он у самого уха. Оглянувшись, он увидел вошедшего в отсек Фрэнко.

— В чем дело, Фрэнко?

— Капитан желает вас видеть. Он говорил со мной на терралингве, языке землян, и велел мне сообщить вам...

Когда Джайлс вошел в отсек управления, Капитан сидела в кресле, положив руку на книгу, лежавшую на приборном щите. Рядом спокойно сидел Инженер.

— *Вы вызывали меня?* — спросил Джайлс по-альбенаретски.

— *Мунганф обнаружил причину неисправности нашего двигателя.*

— *Мунганф в высшей мере компетентен.*

Инженер сдвинул два пальца, что означало «мне приятно это слышать», затем указал в сторону машинного отделения.

— *С источником питания все в порядке, основная тяга функционирует в заданных параметрах. Неполадки — во вспомогательной, смонтированной на корпусе. Необходим ремонт.*

— *А это возможно*? — спросил Джайлс.

— *Вполне. Скафандр здесь есть, а инструментов и знаний у меня достаточно, чтобы сделать все, что нужно.*

— *Вот и хорошо*, — кивнул Джайлс.

— *Это, быть может, даже больше чем просто хорошо. Кое для кого это может оказаться великой наградой.*

Инженер поднял с пола объемистый пластиковый сверток и вытащил оттуда скафандр. Когда он встряхнул его и протянул Джайлсу, материал затрещал.

— *Взгляните-ка сюда, на эти швы — они потеряли эластичность от старости. В вакууме они могут потрескаться и выпустить воздух. И тогда тот, кто будет в этом скафандре, умрет. А раз нужен ремонт, очевидно, что делать его буду я.*

Прежде чем Джайлс успел что-либо произнести, Инженер затрясся в громком, клекочущем смехе.

Глава 5

Джайлс подождал, пока смех затихнет, потом произнес, обращаясь к Инженеру:

— *Значит, Мунгханф приближается к следующим Вратам Пути,* — сказал он. — *Поздравляю.*

— *Это еще не наверняка,* — откликнулся Инженер. Он повернулся и взглянул на темное, испещренное морщинами лицо инопланетянки. — *Для меня важно и то, что она была моим Капитаном во времени и пространстве; и мне, той части меня, которая и есть «я», будет одиноко без нее. Однако, поскольку смерть из-за ветхого скафандра будет в конечном счете следствием гибели нашего корабля, ответственность с меня будет снята. По крайней мере, я надеюсь на это.*

— *Мунгханф жил, не забывая о долге, и теперь имеет право сделать следующий шаг,* — сказала Райумунг. — *Но не надо больше об этом, Мунгханф. Наш Путь и его смысл скрыты от рода людского.*

— *Да, так,* — согласился Мунгханф, обернувшись к Джайлсу. — *И я об этом сожалею. Пусть говорит мой Капитан.*

— *Я позвала вас сюда не от имени Мунгханфа,* — сказала Капитан, обращаясь к Джайлсу. — *Мне нужна будет ваша помощь, лично ваша, поскольку я не могу доверить дело кому-либо из ваших рабов.*

— *Они не рабы,* — медленно и отчетливо проговорил Джайлс. — *Они не принадлежат ни мне, ни кому-либо другому.*

— *Они живут, чтобы работать и размножаться, а потом умереть. Я не знаю другого термина для них,* — возразила инопланетянка. — *Пойдемте, я объясню, что вам надо делать.*

Она повела Джайлса к внутренней двери шлюзовой камеры. Возле двери мягкая обшивка стены кончалась, открывая доступ к широкой панели. Капитан нажала на нее, потом плавно раздвинула — показался контрольный приборный щит с экраном и двумя углублениями для рук.

— *Вставьте руки в гнезда управления,* — приказала Капитан.

Джайлс повиновался. В глубине гнезд обнаружились ручки управления, приспособленные к трем пальцам альбенаретца. Там же находились кнопки контактов.

Едва он дотронулся до ручек, экран перед ним ожил, и Джайлс увидел часть внешней обшивки корабля, а на ней вальдо — два рычага, каждый с тремя пальцами-захватами на концах. Он попробовал манипулировать ручкой управления в гнезде: рычаги на экране удлинялись, двигались вправо и влево, пальцы-захваты сгибались. Несомненно, то, чем он сейчас управлял, находилось снаружи на корпусе — некий инопланетный эквивалент механической руки, повинующийся каждому движению его собственных пальцев.

— *Мне придется дежурить у главного пульта,* — сказала Капитан, — *и менять режимы в то время, как Инженер начнет работать с передачей. Пока вы будете здесь, я должна буду находиться у главного приборного щита. Я смогу перемещать эту установку с механическими руками по корпусу корабля, но и только; управлять ими будете вы. И если что-то случится, вы с их помощью перенесете Инженера к шлюзовой камере.*

— *Мне придется попрактиковаться с этими рычагами,* — заметил Джайлс.

— *Попрактиковаться времени хватит,* — сказала Капитан. — *Мне надо все подготовить. Да, и еще: мне понадобится весь кормовой отсек за вашей второй переборкой, чтобы разместить там необходимое оборудование. Ваши люди не должны туда входить.*

— *Я прослежу,* — пообещал Джайлс.

Он повернулся, вышел из носового отсека и направился к кормовой части — за последнюю переборку, возведенную арбайтами. В этом отсеке, густо увитом побегами *иб,* находились конвертер и пресс для плодов. Там стояли только две койки — Фрэнко и Ди. Здесь молодожены были предоставлены самим себе, только здесь, и нигде больше. Хотя это была всего лишь видимость уединения, поскольку перегородка пропускала звук и слышны были малейшие движения и шепот. Войдя, Джайлс застал молодых арбайтов вдвоем. Они сидели на койках, взявшись за руки, друг напротив друга и, сдвинув головы, тихо разговаривали.

— Фрэнко, Ди, — сказал Джайлс, — простите меня, но мне придется вас на какое-то время выселить. Инженер вскоре отправится в открытый космос для ремонта, и ваш отсек будет служить подсобным помещением. Вы вернетесь после завершения работы, а пока один из вас может занять мою койку. Там напротив есть еще одна, ее еще не раскладывали.

Арбайты явно смутились.

— Простите, ваша честь, сэр, — произнес Фрэнко. — А это надолго?

— Не дольше чем необходимо, — объяснил Джайлс. — Это займет несколько часов. А что? Какие-нибудь затруднения?

— Я насчет Ди, сэр, — сказал Фрэнко. — Она плохо спит даже здесь, наедине со мной. У нее бывают кошмары — и раньше бы-

ли. Засыпает она с огромным трудом и ничего не может с этим поделать.

— Сочувствую, — проговорил Джайлс. — Но, к сожалению, ничем помочь не могу. Это не наш корабль, и лекарств тут нет. Но я постараюсь вернуть вас сюда как можно скорее.

Расстроенные Фрэнко и Ди стали бочком пробираться между койками к выходу из отсека.

— И передайте остальным, — добавил Джайлс громким голосом, чтобы его слова услышали все, — пусть никто не сует сюда носа без моего разрешения. Альбенаретцы требуют, чтобы здесь никого не было, и я обещал им это. Это приказ.

— Да, ваша честь, сэр, — хором произнесли Фрэнко и Ди, исчезая за переборкой.

Вслед за ними вошла инопланетянка и остановилась, оглядывая помещение.

— *Здесь ничего не повреждено,* — сказала она Джайлсу по-альбенаретски. — *Отлично. Инженер занят приготовлениями в носовом отсеке. Я займусь этим сектором, а вы можете идти. Вернетесь, когда я позову вас.*

Джайлс изо всех сил старался сохранить самообладание, но ее манера разговаривать вызвала в нем инстинктивное раздражение.

— *Если вы вызовете меня сюда, мое чувство долга, несомненно, побудит меня прийти,* — ледяным голосом ответил он на безукоризненном альбенаретском.

Чужие, круглые и темные, глаза уставились на него. Невозможно понять их выражение — сердится Капитан, смеется или ей попросту все равно.

— *Я вызову вас лишь в том случае, если в этом будет крайняя необходимость,* — сказала Капитан. — *А теперь идите.*

Джайлс покинул кормовой отсек и вернулся к шлюзовой камере и уже открытому контрольному щиту. Он сунул руки в гнезда, обхватил ручки управления и начал экспериментировать. Поначалу получалось довольно неуклюже. Три пальца альбенаретского вальдо, как и на руке альбенаретца, были расставлены широко, под углом в 120 градусов. При этом они не могли вытягиваться в прямую линию, как большой и указательный пальцы человеческой руки, поэтому схватить ими что-нибудь было довольно трудно.

В конце концов Джайлс решил, что брать предмет можно только всей кистью. Он нажимал всеми пальцами на три контакта под каждой из ручек, и результат приблизился к альбенаретскому.

Он тренировался, вновь и вновь повторяя эти движения, пока не почувствовал, что кто-то стоит рядом с ним. Джайлс обернулся. Около него стояла Бисет, словно ожидая, когда он обратит на нее внимание. Джайлс оторвался от экрана.

— Ты хотела поговорить со мной? — спросил он.

— Прошу вас, ваша честь, сэр, — сказала она, — не отрывайтесь от вашего занятия.

Она запнулась и неожиданно сменила язык:

— *Вы ведь говорите на эсперанто, не правда ли?*

Все внимание Джайлса было приковано к рычагам. Перемена языка отвлекла его, и опять перестал получаться этот захват тремя пальцами, который он вроде бы уже освоил.

— *Ci, jes me bonege parloas Esperanto!* — раздраженно ответил он Бисет, машинально перейдя на эсперанто, но тут же, оборвав себя, выпустил ручки управления и повернулся к ней.

— А ты его знаешь? — спросил он на терралингве, понижая голос. — Это ведь древний международный язык. Я сам заинтересовался им всего пять лет назад.

— *Прошу вас, сэр,* — ответила Бисет на эсперанто, — *пожалуйста, продолжайте ваши занятия. Пусть все думают, что только шум мешает понять наш разговор.*

Он вернулся к упражнениям с вальдо.

— *Я спросил тебя,* — произнес он на эсперанто, — *где и как ты, арбайт, научилась этому языку. Ведь в наше время ранние языки Земли представляют лишь предмет научных исследований. На эсперанто теперь нигде не говорят.*

— Мой случай особый, — сказала она.

Не отрываясь от рычагов, Джайлс повернул голову и взглянул на нее. Ее худое, с печатью осуждения лицо было совсем рядом. В чертах его проглядывала некая аристократическая изысканность. Должно быть, когда-то она была хороша собой.

— *Да.* — Бисет словно читала его мысли. — *Я не из простых и выросла в хорошей семье. Но об этом мы поговорим как-нибудь в другой раз. Сейчас я должна сообщить вам, что среди нас есть член организации «Черный четверг».*

Джайлс похолодел. Руки его по-прежнему держали рычаги управления. Но Бисет прервал альбенаретский голос, зовущий на терралингве:

— *Человек! Идите сюда!*

Все еще глядя на Бисет, Джайлс вытащил руки из гнезд.

— *Оставайся здесь,* — сказал он. — *Я поговорю с тобой позже.*

Он прошел через две переборки, не обращая внимания на вопросы и испуганные взгляды арбайтов. Войдя в кормовой отсек, он увидел Капитана и Инженера, уже одетого в скафандр, надутый до шейной перемычки. Скафандр был прозрачным. Без шлема голова Инженера торчала из ворота скафандра, напоминая темное семечко, выдавленное из грозди пятнистых виноградин.

— *Командуете здесь вы,* — сказал Джайлс Капитану по-альбенаретски, — *ради нас всех я готов на многое смотреть сквозь пальцы. И все же грубость с вашей стороны вызовет грубость с моей. В присутствии моих людей вам следует придерживаться человеческих норм вежливости, иначе я просто не стану отвечать. В моем положении я обязан поддерживать свой авторитет. Это понятно?*

— *Вполне понятно, благородный человек,* — ответила инопланетянка. — *Отныне я буду называть вас Эдель, особенно говоря с вами на вашем языке. А теперь помогите мне — нам нужно укрепить скафандр, чтобы Инженер смог продолжить работу. Не страшно, если небольшие утечки в скафандре частично разгерметизируют его.*

Она протянула Джайлсу короткие куски пластмассового шнура с металлической жилой внутри — что-то среднее между проволокой и веревкой. Каждый шнур с одной стороны оканчивался зажимом странной формы, и длины шнура вполне хватало, чтобы два-три раза обернуть его вокруг руки или ноги скафандра, а потом пропустить свободный конец через зажим и закрепить его в нем. Теоретически обмотка и завязывание шнуров было делом нехитрым, но слабое гравитационное поле на борту сильно усложняло задачу. Делать это удобнее всего, когда Инженер лежит на койке, и все же тело Инженера то подскакивало, то вовсе улетало вверх. Джайлс понял, что будет больше толку, если просто держать облаченное в скафандр тело инопланетянина, а Капитан тем временем управится со шнуром.

Когда Инженер снова оказался на ногах, он напоминал связку толстых сарделек. Шнуры перехватывали скафандр во многих местах, но были натянуты так, чтобы не препятствовать циркуляции воздуха. В случае утечки отсутствие внутреннего давления на зажимы привело бы к сильному сжатию эластичного материала и образованию перемычки.

Но Джайлсу трудно было поверить, что эти веревочные преграды будут достаточно эффективны в открытом космосе. Ему вдруг пришла в голову мысль, что все эти перевязывания — только ритуал. В безнадежной ситуации принятые для защиты Инженера меры были чисто формальными. Может быть, они имели смысл для инопланетян, поклоняющихся смерти.

— *Отлично, Эдель,* — сказала Капитан. — *Теперь идемте с нами. Я выпущу Инженера из шлюзовой камеры и пойду к главному пульту управления. А вы вернетесь к работе с вашим агрегатом.*

Вдвоем поддерживая Инженера, они прошли через проходы в переборках.

Капитан нажала на рычаги управления шлюзовой камеры, и внутренняя дверь распахнулась. Все предметы мгновенно покрылись инеем. Капитан обернула свою трехпалую руку пластиком, защищая ее от ледяных металлических поверхностей, и принялась присоединять к скафандру пуповины — гибкие шланги, подававшие воздух, энергию и тепло.

Наконец все было готово. Инопланетянка отступила назад, и внутренняя дверь встала на свое место. Не проронив ни слова, она прошествовала за переборку, отгораживавшую отсек управления. Джайлс вернулся к приборному щиту. На экране, едва он дотронулся до рукоятей, появилась секция корабля с открытой внешней дверью шлюза и фигура Инженера. Джайлс видел, как магнитные подошвы скафандра пристали к поверхности корпуса и попеременно заскользили вперед. Инженер направился к корме корабля. Теперь Джайлс видел его с ног до головы вместе со шлангами жизнеобеспечения, тянувшимися позади. Спустя некоторое время фигура начала расти: это камера Джайлса заскользила вслед за Инженером.

Передвижения по поверхности корпуса, очевидно, регулировались Капитаном. Джайлсу пока делать было нечего, и он просто ждал. Вальдо застыли за спиной Инженера, тот находился у самой кормы и медленно разбирал чехол защиты силовой установки. На всякий случай, для пробы, Джайлс выставил одну из своих металлических рук.

— *Стоп!* — раздался голос Капитана из динамика, вмонтированного в стену перед Джайлсом. — *Не делайте ничего без моих указаний. Вы не знакомы с нашей техникой и скорее навредите, чем поможете. Повторяю: не делайте ничего до моего распоряжения.*

— *Хорошо,* — отозвался Джайлс.

Он опустил рукояти, продолжая наблюдать за происходящим на экране. Похоже, Инженеру пришлось разбирать один из двигателей, чтобы добраться к нужному месту. Из-за отсутствия гравитации двигался он с большим трудом.

— Сэр, — послышался голос Бисет. Джайлс начисто забыл о

недавнем разговоре с Бисет, но теперь, не отнимая рук от рычагов, вспомнил о нем.

— *Да-да,* — произнес он на эсперанто, — *ты собиралась рассказать мне, откуда знаешь этот язык.*

— *Нет, сэр,* — сказала она, — *я только хотела предупредить вас, что здесь на борту, среди нас...*

— *Все по порядку,* — прервал ее Джайлс негромко, но твердо, пресекая попытки возразить ему. — *Для начала я хочу услышать, где ты выучила язык и, что еще интереснее, как ты догадалась, что и я говорю на эсперанто.*

— *Что касается эсперанто,* — объяснила Бисет, — *я прослушала специальный курс. А о том, что и вы говорите на нем, мне, ваша честь, сэр, сообщили намеренно. Таким образом я могу говорить с вами конфиденциально. Разрешите сказать вам...*

— *Ну да, об этом деле с «Черным четвергом»...* — У него было несколько секунд, чтобы собраться с мыслями; впервые ему пришло в голову, что лучшая защита сейчас — компромисс, может быть, даже большой компромисс. — *Ты сказала, что кто-то из этой группы находится на борту?* — Глаза у нее маленькие и колючие, отметил Джайлс.

— *Так вы слышали о революционерах «Черного четверга»?* — спросила она.

— *Я слышал о них... раньше,* — безразлично ответил он. — *Даже сам был чем-то вроде революционера, в молодости, когда большую часть времени тратил на учебу.*

— *Да,* — сказала она. — *Нам известно, что вы были другом Пола Оки и членом так называемой философской группы. Но вы несколько лет назад вышли из нее, не правда ли?*

Джайлс сурово взглянул на нее.

— *Бисет,* — сказал он, и его голос действительно стал голосом человека из рода Эделей. — *Мне кажется, ты забыла, как надо себя вести.*

Но она не сжалась от страха.

— *Извините меня, ваша честь, сэр,* — сказала она, — *но я никогда не забываю об этом. Я уже говорила вам, что воспитывалась в хорошей семье. При других обстоятельствах я... я могла бы стать членом этой семьи.*

Так, теперь все понятно. Хорошие манеры Мары и ее непохожесть на остальных объяснялись, вероятно, тем же. Джайлс сочувственно взглянул на неулыбчивое лицо Бисет. Жизнь арбайта, воспитанного в эдельской семье и выступавшего в роли любимой собачки, была нелегка. Какой же она была для арбайта-

полукровки, зачатой не с той стороны эдельского одеяла! Этим людям не было места среди Эделей, но, по слухам, и обычные арбайты ненавидели и презирали их, тех, в ком текла эдельская кровь.

— *Прости меня, Бисет,* — произнес Джайлс более мягко, — *но твои расспросы становились чересчур личными, понимаешь?*

— *Я задаю вопросы не от своего имени,* — возразила она, и ее серые глаза на мгновение вспыхнули; так, случается, вспыхнет зимний лед под неожиданным лучом солнца. — *Я говорю от имени полиции.*

Он похолодел, но ничто не отразилось на его бесстрастном лице.

— *Понятно,* — сказал он тихо. — *Это меняет дело. И все же твое сообщение звучит странно. Зачем члену арбайтской революционной организации лететь на Белбен? На Земле он будет полезнее для своей организации.*

— *Мы пока не нашли этому объяснения,* — подтвердила Бисет. — *Но факт остается фактом: многие Колонизованные миры с непозволительной небрежностью относятся к своей обязанности докладывать Межгалактической полиции о прибытии преступников с Земли. Например, ваш бывший друг Пол Ока, по всей видимости, покинул Землю и находится где-то в Колониях.*

Вот так, подумал Джайлс, значит, Межгалактическая полиция пришла к тому же заключению, что и Ока-фронт. Это означало, что он должен найти Пола раньше, чем на него выйдет полиция. Полиция подчинялась закону, предписывавшему перевоспитание преступника. Его личность не может подвергнуться принуждению. Однако методы перевоспитания, убеждения неплохо срабатывали лишь на малообразованных арбайтах. Подавить волю и развитый интеллект такого Эделя, как Пол, невозможно; даже взятый под стражу, он останется символом для арбайтов-революционеров, и они продолжат вербовать людей в свою организацию от его имени.

— *Неужели?* — спросил Джайлс после паузы. — *Интересно, как Полу удалось добраться туда?*

— *Ему помог, как мы думаем, кто-то из «Черного четверга»,* — ответила Бисет. — *Человек, находящийся на борту, может оказаться посланным к нему курьером.*

— *Вот как?* — проговорил Джайлс.

Если эта женщина права и ему удастся раньше ее узнать, кто курьер «Черного четверга»... Может быть, этот курьер выведет Джайлса прямо на Пола. Разумеется, ему придется прикрывать

члена «Черного четверга» до тех пор, пока тот не установит контакт с Полом. В свою очередь, это может повлечь за собой необходимость ликвидации Бисет. Все его жизненные принципы восстали против этой мысли. Убийство представителя его класса, во всем равного ему, вроде Пола, и то достаточно скверное дело. А уж убивать беззащитного арбайта...

Он заставил себя не думать об этом. Если понадобится, он сделает все, что нужно. От необходимости никуда не уйдешь. Если, чтобы убить Пола, придется убить арбайта, значит, он убьет арбайта... вот и все.

— *Ваша честь, сэр,* — задребезжал голос Бисет у самого его уха, — *вы слушаете меня?*

— *Что? Ох, извини,* — сказал Джайлс. — *Я ведь одновременно должен следить за экраном.* — Он кивнул на экран; Инженер все еще копался в двигателях.

— *Да, конечно. Это вы простите меня, сэр,* — сказала она. — *Но я должна сообщить вам очень важную вещь. У меня нет никаких доказательств, но я абсолютно уверена, что знаю, кто является членом «Черного четверга». Я убеждена, что это Мара.*

— *Мара!* — Имя сорвалось у него с губ несколько громче, чем ему бы хотелось.

— *Да, сэр,* — продолжала Бисет, — *но мне требуется или неопровержимое доказательство ее причастности, или ее признание в этом третьему лицу. Когда мы достигнем Белбена, это станет основанием для допроса, а потом и ее ареста. Вы удивитесь, но самые стойкие арбайты-революционеры научились отрицать все, избегая любых признаний.*

— *Разумеется,* — пробормотал Джайлс, потрясенный ее сообщением, — *я помогу, чем смогу.*

— *Человеку из рода Эделей необязательно чрезмерно вовлекать в эти дела...* — говорила Бисет, но Джайлс почти не слышал ее. К его собственному удивлению, какая-то часть его сознания решительно противилась мысли о том, что Мара может быть связана с «Черным четвергом». Название организации родилось в день, когда группа наивных и неопытных арбайтов предприняла отчаянную попытку ворваться на заседание Совета рода Эделей — главного правящего органа всей Земли. Арбайты несли флаги и плакаты, призывающие Совет сократить срок пожизненных трудовых контрактов, обязательных для низших классов, желающих получить образование.

Разумеется, они были безоружны... Все, кроме одного. У юноши, работавшего по контракту кладовщиком, был при себе краденый полицейский пистолет. Молодой человек был настолько безрассуден, что открыто демонстрировал его, хотя скорее всего даже не представлял себе, как им пользоваться. Естественно, охрана Совета тут же открыла огонь, и демонстранты были расстреляны на месте.

Произошло это в четверг, и новая организация арбайтов решила назвать себя «Черный четверг». Ее члены резко отличались от тех простаков-неврастеников с плакатами. По слухам, у каждого из них есть оружие, а те немногие, кого удалось задержать полиции, якобы имели при себе капсулу с ядом, они должны были проглотить ее при аресте, до начала допроса.

Оголтелый фанатизм, думал Джайлс. Человек, пусть даже арбайт, предпочитает смерть возможности отказаться от навязчивой идеи и вернуться к полезной и разумной жизни! Он никак не мог поверить, что Мара может оказаться столь же безрассудной. Он вспомнил ее улыбку и ее замечание о том, что сбор плодов *иб* не самая завидная работа на свете. Человек из «Черного четверга», прячущий на себе капсулу с ядом, не может так шутить и так улыбаться. Нет, этого просто не может быть...

А Бисет все говорила, говорила...

— *Извини,* — сказал он. — *Я засмотрелся на Инженера. Ты не могла бы повторить?*

— *Я говорила, ваша честь, сэр,* — ответила Бисет, — *что вам не нужно брать на себя лишние хлопоты, не подобающие вашему происхождению. Девушка молода, а вы, в конце концов, принадлежите к противоположному полу. Бывает, что человек из Эделей, мужчина...* — Голос ее на секунду дрогнул, что было для нее совсем нехарактерно, но она быстро овладела собой и продолжала: — *Бывает, что человек из рода Эделей может, ненадолго конечно, увлечься какой-нибудь арбайткой. А людям из «Черного четверга» свойственно думать, что они не хуже любого рожденного Эделем. Я совершенно уверена, что, если вы, ваша честь, не станете отталкивать ее, она разговорится. Кокетничая с вами, она выдаст себя. Об остальном я позабочусь сама.*

— *А ты уверена,* — спросил Джайлс, — *что она непременно станет, как ты выразилась, кокетничать со мной?*

— *Абсолютно уверена,* — решительно заявила Бисет. — *Мужчина... простите, сэр, человек из рода Эделей не знает этих арбайтов, а я-то знаю. Они душу продадут, только бы принадлежать к аристократии.*

Джайлс взглянул на ее плотно сжатые губы. Вероятно, она

права, сказал он себе мрачно, но было что-то отвратительное в том, как она это сказала.

Однако дело есть дело, и в данном случае в интересах полиции, как и Ока-фронта, арестовать арбайтов «Черного четверга» или просто вывести их из игры. Но кто бы мог подумать, что эта красивая, умненькая Мара...

Вдруг новая мысль возникла в его мозгу. Он сурово взглянул на Бисет.

— Одну секунду, — сказал он. — Мы кое о чем забыли. Ты из полиции, но мне об этом известно только с твоих слов. Может оказаться, что это ты член «Черного четверга», а Мара — из полиции.

— Да, конечно, сэр. Вы совершенно правы, — ответила она.

Ее пальцы потянулись к замку «молнии» на комбинезоне, помедлили несколько секунд, потом потянули замок на несколько дюймов вниз. Воротник расстегнулся, открывая тонкую шею, обвязанную шнурком. В темной впадине на шее светился пятнышком зеленого живого огня крошечный предмет.

Джайлс откровенно разглядывал его. Он слышал про особые полицейские иденти-споры, удостоверяющие личность, но ни разу в жизни не видел их. То, что открылось его взгляду, представляло собой прозрачный кристаллический пузырек, внутрь которого была введена живая спора; культивация таких спор составляла один из наиболее тщательно охраняемых секретов полиции и Совета. Пузырек был прикреплен к шее Бисет специальным физиологическим клеем и соединялся с ближайшим кровеносным сосудом почти невидимой трубкой тоньше волоса. По этой трубочке, как по капилляру, поступала кровь Бисет, питавшая спору, отчего спора светилась своим собственным, неповторимым светом.

Отделенная от кровеносной системы Бисет, она бы погибла, даже если бы ее без промедления связали с кровеносной системой человека. Любое другое тело было для нее ядом.

— *Моя идентификационная карточка,* — сказала Бисет.

Она держала в руке белую карточку, тоже окаймленную несколькими миллиметрами прозрачного кристаллического вещества — материала, подделать который практически невозможно. Обычное удостоверение личности арбайта, но один из уголков карточки был ярко-зеленым. Джайлс взял карточку, приложил окрашенный уголок к крошечной живой драгоценности на шее. Цвета совпали.

— *Да,* — проговорил он. — *Спасибо. Теперь я тебе верю.*

Он протянул ей карточку. Бисет застегнула ворот на комбинезоне.

— *Значит, я могу рассчитывать на вашу помощь, ваша честь, сэр?*

— *Да,* — натянуто произнес он. — *Ты можешь на меня рассчитывать. Хотя подожди...*

Неожиданные резкие ноты в голосе Джайлса заставили ее остановиться.

— *Полиция служит Совету, а Совет представляет род Эделей. Я здесь единственный из этого рода. Ты будешь следовать моим указаниям. Я приказываю тебе никого не арестовывать и не допрашивать без моего разрешения. Это понятно?*

Лицо ее оставалось непроницаемым, но на какое-то мгновение она заколебалась, и тут из динамика прозвучал голос Капитана.

— *Время,* — прогремело над ухом.

Джайлс переключился мгновенно. Но сосредоточиться на действиях Инженера, цель которых была ему мало понятна, оказалось непросто. Одетая в скафандр фигура Инженера толкалась в обшивку двигателя неуклюжими движениями пьяного, не совершая мало-мальски осмысленных действий.

— *Эдель,* — раздался голос Капитана, — *вы слышите меня? Начинайте. Постарайтесь быстрее добраться до Инженера. Осторожно... охватите тело... осторожно...*

Джайлс с трудом маневрировал рукоятками и кнопками для пальцев. Непривычные механические вальдо были похожи на руки человека, но значительно мощнее. Джайлс сосредоточился на том, чтобы как можно бережнее обхватить Инженера вокруг места, которое на человеческом языке называлось талией.

Но он переосторожничал. Он держал Инженера всеми шестью пальцами и тут же выпустил. Тело в скафандре подскочило вверх и поплыло над корпусом, связанное с кораблем только шлангами жизнеобеспечения. Джайлс попытался поймать его, но инстинктивно, на человеческий манер, воспользовался двумя пальцами вместо альбенаретских трех, и Инженер опять выскользнул из захвата.

Джайлс не слышал голоса Капитана в динамике. Он сделал еще одну попытку, используя все три пальца на каждой механической руке, и на этот раз надежно схватил Инженера.

Сквозь оболочку спасательного корабля донесся резкий звук. Капитан включила транспортное устройство и передвигала к шлюзовой камере агрегат с вальдо, обхватившими Инженера.

— *Приготовьтесь, Эдель,* — прозвучал голос Капитана из динамика. — *Сейчас будет трудный момент. Вам нужно втащить Инженера через край шлюза в камеру и поместить так, чтобы его не унесло, когда я буду закрывать наружную дверь шлюза.*

Джайлс что-то пробурчал. Маневр для любого обученного альбенаретца проще простого, но для нетренированного человека это все равно что балансировать тарелкой на острие ножа, а потом, на секунду оставив ее в воздухе, дотянуться до другой и положить ее поверх первой. Ему придется ослабить захват обоих вальдо в надежде, что инопланетянин останется лежать на краю шлюза, пока Джайлс не схватит его под другим углом. Если он допустит малейшую ошибку, Инженера отнесет в сторону и все придется начинать сначала. И с каждой минутой Инженер все ближе к смерти, если еще не умер.

Где-то, на задворках сознания, Джайлс смеялся над самим собой. Чем он занят? Тем, что изо всех сил пытается спасти жизнь существу, для которого смерть — лучшая награда и высшая из наград. Но, как ни странно, в этот момент точка зрения альбенаретца ничего не значила для Джайлса. Он не принадлежит к альбенаретской цивилизации, он человек. А люди всегда борются со своей смертью и смертью тех, кого любят или за кого они чувствуют ответственность, борются, пока не исчерпают последней надежды.

Джайлс осторожно высвободил фигуру, одетую в скафандр, из шестипалой металлической хватки. Он быстро вывернул обе рукоятки, изменяя угол наклона к телу. Затем снова двинул ими, чтобы ухватить Инженера.

Тот уже начал отплывать от спасательного корабля, но Джайлс под действием адреналина в крови творил чудеса. Он довольно удачно зацепил Инженера всеми шестью пальцами, помедлил секунду, пережидая, пока схлынет чувство облегчения, и стал медленно поворачивать Инженера вниз, в сторону шлюзовой камеры.

Продвижение внутрь прошло гладко, но узел шлангов все выскакивал через наружную дверь. Если не внести шланги в камеру, они не дадут надежно закрыться двери.

Джайлс действовал довольно рискованно, хотя до сих пор не решался одновременно использовать две руки вальдо. Теперь, когда Инженер в шлюзе, нельзя позволить ему опять вылететь наружу. Поэтому Джайлс одной рукой придерживал Инженера на полу камеры, а другой потянулся к шлангам.

На долю секунды он почувствовал, что внимание его раздваивается. Так чувствует себя человек, впервые попробовавший старый трюк — попытался одной рукой почесать голову, а другой круговыми движениями гладить себя по животу. Но вскоре механические пальцы нащупали и зацепили плавающие шланги и втянули их обратно в шлюз.

Едва шланги оказались в камере, наружная дверь стала закрываться. Капитан не промедлила ни секунды. Джайлс выпустил рукоятки из ноющих рук и, задыхаясь, привалился к стене корабля. Его одежда намокла от пота.

Инопланетянка была права. То, что совершил Джайлс, было бы не под силу арбайту. Эта работа требовала не только здорового тела и крепких нервов, но и уверенности в себе; требовала подобно игроку не бояться риска... Тут Джайлс обнаружил зрителей. Все арбайты корабля, с Марой и Бисет в первом ряду, столпились у прохода в соседнем отсеке и молча смотрели на него.

Он открыл рот, чтобы отослать всех назад, но голос Капитана, с шипением произносящий непривычные слова человеческой речи, опередил его.

— Назад! Вон! Эдель, прикажите вашим людям убраться и помогите мне, когда я открою шлюз.

— Вы слышали? — выпалил Джайлс. — Возвращайтесь на свои койки и держитесь подальше. Через минуту мы понесем Инженера. Путь должен быть свободен!

Они моментально исчезли. Джайлс повернулся, чтобы присоединиться к Капитану, но та жестом приказала ему остановиться.

— *Стоп,* — сказала инопланетянка на языке альбенаретцев, — *если вы дотронетесь до него, вы навредите себе.*

Капитан была права. Внутренняя дверь шлюза отворилась, и они увидели Инженера. Его скафандр был покрыт инеем, как и внутреннее помещение шлюзовой камеры. Капитан вошла в шлюз, предварительно обернув руки пластиком. Неловкими, но быстрыми движениями она отсоединила шланги и внесла неподвижное тело Инженера в помещение корабля.

— *Идите впереди меня,* — сказала она Джайлсу. — *Удостоверьтесь, что путь к хвостовому отсеку свободен. Когда мы дойдем туда, скафандр достаточно согреется, и вы тоже сможете прикасаться к нему.*

— *Я понял,* — сказал Джайлс.

Он поспешно направился к кормовому отсеку. Капитан, следуя за ним, донесла Инженера до койки Ди и уложила его, пристегнув закрепленные на поясе скафандра ремешки для инструментов к раме постели.

— *Приступаю,* — сказала она.

Смотав пластик со своих рук и осторожно поставив мощные пальцы по линии изгиба шлема, она стала осторожно поворачивать его. Послышался тихий звук засасываемого воздуха, и все еще покрытый инеем шлем оказался в ее руках. Они наконец увидели лицо Инженера.

Глаза Инженера были закрыты, а темная кожа приобрела пепельный оттенок, будто ее посыпали серым порошком. Дышит он или нет, понять невозможно.

— *Как он?* — спросил Джайлс.

— *Хорошо. Жизнь еще теплится,* — коротко ответила Капитан. Ее руки метались по скафандру, расстегивая пряжки и разминая швы. — *Эдель, позади вас на койке лежат инструменты, найдите ножницы. Срежьте ими шнуры с его ног. Не пытайтесь разжать зажимы. Режьте. Это понятно?*

— *Понятно,* — ответил Джайлс.

Он нашел ножницы.

Разрезая шнуры, он воочию убедился, насколько ненадежен ветхий скафандр. На центральной его части повреждений, похоже, не было. Но на каждой руке и ноге, перевязанных шнурами, в нескольких местах скафандр разгерметизировался. Шнуры ограничили область утечки воздуха; в секциях, где воздушное давление отсутствовало, ноги Инженера безобразно раздуло. Джайлс случайно дотронулся до такого места, и отек под его пальцами раздулся рядом, как старый шланг, готовый прорваться под напором жидкости.

Джайлс разрезал последние шнуры на лодыжках, Капитан освободила Инженера от скафандра до пояса. Еще минута — и Инженер остался в космическом костюме инопланетянина.

Глаза Инженера еще были закрыты. Понимал ли он, что его принесли на корабль и пытаются привести в чувство? Он не двигался, но пару раз слабый свистящий звук вырвался из его горла.

— *Как он? Он умрет?* — спросил Джайлс.

— *Он умирает,* — сказала Капитан. Она обернулась к Джайлсу. — *Теперь уйдите отсюда. И держите своих людей подальше от кормового отсека. Я хочу, чтобы здесь никого не было. И чтобы они не смотрели сюда. Ясно? Последние часы альбенаретца — это не спектакль для гуманоидов.*

— *Разумеется, я уйду и не пущу сюда никого,* — сказал Джайлс. Он повернулся и прошел через ближайшую переборку в отсек, где ждали арбайты. Внезапно позади раздался резкий скрежет металла. Обернувшись, он увидел, что койка Фрэнко буквально

выдрана из пазов и поставлена в отверстие переборки, образуя барьер.

Хотя койка не закрывала отверстия целиком. Со стороны стены оставалась щель, сквозь которую вполне мог бы пролезть человек. Но с середины корабля инопланетяне были не видны, чего и требовала Капитан.

— Я думаю, вы поняли, что это означает, — обратился Джайлс к арбайтам. От крайней усталости его голос был хриплым. Джайлс показал на койку, блокирующую вход в кормовую секцию. — Капитан сказала, что никто из нас не должен входить или заглядывать туда. От своего имени я тоже запрещаю подходить к переборке...

Он внезапно умолк. Впервые с тех пор, как они попали на борт корабля, бело-голубые лампы на стене, питающие светом лозу *иб,* вдруг потускнели.

— Повторяю, — прохрипел Джайлс, — держитесь подальше от кормового отсека. Там нет ничего, что вам может понадобиться. — Он многозначительно кивнул на примитивный санузел, отгороженный переборками центрального отсека. — Оставайтесь здесь и не шумите. Если вы нарушите мои приказания, вы будете иметь дело не только со мной. Капитан, вероятно, тоже примет свои меры, и в этом случае я не могу обещать вам защиту.

Он на ощупь пробрался через проход в переборке и вслепую отыскал свою койку. Сон мгновенно настиг его...

Джайлс, еще не проснувшись окончательно, уже бежал бегом. Воздух сотрясался от криков. Лампы на потолке опять сияли бело-голубым светом. Он бежал на звук сквозь толпу арбайтов, которые собирались к бреши в заблокированной задней переборке. Джайлс сдвинул койку, загораживавшую дорогу, и ворвался в кормовой отсек. Крики прекратились так внезапно, будто кто-то зажал рот кричавшему.

Джайлс оказался лицом к лицу с Капитаном. В длинных темных руках Капитан держала, словно сломанную куклу, Ди. Глаза девушки были закрыты. Инженера не было видно, но одежду Капитана, пол и койку покрывали пятна темной крови инопланетянина.

— *Возьмите ее.* — Капитан сделала шаг вперед, протягивая Джайлсу не пришедшую в сознание Ди. — *Несмотря на запрет, она явилась сюда. Но ей не причинили вреда.*

Джайлс принял бесчувственное тело Ди.

— *Где Инженер?* — почти заикаясь, спросил он по-альбенаретски.

— *Он с честью прошел следующие Врата Пути,* — ответила Капитан и неожиданно перешла на терралингву: — То есть прошла та его часть, которая и есть его «я». А оболочка, — Капитан обернулась и кивнула на конвертер, — оболочка может быть пущена в дело.

В толпе арбайтов, стоявших в проходе, раздался стон. Джайлс взглянул на конвертер. Главная дверь в его верхней части была приоткрыта. Щель достаточно широкая, чтобы просунуть в нее тело Инженера, и расчленять труп не было никакой необходимости. Джайлс бросил взгляд на груду инструментов. Ни на одном из них он не увидел темной крови.

— *Чья это кровь?* — спросил он по-альбенаретски.

— *Человек,* — ответила Капитан тоже по-альбенаретски. — *Мне надоели ваши вопросы и ваши люди.*

Она прошла мимо Джайлса, чуть не сбив его с ног. Арбайты рассыпались в стороны, затем опять стали стекаться в кормовой отсек, чтобы поглазеть на пятна крови, конвертер и на Ди.

Джайлс тоже посмотрел на Ди. На ее шее проступали темные пятна от кровоподтеков: два с одной стороны и один с другой — след мощной трехпалой руки.

— Что случилось? — Перед ним стояла Мара. Она нагнулась, чтобы приподнять голову девушки, лежащей без чувств. — Фрэнко говорил, что у нее бывают кошмары. Может быть, после очередного страшного сна она, забыв обо всем, пошла к своей койке. Но почему она кричала? Что она увидела?

— Бог знает, — мрачно произнес Джайлс. Он взглянул на закрытые глаза девушки. — И вряд ли она захочет вспоминать, что же произошло, когда придет в себя.

Глава 6

Второй день. 16 часов 15 минут

Дилетантские прогнозы Джайлса оправдались. Когда Ди очнулась на койке в центральном отсеке, она ничего не помнила. Казалось, она чувствует растерянность и стыд, как после наркотического сна. Она рыдала и льнула к Маре и Бисет. Любой мужчина, включая Фрэнко, которого, похоже, она не узнавала, приводил ее в истерическое состояние.

Мара и Бисет решили по очереди дежурить подле нее, и Ди на короткое время забылась неспокойным сном. Время от времени она с криком просыпалась, но мучившие ее кошмары, по-видимому, стали отступать. Она не помнила ничего из того, что увидела в кормовом отсеке. Последнее, что удержала ее память, — момент, когда Инженера несли из шлюза.

Фрэнко за какие-то сутки превратился из круглолицего юнца в бледного, измученного мужчину. Он был на грани срыва и не мог поверить, что Ди не хочет его видеть. Джайлсу даже пришлось поставить Хэма охранять девушку.

А тем временем арбайты явно выходили из повиновения. За исключением Хэма, которому, по всей видимости, было безразлично, что произошло с телом Инженера, и Джайлса, насильно заставлявшего себя есть, никто не притрагивался к плодам *иб.* Сначала все отказывались и от сока, но жажда взяла свое. В конце концов Джайлс собрал их всех в центральном отсеке.

— Послушайте меня, — начал он. — Попытайтесь понять. Мы сейчас одни в космосе, окруженные пустотой на много световых лет. Этот спасательный корабль — единственное, что дает нам шанс выжить. Если мы останемся живы, то только благодаря кораблю, Капитану и, разумеется, Инженеру. Не отводите глаз, когда я говорю с вами. Попытайтесь взглянуть со стороны на все, с чем вы росли, чему учились, что считали само собой разумеющимся. Этот замкнутый цикл с конвертером совершенно такой же, как и у нас на Земле, только упрощенный... Смотрите на меня, я к вам обращаюсь!

Бледные лица повернулись к нему. Спасибо и на том, что они подчинялись простым командам. Но приучить их мыслить в категориях этой чужой непривычной обстановки... И все же надо пытаться.

— Я хочу, чтобы вы беспристрастно разобрались во всем, — продолжал Джайлс. — Двигатели нуждались в ремонте. Это факт. Инженер должен был выйти наружу, произвести ремонт даже ценой своей жизни, и он был готов к этому. Это тоже факт. Выход в космос действительно стоил ему жизни, а Капитан не может пренебречь питательными веществами, которые могут поддержать жизнь в нас — повторяю, именно в нас, людях, а не в альбенаретцах. Капитан помещает тело Инженера в резервуар с замкнутым циклом, питающий лозу *иб.* Вот они, факты. Не чье-либо мнение, с которым можно соглашаться или не соглашаться, а факты. И последний факт: если вы не будете есть, вы умрете.

— И в себе тоже поддерживать жизнь, — невнятно пробормотал мужской голос.

— Кто это сказал? Эстивен? — Джайлс бросил взгляд на ар-

байта. В отличие от прочих, Эстивен раскраснелся, и в глазах его читался вызов. — Что ты имеешь в виду — в ком это в себе?

— Я имел в виду его — Капитана! — произнес Эстивен уже громко. — Он тоже живет за счет плодов *иб* и за счет Инженера. Я сказал, что он положил туда Инженера для поддержания своей жизни... ваша честь, сэр!

Последние три слова прозвучали почти дерзко, но Джайлс предпочел не обращать на них внимания. Он совсем забыл, что арбайты считали альбенаретского Капитана мужчиной. Мгновение он раздумывал, не сказать ли им правду, но решил, что, чем меньше сюрпризов на борту, тем лучше.

— У альбенаретцев не принято, как у нас, сопротивляться перспективе смерти, — спокойно проговорил Джайлс. — И тебе это известно. Капитаном движет чувство долга, а не забота о себе.

— Извините меня, ваша честь, сэр, — сказал Эстивен. Обычно тихий, замкнутый, сейчас он был почти агрессивен. — А вы уверены в этом?

Надо его осадить, подумал Джайлс.

— Эстивен, — сурово проговорил он, как бы ставя точку, — можешь не сомневаться, что я всегда уверен в своих словах. Иначе я не стал бы говорить. А теперь, если ты не хочешь сообщить нам что-нибудь более ценное, сядь и помолчи. Ты понял?

— Да, ваша честь, сэр... — Вся воинственность с него слетела.

— Хорошо, — сказал Джайлс, обращаясь к остальным. — Я не собираюсь приказывать вам есть. Я просто прошу вас приходить сюда два раза в корабельные сутки и смотреть, как мы с Хэмом едим. Хэм?..

Огромный арбайт поднялся с места, прошел в кормовой отсек и вернулся с двумя мисками с мякотью плодов. Одну из них он протянул Джайлсу. Джайлс старался есть со всей возможной флегматичностью. Маске безразличия он научился в школе-интернате в первый же год. А Хэму и впрямь было все равно. Наблюдавшие за ними арбайты поначалу сидели молча, но, когда Хэм стал безмятежно слизывать налипшие на пальцах остатки мякоти, Ди, а за ней Гросу и Фрэнко стало плохо. Они поспешили к санузлу.

Почти то же повторилось спустя шесть часов, а потом еще трижды, пока наконец Бисет и Мара не уселись с мисками, в которые положили с чайную ложку мякоти и с трудом проглотили ее. Еще две попытки, и ели уже все, включая Ди.

Тем временем Ди и Фрэнко вернулись в кормовой отсек, на прежнее место, предоставляющее хотя бы иллюзию уединения.

Остальные спали в центральном отсеке, за исключением Хэма, который переместился на койку наверху в носовом отсеке, туда, где раньше Джайлс спал один.

Для арбайта низшей касты такая инициатива была просто поразительной, но Джайлс счел, что лучше бы не задавать никаких вопросов. Арбайты вроде Хэма в таких случаях чрезвычайно смущались и теряли дар речи, боясь дать неправильный ответ. Между тем теперь, когда люди наконец приспособились к обстановке и вновь стали есть, Джайлс обдумал нынешнее положение вещей. В нормальной ситуации он как-нибудь вознаградил бы арбайтов, чтобы поощрить их и дальше вести себя хорошо. Но здесь, на спасательном корабле, с наградами было не так просто.

В конце концов он остановился на несколько необычной возможности. Ему необходимо поговорить с Капитаном, и, может быть, представится шанс поговорить об особом одолжении.

После смерти Инженера Джайлс выждал несколько корабельных суток. Выбрав момент, когда все арбайты находились в центральном или кормовом отсеке, он подошел к переборке, за которой Капитан проводила время в полной изоляции от всех. Джайлс обратился к ней по-альбенаретски:

— *Капитан, я хотел бы поговорить с вами.*

После небольшой паузы раздался голос инопланетянки:

— *Входите.*

Джайлс вошел в отсек и увидел Капитана. Она сидела перед одной из контрольных панелей управления. Не вставая с места, она развернула свое кресло, чтобы быть к нему лицом.

— *Капитан,* — сказал Джайлс, — *не сообщите ли вы мне, сколько времени еще пройдет до посадки на планете?*

— *До Белбена мы доберемся за сто восемь корабельных дней или чуть меньше того.*

— *Ясно,* — сказал Джайлс. — *Это довольно долго.*

— *Столько на это нужно времени,* — произнесла Капитан. Человеческое ухо не способно различать альбенаретские интонации. Но все же на этот раз Джайлс почувствовал некую отчужденность, словно Капитан увеличила дистанцию между нею и всеми, кто находился на борту.

— *Насколько я понимаю, более подходящего места назначения нет?* — спросил Джайлс.

— *Нет никакого другого.*

— *Прошу вас выслушать меня,* — сказал Джайлс. У него было чувство, будто он идет по полю, начиненному капканами и минами, причем он не может их не только обнаружить, но даже во-

образить. То, что он намеревался сказать, было вторжением в опасную зону чужих чувств и совести. — *В мире под названием 20 В-40 есть шахтерская колония людей и там же, если судить по нашим лоциям, альбенаретская космическая станция. Я, разумеется, ничего не понимаю в навигации, мне доводилось управлять только своим маленьким космокатером в пределах Солнечной системы; и все же, если не ошибаюсь, в настоящее время расстояние от нас до 20 В-40 вдвое короче, чем до Белбена.*

— *Возможно,* — сказала Капитан. — *Тем не менее место назначения — Белбен.*

— *Но почему, если 20 В-40 ближе?*

— *Белбен с самого начала был местом нашего назначения. Мой корабль гибнет, но доставить пассажиров для меня дело чести.*

— *Сто восемь дней — это очень долго, и мои люди не выживут в этих условиях.*

— *Выжить?* — произнесла Капитан. — *Ах да, я и забыла, что вы, люди, не имеющие понятия о Пути и Вратах, дрожите и спасаетесь бегством при одной мысли о Переходе. Но это касается только вас самих. Мой долг — доставить вас, а живыми или мертвыми — мне безразлично.*

— *А мне нет,* — сказал Джайлс. — *Я несу ответственность за жизни моих соплеменников. И я прошу доставить нас на 20 В-40.*

— *Нет,* — объявила она. И закрыла глаза, словно очень устала. — *Я не могу больше позволить никаких отклонений от Пути.*

— *Капитан,* — медленно проговорил Джайлс. — *Я принадлежу к роду Стилов, а Стилы очень богаты, причем частью этого богатства я могу распоряжаться по своему усмотрению. Если вы повернете корабль в сторону 20 В-40, я обещаю — а обещание человека, рожденного в семье Эделей, равносильно подписанному контракту, — что заплачу вам столько, сколько необходимо, чтобы построить для вас другой корабль, точно такой же, как тот, что вы потеряли. Или же заплачу сначала вашим соплеменникам, чтобы они построили такой корабль, а затем подарю его вам. Таким образом, вы ничего не потеряете.*

Капитан открыла глаза и мгновение разглядывала его.

— *Но я все равно потеряю,* — сказала она. — *Вы принадлежите к иной цивилизации и не поймете. Вся команда, а теперь, когда скончался Инженер, и все офицеры были награждены смертью при гибели моего корабля. Новый корабль сам по себе для меня ничего не значит. Он лишь развлечет меня. Но если я приму его, это будет оскорблением чести моей команды и офицеров, ныне прошедших через следующие Врата, — ведь они не могут принять его вместе со мной.*

Она замолчала. Джайлс молча стоял перед ней, ощущая, как уходит последняя надежда. Он предлагал целое состояние и никак не ожидал, что оно может быть отвергнуто.

— *Вы правы, Капитан,* — сказал он медленно. — *Я не понимаю. Но я хотел бы понять. Может, если я пойму, мы найдем и другие возможности для взаимопонимания.*

— *Нет,* — ответила Капитан. — *Я ничего не обязана вам объяснять, а вы — понимать.*

— *Не могу с вами согласиться,* — сказал Джайлс. — *Я всегда считал, что альбенаретцев и людей связывают не только торговля и космонавтика. Понимать друг друга — не только наш долг, но и необходимость и как отдельных личностей, и как представителей разных цивилизаций.*

— *Ваша точка зрения лишена смысла,* — сказала Капитан. — *То, о чем вы говорите, попросту невозможно. Вы не с Альбенарета, то есть не принадлежите к народу. Значит, вам не дано понять образ мыслей народа, какие бы усилия я или кто-либо другой для этого ни прикладывал.*

— *Полагаю,* — возразил Джайлс, — *что ваши слова не вполне справедливы. Мне кажется, это ваше личное мнение, и только, и ошибаетесь вы, а не я. Я же прошу вас лишь сделать попытку.*

— *Нет,* — ответила Капитан. — *Для этой попытки требуются силы. Мои же силы сейчас ограниченны. Я не стану тратить их впустую.*

— *Но это же не впустую,* — настаивал Джайлс. — *Это крайне важно для вас и для вашей чести. И для меня и моей чести. Важно с точки зрения жизни моих арбайтов. И для ваших соплеменников, и для моих, ведь обе цивилизации могут захиреть, если не будет найден новый способ взаимопонимания.*

Капитан опять закрыла глаза.

— *Не стоит больше обсуждать это,* — сказала она. — *О чем еще вы хотели поговорить со мной?*

— *На борту сейчас больше побегов иб и плодов, чем нужно для такой немногочисленной группы,* — заговорил он. — *Во время ухода Инженера свет горел не так ярко, как раньше. Моим людям было бы легче выносить это путешествие, если бы свет регулярно и на короткие периоды приглушался. Ведь лоза иб и при снижении освещения сможет снабжать нас достаточным количеством еды.*

— *Свет должен остаться,* — ответила Капитан, не открывая глаз. — *Все должно остаться в неизменном виде, пока мы не доберемся до места назначения. А теперь, человек из рода Эделей, я устала от разговоров и хочу остаться одна.*

— *Очень хорошо,* — сказал Джайлс. — *Я больше не буду говорить с вами — сейчас.*

Он вернулся к своей койке. Сел, мысли его путались. Ведь существует же какой-то способ убедить Капитана изменить направление, чтобы приземлиться в ближайшем мире. Вдруг он заметил, что на его койке сидит Хэм и молча наблюдает за ним.

— Что ты тут сидишь! — воскликнул Джайлс, раздраженный молчанием и пристальным взглядом великана. — Займись чем-нибудь! Иди поговори с другими! Если ты будешь торчать тут в одиночестве, они не примут тебя к себе!

Не произнеся ни слова, Хэм встал и побрел через проход в переборке в среднюю секцию корабля, к арбайтам.

— И вы, все прочие, тоже отправляйтесь туда! — прибавил Джайлс, повышая голос. — Хэм один из вас, и я хочу, чтобы вы относились к нему так же, как к остальным. Запомните это!

Он почувствовал слабый, но болезненный укол в душе, — он сознавал, что переносит на арбайтов свое раздражение, но заставил себя отбросить эту мысль. Вытянувшись на койке, он прикрыл глаза рукой, чтобы защитить их от непрерывных потоков света, льющихся с потолка. Может быть, если он поспит, он придумает, как переубедить Капитана.

Когда он проснулся, арбайтов за переборкой не было слышно, и все же ему показалось, что его разбудил какой-то шум. Он прислушался. За переборкой словно кто-то пытался вздохнуть и не мог.

Он молча сел, подобрав ноги. Отсюда ему были видны койки в среднем отсеке корабля, но звук шел не оттуда и не из-за дальней переборки, где спали Фрэнко и Ди.

Не понимая, в чем дело, Джайлс продолжал прислушиваться. Звук доносился с койки, которая, как и его собственная, была разложена в носовой части корабля.

На ней лежал Хэм, прижав к лицу кулаки; его большое тело скрючилось на длинной и узковатой для него постели. Джайлс молча подошел к изголовью.

Большой арбайт рыдал. Лицо он прикрывал громадными ручищами, а часть покрывала, застилавшего койку, засунул в рот, чтобы заглушить плач. Из его сомкнутых глаз струились слезы.

Джайлс нахмурился.

— Хэм, — сказал он тихо.

Великан не отвечал.

— Хэм! — повторил Джайлс так же тихо, но настойчиво.

Глаза Хэма открылись и уставились на Джайлса не то с удивлением, не то с испугом.

— В чем дело, Хэм? — спросил Джайлс.

Хэм мотнул головой, по щекам его катились слезы.

Какое-то время Джайлс смотрел на него в полном замешательстве. Потом сел на пол рядом с его койкой, чтобы приблизить губы к уху арбайта и говорить совсем тихо.

— Ну вот, Хэм, — сказал он мягко. — Теперь можешь рассказать мне, в чем дело.

Хэм снова замотал головой.

— Нет, можешь, — проговорил Джайлс, и в его ласковом голосе послышалось напряжение. — Что-то тревожит тебя. Что именно?

Хэм постарался подавить рыдания и наконец, вытащив изо рта тряпку, пробормотал одно едва слышное слово:

— Ничего...

— Не может быть, — сказал ему Джайлс. — Взгляни на себя. Ну-ка, говори, что тебя тревожит? Или кто? Отвечай.

— Я болен, — шепнул Хэм.

— Болен? Чем? Какая у тебя болезнь?

Но Хэм снова засунул в рот тряпку и молчал.

— Хэм, — все еще мягко сказал Джайлс, — когда я задаю тебе вопрос, я хочу, чтобы ты мне ответил. Что у тебя болит — живот?

Хэм отрицательно покачал головой.

— Тогда что же? Рука? Нога? Голова?

На все предположения Хэм отвечал тем же покачиванием головы.

— Что это за болезнь? — требовательно спросил Джайлс. — Ты ощущаешь боль в каком-то определенном месте?

Хэм снова потряс головой. Потом закрыл глаза и кивнул. Слезы полились с новой силой.

— Ну так как же? — настаивал Джайлс.

Хэм вздрогнул. Не открывая глаз, он вытащил ткань изо рта.

— Да, — прошептал он.

— Что да? Что болит? Голова? Руки? Ноги? Что?

Хэм молча, как прежде, качал головой. Джайлс с трудом подавил нарастающее раздражение. Хэм не виноват, что не способен ничего объяснить. Искать слова должен не этот великан арбайт с его ограниченным запасом слов, а он, человек из рода Эделей, наделенный возможностью объяснять.

— Скажи мне, если можешь, Хэм, — сказал Джайлс. — Когда это началось? Сразу после того, как мы перебрались в спасатель-

ный корабль? Или несколько часов назад? Или ты плохо себя почувствовал на большом космическом лайнере?

И наконец из обрывков разорванных фраз начала складываться картина. Хэм не хотел вербоваться для работы во внешних мирах. Как понял Джайлс, причиной тому были его статус и цель жизни на Земле. Джайлс только теперь задумался о них по-настоящему.

Арбайтов вроде Хэма взращивали, специально предназначая для тяжелой физической работы. Они были, по сути, особым видом, существующим отдельно от прочих групп рабочего класса. Чтобы они не разочаровались в своей работе, относительно простой и монотонной, на них распространялся генный контроль. С его помощью формировался низкий уровень интеллекта и склонность к покорности. Формально они были, разумеется, свободны, как и другие арбайты. Иногда кому-нибудь из них удавалось даже вырваться из рабочих казарм и завязать постоянные семейные отношения с нормальной женщиной из числа арбайтов, но такие случаи были редки.

В социальном отношении они были беспомощны. Большинство из них проживали свою сравнительно короткую жизнь в обществе сотоварищей, они были более других подвержены болезням, особенно пневмонии, и редко кто из обитателей казарм доживал до тридцати пяти лет.

И Хэму казармы заменяли весь мир, а Джейз, друг, с которым они пили пиво, был для него чем-то вроде семьи. Зачатый в пробирке, выращенный в среде таких же, как он, мальчиков с низким уровнем интеллекта, отправленный в казармы в возрасте тринадцати лет, сразу после достижения зрелости, Хэм был психологически совершенно не готов к тому, чтобы отправиться за много световых лет от дома в компании превосходящих его арбайтов. У Хэма было отнято все, что было для него привычным. Никогда ему уже не вернуться в казарму, где живут его старые друзья. Не доведется ему больше участвовать в дружеских пирушках и столь же дружеских потасовках, в шутках и розыгрышах, не удастся радоваться работе вместе с товарищами. И самое главное, он больше никогда не увидит Джейза.

Потребовалось какое-то время, прежде чем Джайлсу удалось связать воедино бессвязный, прерывистый шепот великана. И тогда ему открылись изъяны в тех сведениях о низшем классе арбайтов, которые он, как и все прочие, принимал на веру, не задумываясь. Предполагалось, что люди типа Хэма в силу своего невежества всегда неизменно жизнерадостны, неизменно храбры, поскольку им не хватает ума и они никогда не сомневаются в себе. Их размеры и сила внушают им равнодушие к мнению других, более слабых и более умных представителей рода человеческого.

Теперь он понял, что все это неправда. Однако и новое понимание, чувствовал он, еще не раскрывает всей проблемы. Хэма мучило нечто большее, чем несоответствие его натуры тому, что думают о нем другие. Джайлс продолжал задавать арбайту ласковые, но настойчивые вопросы и в конце концов доискался до более глубоких вещей.

Для Хэма чрезвычайно важен был его сотоварищ Джейз. При этом он размышлял о нем в такой детской манере, что оказывалось совершенно несущественным, были ли отношения, которые Хэм пытался описать, гомосексуальными. Суть в том, что никто никогда не любил Хэма — ни мать, ни отец, ни брат, ни девушка. Только Джейз. А Хэм любил Джейза. Двенадцать лет, проведенных в казармах, они составляли друг другу компанию за пивом. Это, в сущности, означало, что всегда после окончания работы они выпивали вместе.

А затем Хэма внезапно забрали и отправили на корабле в какую-то колонию в чужом мире, и вряд ли там найдется хотя бы один такой же арбайт, как он. Он даже не мог написать Джейзу, это было бы для него слишком сложной творческой задачей — написать нечто большее, чем бесстрастный текст, содержащий простейшие фактические сведения.

И вот, переживая потерю, Хэм все глубже погружался в свое горе, о котором не подозревал никто вокруг. Он не умел обозначить эту терзавшую его боль, но Джайлс, понемногу заполняя пробелы в горестном повествовании Хэма, понял причины ее.

Дело было в том, что Хэм, у которого украли Джейза, отчаянно нуждался в ком-нибудь, к кому он мог бы привязаться. И бессознательно в конце концов привязался к Джайлсу. Джайлс, единственный среди инопланетян и арбайтов высшей касты, составляющих теперь среду Хэма, был крупным сильным мужчиной и обладал признаками, которые Хэм привык связывать с собственными товарищами.

И этой реакции не приходилось особенно удивляться, размышлял Джайлс. Он сопоставил свою жизнь с жизнью Хэма. Они находились на противоположных концах социального спектра, однако в обоих случаях неумолимая рука обычая и власти подхватила их, сформировала по своему усмотрению и определила для них будущее, когда они были еще слишком молоды, чтобы

понимать, что с ними творят. Оба были словно прокляты... Но Хэму все же оставили свободу любить — пусть даже одного из сотоварищей. Когда-то у Джайлса были близкие отношения с Полом Окой, может быть, ближе, чем с кем бы то ни было, но их нельзя было назвать сотоварищами, даже в том обыденном, рабочем смысле слова, который подразумевается в казармах Хэма.

Что же касается девушек... женщин... Джайлсу внезапно пришло в голову, что никто никогда не любил его и сам он никого не любил. Его родители были рядом, во плоти и крови, но возраст и образ жизни отдалили их от него. Братья и сестры, если бы они у него были, воспитывались раздельно и стали бы друг для друга вежливыми незнакомцами. Он не страдал от отсутствия привязанностей, которые для Хэма были главной составляющей жизни, он признавал их существование. Но для него любовь была долгом, а долг — любовью. На этом пресекались движения его души, и он не надеялся ни на что большее.

Мысли его вернулись к Хэму. Хэм бессознательно взял Джайлса за руку и держал ее в своих огромных ладонях, рыдая над ней. Хэм никогда не поймет, почему он несчастлив. И наверное, хорошо, что, привязавшись к Джайлсу, он не отдавал себе в этом отчета. Само по себе предположение, что он, Хэм, может мечтать о человеке из рода Эделей как о сотоварище, несовместимо с представлениями Хэма о жизни. Сознание его было милосердно избавлено от такой мысли. Но оставалось отчаянное желание что-нибудь сделать для Джайлса, что-нибудь большое и опасное — например, отдать жизнь за человека из рода Эделей. Он и попытался рассказать об этом Джайлсу.

— Хорошо, — сказал Джайлс. — Очень хорошо, Хэм. Я тебе очень благодарен. Как только ты мне понадобишься, я тебя позову — сразу же.

— Правда? — переспросил Хэм.

— Конечно, — ответил Джайлс. — Конечно. Пусть это тебя не беспокоит, Хэм. Все будет хорошо.

— Да? — Хэм начал успокаиваться. Он все еще плакал, но уже от облегчения и благодарности. Он не мог бы объяснить себе причину нынешних слез, как раньше не мог догадаться о причине своего несчастья. Он вцепился в руку Джайлса и рыдал.

Джайлс терпеливо сидел с ним, пока великан не уснул. Потом осторожно высвободил руку, встал и расправил затекшие конечности. От сидения на полу со скрещенными ногами все тело было в мурашках. Он решил навести справки на случай, если они

все же приземлятся: где в Колонизованных мирах живут такие же арбайты, предназначенные для тяжелой работы.

Маловероятно, чтобы Хэма удалось вернуть на Землю, но хорошо бы изменить место его назначения.

Потом Джайлс лег на свою койку и прикрыл глаза. Надо все же найти способ убедить Капитана изменить курс. Если и Межгалактическая полиция считает, что Пол Ока находится в одном из Колонизованных миров, ясно, что ее люди охотятся за Полом. Время становилось существенным фактором.

Почему же офицер инопланетянин с таким упрямством настаивает на первоначальном курсе корабля? На этот вопрос не было ответа. Почему Капитан так категорически отказывалась поступить по велению разума и направить корабль в сторону ближайшей планеты? Если бы ему удалось выяснить, что движет ею...

Глава 7

Прошло двое условных корабельных суток, а Джайлс еще не нашел ответа на вопрос и по-прежнему не представлял себе, как направить корабль в сторону 20 В-40. Но долго ломать над этим голову ему было не суждено. Однажды, усевшись на койке с магнитофоном Эстивена, чтобы наговорить на него события прошедшего дня, он услышал в среднем отсеке корабля шум, крики, визг.

Джайлс сунул магнитофон в карман и выскочил в проход почти так же быстро, как в день, когда кричала Ди и когда умирал Инженер. В проходе Грос прижал Эстивена к стене и избивал его до потери сознания. Грос был на добрый десяток лет старше Эстивена. Маленький, легкий, он понятия не имел о том, как надо драться, но сжал кулаки и махал ими что есть силы. Эстивен, зажатый между двумя койками спиной к металлической стенке, был не в состоянии уклониться от его бешеного натиска.

— Прекратите! — крикнул Джайлс, вырывая из рук Гроса привалившегося к стене Эстивена. — Успокойся, Грос... Нет-нет, меня колотить не стоит. Садись и успокойся. И ты тоже, Эстивен. Сядь вон на ту койку и расскажи мне, что тут происходит.

— Он... Он... — Эстивен почти плакал. На его щеках вновь пылал тот неестественный румянец, который Джайлс замечал и раньше. — Ему же есть чем заняться. У него есть компьютер. И книга тоже есть. Я хотел только взять несколько страниц из этой книги, чтобы записать музыку, которую я сочиняю...

— Только! — заорал Грос. Голос его казался высоким от гне-

ва. — Из книги моего предка вырвана целая кипа страниц, из книги об исчислении предикатов! Я прорабатывал в ней формулы — чтобы занять время. Это моя книга — и ей цены нет! Ей больше двухсот двадцати пяти лет! Вы думаете, я позволю вырывать страницы из семейной антикварной книги, чтобы он царапал на них свои доморощенные ноты?! И что это еще за музыкальные сочинения? Никто теперь не пишет настоящей музыки без компьютера...

— Грос! — сказал Джайлс. Грос умолк.

— Он полагает... — начал Эстивен.

— И ты тоже помолчи, — сказал Джайлс. — Успокойся. Ну-ка, Грос, покажи мне эту книгу.

Не сводя взгляда с Эстивена, Грос полез в карман комбинезона и вытащил томик в коричневом переплете, такой маленький, что его можно было бы зажать в кулаке. Открыв его, Джайлс обнаружил, что на страничках довольно много пустого пространства — между графиками и вокруг них.

— Да, это книга по математике, — сказал он. — Ты говоришь, исчисление предикатов?

— Именно так, ваша честь, сэр, — ответил Грос спокойнее. — Ее купил мой дед еще до Зеленой Революции. Она осталась от него, от тех времен, когда компьютеры занимали в зданиях целый этаж.

— Книга двухсотдвадцатипятилетней давности, — Джайлс кивнул. — Тогда я понимаю, почему ты так хотел сберечь ее, Грос.

Он нахмурился, зажал уголок страницы между средним и большим пальцами и потер.

— Для такой старой книги она в отличном состоянии, — сказал он. — Как...

— В нее был введен пластик. Все исходные материалы были заменены одномолекулярным веществом, — с гордостью объяснил Грос. — Мой отец об этом позаботился. Это стоило ему месячного жалованья, однако с тех пор, за пятьдесят четыре года, она ничуть не износилась.

— Пластик? — повторил Эстивен странным голосом. Он не отводил глаз от книги в руке Гроса.

— Да, Эстивен, — сказал Джайлс. — Грос нам только что это сказал. А в чем дело?

— Да... ничего... — пробормотал Эстивен, уставясь на книгу. — То есть... Я думаю, раз это пластик, то мое перо не годится. Я бы все равно не смог писать на этих страницах...

— Какой стыд! Ты даже не сказал, зачем тебе она, прежде чем воровать у меня книгу! — выкрикнул Грос ему в лицо.

— Я сначала попросил ее у тебя...

— А я тебе отказал! — завопил Грос. — Я что, должен объяснять, почему не хочу драть в клочья книгу, доставшуюся мне по наследству?

— А объяснить было бы вполне уместно, — сухо сказал Джайлс, возвращая ему книгу. — Возьми. И держи ее в таком месте, где до нее никто не доберется.

Он вернулся в носовой отсек корабля. Позади него включили магнитофон, послышались три знакомых аккорда Боссера, сопровождавшие завораживающий хрипловатый голос Сингха.

Он сел на койку и обнаружил, что за ним по пятам следовала Мара.

— Слушаю, — сказал он, подняв к ней голову.

— Я хотела бы вам кое-что показать... — Лицо ее было серьезным, почти угрюмым.

— Что именно? — спросил он.

— Прошу вас пойти со мной...

В среднем отсеке снова раздались громкие голоса. Ансамбль Боссера — Сингха сменился инструментальным соло, наигрывавшим жалобную мелодию на высоких нотах, Джайлс вскочил с койки и отправился в средний отсек, где увидел Гроса, который пытался вырвать магнитофон из рук Эстивена.

— ...и выключи эту пакость! — ревел Грос. — Давай обратно Боссера и Сингха! Вот они — это дело!

— Минутку... одну только минутку... — умолял Эстивен. — Только послушай этот спинет...

— Какой там еще спинет! — завопил Грос. — Пакостная дрянь, ненавижу!

— Сэр! — воззвал Эстивен к Джайлсу. — Вы же разбираетесь в музыке, ваша честь, сэр. Даже, может быть, специально учились. Вы ведь чувствуете разницу, правда? — Дрожащими пальцами Эстивен все еще прикрывал магнитофон, надеясь выиграть время.

— Да, верно, это спинет, — подтвердил Джайлс. — Но боюсь, я не так уж интересовался музыкой, Эстивен, Боссер и Сингх меня вполне устраивают.

Он хотел было уйти, но Эстивен поднял руку, словно пытаясь удержать его. Движимый смутной жалостью к этому человеку, Джайлс остановился.

— Ведь правда на моей стороне, сэр? — спросил Эстивен. — Вы-то знаете. Вы бы удивились, если бы я сказал, кто здесь со-

лист? Я. Моя работа как раз в том, чтобы аранжировать и исполнять такие пьесы. Я понимаю, что инструментальную часть можно запрограммировать и она выйдет из синтезатора в безупречном виде. Но в наши дни осталось мало таких, как я, — кто в самом деле знает и любит свои инструменты... Я замечал, что в запись вкладываешь гораздо больше, если проиграл одну или две партии... то есть если использовать живого музыканта...

Музыка внезапно оборвалась — это Грос дотянулся до кнопки. Снова полились Боссер и Сингх.

Эстивен собрался было протестовать, но промолчал.

— Грос, — сказал Джайлс. Грос поднял глаза. — Это магнитофон Эстивена, а не твой, как книга твоего дедушки принадлежит не ему, а тебе. Если тебе не нравится музыка, приходи ко мне и скажи об этом. Я не хочу, чтобы ты трогал этот магнитофон.

— Хорошо, сэр, — пробормотал Грос, уставясь на койку.

— Пусть они с полчасика послушают то, что хотят, — обратился Грос к Эстивену, — а потом полчаса проиграй то, что сам хочешь.

— Да, ваша честь, сэр, — сказал Эстивен. Глаза его переполняла такая благодарность, что Джайлса замутило. Он повернулся к Маре, стоявшей сзади.

— Так что же? — спросил он. — В чем дело?

— Я прошу вас пойти со мной, — сказала она.

Она направилась к пустующему заднему отсеку, подошла к стене с лозой, пошарив среди листьев, приподняла один из побегов.

— Посмотрите на этот плод, — тихо сказала она Джайлсу.

Он подошел ближе. Сначала он не заметил в нем ничего особенного, но потом, прикрыв глаза от ослепительного света, различил смутные тени на его поверхности. Приглядевшись, он различил под кожицей темные пятна.

— Поначалу я заметила отдельные пятнышки, — тихо говорила Мара ему на ухо, — на одном из плодов. Тогда я проверила все побеги и нашла десятка два с такими же коричневыми пятнами.

— Покажи мне, — попросил он.

Она кивнула и повела его вдоль стены. Перебрав побеги, она отыскала еще несколько плодов с отчетливыми пятнами, хотя пятен на них было поменьше, чем на том, первом.

Джайлс принялся осматривать всю лозу. Скоро он заметил почерневший скрученный лист. В задумчивости он оторвал его и стал искать другие.

Их набралось четыре, и Джайлс вернулся за тем первым плодом, который Мара ему показывала.

— Отнесу к Капитану, — сказал он, одобрительно глядя на нее. — Ты поступила очень благоразумно, не рассказав об этом никому, кроме меня.

Она чуть улыбнулась.

— Даже у арбайта встречаются проблески здравого смысла, ваша честь, сэр, — сказала она.

Была ли ирония в ее ответе?

— Я, разумеется, дам знать, что скажет Капитан. Спасибо, что сказала мне. Пока я не поговорил с Капитаном, держи это в секрете.

— Само собой, — ответила она.

Джайлс повернулся и направился к носовому отсеку корабля. Проходя средний отсек, он спрятал листья и плод, чтобы их не видел никто. В душе его шевелилась смутная тревога. Естественно, эта простая система вряд ли будет работать без перебоев. Пока спасательный корабль находится в резерве на борту лайнера, питательную цистерну, чтобы поддержать лозу, регулярно заполняют новыми добавками. Испытания на Земле показали, что система питания должна обеспечивать пассажиров спасательного корабля по крайней мере шесть месяцев, а число пассажиров на борту было далеко до полного комплекта.

Джайлс между тем уже подошел к переборке, за которой сидела в своем капитанском кресле инопланетянка.

— *Райумунг,* — сказал Джайлс по-альбенаретски, — *мне нужно поговорить с вами.*

Она не ответила, глаза ее были закрыты. Он подошел ближе, оказавшись у ручки ее кресла. Скрытый за защищающим ее экраном, он заговорил снова, не повышая голоса, но почти вплотную к ее крошечному ушному отверстию.

— *Капитан! Капитан Райумунг!*

Она пошевелилась. Глаза ее открылись, голова повернулась, она взглянула на него.

— *Да?*

— *Я прошу вас внимательно выслушать меня,* — сказал Джайлс. — *Речь идет о лозе иб.*

— *Эту лозу трогать нельзя. Берите только плоды, как вам было приказано.*

— *Райумунг,* — сказал Джайлс, — *вас, видно, подводит память. Вы никогда не давали нам приказа питаться плодами. Я сам приказал это своим людям.*

— *Ну, вот и поступайте соответственно.* — Глаза на темном морщинистом лице вновь закрылись.

— *Райумунг,* — повторил Джайлс теперь уже громче. — *Мне нужно, чтобы вы отнеслись к моим словам с полным пониманием. С лозой неблагополучно.*

— *Неблагополучно?* — Ее глаза вновь открылись.

— *Прошу вас осмотреть этот плод.*

Джайлс протянул ей плод, который дала ему Мара. Три длинных темных пальца схватили его.

Капитан некоторое время держала его в руке, рассматривая, потом вернула Джайлсу.

— *Не ешьте его. Выкиньте.*

— *Почему? Что с ним случилось?*

— *От него вам будет плохо. Вы можете умереть. Их есть нельзя.*

— *Я пришел к вам не за предостережениями,* — сказал Джайлс. — *Я спросил вас, что случилось с этим плодом.*

— *Он стал гнить.*

— *Это тоже очевидно.* — Джайлс однажды уже допустил ошибку, позволив себе раздражение в разговоре с инопланетянкой. Теперь он пообещал себе, что больше этого не случится. Его голос, произносящий слова со звенящими альбенаретскими интонациями, казался ледяным, но таким же сдержанным, как у Капитана. — *Тогда взгляните на эти листья.*

Он протянул ей четыре скрученных потемневших листа. Она взяла их, подержала так же, как раньше держала плод, и вернула ему.

— *Листья мертвы,* — сказала она.

— *Я это вижу,* — сказал Джайлс. — *Я хочу знать, почему это произошло. Почему листья засохли? Почему плод внезапно стал гнить? Что случилось с лозой?*

— *Не имею представления.* — Голос Капитана был далеким, почти равнодушным. — *Я космический офицер, а не биолог. Тех, кто мог бы объяснить, что случилось с иб, на корабле нет.*

— *А вы не можете провести какие-нибудь испытания? Например, проверить питательный раствор в конвертере?*

— *На борту нет никакой контрольной аппаратуры.*

— *Да,* — угрюмо сказал Джайлс. — *Собственно говоря, этот корабль, подобно всем вашим кораблям, капитан Райумунг, разваливается от дряхлости и отсутствия надежного ухода.*

Он надеялся, что его слова рассердят Капитана и выведут ее из странной апатии. Но попытка не удалась.

— *Вы не понимаете.* — Капитан говорила тем же отстраненным

голосом. — *Эти корабли умирают. Альбенарет умирает. Но мы умираем не так, как малые цивилизации. Мы не хотим погибать в туманах атмосферы, подвергаться химическому разложению и превращаться в почву или в нечто еще более неопределенное, из чего мы пришли на свет. Мы делаем иной выбор — гордо идем навстречу смерти, один за другим, проходим следующие Врата, пока окончательно не сотрется воспоминание об альбенаретцах. Вы принадлежите к иному племени и не понимаете этого. И никогда не поймете. Лоза иб на этом корабле тоже умирает — неважно почему. Раз ваша жизнь зависит от нее, вы тоже умрете. Здесь дело в химии и законах природы.*

— *А как насчет вашей ответственности за пассажиров?*

— *Я уже говорила вам, что в мои обязанности входит доставить их на место и при этом не имеет значения, окажутся они живыми или мертвыми.*

— *Я не верю в это,* — сказал Джайлс. — *Когда вы брали нас на борт вместе с людьми, попавшими на корабль, над Землей, вам было вовсе не безразлично, доберутся они до места назначения живыми или нет.*

— *Это было еще до того,* — сказала Капитан, —*как один или несколько представителей человеческого рода повредили мой корабль и все альбенаретцы на борту оказались обесчещены. Если какие-либо человеческие поступки лежат в основе логической цепи событий, ведущих к гибели людей, я не могу нести за это ответственность.*

— *Я с вами не согласен,* — ответил Джайлс. — *И что касается меня, то, как я вам уже говорил, я ответственен за жизнь моих людей на борту. Может быть, вы способны объяснить собственное поведение самой себе, но предупреждаю вас: ни я, ни другие люди не примут ваших объяснений, а альбенаретцы нуждаются в поставках металла и энергии, которые вы получаете от нас, — если вы хотите, чтобы эти ваши корабли летали еще несколько тысяч лет или столько, сколько вам нужно, чтобы надлежащим образом умереть.*

— *Не стану пререкаться с вами,* — сказала Капитан. — *О том, что будет после прибытия на Белбен людей, живых или мертвых, позаботятся другие представители моего племени, это уже не мое дело.*

— *Уже не...* — Джайлс запнулся, потрясенный внезапным подозрением. — *Райумунг, может, дело в том, что вы сами не рассчитываете добраться до Белбена живой?*

— *Именно так. Я живой не доберусь.*

Джайлс уставился на длинную, узкую, темную фигуру в командирском кресле.

— *Но почему?* — резко выдохнул он.

Инопланетянка отвернулась, переведя взгляд на ближайший из двух экранов приборного щита — тот, что высвечивал бесконечный мрак космоса, испещренный впереди, по ходу корабля светящимися звездами.

— *Лоза иб не может дать мне всех питательных веществ, в которых я теперь нуждаюсь,* — сказала она. — *Будь я одна, мне бы хватило их. Но я теперь не одна. Я несу в себе новую жизнь — еще свободную от бесчестья, и она продолжит поиски того, кто разрушил мой корабль. Эта новая жизнь станет основой новой семейной линии и передаст по наследству цель — найти виновного. Это будет и новая жизнь корабля, рожденная Инженером и мной, она будет носительницей чести всех моих офицеров и команды, всех, кто был со мной рядом, пока корабль был мой. Я умру, но дитя моего корабля возьмет из моего тела все необходимое и доживет до приземления на Белбене, станет офицером и загладит позор случившегося.*

Она замолчала. Джайлс долгое время не мог найти слов. В его сознании мгновенно все сложилось в единую картину: эластичные тросы вокруг ног Инженера в космическом костюме практически не защищали его от возможного нарушения герметичности скафандра, однако предохраняли репродуктивную зону его тела. Да, именно это увидела Ди там, в кормовом отсеке корабля, залитом кровью инопланетянина, когда наткнулась на Капитана и умирающего Инженера.

— *Но вы могли бы жить, если бы не... совершили этого,* — сказал он. — *Почему бы вам не выжить и не загладить одной позор случившегося?*

— *Я уже обесчещена, и помочь мне не может никто, кроме членов моей команды, но они мертвы. Новая жизнь во мне ничем не запятнана, и альбенаретцы не откажут ей в помощи, если не возникнет каких-либо новых препятствий. Их помощь нужна будет для поисков тех, кто разрушил мой корабль.*

Снова наступила пауза.

— *Ну, хорошо,* — сказал наконец Джайлс. — *Я, как вы говорили, не принадлежу к альбенаретской цивилизации и признаю, что не могу до конца понять вас. И все же я не вижу причин, почему бы вам не повернуть этот корабль в сторону 20 В-40 и не дать нам шанса на спасение. Собственно говоря, я официально настаиваю на том, чтобы вы изменили курс.*

— *Нет.* — Голос Капитана был ровен. — *Жизнь, которую я ношу в себе, при рождении будет незапятнанной, но в данном случае требуется нечто большее. Чтобы утвердить свое право на ранг корабельного офицера, доступный лишь немногим альбенаретцам, юное существо должно обладать унаследованной честью. Если корабль доставит на Белбен пассажиров, живых или мертвых, честь его будет спасена. Иначе все теряет смысл.*

— *А в том, чтобы спасти людям жизнь, никакой чести нет?* — выкрикнул Джайлс.

— *Откуда же ей быть?* — ответила Капитан. — *Владелец жизни должен сам спасать свою жизнь. Если это делает другой, он грубо вмешивается в чужую сферу чести. Каждый берет на себя ответственность, отказывая себе, сколько возможно, в удовольствии прохождения через следующие Врата. И, кроме того, это всего лишь людские жизни. Если бы вы были альбенаретцы, вы бы приумножили свою честь, помогая мне выполнить долг и доставить пассажиров до Белбена. Но вы другие, вы просто не понимаете разницы. Эдель, поймите, мы летим на Белбен, и иных вариантов нет.*

Капитан закрыла глаза.

— *Райумунг,* — сказал Джайлс.

Темная фигура не отвечала. Джайлс повернулся и вышел.

В первом отсеке корабля он увидел лежащего на койке Хэма и Мару, в ожидании стоявшую рядом с ним. Секунду Джайлс непонимающе смотрел на нее, потом вспомнил. Он говорил с Капитаном по-альбенаретски, а Мара, разумеется, не знала этого языка.

Он улыбнулся, чтобы подбодрить ее.

— Боюсь, — сказал он, — Капитан знает о лозе не больше нашего. Это не ее специальность. Пока мы просто будем избегать плодов с пятнами. Порченые плоды отправляй прямиком в конвертер. Сообщи об этом всем остальным.

— Хорошо, — ответила она, но не ушла. Ему показалось, что Мара смотрит на него с некоторым любопытством. — И это все, что вам удалось выяснить? Вы с ней так долго разговаривали.

— Похоже, мы с Капитаном обречены на вечные споры, — сказал он. — Боюсь, я не узнал ничего, что стоило бы пересказывать. Но я еще буду говорить с Капитаном и, если будет новая информация, поделюсь ею. Пока же не ешь плодов с пятнами и не тревожься. И скажи об этом другим.

— Скажу, — пообещала она.

Мара отправилась в средний отсек, и Джайлс слышал ее голос. Однако на фоне включенного магнитофона, который звучал все громче, он не мог разобрать, что именно она говорит людям.

Магнитофон стал чем-то вроде средства, обеспечивающего приватность разговоров, что устраивало всех.

Джайлс улегся на койке и стал думать о Капитане. Как бы там ни было, курс нужно поменять в направлении 20 В-40 и сделать это теперь, пока инопланетянка в состоянии пилотировать корабль.

Глава 8

Шестой день. 23 часа 57 минут

Все, кроме Джайлса, спали. Лампы по-прежнему горели над ними, но у людей уже выработался рефлекс смены циклов сна и бодрствования. В полночь по корабельному времени Джайлс наговаривал в магнитофон события дня.

«Шестой день, — диктовал он. — Плодов еще достаточно, но появляется все больше экземпляров с пятнами, умирающих листьев. Настроение примерно то же. Конец шестого дня».

Он бережно положил магнитофон на пол у изголовья, чтобы Эстивен мог забрать его утром, и потянулся за рукавом, который отрезал от космического костюма. Оранжевый рукав был достаточно длинным; его можно было использовать в качестве повязки, чтобы защищаться от света. На корабле не было зеркала, но Джайлсу легко было вообразить собственный одичавший, почти варварский облик — с одной обнаженной мускулистой рукой и курчавой шестидневной щетиной. Любопытно, что арбайты выглядели иначе. Хотя и Грос, и Эстивен отрастили изрядные бороды — у Гроса с небольшой проседью, — они скорее казались взъерошенными и немытыми, чем одичавшими. У Фрэнко и Хэма бород не было. У Фрэнко на подбородке выросло несколько редких мягких черных волосков. У Хэма — пышные светлые усы и жесткие песчаного цвета заросли по линии скулы, от подбородка до верхней части щек.

Почти все они, кроме Бисет, пожертвовали частью одежды, чтобы сделать себе повязки для глаз во время сна. К счастью, ни один из них не храпел, хотя Хэм иногда переворачивался на спину, и тогда в горле у него что-то булькало.

Джайлс обернул рукав вокруг головы и вытянулся на постели. Ему долго не удавалось заснуть. В такие минуты он особенно остро чувствовал тесноту и духоту на корабле, надвигались все нерешенные проблемы, связанные с безопасной посадкой на 20 В-40, не говоря уже о необходимости осуществления его главной миссии. Он беспокойно ворочался, пытаясь найти удобное положение. Допустим, лоза *иб* еще продержится и ему удастся направить корабль к 20 В-40, но выдержат ли арбайты еще тридцать или сорок таких дней?

Что-то нарушило ход его мыслей. Что-то едва слышное, словно кто-то вскрикнул и умолк. Он прислушался...

Ни единого звука, кроме сонного тяжелого дыхания.

Он сел в постели и сорвал с головы повязку. Яркий свет ослепил его. В носовом отсеке раздавалось какое-то глухое постукивание.

Он встал. Стук шел из-за переборки, закрывающей центральный пульт управления. Он прошел за переборку и увидел, что инопланетянка душит Эстивена. Лицо Эстивена потемнело, руки тщетно пытались разжать пальцы, обхватившие его горло с невероятной силой. Дергавшиеся ноги ударяли по мягкой обивке пола, производя тот глухой звук, что услышал Джайлс.

Джайлс бросился на Капитана.

— *Отпустите его!* — закричал он по-альбенаретски, вцепляясь в ее пальцы. Казалось, он пытается вырвать из земли стальной шест. — *Отпустите его! Вы убьете!*

— *Я избавлюсь от него,* — холодно ответила инопланетянка. — *Он осквернил навигационную книгу и, по соображениям чести, должен быть исторгнут из нашей среды.*

— *Но это же ваше бесчестье!* — в ярости крикнул Джайлс. — *Он вам не принадлежит! Вы не имеете права! Он мой человек, не ваш, только мне решать — оставить его жизнь или убить! Вы — похититель, лишенный чести!*

Реакция была мгновенной. Капитан буквально бросила Эстивена, который, задыхаясь, упал на пол. Руки ее были подняты вверх, длинные пальцы направлены на Джайлса, готового встретить нападение инопланетянки.

Но руки опустились. Капитан отвернулась от Джайлса и рухнула в кресло, устремив взгляд на главный экран.

— *Заберите его.* — Голос альбенаретки был холодным и равнодушным. — *Он осмелился тронуть и перелистать страницы книги, которая для нас — святая святых. Делайте с ним, что хотите. Но если я еще раз увижу его в носовой части корабля, я сочту, что тот, кто не способен управлять своей собственностью, лжет относительно своих прав на нее.*

Джайлс поставил Эстивена на ноги, приподнял его в воздухе, отбивая слабые попытки сопротивления, подтолкнул вперед и

вывел из отсека Капитана. Они прошли в первую секцию корабля, затем в среднюю.

Арбайты столпились в первом отсеке, разбуженные громкими голосами и альбенаретской речью. При приближении Джайлса и Эстивена они, подобно волне, отхлынули в средний отсек. Подойдя поближе, Джайлс подтолкнул к ним Эстивена и позвал Мару. Та замешкалась на секунду, и Джайлс раздраженно притянул ее к себе, чтобы его слов не услышала альбенаретка.

— Посмотри за Эстивеном, — сказал он ей. — Капитан чуть не задушила его, но все обошлось.

— Что?!! — начала Мара. Джайлс взглядом остановил ее.

— Я только что спас его дурацкую жизнь... да тише же! — хрипло прошептал Джайлс. — Но я не гарантирую, что смогу спасать вас и дальше, если вы не будете слушаться приказов. Так что делайте, как я вам говорю, и не пускайте Эстивена в носовую часть корабля, если вам дорога его жизнь!

Он повернулся и вышел. Сзади рыдал рухнувший на пол Эстивен.

— Я не хотел сделать ничего дурного. Я не мог заснуть. Я думал, это просто книга, чтобы ее читать, рассматривать, понимаете...

Джайлс в сопровождении Хэма вернулся в носовой отсек корабля.

— Хэм, — сказал он рослому арбайту, — удерживай их на месте. Мне надо подумать.

Хэм кивнул и встал в дверном проеме. Джайлс бросился на койку. Теперь в довершение всего надо ломать голову из-за Эстивена. Джайлс ни на секунду не поверил, что тот хотел просто посмотреть на навигационную книгу. Да и войти в помещение Капитана требовало такого мужества, каким — в этом Джайлс готов был поклясться — Эстивен вовсе не обладал. С другой стороны, зачем ему эта книга? Альбенаретская математика для него пустой звук, притом руководство по навигации вряд ли содержало свободные места, как та старинная математическая книга Гроса, на страницах которой Эстивен хотел записывать свою музыку.

В среднем отсеке корабля вновь включили уже знакомых Боссера и Сингха. В такт однообразной мелодии вопросы в мозгу Джайлса как бы сновали вверх и вниз, описывали круги...

Внезапно он очнулся с ощущением, что проспал. Над его койкой неясно маячила фигура Хэма.

— Мара хочет поговорить с вами, ваша честь, сэр, — сказал он.

— Да? — Джайлс сел на койке, протирая глаза. Он увидел, что

Мара стоит как перед невидимым барьером у входа рядом с переборкой.

— Садись, — сказал он. — Побереги силы. Нам они еще потребуются.

Она с секунду поколебалась. Потом все же села.

— Вы правы, — сказала она.

Джайлс улыбнулся. Она нередко проговаривала неожиданные вещи — утверждения или вопросы, которые показались бы дерзкими, если бы не невинный тон. Арбайту не пристало рассуждать, прав Джайлс или нет. Он вспомнил, что подумал о ней вскоре после первого знакомства.

— Скажи мне, Мара, — начал он. — Ты, случайно, выросла не в семье Эделей?

— Я? — Она засмеялась. — Ничего похожего. Мой отец умер, когда мне было всего три года. В нашей семье восемь детей; благодаря ошибке компьютера мои родители получили разрешение на большое потомство и долго не отдавали себе отчета в том, что это просто ошибка. Потом, как я уже сказала, отец умер, а мать получила особое разрешение посвятить все свое время семье. Ей даже разрешили взять в дом бабушку, чтобы та ей помогала. Так что росла я примерно так же, как если бы жила лет сто пятьдесят назад, до Зеленой Революции.

Джайлс в изумлении воззрился на Мару.

— И ты не жила в интернате? — спросил он.

— Ну, я прошла обычный курс, — ответила она. — Но дома я попадала в наш собственный домашний круг. Типичная старинная средневековая семья.

— Понятно, — сказал он. Его охватила жалость к ней. Неудивительно, что девушка попала в эту ловушку — вступила в организацию «Черный четверг». Какое-то мгновение он боролся с искушением предупредить ее, сказать, что Бисет опознала в ней революционерку, но привычка подчинять себя долгу взяла верх.

— О чем ты хотела поговорить со мной? — спросил он.

Мара предусмотрительно глянула в сторону среднего отсека корабля, но магнитофон играл достаточно громко.

— Я хотела сказать вам об Эстивене, — проговорила она. — Мне показалось, что вы должны это знать. У меня нет диплома медсестры, но в школьные годы я проходила стажировку в медицинском учреждении. У Эстивена что-то неладно со здоровьем. Руки у него ледяные, хотя воздух на корабле густой, как в парилке, а пульс частый и неровный.

Джайлс посмотрел на нее с уважением.

— Очень хорошо, что ты заметила и пришла рассказать мне, — сказал он. — Но чем могут быть вызваны эти симптомы?

Она покачала головой.

— Я проходила практику в течение одного года и к тому же совсем девчонкой.

Джайлс кивнул.

— Понятно. Что ж, я поговорю с Эстивеном, может быть, он сам знает, что с ним происходит.

— Что бы это ни было, мы вряд ли сможем ему помочь, — сказала Мара. — На этом корабле нет никакого медицинского оборудования и лекарств. Не знаю, что и делать.

Джайлсу показалось, что она говорит с искренним огорчением.

— Это не входит в твои обязанности, — мягко напомнил он ей. — За это отвечаю я.

— Да, разумеется, — сказала она и сделала жест, словно отмахиваясь от сказанного Джайлсом. — Вы, Эдель, полагаете, что всю ношу должны взвалить на собственные плечи. Но вы заперты здесь с оравой арбайтов, а что вам известно о них?

— Что мне... — повторил он с изумлением и умолк. Как далекое эхо, вспомнились слова Пола Оки, говорившего ему почти то же. Если бы не изумление, он бы не прореагировал на нелепое обвинение Мары. — Разве ты не рассказывала мне о том, что все низшие классы мечтают попасть в Колонизованные миры?

Джайлс запнулся. Он посмотрел в сторону переднего и среднего отсеков корабля. Хэма там не было. Он, стало быть, в кормовом отсеке собирает урожай или подыскивает для себя плод *иб*. Тем не менее Джайлс понизил голос.

— На днях, — сказал он, — я долго разговаривал с Хэмом. Он очень страдает. Корабль уносит его далеко от тех, с кем он привык работать. Он готов отдать все что угодно, лишь бы вернуться на Землю. Может быть, я знаю об этом арбайте больше, чем ты думаешь.

— А, Хэм! — сказала Мара. — Это просто аморально, когда бедные беспомощные дети, подобные Хэму, проходят генный контроль и из них растят нечто вроде животных...

— Шш! — сказал Джайлс встревоженно. — Говори тише. Есть люди... кто-нибудь на борту может донести на тебя.

Мара стала говорить тише, но в голосе ее по-прежнему сквозило презрение.

— Вы имеете в виду эту доносчицу? — сказала она. — Я ее не боюсь!

— Доносчицу? — переспросил Джайлс.

— Полицейского агента, — сказала Мара. — Бисет.

Он не верил свои ушам.

— Ты... ты знаешь, что она служит в полиции?

— Разумеется, — сказала Мара. — Об этом на корабле знают все. С каждым кораблем работников-арбайтов Межгалактическая полиция посылает своего агента. Любому арбайту это известно.

— Что еще ты о ней знаешь? — спросил он.

— Знаю, что она с легкостью донесет на каждого, кто ей не понравится, независимо от того, виноват человек или нет.

Джайлс угрюмо взглянул на нее.

— Похоже, тебя это не слишком беспокоит, — сказал он.

— Дело в том, что в Колонизованных мирах на агентов не обращают особого внимания. Они доносят о плохом поведении или о разговорах в революционном духе. Их много — полицейских осведомителей, прибывающих с кораблями и пытающихся затеять свару.

— Боюсь, ее обвинения могут оказаться более серьезными. — Джайлс вдруг отбросил все свои представления о долге. Таких, как Бисет, целые толпы. А эта девушка, с ее прямотой и мужеством, сверкала, как бриллиант, среди груды щебня, которым был низший класс. — Она может обвинить тебя в принадлежности к революционерам «Черного четверга».

Мара взглянула на него.

— Вот как? — сказала она.

И тут между ними словно вырос некий невидимый барьер. Два только что откровенно беседовавших человека оказались оппонентами, глядящими друг на друга поверх полосы спорной территории. Джайлс испытывал желание разрушить этот барьер, покончить со всем, что разделяло их, — его самого удивила сила этого желания. Но сейчас было не до эмоций.

— Она мне сказала об этом, — проговорил Джайлс. — Я, собственно, ей не поверил.

— Вы очень добры, ваша честь, сэр, — сказала Мара. — Вы, разумеется, правы. Я не принадлежу к этой группе.

— Я так и думал, — сказал Джайлс.

Но барьер оставался на месте и по-прежнему разделял их.

Она поднялась.

— Тем не менее спасибо, что известили меня, Эдель.

— Не за что, — ответил он вежливо, ощущая некоторую беспомощность. — Благодарю, что ты рассказала мне об Эстивене.

— Я хотела помочь, — сказала она.

Мара вышла. Он не удерживал ее. В его груди теснилась странная боль. Он не мог разобраться, что, собственно, было не так.

А через несколько часов — в среднем отсеке по-прежнему громко играл магнитофон — у его койки объявилась Бисет. Без всяких преамбул она заговорила с ним на эсперанто.

— *Извините меня, ваша честь, сэр,* — сказала она совсем не извиняющимся тоном. — *Боюсь, мне необходимо поговорить с вами. Однажды я уже предупреждала вас относительно этой девушки, Мары, и ее революционных связей. Я должна напомнить вам, что ваш ранг не освобождает вас от контроля полиции. Вы позволяете этой девушке пользоваться недопустимой свободой.*

— *Она пришла рассказать мне о...* — Джайлс остановился. Он собрался было рассказать этой женщине об Эстивене, но понял, что опускается до объяснений. Холодная ярость овладела им. — *Убирайся вон!* — прорычал он.

Гнев поднял его на ноги, но Бисет уже исчезла. Он почувствовал сердцебиение, отдававшееся в артерии под подбородком.

Он прошел в средний отсек корабля и увидел в углу Бисет, уставившуюся на него расширенными побелевшими глазами. Мары там не было. Он задержался на секунду у магнитофона, включив его на полную громкость, и направился в хвостовой отсек. Ди, Фрэнко и Мара собирали испорченные плоды и отправляли в конвертер.

— Оставьте нас одних, — сердито бросил Джайлс Ди и Фрэнко. Те поспешили уйти.

Мара озадаченно смотрела на Джайлса.

— Бисет, — сказал он. Они стояли лицом к лицу, совсем близко, и, хотя он говорил обычным голосом, магнитофон заглушал его слова. Они могли говорить без помех. — Она только что была у меня. Пришла сказать, неслыханная наглость с ее стороны, чтобы я не разговаривал с тобой.

Мара открыла рот.

— Может быть... — начала она тем же официальным тоном, что и раньше, но тут же ее лицо и голос изменились, обнаружив явную тревогу. — Может быть, действительно не стоит?

— Я — Джайлс Ашад из рода металлургов, — сказал он. — Но важно другое. Если Бисет попытается причинить тебе вред, приходи ко мне. Подозреваю, что она вознамерится обвинить тебя в том, что ты подбросила бомбу, взорвавшую космический лайнер.

Мара пристально посмотрела на него.

— Так это в самом деле была бомба? — спросила она. — Вы уверены в этом?

— Она — нет, — коротко бросил Джайлс. — Это я подложил бомбу. — При воспоминании о случившемся Джайлс заскрежетал зубами. — Я вовсе не хотел разрушить лайнер. Предполагалось, что бомба повредит лишь трюм корабля, и он повернет в направлении ближайшей посадки — в сторону шахтерского мира под названием 20 В-40, для ремонта.

Мара не сводила с него глаз.

— И все эти погибшие... — начала она, но передумала и, подойдя к нему, взяла его за руку. — Вы ведь сказали, что никому не хотели причинить зла. Что же случилось?

Он почувствовал, что изо всех сил, до ломоты в челюстях, стискивает зубы.

— Не знаю! — воскликнул он. — Я — идиот, да и все мы... Мы недооценили, насколько дряхл альбенаретский флот. Вероятно, разрушилась перемычка, которая должна была локализовать взрыв в грузовом трюме, и начался пожар... ты его видела.

Мара еще сильнее сжала его руку и подняла глаза.

— Почему вы все это мне рассказываете? — спросила она.

Некоторое время он мрачно глядел на нее.

— Может быть, потому, — сказал он медленно, — что я доверяю тебе. Не знаю почему и никому не смог бы этого объяснить. Просто теперь я... Я вдруг почувствовал потребность поделиться, а ты единственный человек, с которым я мог заговорить о происшедшем.

Она смотрела на него так, как никогда еще не смотрела ни одна женщина. Это вызвало беспокойство и почему-то смущение. Он попытался вымолвить хоть слово, но годы муштры и привычка к дисциплине словно перехватили горло.

Джайлс неуклюже погладил ее руку и отвернулся. Она ослабила пальцы и отпустила его. Проходя средний отсек, он задержался на мгновение, чтобы повернуть регулятор громкости магнитофона до прежнего уровня звучания. Арбайты не сводили с него глаз. Среди них была и Бисет.

Он, не глядя на них, прошел в носовой отсек и лег на койку лицом вверх, прикрыв рукавом глаза.

Глава 9

Десятый день. 11 часов 22 минуты

Ди плакала. Сидела на своей койке и плакала. После того, что она пережила, увидев Капитана с умирающим Инженером, ей помогало присутствие одной из женщин. Потом, казалось, ей стало лучше, и, если она просыпалась от ночных кошмаров, ее

ободряло присутствие Фрэнко. Потом не помогало уже ничто. Она часто плакала и не могла объяснить почему.

— Что я могу поделать? — Фрэнко стоял с Джайлсом и Марой в заднем отсеке. Ди только что оттолкнула его, когда он присел было рядом с ней.

— Не знаю, — задумчиво сказал Джайлс, глядя на девушку. — Она явно нуждается в медицинской помощи. И никто из нас не сможет ее оказать. Не вини себя, Фрэнко...

— Это я подал идею проситься в Колонизованные миры, — с бешенством сказал Фрэнко. — Моя идея. Шансов у нас было — один против тысячи, и, когда мы получили положительный ответ, мы просто поверить в это не могли. И так радовались. А теперь...

— Я же сказал — не вини себя, — повторил Джайлс. — Ты не виноват. Депрессия у Ди может быть самого разного происхождения. Причиной может быть еда или воздух на борту. Или это наследственное, и, останься она на Земле, это ничего бы не изменило. Мы сделаем все возможное. Зовите меня, если я чем-нибудь смогу быть полезен.

— И меня, — сказала Мара юноше, — в любое время.

— Спасибо, — сказал Фрэнко. Но в голосе его звучала усталость человека, вконец потерявшего надежду.

— Держи себя в руках! — резко сказал Джайлс. Такой же разумный, хоть и трудно выполнимый, совет он дал бы любому из Эделей, но Фрэнко съежился от страха, и Джайлс вспомнил, что говорит с арбайтом. Он постарался смягчить интонацию: — Если она продержится до посадки, потом, в дальнем полете, все будет в порядке.

— Да, сэр, конечно, — сказал Фрэнко. Он с явным усилием пытался вложить в слова побольше бодрости.

— Вот и хорошо, — сказал Джайлс. — Ну, а сейчас ее лучше оставить в покое. Ты же видишь, она предпочитает одиночество, да и тебе необходим отдых. Пойди в носовой отсек и займи пока мою койку.

Фрэнко с благодарностью взглянул на него.

— Благодарю вас, ваша честь, сэр, — сказал он. — Но вы уверены?.. Может быть, я все же могу ей понадобиться здесь?

— Уверен, — ответил Джайлс. — За ней присмотрят, пока тебя не будет.

Фрэнко кивнул.

— Да, — сказал он. — Спасибо. Спасибо вам всем. Я и вправду пойду прилягу.

Он вышел.

Джайлс повернулся к Маре.

— Ты ела что-нибудь? — спросил он. — По-моему, ты похудела.

На ее лице появилось подобие улыбки.

— Все мы тут худеем, — сказала она. — Непонятно, как мы продержимся еще восемьдесят дней до Белбена.

— Пожалуй... — Джайлс почувствовал внезапную боль в челюстях, значит, он опять чересчур стиснул зубы. В последнее время это стало входить в привычку.

— Вы что-то хотите сказать? — посмотрела на него Мара.

— Да, кое-что... — Он взглянул на Ди, но та ничего не слышала, погруженная во тьму собственных несчастий: звуки ее рыданий смешивались с музыкой, льющейся из магнитофона в среднем отсеке. — Помнишь, я говорил, что с помощью бомбы планировалось повернуть лайнер в сторону 20 В-40?

— Помню, — ответила она.

— Существует критический период, — сказал он, — максимальное число корабельных дней, в течение которых можно изменить направление. День взрыва был начальным днем этого периода. С тех пор я считал дни. Нам осталось не более шести дней. Потом менять курс будет поздно.

Глаза ее казались огромными. Может быть, оттого, что так похудело лицо.

— А каково расстояние до 20 В-40?

— Сейчас? — переспросил он. — Около тридцати дней пути.

— Но тридцать дней мы могли бы продержаться! — воскликнула Мара. — Я не понимаю...

— Капитан отказывается изменить курс, — сказал Джайлс. — Я не буду пытаться объяснить почему. Я и сам этого толком не понимаю. Это имеет отношение к понятию чести, как его трактуют инопланетяне.

— Как же они его трактуют? Неужели понятие чести...

— Дело не в этом, — сказал Джайлс. — С самого начала я кое-что держал при себе, чтобы не напугать арбайтов. — Он рассмеялся коротким резким смешком. — Знаешь, я начинаю забывать, что ты арбайт. На борту этого судна все мы опускаемся до базисного общего понятия «человеческая тварь»... Да, Капитан — женщина. Более того, она беременна. Ее партнером был Инженер, как раз перед смертью. И это... их совокупление увидела Ди в тот момент, который она не может припомнить.

Мара глубоко вздохнула.

— О господи... — сказала она.

— То обстоятельство, что инопланетянка забеременела, каким-то образом увязывается с альбенаретским понятием о чести: спасательный корабль должен достичь места назначения, даже если все мы — и она тоже — умрем прежде, чем достигнем его.

— Но если она умрет, как тогда с... с ребенком?

— Он не умрет. Он каким-то образом будет жить за счет ее тела. — Джайлс махнул рукой. Почему-то ему стало во много крат легче теперь, когда он смог кому-то рассказать о Капитане, о ее беременности и о 20 В-40, как раньше про эту историю с бомбой. — В любом случае все сводится к тому, что я должен каким-то способом убедить ее переменить курс в сторону 20 В-40 в течение ближайших шести корабельных дней.

Мара покачала головой.

— Я все-таки не понимаю, — сказала она. — Почему бы нам не взять дело в свои руки? Разумеется, инопланетяне невероятно сильны, но, в конце концов, нас восемь человек, а она одна.

Он с грустью улыбнулся в ответ.

— Ты представляешь себе, что значит поменять курс? — спросил он.

— Нет, — сказала она, — честно говоря, не представляю. Это как-то связано с приборами управления, да? Но ведь вам приходилось изучать альбенаретский язык и их корабли, чтобы рассчитать взрыв бомбы? Стало быть, вы знаете, как работают их приборы?

— Проблема не в приборах, — ответил он. — Проблема в том, чтобы вычислить курс, который сможет привести нас к 20 В-40, поправки к нынешнему курсу, чтобы перевести нас на новый.

— Но ведь у нас есть Грос с его компьютером, — сказала Мара. — Грос поможет вам с любыми вычислениями...

Он качнул головой, и она замолчала.

— Почему же нет? — спросила она.

— Прости, — пробормотал он. — Но ты и в самом деле не понимаешь, что требуется для межзвездной навигации. Приборы просты в обращении, и вычислить курс можно по компьютеру Гроса. Но навигация здесь, в дальнем космосе, сама по себе целая наука. Здесь требуется человек сведущий и желательно имеющий за плечами практический опыт.

— А вы? Вы — из клана Эделей, а у большинства из них есть космические катера, на которых они летают между Землей и другими планетами Солнечной системы. Разве вам не приходилось делать то же?

— Сотни раз, — ответил он. — Но межпланетные катера снабжены программами с большим объемом информации, а нам здесь придется собирать ее по крупицам. Главная задача в межзвездном пространстве — определить свое местонахождение... это отправная точка любого последующего действия. Нет, уж если надо менять курс, то это придется делать Капитану, и ее надо заставить изменить направление, пока она еще достаточно бодра. Она постепенно теряет подвижность, все больше погружается в себя и делается ко всему безразличной. Из ее слов я понял, что «новая жизнь» внутри ее вытягивает из нее все необходимые питательные вещества.

Мара продолжала настаивать.

— Но должен же быть какой-то способ, — сказала она.

— Нет. Это может сделать только Капитан... Почему бы и тебе не отдохнуть, а я пока помучаюсь с этой проблемой?

— Я могу побыть с Ди. Чтобы вы думали без помех.

Он снова покачал головой.

— Я тоже могу побыть с ней. Это не помещает мне размышлять.

Она медленно поднялась на ноги.

— Но вы позовите меня, — сказала она, — как только вам понадобится помощь.

— Непременно.

Он смотрел, как она идет через проход в задней переборке, переходит в средний отсек и пропадает из виду. Он чувствовал такое изнеможение, что хотелось прилечь и вытянуться, хотя бы на несколько минут. Но Джайлс знал, что стоит ему принять горизонтальное положение, и он не сможет сопротивляться желанию уснуть.

Ему надо сосредоточиться. В каждой ситуации можно найти выход. С Капитаном трудно было спорить просто потому, что ее возражения определялись неведомыми ему психологическими и социальными факторами. Если бы придумать способ предоставить инопланетянке то, чего она хочет, не рискуя при этом человеческими жизнями и не нарушая собственных обязательств...

Он вздрогнул и проснулся, почувствовав, что кто-то стоит рядом, почти вплотную к его левому локтю.

Он обернулся. Это был Эстивен.

— Сэр, сэр... — сказал Эстивен хриплым голосом. По его серому от беспощадного света ламп лицу катились крупные капли пота.

— Что такое? — спросил Джайлс.

— Мне... — Казалось, что у него нет сил говорить. — Мне нужна помощь, сэр. Вы... Вы мне поможете, ваша честь, сэр?

— Разумеется, если смогу, — сказал Джайлс. — Садись, старина, а то упадешь.

— Нет... нет, спасибо, ваша честь. — Эстивен закачался. — Мне необходимо... Это просто просьба, небольшая просьба. Но необходимая. Прошу вас, Эдель, пойти навстречу. Понимаете... я... это Капитан...

— Так что же ты хочешь сказать? — еще раз спросил Джайлс. — Соберись с духом. И говори внятно.

— Дело в том, что мне нужно... Нет ли у вас, ваша честь, сэр, нет ли у вас листочка бумаги... например, в вашем бумажнике?

— Бумаги? Нет, у меня нет даже блокнота или ручки... — Джайлс вдруг замолчал, уставившись на Эстивена сузившимися глазами. — Это что, опять насчет музыки? Да как...

— Нет, сэр! Нет, ваша честь, сэр! — сорвался крик с бескровных губ Эстивена. — Я не могу вам объяснить. Но мне необходимо некоторое количество бумаги. Просто потрогать. Просто посмотреть на нее. Прошу вас, заклинаю...

В голосе Эстивена слышалась неподдельная боль. Джайлс машинально принялся рыться в многочисленных карманах космического костюма. Там оказалось много разного хлама, но никаких бумажек. Был, разумеется, приказ о присвоении офицерского звания, но это же бесценный документ. Эстивен не должен знать о нем. Бумага на Земле была почти коллекционной редкостью, во всяком случае теперь. Ее производили в большом количестве в Колонизованных мирах. Неужели Эстивен считал, что Джайлс здесь, на чужом корабле, в космическом костюме найдет в кармане ценнейший...

Ну, конечно! Джайлс выудил из правого кармана брюк бумажник с удостоверением личности. Позади удостоверения лежал хранившийся на память сложенный в несколько раз банкнот, выпущенный шестьдесят лет назад одной маленькой африканской страной перед тем, как все независимые виды валют были заменены Международным кредитным стандартом. Эстивен вцепился в банкнот, но Джайлс забрал его из его дрожащих пальцев.

— Минуту, — резко сказал Джайлс. — Ты же говорил, что хочешь только посмотреть на него, потрогать.

— Потрогать, подержать... Если бы мне можно было на время оставить его у себя... — В уголках рта Эстивена начала собираться слюна. Нижняя челюсть совершила неритмичные жующие движения. Джайлс всмотрелся в его лицо, вылезающие из орбит глаза, серую кожу, и вдруг его осенило.

— Да ведь ты принимаешь тонк! — Джайлс отреагировал мгновенно, спрятав банкнот, и вопль, который издал при этом Эстивен, был достаточно красноречив. — Ты жуешь тонк! Я слышал об этом наркотике — кажется, это один из псевдогаллюциногенов, так ведь? После приема некоторое время все кажется нереальным. Так вот что с тобой происходило!

— Ваша честь, сэр... — Эстивен кружил вокруг Джайлса, пытаясь дотянуться до его руки с банкнотом за спиной. Его подбородок был залит слюной. — Прошу вас, вы представить себе не можете, что это за муки. Боль от каждого звука. Больно двигаться и даже...

Джайлс отпихнул его. Это было все равно что толкнуть ребенка. Казалось, Эстивен совсем обессилел. Соскользнув с койки на пол, он, задыхаясь, пресмыкался у ног Джайлса.

— Пойми же, — сказал Джайлс ледяным голосом, хотя ему было невыносимо тяжело видеть человека в таком состоянии. — Даже если бы я тебе дал банкнот, тебе бы еще хватило на пару раз, а пройдут еще недели, прежде чем мы достигнем планеты, где ты сможешь раздобыть себе бумаги. Ведь тонк принимают вместе с бумагой, не так ли? Целлюлоза несколько смягчает действие, иначе тонк может поразить насмерть. А как случилось, что ты стал принимать эту отраву?

— Что может знать Эдель вроде вас? — почти завизжал с пола Эстивен. — Я умею играть на тридцати двух инструментах, но кому это теперь нужно? Я стал разрабатывать развлекательные программы. Аранжирую и проигрываю идиотские пленки с идиотской музыкой для идиотов-арбайтов, вот и все, что у меня есть в жизни. И что будет впереди — на Земле или там, в колониях... Заклинаю вас, дайте мне половину этой бумажки... маленький клочок, чтобы я мог принять горсточку тонка, оставшуюся у меня...

— Нет. — Джайлс поднялся на ноги и спрятал банкнот в карман. — Я не могу помогать тебе губить себя. И не стану. Ведь когда наркотик кончится, тебе все равно придется жить без него.

Он вышел за переборку в носовой отсек, подальше от причитаний Эстивена. Казалось, кто-то огромный и страшный сдавил его внутренности. Все, чему он научился, все, во что он верил, теряло всякий смысл при виде Эстивена, распростертого на полу и молящегося о клочке бумаги. Подступило удушье, словно прекратился доступ воздуха. Так пресмыкаться и унижаться... Все, что угодно, только не это.

Он прошел в новый отсек и принялся расхаживать взад и вперед. Проблемы без конца. Теперь, зная, что происходит с Эстивеном, нужно решить, чем ему можно помочь. Ясное дело, Эсти-

вену придется обходиться без наркотика и справиться с пагубной привычкой. Но, несомненно, он нуждается в заботе и внимании...

Джайлс нахмурился, пытаясь вспомнить, что он знает о тонке, одном из контрабандных токсических веществ, которые изготовлялись и имели хождение в среде арбайтов. Если он не путает, это чисто синтетическое вещество, первоначально использовавшееся в лечении психических заболеваний, пока не обнаружились его вредные свойства и реакция быстрого к нему привыкания.

Сложная молекулярная цепочка, которая влияла непосредственно на нервную систему, вызывала отравление и смерть. Химически она была близка карбогидратам, любой из которых был способен замедлить ее действие, если принять один из карбогидратов одновременно с небольшим количеством наркотика в виде серого порошка. Самым удобным и эффективным из карбогидратов, сочетающимся с наркотиком, оказалась обычная целлюлоза, содержащаяся в бумаге. Если медленно жевать тонк вместе с бумагой, то химическое поглощение его организмом происходит медленно, в течение часов, а то и нескольких дней. С другой стороны, даже небольшое количество наркотика давало более длительный эффект. Наркотик значительное время сохранялся в организме, и при таких условиях распад, и моральный, и физический, наступал довольно скоро.

В плодах *иб* было мало карбогидратов и много протеина. К тому же эти карбогидраты усваивались легко и быстро, почему не могли замедлить эффект тонка. Джайлс понял, почему Эстивен покушался на книгу по навигации: ее страницы изготовлены из растительных волокон...

Ход его мыслей был нарушен каким-то завыванием.

Эстивен шел к носовому отсеку корабля, с его губ свешивалась длинная струйка слюны, он издавал звуки, которые услышал Джайлс. Потом на миг затихал, двигал челюстями, глотал слюну и снова выл. Руками, вытянутыми вперед, он шарил, как слепой. И явно не слышал, не замечал Джайлса.

Он принял дозу наркотика, подумал Джайлс, в чистом виде.

Джайлс поспешил проскочить средний отсек и выйти ему навстречу.

— Я помогу тебе! — крикнул он. — Держись. Мы что-нибудь придумаем.

Вытаращенные глаза Эстивена смотрели сквозь Джайлса. Джайлс схватил его за плечи и развернул в обратном направлении. Эстивен сопротивлялся с невероятной энергией. Затем метнулся в сторону пресса для плодов *иб*. Вытянув руку, он ухватил рукоятку пресса, дернул за нее, съеденная ржавчиной рукоятка выскочили из паза и переломилась. В руке Эстивена оказалось нечто похожее на лом с заостренным концом.

Он двинулся вперед, по-прежнему подвывая, и замахнулся на Джайлса. Тот пригнулся, нырнул под его руку, пытаясь избежать удара, но железная рукоятка проехалась по его голове. Стараясь удержаться на ногах, Джайлс откатился в ревущую алую тьму...

Как сквозь пелену он увидел, что Эстивен идет мимо него.

— Книга, — прохрипел Джайлс, обращаясь к арбайтам. — Книга по навигации! Он пошел за ней... остановите его!

Когда сознание вернулось к нему, он увидел, что арбайты даже не пытаются задержать Эстивена. Они расступались перед ним, стараясь держаться подальше. Джайлс, согнувшись и спотыкаясь, побрел вслед за сумасшедшим.

В проеме первой переборки появился Хэм. Эстивен снова взмахнул металлической палкой, обрушив ее на правое предплечье Хэма, и тот с тяжелым стоном отлетел в сторону. За Хэмом, перед книгой, лежавшей на сверкающей алмазами подставке, появилась высокая, узкая, темная фигура Капитана.

— Эстивен, нельзя! — вскрикнул Джайлс, кидаясь вперед. Но не успел. Эстивен в третий раз нанес удар ломом.

Увернуться было невозможно. И человек непременно оказался бы жертвой этого удара. Но фигура Капитана заколыхалась, тело ее грациозным змеиным движением изогнулось дугой, и палка просвистала мимо. Одновременно ее правая рука стремительно протянулась вперед — не для того, чтобы схватить, а чтобы ударить; три длинных пальца сложились в тупоконечный стержень, вонзившийся в грудь Эстивена. От сильного удара человек покачнулся и упал.

Он выронил свое оружие и какое-то время лежал без движения. Потом с полузадушенным стоном попытался встать на ноги. Досталось ему здорово, во всяком случае, дышать было страшно тяжело, может, и ребра сломаны, однако наркотик пока действовал. Шатаясь, он, точно слепой, двинулся туда, где лежала навигационная книга.

Инопланетянка ждала его. Но прежде чем она успела схватить Эстивена, Джайлс сумел напасть на него сзади и повалить на пол. Инопланетянка сделала шаг вперед, но теперь путь ей преградил Джайлс.

— Нет! — крикнул он и перешел на альбенаретский. — *Я запрещаю! Он не ведает, что творит!*

— *На этот раз я его прикончу,* — мощные пальцы Капитана нацелились в лицо самого Джайлса. — *Я вас предупреждала.*

Эстивен шевельнулся, пытаясь подняться, но над ним навис Хэм. Его тяжелый кулак, напоминавший булыжник, готов был в любой момент сломать Эстивену шею.

— Смотри не убей его! — крикнул ему Джайлс.

Однако он опоздал: гигант уже занес руку, и лишь каким-то чудом Джайлсу удалось отклонить направление удара. Кулак опустился Эстивену на макушку, пощадив хрупкие шейные позвонки.

Джайлс снова повернулся к Капитану — как раз в тот момент, когда инопланетянка явно намеревалась попросту смести его со своего пути.

— *Нет! Погодите. Подумайте. Вы куда сильнее каждого из нас, но что будет, если все мы объединим усилия? Если вам совсем не страшно за себя, вспомните о той новой жизни, которую вы несете в себе. Неужели рискнете, не испугаетесь? Ведь мы, все вместе, способны убить ваше дитя.*

Инопланетянка как-то совсем не по-человечески замерла на шагу, обретая прежнюю монументальность, словно никогда и не двигалась с места.

— *Теперь я догадался, чем он болен,* — быстро проговорил Джайлс. — *И могу гарантировать вам, что он ни шагу не сделает на корабле без спросу и не прикоснется к вашему драгоценному журналу.*

Инопланетянка по-прежнему не шевелилась, изображая момумент. Количество адреналина, выброшенное в кровь после того, как Джайлса стукнули по голове металлической ручкой, и помогавшее ему держаться на ногах, явно стало уменьшаться. Джайлс чувствовал, что вот-вот потеряет сознание.

— *Поверьте мне!* — с нажимом произнес он. — *Либо так, либо этак, но я не позволю вам убить никого из моих людей!*

Какое-то мгновение жизнь Эстивена — возможно, и жизни остальных членов экипажа — висела на волоске. Джайлс изо всех сил старался держаться прямо и смотреть Капитану в глаза — в эти темные непроницаемые нечеловеческие глаза. В душе он молился, чтобы инопланетянка не обнаружила, насколько серьезно он ранен, как и того, что у Хэма, по сути дела, действует лишь одна рука и что остальные, застывшие, как кролики перед волчьей пастью, без них с Хэмом совершенно беззащитны.

— *Хорошо,* — Капитан сделала шаг назад, — *на этот раз — и пусть он будет последним! — я дарю вам жизнь этого арбайта. Но больше я подобного не потерплю.*

Она повернулась и исчезла за перегородкой. Джайлс тоже повернулся и... потерял сознание, успев понять, однако, что его подхватили одновременно десять рук и среди них — руки Мары и Бисет.

Глава 10

Пятнадцатый день, 16 часов 19 минут

— Ну как, вам лучше? — спросила Мара.

— Да вроде бы, — ответил Джайлс и тут же укорил себя за столь невразумительный ответ. — Ерунда. Мне, конечно, гораздо лучше. Я просто отлично себя чувствую.

— Ну не то чтобы отлично, — сказала Мара, пристально на него глядя. — Уж я-то лучше знаю, однако жить вы, по крайней мере, будете.

— Жить? Ну, разумеется, я буду жить. Почему бы, собственно, и нет? — Голос звучал глухо.

— Потому что у вас, по всей вероятности, было серьезное сотрясение мозга, — пояснила она. — Знаете, если стукнуть металлом по кости, то прочнее почему-то оказывается металл.

— Да ладно, давай не будем об этом, — сказал Джайлс и потрогал свою забинтованную голову. Несмотря ни на что, ему было приятно, что кто-то заботится о нем, тревожится о его здоровье. — Надо признаться, случившееся в последнее время я помню не слишком ясно. А я долго был...

Он помялся, подбирая подходящее слово.

— Долго ли вы были без сознания? — спросила она. — Пять дней.

— Пять дней? — Он уставился на нее. Не может быть! Пять дней!

— Пять, — мрачно подтвердила Мара.

Джайлс почувствовал, что говорить ему трудно. Он полежал неподвижно, наблюдая за Марой, что-то делавшей у его постели.

— Но это же не моя койка! — вдруг сообразил он и попытался сесть. Она мягко уложила его на подушку.

— Вам нужно отдохнуть, — сказала Мара, — лежите спокойно. Мы перенесли вас сюда, чтобы Капитан не видела, насколько вы беспомощны.

— Хорошо, — сказал он, пристально вглядываясь в горевшие над головой лампы. — Вы мудро поступили.

— Разумно.

— Хорошо — пусть разумно. — Он начинал припоминать случившееся. — А как там Хэм?

— С ним все в порядке.

— Руку-то он не сломал? Я боялся, что сломал.

— Нет. Только ободрал. Да у него вообще кости как у хорошего коня.

Джайлс вздохнул с облегчением.

— А Эстивен?..

— У него, по-моему, два ребра сломаны. Нам пришлось его дня на два связать, пока у него была «ломка», — сказала Мара. Она подошла к изголовью и протянула ему маленький пластиковый пакет, в котором было примерно две столовые ложки какого-то сероватого порошка. — Это все, что осталось от его запасов тонка. Мы подумали, что вы захотите, чтобы наркотик хранился именно у вас.

Он протянул руку — что совершенно неожиданно потребовало от него неимоверных усилий — и, взяв пакетик с остатками наркотика, сунул его в нагрудный карман космической куртки.

— Значит, вам пришлось его связать? — переспросил Джайлс. — Ну, а сейчас-то он как?

— Тихий, — ответила она. — Даже слишком тихий. Нам приходится все время следить за ним. Он уже несколько раз пробовал совершить самоубийство. Во время «ломки» у них часто бывает депрессия, особенно когда боли утихнут. Так Бисет говорит. Она видела, как это бывало с другими наркоманами, которых арестовывала полиция. А еще она говорит, что такая депрессия может длиться неделями. И что всем нам было бы лучше, если б он убил себя.

Джайлс только слабо покачал головой.

— Бедняга, — проговорил он. — Бедный мальчишка!

— Никакой он не мальчишка и вовсе он не бедный! — резко возразила Мара. — Он просто очень несчастный, может быть, даже не совсем нормальный психически, взрослый человек, который пристрастился к наркотикам и чуть было не погубил всех нас.

Джайлс изумленно посмотрел на нее.

— Я, наверное, просто неудачно выразился, — проговорил он. — Но все-таки я не понимаю...

— Да, — сказала она. — В том-то и беда. Вы не понимаете!

Она повернулась и вышла из отсека. Ему вдруг очень захотелось вскочить и последовать за ней, заставить ее объясниться. Но при первой же попытке сесть в голове у него помутилось, и он снова лег, кляня собственную беспомощность и не в силах справиться с нею.

Потом он уснул. И проснулся, когда остальные члены экипажа, по всей видимости, спали. Динамик рядом с ним включен на минимальную громкость, не было слышно голосов, никто не разговаривал. Теперь он чувствовал себя гораздо лучше, и в голове значительно прояснилось.

Он огляделся. В хвостовой части корабля он один. Все было по-прежнему. Даже отломанная ручка пресса аккуратно приварена обратно. Интересно, с помощью чего? Ди и Фрэнко, должно быть, переехали в другой отсек. Мысль о том, что они сделали это, заботясь о нем, слабом и больном, была странно приятной. Любопытно. До того как он отправился с Земли в эту экспедицию, ему в голову бы не пришло задумываться о том, что вот ведь кому-то из арбайтов пришлось убраться с насиженного места, поскольку ему, Джайлсу, это место понадобилось.

Пол Ока был прав: он, Джайлс, никогда по-настоящему не понимал арбайтов. Во всяком случае, он никогда не понимал их так хорошо, как теперь, прожив с ними бок о бок пятнадцать дней. С другой стороны, Мара только что сказала ему, что он их по-прежнему не понимает, и это, разумеется, тоже правда. Он криво усмехнулся.

Но проблемы взаимопонимания к делу сейчас не относятся. Он, возможно, свалял дурака, подвергнув риску и выполнение задания, и собственную жизнь, спасая Эстивена от Капитана. Зато теперь он убедился, что ему на роду написано в известных случаях проявлять дурость. Странно... Мара рассердилась, когда он назвал Эстивена мальчишкой! Он произнес это слово, не подумав, как любой из клана Эделей в подобном случае. Но Мара, разумеется, права: Эстивен — не мальчишка, хотя Эдели привыкли считать арбайтов примитивными, инфантильными, от рождения несколько ущербными и весьма мало образованными.

Занятно, но именно в этот миг ему пришло в голову: а не наоборот ли? Рабочие на корабле были кем угодно, только не примитивными, «недозрелыми» людьми. На самом деле если исключить Ди и Хэма — а если подумать, то не исключая даже их, — арбайты на корабле были не просто взрослыми людьми, но людьми, обладающими богатым и нередко тяжелым жизненным опытом, сильно повлиявшим на их теперешние характеры.

А вот сам он... может быть, именно его-то и можно было назвать недозрелым. Жизнь не коснулась его своей тяжелой дланью, не внесла особых изменений в его характер. Набор черт характера и реакций, свойственных ему, — это все равно что костюм из магазина готового платья: только и ждет, когда его примерят; и надел он этот «костюм» в столь раннем возрасте, когда и оценить-то его по достоинству был еще не способен. И с тех пор, не задумываясь, носит его. И только после этого отлета с Земли, после пожара на космическом лайнере, после перехода на спасательный модуль с горсткой оставшихся в живых рабочих Джайлс начал задумываться о многом, что ему раньше и в голову не приходило. Да и сам стал меняться. Новые чувства и новый опыт, обретенный вследствие пережитого, сперва сбили его с толку. Он не сразу смог понять, что правильно и что неправильно из того, что прежде принималось за нечто само собой разумеющееся.

Теперь он чувствовал растерянность и слабость. Чувствовал себя странно несчастным и не мог определить причину этого. Ему будто чего-то не хватало... чего-то совершенно необходимого. Некоторое время он тешил себя мыслью, что это, возможно, просто физическое недомогание, вызванное сотрясением мозга. Но что-то уж больно не похоже...

Он решил не думать об этом. Существовали куда более важные проблемы. Если он действительно пробыл без сознания целых пять дней, то спасательный корабль всего через несколько часов окажется в точке возможной перемены курса, и еще можно будет приземлиться на 20 В-40, а не лететь на Белбен. Впервые Джайлс чувствовал, что сумеет убедить инопланетянку сделать это.

Пока все остальные спят, время поговорить с Капитаном. Втрое осторожнее обычного, понимая, что любое резкое движение может снова вызвать головокружение, Джайлс медленно приподнялся, сел, посидел на краешке кровати и медленно встал на ноги. Голова оставалась ясной. Он ощущал ее чрезвычайно хрупкой, как бы хрустальной, готовой разбиться при сильном толчке, но в целом чувствовал себя вполне прилично.

Джайлс медленно двинулся в носовую часть корабля. По пути осмотрел лозу *иб*. Теперь на ней было полно сухих листьев, и лишь изредка попадался здоровый плод. Добравшись до носового отсека, где стояла его койка, он увидел резервуар для сбора плодов *иб*. Резервуар был заново припаян к корпусу корабля, ближе к тому отсеку, где жила Капитан. Это могла сделать только сама инопланетянка. Джайлс и понятия не имел, что на корабле

есть все необходимое для переноски резервуара и установки его на новом месте.

Он заглянул за переборку. Там находился командный пульт управления. Инопланетянка сидела за ним в той же позе, в какой он видел ее в последний раз: на одном из двух кресел у пульта. Глаза ее были закрыты, она не пошевелилась, даже когда он вошел и с грохотом повернул второе кресло, чтобы сесть.

— *Капитан,* — обратился к ней Джайлс на альбенаретском языке.

Ответа не последовало. Длинная темная фигура инопланетянки оставалась совершенно недвижимой.

— *Райумунг,* — снова начал Джайлс, — *мне необходимо поговорить с вами. Настало время решать судьбу.*

Ни малейшей реакции.

— *Если вы не хотите обсуждать со мной этот вопрос, я обойдусь и без обсуждения,* — сказал Джайлс.

Медленно открылись круглые темные глаза. Медленно повернулась голова; теперь инопланетянка смотрела на него.

— *Вы ничего не сделаете, землянин.* — Гудящий чужой голос был, как всегда, абсолютно бесстрастен, но звучал теперь как бы издалека. — *Я не настолько беспомощна, чтобы не держать под контролем все, что происходит на этом спасательном корабле.*

— *Нет, не беспомощны,* — сказал Джайлс, — *но с каждым днем вы отдаете все больше своих сил той новой жизни, что таится в вас. Я считаю, что вы слабеете быстрее нас, ибо мы слабеем только из-за недостатка еды и питья.*

— *Нет,* — сказала Капитан. — *Я сильнее вас и останусь сильнее.*

— *Я готов согласиться. Мне это безразлично. А не безразлично мне лишь одно: очень скоро будет поздно менять курс на 20 В-40.*

Темные глаза некоторое время не мигая смотрели на него.

— *Откуда вам это известно?* — спросила инопланетянка.

— *Известно, и все,* — ответил Джайлс. — *Этого вполне достаточно. Возможно даже, что я и сам смог бы изменить курс на 20 В-40...*

— *Нет,* — сказала инопланетянка. Впервые Джайлсу показалось, что голос Капитана чуть дрогнул. — *Вы лжете мне. Лжете глупо. Здесь, в космосе, вы совершенно беспомощны, как и вся ваша раса.*

— *Не вся наша раса так уж беспомощна в космосе,* — возразил Джайлс. — *У нас есть люди, которые умеют управлять межзвездными кораблями. Но вы прервали меня. Я собирался сказать, что независимо от того, могу я изменить курс спасательного корабля или нет, я этого делать не стану, ибо уважаю решение командующего*

любым космическим кораблем, находящимся в межпланетном пространстве.

— В таком случае уважайте и решение держать курс на Белбен.

— Этого я не могу, — сказал Джайлс. *— Подобно тому, как вы чувствуете ответственность перед той единственной жизнью, которую несете в себе, я испытываю ответственность за семь других человеческих жизней — за жизни членов нашего экипажа.*

— Жизни рабов, — проговорила инопланетянка, *— ничего не стоят.*

— Они вовсе не рабы.

— А я считаю, что рабы, и совершенно бесполезные.

— А я считаю, что полноценные мужчины и женщины. И они непременно должны остаться в живых. Я должен обеспечить это! И ради этого готов отдать Капитану то, чего она хочет.

— Вы? — Инопланетянка не сводила глаз с Джайлса. *— Вы не можете вернуть мне мою честь.*

— Нет, — возразил Джайлс, *— могу. Я могу назвать того, кто уничтожил ваш космический корабль. Я могу передать этого человека в ваши руки.*

— Вы... — Инопланетянка буквально взвилась. *— Вы знаете, кто это сделал?*

— Только дотроньтесь до меня... — быстро проговорил Джайлс, потому что длинные тонкие руки почти схватили его за горло, *— ...дотроньтесь только, и я обещаю вам совершенно твердо: вы никогда ничего об этом не узнаете.*

Инопланетянка снова рухнула в кресло.

— Скажите мне, кто это, — проговорила она. *— Во имя всех тех, кто работал на моем корабле вместе со мной, во имя того, кого я ношу в себе... скажите мне, землянин!*

— Я скажу вам, — проговорил Джайлс. *— И отдам вам названного мной человека в ваши руки и только в ваши, — чтобы вы делали с ним все, что хотите. Но это произойдет только тогда, когда все люди, находящиеся на борту, благополучно приземлятся на 20 В-40.*

— Вы хотите заставить меня изменить курс, который столь же важен для меня, как моя честь и исполнение долга! — проговорила инопланетянка. *— Вы хотите утаить важнейшую информацию до тех пор, пока я не потеряю последней надежды спасти честь еще не рожденного мной, но последнего в моем роду? Вы хотите утаить эту информацию, пока вы сами и прочие люди не приземлятся благополучно и не окажутся среди подобных вам гуманоидов, а те так или иначе станут защищать вас? Вы хотите обмануть меня, землянин!*

Она почти кричала, произнося эти слова.

— Я назову вам имя этого человека и передам его в ваши руки с тем, чтобы вы спокойно поступили с ним так, как считаете нужным, и вам при этом не помешает никто, — медленно, с расстановкой проговорил Джайлс. *— Я обещаю вам, я даю вам слово, и таковы условия нашей сделки. Жители Альбенарета уже много десятков лет имеют деловые контакты с землянами, Капитан. Разве кто-либо из рода Эделей когда-либо обманывал вас?*

— Это правда, — проговорила инопланетянка, глядя на экран приборного щита, словно надеясь найти там какую-то подсказку и помощь. *— Слово свое такие, как вы, всегда держали твердо. Насколько мне известно.*

Она умолкла. Джайлс ждал. Ни в командном отсеке, ни за переборкой не было слышно ни звука. Наконец инопланетянка шевельнулась и произнесла тем же, как бы издалека идущим голосом:

— Я должна поверить вашему слову. Если я этого не сделаю, а вы окажетесь честным в своих намерениях, то я совершу еще большее преступление против чести, ибо не использую возможности восстановить свою честь.

Джайлс чуть слышно выдохнул. Он даже не заметил, что все это время дышал едва-едва, самыми верхушками легких — столь велико было его напряжение в ожидании ответа Капитана. Она обернулась прямо на него.

— Я прямо сейчас внесу первые изменения в курс, а чуть позднее — последующие, — сказала она. *— После первой поправки мы двенадцать часов будем следовать этим курсом, прежде чем будет можно внести вторую поправку.*

Глава 11

Шестнадцатый день. 17 часов 9 минут

— Я хочу, — начал Джайлс, — чтобы вы знали: ситуация очень серьезна. Нам придется жить на борту этого спасательного корабля еще самое малое двадцать семь дней; а лоза *иб* дает все меньше плодов, и причина этого так же мало понятна Капитану, как и нам. Похоже, что-то отравляет растение. Капитан полагает, что именно мы, люди, являемся отравляющим лозу элементом. Двадцать семь дней мы сможем прожить и при самом минимальном рационе, однако сок этих плодов — наш единственный источник питья. Вам придется постоянно помнить об этом и поста-

раться приучить себя к ничтожному количеству жидкости, выпиваемому за день.

Джайлс собрал всех арбайтов, включая Эстивена, который чувствовал себя много лучше. Он рассказал им, к какому полу в действительности принадлежит Капитан, а также о своих переговорах с инопланетянкой. Арбайты слушали молча. Легкий шепоток волнения прошел только, когда он сообщил, что, возможно, им придется приземлиться раньше, чем было рассчитано. Но в целом они реагировали не так бурно, как он ожидал.

Джайлс сделал вывод, что они недооценивали серьезности ситуации, в которой оказались. Или просто не поняли, о чем он им говорил сейчас. Мысль об этом не давала Джайлсу покоя.

— Вы ведь следили за моим рассказом, не правда ли? — резко спросил он, обращаясь ко всем сразу. — Вы достаточно хорошо понимаете, что с нами происходит? Если мы намерены выжить, нам придется собрать для этого все свои физические и душевные силы. Вы ни в коем случае не должны падать духом. Понимаете ли вы, насколько серьезно наше положение даже теперь, когда курс корабля изменен?

Ответом было молчание. Затем послышалось что-то вроде одобрительного шепота или невнятного бормотания, прерванного негромким, но весьма странным звуком, донесшимся из носового отсека. Там находилась Капитан, скрытая панелью пульта управления. Звук походил на легкое покашливание — как если бы инопланетянка, слышавшая речь Джайлса, вдруг решила вежливо дать понять, что тоже хочет высказаться.

Джайлс посмотрел в сторону носового отсека. Все остальные тоже прислушались, однако звук не повторился.

— Что это было? — спросила Мара.

— Не знаю, — ответил Джайлс. — Капитану пора вносить вторую поправку в курс и направить наш корабль на 20 В-40. Может быть, что-то случилось, и...

Он вскочил.

— Оставайтесь на месте, — сказал он и поспешил в носовой отсек.

Обогнув пульт управления, он подошел к инопланетянке. Звездная книга повернута на подставке так, что читать ее можно было с кресла, в котором сидела Капитан. Руки ее лежали на подлокотниках, спина напряженно застыла, глаза закрыты.

— *Капитан Райумунг!* — окликнул ее Джайлс по-альбенаретски. — *Возникли какие-то сложности? В чем дело?*

Ответа не последовало: инопланетянка сидела совершенно неподвижно. Безжизненно.

— *В чем дело, Капитан? Что случилось?* — вопрошал Джайлс.

Ответа по-прежнему не было. Рот инопланетянки чуть приоткрыт, дыхание едва ощутимо, а тело недвижимо. Джайлс протянул руку и легонько приподнял темное тело. Инопланетянка потеряла сознание.

— В чем дело? — вдруг услышал голос Мары и обернулся. Нарушив приказание, арбайты последовали за ним и теперь стояли полукругом, глядя на Капитана.

— Она без сознания, — ответил Джайлс. — Не знаю почему. Осмотри ее, Мара. Может, сумеешь установить причину.

Мара отодвинула его в сторону и безуспешно пыталась нащупать пульс на тонкой длинной руке инопланетянки. Затем стала искать пульс в самых различных точках тела Капитана и наконец нашла — на шее, у самого основания черепа.

— Поймала! — воскликнула она. — Бьется. Хронометр у кого-нибудь есть? Нету? Грос, ты не можешь сделать так, чтобы твой компьютер отсчитывал секунды?

— Конечно, могу, — ответил Грос. Включил компьютер и начал громко считать вслух, следя за экраном: — Один... два... три...

Мара подождала, пока он досчитает до тридцати.

— Можешь больше не считать, — сказала она. — Эдель, — она повернулась к Джайлсу, — она жива. Однако трудно в это поверить: у нее пульс шестнадцать ударов в минуту! У жителей Альбенарета сердце в обычном состоянии бьется настолько медленно?

Джайлс покачал головой.

— Не знаю. Однако так медленно — вряд ли. Они живут не дольше, чем мы, вполне теплокровны и почти так же активны. В состоянии покоя частота пульса у них обычно такая же, как у человека: примерно семьдесят ударов в минуту...

— Так или иначе, похоже, что Капитан пребывает в коматозном состоянии. Или у нее что-то вроде летаргии. — Бисет произнесла вслух то, что было у всех на уме.

— А вторая поправка в курс внесена до того, как она впала в это состояние? Как вы думаете, ваша честь?

— Я очень и очень на это надеюсь, — ответил Джайлс.

Он внимательно осмотрел пульт управления, однако не обнаружил никакой информации, которая помогла бы ответить на вопрос Бисет.

— Я обследую показания контрольных приборов и постараюсь что-нибудь выяснить, — сказал Джайлс. — Не стоит предпола-

гать худшее, пока мы ничего не знаем наверняка. Капитан имела твердые намерения... — Он заставил себя замолчать. Он, разумеется, не сообщил арбайтам о своем предложении Капитану выдать виновника взрыва на лайнере. — У нее были собственные весьма веские причины взять курс на 20 В-40. Возможно, кома — естественное для жительницы Альбенарета состояние в период беременности. Капитан, возможно, сознавала, что такое вероятно, и постаралась внести необходимую поправку в курс корабля до того, как потеряла сознание.

— А если это приключилось с ней неожиданно? — спросила Мара.

— Я уверен, что она не утратила способности контролировать себя, — сказал Джайлс несколько напряженно. — Приготовьте постель и уложите ее. Ну же, скорей! — рявкнул он, заметив их нерешительность.

Хэм, Грос, Мара и Бисет подняли безжизненное тело инопланетянки и понесли прочь. Джайлс снова принялся обследовать приборы пульта управления, хотя не понимал назначения многих из них. О действии одних он догадывался благодаря своим не слишком обширным знаниям в области космической навигации, другие оказались просто похожими на земные. Но экран, на который так любила смотреть Капитан, по всей видимости, был принадлежностью только этого типа космических кораблей. Джайлс одинаково тщательно изучал все приборы подряд, стремясь извлечь нужную информацию.

Но информации он не получил никакой.

Не только о внесении каких-либо поправок — нет, вообще никакой; он так и не узнал, изменила Капитан курс спасательного корабля до того, как впасть в бессознательное состояние, или нет.

Он хотел было отойти от пульта, сдаться, ибо невозможно пытаться решить эту проблему с позиций чистых гипотез, но тут его внимание привлекла навигационная книга.

Сумей он разобраться в содержащейся в ней информации, он, возможно, получил бы ответы на интересующие его вопросы. Но он не в состоянии прочесть записи — не только из-за чужой ему системы математических исчислений, но потому, что сами эти математические исчисления являлись частью неведомой ему системы космической навигации. И все же Джайлс пролистал журнал. Каждая страница в два столбца была исписана какими-то каракулями, совершенно бессмысленными с виду значками —

такой, наверное, представляется, скажем, арабская письменность неискушенному глазу европейца.

Однако Джайлс заметил, что одна страница книги вырвана.

Он всмотрелся пристальнее: сомнений не оставалось, страницу явно вырвали. Но с какой стати Капитану?..

Эстивен!

— Эстивен! — проревел Джайлс. — А ну-ка, пойди сюда!

Прошло некоторое время, прежде чем Эстивен появился, упирающийся и подталкиваемый арбайтами. Джайлс взял книгу и ткнул в то место, где была вырвана страница.

— Эстивен... — начал он.

Эстивен разразился слезами и рухнул на колени. Он явно пытался что-то объяснить, однако эмоции, переполнявшие его, делали его речь совершенно непонятной и бессвязной.

Джайлс посмотрел поверх головы Эстивена на арбайтов.

— Я звал Эстивена, — сказал он. — А остальных, кажется, нет?

Смущенные, они стали пятиться и вскоре исчезли за первой переборкой. Джайлс дождался, пока не попрятались окончательно; и только тогда он наклонился и поднял Эстивена с колен.

— Ну, теперь рассказывай, — прошипел он. — Когда ты вырвал из книги страницу? Когда я лежал без сознания?

— Нет... нет... — зарыдал Эстивен. — Это было раньше... гораздо раньше. Еще до того как эта вообра... когда Капитан впервые поймала меня. Поверьте мне... — Эстивен изо всех сил вцепился в руку Джайлса. — Я не вру, я никогда не стал бы вам врать. Вы мне трижды жизнь спасли. Сперва не позволив Капитану убить меня — а ведь она дважды хотела сделать это, а потом, когда помогли отвыкнуть от тонка. Я никогда и не думал, что кому-то не безразлично, умер я или еще жив. Но вам это было не все равно — а ведь вы даже и не знали меня совсем, просто я вместе с вами оказался на корабле. Я для вас что хотите сделаю. Поверьте — я только одну страничку вырвал, давно... только одну страничку...

— Ну, ладно, — сказал Джайлс, ошеломленный и одновременно тронутый такой бурей чувств. — Я тебе верю. А теперь ступай к остальным и не рассказывай им, о чем мы с тобой говорили. Не говори, что вырвал страницу из книги. Понял?

— Спасибо вам... спасибо, ваша честь, сэр. — Эстивен попятился, потом повернулся и пошел прочь.

Джайлс, чувствуя холодок в душе, вернулся к книге. Он полистал страницы, предшествующие и следующие за той, что была вырвана, надеясь обнаружить какие-нибудь пометки, по кото-

рым можно было бы установить номер страницы. Пометок не было, однако подозрения его усиливались и почти превратились в уверенность, когда за спиной его вдруг раздался голос Мары.

— Так вот почему Капитан лежит без сознания, — тихо сказала Мара таким тоном, словно это было не вопросом жизни и смерти, а всего лишь обычной темой для разговора. — Она искала нужную страницу, чтобы внести вторую поправку в курс, и обнаружила, что Эстивен ее уничтожил.

Джайлс резко обернулся.

— Не думай, что... — начал он и осекся. Мара, при ее маленьком росте, обладала удивительной способностью всегда смотреть ему прямо в глаза.

— Мы ведь не дураки и не глупые дети, Эдель, — сказала она. — И, пожалуйста, не нужно обращаться с нами как с идиотами.

Он мрачно посмотрел на нее.

— Хорошо, — сказал он. — Ты, вероятно, права. Эстивен украл и употребил для своих надобностей страницу задолго до того, как Капитан успела что-либо заподозрить. И вполне возможно, что страница, которую он вырвал, содержала именно те сведения, которые были необходимы Капитану для внесения второй поправки.

— Это означает, — подхватила Мара, — что вторая поправка не была внесена. И мы летим сейчас даже не на Белбен, мы летим вообще без какой бы то ни было цели.

— Да, — проговорил он, — похоже, дела обстоят именно так.

Джайлс внимательно посмотрел на Мару.

— Ты отлично держишься, Мара, — сказал он. — По правде говоря, ты меня просто поражаешь. При всех несчастьях, которые постигли наш корабль, ты всегда на высоте и держишься куда лучше арбайтов-мужчин. Единственный арбайт, который в какой-то степени похож на тебя, — это Бисет, тоже женщина.

— Женщины, — сказала Мара, — всегда были более сильным полом, Эдель.

— Да, конечно, — сказал он. — Но ведь вы... — Он не договорил, однако она закончила его мысль.

— Мы женщины-арбайты? — сказала она громко. — Это ничего не меняет — даже наоборот. Когда мужчины угнетаемого класса доходят до последней черты, это делает женщин данного класса сильнее, а не слабее.

Он медленно кивнул.

— Когда-нибудь, когда все это кончится, — проговорил он, —

мы, может быть, еще поспорим по этому поводу. Но сейчас не стоит тратить силы на спор.

— А для чего мы бережем эти силы?

— Ну, для... — Он улыбнулся так же мрачно, как она порой улыбалась ему. — Ты, возможно, уже сдалась, а я пока — нет.

Ее лицо неожиданно смягчилось.

— Это хорошо, — сказала она. — Я знала, что вы не сдались. Теперь вам, наверное, придется самому взять на себя управление кораблем и рассчитать для нас вторую поправку курса, чтобы сесть на 20 В-40?

— Взять на себя управление кораблем? — Мара так спокойно проговорила эти слова, что на мгновение Джайлс потерял дар речи. — Я уже пытался объяснить тебе, до какой степени это невозможно.

— А что же еще делать? — спросила она. — Вы не сдались только потому, что все еще надеетесь приземлиться на 20 В-40. Но кто, кроме вас, сможет осуществить посадку?

Джайлс рассмеялся. Так горько, что сам удивился. А вот удивилась ли Мара, он бы не смог сказать. Джайлс повернулся к пульту управления, к чужой ему космической технике.

— Ну хорошо! — сказал он. — Оставь меня одного. Я хочу все обдумать, и если есть еще чудо, которое помогло бы нам выкарабкаться из этой истории...

Глава 12

Двадцатый день, 20 часов 45 минут

— Грос, — сказал Джайлс, — сядь и выслушай меня. Да повнимательнее. Если что-то не поймешь, скажи сразу. Можешь перебивать меня, когда потребуется. Сейчас тебе нечего стесняться, мы в таком положении, когда ты...

Он оборвал себя. Хотя в последнее время слишком часто ему приходилось недоговаривать. Он собирался предупредить Гроса, что ситуация, сложившаяся на корабле, в корне отлична от подобных нештатных ситуаций на Земле. Притворяться, что все понимаешь, просто опасно.

— Сейчас, — повторил Джайлс, — просто недопустимо не понимать друг друга. Ясно тебе?

Грос кивнул. Выражение его лица ничуть не изменилось, однако Джайлс почувствовал, как от Гроса исходят мощные волны возбуждения.

— Так, — продолжал Джайлс, — вот что, по-моему, мы должны предпринять: прежде всего определить свое положение в пространстве, то есть корабля как движущейся точки на линии проложенного курса. Затем определить местоположение цели нашего назначения. Затем на основании этих данных вычислить угол отклонения от нынешнего курса, чтобы достигнуть избранной цели.

К его удивлению, Грос кивнул и сказал:

— Пока что все звучит довольно просто.

— Наверное, потому, что я все слишком упрощаю, — сказал Джайлс. — Попробую объяснить подробнее. Это совсем не так просто, как кажется. Капитану ничего не стоило бы сделать подобные расчеты, поскольку она вела наблюдение за расположением звезд, пользовалась показаниями космических приборов и лоций, легко могла определить положение конечной цели нашего полета, соотнести с этим данные лоции — как именно, я понятия не имею, и внести соответствующие поправки в курс корабля. Я способен вести наблюдение за космосом с помощью имеющегося на борту оборудования, однако это все, на что я способен. Еще я мог бы ввести готовые поправки в систему управления кораблем. Но с лоциями я обращаться не умею. Это умеет только Капитан. Как получить данные для изменения курса, исходя из наших координат, я совершенно не представляю.

— А почему мы должны менять курс? — спросил Грос.

— Потому что спасательный корабль, так же как и большой альбенаретский космический корабль, оснащен подпространственным двигателем. Каждые одиннадцать минут этот двигатель переводит нас в подпространство, а затем возвращает назад. За каждую миллисекунду, что мы находимся в подпространстве, мы покрываем колоссальные расстояния обычного космического пространства. В подпространстве мы движемся всего несколько миллисекунд, но там вероятность следования правильным курсом составляет восемьдесят процентов, понимаешь? Только около восьми миллисекунд из каждых десяти мы движемся по правильному курсу. Однако если ввести в компьютер спасательного корабля необходимые поправки, он будет все время перерассчитывать курс и возвращать нас на тот путь, что ведет к заданной цели. Со стороны могло бы показаться, что мы движемся каким-то болтающимся курсом. Если нам не удастся правильно рассчитать поправку, каждый раз при входе в подпространство или при выходе из него придется останавливать корабль и определять наши координаты вручную. Это семьсот раз за корабельные сутки,

до тех пор пока мы не доберемся до солнечной системы планеты, к которой летим. Такой полет занял бы примерно тысячу лет, а ее, этой тысячи лет, у нас, разумеется, нет.

Грос согласно покивал. Он по-прежнему источал оптимизм.

— Мы с моим компьютером, — сказал он, — вычислим для вас любую константу, если будут вводные данные этой задачи. С чего начнем?

— Начнем с того, — мрачно сказал Джайлс, — что я попробую применить принципы межпланетной навигации к межзвездному пространству. В основе своей эта задача сводится к обычной геометрии, правда, с движущимися точками вместо постоянных...

Он продолжал объяснения. Ситуация складывалась довольно любопытная. Прежде чем приступить к решению задачи, им пришлось заняться взаимным обучением. Как уже успел убедиться Джайлс, Грос больше интересовался цифрами, чем космическим пространством. И Джайлс с трудом находил способы и приемы, чтобы объяснить Гросу основную задачу в математических символах, доступных пониманию арбайта и пригодных для его дальнейших компьютерных расчетов.

— Вот смотри, — говорил Джайлс, — представь, что ты вырезал из картона, скажем, треугольник и держишь его двумя пальцами за углы. — Он вытянул большой и средний пальцы, чтобы показать, как это делается. Грос кивнул. — Вершина треугольника остается свободной, — продолжал Джайлс, — может описывать окружность вокруг оси, расположенной между твоими пальцами, понял? — Грос кивнул. — Отлично. Теперь представь, что те две вершины, которых ты касаешься, — известные нам координаты. Тогда положение в пространстве — та вершина, что осталась свободной, и она соответствует некоей точке, принадлежащей этой окружности. Чтобы определить эту точку, ты должен узнать, каков угол между одной из двух уже известных тебе прямых и третьей, проходящей через ту точку в пространстве, координаты которой тоже необходимо определить.

— Ага, — сказал Грос, и лицо его просветлело. Пальцы арбайта, будто танцуя, скользнули на клавиатуру компьютера. Он был похож на музыканта, понявшего, как исполнить трудный пассаж, и ударившего по клавишам рояля.

— Первые три точки, — продолжал Джайлс, — должны быть достаточно заметными и находиться вне данной галактики, а также на достаточном расстоянии от галактической плоскости. Помнишь, я объяснял тебе, что такое галактическая плоскость?

— Да, — ответил Грос.

— Вот и хорошо, такими тремя точками могут быть Дорадус, ядро созвездия Андромеды и ядро спиральной туманности в созвездии Гончих Псов — М 51.

— Я не... — начал было Грос.

— Хорошо, хорошо, — сказал Джайлс. — Ты ничего не знаешь об этих созвездиях. Пусть это тебя не волнует. Важно, что эти точки находятся вне пределов данной галактики, вне ее плоскости. И их легко увидеть из нашей Галактики. А теперь я хочу, чтобы ты понял, как нам с их помощью определить местонахождение корабля.

— Это я понял, — сказал Грос, воодушевляясь. — Конечно, понял! Это простая геометрия, только в трехмерном пространстве.

— Отлично! — воскликнул Джайлс. — Тогда продолжим. Теперь, используя три точки, о которых я говорил, мы определим общие координаты нашей Галактики — настолько общие, что они, видимо, будут включать в себя и Солнечную систему, и Землю, и Белбен, и 20 В-40. После того как мы определимся с помощью этих трех точек, расположенных вне Галактики, нам придется посмотреть звездные карты и выбрать три яркие, известные нам звезды, которые находятся близко от нас. По ним мы сможем сделать более точные исчисления и определить наши координаты. К счастью, в данном случае в этом нет необходимости. Я хорошо запомнил все звезды, мимо которых пролегал наш первоначальный курс на Белбен и примерно представляю себе, где мы находимся.

Грос кивнул. Ему, видимо, даже в голову не приходило спросить Джайлса, зачем тому понадобилось изучать звездные карты и учиться космической навигации.

— Я даже знаю местоположение планеты 20 В-40 относительно той части пространства, где она находится, а также координаты наиболее крупных планет поблизости от нее, — продолжал Джайлс. — Стало быть, все, что нам теперь нужно определить, — это наше собственное местоположение в данный момент, причем по возможности с максимальной точностью; а еще нам нужен угол между нашим курсом и той прямой, что проходит через точку 20 В-40. Капитаном была введена лишь одна поправка в первоначальный курс на Белбен, и я готов спорить на что угодно, что при этом мы пропустили по крайней мере одну фазу перехода в подпространство. Следовательно, мы сейчас находимся не более чем в одной фазе перехода от нашего первоначального курса и все же в звездном окружении, где мне известны все крупные звезды и планеты, которые можно увидеть вот на этом экране... — Он указал на обзорный экран. — В сущности, я действительно неплохо их знаю, так что вычислить наше нынешнее местонахождение сравнительно нетрудно. Я могу воспользоваться системой управления спасательного корабля для определения угловых склонений всех трех звезд, о которых я говорил тебе раньше. Это и даст нам наши собственные координаты. А отсюда мы сможем вывести и угол между нашим теперешним курсом и курсом на 20 В-40, после чего будем готовы проделать поправочный фазовый переход в подпространство.

— А то, о чем вы говорили раньше? — спросил Грос. — То, что вы объяснили сейчас, довольно просто, такого рода вычисления я могу делать хоть во сне. А вот как насчет тех поправок, о которых вы упоминали? Вы сказали, что мы только восемь миллисекунд из десяти в подпространстве движемся по правильному курсу.

— В том-то все и дело, — проговорил Джайлс и тяжело вздохнул. — Именно в этом и заключается сложность проблемы. Поправка вводится, чтобы свести на нет снос космического корабля в подпространстве. Снос бывает разный — это зависит от типа корабля и от курса, которым он следует. Капитан всякий раз справлялась по лоции, а нам придется все делать самим — вычислять величину поправки с учетом именно нашего спасательного корабля и именно того единственного курса, который существует между точкой, где мы сейчас находимся, и планетой 20 В-40.

— А как?

Джайлс снова вздохнул.

— Единственное, что я смог придумать, — это вычислить наш курс, затем уйти в подпространство, выйти из него и вновь определить наши координаты, чтобы понять, насколько далеко мы ушли от прежнего своего местоположения после пребывания в подпространстве. И потом нам придется повторять эту операцию после каждой фазы перехода, после каждого выхода из подпространства, до тех пор пока у нас не будет достаточно данных о том, какая в среднем ошибка возникает после каждой фазы. После чего мы легко вычислим постоянную поправку для сохранения прежнего курса. Другими словами, то, что спасательный корабль делал бы автоматически каждые несколько минут, мы должны будем делать вручную, причем многократно, до тех пор, пока не научимся определять величину поправки.

Грос почесал в затылке.

— Ну хорошо, ваша честь, — сказал он. — Наверное, надо приниматься за дело.

И они принялись за дело. Теоретически, как уверял себя

Джайлс, дело заключалось в том, чтобы выполнять все необходимые наблюдения и вычисления, пока у них не наберется достаточно данных. Рано или поздно они с этим справятся. Затем нужно будет определить величину поправки. В исходе этого этапа работы Джайлс был совершенно не уверен, и потому тревога не покидала его. Но до поры до времени все должно идти гладко и без проблем.

Однако Джайлс ошибся. По той простой причине, что жизнь всех людей на борту определялась лозой, а она упорно давала все меньше и меньше плодов.

Ничтожное количество пищи вроде бы никого не возмущало: особого аппетита не было ни у кого. А вот сока теперь не хватало даже тем, кто раньше находил его тошнотворно сладким и не утоляющим жажду. Теперь на корабле всем правила жажда. В любое время бодрствовало по крайней мере три-четыре человека, ревниво следивших за созревающими плодами и количеством сока в контейнере. Кожа на лицах натянулась и блестела, люди мучались от сухости во рту и стали подозрительными друг к другу.

Состояние Капитана оставалось без изменений. Дышала она так, что трудно было сказать, дышит ли она вообще, жива она или мертва. Однако она механически проглатывала дневную порцию сока. Ропот, поднявшийся среди арбайтов по поводу того, что эта часть сока тратится понапрасну, в конце концов заставил Джайлса отставить в сторону расчеты.

— Но почему? — причитала Ди. — Капитан ведь не человек. И это именно она поставила нас в такое сложное положение. Она ведь скорее всего мертва...

— Она жива! — рявкнул Джайлс. От жажды он плохо владел собой. — Если мы откажем ей в заботе, жители Альбенарета откажутся помочь нам в случае необходимости. Не говоря уже о том, что именно им принадлежит идея выращивания лозы с консервацией сока, с обеспечением корабля всем необходимым для жизни. Мы просто обязаны обращаться с этой инопланетянкой так, как хотели бы, чтобы обращались с нами жители Альбенарета, случись нечто подобное с кем-то из нас.

— К черту все это! — пробурчал кто-то из мужчин.

Джайлс быстро вскинул глаза и встретился с хмурыми взглядами Фрэнко, Гроса и Эстивена. Только Хэм смотрел на него открыто и безмятежно.

— Мы не пошлем к черту ни ответственность за Капитана, ни что-либо другое, — медленно проговорил Джайлс, по очереди оглядывая каждого, — по крайней мере до тех пор, пока я здесь. Это вам ясно?

Все молчали. Они еще не были готовы к открытому неповиновению, однако с этого момента Джайлс взял себе за правило: он должен присутствовать в тот момент, когда кто-либо из арбайтов приподнимал безжизненную голову инопланетянки и вливал в ее безвольно приоткрытые губы драгоценную влагу. Дважды он ловил арбайтов на том, что чашка оказывалась пустой. После этого он дал себе дополнительное задание: сам приносил Капитану сок и поил ее.

А между тем их с Гросом расчеты шли неважно. Страдая от изматывающей душу и тело жажды, Джайлс винил себя в том, что был недостаточно внимателен, — они получили первые и явно неверные результаты. Он тщательнейшим образом все пересчитал заново и, с помощью Гроса, обнаружил ошибку.

Однако когда он ввел новые данные в компьютер, их опять постигла неудача. Сорвавшись, он заорал на Гроса. Тот, впрочем, ответил тем же.

— Как это я могу ошибаться? Я никогда ни одной ошибки не сделал. Никогда! Это ваши цифры неправильные... ваша честь, сэр!

«Ваша честь» и «сэр» прозвучали с явным, если не с намеренным, опозданием. Грос продолжал возмущаться и раздраженно повторял, что ошибки с его стороны и со стороны компьютера невозможны.

— Ладно, я тебе верю, — согласился в конце концов Джайлс. — Давай оставим эту тему и все пересчитаем снова.

И опять они получили ту же неверную цифру.

— Не могли мы так далеко продвинуться за время последнего пребывания в подпространстве, — бормотал себе под нос Джайлс. — Такое отклонение приведет в итоге к ошибке, большей, чем весь путь, который мы успели проделать... Грос, дай-ка мне поглядеть твой компьютер!

Грос неохотно уступил ему свое место. Джайлс тщательно обследовал машину, но не нашел ничего необычного. Самый обыкновенный герметически запаянный корпус с несколькими рядами клавиш, на которые нанесены различные символы или цифры. Были ли какие-то неполадки в его механизме, ни Джайлс, ни сам Грос сказать не могли.

— Ну ладно, — сказал Джайлс, возвращаясь на свое место. — Мы проведем все расчеты еще раз, с самого начала, очень медленно и дважды перепроверяя каждую операцию.

Они начали проверку. Джайлс следил за каждым движением Гроса, производившего вычисления с какой-то параноической одержимостью. Большая часть его манипуляций была для Джайлса совершенно бессмысленной, но, когда дело дошло до введения в компьютер показаний, которые назвал ему Джайлс...

— Грос! — проревел вдруг Джайлс, и пальцы арбайта замерли на клавишах, словно парализованные. — Грос! — Теперь Джайлс говорил чуть тише, однако все равно очень сердито. — Грос, я только что назвал тебе цифру «девять». А ты нажал цифру «пять».

Грос поднял глаза от клавиатуры и посмотрел на Джайлса: рот арбайта приоткрылся, готовый произнести слова протеста, но... По выражению Гроса Джайлс понял, что на его собственной физиономии, должно быть, написано желание убить арбайта.

— Значит, — проговорил Джайлс с нескрываемой злобой, — ты никогда не ошибаешься, как и твой драгоценный компьютер? Ты никогда не ошибаешься...

Он ничего не мог с собой поделать: он опять орал. Бешенство, порожденное жаждой и безумной усталостью, билось в глотке. Он уже привстал со своего места... но вдруг сквозь пелену окутавшей его ярости услышал хриплый крик Хэма.

— Нет, это неправильно! — кричал Хэм. — Отпустите ее... отойдите! Ваша честь, сэр... скорее! Скорее сюда!

Джайлс выдрался из кресла и ураганом пронесся мимо Гроса. Огромными прыжками он миновал два соседних отсека и обнаружил, что все собрались вокруг койки, на которой лежало длинное темное тело инопланетянки. Одной громадной ручищей Хэм удерживал Бисет за плечо, а другой, сжатой в кулак, грозил всем остальным, не рискующим подойти к нему слишком близко.

— Ваша честь, — заявил он, и лицо его просветлело при виде Джайлса, — я же знал, что вы бы не позволили им этого. Я так им и сказал. Но она все равно начала...

Он указал на Бисет своим чудовищным кулаком. Та метнула на Джайлса яростный и бесстрашный взгляд.

— Это, — Бисет мотнула головой в сторону Капитана, — представляет угрозу всем нашим жизням. Я намеревалась избавить ее от столь унизительного положения.

Рот и нос Капитана были накрыты оторванным от рабочего костюма арбайтов рукавом.

— Я вовсе не уверен, что Капитан находится в столь уж унизительном положении, — резко сказал Джайлс. — Так или иначе, не вам — я имею в виду всех вас — что-либо предпринимать на сей счет.

Он оглядел всех по очереди. Никто не отвел глаз. Даже лицо Мары было спокойным и решительным.

— И ты тоже? — спросил он у нее.

— И я тоже, — ясным голосом ответила Мара. — Я бы никогда не сделала этого сама, но я не могу мешать людям, которые хотят выжить. Здесь не Земля, Эдель. Мы на спасательном корабле, который с горсткой людей на борту затерялся в просторах космоса, и эти люди имеют право на жизнь.

Ее спокойный взгляд, казалось, обвинял его в том, что он подложил бомбу на борт корабля, из-за которой они невольно стали беспомощными скитальцами в пространстве. Какое-то мгновение он мрачно решал, что бы они сказали, узнай про его слово Капитану — слово, которое он сдержит, даже если Капитан не выживет, — обещание отдать собственную жизнь в качестве выкупа за благополучное приземление корабля на планете 20 В-40. Но, разумеется, сейчас это не имело абсолютно никакого значения. Он не мог рассказать им ничего, как не мог и нарушить данное Капитану слово. Он был наглухо заперт, изолирован внутри представлений, воспитанных в нем с детства.

— Имеете вы такое право или нет, — проговорил он, — но никто, ни человек, ни инопланетянин, не будет убит на борту этого спасательного корабля, пока я в силах остановить вас. Хэм, перенеси Капитана на мою постель в носовой части корабля и с этого момента не оставляй ее ни на минуту. Если тебе нужно будет отойти, позови меня. Что же касается всех остальных... если я обнаружу, что кто-то ранил или убил Капитана, виновный будет навсегда лишен своей порции сока.

Если я не смогу обнаружить, кто именно это сделал, то, клянусь словом Эделей, я буду выливать ее порцию сока на пол!

Он подождал, ожидая реакции на свои слова, но все молчали.

— Ладно, — сказал он. — Я ведь понимаю, каково вам сейчас. Но мы должны работать вместе, а не воевать друг с другом. И знайте, если все мы, включая Капитана, живыми доберемся до 20 В-40, я выкуплю контракты каждого из вас, перепишу их на ваши имена и преподнесу вам в подарок. Все вы будете вольны строить свою судьбу, как заблагорассудится, сможете заплатить за образование ваших детей или потратить эти деньги еще каким-либо образом. Это не подкуп и не взятка. Я дал вам слово.

Он повернулся и пошел к пульту управления, где по-прежнему сидел Грос. Удивительно, Грос не пошел посмотреть, из-за чего возник шум. Джайлс понял, что Грос просто боялся пошевелиться, опасаясь, как бы этот Эдель не уничтожил его, Гроса, как муху.

— Займемся делом, — кратко сказал Джайлс, усаживаясь на свободное сиденье у пульта.

Прошли одни сутки, потом вторые... Грос, когда не был нужен Джайлсу, умудрялся задремать, Джайлс упорно бодрствовал. Он не мог бы с уверенностью сказать, жив он или нет, и вряд ли способен был отличить состояние сна от бодрствования. Что-то заставляло его действовать. Медленнее и медленнее, но действовать...

И все же однажды на экране компьютера засветилась последняя цифра.

— Неужели?.. — спросил Грос. — Та самая необходимая поправка?

— Кто знает, возможно, благодаря ей мы попадем прямо в ад. — Джайлс слышал свой собственный хриплый голос, звучавший издалека, как если бы говорил не он, а кто-то другой, стоявший на дальнем конце темного длинного туннеля. Он протянул руку — пальцы тряслись, как у алкоголика, — и медленно, осторожно ввел поправку в курс корабля, формула которого уже была набрана на контрольном пульте.

— Ну, а теперь... — проговорил он и нажал кнопку. Они вышли в подпространство. Не возникло ни малейшего ощущения перемены скорости или направления, однако это свершилось. Джайлс неуклюже поднялся и побрел мимо Гроса, прочь от пульта управления кораблем.

— Теперь вам нужно поспать, — проговорила Мара, подойдя к нему сзади. Она коснулась его плеча, поддержав, когда он споткнулся, и он накрыл ее пальцы своей ладонью. Кожа у нее была нежная, странно прохладная.

— Да... — сказал он словно издалека, — наверное, надо поспать.

— Простите, — голос Мары прошелестел ему в самое ухо, — что я... намекнула, что знаю... то, что знаете вы, когда Бисет пыталась убить Капитана.

— Это ничего, — сказал он. — Это не имеет значения.

— А должно бы иметь, — сказала она. Она вела Джайлса к его собственной койке. Длинное неподвижное тело инопланетянки лежало на койке Хэма. Теперь он заметил и Хэма, который стоял возле Капитана и наблюдал за Джайлсом. Джайлс тяжело рухнул на койку и откинулся на спину.

— Немножко посплю... — пробормотал он. — Да. Совсем немножко...

И провалился в тот же темный туннель, откуда прежде доносился до него его собственный голос; и корабль, и арбайты, и Капитан корабля с планеты Альбенарет — все осталось далеко позади.

Глава 13

Тридцать четвертый день.
11 часов 45 минут

Лоза дала последний плод.

Они все вместе смотрели, как Джайлс срывал его и некоторое время бережно держал в ладонях. Плод был крупный, мягкий, полный сока; он оставался на лозе до самого последнего момента. Контейнер с соком был полон примерно на три четверти, что составляло шесть дней жизни при половинном рационе. Они проделали такой долгий путь, пока не наступил этот день, — и вот сорван последний плод, отжата последняя капля, а дальше...

Хэм осторожно поднял ручку пресса, чтобы Джайлс смог положить плод в отверстие. Затем надавил на ручку, потом еще и еще, пока весь сок, до последней капельки, не стек в контейнер. Сока оказалось ужасающе мало. Джайлс извлек отжатую мякоть плода и тщательно разделил на восемь равных частей.

— Съешьте это прямо сейчас, — сказал он. — В мякоти еще осталось немного сока, так что сегодня можно пропустить одну раздачу. А с завтрашнего дня мы станем получать по половине обычного рациона, пока не кончится весь сок, имеющийся у нас в запасе. Это единственный способ выжить. Мы должны растянуть запас на все то время, пока жива надежда.

Возражений не последовало. Они проглотили мякоть плода, тщательно высосав каждую капельку содержащегося в ней сока, насухо вылизав миски. Джайлс отправился к пульту управления — проверить дневной курс. Теперь он гораздо быстрее справлялся с этим. Как только поправка вводилась в систему управления, ему, по сути, нечего было делать в течение шести часов. Звезды на обзорном экране казались совершенно неизменными, похоже, они никогда не изменятся, подумал он и с трудом поборол чувство черного отчаяния, готовое вот-вот окутать его душу. К нему подошла Мара, она теперь, как и все, ходила очень медленно; одежда болталась на ее исхудалом теле. Мара указала на экран.

— А это что за звезда? — спросила она. — Нет, я имею в виду не планету 20 В-40. Я знаю, что ее мы увидеть не можем. Я имею в виду солнце ее системы.

Он ткнул пальцем в пятнышко света, ничем не отличающееся по виду от множества остальных.

— Разве ему уже не пора становиться больше или ярче?

— Нет. До тех пор пока мы в последний раз не выйдем из подпространства. Этот экран служит лишь для космической навигации. В любом случае та или иная звезда не выглядит ни больше, ни ярче до тех пор, пока до нее не останется один-два дня полета.

— Но мы действительно идем теперь верным курсом? — Голос Мары звучал так, словно ей очень нужно было, чтобы ее еще раз в этом убедили.

— Я полагаю, что да, — сказал он.

— Если курс правильный, сколько еще продлится наш полет?

— По словам Капитана, мы должны достигнуть цели примерно через десять суток. Но это в том случае, если бы курс прокладывала она сама, то есть при идеальных условиях навигации. Не думаю, что от меня можно ожидать столь же блестящих результатов, даже если мы теперь и идем верным курсом. Все-таки, наверное, больше десяти дней.

— Что-то вы не слишком бодро об этом сообщаете. — Мара сделала слабую попытку улыбнуться.

— Извини... — Он продолжал следить за экраном и не мог придумать, что бы сказать еще.

Разговор увял, едва начавшись. Впрочем, в последнее время все разговоры не клеились. Джайлс задремал, сидя в кресле, а когда проснулся, Мары уже не было. Звезды на экране смотрели холодными глазами, очень холодными.

Сорок первый день. 12 часов 00 минут.

Последняя капля сока с легким шлепком упала из раструба в чашку. Самая последняя. Говорить было не о чем, и они молча выпили свои порции. Последние порции сока.

Бутонов на лозе больше не появлялось, хотя они упорно высматривали их. Бутонов не было, как не было и плодов. Лоза выглядела достаточно здоровой, с блестящими плоскими листьями. Они попытались жевать листья, но это оказалось бессмысленной затеей, ибо листья были безнадежно сухими и горькими, и, чтобы разжевать их, требовалось больше слюны, чем то количество сока, которое они могли дать.

Сорок второй день.

Сорок третий день.

Сорок четвертый день.

Сорок пятый день.

Сорок шестой день.

— Вы по-прежнему следите за курсом? — спросила его Мара шепотом. Голос ее звучал горько. — Вы все еще надеетесь?

— Да. Я должен... — прошептал Джайлс в ответ. Состояние его

было не лучше, чем у остальных. Жажда и приходящая с ней тупость мышления не имеют уважения к представителям высших классов, думал он.

— Я поняла, что все мы скоро умрем. Ди, похоже, уже впадает в состояние комы, глаз давно не открывает, и, думаю, первой умрет она. Я не хочу так умирать, просто сдавшись. Вы сможете застрелить меня?

— Нет. — Он поднял голову. — Пока жив хоть кто-то, мы все будем живы.

— Вы просто не хотите помочь мне. Вы хотите заставить меня страдать. — Впервые в голосе ее звучала обида, злость; она бы, наверное, расплакалась, если бы в пересохших глазах были слезы.

Он сидел в командном кресле. Остальные лежали — кто на койке, кто прямо на полу, не имея ни сил, ни желания сдвинуться с места. Кто-то включил динамик на полную громкость, и ни у кого не поднималась рука выключить его. Какая-то девица пела песенку, причем на редкость пронзительным голосом, в котором слово «любовь» повторялось совершенно неестественное число раз. Ее пение сопровождали однообразный треск барабана и бесконечный грохот ударных. В любое другое время Джайлс сошел бы с ума от такой музыки, но сейчас едва замечал ее. Горло у него болело, глаза жгло, тело казалось высушенным, абсолютно обезвоженным; все желания и чувства исчезали. Возможно, Мара права: это не самый лучший способ умереть. Певица завизжала, ударные совсем расходились. Открылась дверца, ведущая в камеру шлюза. Он как бы попал в плен галлюцинаций, которые сначала толкнули его за дверцу, ведущую в камеру шлюза, а затем заставили в пустом пространстве космоса увидеть жителя Альбенарета на длинных тонких ногах, одетого в скафандр и в данный момент снимающего шлем.

Когда рядом с ним раздался не то вопль, не то стон, он осознал, что и остальные видят то же. А может, это не галлюцинация? Задыхаясь, он приподнялся, подперся локтями, подобрал ноги и с трудом встал, держась за край пульта. Из-под шлема появилось покрытое рубцами и морщинами темнокожее лицо жителя Альбенарета, который уставился на Джайлса.

— Вы не вышли на связь, — голос инопланетянина звучал не очень уверенно, поскольку пользовался он терралингвой.

— Воды... — прошептал Джайлс; голос, казалось, царапал горло, как наждачная бумага.

— У меня с собой нет. Вы получите ее позже. Но связь... мы вызывали вас...

— Я не знаю, где включается связь, как ею пользоваться... Воды!

— Неужели что-то случилось с лозой *иб?*

Джайлс упал на постель, беззвучно смеясь; он не мог удержаться от смеха, то сгибаясь пополам, придерживая диаграмму, то откидываясь назад. Воды! Что-то случилось с лозой! Воды!! Им нужно сейчас только одно — напиться воды!

Что-то тяжелое ударило в корпус корабля. Это был сорок шестой, и последний, день их пути.

Глава 14

— Невероятная история, Эдель, — прошептал директор Горнодобывающего комплекса планеты 20 В-40. Это был маленький розовощекий человечек, очевидно, бывший арбайт, получивший высшее образование и благодаря своему мастерству и прочим выдающимся качествам достигший этого поста. А пост действительно довольно высок, вынужден был напомнить себе Джайлс. Амос Барси был ближайшим помощником представителя Земного правительства на этих горнодобывающих планетах. — Вы позволите налить вам еще?

Джайлс улыбнулся в знак согласия и протянул Барси свой высокий стакан, а потом смотрел, как темное и холодное местное пиво льется, поднимаясь пенистой шапкой. Замечательное зрелище! Рука его дочерна загорела под воздействием ультрафиолетового излучения, проникавшего сквозь иллюминаторы спасательного корабля. Слишком много времени они провели в нем — рука выглядела теперь не только загорелой, но и костлявой, точно птичья лапка с когтями, сжавшими запотевший стакан. Рядом с ухоженными здоровыми руками Барси контраст был особенно заметен.

— Благодарю вас, — сказал Джайлс. — Вы очень любезны.

Он пил, чувствуя, как прохлада льется ему в горло.

— Все еще кажется совершенно невероятным, — проговорил он почти мечтательно, — что этот кошмар позади. С навигационными приборами я сумел справиться лучше, чем ожидал. Только вот никто из нас и не подозревал, что включенный радиомаяк все это время посылал сигналы о помощи.

— Вы же знаете, это не помогло бы, — откликнулся Барси, — не окажись вы в состоянии привести корабль на достаточно близкое расстояние от нашей солнечной системы. Только после этого ваши сигналы услышал здешний радист.

Барси неожиданно захихикал.

— Никогда не видел, чтобы эти инопланетяне так волновались! — сказал он. — Они все еще не могут поверить, что вы сумели справиться с управлением спасательного корабля, а их соплеменница не сумела.

— Это произошло не по ее вине, — сказал Джайлс.

— Да, надеюсь, что так. — Барси искоса глянул на Джайлса из-под кустистых бровей, и тон его стал более сухим и отчужденным. — Страницы в книге не хватает... и так далее... Очередная тайна. Но я полагаю, что навигационная книга могла пострадать, когда был взорван сам космический корабль.

— Это возможно, — сказал Джайлс.

— Мда... — Барси в своем огромном кресле на колесиках подплыл к столу и вытащил из ящика какой-то листок бумаги. — А вот и еще одно таинственное явление. Ничего особенно важного, но что там произошло с лозой? Жители Альбенарета утверждают, что лоза пострадала от ядовитого вещества, однако космическая ремонтная станция на нашей планете не располагает необходимым оборудованием для химического анализа. Они прислали образец питательной жидкости в нашу лабораторию для проведения соответствующих анализов. В осадке содержится целый перечень органических веществ, однако ни одно из них, насколько мы можем судить, не способно повредить растению. Возможно, эксперты с Альбенарета и сумеют найти среди этих компонентов что-либо вредное для лозы... Мы же обнаружили слабые следы еще одного вещества. — Глаза Барси скользнули по лицу Джайлса, встретились с его взглядом и переметнулись на какой-то предмет в дальнем углу комнаты. — Это наркотик, которым пользуются люди, дрянь под названием «тонк». Наши химики полагают, что именно в нем-то и загвоздка, в том случае, если наркотика в питательную жидкость попадало много и в течение длительного времени. Невозможно определить, когда именно произошло отравление растения — я имею в виду точный момент. Может быть, кто-то из пассажиров космического лайнера использовал спасательный модуль для хранения запасов своего наркотика во время любого из пятидесяти последних перелетов. Упоминать об этом в разговоре с жителями Альбенарета не имеет смысла. Я уже предупредил наших химиков. Как мне кажется, подобные разговоры могут вызвать лишь негативные чувства.

Он посмотрел Джайлсу прямо в глаза. Листок покачивался в его пальцах.

— Я бы все-таки не стал упоминать о наркотиках при инопланетянах. — Он бросил листок в раскрытый верхний ящик пись-

менного стола. — Это только затруднит поиски решения, тем более что наши медики не обнаружили ни у одного из ваших арбайтов ярко выраженных признаков приема наркотиков, обследовав их сразу после приземления.

— Да, — пробормотал Джайлс, — не думаю, чтобы вы обнаружили среди них активных наркоманов.

— Вот именно, — заявил Барси. — Что ж, пожалуй, хватит об этом. Теперь перейдем к другому вопросу. Вы таки задали нашим медикам задачку, требуя непременно вернуть вам костюм, который носили на борту спасательного корабля. Вот он, пожалуйста.

Он потянулся к столу, открыл ящик и вытащил оттуда драный оранжевый костюм Джайлса.

— Спасибо, — сказал Джайлс. И стал шарить в карманах куртки. Там было немного вещей, но среди них — документ о выдаче преступника, который он вынес с горящего корабля и хранил. Документа в карманах не оказалось.

— Что-нибудь пропало? — спросил Барси. Он явно следил за ним.

— Ничего такого, без чего нельзя обойтись, — ровным голосом ответил Джайлс. Что было правдой. Судейский чиновник с планеты 20 В-40, который подписал документы, был тем самым человеком, с которым Джайлсу полагалось вступить в контакт от имени Ока-фронта. Но имя этого чиновника Джайлс запомнил. Теперь нужно только встретиться с ним и получить либо копии тех документов, либо доступ к убежищу Пола, чтобы Джайлс мог осуществить террористический акт здесь, на 20 В-40. Без них уничтожение Пола на 20 В-40 повлекло бы за собой обвинение в убийстве, однако теперь Джайлс говорил себе, что стоит задуматься и о более серьезных вещах, чем просто нежелание быть пойманным. Он доставил арбайтов на планету, не потеряв ни одного человека, так что его доброе имя, имя Джайлса Стила, осталось незапятнанным. Что произойдет теперь, особенно если это произойдет на благо всех землян, ему почти безразлично. Тем более, что на совести у него еще и смерти тех, кто погиб в огненной ловушке на борту космического лайнера; этот грех еще ждет искупления. Искупить его можно лишь тем, что обеспечит будущее для всего человечества. Это, в свою очередь, поможет обеспечить и нормальное будущее для жителей Альбенарета. Команда инопланетян погибла в горящем корабле по своей воле; и все же... Джайлс заставил себя отвлечься от собственных мыслей и стал слушать, что говорит ему директор Комплекса.

— ...это довольно изолированный и заброшенный мир, — рас-

сказывал между тем директор. — Здесь нет Эделей, за исключением вас, сэр; и то, что мы во всем зависим друг от друга в этих Колонизованных мирах, сделало нас более близкими — близкими даже инопланетянам, жителям Альбенарета, у которых здесь тоже есть станция. Вы и сами увидите, — Барси откашлялся, — что мы воспринимаем многое несколько иначе, чем те, кто остался на Земле, — как арбайты, так и, простите меня, Эдели.

Он тут же взял себя в руки.

— Но я вовсе не собирался так много распространяться на эту тему. — И продолжил: — Скоро, дня через два, отсюда отправится на Землю корабль. Как я понимаю, вы бы хотели полететь на нем?

— Верно. — Джайлс поднялся. — Но мне нужно повидаться с одним моим старым другом. Вы, наверное, знаете его. Он один из ваших судейских чиновников — Олаф Ундстед.

— Олаф? Ах, как жаль! — Барси с трудом выбрался из кресла и встал. Вид у него был самый несчастный. — Он умер... только на прошлой неделе. Вы говорите, он ваш старый друг?

— Я и прилетел-то сюда, чтобы с ним повидаться, — сказал Джайлс.

— Какая неудача... но я дам вам его адрес. — Барси быстро нацарапал что-то на листке бумаги. — У него был приятель, что-то вроде его экономa. Свободный человек, бывший арбайт. Звали его Вилло. Арне Вилло.

Он протянул листок Джайлсу, тот машинально взял его, чувствуя в душе неприятный холодок.

— Да, спасибо большое, — сказал он тоже машинально.

— Арне сможет рассказать вам о нем все, — сказал Барси. — Если я еще что-то смогу для вас сделать, сразу же возвращайтесь и приходите ко мне.

— Конечно, — сказал Джайлс. — Конечно, мы с вами вскоре увидимся...

Он повернулся и вышел. Выйдя из здания управления Горнодобывающего комплекса, Джайлс взял двухместный автокар и отправился по адресу, написанному Барси.

Он надеялся, что это место находится внутри Комплекса, напоминавшего огромный купол. Планета 20 В-40 обладала атмосферой, и воздух был пригоден для дыхания, однако в течение большей части года на ней царили арктические холода. Сейчас, в летний период и на широте Комплекса, погода на планете напоминала скучную бесснежную зиму. Кругом расстилались залитые лавой поля и разбросанные в беспорядке груды валунов. Но

Джайлс обнаружил, что за последние годы число поселений на планете значительно увеличилось, люди жили или отдельно, под своими собственными маленькими куполами, или группами, под куполами побольше. Джайлс понял, что его автокар направляется к выездным воротам, там служитель одел его в термический костюм с прозрачным шлемом и пересадил на место водителя в грузовую вагонетку — простое трехколесное устройство, снабженное компьютерным управлением и электродвигателем.

Джайлс удалялся прочь от купола; вагонетка с огромными, куда больше обычного, колесами мягко подскакивала на неровной каменистой поверхности. Невероятно далекое солнце — белый карлик — освещало изрытый шахтами ландшафт; такой свет на Земле могла бы давать полная Луна, да и контрастное сочетание белого света и черных теней тоже наводило на воспоминания о лунной ночи. У него за спиной возвышался Комплекс, похожий на скрючившегося гигантского зверя, становившегося все меньше и меньше.

Автопилот уверенно вел вагонетку по заданному курсу, хотя цель их путешествия Джайлсу была по-прежнему невидима. В сумеречном свете солнца-карлика поверхность планеты 20 В-40 казалась небольшим каменистым плато, окруженным множеством звезд. Джайлсу вдруг пришло в голову, что после долгих дней скитаний в космосе на крошечном спасательном корабле эти необъятные, непостижимые глубины пространства продолжают оказывать на все его чувства особое воздействие, хотя теперь он твердо стоит на поверхности планеты. На спасательном корабле все эти звезды казались всего лишь светящимися точками на экране. Здесь же они предстали во всей своей красе, они реальны, близки, их, казалось, можно было потрогать.

И эта реальность окружающего мира обволакивала его. Она пробиралась даже под его термический костюм, леденя, точно прикосновение зимнего ветра, способного заморозить до костей, если осмелишься предстать перед ним обнаженным. В слабом свете далекого бледного солнца, правящего этим безжизненным миром, все его собственные представления о людях и жителях Альбенарета, обо всех личных планах, целях и обязанностях как бы съежились, превратились в нечто преходящее, несущественное — в некие теплые касания, приятные в застывшей от холода Вселенной. Касания, что длятся лишь мгновение и не оставляют ни следа, ни какого-либо знака.

В конце концов, сказала та атавистическая часть его «я», что

давно уже спряталась глубоко в душе, ***важно только выжить. Все остальное не считается. Все остальное просто не имеет значения.***

Нет, возразил ей его упрямый высокоразвитый мозг. ***Во всем остальном тоже непременно должен быть свой смысл. Выживание без смысла — это ничто.***

Выживание важнее, заявило его атавистическое «я», спрятавшееся глубоко, где-то в животе.

Нет, смысл важнее — то был голос разума.

Выжива...

Он постарался отвлечься от споров с самим собой. Вагонетка приближалась к куполу, который, судя по размерам, был скорее всего жилищем для одной семьи. Вагонетка неслась к куполу с такой скоростью, будто собиралась вдребезги разбиться о его гладкую изгибающуюся поверхность. Однако метров за пять до стены в ней открылась диафрагма дверцы, и вагонетка влетела туда. Дверца закрылась за ними. Внутри оказалась вполне обширная стоянка, способная принять еще по крайней мере три такие же вагонетки, но совершенно пустая. Джайлс припарковался и подошел к дверце со звонком во внутренней стене купола. Он позвонил, однако ответа не последовало. Он попробовал нажать на защелку замка, и та поддалась; замок щелкнул, и дверь перед ним раскрылась.

Он шагнул и оказался в комнате отдыха, просторной, с белым потолком и стенами, удобными креслами, но совершенно пустой. Только в одном кресле сидел человек; завидев Джайлса, он поднялся. Это был Хэм, державший в руке лазерный пистолет.

Глава 15

— Хэм! — Команда прогремела совершенно инстинктивно. — Сейчас же опусти эту штуку и не целься в меня! Положи пистолет!

Хэм мгновение помедлил с озадаченным видом, потом лицо его сморщилось от раскаяния.

— Простите, ваша честь, сэр, — сказал он. И сунул пистолет за ремень серых рабочих штанов. Джайлс перевел дыхание.

— Что это ты здесь делаешь? — спросил он.

— Я должен оставаться здесь, — заявил Хэм, и лицо его просияло, — чтобы охранять вас.

— *Охранять меня?* — Джайлс почувствовал покалывание в спине, от шеи вниз потекли струйки холодного пота. Он собрался было приказать Хэму отдать ему оружие, но если тот получил

приказания относительно пистолета, такая прямая команда прозвучала бы глупо. И Джайлс решил изменить тактику.

— И все-таки, Хэм, что ты здесь делаешь? Разве не здесь живет человек по имени Арне Вилло?

— О да, здесь, — сказал Хэм, — но он куда-то уехал на несколько дней.

Джайлс начинал терять терпение. Он велел себе успокоиться. Это не вина Хэма, что его приучили отвечать на вопросы пошкольному. Что-то здесь явно происходило, и частью происходящего был лазерный пистолет, такая же опасная игрушка в руках этого великана, как противотанковая граната, которой забавляется пятилетний малыш. Хэм сунул оружие за пояс, а не положил его на стол так, как приказал ему Джайлс. Может быть, это еще ничего не значит, но в такой ситуации задавать вопросы нужно с особой осторожностью.

— Итак, ты здесь совершенно один, Хэм? — спросил его Джайлс.

Хэм кивнул.

— Они все пошли проверить, не гнался ли кто-нибудь за вами.

— Кто «они», Хэм?

— Вы же знаете, ваша честь. Все. Все, кто с корабля.

— Понятно, — сказал Джайлс. — Ты хочешь сказать, что и Мара, и Бисет, и Грос, и все остальные?

Хэм снова кивнул. Он, казалось, забыл о пистолете, заткнутом за ремень. Джайлс медленно приближался к арбайту. Если ему удастся подойти достаточно близко, он выхватит пистолет и...

— Они, наверное, скоро вернутся, да, Хэм? — спросил Джайлс. Если парень будет занят ответами на его вопросы, вряд ли он обратит внимание на что-то другое.

Хэм кивнул.

— А знаете что, ваша честь? Догадайтесь! — сказал он.

— Погоди минутку, — сказал Джайлс, медленно и осторожно приближаясь к Хэму, — сейчас попробую отгадать. Но откуда вы узнали, что я собираюсь сюда?

— Это она узнала, — сказал Хэм.

— Она? Ты хочешь сказать, Мара?

Хэм отрицательно помотал головой.

— Нет. Не Мара. Это нюхачка... Бисет.

— Ага, — проговорил Джайлс. До Хэма ему оставалось буквально несколько шагов. — Следовательно, Бисет знала, что я приду сюда. А откуда ей это стало известно?

Хэм с растерянным видом покачал головой.

— Этого я не знаю, ваша честь, сэр. Она не сказала. Она сказала только, что все мы должны явиться сюда, потому что рано или поздно вы непременно сюда придете. А потом, когда вы придете, чтобы все обязательно посмотрели, не идет ли кто за вами следом. Когда на стоянке зажегся свет, все отправились проверять. Все, кроме меня.

Джайлс с огромным трудом сдержался: ему страшно хотелось обернуться и посмотреть, не стоит ли кто-нибудь у него за спиной. Бисет и остальные могли вернуться в любой момент. Он все-таки рискнул и быстро глянул через плечо, но комната была по-прежнему пуста, никого, кроме него самого и Хэма.

— А все-таки, сэр, попробуйте угадать знаете что? — снова заговорил Хэм. Его широкое лицо буквально сияло от возбуждения и счастья.

— Что? — спросил Джайлс, делая еще один шаг вперед.

— Я еду домой! — почти крикнул Хэм. — Я возвращаюсь назад, на Землю.

— Возвращаешься назад?

Джайлс так удивился, что даже забыл сделать еще шаг.

— Ты говоришь, что возвращаешься назад? — медленно повторил он.

Хэм с энтузиазмом закивал.

— Я скоро увижу Джейза! — заявил он. — И я собираюсь сказать ему: «Догадайся-ка, Джейз, где я был?», и Джейз, он у меня спросит: «Ну где? Тебя что, в другие казармы перевели?» А я ему скажу: «Меня вообще на Земле не было. Я летал в космосе на большом корабле и еще на маленьком, спасательном, и побывал совсем в другом мире. Ты смотри, Джейз, — скажу я ему, — я привез тебе кусочек этого другого мира, другой планеты!» Понимаете, сэр...

Хэм порылся в кармане и вытащил небольшой осколок вулканической породы, явно подобранный где-то неподалеку от купола.

— И Джейз тогда скажет мне: «Эй! Вот здорово, что ты вернулся!» И еще он скажет: «Я ждал твоего возвращения, очень ждал. Я потому больше ни с кем в пивную не ходил».

Джайлс держал ушки на мушке. Ему показалось, что где-то внутри купола раздался шум. Нет, наверное, померещилось. Он обернулся к Хэму, который все еще репетировал беседу с Джейзом в момент встречи.

— Минутку, Хэм. — Джайлс воспользовался тем, что гигант остановился, и перевел дыхание. — А почему ты, собственно, решил, что непременно полетишь обратно на Землю?

— Она сказала, что я могу это сделать, — ответил счастливый Хэм.

— Она?

— Бисет.

— Ах вот как, черт бы ее побрал! — воскликнул Джайлс, внезапно рассвирепев. — Хэм, послушай меня, Бисет не имеет никаких прав распоряжаться вашим размещением. И она не может организовать отправку обратно на Землю, в ваши казармы.

— Да, сэр, — подтвердил Хэм торжественно и печально. — Она ведь из полиции, сэр. Все знают, что такие способны на что угодно.

— Неужели способны?

— Конечно, ваша честь, сэр. Они могут засадить тебя в тюрьму, бить, а потом оставить сидеть там всю жизнь. Или наоборот, могут перевести тебя в любое место, куда пожелаешь, если ты им понравишься. Они могут даже просто убить тебя, и судья и все остальные скажут, что так и надо.

Джайлс, прищурившись, смотрел на гиганта.

— Хэм, — спросил он его, — кто вбил тебе в голову всю эту чушь? В Межгалактической полиции никого не избивают. Такие вещи там запрещены уже по крайней мере лет двести.

— Да нет, ваша честь! — Хэм говорил совершенно искренне. — Эделей они не бьют, это верно, а вот любого арбайта, который оказался не там, где надо, или сделал что-то не то, они бьют обязательно, правда, иногда и не очень сильно. Даже арбайтов-чиновников. Раза два они избивали нашего табельщика за то, что он отпускал нас большими группами в город из казарм, а потом однажды они вообще никого обратно не пустили. Конечно, с теми, кто рангом повыше, они ведут себя осторожнее — их сажают или посылают на работу куда-нибудь в плохое место.

— Послушай-ка меня, Хэм, — жестко сказал Джайлс. — Тебя запугали небылицами. Ты просто не понимаешь: если кто-то из Межгалактической полиции совершил бы поступок вроде тех, которые у тебя на уме, в это оказались бы замешанными почти все отрасли общественного контроля — суды, архивные отделы... да все!

Хэм выглядел совершенно несчастным.

— Но ведь они делают это, ваша честь, — сказал он. — И они могут человека куда угодно заслать. И она тоже может послать меня обратно на Землю, эта Бисет!

Джайлс решил сменить тему.

— Ну хорошо, Хэм, — сказал он. — Об этом мы еще поговорим

с тобой в другой раз. Скажи мне вот что: почему именно Бисет собирается помочь тебе вернуться на Землю?

— Да, сэр, — ответил Хэм, заметно повеселев. — Она сказала, что все это из-за вас. Потому что я помогу ей насчет вас.

— Поможешь... — начал Джайлс и умолк. Хэм улыбался так, что было ясно: он совершенно не понимал, что имела в виду Бисет.

Слабый шорох позади — кажется, шаги по гладкому полу — заставил Джайлса напрячься и похолодеть. Он резко обернулся. Мара, Грос, Эстивен, Ди, Фрэнко. И Бисет, в руках которой, как и у Хэма, лазерный пистолет. Однако, в отличие от Хэма, в руки этой особы оружие попало не случайно.

— Ни с места! — сказала Бисет. — Не вздумайте шевельнуться, пока я не разрешу!

Лазер был направлен прямо ему в грудь. Джайлс стоял неподвижно. Из-за занавески в дальнем углу комнаты появилась седьмая фигура. Это был мужчина, Эдель, высокий, прямой, с тонким, красивым лицом, но, в отличие от большинства смуглолицых Эделей, совершенно не загорелый.

— Ну что ж, Пол... — проговорил Джайлс.

— Привет, Джайлс, — сказал Пол Ока, вставая рядом с Бисет. — Значит, ты меня и здесь выследил?

— Только вот порадоваться он не успеет, — сказала Бисет почти с удовольствием. — Он только что узнал об этом.

— Да, действительно. — На какое-то мгновение лицо Пола помрачнело. — Знаешь, Джайлс, из всех Эделей того прославленного дискуссионного клуба, который я создал, ты, на мой взгляд, должен был когда-то прозреть истину. Наступило время перемен, и ничто не может их остановить. Помнишь «Смерть Артура» Теннисона? О том, что меняются прежние порядки...

— Да, — сказал Джайлс, — наверное, Пол, старый порядок должен смениться. Однако не обязательно именно тем путем, который представляется наилучшим тебе.

— Неужели? — Пол Ока изумленно поднял брови.

— Именно, — ответил Джайлс. — Во всяком случае, никому до сих пор и в голову не приходило, что у жителей Альбенарета почти те же проблемы, что и у нас. Никто не замечал, сколь схожи наши ситуации, по той простой причине, что наши и их взгляды на жизнь и на смерть невообразимо различны. Однако мы вполне можем помочь друг другу...

— Ну-ну, Джайлс, — прервал его Пол, качая головой. — Сколько же еще ты и подобные тебе будут хвататься за соломин-

ку в надежде на перемены в нашем обществе без каких-либо травматических последствий? Перемены всегда происходят непросто. Повернись, наконец, лицом к этому факту. В данном случае цена успешных перемен — это никак не меньше, чем ампутация двух бесполезных, загнивающих элементов общества с тем, чтобы истинная, срединная культура человечества одержала победу.

— Ампутация? — Джайлс пристально посмотрел на него.

Пол кивком головы указал в сторону Хэма — так порой показывают на телеграфный столб или на животное, к этому столбу привязанное. Голос его звучал более проникновенно.

— До тех пор пока существуют Эдели и генетически подавленные субъекты, именуемые арбайтами, вроде вон того типа, всякие перемены в нашем обществе блокируются. Однако человечество не может терпеть подобного на пути своего развития. Мы должны вырваться из пут любой ценой и создать новый сильный класс профессионалов из числа лучших арбайтов внутри той культуры, которая создана исключительно самими арбайтами — только ими.

— Из числа *лучших* арбайтов? — Джайлс пронзил его взглядом. — С каких это пор ты так заботишься о судьбе именно *лучших* арбайтов?

Аристократическое, бледное лицо Пола стало, пожалуй, еще чуточку бледнее.

— Давай не будем жонглировать словами, Джайлс, — сказал он. — Совершенно очевидно, что какая-то их часть должна оставаться под контролем, пока вызревает средняя культура.

— Что же это за группа? И что значит «вырваться из пут любой ценой»? Не можешь же ты просто построить всех из рода Эделей и всех работников физического труда в две колонны и расстрелять?

В лице Пола ничто не дрогнуло. Холодный как лед, скульптурный мраморный лик в замерзшем зимнем саду. Молчание, которое, собственно, и было его ответом, повисло в комнате.

— О господи! — Джайлс с трудом перевел дыхание. — Ты собираешься убить миллионы людей — *миллионы!* — чтобы воплотить в жизнь собственные замыслы!

— Сделать это совершенно необходимо, Джайлс, — сказал Пол. — Именно поэтому мы не могли допустить, чтобы ты нашел меня. Потребуется еще полгода, чтобы организовать всемирную и мгновенную чистку как среди Эделей, так и среди арбайтов...

— Эй, — постаревший, хриплый голос Хэма прервал речь Пола. — Вы ведь не повредите Джейзу, а? Вы ведь не сделаете этого, а?

Слова Хэма с трудом доходили до слуха Джайлса, волком смотревшего на Пола.

— Кто это «мы», Пол? — спросил Джайлс.

— Послушай, Бисет, — теперь Хэм обратился к представительнице полиции, — послушай, ты можешь и не отсылать меня обратно на Землю. Только Джейзу не вреди, пожалуйста.

Бисет рассмеялась.

— Неужели ты, парень, думаешь, что мы ради твоего удовольствия собирались послать тебя на Землю? — спросила она. — Ты нам пока нужен, ты нам можешь быть полезен — там.

— Там? — растерянно спросил Хэм.

— Ну, хватит, — сказала Бисет.

Совершенно спокойно она подняла лазерный пистолет, прицелилась и нажала на кнопку. Бледный, едва видимый луч коснулся груди Хэма, колени его подогнулись. Он медленно сполз на пол, и Бисет еще раз успела выстрелить ему в грудь.

Упал Хэм ничком. Потом со стоном перевернулся на бок и посмотрел вверх, на Бисет.

— Больно, — проговорил он. — Почему...

На большее у него не осталось ни сил, ни слов. Веки еще раз вздрогнули, ресницы затрепетали, и глаза Хэма закрылись. Он лежал неподвижно.

— Почему? — обратилась Бисет к мертвому телу. — Потому что все те, кто последует за твоим высокорожденным и могущественным другом Эделем, найдут здесь свою смерть.

По-прежнему держа в руках лазер, она обернулась к Джайлсу. Сейчас она пристрелит и его, понял Джайлс. Он пригнулся, собираясь прыгнуть. Но левое плечо его пронзил мертвящий холод, и ноги отчего-то стали ватными. Ухватившись за спинку кресла, он удержался на ногах и, как сквозь туман, увидел, что Мара вырывает пистолет у Бисет. Потом зрение его прояснилось, и он увидел: Мара держала в руках пистолет, нацеленный на Бисет.

— Идиотка! — нервно выкрикнула Мара. — Я ведь сказала тебе, что сама пристрелю его! Рана должна быть нанесена с анатомической точностью, если вы хотите, чтобы он прожил столько, чтобы успеть благополучно отбыть с этой планеты. А теперь ты все испортила!

Бисет рычала, почти как дикий зверь.

— Не смей мне приказывать! Ты с горсткой своих фанатиков ничего не решаешь! Ассоциация готовила этот день целых двести

лет — и только Ассоциации с ее могуществом и силой дано править, когда произойдут перемены. И я не намерена плясать под твою дудку, а вот ты под мою — будешь!

Джайлс по-прежнему держался за спинку кресла, хотя начал понемногу приходить в себя после ранения. Лучи лазера смертельны, попадая в жизненно важную точку человеческого тела, в прочих случаях они оставляют ранки с очень чистыми, как бы специально обработанными краями, приносящие человеку значительно меньше страданий, чем другие виды оружия. Казалось, Джайлса аккуратно проткнули насквозь очень тонкой шпагой, раскаленной добела. Выстрел Бисет, догадывался Джайлс, попал в верхнюю часть плеча, не задев, однако, кости или крупного кровеносного сосуда. Ему повезло. Но, пожалуй, не стоит показывать, что он уже вполне оправился.

— Ассоциация? — спросил Джайлс, непонимающе глядя на Бисет. — Какая Ассоциация?

Бисет рассмеялась ему в лицо.

— Глупец! — сказала она. — Сверхобразованный глупец! Неужели вы думаете, что всемирные революции совершаются несколькими философами, вроде вас и вон того вашего приятеля, — она мотнула головой в сторону Пола, — или даже полусотней членов секты «Черный четверг», — она повернулась к Маре, — которые торжественно выходят на улицу и дают себя перестрелять, чтобы обеспечить нужное количество жертв во имя победы великого дела?

Она уставилась на Мару.

— Они даже не способны сделать это сами! — крикнула, как сплюнула, она. — Мы, члены Ассоциации, вынуждены подбирать настоящих людей в полицейской форме, подготовленных и проинструктированных таким образом, чтобы все эти «жертвы» были убиты на месте и все свершилось четко и аккуратно, иначе само дело может потерпеть крах.

— Ну, хорошо, — сказал Джайлс. — Расскажите же мне наконец, что такое эта Ассоциация?

— Что такое Ассоциация? — переспросила Бисет, поворачиваясь к нему. — Ассоциация — это Ассоциация; это хорошо организованная сеть арбайтов, которые занимались настоящей работой под вашим, высокорожденных, так называемым руководством. Это полиция, чиновники администрации, производственных структур и сферы обслуживания — все довольно высокого ранга, как я, например. — Она оборвала свою тираду на полуслове. — Вы думали, что я — всего лишь обыкновенный полицейский? Я заместитель директора отдела расследований, сектор Северо-Восточной Европы. Именно я и несколько тысяч таких, как я, — но каждый из нас, этих нескольких тысяч, держит под контролем тысячи людей, — и составляем Ассоциацию, настоящую подпольную организацию арбайтов, созданную чуть ли не в первый день вашего прихода к власти для того, чтобы избавиться от вас, Эделей.

Она отвернулась от Джайлса и заговорила, обращаясь исключительно к Маре.

— Займись делом, пристрели его, наконец — так, как считаешь нужным. Пора сдвинуться с мертвой точки.

— Минутку, — успел проговорить Джайлс, совершенно инстинктивно, просто чтобы выиграть время, которого у него, видимо, не оставалось совсем. Голова у него шла кругом не только от того, что он только что узнал, но и от тех неизбежных выводов, которые напрашивались сами собой. Он мучительно искал слова, способные разозлить Бисет, заставить ее говорить еще. — Значит, — начал он, обращаясь к ней, — ты вовсе не из партии Пола? А я-то думал, что ты из числа его неофитов, что ты все-таки поверила в него.

Бисет наживку проглотила.

— Поверила? — Слова вылетели у нее изо рта, точно плевки. — В него? — Последнее слово она произнесла с таким отвращением, будто стряхнула с языка ядовитую жабу. — Пусть глупцы верят этим снам наяву. Я принадлежу к людям, которые действительно совершают события, — и принадлежала к их числу с самого начала. Неужели вы думали, что я стану слушать таких, как он? Или — как она?

Взгляд ее метнулся с Пола на Мару.

— Это не так уж просто, — ядовито проговорила она, — за двенадцать часов избавиться от миллионов и миллионов людей, рассредоточенных по всей планете. Нам очень нужны эти дополнительные полгода полного спокойствия — полного! — пока все не будет готово, и чтобы ни один из Эделей не проявил ни любопытства, ни беспокойства. А этот дурак, — она быстро глянула в сторону Пола, — обязательно должен был улететь так, чтобы позволить вашему любительскому Ока-фронту выследить его аж на 20 В-40, несмотря на все наши усилия — я имею в виду Межгалактическую полицию — ему помешать. Убили бы вы его или привезли обратно, все равно невозможно было бы скрыть тот факт, что он получил убежище у здешних инопланетян и землян. Это, конечно, вызвало бы подозрения, служащие в полиции Эде-

ли непременно начали бы расследование, и все наши планы аккуратной ликвидации излишков населения были бы разрушены.

Она резко умолкла. Джайлс тут же снова заговорил.

— Значит, тебе было известно, что я лечу именно на 20 В-40? — спросил он. Потом покачал головой. — Нет, ты этого знать не могла!

— Не могла? — вспыхнула Бисет. — Разумеется, мы все знали! Я и полетела-то на вашем корабле только для того, чтобы следить за вами. А этих, — она равнодушно кивнула в сторону арбайтов, — я взяла с собой в качестве помощников. Эта команда набрана из низших слоев Ассоциации, и они, в общем-то, не знали ничего, кроме того, что им необходимо выполнять приказы...

Она помолчала и взглянула на Мару.

— Все, кроме вот этой. Меня заставили взять ее с собой, чтобы сохранить добрые отношения с представителями идиотской секты «Черный четверг»!

— Очень интересно... — проговорил Джайлс (и он действительно так думал). — А теперь скажи мне только одно...

Но Бисет явно надоели его расспросы.

— Ничего я вам не скажу, — заявила она, поворачиваясь к Маре. — Так, красотка, оружие у тебя. Пристрели его, и нам пора!

Мара подняла руку с пистолетом. Его тонкое, слегка расширяющееся на конце дуло нацелилось на Джайлса маленьким кольцом с черной точкой посредине. Джайлс мог поклясться: лицо Мары как-то не соответствовало моменту и нацеленному на него пистолету — это лицо молило о понимании.

Потом из крохотной черной точки посредине металлического кольца вылетело легкое, еле заметное пламя — и Джайлса окутала чернота.

Он очнулся — если можно так выразиться, ибо сознание его было по-прежнему замутнено и он не мог толком понять, где находится, — в каком-то крохотном, слабо освещенном помещении. Над его лицом, буквально в нескольких сантиметрах, склонилось лицо Мары. Он узнал ее, хотя лицо расплывалось, меняя очертания. Он почувствовал, что ее пальцы скользят по его телу и что-то с ним делают — похоже, она привязывала его к сиденью какой-то машины, видимо, той самой грузовой вагонетки, на которой он сюда приехал.

— Что это ты делаешь? — попытался выговорить он, однако слова больше напоминали глухое рычание, а не человеческую речь.

— Тш-ш-ш... — выдохнула она и совсем склонилась над

Джайлсом. — *Поберегите силы. Не надо разговаривать. Послушайте меня...* Выбора не оставалось. Я вынуждена была выстрелить в вас еще раз. Они думают, что вы благополучно скончаетесь минут через пятнадцать, еще до того, как вагонетка привезет вас к воротам Комплекса. Но я чуть передвинула рычажок, и выстрел был не таким мощным. Если вы в течение ближайших двух часов доберетесь до врача, вы непременно останетесь в живых. Вы должны... — *Она легонько коснулась губами его щеки, покрепче привязывая его к спинке сиденья.* — Больше я ничего сделать не могу. Бисет держит меня в своих когтях почти так же прочно, как и вас. Но помните вот что... ничего не предпринимайте, пока вагонетка не доставит вас в Комплекс. А потом наберите на пульте автоматического управления адрес ближайшего госпиталя. Не теряйте времени и не пытайтесь сперва связаться с местным отделением полиции. Вы меня поняли?

— Да, — сказал он или подумал, что сказал. Так или иначе, Мара поняла. Она слегка кивнула, и лицо ее отдалилось от него, исчезло из поля зрения.

Джайлс обнаружил, что смотрит в лобовое стекло грузовой вагонетки, стоящей прямо перед закрытой металлической дверью, в которую он въезжал раньше, и металлическая поверхность двери поблескивает в свете фар вагонетки. Еще через несколько секунд створки двери раздвинулись, вагонетка вздрогнула и выкатилась наружу, на каменистую, похожую на лунную поверхность планеты 20 В-40.

Теперь далекое крохотное белое солнце плыло высоко в небе, и беспорядочно заваленная осколками скал каменистая равнина перед ним представляла собой удивительный пейзаж в черно-серебристых тонах, а свет фар вагонетки казался почти невидимым. Над всем этим вздымался гигантский купол ночного неба, усеянного звездами, и до самого горизонта никаких следов человеческого пребывания; даже гигантское здание Комплекса было не видно. Несмотря на великолепную подвеску, вагонетка без конца подскакивала и подпрыгивала на неровной поверхности планеты, то и дело налетая на крупные валуны.

Это бесконечное подскакивание и раскачивание вызвали у Джайлса легкую тошноту, вполне соответствующую тому общему ощущению тупости и дурноты, которое обволакивало его. Особой боли он не чувствовал, однако непреходящее ощущение дискомфорта пропитало его, казалось, насквозь, до мозга костей. Голова почти не соображала, тело было тяжелым и совершенно бессильным.

Он с трудом, но заставил себя думать о том, где он находится и что с ним происходит. В голове прояснилось, видимо, организм выбросил в кровь добавочное количество адреналина, однако усилилось общее чувство дискомфорта. Теперь он отчетливо ощущал, что болезненные ощущения сконцентрированы в двух местах — в левом плече и чуть повыше грудины, где, казалось, были наложены слишком тугие повязки на довольно обширные и болезненные раны. Он тупо припомнил, что Бисет выстрелила ему тогда именно в плечо. А боль над грудиной означала, видимо, что второй выстрел — выстрел Мары — угодил в это место.

Почему, почему все это с ним произошло, тупо вертелось у него в голове. Зачем им понадобилось пристрелить его вот так, не до конца, а затем отправить в Комплекс на той же вагонетке?

Он попытался сесть, чтобы осмотреть вагонетку, и его правая нога задела за что-то. Он сделал второе неимоверное усилие, и ему удалось наклониться. На полу валялось тело Хэма — арбайт словно сам свалился на пол с соседнего сиденья; из-за пояса его серых рабочих штанов все еще торчала рукоять лазерного пистолета.

Каждое движение Джайлсу давалось с огромным трудом, однако он мог двигаться. Медленно, несколько судорожными, но удачными рывками ему удалось наклонить свое тело вперед, а потом дотянуться до Хэма и взять пистолет. Он нащупал пальцем спусковой крючок, прицелился в соседнее пустое сиденье и выстрелил.

Ничего не произошло. Заряд либо кончился, либо просто был вынут. Он сунул бесполезный, но все-таки грозного вида пистолет за пазуху и тяжело откинулся на спинку сиденья.

Усталость опутывала его по рукам и ногам мягкими, но прочными узами. Вагонетка, по-прежнему подпрыгивая, неслась к куполу Комплекса, все еще невидимому в этой вечной ночи.

Он во второй раз потерял сознание...

Глава 16

Он очнулся, едва не задохнувшись, и почувствовал во рту вкус желчи.

Его стошнило... вернее, его страдающее тело попыталось избавиться от того, что было внутри, но не нашло ничего, что можно было бы выбросить наружу, кроме желудочного сока и желчи. Кислота из собственного желудка так обожгла ему горло и рот, что он снова пришел в сознание.

В голове прояснилось. Теперь он чувствовал собственное тело — боль была еще не острой, скорее, ноющей. Все сильнее хотелось пить; глаза жгло, в них словно насыпали песку. Однако, несмотря на все неприятные ощущения, голова снова работала хорошо, даже слишком хорошо — такая острота восприятия бывает порой при высокой температуре. Он посмотрел под ноги и увидел тело Хэма. Потом посмотрел вперед и увидел высокий черный полукруг стены — здание главного купола Комплекса, теперь отчасти закрывавшее звездное небо.

Его мозг заработал с лихорадочной поспешностью, и все планы Бисет и ее подпольной организации арбайтов стали ему ясны. Барси знал, что Джайлс направился в гости к хранителю дома его умершего друга. Теперь же на контроле зафиксируют, что он вернулся вместе с одним из арбайтов с потерпевшего аварию корабля и что арбайт этот застрелен, а сам он имеет два ранения и лазерный пистолет с пустым зарядом. Бисет, видимо, рассчитывала, что к тому времени, когда автоматически управляемая вагонетка прикатит на стоянку в здание главного управления Комплекса, Джайлс, как и Хэм, будет мертв.

Это повлекло бы непременное расследование со стороны Межгалактической полиции — только в их компетенции находятся дела, в которых в совершении чего-то противозаконного подозревается Эдель. Сама же Бисет, вместе с другими арбайтами спасшаяся с потерпевшего аварию корабля, автоматически не подлежит расследованию. В свою очередь, это означает, что следователя нужно доставить с Земли, и на путешествие уйдет немало дней или недель — скорее всего именно недель, подумал Джайлс, если, как утверждала сама Бисет, Межгалактическая полиция до такой степени наводнена членами ее подпольной Ассоциации арбайтов. И скорее всего тот, кого пошлют расследовать дело, окажется членом данной Ассоциации и растянет расследование на срок, нужный самой Ассоциации.

Тем самым подпольщикам будут обеспечены те шесть месяцев покоя, о которых упоминали Пол и Бисет, или столько времени, сколько нужно для подготовки массовой резни Эделей и рабочих-арбайтов.

Джайлс заставил себя дотянуться до акустического контроля автопилота вагонетки.

— Изменение курса, — прокаркал он в микрофон, когда на панели загорелась маленькая белая лампочка. — Отправляйся... туда, где находятся жители планеты Альбенарет. В сектор, который

занимают инопланетяне в главном Комплексе. Мне необходимо узнать местонахождение Капитана...

На миг он усомнился, достаточно ли ясны его указания автопилоту. Но вагонетка резко изменила курс. Джайлс, задыхаясь от изнеможения, упал на спинку сиденья. Теперь оставалось только ждать — и надеяться, что место, куда он велел ехать, находится не слишком далеко.

Вагонетка, подскакивая, неслась в новом направлении. Через некоторое время он сумел рассмотреть, что едут они рядом с высокой металлической стеной, составлявшей основание купола Комплекса, и параллельно ей. Должно быть, они направлялись к другим воротам, ведущим внутрь купола. Минут через пятнадцать Джайлс понял, что цель близка. Однако ворота и не думали отворяться, когда вагонетка притормозила перед ними. Джайлс был почти без сознания.

Он приподнялся и посмотрел вокруг. Они были внутри купола, на стоянке. Метрах в двадцати от него находилось строение, и сквозь одну из его прозрачных стен виднелась голова жителя Альбенарета, смотревшего на него, Джайлса. Тонкие губы инопланетянина шевелились, видимо, он что-то говорил.

Чуть помешкав, Джайлс нажал на кнопку автопереводчика.

— Повторяю: ответьте, что вам здесь нужно? — Обычные человеческие слова, выговариваемые голосом инопланетянина, звучали странно. — Вы прибыли сюда и дали опознавательный сигнал, однако не ответили на мой вопрос. Что вам угодно?

— Ох, простите... — сказал Джайлс хрипло. — Переговорное устройство отключилось. Я бы хотел... я бы хотел увидеться с Капитаном корабля Райумунг.

— С каким именно Капитаном? У нас здесь несколько альбенаретцев, носящих то же имя.

— С той самой... с Капитаном Райумунг, которая потеряла свой корабль во время взрыва в космосе... которая прилетела на эту планету вместе с группой людей, и я один из этих людей... я из рода Эделей, мое имя Стил. Она меня непременно узнает. Не позовете ли вы ее?

Инопланетянин немного помолчал и снова заговорил:

— Теперь понятно, о ком вы говорите. Теперь это экс-Капитан Райумунг. Я попытаюсь определить ее местонахождение и связаться с ней. Не войдете ли вы внутрь?

Джайлс собрался было войти, но понял, что сил у него на это не хватит.

— Я... знаете, я должен подождать ее здесь, снаружи. Я прошу

меня простить. Скажите ей... да, так и скажите. Что я прошу меня простить. Спросите, не выйдет ли она ко мне. Но только, ради бога, скорее.

— Мы всегда действуем со всей возможной быстротой.

Едва переговорное устройство умолкло, как Джайлсом снова овладела полудрема, а может, и полуобморочное состояние. Очнулся он, когда кто-то забарабанил по стеклу вагонетки справа, с той стороны, где он прислонился к окну головой.

Он выпрямился и посмотрел в окно. За стеклом он увидел внимательно смотревшие на него глаза инопланетянки. Интересно, видно ли ей было тело Хэма, лежавшее на полу и полускрытое тенью от ног Джайлса? Он нашарил замок дверцы чуть ниже бокового окошка. Дверца открылась, и он то ли выпал, то ли все-таки вылез сам и оказался лицом к лицу с Капитаном.

— *Капитан Райумунг*? — с трудом выговорил он на ее родном языке.

Темные глаза внимательно смотрели на него.

— Теперь я экс-Капитан, — инопланетянка чужим голосом произносила земные слова. — Но я узнаю вас, Эдель. Что вам от меня нужно?

Джайлс прислонился к борту вагонетки, чтобы не упасть. Колени предательски подгибались. Еще минута, и она заметит, как они дрожат. Он попытался и дальше говорить на ее языке, но оказалось, что ему это не под силу.

— Я кое-что обещал вам, — сказал он на своем родном языке. — Я обещал назвать того, кто подложил бомбу в космический корабль.

Глаза инопланетянки следили за ним. Слова человеческого языка, произносимые чужим голосом, жужжали у него в ушах.

— Теперь это уже неважно. После долгих размышлений я решила передать другим жизнь, которую несла в себе. Зародыш выносит и родит другая. Так что прерваны все связи, и теперь не имеет значения, как именно погиб мой корабль.

— Не имеет значения... — Он уставился на нее непонимающим взглядом; его тошнило от слабости, от боли, и он не мог сообразить, как ему быть теперь. — Вы передали другой... Но почему?

— Я утратила свою честь и не могу довести до конца столь важное дело. Вы посадили корабль с людьми и спасли их. Бесчестья это не прибавляет, однако и не помогает восстановить честь. Было бы очень хорошо выяснить, кто уничтожил моих товарищей и мой корабль, и наказать виновного по справедливости, однако все это не имеет ни малейшего отношения к жизни, что была у

меня внутри. И я отдала эту жизнь. Если бы моя честь была восстановлена, был бы смысл поддерживать отношения с ребенком, которого я лишена. Но сам корабль и его экипаж погибли, и ничего нельзя изменить.

— Но если бы, — проговорил Джайлс, — жители Альбенарета, всего Альбенарета получили в результате нечто большее, нечто безусловно важное для их жизни?..

— Нечто большее? Нечто важное? — Темные внимательные глаза были совсем близко. — Для всего моего священного народа?

— Да, — сказал Джайлс.

— Разве это возможно? И откуда вам, всего лишь человеку, знать, что может быть важно для жителей Альбенарета?

— Я знаю, ибо это важно и для людей.

— Никакой взаимозависимости тут быть не может, — заявила инопланетянка. — Мы абсолютно ни в чем не похожи, человек.

— Вы уверены? — спросил Джайлс. Ноги уже почти не держали его. Незаметно он стал сползать по борту вагонетки, о который опирался. Инопланетянка молча стояла рядом. — Вы столько дней прожили на спасательном корабле с нами — со мной и другими людьми. И вы и теперь уверены, что мы абсолютно ни в чем не похожи, что у нас с вами не может быть ничего общего?

Очертания высокой фигуры инопланетянки стали расплываться в его глазах.

— Возможно... — услышал он голос Капитана, и тут две мощные руки подхватили Джайлса за плечи, подняли его, как ребенка, и прижали к борту вагонетки. — Вы больны?

— Немного нездоров... ранен, — сказал Джайлс.

Он шевелил губами, пытаясь что-то сказать, но сил не хватило. Сквозь туман он видел, что инопланетянка наклонилась и посмотрела куда-то внутрь вагонетки. Не заметить лежащего там Хэма она, конечно, не могла.

Джайлс ждал, что она потребует объяснений и скорее всего даст сигнал тревоги. Но этого не произошло. Он почувствовал только, что его отодвинули в сторону, открылась дверца вагонетки, и инопланетянка подняла его, закрывая собственным телом от дежурного, наблюдавшего за ними из-за прозрачной панели, и посадила в машину.

Пристяжные ремни на его груди застегнулись. Дверца вагонетки захлопнулась. Еще через секунду открылась противоположная дверца, и длинное тело инопланетянки шлепнулось на соседнее сиденье. Она протянула руку к пульту управления, вагонетка тронулась с места, развернулась и выехала из-под купола.

Инопланетянка гнала машину прочь от купола. Через некоторое время она заговорила.

— Теперь я экс-Капитан, — сказала она. — И теперь до самой смерти останусь привязанной к поверхности планеты, как если бы никогда прежде не знала космоса; не останется и моих товарищей по полетам, которые бы помнили меня. Но кое-что в этой истории осталось незаконченным. Вы открыто выступили против меня, чтобы спасти горстку своих людей-рабов, и вот здесь, с вами вместе я вижу одного из тех людей, и он мертв, а сами вы, совершенно очевидно, ранены значительно серьезнее, чем сказали. Кроме того, вы спросили, не может ли быть что-то общее между людьми и жителями Альбенарета, и этот вопрос не дает мне покоя. До нашего совместного полета на спасательном корабле я, не задумываясь, отвергла бы подобную идею. Теперь же — не знаю...

Голос ее как-то прервался. Джайлс лежал, стараясь приспособиться к рывкам и подпрыгиваниям вагонетки.

— Вы можете говорить? — спросила она через некоторое время.

— Да, могу, — ответил он. Вернее, прошептал еле слышно. Собрав оставшиеся силы, он постарался говорить громче: — Сейчас я понимаю многое такое, чего не понимал прежде. Жители Альбенарета вовсе не ищут смерти, во всяком случае, не больше, чем люди. Смерть для них — только пересадочная станция на пути к чему-то большему, к некоему единству со всей Вселенной.

— Разумеется, — сказала инопланетянка.

— Нет... не «разумеется», — возразил он. — Вы не понимаете, как трудно людям воспринять подобную концепцию. Для нас смерть — нечто очень личное, единственное в своем роде; это либо конец всему, либо высвобождение того, что называется «душой», которая в итоге и устанавливает как бы личностные отношения со Вселенной.

— Живет целый народ, — сказала она. — Отдельная личность — только одна из его составляющих.

— Это справедливо для вас, жителей Альбенарета, но не для нас, людей, — снова возразил он. — Мы всегда воспринимаем себя отдельными личностями. «Когда я умру, — считает или может сказать любой из нас, — этот мир перестанет существовать». Вы не способны по-настоящему оценить подобный образ мышления, как и мы не в состоянии по-настоящему оценить вашу теорию Ворот и Пути.

— В таком случае у нас все же нет ничего общего.

— Нет, есть, — сказал Джайлс. — Один общий недостаток. Те,

кто создавал философию наших столь различных народов, вполне соответствовали культуре этих народов до тех пор, пока те жили в пределах своего родного мира, своей родной планеты. Но теперь и мы, и вы вырвались на просторы космоса, и отнюдь не достаточно всего лишь перевести в систему общекосмической терминологии такие, свойственные лишь вашему миру понятия, как Врата и Путь. Этот путь может привести вашу цивилизацию лишь к застою и физическому исчезновению. Точно так же и для нас, людей, совершенно недостаточно просто сказать: «Когда умираю я, со мной умирает весь мир». Потому что теперь мы видели этот мир, мы видели Вселенную, мы теперь понимаем, что она слишком огромна, чтобы исчезнуть только потому, что умер кто-то из людей. Вселенная слишком велика для нас как отдельных личностей.

— Общий недостаток ничто не может связать воедино.

— Однако тот факт, что мы можем помочь друг другу, говорит о нашей общности, — сказал Джайлс. Лихорадочное возбуждение снова охватило его, и он обнаружил в себе неожиданный запас сил, чтобы продолжать спор. — То, чего не хватает нам, людям, частично существует в уже созданной вами, инопланетянами, философии. Главное — это идея о том, что народ всегда выживает. Как отдельные личности мы слишком ничтожны, чтобы принимать вызов Вселенной, но как человечество мы этого вполне достойны. Как раз этого и не хватает нашей философии. А вам, жителям Альбенарета, не хватает того, что есть в нас, людях: индивидуум не сдается даже в ситуации, когда народная мудрость утверждает, что дальнейшая борьба невозможна. Вспомните, ведь вы тогда сдались, а я в конце концов все-таки посадил спасательный корабль на планету.

В кабине вагонетки наступило молчание; за окнами лежала безжизненная равнина, окрашенная неземными цветами — черным и серебристым. Джайлс повернулся к круглоголовой собеседнице-инопланетянке, ожидая ее реакции на свое заявление. Какой она будет, предсказать он бы не смог. С точки зрения человека, он самым безжалостным образом напомнил ей о том, что она потерпела поражение в том, чем особенно гордилась.

— Это верно, — в конце концов медленно проговорила инопланетянка. — И это именно то, что казалось мне как бы незаконченной мыслью. Ты сделал такое, что, по всей видимости, было невозможно для тебя.

— Только потому, что у меня не было выбора, — сказал он. — Я непременно должен был попасть на 20 В-40, даже если бы этому противилась вся Вселенная, все жители Альбенарета, все человечество, даже если бы они все вместе считали это невозможным.

Капитан медленно повернула голову, внимательно на него глядя.

— Но такой вариант поведения — это ведь анархия, — сказала она. — Ни одна цивилизация не способна существовать при подобном поведении индивидуума.

— Наша существует. Мы живем и даже вместе с вами, жителями Альбенарета, оказались в космосе.

Она отвернулась и стала смотреть мимо него, сквозь лобовое стекло на каменистую равнину перед ними.

— Даже если вы и правы, — проговорила она, — как мы можем помочь друг другу — ваш народ и мой?

— Мне нужна ваша помощь, чтобы спасти одного человека от других людей. Они, другие, хотели бы использовать его для оправдания уничтожения миллионов человеческих жизней. Вместе с вами мы могли бы освободить его и тем самым уничтожить саму возможность оправдания грядущих массовых убийств. Ведь точно так же мы с вами благополучно доставили спасательный корабль на эту планету. Вы были не в состоянии управлять им на самом последнем отрезке пути, но до этого я ничего не сумел бы с ним сделать. До момента, когда возникла жизненная необходимость, заставившая меня научиться управлять этим крошечным модулем. Она открыла мне многое относительно вашего народа и моего собственного и позволила мне понять, сколь многое из того, чему я прежде верил, в чем был убежден, на самом деле ложно.

— Даже если мы что-то и сделаем вместе, что это докажет?

— Лишь то, что вместе мы способны купировать недостатки друг друга, — сказал Джайлс, — совершить то, чего поодиночке не может ни один из нас. Спасение жизни нескольких людей и Капитана Райумунг — дело достойное. Однако речь может идти о спасении жизни множества людей и благодаря этому спасении, пусть потенциальном, жизней множества жителей Альбенарета. Перед ними откроется новое понимание Пути, новая возможность сотрудничества с человечеством. Это, безусловно, не может остаться незамеченным и сможет убедить ваш народ, и мой тоже, в том, что и тем и другим необходимо научиться думать иначе, иначе воспринимать действительность и вместе работать как в космосе, так и на дальних планетах. А положительные результаты подобной деятельности, безусловно, принесут немало чести и вам, и вашему ребенку.

Она чуть шелохнулась — ему показалось, беспокойно.

— То, о чем вы говорите, — ответила она, — не коснется моей чести. Вы ждете от меня чего-то совершенно необычного.

— Я знаю, — сказал он. — Если для этого и существует особое слово в вашем языке, я его никогда не слышал. А у нас, людей, это называется дружбой.

— Дружбой? — эхом откликнулась она. — Странное слово, если оно не несет в себе никакой информации ни о родстве, ни о деловом сотрудничестве, ни о логической причине подобного сотрудничества.

— В основе его лежит взаимоуважение и расположение друг к другу, — сказал Джайлс. — Этого достаточно? Или нет?

Он ждал, пока она ответит. Инопланетянка смотрела прямо на него. Как и всегда, глаза ее и интонации совершенно ни о чем не говорили.

— Все это совершенно ново для меня, — сказала она наконец. — Правда, я заметила нечто подобное в отношениях между представителями вашего народа и моего на этой планете — на 20 В-40. — Она внезапно умолкла. — Что ж, во всяком случае, того, что вы сказали, пока вполне достаточно, чтобы начать действовать. Куда нам нужно поехать?

Лихорадочное возбуждение, придававшее Джайлсу силы, внезапно схлынуло, и он скрючился на своем сиденье, с трудом сохраняя ясность сознания.

— Я указал автопилоту вагонетки, куда ехать... в памяти компьютера это должно сохраниться — мы были там до того, как я отправился искать вас... — говорил он уже с трудом, почти шептал.

Ее пальцы потянулись к пульту управления автопилотом. На маленьком экране замелькали яркие цифры.

— Нашла, — сообщила она. — Я ввела снова эти данные.

Автопилот сработал, и вагонетка свернула вправо. Джайлс закрыл глаза и поплыл в тошнотворном потоке слабости, охватившем его...

— Мы прибыли к цели, — ровным голосом провозгласила инопланетянка.

Он открыл глаза и обнаружил, что вагонетка, явно сбившись с курса, остановилась посреди залитой тусклым белым светом солнца-карлика каменистой равнины. Потом, далеко не сразу, он с трудом различил вдалеке, прямо по курсу, маленький купол одинокого дома.

— Хорошо, — пробормотал он невнятно. — Вы специально остановились так далеко от него?

— Мы говорили только о том, что нужно делать до момента прибытия сюда, — ровным голосом произнесла инопланетянка. — Теперь вы хотите, чтобы мы въехали внутрь?

— Да, — ответил Джайлс. Он начинал приходить в себя, стараясь разбудить те запасы сил, что уже не раз приходили ему на помощь в экстремальных ситуациях. В то же время он явственно чувствовал и постоянную боль, и чудовищную, неизбывную слабость — вся верхняя часть тела была словно накрепко опутана железными оковами. — Да, — повторил он. — Но нам нужно не въехать, а войти. Где-то здесь должна быть дверь не для машин, а для пешеходов, и, может быть, нам удастся проникнуть внутрь так, чтобы они нас не заметили.

Он попробовал сесть, но сумел лишь слабо пошевелить руками.

— Погодите, — сказала инопланетянка.

Она стала рыться в заднем отделении вагонетки, где хранились скафандры для выхода наружу при непредвиденных обстоятельствах. Ей удалось отыскать мягкий скафандр, однако оказалось, что ей он безнадежно мал, ибо был рассчитан на обыкновенного человека, а не на очень высоких жителей Альбенарета.

— Вы не можете выйти наружу без скафандра, — безнадежным тоном проговорил Джайлс, голова которого уже была накрыта прозрачным шлемом. — Там слишком холодно.

— Здесь нет другого скафандра, а этот мне совершенно не подходит, — проговорила инопланетянка совершенно индифферентным тоном. — Но здесь недалеко.

Она вылезла наружу и подошла к дверце со стороны Джайлса. Потом открыла ее и, взяв его на руки, пошла по направлению к куполу. Дыхание, вырывавшееся наружу, тут же становилось видимым: вокруг рта и носа инопланетянки моментально образовались ледяные корки. Однако несла она Джайлса, похоже, без малейшего усилия, шагая по каменистой, совершенно не приспособленной для ходьбы равнине ровно и спокойно.

Подойдя к куполу, она обошла его кругом, и на противоположной от больших ворот стороне, почти перпендикулярно тому месту, где остановилась вагонетка, они обнаружили маленькую дверцу, возле замка которой горел красный огонек, сигнализируя, что дверь не заперта. Капитан нажала на кнопку замка, и дверь отъехала в сторону. Она внесла Джайлса внутрь, дверь за ними закрылась, и тут же вспыхнул свет, освещая небольшую прихожую и дверь в стене напротив.

— Теперь вы в состоянии идти? — спросила инопланетянка.

Джайлс отрицательно помотал головой.

— В таком случае я вас понесу.

Она подошла ко второй двери, отворила ее и поднялась по застланной ковром лестнице в жилые помещения купола. Из коридора справа донеслись голоса, и Капитан с Джайлсом на руках свернула туда. Вскоре, раздвинув легкие занавески у входа, они очутились в той самой комнате отдыха, где Джайлс уже побывал однажды.

Инопланетянка остановилась. Зеркальная стена напротив отражала их обоих — ее и Джайлса. Он в своем скафандре выглядел весьма бледно и ординарно, Капитан же так и сверкала черным и серебряным, подобно пейзажу за окнами, ибо черная шерсть, покрывавшая ее тело, вся была покрыта крохотными кристалликами льда; особенно в тех местах, где при соприкосновении с влажным и теплым воздухом помещения на ее промерзшем теле выступила изморозь.

Она шагнула к ближайшему мягкому креслу и усадила Джайлса, потом сняла с него шлем, выпрямилась и обернулась к окружавшим их людям, все это время потрясенно и молча разглядывавшим пришельцев.

— Я принесла сюда этого Эделя; вы его знаете, — сказала она. — У него здесь какое-то неотложное дело — и делать его он будет с моей помощью. Но прежде чем я предоставлю эту помощь, я бы хотела увидеть среди вас или между вами и самим этим Эделем то, что он называет дружбой и что все вы, люди, безусловно должны знать, ибо это слово из вашего языка.

Глава 17

Беспомощно сидя в кресле, Джайлс проклинал себя. Он совершил, повторял он про себя, главную из всех возможных ошибок: пошел на поводу у собственного антропоморфизма. Он забыл о том, что ни при каких обстоятельствах инопланетянка не сможет воспринимать понятие «дружба» так же, как он. С какой стати он решил, что сумеет так просто влезть в шкуру существа, обладающего совершенно чуждой ему психологией, являющегося продуктом чуждой ему культуры?

Бисет, Эстивен, Грос, Ди, Фрэнко и даже Мара — все теперь сгрудились вокруг кресла, в котором сидел Пол Ока, и молча смотрели на Джайлса и Капитана. Джайлс заметил, что Пол привязан к креслу, а изо рта у него стекает тоненькая струйка крови.

Очевидно, Пол проявил непокорность, и Бисет обрушила на него свой гнев. Возможно, еще есть какая-то надежда. Некогда Пол был самым близким его другом. Может быть, сейчас он признается в дружбе с Джайлсом и удовлетворит требование Капитана. Без помощи инопланетянки ни у него, ни у Пола нет никаких особых надежд, и Полу это должно быть понятно.

— Пол, — обратился к нему Джайлс, — Капитан Райумунг выслушала меня, когда я рассказал ей, что существует такая вещь, как дружба. Однако о дружбе она впервые услышала от меня и совершенно не представляет, что это такое. Мы с тобой были когда-то друзьями, Пол. Ты ведь не откажешься признать это, правда?

Джайлс вложил в последние слова столько чувства, надеясь, что Пол поймет его. *Признай меня своим другом и останешься в живых. Если ты этого не сделаешь, нам обоим больше не на что рассчитывать.*

Пол внимательно посмотрел на него.

— Я... — начал было он и вдруг будто окаменел. Его лицо приобрело выражение, какого Джайлс не видел уже много лет. — Нет, — ясным голосом проговорил Пол. — Что бы я ни выигрывал благодаря союзу с тобой, Джайлс, я все равно отвечу «нет». Я никогда не лгал, не солгу и теперь. Мы выросли вместе, но друзьями не были никогда. У меня вообще не было друзей, как и у тебя, впрочем. Ни один истинный Эдель ни к кому не испытывает дружбы; он знает и понимает лишь собственный долг.

Взгляд его, устремленный на Джайлса, был совершенно безжалостен. Джайлс только слабо покачал головой. Даже после того, как внезапно вспыхнувшая в нем надежда обратилась в пепел, он не мог заставить себя винить Пола. В конце концов, тот ответил именно так, как того требовало его воспитание, теми самыми словами, за которые некогда и Джайлс готов был умереть и которыми жил.

— Что ж, — сказал он, — если это действительно так, Пол, я больше не истинный Эдель. После этого путешествия на спасательном корабле я пережил и перечувствовал многое из того, что отнюдь не входило в понятие моего долга.

Он посмотрел на арбайтов, стоявших возле кресла с Полом.

— Даже по отношению ко всем вам, — продолжал он. — В самом начале путешествия я хотел одного: добраться до планеты 20 В-40 и отыскать Пола. Я отправился в полет на спасательном корабле, твердо намереваясь сохранить всем вам жизнь только потому, что таков был мой долг; именно так и только так поступил

бы любой член моей семьи. Но в течение путешествия я лучше узнал вас. Я научился любить вас, всех без исключения; вы мне нравились просто как личности, вы были мне интересны, несмотря на то что каждый из вас в отдельности порой разочаровывал меня, раздражал, а то и доводил до бешенства. Вы не ангелы. Никто из людей никогда ангелом не был. Вы даже не Эдели. Но вы — те люди, с которыми я прожил достаточно долго, с которыми вместе я был на пороге смерти, и все вы теперь значите для меня достаточно много. Вы — и не только вы, но и все арбайты, оставшиеся там, на Земле.

Он посмотрел на них с легкой печалью.

— Неужели никто из вас не понимает, о чем я сейчас говорю? — спросил он. — Неужели ни один из вас не чувствует того же, что и я... того, о чем я рассказывал?

От группы арбайтов вдруг отделилась Мара и подбежала к нему.

— Сейчас же верните ее на место! — рявкнула Бисет. — Эстивен, Грос — а ну тащите ее назад!

Оба арбайта колебались, неуверенно поглядывая друг на друга.

— Ну же! — взорвалась Бисет. — Выполняйте приказание!

Мужчины отвернулись друг от друга и двинулись к креслу, где сидел Джайлс. Однако, подойдя к нему, Мару не тронули, хотя она стояла неподвижно, обеими руками обхватив Джайлса, а встали по обе стороны от нее, глядя на Бисет.

— В чем дело, идиоты? — снова рявкнула Бисет. — Верните же ее на место!

— Нет, — сказал Эстивен.

Лицо его было бледно, по щекам катились капли пота, однако губы были решительно сжаты.

— Ты мне не хозяйка! — сказал он Бисет. — Если бы все зависело только от тебя, я давно бы уже рехнулся или помер из-за этого тонка. Он спас меня от Капитана! Он спас меня от наркотика! С какой стати мне поступать так, как хочешь ты?

— Это верно, — хрипло подтвердил Грос. — Ты нам не хозяйка.

— Значит, я вам не хозяйка? Ах вы, дряни безмозглые... — Бисет внезапно умолкла, ибо остальные арбайты тоже двинулись по направлению к Маре, Эстивену и Гросу, стоявшим у кресла Джайлса. — Немедленно вернитесь назад все, вы слышали?

Одна лишь Ди чуть замедлила шаг при этом вопле Бисет, но Фрэнко схватил ее за руку и потащил за собой. Подойдя к остальным, они тоже повернулись к Бисет лицом.

— Никто нам не хозяин, — заявил ей Эстивен. — Здесь, в Колонизованных мирах, все по-другому. Здесь ты не можешь ни за-

бить нас до смерти, ни засудить, как преступников, ни сослать на вечную каторгу только потому, что так угодно тебе. Здесь тебе придется сперва доказать, что мы совершили что-то противозаконное.

— Значит, вы так думаете? — мрачно спросила Бисет.

Сунув руку в карман, она вытащила лазерный пистолет.

— Я могу перестрелять вас всех и заявить, что все вы были членами секты «Черный четверг». Возможно, меня посадят под домашний арест до прибытия следователя Межгалактической полиции с Земли, однако, когда он прибудет, обвинение с меня будет снято, можете быть уверены. А вы, лежа в своих могилах, можете размышлять на сей счет сколько угодно, и...

Бисет слишком увлеклась разговором с восставшими арбайтами и не заметила инопланетянки, внезапно сорвавшейся с места и в несколько прыжков оказавшейся возле нее. Бисет резко повернулась и прицелилась прямо в нависшую над ней Райумунг.

— Назад! — крикнула она. — Я ведь и тебя пристрелю, если потребуется!

Но остановить инопланетянку было невозможно. На таком расстоянии Бисет бы не промахнулась, и Джайлс в отчаянии выхватил из кармана пустой лазерный пистолет, что нашел в вагонетке. Прицелившись в женщину-полицейского, он крикнул:

— Эй, Бисет!

Та резко повернулась, увидела в его руках лазер и почти нажала на спуск, рассчитывая прежде пристрелить Джайлса, а уж потом разделаться с Капитаном. Однако не успела. Джайлс заметил вспышку света на конце ее лазера, услышал, как сердито заворчал Грос, схватившись за раненое плечо, а потом темное длинное тело инопланетянки странным образом сплелось с телом Бисет, и та исчезла...

Джайлс озирался: волна ужасной слабости грозила вот-вот подхватить его и унести. В голове, правда, прояснилось, зато что-то неладное творилось с глазами: он видел двойное — нет! — тройное изображение Капитана в разных углах комнаты. Он зажмурился и снова раскрыл глаза, однако видения не уходили. Теперь комната была полна инопланетян, и людей тоже прибавилось, хотя буквально секунду назад их не было. Одним из них оказался Амос Барси, под руководством которого Пола Оку освобождали от пут двое мужчин с повязками полицейских на рукаве — явно местные.

Освобожденного и поставленного на ноги Пола тут же вывели

из комнаты. Перед уходом он остановился у кресла Джайлса и холодно сказал:

— Запомни этот день, Джайлс. Сегодня ты помешал спасению человечества и отправил его по тому пути неизбежной гибели, которым уже следуют все эти инопланетяне.

— А может быть, это как раз путь к жизни для обеих наших цивилизаций? — возразил Джайлс. — Придется нам подождать и проверить, так ли это, не правда ли, Пол? Однако держу пари, что выбранный мною путь верен.

Пол, не говоря ни слова, отвернулся и в сопровождении полицейских вышел из комнаты. Еще двое пронесли мимо Джайлса тело Бисет, а потом на месте, где только что стоял Пол, оказался человек с медицинским саквояжем, который принялся обрабатывать раны Джайлса. Над головой сосредоточенно работавшего врача Джайлс увидел знакомое лицо Капитана; инопланетянка шагнула вперед и наклонилась к нему.

— Это вы? — несколько неуверенно спросил на терралингве Джайлс. Даже после долгого совместного полета на спасательном корабле он не был уверен, что достаточно хорошо отличает Капитана от других альбенаретцев.

— Я довольна, — сообщила ему Капитан. — По всей очевидности, эта ваша «дружба» — вещь вполне реальная. Среди нашего священного народа есть и другие, кто побывал в иных, подобных этому мирах, имеет опыт общения с людьми и подтверждает, что названное мной явление встречается довольно часто. Теперь я имею самые различные тому подтверждения.

— Подтверждения... — пробормотал Джайлс и огляделся; он видел вокруг высокие темные фигуры инопланетян. — Но откуда они взялись здесь?

— Не знаю, — ответила Капитан. — Видимо, пока вы ждали меня, ваш внешний вид и нежелание двигаться вызвали подозрения у того представителя моего народа, что приветствовал вас у ворот, и он послал за мной. В качестве меры предосторожности он связался с местной полицией вашего народа, которая приказала установить на вагонетке подслушивающее устройство. Это было сделано незаметно для вас. Таким образом, представители обоих наших народов могли слушать, о чем мы разговаривали, и узнали, куда именно мы направляемся.

Джайлс слабо помотал головой. Врач только что сделал ему укол, и он чувствовал, как уходит боль и возвращаются силы. Однако ему по-прежнему было не по себе.

— Я ничего не понимаю, — сказал он.

— Мы были объектом пристального внимания обеих сторон, с тех пор как приземлились на 20 В-40, — сказала инопланетянка. — Наверное, я могла бы сказать, что в этих новых мирах наши города стали значительно ближе друг к другу, чем где-либо еще. Однако я жду того, что вы мне обещали.

— Обещал вам?

— Вы обещали мне назвать того, кто уничтожил мой корабль. Теперь я жду, я хочу это услышать.

— Джайлс... — Рядом с ним оказалась Мара, она явно хотела предостеречь его. Он взял ее за руку, желая успокоить.

— Я скажу вам, кто это сделал.

— Джайлс!

— Да нет, — обернулся он к Маре, — все будет нормально. Послушайте, Райумунг... Это я подложил бомбу в космический корабль.

— Вы? — Длинное тело инопланетянки почти незаметно, но все же дернулось в его сторону.

— Да, — подтвердил он. — Это была лишь часть того плана, который разработал Ока-фронт; мне нужно было попасть на 20 В-40, не вызвав ни малейшего подозрения со стороны Пола Оки. — Джайлс сокрушенно мотнул головой. — Подумать только, я улетел с Земли специально, чтобы убить... Впрочем, тогда я заблуждался относительно очень многих вещей...

Он посмотрел Райумунг в глаза.

— План заключался в том, что бомба вызовет незначительные повреждения на корабле и вы захотите сесть на планету 20 В-40, чтобы произвести необходимый ремонт. Приземлившись, я бы сразу отыскал Пола.

— Я вас слушаю. — Голос Капитана был лишен эмоций и звучал как бы издалека.

— Чтобы этот план сработал, — устало продолжал Джайлс, — я должен был устроить взрыв точно в положенное время. Именно поэтому мне было кое-что известно о курсе, избранном вами, и местоположении планеты 20 В-40. По нашим расчетам, бомба должна была нанести такой ущерб вашему кораблю, чтобы заставить вас изменить курс, но без особых приключений сесть на эту планету. В наши планы отнюдь не входило добираться сюда на спасательном модуле.

Теперь голос его звучал уже достаточно резко.

— Значит, у вас был план, — сказала она. — Что же, бомба оказалась большей мощности, чем вы думали?

Джайлс покачал головой.

— Нет, она была той мощности, какая требовалась. Однако мы получили «поддержку», на которую вовсе не рассчитывали. Кто-то подложил еще одну бомбу, значительно более мощную, которая наверняка способна была вообще полностью уничтожить корабль. — Голос его чуть не сорвался. — Господи, где еще горстка каких-то революционеров-любителей могла бы заполучить средство, способное заставить металл гореть, словно кучу сухих листьев?

— А откуда взялась эта вторая бомба? — спросила Капитан.

— Дело в том, что существовал иной план, о котором я не подозревал. Согласно этому плану, я должен был добраться до 20 В-40 на спасательном корабле, как это и произошло. И не только я, но и еще несколько человек. — Джайлс с трудом поднял ставшую вдруг очень тяжелой руку и указал на Мару и всех остальных арбайтов, неподвижно стоявших возле его кресла. — Подразумевалось, что если погибнет большой корабль, то вы, как все уроженцы Альбенарета, предпочтете погибнуть вместе с ним. Однако желательно было оставить в живых одного из вас, чтобы тот смог в дальнейшем управлять спасательным модулем и благополучно совершить посадку вместе с горсткой землян на планету 20 В-40.

— Почему же вы согласились с этим вторым планом и со взрывом второй бомбы? — спросила она по-прежнему бесстрастным тоном.

— Я и не соглашался. И никто из оставшихся на спасательном корабле тоже. Кроме одного человека. И этот человек выдал себя впервые только тогда, когда я попал сюда. Это Бисет.

— Та женщина, которую я только что убила?

Джайлс кивнул.

— Бисет призналась в том, что планировала вместе со мной и остальными переправиться на спасательном корабле на нужную нам планету. Таким образом, она выдала себя с головой. Получалось, что именно она должна была подложить эту вторую бомбу, будучи абсолютно уверенной, что та обладает достаточной мощностью, чтобы разрушить корабль. Однако ей еще нужно было дать возможность спастись отобранным ею на Земле арбайтам. Головой ручаюсь: если бы мы могли обследовать корабль до того, как произошел взрыв, вы бы обнаружили, что все остальные спасательные модули, кроме того, что спас нас, были выведены из строя.

В комнате надолго воцарилось молчание. Первой заговорила Капитан.

— Откуда она могла знать, что у меня... — голос у нее вдруг сорвался, что было совершенно неожиданно, затем она продолжила, взяв себя в руки, совершенно бесстрастным тоном: — ...Что именно вы смеете взять на себя командование спасательным кораблем и посадить его на 20 В-40, а не на Белбен?

— Этого она не знала, — ответил Джайлс. — И она сама, и ее люди совершенно не представляли себе, как, впрочем, и я тоже, как могут рассуждать в подобном случае жители Альбенарета. Ни ей, ни мне и в голову не приходило, что вы способны предпринять нечто совсем иное, а не направиться к ближайшей планете 20 В-40, чтобы получить там необходимую помощь. Когда же вы стали настаивать, что нам нужно продолжать полет на Белбен, даже если бы мы добрались туда мертвыми, ей пришлось вытащить из своей колоды джокера — того самого человека, который был включен в команду лишь затем, чтобы выполнить в случае необходимости самую грязную работу.

Он повернулся и посмотрел на Эстивена.

— Она ведь снабжала тебя не только наркотиком, но и бумагой для него, не так ли? По крайней мере, сначала? — спросил он Эстивена. — А потом стала утверждать, что запасы бумаги у нее кончились.

— И я ей поверил! — Лицо Эстивена исказилось. — Я ей поверил! Именно поэтому я и взял книгу.

— Да, — сказал Джайлс и снова посмотрел на инопланетянку. — Ну вот, Райумунг, теперь вы все знаете.

— Да, — сказала она и вскинула голову. — И теперь, узнав все это, я сама выношу своего ребенка и произведу его на свет. Потому что я отомстила за свою поруганную честь, убив того, кто уничтожил мой корабль; кроме того, большая честь — получить то, что вы называете дружбой, и я именно так объясню это остальным представителям моего священного народа.

— Верно, — сказал Джайлс. — А когда вы это сделаете, то сможете объяснить им и еще одно новое понятие. Слово «сотрудничество». Им можно, например, пользоваться, когда люди и жители Альбенарета вместе управляют одним большим космическим кораблем, летящим в космическом пространстве.

Темные глаза, смотревшие на него, сверкнули.

— Вы уже очень много сделали, Эдель, — проговорила Капитан, мрачнея. — Имейте в виду: не следует делать слишком много и слишком быстро.

Она смотрела на него, не мигая, и Джайлс медленно опустил голову.

— Может быть, вы и правы, — согласился он. — Так или иначе, я желаю вам счастья, Райумунг.

— Счастье не является залогом успешного развития моего священного народа. Залогом этого является понимание того Пути, по которому могут совершать путешествие любые существа.

Она повернулась, чтобы уйти. Но потом вдруг подошла к нему.

— Любые существа, но только не рабы, — сказала она. — Мне приходится признаться, что я изменила свое мнение об этих существах. — Она глазами показала на арбайтов, стоявших рядом с Джайлсом. — Они доказали, что не являются рабами, — все, кроме одного, той женщины, которую я только что убила. Это значительно более важная информация о том, что вы называете дружбой. Ибо если говорить честно, то прежде всего прочего между нами и вами должно быть достигнуто взаимное уважение.

Она повернулась и пошла прочь, прямая, несгибаемая, гордая, удаляясь от них крупными спокойными шагами, словно теперь ясно видела перед собой путь в недосягаемую для них вечность.

Глава 1

Байконур, СССР

— Господи... Какая же она здоровенная, — хрипло прошептал Хардинг. — Я и не представлял себе, что на свете есть нечто подобное.

Сказать «здоровенная» — не сказать ничего. Посреди плоской равнины высился сверкающий небоскреб без окон — металлическая башня, по сравнению с которой все окрестные здания казались карликами. Но это был не небоскреб, а космический корабль. Громада весом в двадцать тысяч тонн, которая скоро, изрыгнув пламя, содрогнется и поползет вверх — сначала медленно, потом быстрее и быстрее, чтобы стрелой устремиться в пространство. Это был крупнейший космический корабль из всех, которые когда-либо строил или проектировал человек.

Четырехмоторный реактивный самолет рядом с этим гигантом казался мухой, жужжащей возле церковного шпиля. Каждая из шести одинаковых ступеней была больше любого из прежних космических кораблей. В космосе пять нижних ступеней по мере сгорания топлива отделяются и остается лишь шестая, с полезной нагрузкой. Впрочем, термин «полезная нагрузка» применительно к «Прометею» звучал слишком тривиально, ведь Прометей был смертным, осмелившимся украсть огонь у небожителей и доставить его на Землю, а теперь этим именем был назван аппарат, которому предстояло подняться на орбиту, на высоту 22 300 миль, простереть оттуда свои серебряные руки, похитить энергию Солнца и переправить ее землянам. Это решило бы для человечества проблему энергии — окончательно и бесповоротно, навсегда.

Таков был план. Лишь увидев воочию громаду «Прометея», Патрик Уинтер до конца осознал грандиозность своего проекта. Реактивный самолет описал круг по периметру «Прометея», и Патрик выровнял руль, чтобы совершить заход на посадку. Но

мысли его были далеко, а потому Уинтер, будучи опытным пилотом, решил не рисковать.

— Посадите самолет, полковник. Ладно? — попросил он.

Хардинг кивнул и принял решение. Он знал, о чем сейчас думает майор. Башня из полированного металла и на него самого произвела изрядное впечатление. Хардинг отогнал это видение и сосредоточился; колеса шасси коснулись посадочной полосы, полковник включил реверс, и самолет замедлил бег. Лишь когда машина, мерно покачиваясь, подрулила к зданию аэропорта, Хардинг вновь разомкнул уста:

— Неужели вы в самом деле полетите на этой чертовой штуковине?

Это был полувопрос-полуутверждение, в котором звучало явное сомнение, способна ли такая громадина вообще оторваться от земли. Патрик уловил интонацию полковника, слегка усмехнулся, отстегнул ремни безопасности и встал.

— Да, именно на этой чертовой штуковине я и полечу.

Он вышел в салон и сел к И. Л. Дж. Флэксу. Тот сидел на диванчике, откинувшись назад, в его мясистой ручище телефонная трубка была почти не видна. Флэкс не любил летать на самолете, потому что ему всегда было тесно. Огромный детина шести футов росту и столько же в талии заполнял собою весь диван. Флэкс, как всегда, обливался потом — на его гладком черепе выступили капельки влаги.

— Хорошо, я согласен, — сказал он в трубку ясным, почти лишенным акцента голосом. — Держите с ними связь. Я позвоню, как только будет покончено с формальностями.

Догадаться, с кем Флэкс говорит, было непросто. Самолет № 1 ВВС США был оснащен узлом связи, не уступавшим по мощности радиорубке авианосца. Флэкс положил трубку и оттолкнул от себя аппарат, угрюмо покосившись на иллюминатор.

— Обследование продолжается, но врачи уверены, что это аппендицит, — сказал он — Операция через пару часов. Просто замечательно. Уж медик-то мог бы заботиться о себе получше. Что за чертовщина — у доктора аппендицит!

Флэкс недоверчиво покачал головой, отчего заколыхалось все его брыластое лицо.

— Можешь верить или нет, но у докторов тоже есть аппендиксы.

Патрик встал перед зеркалом и принялся завязывать галстук. Для тридцати семи лет он выглядел совсем неплохо. По сравнению с Флэксом смотрелся сущим Аполлоном — впрочем, это было нетрудно. Брюшка пока не было, физические упражнения позволяли держать себя в форме. Да и вообще не урод — девушки вроде не пугаются. Правда, нижняя часть тяжеловата, и лоб с каждым годом становится все выше. Патрик затянул узел галстука и взял пиджак.

— И потом у Кеннелли ведь есть дублер. Мы все работали с Файнбергом, дело он знает.

— Ставлю десять против двадцати, что Файнберга мы не увидим, — сказал Элай Брон.

Брон сидел у окна, уткнувшись длинным носом в книжку — его обычная поза, — и, казалось, ни к чему не прислушивался. Однако он обладал весьма нервирующей способностью одновременно читать и разговаривать. Брону ничего не стоило положить противника на обе лопатки в споре, читая при этом книгу и запоминая каждое прочитанное слово. Он перевернул страницу.

— Какое тут может быть пари? — удивился Патрик. — Файнберг наш единственный врач-дублер. Он просто обязан появиться.

— Ты так думаешь? Тогда ставь десятку.

— Годится, — согласился Флэкс. — Или, может быть, тебе известно что-то такое, чего не знаем мы, Элай?

— Знать, догадываться, уметь слышать — это все одно и то же.

— Что ж, я тоже поставлю десятку, раз ты так легко расстаешься с деньгами, — заявил Патрик.

Он застегнул китель и стряхнул невидимые пылинки со своих майорских погон. Скорее всего десять долларов выброшены на ветер, потому что доктор Элай Брон никогда не улыбался и всегда выигрывал пари. Причем любил всем напоминать об этом своем качестве. Патрик изо всех сил старался относиться к своему коллеге, физику-ядерщику, с симпатией, но это, увы, не всегда удавалось.

— Ладно, пойдем, — сказал Флэкс, тяжело поднимаясь на ноги. — Оркестр, почетный караул, суетящиеся политики и прочая дребедень.

— Сейчас добрый день или добрый вечер? — спросил Патрик, глядя на часы.

— «Добри вэчэр» годится для любого времени дня, — заметил Флэкс. — Или просто «здрастуите».

Дверца открылась, и снаружи донеслись первые ноты «Звездно-полосатого знамени» — в несколько непривычной тональности и со странноватым ритмом. Американский гимн в этом исполнении более напоминал русскую народную песню, чем гимн в честь героической обороны форта Макгенри. Только два гостя появились на трапе, как дружно защелкали фотокамеры, и на-

встречу вновь прибывшим двинулась толпа встречающих. Несколько милосердно коротких приветственных речей по-русски; столь же лаконичное изъявление благодарности со стороны американцев — и вот все уже на банкете, пьют водку и едят икру. Все вокруг кишело представителями прессы. Патрик испытал немалое облегчение, когда Флэкс взял основную нагрузку на себя, без особых затруднений переходя с русского на польский, с польского на немецкий, а с немецкого на английский. Элай Брон столь же успешно объяснялся по-французски и по-немецки — эти языки он наверняка выучил в Мичиганском технологическом институте, где-нибудь в перерыве между защитами диссертаций. Патрик немало времени потратил на изучение русской технической терминологии, научился неплохо в ней разбираться, но для интервью эти знания не годились. Майор умел объясняться только по-английски. К нему протолкнулся маленький человек в сильно измятом костюме и грязных очках. Когда он говорил, изо рта у него летели брызги слюны.

— Пилкингтон, газета «Уорлд стар», Лондон, — объявил он и сунул микрофон Патрику под нос. — Майор Уинтер, у вас, как у командира этого мероприятия, наверняка есть вполне определенное мнение по поводу этой затеи. Во-первых, что вы думаете об опасности...

— Вряд ли «мероприятие» — подходящее слово, — улыбнулся Патрик. Ему нередко приходилось встречать людей, подобных Пилкингтону, по обе стороны Атлантики. Одних репортеров интересовали только факты, новости и больше ничего. Другие же писали для того разряда читателей, который, углубляясь в газету, сосредоточенно шевелит губами. Уинтер порой просматривал «Уорлд стар» и считал, что наилучшее использование этой газеты — заворачивать в нее мусор, однако майора учили всегда быть вежливым с прессой.

— Операция «Прометей» — это совместный советско-американский проект, объединяющий научные и технологические достижения наших стран. Этот союз принесет благо всему миру.

— Вы хотите сказать, что русские кое в чем преуспели больше американцев?

Микрофон придвинулся еще ближе, и Патрик, изо всех сил стараясь сохранить улыбку, представил себе, как засовывает эту штуковину Пилкингтону в глотку.

— Дело, которым мы сейчас занимаемся, выше политических и национальных разногласий. Операция «Прометей» обеспечит мир экологически чистой энергией, причем именно тогда, когда

традиционные топливные ресурсы планеты начинают иссякать. К этой энергии будут иметь доступ все страны мира...

— А пока все будет доставаться только русским и американцам, верно?

— Пока русские и американцы создают и финансируют этот проект, который уже обошелся в 22 миллиарда долларов. По мере развертывания он будет стоить дешевле. И в любом случае увеличение энергетических ресурсов планеты пойдет всему человечеству на благо.

Пилкингтон вытер губы ладонью, скривился и снова устремился в атаку.

— А как насчет опасности, о которой говорит весь мир? Ведь этот ваш «луч смерти» может стереть с лица земли целые города, не правда ли?

— Это не совсем так, мистер Пилкингтон. Боюсь, вы слишком увлекаетесь чтением своей собственной газеты, — огрызнулся Уинтер и сразу пожалел о своей резкости. — Полковник Кузнецов разработал технологию, которая была всесторонне изучена и проверена. Энергия генерируется из солнечного света обычной термоаппаратурой. Турбинный генератор посылает ее на Землю посредством коротких волн высокой насыщенности. На Земле это излучение конвертируется в электроэнергию.

— А не могут ли эти «лучи смерти» выйти из-под вашего контроля и превратить Землю в выжженную пустыню?

— Эти волны ничем не отличаются от обычных радиоволн, которыми переполнен сегодня эфир. Они просто сильнее и концентрированнее. Конечно, если вы встанете прямо под их пучком, то будете изжарены. — Судя по интонации Уинтера, он был бы совсем не против подобного поворота дела. — Но такая вероятность крайне мала. Принимающие антенны расположены в отдаленных и малонаселенных местах. Кроме того, существует целая система автоматического контроля, призванная отключить подачу энергии в случае какого-либо ЧП. — Патрик поверх головы репортера увидел, что у дальней стены стоит Надя. — А теперь извините, но мне придется вас покинуть. Не забудьте сообщить вашим читателям, что система электроснабжения Великобритании идеально подходит для получения энергии таким способом. Со временем вы сможете удовлетворить энергетические потребности Соединенного Королевства на сто процентов. При этом — никакого загрязнения атмосферы, которое неминуемо происходит, когда вы сжигаете такое бесценное минеральное топливо, как нефть и уголь. Благодарю вас.

Патрик увернулся от микрофона и стал протискиваться через толпу к Наде. По дороге он захватил с подноса две рюмки ледяной водки. Надя обернулась ему навстречу. Как хорошо помнил он это лицо — прозрачные, холодно-голубые, слегка раскосые глаза и волосы, напоминающие золотую украинскую пшеницу.

Надя была в военной форме: широкий кожаный ремень стягивал длинный китель, на высокой груди — шеренга медалей.

— Надя...

— Добро пожаловать в Советский Союз, майор Уинтер. — Она взяла одну из рюмок и без улыбки поднесла ее к губам.

— Благодарю вас, майор Калинина. — Патрик разом осушил рюмку, не сводя глаз с ее лица, на котором не дрогнул ни единый мускул. — Надя, когда эта церемония закончится, я хотел бы с тобой поговорить...

— Мы еще успеем наговориться, майор, при исполнении служебных обязанностей.

— Черт подери, Надя, ты же знаешь, что я имею в виду. Я хочу объяснить...

— Я знаю, что вы имеете в виду, майор. Не надо ничего объяснять. А теперь прошу меня извинить.

Ее тон, как и выражение лица, был ледяным. Но когда Надя повернулась, ее юбка слишком уж стремительно крутанулась вокруг высоких полированных сапог. Патрик улыбнулся. Все-таки она живая женщина. Может быть, она его и ненавидит, но уж, во всяком случае, не равнодушна.

Сколько же прошло времени после ее отъезда из Хьюстона — месяца четыре? Несколько долгих недель они вместе готовились к полету в учебном центре. Сначала Патрик, как и прочие американцы, никак не мог смириться с мыслью, что вторым пилотом на корабль назначена женщина. Разумеется, все знали, что русские включают женщин в свои космические программы: первой была Валентина Терешкова, за ней последовали и другие. Но «Прометей» был слишком важным проектом, в котором следовало участвовать лучшим из лучших. А Советский Союз включил в экипаж женщину! Это был политический трюк — ясное дело. Справедливый Советский Союз, где женщина равноправна с мужчиной, где нет расовой дискриминации, должен явить разительный контраст с капиталистической Америкой, в которой фашистское большинство безжалостно угнетает женщин и темнокожих. Вероятнее всего, именно из таких соображений Надю и выбрали. Впрочем, утверждать это наверняка Патрик не мог, потому что майор Калинина прекрасно справлялась со своими обя-

занностями, упрекнуть ее было не в чем. Она проявила себя специалистом высшего класса. С самой первой встречи в Хьюстоне Патрик чувствовал себя с ней не в своей тарелке...

— Я ор-чен рад встре-ти-ца с вами, — старательно проговорил Патрик.

— Как поживаете, майор Уинтер? У вас прекрасное произношение, и я уверена, что во время полета мы будем говорить по-русски. Но давайте сейчас пока общаться по-английски.

«Еще бы, ты-то отлично говоришь по-английски, а я по-русски — как какой-нибудь безграмотный шахтер с Кавказа», — подумал Уинтер. Но, может быть, он и ошибался, потому что русская быстро прибавила, что впервые попала в англоязычную страну и рада возможности поговорить с носителями языка по-английски, чтобы попрактиковаться. Патрик охотно согласился, ибо как раз и был «носителем языка».

Тренировки были напряженными, но Надя держалась молодцом. Как и Патрик, начинала она с истребительной авиации, а потом стала летчиком-испытателем. Однако, в отличие от него, она впоследствии вернулась в институт и защитила диссертацию по орбитальной навигации. Несколько раз летала в космос на кораблях «Союз» и «Салют». Хорошо еще, что Уинтер совершил на один космический полет больше. И еще его утешало то, что главную ступень «Прометея» разработали американцы. Иначе вторым пилотом пришлось бы стать ему, а не ей. Даже звание майора Надя получила на месяц раньше, чем он. Как тут мужчине избавиться от ощущения неполноценности?

К тому же Надя была чертовски хороша собой. Светлые волосы, голубые глаза и вздернутый носик уже смотрелись неплохо, хотя Надя редко улыбалась и приходила на тренировки в довольно уродливом спортивном костюме. Но как-то в выходной — а согласно правилам НАСА в Хьюстоне по воскресеньям занятий не было — она приняла приглашение доктора Кеннелли и появилась возле бассейна, где на лужайке жарили шашлыки. Доктор Кеннелли, коренастый улыбчивый ирландец, глава чудного семейства, состоявшего из заботливой жены и семи шумных ребятишек, любил пошутить и выпить ирландского виски, но при этом считался лучшим космическим врачом. Когда он пригласил Надю в гости, она не сумела отказаться. У доктора она появилась в русском хлопчатобумажном платье столь уродливого покроя, что оно, как ни странно, сильнее подчеркивало ее собственную красоту — Надя казалась в нем еще женственнее и привлекатель-

нее. Мэй Кеннелли кинула на этот наряд один-единственный испуганный взгляд и тут же увела гостью в дом. После короткой чисто женской дискуссии, главным аргументом которой была невыносимая жара, Надя вернулась к гостям, облаченная в узенький купальник-бикини. Мужчины встретили ее восторженным свистом и рукоплесканиями. Надя в ответ поклонилась и изящно нырнула в воду. Вечер прошел великолепно. Скинув одежду, Надя вела себя гораздо раскованнее, чем обычно, — охотно разговаривала о всяких житейских мелочах, не жалела улыбок. Когда док крикнул, что шашлык готов, Патрик первым схватил две картонные тарелочки и поспешил к Наде. Она вытирала волосы толстым полотенцем; в бикини вид у нее был просто потрясающий.

— Вы голодны?

— Как сибирский волк.

— Тогда вам повезло. У дока мясо жарят не так, как в нашей столовой. Отборнейшее филе с бермудским луком и канадским чеддером. Прибавьте к этому секретные рецепты его жены — бобовый салат, кислая капуста, маринованный чеснок, жареный картофель и так далее. А теперь полейте кетчупом и вгрызайтесь.

Так она и сделала, проявив не меньшее усилие, чем сам Патрик. Мясо она запивала ледяным пивом «Джэкс».

— Здорово!

— Еще бы, — откликнулся Патрик. — Настоящее американское угощение, субботнее. А если бы вы сейчас были в России, что бы вы ели?

— Это зависит от того, где бы я находилась. Не забывайте, что Советский Союз очень большой, в нем живет множество народностей. У меня на родине, в Ленинграде, я, наверное, поела бы селедки с черным хлебом, салат из огурцов со сметаной — это очень полезно. И еще выпила бы квасу.

— Квасу?

— У вас здесь такого напитка нет. Его делают из старого хлеба...

— Звучит не очень аппетитно.

— Уверяю вас, это очень вкусно, вроде пива. Особенно хорош квас в жару.

Разговор был приятный, не слишком содержательный, но забавный. Надя лежала на траве, закинув руки за голову. При всем желании Патрик не мог не заметить, как вздымается ее аппетитная грудь.

— У вас дома семья?

— Да, у меня есть брат и сестра. Я уже трижды тетя. Когда я возвращаюсь домой, все время провожу с родственниками.

— И вы никогда не были замужем?

— Нет. Когда-нибудь выйду, но пока нет времени. Я читала информационный бюллетень НАСА и знаю, что вы — единственный холостой астронавт во всей Америке. Почему?

— Никакой особой причины нет. Просто мне нравится быть холостяком, не люблю себя связывать. Предпочитаю быть вольным игроком.

— Извините, но я не поняла этого выражения.

— Это сленг. Ну, знаете, когда живешь в свое удовольствие и играешь по собственным правилам. Встречаешься с девушками, ведешь здоровую половую жизнь и при этом не думаешь о свадебных колоколах.

Надя резко села, накинула полотенце на плечи, и на ее лице возникло знакомое официальное выражение, как во время работы.

— У нас в Советском Союзе о подобных вещах говорить не принято.

— Понятно. А у нас об этом говорят совершенно спокойно. Стоит вам уединиться с местными дамами, и они порасскажут вам массу интересного. Расслабьтесь, Надя, такова жизнь. Что поделаешь — я здоровый мужчина тридцати семи лет. Вы же не думали, что я девственник? Что же касается вас, то, если верить пресс-релизу, вам тридцать лет, к тому же вы чертовски хороши собой...

— Извините, мне пора. — Надя стремительно встала. — Я должна поблагодарить доктора Кеннелли и его супругу за гостеприимство.

Больше на подобные темы они не разговаривали. Не то чтобы Надя держалась отстраненно или недружелюбно, нет, но их отношения оставались строго профессиональными. Если выпадал случай поболтать о чем-нибудь постороннем — например, когда выходил из строя тренажер или компьютер, — говорили на какие-нибудь отвлеченные авиационные темы, как обычно у летчиков, мало знакомых друг с другом. Личные вопросы не обсуждались. Так продолжалось в течение всего курса подготовки. Патрик и Надя хорошо срабатывались, оба проявляли высокий профессионализм. И точка. После работы они не виделись — вплоть до прощального банкета, устроенного в честь окончания тренировок. Период подготовки к полету закончился. На следующее утро советские члены экипажа должны были вернуться на Байконур в Звездный городок, где находился гигантский кос-

мический комплекс. В следующий раз экипажу предстояло встретиться на Байконуре уже перед взлетом.

На банкете было жарко, кондиционер не справлялся со своей задачей. Все были в парадных мундирах, звучали все новые и новые тосты. Патрик посмотрел на часы, и по тому, что пришлось трижды сморгнуть, прежде чем он сумел разглядеть циферблат, определил, что пора уходить. Был третий час ночи. Он здорово выпил, но не настолько, чтобы обратный путь на машине по пустынным улицам вызывал у него опасение. «Однако больше ни капли», — решил Патрик. Дверь на улицу он отыскал без труда. На ступеньках двое русских пытались привести в чувство своего пьяного товарища. Патрик осторожно обошел их, нащупывая в кармане ключи от машины. Под деревом у парковки кто-то стоял, и Уинтер увидел, что это Надя.

— Спокойной ночи, — попрощался он. — Увидимся на Байконуре. — Он пошел было дальше, потом остановился. — Что-нибудь не так?

— Нет, все в порядке. Просто я не хочу ехать в одной машине с этой троицей.

— Я вас понимаю. Если они вообще доберутся до автомобиля, то непременно попадут в завтрашние газеты. В раздел дорожных происшествий. Давайте я отвезу вас домой.

— Спасибо, но я уже вызвала такси.

— Это еще не значит, что оно придет. В субботу вечером ждать такси — все равно что надеяться на снегопад в августе. Садитесь, нам по дороге.

Патрик знал, что выпил лишнего, а потому вел машину осторожно и сосредоточенно. Он ехал со скоростью не более 35 миль в час и ни разу не проехал на желтый свет, то есть «по-голливудски», как говорят американцы. Однако, несмотря на все эти предосторожности и отсутствие на улице машин, они все же чуть сами не попали в аварию.

Из-за поворота им навстречу, слепя фарами, выскочила машина, мчавшаяся по их полосе.

Отличная реакция летчика-испытателя не подвела Уинтера. Встречная машина могла завилять на асфальте, если бы он попытался ее объехать, и тогда неминуемо произошло бы столкновение. Сворачивать было некуда: справа дома, вплотную придвинувшиеся к дороге, слева лужайки и газоны.

Уинтер резко повернул руль, и автомобиль вынесло через тротуар на газон. Завизжали тормоза, машина чуть не перевернулась. Встречный лихач пулей пролетел мимо, даже не сбавив ходу. Наконец, справившись со своим железным конем, Патрик снова выехал на проезжую часть и остановился.

— Ах ты, гад паршивый, — пробормотал он, глядя вслед удаляющимся огням.

— Все в порядке?

— Теперь да, но этот сукин сын чуть не угробил нас.

На улице было тихо. В темных окнах не зажглось ни единого огонька — всем было наплевать. Скорее всего скрежет тормозов среди ночи воспринимался здесь как самое обычное явление. От предпринятого Уинтером маневра на газоне и цветочных клумбах остался уродливый след.

— Я отвезу вас домой, позвоню оттуда в полицию и расскажу о случившемся. Моя страховая компания наведет тут порядок и посадит новый розовый куст.

Патрик почувствовал, что от опьянения не осталось и следа. Он подвез Надю к дому и от нее все-таки позвонил в полицию, хоть уже и сам не очень понимал, зачем ему это понадобилось. Никто не пострадал, машины остались целы, поэтому дежурный полицейский не пожелал даже записать подробности происшествия. Тем не менее Патрик сообщил ему все детали и лишь потом положил трубку. Надя стояла у него за спиной, держа в руках большущий бокал виски со льдом. Уинтер вдруг почувствовал, что он абсолютно трезв и спиртное после адреналинового шока ему совсем не помешает.

— Благослови вас боже, — поблагодарил он и отхлебнул виски. Потом поставил бокал на стол и обнял Надю за талию.

— Знаете, мы ведь с вами чуть жизни не лишились.

— Да, это было опасно.

— Смертельно опасно. Этот псих нас чуть на тот свет не отправил. Американо-советская космическая программа отстала бы от графика лет на десять. — Внезапно Патрику расхотелось шутить. — Я ужасно испугался. Не за себя — за вас. Я не хотел бы, чтобы с вами что-нибудь случилось...

Он не знал, что еще сказать, и поэтому, не особенно задумываясь, притянул Надю к себе и поцеловал, да с такой непосредственностью, что сам удивился. Она ответила на поцелуй, ее губы были горячи. И, когда его руки заскользили по ее телу, Надя не отстранилась.

Белье у нее было тончайшее, все из темных кружев — совершенно не пролетарского вида. Они опустились на мягкий ковер, все шло просто замечательно — до тех пор, пока Патрик вдруг не осознал, что Нади рядом с ним нет. То есть она была рядом — об-

наженная и невероятно соблазнительная, — но мысли ее, судя по всему, витали где-то далеко. Она словно не замечала его ласк, руки ее лежали без движения. Импульс, бросивший их друг к другу в объятия, погас. Патрик провел пальцами по ее груди, по твердому округлому животу, но Надя даже не шевельнулась.

— Надя, — прошептал он, не зная что сказать. Ее глаза были открыты, но смотрели куда-то в сторону. — Знаешь, для насильника я уже староват, пожалуй.

Патрик отодвинулся от нее и тут же пожалел о вырвавшихся у него словах.

Однако было уже поздно. Надя вбежала в спальню, захлопнув за собой дверь. О происшедшем между ними напоминали только скомканные кружева и смятое платье. Патрик попытался объясниться с нею через запертую дверь, попросить прощения, но в ответ не раздалось ни звука. По правде говоря, он лепетал нечто невразумительное, ибо и сам, в общем-то, ничего не понял. В конце концов он оделся, налил себе полный стакан виски, но так и не выпил, а сердито направился к выходу. Лишь в самый последний момент он придержал дверь, чтобы не хлопнуть ею. Гнев вдруг куда-то улетучился, сменившись озабоченностью. Патрик почувствовал, что не знает, как он на самом деле относится к Наде, да и ко всему на свете.

С тех пор он так и не сумел разобраться в своих чувствах. Кое-что, правда, прояснилось, порой ему даже начинало казаться, будто все ясно, но, стоило ему увидеть Надю здесь, на Байконуре, и все снова стало неопределенным. Итак, за четыре месяца ровным счетом не изменилось ничего. Тот же тупик, та же запертая дверь. Уинтер даже позавидовал ей, которой, очевидно, все было ясно. О себе он этого сказать не мог.

— *Товарищ*, — послышался сзади чей-то низкий голос. Патрик обернулся и с благодарностью взял стакан водки из рук советского офицера.

— *За мир*, — сказал он, — в наше проклятое время и во веки вечные.

И осушил стакан.

— Рэйли, ведь только девять часов утра, а уже такая жарища, что на моем осциллоскопе можно яичницу жарить. Здесь еще хуже, чем у нас на мысе Канаверал.

— Сочувствую тебе, Даффи. Если тебе тут не нравится, то зачем ты подписывал контракт?

— По той же причине, что и ты. Когда свернули проект C5A,

кроме как в НАСА, податься мне было некуда. Что это за каракули здесь написаны?

— Это кириллица, Даффи, не строй из себя невежду. Тут написано: «Земля 445 Л». Этот код означает... Эй, Евгений! — он обернулся к коренастому технику, стоящему на платформе рядом с ними, и задал ему вопрос по-русски. Евгений что-то пробормотал, полистал желтую папку и нашел соответствующую схему. Щурясь от яркого солнечного света, Рэйли прочитал вслух перевод:

— «Серворазъединитель первой стадии схемы вторичного стартера».

Даффи отвинтил шурупы из нержавеющей стали, на которых крепилось опорное кольцо, и осмотрел мультиконнекторы, пучки проводов, шедших к цистерне, предназначенной для сжиженного гелия. Потом осторожно снял зажимы, потянул на себя верхнюю пятидесятиштекерную пробку и побрызгал на золоченые контактные штыри очищающим спреем. Потом, довольно кивнув головой, вставил пробку на место и махнул Евгению, который сделал в папке соответствующую отметку.

— Тринадцатый есть, — сказал Даффи. — Осталось всего каких-нибудь миллиона четыре. Теперь спроси у своего русского дружка, какой узел следующий. Слушай, Рэйли, объясни мне, ради бога, как тебе удалось выучиться их тарабарщине?

— В колледже мне сказали, что русский и английский — языки космической эры.

— Судя по всему, тебя не обманули. А я два года учил испанский, но в результате не научился даже торговаться на мексиканском базаре.

Русский техник нажал на кнопку, и инспекционная платформа медленно поползла вверх, вдоль гигантских цилиндров ракет-ускорителей. До земли было добрых 300 футов — люди внизу казались не крупнее муравьев. А стальная громада над головами техников вздымалась еще на 150 футов вверх. Ускорители были соединены друг с другом и с корпусом основной ракеты огромными скобами. Внутри находились гидравлические линии, топливные трубопроводы, электрокабели, кислородные краны, датчики компьютеров, телеметрическое оборудование, сотни узлов самых разнообразных систем, обеспечивающих слаженное функционирование всего ракетного комплекса.

Каждый из этих элементов был необходим, каждому полагалось работать бесперебойно. Достаточно одному-единственному

из тысяч и тысяч компонентов выйти из строя — и весь корабль окажется под угрозой.

А если «Прометей» взорвется, это будет самый большой неядерный взрыв во всей истории человечества.

Глава 2

Григорий Сальников услышал шум автомобиля еще издалека — сначала раздалось едва слышное жужжание, почти неотличимое от возни пчел в цветнике под открытым окном. Но на улице были и другие дома, а служебных автомобилей на Байконуре было множество. Чего здесь не хватало, так это асфальтированных дорог; каждый автомобиль оставлял за собой облако белой пыли. Если бы не она, Григорий вообще не обращал бы внимания на проезжающие мимо машины — они не имели к нему никакого отношения. Сальников аккуратно намазал персиковый джем на толстый кусок хлеба. Потом налил себе стакан чаю. Машина затормозила возле дома — было слышно, как выключили мотор. Неужели гости? Хлопнула дверца, и Григорий выглянул в окно. Это была огромная черная «Татра» чехословацкого производства, больше похожая на танк, чем на легковушку. Во всем Звездном городке была только одна «Татра» такой допотопной модели, с ребристыми стабилизаторами сзади. Григорий отправился по коридору к входной двери и как раз взялся за ручку, когда раздался звонок.

— Входите, полковник, — сказал он.

— Зовите меня Владимиром. Мы ведь с вами давние знакомые. Что о нас подумают американцы, если во время полета мы будем именовать друг друга «полковник Кузнецов» и «инженер Сальников»?

— Извините, Владимир. Входите, пожалуйста. Я от жары плохо соображаю...

— Я всегда говорю своим подчиненным, чтобы они не оправдывались и ничего не объясняли. Вы у меня не служите, но я дам вам тот же совет. Бесплатно.

Двое русских были разительно несхожи между собой. Полковник Кузнецов, мужчина под шестьдесят, напоминал массивную несокрушимую скалу; его седеющие волосы были жесткими, как проволока. Григорий Сальников был на голову выше, на двадцать лет моложе и гораздо раскованнее; он родился в Грузии и говорил с легким кавказским акцентом. Инженер отвел полковника на кухню, налил в чашку заварки и добавил кипятка из самовара.

— Я заехал, чтобы отвезти вас на пресс-конференцию, — сказал Кузнецов. — Очень важное мероприятие, на высшем уровне. Будет смотреть весь мир.

Григорий взглянул на часы.

— Остается еще больше часа.

— Вот и хорошо. Можно спокойно попить чайку.

Кузнецов бросил в стакан ломтик лимона и раздавил его ложкой. Кусочек сахара он зажал между зубами и стал пить чай вприкуску. Он вообще предпочитал вести себя по-простецки, и некоторые ошибочно считали его неотесанной деревенщиной.

— Приятно у вас тут, Григорий, — сказал он.

— Да, — кивнул Сальников, оглядевшись по сторонам. Лицо его померкло. Он так и не научился скрывать свои чувства. Кузнецов понимающе кивнул:

— Извините, если скажу что-то не то, но мы с вами старые товарищи, и я хочу, чтобы вы меня выслушали. Траурная повязка у вас не только на рукаве — сердце ваше тоже все в трауре. Я знаю, вам больно об этом говорить, но о таких вещах не нужно молчать. Сколько времени прошло после авиакатастрофы? Два месяца? Эти старые «Илы» пора было бы списать еще десять лет назад. Ваша жена и дочка погибли... Но что поделаешь, надо жить дальше.

Григорий тяжело опустился на стул, сцепив перед собой руки и повесив голову.

— Иногда мне совсем не хочется жить.

— И тем не менее жить нужно. Посмотрите на меня. Я человек семейный, у меня уже двенадцать внуков и внучек. Но я не всегда был таким счастливым. Когда в нашу деревню вошли немцы, мне было девять лет. — Голос полковника почти не изменился, лишь стал чуточку суше и тверже. — Одетые в черные мундиры, с молниями в петлицах... Мои односельчане просто оказались у них на дороге, поэтому немцы их истребили. Словно жучков каких-нибудь. А мне повезло — я пас коров, и меня не заметили. Коров, правда, тоже перестреляли. — Кузнецов тряхнул головой и шумно отпил из стакана. — Что же я должен был делать? Все деревенские погибли, кругом фашисты. Спрятавшись в лесу, я встретил Петра, оказавшегося точно в таком же положении, только он повел себя иначе. У Петра была новенькая немецкая винтовка, полный патронташ боеприпасов, а лезвие его топора было в крови. — Полковник допил чай, удовлетворенно вздохнул и отставил стакан. — Мы стали партизанами и сражались в тылу врага до

самого конца войны. Первого фашиста я убил, когда мне было десять лет. Я рассказываю вам все это, чтобы вы поняли: при любых обстоятельствах человек должен жить. Вы должны жить. Я знаю, что вы испытали, но, если вы не возьмете себя в руки, вас придется снять с полета. А новый человек не сможет работать так хорошо, как вы.

— Я знаю. И делаю, что могу. Но мне трудно.

— В этом мире все трудно, друг мой. Но вы обязаны превозмочь себя. Это ваш долг перед самим собой и перед всеми нами.

— Хорошо, я постараюсь, спасибо.

— Не тратьте времени на благодарности. Давайте-ка сядем в мой драндулет и поставим рекорд скорости на двухкилометровой дистанции.

Глава 3

— Господин президент, эти дамы и господа представляют Совет мудрого правительства из города Топека, штат Канзас.

Члены делегации забормотали приветствия, некоторые женщины неуверенно изобразили что-то вроде реверанса. Президент Бэндин торжественно покивал своей массивной головой, похожий на папу римского, раздающего благословения. Он не встал со стула, но, поскольку письменный стол президента находился на возвышении, его лицо было практически на одном уровне с лицами посетителей. Кривые ноги Бэндина плохо соответствовали благородству высокого лба, но гости их не замечали — помпезность Овального кабинета внушала почтительность даже самым дерзким из них. Здесь билось самое сердце Америки; под сенью Большой президентской печати находился глава великого государства.

— Я счастлив приветствовать в вашем лице население нашего замечательного Среднего Запада. От всей души поддерживаю ваши усилия во имя мудрого правления. Однако, насколько мне известно, вас привели сюда другие проблемы?

Президент Бэндин сделал паузу, его величественная голова склонилась — глава государства был готов выслушать пожелания граждан. Чарли Драгони, помощник президента, дернул руководителя делегации за рукав, подбадривающе кивнул. Канзасец шагнул вперед, смущенно откашлялся и сказал:

— Господин президент, я, то есть мы, хотели бы... поблагодарить вас за эту аудиенцию. Для нас это большая честь. Мы действительно пришли сюда не столько насчет правительства — вернее, того мудрого управления, к которому стремится наша организация... то есть, видите ли...

— Ближе к делу, Фрэнк, — прошипела пожилая дама, стоявшая за спиной главы делегации.

Канзасец судорожно сглотнул и заговорил быстрее:

— Нас беспокоят цены на зерно. Наши люди трудятся в поте лица, а кое-кто наживает огромное состояние, продавая зерно русским. Нам же приходится залезать в кабалу к банкам, чтобы приобретать удобрения и семенное зерно. Это наносит ущерб фермерскому хозяйству...

— Да, дамы и господа, мне эта проблема известна, — прервал говорящего президент. — Я в курсе дела. Буду с вами откровенен — этот вопрос не дает мне покоя ни днем ни ночью. В данный момент на моем президентском столе, — Бэндин постучал по толстой папке, лежавшей под его правой ладонью, — как раз находятся результаты новейших исследований данной проблемы, а также проект плана, направленного на улучшение ситуации. Спекулянты будут строго наказаны, им больше не удастся извлекать сверхприбыли. Процветать должны честные люди — такие, как вы. Те, кто обрабатывает землю собственными руками, а не алчные посредники. Именно вы — душа нашей великой страны, а собираемый вами урожай — животворная кровь, питающая тело нашего общества. Я услышал ваш голос. Благодарю вас.

По этому сигналу, подтвержденному внушительным кивком президентской головы, Чарли Драгони подхватил двух посетителей, стоявших рядом с ним, под руки и повлек к выходу. Пожилой канзасец, не в силах сдержать обуревавшие его чувства, хрипло произнес:

— Господин президент, скажу честно — я не голосовал за вас на прошлых выборах. Но теперь, когда я встретился с вами лично, все во мне перевернулось. Господин президент, обещаю вам, что и я, и моя семья будем голосовать только за вас!

— Благодарю вас, сэр. Я ценю вашу искренность, а также ваш свободный выбор в нашем свободном обществе. — Президент на секунду задумался, потом отцепил от галстука заколку с президентской эмблемой. — Меня глубоко тронула ваша честность. Позвольте вручить вам это на память о нашей встрече. Это последняя заколка, других подобных у меня нет.

Драгони передал заколку фермеру, и тот долго рассыпался в благодарностях. В конце концов помощник сумел-таки выпроводить канзасцев из кабинета и закрыл за ними дверь.

— Это все на сегодня, Драгони? Надеюсь, что это так? О господи!

Бэндин тяжело откинулся на спинку стула и распустил узел галстука. Помощник тем временем изучал расписание.

— Так точно, сэр. Теперь до четырех часов ничего не будет. В четыре у вас встреча с делегацией пуэрториканского конгресса.

— Опять эти латиносы будут трепать мне нервы! В последнее время они стали хуже черномазых!

Президент снял пиджак и протянул помощнику, чтобы тот отнес его в гардеробную.

— И не теряй там времени даром, — крикнул ему вслед Бэндин.

Драгони отлично понял смысл этих слов. Он пошуровал в потайном баре и вскоре вернулся с большим бокалом виски. Бэндин с наслаждением отхлебнул, пошлепал губами, а потом достал из ящика стола новую заколку с президентской эмблемой и аккуратно прикрепил ее к галстуку. Потом открыл лежавшую перед ним толстую папку, извлек оттуда программку бегов и передал ее Драгони.

— Поставишь на лошадку, подчеркнутую красным карандашом. В Санта-Аните, на четвертый забег. Выигрыш составит тысячу. Что там у нас с врачом из экипажа «Прометея»?

— Вопрос решен, сэр. С доктором Кеннелли пришлось повозиться, но в конце концов он согласился. Ведь речь идет о деле государственной важности, а он как-никак находится на службе у государства.

— Да это был просто удар по нашему национальному престижу — когда мерзавец Полярный включил в экипаж бабу! После всех сладких речей на выставке тракторов, после дружеских рукопожатий, после болтовни о сотрудничестве! И вот, в самую последнюю минуту, подсовывает нам эту шлюху! Ну ничего, посмотрим, что он скажет своим коммунистическим дружкам, когда мы поднесем ему наш сюрпризец. Эх, как бы я хотел видеть его рожу в эту минуту! Не пожалел бы ста тысяч долларов тому агенту ЦРУ, который сумел бы подслушать в Кремле их разговор!

— Ста тысяч, сэр?

— У тебя нет чувства юмора, Драгони. Налей-ка мне еще.

Глава 4

«Каждого человека заботит лишь тот маленький уголок Вселенной, где находится он сам», — подумал И. Л. Дж. Флэкс.

— Господа, вы понимаете, что всего через сорок пять минут я должен выступить на первой пресс-конференции по проекту

«Прометей»? Пресс-конференция будет транслироваться по телевидению, там соберется весь цвет мировой прессы и тому подобное.

Он сперва сказал это по-английски Вандельфту, руководившему группой американских инженеров. Потом повторил по-русски доктору Глушко, старшему из советских инженеров. Оба специалиста немного владели родными языками друг друга, но скудные эти знания тут же улетучивались, едва разгорались страсти. Глушко был родом из Сибири, Вандельфт — из Ошкоша, но они были удивительно похожи друг на друга. Очки в золотой оправе, редеющие волосы, желтые от табака пальцы, лес ручек и карандашей, торчащих из нагрудных карманов, а в придачу — счетная машинка в футляре, похожем на кобуру.

— Я знаю, Флэкс, — нервно постучал пальцами по столу Вандельфт, — но это не займет и пятнадцати минут. Надо что-то сделать! На кой черт вообще нужна эта пресс-конференция, если будет сорван последний этап проверки? Тогда как ни крути, а запуск придется отложить.

— Все шло гладко, — возразил Глушко, стараясь не смотреть на своего коллегу, глаза которого горели холодной яростью. — Это вы, американцы, остановили работу. Мои люди готовы немедленно приступить к делу.

— Ладно, — вздохнул Флэкс. — Ради мира и единства я пойду с вами. Прошу вас, не забывайте, что этот проект — совместный. По крайней мере хоть делайте вид, что довольны сотрудничеством друг с другом.

Он повторил то же самое по-русски и первым вышел наружу, где нещадно палило солнце. По лицу его сразу ручейками потек пот. Вандельфт уселся за руль тележки для гольфа — их специалисты из НАСА использовали для передвижения по огромной территории городка. Флэкс с трудом втиснулся рядом. Советские инженеры относились к этому «буржуазному» виду транспорта с презрением — Глушко уже укатил вперед на своем велосипеде.

«Я никогда не привыкну к размерам этой громадины», — подумал Флэкс, глядя на ракету. А ведь через пару дней ему предстояло занять место у пульта в Центре управления полетом и вывести эту птичку на орбиту. Далеко же унесло его от родной Пщины!

Флэкс редко вспоминал городок, где родился. Он жил в Америке с одиннадцати лет, но был родом из Польши — из той ее части, где издавна проживали немцы. Они поселились в тех местах много лет назад, но поляки продолжали считать их германца-

ми. Отец Флэкса был директором местной школы, человеком весьма образованным. И своему сыну он тоже старался дать хорошее образование. Дома говорили по-немецки, в школе и на улице — по-польски и по-русски. Для юного Флэкса все три языка были родными. Когда перед самой войной семья эмигрировала в Соединенные Штаты, отец не дал Флэксу забыть то, что тот выучил в детстве. Мальчик слишком любил книги и вкусно поесть — поэтому у него, толстяка, было мало друзей, а девочки и вовсе не обращали на него внимания. В армию Флэкса не взяли по причине избыточного веса. Он болезненно воспринял это унижение и с удвоенной энергией углубился в учебу. Флэкс был студентом технологического факультета Колумбийского университета, когда объявили набор на курс электроники. Безошибочным чутьем он угадал перспективность этого направления — совсем нового, даже учебников еще не было, и студенты занимались по размноженным на мимеографе конспектам. Флэкс занялся радарами, что привело его в ряды той самой армии, которая несколько лет назад отвергла его. Наконец-то справедливость была восстановлена! Флэкс оказался у истоков создания НАСА; его технические знания и лингвистические способности очень пригодились, когда американцы вывезли в Соединенные Штаты немецких ученых-ракетчиков, похитив их из-под носа наступавших русских. Со временем Флэкс отучился вспоминать о своем прошлом. Многим казалось, что он и родился прямо в Центре управления полетом. Это, впрочем, его вполне устраивало. Совместный советско-американский проект стал вершиной его карьеры. Однако силы Флэкса были на пределе.

Скоростной лифт моментально доставил инженеров на верхний этаж сборочного здания ракетного комплекса. СЗРК представляло собой пятиэтажную надстройку, венчавшую головную часть «Прометея». Гигантские ускорители и главный корпус ракеты были слишком велики, чтобы их можно было собрать в обычном сборочном корпусе. Перевозить «Прометей» с места на место после сборки тоже было нельзя. Поэтому ракету строили под открытым небом, прикрывая навесами наиболее уязвимые узлы. Вообще же «Прометей» проектировался с таким расчетом, чтоб ему не могла повредить никакая непогода.

Впрочем, это не относилось к главной ступени — то есть собственно к кораблю. Он был построен в Центре космических полетов имени Кеннеди в стерильных условиях, под строжайшим контролем, с особым кондиционированием воздуха, призванным защитить электронные схемы от коррозии, а компьютеры —

от нежелательного воздействия перепада температур. После сборки всех узлов главной ступени они были доставлены в Советский Союз на специально подготовленных транспортных самолетах. Именно для работы с этими нежными компонентами и предназначалось СЗРК, наростом прилепившееся к верхней части ракеты. В сборочном здании, где поддерживался нужный микроклимат, и велись сейчас все основные работы.

Техники посторонились, пропуская троих инженеров к рабочему трапу. Первым шел Флэкс. Тяжело пыхтя, он пролез в пилотный отсек корабля и огляделся по сторонам. Все здесь ему было знакомо. Почти все пространство было занято пультами и приборами. Когда в космос поднялся Юрий Гагарин, перед ним была панель с двенадцатью кнопками. С тех пор, однако, многое переменилось. Получили развитие самые разнообразные навигационные системы, у каждой из которых был свой принцип управления. Повсюду были датчики, счетчики — стены вокруг коек обоих пилотов были буквально облеплены ими. Требовалось несколько тысяч часов занятий, чтобы всего лишь научиться разбираться в расположении и предназначении всех этих кнопок и рычажков. И еще несколько сотен занятий на тренажере, чтобы быть в состоянии применить эти знания на практике.

— Вы только посмотрите, — сердито замахал руками Вандельфт. — Посмотрите, как эти поганые русские перевернули тут все вверх дном!

— Сами вы поганые! — заорал Глушко. Несколько месяцев сотрудничества с американцами научили его кое-как разбираться в английском языке.

— Господа, господа, — примиряюще простер ладони Флэкс. — Проблема мне ясна. Сделайте одолжение, заткнитесь, и я спокойно подумаю, что тут можно сделать.

Нужно было найти такое решение, которое устроило бы обоих инженеров, а это было совсем непросто. Под каждой кнопкой, каждым переключателем и датчиком находилась табличка с описанием функции данного элемента. Человеку непосвященному аббревиатуры типа PDI ABORT или RCS ничего не говорили, но для пилотов они означали очень многое. Под каждым из английских обозначений находилась соответствующая надпись на кириллице. Так было вначале. Теперь же все выглядело иначе: все панели были залеплены клочками бумаги — клетчатой, цветной, в линейку, — испещренными мелкими русскими каракулями.

— Вы посмотрите, на что это похоже! — возопил Вандельфт. — Просто какая-то доска объявлений в супермаркете. Чем мы тут

занимаемся? Космический полет готовим или продаем детские коляски?

— Эта дополнительная информация необходима в связи с тем, что надписи по-английски недостаточно подробны, — прорычал Глушко, заглушая голос американца. — Моим техникам приходится проверять все схемы, а для этого все тут должно быть написано по-русски. Да и потом, ваши люди делают то же самое! Почему же нам нельзя?

Глушко с торжествующим видом показал приклеенные к пульту карточки, где Патрик Уинтер написал по-английски кое-какие данные, которые понадобятся ему при взлете, — контрольные цифры, информацию о предельных величинах и так далее.

— Это не совсем одно и то же, — возразил Флэкс, жестом прося русского инженера помолчать. — Однако мы можем прийти к компромиссу. Надписи по-русски останутся здесь до тех пор, пока ваши техники не закончат работу. После этого надписи должны быть убраны. Может быть, на Земле подобная дополнительная информация сгодилась бы, но советскому пилоту в космосе она не понадобится. Глушко! Выслушайте меня до конца. Эти бумажки мы снимем, но ваш пилот может приклеить вместо них любые шпаргалки, которые ей понадобятся, — точно так же, как это сделал Уинтер. Пусть они решат этот вопрос между собой, а мы не будем им ничего навязывать. Идет?

Инженерам пришлось пойти на этот компромисс. Флэкс посмотрел на часы.

Господи боже!

Он уже опаздывал.

Пресс-конференция началась без него. Аудитория была заполнена репортерами и фотографами. Ярко светили юпитеры. На сцене сидело столько народу, что казалось, будто чиновников в зале еще больше, чем журналистов. Здесь была вся верхушка НАСА и советского Государственного комитета по космическим исследованиям. Американские астронавты и советские космонавты совсем растворились среди всего этого воинства. Однако место для Флэкса они придержали. Флэкс терпеть не мог являться на подобные сборища с опозданием, у всех на виду. К тому же он был уверен, что его доклад куда интереснее, чем официозные словеса, которыми уже начал кормить аудиторию советский представитель. Однако делать было нечего; Флэкс набрал в грудь побольше воздуху и собрался решительно пересечь зал. В это

время кто-то тронул его за рукав. Сзади стоял капитан из военной полиции с двумя сержантами. Все трое были при оружии.

— Сэр, вам совершенно секретное сообщение из шифровальной. Могу ли я взглянуть на ваше удостоверение личности?

— Ради бога, капитан! Мы с вами знакомы уже больше года...

Судя по бесстрастному лицу офицера, все протесты были бессмысленны, и Флэкс вытащил из кармана удостоверение. Капитан тщательно изучил его, словно видел впервые в жизни, и удовлетворенно кивнул.

— Сержант, запишите номер удостоверения, а также время вручения депеши.

Переминаясь с ноги на ногу, Флэкс наблюдал, как сержант достает блокнот и медленно записывает данные. Лишь после этого офицер щелкнул замком чемоданчика, прикованного цепью к его запястью, и вынул оттуда запечатанный конверт с ярко-красным штампом «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО». Флэкс сунул конверт в карман и повернулся, чтобы уйти, но офицер задержал его:

— Сначала распишитесь в журнале, сэр. Вот здесь... И еще здесь... В этой графе поставьте свои инициалы... И на втором экземпляре, пожалуйста.

Покончив с этими формальностями, Флэкс быстро зашагал по проходу, с неудовольствием ощущая на себе множество любопытных взглядов. Лишь выступающий министр как ни в чем не бывало продолжал нести всякую чушь. У самой сцены Флэкс задержался, дожидаясь, пока объектив телекамеры повернется к выступавшему, и затем быстро, но не теряя достоинства, проскользнул на отведенное ему место. Элай Брон, обряженный ради такого случая в отлично сшитый и явно недешевый костюм угольно-серого цвета, наклонился и прошептал ему на ухо:

— Надеюсь, Флэкс, что ваша подружка того стоила. Познакомьте меня с ней, когда она вам надоест.

— Заткнись, Элай. Идите вы в задницу с вашими предложениями, — сердито прошипел в ответ Флэкс.

Русский закончил свое выступление и уселся на место, публика немного похлопала, после чего слово взял представитель НАСА, произнесший примерно то же самое, что и советский министр, но только по-английски. Флэкс сидел, утирая пот со лба, и ждал, пока его дыхание войдет в норму. Он не сразу вспомнил, что в кармане лежит пакет.

Та или иная степень секретности распространялась практически на все документы, с которыми он имел дело по службе, но гриф «Совершенно секретно», столь торжественное вручение и

такое количество подписей все же были редкостью. Во всяком случае, содержимое конверта должно быть интереснее, чем эти дурацкие речи. Флэкс вынул пакет из кармана, прикрыл его ладонями и потихонечку распечатал. Выждав, когда объектив телекамеры снова нацелился на кого-то другого, он быстро прочитал текст.

Затем прочел его еще раз и совсем взмок от пота.

Некоторое время Флэкс сидел в оцепенении, потом Элай похлопал его по плечу:

— Флэкс, просыпайтесь, ваша очередь. Ну-ка, задайте им перцу.

Флэкс медленно занял место на трибуне и приладил микрофон. Щелкали фотоаппараты, со всех сторон на трибуну были установлены круглые глаза объективов. В этот момент на него смотрел весь мир. Флэкс откашлялся в кулак и начал:

— Отвечая за управление полетом, я являюсь связующим звеном между экипажем «Прометея» и всеми наземными службами, чтобы они могли эффективно работать как единое целое. Сегодня я должен представить вам русских и американских космонавтов, которые примут участие в первом полете. Однако перед этим я хотел бы зачитать вам сообщение, только что полученное мною из Космического центра в Хьюстоне. Вы видите, что сейчас на сцене находятся лишь пять членов экипажа. Врач-космонавт, доктор Кеннелли, который должен был принять участие в полете, внезапно заболел. Ничего серьезного, и жизнь его находится вне опасности. Вчера он был оперирован по поводу аппендицита с некоторыми осложнениями. Вскоре доктор Кеннелли будет совершенно здоров, но в первом полете участвовать он не сможет. Вот почему НАСА заменило его другим медиком. Как вам известно, каждый из членов экипажа имеет дублера, поскольку здоровье отдельного человека не должно ставить под угрозу осуществление всего проекта. Позвольте зачитать вам полученное мной сообщение. — Флэкс поднес к глазам листок бумаги, и фотокамеры защелкали еще лихорадочнее. — Вначале следует описание состояния здоровья доктора Кеннелли. Затем говорится: «В связи с тем, что вышеозначенный член экипажа временно утратил трудоспособность, направляем к вам подготовленного дублера рейсом Хьюстон — Байконур. Самолет совершит посадку в 15.00 по местному времени. Дублер — доктор К. Сэмюэл из Хьюстонского научно-исследовательского центра космической медицины. Возраст — 32 года. После окончания университета

Джона Хопкинса в Балтиморе, штат Мэриленд, доктор Сэмюэл закончила ординатуру в госпитале Джона Хопкинса».

Те из журналистов, кто понимал по-английски, возбужденно загудели. Когда же синхронный переводчик повторил сказанное по-русски, оживилась и советская часть аудитории. Флэкс стоял и ждал, пока восстановится тишина.

— Элай, ты слышал? — сердито прошептал Патрик.

— Политика, друг мой, политика.

— Ты прав, черт подери! Советская женщина-космонавт была очком в пользу Кремля, поэтому, как только док Кеннелли заболел, наши, наверное, перерыли все лаборатории, чтобы втиснуть в экипаж бабу. За такой короткий срок ее, разумеется, не могли как следует подготовить. Они с удовольствием весь проект в унитаз спустят, лишь бы только всласть наиграться в свои политические игры...

— Позвольте мне продолжить, — сказал Флэкс. — Итак, после окончания университета доктор Сэмюэл закончила ординатуру в госпитале Джона Хопкинса. Все ее биографические сведения содержатся в полученной мной депеше и будут переданы представителям прессы сразу после окончания конференции. Доктор Сэмюэл со Среднего Запада, родилась в штате Миссисипи, выросла в Детройте. Начальное медицинское образование получила в институте Таскиги.

Смысл сказанного дошел только до американцев — все остальные слушали, ни о чем не догадываясь. Элай умолк буквально на полуслове, что само по себе уже многое значило. Патрик стиснул зубы так яростно, что по лицу его заходили желваки. Сидевшая с ним Надя услышала, как майор тихо выругался.

— Почему вы так реагируете? — сердито прошептала она. — Вы думаете, что женщинам не место на корабле? Они что, хуже мужчин?

— Это все политика, политические игры.

— Ну и что? Если специалист хорошо подготовлен, какая вам разница?

— Неужели вы не понимаете, какую грязную игру затеяли наши? Раз советские включили в экипаж женщину, мы тоже не должны ударить лицом в грязь. Только мы вас еще переплюнем. И за это получим дополнительные голоса, а заодно — напакостим русским.

— Почему вы так раздражены?

— Почему? Вы что, не понимаете? Разве вы не слышали, что она окончила институт Таскиги?

— Слышала, но это название мне ни о чем не говорит.

— А мне говорит. Это учебное заведение только для черных. Что же это такое, если не политические игры, когда толстопузого американца ирландского происхождения заменяют черной женщиной?

Глава 5

Коттенхэм-Ньютаун, Англия

— Включи телевизор, дорогой, а я пока со стола уберу, — сказала Айрин, собирая чашки и блюдца.

— Хорошо, — кивнул Генри Льюис, вставая. Он не спеша прошел в гостиную и включил телевизор. Кинескоп был старый и нагревался не сразу. Любимое кресло Льюиса уже стояло перед экраном, а на столике по соседству лежала пачка сигарет. Он закурил и раскрыл телепрограмму.

— Так я и думал, — довольно пробормотал он. — Повторяют матч в Лидсе. Мы как раз его пропустили, потому что были у твоей матери.

Экран мигнул и ожил. Генри нажал на кнопку дистанционного управления. Однако вместо футбольного поля возник какой-то бульдогообразный дядя, говоривший на иностранном языке. Сказанное синхронно переводилось на английский. Генри в раздражении переключил на первую программу, но толстяк оккупировал и ее. Цепляясь за последнюю надежду, Льюис переключился на второй канал, чего почти никогда не делал. Лучше бы он туда не совался — по второй программе показывали, как трое мужиков сидят на стульях и дуют в какие-то дудки.

Генри сердито скинул шлепанцы и надел ботинки. Натягивая куртку, он сказал жене:

— Они тут все с ума посходили! Пойду прошвырнусь.

— Смотри не застрянь там, — ответила жена.

Был чудесный летний вечер, и Льюис даже порадовался, что не остался дома. Он свернул на Ньютаунскую дорогу и зашагал вдоль муниципальных многоэтажек. Эти дома ему не нравились — слишком походили на бараки. В таверну «Королевское оружие» Генри заходить не стал — все отделано пластиком, пиво паршивое, вовсю орет музыкальный автомат. Нет, он один раз там побывал, и хватит. Паршивое местечко. Лучше пройтись по старой деревне. На десять минут дольше, зато куда уютнее.

Это был последний клочок земли, еще не занятый новостройками. Шоссе, ведущее с автострады к заводу, разрезало деревню пополам, с обеих сторон ее стиснули многоквартирные дома, но центральная часть поселка находилась в лощине, и было дешевле оставить ее как есть, чем возиться с земляными работами. Тут уцелели несколько коттеджей, пара магазинчиков и дощатое строение с облупившейся вывеской «Лошадь и конюх». Генри поднялся по окованному железом крыльцу и толкнул деревянную тяжелую дверь.

— Здорово, Генри, — сказал хозяин, вытирая стойку.

— Привет, Джордж.

Генри облокотился на темное дерево и молча наблюдал, как Джордж нацеживает ему пинту светлого пива. Потом отхлебнул из кружки и удовлетворенно вздохнул. Джордж понимающе покивал:

— Это хорошая бочка.

— Да уж. Но раньше пиво было лучше.

— Неужели?

— Я тебе говорю. Погода и та теперь не такая, как раньше.

— Говорят, это ракеты виноваты.

— Черт бы побрал эти ракеты! Сегодня по телеку вместо футбола опять про космос передавали. Янки и русские что-то там запускают. Слава богу, к нам это отношения не имеет. У нас своих проблем хватает. По крайней мере наша страна не тратит деньги на подобную ерунду.

— Это нам не по карману. Если бы паршивые британские политики могли себе это позволить, они бы раскошелились, уж будь уверен.

— Ты прав, Джордж. Ну и времена — политики продажные, пиво водянистое... — Генри осушил кружку и стукнул ею по стойке. — Ну-ка, плесни мне еще.

Глава 6

— Флэкс, клянусь, я пошлю к чертовой матери всю эту затею!

— Остынь, Патрик. Нажми на тормоза. Ты не вчера родился на свет. Тебе отлично известно, что без компромиссов политики не бывает, а НАСА — организация политическая. Почему я должен тебе это объяснять?

Они стояли у двери из толстого стекла и смотрели, как красный шар заходящего солнца клонится к горизонту. Вечер был знойный, но в здании работал кондиционер. У двери стояли двое солдат — один советский, один американский; под мышками у

них расплылись темные пятна пота. Дорога, ведущая к зданию, была пуста.

— Ты сказал, что она уже едет, — произнес Патрик.

— Да, самолет приземлился, машина отправлена. Но ты ведь знаешь, как медленно работают эти русские аэропорты.

— Элай догадывался, что намечается нечто необычное. Помнишь пари? А может, и не догадывался, а знал. Но кто бы мог подумать, что им придет в голову такое? Слишком уж хитрый трюк для шишек из НАСА. Я нутром чувствую, что за этим стоит сам Бэндин.

— За чем, Пат? Она — квалифицированный врач...

— В мире полным-полно квалифицированных врачей, но мало кто из них может принять участие в космическом полете. Ты знаешь, как прозвали президента, когда он еще только начинал работать в сенате? Резиновый Бэндин. Он умел растягиваться в любую сторону, но потом непременно сжимался вновь. Последний из мастеров политических спекуляций. Таких уже не осталось. Ребята из американской прессы продали его публике, словно гроздь бананов. А он по-прежнему остался все тем же, наш Резиновый Бэндин. Ради лишнего голоса или лишнего доллара готов на что угодно.

— Он не такой уж плохой президент...

— Но и не слишком хороший. Может, он и не такой мошенник, как хитрый Дикки Никсон, но по части ловкости и ему даст сто очков вперед. Ты только посмотри, что он придумал! Он готов отправить псу под хвост весь проект «Прометей», но зато обеспечил себе голоса и женщин, и черных. Нет, меня на это не купишь!

— Успокойся, Патрик. Посмотри на все иначе. — Флэкс взял Уинтера своей горячей влажной пятерней за локоть. — Сколько лет ты в астронавтах? Девять? Этот полет — пик твоей профессиональной карьеры. Ты же пилот! Если начнешь ерепениться, тебя на куски разорвут. Владельцы газет на стороне Бэндина, а именно они заказывают музыку. Никто и не поймет, что ты хотел сказать, а ты уже полетишь в унитаз. Тебя выставят лисой в винограднике, живого места на тебе не оставят. А «Прометей» все равно взлетит, только с другим пилотом. Разве по опытности твой дублер может сравниться с тобой? А это значит, что ты ставишь проект под угрозу. Пара лишних слов — и все к черту.

— Но это грязный трюк, Флэкс. Ты мне тут его расписываешь и так и этак, а факт остается фактом: все дело в политике, причем в грязной политике.

— Патрик, не будь наивным. В нашем деле вообще все замешано на политике. Помнишь старые научно-фантастические романы про полеты на Луну? Какой-нибудь богатый промышленник строит у себя во дворе ракету или безумный профессор собирает космический корабль из паровых котлов. Писатели плохо представляли себе, как это делается. Ни одному из фантастов в голову не пришло, что на Луне высадится обыкновенный военный летчик средних лет. Ни одному писателю не приходило в голову, что исследование космоса превратится в гонку, в соревнование. На карту поставлен национальный престиж, и все размахивают государственными флагами. Если мы не поспеем туда первыми, нас опередят русские. Вперед, вперед, не жалея денег, рискуй, надейся на удачу!

— Кажется, машина едет... Так ты хочешь сказать, что за последние годы ничего не изменилось?

— Конечно, не изменилось. Русские разработали гигантские ускорители. Мы — технологию проекта и все остальное. Ни одна из наших стран не смогла бы осуществить такой проект целиком, по крайней мере еще лет десять, а то и больше. Наше сотрудничество — самый поразительный за всю историю человечества результат политической изобретательности. Не стоит портить его на самой последней стадии. Ну, хорошо, пусть Бэндин извлечет из этого политические дивиденды. Ну и что? В конечном итоге это делается для всех нас, а это самое главное, старина.

Черный «Линкольн-континенталь» с развевающимся американским флажком на капоте остановился перед зданием. Из автомобиля вышли военный с полковничьими погонами и один из посольских клерков, предупредительно открыв заднюю дверцу. Патрик наблюдал за ними, стараясь подавить сомнения и гнев и все еще не решив, как ему быть. Из машины вылезла молодая женщина и направилась к дверям.

Так вот она какая — маленькая, едва достающая головой до плеч двух сопровождающих ее мужчин. Кожа темная — не черная, но очень смуглая. Волосы вьющиеся, коротко постриженные. Хорошенькая — изящные черты лица, почти египетский носик. И фигура в кремовом летнем костюме смотрится неплохо — крутые бедра, стройные ноги, хорошая походка. «Господи, — вздохнул Патрик, — о чем я думаю?» Это же не конкурс красоты. От врача может зависеть успех или провал полета.

Вновь прибывшие вошли внутрь, состоялось знакомство. Рука Сэмюэл оказалась твердой и холодной. Вскоре Флэкс и Патрик остались с ней наедине.

— Извините, доктор, что не даю вам отдыха, но вам предстоит сейчас дать интервью.

— Зовите меня Коретта, доктор Флэкс.

— И вы меня, Коретта, зовите просто Флэкс. Меня все так называют. Вы знаете, что нам не помешает хорошая пресса о полете. Журнал «Ньюсуик» относится к нашему делу с симпатией. Они прислали корреспондента, который готовит специальный номер, посвященный «Прометею». Это Реддич, один из лучших репортеров. Он уже почти со всеми тут поговорил, остались только вы. Если, разумеется, вы не слишком устали.

— Я ничуть не устала. Полет был великолепен, и я все еще пребываю в состоянии радостного удивления. Я с удовольствием побеседую с журналистами.

— Вот и отлично. Патрик, проводите Коретту.

Очевидно, окна зала для прессы не случайно выходили на летную площадку, где стоял «Прометей». Гигантский корабль потрясающе смотрелся на фоне розовых закатных облаков. Коретта невольно остановилась и всплеснула руками:

— Боже ты мой! Вот это да!

— Я могу процитировать ваши слова? — спросил худой сутулый человек, сидевший у бара с бокалом в руке. У него были оттопыренные уши, нос картошкой и подчеркнуто добродушный вид. Но глаза смотрели внимательно и не упускали ни единой детали.

— Доктор Сэмюэл, позвольте представить вам мистера Реддича из журнала «Ньюсуик», — сказал Флэкс. — Не хотите ли для начала что-нибудь выпить?

— Виски со льдом, но не очень крепко, пожалуйста.

— Я принесу, — сказал Патрик, направляясь к бару.

Для прессы никогда не жалели хорошей выпивки. Прежде всего Уинтер налил себе полный бокал «Шивас ригал» с содовой, а девушке плеснул немного «Джека Дэниэлса». Все сели к столику, посередине которого репортер водрузил свой магнитофон. Когда Патрик жестом предложил Флэксу выпить, тот отрицательно покачал головой. Тогда Уинтер поставил бокалы на столик и тоже сел.

— Надеюсь, ребята, вы понимаете, что я в технике профан, — начал Реддич. — Наш научный отдел заготовил множество цифр, схем и всего такого прочего. Но редакционную статью пишу я. Интервью у всех основных действующих лиц беру тоже я. Читатель любит всякие личные подробности и вообще все, что не имеет отношения к технике. Это понятно?

— Разумеется. И мы с удовольствием вам поможем, — ответил Флэкс.

— Отлично. Я бы хотел начать с вас, Коретта, потому что вы тут новенькая, а со всеми остальными я уже беседовал. Не могли бы вы мне рассказать что-нибудь о себе?

— Ничего такого, что не содержалось бы в пресс-релизе, который вы наверняка уже видели. Училась, работала, еще работала, но уже в НАСА.

— Я уверен, что в вашей биографии были вещи и поинтереснее. Публику всегда интересует женщина, добившаяся успеха на мужском поприще. К тому же темнокожая. Вы прошли долгий путь и преодолели множество почти непреодолимых препятствий.

— Я смотрю на это иначе, — спокойно ответила Коретта. — Америка — страна цивилизованная, где профессионально подготовленная женщина может преуспеть не меньше, чем мужчина. А цвет кожи тут вообще ни при чем.

— Неужели? — удивился Реддич. — Читатели из негритянских гетто будут рады этой новости. — Он что-то записал в блокноте. — Могу ли я быть с вами откровенным, Коретта? Я не первый год работаю в прессе, знаю жизнь и терпеть не могу, когда мне вешают лапшу на уши.

Лицо Коретты осталось спокойным, но голос сделался ледяным:

— Я говорю вам правду, а вовсе не вешаю лапшу на уши.

Реддич шутливо поднял руки:

— О'кей, не будем ссориться! Говорите все, что сочтете нужным, а я просто буду записывать. — Он пошелестел бумажками и сказал: — Хотя нет, постойте. В пресс-релизе ничего не говорится о том, что вы были замужем и развелись.

— Я вижу, вы хорошо подготовились, — невозмутимо заметила Коретта, отпив из бокала. — Мое замужество продолжалось меньше года. Это был мой старый друг, еще по школе. Мы оба сделали ошибку. Детей у нас не было. Хоть мы и развелись, но продолжаем поддерживать отношения. Вас интересуют имена и даты?

— Нет, спасибо, они у меня есть. Просто хотелось услышать вашу точку зрения. И еще один вопрос, если не возражаете. Как вы думаете, есть ли политическая подоплека в том, что вас, человека в космической профессии нового, включили в состав экипажа?

Это был специально подготовленный вопрос на засыпку, ради

которого Реддич и затеял интервью. Все предыдущие вопросы служили лишь для разминки. Патрик застыл, заметив, что шея Флэкса побагровела. Оба они сидели молча. Реддич делал вид, будто настраивает магнитофон, а Коретта спокойно отхлебнула из бокала, отставила его и ровным неторопливым голосом сказала:

— Не думаю. Я в НАСА человек не новый, работаю в космической программе уже пять лет. Мне всегда хотелось проверить свои профессиональные знания по космической медицине на практике. Несомненно, сыграл роль возраст. Некоторые из моих коллег превосходят меня по квалификации, но они уже недостаточно выносливы для продолжительного космического полета. Мне просто повезло — я вытянула выигрышный билет и оказалась участницей столь важного проекта. Я счастлива, что стала членом экипажа «Прометей».

«Неплохо сказано», — подумал Патрик и налил себе еще. Коретта говорила хладнокровно, безо всякой аффектации, — чувствовалось, что над текстом поработали опытные спичрайтеры из НАСА. Доктор Сэмюэл хорошо выучила свой урок. Реддичу придется попотеть, чтобы выудить из нее что-нибудь пикантное.

Все уловки репортера ни к чему не привели. Он задал этот вопрос еще несколько раз, поворачивая его то так, то эдак, а потом отступился. Патрику показалось, что улыбка Коретты стала чуть-чуть пошире. Флэкс подошел к бару, налил себе полный стакан воды со льдом, выпил, потом повторил эту процедуру еще раз. Реддич вынул из магнитофона кассету и повернулся к Уинтеру:

— А теперь вопрос стоимостью в 64 тысячи долларов. Я знаю, что вас об этом спрашивали уже раз триста, но, надеюсь, вы не обидитесь, если я все-таки спрошу еще раз: для чего нужен проект «Прометей»? Расскажите мне.

— Прежде чем рассказать о проекте, могу ли я немного углубиться в историю?

— Говорите все, что хотите. Я не ограничиваю вас во времени. Но, ради бога, поменьше технических терминов. Я в восьмом классе завалил экзамен по арифметике. Пожалуйста, выше этого уровня не поднимайтесь.

— Хорошо. Прежде всего подумайте, как катастрофически не хватает в мире энергии. Благодаря же проекту человечество избавляется в этом вопросе от диктата политики — никаких алчных арабов, спекулирующих нефтяных корпораций и всего прочего. Один простой факт: если мы будем потреблять нефть теми же темпами, что в последние годы, то через несколько лет уничто-

жим все ее запасы. Необходимо как-то спасать положение. И наш «Прометей» его спасет. Нефть ведь имеет два основных применения. Это не только топливо, которое мы сжигаем в автомобилях и самолетах; это сырье, обеспечивающее работу различных отраслей промышленности — химической, сельскохозяйственной, многих других. Каждая капля сожженной нефти могла бы быть использована для более важных целей. Из этого следует, что нам нужно найти другой источник энергии — нефть необходима нам в других сферах, причем вся, без остатка. Пока все понятно?

— Абсолютно. Яснее не бывает. Давайте дальше.

— Хорошо. Поговорим об альтернативных источниках энергии. Ну, в принципе, вся наша энергия поступает от Солнца.

— Как это так? А уголь? Нефть? Ветер? При чем тут Солнце?

— А при том. Уголь и нефть содержат в себе солнечную энергию, накопленную ископаемыми растениями миллионы лет назад. Что касается ветра, то он возникает в результате того, что Солнце нагревает атмосферу и создает воздушные потоки. Ветер дует, на море поднимаются волны, их энергией пользуются приливные электростанции. Так что и они косвенным образом питаются за счет деятельности Солнца. Так вот, пришло время использовать чистую, неиссякаемую энергию самого светила. К этому и сводится проект «Прометей».

— Стоп. Но ведь на одну только разработку этого проекта ушли миллиарды долларов. Не лучше ли было бы истратить эти деньги, скажем, на аккумуляцию солнечной энергии где-нибудь в выжженной пустыне?

— Нет, не лучше. На поверхности Земли собирать солнечную энергию совсем непросто: мешает слой атмосферы, ночью Солнце не светит, оборудование стоит дорого, есть и масса других сложностей. Конечно, такого рода деятельность тоже нужно вести, но по эффективности и масштабу она не может сравниться с «Прометеем». Со временем «Прометей» обеспечит энергией весь земной шар, причем бесплатно. В этом и состоит суть плана.

— И как это будет делаться?

— А вы посмотрите в окно. Видите — там стоит самый большой в истории космический корабль. Первый из пятидесяти. Мы живем в огромном, перенаселенном мире, который нуждается в невероятном количестве энергии. Наш проект запустит в космос пятьдесят таких кораблей, а потом, возможно, и еще больше.

— Представляю, сколько это стоит.

— Много, — кивнул Патрик. — Но по мере разворачивания проекта он станет самоокупаемым. Электричество будет прода-

ваться по два с половиной цента за киловатт-час. Этих денег хватит на финансирование новых запусков и строительство новых генераторов. Когда же корабль выведен на орбиту, добыча энергии необычайно проста. Большую часть полезной нагрузки «Прометея» составляет пластиковая пленка, напоминающая фольгу, в которую вы заворачиваете продукты, прежде чем убрать их в холодильник. На орбите гравитация отсутствует; трения атмосферы тоже нет. Это позволяет расстелить тончайшую пленку на несколько квадратных миль. Сверху она покрыта алюминием, который исполняет функцию гигантского зеркала. Это зеркало будет отражать и фокусировать солнечный свет. Концентрированный луч разогревает жидкость, которая вращает турбину, генерирующую электричество. Очень просто.

— Действительно просто. Но вы не рассказали, как электричество будет поступать на Землю. Очевидно, речь пойдет о так называемом «луче смерти»?

Патрик улыбнулся.

— Чем старее неверный слух, тем труднее с ним покончить. Любой вид излучения можно назвать «лучом смерти» — если оно в достаточной степени концентрировано. Лампочка способна нагреть вашу ладонь, не более. Но встаньте прямо перед военным прожектором, и его луч вас изжарит. Или, скажем, на небольшом корабле есть радарное устройство, помогающее ориентироваться в океане. Однако если вы окажетесь в фокусе луча большого поискового радара, то сваритесь не хуже крутого яйца. Итак, все зависит от силы излучения и его концентрации. Генерируемое в космосе электричество будет превращено в радиоволны низкой частоты, а затем отправлено на Землю. Двунаправленная антенна направит луч в два накопителя, один из которых находится в Сибири, а второй в штате Вашингтон. Благодаря получаемой им доле энергии Советский Союз сможет покрыть потребности Сибири почти полностью. Нашей же доли хватит на нужды пяти западных штатов. Это будет бесплатная энергия прямо из космоса.

— Звучит заманчиво, но мне не хотелось бы так быстро уходить от «лучей смерти». Мне кажется, что такое мощное количество энергии, даже преобразованной в радиоволны, должно создать пучок, который будет ударять по поверхности Земли с невероятной силой. Так?

— Совершенно верно. На это я могу ответить вам следующее. Во-первых, радиоволны нацелены исключительно на накопитель, снабженный корректирующей аппаратурой. Во-вторых, если все же луч отклоняется в сторону, излучение автоматически прекращается. Теоретические исследования показывают, что пучок радиоволн не сможет принести Земле ущерб. Однако на всякий случай накопители построены в гористой местности, на значительном расстоянии от населенных пунктов.

Реддич щелкнул кнопкой магнитофона.

— Это звучит разумно, и я удовлетворен. Спасибо, что потратили на меня время. Мне пора бежать, а то на самолет опоздаю.

Репортер вежливо попрощался с присутствующими и ушел.

— А вот теперь я выпью, — сказал Флэкс, садясь к бару. — Пока этот сукин сын был здесь, я боялся даже смотреть в сторону выпивки. Коретта, вам подлить?

— Да, пожалуйста.

Она сидела, выпрямив спину, но умудряясь при этом сохранять раскованность. Руки ее были аккуратно сложены на коленях. Патрик налил себе еще виски, внутреннее недоумевая, как Коретте удается сохранять такую невозмутимость.

— Вы ведь только что из Хьюстона? — сказал он. — Что слышно про дока Кеннелли?

— Вы, наверное, уже сами все знаете. Операция прошла успешно, прогноз хороший.

— Какое совпадение, не правда ли?

— Что вы имеете в виду?

— А то, что он заболел именно сейчас. И интересно, что стряслось с его дублером Файнбергом? Очевидно, еврей для «Прометея» оказался недостаточно революционным...

— Патрик, — вмешался Флэкс, — заткнулся бы ты. Дай Коретте отдохнуть — у нее был трудный день.

— Нет, Флэкс, пусть говорит. Давайте разберемся с этим раз и навсегда. Я понятия не имею, что стряслось с доктором Файнбергом, мне никто об этом ничего не говорил. Я неожиданно для себя была включена в засекреченную программу подготовки к космическому полету семь недель назад. Центрифуга, свободное падение и все такое прочее. Лишь позавчера мне сказали, что я включена в экипаж «Прометея». Вот и все, что я знаю.

Патрик невесело рассмеялся:

— Мы знаем не больше. Надо же, семь недель! Значит, эта скотина Бэндин готовил свой трюк заранее. Может, у дока никакого аппендицита и вовсе не было. Они могли это подстроить...

— Ну, хватит! — вспылил Флэкс, протискиваясь между Патриком и Короттой. — Иди к себе в комнату, Патрик. Ты слишком много выпил, тебе надо отоспаться.

— Нет, — возразила Коретта. — Не выгораживайте меня, Флэкс. Мы начали этот разговор, и он должен быть закончен. Причем сразу, сейчас. — Она встала перед Патриком, посмотрела на него и стиснула кулаки; впервые ее лицо утратило невозмутимость.

— Я понимаю, о чем вы думаете, — сердито произнесла она. — По вашему мнению, «скотина Бэндин», как вы его называете, играет в политические игры. Коммунисты включили в экипаж женщину, что принесло им дополнительные очки. Если мы в ответ тоже подсунем им женщину, да еще и черную, то уложим их на обе лопатки. Вот было бы здорово! Нельзя ли устроить так, чтобы Кеннелли заболел и вышел из игры? Его дублера тоже можно заменить — никаких проблем. Если это произойдет, кого можно назначить вместо Кеннелли? И тут очень кстати оказывается малютка Коретта Сэмюэл, которая тихо сидит себе в лаборатории НАСА, причем не только доказывает общественности, что эта организация лишена расовых и половых предрассудков, но и неплохо разбирается в кальциевых пробах. Еще бы она в них не разбиралась — последние пять лет только этим и занималась. Очень удобно было включить такую в состав экипажа. Я полагаю, вы представляете себе дело именно так, не правда ли?

Она придвинулась к Патрику вплотную, так что он ощущал ее горячее дыхание. Уинтер ничего не ответил, лишь медленно кивнул. Коретта отодвинулась, вздохнула и отвернулась.

— Что ж, мистер пилот, мне самой тоже так кажется. — Она стремительно развернулась и погрозила пальцем прямо у него под носом. — Это гнусная история, от которой так и несет вашингтонским политиканством. Но я вам скажу кое-что еще: мне на это наплевать! Мне совершенно все равно, по какой причине я попала в экипаж «Прометея». Главное, что я здесь. Реддич прекрасно знал, что я врала, говоря о положении цветных в Америке. Тем более цветных женщин. Но я участвую в полете не для того, чтобы заниматься пропагандой. Найдутся и без меня охотники. Я же — член экипажа, и не более. Я могу справиться со своей работой. Я полечу в космос и буду делать то, чему меня учили, а потом вернусь на Землю, где меня встретит восторженная толпа. Я потратила много сил и прошла долгий путь, прежде чем оказалась там, где нахожусь сегодня. В истории нашей страны был великий человек, которого звали Мартин Лютер Кинг. Когда его убили, дело Кинга продолжила его жена. Тысячи и тысячи черных девочек были названы в ее честь. И я в том числе. И вот теперь я подниму это замечательное имя до космических высот. Я сделаю то, что должна сделать. Эту работу выполнит женщина,

черная женщина, и, что бы ни случилось, никто не сможет вычеркнуть из истории этот факт!

Коретта стукнула бокалом по столу — так сильно, что бокал перевернулся, виски разлилось по полированной поверхности. Прежде чем кто-то успел сказать хоть слово, доктор Сэмюэл развернулась и вышла вон, хлопнув дверью.

— Рэйли, здесь столько труб, что какой-нибудь водопроводчик просто с ума бы сошел. А хуже всего то, что я не могу ни слова прочесть.

— Даффи, я тебя научу. Недорого возьму — десять долларов за урок. Ты потратишь свои деньги не зря. Очень скоро сможешь говорить по-русски, как местный, а заодно будешь получать на полсотни в неделю больше за иностранный язык.

— У меня не получится. Я и по-английски-то еле-еле объясняюсь. Скажи-ка мне, что тут за каракули на этом узле?

— «Резервная цистерна для внутренней откачки топлива — 23; питающая линии 19 к питающей линии 104 через цистерну 16 В; в нормальном положении переключатель герметизации отключен 734 ЛЮ».

— Ну спасибо, теперь буду знать.

Перед ним на столе была разложена схема всего узла — огромный, раскрашенный в шесть цветов лист бумаги размером два метра на два. Водя пальцем по схеме, Даффи что-то бормотал себе под нос. Один раз он сбился, обескураженно сморгнул и потер затылок.

— Ну, ладно, — сказал он, показывая на открытые панели и пучки электропроводов, — считается, что мы проверяем схему. Отлично. Допустим, участок между пультами управления, компьютером, релейными системами, дополнительными двигателями и сервоустройствами мы проверили. А дальше-то что? Мы должны верить «товарищам» на слово. Всю свою проводку русские запечатали, загерметизировали азотом, и нам теперь ее не проверить.

— Они сами проверили и десять раз перепроверили. Ты видел документацию.

— Видеть-то я видел, но разве я могу быть уверенным?

Рэйли пожал плечами и поковырял в зубах тонким пробником от цифрового вольтметра, наблюдая за дисплеем:

— Конечно, проверить мы не сможем. Придется верить на слово. Относись к русским как хочешь, но одного у них не отнимешь: летать в космосе они умеют. Побольше запас — и полете-

ли. Они используют дополнительные двигатели и резервное топливо, так что, если один из двигателей или какой-нибудь насос откажет, срабатывает дублирующее устройство. Так что летать-то они умеют.

— Но ведь они и взрываются. Или это просто слухи?

— Один корабль у них взорвался. Это мы знаем точно. Съемка со спутника в 68-м году показала на одной из их взлетных площадок большой космический корабль. А на следующий день его там уже не было. Как не было и самой взлетной площадки, и никаких строений — на милю вокруг. Очевидно, произошел взрыв. Но то был корабль старой модели.

— Это ты так говоришь.

— Нет, так говорят документы. Последние два года русские летают на новых ускорителях, причем работают они бесперебойно. С кораблями многоразового использования у русских не ладится, поэтому они стиснули зубы и летают на одноразовых.

— По-моему, нам пора пить кофе.

— Нет, еще рано. После следующего узла.

Глава 7

— Ну что ж, начнем наши маленькие каникулы, — сказал полковник Кузнецов, улыбаясь остальным членам экипажа. За его спиной с шипением задвинулась массивная дверь, заскрежетали болты.

— Вряд ли это можно назвать каникулами, — ответил Элай Брон. — Карантин есть карантин.

— Да что вы, доктор Брон, — возразил Кузнецов. — Девяносто шесть часов полного покоя до старта. Сейчас технические службы... как это у вас называется... потеют кровью, чтобы все шло гладко. А у нас с вами никаких дел нет. Мы заперты в великолепном особняке, куда не могут проникнуть ни бактерии, ни насекомые. Вокруг нас будут хлопотать повара, прислуга будет стелить нам постель и чистить одежду. Конечно, у нас тоже есть работа, особенно у пилотов. Им придется все время листать свои огромные справочники. Зато у остальных членов экипажа режим посвободнее. Наконец мы можем пообщаться друг с другом без политиков, без журналистов и прочих внешних раздражителей. Начальство вынуждено общаться с нами только по телефону, и если мы не хотим с ним говорить, то попросту не возьмем трубку.

Тут как раз зазвонил телефон. Секундное молчание — и все расхохотались.

— Кто скажет, что нас нет дома? — спросил Патрик, протягивая руку к трубке.

Стоило ему взять трубку, как тут же засветился экран. Это был не просто телефон, а особое устройство связи, оснащенное видеосистемой. Выдвинулся специальный стул, на котором фокусировался объектив телекамеры. На экране возникло лицо звонившего. Это был Флэкс.

— Что стряслось? — спросил Патрик. — Мы еще присесть не успели, а ты уже звонишь.

— Извини. У Коретты хотят взять интервью. Оно должно было состояться еще вчера, но самолет интервьюера опоздал.

— А кто интервьюер? — поинтересовалась Коретта.

— Девушка по имени Смит. Она говорит, что вы обещали эксклюзивное интервью журналу «Черная женщина».

Никто из присутствующих даже не посмотрел в сторону Коретты. Она секунду поколебалась, потом сказала:

— Пусть немного подождет, я свяжусь с ней сама. Сейчас у меня нет времени.

— Патрик, когда повесишь трубку, отсоедини ты эту штуку к черту, — попросил Элай.

— Я бы с удовольствием. Но лучше последуем примеру Коретты, на звонки отвечать не будем. Если захотим с кем-то пообщаться, выйдем на связь сами. Полковник Кузнецов прав. Всем нам есть чем заняться до старта, но надо и получше познакомиться друг с другом. Мы один экипаж, и нам необходимо хорошо друг друга знать, чтобы мы действовали как слаженная команда. Мы с Надей — пилоты, и мы уже научились работать вместе. Пока кораблем командую я. Я отвечаю за полет до того момента, пока мы не выйдем на окончательную орбиту и двигатель не будет отключен. Затем командование берет на себя полковник, и все мы выполняем его приказы.

— Не совсем так, Патрик, — возразил Кузнецов. — Я отвечаю за генератор и за сборку всей системы. Кроме того, я буду руководить выходами в космос. Но что касается всего остального — функционирования самой станции, связи с Землей и так далее, — командование остается за вами.

— Это правильно, Пат, — заметил Элай, переворачивая страницу книги, в которую уже успел углубиться. — Ты капитан корабля, пусть так и будет. Надя — твой первый помощник. Я отвечаю за ядерный двигатель, но моя задача проста: включу его, когда надо будет выйти на орбиту, и потом выключу. После этого я

становлюсь простым такелажником при солнечном генераторе полковника Кузнецова.

— У каждого из нас своя функция, как у муравьев в муравейнике, — заметил Кузнецов. — Патрик с Надей выводят нас на орбиту и следят за нормальной работой всех систем, чтобы экипаж не распрощался с жизнью в условиях враждебной окружающей среды. Я отвечаю за сборку генераторной системы, после чего ее управлением занимается наш главный электрик Григорий.

Сальников кивнул:

— Пока происходит сборка генератора, я устанавливаю на «Прометее» передающую антенну. Мощность на первом этаже будет небольшая, но на питание основной программы хватит. Энергия будет конвертироваться из турбогенераторов в волны частотой 3,3 гигагерца, которые будут направлены в накопители на поверхности Земли. Я не ожидаю особых проблем с этим. Оборудование проверено и работает наилучшим образом.

— Вот и чудесно, — подытожила Коретта. — Все при деле, одна я у вас нахлебница. Единственное, что я могу делать, — таскать ваше тяжелое оборудование. Но должна напомнить, что только одно приспособление не предназначено в принципе для использования в космосе — человеческий организм. Мы будем находиться на орбите, в состоянии невесомости, по меньшей мере месяц, пока не прибудет смена на «Шаттле». Мое дело — следить, чтобы каждый из вас сохранил работоспособность до конца этого периода, а желательно и после него. Чтобы вывести одно человеческое тело — неважно, русское или американское — на орбиту, нужно потратить черт знает сколько миллионов долларов. Поэтому, чем дольше мы продержимся наверху, тем лучше будет для всех. Со всеми жалобами прошу обращаться ко мне. Сочувствие, таблетки аспирина гарантированы вам круглосуточно.

Коретта взяла верный тон. Каждый коротко изложил свои обязанности — это вышло само собой, а доктор Сэмюэл завершила эту процедуру на веселой ноте. Патрик решил, что наступил как раз подходящий момент покончить с официальным тоном. Прежде чем экипаж научится вместе работать, следовало наладить нормальное общение друг с другом.

— Лампочка запрета на алкоголь еще не зажглась, — сказал он. — Насколько мне известно, среди американской части экипажа, а также среди смешанной группы пилотов трезвенников не имеется. А как насчет вас, полковник?

— Я пью только водку, коньяк, пиво, квас и вино. Правда, во

время войны я научился пить немецкий шнапс и шотландское виски.

— Значит, угодить вам будет трудно. А что скажете вы, Григорий?

Светловолосый инженер огляделся по сторонам:

— Со мной проблем не будет. Мне хватит рюмки вина. Хотя вообще-то я пью все что угодно.

— Значит, все алкоголики, — суммировал Патрик. — Позвольте мне, как командиру корабля, откупорить первую бутылку. Это наш национальный американский напиток, солодовый бурбон. Уверен, он вам понравится. А если нет, попробуем что-нибудь другое.

Патрик разлил виски по бокалам и раздал членам экипажа. Надя кивнула, не оборачиваясь, — она о чем-то оживленно беседовала с Григорием. Возможно, он казался ей привлекательным, хотя, на взгляд Патрика, привлекательность эта была довольно унылая, на русский манер. Стоило бы удивляться, что печальный инженер, овдовевший всего месяца два назад, пробуждает в женщине материнский инстинкт? А может быть, и не только материнский. Зачем Надя держит его за руку — чтобы подбодрить или нечто большее? Ну и ради бога — лишь бы на борту была здоровая атмосфера. Какое Патрику дело? Она — пилот, он — командир, а остальное не имеет значения. И все же когда Патрик подливал в бокалы виски, у него перед глазами очень отчетливо возникала та Надя, которую он видел когда-то ночью: обнаженная, с нежной как шелк кожей, с горящими влажными губами. Образ был столь зримым, что Уинтер на секунду замер и с трудом удержался, чтобы не зажмурить глаза. Однако рука, державшая бутылку, не дрогнула. Что было, то было — дело прошлое, значения не имеет. Какой-то миг казалось, что все будет чудесно, но потом что-то разладилось. Патрик не понимал, что именно, да и не хотел понимать. В мире есть другие женщины, в том числе среди членов экипажа. Например, эта неистовая феминистка Коретта была ему гораздо понятнее, чем Надя. Может быть, Киплинг и прав: «Запад есть Запад, Восток есть Восток» и так далее. Проект «Прометей» рожден технологическим сотрудничеством и общей нуждой, а вовсе не страстным желанием американцев и русских жить в одной системе. Элай и полковник совершенно правы: надо держаться техники, она-то уж не подведет. Патрик снова раздал бокалы.

— Послушай, Патрик, — сказал Элай. — Ты знаешь, что кабель повышенной проводимости, который мы сейчас проклады-

ваем на Аляске, создал не кто иной, как наш полковник вместе с Пацаевым?

— Нет, я этого не знал, но тут удивляться нечему. Я вообще почти ничего не знаю о сверхпроводниках.

— Это самое великое открытие в физике после магнитного монополя. Все-таки в ЦРУ работают идиоты. Они составили пятнадцатистраничный доклад о полковнике Кузнецове, включая всякую ерунду — его стаж в коммунистической партии, имя его собаки и так далее. Но ни слова о действительно важном — о работе. И не смотри на меня с видом оскорбленной невинности, Патрик. Неужели ты думаешь, что полковнику не известно про толстенные досье, которые вручила нам служба безопасности на каждого члена экипажа?

— Уж будьте уверены, мы получили на каждого из вас не менее объемистое досье, — подтвердил полковник. Он отпил виски и одобрительно кивнул. — Не водка, конечно, но что-то есть.

— Есть-то есть, — все еще сердито ответил Патрик, однако тут же не выдержал и улыбнулся. — Я уверен, что обе наши службы безопасности отрабатывают свой хлеб честно. И на самом деле все это не имеет никакого значения. «Прометей» — совместный проект, который наши страны затеяли не от хорошей жизни: и вам, и нам нужны новые источники энергии, ведь старые почти иссякли. У нас в Соединенных Штатах надолго отключали электричество в Сиэтле и Сан-Франциско, отчего произошли пожары. У вас не могут собрать урожай, в Сибири недород. Или об этом в ваших газетах не пишут?

— Наша пресса не любит распространять дурные новости, — сухо сказал полковник. — Но полные энтузиазма передачи «Голоса Америки» и Би-би-си держат нас в курсе всех наших бедствий.

Коретта сидела в одиночестве, задумчиво уставившись на свой бокал. Патрик решил, что настал подходящий момент, чтобы наладить с ней отношения.

— Мне хотелось бы кое-что сказать вам по поводу нашей первой встречи, — начал он.

— О чем именно?

Она вовсе не собиралась облегчать ему задачу.

— По-моему, вы неправильно меня поняли.

— По-моему, я правильно вас поняла, майор Уинтер.

— Нам предстоит долгий полет. Зовите меня Патрик.

— Если я буду звать вас Патрик, то вы станете называть меня Коретта, а я к этому пока не готова.

— Не будем ссориться, доктор Сэмюэл. Победителей в этой ссоре не будет. Будут лишь проигравшие. Если станем грызться мы с вами, полет окажется под угрозой и одного из нас придется заменить. Кому от этого будет лучше? Давайте начнем с нуля — как будто мы никогда раньше не виделись, как будто я только что вошел в эту дверь. Тогда бы я сел с вами рядом и сказал, что вы похожи на девчонку, за которой я ухаживал в старших классах. По-моему, это было первое свидание в моей жизни. Не смотрите на меня так недоверчиво, я говорю правду. Я понимаю, с вашей точки зрения, я весьма похож на расиста, но не делайте слишком поспешных выводов. Девушку, в которую я был влюблен, звали Джейн. Она была негритянка — в те времена слово «черная» еще не употребляли. По-моему, у нее была потрясающая фигура, и однажды я пригласил ее покататься, для чего одолжил машину у отца. Мне казалось, что все прошло просто шикарно, в особенности поцелуи на заднем сиденье. Однако, когда я отвез ее домой, Джейн на прощание сказала, что нам не стоит больше встречаться. Представляете, какой это был удар по мужскому самолюбию? Я спросил: неужели я так ей не понравился? Помнится, Джейн снисходительно потрепала меня по щеке и ответила, что выгляжу я неплохо, жаль только, поговорить со мной не о чем. Потом она закончила школу первой ученицей, нахватала ученых степеней, а сейчас преподает социологию в Колумбийском университете. Ее ответ обидел меня не так уж сильно, потому что все-таки она признала, что целоваться я умею, а книжки в то время для меня ничего не значили. Но осадок все же остался.

— Патрик Уинтер, а вы эту историю не придумали?

— Ни в коем случае. Могу показать фотографию в выпускном альбоме. Прямо на подписи Джейн стоит большой красный отпечаток ее губ.

— И она была черная?

— Ну не совсем. Тут я немножко приврал, чтобы к вам подольститься. На самом деле Джейн была чикана, мексиканка. Ее семья приехала в Штаты на заработки. Но какая разница — меньшинство есть меньшинство. Согласны?

Коретта какое-то время сохраняла строгое выражение лица, но потом смягчилась и улыбнулась:

— Знаете, для мужского шовиниста вы, в общем-то, не так ужасны.

— Вы и сами не худший вариант феминистки, которая всю жизнь только тем и занята, что дает отпор фашиствующим мужикам. Давайте выпьем за мир, а также за успех «Прометея».

— Почему бы и нет? — Коретта чокнулась с Патриком, и они выпили. — А при чем здесь успех «Прометея»? Разве в этом есть какие-то сомнения?

— В любом космическом полете есть доля риска. Чем сложнее корабль, тем больше узлов, которые могут выйти из строя. Во время первого полета «Аполлона» на Луну корабль израсходовал 97,5% топлива. И у нас, и у русских случались в полетах разные накладки. А сейчас мы соединили в единый ракетный комплекс шесть самых больших ступеней в истории человечества. Они должны оторваться от Земли все разом и вывести «Прометей» на нижнюю орбиту. Между прочим, последняя ступень, с полезной нагрузкой, тоже превосходит по размеру все предшествующие космические корабли. Итак, сначала мы окажемся на низкой орбите, которая называется «угасающей», потому что, если быстренько с нее не соскочить, мы снова свалимся на Землю; там мы включим ядерный двигатель доктора Брона, который и должен вывести нас на окончательную орбиту. Теперь пару слов об этом двигателе. Теоретически он проверен; на Земле неоднократно испытывались его уменьшенные модели...

— Погодите-ка, дайте я сама догадаюсь. Вы хотите сказать, что в космосе подобный двигатель никогда не испытывался?

— Вот именно. А вы еще спрашиваете, есть ли сомнения в успехе полета. Однако не хочу вас расстраивать. Учтите, что множество людей несколько лет работали только над тем, чтобы фактор риска по возможности свести к нулю. К примеру, гораздо безопаснее находиться в нашем «Прометее», чем пытаться поменять колесо где-нибудь на калифорнийском хайвее. Там средняя продолжительность жизни не превышает 25 секунд — в том случае, если вы занимаетесь колесом со стороны проезжей части.

— Вы здорово меня успокоили. Значит, пока я не на калифорнийском шоссе, могу считать себя в безопасности.

Высокий мужчина в поварском колпаке появился в дверном проеме и сказал по-английски с сильным акцентом:

— Ужин подан.

— Чем кормить будете? — поинтересовался Элай, но лингвистические познания повара были, видимо, истощены, и он в замешательстве скрылся.

— Специально подготовленное меню, — пояснила Надя. — Я поговорила с поваром, он очень горд своей работой. Нам дадут борщ, потом селедку, бефстроганов с лапшой. Ну и, разумеется, икру и водку.

— Пища для русской души, — откомментировала Коретта. —

Если у меня когда-нибудь будет возможность, я покажу вашему шеф-повару настоящую американскую кухню — мясо на ребрышках с капустным салатом. Идемте скорее, а то я умираю от голода.

Глава 8

Коттенхэм-Ньютаун

Для сэра Ричарда Лонсдейла завтрак был лучшим временем дня. А в такую чудесную погоду утренняя трапеза была просто совершенством. Стол поставили у распахнутого окна; по розовому кусту прыгала малиновка, в траве возились дрозды. В воздухе — ни ветерка. Рядом с тарелкой лежал свежий номер «Таймс», в подставочках стояли два яйца всмятку, дымился горячий тост. Сэр Ричард налил себе кофе. За столом он сидел один — терпеть не мог разговаривать с кем-нибудь во время завтрака. Эмили появится перед самым его уходом, не раньше. Прежде чем развернуть газету, Лонсдейл понаслаждался последним мигом покоя, пока неугомонный мир еще не успел его нарушить.

Ричард Лонсдейл был директором компании «Фармацевтические химикаты». Эта работа давала ему отличную зарплату, а кроме того, еще кое-какие приятные привилегии. Бумаги, которые он захватил с собой, были все просмотрены и уже лежали в «дипломате» вместе с письмами, которые предстояло перепечатать секретарше. Скоро начнется рабочий день, полный новых проблем. Сэр Ричард аккуратно отрезал верхушечку первого яйца, чуть-чуть посолил и поперчил, зачерпнул ложечкой. В самый раз. Потом взглянул на заголовки в «Таймс», и день начался.

Новости делового мира, как всегда, были удручающими, поэтому он оставил их на потом: прочтет в автомобиле. Мало хорошего происходило на Ближнем Востоке, в Испании, в Корее. «ПРОЕКТУ «ПРОМЕТЕЙ» ПРЕДСКАЗЫВАЮТ НЕУДАЧУ». Вот это то, что надо: зловещее карканье ученых способно разогреть кровь. Одни ученые что-то изобретают, другие предсказывают, что изобретение первых погубит мир, разрушит окружающую среду и заразит все человечество раком. К сожалению, вторые, как правило, оказываются правы. Он как раз сворачивал газету, когда в столовую вошла его супруга, облаченная в длинный, до пола, халат.

— Доброе утро, милый, — сказала Эмили, рассеянно чмокнув сэра Ричарда в лоб. — Не забудь, что к нам на ужин приглашены

иностранные гости. Не опаздывай. Ты сам назначил эту встречу еще на прошлой неделе, помнишь? У тебя осталось немного кофе? Я бы выпила. Какой кошмар! Ты посмотри на этот заголовок. Я знаю, что газетчики преувеличивают, но звучит просто пугающе. Неужели возможны землетрясения?

— Дорогая, это произойдет в России. К тому же *если* ракета взорвется да еще *если* обстановка действительно окажется сейсмоопасной.

— А как же все остальные ужасные вещи — «лучи смерти» и прочее?

— Уверяю тебя, дорогая, что бы ни случилось с «Прометеем», на нас это никоим образом не отразится. Ну а теперь мне пора.

«Роллс-Ройс» уже ждал у подъезда, ибо сэр Ричард всегда выходил из дома в 8.15. Шофер как раз смахивал невидимую пылинку с черного капота. Просияв улыбкой, он распахнул дверцу перед директором.

— Чудесный денек, сэр. Погода просто коллекционная, как говаривала моя мамаша.

— Ваша мамаша была совершенно права, Эндрю. Такого лета у нас не было с 75-го года.

Автомобиль мягко покатил по аллее, похрустывая гравием. Утренняя поездка всегда была очень приятной, несмотря на то что машина принадлежала не сэру Ричарду, да и Эндрю был служащим «Фармацевтических химикатов». Окошко было открыто, по третьей программе радио передавали струнное трио Баха. Утро и в самом деле выдалось восхитительное. Сэр Ричард даже решил сегодня не читать деловых новостей. Они могут подождать, а погода ждать не будет. До завода было десять миль — пятнадцать минут быстрой езды, главным образом по проселочным дорогам. Можно было бы поехать по автостраде, получилось бы на милю длиннее, но по времени гораздо быстрее. Однако сэр Ричард никогда этой дорогой не пользовался. Ему и так целый день предстояло находиться среди суеты современного мира — большие скорости, телефонные звонки и все такое прочее. Чем дольше утром длится очарование деревенского покоя, тем лучше. Мимо проплывали сложенные из неотесанных камней стены, зеленые луга, на которых паслись коровы, стада овец. Ягнята уже подросли и больше не выглядели такими очаровашками. Лесистый пригорок, за ним сельскохозяйственные постройки, потом горбатые, покрытые брусчаткой улочки деревни Драй-Этертон. Магазины уже открывались, и в дверях «Коричневой коровы», как всегда, торчал Гарри Мур, лениво ковыряя в зубах спичкой. Он

помахал «Роллс-Ройсу» рукой — этакий добродушный трактирщик. Сэр Ричард ответил на приветствие. В «Коричневой корове» чудесно готовили бифштекс и пудинг с говяжьими почками. Давненько Лонсдейл не навещал это заведение. Может быть, в воскресенье получится?

Дорога выпрямилась и пошла вверх, на известняковые холмы, высившиеся за городком. Вокруг были поля и фермы, как бы рассеченные автострадой, из-за которой и выросли здесь районы новостроек. Потом показался сам город. Сэр Ричард знал, что прямо в центре еще сохранился кусок старой деревни, но отсюда его видно не было. Многоэтажные башни домов выстроились длинными шеренгами, похожими на пчелиные соты.

За жилыми домами располагались приземистые белые корпуса завода. В отличие от новостроек они довольно гармонично вписывались в ландшафт и были по-своему даже красивы. Дорога описала дугу вокруг территории завода; небо заслонили огромные цистерны с химикатами, выкрашенные в оранжевый цвет. Поначалу эти яркие пятна очень раздражали Лонсдейла, но потом он обнаружил, что оранжевый цвет куда веселее, чем серостальная окраска, нагоняющая тоску.

Охранник у завода приветливо отсалютовал директорской машине — можно сказать, просто помахал рукой, — и «Роллс-Ройс» медленно подъехал к главному входу.

— Как обычно, сэр? — спросил Эндрю.

— Точнее, как положено: в полшестого. Мне редко удается уехать так рано, но я торжественно поклялся жене, что вернусь вовремя. Если в полшестого меня не будет, позвоните мне в кабинет и напомните.

— Да, сэр. Хорошего вам дня.

— Спасибо, вам того же. И одна просьба, Эндрю: поменьше налегайте на виски из автомобильного бара. Бутылки пустеют так быстро, что я уже начинаю это замечать.

Лонсдейл распахнул стеклянную дверь и вошел в здание. Начинался самый обычный рабочий день.

Глава 9

— Начать отсчет предстартовой готовности, — приказал Самсон Клетеник.

Цифры на табло в зале Центра управления полетом ожили — там было уже не 95:00, а 94:59.

Сотрудники на всех столах зашелестели толстыми томами ру-

ководства по предстартовой подготовке, открыв их на первой странице. Тома были вдвое толще, чем обычно, потому что на сей раз текст оказался вдвое длиннее: с одной стороны страницы — колонка по-русски, с другой стороны — по-английски. Несмотря на разделение труда — советские техники отвечали за топливные системы, двигатели, насосы и вспомогательное оборудование, а американцы ведали аппаратурой пульта управления и компьютерными системами, — в ракетном комплексе имелись и узлы совместного контролирования, которые нельзя было отнести ни к ступени с полезной нагрузкой, ни к ускорителям. В этих случаях были созданы смешанные группы: нередко у одного и того же пульта сидели русский и американец, следя за работой друг друга и всегда готовые друг друга подстраховать. Проект «Прометей» готовился так долго, что даже самые лингвистически неодаренные специалисты с обеих сторон успели выучить язык партнера. Теоретически все техники и инженеры в Центре управления полетом должны были владеть и русским, и английским. Возможно, они не смогли бы вести застольную беседу на чужом языке, но ракетной и компьютерной терминологией владели в совершенстве. Во всяком случае, для совместной работы этого было достаточно. И, как показало время, не только для работы: сначала одна русская сотрудница была вынуждена покинуть космодром из-за явственно развивающейся беременности. Потом руководство получило семь заявлений на заключение смешанных браков. Решение этих вопросов было отложено на потом, когда «Прометей» будет благополучно выведен на орбиту. Главное — не сорвать подготовку.

Самсон Клетеник отвечал за управление стартом. Это был долговязый, длиннорукий мужчина, нескорый на слова, зато очень быстро соображавший. Он почти никогда не улыбался — особых причин для веселья как-то не находил. Несколько лет планирования и сборки корабля позади, близился финал. Со своего пульта Клетеник управлял всеми функциями сложнейшего стартового комплекса. Он отвечал здесь за все. Не располагало к благодушию и то, что, как ему было известно, каждый его шаг контролируется Флэксом и прочими сотрудниками Центра управления полетом, находящимися за много тысяч миль отсюда, в Хьюстоне. Как только корабль оторвется от Земли, вся ответственность за полет переходит к ним. Но это будет еще не скоро. Пока же вся полнота ответственности на Клетенике; вот почему он так аккуратно и сосредоточенно нажимает на кнопки,

разговаривает со всеми тихим и ровным голосом, сохраняет спокойный и невозмутимый вид.

Флэкс, вернувшийся в Центр управления полетом в Хьюстоне, не мог похвастать ни спокойствием, ни невозмутимостью. Расслабиться он может потом, когда все будет позади. Правда, во время радиосеансов связи голос его звучал подчеркнуто спокойно, но того требовали правила игры. На самом же деле по мере приближения старта Флэкс нервничал все больше и больше. Он то следил по телевизору за суматохой, царившей в Центре управления, то переводил взгляд на своих подчиненных, бездельничавших возле пультов. Они могли себе это позволить — но не он. Флэкс почувствовал, как внутри у него все сжимается от боли. Он знал, что эта боль не оставит его до тех пор, пока полет не закончится. Потом астронавтов ждут церемониальные встречи и президентские рукопожатия, а Флэкс тихо выскользнет через черный ход и вскоре окажется в военном госпитале в Бетесде, в отдельной палате. Доктора будут цокать языком, пытаясь вытащить Флэкса из критического состояния, пока язва двенадцатиперстной кишки у него не достигла стадии прободения. И дело не в бесконечном курении сигар, бесчисленных чашках кофе, недоеденных сандвичах и недосыпании — виноваты прежде всего нервы. За неделю в госпитале Флэкс обычно терял пятнадцать фунтов веса. Жидкая диета была невыразимо скучна, а таблетки, которыми его пичкали, чтобы он не скучал по сигаретам, выпивке и кофе, нагоняли сонливость. Потом Флэкс выходил из госпиталя и еще месяц, а то и два не мог очухаться. То есть вернуться к нормальной жизни и вовсю наслаждаться омарами, шампанским, гаванскими сигарами и прочими вещами, которые делали жизнь приятной.

Сейчас нервный узел у него внутри еще только начинал скручиваться. Это было пока лишь предчувствием боли, которая вскоре будет жечь огнем и заставит Флэкса глотать лекарство галлонами. А ведь пока ничего плохого не происходило. Но обязательно произойдет, как всегда. Ожидание неприятностей было хуже самих неприятностей. Сможет ли Центр управления стартом справиться со своей задачей? Приказ об отсчете предстартовой готовности, а также оживление, начавшееся в ведомстве Клетеника, чуть ослабили напряжение. Флэксу стало немного легче.

— Нет давления в гелиевой системе. Нет давления в четвертом, нужно спустить тридцать первый на семь делений...

— Приостановить отсчет? — спросил Клетеник.

— Не стоит. Пока не нужно. У нас есть десять минут, чтобы разобраться.

— Держите меня в курсе, а если я буду занят чем-то другим, в любом случае известите меня о результате в течение девяти минут.

— Роджер. *Очень о'кей!*

Американское выражение «супер о'кей» превратилось в «очень о'кей». «Так создается новый комбинированный язык космической эры», — подумал Флэкс, молча следивший за происходящим на экране. А многие американцы вместо «Роджер» стали говорить по-русски «вас понял». Неплохая идея — мирное сосуществование в сегодняшнем мире. Земле очень не помешал бы мир — в особенности в Африке, где до сих пор шла кровавая бойня.

Задерживать заправку топливом смысла не имело. Сработал байпас, неисправный клапан заменили. Но это была мелочь, одна из прогнозируемых неприятностей. Время, отведенное для предстартовой готовности, предусматривало устранение мелких неприятностей. Если же произойдет что-нибудь посерьезнее, то часы будут остановлены и процесс подготовки продолжится, пока возникшую проблему не разрешат. Однако таких задержек не может быть слишком много, и они не должны затягиваться — многочисленные сложные системы, составляющие ракетный комплекс, нельзя вечно держать в состоянии полной готовности. Некоторые из них рассчитаны на функционирование в течение всего нескольких дней, а то и часов. Кроме того, от криогенного топлива можно было ожидать любых сюрпризов. Если задержек окажется слишком много, весь полет может сорваться. Это означало бы, что пройдут месяцы, прежде чем «Прометей» сможет снова оказаться на стартовой площадке. О таком не хотелось и думать. Настоящему моменту предшествовали годы работы; на карту были поставлены репутации двух государств. За подготовкой к взлету следили руководители обеих стран, да и все человечество. Это на него, на Флэкса, они сейчас смотрят. Нервный узел затянулся еще туже.

На пульте зажегся красный огонек — один из многих тысяч. Защелкали переключатели, потом раздался телефонный звонок; Клетеника вызывали на связь.

— У нас на двадцать седьмом проблема. Требуется ваше присутствие.

Больше всего Клетеника встревожила нарочито спокойная интонация, с которой это было сказано, — напускное спокойствие означает, что человек очень взволнован. Клетеник тоже начал нервничать. Он снял наушники и быстро направился к двадцать седьмому пульту.

Тем временем в изоляторе Патрик с помощью Брона натягивал скафандр. До выхода на орбиту, когда придется собирать солнечный коллектор, костюм ему не понадобится. «Прометей» проектировался как космическая станция, предназначенная для длительного использования, а это означало, что внутри поддерживалось нормальное давление и экипаж мог находиться в корабле в своей обычной одежде. Но у Патрика со скафандром были кое-какие проблемы. У каждого астронавта скафандр изготавливался индивидуально. Даже не один, а два — первый полагалось опробовать на стадии тренировки. Второй же предназначался для работы в космосе; скафандры были идентичными: несколько слоев ткани и резины, сшитых и склеенных с особым тщанием. Костюм должен был обеспечить гибкость движений и в то же время обладать невероятной прочностью, чтобы выдерживать давление, — иначе астронавт погибнет. Иными словами, скафандру полагалась сгибаться в суставах, но во всех прочих местах быть крепче брони. В результате приходилось довольствоваться компромиссом, а компромиссы всегда далеки от совершенства. Костюм где-то жал, где-то натирал, поэтому постоянно требовалось его подправлять. Патрик трижды отправлял свой скафандр на доработку, потому что в плечо ему каждый раз впивался кусок металла. Патрик надеялся, что на сей раз все будет в порядке. Если нет — еще есть время исправить недоделку.

Сначала нужно надеть тонкое хлопчатобумажное белье, чтобы не раздражать кожу. Затем следует унизительная, но совершенно необходимая процедура — прикрепление желтого пластикового мешочка для мочи. В космосе не отлучишься на пять минут в туалет. Элай поднес к глазам мешочек и восхищенно посмотрел на него.

— Какое дивное изобретение, — сказал он. — Символ покорения космоса мужчиной.

— Это все же лучше, чем женский символ. Катетер, по-моему, куда хуже.

— Значит, не ворчи и спокойненько натягивай это резиновое колечко на свою штуковину. Размер подогнан в самый раз. Вот, казалось бы, век науки, а человек все стремится к единообразию. Мужчины бывают такими разными — от пигмеев в три фута ростом до семифутовых скандинавов, — однако жизненно важный орган, судя по всему, встречается всего трех размеров. Малень-

кий, средний и большой. Во всяком случае, к мешочку приложены всего три резиновых кольца.

— Это называется не так: «большой», «огромный», «невероятный». Нельзя травмировать мужское эго. Однако, когда подбираешь размер, смотри, чтобы эго не сыграло с тобой дурную шутку. Если выберешь слишком большое колечко, произойдет утечка — астронавты называют ее «подмоченной репутацией». Это не очень-то приятно.

— Да, меня предупреждали. Дай-ка я помогу тебе натянуть скафандр.

Астронавт, надевающий скафандр, больше всего похож на змею, пытающуюся влезть обратно в скинутую шкуру. Патрик с трудом втиснул ноги в штанины, обтянутые изнутри нейлоном. Затем пришлось согнуться пополам, чтобы просунуть руки в рукава, а голову в шейное кольцо. Элай сзади подтолкнул его, и голова Патрика с трудом пролезла в отверстие.

— Спасибо, — задыхаясь, сказал Патрик. — Ты мне всю кожу с шеи содрал.

— А надо было оставаться летчиком-испытателем и не рыпаться. Зачем тебе понадобилось отдавать себя на службу прогрессу?

— Застегни «молнию» на спине, пожалуйста.

Перчатки Уинтер надевать не стал — ему и без того было смертельно жарко. Он встал, походил по комнате, помахал руками.

— Вроде бы нормально. Дай-ка наклонюсь.

Внезапно Патрик почувствовал неладное. Сработал инстинкт. Он поднял глаза и увидел, что стартовые часы, висевшие на стене комнаты, остановились на 83:22.

— Задержка, — сказал он. — Выясни, что там стряслось, а я пока вылезу из этой штуки.

Когда Патрик вошел в гостиную, там уже собрался весь экипаж. Надя как раз вешала телефонную трубку.

— Они еще не обнаружили, где неисправность, — сообщила она. — Однако подача топлива прекращена.

— Это может быть опасно, если цистерны уже частично наполнены, — заметил Патрик.

Задержка продолжалась почти пять часов. Один лишь Элай, казалось, был совершенно не обеспокоен случившимся: он углубился в книжку с шахматными задачами, работая над какой-то партией. Вначале он попробовал сыграть с полковником Кузнецовым, но игры не получилось, потому что полковник без конца оглядывался на застывшие часы. На них по-прежнему значилось

83:22. Всего двенадцать часов прошло с начала отсчета, и вот такая длительная задержка.

Зазвонил телефон, и в ту же секунду часы ожили.

— Да, — сказал в трубку Патрик. — Мы видим. Хорошо. Будем надеяться, что так пойдет и дальше.

Следующий день и день после этого все действительно было нормально. Потом наступил третий день, и пришла пора отправляться на корабль.

— Знаете, — сказала Коретта, нервно сцепляя руки. — Одно дело говорить, что ты совершишь нечто, и совсем другое — чувствовать, что момент настал. Патрик, вы уверены, что мне нельзя чуть-чуть выпить?

— Ни в коем случае. Пилоту реактивного корабля запрещается принимать алкоголь в течение двадцати четырех часов перед вылетом. Астронавту — за сорок восемь часов. Космический полет — штука серьезная.

— Но ведь вести корабль будете вы с Надей. А мы, остальные, вроде пассажиров.

— Извините, но вы не пассажиры. Вы — экипаж. Я надеюсь, что не возникнет ситуации, в которой нам понадобится ваша помощь. Но все может быть. Так что расслабьтесь и думайте о чем-нибудь приятном.

Патрик взял ее за руки, желая подбодрить. Коретта явно была испугана, они оба понимали это, как понимали и то, что ей придется непременно справиться со своим страхом. За ними сейчас наблюдал весь мир. Весь мир следил за часами, отсчитывавшими минуты в Центре управления стартом. Как только астронавты выйдут из карантина, на них будут направлены все теле- и фотокамеры. Прикосновение Уинтера немного успокоило Коретту, она чуть-чуть прислонилась головой к его груди. Ее волосы слегка пахли духами, и Патрик с трудом удержался, чтобы не погладить Коретту по голове.

— Духи стерильны? — спросил он.

Коретта подняла голову и улыбнулась:

— Вы умеете поднять девушке настроение, Патрик. Когда мы вернемся с нашей увеселительной прогулки, я хотела бы познакомиться с вами поближе.

— Договорились.

Он поцеловал ее, и это было обещанием, которое оба поняли без слов.

В дверях стояла Надя.

— Пора, — сказала она. — Нас ждут.

Лицо ее было невозмутимо, голос спокоен.

— Идем, — откликнулся Патрик столь же невозмутимо, продолжая обнимать Коретту. Надя отвернулась и вышла.

— Вы с Надей не очень подходите друг другу, — заметила Коретта, причесываясь перед зеркалом. Она совершенно успокоилась, момент паники миновал. Докторам не положено выказывать своих эмоций. Их с самого начала учат никогда не терять уверенного вида, заменяющего им доспехи. Коретта вполне владела этим искусством, но поддержка Патрика пришлась кстати, и девушка была ему за это благодарна.

— Ничего, работается вместе нам неплохо, — ответил Патрик, вытер губы платком и улыбнулся — на ткани осталась помада. — Насколько сейчас в НАСА стало веселее, по сравнению со временем, когда здесь работали одни мужчины.

— По-моему, майор, вы слишком возбудимы. Я дам вам успокоительного. Вот здесь на губах еще помада осталась. Ну ладно, идемте.

И вот все члены экипажа собрались вместе, облаченные в серебристые костюмы. Русские и американцы пошли на компромисс: первые отказались от своего обычного красного цвета, а вторые от синего. Сошлись на серебряном, символизировавшем огромные серебристые крылья, которые «Прометею» предстояло раскрыть в космосе. У каждого на груди слева была эмблема «Прометея-1»: черный круг, обозначавший космическое пространство, и серебряное зеркальце в центре, изображавшее солнечный генератор. Слева от эмблемы располагалась красная звезда, справа — звездно-полосатый флаг. (Красной звезде, разумеется, и полагалось находиться слева, хотя один из читателей газеты «Таймс» справедливо указал, что в геральдике левая сторона соответствует правой.)

Элай стоял на стуле и настраивал фокусировку телевизионной принимающей камеры. Кузнецов сидел перед экраном и разговаривал с кем-то из техперсонала.

— Чуть-чуть повыше, — говорил тот. — А две крайние книжки сдвиньте немного вправо. Вот так, просто замечательно.

Патрик посмотрел, как Надя раскладывает по полу книги, и удивленно поднял брови.

— Могу я спросить, — ответил Элай, слезая со стула. — Кто-то там наверху решил, что наш моральный дух сильно поднимется, если господа Б. и П. проведут с нами личную беседу перед стартом. Через пару минут историческая беседа состоится.

— Надеюсь, они явятся к нам не во плоти?

— Упаси боже. Бэндин в Вашингтоне, Полярный в Кремле. Небольшое злоупотребление достижениями науки позволит всем нам обменяться парой слов. Ладно, пора строиться.

Книгами на полу были обозначены места, где полагалось стоять членам экипажа. Стараясь не раздражаться, астронавты выстроились в ряд. Им пришлось притиснуться поближе друг к другу, чтобы все попали в кадр.

— Минуточку, — попросил оператор, и вместо его нервного лица на экране, разделенном вертикальной чертой на две части, появились Бэндин и советский премьер.

— Это поистине великий момент в истории человечества, — начал Бэндин. Полярный произнес по-русски примерно то же самое. Патрик кивнул головой и постарался придать своему лицу умное выражение. Он все время помнил, что рядом с ним застыли в нелепых позах его товарищи, и не мог отделаться от мысли, что все вместе они похожи на шеренгу игрушечных мишек, обернутых в серебристую фольгу. Полярный открыл было рот, чтобы еще что-то сказать, но американский президент его опередил:

— Когда я говорю о великом моменте в истории человечества, это не просто красивая фраза. Ваш полет — победа науки, плод тяжкого труда, неимоверных усилий всех мужчин и женщин, граждан наших великих народов, которые участвовали в проекте «Прометей» и достойно доведут свое дело до конца. Но еще в большей степени это победа всего человечества. Я бы хотел повторить слова Нила Армстронга, первого человека, ступившего на поверхность Луны: «Это большой шаг для всего человечества».

— Совершенно с вами согласен, мистер президент, — включился в разговор Полярный, когда Бэндин неосторожно сделал паузу, чтобы набрать воздуху. — Эпоха великих свершений в космосе началась с того дня, когда Юрий Гагарин впервые поднялся на околоземную орбиту.

— Да, конечно, совершенно с вами согласен. — Счет выровнялся, один-один. — Человечество находится сегодня на пороге великой новой эры, которая начнется, когда «Прометей» продолжит огненный путь с небес на Землю, дав человечеству доступ к неиссякаемому источнику энергии. Мы не будем больше зависеть от постоянно истощающегося запаса минерального топлива, а это значит, что человечество покончит с эпохой подозрительности и недоверия. На Земле наступит мир и всеобщее процветание.

Оба государственных руководителя говорили еще долго, и

Патрик незаметно переступил с ноги на ногу, чтобы не затекли мускулы или, не дай боже, не начать клевать носом. Над телеэкраном висели стартовые часы, и Уинтер почувствовал неимоверное облегчение, когда на них появились заветные цифры 02:00. Тут Патрик решительно шагнул вперед, кивнул обоим лидерам и сказал:

— Благодарю вас, мистер президент. *Бальшоя спа-си-бо, това-ришч пре-зи-дьент.* После беседы с вами наша решимость еще больше окрепла, и от имени всего экипажа я приношу вам нашу благодарность. Однако отсчет предстартовой готовности достиг момента, когда нам пора отправляться на корабль. Так что спасибо вам и всего хорошего.

Он вышел из кадра, и остальные астронавты, стараясь не слишком явно спешить, последовали за Патриком. Сеанс телесвязи закончился, и Кузнецов облегченно зевнул:

— Боже мой! Какие зануды все эти политики. Я полагаю, что это неизбежное зло, но с меня хватит.

Элай кивнул:

— Ни одного политика еще не застрелили за то, чего он не говорил. Поэтому стараются избегать определенности в высказываниях и добиваются успеха у избирателей за счет своего шарма, имиджа, рекламы и так далее.

— Ладно, поболтаем после, — прервал его Патрик. — Герметический трап, наверное, уже подогнан. Прошу все личные вещи сложить в пластиковые мешки. Не забудьте все вынуть из карманов. Не пытайтесь пронести на корабль бутерброды с ветчиной, почтовые марки, коллекционные конверты, а также портреты папы римского или Ленина. Никакого багажа. Таков был уговор с самого начала, так что давайте его не нарушать.

— Советские люди лишены капиталистического инстинкта заколачивать деньги, — улыбнулся Кузнецов, — поэтому с нашей стороны возражений не будет. Но, сколько мне помнится, коекакая компенсация за бескорыстие нам все же полагается?

— Само собой, — кивнул Элай. — Экипажу выданы триста конвертов с марками для погашения в первый день полета. У нас есть штамп, и мы проведем эту операцию, как только окажемся в космосе. Каждому из нас достанется по пятьдесят конвертов, которые мы имеем право оставить себе на память, подарить кому-нибудь или продать. Хотя прибыль от продажи скорее всего уйдет на выплату налогов.

Патрик внимательно осмотрел прозрачный пластиковый мешок, в который каждый из астронавтов сложил свои личные вещи. Ничего недозволенного там не было. Тогда Уинтер взглянул на часы:

— Все, пора. Пошли.

Он пожал руку повару и двум горничным, обслуживавшим их во время пребывания в карантине, и первым направился к выходу.

— Я вернусь, чтобы еще поесть твоих картофельных оладий, Иван, — сказал он на прощание повару на ломаном русском.

— Да я к вашему приземлению целый таз напеку, майор! — отозвался тот.

Над выходом зажегся зеленый огонек. Патрик повернул колесо герметического замка, и раздалось негромкое шипение — уровень давления внутри и снаружи сравнялся. Карантинное здание было полностью изолировано от внешнего мира, чтобы космонавты перед полетом не простудились и не получили какой-нибудь инфекции. Вся пища и вода, которыми они пользовались, были заготовлены заранее. Воздух поступал через сложную систему фильтров, а давление в карантине специально поддерживалось более высокое, чем снаружи, чтобы в случае утечки воздух не поступал внутрь, а вырывался во внешнюю среду. Процедура переезда из карантина на корабль была столь же строгой.

Когда массивная дверь отъехала, астронавты увидели еще одну, точно такую же. Она еще не успела высохнуть от разбрызганного по ее поверхности дезинфектанта. Патрик открыл и вторую дверь, после чего экипаж вошел в камеру герметического транспортера. Это был огромный ящик, установленный в кузове мощного грузовика.

В карантинном здании окон не имелось, чтобы космонавты психологически подготовились к предстоящему «закупоренному» существованию в космосе. Они разговаривали с внешним миром по телефону (чаще всего обсуждались технические вопросы), звонили домой, близким, но, находясь в изоляции, совершенно забыли, как много людей работает над проектом «Прометей», а также о том, что весь мир с интересом следит за подготовкой к полету.

В транспортере были большие окна, члены экипажа увидели, что вокруг собралось огромное множество людей. Они кричали, махали руками, толкались, чтобы хоть одним глазком увидеть астронавтов. В переднем ряду расположились фоторепортеры, отчаянно щелкавшие аппаратами и с трудом удерживавшие свои выигрышные места. Сквозь стекло и плотные стены транспортера доносился приглушенный гул. Солдаты расчищали в толпе дорогу для грузовика, который медленно катился по направлению

к ракетному комплексу. Члены экипажа тоже махали толпе, на время утратив дар речи — они вдруг остро осознали смысл происходящего.

Настал *тот самый день.*

Великий день.

Грузовик неспешно завернул за угол и двинулся от лабораторного комплекса по направлению к «Прометею». Из вентиляционных отверстий ракеты вырывались белые облачка пара; на металлическом фюзеляже посверкивали солнечные блики. «Прометей» по-прежнему больше напоминал небоскреб, чем летательный аппарат. Диаметр фундамента ракеты был не меньше ста пятидесяти футов; высота — четыреста пятьдесят. На головокружительной вышине, над пулеобразными ускорителями, вознесся стройный силуэт собственно корабля, наконец освободившегося от сборочного каркаса. Из всех сооружений и временных построек рядом осталась лишь стартовая башня, соединенная с кораблем и ускорителями поворотными механизмами и манипуляторами.

Транспортер приблизился вплотную к основанию ракеты и затормозил. Кузов накренился, и герметическая камера плавно съехала на платформу лифта, сразу же закрепленная фиксаторами. Легкий толчок — и лифт неспешно пополз вверх.

— Меня немножко трясет, — призналась Коретта.

— Меня тоже, — сказал ей Элай. — Все нервничают — а как же иначе? — За окном бесконечной металлической стеной проплыли ступени корабля. — Уверен, что даже у наших несгибаемых пилотов поджилки трясутся. Так или не так, Надя?

— Конечно. Только дураки не ведают страха. Но на самом деле хуже всего ожидание. Когда полет уже начался, сразу наваливается столько дел, что не остается времени ни для беспокойства, ни для страха.

Еще один толчок — и лифт остановился. Экипаж прибыл на место. Рабочие покатили камеру вперед. Один из них энергично замахал руками и показал куда-то вверх.

— Что он пытается нам сказать? — обеспокоенно спросил Патрик.

— По-моему, они изображают, что нажимают какие-то кнопки и с кем-то говорят, — предположил Элай. — Минуточку, он что-то пишет на листе бумаги.

Транспортер уперся в фюзеляж космического корабля. Техник поднес к стеклу листок, на котором было написано «Вас вызывают по радио». Патрик кивнул.

— Что там у них стряслось? — озадаченно спросила Надя.

Патрик пожал плечами:

— Кто их знает. Ступим на борт, сразу же свяжемся с ними. А вот и лампочка зажглась.

Зеленый огонек означал, что дверь можно открывать. Сразу за ней оказался влажный металлический борт «Прометея». Патрик открыл крышку контрольного пульта, нажал кнопку и отступил назад — люк корабля медленно распахнулся вовне. Пригнувшись, Уинтер шагнул первым.

— Надя, — попросил он, — когда все войдут, закрой люк. А я включу радио.

Он лег на пилотскую кушетку и нажал кнопку приемника.

— ...вторяю. Клетеник вызывает «Прометей». Вы меня слышите? «Прометей», отзовитесь. Повторяю...

— Алло, Центр управления стартом, «Прометей» вас слушает.

— Майор Уинтер, у нас возникли кое-какие осложнения. Я сейчас обсуждаю эту проблему с руководством и Центром управления полетом в Хьюстоне. Они хотят с вами поговорить. Соединяю вас.

— Валяйте, — спокойно ответил Патрик, ничем не выказывая пронзившего его чувства тревоги. — Центр, вы меня слышите?

— Слышим, Патрик, и очень хорошо. Послушай... У меня не очень хорошие новости. Я поговорил с Клетеником и только что разговаривал с Белым домом.

— В чем дело, Флэкс?

— Неприятность. Нужна еще одна задержка, причем длинная. Я боюсь, у нас не хватит времени. Сдается мне, что придется отменить взлет, перенести его на другое время.

Глава 10

— Скажи, чтобы он немедленно отправлялся ко мне! Живее!

Бэндин яростно швырнул трубку телефона и потянулся за чашкой кофе. Вечер он провел в России, рассвет встретил над Англией; за целые сутки спал не более часа. Он закутался в купальный халат и отхлебнул кофе. Черный, холодный как лед.

— Люси! — заорал он, но вспомнил, что помещение звукоизолировано. Тогда президент нажал на кнопку интеркома и услышал голос жены:

— Да?

— Кофе. Принеси мне кофе, черт бы тебя побрал!

Он отключился прежде, чем она успела ответить. Вообще-то

кофе президенту могли бы подать и слуги, но он привык, чтобы утром кофе приносила именно Люси. Бэндин ни разу не спрашивал жену, нравится ей это или нет. В его привычки вообще не входило задавать людям подобный вопрос. Он считал само собой разумеющимся, что если проснулся он, то не спит и Люси. Она должна вставать даже раньше, чтобы успеть сварить кофе. Вошла Люси — бледная, стареющая кукла Барби. Президент взял кофейник без единого слова благодарности и налил себе полную чашку. Потом плюхнул туда четыре ложки сахара.

— Еще чего-нибудь хочешь? — шепотом спросила Люси.

Бэндин отрицательно покачал головой и даже не заметил, как она удалилась. Интерком тихонечко пискнул и голосом Чарли Драгони сообщил, что в приемной находится Саймон Дилуотер.

— Пусть войдет.

Бэндин отхлебнул горячего кофе и с нетерпением уставился на закрытую дверь. В комнате было тепло, но президент так устал, что никак не мог согреться. Он завернулся в халат еще туже.

В дверь негромко постучали, и вошел Саймон Дилуотер. Он был очень высокого роста, худой, весьма представительный, чему способствовали пышные седины. В каждом жесте Дилуотера чувствовалась уверенность и респектабельность: хорошая семья, обучение в дорогой частной школе, Гарвард, а за всем этим — очень большие деньги, которые Дилуотер не смог бы истратить, проживи он на свете хоть двести лет. Бэндин с завистью подумал, что этому человеку все в жизни досталось легко, на золотом подносе. Интересно, как бы он выглядел, доведись ему родиться сыном канзасского аптекаря, учиться в захолустном церковном колледже, а потом всеми правдами и неправдами пробиваться на самый верх партийной иерархии? Бессмысленный вопрос — Дилуотер таков, каков он есть. Хоть Бэндин и не признавался себе в этом, но завидовал ему.

— Дилуотер! Какого черта! Что там у вас еще стряслось?

— Задержка старта «Прометея», господин президент. Я полагал...

— Это я полагал, что вы присмотрите за лавкой, пока хозяин спит! Вы-то, поди, спокойно дрыхли, пока я препирался с этим сукиным сыном Полярным.

— Мне очень жаль, что вы не выспались, господин президент. Однако все, кто имеет отношение к проекту, не спали уже несколько дней. Я бы справился с этой проблемой сам, уверяю вас,

если бы она была обычной, но, увы. Поэтому, следуя вашим собственным инструкциям, я немедленно приказал вас разбудить.

— Ну ладно. Так что случилось?

— Серьезная задержка. Технические подробности...

— Подождут. Скажите, сколько это может продлиться?

— По меньшей мере четыре часа.

— Ну и?

— Специалисты говорят, что через три часа система дестабилизируется и возникнет опасность механических неисправностей, вызванных нестойкостью криогенного топлива.

Бэндин шумно отхлебнул кофе.

— Пусть разбираются сами. Они умные ребята, им любая проблема по плечу. Во всяком случае, в этом меня уверяют уже не первый год.

— На этот раз опасность слишком велика, мистер президент. Ученые предлагают отменить взлет и перенести его...

— Нет! Это исключено, черт побери! Они что там, с ума посходили?! За нами наблюдает весь мир. Мы столько всего наобещали, что не имеем права уходить в кусты. Да мне просто яйца оторвут! И так лоббисты, газеты и этот проклятый конгресс все уши прожужжали публике про затраты времени и денег в связи с проектом. Этот железный горшок должен немедленно отправляться в космос. Мне наплевать, сколько они там добудут энергии. Пусть хоть на стосвечовую лампочку хватит. Проект мне нужен. Позарез. Поэтому взлет отменен не будет. Это мое последнее слово.

— Но опасность...

— Все мы смертны. Астронавты знали, какую профессию себе выбирают. Поэтому уверен, что они согласятся с моим решением. И готов спорить на что угодно: в данном случае Полярный будет со мной заодно.

Тут как раз зазвонил телефон. Бэндин взял трубку, хмыкнул и тут же положил ее обратно на аппарат.

— Я же вам говорил. Москва вызывает на связь. Не уходите, — приказал он Дилуотеру, который попятился было к двери. — Я хочу, чтобы вы присутствовали при этом историческом разговоре. Пусть люди знают, что два великих государства придерживались единого мнения по данному поводу.

Бэндин снял трубку с красного телефона, вытирая платком пот со лба. Ему уже не было холодно.

Глава 11

Коттенхэм-Ньютаун

Айрин Льюис очень волновалась. Она неуверенно разглядывала витрину магазина, украшенную золотыми буквами: САМЫЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ НА МЯСНЫЕ ПРОДУКТЫ ВО ВСЕМ КОТТЕНХЭМ-НЬЮТАУНЕ. Как бы не так! Цены были просто ужасными, вырезка стоила просто фантастические деньги, мясо для рагу тоже, фарш немного подешевле, но совсем белый от жира. Что купить? После долгой смены на заводе Генри был вправе рассчитывать на хороший ужин. Ведь он каждую неделю отдавал жене всю свою зарплату, оставляя себе совсем чуть-чуть на пиво и сигареты. Ну, может быть, еще несколько пенсов на бильярд. Именно потому, что он был очень хорошим человеком и никогда ее ни о чем не спрашивал, Айрин так переживала. Нет, она его не обманывала, просто не говорила, как скверно обстоят дела. Питание, даже самое скромное, обходилось с каждым днем все дороже. Джуди и Мэй росли очень быстро, и аппетит у них становился все лучше и лучше. Цены поднимались так быстро, что жить по-прежнему становилось совершенно невозможно. А ведь нужно еще устраивать воскресные обеды и все такое прочее...

Пока Айрин кое-как справлялась — но какой ценой! Много лет назад они с Генри решили каждую неделю откладывать немного денег в банк — на летний отпуск, да и на черный день, который рано или поздно наступит. Однако дороговизна заставляла Айрин каждый раз урезать эту сумму, и в конце концов взносы прекратились совсем. Потом пришлось потихоньку снимать деньги со счета. То девочкам купить обувь, то еще что-нибудь. Айрин брала совсем понемногу, но остановиться уже не могла. Она боялась спросить, сколько там осталось, но одно она знала твердо: о поездке в Блэкпул, к которой Генри уже начал готовиться, нечего и думать. Ох, как это ему не понравится!

— Вы посмотрите, сколько стоят сосиски! — воскликнула миссис Райан с соседней улицы.

— Просто кошмар, — подхватила Айрин, радуясь, что может с кем-то поделиться своими заботами.

Хозяйки покачали головами, поцокали, еще раз внимательно осмотрели витрину в тщетной надежде отыскать что-нибудь подешевле.

— А вы знаете, что по телевизору прервали фильм прямо посередине? — спросила миссис Райан. — Сказали, что с той большой ракетой какие-то неприятности.

— Она что, взорвалась? — испугалась Айрин, твердо зная, что смерть и разрушение всегда рядом, всегда готовы напасть на человека из-за угла.

— Пока нет, но кто знает.

Женщины покивали, потом собрались с мужеством и вошли в мясной магазин. Что бы там ни происходило в мире, надо было кормить свои семьи.

Глава 12

— По-моему, нам пора лечь на свои места и пристегнуться, — сказал Патрик. — Я знаю, что лежать без дела скучно, но задержка может через десять минут кончиться.

— Сколько раз ты уже это говорил? — спросил Элай.

— Много. Давай-ка, Элай, пристегивайся.

В отсеке для экипажа вдоль стен были установлены специальные кушетки для перегрузок. Каждая из них была индивидуально разработана для одного из астронавтов, чтобы обеспечить максимальную защиту во время движения с ускорением. Элай сел на свое место, держа в руках какую-то книжонку. Патрик остановился над ним и стал ждать. Наконец физик трагически вздохнул и улегся. Уинтер пристегнул его к кушетке.

Кушетка Коретты находилась по соседству, рядом с приборным пультом. Доктор Сэмюэл уже пристегнулась и внимательно следила за показаниями датчиков. Сюда с биосенсоров поступала вся информация о физическом состоянии космонавтов; одновременно те же сведения передавались в Центр управления полетом. Каждый из членов экипажа был буквально облеплен самыми разнообразными датчиками, постоянно считывавшими кровяное давление, частоту пульса, потоотделение, температуру тела и все прочие биологические параметры, за которыми нужно было внимательно следить, чтобы жизнь астронавтов находилась вне опасности.

Убедившись, что в отсеке экипажа все в порядке, Патрик направился к люку, ведущему в соседний отсек. Понятия «стена», «потолок», «пол» имели смысл лишь до тех пор, пока корабль находился на Земле. На орбите, в состоянии невесомости, эти слова утратят всякое значение. Так вот, стены и потолок следующего отсека были предназначены для хранения инструментов, всевозможного оборудования, продуктовых запасов и так далее. Сейчас

с пола до всего этого снаряжения невозможно было дотянуться. Но вскоре положение изменится — любой из предметов сможет свободно парить в воздухе. Последняя ступень «Прометея» — то есть сам корабль, представлявший собой лишь малую часть огромного комплекса, — была разделена на четыре отсека. В носовом находилась полезная нагрузка: генератор весом в тысячу триста тонн, рефлектор, передающая система — одним словом, все то, ради чего и затевался полет. В противоположном конце корабля, на расстоянии в двести футов, располагался ядерный двигатель и запас уранового топлива; этот отсек выведет «Прометей» на окончательную орбиту. Специальный биологический щит весом в 25 тонн отделял ядерный двигатель от остальных отсеков, чтобы при включении системы члены экипажа не получили облучения. За биологическим щитом находилась цистерна с жидким водородным топливом; этот огромный бак длиной в сто футов служил дополнительной защитой от возможной утечки радиации.

Жилая зона корабля, зажатая между полезной нагрузкой спереди и топливной цистерной сзади, была совсем крошечной. Она состояла из двух кают — большой и маленькой. Большая занимала около двух третей жилого отсека. Здесь размещались гравитационные кушетки четверых членов экипажа (кроме Патрика и Нади), а также хранились запасы пищи, инструменты и оборудование. Внутренняя перегородка с герметически закрывающимся люком отделяла эту каюту от пилотской, в которой находились две остальные кушетки, пульт управления полетом, иллюминаторы, перископы и телекамеры, позволявшие видеть корабль извне и ориентироваться в космосе. Пока эти телеглаза были слепы: специальные футляры защищали их от атмосферного трения, которое многократно усилится в момент старта. Надя лежала на своей кушетке и разговаривала по радиосвязи с Центром управления полетом.

— Он пришел, Флэкс, — сказала она. — Как только подключится к связи, можете с ним говорить.

— Какие результаты? — спросил у нее Патрик, ложась на кушетку и протягивая руку к наушникам.

— Никаких. Ваш президент передумал и говорить с вами не будет.

— А Полярный?

— То же самое. Центр управления стартом связал меня с ним, но он как раз сейчас беседует с вашим президентом.

— Понятно. Они хотят уйти от ответственности за то, что

санкционировали взлет. — Патрик щелкнул переключателем приемника. — Ты на месте, Флэкс?

— Роджер. Я хотел тебе сказать насчет президента. Я разговаривал с его первым помощником. Он сказал, что президент как раз сейчас ведет переговоры по телефону с премьером Полярным. Как только закончит, свяжется с вами.

— Флэкс, наш разговор записывается на пленку?

— Ну конечно.

— Тогда я хочу кое-что сказать для протокола.

— Патрик, я понимаю — задержка слишком длинная, ты устал. Не лучше ли тебе...

— Нет, не лучше. Я хочу кое-что сказать для протокола.

— Патрик, я тут разговаривал с медиками. Твой пульс и кардиограмма свидетельствуют о том, что ты находишься в напряжении. Врачи советуют тебе отдохнуть, поспать, в общем, на время передать управление второму пилоту.

— Флэкс, ради бога, прекрати. Я командир корабля и собираюсь тебе сообщить нечто любопытное. Я все равно сделаю официальное заявление — если не сейчас, то потом.

— Конечно-конечно, Патрик. Я просто пытался...

— Я знаю, что ты пытался сделать. Я же пытаюсь кое-что заявить. Причем именно в качестве командира корабля. Прошло уже два часа, считая с того момента, когда подготовка к старту вступила в «нестабильный период». Кажется, он именно так называется во взлетном плане, который лежит перед тобой?

— Это был просто предварительный прогноз.

— Да заткнись же ты. Я с тобой не дискутирую, а хочу сказать нечто вполне определенное. Согласно всем показаниям, по мере удлинения «нестабильного периода» работа всех систем разлаживается, и в конце концов взлет должен быть отменен. Предварительный прогноз показал, что предельная допустимость «нестабильного периода» — 30 минут. Как командир корабля я спрашиваю тебя: почему взлет до сих пор не отменен?

— Решение принимается сейчас на самом высоком уровне.

— Я не об этом тебя спрашиваю. Я хочу знать, почему нарушен рекомендованный режим. Почему до сих пор речь идет всего лишь о задержке, хотя ранее планировалось, что в подобном случае взлет будет отменен?

— Более поздние исследования показали, что предварительный прогноз был слишком пессимистичным.

— Тогда ознакомь меня с результатами этих исследований, пожалуйста.

В наушниках раздался неясный гул голосов, и потом Флэкс с явным облегчением сказал:

— С вами хочет говорить Центр управления стартом. Задержка окончена. Отсчет предстартовой готовности возобновляется с минус двенадцати минут.

Патрик хотел было возразить, но передумал и отключил микрофон. Он обернулся к Наде:

— Мы все еще можем отменить взлет. Как пилот корабля, я могу принять такое решение в одиночку, но будет весомее, если вы меня поддержите.

— Я понимаю, — тихо ответила Надя. — Вы этого хотите?

— Не знаю. Знаю лишь, что, если мы сейчас взлетим, нас ждут большие проблемы, а может быть, и катастрофа. Однако если отменить старт...

— Может пострадать весь проект «Прометей». Вы об этом подумали, да?

— Да, об этом. Проект стоил чертову уйму денег, люди уже начинают ворчать, а пресса делает на этом недовольстве свою игру. Впрочем, в вашей стране подобных проблем не существует.

— Существует, только на другой манер. У нас есть Политбюро. Оно может собраться как-нибудь ночью на чрезвычайное совещание, и на следующее утро Полярный будет назначен министром свиноводства, а проект «Прометей» прекратит свое существование. Так как же нам быть?

— Если мы согласимся на старт, то рискуем жизнью.

— Мы рисковали уже тогда, когда согласились стать членами экипажа. Мне кажется, игра стоит свеч.

Патрик посмотрел на нее и после продолжительной паузы угрюмо кивнул:

— Да, мне тоже всегда казалось, что эта игра стоит свеч. Но речь идет о другом. Если мы соглашаемся на старт, мы рискуем погибнуть все.

— Но если отказываемся, мы рискуем тем же самым.

— «Прометей» вызывается на связь, — раздался в наушниках голос Клетеника. — 9 минут до старта. Сообщите о вашей готовности.

Патрик посмотрел в глаза Наде, пытаясь найти в них ответ на свой вопрос. Но ведь она уже ответила. Надя была за взлет. А кто он такой, чтобы мешать этому? И его непосредственное начальство, и лидеры обоих государств желали, чтобы полет состоялся. Конечно, Патрик мог воспротивиться и положить делу конец. Это означало бы погубить карьеру, а возможно, навек похоронить и весь проект «Прометей». Какая огромная ответственность! Патрик обернулся к микрофону:

— К старту готовы. Полностью ли загружено топливо?

Флэкс обмяк в кресле, похожий на мешок картошки; он истекал потом. При словах Патрика неимоверное напряжение, в котором он находился, разом схлынуло. Итак, полет состоится. Разумеется, риск оставался, но тщательно разработанные программы, компьютеры и он, Флэкс, сумеют справиться с любой проблемой. Эта задача ему по плечу. Программа управления полетом решит любую головоломку, а пилотам останется только нажимать на кнопки. Сразу после старта «Прометей» принадлежит Флэксу. Пусть они там ходят себе в открытый космос, облучаются радиацией и дефилируют перед ликующими толпами. Однако никто из космонавтов не смог бы занять место Флэкса у пульта. Он был как паук, находящийся в центре огромной паутины, как связующее звено между людьми и машинами, заставляющее работать и первых, и вторых. Ничего особенного не произошло — одна из машин на время вышла из строя, и он тут же исправил оплошность. Потом произошел небольшой сбой в человеческой зоне конструкции, однако Флэкс справился и с этим. Еще каких-то пять минут и...

— Время — 5 минут. Задержка, — объявил голос в Центре подготовки к старту. Флэксу показалось, что его по голове ударили топором — красная лампочка в зоне двигателей. Нарушена герметизация демпфера продольных жидкостных колебаний.

— Итак, дамы и господа, ровно за пять минут до старта произошла еще одна задержка. Уверяю вас, это известие никому здесь не доставило радости. Напряжение в Центре достигло высшей точки. Сейчас Билл Уайт, находящийся среди зрителей на обзорной балюстраде, поделится с вами своими впечатлениями. Билл, прошу.

На миллионах телеэкранов по всему миру вместо зала Центра управления стартом появилась обзорная балюстрада, находившаяся в пяти милях от «Прометея». Отсюда ракета казалась игрушечной; она возвышалась над горизонтом, поблизости не было ничего такого, что давало бы возможность составить представление о ее размерах. И все равно лишь после продолжительных дискуссий было получено разрешение расположить места для зрителей в столь опасной близости от места старта. Но в конце концов начальство пришло к компромиссу: на балюстраде реши-

ли разместить гостей, так сказать, второго порядка. Тех, кем в крайнем случае можно было бы и пожертвовать. Если произойдет катастрофа, исчезновение нескольких журналистов, старых генералов и политиков вряд ли усугубит и без того кошмарные ее последствия. Разумеется, о значении подобного решения знали лишь на самом высоком уровне. Поэтому определенное количество пожилых джентльменов сочли приятным сюрпризом известие о том, что они включены в список почетных гостей. И вот на экране появилось знакомое телезрителям морщинистое лицо Билли Уайта на фоне зрительской трибуны и торчавшего вдали силуэта корабля. В углу экрана тут же появилась увеличенная фотография «Прометея».

— На зрительских трибунах атмосфера не менее напряженная, чем в Центре подготовки старта и Центре управления полетом. Волнуются и все те, кто наблюдает за этим историческим событием по телевизору. Здесь, в Байконуре, уже почти вечер. Взлет запаздывает больше чем на два часа. Несколько секунд назад объявлена еще одна задержка. Нам остается только догадываться, как себя чувствуют сейчас наши астронавты, мужчины и женщины, находящиеся внутри этой гигантской ракеты. Они профессионалы и привыкли ко всякому, но даже им, наверное, сейчас не по себе. Вряд ли кто-нибудь из нас согласился бы поменяться с ними местами. Но астронавты ведут себя великолепно, и весь мир восхищается их мужеством. А теперь я хочу задать вопрос Гарри Сондерсу, дожидающемуся новостей в Центре управления стартом. Что-нибудь выяснилось, Гарри?

— Нет, все по-прежнему. Как раз сейчас вы можете увидеть на своих экранах «Прометей».

На телеэкранах возник крупный план «Прометея»: сначала сам корабль, потом огромные многоэтажные ускорители, окутанные дымом. Как только объектив телекамеры отъехал, Гарри Сондерс лихорадочно схватился за свои записи. Задержка отняла так много времени, что он уже не знал, у кого еще взять интервью и чем развлечь телезрителей. Скорей бы уж эта штука взлетела или взорвалась. У Гарри начал садиться голос. Шурша страницами, он профессионально ровным голосом описывал достоинства космического левиафана. Приходилось вдаваться в технические детали, чтобы чем-то занять время. Ага, вот и то, что он искал:

— Боюсь, вы все-таки плохо себе представляете, насколько громаден «Прометей». Если я скажу, что он высотой с сорокаэтажное здание, а весом не уступает авианосцу, это, должно быть, произведет на вас впечатление. Но все же вы не получите представления о всей сложности этого комплекса — ведь он

представляет собой по сути дела семь автономных ракет. Наша программа передается не только по телевидению, но и по радио, и, конечно, обладателям телевизоров повезло больше. Подумайте только, как трудно жителю какой-нибудь маленькой азиатской деревни, видевшему за всю свою жизнь лишь несколько несложных механизмов, представить себе подобное чудо техники. Проще всего конструкцию ракетного комплекса изобразить следующим образом: вытяните пальцы руки и потом согните их, чтобы они образовали с ладонью подобие трубочки. Представьте себе, что каждый палец — это ступень ракеты, оснащенная собственным двигателем, запасом топлива, насосными системами и всем прочим. Теперь возьмите авторучку с колпачком в другую руку и проденьте между пальцами. Приблизительно таков принцип конструкции «Прометея». Пальцы и ручка, которая называется корпусом ракеты, представляют собой единое целое, но в то же время состоят из совершенно автономных космических летательных аппаратов. Колпачок на вашей авторучке — это и есть сам «Прометей», та часть комплекса, которая выйдет на орбиту и останется там навсегда.

Во время старта заработают все ракетные двигатели. Самое мощное в мире топливо, смесь водорода с кислородом, будет всасываться и сгорать со скоростью 14 000 галлонов в секунду. При этом топливо не просто будет сгорать в таких огромных количествах, но будет еще постоянно подаваться из внешних ускорителей в корпус ракеты. Там есть и собственный запас топлива, но приток энергии из ускорителей должен заполнить корпус до предела. Когда отойдут ускорители и догорит топливо в основном корпусе, «Прометей» окажется на низкой орбите. Там корпус отделится от корабля, его миссия будет выполнена. Тогда «Прометей» включит свой собственный ядерный двигатель и поднимется на окончательную орбиту. Система, конечно, сложная, но надежная, ибо ускорители типа «Ленин-5» имеют в своем послужном списке немало успешных полетов, причем каждый раз они поднимали в космос все больше и больше полезной нагрузки. Кроме того... Минуточку... Да, я не ошибся, стартовые часы включились вновь! Задержка окончена! Будем надеяться, что больше проволочек не будет.

— Осталось две минуты, — сказал Патрик. — Отсчет стартового времени вошел в автоматическую фазу. Теперь ничего остановить уже нельзя. — Он включил внутренний интерком. — Как дела в отсеке экипажа?

— Все в порядке, — ответила Коретта. — Никаких происшествий, биомониторы функционируют нормально, все параметры в пределах нормы.

— Это означает, что никто еще не помер от скуки или страха, — резюмировал Патрик. — Роджер. Вы можете слушать, как мы переговариваемся с Центром, но прошу хранить молчание до отстрела первой ступени. Внимание, экипаж! Приготовиться!

— Одна минута пятнадцать секунд.

Теперь стартом руководил компьютер, отдававший приказы и машинам, и людям. Он сам подключал и разъединял различные системы, сам вел подсчет до нуля.

— До старта одиннадцать секунд.

— Десять.

— Девять.

Металлическая башня дрогнула — это включились двигатели. Пламя било в глубокую яму, расположенную под основанием ракеты; «Прометей» окутался дымом и паром. В считанные секунды напор пламени должен был достичь стартового уровня, и тогда ракета оторвется от Земли.

— Три... два... один... старт!

Мощь двигателей как раз достигла точки, когда ее оказалось достаточно, чтобы чуть-чуть приподнять громаду «Прометея» над землей. Сразу же отошли опоры, и над ними взметнулось пламя. Казалось, сама Земля затрепетала под напором ракетных двигателей; воздух наполнился скрежетом, треском и стоном.

Медленно, очень медленно гигантская ракета поползла вверх.

— Есть отрыв!

Грохот. Вибрация. Скрежет. Векторные двигатели изо всех сил пытались удержать ракету в вертикальном положении, и Патрика то вдавливало в кушетку, то, наоборот, ремни безопасности начинали давить ему на грудь. Первые шесть секунд после старта считались самым критическим периодом — надо было подняться над опорами и набрать скорость. В момент старта включился полетный таймер; вместо 00:00:00 на табло появилось 00:00:01. Начался отсчет секунд Полетного Времени — ПВ.

00:00:04. Стала ощутимой гравитация, начинавшая прижимать астронавтов к кушеткам.

00:00:06. Первая опасность осталась позади. Все приборы работали нормально.

С каждой секундой напор двигателей возрастал. Нагрузка достигла четырех с половиной постоянных, потом пяти и выше уже не поднималась. Пять земных притяжений вдавливали космонавтов в гравитационные кушетки. Дышать стало почти невозможно. Каждый из членов экипажа прошел специальное обучение на центрифуге и умел дышать при сверхнагрузках. Главное — не выдыхать из легких весь воздух, иначе вдохнуть уже не удастся. Следовало набрать полную грудь воздуха, делать очень короткие вдохи и выдохи.

Давление и ускорение. Скорость. Двигатели пожирали 60 тонн топлива в секунду, поднимая ракету все выше и выше.

— «Прометей», старт завершен, — доложили из Центра подготовки к старту. Слова эти раздались в наушниках Патрика словно из далекого далека. На глаза ему давила гравитация, и он мог смотреть только прямо перед собой, как в туннеле. Повернуть голову было невозможно, однако следовало взглянуть на показания прибора.

— Приборы работают нормально.

— Приготовиться к отстрелу первой ступени в одну минуту тридцать секунд. Передаем вас Центру управления полетом.

— Роджер.

Неимоверная тяжесть по-прежнему давила на грудь, а на табло щелкали секунды ПВ. Казалось, что вибрация и перегрузка продолжаются вечно, хотя на самом деле первая стадия полета длилась всего полторы минуты. Как только ПВ достигло отметки 00:01:30, двигатели отключились и наступило состояние невесомости. Патрик переключил микрофон на внутреннюю связь:

— Произошло отделение первой ступени. В течение нескольких минут мы будем находиться в состоянии невесомости, так что пусть ваши желудки привыкают к этому ощущению. Перед включением двигателей второй ступени я вас предупрежу. Сейчас ускорители накачивают в корпус ракеты топливо и кислород. Потом произойдет воспламенение... — Корабль содрогнулся. — Вот оно! Попробую показать вам, как это выглядит. Телевизионной системой управляет Центр, но, думаю, я смогу передать изображение на ваши экраны.

На внешней обшивке корабля были установлены телекамеры, до поры до времени почти неразличимые в тени ускорителей. Патрик нашел три нужные кнопки среди многих сотен, находившихся на пульте, и нажал на них. Сначала на экранах была только чернота, потом вспыхнуло ослепительное пламя. Патрик навел изображение на фокус, и космонавты увидели, как первая ступень при помощи собственного автономного двигателя удаляется прочь, к поверхности Земли.

— Это Россия! Вон озеро Байкал! — воскликнула Надя.

— А вот вторая ступень, — продолжил Патрик. — Включаю камеру номер два. Теперь на экранах вы видите все пять ступеней. Центр управления, а у вас изображение нормальное?

— Лучше не бывает, «Прометей»! Отлично видно.

Ступени отделялись одна за другой и, медленно вращаясь, двигались к царившей внизу голубизне. Движением каждой из них управляла специальная наземная служба, находившаяся на Байконуре; орбита ступеней была тщательно рассчитана, ибо успех проекта «Прометей» зависел от того, удастся ли доставить ступени на Землю неповрежденными. Во время взлета они сохраняли стабильное вертикальное положение; при спуске им предстояло перевернуться двигателями вниз. Сопла при этом исполняли функцию тормоза, замедлявшего ускорение и балансировавшего ступень. По мере приближения к поверхности Земли включался автономный двигатель, для которого специально был оставлен определенный запас топлива, и ступень мягко приземлялась где-нибудь среди русских степей. По мере приземления ступени транспортировались на Байконур, где им предстояло принять участие в следующей стадии проекта — «Прометей-2». Ускорители должны были доставить на орбиту все многочисленные компоненты солнечного генератора — до тех пор, пока не будет достигнута последняя стадия — «Прометей-50». Однако проект начнет работать еще задолго до этого, снабжая изголодавшийся по электричеству мир бесплатной энергией.

Все надеялись, что так и будет. Но пока до окончательной орбиты, находившейся на расстоянии 22 300 миль от Земли, было еще далеко. Корабль успел оторваться от земной поверхности на значительное расстояние, но все еще был связан с ней невидимыми узами гравитации. «Прометей» напоминал артиллерийский снаряд, которым выстрелили прямо в небо; снаряд достигает точки максимального подъема, а потом падает обратно. Точно так же ускорители подбросили «Прометей» на максимальную высоту, но недостаточно далеко, чтобы полностью вырваться из зоны земного притяжения.

— Кожух сброшен, сейчас воспламенится топливо в корпусе ракеты, — сообщил Патрик, не отрывая взгляда от табло ПВ. — Через две с половиной минуты двигатель выведет нас на более высокую орбиту. Все, пора!

Двигатель корабля в шесть раз уступал по мощности первоначальной стартовой системе, но все же был невероятно силен. На сей раз нагрузка возросла не так стремительно, но тем не менее

снова достигла уровня пяти гравитаций. И тут, впервые с момента старта, произошел сбой. Внезапно корабль затрясся, вибрация становилась все сильней и сильней — и вдруг прекратилась.

— У нас погоколебания! — резким голосом доложил Патрик.

— Давление восстановлено, погоколебания под контролем.

Вибрация прекратилась и больше не возобновлялась. Астронавты вздохнули с облегчением — они знали, что худшее позади. Трое членов экипажа, впервые попавшие в космос, отныне могли считать себя ветеранами. Они благополучно пережили взлет; в момент включения двигателей, когда воображение рисует самые ужасные картины, они совершили подъем в космос, сидя в маленьком ящике, приютившемся на боеголовке самой большой химической бомбы в истории человечества. Мощная энергия, заключенная в оболочке этой бомбы, благополучно вынесла корабль в космос. А могла бы и взорваться. Вот почему астронавты испытывали такое облегчение. И Коретта, и врачи в Центре управления полетом сразу заметили эту реакцию по показаниям датчиков, которые следили за пульсом и кровяным давлением членов экипажа. В Центре люди тоже немного расслабились, хоть работы у них по-прежнему хватало; меньше стало хмурых лиц, многие заулыбались. Флэкс достал свою традиционную победную сигару и принялся ее жевать. Но пока не раскуривал.

Все шло по плану.

— Двигатель отключен, — спокойно сообщил Патрик. — Центр, какова наша орбита?

— Четыре нуля. Было бы пять нулей, да вкралась единичка.

Таким образом, ошибка при выходе на орбиту составляла 0,00001, то есть точность была почти идеальной. Патрик потянулся, отстегнул ремни и громко сказал:

— Мы вышли на нижнюю орбиту, но прошу вас пока не покидать кушеток. Я отправляюсь к вам.

Он отделился от кушетки и взмыл к потолку.

— Надя, я пошел поднимать боевой дух личного состава. Возьмите управление на себя, ладно?

— Нет проблем, вас поняла.

Приблизившись к люку, ведущему в соседний отсек, Патрик ухватился за переборку, чтобы затормозить. Его ноги медленно поднялись кверху и уперлись в стену. Движение тела прекратилось. Патрик вплыл в отсек экипажа головой вперед.

— Весьма драматичное появление, командир, — прокомментировала Коретта, глядя, как Патрик в полете пересекает поме-

щение, направляясь к ней. — А скоро нам можно будет попробовать?

— Как только мы выйдем на окончательную орбиту. Как у вас тут дела?

Подлетев к ее кушетке, Уинтер согнул руки и остановился. Первым делом он проверил, хорошо ли закреплены ремни. Коретта кивнула и улыбнулась:

— Сейчас все в порядке. Но что это была за безумная тряска?

— Вы имеете в виду погоколебания?

— Они так называются?

— Да. По мере опустошения топливного бака возникают упругие продольные колебания, приводящие к повышенной вибрации двигателя. Ракета оснащена специальной системой демпферов, ослабляющих погоколебания.

— У меня чуть пломбы из зубов не вылетели.

— А как дела у вас? — обернулся Патрик к остальным членам экипажа.

После минутного колебания Григорий нерешительно произнес:

— Боюсь, что невесомость и тряска застали меня врасплох. У меня произошел небольшой казус... с кишечником. — Сальников едва заметно покраснел. — Слава богу, есть пластиковый мешок, так что все обошлось.

— Ничего, бывает, — успокоил его Патрик. — Это наше профессиональное заболевание. Сейчас вы в порядке?

— Да, все нормально. Мне так неудобно.

— Ерунда. Когда мы снова окажемся на Земле, я расскажу вам кое-какие пилотские байки на эту тему.

— Только не сейчас, пожалуйста, — попросил Элай, не отрывая глаз от какого-то французского романа.

— Разумеется. Теперь пару слов о положении дел. — Все космонавты стали внимательно его слушать, даже Элай. — Мы находимся в 130 километрах от поверхности Земли и продолжаем подъем. Ускорители отделились, но в корпусе ракеты еще осталось топливо. Произойдет еще один выброс пламени, перед тем как отделится последняя ступень. После того как Центр управления полетом произведет окончательный расчет орбиты и вернет на Землю последнюю ступень, мы будем предоставлены самим себе. Тогда за дело примется Элай.

— Ну наконец-то, — заметил доктор Брон. — Мне надоело быть пассажиром, и я с нетерпением жду момента, когда у знаменитого доктора Брона и его волшебного ядерного двигателя появится возможность показать себя во всей красе. Двигатель мой маленький, ему далеко до многокилотонных чудовищ, которые мы сбросили, но зато он жутко старательный, усердный, и вы еще увидите, как мой двигатель запыхтит, закряхтит и самым лучшим образом выведет нас на идеальную орбиту.

— Будем надеяться. Вопросы есть? Полковник?

— А не пора ли подкрепиться?

— Хороший вопрос. Со всеми этими задержками я сам умираю от голода. Я бы предложил нам перекусить прямо сейчас, но боюсь, не хватит времени. У вас есть тюбики с лимонадом, так что можете попить. Обед устроим, как только окончательно выйдем на первую орбиту. А потом Элай приступит к подготовке своего двигателя.

Патрик перелетел обратно в отсек пилотов и снова пристегнулся к кушетке.

— Сколько остается времени? — спросил он.

— До запуска двигателей примерно три минуты, — ответила Надя, посмотрев на табло ПВ.

— Хорошо. Беру управление на себя.

Патрик снял предохранительную крышечку и положил палец на кнопку зажигания. Компьютер довел отсчет времени до нуля, и в тот же самый миг Патрик продублировал автоматическую команду и нажал на кнопку — на всякий случай.

Загудели насосы, двигатель включился.

Он работал на полную мощность ровно три секунды. Потом произошел взрыв.

Глава 13

ПВ 00:35

Сила взрыва вдавила Патрика в гравитационную кушетку, на миг в глазах у него потемнело. Он мотнул головой и, когда зрение прояснилось, увидел на пульте множество красных лампочек. В наушниках звучали голоса — пилота вызывали и из Центра, и по интеркому; Надя тоже что-то ему кричала.

Уинтер заставил себя не обращать внимания на все эти призывы и сконцентрировался. Приборы. Двигатель. Автоматическое выключение двигателя. Ручное выключение. Насосы, топливо, защитная блокировка. Корабль вращался вокруг собственной оси. В иллюминаторе возник земной шар и тут же исчез. Патрик взглянул на табло ПВ и стал ждать, пока земной шар появится

вновь, чтобы высчитать ротацию. Затем отключил связь по интеркому, потому что голоса членов экипажа отвлекали его.

— Следите за управлением, пока я буду говорить с Центром, — сказал он Наде, нажав на переключатель. — Центр управления полетом, вы меня слышите?

— Да, у нас тут...

— Докладываю о состоянии корабля. Произошел сбой в работе двигателей ракеты. Датчики двигателя номер три не работают, возможно, там произошел взрыв. Остальные двигатели отключились. Подача топлива прекращена. Горючего осталось одиннадцать процентов. Мы вращаемся вокруг собственной оси с периодичностью примерно двенадцать секунд. Сообщите мне данные об орбите и техническом состоянии корабля. Слушаю вас.

— Перигей орбиты 84,63 мили. Время вращения вокруг Земли — 88 минут. Наши приборы показывают, что давление внутри корабля понизилось. Можете сказать точнее?

— Да. 7,3 фунта. У вас что-то не то с датчиками. Могу ли я прекратить вращение?

— Нет, не можете. Повторяю, нельзя. — Впервые в голосе Флэкса прозвучало что-то похожее на волнение. — Прежде всего мы должны определить степень ущерба.

Патрик включил интерком:

— Все слышали, что сказал Центр?

— Я слышала, но ничего не поняла, — ответила Коретта.

— Произошел сбой в работе одного из двигателей, — объяснил Патрик. — Размер ущерба выясняется. Как вам известно, наш двигатель состоит из четырех секторов, функционирующих одновременно. Один из секторов вышел из строя, все его датчики не работают. Полагаю, произошел какой-то серьезный сбой...

— Ты хочешь сказать, что он взорвался? — спросил Элай.

— Да, это возможно. Но как бы то ни было, остаются три остальных.

— Это *ты* так думаешь.

— Элай, заткнись, ради бога. Мы пока еще не знаем, что у нас есть, а чего у нас нет. Давай сначала выясним это, а паниковать будем потом. У нас остается достаточно топлива, чтобы произвести маневр, и, кроме того, мы находимся уже на орбите. Единственная проблема, стоящая сейчас перед нами, — это вращение вокруг собственной оси. Я прекращу его, как только получу разрешение от Центра.

— Вы говорите, что мы уже на орбите, — медленно сказал полковник. — Могу ли я спросить, что это за орбита?

Патрик заколебался.

— Я точно не знаю. Постараюсь получить данные о ней как можно скорее. Мы находимся на высоте примерно 140 километров и вращаемся вокруг Земли с периодичностью 88 минут.

— 85 миль — это недостаточно высоко, — заметил Элай.

— А по-моему, выше некуда, — вмешалась Коретта.

— Достаточно, достаточно, — сказал Патрик, стараясь не выдать своей тревоги. — 99% земной атмосферы уже под нами. А теперь я должен выйти на связь с Центром.

Прошло еще пять минут, прежде чем Центр управления полетом сообщил, что компьютеры обработали всю поступившую информацию.

— Хорошо, «Прометей», — сказал Флэкс. — Вам разрешается стабилизировать движение корабля. Советую экономить топливо.

— Это я понимаю, — ответил Патрик. — Приступаю к маневру.

Этот маневр не предусматривался первоначальным планом. Топливо, которое потребуется для его осуществления, предназначалось для стабилизации корабля на окончательной орбите. Но если не прекратить вращение «Прометея» вокруг собственной оси сейчас, то достичь этой орбиты так и не удастся. Придется обойтись минимумом горючего и надеяться на то, что его хватит для последующих маневров. Патрик коротко нажал на кнопку зажигания, и вращение уменьшилось, но не прекратилось.

— Придется еще раз, — сказала Надя.

— Сам вижу, — угрюмо буркнул Патрик. — Внимание, включаю.

Еще несколько коротких манипуляций реактивными маневровыми двигателями, и вращение было окончательно остановлено. В иллюминаторе медленно возник земной шар, единственный надежный ориентир, и остался на месте. Горизонтальные сенсоры произвели коррекцию и стабилизировались.

— В маневровых двигателях остался 71% горючего. Отличная работа, Патрик.

— Ну вот, а на окончательной орбите, по предварительному расчету, понадобится не больше 50%. Так что запас еще есть. — Уинтер включил связь. — Вызываю Центр управления полетом. Вращение остановлено, положение корабля стабилизировано. Есть ли данные о состоянии корпусных двигателей?

— Пока нет. Мы пропускаем программы через компьютер.

Нужны еще кое-какие данные, прежде чем будет получен результат. Вы готовы выслушать наши рекомендации?

— Готовы. Только, Флэкс, давай побыстрей. Мне не нравится эта орбита, я хочу отсюда выбраться как можно скорее.

— Вас понял. Включите ваш п-20 в режим с-64. О результатах немедленно сообщите.

Пока Патрик проверял схему и вводил команду в компьютер, Надя включила интерком и рассказала остальным членам экипажа о положении дел.

— Надя, можно уже отстегнуться? — спросил Григорий. — Хочется немного размяться. Меня тут клаустрофобия одолела.

В его голосе слышались первые признаки волнения — он звучал еще не панически, но уже с надрывом. Самые утомительные тренировки — все равно не более чем подготовительные упражнения. Главное испытание — сам космический полет, и к нему никогда нельзя подготовиться полностью. Надя уловила тревожные нотки в голосе Сальникова, но решила, что это может подождать.

— Пожалуйста, не отстегивайся. В любой момент мы можем снова включить двигатели — как только получим приказ компьютера. Если не пристегнуться, можно получить серьезную травму.

— А как насчет перекусить, Наденька? — спросил полковник. — Вы, наверное, даже по интеркому слышите, как у меня бурчит в животе.

— Ах вот что это был за звук, Володя. А я думала, что это двигатель сам включился. — Кто-то из членов команды хмыкнул на эту шутку, но смеха не последовало. — Боюсь, вам тоже придется потерпеть. Как только выйдем на орбиту, можете делать все, что хотите.

— Но мы ведь уже на орбите, — вмешалась Коретта. — Нельзя ли задержаться здесь чуть подольше? Какая разница? Извините, если я говорю глупости.

— Мы находимся на очень низкой орбите, — объяснила Надя. — Сразу над земной атмосферой. Мы вообще не должны были здесь задерживаться.

— А что произойдет, если мы тут задержимся? — спросила Коретта.

«В самом деле, — подумала Надя, — что произойдет?» Может быть, они находятся на угасающей орбите? И долго ли это еще продлится? Ответы на все эти вопросы нужно было получить как можно скорее. Усилием воли она отогнала страх и спокойно ответила:

— Ничего особенного не случится. Если мы останемся на этой орбите, то просто будем вращаться вокруг земного шара с периодичностью 88 минут. Но скоро мы отсюда выберемся. Минуточку, с вами будет говорить Патрик...

— Говорит командир корабля. Компьютер обработал всю имеющуюся информацию и дал заключение. Один из двигателей явно вышел из строя, и мы его заблокировали. Будем работать на двух противоположных секторальных двигателях — втором и четвертом. Двигатель № 1 тоже будет отключен, чтобы не нарушать баланса...

— А нам хватит мощности двух двигателей? — спросил Элай.

— Конечно, доктор Брон. Для отрыва от поверхности Земли нам нужны были все четыре двигателя плюс дополнительные ускорители. Теперь же мы находимся на орбите, а это значит, что вполне достаточно и меньшей мощности. Просто переход на следующую орбиту займет несколько больше времени, вот и все.

— Не пудри мне мозги, Патрик, — взъярился Элай, впервые скинув маску холодного цинизма. — Я знаком с орбитальной механикой не хуже, чем ты. И говорю я совсем о другом: как составить программу движения на ослабленном двигателе, чтобы не промахнуться и попасть точно на заданную орбиту? Ведь на составление такой программы требуются часы, а то и дни.

— Извини, Элай, мне не следовало так с тобой разговаривать. Просто я устал, как и все мы, впрочем. Разумеется, ты абсолютно прав. Но во время подготовки к полету мы заготовили программы практически на все случаи жизни. Есть программа и для нашей ситуации. Центр управления полетом как раз сейчас вводит ее в наш компьютер.

Патрик отключил интерком и занялся обработкой информации, поступающей из Центра. По сути дела, ему отводилась роль наблюдателя — компьютер всю основную работу взял на себя. Он считывал показания приборов и переправлял данные на Землю. Сигнал поступал на релейную станцию или один из спутников, которые отсылали его в Центр. Как только поступившая информация проходила обработку, из Центра компьютеру «Прометея» посылалась кодированная команда.

— Включайте двигатель в 01:07:00, — сказали из Центра.

— Роджер. Членам экипажа приготовиться и проверить пристяжные ремни. Двигатели будут включены примерно через две минуты, в 01:07 по часам ПВ.

Секунды летели быстро, и все же казалось, что время остановилось. Наконец момент настал: три секунды, две, одна...

Патрик напрягся, приготовившись к толчку. Но ничего не произошло — ровным счетом ничего.

— Вызываю Центр управления полетом. Зажигания не произошло.

— Совсем? — с нескрываемой тревогой спросил Флэкс.

— Двигатель даже не фыркнул. Ни одна лампочка на пульте не зажглась. Вы там у себя хорошо все продумали?

— Да, хорошо. Послушай, Патрик. Мы делаем все, что в наших силах. Сейчас программу прогонят еще раз, чтобы проверить, нет ли каких-то дефектов. Потом мы назначим вам новое время старта, и ты включишь двигатели вручную.

— Спасибо, Флэкс, я рад, что вы там вовсю трудитесь. Не сомневаюсь, что твои люди обливаются потом и зарабатывают себе язву желудка. Но у них твердая почва под ногами, а мы тут болтаемся в космосе. Ты получил данные о нашей орбите?

— Пока нет.

— Флэкс! Ты мне ради бога не ври. Ваш компьютер имеет достаточно данных о нашей орбите, чтобы уже дать ответ.

— Вы находитесь на высоте...

— Я знаю, на какой высоте мы находимся и с какой скоростью вращаемся вокруг Земли. Ты мне скажи лучше, это угасающая орбита или нет? Сколько нам тут висеть, прежде чем мы войдем в слои атмосферы и покатимся вниз?

— Я пока не могу точно ответить на этот вопрос...

— СКОЛЬКО У НАС ВРЕМЕНИ, Я СПРАШИВАЮ?!

— Ладно-ладно, Патрик, успокойся. У нас есть заключение, но оно носит предварительный характер. Надо еще раз обработать данные, и тогда я дам тебе ответ. Пока же очень приблизительно, с допуском в 70%, позволю себе предположить, что на этой орбите «Прометей» может оставаться примерно 36 часов.

— То есть всего один день?

Надя, широко раскрыв глаза, посмотрела на Патрика. Она тоже слышала. Он медленно ей кивнул, даже не пытаясь изобразить улыбку. После долгой паузы Уинтер сказал:

— Послушай, что я тебе скажу, Флэкс. Нам нужно немедленно уносить ноги с этой орбиты, иначе «Прометей» превратится в метеорит, который всего через один день прожжет здоровенную дыру в атмосфере. Сделай так, чтобы двигатели заработали. Если не получится, пусть твои мальчики придумают что-нибудь еще. Нам нужны расчеты на случай, если придется выбираться с этой орбиты на одном ядерном двигателе. Мы тогда отстрелим корпус ракеты и будем дальше двигаться сами. Ты понял меня?

— Понял, и очень хорошо. Мы уже прорабатываем такой вариант на компьютере. Ты готов к новому пуску?

— Роджер.

— Я буду считать тебе сам, включайся на нуле. Десять, девять, восемь...

И на сей раз зажигание не включилось, хоть Патрик со всей силы тыкал большим пальцем в кнопку пуска.

— Ну ладно, что дальше? — прокричал он. — Вы сможете наладить эти чертовы двигатели или нам нужно отсоединяться?

— Через несколько минут будете отсоединяться. Мы должны быть уверены, что у вас хватит времени подготовить ядерный двигатель к пуску.

— Очень предусмотрительно с вашей стороны, — прорычал Патрик, отключив связь, и обратился к экипажу: — Вы все слышали? Мои переговоры с Центром должны были транслироваться и по интеркому.

— Слышали, — ответила Коретта. — Но, извините за глупость, я ничего не поняла.

— Да просто дело в том, — ответил Элай, — что если оставить все как есть, то примерно через сутки войдем в плотные слои атмосферы и превратимся в очаровательную падающую звезду вроде тех, которыми любят восхищаться влюбленные по ночам. Чтобы избежать такого исхода, мы надеемся — я полагаю, что «надежда» самое подходящее тут слово, — использовать мой ядерный двигатель, имеющий весьма слабую мощность и не предназначавшийся для подобных целей. Радует в данной ситуации лишь одно: я уже успел просчитать эту ситуацию на своем калькуляторе. У компьютера, конечно, получится лучше, но я уже сейчас могу вам сказать, что мы, наверное, сумеем выбраться на моем двигателе с этой орбиты. Только нужно освободиться от мертвого груза у нас на хвосте и поторапливаться. Итак, я отстегиваюсь и иду к двигателю.

— Нет! — крикнул Патрик. — Пока я не скажу, ты останешься на месте. Я должен доложить в Центр. Центр управления полетом, вы меня слышите?

— Роджер, «Прометей». Мощности ядерного двигателя вам для проведения нужного маневра хватит, и запустить его следует как можно скорее. Подготовьтесь к отделению последней ступени.

Элай рассмеялся:

— То же самое, что сказал я, только многословнее и напыщеннее. Скажи им, чтоб скорее отсоединили болты или чем там у них

корпус крепится, а я выберусь из своей койки и подготовлю двигатель.

— *Отделение ступени!*

Взрывы, предназначенные для уничтожения креплений, соединявших последнюю ступень ракеты с самим «Прометеем», в их отсеке были едва слышны. Патрик включил телекамеру и передал сигнал в Центр управления полетом. Теперь отделившаяся ступень поступала в их распоряжение, именно им предстояло благополучно опустить ее на поверхность Земли. Если, конечно, они сумеют с ней справиться.

— Вы только посмотрите! — хрипло воскликнул вдруг Патрик. — Центр, смотрите на экран! Видите? Она не отделилась! Висит косо, но по-прежнему прицеплена к кораблю. Наверное, одно из соединений не взорвалось. Не знаю, что там стряслось, но эта штуковина все еще здесь, а стало быть, мы не можем включить ракетный двигатель! Центр управления, вы меня слышите? Немедленно решайте что-нибудь! Иначе наш корабль станет самым большим метеоритом, какой когда-либо видело человечество.

Глава 14

ПВ 01:38

— Это значит, что придется перебирать всю первую полосу, а мы и так на сорок минут опаздываем, — сказал метранпаж, глядя на новый макет.

— Делай что хочешь. Хоть маму родную в печатный станок засунь, — сказал главный редактор. — Материал подоспел в самый раз. Я бы и сам решил его печатать, но тут соизволил позвонить Всевышний, так что это даже не мое, а Его решение.

Когда владелец газеты что-то приказывал, сотрудники повиновались беспрекословно. Последнее время тираж «Газетт-таймс» постоянно падал, поэтому любая возможность исправить положение была кстати. Метранпаж открыл дверь своего застекленного кабинетика, находившегося в углу наборного цеха, и направился к машинам. Наборщики даже не оглянулись на него — они размещали по полосе иллюстрации. Метранпаж был настолько поглощен своими заботами, что чуть не сбил с ног худенького человека, который бросился к нему, размахивая какими-то бумагами.

— Уйди, Купер, не вертись под ногами.

— Да ты посмотри, что я принес. Это срочно!

Редактор отдела науки потряс своей растрепанной шевелюрой; прядь длинных волос упала ему на глаза. Когда Купер волновался, он начинал грызть ногти на своих заляпанных чернилами руках.

— Не сейчас, позже. Нам придется перекраивать всю газету. Потому что так распорядился сам Всевышний. У меня нет времени возиться с твоей ерундой. Что-нибудь сенсационное на дезодорантном фронте?

— Нет-нет. Ты только послушай. Эта ракета...

— Отстань! Твоей ракетой у меня вся первая полоса забита. Через двадцать четыре часа она сгорит, а с ней вместе шестеро ни в чем не повинных людей.

— Что у вас тут за крик? — втиснулся между ними главный редактор.

— Сэр, я пытаюсь его остановить. Нужно изменить первую полосу. У меня потрясающая статья!

Главный редактор развернулся и внимательно посмотрел на взволнованного Купера. Как знать, вдруг в самом деле сенсация?

— Купер, даю вам 60 секунд. И смотрите не разочаруйте меня.

— Не разочарую, сэр. Это невероятно! Я имею в виду ракету, сэр, «Прометея», который находится сейчас на угасающей орбите. Так вот, очень вероятно, что через какие-то сутки «Прометей» войдет в слои атмосферы и сгорит.

— Но этому и посвящена наша передовая статья.

— Сэр, это еще не все! «Прометей» — это самый большой летательный аппарат, когда-либо запущенный в космос. Он весит две тысячи тонн, а это не шутки. Когда «Прометей» войдет в атмосферу и сгорит, это будет потрясающее зрелище...

— Послушайте, Купер. Наш обозреватель излагает все гораздо живописнее, чем вы. Положите вашу статью мне на стол. Я потом прочту.

Главный редактор хотел было уйти, но Купер с отчаянием крикнул ему вслед:

— Подождите, сэр! Ради бога, выслушайте! А что, если «Прометей» не сгорит? Вдруг от свалится на нас с небес?

Главный редактор замер на месте. Потом медленно обернулся и свирепо уставился на Купера. Голос его был холоднее арктического льда:

— Ну? Так что же произойдет, если «Прометей» не сгорит?

— Понимаете, — лихорадочно зашелестел бумажками Купер, — я, конечно, взял крайний случай, то есть идеальное соче-

тание скорости, массы, угла падения и так далее. Идеальное — в том смысле, что при данных условиях скорость будет максимальной. Понимаете, инерция и масса скорости вращения уравнивают силу удара маленького, но быстро летящего объекта с большим, но летящим медленно. Теперь представьте себе, что гигантский объект ударяется о Землю с головокружительной скоростью. Вот что может произойти с «Прометеем». По моим подсчетам, мощь взрыва будет равна десяти килотоннам ТНТ.

— Переведите это на человеческий язык, пожалуйста.

Купер нервно переминался с ноги на ногу, засовывая в рот уже чуть ли не всю пятерню, так что слова разобрать было невозможно.

— Ну, представьте себе, что ракета упадет на населенный пункт, скажем, на город. Взрыв по мощи будет примерно равен атомной бомбе, сброшенной на Хиросиму. Радиоактивности, конечно, не будет, но взрывная волна...

— Да, разумеется. Вы молодец, Купер. Немедленно подредактируйте свою статью и отдайте на перепечатку. И поживее!

Главный редактор вынул пачку сигарет, извлек оттуда последнюю остававшуюся, зажег и бросил пустую пачку на пол. Потом взглянул на метранпажа.

— Ты слышал, что я сказал. Еще раз перемакетируй первую полосу. Мне наплевать, сколько времени мы на этом потеряем. У нас тут сюжет века. Ты представляешь, что будет, если эта летающая бомба свалится на город? А вдруг она свалится на нас?

Он внезапно запнулся и посмотрел вверх. Метранпаж тоже.

Глава 15

ПВ 02:19

Этим серым утром улицы Вашингтона были забиты транспортом. Мотоциклисты эскорта делали все возможное, но «Кадиллак» все равно еле полз вдоль шоссе. За Цепным мостом на выручку подоспело несколько полицейских автомобилей. Они включили сирены, и эскорт помчался по полосе встречного движения, распугивая немногочисленных водителей, двигавшихся из центра за город.

Генерал Бэннерман, грузно сидевший на заднем сиденье «Кадиллака», ненавидел весь божий свет. Минувшей ночью он провел в постели не более часа, к тому же глаз не сомкнул. Этот сукин сын, капитан, вломился так неожиданно! Полицейские из

сопровождения, наверное, даже не знали, кто сидит в автомобиле и почему этого человека необходимо в такую рань доставить к Белому дому. Но сукин сын капитан знал все. Должно быть, он получил адрес у адъютанта Бэннермана — больше генерал никому не сообщал, где будет. Капитан приехал на «Кадиллаке», ворвался в спальню и даже успел разглядеть блондинку, лежавшую в постели рядом с генералом. Правда, Бэннерман тут же велел ему выметаться и ждать за дверью. На углу улицы к «Кадиллаку» присоединились мотоциклисты. Вот, собственно, и все — Бэннерман понятия не имел, что стряслось. Он потер свою массивную нижнюю челюсть и нащупал царапину — вот что значит бриться в спешке.

— Капитан, вы ведь не работаете у меня в штабе? — спросил он у офицера, сидевшего за рулем.

— Нет, сэр. Я состою в группе спецсвязи при Белом доме.

Бэннерман проворчал что-то себе под нос и широко зевнул.

— Если вы устали, сэр, в баре есть бензадрин, — сказал капитан.

— Почему это вы решили, что я устал?

— Вы ведь ушли с банкета в пятом часу ночи, сэр.

Превосходно — значит, за ним следят! Бэннерман всегда это подозревал, но считал, что поддается типично вашингтонской паранойе. Он достал из бара хрустальный бокал, плеснул туда воды и запил ею таблетку из зеленой бутылочки. Хотел было поставить бокал на место, немного поколебался и налил себе виски.

— Насколько я понимаю, капитан, вы неплохо осведомлены о моей жизни. Вы считаете, что это правильно?

— Не знаю, правильно или нет, сэр, но приказы выполнять я умею. За вами следит секретная служба — разумеется, чтобы обеспечить вашу охрану. Я же всего лишь связной.

Капитан мельком взглянул на генерала; у него хватило такта обойтись без понимающей улыбки или подмигивания — лицо его было подчеркнуто серьезным.

— Вы хозяин своей жизни, но мы должны знать, где вы находитесь, чтобы в случае чего иметь возможность вас защитить. И мы умеем не быть навязчивыми.

— Надеюсь, черт подери. Вы знаете, из-за чего весь сыр-бор?

— Нет, сэр. Мне лишь дали этот адрес и велели доставить вас в Белый дом как можно скорее.

Бэннерман кивнул и стал смотреть на проносившиеся мимо особняки с колоннами. Он кивнул еще раз, подлил себе виски. Без содовой. Генерал привык почти не спать, еще когда командо-

вал бронетанковой дивизией. Чего-чего, а выносливости ему было не занимать. В 61 год он выглядел на десять лет моложе, а энергией не уступил бы и сорокалетнему. Всего час назад ему сказала об этом Берил, а уж кому и знать, как не ей. Бэннерман улыбнулся. Какого же черта понадобилось Бэндину в столь ранний час? Наверное, снова арабы. С ними одни проблемы. С тех пор как Бэннермана назначили руководить Объединенным комитетом начальников штабов, все экстренные совещания были связаны либо с нефтью, либо с арабами.

«Кадиллак» затормозил возле неприметного заднего подъезда Белого дома. Двое часовых отсалютовали генералу, и он тоже отдал им честь. В вестибюле уже топтался маленький лизоблюд Чарли Драгони, переминаясь с ноги на ногу, словно ему не терпелось сбегать в сортир. Драгони жестом показал на лифт:

— Генерал Бэннерман, вы последний, вас все ждут.

— Очень любезно с их стороны, Чарли. Что тут у вас стряслось?

— Пожалуйста в лифт, генерал.

«Чтоб ты провалился», — подумал Бэннерман. Этот мальчик на побегушках при Бэндине в последнее время стал слишком нахален. Поднимаясь в лифте, генерал мечтал о том, как бы он погонял Драгони, окажись тот у него в подчинении.

Морской пехотинец отворил высокую дверь, и Бэннерман, подавив раздражение, затопал по коридору, стараясь погромче звенеть своими кавалерийскими шпорами. Он знал, как это действует на нервы окружающим, и поэтому старался вовсю. Бэндин сидел во главе длинного стола красного дерева. Рядом с ним был Шлохтер, а третьим участником совещания, к удивлению Бэннермана, оказался Саймон Дилуотер. Очень интересно. Государственный секретарь, руководитель НАСА и командующий Объединенным комитетом начальников штабов. Какая проблема могла объединить всех этих людей? Ответ напрашивался сам собой.

— Что-нибудь не так с «Прометеем», мистер президент?

Лучший метод обороны — мощное наступление.

— Черт бы вас побрал, Бэннерман! У вас что, радио не работает? Из-за чего еще мы могли собраться?!

Бэннерман придвинул стул и медленно сел.

— Я допоздна работал в штабе, а потом лег спать и дрых как убитый, — холодно ответил он.

На лицах присутствующих ничего не отразилось, даже у Драгони. Может быть, капитан сказал правду, а сотрудники секретной службы умеют держать язык за зубами.

— Введите его в курс дела, Дилуотер, и, по возможности, коротко.

— Разумеется, сэр. У «Прометея» серьезные проблемы. Старт прошел успешно, все ступени благополучно отделились и приземлились согласно плану. Но двигатель корпуса ракеты, то есть последней ступени, не сработал, и она не смогла отделиться от корабля.

— Значит, она все еще там? — деловито нахмурился Бэннерман.

— Отчасти, — ответил Дилуотер.

— На какой высоте они находятся?

— В перигее примерно 85 миль.

— Но это чертовски низкая орбита!

— Да, точнее не скажешь.

— Что вы предпринимаете?

— Мы все еще пытаемся отделить ступень. Тогда «Прометей» сможет выйти на окончательную орбиту при помощи своего ядерного двигателя.

— Вам надо поторапливаться. Эта орбита наверняка угасающая. Сколько у них остается времени?

— По нашим расчетам, примерно 33 часа.

Бэннерман забарабанил по столу; его мысль лихорадочно работала.

— Если ракета сгорит, это будет стоить нам пары миллиардов долларов, а возможно, и всего проекта.

— Меня больше беспокоит жизнь шести космонавтов, — холодно ответил Дилуотер.

— Неужели, Саймон? — Генерал выдержал паузу. — Нужно вывести корабль на стабильную орбиту, причем срочно.

— Вот именно! — взорвался Бэндин. — Шевелите мозгами, Дилуотер. На карту поставлен наш национальный престиж. Нам нужно помнить и обо всем проекте, и о проклятых русских, и об Организации Объединенных Наций, которая в кои-то веки нас поддерживает, и о следующих выборах, и о многих других вещах. О космонавтах мы подумать еще успеем. Сейчас нам не до них. Шлохтер доложит вам, что сказал по этому поводу Полярный, а Драгони тем временем разузнает, не выяснилось ли чего-нибудь нового. Самая неотложная задача — подкинуть эту штуковину вверх, пока она не рухнула. Остальное не имеет значения. Ни малейшего!

Драгони, со скромным видом сидевший у маленького столика возле двери, потянулся к телефону. Однако тот зазвонил сам. Драгони снял трубку, выслушал сообщение, а потом тихонько подошел к Бэндину и стал ждать, пока тот соизволит обратить на него внимание.

— Ну что там? Какие новости?

— Я еще не звонил, господин президент. Только что поступило срочное сообщение от вашего пресс-секретаря. Он сказал, что одна из нью-йоркских газет напечатала сенсационную статью о «Прометее».

— Да что они там могут в Нью-Йорке знать такого, чего не знаем мы?

— Он этого не сказал, сэр. Но по Эн-би-си через три минуты будет передаваться экстренный выпуск новостей. Пресс-секретарь говорит, что вам стоит его посмотреть.

— Позвони ему и выясни, что значит вся эта чепуха.

— Я думаю, будет разумнее включить телевизор, — спокойно заметил Бэннерман. — Тогда мы все узнаем сами.

— Да, вы правы. Идемте в мой кабинет.

Они прошли в соседнее помещение, и Бэндин опустился в кресло, стоявшее возле огромного письменного стола. Одна из стенных панелей, украшенная портретом Джорджа Вашингтона, отодвинулась, и за ней открылся 72-дюймовый телеэкран. Еще одно нажатие кнопки, и перед глазами сосредоточенных зрителей предстали два куска мыла, которые немного потанцевали под этюд Шопена, а потом нырнули в тазик с водой. Рекламу сменило лицо обозревателя Вэнса Кортрайта, показанное крупным планом. Знакомая миллионам телезрителей улыбка отсутствовала; лоб комментатора пересекала не менее знакомая серьезная складка. Это означало, что сообщение будет невеселым. Кортрайт разложил перед собой несколько листков бумаги и торжественно заговорил, глядя прямо в камеру:

— Доброе утро, леди и джентльмены. Многие из вас вчера допоздна сидели у телевизоров, наблюдая за стартом «Прометея», а затем отправились спать, пребывая в уверенности, что самый крупный космический полет в истории человечества проходит нормально. То же самое вы могли прочесть и в выпусках сегодняшних утренних газет. Лишь из самых последних сводок радио и теленовостей вы узнали, что ситуация драматическим образом изменилась. Не сработали двигатели корпуса ракеты — последней ступени, которой предстояло вывести «Прометей» на окончательную орбиту. В настоящее время корабль находится... —

Кортрайт заглянул в бумаги, — примерно в 86 милях над поверхностью Земли. Он вращается вокруг нашей планеты с периодичностью в 88 минут.

Лицо комментатора исчезло, и вместо него появился рисунок, изображающий «Прометей» в космосе, соединенный с последней ступенью.

— Мысленно мы сейчас с шестью доблестными астронавтами, запертыми в космической ловушке. Если не удастся включить двигатели последнего ускорителя, «Прометей» не сможет выйти на запланированную орбиту, где ему предстояло положить начало крупномасштабному проекту снабжения солнечной энергией изголодавшегося по электричеству мира. В настоящий момент астронавты этого сделать не могут; не могут они и вернуться на Землю, ибо «Прометей» предназначался для постоянной работы в космосе. У корабля слишком мало мощности и горючего, чтобы самостоятельно произвести нужный маневр. Он попал в космический плен, и шестеро мужчин и женщин, находящихся на борту, по сути дела стали заложниками. Сейчас еще невозможно сказать, какая судьба им уготована.

На экране снова появился Кортрайт. Рядом с ним сидел щуплый человечек в мешковатом костюме, с аккуратно расчесанными длинными волосами. Очевидно, его только что причесала гримерша, потому что человечек нервно потрогал свою шевелюру, и тут же ему на глаза упала длинная прядь. Кортрайт кивнул своему гостю.

— В нашей студии находится доктор Купер, редактор отдела науки «Газетт-таймс». Передо мной лежит утренний выпуск вашей газеты, мистер Купер. Передовая статья содержит пугающее, я бы сказал, кошмарное известие. Позвольте, я прочитаю заголовок. Вот здесь крупными буквами написано: «БОМБА В НЕБЕ». — Кортрайт поднял газетный лист, и стал виден гигантский заголовок, занимающий чуть ли не полстраницы. — Сильно сказано, доктор Купер. Да и сама статья впечатляет. Вы считаете, что здесь написана правда?

— Ну конечно, ведь факты...

— Не могли бы вы нам прояснить, какие именно факты имеет в виду ваша газета, выпустив этот номер?

— Но ведь совершенно очевидно! И главная причина беспокойства у нас над головой! — Купер помахал в воздухе рукой, хотел было сунуть палец в рот, но с виноватым видом спрятал руку под стол. — Сейчас над нами каждые полтора часа проносится «Прометей». Причем не только космический корабль, но и при-

крепленная к нему ступень. Сам «Прометей» весит чуть более четырех миллионов фунтов. О весе ступени мы можем только догадываться, поскольку не знаем, сколько в ней осталось топлива, но я бы предположил, что суммарная масса составляет порядка одного миллиона фунтов. Итак, в космосе болтается пять миллионов фунтов, то есть три тысячи тонн металла и взрывчатых веществ. Если все это рухнет...

— Минуточку, минуточку, — поднял руку Кортрайт. Купер тут же запнулся и воровато укусил себя за палец. — Насколько я помню, ученые вечно твердят, что любое передвижение в космосе требует больших затрат энергии. Потребовалось немало энергии, чтобы вывести «Прометей» на орбиту. И не меньшее ее количество уйдет на то, чтобы спустить корабль вниз. Иными словами, «Прометей» останется на орбите, пока его оттуда не вытолкнут.

— Да-да, разумеется. — Купер завертелся на стуле, не в силах сдерживать обуревавшие его чувства. — Но это верно для орбиты, которая находится вне пределов земной атмосферы. «Прометей» же подобной высоты достичь не успел. Там, где он находится, воздух еще есть, хоть и не в большом количестве. Тем не менее он будет постепенно замедлять скорость вращения ракеты. Такая орбита называется угасающей.

— Голыми руками убил бы этого лохматого мерзавца, — процедил Бэндин.

— Как вы знаете, для спутника Земли скорость и высота одно и то же. Чем быстрее он движется, тем выше поднимается — как камень, который вы вращаете на веревке. Веревка — это сила гравитации. Скорость вращения — гарантия стабильности орбиты. По мере замедления своего движения «Прометей» будет опускаться. Чем ниже он окажется, тем плотнее будут слои атмосферы, что, в свою очередь, приведет к еще большему торможению. В конце концов корабль сойдет с орбиты и упадет на Землю.

— Однако по дороге он бесследно сгорит в плотных слоях атмосферы, как и все предыдущие спутники и ускорители, — спокойно произнес Кортрайт.

— Ничего подобного! — вскочил на ноги Купер, да так проворно, что его голова на миг выскочила за рамку кадра. — Небольшие ускорители действительно сгорают, как метеориты. Но даже метеориты сгорают не целиком — мы и сегодня можем видеть некоторые из них в музеях. Например, метеоритный кратер в Аризоне появился после того, как некое космическое тело проникло в атмосферу Земли и оставило на ее поверхности огромную воронку. В 1908 году Тунгусский метеорит уничтожил огромное лесное пространство, при этом погибли...

— Погодите, доктор Купер. Но ведь «Прометей» все-таки не так велик.

— Он достаточно велик! Размером с эсминец. Он не развалится на части, проходя сквозь атмосферу. Вы представляете, что будет, если эта стальная громада рухнет с небес на наш с вами город?

— Ну, это слишком смелое предположение.

— Вы так думаете?

Камера придвинулась к Куперу, а тот подбежал к огромному глобусу, стоявшему в студии, и затараторил:

— Смотрите, какова траектория этой летающей бомбы. Как раз сейчас она находится над нашими головами, пересекая космическое пространство над Соединенными Штатами, над Нью-Йорком, потом она пронесется над океаном, спустится несколько ниже, будет двигаться вот по этой линии: Лондон, Берлин, Москва. Взгляните на эту траекторию! — Красным фломастером Купер провел линию, соединившую названные им города. — По всей кинетической и взрывной энергии «Прометей» не уступает атомной бомбе, сброшенной на Хиросиму. Если он упадет на одну из этих столиц — вы представляете, что тогда будет?

В президентском кабинете воцарилось молчание. Потом генерал Бэннерман тихо сказал:

— Ну, теперь держись.

Глава 16

ПВ 02:37

Все космонавты собрались в отсеке экипажа на первую с момента старта трапезу. Надя открыла стенные шкафчики и вытащила рационы, а остальные, едва отстегнувшись от гравитационных кушеток, отправились в пилотский отсек: длительное нахождение в помещении без иллюминаторов, да еще в беспомощном, спеленутом состоянии породило нечто вроде клаустрофобии. Один за другим астронавты возвращались в отсек экипажа. Все молчали, потрясенные невероятным зрелищем, которое представляла их родная планета из космоса. На время они даже забыли о своем бедственном положении.

— На фотографиях это выглядит совершенно иначе, — сказала Коретта. — Просто потрясающе!

Григорий что-то с энтузиазмом говорил полковнику по-русски. Тот кивал в ответ. Кузнецов не первый раз видел Землю из космоса — он провел в полетах множество часов, но восхищаться красотой планеты не переставал. Полковник помог тем членам экипажа, которые оказались в космосе впервые, освоиться с состоянием невесомости. Несмотря на полное отсутствие гравитации, астронавты продолжали придерживаться прежних ориентиров: садиться на свои койки головой к потолку. Им было странно смотреть, как Кузнецов парит в воздухе вверх ногами, спокойно выдавливая из тюбика в рот куриное суфле.

— Мне очень нравится ваш американский рацион. Весьма разнообразно.

— Да ну, ерунда, — отмахнулся Элай, открывая банку с русской лососиной. — Наши потратили черт знает сколько денег, чтобы разработать специальную технологию приготовления и хранения космических продуктов. А ваши просто взяли самые обыкновенные консервы. Ну и каков результат? Эта лососина куда вкуснее нашего дерьма.

— Возможно, возможно, — не стал спорить полковник, с удовольствием причмокивая пастой из тюбика.

Патрик поел на своем рабочем месте и присоединился к остальным, когда трапеза была уже закончена. Элай настороженно смотрел, как Уинтер «присаживается» на кушетку и пристегивается ремнем.

— Новости есть? — спросил Брон, и все замолчали — ведь каждый сейчас думал об одном.

— Они ничего не могут сделать. Дефект обнаружен, но с Земли его не исправишь. Вот, посмотрите на этот чертеж. — Патрик развернул лист бумаги и показал членам экипажа. — Здесь, здесь и здесь корпус ракеты крепится к кораблю самовзрывающимися болтами. На самом деле это название не совсем точное. Болты не взрываются, так как газ и осколки могли бы повредить ядерный двигатель. Мини-взрыв происходит во внутренней, полой, части болта, так что болт не разрывается, а как бы раздувается, вроде воздушного шара. Тем самым его длина сокращается, и срабатывает пусковой механизм, расположенный вот здесь. Потом включаются эти пистоны, отталкивающие корабль и ступень друг от друга. Система простая и теоретически весьма надежная.

Элай иронически хмыкнул, и остальные тоже покачали головой.

— Когда мы вернемся на Землю, хотел бы я потолковать с ребятами, разработавшими этот проект, — пробурчал Брон.

— Мы бы тоже, Элай, составили тебе компанию. Но не будем отвлекаться. Нас поджимает время. Центр управления полетом сообщил, что они не в силах отделить ступень.

— А это означает, что мы можем надеяться только на самих себя, — заметила Надя.

— Вот именно.

— Но что мы можем сделать? — спросила Коретта.

— Выйти в открытый космос, — объяснил ей Патрик. — Кто-то из нас наденет скафандр, выберется наружу и посмотрит, нельзя ли как-нибудь отцепить от нас эту проклятую ступень. Будем надеяться, что длины жизнеобеспечивающих шлангов хватит.

— А нельзя ли выйти в космос в астроскафе? — спросил Элай.

— Нельзя. Использование астроскафа на этом этапе не предполагалось, поэтому добраться до него непросто. В пилотском отсеке есть два скафандра с полным набором жизнеобеспечивающих приборов и телефонной связью с кораблем. Планировалось, что с помощью этих скафандров, выйдя на окончательную орбиту, мы сможем открыть внешний люк и добраться до астроскафа, в котором можно работать и без шлангов. Конечно, астроскаф понадобится для сборки генератора, но никому не пришло в голову, что необходимость выйти в космос возникнет на более раннем этапе.

— Это недостаток планирования, — заявил Элай.

— Не думаю. Просто столько скафандров разместить негде — они заполнили бы целый отсек. Нет, планирование тут ни при чем.

— А сейчас добраться до астроскафа нельзя? — спросила Коретта.

— Можно, но на это уйдет масса времени. Два-три часа на разгерметизацию и подготовку астроскафа к работе, потом еще столько же на герметизацию. Мы не можем себе позволить тратить так много времени. Придется кому-то выходить в космос в скафандре и изучать положение на месте.

— Как приятно снова заняться делом, — сказал полковник Кузнецов, взмывая к верхнему шкафу. — Я немедленно переоденусь.

— Минуточку, полковник. Ведь еще ничего не решено...

— За нас все решили обстоятельства, мой мальчик, — ответил Кузнецов, спокойно снимая обычный летный костюм. — Я знаю,

что у вас есть некоторый опыт работы в открытом космосе. Надя же, хоть она у нас и опытный пилот, вне корабля никогда не работала. Правильно, Надя?

Надя кивнула.

— Ну вот, видите. А остальные члены экипажа вообще оказались в космосе впервые. Будем работать так: Надя останется у пульта, вы, Патрик, возьмете меня под контроль, а я займусь ремонтом. Разумеется, я не узурпирую ваши права командира. Для старого вояки вроде меня это было бы непростительно. Просто напоминаю вам, что я проработал в открытом космосе больше тысячи часов, когда занимался своим криогенным проектом. Можно, конечно, поступить и иначе: вы будете работать, а я за вами приглядывать. Но глупо рисковать жизнью командира корабля, когда работу может сделать старый космический волк вроде меня. Очень о'кей?

Патрик начал было протестовать, но рассмеялся:

— Скажите, Кузнецов, как вышло, что вы до сих пор не генерал?

— А мне предлагали, но я отказался. Высокое звание означает кабинетную работу. Это не по мне. Ну как, поехали?

— Давайте.

С помощью других астронавтов они быстро облачились в скафандры. Затем извлекли из стенного шкафа длинные макаронины жизнеобеспечивающих шлангов и толкнули их по воздуху в пилотский отсек.

— Мы загерметизируем люк, чтобы не нарушать здесь у вас баланса давления, — сказал Патрик.

— Может быть, мы вам там пригодимся? — спросил Элай.

— Спасибо, не нужно. Там и так будет тесно. Надя сядет к пульту управления и будет держать вас в курсе по интеркому. Ну, мы пошли.

— Счастливо, Патрик, — сказала Коретта. — И вам тоже счастливо, полковник.

Повинуясь внезапному порыву, она подлетела к Кузнецову и поцеловала его в лоб.

— Чудесно! — воскликнул полковник. — Ни одного воина не провожали на битву более приятным образом.

Однако, оказавшись в пилотском отсеке, Кузнецов сразу посерьезнел. Первым делом они загерметизировали люк, ведущий в отсек экипажа, и привинтили к скафандрам шлемы. Затем подсоединили шланги одним концом к скафандрам, другим — к гнездам воздухоснабжения, расположенным возле двери. Надя

должна была воспользоваться автономной системой воздухоснабжения пилотов, находившейся возле пульта.

— Готовы? — спросил Патрик.

— *Очень о'кей.*

Тогда Уинтер, неповоротливый в своем громоздком наряде, повернул клапан, помещавшийся в центре внешнего люка. Клапан открылся, и воздух из кабины со свистом стал высасываться в космос.

— Давление упало, — доложила Надя.

— Роджер. Открываю люк.

Теперь, когда из отсека вышел почти весь воздух, внешний люк можно было открыть без труда. Он бесшумно распахнулся. Атмосферное давление в кабине упало до нуля, отсек окутался легким туманом, который, впрочем, тут же исчез — остатки воздуха втянул космический вакуум. В открытом люке была кромешная тьма, в которой мелкими точками светились звезды. В космосе царила бесконечная звездная ночь. Полковник первым направился к выходу.

— На корпусе корабля имеются хватательные скобы, — сказал ему Патрик.

— Не беспокойтесь, я этим делом чуть ли не всю жизнь занимаюсь.

Кузнецов и в самом деле был опытным космонавтом. Его массивная, на первый взгляд неповоротливая фигура двигалась легко, как перышко. Патрик едва успевал раскручивать жизнеобеспечивающий шланг — так быстро передвигался вдоль обшивки корабля полковник, небрежно касаясь руками опорных скоб.

— Шланг кончился, — сказал Патрик, оглянувшись.

— Мне нужно продвинуться еще на метр. Натяните шланг посильнее. Вот так хорошо.

Полковник прицепился ремнем безопасности к последней скобе, натянув шланг до предела. В конце концов Кузнецову удалось ухватиться пальцами за корму «Прометея», за которой виднелась покосившаяся громада застрявшей ступени.

— Что вы там видите? — спросил Патрик.

— Очень мало. Тут темно, как в аду. Особенно если парит тень. Погодите-ка, я достану лампу.

Полковник отцепил от пояса фонарь и включил его. Светлый круг пополз по обшивке (самого луча в вакууме видно не было), затем скрылся из виду.

— Ага!

— Что там?

— Вот ты где, голубчик! Один из соединительных стержней погнулся, но не лопнул. Пистоны, расположенные вокруг, разжимают «Прометей» и ступень, но они недостаточно мощны. К сожалению, чем сильнее они давят, тем прочнее держит прогнувшийся стержень. Впрочем, это довольно легко исправить.

— Как?

— Ацетилено-кислородный резак перережет этот стержень в одну секунду. Тогда ничто не помешает механизму разъединения скинуть с нашей спины эту громадину. И мы сможем двигаться дальше. Но есть одна трудность.

Наступила пауза. Трое астронавтов, находившихся в вакууме, и трое остальных, оставшихся в загерметизированном отсеке, слышали каждое слово и даже дыхание Уинтера и полковника.

— В чем дело?

— Мне не очень ясно, как добраться до стержня. Он находится с другой стороны, и шланг туда никак не дотянется.

Глава 17

ПВ 03:19 Коттенхэм-Ньютаун

Сэр Ричард Лонсдейл терпеть не мог затянувшихся обедов, но делать было нечего. Время шло, а гости все не вставали из-за стола. В ресторане, специально предназначенном для руководства компании, пахло сигарным дымом и дорогим коньяком. Швейцарцы были в отличном расположении духа; они расстегнули пиджаки и утирали пот.

— Поздравьте от нас вашего шеф-повара, сэр Ричард, — сказал Мюллер, поглаживая свое внушительное брюхо, словно любимую собачку.

Еще немного поболтали о том о сем, потом наконец один из гостей взглянул на часы. Тогда все задвигали стульями, стали жать друг другу руки и прощаться. Мюллер произнес долгожданные слова уже перед самым уходом. Очевидно, он был из тех, кто приберегает самую эффектную фразу под закрытие занавеса.

— Мы будем рекомендовать контракт к подписанию на обговоренных нами условиях, сэр Ричард. Надеюсь, что этим мы положим начало долгому и успешному сотрудничеству.

— Спасибо. Очень вам признателен.

Швейцарцев уже ждали машины, с приемом было покончено. Сэр Ричард затушил сигару, постарался не думать о куче деловых бумаг, ожидавших его в рабочем кабинете. Однако никуда не денешься — придется с ними разобраться, иначе раньше полуночи домой не попасть.

Самый короткий путь к кабинету — через столовую, и сэр Ричард, толкнув дверь, зашагал через зал. Он был занят собственными мыслями и ничего бы не заметил, если бы не громкие голоса. В столовой оказалось довольно много служащих, хотя для чаепития вроде бы было поздновато. Люди о чем-то оживленно спорили. «Надеюсь, это не забастовка», — подумал Лонсдейл. У некоторых служащих в руках были газеты, остальные заглядывали им через плечо. Сэр Ричард увидел знакомое лицо — ветерана компании, служившего вместе с ним еще на прежнем месте.

— Генри, что тут происходит?

Генри Льюис поднял глаза, кивнул Лонсдейлу и протянул ему газету.

— Вы только прочитайте, сэр. Волосы дыбом встают. Как будто снова война началась.

«КОСМИЧЕСКАЯ БОМБА В ВОЗДУХЕ!» Сэр Ричард быстро проглядел статью.

— Это как летающая бомба, — пояснил Генри. — Вроде Хиросимы. Посмотрите, на следующей странице карта. Видите, куда она летит?

На карте была изображена Великобритания, по которой проходила траектория полета. Чтобы подчеркнуть опасность, художник нарисовал мишень прямо в центре страны. По случайности яблочко мишени приходилось как раз на Коттенхэм-Ньютаун.

— Я бы на вашем месте не слишком тревожился, — пожал плечами сэр Ричард, спокойно складывая газету. — Уверен, что это все журналистские фантазии, а не расчеты ученых. Чистая спекуляция.

Глава 18

ПВ 03:25

Слова полковника Кузнецова прозвучали в наушниках Патрика и Нади, а также из репродукторов в отсеке экипажа. Наступило молчание — никто не знал, что сказать. Первой заговорила Надя, ровным, спокойным голосом сообщившая, что Патрика вызывают из Центра управления полетом.

— Майор Уинтер, Центр хочет, чтобы вы вышли на связь.

— Скажите им, чтобы катились к черту.

— Центр управления полетом, говорит «Прометей». Майор

Уинтер в настоящий момент говорить с вами не может. Он помогает полковнику Кузнецову осматривать повреждение. Роджер. Пилот свяжется с вами, как только освободится.

— Чего он хотел? — спросил Патрик.

— Чтобы вы почаще выходили на связь, а также развернули одну из телекамер. А то зрителям плохо видно.

— Обойдутся. Нечего из нас цирк устраивать. Кузнецов, оставайтесь на месте. Я направляюсь к вам. Посмотрим вместе, что можно сделать.

— Хорошо, Патрик. Прихватите с собой резак и набор инструментов. Мне кажется, я знаю, как нужно перерезать этот болт.

— Роджер. Иду.

Патрик прицепил к поясу ацетилено-кислородный резак и инструменты, вылетел в открытый люк и ухватился за скобу. Потом аккуратно вытащил за собою шланг, который плавно зазмеился в открытом космосе. Затем Уинтер медленно двинулся вдоль обшивки, то и дело останавливаясь, чтобы проверить, не запутался ли шланг. Резак и набор инструментов были громоздкими, но в невесомости их тяжести он не чувствовал. Когда шланг растянулся почти до предела, Кузнецов схватил Патрика за руку и подтянул к себе.

— Ну вот, — показал он, — смотрите сами.

Круг света скользнул по гладкой металлической поверхности мимо сопла ядерного двигателя и остановился на пистонах, которые должны были оттолкнуть от корабля последнюю ступень. Те, что находились ближе к астронавтам, сделали свое дело — между «Прометеем» и ускорителем образовался зазор. Но с противоположной стороны виднелись какие-то металлические клочья, полураскрывшиеся пистоны и уцелевший стальной стержень. Кузнецов направил свет фонаря прямо на него.

— А вот и невзорвавшийся болт. Между прочим, американского производства.

— Зато опоры и пистоны советские, — усталым голосом огрызнулся Патрик. — Самое слабое место — это стык двух технологий. Что ж, нас предупреждали. Правда, от этого не легче. Но как же быть? До болта по меньшей мере пять метров. Нам туда не достать.

— Может быть, мы сумеем прикрепить резак к какому-нибудь шесту и дотянуться до стержня?

— Нет у нас на корабле никакого шеста. Придется что-нибудь приспособить. Хотя вряд ли мы что-нибудь найдем. Кроме того, пришлось бы зажигать резак здесь и тянуть его в горящем виде

мимо всех этих труб и сопла ядерного двигателя. Если что-то повредим — нам конец.

— Это уж точно, — кивнул полковник, открывая сумку с инструментами. Внутри в специальных гнездах находились приборы особой конструкции, предназначенные для работы громоздкими щупами в ледяном холоде космоса. Кузнецов осмотрел резак.

— Я подумал о том же. Единственный выход подобраться к болту и перерезать его.

— Для этого нужно будет задействовать астроскаф.

— Вы сами сказали, что времени на это нет. Я перережу болт и так, если вы мне поможете. Дайте-ка только проверю, работает ли эта штука... Отлично, выключаю.

— Полковник, о чем вы говорите? Ведь ваш шланг туда не дотянется.

— Разумеется. Я вдохну побольше воздуха, отсоединюсь от своего шланга, доберусь туда, перережу болт и вернусь. Я могу обходиться без кислорода три, а то и четыре минуты. Этого должно хватить. Если я потеряю сознание, то рассчитываю на вас — вы восстановите подачу кислорода.

— Не надо!

— Не делайте этого!

В интеркоме слышались встревоженные голоса членов экипажа.

— Молчать! — рявкнул Патрик. — Если хотите что-то сказать, то давайте по очереди. Надя.

— Я... я ничего не хочу сказать. Вы командир, вы и решайте. Но болт должен быть перерезан.

— Коретта, Элай? Больше никто не хочет высказаться?

После недолгой паузы в наушниках раздался голос Элая:

— Боюсь, нам нечего сказать. Мы здесь на положении пассажиров. Но нет ли какого-нибудь другого способа?

— Нет, — резко ответил Кузнецов. — А теперь пора начинать. Нельзя терять времени.

— Хорошо, — согласился Патрик. — Проблема номер один: как отсоединить шланг от вашего скафандра, избежав утечки кислорода? Если мы просто отвинтим его, весь кислород уйдет в космос.

— Я подумал над этим и считаю, что нашел ответ.

Полковник снова открыл сумку с инструментами и порылся в ней. Все они очень мало напоминали своих земных собратьев, ибо были рассчитаны на работу в совершенно других условиях. Маленький инструмент не удержишь в здоровенной негнущейся

рукавице скафандра. Не приходится рассчитывать и на помощь гравитации. Мы привыкли к работе силы тяжести и в обычных условиях не обращаем на нее внимания. На Земле все очень просто: вставляешь отвертку в шляпку винта и крутишь себе. В космосе так не получится. Без гравитации сразу сработает третий закон Ньютона: каждому действию соответствует противодействие. Крутишь отвертку в одну сторону, а сам при этом вращаешься в другую. Вот почему все космические инструменты были снабжены электродвигателями, работавшими на встроенных батарейках. Внутри крутился маховичок, создававший момент, который позволял вращать винт в противоположном направлении. Специальный рычаг помогал корректировать работу электромотора.

Полковник Кузнецов извлек из сумки гаечный ключ, очень мало напоминающий обычный немудрящий инструмент такого рода. Захват ключа управлялся мотором, который мог регулировать его ширину, а также силу и скорость поворота.

— Для чего вам это? — спросил Патрик.

— Сейчас увидите. Дайте мне, пожалуйста, резак. Баллоны лучше всего прикрепить к моей спине, чтобы не мешали.

Патрик повесил два баллона с горючим полковнику на спину; подающий шланг тянулся от них к пистолетной рукоятке резака. Кузнецов нажал на курок, одновременно включил кнопку зажигания; мощная искра воспламенила кислородно-ацетиленовую смесь. Полковник отрегулировал пламя, превратил его в длинную огненную иглу.

— Это первый этап, — сказал он. — А теперь, Патрик, подержите, пожалуйста, резак, только направьте пламя в другую сторону.

Полковник замолчал и начал глубоко вдыхать воздух, чтобы легкие наполнились кислородом. Это называлось гипервентилированием, то есть максимально возможным насыщением крови кислородом. Сквозь стекло скафандра Патрик увидел, как Кузнецов улыбнулся и кивнул, давая понять, что готов к следующему этапу. Он быстро поднес гаечный ключ к груди и включил мотор. Челюсти ключа сомкнулись на жизнеобеспечивающем шланге, соединяющем воздухоподачу с электропитанием и кабелем связи.

— Подача воздуха прекратилась, — прошептал Кузнецов, экономя воздух. — Резак...

Он взял у Патрика горящий резак и одним движением рассек

шланг — теперь на груди его скафандра болтался короткий обрубок.

Затем полковник уменьшил высоту пламени, махнул на прощание рукой и одним решительным движением перенесся за корму «Прометея».

— Что там у вас происходит? — спросил чей-то голос в наушниках Патрика. Уинтер сообразил, что остальные члены экипажа могут лишь догадываться о происходящем.

— Полковник Кузнецов собирается перерезать соединительный болт. Он перекрыл гаечным ключом свой кислородный шланг, чтобы не было утечки, а затем пережег резаком все кабели.

Патрик чувствовал, что его мысли путаются. Рядом в пространстве парил перерезанный кабель, похожий на садовый шланг для поливки растений. Но лилась из него не вода, а мелкая россыпь замороженных кристаллов кислорода.

— Надя, — сказал Патрик. — Перекрой кислородный шланг Кузнецова — утечка.

— Перекрыла, — ответила Надя, и поток кристаллов сначала ослаб, а потом вовсе прекратился. — Что там у вас происходит?

— Полковник прошел полпути. Трудно пробираться сквозь всю эту арматуру — в особенности без страховки. Осторожно!

Крикнув, Патрик сразу сообразил, что кабель связи перерезан и полковник все равно его не слышит. Кузнецов здорово рисковал — времени у него было совсем немного. В нормальной ситуации человек, обладавший таким опытом работы в открытом космосе, ни за что не взялся бы за подобное дело. Но выбора не было. Последние ярды, остававшиеся до болта, предстояло ползти по совершенно гладкой поверхности. До этого момента полковнику было за что ухватиться. Теперь же он на глаз прикинул расстояние и оттолкнулся от выступа, чтобы долететь до нужного места по инерции.

Однако ему не было видно то, что видел Патрик: баллоны с горючим, прикрепленные к спине Кузнецова, неминуемо должны были зацепиться за опорную стойку. Уинтеру оставалось лишь с ужасом смотреть, как полковник плывет в безвоздушном пространстве, готовый ухватиться за дефективный болт.

Однако прежде чем он успел это сделать, один баллон ударился о стойку, и Кузнецов отлетел в сторону, так и не достигнув цели. Удар развернул его тело, и тяжелые сапоги коснулись борта «Прометея». Воспользовавшись этим, Кузнецов оттолкнулся,

сделал сальто и попытался дотянуться до болта, но опять безрезультатно.

Его относило прочь от корабля и ускорителя — в глубины космоса. Рядом не было ни единой точки опоры.

Неопытный астроплаватель запаниковал бы, отчаянно пытаясь зацепиться за предметы, которые явно находились вне досягаемости, но Кузнецов был настоящим ветераном. Он все еще продолжал медленно вращаться после своей неудачной попытки, но теперь стремительно поджал ноги к груди, чтобы увеличить скорость вращения. А потом вытянулся в полный рост и, продолжая крутиться, ухватился за один из кабелей, свисавших с кормы. Только теперь Патрик заметил, что его наушники гудят от встревоженных голосов. Оказывается, наблюдая за действиями Кузнецова, он оцепенел от ужаса и ничего не слышал.

— Теперь все в порядке, — сказал он. — Полковнику было трудно добраться до болта, но он уже почти у цели.

— У него не хватит воздуха! — дрожащим голосом проговорил Сальников.

— Время еще есть, — успокоил его Патрик. — Полковник не только сделал упражнение по гипервентиляции, но и накачал немного кислорода в свой скафандр. Все будет нормально.

Кузнецов знал свое дело. Еще рывок — и он подобрался вплотную к болту, потом довольно долго его разглядывал. Лишь разобравшись, что к чему, полковник приступил к работе. Первым делом он прикрепился к борту «Прометея», затем медленно и методично включил резак, отрегулировал пламя и склонился над болтом.

— Получается! Он сейчас перережет болт! — заорал Патрик, да так громко, что у самого зазвенело в ушах. — Сталь сверхпрочная, но она уже раскалилась докрасна, я вижу это. Вот металл начинает плавиться! Почти готово! ЕСТЬ!

Зрелище было эффектным. Давление гидравлических пистонов, отталкивающих ступень от корабля, было так велико, что болт лопнул, прежде чем Кузнецов успел его перерезать. Распрямились мощные металлические руки и в полном безмолвии оттолкнули громаду ускорителя прочь. Корпус ракеты стал медленно удаляться в черноту.

— Есть, готово! — радостно прокричал Патрик. — Ступень отделилась. Кузнецов тоже в порядке. Вот он открепляется от борта и возвращается.

Он не стал говорить, что дела полковника, судя по всему, не так уж хороши. Прошло уже несколько минут, и запас кислорода

явно иссяк. Движения Кузнецова были вялыми, неуклюжими. Держась за обрубок болта, он хотел оттолкнуться и долететь до Патрика, но рука его соскочила. Полковник как бы завис в пространстве. Он тряхнул головой, пытаясь отогнать надвигающуюся черноту. Потом, собрав остаток сил, оперся обеими ногами о корму, выровнял тело и снова оттолкнулся.

Фигура в скафандре парила над обшивкой корабля, она проплыла мимо сопла ядерного двигателя, направляясь к Уинтеру. Кузнецов был, видимо, почти без сознания.

Но расчет его оказался не совсем точен. Безвольно разметавшиеся руки бездействовали. Патрик, ухватившись пальцами за скобу, натянул свой шланг до предела и попробовал достать до руки Кузнецова.

Не хватило совсем чуть-чуть. Задыхаясь, Уинтер рванулся вперед, но шланг не пускал.

Рука потерявшего сознание Кузнецова прошла в нескольких дюймах от пальцев Патрика. В солнечных лучах Уинтер увидел спокойное, безжизненное лицо с закрытыми глазами, и фигура в скафандре медленно проплыла мимо, навстречу космической бездне. Рука Кузнецова все еще была вытянута, словно в прощальном приветствии.

Глава 19

ПВ 05:32

Флэкс проглотил пилюлю, запив ее черным кофе, но лучше ему не стало. Боль в желудке не утихала, временами опаляя его изнутри огнем, словно просыпающийся вулкан. К тому же выпитый кофе был совершенно лишним: его мочевой пузырь и без того был переполнен; Флэкс уже забыл, когда последний раз отлучался в уборную. Ему казалось, что мочевой пузырь у него стал тугим, как баскетбольный мяч. Но отойти от пульта было нельзя.

— Послушай, Патрик. Нам нужна информация, — взмолился Флэкс. — Ты уже почти сорок минут не выходишь на связь. Мы лишь считываем данные с биосенсоров, а то бы и вовсе ничего не знали о вашем состоянии. А когда Кузнецов перерезал свой шланг, у нас тут чуть паника не началась. Кроме того, за все время полета ты включил телекамеры всего на 15 минут.

— Знаешь, у нас тут свои проблемы.

— Знаю. И не пытаюсь их преуменьшить. Но нам нужна ваша

помощь. Не буду вдаваться в подробности, но срочно необходима телетрансляция. Срочно!

— Понял тебя, Флэкс. Не возражаю. Прежде чем мы восстановим давление в пилотском отсеке, я покажу вам панораму из люка. Ждите.

Флэкс вздохнул, откинулся назад и немного оттянул пальцами пояс брюк, чтобы не так давило на мочевой пузырь. Потом отхлебнул еще кофе. Перед ним был дисплей с телевизионного монитора, на котором наконец возник сигнал, а затем и изображение. Флэкс связался по телефону с пультом обеспечения связи.

— У меня на экране появилась картинка, Боб. А у вас как дела?

— Представители телевизионных компаний рвут и мечут. Они готовы немедленно начать трансляцию.

— Скажи им, пусть подождут еще 60 секунд.

На пульте перед ним замигала лампочка, и Флэкс щелкнул переключателем. В наушниках раздался голос:

— Мистер Флэкс, вас вызывает мистер Дилуотер.

— Ему придется подождать.

— Но...

— Я сказал, пусть подождет. Свяжусь с ним, как только закончится сеанс связи с «Прометеем». Надеюсь, он меня поймет.

Флэкс отключил связь, не дожидаясь ответа, и довольно покивал головой: на экране появился крупный план люка, а потом вид Земли из космоса.

— Отличное изображение, Патрик. Задержи его на время. Телевизионные компании готовы начать трансляцию. У тебя все нормально?

— Роджер.

— Посылай сигнал, — приказал Флэкс. И тут же увидел на экране самого себя: за его спиной находилась телекамера.

— Переключите изображение на «Прометей». Видите в открытом люке земной шар? Майор Уинтер держит телекамеру и сам будет ею управлять. Начинайте передачу, «Прометей».

— Вот Земля, какой мы видим ее отсюда. Она вся окутана облаками. Корабль завершает свой третий виток, я не знаю, видно ли вам сквозь облака, но как раз сейчас мы пролетаем над Тихим океаном. Вон показалось Перу — над ним погода ясная. Сейчас я перемещу объектив... секундочку... ну вот — теперь вы видите удаляющуюся ступень. Она расположена на более низкой орбите под углом примерно 15 градусов к нашему корпусу.

Флэкс нажал одну из кнопок на пульте.

— Отключите в телетрансляции звук, но изображение не трогайте. Скажите им, что по техническим причинам. — Он включил связь с «Прометеем». — Алло, «Прометей», отличная картинка, Патрик, и комментарий что надо. То, что я скажу тебе сейчас, по телевидению не транслируется. Видишь пятнышко света чуть влево от ускорителя?

— Вижу.

— Неужели это...

— Да, это полковник Кузнецов. Его тело тоже следует за нами по орбите. И говорю тебе заранее: даже не проси. Я не собираюсь развлекать вас видом его трупа.

— Просто доложи, что произошло, вот и все.

— Ты сам знаешь. Я продолжу телесъемку еще ровно одну минуту, а потом закрываю люк и буду восстанавливать давление в отсеке. Нам надо работать.

— Ладно, ты снова в прямом эфире, — вздохнул Флэкс и велел вернуть звук.

— Корпус ракеты будет понемногу отставать от нас, пока не сойдет с орбиты и не вернется на Землю для мягкой посадки. Сейчас я передам телекамеру майору Калининой и закрою люк. После восстановления давления в пилотском отсеке мы начнем готовиться к выходу на окончательную орбиту.

Изображение дернулось, камера перешла из рук в руки. Флэкс простонал, боясь, что у него вот-вот лопнет мочевой пузырь. На пульте снова замигала лампочка.

— Мистер Дилуотер настаивает на разговоре с вами, мистер Флэкс.

— Еще несколько секунд.

— Он не стал ждать и отправился в Центр.

— Черт подери!

Флэкс прервал связь и развернулся на стуле. Действительно, на балконе зала появилась фигура в темном костюме. Это наверняка был Дилуотер — кто еще станет в техасскую жару расхаживать в деловой тройке. Руководитель НАСА направился прямиком к пульту.

— Флэкс, ваше присутствие необходимо в конференц-зале.

— Дилуотер, я бы немедленно туда отправился, но, как я уже сказал, в настоящий момент не могу оставить свой пост. Ядерный двигатель...

— Этим займется ваш помощник. Я прилетел в Хьюстон из Вашингтона специально на пресс-конференцию, хотя мог бы ответить на вопросы журналистов и в столице. Пресс-конференция устроена здесь исключительно из-за вас. Я высоко ценю ваши де-

ловые качества, Флэкс, равно как и служебное рвение. Но если вы немедленно не последуете за мной, я отрешу вас от должности и поручу руководить полетом вашему помощнику. Вы будете уволены из НАСА раз и навсегда. Вам понятно?

Впервые в жизни Флэкс не нашелся что сказать. Пауза затянулась, и он понял, что спорить тут не о чем. В конце концов, можно отлучиться на то время, пока восстанавливается давление в пилотском отсеке, а потом еще Патрик будет снимать скафандр.

— Спендлав, сядьте к пульту, — приказал Флэкс, снял наушники и швырнул их на стол. — Иду, иду. Только сперва в туалет забегу.

Он встал, и от резкого движения мочевой пузырь чуть не лопнул. Пришлось идти очень осторожно. Дверь мужского туалета маячила впереди, как врата рая; Флэкс толкнул ее и шагнул внутрь.

Дилуотер дожидался снаружи. Когда Флэкс вышел, брови шефа были чуть приподняты. И неудивительно: Флэкс наверняка поставил рекорд по продолжительности мочеиспускания. Однако он не счел нужным объяснять Дилуотеру причину задержки. Они отправились к лифту.

— Введите меня в курс дела, — попросил Флэкс.

— Все очень просто. Несколько часов назад одна из нью-йоркских газет напечатала сенсационную статью. Новость подхватили все средства массовой информации планеты. Скандал разрастается. Вы слышали об этом?

— Только в общих чертах. Кто-то из наших выступил по телевизору. Якобы «Прометей» может превратиться в новую атомную бомбу. Полная чушь!

— Рад, что вы так думаете, Флэкс. Однако приберегите ваши аргументы и возмущение для прессы. Как только президент Бэндин услышал об этом скандале, он немедленно отправил меня сюда на специальную пресс-конференцию, цель которой положить конец подобным слухам. Полет на сверхскоростном истребителе был малоприятным, поэтому прошу извинить мне мою раздражительность.

— Кто из журналистов приехал? Какие средства массовой информации представлены?

— Приехали все. Полный набор. Нам придется быть очень осторожными. Рассчитываю на вашу помощь.

Флэксу стало неуютно. Он терпеть не мог больших скоплений народа, в особенности же не любил, когда на него обрушивались с вопросами подозрительные репортеры. В таких случаях он чувствовал себя зажатым в угол и голос его срывался на крысиный фальцет. Окружающим это доставляло массу удовольствия, но Флэкс, попадая в подобную ситуацию, очень страдал. Ему ужасно захотелось выпить. В комнате за конференц-залом был бар, но что на это скажет Дилуотер? «Ну и черт с ним», — подумал Флэкс.

— Я на секундочку загляну к Джеку, — сказал он, поворачивая ручку двери.

Брови Дилуотера снова поползли вверх.

— За каким чертом?

— Если вас это интересует, хочу пропустить стаканчик.

Брови шефа НАСА вернулись в исходное положение, а уголки губ дрогнули в чуть заметной улыбке.

— Знаете, я с вами.

Дилуотер выпил сухого шерри, а Флэкс налил себе полбокала виски, плеснул туда немного воды и залпом проглотил.

— Господи боже, — вздохнул он, слегка хлопнув себя кулаком по животу. — Это меня или вылечит, или доконает.

Флэкс громко рыгнул и передернулся. Дилуотер аккуратно допил шерри, вытер губы платком и жестом показал на дверь:

— Пожалуйте в клетку со львами, Флэкс. Боюсь, у нас нет другого выбора.

Они вышли в конференц-зал через боковую дверь и были замечены журналистами не сразу. На трибуне стоял пресс-секретарь проекта Минфорд, отвечавший на вопросы репортеров. Судя по залитому потом лицу, Минфорду приходилось не сладко. Наконец вновь прибывших заметили — головы стали поворачиваться в их сторону, защелкали фотоаппараты. У Минфорда было такое выражение лица, словно его только что вытащили из клетки с хищниками.

— Минуточку терпения! — объявил он. — Сейчас вы сможете задать свои вопросы людям, которые полностью в курсе дела. Саймона Дилуотера вы знаете. Он только что прилетел из Вашингтона, чтобы встретиться с вами. Рядом с ним доктор Флэкс, который с момента старта находится в Центре управления полетом, у самого руля. Он постоянно поддерживает связь с астронавтами. Прошу обращаться с вашими вопросами к нашим гостям...

Репортеры замахали руками, карандашами и блокнотами. В зале поднялся гул — каждый хотел, чтобы на него обратили внимание. Минфорд быстрым взглядом окинул аудиторию и отдал предпочтение научному обозревателю из «Лос-Анджелес таймс».

Это был старый знакомый пресс-секретаря, и он надеялся, что вопрос будет не слишком жестким.

— Мистер Флэкс, расскажите, как обстоят дела на «Прометее».

Флэкс чуть-чуть расслабился — с этой стороны опасности вроде не было.

— Как вам стало известно, ступень удалось отделить. В настоящее время экипаж восстанавливает давление в пилотском отсеке, чтобы там снова можно было находиться без скафандров. Согласно программе полета, на следующем этапе будет осуществлена проверка ядерного двигателя, с помощью которого «Прометей» переместится на свою окончательную орбиту...

В зале снова замахали руками, и Минфорд ткнул пальцем в репортера, сидевшего ближе всего к сцене.

— А что с корпусом ракеты, с последней ступенью? Не вызовет ли она страшных разрушений, упав на Землю? Правда ли, что этот взрыв по мощности не уступит атомной бомбе?

В зале стало тихо, все ждали ответа. Флэкс отвечал медленно, загибая пальцы.

— Во-первых, с орбиты ничего не может «упасть», так что не верьте всякой ерунде. Последняя ступень, как и пять предыдущих, будет выведена на надлежащую орбиту и совершит мягкую посадку. Во-вторых, если даже что-то не заладится — хотя такое трудно предположить, — в самом худшем случае этот ускоритель сгорит в плотных слоях атмосферы.

— Значит, трудно предположить, что будут неполадки? — спросил громкий голос из зала. — А как же тогда квалифицировать неисправность двигателя последней ступени и трудности с ее отделением?

Флэкса прошиб пот.

— Возможно, я не совсем точно выразился. Разумеется, нельзя полностью исключить неконтролируемое приземление ускорителя, но в подобном случае, как я уже сказал, он должен полностью сгореть в атмосфере.

— Так он не может упасть на какой-нибудь город и взорваться?

— Ни в коем случае. Люди запустили в космос уже несколько тысяч ракет, каждая из которых имела ускорители. Все они сгорели, попав в земную атмосферу. Ни одна из них не принесла ни малейшего ущерба.

Один из корреспондентов упорно тянул руку с самого начала пресс-конференции, и Минфорд уже не мог его игнорировать.

— Мистер Реддич, — сказал он.

Обозреватель журнала «Ньюсуик» считался звездой журналистики и был хорошо известен всем присутствующим. Наступило молчание — репортеры ждали вопросов Реддича, который умел спрашивать о том, что интересовало всех.

— Ваши аргументы весьма убедительны, доктор Флэкс, — начал Реддич, — но, насколько я понимаю, речь идет об ускорителях гораздо меньшего размера, не так ли?

— Возможно. Однако разница не столь уж велика.

— Неужели? — В голосе Реддича послышалось явное недоверие. — Ускорители этого типа гораздо больше всех предшествующих, а сам «Прометей» во много раз тяжелее любой из ступеней. Разве не так?

— Да, но...

— Ладно, забудем на время об ускорителе. Скажите, что произойдет, если сам «Прометей» рухнет на Землю? Не пробьет ли он в земной поверхности здоровенную дыру?

— Но «Прометей» никогда не вернется на Землю. — Флэкс чувствовал, как под рубашкой по его телу стекают ручейки пота. — Корабль уже выведен на орбиту, вскоре он включит свой двигатель и переместится на заданную высоту.

— Разве сейчас корабль находится не на угасающей орбите? Насколько мне известно, если не удастся в ближайшее время включить ядерный двигатель, корабль войдет в соприкосновение с атмосферой и упадет на Землю. Правда ли, что на этой орбите он может продержаться еще максимум восемнадцать часов?

Флэкс не знал, что ответить. Откуда у Реддича эти сведения? Проболтался кто-то из своих — у НАСА все данные были. Как выпутаться из этой ситуации?

На помощь ему пришел Дилуотер. Как всегда спокойный и невозмутимый, он покашлял в микрофон и кивнул Реддичу:

— Сегодня приходится выслушивать слишком много сплетен. Некоторые безответственные личности безо всяких на то оснований разжигают страсти. Господа журналисты, я вполне понимаю вашу обеспокоенность, которой и объясняются все эти вопросы. Вы наслушались сплетен и хотите знать, насколько они соответствуют действительности, есть ли в них хоть крупица правды, а если нет, то вы готовы положить конец абсурдной и, я бы сказал, опасной дезинформации. Вы ведь не любители жареных фактов, а представители свободной прессы, и главная ваша цель — поиск истины...

— Так изложите нам истину, — прервал его Реддич, ничуть не

сбитый с толку всей этой демагогией. — Повторяю свой вопрос. Если часов этак через шестнадцать «Прометей» войдет в плотные слои атмосферы, что произойдет тогда?

— Ровным счетом ничего. Прежде всего потому, что с «Прометеем» подобного случиться не может. Пока мы с вами тут беседуем, астронавты проверяют готовность двигателя и вскоре его включат. У нас были кое-какие проблемы, но мы с ними справились. Полет проходит нормально.

«Дай бог, чтобы ты не ошибся, — подумал Флэкс. — Иначе расплата будет дорогой». Он незаметно сунул руку под стол и постучал костяшками пальцев по дереву.

Глава 20

ПВ 05:39

— Прямо как на подводной лодке, — сказала Коретта, глядя на круглый люк с круглой, герметически завинчивающейся крышкой в полу жилого отсека.

— Да, принцип тот же, — ответил Патрик, поворачивая колесо замка. Элай держал его за ноги, чтобы обеспечить точку опоры. — Сейчас по ту сторону люка — вакуум. Наши два отсека — экипажа и пилотский — представляют собой единую капсулу, которая в чрезвычайной ситуации может быть катапультирована отдельно от остальной части корабля. Ниже расположен узел управления ядерным двигателем, к которому мы и собираемся подобраться. Я жму вот на этот рычаг, и моторный отсек герметизируется с противоположной стороны. Вот так. Теперь давай ты, Элай. Возьми гаечный ключ и отвинти болты с нашей стороны.

Работенка была не из легких. Через несколько минут Элай начал чертыхаться.

— Какого черта их прикрутили так сильно? — возмутился он, пристраивая гаечный ключ к очередному болту.

— Ты сам знаешь, зачем это нужно, — ответил Патрик, аккуратно кладя вынутый болт в специальный пластиковый мешочек, висевший у него на поясе. — По ту сторону люка вакуум. Если бы произошла хоть малейшая утечка кислорода, нам пришлось бы дальнейший полет совершать в скафандрах. Теперь же, когда мы загерметизировали моторный отсек с той стороны, в нем можно будет работать в обычной одежде, что значительно удобнее.

Элай зажал ключом последний болт и включил кнопку электромотора. Болт закрутился и высвободился, однако Элай не успел вовремя отключить гаечный ключ, и поэтому болт, бешено крутясь, отлетел в сторону, ударился о дверцу стенного шкафа и рикошетом попал прямо в ногу Наде. Она взвыла от боли.

— Элай, кретин несчастный! — прорычал Патрик, обернулся и крикнул: — Коретта, немедленно сюда!

Потом грубо оттолкнул Брона в сторону, точнее, оттолкнулся от его плеча, чтобы перелететь к Наде. Та вращалась в воздухе, зажимая обеими руками раненую лодыжку. Под штаниной темнело пятно крови. Патрик уложил Надю на кушетку.

— Ничего страшного, — сказала она. — Просто я никак не ожидала...

Уинтер прикрепил Надю к кушетке, достал из кармана нож и осторожно разрезал намокшую от крови ткань. Рана выглядела не особенно опасной, хотя и обильно кровоточила. К Наде уже подлетела Коретта с аптечкой в руке.

— Покажите-ка, — сказала она, доставая стерильную салфетку. — Рана небольшая, можно обойтись и без швов. Хватит и пластыря. Патрик, подержи-ка аптечку.

Быстро и профессионально она обработала рану. Уинтер обернулся и посмотрел на двух остальных астронавтов. Элай виновато опустил голову, а Сальников, похоже, еще не оправился от неожиданности.

— Слушайте меня внимательно, — сказал Патрик. — У нас только что произошел несчастный случай. На этот раз ничего особенного не стряслось, а ведь могло кончиться плохо. Мы и так уже потеряли одного члена экипажа. Полковник Кузнецов погиб, исправляя чужую ошибку, допущенную еще на Земле. Неисправности в космосе никогда не бывают случайными — всякий раз это последствие чьей-то ошибки. Я хочу, чтобы мы с вами ошибок не делали. Мы просто не можем больше позволить себе никаких несчастных случаев, понимаете? У нас сейчас только одно важное дело, все остальное не имеет значения. Мы должны завести двигатель. Я хочу, чтобы все вы оставались на своих местах, пристегнутые к кушеткам. Конечно, вам будет не очень удобно, но зато не станете путаться под ногами. Это относится и к тебе, Элай.

— Но я...

— Заткнись! У меня нет времени вдаваться в объяснения, препирательства или заниматься пустой болтовней. Так что закрой рот и помалкивай. Все остальные — тоже. Сейчас я открою этот

люк и закреплю его. Потом спущусь вниз и проверю, в порядке ли нижний люк. После этого включу интерком и вызову тебя, Элай. Мы вместе включим двигатель. Остальным оставаться на своих местах — вы можете понадобиться.

Уинтер был раздражителен и сам чувствовал, что говорит грубо. Но он слишком устал, чтобы изображать вежливость. К тому же на карту сейчас было поставлено все, и он это знал. Надя была опытнее других. Патрик еще не договорил, а она уже пристегнула Коретту к кушетке и сама села рядом, ожидая дальнейших приказаний. Коретта слушала Патрика, заканчивая накладывать повязку. Доктор Брон побагровел от ярости, но спорить не стал — уже неплохо. Только Григорий Сальников выглядел отчужденным и непонимающим; он насупился и отвернулся. Сальников был пока на положении пассажира — всем мешал, ничего не делал... Что ж, придется ему потерпеть, пока «Прометей» не выйдет на рабочую орбиту. Тогда у Сальникова дел хватит.

Патрик поднял крышку люка и закрепил ее специальными зажимами. Потом прицепил гаечный ключ к поясу и влетел в туннель головой вперед. Проход был не намного шире плеч, и чувствовал в этой узкой трубе Уинтер себя неуютно. Ему казалось, что стены мешают дышать. Усилием воли Патрик отогнал клаустрофобию, зная, что подвержен ей лишь в моменты крайней усталости. Он действительно совсем выбился из сил. Сколько часов он уже не спал? Из-за бесконечных задержек старта Патрик потерял счет времени. Во всяком случае, прошло не меньше суток. Лучше об этом не думать. Сейчас главная цель — нижний люк, к которому он летит. Уинтер вытянул руку вперед, уперся в крышку люка и остановился. Пристегнувшись к ближайшей скобе, он достал гаечный ключ. Чуть позади горела лампочка, но собственная тень мешала Патрику рассмотреть болты. Очередной недосмотр технологов. Кое-как он все же отвинтил болты один за другим: включить электромотор; зажать следующий — и так далее. Освобожденная крышка сама выплыла ему навстречу. Уинтер раскрыл ее пошире и влетел в моторный отсек. Прикрепившись к стене, он включил интерком:

— Элай, давай ко мне.

Физик-ядерщик медленно выплыл из туннеля, притормозил и повернулся. Проведя несколько часов в космосе, все члены экипажа начинали уже сносно передвигаться в невесомости.

— Какая чудесная машина, — не удержался от улыбки Элай. — Ты только посмотри — сам ядерный реактор стоит семь миллионов долларов, а урановое топливо, на котором он работает, обошлось и того дороже.

Двигатель был отсюда не виден — он находился с внешней стороны, за водородным баком и 25-тонным биологическим щитом, призванным уберечь астронавтов от радиации. В отсеке был лишь пульт управления — довольно сложный, со множеством кнопок и датчиков. По-прежнему улыбаясь, доктор Брон уселся на стул перед пультом и пристегнулся.

— Так. Теперь включим эту штуковину и как можно быстрее подготовимся к полету.

Он нажал какую-то кнопку, и пульт сразу же ожил. Элай дал компьютеру команду, и тот изобразил на боковом дисплее последовательность предстартовых операций. Тем временем на главном дисплее появилась многоцветная схема, объединявшая информацию о состоянии всех звеньев управления. Элай быстро проверил всю систему и отключил предохранительный ингибитор. Потом еще раз проверил всю цепь: водородный бак был полон; двигатель стартовой системы и клапаны готовы к работе; сопла двигателя прочищены...

Патрик молча наблюдал, как Элай прогоняет на дисплее весь цикл. Наконец Брон откинулся на спинку стула, полностью удовлетворенный, и показал Уинтеру два больших пальца.

— Проверка окончена. Все в порядке. Супер о'кей, *очень о'кей.* Свяжись с Центром и скажи им, что можно начинать, мы готовы к старту. — Он посмотрел на табло Полетного Времени. — Сейчас 09:16. В относительной безопасности мы можем находиться на этой орбите двадцать четыре часа. Это значит, что остается всего 14 часов 44 минуты, а это не слишком много. Передай Центру, что мы торопимся — нам еще нужно успеть на свою орбиту.

Глава 21

ПВ 05:45

Академик А. А. Цандер был человеком старым и своего возраста не скрывал. Он выглядел дряхлым восьмидесятилетним старцем с растрепанными седыми космами и окладистой белоснежной бородой. Цандер и в молодости не отличался статью, а с годами совсем ссутулился и теперь, разговаривая с людьми, должен был запрокидывать голову. Тем не менее академик был вовсе не так дряхл и слаб, как это могло показаться. И за минувшие годы не раз доказывал свои бойцовские качества. Для того чтобы

достигнуть столь высокого поста в Академии наук, мало было научных заслуг — требовался еще и талант политического интригана. Цандер был щедро одарен всеми нужными качествами; однако ему уже стукнуло 83, и он знал: нужно беречь силы для критических моментов.

Сейчас он лежал в своем кабинете на кожаном диване и спал, сцепив длинные белые пальцы на груди. Дышал академик так тихо, что его можно было принять за покойника. Однако стоило двери чуть-чуть приоткрыться, как Цандер тут же пробудился.

— Который час? — спросил он.

— Почти полночь. Пришел американский полковник. Вы просили...

— Да-да. Сейчас спущусь.

Трех часов сна Цандеру было вполне достаточно, чтобы восстановить силы перед предстоящей ночной работой. Он сполоснул лицо и руки водой, вытерся полотенцем. Потом зажег русскую «папиросу» — своеобразную сигарету, в которой бумаги больше, чем табака. Сунув в карман запасную пачку курева, Цандер вышел в коридор. Там было тихо и пустынно; академик шагал медленно, чтобы не расходовать силы попусту. Он чувствовал, что энергия ему сегодня понадобится.

В Центре наземного командования, в отличие от темных коридоров, горел свет и было шумно. Здесь билось самое сердце Капустина Яра, командного пункта, куда поступали все данные и откуда исходили все приказы. Полковник О'Брайен, скромно стоявший у стены, был счастлив, что оказался здесь. В течение десятилетий вся близлежащая зона считалась совершенно секретной, и прочесть о ней можно было лишь в отчетах ЦРУ — да и то безо всяких подробностей. Русские называли командный пункт в Капустином Яре КЯЦНК — в своей любви к аббревиатурам они вполне могли поспорить с американцами. Сюда сходились все нити советских ракетных и спутниковых систем. Сейчас, правда, командный пункт ракетных войск был перенесен отсюда в какое-то иное место — полковник О'Брайен не знал, куда именно. Возможно, ЦРУ было в курсе. В Капустином Яре остался только Центр управления космическими программами, отвечавший за благополучное приземление ускорителей «Прометея». А поскольку проект был совместным, приходилось терпеть присутствие и американского наблюдателя, обеспечивавшего связь с Хьюстоном.

Как долго русские виляли и финтили, стараясь этого избежать! Вопрос обсуждался во все более и более высоких инстанциях, и в

конце концов ЦК принял соответствующее решение, ведь выше обращаться было уже некуда. На следующий же день в Капустин Яр прибыл полковник О'Брайен, много лет мечтавший о подобной возможности.

Он был поначалу несколько разочарован, убедившись, что советские, как всегда, переусердствовали по части секретности. Тут не было ничего такого, что отсутствовало бы в Хьюстоне. В Хьюстоне, пожалуй, оборудование было даже посовременнее. И все же наблюдать за работой русских оказалось очень интересно: можно было получить представление и о том, как они управляют ракетными системами. О'Брайен вовсе не считал себя сторонником холодной войны, но все же являлся человеком военным, а потому стремился выяснить как можно больше — глядишь, и пригодится. Полковник относился к новому типу военных — имел ученые степени по математике и физике, но при этом оставался честным солдатом. Зажав под мышкой портфель, он с любопытством разглядывал рабочую суету в зале и пульты управления, к виду которых уже успел привыкнуть. Никаких особенных новинок здесь не было, но система работала, и очень неплохо.

— Данные принесли? — спросил по-русски низкий хрипловатый голос.

— Так точно, сэр, — ответил О'Брайен тоже по-русски, ибо владел этим языком в совершенстве. Обернувшись, он отдал честь генерал-лейтенанту В. Ф. Быковскому, руководителю проекта с советской стороны. Быковский небрежно отсалютовал в ответ; вид у него был расслабленный и, пожалуй, скучающий. Однако О'Брайен знал, что внешность обманчива. Генерал-лейтенант был председателем КОК при МККИ, то есть Комиссии по освоению космоса при Межведомственном комитете космических исследований. Таким образом, он являлся руководителем всех советских проектов, подчиняясь непосредственно ЦК. Большой начальник. О'Брайен открыл портфель и достал толстую стопку бумаг.

— Вот последние данные об орбите «Прометея», полученные всего час назад, а также расчет на три следующие орбиты.

— Очень хорошо, — кивнул генерал, протягивая руку.

— Не «очень хорошо», а просто отлично, — сказал, присоединяясь к ним, Цандер. — Эти данные помогут нам уточнить нашу собственную орбиту.

Старик едва доставал до плеча обоим военным, но в данном случае рост не имел значения. Тот, на ком лежала основная ответственность, и был здесь главным. А за приземление ускорите-

лей отвечал Цандер. Принесенные О'Брайеном бумаги предназначались в первую очередь ему. Академик быстро пролистал их, бормоча что-то себе под нос.

— Как вы намерены поступить с последней ступенью? — как бы между делом поинтересовался О'Брайен. Губы Быковского искривились в легкой улыбке, но взгляд узких татарских глаз остался серьезным.

— Будем сажать, полковник, как же иначе? А для чего же мы тут?

— Разумеется, генерал. Но вы ведь знаете, что там какие-то проблемы с двигателем. Падкие на сенсацию журналисты уже подняли шумиху о возможных последствиях падения ускорителя на Землю.

Отлучившийся ненадолго Цандер появился вновь; к губе его прилипла папироса, седые волосы разлохматились еще больше обычного. Пачка бумаг, которую академик держал под мышкой, стала еще толще.

— Господа, нам нужно поговорить. Можем мы воспользоваться вашим кабинетом, Валерий Федорович?

— Конечно, — кивнул Быковский и первым вышел из зала. Он отлично понял, почему Цандер предложил провести беседу у него в кабинете. Это помещение было снабжено подслушивающей аппаратурой, а значит, каждое слово будет записано и запротоколировано. Никто не сможет потом сказать, что имели место какие-то тайные переговоры или было заключено секретное соглашение. Да, старик Цандер недаром достиг столь преклонного возраста и столь высокого положения.

— Садитесь, господа. Хотите водки?

Цандер только покачал головой, но О'Брайен с удовольствием согласился. Он хорошо знал, какое количество этого огненного напитка может употребить безо всякого для себя вреда. Именно столько он всегда и выпивал — и ни капли больше. Водка была польская, настоянная на зверобое, — О'Брайен любил этот сорт больше всего.

— За ваше здоровье! — произнес Быковский, они опрокинули по рюмке, и генерал тут же налил еще. — Что вы хотели с нами обсудить, академик?

— Вы сами знаете. Нам нужно непременно осуществить посадку последней ступени. Хотите ли вы, генерал, чтобы мы провели эту операцию в одностороннем порядке, или же будет лучше, если полковник О'Брайен тоже примет участие в решении данного вопроса?

Быковский вздохнул про себя, опрокинул еще одну рюмку и подумал о спрятанных микрофонах, а также о тех, кто в скором времени будет слушать эту беседу. Как хорошо, что он предвидел возникновение данной проблемы заранее и успел сделать ряд необходимых звонков. Решение было принято на высшем уровне — генерал имел надежное прикрытие.

— Тут не может быть двух мнений, — пожал он плечами (еще бы, после нескольких часов телефонных переговоров!), — ведь проект совместный. Полковник предоставил нам весьма ценные данные об орбите. Ну а за приземление ступени он ответственности не несет. Такая позиция вас устраивает?

О'Брайен отхлебнул из рюмки, лицо его было невозмутимо. «Ловко придумано, — отметил он. — Если приземление пройдет успешно, все лавры достанутся русским. Если произойдет сбой, они всегда смогут свалить вину на американские данные, и тогда придется разделить с ними ответственность. Советская методика. Все-таки политики из Пентагона по сравнению с русскими — щенки». Наконец полковник кивнул.

— Стало быть, решено, — подытожил Цандер. — Теперь переходим к нашей проблеме. Предыдущие попытки включить двигатель ускорителя были безуспешны. Согласно полученным данным, двигатель номер три неисправен, поэтому его пришлось отключить. Надеемся, что двигатель номер один тоже отключен, иначе баланс двух остальных двигателей будет нарушен. Правда, двигатели два и четыре тоже не желают включаться.

— А вспомогательные двигатели? — спросил О'Брайен.

— Их еще не проверяли. С этим придется подождать до того, как мы примем решение. Большая проблема — горючее, оставшееся в цистернах ускорителя. Примерно 24% емкости.

— Это сколько? — спросил генерал.

О'Брайен потыкал пальцем в калькулятор и ответил:

— Примерно 600 тонн. Смесь водорода и кислорода. Самое взрывоопасное химическое соединение.

— Это мне известно, — равнодушно прокомментировал Быковский. — Продолжайте, Цандер.

— Итак, топливо — большая проблема. Но все же, на мой взгляд, повода для излишнего беспокойства здесь нет. Основная часть горючего будет израсходована до приземления, а остаток, как уверяют мои сотрудники, опасности не представляет. Он тихо-мирно догорит уже после посадки. Но все пройдет гладко лишь в том случае, если мы сможем включить двигатель ускорителя и обеспечить управление его полетом. Обратите внимание

на это самое «если». Нужно быть готовым к тому, что нам *не удастся* произвести зажигание и контролировать движение ускорителя.

О'Брайен кивнул:

— Да, не следует слишком надеяться на контрольную систему, которая подвела нас уже дважды.

— Очевидно, вы правы. Но мы составили новую программу и теперь можем осуществлять прямое управление двигателями с помощью цифрового контроля. Альтернатива у нас с вами такая: мы можем сидеть сложа руки, и тогда через несколько часов ускоритель сам сойдет с орбиты. И сгорит в плотных слоях атмосферы.

— Вы уверены? — тихо спросил О'Брайен.

— Я понимаю, полковник, — кивнул Цандер, поморгав своими обманчиво-добродушными глазками. — Вы имеете в виду сообщения в прессе. Это полная чушь, сочиненная людьми, не имеющими ни малейшего представления о физике, орбитальных полетах и вообще науке. Ускоритель не смог бы находиться в космосе, если бы внутри его не поддерживалось постоянное давление. По сути дела, он представляет собой консервную банку с очень тонкими стенками. Банка эта наполнена легко воспламеняющимся горючим. Уверяю вас, вся эта конструкция наилучшим образом сгорит, если войдет в атмосферу. Но, с другой стороны, аппарат стоит больших денег, и сам смысл программы «Прометей» состоит в том, чтобы использовать ускорители многократно. Иначе результат проекта окажется нулевым. Кроме того, очень хотелось бы осмотреть двигатели и всю схему, чтобы выявить огрехи и никогда больше их не повторять.

— Все это весьма веские причины, — согласился О'Брайен. — Но, я полагаю, вы не хотели бы взять на себя ответственность за иной исход дела: вдруг ускоритель все-таки проделает здоровенную дыру в ландшафте какого-нибудь государства да еще отправит на тот свет его мирных граждан?

Цандер зажег новую папиросу и благодушно покивал головой:

— Сказано ясно и прямо, по-американски. Да, именно в этом суть проблемы. Вы согласны со мной, генерал?

— Конечно, — сказал Быковский и стал быстро расхаживать по кабинету взад-вперед, сложив руки за спиной, похожий в эту минуту на медведя в клетке. — Таким образом, у нас два варианта действий. Первый: мы ничего не предпринимаем и просто ждем, пока ускоритель сгорит в атмосфере. При этом остается весьма незначительная вероятность того, что произойдет взрыв. Второй:

мы пробуем включить двигатели и восстановить контроль над ускорителем. Скажите, а нет ли третьего варианта — допустим, мы включаем двигатели и выстреливаем ступень на более высокую орбиту, чтобы отложить решение проблемы?

— Это возможно, но равнозначно признанию своего поражения. В этом случае мы как бы публично подтвердим, что опасность действительно существует, что мы не способны управлять собственной техникой и в случае неисправности попросту отправляем ее подальше в космос.

— Да, академик, такой путь для нас не подходит. Стало быть, у нас по-прежнему только два варианта: ничего не предпринимать и дать ускорителю просто сгореть или начать действовать и, возможно, все-таки посадить его на Землю. Если же успешной посадки не получится, ускоритель все равно сгорит, как и в первом варианте.

— Я рассуждал точно так же, генерал, — сказал Цандер. — Бездействие означает верную потерю ускорителя. Действие может привести к тому же, но может и увенчаться мягкой посадкой, что было бы крайне важно.

— Тогда ответ напрашивается сам собой. Не правда ли, полковник? — Генерал повернулся к О'Брайену, склонив голову набок в ожидании ответа.

— Очень хотелось бы с вами согласиться, — медленно сказал американец. — В обоих случаях мы рискуем потерять ускоритель, но во втором случае у нас появляется шанс его спасти. Тем не менее не осмеливаюсь давать вам совет, поскольку я здесь на положении наблюдателя. Кроме того, вы, по-моему, уже приняли решение.

Слушая О'Брайена, Цандер широко раскрыл глаза.

— Я в восторге от неопределенной определенности вашего ответа, — сухо заметил он. — Если оставите военную службу, можете сделать хорошую политическую карьеру, полковник.

О'Брайен слегка поклонился и улыбнулся. Потом все снова посерьезнели.

— У нас мало времени, генерал, — сказал академик. — Могу я считать, что решение принято?

— По-моему, у нас нет другого выхода. Нужно попытаться доставить ускоритель на Землю в целости и сохранности. Приступайте к программе возвращения.

После этого говорить было уже не о чем. Цандер подождал, пока военные выпьют еще по рюмке водки, а затем все вместе они отправились в Центр. В углу общего зала, за специально ус-

тановленной стеклянной перегородкой, находился кабинетик О'Брайена. На расположенный там пульт поступали данные почти со всех компьютеров и датчиков Центра. Полковник имел в своем распоряжении шестерых сотрудников, сержантов американекой армии. Кто-нибудь из них всегда находился на посту. Правда, дисциплина в воинстве О'Брайена хромала, и, когда полковник вошел в кабинет, сержант Сильверстейн просто помахал командиру рукой. При этом он не преминул отстучать на телетайпе, что О'Брайен вернулся на свое рабочее место. Телетайп немедленно выдал ответ.

— Вас тут с нетерпением дожидаются, полковник, — сказал Сильверстейн. — В Вашингтоне и Хьюстоне хотят получить информацию о решении русских: собираются ли они осуществлять мягкую посадку последней ступени?

— Иными словами, они хотят знать, что произойдет с этим чертовым ускорителем?

— Видимо, так.

— Сообщите им, что в ближайшее время будет предпринята попытка осуществить мягкую посадку ступени с помощью орбитального ускорения с последующим торможением. Детали передам позднее.

— Роджер.

Телетайп снова загудел, а О'Брайен подключился к системе связи. Компьютеры Центра находились в прямом контакте с компьютером ускорителя: они задавали ему вопросы и получали ответы. Самое важное сейчас было выяснить, как расположен в пространстве корпус ускорителя: куда направлен нос — вверх или вниз; куда помчится ступень — к Земле или к звездам? После аварийного отделения от «Прометея» корпус ракеты перевернулся, и теперь его положение нужно было корректировать. Для этой цели на борту имелись маневровые ракеты. Заодно можно будет проверить, способны ли столь маломощные устройства управлять движением гигантского ускорителя, находящегося сейчас в восьмидесяти пяти милях от поверхности Земли.

— Приступайте к осуществлению программы, — спокойно сказал академик Цандер, убедившись, что все подготовлено как следует.

— Поехали!

Прошло несколько минут, прежде чем были обработаны полученные данные. В Центре возникло радостное оживление.

— Полковник, русские чему-то радуются, — сообщил Сильверстейн.

— Они полдела сделали, сержант. Можете передать руководству, что орбитальный маневр, судя по всему, удался. Ускоритель развернут в нужном направлении. Можно включать двигатели. Если, конечно, они включатся. Но это «если» вы не передавайте.

— Вас понял, сэр.

Включение двигателей — дело ответственное, и прошло два часа, прежде чем компьютеры обработали все данные и остались удовлетворены результатом. Неисправный двигатель и тот, что находился напротив, были отключены. Неполадки, похоже, удалось устранить. Можно было рассчитывать, что на сей раз зажигание произойдет. Об этом свидетельствовали все показания.

«И все же в этих расчетах слишком много допущений», — подумал О'Брайен, весьма довольный, что не ему приходится принимать решения. Он налил себе кофе из термоса, не отводя глаз от табло предстартовой готовности. «Все, время», — сказал он себе.

На табло появились нули, и в тот же миг радиосигнал отдал команду компьютеру ускорителя. Сработали невидимые отсюда переключатели, на дисплеях появилась информация.

— Есть зажигание!

По залу пронесся радостный гул. Еще бы — русским удалось то, что не получилось у американского Центра управления полетом! Вот она, хваленая американская технология. Советский ускоритель слушается лишь своего родного начальства.

Внезапно один из дисплеев померк, за ним другой. Компьютер лихорадочно выстрелил длинной колонкой цифр.

— Неисправность!

— Напор топлива не регулируется!

— Немедленно отключить двигатель!

— Двигатель не отключается. Мы не можем его остановить!

О'Брайен резко повернулся к Сильверстейну и крикнул:

— Срочное сообщение! Проблемы с двигателем ускорителя. Нерегулируемое воспламенение. Ускоритель вышел из-под контроля. Ждите дальнейших сообщений.

— Что, сэр, плохи дела? — спросил Сильверстейн, сосредоточенно стуча по клавишам.

— Да чего уж тут хорошего! А насколько все плохо — скоро увидим.

Глава 22

ПВ 07:20. Коттенхэм-Ньютаун

«О господи, что же делать?» — в отчаянии спросила себя Айрин. Вчера вечером Генри уселся на кухне и написал письмо в Блэкпул, тот самый пансионат, где они провели два предыдущих отпуска. Ему как раз сообщили, с какого числа он сможет взять отпуск в текущем году, и он решил заранее заказать те же самые комнаты. Потом Генри отдал письмо ей, чтобы она отнесла его на почту, но конверт так и остался лежать возле маленькой фарфоровой блэкпулской башни — воспоминания о чудесных днях, проведенных в этом городе. Как же быть? Сегодня утром, убедившись, что не хватает денег на воскресный обед, Айрин сняла со счета последние деньги. Поначалу она не могла поверить, что все их сбережения кончились. Она-то надеялась, что там остается достаточно и на рождественские подарки, и на летний отпуск. Генри обязательно об этом узнает, если не сейчас, то позже. Что она сможет сказать в свое оправдание?

Айрин закрыла подолом фартука лицо и всхлипнула, раскачиваясь в горестных муках. Что же делать? Что делать?

Джуди и Мэй не догадывались о заботах матери. Возможно, они бы и посочувствовали, но надолго их сострадания не хватило бы. У девочек были свои проблемы, хоть и менее трудные: как получать хорошие отметки в школе, поменьше просиживая за учебниками; где раздобыть новые платья и туфли — этого требовал недавно пробудившийся, но уже весьма жгучий интерес к мальчикам, а ведь всего несколько месяцев назад они считали мальчишек грязными поросятами, несносными и отвратительными.

Тем временем Генри Льюис стоял, застыв в напряженной позе: нога уперта в стойку, правая рука занесена над головой, левый глаз прикрыт. С угрюмо-сосредоточенным видом он прицелился — слава богу, опыта и практики хватало — и метнул дротик. Ах ты черт! Совсем чуть-чуть не хватило до двойной семерки, а то победа была бы в кармане.

— Отличный бросок, Генри!

— Не расстраивайся, а то попал бы в «черную дыру», все очки сгорели бы.

Генри отхлебнул светлого пива из кружки и ничего не ответил, нарочно игнорируя реплики зрителей. Он не расстроился из-за промаха, просто немного разозлился. Надо же было так промазать! Но ничего, игра еще не окончена. Вряд ли Альф сумеет победить. Кружка опустела, и Генри отправился к стойке подлить еще пивка. Бармен Джордж полировал полотенцем стакан, поглядывая на экран телевизора. Генри сунул ему свою пустую кружку.

— Диктор сказал, что у русских какие-то нелады с ракетой, — сообщил Джордж, наливая из крана пенного пива.

— Да ну их, пускают деньги на ветер.

Альф тоже промазал. Значит, шансы еще есть. На этот раз бросок должен быть точным. Генри решительным шагом пошел от стойки прочь.

— А в газетах пишут, что это может плохо кончиться, — крикнул ему вслед Джордж.

— Нам-то какое дело? — пробурчал Генри, поставил кружку на стол и стал готовиться к следующему броску.

Джайлсу Тэннеру теплый вечер не доставлял ни малейшего удовольствия. Он встал в четыре утра и уже валился с ног от усталости. Управлять фермой и всегда-то непросто, а это лето выдалось особенно трудным. Дни казались бесконечными, работы было невпроворот. Долго шли дожди, потом, когда зерно наконец подсохло и настало время убирать урожай, сын заболел гриппом. Он, конечно, не виноват, но уж больно некстати. Ударом палки Джайлс выгнал на дорогу отбившуюся от стада корову. Вот и придется доить самому, хотя обычно этим занимался Уилл. Вместо того чтобы работать в поле, Джайлс должен спешить на ферму, а ведь дойка коров, несмотря на всю автоматику, дело о-го-го какое трудоемкое. Подоишь — беги назад, там трактор простаивает, нужно зерно убрать. Свинство, просто свинство! Джайлс снова взмахнул палкой — уже просто от злости, — и корова, жалобно замычав, побежала быстрее.

Прежде чем войти в коровник, Джайлс глянул вверх. Вечер выдался тихий, небо было ясным — ничего не предвещало дождя. Спасибо и на этом — можно будет спокойно закончить сбор урожая. Над горизонтом загорелась первая звезда. Неужели уже так поздно? Джайлс выругался, вошел в коровник и прикрыл за собой дверь.

Эндрю тоже увидел звезду и посмотрел на часы. Пора ехать. Ему не хотелось появиться там слишком рано и потом долго торчать возле выхода, но, с другой стороны, нельзя было заставлять

сэра Ричарда ждать. Эндрю допил виски и удовлетворенно вздохнул. Настоящее солодовое, лучше не бывает. Потом аккуратно вытер горлышко бутылки и поставил ее на место в бар. Металлический стаканчик Эндрю спрятал в отделение для перчаток, повернул ключ зажигания, и мотор сразу же загудел. Отличная все-таки машина «Роллс-Ройс»! Эндрю включил передачу и тихо покатил под горку, по направлению к заводу. Жизнь — штука скучная, но и счастья в ней хватает.

Сэр Ричард выключил магнитофон и отложил в сторону стопку писем, на которые не успел ответить. Придется им подождать до завтра. Он зевнул, потянулся, поправил галстук и застегнул верхнюю пуговицу рубашки. Лишь после этого Лонсдейл надел пиджак и направился к двери. С некоторым сомнением он спросил себя: обязательно ли таскать домой каждый вечер портфель? Сегодня, во всяком случае, это было необходимо — сэр Ричард не успел просмотреть новые данные по химическому производству, а этот вопрос будет обсуждаться завтра на одиннадцатичасовом совещании.

Он взял портфель, погасил в кабинете свет и спустился вниз. Ночной вахтер, читавший за столиком книгу, поднялся со своего места:

— Сейчас отопру, сэр Ричард. Чудесный вечер, сэр.

— Да, погода стоит отличная. Спокойной ночи.

Лимузин уже ждал. Эндрю стоял возле открытой двери. «И в самом деле чудесный вечер», — подумал Лонсдейл. Он остановился и посмотрел вокруг, чтобы насладиться красками заката.

Последний ускоритель был в космосе совсем один. Земля темнела где-то далеко внизу; люди, построившие его, были тоже далеко, — но другие люди, управлявшие ракетой, все еще имели над ним власть. Несколько часов они разговаривали с ускорителем, посылая невидимые сигналы его антеннам. Сигналы поступали по схемам в компьютер, неживой мозг этого космического зверя, который был напрямую связан с более мощным компьютером, находившимся на Земле, и подробно отвечал на все вопросы своего старшего брата. Наконец поступила команда. Команда была простая, выполнение ее казалось несложным. Сжатый газ вырвался из маленьких реактивных двигателей, расположенных на металлических боках ракеты; массивное тело повернулось вокруг собственной оси и остановилось в определенный момент, подчиняясь приказаниям компьютера.

Теперь следовало ждать главной команды. Вот-вот она поступит, и начнется последний этап полета.

И сигнал к его началу поступил — кодированный набор радиоволн. Антенны ракеты подхватили его, пропустили через схему связи и ввели в компьютер, который, в свою очередь, отдал соответствующую команду. Включилось электричество, сработали реле, защелкали рычаги, открылись клапаны. Скоростные насосы доставили водородное топливо в моторы, где оно встретилось с кислородом. Зажигание, искра — и из хвоста ракеты на несколько сотен ярдов выплеснулось пламя.

Вдруг один из двух включившихся двигателей захлебнулся. Пламя исчезло, возникло вновь и снова пропало; ракета изрыгнула столб несгоревших частиц. Второй двигатель несколько секунд работал в одиночестве, потом первый включился опять, моментально нагнав по мощности своего собрата. Вдвоем они стали разгонять ракету все быстрее и быстрее.

На самом же деле им полагалось включиться всего на несколько секунд, а затем замереть. Этого толчка было бы достаточно, чтобы направить корпус ракеты по орбите, проходящей над пустынными русскими степями. Там двигатели следовало включить еще раз, чтобы затормозить движение ускорителя и обеспечить мягкую посадку.

Все произошло иначе. Непрекратившаяся работа двигателей швырнула ракету вперед с невероятной скоростью; ускорение все увеличивалось и увеличивалось, до тех пор пока двигатели не захлебнулись вновь, истощив весь запас горючего.

Через несколько секунд давление окружающей атмосферы стиснуло корпус ракеты, разогрело его; молекулы воздуха сшиблись с молекулами огромной массы металла, мчавшейся со скоростью пять миль в секунду. Оперение ускорителя раскалилось докрасна, потом добела, потом начало осыпаться расплавленными искрами. Давление было неравномерным, и огромный корпус ракеты начал вилять, рыскать в еще разреженных слоях атмосферы, потом перевернулся.

В принципе это было предусмотрено планом: в атмосфере ускоритель сразу переворачивается хвостом вниз — для последующей посадки. Ракета сделала грациозное сальто и развернулась своими гигантскими соплами книзу. Они были изготовлены из огнеупорного материала, специально предназначенного для движения сквозь плотные слои атмосферы. Однако никакие расчеты

не предусматривали движения с такой невероятной скоростью. Сопла нагрелись, потом начали плавиться и рассыпаться. Сразу же вслед за этим на куски стал разваливаться весь корпус.

Слишком поздно было что-либо предпринимать. Огромный шар металла и огня буквально пронзил атмосферу, слой облаков и с устрашающей скоростью устремился к поверхности Земли, которая неотвратимо приближалась.

Сэр Ричард еще раз взглянул на предвечернее небо, вздохнул полной грудью свежий воздух. Вот и первые звезды зажглись: одна вдруг возникла прямо над его головой. «Кажется, падающая», — подумал он.

Нет, пожалуй, это не звезда — скорее, какой-то огонек, вспышка пламени. Сначала просто точка, потом диск, потом невиданное огненное копье, несущееся прямо на сэра Ричарда и готовое пригвоздить его к земле.

На миг охваченное ужасом лицо Лонсдейла озарилось багровым сиянием. Кошмарный рассвет залил кровавым сиянием все вокруг — поля, здания.

Потом грянул взрыв.

Шеститонная махина врезалась в землю со скоростью пять миль в секунду. Сумасшедшая скорость преобразовалась в тепловую энергию, не уступающую по мощности взрыву атомной бомбы. Секунду назад все это еще существовало — и завод, и многоэтажные новостройки Ньютауна, и парки, и магазины, и забегаловки. И вот все исчезло.

За один миг дома, камни, люди, деревья, мебель, автомобили — одним словом, все — сгорело, испарилось, исчезло с лица земли. Первый взрыв уничтожил завод и половину города. Но следом летели остальные куски ускорителя, и спастись от них времени не было. Возможно, кто-то из уцелевших еще успел сообразить, что означает первый чудовищный взрыв и ослепительная вспышка. Может быть, эти люди успели даже испугаться, — но все тут же и кончилось.

За взрывами на землю обрушилась ударная волна. Сжатый воздух дуновением смерти пронесся по окрестностям. В миле от Коттенхэма ударная волна встретила на своем пути стаю птиц; все умерли мгновенно и тут же попадали на землю, хоть на их телах не было обнаружено ни малейших повреждений.

Почва вздыбилась, словно по ней вели огонь тысячи невидимых орудий; деревья, кусты, заборы, животные, развалины домов обратились в прах. Воздушный смерч пронесся над фермой

Тэннеров, смешав в один чудовищный ком людей, коров, доильные машины, камни.

Генри Льюису так и не удалось метнуть свой дротик. Игра осталась незаконченной, летнего отпуска теперь не будет. Зато Айрин больше не придется переживать из-за счета в банке. В Блэкпул ехать больше было не нужно.

Двадцать девять тысяч сто тридцать один человек — мужчины, женщины и дети — в один миг лишились будущего, лишились жизни. Там, где только что стоял город и кипела деятельность, осталась голая пустыня — пятно смерти среди зеленых лугов Англии. Хорошо хоть, что кошмар содеянного какое-то время был сокрыт от взоров пеленой пыли и дыма.

Глава 23

ПВ 07:52

Президент Бэндин был в своем личном туалете, когда кто-то забарабанил в дверь. Через несколько секунд глава государства выскочил оттуда, не успев вытереть руки и размахивая полотенцем. Глаза его пылали гневом. У двери стоял генерал Бэннерман, бледный, трясущийся. Уже одного этого было достаточно, чтобы президент поперхнулся на полуслове. Он никогда не думал, что задубелое лицо старого вояки может приобрести такой землистый оттенок. Казалось, генерал разом постарел на много лет. Сбивчиво изложил суть дела.

— Господи боже, — хрипло прошептал Бэндин, не находя слов. Словно обессилев, он привалился к распахнутой двери; рука по-прежнему сжимала забытое полотенце. — Господи боже, господи боже...

Шли секунды, минуты, и лишь через час удалось хотя бы в общих чертах выяснить, что же, собственно, произошло. Полковник О'Брайен, офицер связи, прикомандированный к Центру наземного командования в Капустином Яре, понял, что надвигается катастрофа, одновременно с теми, кто сидел у пультов. Полковник получал на дисплее ту же информацию, что и они. Он крепко сжал кулаки, увидев, что двигатели вышли из-под контроля, отказались вовремя остановиться и изменить орбиту ускорителя. Новую траекторию полета рассчитать было не так-то просто; в зале началась паника, раздались истерические выкри-

ки — в течение последних месяцев полковник еще не раз опишет все это на многочисленных секретных допросах. Сейчас же ему оставалось только сидеть и наблюдать за происходящим.

На дисплее мелькали и исчезали цифры — компьютер вычислял орбиту. Она казалась совершенно невероятной. Постепенно голоса в зале стихли — все смотрели на график движения ракеты. Линия все круче и быстрее загибалась книзу. Все присутствующие отчетливо понимали степень надвигающейся опасности — перед их глазами разворачивалась настоящая трагедия — полет последней ступени «Прометея-1». Окаменев, люди наблюдали, как линия наконец уперлась в Землю и прервалась.

Компьютер, беспрестанно выстреливая на дисплее колонки цифр, больше не давал никакой информации. Деловито стрекотавшие принтеры замолчали. В Центре воцарилась гнетущая тишина.

— Срочное сообщение! — приказал О'Брайен и сам поразился резкости своего выкрика.

Сильверстейн в недоумении посмотрел на своего шефа, ибо он единственный из всех присутствующих не догадывался о смысле происходящего — сержант не знал ни русского языка, ни космической технологии.

— Немедленно передайте! Срочно! Президенту Соединенных Штатов! Последняя ступень ракеты вышла из-под контроля. Судя по всему, произошло ее столкновение с Землей. Точное место неизвестно. — О'Брайен зашелестел бумажками, наскоро сделал расчеты и добавил: — По первоначальной оценке — 52 градуса северной широты, 0 градусов долготы.

— Где это, полковник? Где это? — Сильверстейн начал понимать, что произошло.

Американцы обменялись взглядами, полными ужаса. Оба хорошо знали Англию, знали, как густо заселены Британские острова. Сильверстейн стал медленно передавать донесение; он знал, что масштабы катастрофы выяснятся не сразу. Закончив передачу, он попросил как можно быстрее выяснить и сообщить в Капустин Яр о точном месте столкновения.

Расчет орбиты, составленный в Центре, немедленно поступил в Белый дом; туда же передали данные о траектории полета, зарегистрированные из Хьюстона. После этого в Хьюстоне запустили в компьютер собственные расчеты и расчеты русских. В результате с точностью до четверти мили был определен вероятный район падения. Получив эту информацию, офицер связи Белого дома, прежде чем доложить президенту, затребовал ксерокс карты Южной Англии и обвел на ней красным фломастером предполагаемую зону катастрофы. Затем сунул карту и расчетные данные в кожаный «дипломат» и опрометью бросился к лифту. В резиденции офицера хорошо знали в лицо, кроме того, уже начали поступать тревожные слухи, поэтому часовые немедленно распахнули перед ним двери конференц-зала. Там уже заседал кабинет министров почти в полном составе. Членов правительства собрали в срочном порядке. Все с нетерпением обернулись к вошедшему. Президент молча протянул руку, и офицер передал ему бумаги. Бэндин долго рассматривал их, а когда дверь за офицером закрылась, медленно поднял голову. Руки его слегка дрожали.

— По карте трудно определить точно, но, судя по всему, ракета упала в сельском районе Англии. В Англии так много лугов и полей...

Сказано это было вяло, безо всякой уверенности. Бэннерман взял карту и стал ее изучать. Забыв о своем правиле — никогда не появляться на публике в очках, — он извлек из кармана старомодное пенсне в золотой оправе и надел на нос.

— Действительно, местность сельская, — сказал он. — Но прямо через красный круг проходит автострада. Насколько мне известно, на ней всегда оживленное движение. Постойте, здесь еще обозначен какой-то город. Ксерокс неважный, не могу прочесть. По-моему, Готтенхэм-Ньютаун.

— Коттенхэм, — с важным видом поправил его доктор Шлохтер. В отличие от прочих членов кабинета госсекретарь сохранял невозмутимость. — Это один из наиболее удачных проектов, затеянных британским кабинетом с целью перебазировать легкую промышленность из городов в слаборазвитые регионы. Вы, конечно, помните, что мы вместе с министром труда ездили на церемонию, посвященную началу строительства.

Присутствующие, разумеется, этого не помнили, и им было на это наплевать. Президент обернулся к Чарли Драгони, который сидел у секретарского столика, прижав к уху телефонную трубку.

— Ну, что там?

— Мы держим постоянную связь с Уайтхоллом и нашим посольством в Лондоне, господин президент. Им известно не больше нашего, но они обещали немедленно передать информацию, как только она поступит. Кроме того, подключена линия, соединяющая Белый дом с Даунинг-стрит. Премьер-министр сейчас на совещании выслушивает первые отчеты. Но ему известно, что вы ожидаете его звонка. К тому же... Извините. Алло!

Драгони весь обратился в слух; члены кабинета молча смотрели на него.

— Хорошо, благодарю вас. Я передам. — Чарли поднял глаза. — Через несколько секунд с вами будет говорить премьер-министр, сэр. Но сначала он закончит разговор с Кремлем.

— Кто-нибудь выяснял, какой силы мог быть взрыв? — спросил доктор Шлохтер. — Может быть, мы тут раздуваем из мухи слона? Ведь каждый день случаются авиакатастрофы, а назавтра о них уже никто не помнит.

Бэннерман зачитал с лежащего перед ним листа данные. Все слушали его с напряженным вниманием.

— Согласно сообщению, полученному нами из Центра наземного командования в Капустином Яре, перед отключением двигателей в топливных баках могло оставаться до 20% горючего. Вместе с массой самого ускорителя это составляет более миллиона фунтов. Очень важен фактор скорости. Если бы ракета летела со скоростью 60 миль в час, она просто оставила бы огромную воронку в земле — не более того. В Хьюстоне считают, что, даже учитывая снижение скорости в результате сопротивления атмосферы, ракета ударилась о землю, разогнавшись примерно до 20 000 футов в секунду. Это составляет примерно 18 000 миль в час. Иными словами, сила взрыва лишь вдвое меньше, чем у атомной бомбы тактического назначения.

— Премьер-министр, сэр, — сказал Драгони. Бэндин взял трубку.

— Да, это я, господин премьер-министр. Я потрясен, как и вы, этой ужасной трагедией. Мы все надеемся, молим Бога, чтобы обошлось без человеческих жертв — или хотя бы минимальными жертвами... Да, я искренне сожалею. Что-что?!. Да, понятно. Господи боже мой, какой кошмар. У меня нет слов... Любая помощь, все, что угодно... Разумеется, я понимаю. Конечно, Америка не несет всей ответственности за эту ужасную катастрофу, но тем не менее, как известно, проект совместный, хотя сама ракета советского производства. Знайте — в горький час мы готовы оказать вам помощь в любом размере. Да, благодарю вас. До свидания.

Бэндин мягко опустил телефонную трубку и оглядел безмолвных членов своего правительства.

— Это конец, — сказал он. — Чертова ракета действительно попала прямо в город. Коттенхэм, или как он там называется. Как будто именно по нему была нацелена. Точные цифры пока неизвестны, но премьер-министр говорит, что погибло не меньше двадцати одной тысячи человек... И это только в самом городе, — помолчав, продолжал он. — Кроме того, пострадала автострада, продолжают поступать сведения о жертвах. Вокруг начались пожары. Премьер-министр объявил в стране чрезвычайное положение, мобилизовал войска, всю службу «Скорой помощи», пожарный департамент — одним словом, все.

— Мы можем предложить англичанам помощь наших солдат, расквартированных на тамошних базах, — предложил Шлохтер.

— Нет, — решительно возразил Дилуотер. — Я, наоборот, советую запретить американским военнослужащим покидать территорию баз. У англичан достаточно людей, чтобы самим справиться с ситуацией. Чьего бы производства ни была ракета, все равно мы в дерьме по уши. Не думаю, что появление американцев будет встречено местным населением с энтузиазмом.

— Согласен, — поддержал его Бэннерман. — Если вы не возражаете, господин президент, я немедленно отдам соответствующий приказ.

— Да, наверное, вы правы.

Бэннерман снял телефонную трубку.

— Но что мы можем сделать еще? — спросил президент, глядя на присутствующих. — Наверняка что-то можно предпринять еще. И как это скажется на проекте «Прометей»?

— А никак, — ответил Дилуотер. — У нас есть запасные ускорители, так что проект в принципе может быть продолжен. Но второй такой катастрофы мы позволить себе не можем.

— Еще бы! Может быть, с этой проблемой мы как-нибудь справимся, но еще один такой фокус, и лавочку придется закрывать. А мне не нужно вам напоминать, как много значит для нас «Прометей». Тут и национальный престиж, и перо в задницу арабам, и следующие выборы. Если проект закончится крахом, если народ поймет, что все эти деньжищи были истрачены зря, то через год на наших местах будут сидеть ребята из той, другой партии. Кстати, а что там с самим «Прометеем»? В этой суматохе мы совершенно забыли о корабле!

— Нет, господин президент, не забыли, — сказал Дилуотер. — В настоящее время идет подготовка двигателя к включению зажигания. Как только это произойдет, мы вам доложим. На то, чтобы достичь окончательной орбиты, уйдет еще примерно сорок восемь часов. Потом астронавты приступят к сборке генератора.

— Надеюсь. Свяжите меня с Полярным. Хочу выяснить, что по этому поводу думает Кремль. Нам сейчас нужно держаться вместе.

Глава 24

ПВ 12:06

Отсчет предстартовой готовности запуска ядерного двигателя почти закончился, когда из Центра управления полетом поступило сообщение о случившейся катастрофе. Флэкс сначала собрал все данные и лишь потом известил экипаж о происшедшем. На связь вышла Надя, и он во всех деталях рассказал ей о падении ускорителя. Надя вызвала из моторного отсека Патрика и Брона и передала им скорбную весть. Наверное, именно таким голосом говорил Гагарин, первый космонавт нашей планеты, когда пилотируемый им самолет мчался навстречу гибели. Гагарин не катапультировался, чтобы истребитель не упал на школу и дома. Голос его был ровен и спокоен до самого финала. Майор Калинина прошла ту же самую выучку.

Сначала Патрик и Элай отказывались ей верить — слишком уж невероятным казалось случившееся.

— Этого не может быть, — повторял Элай. — Абсолютно исключено!

— И тем не менее это случилось, — тихо, но решительно прервал его Патрик. — Случилось. И мы ничего не можем здесь изменить. Это бремя, которое нам придется нести всю оставшуюся жизнь. Я не знаю, кто виноват. Может быть, виноватых вообще нет. Нам придется пока что выкинуть это из головы, хоть я и знаю, что требую невозможного. Однако у нас срочная работа. Надя, оставайтесь на связи и докладывайте нам обо всем. Мы с Броном пойдем налаживать двигатель. — Он посмотрел на табло предстартовой готовности, Надя и Элай тоже. — 12:42. У нас остается мало времени. Меньше двенадцати часов на то, чтобы разогнаться и уйти с этой чертовой орбиты. Если не получится, то нас постигнет та же участь. Только «Прометей» проделает в Земле дыру куда большую, чем ускоритель.

Уинтер молча развернулся и нырнул в туннель; Элай последовал за ним.

— Я свяжусь с Центром, — сказала им вслед Надя. Она встала с гравитационной кушетки и заглянула в отсек экипажа. Глаза ее были красны — не от слез, а от усталости. Она еле двигалась.

— Вам нужно отдохнуть, — сказала Коретта. — Это я говорю вам как врач.

— Я знаю, спасибо. Но не сейчас. Слишком много работы.

Нужно проверить всю систему воздушных фильтров. А также топливную схему.

— Могу ли я помочь?

— Нет, это специфическая работа, которую умеем делать только Патрик и я.

Надя удалилась в пилотский отсек.

— Всегда одно и то же, — пожаловался Сальников. — Нам с вами делать абсолютно нечего, только ждать, ждать и ждать. Вытоxоть врач, а я тут на положении пятого колеса в телеге. Балласт и ничего больше.

Выражение лица у него стало совсем кислым — типичный случай славянской меланхолии.

— Вы слишком легко падаете духом, — заметила Коретта, придвигаясь к нему поближе. — Я согласна, что наш полет нельзя назвать безоблачным, но дела не так уж плохи. Наслаждайтесь отдыхом, пока вы пассажир. Когда мы выйдем на орбиту, вы станете главным человеком на борту. Ведь из-за вас, собственно, и затеяна вся экспедиция. Пилоты — просто как бы ваши шоферы, а моя основная задача — следить, чтобы у вас не было насморка. Насколько я помню, вся эта катавасия называется проект «Прометей» и задумана с единственной целью — развернуть на орбите солнечный генератор. Теперь, когда нет полковника, вы единственный, кто может это сделать.

Сальников стиснул свои большие ладони.

— Без Владимира мне будет трудно.

— Григорий, вам придется выйти из этого состояния, — сказала Коретта профессиональным тоном. Открыв аптечку, она достала пузырек с таблетками. Заодно прихватила с собой бутылочку воды.

— Примите вот это, — сказала Коретта, протягивая Сальникову две белые капсулы. — Запейте водой. Через два часа дам вам еще две.

— Что это такое? — спросил он с подозрением.

— Это специальное средство, разработанное фармацевтами для оказания помощи в случае стресса технологического происхождения. Транквилизаторы — великая вещь. Они помогают нам избежать возможных истерик.

— Спасибо, но я постараюсь не принимать лекарства. Они мне не нужны.

— Не бойтесь, Григорий. Эти таблетки не принесут вам вреда, наоборот, помогут. — Коретта заметила страдальческие морщин-

ки у глаз и в уголках губ Сальникова. — Я бы и сама не прочь немножко снять напряжение.

Она сунула пилюли в рот, продемонстрировав, что они действительно лежат у нее на языке, и запила их водой. Потом достала из пузырька еще две.

— Теперь ваша очередь. И не спорьте.

На сей раз Сальников проглотил таблетки без возражений. Коретта вздохнула с облегчением. Тем временем Элай, находившийся далеко внизу, в моторном отсеке, испытывал не меньшее напряжение. Несмотря на терморегуляцию, он обливался потом. Не от работы, а от волнения. Проверка была почти закончена, еще чуть-чуть — и ядерный двигатель будет готов к пуску.

— Все в порядке, — наконец объявил Брон.

— Будем начинать, — ответил Патрик. — Я не могу тебе чем-нибудь помочь?

— Нет. Пока вроде бы нормально. Этот двигатель теоретически довольно прост. Урановая пыль заключена в неоновых вихрях, находящихся внутри ламп. Кварцевые трубы, в которых содержится эта смесь, окружены слоем водорода с примесью вольфрама, чтобы увеличить теплостойкость. Водород сдерживает нагревание плазмы урана-235, который медленно нагревается до 23 000 градусов по Кельвину. При этом нагревается и сам водород. В результате он вырывается из реакционной камеры. Это последний этап перед стартом: остается лишь включить турбонасосы во вторичной водородной петле...

Брон замолчал на полуслове — раздался какой-то звонок, и на пульте зажглись красные огоньки. Элай быстро защелкал выключателями.

— Так и должно быть? — спросил Патрик.

— Нет, так быть не должно, — ответил Элай, причем зубы его обнажились в довольно зловещей ухмылке. — Старт пока что откладывается. Что-то не в порядке.

Оба одновременно посмотрели на табло Полетного Времени. 13:03.

Оставалось меньше одиннадцати часов до того момента, когда орбита приведет «Прометей» в соприкосновение с атмосферой.

— Что не так? В чем дело?

— Я еще не знаю. — Элай ввел программу в компьютер, и на дисплее появилась восьмицветная диаграмма всех схем и узлов. — Тут пять двигателей, работающих как одна система. Они гораздо ближе связаны между собой, чем двигатели химического типа. И вот какой-то один, видимо, вышел из строя. Постараюсь

определить, в чем дело. Патрик, ради бога, не дергай меня. Я должен разобраться в этом один.

— Хорошо, я буду в пилотском отсеке. Если буду нужен, вызовешь меня по интеркому.

Оттолкнувшись, Уинтер взмыл вверх. В отсеке экипажа он увидел, что Сальников лежит (а точнее, висит, удерживаемый ремнями безопасности) на кушетке. Патрик хотел к нему обратиться, но Коретта поднесла палец к губам и поманила его к себе.

— Григорий спит, — прошептала она. — И не надо его будить. Он в не очень хорошем эмоциональном состоянии. Усталость и нервное напряжение сказались. Пришлось дать ему снотворное. Я сказала, что это транквилизатор. Он не хотел, поэтому я тоже сунула в рот две пилюли, но сумела потихоньку их выплюнуть.

— Насколько он плох? — спросил Патрик, глядя на спящего.

— Пока трудно сказать. На Земле я бы ответила на ваш вопрос, но здесь другое дело. Полагаю, он достаточно устойчив — иначе русские не включили бы его в состав экипажа.

— Это ничего не значит. Согласно докладу, который мне удалось прочесть, Сальников — единственный специалист по микроволновой трансмиссии, который хоть как-то годился для полета. Я подозреваю, что его отправили в космос чуть ли не насильно.

— Если это так, то многое становится ясным. И физические данные, и характер Сальникова мало пригодны для работы в космосе. Но он нам понадобится, когда мы выйдем на орбиту. После смерти полковника Григорий — единственный, кто может собрать генератор. Надеюсь, что, отоспавшись, он придет в себя и сможет работать. А когда ему будет чем себя занять, проблем с ним не возникнет.

— Спасибо, Коретта. Вы правы. Если от меня потребуется помощь, скажите.

— Дело в том, что он не любит принимать лекарства.

— Я могу ему приказать. Имею на это право.

Патрик направился к пилотскому отсеку, но Коретта ухватила его за рукав.

— Минуточку. Между прочим, вы тоже мой пациент.

— Что, пилюлю? — угрюмо спросил он.

— Нет, вам нужно поесть и попить. И захватите что-нибудь для Нади.

— Конечно, спасибо. Стоило вам напомнить, и я понял, что умираю от голода и жажды.

Уинтер взял пластиковые коробочки и бутылки и присоединился к Наде. Пристегнувшись к кушетке, передал ей провизию.

— Приказ доктора. Надо перекусить.

— Спасибо, я хочу только пить.

— Надо и поесть.

Патрик заставил себя съесть почти весь тюбик с пастеризованным рагу, отложив сеанс связи с Центром на потом.

— С двигателем неполадки, — сказал он Наде.

— Не может быть! Неужели опять?! — в ужасе воскликнула Надя, прижав руки к груди.

— Мне очень жаль, — сказал Патрик, беря ее за руку. Кожа у Нади была прохладной. — Надеюсь, ничего серьезного. Элай занимается проверкой...

— «Прометей», «Прометей», вас вызывает Центр управления полетом.

— Привет, Флэкс. Это Патрик. Докладываю: неполадки с ядерным двигателем. Проверка прошла успешно, но при попытке запуска на пульте загорелись красные лампочки.

После короткой паузы Флэкс, усталый и нервничающий не меньше, чем астронавты, спросил:

— Вы выяснили, в чем дело?

— Нет. Доктор Брон как раз этим занимается. На месте ли ваши специалисты по ядерным двигателям? Они могут нам понадобиться.

— Разумеется. Все здесь. Они спрашивают, не можете ли вы передать нам данные по состоянию двигателя?

— Роджер. Сейчас сделаю.

Компьютер корабля занес в память все действия, предпринятые Броном во время проверки и подготовки ядерного двигателя к старту. Со своего пульта Патрик вызвал из памяти эту информацию и одним нажатием кнопки отправил ее в Центр управления полетом. В это время запищал интерком. Трубку взяла Надя и тут же коснулась плеча Уинтера.

— Да? — обернулся он к ней.

— Это был Элай. Кажется, он понял, в чем дело. Я сказала ему, что вы на связи с Центром, и он идет сюда.

Патрик кивнул и снова повернулся к компьютеру.

— Центр управления полетом, имею новую информацию. Сейчас с вами будет говорить доктор Брон. Судя по всему, он установил причину сбоя.

— Еще бы, — сказал Элай, влетая в пилотский отсек. Он увидел в руках Нади бутылку с водой и внезапно почувствовал, как сухо у него во рту. — Можно отхлебнуть? Спасибо.

Он выпил половину содержимого, вздохнул и вернул бутылочку Наде.

— Плохи дела, Патрик. Совсем никуда. Я свяжусь с нашими ребятами в Центре, и они воспроизведут ситуацию у себя на макете, но я уверен, что мой диагноз правильный. Ты знаешь, что сердце ядерного двигателя — тяжелые кварцевые трубки. Вот почему такие двигатели еще называют реакторами лампового типа. Кварц — материал прочный, и двигатель надежно защищен от перепадов температуры. Но погоколебания и аварийное отделение корпуса ракеты даром не прошли...

— Удар?

— Вот именно. Ведь кварц, по сути дела, — то же стекло. Очевидно, во время попытки отделения ступени был сильный удар. По-моему, одна из трубок разбита.

— А заменить ее можно?

Элай горько рассмеялся.

— Заменить? Даже если бы у меня была запасная трубка, в космосе ничего бы не получилось. Нет уж, если трубка действительно повреждена, надеяться не на что. Двигатель не включится.

— Но что-то нужно предпринять. Мы обязаны попытаться, — настаивал Патрик.

— Что ты предлагаешь?

— Давай посмотрим на двигатель собственными глазами и попробуем разобраться, в чем там дело. Потом передадим в Центр полные данные. Пусть они прикинут, что можно сделать.

— Ах, Патрик, ну и оптимист же ты, сукин сын.

После напряженной продолжительной работы Элай как-то скис, ссутулился, стал как бы меньше ростом.

— Нет, дело не в оптимизме, просто я работаю так, как меня учили. Существуют различные программы на случай любых непредвиденных обстоятельств. У нас серьезная проблема, но явно недостаточно информации. Придется выйти в открытый космос и на глаз определить, в чем неисправность. Так и будем действовать. У нас остался всего один исправный жизнеобеспечивающий шланг. Ты им и воспользуешься. Пойдем, надо одеваться.

— Стоп, не так быстро. Я никогда не работал в открытом космосе и, уж во всяком случае, не собираюсь приступать к этому делу без подстраховки. У тебя гораздо больше опыта, ты сможешь все сделать быстрее...

— Я не физик-ядерщик. Это твоя специальность. Ты участвовал в создании этого двигателя — сам нам об этом неоднократно рассказывал. Так что, наверное, разберешься во всем с первого взгляда. — Уинтер направился к стенному шкафу и вдруг обернулся, потрясенный неожиданной догадкой. — Слушай, ты что, просто боишься?

Элай улыбнулся:

— Да, боюсь. Меня пот прошибает при одной мысли о том, что придется висеть в вакууме на резиновом шланге и паре проводов. Я вообще в ужасе от всего этого полета. Но что поделаешь — я сам сюда рвался. Ладно, пойдем одеваться, пока я не передумал.

Патрик не знал, что сказать.

— Ты извини, что я тебя спросил. Пойми, я ничего против тебя...

— Ладно, ладно, мой мальчик, я тебя прощаю. Не очень-то приятный у нас получается полет, а? Сколько времени ты уже не спишь? Двое суток? — Элай взглянул на табло. — 13:57. Отсчет времени продолжается. Согласно предварительной оценке, мы врежемся в атмосферу в 24:00. Остается десять часов. Нельзя ли запросить Центр — может, они пересмотрели первоначальную оценку? Просто из любопытства.

— Надя, как только мы оденемся, свяжись с Центром и спроси. Скажи, что доктор Брон вышел в открытый космос осматривать двигатель. Пусть они слушают и записывают все, что он скажет. А потом пусть немедленно обработают всю информацию. Наше время на исходе.

Нельзя было терять ни секунды. Как только скафандры были герметизированы, Патрик открыл внешний люк. Его собственный шланг предназначался лишь для передвижения внутри отсека, поэтому Уинтер мало чем мог помочь Брону, разве что расправить за ним жизнеобеспечивающий шланг.

— Двигайся медленнее, — сказал он. — Главное — не спеши.

— Какое там! — засмеялся Элай. — Я вообще еле ползу.

— Вдоль обшивки есть скобы. Прежде чем отпустить руки, обязательно пристегнись к одной из них.

— Понял. Вроде начал двигаться. Даже быстрее, чем я думал. Наверное, помогает опыт перемещения в невесомости, который я тут успел приобрести. Вижу основание первого двигателя. Раструб, похоже, не поврежден. Перемещаюсь к следующему. Господи, вот оно!

— Что? — оглушительно прогремел в наушниках Брона голос Флэкса. — Мы слышим вас, доктор Брон. Что вы обнаружили?

— Причину неисправности. Мне теперь ясно, что произошло. Во всем виноваты погоколебания и неудачное отделение последней ступени. Ускоритель ерзал взад-вперед и повредил обшивку — она врезалась в один из двигателей. Я вижу осколки кварца, а камера вся искорежена. Подбираюсь к ней ближе. Двигатель номер четыре. Остальные, по-моему, в порядке. Попробую заглянуть в раструб. Вижу... О господи! Настоящая каша. Сломанные трубки, всюду кварцевая крошка. Наверняка произошла утечка.

Элай еще раз осмотрел разгромленное нутро двигателя, потом медленно отвернулся и взглянул на гигантский шар Земли, занимающий полнеба. Из открытого космоса планета выглядела куда внушительнее, чем из иллюминатора. И она была очень-очень близко. Слишком близко. Из Центра что-то говорили, но Элай не слушал. Однако Флэкс сразу же замолчал, стоило самому Элаю начать говорить.

— Этот двигатель не восстановить. Вы слышите меня, Центр? Одна надежда — может быть, вы найдете способ отключить его, чтобы мы смогли двигаться на четырех оставшихся? Если нет — полет окончен. «Прометею» конец. Так что давайте двигайте мозгами. Нужен хороший совет.

Глава 25

ПВ 13:12

В Москве был третий час ночи, и Красная площадь совершенно опустела. Растаяла даже очередь перед Мавзолеем Ленина, чтобы появиться вновь через несколько часов. Двое часовых безо всякого интереса взглянули на длинный черный лимузин, выруливший на площадь и пронесшийся к кремлевским воротам. Машины этой марки появлялись тут в любое время суток. Сегодня их, возможно, было больше, чем обычно, — но откуда часовым было знать, в чем причина. Советские средства массовой информации ничего не сообщили о гибели города Коттенхэм-Ньютаун. Даже «Голос Америки» на сей раз не торопился «порадовать» русский народ печальной вестью.

Инженер Глушко, шедший первым, без труда проник сквозь внешнюю охрану. Он и академик Мошкин, шагавший за ним

следом, неоднократно здесь бывали. Их знали в лицо — тем более что сегодня всякий имевший отношение к проекту «Прометей» был здесь не случайным посетителем. А Глушко был главным инженером проекта. Да и коротышка профессор, пришедший с ним, тоже имел отношение к «Прометею». Несмотря на то что этих двоих никто не вызывал сегодня в Кремль, им удалось проникнуть довольно далеко, прежде чем незваных гостей остановили. Сквозь внутреннее оцепление пробраться оказалось не так-то просто — приближенные к властям чиновники отличались подозрительностью, зоркостью и хорошей интуицией. Седой мужчина, сидевший за столом, выглядел точно так же, как все предыдущие церберы. Глаза полузакрыты, изо рта свисает сигарета, лацканы пиджака присыпаны пеплом. Но этого одурачить не удалось, он внимательно осмотрел удостоверения Глушко и Мошкина, даже повертел их в руках, словно надеясь обнаружить какую-то дополнительную информацию, и сказал:

— Так, товарищи. Я вижу, что в проекте «Прометей» вы занимаете очень ответственные посты. Но мне совершенно непонятно, как и зачем вы сюда попали.

— Я же сказал, — заволновался Глушко. — Мы должны немедленно встретиться с товарищем Полярным. Дело неотложной важности.

— Я в этом не сомневаюсь, иначе вы бы не пришли. Всего несколько часов назад вы были на Байконуре, потом на военном самолете вылетели в Москву, в аэропорту вас уже ждал автомобиль. Чем объясняется такая поспешность? По какому делу вы прибыли?

— Известно ли вам про... то, что произошло с ускорителем?

Чиновник с серьезным видом кивнул:

— Известно. Трагическая случайность. В стране будет объявлен траур. Вы прибыли по этому поводу?

— Отчасти. Но не совсем. Послушайте, товарищ, я хочу, чтобы вы поняли нас правильно. Неужели вы думаете, что я или академик Мошкин, один из ведущих астрономов страны, стали бы беспокоить руководство из-за какой-нибудь ерунды?

— Нет, разумеется. Но я не смогу ничем вам помочь, если вы не изложите суть дела. Надеюсь, вы понимаете, в каком я положении.

Глушко вздохнул и выпрямился в полный рост:

— Безусловно. Но, как я уже сказал, наше сообщение предназначено только для ушей товарища Полярного. Поэтому я хочу,

чтобы вы немедленно связались с вашим непосредственным начальством и доложили о нашем приходе.

— Мой начальник сейчас на совещании. Если вы немного подождете...

— В конечном счете, мы все-таки увидимся с товарищем Полярным. Но он будет недоволен тем, что потеряно столько времени, и ответственный за эту задержку будет наказан. Ясно?

Чиновнику было ясно — даже слишком. В жизни ему не раз приходилось слышать такого рода угрозы. Если ученые говорят правду, то действительно можно заработать большие неприятности. Но вдруг они блефуют? Что ж, максимум, чем он рискует в этом случае, — устный выговор. Решение было простым. Чиновник встал со стула.

— Я понял. И вы, надеюсь, тоже понимаете, что я готов вам помочь. Постойте здесь. Я пойду выясню, как скоро товарищ Полярный сможет вас принять.

— Хорошо, — внушительным тоном ответил Глушко, сохраняя величественную осанку. Но как только дверь за чиновником закрылась, он обессиленно рухнул на стул.

— Академик, у меня нервы на пределе. Надеюсь, вы отдаете себе отчет... Если вы ошиблись, нам обоим придется отвечать.

— Не об этом сейчас следует беспокоиться. Беспокоиться надо вот о чем, — постучал академик по своему вытертому кожаному портфелю. — Факты не вызывают сомнения. К тому же их можно перепроверить. Все необходимое находится здесь.

Глушко взглянул на часы, побарабанил пальцами по колену.

— В таком случае пусть они лучше поспешат.

На другом конце света, в Филадельфии, штат Пенсильвания, был ранний вечер. Уже смеркалось, хотя время ужина еще не настало. Занятия в университете кончились, исследовательские лаборатории закрылись, профессора отправились по домам. Лишь профессор Вейсман сидел у себя в кабинете, рассеянно наблюдая, как становятся длиннее тени, и слушая гудки в трубке. Он пытался дозвониться уже не в первый раз. Вейсман аккуратно положил трубку, сцепил пальцы и стал думать — что делать дальше.

Ни одного из тех немногих людей, кто мог ему помочь, не оказалось дома. Телефон либо молчал, либо механическим голосом автоответчика предлагал профессору оставить послание. Но времени терять было нельзя. Вейсман так и не придумал, как пере-

дать наверх жизненно важную информацию, полученную им. Не знал он, и кому следует ее передать. Разумеется, информация необходима для людей, занимающихся проектом «Прометей». Однако оба номера, которые сообщила справочная служба, постоянно были заняты. Профессор редко слушал радио, не имел телевизора и поэтому не знал, какая трагедия произошла в Англии. Ему было бы интересно это услышать, но действовать все равно пришлось бы.

«Наверное, нужно ехать в Вашингтон», — подумал он. Вейсман ненавидел путешествия. Он всегда говорил, что с него на всю жизнь хватит бегства из Фраунхоферовского института в Германии и последующей гонки по всей Европе от наступавших фашистских войск. Жизнь в Пенсильванском университете была приятной, спокойной, и Вейсман не собирался ее менять. Однако теперь, очевидно, придется нарушить установленный порядок вещей. Да, ехать в Вашингтон необходимо. Еще не вполне решившись, Вейсман начал запихивать толстую пачку бумаг в портфель — такой же старый и неприглядный, как у академика Мошкина. Как раз в этот самый момент Мошкин нервно тискал свой портфель, дожидаясь аудиенции в Кремле.

В коридоре раздались шаги, в стеклянную дверь кабинета кто-то постучал. Вейсман не ответил — он был так сосредоточен, что ничего вокруг не слышал. Лишь когда дверь распахнулась, профессор поднял глаза. В дверном проеме появилось бородатое лицо.

— Сэм, вы слышали? Слышали, что случилось с тем городом в Англии?

— А-а, Дэнни. Заходите. Мне нужно с вами поговорить.

— Значит, не слышали. Один из ускорителей «Прометея» уничтожил целый город. Погибло множество людей. Никто не знает точно, сколько именно. Это хуже, чем ядерный взрыв.

— Дэнни, вы не знаете случайно, как доехать до Вашингтона, округ Колумбия?

Дэнни изумленно разинул рот, но тут же взял себя в руки. Он достаточно давно преподавал в университете, чтобы перестать считать некоторых своих коллег полоумными — это просто были индивидуумы с особым кругом интересов и специфической способностью к концентрации. Сэм Вейсман был нобелевским лауреатом, его уважал весь мир. Да, ему было наплевать на погибший город, он не знал, как добраться до Вашингтона, находившегося всего в сотне миль от Филадельфии, но это не имело

значения. Дэнни пожал плечами и на минуту выкинул из головы мысли о Коттенхэме.

— Можно поехать на автомобиле, можно сесть на автобус, можно поездом.

— Я терпеть не могу двигатели внутреннего сгорания, — озабоченно нахмурился Вейсман. Он достал из кармана старомодный кошелек и порылся в нем. — Четыре доллара. Полагаю, этого будет недостаточно.

— Да, пожалуй. А что вам нужно в Вашингтоне?

Вейсман проигнорировал его вопрос, размышляя над трудностями предстоящего путешествия.

— Банки закрыты. А что, если вы, Дэнни, одолжите мне денег, а я выпишу вам чек? Как вы думаете, пятисот долларов будет достаточно?

— Пять сотен — более чем достаточно. Но у меня может не быть при себе таких денег. — Дэнни заглянул в бумажник. — А, да вам повезло. Я только что получил по чеку зарплату. Могу вам дать две сотни, а вы вернете мне по возвращении. Ваш кредит не вызывает сомнений.

Вейсман натянул пиджак.

— Скажите, а в Филадельфии один вокзал или несколько?

— Не беспокойтесь, я вас подвезу. Скажите в кассе, что вам нужен билет до Вашингтона. Постарайтесь сесть на поезд «Метролайнер», потому что в обычном вагоне у вас через пять минут начнется приступ геморроя.

— Благодарю за совет. — Профессор надел шляпу. — Как вы думаете, Смитсоновский институт трудно найти? У меня там работает один друг.

— Профессор, мне огромного труда стоит удержаться и не пристать к вам с вопросами: что вам понадобилось в Смитсоновском институте среди ночи? Боюсь, вы все равно не скажете. Возьмите такси возле вокзала и скажите шоферу, куда вам нужно. Институтский вахтер, наверное, знает, где разыскать вашего друга. И желаю вам удачи.

Всю дорогу до вокзала профессор Вейсман сидел молча, аккуратно положив свой старый портфель на колени. Точно в такой же позе сидел в кремлевской приемной академик Мошкин. Однако этим сходство не исчерпывалось.

Оба были учеными с мировым именем.

Оба были специалистами по Солнцу.

Глава 26

ПВ 13:57

— Возьмите сигару, Купер, — сказал главный редактор. — Вы такой сто лет не видели. Настоящая гаванская сигара, первая партия после заключения торгового соглашения с Кубой.

— *Прошу прощения, сэр, извините, я не курю.*

Купер так нервничал, что боялся не только рукой пошевелить, но даже подумать о том, чтобы поднести пальцы ко рту. Он редко встречался с главным редактором газеты и, разумеется, никогда прежде не бывал в его кабинете. Здесь даже заведующий отделом городских новостей, это воплощение власти и сквернословия, становился подчиненным и отступал на задний план. Редактор открыл бар; его розовые на пухлых белых руках ногти блестели, одежда была безукоризненной. Ни чернила, ни газетная грязь не приставали к нему. Он вынул хрустальный графин и улыбнулся, продемонстрировав два ряда великолепных белых зубов.

— Но выпить-то вы, конечно, выпьете, — сказал он. — Канадское, двадцатилетней выдержки. Вам, пожалуй, понравится. Содовой?

Купер только кивал, все еще чувствуя себя не в своей тарелке, не понимая, зачем он здесь. Увольнение? Нет, такими вещами обычно занимаются чиновники рангом пониже. Тогда зачем? Он сделал большой глоток, стараясь не поперхнуться. Горло обожгло, словно огнем, — обычно он не пил ничего крепче содовой с вишневым сиропом.

— Славно, правда? Я знал, что вам понравится. — Он посмотрел *на заведующего отделом новостей.* — *Пора?*

— Еще несколько минут, сэр.

— Ладно, включайте. — Заведующий прошел по ковру к телевизору, стоявшему на резной подставке красного дерева, и включил его. — Специальный репортаж из Великобритании, Купер. Я думаю, вам следует посмотреть.

— Да, прекрасная мысль, спасибо, сэр. — Он отхлебнул еще глоток и, моргая, сквозь слезы уставился на знакомое лицо Вэнса Кортрайта на экране. Выражение этого лица было самое мрачное, и говорил Кортрайт низким, похоронным голосом.

— Сегодня вечером на пасмурном небе над Британией не видно ни луны, ни звезд, как будто сами небеса оделись в траур по погибшим. Эта страна перенесла множество несчастий в прошлом — нашествия чумы, Великий лондонский пожар, траншеи

Первой мировой войны и бомбежки во время Второй. Эти люди умеют и сражаться, и выживать, и умирать достойно. Но никогда прежде не случалось катастрофы, подобной той, что произошла здесь несколько часов назад. Сведения о ее последствиях все еще продолжают поступать, но центр небывалого катаклизма, внезапно низвергнувшегося с небес, здесь, позади меня. Место, где находился Коттенхэм-Ньютаун. Я говорю «находился», потому *что иначе это определить невозможно.*

Пока он говорил, кадр сменился, и вначале почти ничего нельзя было различить, только движущиеся огни и какие-то клубящиеся тучи. Лишь когда камера отодвинулась, стали видны развалины. Их освещали прожектора, и пожарные в респираторах копошились в тучах дыма и пыли.

— Здесь, на окраине города, была процветающая ферма, прочная постройка, простоявшая несколько веков. Взрывная волна уничтожила ее в одно мгновение, превратив в груду обломков, которые вы сейчас видите. Мало надежды, что кто-то смог выжить, но все же искать нужно. В центре города в подобных поисках даже необходимости нет.

Камера отъехала, и появилась местность, где прежде находился Коттенхэм-Ньютаун. Светили армейские прожектора. Разглядеть что-нибудь было невозможно. Эти почерневшие дымящиеся развалины не имели ничего общего с некогда существовавшим здесь городом. Пожары еще продолжались, клубы дыма снизу светились красным, будто исходили из преисподней. Даже хорошо поставленный голос Кортрайта дрогнул.

— Возможно, единственная хорошая сторона этой... этой немыслимой катастрофы то, что они ничего не подозревали, не испытали *никакой боли. Все кончилось в одно мгновение.* Пока еще нет полных сведений об ускорителе, упавшем сюда, но ясно, что он двигался со скоростью, во много раз превышающей скорость звука. Во время Второй мировой войны «Фау-2», чьим потомком являлась эта ракета, перемещались быстрее звука, и обитатели Лондона узнавали о них, только когда раздавался взрыв. Здесь произошло то же самое. В одну секунду живой город был превращен в огненный ад. Пожарные команды и сотни полицейских направлены сюда со всех сторон. На подходе войска. Дороги перекрыты, чтобы могли пройти спасатели. Но, к несчастью, мало что осталось спасать, разве что на окраинах, на периферии ударной волны, возникшей в результате взрыва. Здесь произошло также множество автомобильных аварий, в одну из них на автостраде попало около семидесяти машин. Здания полностью

разрушены, в основном это отдельные фермы и дома, людей на улицах расшвыряло. Через несколько минут мы получим сообщение из больниц, но сначала информация о том...

Редактор выключил телевизор, прежде чем появилась реклама. Он улыбался удовлетворенно, словно кот, вылакавший большую миску сливок. Он поднял свой бокал.

— За вас, Купер, — сказал он. — Вы написали статью, вы раньше всех предвидели, что произойдет, и мы первыми напечатали про это и сейчас бьем все рекорды по тиражам. Я послал туда трех репортеров и пятерых фотографов специальным рейсом, мы дадим об этом небывалый репортаж. И мы не забываем о вас, Купер. Ваша зарплата будет увеличена на двадцать долларов, и еще премия...

— Спасибо, сэр! Большое спасибо!

— Не за что. Только справедливо. Но вы ведь хотите отработать свое повышение, Купер? Хотите, я вижу. Нет-нет, не беспокойтесь, всего лишь несколько капель, заведующий вытрет. Я хочу, чтобы вы подумали о более грандиозных событиях. Вы сейчас пойдете и напишете продолжение, от которого наш тираж подпрыгнет выше всех в мире!

— Какое продолжение, сэр? — изумился Купер.

— Вы, конечно, шутите. Об остальных частях этой чертовой ракеты, вот о чем! О том, что произойдет, когда она сама свалится нам на голову, о том, насколько ужаснее будет катастрофа. Пишите подробно, мне нужны детали.

— Н-но пока, кажется, нет никаких признаков, что «Прометей» потерпит аварию. Всего лишь мелкая неисправность двигателей...

— Не верьте ни единому слову. Они ничего не говорили нам о том, что эта проклятая ступень сметет пол-Англии, и про то, что произойдет с остальными, тоже не собираются докладывать. Мне нужны цифры и факты. Я хочу, чтобы уже в утреннем выпуске был не только подробный рассказ о том, что случилось, но и все о надвигающихся более крупных событиях. Сколько человек на этом корабле?

— Шесть, то есть пять, один погиб.

— Первая жертва, — он толкнул пальцем в сторону заведующего отделом городских новостей. — Биографии всех, с интимными подробностями. Расскажите о тех, кто стоит в очереди за смертью, и о тех, кто умрет вместе с ними. Вы знаете, как это делается.

— Разумеется, сэр.

— Вот и приступайте. Я буду здесь всю ночь. Покажите мне оттиск первой полосы, как только она будет набрана. Я напишу редакционную статью, на первую полосу, в рамку, тридцать строк. Учтите это. — Он допил виски и торжествующе пристукнул бокалом. — Телевидение и радио — великая вещь, и они считают, что время газет прошло. Но мы им еще покажем!

Глава 27

ПВ 14:21

В Вашингтоне было почти половина восьмого. Правительственные учреждения опустели, как и улицы, все служащие сидели по домам, включив кондиционеры на полную мощность. Расходы электроэнергии увеличились, как всегда по вечерам, когда к тому же включались кухонные плиты и телевизоры. Они работали весь вечер, все телевизоры, почти каждый был настроен на продолжавшийся репортаж о катастрофе в Англии. Только один канал, транслировавший важный бейсбольный матч, не решился прервать его, опасаясь, что болельщики подожгут здание компании, как случилось однажды, когда из-за технических неполадок телевизоры отключились на последней решающей подаче. Но сейчас только самые твердолобые смотрели этот матч. В Англии происходили события поважнее.

В Белом доме продолжалось совещание. Уже два с половиной часа, и конца ему не предвиделось. Бэндин коротко переговорил с советским премьером, но от этого ничего не прояснилось. Полярный придерживал карты и сказал мало. Он и его советники все еще вырабатывали тактику или готовились представить факты в нужном свете, а может, искали возможность убедиться, что их американские партнеры разделяют ответственность за аварию на «Прометее». Пока они не решили, как себя вести в этой ситуации, разговаривать с ними было трудно.

Американский кабинет решал ту же проблему, но с другой стороны.

— Мы не можем свалить на советских всю ответственность, — настаивал Саймон Дилуотер.

— Почему? — спросил доктор Шлохтер. — Это теперь политическая, а не техническая проблема, так что их госдепартамент несет полную ответственность. Они наши партнеры, да, но эта катастрофа на их совести, и мы должны быть уверены, что нас не

вздернут за это вместе с ними. Управление государством, как говорил великий Меттерних, — это искусство...

— Пошли вы со своим Меттернихом, — сказал генерал Бэннерман, яростно откусив кончик сигары и сплюнув его на пол. — Вы вытащите своего фрица, а я своего и задавлю вас цитатами из Клаузевица. На этот раз мы просто забудем о дипломатии и «холодной войне» и останемся в одной лодке с русскими. Это наш совместный проект. Если мы сейчас дадим им под зад, они заберут свои игрушки и уйдут. «Прометей» не поднимется без их ускорителей. Вы согласны, господин президент?

Генерал Бэннерман был опытен в делах такого рода, вот почему он является председателем Объединенного комитета начальников штабов, а не просто командовал боевой дивизией. Шлохтер уже открыл было рот для ответа, когда генерал обратился к Бэндину, и Шлохтеру оставалось лишь побагроветь и промолчать. Бэннерману нравился госсекретарь — его так легко поддеть. В армии и дня бы не протянул.

— Я вынужден согласиться, — сказал Бэндин. — Ниоткуда не поступало никаких официальных сообщений, что это был советский ускоритель. Эта трагедия в космосе — не первая жертва во имя прогресса, всего лишь неизбежная случайность, что-то вроде дорожно-транспортного происшествия космической эры. И мы предлагаем англичанам большую помощь. Большие деньги. Они на мели и оценят это.

— Звонят из Центра управления в Хьюстоне, господин президент, — сказал Чарли Драгони.

— Включите репродуктор.

— Можете говорить, президент слушает.

— Центр управления, господин президент. На «Прометее» произошли события, о которых я хотел бы доложить вам и мистеру Дилуотеру. — Голос шел из репродуктора на столе, ясно слышный всем присутствующим.

— Он здесь, рядом, Флэкс. В чем дело?

— В ядерном двигателе «Прометея». Неисправность найдена. Повреждена оболочка камеры, и четвертый двигатель выведен из строя. Возможность восстановления равна нулю.

— Что-что? — переспросил Бэндин. — Дилуотер, это еще что за тарабарщина? Что он несет, черт подери?

— Повреждена оболочка, металлическая обшивка двигателей, которая защищает их во время взлета. Это, вероятно, произошло, когда не смог отделиться ускоритель. Починить двигатель невозможно.

— Вы хотите сказать, что «Прометей» тоже застрял там и ему грозит та же судьба, что и у той железяки, которая разметала английский город?

— Не думаю, что положение настолько плохо, сэр. Видимо, четыре остальных двигателя не пострадали. Разрешите, я поговорю с Флэксом? — Бэндин кивнул. — Хэлло, Центр. Что предпринимается, чтобы использовать остальные четыре двигателя?

— Компьютер как раз сейчас просчитывает варианты. Мы сообщим вам, как только решение будет найдено.

— А это возможно? За оставшееся время?

— Это единственный шанс. Одну минуту, пожалуйста... — На другом конце послышался шум голосов, затем Флэкс снова заговорил: — У нас есть просьба с «Прометея». Они хотят поговорить с вами.

— Соедините, — велел Бэндин.

— Мне не хотелось бы беспокоить вас, господин президент...

— Беспокоить! О чем же нам еще думать, пока эта штука не поднимется, куда ей положено! Соедините их с нами, Флэкс.

— Слушаюсь, сэр.

Пока переходили с радиосвязи на телефон, слышались потрескивание и щелчки. Это продолжалось несколько минут, потом Флэкс дал добро.

— «Прометей», вы на связи с директором Дилуотером, который в данный момент находится у президента. Говорите.

— Господин Дилуотер, господин президент, майор Уинтер на связи.

— Давайте, Патрик, — сказал Дилуотер.

— Вы знаете о наших трудностях с атомными двигателями?

— Да.

— Так вот, мы смотрим на табло, и, похоже, перед нами серьезная проблема. Видимо, мы не укладываемся в сроки.

— Что вы имеете в виду?

— Теперь, когда последняя ступень отделилась, изменив массу корабля, у нас есть приблизительно двадцать восемь часов до того, как мы сойдем с этой орбиты и войдем в атмосферу. Пока что все это остается в силе. Учитывается время, необходимое для запуска двигателей, мы можем не уложиться в столь короткий срок и не успеть вовремя покинуть эту орбиту. Вы понимаете?

— Да, конечно.

— В таком случае я хотел бы узнать, как вы планируете снять экипаж с корабля, прежде чем он войдет в плотные слои атмосферы?

— Экипаж... собственно, никак. Мы не рассматривали такой возможности.

— Что ж, надеюсь, вы рассмотрите ее теперь. — На сей раз голос Патрика прозвучал достаточно резко.

— Да, разумеется. Но вы же знаете, что транспортный корабль вам на замену должен был отправиться не раньше чем через месяц. Понадобится не меньше шести дней, чтобы вывести его на старт.

— Я знаю. Но я думаю про Советский Союз. У них есть рабочий транспортный корабль, способный совершить стыковку на орбите? Или, может быть, он в ведении их ВВС? Они выполняют челночные рейсы на орбитах с малым периодом обращения. Есть у них сейчас что-нибудь на ходу?

— Я не знаю. Но здесь находится генерал Бэннерман, я спрошу у него. — Он взглянул на Бэннермана, вопросительно вздернув брови.

— Ответ отрицательный, — сказал Бэннерман с бесстрастным лицом. — Челнок будет готов через несколько дней. Его нельзя запустить за десять оставшихся часов.

— «Прометей», вы слышали?

— Да. Но мы все же хотим знать, что есть у советских. Пожалуйста, сообщите как можно скорее.

— Хорошо. Одну минуту, «Прометей», с вами хочет говорить президент.

— Говорит ваш президент, майор Уинтер. Я лишь хотел сказать, что наши сердца постоянно с вами и вашим экипажем. Первостепенное значение придается безопасности и успеху полета «Прометея» и, конечно, вашей личной безопасности. Будьте уверены, будут предприняты все возможные усилия для обеспечения вашей безопасности и успеха полета.

— Спасибо, господин президент. Конец связи.

— Парень довольно груб, — сказал Гродзински. — Ему не мешает последить за своим языком.

— Они там, конечно, несколько взвинченны, — заметил Бэннерман.

— И все же...

— Заткнитесь, Гродзински, — сказал Бэндин. — Перед нами проблема. Мы должны подумать о тех людях в космосе и о том миллионе тонн всякого американского оборудования, вместе с которым они сейчас летают. Дилуотер, если им нельзя будет помочь, что именно произойдет через двадцать восемь часов?

— «Прометей» войдет в атмосферу. — Он снял очки и растирал воспаленную переносицу. — А что будет потом, точно сказать нельзя. До сих пор ни один корабль, равный «Прометею» по массе, в такую ситуацию не попадал. Он может взорваться и сгореть, а может и выдержать — и упасть на поверхность Земли целиком.

— Вы что, хотите сказать, что возможно падение еще одной ракеты? Как в первый раз?

— К великому сожалению, господин президент, должен сказать, что на этот раз авария может быть значительно серьезней. «Прометей» не только весит гораздо больше, но и является носителем ядерного топлива. Около пятисот фунтов радиоактивных урановых таблеток. Неясно, взорвутся ли они при входе в атмосферу...

— Они не должны взрываться, — вмешался Бэннерман. — Они сгорят, будут плавиться, распыляться в виде радиоактивного газа. Замечательно, если бы такая штука приземлилась у нас на задворках.

— У нас, у кого-то еще... Учитывая ее местонахождение на орбите в данное время, она может упасть куда угодно.

— Я этого не понимаю, — сказал президент.

— Это связано с вращением Земли, сэр. «Прометей» совершает один виток вокруг Земли каждые восемьдесят восемь минут по овальной орбите. Но в то же время и сама Земля вращается, движется, поэтому с каждым оборотом Земли корабль проходит над разными точками ее поверхности. В какой-то момент, к несчастью, орбита «Прометея» прошла над Великобританией, как мы теперь с прискорбием знаем.

Внезапно Бэндину пришла в голову мысль.

— Кто-нибудь потрудился просчитать, где пройдет орбита через двадцать восемь часов, когда эта штуковина предположительно начнет падать?

— Да, сэр, такие расчеты есть. — Дилуотер положил перед ним на стол лист бумаги. — В это время корабль будет находиться над северной частью Тихого океана, над заливом Аляска.

— Прекрасно, — сказал Бэндин. — Не станем переживать из-за айсбергов и нескольких полярных медведей.

— Нет, сэр. Но далее он проследует на юг вдоль всего тихоокеанского побережья страны. И пролетит по очереди над Сиэтлом, Портлендом, Сан-Франциско, Лос-Анджелесом и Сан-Диего.

В оглушительной тишине смысл сказанного медленно доходил до всех.

Глава 28

ПВ 15:08

— Собрание экипажа, — сказал Патрик. — Я хочу, чтобы вы все знали, как обстоят дела с двигателями, и прочее...

Он удивился, заметив, что произносит слова с запинкой. За годы работы испытателем он привык обходиться без отдыха долго, по целым дням. Он научился справляться с усталостью. Но никогда прежде он не уставал так, как сейчас; если бы не состояние невесомости, он бы рухнул на кушетку. И другие выглядели не лучше. Наверное, у него глаза такие же красные, как у Нади, можно и не смотреться в зеркало. Элай бледен от усталости и напряжения, под глазами его будто сажей навели круги. Только двое выглядели относительно нормально. Григорий, все еще не совсем проснувшийся, старался не ронять голову. Коретта держалась спокойно и естественно. Если она и нервничала, то не показывала этого. Хотя смотрела на Патрика с глубокой тревогой.

— Ну и вид у тебя, Патрик, — сказала она. — По-моему, тебе трудно даже говорить?

— Еще бы, доктор. Я ужасно устал.

— Я полагаю, спать ты не собираешься?

— Правильно полагаешь.

Она переместилась к стене и открыла свою аптечку.

— При других обстоятельствах я бы этого не сделала. Но у меня здесь много стимуляторов — бензадрин, дексадрин. Хочешь? Ты знаешь, что потом тебе может стать хуже?

— Никакого «потом» может и не быть. Давай побольше.

— Что ты имеешь в виду? — Коретту поразила внезапная жесткость его тона.

Прежде чем ответить, он проглотил таблетки и запил их водой. Теперь все с напряженным вниманием приготовились его слушать, даже Григорий стряхнул дремоту.

— Давайте посмотрим фактам в лицо, — сказал Патрик. — Мы не можем позволить себе погибнуть из-за собственных ошибок. Шансы и так невелики. Сейчас, — он взглянул на табло, — 15:11. Мы все еще находимся на низкой околоземной орбите, которая предположительно прервется в 43:00 полетного времени примерно на середине двадцатого восьмого витка.

— Почему они так в этом уверены? — спросила Коретта. — Я хочу сказать, разве воздух не замедлит падения? Это будет происходить как бы постепенно.

— Не совсем так, — ответил Патрик. — Наше движение уже замедляется — ведь мы уже в верхних слоях атмосферы и все время опускаемся ниже и ниже. Но нужно помнить, что наша орбита на самом деле не круглая, а похожа на большой эллипс. В апогее — самой высокой ее точке, когда мы наиболее удалены от Земли, — мы находимся на сотню километров выше, чем в перигее, самой ближней точке. На двадцать восьмом витке, войдя в перигей, мы окажемся в плотных слоях атмосферы — и все. Конец путешествию.

— Двигатели, — резко сказал Григорий, — вы должны запустить двигатели! — Его лицо снова стало напряженным, кулаки сжимались так, что костяшки побелели.

— Нам бы очень хотелось, Григорий, поверь мне, правда. Но четыре оставшихся двигателя невозможно включить, пока мы как-нибудь не отсоединим разбитый. Элай, у тебя есть какие-нибудь мысли на этот счет?

— Есть, — он взмахнул сложной схемой, которую изучал. — В Центре управления этим уже занимаются, но я пытался разобраться сам. Беда в том, что все пять двигателей связаны между собой. У них общий источник подачи водорода — как для тормозной системы, так и для топливного смесителя. Теоретически блокировать четвертый двигатель возможно. Это означало бы выход в космос — надо перекрыть множество клапанов, перерезать и изолировать кабели и провода, блокировать их. Но это опасно. Заденешь не тот провод — и конец игре. Плюс еще одно: когда в космосе все будет сделано и заработают двигатели — если заработают, — что за тяга получится? Можно ли учесть смещенную тягу? Я не знаю, но надеюсь, что ребята в Хьюстоне разберутся. И еще одно, последнее и очень важное. — Элай обвел взглядом внимательные лица и не смог посмотреть людям в глаза. Он резко отвернулся. — Скажи ты, Патрик. Ты ведь капитан тонущего корабля.

— Ну, еще не совсем потонувшего, — отозвался Патрик. — Но главная сложность в том, что, даже если мы запустим двигатели, хватит ли у нас времени, чтобы вырваться с этой орбиты до двадцать восьмого витка? Верхние слои атмосферы — странное место, здесь ничего нельзя точно предсказать на какой-то заданный отрезок времени. Может быть, мы уложимся в срок, может быть, нет. Мы можем лишь попытаться.

— Это действительно все? — спросил Григорий как-то слишком громко.

— Нет. Я уже разговаривал с Дилуотером и президентом по

поводу того, чтобы нас сняли с «Прометея» раньше двадцать восьмого витка, если все обернется к худшему.

— И можно так сделать? — живо спросил Григорий.

— Это рискованно, но возможно. Корабль, который должен был поменять экипажи через месяц, еще не готов. Однако есть ведь военные многоразовые корабли в США и в Союзе тоже. Рассматриваются все возможные варианты. Вот таково положение. Как только Центр сообщит, что это можно сделать, мы попытаемся отсоединить разрушенный двигатель. Потом включим остальные. Потом, если повезет, выйдем на заданную орбиту. Если же этого сделать нельзя, то сейчас разрабатываются альтернативные планы, чтобы снять нас отсюда.

— А если нас не снимут?.. — очень тихо спросила Коретта.

— Я не знаю, — ответил Патрик. — Если ты спрашиваешь, выберемся ли мы отсюда живыми, что ж, я отвечу: нет, не выберемся. Корабль может взорваться, а может рухнуть целиком. В любом случае нам из него не выйти.

— Но... разве его нельзя как-то... посадить?

— Нет. Никаких шансов.

— Но если «Прометей» упадет, может ли случиться что-нибудь ужасное, как с этим английским городом?

— Много шансов против, — сказал Патрик, насколько сумел спокойно. — Очень много. Две трети Земли покрыто водой, так что, вероятно, «Прометей» попадет в океан. И еще около трех четвертей суши занимают горы, джунгли, пустыни и все такое прочее. Я сомневаюсь, что назревает еще одна катастрофа...

— Ты сомневаешься! — хрипло ответил Григорий, перевернувшись в воздухе и пытаясь выпрямиться. — Мы попадем черт знает во что, разве этого не достаточно! Мы умрем, и это конец!

— Ты должен держать себя в руках, Григорий. Ради себя и нас тоже... — Зазвучал сигнал радиосвязи, и Патрик обернулся к люку.

— Я займусь этим, — сказала Надя и оказалась у люка прежде, чем он успел ответить. Она была права, его место было здесь.

— Нам всем тяжело, Григорий, — продолжал Патрик. — Я понимаю, каково тебе сидеть здесь взаперти без дела. Но мы еще можем выпутаться, и в таком случае ты незаменим. Не забывай об этом. Все вообще затеяно для того, чтобы поднять на орбиту именно тебя с генератором, а не нас. Именно ты и должен выполнить главное задание.

Надя возвращалась назад, и они повернулись к ней.

— Центр управления полетом сообщает, что вполне возможно

заблокировать двигатель и запустить остальные. Работа должна выполняться в открытом космосе.

— Так я и знал, — вздохнул Элай. — Назад в соляные копи.

— Они считают, что все будет в порядке, — сказала Надя. — Они уверены, что децентрализацию тяги можно скомпенсировать. И что ее хватит, чтобы поднять нас с этой орбиты. Но двигатели должны быть включены как можно скорее.

— Да уж, конечно, — сказал Элай.

— Центр разработал программу необходимых действий, они будут передавать ее нам поэтапно. Они спрашивают, могут ли два человека выйти в космос одновременно. Они знают, что у нас только один рабочий шланг.

— Отвечаю: да, — сказал Патрик. — Я возьму астроскаф. Элай, одевайся и жди меня в полетном отсеке. Тогда ты сможешь пользоваться длинными шлангами, а я буду передвигаться в астроскафе. У нас должно получиться.

— Так действительно лучше, — согласился Элай. — Давай облачаться. Коретта, дорогая, помоги мне приободриться, пока мы не покончим с этим.

— Конечно. А тебе, Надя?

Та сперва отрицательно покачала головой, потом передумала.

— Вообще-то я не люблю стимуляторы, но, пожалуй, сейчас дело другое.

— Другое — дальше некуда, *ду-ушэнка,* — сказал Элай. — Вступай в отряд наркоманов.

— Вы опять закроете люк? — спросил Григорий. — Снова нас запрете?

— Извини, — ответил Патрик, уловив в его голосе страх, но не в силах помочь ему. — Это должен быть наш последний выход в космос. И давайте поскорее с этим покончим.

— Я тоже могу надеть скафандр, — сказал Григорий. — Я могу помочь.

— Он мог бы что-нибудь сделать, правда? — спросила Коретта, пытаясь интонацией дать Патрику понять, что она думает. Как врач, она прекрасно понимала, что Григорий на грани срыва. Патрик отрицательно покачал головой.

— Извини. В полетном отсеке просто нет больше места. Да и необходимости такой нет. Надя будет передавать нам с Элаем инструкции, и мы все сделаем вдвоем. Постараемся управиться как можно скорее.

Они оделись и выбрались через люк. Коретта и Григорий смотрели, как люк захлопнулся и повернулось колесо, запирая

его. Вскоре рядом зажегся красный сигнал, показывая, что с другой стороны вакуум.

Обернувшись, Коретта увидела, что Григорий сидит сгорбившись, стиснув перед собой руки, опустив голову. Разумеется, не совсем сидит, а скорее плавает в нескольких футах над кушеткой.

— Хочешь поесть чего-нибудь, Григорий? — спросила она, но ответа не получила. — Здесь полно всяких деликатесов. Должна сказать, что вы, русские, такое проделываете со своим космическим питанием, до чего нам бы никогда не додуматься. Посмотри-ка, икра! За маленькую баночку на Земле заплатишь все двадцать пять долларов, а у нас здесь банок десять, даже больше. Ради этого стоит слетать в космос.

— Ни ради чего не стоит. Слишком все это ужасно. — Не нужно было быть врачом, чтобы услышать страх в его голосе.

— Да, пока не слишком похоже на легкую прогулку. Ну-ка попробуй, пожалуйста, я открыла.

— Нет, ничего не хочу. К чему мне теперь еда, ведь жизнь кончается.

Он повысил голос, стараясь перекричать доносившиеся из громкоговорителя на стене указания Центра управления тем, кто вышел в космос. Коретта выключила звук, слишком эти советы упорно напоминали об их малоприятном положении. Подчинившись внезапному порыву, Коретта стала перебирать разные варианты оркестровой музыки, пока не нашла приятный фортепианный концерт, похоже, Рахманинова. У них на корабле была отличная коллекция записей. Помещение заполнили ясные звуки фортепиано и теплые напевы струнных.

— Так не должно было кончаться, — сказал Григорий. — Слишком много ошибок сделано, слишком спешили отправить нас в космос, нужно было все подготовить тщательнее.

— Нечего плакать над сбежавшим молоком, Григорий, — сказала Коретта. — Икра просто восхитительная. Жаль, что к ней нет шампанского. Эй, постой-ка! У меня же есть немного медицинского спирта. Разбавим водой пополам, и вот тебе отличная водка. Как насчет этого, *товарищ?* Глоток водки не угодно?

— Наделали ошибок, слишком спешили, а теперь мы умрем...

Григорий стукнул кулаком о кулак. Он и не слышал Коретту. Он явно нуждался в чем-то покрепче, чем водка. Коретта заглянула в аптечку, потом снова посмотрела на обезумевшего русского. Похоже, от действия снотворного, которое она ему давала, не осталось и следа, а ведь оно достаточно сильное, чтобы свалить человека на несколько часов. Сумеет ли она заставить его принять еще? Вряд ли, хотя он, кажется, и не замечает ее, не обращает внимания... Человек деградировал прямо на глазах.

Она открыла металлическую коробочку и достала вакуумный шприц, затем вскрыла пластиковую ампулу ноктекса. Хватит, чтобы усыпить слона. Удобство такого шприца заключается в том, что нет необходимости прокалывать кожу. Стоит лишь прижать его к телу в любом месте — и струя сжатого воздуха протолкнет капли лекарства прямо сквозь кожу. Ей все-таки придется усыпить огромного русского, хочется ему этого или нет. Дать хорошую дозу, чтобы не вставал, пока не минует опасность. Или пока все не кончится. Впрочем, не стоит думать об этом. Он — пациент, и она должна сделать для него все, что в ее силах. Она осторожно заперла аптечку и, пряча шприц, направилась к Григорию. Он стоял к ней спиной, опустив голову, ничего не замечая. Сзади на шее, среди светлых вьющихся волос, как раз подходящее место. Только приставить и нажать. Она подплыла ближе, вынимая шприц.

— То, как они поступают с нами, — преступление! — воскликнул Григорий, выпрямляясь, его ноги стукнулись о кушетку как раз в тот момент, когда Коретта приготовилась ввести снотворное.

Шприц ударился о его плечо, выплеснув струйку лекарства.

— Что это такое? — взревел он, глядя на шприц, словно на чудовищное оружие. — Ты пытаешься убить меня! Ты не имеешь права!

Он резко выбросил руку вперед и вырвал у нее шприц, швырнул его в стену; от этого толчка оба они закружились, столкнулись, и на этот раз он попытался ударить Коретту.

— Ты хочешь убить меня!

Удар был неуклюжим, и он отлетел от нее в ту же секунду. Кулачные бои в невесомости практически невозможны. Но его ладонь скользнула по лбу Коретты, содрав кожу обручальным кольцом. Выступили маленькие капли крови. Вид крови разъярил его еще больше, и он снова набросился на нее, но она увернулась.

Взгляд Григория был совершенно бессмысленным, он не владел собой. Вцепившись в костюм Коретты, он пытался притянуть ее к себе, но она легко уворачивалась от его неловких ударов.

— Григорий, перестань! — закричала она. — Перестань, пожалуйста!

Они плыли и кружились, отлетая от предметов и стен, и этот безумный балет в космосе сопровождала возвышенная музыка фортепианного концерта. Григорий уже тяжело дышал, но по-прежнему был еще вне себя от страха и ярости. Коретта сама осторожно притянула его к себе, обхватила руками и спрятала голову у него на груди, чтобы он не смог ударить ее по лицу.

Гнев его вдруг иссяк. Он глубоко всхлипнул и прикрыл руками глаза.

— Боже мой, что я делаю... Я не знал... У тебя на лице кровь. Это я сделал!

— Неважно, все уже прошло.

— Нет. Я виноват. Очень виноват. Прошу тебя, прости. Я сделал тебе больно, что-нибудь сломал...

— Нет, ничего подобного, правда, мне совсем не больно.

Григорий в смятении, забыв обо всем, ощупывал ее руки, словно ожидая обнаружить перелом, обнимая, прижимал ее к себе.

Его дыхание участилось. Она попробовала осторожно высвободиться.

— Прости меня, — сказал он тихо, — прости.

— Ничего, — ответила она по-прежнему спокойно, чувствуя, однако, как его руки опускаются все ниже, обнимая ее все крепче. Его ярость внезапно обратилась совсем в другое чувство.

Коретта понимала, что все зашло слишком далеко и следует прекратить это. Но тут же удивилась собственным мыслям: зачем? Почему она должна останавливать его? Она женщина, была замужем. И ведь этот большой, угрюмый, вспыльчивый русский нравится ей. И, — она с трудом удержалась от смеха, — господи, ведь это в космосе впервые, прямо как в книжках. Григорий заметил ее улыбку и коснулся пальцами ее губ, шепча по-русски ласковые слова. Ее костюм застегивался на одну единственную «молнию», и он медленно расстегнул его, обнажая теплую темную кожу.

Она не носила бюстгальтера — зачем он в невесомости? — ее груди были круглыми и полными. Он наклонился, погрузив лицо в их тепло, целуя ее снова и снова. Она крепко обняла его голову, помогла ему раскрыть «молнию» до конца. Выскользнула из своего костюма и помогла раздеться ему.

Приятно, необычайно приятно плыть невесомыми в космосе, будто в глубине океана. Волны музыки набегали на них, отступали... и набегали опять...

Глава 29

ПВ 16:41

— Болонская копченая колбаса, салями или сыр, мистер Флэкс, и больше ничего. А хлеб только белый.

Флэкс посмотрел на поднос с неаппетитными сандвичами.

— Ну почему, Чарли, — спросил он. — В тот момент, когда начинается работа, сразу кончается вся еда и нам присылают такое вот дерьмо? Хлеб, видимо, черствый?

— К сожалению, мистер Флэкс. Но, в конце концов, после семи вечера нельзя ожидать...

— Нельзя что? Нельзя ожидать нормальной еды, потому что в буфете рабочий день кончился? Да у меня здесь люди работают сутками без перерыва, а вы не можете придумать ничего получше этих дерьмовых сандвичей!

— Это не я придумываю, я только разношу. Берете?

— Нищим выбирать не приходится, — проворчал Флэкс, его гнев прошел так же быстро, как и вспыхнул. Он приподнялся в кресле, чтобы размять затекшие ноги. Надо походить, но сперва он перекусит. — Дайте мне каждого по одному. Спасибо.

Он выбросил лишний хлеб и сделал себе что-то вроде трехслойного бутерброда. Он медленно жевал, откусывая большими кусками, и слушал через наушники распоряжения бригады, занимавшейся двигателями.

— ...вот тот, желтого цвета, справа. Нужно отрезать часть кабеля и заизолировать нижний конец. Так...

Он все время слышал этот голос и помнил о тех двоих, которые пытались в открытом космосе починить ядерные двигатели. Работали, помня об урочном часе. При этой мысли его глаза обратились к табло — полетное время 16:42. Пока он смотрел, стало 16:44. Время шло. Загорелся световой сигнал, и он нажал кнопку.

— Я говорю из конторы русских, Флэкс. Я был в Капустином Яре и на Байконуре, они клянутся, что у них нет ничего на ходу, чтобы состыковаться с «Прометеем» раньше предельного срока. Через два дня на старте будет «Союз», но они могут сократить этот срок только на несколько часов. Это подтверждается имеющейся у нас информацией и, с твоего позволения, данными ЦРУ. Я обратился к ним, не спрашивая твоего разрешения, я знаю, что должен...

— Нет, не в этот раз. Ты поступил правильно, спасибо. Значит, нет никаких шансов послать сейчас советский корабль?

— Абсолютно никаких. Извини.

— Все равно, спасибо.

— От Советов помощи никакой. А НАСА может запустить свой «челнок» не раньше чем через неделю — это в самом лучшем случае. Они, конечно, готовят его, спешат, насколько возможно... Если «Прометею» удастся выбраться с этой орбиты, им все равно может понадобиться помощь. Но помощь может и опоздать.

Эх, если бы у военных сейчас был наготове свой «челнок»! Он мог бы вообще-то предусмотреть это для страховки. Опять слезы над сбежавшим молоком: что толку терзать себя? Все это были секретные проекты, но невозможно сохранить в тайне от других людей, занимающихся тем же делом. Полезный груз «челнока», ну да, все это было достаточно засекречено, хотя все догадывались, зачем им нужна грузоподъемность в двадцать тонн. Военные никогда не прекращали свои дорогостоящие игры. Бэннерман сказал, что корабль пока не готов, а уж он-то должен знать. Впрочем, он ведь не сказал, сколько потребуется времени на подготовку... Это мысль. Если дело в одном-двух днях, это может пригодиться, если «Прометей» действительно выберется на более удобную орбиту. Спросить у Бэннермана? Нет, незачем снова беспокоить Белый дом, они все еще совещаются.

Позвонить на мыс самому? При этой мысли он тяжело вздохнул и взял чашку, запивая последний кусок безвкусного сандвича холодным черным кофе. Что и говорить, трапеза гурмана. Нет, и думать нельзя о том, чтобы прямо спросить про засекреченный проект. Может быть, года через два они сообщат ему, чем занимаются. Попробовать с черного хода. Интересно, кто работает над этим проектом, кого он знает достаточно хорошо? Да еще чтобы сумел пробиться через бюрократические барьеры? Среди военных, пожалуй, никого. Ну конечно, инженеры. Задай правильно вопрос, получишь верный ответ! Вольфганг Эрнстинг. Они целую вечность проработали вместе, прежде чем Вольфганг предпочел большие деньги и высокую секретность. Один из членов команды Пенемюнде, которую привез фон Браун. Флэкс схватил телефон.

— Я хочу заказать личный разговор с Флоридой.

В Нью-Йорке внезапная летняя гроза хлестала дождем по закопченным окнам маленькой комнаты, водяные ручейки рисовали на стекле светлые полосы. Купер, научный редактор «Газетт-таймс», смотрел на дождь, но не видел его, не замечал. В его

мозгу строгие факты и туманные предположения превращались в пламенные строки. Он в последний раз погрыз свои выпачканные чернилами ногти, чтобы расставить мысли по местам, затем принялся лихорадочно стучать двумя пальцами на древнем «Ундервуде».

«Надвигается более крупная катастрофа, — писал он, — по сравнению с которой трагедия Коттенхэм-Ньютауна покажется незначительной. Смерть, с воем упавшая с небесной синевы на этот беззащитный город, была всего лишь небольшой частью сложной системы, включавшей в себя еще пять ускорителей, которые подняли «Прометей» на орбиту, где сейчас он и пребывает в весьма неустойчивом положении, проносясь над нашими головами каждые восемьдесят восемь минут. Эти ускорители — можно сказать игрушки по сравнению с самим «Прометеем»: вместе с грузом вес корабля превышает две тысячи тонн. Такую огромную цифру трудно осмыслить, пока не сопоставишь ее с чем-то знакомым. Эсминец военно-морских сил США. Целый эсминец висит там, наверху, над нашими головами! Пушки, броня, двигатели, снаряды, корпус, боеприпасы — вот вес всей этой готовой упасть махины. И она упадет — и принесет с собой кое-что похуже собственного веса. Радиоактивное заражение! Ведь в качестве топлива для двигателя на «Прометее» находятся пятьсот фунтов урана. Когда «Прометей» врежется в землю и взорвется, как небольшая атомная бомба, выброс радиоактивного газа неизбежен. И его будет более чем достаточно, чтобы уничтожить два миллиона людей при благоприятных условиях распространения. Куда же упадет эта атомная бомба из космоса? Она упадет...»

Так все-таки куда свалится эта чертова штука? Купер размышлял. Он повернулся к меркаторовой карте земного шара, разложенной на столе. Сверху ее покрывала калька с обозначением орбиты. С каждым витком траектория менялась в связи с вращением Земли. Так... здесь... на двадцать восьмом витке, когда, как они объявили, корабль войдет в плотные слои атмосферы, он будет проходить... Господи!.. Прямо над серединой Американского континента!

Купер поежился и посмотрел в темное небо. Черные птицы его пророчеств слетались домой на ночлег. Гораздо ближе к его собственной голове, чем ему бы хотелось.

— Мы должны быть готовы ко всему, господин президент, — произнося это, доктор кивнул. — Вероятность того, что «Прометей» может погибнуть, велика...

— Я не хочу думать об этом, у меня тут же обостряется язва. Драгони, еще один бурбон, и поживее.

— Боюсь, нам придется подумать. Мы должны учитывать международные последствия еще одной катастрофы. Как это, например, отразится на наших отношениях с Советским Союзом и другими государствами?

— Эй, а мы учитываем жизни тех пятерых? И то, как могли бы им помочь? — поинтересовался Гродзински.

Дилуотер кивнул в его сторону — это был почти поклон признательности и одобрения. Гродзински, при всех своих крупных и явных недостатках, по крайней мере думал по-человечески — о людях.

— Речь не о них, — сказал Шлохтер, слегка раздув ноздри.

— Позволю себе не согласиться с госсекретарем, — вмешался Дилуотер. — От имени НАСА я заявляю, что жизни этих людей представляют для нас величайшую ценность. Иначе и быть не может.

— Они нам дороги, разумеется, — сказал Бэндин, позвякивая льдом в стакане. — Однако в данный момент мы говорим не об этом. Это совершенно другой ряд проблем. Что, если им не удастся починить корабль? Что, если он действительно упадет через двадцать шесть часов? Можем ли мы допустить, чтобы он уничтожил какой-нибудь город, как был уничтожен тот английский? И в состоянии ли мы этому помешать?

— Способ есть, — сказал Бэннерман.

— Спасти все? — спросил Бэндин.

— Я этого не говорил, господин президент. Я сказал, что есть способ предотвратить падение «Прометея» и еще одну катастрофу на Земле.

— Что за способ?

— Если бы корабль можно было уничтожить в воздухе...

— Вы выражаете вслух мои мысли, Бэннерман!

— Да, сэр. У нас в Штатах боевые ракеты находятся в состоянии постоянной готовности на случай внезапного ядерного удара. Они рассчитаны на перехват и уничтожение ракет противника, нацеленных на Соединенные Штаты. Получилась бы хорошая проверка всей системы...

Саймон Дилуотер с трудом сдержал гнев и отвращение:

— Вы говорите о сознательном уничтожении пятерых космонавтов, генерал? Трое из которых американские граждане?

— Да, — Бэннерман был спокоен и невозмутим. — Во время войны мы несем куда большие потери, и никто не жалуется.

К завтрашнему утру на наших дорогах в автомобильных катастрофах погибнет в десятки раз больше народу. Речь должна идти не о количестве жизней и не о гражданстве этих людей. Единственное, о чем мы должны думать, — как не допустить более крупной катастрофы, которую может вызвать падение корабля на Землю.

— А вы думали, что станет с проектом «Прометей», если пойти на это? — спросил Дилуотер.

— В данный момент это неважно, — ответил Бэннерман ледяным тоном. — Если бы вы приложили больше старания, проектируя «Прометей», мы бы сейчас не сели в эту лужу.

— Вы не можете утверждать...

— Хватит! — рявкнул Бэндин. — Подраться можете потом. Сейчас перед нами проблема. Генерал, подготовьте мне самую последнюю информацию по оборонительным ракетам. Ну, сами знаете, готовы ли они к запуску и так далее... и до каких пор можно откладывать пуск, чтобы в крайнем случае успеть сбить эту штуку, пока она не рухнула на Соединенные Штаты.

— Да, господин президент. Все будет готово через несколько минут.

— Да, и я хочу знать, как это делается, то есть какая боеголовка?..

— Ядерная. Разрешите мне воспользоваться телефоном?

В комнате наступила тишина. Гродзински, как-то съежившись, водил карандашом по столу. Дилуотер молчал, выпрямившись, но не мог согнать с лица выражение ужаса. Один Шлохтер казался невозмутимым.

— Мы должны рассчитывать на худшее, — сказал он. — Полный провал данного полета во всех отношениях. Если это произойдет, то как отразится в целом на проекте «Прометей», мистер Дилуотер?

— Проект... да, конечно. Это отбросит нас назад по крайней мере на год... Ничего себе замена орбитальной станции! Вы должны понимать, что после сборки генератора корабль со своими ядерными двигателями должен был бы использоваться как последняя ступень для переброски дополнительных стройматериалов. Без этого мы не сможем запустить генератор.

— Год? Вы хотите сказать, целый год? — спросил Бэндин с мрачным видом.

— Боюсь, это минимальный срок, сэр.

— Потом — выборы, — сказал Бэндин. — В это кресло усядется какой-нибудь чурбан неотесанный, а вы все останетесь без ра-

боты. Если этого не хотите, придется что-нибудь быстренько придумать.

— Если только они не починят двигатель, — сказал Бэннерман. — Сейчас это наш единственный шанс. Они должны полностью сосредоточиться на нем.

— Можешь запросто побиться об заклад на свою задницу, — сказал Бэндин. — Как у них дела, Дилуотер? Каковы последние сведения?

— Пока без изменений, господин президент. Наш пилот и доктор Брон находятся в открытом космосе и производят ремонт согласно указаниям из Центра управления. Все идет по плану.

— Сколько это еще продлится?

— Я затрудняюсь сказать...

— А вы заставьте себя.

— Предположительно, а я действительно лишь предполагаю, они могли бы закончить где-то через час.

— Будем на это надеяться.

— Мы все молим за них Господа, господин президент.

Глава 30

ПВ 17:08

— Похоже на цыпленка, упакованного для духовки, — заметил Элай, разглядывая на корме «Прометея» кучу скомканной алюминиевой фольги, обмотавшуюся вокруг ядерного двигателя. Похоже, фольги здесь было невообразимое количество — целый холм шириной футов пятьдесят, откуда выступали лишь сопла двигателей. Брон закрепился за скобы на корпусе корабля, рядом в астроскафе плавал Патрик.

— Что ж, этого цыпленка мы должны распаковать, чтобы добраться до самого двигателя. Который из них?

— Вон тот, на дальнем конце.

Патрик включил управление астроскафом и медленно проплыл над кораблем, а Элай направился в обход — от скобы к скобе. Когда он добрался до хвоста, Патрик уже снял большой кусок фольги и принялся за следующий. Они работали молча, отдирая алюминиевые полосы и отбрасывая их в стороны, так что вскоре длинные ленты поплыли от корабля во все стороны. Еще не закончив, они начали задыхаться.

— Вы готовы следовать нашим инструкциям? — голос из Центра прозвучал у каждого в наушниках.

— Нет еще, когда будем готовы — скажем.

Элай огрызнулся, пытаясь отдышаться. В Центре хватило ума промолчать. У него ломило спину, каждый мускул ныл, он дышал с трудом и устал до изнеможения. В скафандре вытереть лоб было невозможно, и капли пота стекали по носу, вызывая зуд и раздражение. Он потряс головой, но это не помогло.

— Все нормально? — спросил Патрик, нажав кнопку на пульте астроскафа. Струя газа подтолкнула его вдоль основания двигателя; он искал, за что схватиться, чтобы замедлить движение.

— Нет, черт подери, какое там! — Элай с трудом выдыхал слова. — Не знаю, на сколько меня еще хватит.

— Я тоже вымотался — но деваться некуда. Как раз здесь требуются двое. Давай закончим, тогда ты передохнешь, а я займусь водородно-гелиевым теплообменником.

— Если бы мне только выбраться из этого скафандра на несколько минут...

— Нет. У нас нет времени снова проходить герметизацию и начинать все сначала. — Патрик старался, чтобы его голос звучал спокойно, сдержанно, но и он устал не меньше Элая. Или даже больше. Нервы были взвинчены до предела. — Времени нет, понимаешь ты это? Мы должны справиться, больше нам ничего не остается.

— «Прометей», вы готовы?

— К черту нравоучения, Патрик, без них обойдусь. А вы там, в Центре, заглохните, мы сами скажем, когда будем готовы. Я не знаю, смогу ли сделать это, перед глазами все плывет...

— Извини за поучения. Нам тут тоже нелегко.

Патрик подплыл ближе, их шлемы почти соприкоснулись, и положил руку Элаю на плечо. Сквозь слои ткани и пластика он мог ощутить внутри человеческое тело, лишь крепко сжав пальцы. Они были одни в космосе, в вечном вакууме, окружавшем их со всех сторон, четкие точки звезд точно отмечали вехами чей-то путь. Стальной корпус «Прометея» рядом с ними — капсула жизни в жуткой пустоте. Полнеба заполняла собой Земля.

— У нас нет выбора, Элай, — сказал Патрик. — Чтобы запустить нас сюда, потрачены миллиарды долларов и миллионы часов труда. И все пойдет прахом, если мы не закончим работу. Нам действительно ничего другого не остается.

— Все верно, — отозвался Элай. — Извини. Давай, поехали. Что там дальше, Центр управления?

В Хьюстоне молча ждали, не в силах помочь. Они могли лишь

давать инструкции и надеяться, что двое измученных людей в космосе выполнят их правильно.

— Перед вами пластина, на ней должен быть номер «Питер Альфред семь шесть». Там четыре крепления.

— Понял. Пат, дай-ка мне отвертку.

Патрик отстегнул страховку и передал ему громоздкий прибор.

— Там большая лопасть. Настроен на извлечение при минимальной скорости. Я готов.

— Хорошо.

Элай покачивался рядом, закрепившись за скобу, он вставил лопасть в паз первого болта. Когда он включил аппарат, тот взвыл, маховик быстро завертелся.

— Что за... — начал Элай, и тут лопасть врезалась в алюминий, и отвертка вырвалась у него из рук. — Слишком быстро!

Электроотвертка уплывала от них светящейся пылинкой в темноте.

— Я достану — держись, — крикнул Патрик, передвигая астроскаф и регулируя реактивную струю для полета вперед. Он взлетел следом, схватил отвертку и затормозил. Обратно он возвращался гораздо медленнее.

— Ты включил на слишком большую скорость, — сердито воскликнул Элай. — Она просто выскочила у меня из рук, когда заработала.

— Извини, это моя ошибка, но тебе следовало закрепить ее страховкой. Если бы ты это сделал, ничего бы не случилось...

— Элай, Патрик, полетное время 17:34, — сказала Надя, ее спокойная речь пробилась сквозь их раздраженные голоса. — Как продвигается работа?

Патрик судорожно вздохнул.

— Все по плану. Спасибо, Надя.

— Хотите, я кого-нибудь из вас сменю?

— Очень хорошая мысль. Как только мы снимем эту пластину, я отошлю Элая. Когда он перейдет в полетный отсек, ты можешь занять его место здесь.

— У меня все нормально, — сказал Элай.

— Нет, не все. И у меня тоже. Как только тебе станет лучше, ты сможешь заменить меня. Работать по очереди будет значительно легче. Теперь давай займемся пластиной.

— Ладно.

Наконец пластина была снята, под ней обнаружилась масса кабелей и проводов.

— Вам виден черный кабель с зеленой маркировкой?

— Похоже на кучу спагетти, — сказал Элай, придвигаясь ближе. — Вот этот вроде, да, зеленая маркировка.

— Вы должны перерезать его. Если потянуть, там есть люфт. Сможете вытащить кольцо наверх?

— Это... не так просто...

— Дай-ка я попробую, — сказал Патрик, приблизившись.

Взявшись вдвоем, они сумели вытянуть черное кольцо кабеля на два-три дюйма.

— Адская работенка — резать его! — воскликнул Патрик. — Он слишком толстый, нашими инструментами не возьмешь. Придется пережечь.

— А не опасно? Другие провода так близко...

— Выбора нет. Включи резак и давай мне сюда.

Элай вернулся к опоре двигателя, где они прикрепили свои инструменты. Он взял ацетилено-кислородный резак и укрепил его на своем шланге. Затем включил подачу газа и нажал на курок. Поток блестящих частиц замороженного газа превратился в огненное лезвие.

— Вот...

— Берегись!

Это крикнул Патрик — слишком поздно.

Поворачиваясь с зажженной горелкой, Элай не заметил, что перед ним колышется кусок собственного шланга. Шланги, казалось, ожили и двигались сами по себе от малейшего толчка, извиваясь, словно змеи.

Кольцо шланга всплыло вверх, и резак прожег его.

Патрик схватил резак, выключил, и оба они в ужасе застыли, глядя на почерневший кислородный шланг. Он был прожжен наполовину, поврежденная наружная оболочка выпирала наружу огромным пузырем. В тот момент, когда они дотянулись до шланга, чтобы заправить трубку, пузырь лопнул.

Элай вскрикнул, воздух выталкивался наружу потоком кристаллов, и звук его голоса слабел по мере того, как слабел этот поток.

— Задержи дыхание! — крикнул Патрик. — Задержи дыхание, я отнесу тебя внутрь. — Он схватил лопнувший шланг, но не смог удержать воздух, проскальзывавший у него между пальцев. — В отсек! Надя, начинай герметизацию немедленно, дорога каждая секунда.

Он подхватил Элая свободной рукой и включил двигатели астроскафа — короткий выброс, затем поправка курса, полный впе-

ред. Черепашья скорость, дрейф к далекой безопасности открытого люка, шланги тянулись позади. Лицевая шторка шлема Патрика была близко к шлему Брона, и он видел, как закрылся его рот, потом глаза, медленно, на них уже оседали кристаллики льда.

Открытый люк. Затормозить, ухватиться за край. Потом протолкнуть внутрь потерявшего сознание человека, втащить за собой кольца шлангов.

— Подтащи его поближе к воздухоотводнику, — крикнул он, расстегивая пояс, который соединял его с астроскафом, освободился и заставил себя задержаться, чтобы застегнуть страховку, прежде чем нырнуть в люк. Самое последнее действие — закрыть клапаны и отсоединить подачу воздуха от астроскафа. Задержав дыхание, не тратя времени на присоединение к подаче воздуха внутри, закрыть люк.

Белый снег испарился, когда в отсек начал поступать воздух. Надя склонилась над неподвижным телом. Патрик подскочил к манометру. Четверть атмосферы, вполне достаточно. Когда он поворачивал маховик на люке, ведущем в пассажирский отсек, его с силой отбросило назад воздухом, ворвавшимся в лишь частично разгерметизированное помещение. Надя снимала с Элая шлем. Патрик обнаружил, что все еще сдерживает дыхание, тоже поскорее скинул шлем и вдохнул полной грудью.

— Коретта, немедленно сюда, — позвал Патрик.

— Что у вас такое с давлением? — спросила она, пробираясь в люк.

— Это Элай, у него перерезало шланг.

— Пустите меня. Кто-нибудь, принесите из моей аптечки большую зеленую металлическую коробку.

— «Прометей», у вас критическое положение с доктором Броном, — в громкоговорителе раздался голос из Центра управления. — Медицинский контроль сообщает об остановке дыхания, сердечная деятельность тоже ослабевает.

— Дайте мне сведения о дыхании, пульсе и работе сердца, — попросила Коретта, надевая на Элая кислородную маску и открывая клапан. — Снимите с него этот костюм, чтобы можно было сделать искусственное дыхание.

Она бросила кислородный баллон и прижалась губами ко рту Элая, зажав ему рукой нос. То был знаменитый «поцелуй жизни», ибо Коретта заметила кристаллы льда на коже Брона.

— У нас есть рекомендации медицинской бригады. «Прометей», вы готовы записывать?

— Пишу, — отозвалась Надя, вынимая из кармана блокнот. Патрик тяжело осел; он бы упал, если бы не невесомость, последнее усилие совершенно доконало его. Коретта склонилась над неподвижной фигурой, Григорий наблюдал молча.

— Что же... с ним будет? — потрясенно спросил Григорий. Ни у кого не хватило духу ответить.

Глава 31

ПВ 17:45

— Мистер, уже четверть одиннадцатого. Смитсоновский институт, верно, часов пять как закрыт. Там нет никого.

Шоферу такси, дружелюбному негру лет пятидесяти, не хотелось среди ночи бросать такого приятного старичка в центре Вашингтона. Да еще когда вокруг полно бандюг и всякой швали.

— У меня там приятельница работает, — терпеливо объяснял профессор Вейсман, крепко сжимая свой портфель.

— Боюсь, она теперь уже дома.

— Я в этом уверен, но кто-нибудь здесь должен знать ее адрес или номер телефона.

— А в телефонной книге смотрели?

— Не указан.

— Садитесь-ка лучше. Мы подъедем туда, может, вахтера найдем. Не хочется мне бросать вас здесь — уж больно час поздний.

В этот поздний час от вокзала Юнион до Смитсоновского института ехать было недолго. Вскоре он возник перед ними — здание из красного кирпича в викторианском стиле, похожее на крепость и казавшееся довольно неуместным среди своих ультрасовременных соседей. Шофер притормозил у входа и внимательно вгляделся в темноту, прежде чем открыть заднюю дверь.

— Вон там, под фонарем, ночной звонок, а на улице вроде пока все тихо, — сказал он.

— Спасибо, не стоило так беспокоиться, — сказал Вейсман, выбираясь из машины.

— Есть причины. Вчера ночью на девчонку напали и убили всего за квартал от Белого дома. Это вам не Фансвилл.

— О господи. Спасибо, — Вейсман пошел быстрее, чем обычно, и, запыхавшись, подошел к двери. Он нажал на звонок и слушал, как его звук глухо разносится в глубине здания. Вахтер появился через минуту. Его огромный живот выпирал из-под голу-

бой форменной рубашки, он держал руку на рукоятке пистолета, медленно подходя к двери.

— Что надо? — крикнул он через стекло, не отпирая. — Закрыто.

— Мне нужна доктор Трайб.

— Она домой ушла, утром приходите.

— Мне нужно видеть ее сейчас. У вас есть ее адрес или домашний телефон?

— Слушайте, мистер, мы ночью не работаем. И таких сведений не даем. — Вахтер пошел было прочь, но, когда снова раздался звонок, неохотно вернулся.

— Вы что, не понимаете? У меня чрезвычайные обстоятельства, речь в прямом смысле о жизни и смерти. Можете вы позвонить доктору Трайб и сказать ей, что профессор Вейсман здесь и должен немедленно увидеться с ней? Она знает меня.

С явной неохотой нарушая заведенный порядок, вахтер согласился, но, пошлепав к телефону, дверь так и не открыл. Вейсман стоял на ступенях, с тревогой вглядываясь в темноту, а минуты шли. Шофер наблюдал за ним и грустно качал головой. И окно держал закрытым, несмотря на ночную духоту. Сторож вернулся меньше чем через пять минут, но Вейсману они показались вечностью.

— Доктор Трайб велела вам ехать к ней, и я ей сказал, что вас ждет машина. Адрес — 4501, Коннектикут-стрит.

— Да, спасибо, большое спасибо.

Вейсман радостно плюхнулся под безопасный кров автомобиля и, пока они ехали, прикладывал руку ко лбу. К тому времени как они пересекли мост в парке Рок-Крик, ему стало лучше. Доктор Трайб знает, что делать.

Она заставила его сесть и выпить чашку кофе, а сама слушала, пока он все не объяснил. Про свой кофе она и забыла. Выслушав его, она схватила бумаги и уставилась в них невидящим взглядом.

— Вы уверены, Сэм, абсолютно уверены?

— А какой еще может быть ответ? Вот цифры, фотографии, все перед вами. Другого вывода быть не может.

— Нет, конечно, нет. Вы кому-нибудь еще говорили об этом?

— Никому. Я понятия не имел, кому об этом рассказывать, а нескольких людей, кому я звонил, чтобы посоветоваться, не оказалось дома. Я просто зашел в тупик. И подумал, что вы, находясь в Вашингтоне, сообразите, как поступить.

— Конечно, — она встала и пошла к телефону. — Я знакома с

помощником госсекретаря. Он подъедет на своей машине и отвезет нас туда.

— Туда? Куда? — Вейсман устал и выглядел растерянным.

— В Белый дом, разумеется. Только президент имеет право действовать, получив подобную информацию.

Глава 32

ПВ 23:24

— Он дышит, — сказала Коретта. — Больше пока сказать ничего не могу.

Она посмотрела вниз, на неподвижное тело Элая Брона. Его пристегнули к стойке и накрыли несколькими спальными мешками для тепла. Лицо у него было бледно-восковое, он не шевелился. Все сгрудились вокруг. Патрик плавал свободно, остальные закрепились внизу и молчали.

— Он так и будет без сознания? — спросил Патрик.

Коретта кивнула.

— Да. Он перенес тяжелый шок, переохлаждение кожного покрова лица и век, остановку дыхания, кислородное голодание — именно последнее и беспокоит. В Центре управления прикинули время по записям нашей связи с ними и по показаниям биодатчиков. С момента аварии до того, как я начала делать искусственное дыхание, прошло почти четыре с половиной минуты.

— Я шел так быстро, как только мог...

— Патрик! Никто тебя не винит. Как раз наоборот, сомневаюсь, чтобы кто-то другой сумел принести его так быстро. Я не это имела в виду. То время, пока он не дышал. Нет дыхания — нет кислорода. Большая часть человеческих органов может обходиться без кислорода довольно долго.

— Мозг не может, — сказал Григорий.

— Верно. Возможно, в мозгу произошли необратимые изменения. Но мы не узнаем этого, пока он не придет в сознание, — Коретта заколебалась, потом добавила: — Если вообще придет.

— Так плохо? — спросила Надя.

— Боюсь, что да.

— Ну ладно, — Патрик глубоко вздохнул. — Он твой пациент, Коретта, я знаю, ты сделаешь все возможное. Тебе нужна какая-нибудь помощь?

— Нет, я смогу справиться сама.

— Хорошо. Надя, свяжись с Центром и объясни, что случи-

лось. Скажи, что мы с тобой выйдем наружу и закончим ремонт. Вряд ли там много осталось. Спроси, сколько приблизительно времени понадобится для этого и сколько еще нам нужно сделать. Они теперь знают, как быстро мы можем работать, или, вернее, как медленно.

— Я все поняла, Патрик. Сейчас.

Она направилась к пилотскому отсеку, и Патрик двинулся было вслед за ней, но Григорий удержал его за руку.

— Я бы хотел помочь, — сказал он. Патрик внимательно посмотрел ему в лицо.

— Ты уверен, что справишься? — спросил он.

— Ты хочешь сказать, по-прежнему ли я дрожу от страха? Да, мне страшно. Но теперь я смогу этот страх перебороть. Коретта помогла мне.

— Таблетки?

— Ну... что-то вроде. Она прекрасный врач. — Он улыбался, и Коретта тоже. Патрик взглянул на них сквозь пелену усталости.

— Надеюсь, ты прав, Григорий. Я и правда выдохся. Если бы ты мог выйти и помочь Наде, я бы контролировал вас из полетного отсека. Это было бы очень кстати — и все же не совсем бездельничать. Я так устал, что больше не полагаюсь на себя.

— Зато я отдохнул. Можешь на меня положиться.

— Я всегда полагался. — Поддавшись внезапному порыву, он взял русского за руку. — Пока полет наш мало походил на увеселительную прогулку, но, возможно, все еще наладится. Как бы то ни было, поработать с тобой, Надей и полковником стоило. Руки, протянутые через моря, а? Немного взаимопомощи в нашем сложном мире, — он тряхнул головой. — Извини, я что-то слишком разболтался, просто устал.

— Ничего, я понимаю, *товарищ*. Я чувствую то же самое.

— Ну и хорошо. Твой скафандр вот там, в шкафу. Коретта, сумеешь помочь ему одеться? Или это сделать мне?

— Нет, я помогу, — она посмотрела на Брона. — Сейчас для него больше ничего нельзя сделать.

— Ладно. Григорий, одевайся и присоединяйся к нам. Боюсь, нам придется снова запереть тебя, Коретта. Ты останешься одна.

— Ну и что. Все равно только я могу ухаживать за Элаем. Приводите в порядок эти чертовы двигатели и вытаскивайте нас отсюда, — бодро, с улыбкой заявила она.

— Идет.

Он влетел в полетный отсек, пристегнулся к своему креслу и произнес в микрофон:

— Центр управления?

— Слушаем вас, «Прометей».

— Флэкс, ты знаешь, что произошло с Элаем? Похоже, дело плохо.

— Я знаю, Патрик.

— Слушай, даже если нам действительно удастся выскочить на орбиту повыше, ему это не поможет. Его нужно отправить на Землю, в госпиталь. Когда к нам может прийти спасательный корабль?

— Через две недели.

— Как насчет авиации?

— Я сейчас занимаюсь этим. Дам знать, как только получу сведения.

— Ты можешь внушить им, насколько это срочно?

— Думаю, они понимают, Патрик. Все ведь знают...

— Конец связи. — Патрик разъединился и взглянул на Надю, сидевшую в соседнем кресле. У нее был измученный вид. — Кто может знать? — спросил он.

— Я думаю, они знают. Я уверена, что они делают все, что могут. Только вот могут они так мало! Мы ведь должны сами справиться, разве не так?

— Да, ты права, — он улыбнулся, криво и устало, но все же улыбнулся. — Справимся сами. А в качестве утешения согласимся на то, что хуже все равно некуда.

Обжигающий свет, неправдоподобно яркий, внезапный, стремительно вспыхнул снаружи, где мгновение назад была лишь космическая тьма.

Свет, который причинял боль. Надя пронзительно вскрикнула, прижав руки к своим истерзанным глазам; она кричала еще и еще, словно в бесконечной агонии.

В пассажирский отсек свет проник сзади, сквозь неплотно прикрытый люк, похожий на сияние мощного прожектора. Коретта, согнувшись, застегивала ботинки Григорию, она, моргая, выпрямилась в изумлении.

— Что это было... — начала она, когда ее слова прервал крик Нади.

Коретта с Григорием бросились к люку, но он был неповоротлив в громоздком скафандре, и она добралась туда первая. Снаружи — мрак и ночь, звезды, как всегда, и Надя — она все еще кричала, схватившись за глаза. Патрик вслепую двигался к ней, его глаза были закрыты, из них текли слезы, лицо перекошено от боли. Он судорожно глотал воздух, и Коретта поняла, что он,

должно быть, тоже кричал. Она кинулась к ним, и в это время снаружи возникло что-то белое и отвратительное.

Под ними плыл призрачно-белый светящийся диск, он изменялся и двигался, точно преследуя их. Невозможно было на глаз определить его размеры или расстояние до него в космической пустоте. Но он был огромен. Огненные потоки вздымались над ним. Коретта ничего не могла понять.

— Боже мой...

Григорий рядом с ней выдохнул эти слова, словно молясь, застыв от изумления, как и она.

— Что это... что происходит? — спросила она.

— Это атмосфера, искусственное свечение, сполохи, вроде полярного сияния. Такое можно устроить единственным способом, но этого не может быть... Неужели атомный взрыв в космосе?.. Сейчас мы от него удаляемся.

— Но как... то есть здесь... что?

— Что? — Патрик выкрикнул это, рыча от боли и ярости, поддерживая всхлипывающую Надю. — Бомба, вот что это такое. Снаряд с ядерной боеголовкой! Нас только что пытались взорвать!

Глава 33

ПВ 23:27

Саймон Дилуотер над стопкой бумаг разглядывал большую фотографию Солнца. Потом быстро перелистал листки с расчетами и отвернулся.

— Я полагаю, вы самым тщательным образом проверили ваши подсчеты, профессор Вейсман? — сказал он.

Вейсман кивнул.

— В таких вещах не принято ошибаться. Я пропустил их через компьютер много раз, от начала до конца и обратно, вдоль и поперек. Ошибки быть не может.

— Могу я спросить, как по-вашему, почему наши люди до этого не додумались?

— Откуда им было знать? Это маленькая отрасль науки, совершенно новая. Во всяком случае, в мире не так уж много ученых, которые занимаются солнечной астрономией. А тех, кто изучает взаимодействие Солнца и верхнего слоя атмосферы, кто действительно знает свое дело, просто горстка. Собственно, даже всего двое: я и Мош.

— Мош?

— Так я называю его для себя. Мы никогда не встречались, но все время переписываемся. Академик Мошкин.

— Русский?

— Разумеется.

— Да, разумеется. — Дилуотер встал. Высокий, худой, он как бы нависал над маленьким профессором. — Я должен поблагодарить вас за то, что вы сделали, за то, что поспешили связаться с нами. Спасибо и вашим помощникам, — он кивнул и слегка поклонился Маргарет Трайб и помощнику госсекретаря. — Я немедленно доведу эти сведения до президента. Он захочет узнать подробности. Где я смогу найти вас, профессор?

— Филадельфия...

— Только не ночью, — решительно заявила доктор Трайб. — Профессор остановится у меня. Я оставлю адрес секретарю.

— Спасибо, большое спасибо...

Его слова были прерваны отдаленным шумом хлопнувшей двери. Хлопнувшей? В Белом доме не хлопали дверями! Потом послышался топот бегущих ног, гулко отдававшийся в коридоре; через минуту мимо них пробежал офицер с портфелем в сопровождении двух военных полицейских.

— Прошу меня извинить, — спокойно сказал Саймон Дилуотер, повернулся и вышел. Но внутренне он вовсе не был спокоен. Происходило явно что-то важное. Ему нужно немедленно вернуться на совещание. Он поборол желание пуститься бегом и вместо этого пошел твердым размеренным шагом. Казалось, везде царила лихорадочная суета, неожиданная после одиннадцати часов вечера. Возле входа в служебные помещения стояла дополнительная охрана, капитан, ее начальник, выступил вперед и поднял руку.

— Покажите ваше удостоверение, сэр.

— Что? Вы же всего несколько минут назад выпустили меня отсюда.

— Прошу прощения, сэр. Пожалуйста, ваше удостоверение.

Боже правый, его рука сжимала оружие. Дилуотер отыскал в кармане пиджака свое удостоверение и протянул ему. Офицер сверился со списком и кивнул.

— Порядок, мистер Дилуотер. — Он поднял руку, когда Дилуотер собрался шагнуть вперед. — Еще одна небольшая формальность. Скажите, пожалуйста, как зовут мать вашей жены.

— Что такое, с какой стати я должен говорить вам это?

— Вы не пройдете, пока не скажете. МПБ — Мера повышенной безопасности. Я только что вынул эту книгу из сейфа.

— Но... почему?

— Боюсь, не могу вам ответить, сэр. Я лишь исполняю приказ. Имя?..

— Мария.

— Верно. Пожалуйста, проходите.

Охрана у каждой двери и в коридорах. Наконец Дилуотер вошел в зал заседаний. Он остановился, потрясенный, не веря своим глазам. Когда он выходил отсюда несколько минут назад, страсти утихли, все слишком устали от разговоров и просматривали последние сообщения из Центра управления полетом.

Теперь обстановка напоминала сумасшедший дом: Бэндин, стоя, орал вовсю, и Бэннерман не уступал ему тоже.

— ...Я хочу, чтобы они были здесь! Нажать чертову кнопку и поднять всех по тревоге!..

— Господин президент, у вас для этого просто нет ни малейших оснований, черт возьми! Вы можете совершить крупную ошибку. Экстренная связь, свяжитесь с Полярным по прямому проводу и выясните, что ему известно. Скажите ему, что мы знаем лишь одно: это не был кто-то из наших. Заявите ему об этом громко и внятно, или вскоре могут взлететь ракеты.

— Перехватить...

— Дан сигнал готовности к перехвату. Это внутренние меры, и никому из посторонних пока носа туда не сунуть. Но больше мы ничего предпринять не можем, пока вы не поговорили с Полярным.

Президент был все еще расстроен и слишком утомлен, чтобы принимать решение. В наступившей тишине заговорил госсекретарь:

— Генерал прав, господин президент. Все, что нам следовало сделать к данному моменту, сделано. Вы должны поговорить с Полярным, сообщить ему, что наши спутники и станции слежения зафиксировали атомный взрыв в космосе над Советским Союзом. И что это была не наша ракета. Точка.

Дилуотер тяжело сел, пытаясь осмыслить услышанное. Что все это могло означать? Какой-то атомный взрыв? Ответ пришел быстро. Зазвонил телефон прямой связи с Центром управления, и Дилуотер машинально ответил. На другом конце провода был Флэкс, и, пока он говорил, Дилуотер почувствовал, что весь похолодел. То, что он слышал, было невероятно и все же безусловно оказалось правдой. Он сделал пометки в блокноте и наконец обрел дар речи.

— Спасибо, Флэкс. Я передам, да, хорошо. — Он повесил трубку и медленно встал. — Господин президент, — начал он, но его никто не услышал. Он повторил немного громче, но опять никто не обратил на него внимания. Его затрясло от гнева. — ЗАТКНИТЕСЬ, ВЫ ВСЕ! — рявкнул он во весь голос, побагровев.

Они замолчали, потрясенные столь яростным криком человека, который никогда не повышал голоса. На мгновение в комнате воцарилась тишина, первым опомнился Бэндин. Но он успел только раскрыть рот, Дилуотер опередил его.

— Центр управления докладывает, что ракета с ядерной боеголовкой была нацелена на «Прометей». Кто-то пытался взорвать его.

— Кто... почему? — за всех спросил президент.

— Пока неизвестно. Из Центра сообщают, что ракета — или бомба, неважно — по-видимому, не достигла цели. Но есть пострадавшие. Как только станут известны подробности, они перезвонят... — Телефон у него под рукой загудел, он ответил, кивнул. — Мистер Драгони, переключите, пожалуйста, на динамик. Это сообщение с «Прометея».

— Центр управления вызывает «Прометей». Говорите.

— Говорит «Прометей», Григорий Сальников на связи. Невероятно, что такое могло произойти... — говоривший что-то пробормотал.

— Пожалуйста, продолжайте, «Прометей». Президент и члены кабинета слушают вас. Что именно произошло?

— Взрыв. Ядерный взрыв в космосе. У меня нет возможности определить, насколько близко он был. Доктор Сэмюэл и я находились в отсеке экипажа, мы заметили лишь вспышку. Но пилоты, они находились прямо перед ним, они его видели. Они пострадали — ослепли... Я должен идти, доктор зовет меня. — Говоривший снова умолк.

— Центр управления, как близко от «Прометея» произошел взрыв? — спросил Дилуотер.

— Пока неизвестно. Мы пытались включить телевизионные камеры на втором и третьем посту, но они не отвечают. Если они сгорели, взрыв был снизу, позади корабля. Уровень радиации в отсеке подтверждает это предположение.

— Что это значит?

— В момент взрыва радиационный фон увеличился незначительно. Это могло произойти только в том случае, если корабль

был обращен к взрыву дном. Двигатели, биологический щит и цистерна с водородом ослабили радиацию.

— Слава богу. А что там у пилотов со зрением? Слепота?..

— Пока не можем сказать. Ждите наших дальнейших сообщений. Конец связи.

После звонка посыпались замечания и комментарии. Все были растерянны. Факты — вот они, но что все это значит?

— Кому это понадобилось палить по «Прометею»? — спрашивал Бэндин, сбитый с толку, как все остальные. Кроме Дилуотера. Он разглядывал снимок покрытого пятнами Солнца. Потом заговорил так тихо, что окружающим пришлось напрячь слух.

— Я знаю, кто это сделал. И знаю почему. — Он отвел глаза от фотографии. — Господин президент, это помещение защищено от прослушивания?

— Разумеется.

— Тогда я должен сообщить вам, что по «Прометею», несомненно, была выпущена советская ракета.

— Вы можете это подтвердить? — ледяным тоном спросил Бэннерман.

— Нет, генерал, это придется сделать вам. Я могу только изложить свои соображения. «Прометей» сейчас заходит на шестнадцатый виток. Приблизительно через восемьдесят минут он будет над Сталинградом. Несколько минут назад, во время взрыва, он проходил над равнинами Сибири. Там находятся советские шахты с ядерными ракетами. Это была последняя возможность уничтожить «Прометей» до того, как он завершит последний виток и упадет на Москву.

— Что вы несете, Дилуотер? — Голос президента звучал сердито. — Осталось еще целых двадцать часов, прежде чем эта штука соберется падать. И на Штаты, а не на Россию.

— Нет, господин президент. Я только что получил новую информацию, которая меняет дело. Я уверен, что у советского руководства имеются такие же сведения. — Он поднял фотографию Солнца. — Очень вероятно, что это — последний виток, и они упадут и сгорят примерно через час.

— Но... что же изменилось?

— Солнце, господин президент. Если бы сейчас на Солнце появилась вспышка, внезапный выброс солнечной радиации достиг бы плотных слоев атмосферы и вызвал бы их расширение. «Прометей» и так соприкасается с ее кромкой. Если же атмосфера расширится, корабль войдет в нее и погибнет.

— Снимок Солнца имеет к этому какое-то отношение? — спросил Бэннерман.

— Да, генерал. Он сделан чуть больше двух недель назад. Видите этот ряд черных пятен? Это вспышки на Солнце, которые перемещаются благодаря его вращению. Сейчас они могут появиться на другой стороне Солнца в любую минуту. Это начало солнечной бури. Если они будут развиваться как обычно, то, находясь вне нашей видимости на противоположной стороне Солнца, вырастут до гигантских размеров. Оказавшись вновь обернутыми к нам, они дадут мощное излучение. Через восемь с половиной минут радиация коснется края атмосферы...

— И «Прометей» врежется в воздушную стену, — закончил Бэннерман.

— Верно. Вероятно, русские узнали об этом и попытались уничтожить корабль, прежде чем он упадет на территорию России.

— Подлые ублюдки!

— Вы сами обсуждали такой вариант, генерал, если мне не изменяет память. — Дилуотеру не требовалось говорить язвительно, его слова и так попали в точку. У Бэннермана побагровела шея, но он промолчал.

— Вы уверены, что русские знали об этом? — спросил президент.

— Почти наверняка, сэр. Иначе зачем бы им запускать ракету?

— Чарли, включи прямую связь, я хочу поговорить с Полярным. Пусть приготовит объяснение поубедительнее.

Глава 34

ПВ 24:09

Такси свернуло на Рокфеллер-Плаза и остановилось перед крытым крыльцом. Купер выбрался из машины, благодарно кивнул швейцару и не знал, следует ли давать ему чаевые.

— Чем могу служить, сэр?

— Шоу Майка Мура. Мне сказали...

— Обратитесь к секретарю, — с этими словами швейцар отвернулся, переключив все свое внимание на белый «Роллс-Ройс», занявший место такси; видимо, он полагал, что журналисты его внимания недостойны. Купер постарался войти в холл спокойно и держать пальцы подальше ото рта. Секретарша оказалась хорошенькой, как картинка, она даже улыбалась ему.

— Добрый вечер, сэр, добро пожаловать на лучшее в мире телевидение.

— Что? Ах да, спасибо. Моя фамилия Купер, меня пригласили сюда на шоу Майка Мура...

— Ну конечно, мистер Купер, — она продолжала улыбаться, а палец ее скользил по списку. — Вас ждут. Будьте добры, войдите в третий лифт и нажмите кнопку сорок третьего этажа. Всего хорошего.

Все это очень быстро, очень спокойно. Когда лифт вознес его ввысь, он взглянул на себя в зеркало, попытался пригладить волосы и поправить галстук. Хотя он старательно оттирал пальцы, на них все же видны были чернильные пятна. Может, не заметят?

— Входите, входите, вы последний, мы вас ждем.

Майк Мур сам провел его, легонько подталкивая в спину. «Ростом он пониже и помельче, чем кажется на экране, — подумал Купер, — но загар действительно замечательный». Купер был слишком близорук, чтобы разглядеть обыкновенный грим.

— Доктор Купер, это Шэрон Нил, я уверен, вы уже слышали о ней. Она только что получила вторую премию «Эмми», это просто грандиозно, об этом мы с ней и поговорим. И конечно, Берт Шейки.

Трепеща, он пожал руку Шэрон Нил, вблизи она была такая же красивая, и поздоровался с толстым комиком.

— Что будет, док? — громогласно спросил Шейки — иначе он не умел. — Конец света на подходе?

— Ну не совсем, но...

— Чудесно, потому что мне бы не хотелось опоздать! — Шейки громко рассмеялся собственной шутке. Купер вежливо улыбнулся.

— Ну что ж, мои дорогие, сегодня вы делаете мое шоу, и я просто жду не дождусь, когда смогу поговорить с вами. — Майк ослепительно улыбнулся и махнул рукой в сторону подноса с кофе. — Угощайтесь, печенье с сыром просто восхитительное. После шоу бар еще открыт, но я надеюсь, вы не откажетесь от кофе прямо сейчас. Прекрасно! Сейчас мы все здесь, и вся Америка, я уверен, если не весь мир, жаждет услышать, что вы скажете о космическом корабле, доктор Купер.

— Что, он и правда хряпнется нам на головы? У меня котелок крепкий, но не настолько!

— Если только двигатели не запустят вовремя, а каждая минута задержки увеличивает риск, боюсь, «Прометей» действительно упадет на Землю.

— Прямо сюда? — Шэрон широко раскрыла глаза и томно положила руку на свою пышную грудь.

— Мне бы не хотелось, чтобы какая-нибудь пакость попала сюда, дорогая! — Шейки заглянул ей в вырез платья и вздохнул.

— Я имела в виду нашу страну, Нью-Йорк, кобель, трепло пузатое!

— Спокойно, спокойно, — бодро сказал Майк. — Так что, корабль угодит в Нью-Йорк, доктор Купер?

Куперу было поздно отказываться от почетного докторского звания, которое ему только что присвоили, и еще его изумлял неприкрытый цинизм в устах столь известного человека. Он постарался собраться с мыслями.

— Может... да, это возможно. И конечно, если «Прометей» действительно упадет, взрыв будет гораздо сильнее, чем тот, что уничтожил английский город. Не говоря уже об опасности радиоактивного заражения, ибо в его топливе содержится уран-235. Но взрыв — это самая серьезная опасность.

— Новый способ рыть бассейны. — Шейки ковырял в зубах длинным ногтем.

— Шейки, старина, оставь свои хохмы на потом. Какова вероятность, доктор Купер, что эта штука уничтожит наш шарик?

— Я не уверен... Это зависит от положения «Прометея» на орбите... Опасность угрожает не только Нью-Йорку, но и всей стране, когда он проходит над ней. И не только Соединенным Штатам — вы должны помнить, что он движется по кругу надо всем миром. На шестнадцатом витке он будет пролетать над Москвой, и его можно будет легко разглядеть как движущийся огонек в небе...

— А он не может врезаться в нее, вместо того чтобы пролететь над ней?

— Верно!..

— Лучшего места и выбрать нельзя!

— ...совершенно верно, Майк. «Прометей» сейчас подобен смертоносной бомбе в небесах, но куда он упадет после вхождения в атмосферу, можно только гадать. Учтите, ему вовсе не обязательно падать на город. Он может разрушить поселки, уничтожить посевы, целиком спалить леса. Или рухнуть в океан недалеко от берега и вызвать приливные волны. Это могло бы стать самой крупной из вызванных людьми катастроф за всю историю человечества.

— Хуже тещи?

Майк Мур расплылся в своей знаменитой улыбке.

— Так, — сказал он, потирая руки, — кажется, у нас сегодня намечается действительно приятное маленькое шоу. Вот специалист по опасности, нависшей над страной. И у нас есть красавица и чудовище...

— Прикуси язык, Майк! Бог тебя накажет за это!

— Итак, выпейте еще кофе, если хотите, потом мы вас отведем к гримеру — всех, кроме очаровательной Шэрон, и потом я вас жду в зале номер три. Живая и яркая аудитория — члены Ротари-клуба из города Потлач, штат Мичиган, вместе со своими женами...

— Ох! — простонал Шейки. — За это — двойную ставку!

— В общем, не теряйтесь, а я увижусь с вами примерно через полчаса.

Дверь приоткрылась, в нее просунулся какой-то мужчина и помахал листком бумаги.

— Майк, только что сообщили по телеграфу. Можешь воспользоваться для передачи.

— Моя теща скончалась? — жизнерадостно осведомился Шейки.

— Даже хуже того, — отозвался Майк, быстро просматривая текст. Потом взглянул на Купера. — Что бы это могло значить, доктор Купер? НАСА только что распространило сообщение, что произошел — я цитирую: «...ядерный взрыв рядом с «Прометеем». Корабль, по-видимому, не поврежден, но среди членов экипажа есть пострадавшие. Причина взрыва неизвестна, хотя установлено, что он не американского происхождения». Что они хотят этим сказать? Что, там полно космических кораблей, которые палят по «Прометею»?

— Нет, конечно, нет. Я думаю, с технической точки зрения существует вероятность взрыва ядерного топлива, но, конечно, при этом корабль не мог не пострадать. «Происхождение»... Должно быть, они имеют в виду боевую ракету? Видимо, это не мы выпустили ракету с ядерной боеголовкой по «Прометею»...

— Но, если не мы, значит, кто-то еще? Кто?

— Я не знаю, право. Франция, Англия, Китай, Советы — все они вооружены такими ракетами класса «земля-космос». Многое зависит от того, где находился «Прометей» в момент взрыва: поскольку эти ракеты предназначены для национальной обороны, у них ограниченный радиус действия. Разумеется, их можно запускать с подводных лодок...

— Какой ужас, — сказала Шэрон.

— Ужас — это мягко говоря, детка. — Майк возбужденно расхаживал взад-вперед. — Кто-то настолько встревожен перспективой взлететь на воздух из-за этого «Прометея», что пытается взорвать его первым. Весь мир трепещет от страха. Смерть грозит с небес. Ядерное заражение. Ребята, приближается начало программы, после которой рейтинг Нильсена подскочит выше космического корабля!

Глава 35

ПВ 24:39

— Я не могу им это сказать. Вы не имеете права требовать, чтобы я сказал им такое! — Флэкс так решительно помотал головой, что его тяжелые щеки заколыхались. Он чуть не орал в телефонную трубку и замечал, что сидящие за другими пультами оборачиваются и смотрят на него. Ему было наплевать. Теперь наплевать на все: трагедия надвигалась отовсюду. Он не мог справиться со всем этим. Саймон Дилуотер еще говорил, но Флэкс бросил трубку. Не следовало так поступать с начальством, но теперь ничто больше не имело особого значения. Он медленно повернулся, моргая воспаленными, усталыми глазами.

— Майк, — окликнул он человека за ближайшим пультом и поманил его к себе.

— Что случилось, Флэкс? Еще какие-нибудь неприятности?

— Узнаешь. Слушай, возьми эти ключи, они от большого стола у меня в кабинете. Нижний ящик. Там стоит бутылка сливовицы. Возьми и принеси мне.

— Шливо... чего?

— Сливовое бренди. Там всего одна бутылка. Давай, иди.

— Флэкс, ты ведь знаешь правила насчет выпивки, ты же не хочешь...

— Хочу. К черту правила. Мои люди погибают наверху.

Он был удивлен и потрясен, почувствовав слезы на глазах. Они медленно текли по щекам, и он ничего не имел против. Он оплакивал мертвых. Это последнее сообщение насчет солнечных вспышек — уже чересчур. Как он сможет сказать им? Все в этом полете не заладилось с самого начала, и это еще не конец.

Он прерывисто вздохнул, даже не заметив этого, усталый толстый человек, дошедший до предела. Он вытер пот и слезы мокрым носовым платком. И смотрел в пространство, пока не принесли сливовицу. Она была прозрачной, колыхалась в бутылке, словно масло, и выглядела совершенно безвредной. Как нитро-

глицерин, очень похоже. Он откупорил бутылку и глубоко вдохнул запах разрушения. Она пахла даже сильнее текилы, которую он тоже очень любил. Под рукой у него стоял полупустой стаканчик с кофе, и он почти машинально выплеснул холодную жидкость прямо на пол, потом налил сливовицы.

Чудесно! Она скользнула по горлу и взорвалась в желудке, как бомба, посылая теплые волны по всему телу. Чудесно, и пока ее действие не исчезло, он включил микрофон.

— Вызываю «Прометей», здесь Центр управления. — Ему пришлось повторить дважды, прежде чем прозвучал ответ.

— Хэлло, Флэкс.

Это был голос Патрика, хриплый и невнятный.

— Да, Флэкс слушает. Это ты, Патрик?

— Да. Коретта сделала мне укол обезболивающего. Не могу говорить как следует. Боль супер о'кей. Я велел Наде дать дозу побольше, она так и сделала, и Надя спит. С Броном без перемен. У нас забинтованы глаза. Доктор не знает, временная эта слепота или навсегда, — его голос даже не дрогнул. — Уже выяснили, кто в нас стрелял?

— Нет. Вы узнаете, как только мне сообщат.

— Надеюсь. Григорий оделся и готов к выходу. Меня заменят — Коретта будет страховать его с этой стороны.

— Это противопоказано.

— Какого черта, в чем дело, Флэкс? Если не отключить этот двигатель, все пойдет прахом.

— Послушай, Патрик, похоже, времени не хватит, чтобы запустить двигатели до контакта с атмосферой.

— Судя по моим часам, у нас в запасе еще около восемнадцати часов.

— Время изменилось...

— Что?!

— Послушай меня. Я разговаривал с профессором Вейсманом, он специалист по физике Солнца, по высоким слоям атмосферы. Ожидаются солнечные бури, которые вызовут подъем плотных слоев, все изменится.

— Когда ожидаются бури?

— Теперь почти в любую минуту.

— Это точно, Флэкс? Никакого шанса на ошибку?

— Такой же, как на то, что Солнце перестанет вращаться. Бури были еще слабыми, когда Вейсман наблюдал за ними недели две назад. Если их активность возрастает как обычно, то сейчас они должны бушевать в полную силу.

— Скажи, какова все-таки вероятность, Флэкс? Ведь Солнце — не какая-нибудь паршивая печка, чтобы включаться и выключаться по таймеру. Какова вероятность крупной вспышки?

Флэкс заколебался, но в конце концов вынужден был сказать:

— Восемьдесят — девяносто процентов.

— Так, замечательно. — В голосе Патрика теперь слышалось нечто большее, чем обычная горечь. — Я скажу остальным. Конец связи.

Флэкс отключил связь и нагнулся к селектору.

— Верните профессора Вейсмана. Спросите его, кто в Европе занимается постоянным наблюдением за Солнцем. Мне нужна постоянная информация о солнечных вспышках и уровне солнечной радиации. Передайте ее туда, где смогут записать данные. Сделайте это немедленно.

— Вам есть вызов.

— Никаких вызовов.

— Вы сами просили. Некий мистер Вольфганг Эрнстинг.

— Да, верно, соедините.

Флэкс отхлебнул сливовицы, но она, кажется, больше не действовала; он швырнул стаканчик в корзину.

— Привет, Вольфганг, это ты? Флэкс на проводе.

— Я слышал о ваших несчастьях. Ужасно...

— Это еще слабо сказано, — он с силой надавил указательными пальцами на лоб. — Извини, что побеспокоил тебя. Теперь слишком поздно для того, что я хотел узнать.

— Я рад помочь тебе в любом случае.

— Я знаю, спасибо. Но, кажется, мы не сможем теперь поднять «Прометей» на более высокую орбиту. Так что неважно. Я собирался спросить, сколько времени нужно, чтобы подготовить к запуску ваш «челнок». Я знаю, что у вас начался недельный предстартовый отсчет, и меня интересовало, сколько еще осталось. Сначала я надеялся, что нам, может быть, удастся выиграть несколько дней на другой орбите и можно будет организовать спасательный рейс.

— Ну что ж, теперь нет ни единого шанса. Может, тебя это утешит, если вспомнишь, как говорят немцы: «Rufen Sie mich zu Hause in dreizig Minuten an». До свидания.

— До свидания, Вольфганг.

Флэкс медленно повесил трубку и задумался, в чем тут дело. Да, действительно, немцы часто говорят в определенных случаях: «Перезвони мне домой через полчаса». Он взглянул на часы и сделал пометку в блокноте. Почему Вольфганг не мог говорить

сейчас? Кто-то подслушивал? Контрразведка? Все могло быть. Единственный способ выяснить — перезвонить, впрочем, какая ему разница? Возможно, это что-то важное. Какая-то тайна, связанная с «челноком» ВВС. Теперь уже все равно. Однако он не любил оставлять дела незаконченными. В голове Флэкса мысли кружили и кружили, словно снежинки, вокруг твердого черного стержня — сознания, что «Прометей» обречен. Он скомкал записку и собрался выбросить в корзину.

Потом разгладил ее и положил перед собой, на виду. По крайней мере, он обязан хотя бы из вежливости позвонить Вольфгангу. На пульте замигала лампочка, и он включил связь.

— Вас вызывает Дилуотер, Флэкс.

— Хорошо. Флэкс слушает.

— Мистер Флэкс, президент Бэндин хочет лично говорить с астронавтами...

— Они прервали связь.

— Дело срочное.

— Как всегда. Не отключайтесь. Я посмотрю, сумею ли связаться с ними.

Самодельная кислородная палатка была собрана из пластиковых мешков, которые Григорий терпеливо склеил по краям. Она колебалась, как спущенный воздушный шарик, сохраняя форму за счет давления кислорода изнутри — оно было чуть больше, чем давление воздуха в отсеке. Лицо Брона было бледным, дыхание еле заметным. Коретте приходилось постоянно следить за показаниями приборов, чтобы убедиться, что он еще жив. Пульс ровный, но слабый, дыхание тоже. Он был жив, но жизнь едва теплилась. Она сделала Брону внутривенное вливание глюкозы и поняла, что вряд ли может еще чем-нибудь помочь ему. Ведь времени осталось так мало. Вспоминая об этом, она содрогалась от страха. Она не хотела умирать, и ей все трудней и трудней становилось притворяться, что все нормально.

— Как он? — спросил, приближаясь, Григорий.

— Все так же, без изменений.

— Возможно, ему повезло. Он и не узнает ничего.

— О господи, это слишком ужасно, чтобы поверить. — Она ухватилась за него, спрятала лицо у него на груди — но плакать не могла. Можно оплакивать чужую смерть, но не свою.

— Центр управления вызывает «Прометей».

Сигнал все время повторялся, но на него никто не отвечал. На соседней койке Надя пошевелилась во сне.

— Почему Патрик не отвечает? — удивилась Коретта.

— Надо пойти посмотреть.

Патрик уснул. Измученный за последние дни организм, боль, действие наркотика — все это сказывалось. Известие о том, что все их усилия были напрасны, что времени практически не осталось, доконало его. Теперь просто не было никакого смысла бодрствовать, он точно так же мог умереть и во сне, поэтому просто махнул на все рукой.

— «Прометей», отвечайте, отвечайте, пожалуйста. Президент на связи. — Голос настойчиво звал из динамиков.

— Надо ли его будить? — спросил Григорий, глядя на спящего командира. Коретта была рядом. Они держались за руки, чтобы их не отнесло друг от друга, чтобы чувствовать человеческое тепло. Она покачала головой.

— Не уверена. Патрику нужен отдых, а что такого интересного они могут сообщить нам после приятного известия, что наша прогулка почти закончена?

Она произнесла это небрежно или, во всяком случае, постаралась, но внутри чувствовала непреодолимый страх.

— Но ведь это ваш президент хочет говорить с вами.

Она улыбнулась, видя его встревоженное лицо.

— Ты слишком почитаешь саму идею власти, Григорий, дорогой. Бэндин — политическая проститутка, всегда таким был, таким и останется. Когда он еще заседал в конгрессе, то состоял членом комитета по школьным автобусам — район ему достался смешанный, наполовину черный, наполовину белый. Тогда его и прозвали Резиновый Бэндин. Он мог растягиваться как угодно, становиться на любую сторону и никогда не проигрывал. И не выполнял обещанного. Да любой такой ловкач в президенты вполне годится.

— Коретта, пожалуйста, не говори так про руководителя своего госу...

— Для революционера ты слишком порядочный буржуа, мой русский медвежонок. Разве ваш Полярный не последний представитель сталинской банды? Разве он не замешан во все эти истории с лагерями?

— Ты не должна так говорить, — сказал он, встревоженно оглядываясь. Коретта заметила его движение и невольно расхохоталась. Она смеялась и не могла остановиться, по ее лицу катились слезы. Все еще смеясь, она заговорила:

— Ты бы видел свое лицо! Оглядываться, не подслушивает ли кто, — в космосе, в ракете, которая вот-вот взорвется! Извини, я

вовсе не над тобой смеюсь. Над нами надо всеми, с нашими маленькими страхами и приступами национализма. По крайней мере мы-то здесь можем позабыть о них на тот малый срок, что нам еще остался, — она придвинулась ближе и ласково поцеловала его. — Я рада, что встретила тебя, правда рада. Хотя от этого положение и не изменится, все же становится как-то легче.

— А я, ты...

— Вызов, ответьте на вызов... — хрипло сказал Патрик, ворочаясь под пристегнутыми ремнями. Он потянулся руками к забинтованным глазам — забыл, что случилось, и удивился, почему темно. Затем неприятные воспоминания вернулись, он глубоко вздохнул и опустил руку на пульт.

— «Прометей» слушает, говорите.

— С вами хочет говорить президент. Вы готовы ответить?

— Соединяйте, — равнодушно сказал Патрик. Через несколько секунд заговорил Бэндин.

— Говорит президент Соединенных Штатов...

— Он даже по телефону говорит, словно читает Геттисбергское послание, — заметила Коретта, демонстративно поворачиваясь спиной.

— ...с тяжелым сердцем обращаюсь я к вам, быть может, в последний раз, мужественные астронавты, граждане двух государств, соединенные узами братства при выполнении этой великой миссии, которая, видимо, должна прерваться так трагически. Мой печальный долг — сообщить вам подробности о ядерном взрыве, который столь недавно произошел возле вашего корабля...

— Они выяснили!

— Тихо!

— Я только что разговаривал с премьером Полярным, и он просил меня выразить вам свое глубочайшее сожаление по поводу столь *несчастного случая*. Да, это именно несчастный случай. Один из представителей советских оборонительных войск, человек психически неуравновешенный, произвел пуск ракеты...

— Один из наших? Нет!.. — воскликнул потрясенный Григорий.

— Его задержали, но дело уже было сделано. Срыв его психики был вполне объясним, поскольку весь мир в настоящее время живет под бременем страха. После непоправимой катастрофы в Англии та часть планеты, над которой проходит орбита «Прометея», живет с ужасным сознанием, что в следующий миг может наступить ее очередь. Мы должны понять русского офицера, хотя, конечно, не можем простить этого подлого удара, который он нанес. Я присоединяюсь к просьбе премьера Полярного понять это, глубоко скорблю вместе с вами из-за вашего положения, из-за трагического конца нашего совместного блестящего начинания и надеюсь, как и он, что другие продолжат то великое дело, которое начали вы, замечательные мужественные люди. Прощайте!

В наступившей тишине стало слышно, как Надя зовет из отсека экипажа.

— Где вы? Я не могу встать.

— Я помогу, — отозвалась Коретта, направляясь к люку.

— Это ты, Коретта? Чей-то голос разбудил меня. Я слышала, что говорил этот человек. Пожалуйста, отведи меня к остальным.

Они двинулись вместе, Надя рукой прикрыла невидящие глаза.

— Ты слышал, Григорий? — спросила она. — Ты веришь этому?

— О чем ты, Надя?

— Ты прекрасно понимаешь. Неужели это правда — история насчет сумасшедшего офицера, нажавшего кнопку?

Григорий глубоко вздохнул, потом безнадежно покачал головой.

— Нет, не может быть! В нашей стране такого не случается. Это, конечно, просто легенда. Ракета была пущена по чьему-то приказу. Если и была паника, то где-то в верхних эшелонах. А теперь руководство пытается скрыть правду. Мне стыдно за мой народ, я прошу у вас прощения...

— Брось, — сказал Патрик. — Это ничего не изменит, в конце концов.

— Он прав, — сказала Коретта. — Все равно все останется по-прежнему. И я держу пари, что у нас найдется пара генералов, которые завидуют вашим и тоже мечтают пострелять...

— Хватит, Коретта, — резко оборвал Патрик. — Я офицер. И не желаю слушать это!

— Извини, Патрик. Наверное, нервы.

Правда все это или нет, она понимала, что не следовало так говорить. По крайней мере последние минуты они могли бы прожить мирно.

— Ты прав. Это же ничего не меняет, так?

— Боюсь, что так. Который час?

— Полетное время 24:59.

— Сейчас должно наступить время солнечной вспышки. Вид Солнца как-то изменился, Коретта?

— Я же не астроном...

— Впрочем, неважно. Можно мне воды? От этого лекарства, что ты мне дала, страшная жажда.

Флэкс посмотрел на табло. ПВ 24:59, и пока никаких изменений уровня солнечной активности. На глаза ему попался лист бумаги, и он отметил время. Вольфганг, наверное, уже дома. Вот и официальный предлог — сумасшедший и история с кнопкой. Неужели кто-нибудь поверит в это? Наверное, нет. Но это спасло бы лицо нации — очень важная вещь как для больших, так и для маленьких народов. Может быть, они все еще думают о продолжении проекта «Прометей»? Почему бы нет? Потребность в энергии остается, возрастает с каждым днем. Еще один запуск, еще одна попытка... Что могло потребоваться Вольфгангу? Флэкс набрал номер. Телефон звонил и звонил, но никто не снимал трубку. Черт с ним. Флэкс скомкал клочок бумаги в последний раз и выбросил.

Глава 36

ПВ 25:03

— Где сейчас находится «Прометей»? — спросил Бэндин.

Дилуотер просмотрел страницы с расчетами и сделал пометку напротив полетного времени 25:03. Потом встал и пошел к висевшей на стене конференц-зала меркаторовой карте мира, усталые люди провожали его взглядами. Он аккуратно отметил широту и долготу и передвинул красный намагниченный кружок, обозначавший положение «Прометея». Теперь он находился посреди океана.

— Так лучше, — сказал Гродзински. — Упади он в воду — все было бы в порядке.

— Но он снова через несколько минут будет над сушей, — заметил Бэннерман. — И что тогда? Эта штука по-прежнему представляет угрозу для всей планеты. Что бы Советам прицелиться получше и сбить ее к чертовой матери.

— Генерал, там все-таки пятеро людей на борту, — холодно сказал Дилуотер.

— Они и будут на борту, когда она упадет, и тогда все равно

погибнут. Я гуманист, Саймон, как и вы. Но я еще и реалист. Без этого солдату не победить. Нравится нам это или нет, в ближайшем будущем нас ожидает крупный взрыв. Если эти солнечные вспышки сделают свое дело, «Прометей» может навернуться в любую секунду, хоть сейчас, пока мы тут болтаем. А если нет, все равно упадет, только на пару часов позже. Или что-нибудь изменилось в расчетах?

Дилуотер покачал головой.

— Ничего. Более точные измерения отодвигают срок лишь на несколько минут.

— Значит, дело обстоит так. Эти люди на борту, считай, так или иначе мертвы. Теперь как быть с бомбой, в которой они находятся? Я предлагаю сбить ее нашими ракетами, пока она еще над океаном, и дело с концом.

— Вы что, спятили? — воскликнул Бэндин. — Вы хотите, чтобы я вошел в историю как президент, ядерной ракетой уничтоживший собственных граждан?

— Вместо того чтобы допустить трагедию большего масштаба, — настаивал генерал.

— Мне кажется, вы должны понять, что президент прав, — вмешался доктор Шлохтер. — Общественное мнение — такая сила, которой мы не можем пренебречь. Уже поступают сообщения о выпадении радиоактивных осадков после взрыва советской ракеты — она оказалась не слишком чистой, как и все их бомбы, и мировая пресса и политики уже в полной готовности. К утру они разойдутся в полную силу, и американская пресса — больше всех. Радиоактивные осадки восторга не вызывают. Мы годами запрещали испытания в атмосфере. Если сейчас мы изменим нашу политику и одобрим этот план, я сомневаюсь, наберет ли наша партия хотя бы четыре голоса на следующих выборах.

— Меньше, — заметил Бэндин. — Мы будем полными идиотами, если проголосуем за самих себя. Итак, о посылке ракеты не может быть и речи, забудьте об этом, Бэннерман. Как бы нам ни хотелось или как бы мы ни нуждались в уничтожении «Прометея», так не пойдет.

— А ТНТ? — спросил Гродзински. — Я с ним имел дело в угольных шахтах, когда еще был мальчишкой. Он способен разнести «Прометей» на клочки.

— Да, — сказал ему Дилуотер. — Но есть пустячный вопрос: доставка на корабль. Правда, там имеется полная цистерна водорода и, возможно, достаточный запас кислорода, чтобы вызвать химическую реакцию и взрыв, если бы их удалось соединить. Но

это слишком сложно и, стало быть, тоже не подходит. К тому же любой химический взрыв на подобной высоте привел бы к выделению большей части урана-235, который попал бы на Землю, и его распыление вызвало бы катастрофу куда большего масштаба, чем взрыв в каком-то локализованном районе. Химический взрыв исключается.

— Так что же нам делать, черт возьми? — спросил президент Бэндин, оглядывая сидящих за столом. — Так и будем здесь просиживать задницы, пока эта штука не брякнется, и надеяться, что она не врежется во что-нибудь жизненно важное? Ничего лучше придумать не можем?

По-видимому, так оно и было, поскольку ответом на его вопрос было молчание. Саймон Дилуотер смотрел на всех по очереди, словно ждал, не встанет ли кто-нибудь с предложением. Никто не встал. В конце концов он понял, что нужно сделать то, что только он сам может сделать. Он встал и поднял тонкую папку в оранжевом переплете. Темные буквы «Секретно» были оттиснуты на ее обложке. Все глаза теперь обратились к нему.

— Поскольку, кажется, никакого иного решения этой мучительной проблемы нет, я считаю, что обязан сообщить вам, джентльмены, о существовании программы для непредвиденных обстоятельств. Я не советую принимать ее немедленно и не говорю, что принимать ее не следует. Я просто предлагаю ее вашему вниманию. Как вам известно, перед каждым полетом разрабатывается множество различных программ, которые предусматривают возможные случайности и аварии в космосе. Большинство из них достаточно реалистичны, некоторые — довольно искусственные. Программа «Змеиное кольцо» относится к последнему разряду, она создана группой инженеров, на мой взгляд, с несколько болезненным воображением. Я узнал о ее существовании случайно, ознакомился с ней и... засекретил и включил в досье...

— Продолжайте, Дилуотер, что еще за чертовщина? — Терпение Бэндина было на исходе.

— Немного терпения, господин президент, я хотел прояснить все детали. Программа «Змеиное кольцо» представляет собой план технических мер, с помощью которых автоматический ядерный взрыв может уничтожить «Прометей» и, разумеется, его ядерное топливо.

— Я не понимаю, — сказал Гродзински.

— Звучит довольно просто, — ответил генерал Бэннерман. — Вы хотите сказать, что они могут сделать так, чтобы ядерный

двигатель автоматически превратился в бомбу и взорвал весь корабль?

— Не совсем, но в общем идея именно такова. Меня заверили, что если все сделать правильно, то ядерный взрыв непременно последует. Я должен обратить ваше внимание: все эти действия могут быть выполнены лишь кем-то из экипажа. Иными словами, люди, которые подготовят взрыв, сами тоже должны погибнуть. Никакими посторонними средствами подобного эффекта достичь нельзя.

— Вы просите их совершить самоубийство ради спасения человечества? — сказал Бэндин.

— Я ни о чем не прошу их, сэр. Я просто излагаю суть вот этой программы. Решать вопрос о ее исполнении, слава богу, буду не я.

— Они в любом случае погибнут, — спокойно сказал Бэннерман. — Я предлагаю передать им подробные указания, чтобы они могли приступить к работе. Это наш единственный шанс.

— Возможно, надо было бы прежде спросить, захотят ли они, — сказал Дилуотер.

— У нас нет времени на такую роскошь, — ответил Бэннерман. — Майор Уинтер — офицер, как и майор Калинина. Они умеют подчиняться приказам. Им нужно немедленно сообщить, что делать. Я уверен, они с гордостью используют возможность предотвращения катастрофы здесь, на Земле. Нам некогда спорить, если мы хотим, чтобы план был приведен в исполнение. Господин президент, я прошу вас принять решение немедленно.

— Я должен посоветоваться с Полярным. Пусть они свяжутся с Калининой...

— Он не советовался с нами, когда выпускал свою пташку по кораблю, а мы еще поддержали эту его идиотскую версию об офицере-психопате. Теперь он поддержит нас. Мы ждем, господин президент.

— Кто-нибудь еще хочет высказаться? — спросил Бэндин с отчаянием в голосе: он достиг своего высокого положения, не принимая решений, а избегая их. — Ладно. Мы не можем приказать им, пока еще нет, но мы можем объяснить им, что такое программа «Змеиное кольцо». Свяжитесь с ними. Если они примут правильное решение, нам не придется им приказывать. Это последняя надежда, Бэннерман. Узнайте, как они настроены, прежде чем отдавать приказ. Кнут и пряник. Они славные ребята, и я в них верю. Они все равно погибнут, а так их смерть может обрести величественный смысл, спасти жизни, быть может, десятков

тысяч их соотечественников. Это героический поступок. Свяжитесь с ними относительно программы «Змеиное кольцо» немедленно!

— Змеиное кольцо! — радостно воскликнул Гродзински. — До меня только что дошло. Змея, которая заглатывает свой хвост, поедает сама себя и перестает существовать.

— Заткнитесь, — устало бросил Бэннерман.

Глава 37

ПВ 25:28

Вольфганг Эрнстинг затормозил и распахнул дверцу машины. Влажный воздух Флориды окутал его, и он задохнулся: он так и не привык к резким перепадам от прохлады кондиционированного воздуха к тропической парной. У входной двери он нашарил ключ и замер. Телефон звонит? Да, до него доносился далекий сигнал, он ехал дольше, чем рассчитывал. Он заспешил, отпирая дверь, и бросился к телефону.

Звонок оборвался в тот момент, когда он дотронулся до трубки. Подняв ее, он услышал лишь гудки отбоя. Он быстро положил ее и подождал, надеясь, что телефон зазвонит снова.

Он не звонил. Вольфганг взглянул на часы. Да, это должен был быть Флэкс. Никто другой не позвонил бы ему, во всяком случае, не сейчас. Флэкс был чрезвычайно пунктуален. Так что же делать? Ждать. Флэкс обязательно перезвонит, да, так и будет.

Вольфганг отправился на кухню, чистую, сверкающую, какой он и оставил ее утром, помыв посуду после завтрака. Он никогда не был женат, не было ни времени, ни возможности, и как вечный холостяк был мелочен хуже любой старой девы. На полке стояла его любимая пивная кружка из какой-то давно исчезнувшей баварской пивной — старинная, прессованного стекла, с металлической крышкой, поднимавшейся нажатием большого пальца; в центре крышки гордо красовался герб пивной.

Осталась всего одна бутылка пива, и он аккуратно вылил ее в кружку. Придется купить еще. В глубине холодильника охлаждалась бутылка шнапса, но ее содержимого едва хватило на стакан. Он вылил себе в стакан все и подумал, что дело худо. Ни в одном местном винном отделе не продавали импортный шнапс, а он так и не приучился пить виски.

Он знал, что после этой порции ему захочется выпить еще.

Залпом проглотив шнапс, он запил его глотком холодного пива. Что же делать?

Что делать, если Флэкс не позвонит? Вот что в основном мучило его, как ни старался он отделаться от этой мысли. Он действительно не несет в данном случае никакой ответственности, и незачем изменять своим правилам и навлекать на себя беду. Если Флэкс не перезвонит, что ж, и делу конец. Он сердито отодвинул стул и заходил по кухне, пытаясь убежать от собственных раздумий, но места было слишком мало. Добрая минута ушла, чтобы отпереть все запоры на кухонной двери, — преступность в округе была высокой, — и он вышел в сад, в душную ночь. Прожив столько лет в Соединенных Штатах, он никак не мог привыкнуть к этому климату. Он еще помнил снежную зиму и мягкое лето Баварии. Он скоро съездит туда. Он не обязан звонить Флэксу — эта мысль все-таки проскользнула, несмотря на его упорное сопротивление.

Ответственность. Сколько ее было в Германии после войны, и еще коллективная вина. В то время он старался не думать об этом и сейчас думать не хочет. Он был ученым, вот и все, выполнял распоряжения. А что еще он мог бы сделать? Только что закончил университет и был определен в Пенемюнде, тогда он был одним из самых молодых в группе. Разве он отвечает за то, что ракеты, которые он помогал создавать, падали на Лондон, убивая беззащитных граждан. Нет, его никогда не осуждали за это, американцы постарались пригласить Вольфганга к себе на работу, пока до него не добрались русские. Он поехал охотно и никогда об этом не жалел. В молодой процветающей стране известия о жизни в послевоенной Германии казались совершенно нереальными. Как и суды над военными преступниками. Люди только выполняли приказы — но оказалось, что они совершали преступления. Это волновало, мешало работать его методичному уму, и в конце концов он просто перестал читать и даже думать об этом. Он ничего не умел, кроме той работы, которой его учили. Он был хорошим работником, хорошим исполнителем.

Хотя воздух был горячий и влажный, в голубом небе не было ни облачка. Вольфганг стоял и смотрел вверх, задавая себе вопрос, не находится ли сейчас корабль прямо над ним. «Прометей» вполне мог проноситься над его головой. Вместе со своим экипажем, с этими людьми, пока еще живыми, но обреченными на скорую смерть.

Его вдруг скрутило и начало рвать, снова и снова, пока внутри

не осталось ничего. Когда спазм прошел, он виновато огляделся, прикладывая к губам платок. Нет, его никто не видел.

Именно эти люди там, наверху, а вовсе не судьба многотонной металлической громадины, заботили его. Он чувствовал свою вину перед ними, потому что — внезапно он понял это — он был преступником все эти годы. Коллективная вина, о которой вечно твердили немецкие газеты. Он был виноват когда-то и ничего не сделал, чтобы искупить свою вину. Может ли он снова поступить так же?

Вольфганг вошел в дом, вымыл лицо, вытерся, потом подошел к телефону. И остановился. Нет, он не мог прямо позвонить Флэксу, вот почему он и просил его перезвонить сюда. Если он позвонит в Хьюстон, его имя будет записано, отмечено точное время... О его участии станет известно. Могут последовать санкции, это будет нарушением государственной тайны. Он отвернулся от телефона и двинулся к двери.

Машина завелась легко, мотор еще не успел остыть, из кондиционера ему в лицо пахнуло прохладой. Он ехал медленно, бездумно, пока впереди не появилась неоновая вывеска «БАР». Он поставил машину и вошел, музыка оглушила его. Один посетитель сидел у стойки, молодая пара — в затененной кабинке, бармен читал газету, но поднял глаза, когда открылась дверь.

— Пиво, пожалуйста.

— Бочковое?

— Да, спасибо.

Вольфганг вынул бумажник, пальцы перебрали банкноты. В заднем углу виднелась телефонная кабинка. Это его долг и его вина. Его вина и долг. Он обливался потом, хотя в баре было прохладно. Нужно разменять деньги... Так, один доллар за пиво.

Пальцы сами собой вытащили еще десятидолларовый банкнот и выложили на исцарапанную влажную стойку.

— И еще разменяйте, пожалуйста. Монетами по 25 центов, если можно.

Седой мрачный бармен взглянул на деньги с легким отвращением.

— Здесь, знаете, не банк.

— Разумеется, извините. Я бы хотел еще взять упаковку пива, нет, две упаковки по шесть штук.

— Ну тогда конечно, вы ж понимаете! Для клиентов — одно дело, а так — мало ли кто с улицы зайдет.

Вольфганг осушил стакан пива, сгреб сдачу, банкноты и мелочь и поспешно направился к телефонной кабинке, пока не успел передумать. Когда он прикрыл за собой дверь, зажегся слабый свет; внутри стоял затхлый запах табака и прокисшего пота. Телефонистка отозвалась почти мгновенно.

— Я бы хотел заказать разговор с Хьюстоном, Техас. Хьюстон, совершенно верно...

— Говорит Флэкс, ты слышишь меня, Патрик? Пожалуйста, ответь.

Флэкс устал, так устал, что это уже была и не усталость, а совершенно другое состояние. Возможно, это новый вид смертельного заболевания. Умирающие тоже чувствуют такое? Умереть сейчас было бы легко, гораздо проще, чем то, что он делал, чем он занимался весь день. Цепь катастроф, одна за другой. И теперь еще это. Он смотрел на лежавшую перед ним бумажку, не понимая, что там нацарапано. То есть видел, да, но до сознания смысл написанного не доходил.

— «Прометей» на связи.

— Я только что получил сообщение от медиков, с биомониторов...

— Да, я и забыл про них. Я собирался вызвать тебя, но ты уже и так знаешь.

— Здесь просто сказано «остановка биомонитора доктора Брона». Это может быть сбой по связи?

— Нет, все верно. Элай больше связи с миром не поддерживает. Он мертв.

— Я сожалею, Патрик, мы все...

— Какая разница? Мы все тут скоро будем покойниками. Элай просто чуть-чуть поторопился.

Курьер сунул Флэксу записку: «ДИЛУОТЕР ХОЧЕТ ГОВОРИТЬ СРОЧ.».

— Я сожалею, Патрик. Нам всем нелегко. Слушай, мне сообщили, что с тобой хочет поговорить Дилуотер...

— Скажи ему, чтобы катился куда подальше. Теперь не о чем говорить.

— Патрик, майор Уинтер, директор НАСА выходит на связь.

Возникла долгая пауза. У Флэкса было ощущение, что Патрик готов выложить, что бы он сделал с директором НАСА. Если бы он так поступил, Флэкс не осудил бы его. Однако вместо этого Патрик ответил спокойно. Если в его голосе и звучало что-то еще, то скорее лишь покорность, усталость.

— «Прометей» — Центру управления. Готовы принять ваше сообщение.

Флэкс ткнул пальцем в пульт, и связь была установлена.

— Говорит Саймон Дилуотер.

— «Прометей». Что вам нужно, мистер Дилуотер?

— Майор Уинтер, вы что-нибудь слышали об аварийной программе для двигателя? Она называется «Змеиное кольцо»?

— Нет. Человек, которого вы могли бы спросить об этом, — наш эксперт по двигателям, доктор Брон. Я бы разрешил вам поговорить с ним, но он, к сожалению, весьма невежлив. Он только что умер.

— Что? Вы... Очень сожалею, я не знал. Это ужасно...

— Все ужасно, мистер Дилуотер. Ну так про какое там «Змеиное кольцо» вы говорили?

Флэкс тоже задавал себе этот вопрос, он тоже ничего об этом не знал.

— Это аварийная программа. Я сам засекретил ее в свое время, потому что тогда мне это показалось опасным и дурацким предложением. Но ввиду изменившихся обстоятельств... и согласно распоряжениям президента...

— Вы колеблетесь, мистер Дилуотер, это на вас не похоже.

По тону Патрика трудно было понять, говорит он всерьез или с насмешкой. Теперь и то и другое было возможно.

— Извините, мистер Уинтер. Поверьте, мне искренне жаль. Я не в восторге от такой обязанности. Но я должен сказать вам, что существует программа «Змеиное кольцо», которая подробно объясняет, каким образом можно взорвать ядерный двигатель «Прометея». То есть как можно использовать топливо и двигатель, чтобы вызвать ядерный взрыв.

— Потрясающе интересно, Дилуотер, но почему вы мне сейчас рассказываете об этом?

— Вы заставляете меня произнести это вслух, майор Уинтер, и я не упрекаю вас. Короче говоря, если «Прометей» упадет, то вызовет широкомасштабные разрушения и смерть. Вы можете представить, что это значит.

Патрик прервал его:

— Я представляю, мистер Дилуотер, и прошу прощения за свои слова. Их можно понять, но не оправдать. Когда эта штука навернется, мы так и так погибнем. Если «Прометей», возможно, взорвется в воздухе, будет спасено множество жизней. Вы это собирались сказать, мистер Дилуотер?

— Спасибо, майор Уинтер. Вы пристыдили меня, я ведь знаю, что никогда бы не смог сделать того, что делаете вы. Но в сущности именно это я и собирался сказать.

«ВАС ВЫЗЫВАЮТ К ТЕЛЕФОНУ», — прочитал Флэкс в очередной записке.

— Попросите подождать, — сказал он курьеру.

— Звонят лично вам, — ответил тот. — Могут ждать всего пару минут.

— Ради всего святого, не сейчас. Кто это?

— Некий Вольфганг Эрнстинг.

— Запишите номер. Я ему перезвоню.

Патрик снова говорил. Флэкс пропустил часть их разговора.

— ...не мое решение. Я объясню остальным членам экипажа, и мы свяжемся с вами. Я не знаю, что они скажут, но, поскольку важно время, я предлагаю передать нам эту программу по телексу, чтобы у нас имелась копия.

— Я не знаю, возможно ли это.

— Центр управления, — сказал Флэкс. — В Белом доме есть секретный телекс, который подключается к нашему принтеру. Начинайте как можно скорее, а я передам это на принтер «Прометея».

— Хорошо, я прослежу.

— «Прометей» связь закончил.

Флэкс снял палец с кнопки и повалился в кресло. Это уж слишком. Потом он встрепенулся и вызвал пульт связи.

— Проследите, чтобы копию программы «Змеиное кольцо» немедленно доставили мне. Я хочу знать, что они там затевают.

— Да, сэр.

Глава 38

ПВ 25:57

— Григорий, помоги мне, — позвал Патрик.

— Минуточку, сейчас подойду.

Надя лежала на гравитационной кушетке, той, что подальше, что раньше принадлежала полковнику Кузнецову; похоже, она спала, однако глаза ее скрывала повязка, и сказать наверняка было трудно. Григорий помогал Коретте укладывать тело Элая в спальный мешок. Она вела себя так спокойно, что он устыдился своего волнения, вызванного прикосновением к холодной коже и обвислым рукам. Ему никогда прежде не приходилось касаться трупа, здесь же это было вдвойне жутко. Трупного окоченения еще не произошло, а он всегда считал, что это бывает сразу, с

приходом смерти; впрочем, с трупом и сейчас было довольно трудно управиться, он никак не влезал в узкий мешок.

— Так не пойдет, — сказала Коретта. — Вытаскивай назад. Подержи-ка, пока я мешок расправлю. — Она вывернула мешок наизнанку и ловко, как чулок, натянула на тело.

— Что же мы будем делать с...? — спросил Григорий.

— Думаю, ничего, — медленно произнесла Коретта. — Наверное, ни похорон, ни заупокойной. Давай просто привяжем к койке.

— Вот к этой, — предложила, выпрямляясь, Надя. — Кто-нибудь, помогите мне, пожалуйста.

Когда Патрик позвал его, Григорий даже обрадовался: ему хотелось уйти.

— Включи, пожалуйста, телепринтер, — попросил Патрик, продолжая смотреть невидящими глазами в темноту, и показал пальцем туда, где стоял аппарат. — Просто щелкни тумблером, и он включится, а потом переведи на прием, передай команду «к приему готов» и жди ответа.

— Совсем нетрудно, — Григорий так и сделал, и аппарат быстро напечатал: «ОПИСАНИЕ ОПЕРАЦИИ «ЗМЕИНОЕ КОЛЬЦО».

— Что это? — спросил Григорий, прочитав Патрику эти слова.

— Собери сюда всех остальных, я хочу, чтобы знали и они.

Спокойным, бесстрастным голосом Патрик рассказал экипажу о предложении Дилуотера и о том, что за программа строчка за строчкой выползала сейчас из принтера. Григорий воспринял сообщение стоически, с присущей славянам невозмутимостью. Коретта не совсем поняла, что это значит.

— Программа самоуничтожения двигателя?

Патрик кивнул:

— Проще было бы сказать, программа превращения двигателя в бомбу. Они хотят, чтобы мы сами себя взорвали, чтобы предотвратить возможные тяжкие жертвы на Земле.

— Прекрасно, — не скрывая горечи, произнесла Коретта. — Они загнали нас сюда, посадили на мель, попытались уничтожить ракетой, а теперь ждут, что мы из благодарности совершим атомное самоубийство. Почему же они просто не выстрелили в нас еще разок? Может быть, американцы прицелятся лучше советских.

— Причины, разумеется, есть, — заметил Патрик. — Наверное, у них не было полной гарантии того, что удастся стереть нас в порошок вместе с нашим ядерным топливом с помощью одной ракеты. А ты как думаешь, Григорий?

— Я? Никак. На несколько минут раньше или позже — но мы все равно погибнем. Ты командир, тебе и решать.

— Нет, нам следует решить вместе. Надя?

— Делай все по инструкции, взорви нас, и дело с концом.

В ее голосе была скорее боль, чем возмущение. Патрик понимал, что она чувствует; он и сам испытывал то же самое. Наркотики притупили боль в обожженных глазах, но боль, терзавшая душу, была сильнее.

— А что ты скажешь, Коретта?

— Я? Какая разница! Тебе придется быть мудрым и в конце концов принять логичное решение — предпочесть спасение мира нескольким лишним минутам оставшейся нам самим жизни. Так что давай делай свое дело и не спрашивай меня. — Она уже почти кричала, когда вдруг поняла, что теряет над собой контроль. Она, прошедший специальную подготовку врач, обязанный всегда сохранять спокойствие, впадает в истерику, а двое ослепших людей по-прежнему держат себя в руках. Она перевела дыхание и извинилась. Ей было стыдно.

— Ничего страшного, бывает, — сказал Патрик.

— Бывает, верно, но ведь у вас не меньше причин жаловаться на судьбу. Фу, какой стыд! Однако попробуем рассуждать логически. Если мы так или иначе умрем через несколько минут, или часов, или — когда там они предполагают?..

— Солнечная активность почти не увеличилась, сила начинающейся бури меньше, чем ожидалось.

— Если нам по-прежнему не везет, то вспышка на Солнце будет сильнее, но, даже если этого не произойдет, все равно у нас останется не более семнадцати часов, ну так и черт с ним. Готовь взрыв, и пусть кто-нибудь нажмет на кнопку.

— Ты и в самом деле говоришь то, что думаешь? — спросил Патрик.

— Да, черт возьми, а что?

— Просто ни я, ни Надя ничем вам помочь не в состоянии. Всю подготовку к взрыву придется провести вам с Григорием.

— Логично, — сказал Григорий.

Коретта была потрясена, но потом все-таки криво улыбнулась:

— Хорошо, хорошо, пусть будет так. Добрая Коретта Сэмюэл, спасительница жизней человеческих, кончает собственную жизнь, изготовляя атомную бомбу. А почему бы и нет, командир? Обо мне будут слагать песни в негритянском гетто, вы и оглянуться не успеете.

— Тогда договорились, — подытожил Григорий.

— Да, — подтвердила Надя.

— Сообщу им. — Патрик включил радио. — «Прометей» вызывает Центр управления полетом. Нельзя ли поговорить лично с мистером Дилуотером?..

— НЕТ! — Флэкс так рявкнул в ответ, что динамик на стене загрохотал. — Я не соединю вас ни с президентом, ни с Дилуотером и вообще — ни с кем, весь кабинет сейчас заседает.

— В чем дело, Флэкс? — спросил Патрик, но в ответ услышал только треск статического электричества.

— Что он такой сердитый? — удивилась Коретта.

— Господин президент, американский пилот, он же командир корабля, настаивает на разговоре с вами.

— Зачем? В чем дело?

— Точно не знаю, сэр. Он был очень взволнован. Он сообщил, что экипаж «Прометея» принял решение использовать программу «Змеиное кольцо», но сначала с вами хотел переговорить мистер Флэкс.

— Что за черт! Он что, не может оставить меня в покое?.. — Бэндин уже начал накаляться, и Дилуотер попытался успокоить его.

— Я думаю, что он не стал бы напрасно беспокоить вас, сэр. Он тоже устал, все мы устали. Уверен, что речь идет о чем-то важном...

— Давай соединяй, покончим с этим скорей.

Дилуотер кивнул и что-то сказал в свой микрофон. Голос Флэкса загремел из динамика.

— Говорит Центр управления полетом. У меня на связи «Прометей», могут ли они поговорить с Белым домом?

Дилуотер, опередив вконец рассердившегося президента, быстро заговорил:

— Да, мы вас слушаем.

— Хорошо. Вы готовы, «Прометей»?

— Да.

— В таком случае, — внятно проговорил Флэкс, — я хочу, чтобы все слышали ответ генерала Бэннермана на вопрос, который я ему задам. Генерал, верно ли то, что вы сообщили несколько часов назад: что транспортный «челнок» для спутника ВВС США пока еще не готов к полету?

— Да, это так.

— Нет, это не так! Это ложь. Верно только то, что корабль на-

ходится сейчас на стартовой площадке на мысе Канаверал и с ним поддерживается постоянная связь. Однако он готов стартовать, как только закончится заправка. Разве не так?

— Нет. — Лицо Бэннермана не дрогнуло, по нему ничего нельзя было прочитать. Зато Дилуотера и других членов кабинета этот вопрос Флэкса просто ошеломил. Флэкс между тем продолжал:

— Вы лжете. Два пилота, Кук и Декоста, находятся в настоящее время в предстартовой кабине. И я могу просто снять трубку и позвонить им.

Воцарилась мертвая тишина. Генерал Бэннерман не пошевелился и не произнес ни слова. Пауза длилась до тех пор, пока в комнате не зазвучал голос майора Уинтера с «Прометея».

— Мы слышали вопрос, однако не слышали ответа.

— Извините, — сказал наконец Бэннерман, — корабль ВВС США — совершенно секретный объект, и мы не можем здесь обсуждать этот вопрос...

— Но мы должны! — Дилуотера трясло от гнева, он вскочил на ноги. — Не могу поверить. Если ваш «челнок» уже мог быть запущен, мог уже снять экипаж «Прометея»...

— Прекратите связь, — сказал Бэндин.

— Но, господин президент, мы должны это знать, там, на «Прометее», тоже должны это знать! Ведь этому преступлению нет прощения, если все сказанное...

— Я приказываю прекратить связь, — зло рыкнул Бэндин.

Дилуотер колебался, он не сводил с президента глаз, которые вдруг расширились от внезапной догадки.

— Я перезвоню вам через пять минут, — сказал он Флэксу.

— Вы не можете... — Голос Флэкса умолк, и Дилуотер обратился к президенту:

— Вы ведь знали, не так ли? Все то время, пока эти люди боролись за спасение корабля, умирали, слепли, вы знали, что их можно эвакуировать с помощью «челнока». И согласились, чтобы они уничтожили себя и «Прометей» с помощью программы «Змеиное кольцо». Хотя прекрасно понимали, что...

— Придержите язык, Дилуотер, и сядьте. Кто вам дал право разговаривать в таком тоне с президентом Соединенных Штатов?

— Я получил это право после тех отвратительных поступков, которые вы совершили...

— Дилуотер, вы лезете не в свои дела и можете нажить большие неприятности, — сказал Бэннерман. Он встал, оказавшись

лицом к лицу с Дилуотером. — Ничего больше мы об этом слушать не желаем.

— Нет, мы выслушаем об этом все до конца, генерал, — твердо произнес Дилуотер. — Надеюсь, мы пока еще находимся в свободной стране. Вы не можете расстрелять меня за то, что я сказал. Вы немедленно расскажете мне всю правду, или я передам эту информацию прессе, и весь мир узнает о вашей подлой лжи.

— Дилуотер, это государственная измена! — Бэннерман судорожно схватился за кобуру своего пистолета с украшенной перламутром рукоятью.

— Неужели? Тогда вы должны арестовать и убить меня, ибо я до тех пор не замолчу, пока все не узнают про ваши преступления. Вам придется также расстрелять всех в Центре управления полетом, потому что и они слышали то, что сказал Флэкс.

— Он прав, господин президент, — спокойно вмешался доктор Шлохтер. — Кота выпустили из мешка, и его обратно не загонишь. Нам нужно предпринять какие-то конкретные шаги, и очень быстро, пока не расползлись слухи. Если ваш «челнок» действительно пребывает в состоянии боевой готовности, то следовало бы немедленно отправить спасательную экспедицию. Может быть, еще не слишком поздно.

— Ни в коем случае! — взорвался Бэннерман, резко повернувшись к своему новому противнику. — Этот корабль несет совершенно секретный груз, недопустимо, чтобы о нем в прессу просочилось хоть слово. Если это произойдет, ответ придется держать суровый. Суровее, чем за «Прометей».

— Что за груз? — спросил Шлохтер.

— Вы видели сопроводительные документы. Пакет ЦРУ, кодовое название «Ку-ку».

Шлохтер побледнел и тяжело опустился в кресло.

— Да, — сказал он, — информация об этом не должна просочиться ни в коем случае, что-то нужно делать...

— Дайте город, — сказал Дилуотер в телефонную трубку. — Мне необходимо сообщить всем информационным службам Вашингтона о пресс-конференции. Правильно, Си-би-эс, Эн-би-си и Эй-би-си. Пожалуйста, перезвоните мне, когда все будут оповещены. — Он повесил трубку и посмотрел Бэннерману прямо в глаза. Потом очень тихим голосом произнес: — У вас около минуты, чтобы сказать мне, что это за «Ку-ку».

— Все, Дилуотер, это все! — закричал Бэндин. — Пошел ты...

— Господин президент, я подаю в отставку и со своего поста в

НАСА, и со всех прочих в вашей администрации. Как только завершу начатое дело.

— Вы ставите под удар всю страну, черт бы вас побрал, и я вполне мог бы вас за это расстрелять. «Ку-ку» — сложнейшая двадцатичетырехтонная установка, которую наша страна с радостью использует в случае любого непредвиденного обстоятельства.

— А что она, собственно, предназначена делать? — спросил Дилуотер.

— В чрезвычайной ситуации и только в интересах обороны эта птичка способна быть носителем самого большого из когда-либо имевшихся в мире лазеров, к тому же она полностью компьютеризована и может защитить себя от попадания любых ракет.

— А почему на нее должны быть нацелены ракеты? — спросил Дилуотер.

— Потому что «Ку-ку» будет выведена на орбиту в нулевую точку над Москвой. Этот лазер имеет источником питания ядерный реактор и, возможно, по сути своей ближе всего к фантастическому «лучу смерти». Он способен буквально проткнуть атмосферу и сжечь любую цель на Земле. С поразительной точностью. В его «памяти» имеется карта Москвы, притом очень подробная. Лазер может уничтожить весь Кремль, не повредив булыжника на Красной площади рядом с ним; сровнять с землей кремлевские казармы, не тронув магазина ГУМ, который к ним примыкает.

— Понимаю, — очень тихо произнес Дилуотер.

— Ну а я нет, — вмешался Гродзински.

Дилуотер ответил ему:

— Мы нарушили свое соглашение с Советами о демилитаризации космоса. Это чудовищное оружие, помещенное на синхронной орбите, будет держать под прицелом Москву. То, о чем столь громогласно договорились обе стороны, мы снова втайне обходим. ЦРУ сохраняет свои запасы химического оружия, невзирая на приказ об их уничтожении, ФБР хранит списки радикалов, хотя утверждало, что давно спустило их в бумагорезательную машину, а генерал Бэннерман создал смертоносное оружие, которое угрожает всему миру... — Он повернулся к Бэндину. — И вы, разумеется, знали об этом, господин президент?

— Разумеется, знал, и безопасность моей страны для меня превыше всего. Дай вам, либералам, волю, уже сегодня над Белым домом развевался бы красный флаг.

— Господин президент, джентльмены, груз, находящийся в

«челноке», сейчас не имеет ни малейшего значения, — вмешался Шлохтер, для разнообразия применяя свой талант дипломата-международника в «домашних условиях». — Груз можно извлечь, тщательно складировать и сохранить в тайне до поры до времени. А сам «челнок» нужно немедленно приготовить к спасательной операции. Другое решение невозможно. Слишком многие уже знают о его существовании. У вас нет выбора, господин президент.

— Вам не следует делать этого, господин президент, — резко развернувшись к Бэндину, сказал Бэннерман. — Все еще можно сохранить в тайне, информационные «протечки» можно заткнуть. Но нельзя ставить «Ку-ку» под угрозу. Проект практически завершен. Когда эта штука будет на орбите, Советы уже не осмелятся даже пикнуть.

Бэндин ломал руки; он пытался найти выход там, где его не было и быть не могло.

— Центр управления полетом и «Прометей» по-прежнему на связи, — сказал Дилуотер, прикрывая рукой микрофон. — На другой линии информации ждут телевизионные компании. Что сказать тем и другим?

Бэндин колотил кулаком по столу от безысходности и гнева.

— Велите телевизионщикам пока подождать. Передайте на мыс, чтобы сняли этот проклятый лазер и спрятали поскорее. «Прометею» объясните, что мы не хотели обнадеживать их, пока не узнаем точно, что спасательный корабль может быть подготовлен, что люди работали день и ночь и что, кажется, появился шанс. И чтобы ни слова из сказанного здесь никогда не вышло из этой комнаты!

В полном изнеможении он откинулся в кресле. Резиновый Бэндин снова вывернулся.

Глава 39

ПВ 26:19

— Приносим извинения за непредвиденный перерыв в передаче, леди и джентльмены, но нам только что сообщили новости о судьбе «Прометея». — Репортер, сжимая листок бумаги, только что оторванный от телетайпной ленты, коротко взглянул в объектив.

Он знал, что его репортаж показывают по всем программам

американского телевидения и передают на коротких волнах за океан. И держался соответственно серьезно.

— Похоже, в настоящий момент в Центре космических полетов имени Кеннеди предпринимается попытка отправить на орбиту «Прометея» спасательную команду, которую доставит туда «челнок», рабочая ракета, которая снует между Землей и космическими спутниковыми лабораториями и перевозит людей и оборудование. По словам президента Бэндина, никаких сообщений на этот счет ранее не делалось, так как не было уверенности, будет ли «челнок» готов вовремя. Но теперь, когда смелым астронавтам, застрявшим на затухающей околоземной орбите, остаются считанные часы жизни, к ним на помощь отправляется спасательная ракета. Может быть, еще не поздно эвакуировать их. Мы будем ждать дальнейших сообщений о том, как развиваются события, и надеемся вскоре послушать самих космонавтов.

— Конечно же, нет, не сейчас, Минфорд! — прокричал Флэкс в телефонную трубку. — Конечно, я понимаю важность связи с общественностью и то, что мы обязаны поддерживать имидж, особенно после тех событий в Англии. Но все равно передачи с «Прометея» сейчас невозможны. Люди в отчаянном положении, там есть раненые, и вообще у них ужасные перспективы, так что не будь смешным. К тому же я сам постоянно на связи с ними. Все. — Он быстро переключил тумблеры и проговорил:

— На связи Центр управления полетом. Я вызываю «Прометей».

— Флэкс, они готовят спасательную экспедицию или нет?

— Дано «добро» на высшем уровне, Патрик. Я только что пытался связаться с ними, чтобы уточнить, сколько времени им еще потребуется. У меня есть для них «окно».

— Когда?

— Приблизительно через четыре часа. Ваша орбита будет проходить над Соединенными Штатами, и запуск с Восточного побережья вполне возможен. Совмещение орбит произойдет через сорок минут. Точное расчетное время встречи я тебе назову, как только наши программисты свяжутся с их штабом.

— И единственная причина отсрочки — это неуверенность в готовности «челнока»?

— Такова официальная версия.

— Это же грязное вранье, Флэкс, и ты это прекрасно знаешь.

— Знаю. И согласен с тобой.

— Полная подготовка «челнока» занимает около недели.

Я уверен, что можно ужать часок-другой и знать с точностью до минуты, когда ракета будет отправлена. Почему же в таком случае они не известили нас?

— Может быть, мы никогда и не узнаем.

— Попробуй узнать. Поспрашивай, Флэкс, у тебя ведь есть связи. Мне бы очень хотелось получить ответы на кое-какие вопросы, если мы вернемся.

— Мне тоже...

— Конец связи.

И Патрик резко отключил связь.

— Что все это значит? — спросила Коретта.

— Не знаю и боюсь делать предположения, — ответил Патрик, осторожно поправив повязку на глазах. Слепота выводила его из себя, она почти лишила его работоспособности. — Происходит что-то весьма странное, иначе Флэкс не вывел бы нас так неожиданно прямо на Белый дом. Он явно кому-то выворачивал руки. Впрочем, займемся этим как-нибудь в другой раз. У нас сейчас более насущные проблемы. — Он снова потрогал повязку. — Доктор, а нельзя ли ослабить повязку или, может быть, совсем снять ее, чтобы проверить, вижу я или нет? Ведь пока сам не попробуешь, не узнаешь...

— Патрик, мы знаем, — проговорила Коретта, стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно и профессионально. — Каковы бы ни были окончательные результаты, тот шок, который испытали ваши с Надей глаза, все равно не пройдет по меньшей мере сутки. Сняв повязку, ты ничего не достигнешь и можешь только навредить себе. Извини, ничего более утешительного я сказать не могу.

— Значит, это может быть навсегда? — негромко спросила Надя.

— Возможно, но я совсем не уверена. Скорее, ваша слепота — явление временное. — Коретта говорила так уверенно именно потому, что говорила неправду: она не имела ни малейшего представления о тяжести травмы. Но душевное равновесие пилотов было сейчас куда важнее правды.

— Ладно, — решил Патрик. — Отложим этот разговор. Григорий, вся ли программа «Змеиное кольцо» получена?

— Вся. Я ее сложил в папку, как ты велел, — ответил Григорий.

— Достань, пожалуйста.

— Зачем? — с удивлением спросила Коретта. — Если спасательный корабль готов, то, наверное, можно забыть об этой программе.

— Да, но наше положение в целом не изменилось, — ответила ей Надя. Она лежала на своей кушетке с повязкой на глазах, внешне такая же спокойная, как Патрик.

— Так оно и есть, — подтвердил Патрик. — В этом уравнении слишком много неизвестных. Мы либо продержимся на этой орбите те часы, которые необходимы для нашего спасения, либо нет. Обсерватория непрерывно посылает нам информацию о состоянии солнечной активности. Незначительные вспышки, радиация в норме... Но ведь Солнце продолжает вращаться, и мы не знаем, что ждет нас впереди. Одна большая вспышка — и все, конец.

— Это ужасно! — воскликнула Коретта.

— Это всего лишь реальность, — произнес Григорий, обнимая ее. Ни Патрик, ни Надя не могли их видеть, а если бы и могли — разве это имело теперь значение? На свете для них осталось слишком мало значимых вещей.

— Григорий прав, — качнул головой Патрик. — Мы должны действовать так, будто никакого спасательного корабля не будет. Если же он все-таки успеет — что ж, все хорошо, что хорошо кончается. Если нет, то нет причин прекращать подготовку к операции «Змеиное кольцо». В любом случае предлагаю начинать, не откладывая.

— Сколько на это нужно времени? — поинтересовалась Коретта.

— Учитывая, что ни один из вас не имеет соответствующих навыков, это может занять три или четыре часа.

— Что мы должны делать? Я ведь так и не имею об этом ни малейшего представления.

— Программа детально объяснена здесь, — сказал Григорий, помахав ворохом распечаток.

— Может быть, тебе, детка, все ясно, но для меня это полная абракадабра.

— Объясню-ка лучше я, — сказал Патрик. — Тебе следует усвоить основные принципы. Ты знакома с принципом работы ядерного двигателя?

— Только в теории, — призналась Коретта. — Водород используется и как ядерный замедлитель, и как топливо. Те кварцевые трубки, которые у нас разбились, называются, по-моему, световыми лампами. Урановый изотоп в виде гранул смешивает-

ся в них с неоном, и происходит ядерная реакция. При этом трубки разогреваются до — скольких градусов?

— До трех тысяч градусов.

— Несколько жарковато. Лампы окружают водород, температура которого повышается, а следовательно, он расширяется и под давлением устремляется в отверстие сзади, толкая нас вперед. Вот и все. Правильно?

— Совершенно правильно, просто и точно. Хотя сам процесс намного сложнее, но сейчас это не имеет ни малейшего значения, потому что вам с Григорием предстоит только включить всю эту последовательность.

— Как мы это сделаем?

— В четыре этапа. Сначала вам придется выйти в космос и пробраться в одно из сопл. Это нелегко, но совершенно необходимо. Одному из вас придется для этого воспользоваться астроскафом. Затем... Григорий, что затем? Что-то у меня с памятью...

Дело было не в памяти, а в том, что Патрик страдал от боли. Действие наркотиков ослабевало, и глазам было так больно, что мысли расплывались. Григорий прочел ему программу только один раз, но он отчетливо ее запомнил. Однако говорить было трудно. Скоро потребуется укол, но нужно продержаться без него как можно дольше. После укола так все мутится в голове... Григорий пошелестел страницами и длинным пальцем ткнул в одну из строк.

— Нужно проникнуть внутрь и разбить кварцевые трубки, чтобы увеличить объем камеры. Лампы, несмотря на высокую жаропрочность, исключительно хрупкие. Затем освобождается четырехметровая секция, где хранится уран-235, и сворачивается до тех пор, пока ее диаметр не достигнет примерно сорока сантиметров...

— Григорий, это как-то до меня не доходит.

— Это пластиковая емкость, — пояснил Патрик. — Контейнер для уранового топлива в виде трубки, поскольку уран нельзя хранить в большом количестве, чтобы масса не стала критической и не взорвалась. Поэтому топливо в пластиковой трубке как бы «обвертывают» вокруг хвоста корабля. Часть этой трубки и следует отрезать, а потом скатать в компактную массу.

— Минуточку, — остановила его Коретта, — насколько я помню из моего ударного курса атомной медицины, это ведь опасно. А эта штука не взорвется?

— Сразу нет. Процесс, конечно, активизируется, но не сразу достигнет критической точки.

— Тот, кто будет сворачивать трубку, будет серьезно облучен.

— Тот, кто сделает это, умрет, — угрюмо произнес Патрик. — За несколько минут — смертельная доза. Впрочем, тогда это будет уже неважно.

— Скорее всего да, — кивнула Коретта, стараясь сохранить такое же спокойствие, как и он. — Даже при такой дозе понадобится много часов, чтобы умереть. Так что корабль уже успеет взлететь на воздух.

— Правильно, — подтвердил Патрик. — Теперь последнее: когда топливо готово, нужно обеспечить приток водорода, нажав кнопку на пульте. Тогда масса топлива под напором выбрасывается в камеру сгорания — и все.

— Все? — Коретта не поняла. — А что потом?

— Водород в камере действует как замедлитель только до этого момента. Затем масса урана-235 становится критической...

— И потом трах-тарарах. Атомный взрыв. Представляю себе. Так когда мы приступаем?

— Немедленно, — сказал Патрик. — Скажите, какое сейчас полетное время.

Грузовой отсек еще только присоединяли к ускорителю, когда на паукообразную конструкцию взобрался Гордон Фогт, руководитель запуска. Это был крупный, крепко сбитый мужчина с буграми мускулов на руках. Родившийся и выросший в штате Алабама, всего в нескольких сотнях миль от мыса Канаверал, он привык к влажному тропическому климату и едва ли вообще замечал жару. Когда он через воздушный шлюз попал в прохладную стерилизованную атмосферу отсека, как раз происходило сцепление его с телом ракеты. За операцией наблюдал полковник Кобер, небольшого роста неприятный человек, всегда в мундире, всегда наглаженный и безупречно аккуратный. Фогт знал, что у Кобера отличная голова, техническая научная степень и успешная военная карьера, но все равно не любил его. Эта неприязнь была взаимной. Они работали вместе, потому что так вышло, но ни тому, ни другому это не доставляло удовольствия.

— Готовитесь снять груз, полковник? — спросил Фогт.

— Да, мистер Фогт.

— Сколько времени уйдет на то, чтобы вы разгрузились и мы могли задраить люки?

— Постараемся как можно скорее.

— Нет, нельзя ли точнее? Через сколько минут, часов, дней?

Кобер бросил на гиганта штатского полный презрения холод-

ный взгляд и сказал, поглаживая костяшкой пальца щеточку усов:

— Ориентировочно я могу сказать, конечно. Исходя из прошлого опыта, на то, чтобы отсоединить крепеж, подсоединить добавочное электропитание, убрать мачты, передвинуть корабль на стартовое ложе и задраить люки, потребуется добрых два часа работы.

— Мы не можем ждать два часа. Я немедленно начинаю заправку. — Фогт повернулся, чтобы уйти, но резкий тон Кобера заставил его остановиться.

— Вы не имеете права. Я категорически запрещаю вам это. Вмешательство гражданских лиц и без того внесло беспорядок, но я не допущу преступной пренебрежительности к технике безопасности, способной поставить под угрозу наш проект и моих людей. Вы поняли, Фогт?

— Для вас, полковник, я всегда мистер Фогт. Я хочу слышать, как вы это говорите. Что же до вашего запрещения, то тягаться вам со мной все равно что гончей соревноваться со слоном в поднятии тяжестей. Заправка начинается немедленно.

— Вы не можете... Это запрещено. Я свяжусь...

Но Фогт уже закрыл дверь шлюза. Бог мой, а Кобера, оказывается, так легко вывести из себя! Какое же удовольствие дать легкого пинка этому аккуратисту. Фогт вытянул из чехла на поясе кнопочную рацию и ткнул в нее пальцем.

— Станция два, вы уже подсоединили заправочные шланги?

— Последний подсоединяется, Гордон.

— Хорошо. Проверь, следят ли твои люди наверху за пусковыми клапанами, и начинай качать. Мне нужно, чтобы топливо закачали как можно скорее.

— Ясно.

Фогт выключил рацию, прислонился к горячему металлу ограждения и посмотрел на ракету. Квадратная масса грузового отсека закрывала ее почти всю, над отсеком возвышались только три конуса ускорителей. Рядом стояла многоярусная башня обслуживания, на которой вовсю шла организованная суета. Подземные заправочные трубы подавали жидкий кислород и водород, охлажденный до сотен градусов ниже нуля, и облачка испаряющегося газа клубами вырывались из расположенного выше регулирующего клапана. Началось. Через три часа емкости будут заполнены. Три часа оставалось и до того, как можно будет использовать «окно» — те несколько минут, в течение которых космический «челнок» способен оказаться в точке стыковки с «Прометеем». Один-единственный шанс на встречу. Ну что ж, он сделает все, что от него зависит, «челнок» будет заправлен, отсчет полетного времени начнется точно в срок. Если, разумеется, военный груз будет вовремя выгружен. Военные утверждают, что это спутник-разведчик, страшно засекреченный; повсюду непрерывно снует военная полиция с пистолетами на боку. По слухам, правда, это кое-что поважнее обычного спутника-разведчика. Впрочем, он ничего не знает и знать не хочет. Он хочет только, чтобы ракета ушла вовремя.

Заправка проходила нормально, так что Фогт мог спокойно пойти и еще подразнить Кобера, а заодно убедиться, что груз наконец вытащили и убрали. Ему нравилось злить Кобера, хотя это было, пожалуй, слишком легко. В свое время, молодым, он и сам служил в армии и перед демобилизацией получил капрала. Чины выше старшего сержанта немедленно вызывали в нем подозрение. А наилучшим объектом для насмешек всегда были эти клуши полковники. Фогт улыбнулся и двинулся к двери.

Солнечная обсерватория находилась в Италии, на Капри, острове в Неаполитанском заливе. Изрезанные террасами склоны гор Соларо поднимались над деревушкой Анакапри, серебрясь оливковыми деревьями, и обрывались высокими известковыми утесами прямо над синим морем. На склоне горы и стояло окруженное массивными стенами здание — Солнечная обсерватория университета Фрейбурга. Для обсерватории это было не лучшее место: дымка над морем не позволяла вести наблюдения рано утром и вынуждала заканчивать их вечером задолго до захода солнца. Но для каждого немца Капри — рай обетованный, поэтому разум на сей раз подчинился велению сердца, и обсерватория была построена именно здесь. Короткий рабочий день позволял больше времени уделять вину и персикам. Астрономы и их жены не считали «ссылку» на Капри слишком большой жертвой.

Зеркало на крыше здания вращалось под определенным углом автоматически, следуя за ходом Солнца и посылая его изображение через похожую на дымовую трубу телескопа вниз. Здесь увеличенное изображение пропускалось через специальный фильтр, который отсеивал все, за исключением длины волны водорода. Подобным образом «очищенное» и увеличенное изображение Солнца фиксировалось фотоаппаратом. Каждые две минуты в течение дня камера делала снимок и тут же автоматически переводила кадр. Когда камера не работала, изображение можно бы-

ло проецировать на белый экран — раскаленный свирепый диск, диаметром в ярд, весь в оспинах темных пятен, обрамленный завихрениями пламени.

Доктор Брозик как раз был занят его изучением, блаженно попыхивая хорошо обкуренной пенковой трубкой. Астрономия требует скорее усидчивости, чем энергии, а он занимался этой наукой немало лет. Его жена, Ютта, вошла в комнату.

— Опять звонит этот человек из Техаса. Он страшно разозлился, когда телефонист в Неаполе прервал нас почти на пятнадцать минут.

— Если постоянно злиться на итальянскую телефонную систему, можно в конце концов заработать апоплексический удар, не дожив и до половой зрелости. Он что-нибудь просил передать?

— Вопрос прежний: каково состояние Солнца?

— Можешь заверить его, что за эти пятнадцать минут изменений не произошло. Активность нормальная... О боже!

Брозик от неожиданности открыл рот, позабыв о любимой трубке. Трубка выпала и разбилась о кафельный пол, но он даже не заметил этого. Ибо как завороженный уставился на растущий у него на глазах протуберанец. Язык пламени поднимался все выше и выше и наконец выплеснулся в космос. На глазах у доктора с поверхности Солнца были извергнуты миллионы тонн горящего газа — первый мощный взрыв гигантской солнечной бури.

То, о существовании чего было известно ему, то, что не было видно отсюда, свершилось: немыслимый выброс энергии, невероятно мощные магнитные поля, непрерывно меняющие свои очертания и излучающие радиацию, способны были, попав в атмосферу Земли, вызвать северное сияние, нарушить радиосвязь, вывести из строя телеграфные линии. И до такой степени возбудить верхние слои атмосферы, что «Прометей» непременно собьется с орбиты. Для него, летящего со скоростью пять миль в секунду, переход в более плотные слои атмосферы будет равносилен столкновению с каменной стеной.

— Не давай отбоя! — крикнул жене Брозик. — Мне нужно обязательно поговорить с ними. Попробуй убедить этого кретина телефониста, что линию ни под каким видом занимать нельзя. Видимо, начинается период той самой интенсивной солнечной активности, о которой предупреждал профессор Вейсман.

Глава 40

ПВ 27:41

— Просто делай, как я говорю, шаг за шагом, не торопясь, и все будет в порядке, — сказал Патрик. — Ты готов, Григорий?

— Да.

— Коретта?

— Да, Патрик.

Люк открыт, и они смотрят на него — Патрик отчетливо представляет себе это. Перед этим Коретта сняла толстую верхнюю повязку и пластырем закрепила у него на глазах тампоны, потом то же самое сделала и с Надей, чтобы надеть на них шлемы. Облачение в скафандр оказалось мучительно трудным, на это ушла уйма времени, Григорий с Кореттой работали за четверых. Двух пилотов в негнущихся космических доспехах пришлось буквально донести до гравитационных кушеток. Это было и проще, и логичнее — однако Патрику довольно унизительным показалось собственное состояние полной беспомощности, но вслух он ничего не сказал. Теперь, когда люк был открыт, каждый из них оказался замкнутым в отдельной от остальных тонкой капсуле. И в таком положении они останутся до конца. До прихода помощи — или...

— Астроскаф находится у самого люка. Видите? — спросил Патрик.

— Пока да, — ответила Коретта.

— Ладно. Григорий, выбирайся через люк, только не торопись. Просто как бы плыви медленно-медленно, а Коретта будет подавать тебе шланги жизнеобеспечения.

— По-моему, их хватит, только чтобы добраться до астроскафа, — сказал Григорий.

— Это верно, они предназначены только для передвижения внутри корабля. Но можно подтянуть еще по меньшей мере на метр, и этого хватит, чтобы пристегнуться к астроскафу. Притяни его как можно ближе к корпусу, но пока не снимай предохранительного зажима. Там увидишь круглую скобу — возьмись за оба конца, потяни и усядешься в астроскаф. И сразу застегнись. Схватываешь?

— Роджер.

— Вход и выход через люк. Коретта, будешь постоянно сообщать о происходящем, чтоб я имел представление, как идут дела.

— Хорошо. Он сейчас выходит. Очень узко, но он справляется. Я подаю шланги...

Григорий весь взмок и тяжело дышал от напряжения. Он уже привык к отсутствию силы тяжести и к тому, что неодушевленные предметы в космосе, по-видимому, живут своей жизнью и двигаются сами по себе. Очень мешал скафандр. Каждое движение приходилось делать с усилием, но стоило чуть-чуть расслабиться, как руки буквально норовили вывернуться из плечевых суставов. Простое действие — помещение себя в громоздкую, похожую на кресло кабину астроскафа — оказалось почти невыполнимым, и он все время промахивался.

— Передохни, — велела Коретта. — Ты пыхтишь, как бульдог на жаре. По-моему, ты рискуешь перегрузить охлаждающее устройство.

— Она права, — заметил Патрик.

— Должен... закончить... еще чуть-чуть...

Злясь на себя за неуклюжесть, Григорий схватил скобу за оба конца и сильно потянул, приостановив движение астроскафа. Теперь они крутились вместе. Чтобы преодолеть головокружение, он зажмурил глаза и тянул за скобу, пока не смог защелкнуть замок на страховочном ремне.

— Отлично, — сказала Коретта, улыбнувшись, когда он победно показал большой палец, и потянула шланги, чтобы приостановить его движение.

— Григорий в астроскафе и готов к следующему этапу, — сказала она.

— Теперь будь очень внимателен, — сказал Патрик. — Коретта, ты приготовила предохранительный трос? Один конец должен быть закреплен внутри.

— Все сделано, как ты велел, — ответила она и в последний раз дернула за нейлоновый трос, чтобы убедиться в его надежности.

— Хорошо. Пристегни другой конец к самому Григорию — к его страховке, а не к астроскафу. Потом подсоедини короткие шланги астроскафа к скафандру Григория.

— Готово.

— Ладно. Григорий, можешь повернуть селекторный клапан с позиции К на позицию АП.

Григорий неловко взялся рукой в перчатке за рычажок и с силой толкнул его. Тот не поддавался.

— Не двигается, — сказал Сальников.

— Это бывает, — голос Патрика звучал спокойно, бесстрастно. — Там могла образоваться вода и замерзнуть. Попытайся немного расшевелить рычажок.

— Ага... немного подается... чуть больше... Порядок!

— Очень хорошо. Коретта, сначала перекрой клапан на его шлангах, там у переборки, потом разъедини их.

Все было сделано очень быстро. Шланги отсоединены от корабля, и Григорий теперь полностью зависел от жизнеобеспечения астроскафа.

— Ты слышишь меня, Григорий? — спросил Патрик.

— Очень чисто.

— Теперь ты подсоединен к переговорной системе астроскафа. На внешней поверхности корпуса корабля есть антенна, которая принимает твой сигнал. Если твой сигнал ослабеет или пропадет, значит, ты оказался довольно далеко от корабля. Постоянно помни об этом и старайся не терять с нами связь. Теперь ты действуешь самостоятельно, но следи, чтобы не отсоединился предохранительный трос. С его помощью Коретта может втянуть тебя обратно в кабину в любой момент. Можешь начать движение вдоль корпуса корабля. Пользуйся страховочными захватами.

— А может быть, воспользоваться реактивным двигателем астроскафа?

— Ни в коем случае! Он сложен в управлении и требует определенного навыка. О двигателе пока забудь. Просто отнесись к астроскафу как к большому тюку, который таскаешь за спиной.

— Вас понял, иду.

— Ты захватил все инструменты, которые тебе понадобятся? — проговорила Надя, молчавшая до сих пор.

«Какой же я дурак, — подумал Патрик. — Я не способен уследить за всем, что там происходит, не могу все упомнить».

— Спасибо, Надя, — сказал он. — Я должен был бы сам помнить об этом. Резак по-прежнему в моторном отсеке, где и остальные инструменты. Однако тебе понадобится также пневматический домкрат. Коретта, пожалуйста, постарайся протянуть домкрат как можно ближе к астроскафу, чтобы Григорий мог достать.

Это оказалось не так-то просто. Коретта высунулась из люка, чтобы посмотреть, как дела у Григория; было слышно, как хрипло он дышит. Астроскаф громоздился у него за спиной. Вместо того чтобы облегчить ему передвижение в космосе, он скорее мешал ему двигаться. Конечно, веса астроскафа он почти не чувствовал, но масса осталась, и каждое неточно рассчитанное дви-

жение Григория приводило к вращению. И он выжидал, прикрепившись коротким тросом к корпусу корабля, пока не остановится кружение, затем закреплялся за новую скобу и медленно переползал дальше.

— Я у двигателя! — раздался наконец его измученный, но победоносный возглас.

— Отлично, — сказал Патрик. — Хорошенько закрепись и слушай Коретту. Она будет говорить, что ты должен делать дальше. Ты устал?

— Так... немного.

— Тогда передохни сперва. Выпей воды...

— «Прометей», говорит Центр управления полетом. Отзовись.

— Слушаю тебя, Флэкс.

— Патрик, через несколько секунд я связываю тебя с майором Куком во Флориде. Он командир «челнока», который летит за вами. Капитан Декоста — пилот.

— Куки и Ди — что ж, собирается старая компания. Мы вместе проходили подготовку.

— О'кей, это упрощает дело. Кук хочет поговорить с тобой. Тут такое дело: усиливается солнечная активность. Только что получено сообщение.

Сердце пронзил холод. Патрик понял, что спасения теперь может и не быть. Это сообщение уничтожало затеплившуюся было в его душе надежду. Но по голосу его никак нельзя было догадаться, о чем он в этот момент подумал.

— Как быстро развивается буря?

— Первый скачок в увеличении радиации уже отмечен. Очень маленький, но несомненна тенденция к росту.

— Ты можешь как-то определить временные пределы, Флэкс?

— Ребята-астрономы говорят, что трудно предсказать с какой-либо точностью. Корреляция возможна только после очередной вспышки.

— Другими словами, мы обо всем узнаем здесь первыми. Ладно, Флэкс, если будут какие-то данные о временных расчетах, передай мне. А теперь, если можно, соедини нас с мысом Канаверал.

Линия была свободна, и Патрику не пришлось долго ждать.

— Майор Кук слушает. Говорите, «Прометей».

— Я уже думал, ты так никогда и не позвонишь, Куки.

— Рад тебя слышать, Пат. Здесь со мной Ди, сидит себе, просиживает штаны в предстартовой кабине и ждет, когда начнут отсчет для нашей птички.

— Давно там ждете, Куки?

Кук поглядел на Декосту, сидевшего за столом напротив и слушавшего их разговор. Декоста, смуглый, небольшого роста человек с вечно скорбным выражением лица, услышав этот вопрос, погрустнел еще больше. Он приложил палец к виску, изобразив пистолет, и нажал на несуществующий курок. Кук, полный, крупный мужчина, больше похожий на путевого обходчика, чем на пилота, склонил голову, молча соглашаясь с ним.

— Довольно давно, — сказал он. — Загружаемся в «челнок» через несколько минут, отсчет начнется чуть раньше, но мы не будем ждать, пока закончится заправка. Хотим попасть в то «окно».

— Нам здесь тоже этого хочется, можешь мне поверить.

— Отлично. Хочу договориться о некоторых деталях вашего перехода к нам. Заранее, до стыковки. У вас есть какие-нибудь проблемы?

Патрик холодно рассмеялся.

— Ничего, кроме проблем. Двое потеряли зрение, и нас придется тащить. Кроме того, нам нужны баллоны с кислородом.

— Это не проблема. После стыковки Ди передаст их вам. Дело в том, что у нас шлюз открывается прямо в грузовой трюм. Поэтому придется открывать оба люка, чтобы он через них пробрался к вам. Их так или иначе придется открывать — все равно двоим вашим придется лететь в трюме. У нас тут только четверо могут лететь без скафандров.

— Знаю. Что ты намерен предпринять?

— Сейчас в трюме устанавливают две гравитационные кушетки. В баллонах кислорода на два часа. Мы должны приземлиться раньше.

Кук умолк. В тишине слышалось лишь тихое попискивание статического электричества. Потом снова заговорил Патрик:

— Куки, вели поставить в трюме четыре кушетки. На всякий случай. У вас грузовой трюм большой, как амбар, так что места хватит.

— Хорошо, но у нас же есть место для двоих в салоне.

— Сделай, как я сказал. Возможно, нам придется спешить. Очень может быть, нужно будет уносить оттуда ноги, так что некогда будет думать о декомпрессии в шлюзе.

— Роджер.

— А теперь давай пошевеливайся со своим драндулетом.

— Ладно, установим там четыре кушетки. Мы с Ди уже одеваемся. В следующий раз свяжусь с тобой уже с птички.

— Они ведь все знают, правда? — спросил Декоста.

— Что-то знают.

— Но что именно? Знают ли они, что мы сидим здесь в состоянии готовности с того момента, как их запустили? И что из-за бесконечных недоработок нам пришлось еще раз задержаться после их старта?

— Брось думать об этом, Ди. — Кук посмотрел в окошко на стартовую площадку. Корпус «челнока» высился перед ним, из разгрузочных люков вытекали белые струи. Как бы стоящее на трех похожих на торпеды ракетах-ускорителях крылатое тело корабля казалось маленьким. — Такая уж у нас работа, и мы прекрасно знали, на что идем. На этот раз требовались добровольцы, вот мы и раскрыли рты. Впрочем, у нас был шанс выйти из игры после того, как мы узнали, в чем суть дела. Многие считают иначе, но я верю, что заброска этой штуки на орбиту над Москвой поможет миру на Земле.

— Да, на это мы согласились. Но не соглашались сидеть и играть в картишки, когда нам нужно поспешить людям на помощь.

— Мы же летим, разве нет?

— Пожалуй, поздновато. Может быть, даже слишком поздно. Они сгорят, прежде чем мы доберемся туда.

— Заткнулся бы ты, а то как размажу твой мексиканский носище по морде.

— Нет уж, сперва я вырежу твое сердце, гринго, и поджарю его.

Обмен расовыми оскорблениями ничего не значил — они были слишком большими друзьями. Просто, переругиваясь, они пытались скрыть свои настоящие переживания. Они понимали, что из-за вынужденного бездействия «Прометею», возможно, уже поздно приходить на помощь.

Глава 41

ПВ 28:54

Как только президент покинул свой кабинет, государственный секретарь перегнулся к Дилуотеру:

— Ладно вам, Саймон, давайте я угощу вас кофе.

— Я его уже несметное количество выпил, доктор Шлохтер. Благодарю вас.

— Тогда выпейте чего-нибудь покрепче. Я как-то не заметил, чтобы вы пили что-нибудь, кроме кофе.

— Я редко употребляю алкоголь, ну ладно, может быть, немного шерри.

Они прошли мимо столика с сандвичами и кофе к небольшому передвижному бару, который вкатили сюда несколько часов назад. Бэндин явно нуждался в доброй порции бурбона и, естественно, пригласил и остальных присутствующих. Шлохтер уверенно налил Тио Пепе и чистой водки с долькой лимона для себя. Шерри он подал Дилуотеру и поднял свой стакан.

— За успех спасательной экспедиции, — сказал он.

— Да, за это я выпью. И за кое-что еще.

— Наш президент очень занятой человек, Саймон, и у него проблем куда больше, чем вы себе представляете.

— Вы вечный миротворец, доктор Шлохтер, верно? Но, боюсь, вы на этот раз не преуспеете. Я заявил, что уйду в отставку, как только космонавты снова будут на Земле. Или как только они погибнут. И президент, и генерал Бэннерман знали, что имеется «челнок», который можно отправить за «Прометеем», однако и пальцем не пошевелили. А вы тоже об этом знали?

— Нет, не знал, скажу вам честно. Но если б знал, испытывал бы такие же колебания, как и президент.

— Еще немножко, и вы заставите меня плакать от сострадания, доктор Шлохтер.

— Я понимаю, почему вы иронизируете, Саймон, и не буду спорить. Но вам бы стоило вспомнить, что у президента есть одна весьма ответственная обязанность — руководить нашей великой страной и определять ее судьбы в вопросах войны и мира. Пока оставалась хоть малейшая возможность запустить двигатели и поднять «Прометей» с теперешней орбиты, президент не осмеливался ставить безопасность нашей страны под угрозу, отменив операцию «Ку-ку». Судьбой нескольких человек приходилось жертвовать во имя жизни целого государства. В подобное положение часто не по своей воле попадают многие государственные деятели.

Дилуотер посмотрел в свой пустой стакан, потом поставил его на стойку. Единственным признаком охватившей его чудовищной усталости были углубившиеся морщины вокруг глаз. Собравшись с силами, он заговорил негромко и торопливо, чтобы Шлохтер мог его слышать:

— Мой класс теперь в Америке почти исчез, доктор Шлохтер. С раннего возраста меня учили не богохульствовать и не сквер-

нословить, и всю жизнь я следовал этому правилу. Однако бывают и исключения. То, что вы только что сказали о президенте Бэндине, — это чистой воды профанация и дерьмо. Этот человек — политический оппортунист, который пожертвует чем и кем угодно, только бы обеспечить себе переизбрание. С точки зрения морали, Никсон рядом с ним кажется мальчиком из церковного хора.

Шлохтер с серьезным видом кивнул головой.

— И все же вы приняли пост в его администрации? Зная то, что вы знали, — скажем так, зная о его моральных недостатках?

— Да, принял. Я был вынужден, как представитель либерального истеблишмента Восточного побережья, чтобы получить нужное количество голосов. Я считал, что НАСА само по себе достаточно важно, чтобы оправдать оказанную мною поддержку.

— Но что же изменилось? — Шлохтер покачал у него перед носом пальцем. — Президент — тот же, каким вы его знали. А НАСА и «Прометей» нуждаются в ваших знаниях и опыте еще больше, чем в самом начале.

— Я уже решил. И подал в отставку. Я не могу быть в составе правительства, главой которого является такой человек.

— Подумайте еще раз, ну пожалуйста. У меня был разговор с Москвой, и мы договорились, что работа над проектом «Прометей» будет продолжена, что бы ни произошло. Слишком много средств вложено, слишком велика потребность энергии...

— А Бэндину слишком нужно переизбрание.

— Именно так. Возможно, вы единственный человек, который может довести проект до завершения. — Шлохтер поднял руку, призывая Дилуотера не перебивать его. — Пожалуйста, не отвечайте сейчас. Подумайте. Мы еще успеем поговорить об этом позже. А сейчас... Кстати, это не у вас телефон звонит?

Дилуотер быстро подошел и взял трубку.

— Саймон Дилуотер слушает.

— Говорит Флэкс. Информация о ситуации на текущий момент. До запуска «челнока» осталось около часа. Подготовка идет хорошо. Солнечная активность... э... усиливается.

— Сколько у них осталось времени?

— Никто не знает в точности. Верхние слои атмосферы, безусловно, поднимутся, но насколько и как быстро, приходится только догадываться. Это может произойти и до стыковки, и сразу после нее.

— Не очень-то обнадеживающая информация. — Дилуотер заметил, что так крепко сжал трубку, что пальцам стало больно: он

заставил себя расслабиться. — Полагаю, вы держите экипаж «Прометея» в курсе?

— Да, сэр. Они продолжают работать по программе «Змеиное кольцо».

— Что? Но я думал...

— Что ее отменили? Нет, сэр. Они считают, что угроза падения корабля на Землю вполне реальна. И шансы, что их снимут до вхождения «Прометея» в атмосферу, не так уж велики. И они по собственной инициативе решили приступить к реализации программы «Змеиное кольцо».

— Но нам не следовало просить их об этом! — прошептал Дилуотер, припечатывая каждое слово ударом кулака по столу.

— Я не расслышал, что вы сказали?

— Ничего особенного. Пожалуйста, держите меня постоянно в курсе всех событий.

На высоте восьмидесяти пяти миль «Прометей» мчался по своему неизменному курсу. Под ним медленно вращался огромный голубой шар Земли. Они находились сейчас над Панамским заливом, но плотные грозовые облака не позволяли рассмотреть его. Вокруг сверкала бездна звезд, светился ясный диск Луны, во всем своем величии ослепительно пылало Солнце. Григорий старался не смотреть на него, предпочитая любоваться волшебной картиной космоса, будучи сам зрителем как бы вне времени и пространства, Божьим оком, взором существа, оторванного от мира, в котором был рожден. Там, за космической пустотой, было тепло, вода, живительный воздух планеты, частица которого сейчас спасала его от смертоносного вакуума космоса. Глядя отсюда на Землю, он видел, как она далеко, но все же чувствовал себя таким земным, как никогда прежде, пока находился над ней.

— Ну как, отдохнул, Григорий? — Голос Патрика вернул его к действительности.

— Да, мне уже немного лучше, просто устал немного, да и жарко стало.

— Ты очень много уже сделал.

— Не все. — Григорий повернулся и посмотрел на искореженные сопла. — Так, крепеж перерезан. Мне удалось с помощью домкрата отогнуть его и попасть в камеру сгорания. Теперь остается разбить лампу.

— Как ты намерен сделать это?

— У меня есть стальной прут — от крепежа. Его и использую.

— Удачи тебе.

Коретта и Надя тоже сказали ему несколько слов, он согласно покивал, слушая вполуха, но ничего не сказал. Это было последнее испытание. Металлический прут он держал в левой руке — привязать его надежно он был не в состоянии, и прут несколько мешал ему двигаться. Страховочный трос тоже сковывал движения, так что он решил открепиться, а потом с помощью одной руки прикрепиться снова. Страховочный трос свободно повис в вакууме. Здесь, у основания «Прометея», Коретта не могла его видеть, да она и не узнает ни о чем. Тем более что она держит другой конец страховочного троса и, если что, сможет подтянуть его к кораблю. Он думал, что этого не произойдет. Среди множества распорок есть за что ухватиться.

Цепляясь руками, он медленно продвигался к камере сгорания, конечной своей цели. Его со всех сторон окружали двухметровые концы труб других камер. Когда его голова показалась над открытым концом камеры, он притормозил и чуть отодвинулся назад. Отверстие зияло перед ним, как черная пасть. Слева от себя в астроскафе он нащупал фонарь, взял стальной прут в правую руку и включил свет. Светлое пятно проползло по темному брюху корабля, Григорий направил луч в отверстие камеры и буквально разинул рот от удивления.

Такого он не ожидал. То было не обгорелое, закопченное сопло, а трехметровое помещение, похожее на пещеру Аладдина. По стенкам ее тянулись гладкие блестящие полосы, вся камера сверкала отраженным светом, играющим в хрупкой кристаллической структуре кварца. И это диво все так пренебрежительно называли лампой. Камера скорее походила на ларец с самоцветами — вся искрилась, мерцала и переливалась, когда яркий свет фонаря пробегал по ее поверхности.

— Ты сумеешь разбить камеру? — спросил Патрик, голос его донесся откуда-то издалека.

Григорий вздохнул и заставил себя вернуться к реальности. Здесь был не алтарь в храме богов науки, а взрывная площадка.

— Да, смогу, — сказал он.

Держа фонарик в левой руке, он медленно просунул прут на максимальную глубину, пока не уперся в кварцевую стенку. От этого все цвета и световые брызги как бы заплясали вокруг него.

Мгновение он любовался этим зрелищем — затем ударил.

В вакууме это было похоже на странный медленный танец разрушения. Когда сталь ударила по кварцу, тот раскололся, во все стороны полетели обломки и осколки. Отверстие было с полмет-

ра шириной. Григорий засунул руку насколько мог глубоко и снова стал бить. Когда наконец заглянул в камеру еще раз, разгром был полный — он видел одни только сверкающие осколки. Григорий вытянул оттуда металлический прут, отбросил его от себя, и тот поплыл в космос, делаясь все меньше, потом совсем исчез, оставаясь, впрочем, на орбите «Прометея» и следуя у него в хвосте, хотя и невидимый в темноте.

— Готово, — сказал Григорий скорее самому себе, но это слышали и остальные.

— Тогда возвращайся, — сказал Патрик. — И немедленно.

В голосе Патрика звучало напряжение, и Григорий это заметил. Он пожал плечами. Ну и что? У всех достаточно напряжены нервы. А вдруг что-то случилось? Он уже плохо контролировал свои действия, когда отстегнул короткую страховку, оттолкнулся от борта и потянулся к скобе.

И промахнулся.

В ужасе он смотрел, как корабль проплывает мимо него, становясь недосягаемым, потом в его поле зрения вдруг возник люк, откуда высовывался блестящий шар шлема Коретты.

— Тебе не следовало так удаляться от корабля, — заметила она.

— Я не нарочно. Просто не успел ухватиться за скобу.

— Я втяну тебя...

— Стоп! — закричал Патрик. — Ничего пока не предпринимайте. Опасности нет, пока страховочный трос держит тебя. Он держит, Коретта?

— Оба конца закреплены.

— Хорошо. Опиши-ка мне точно, где именно сейчас Григорий.

— Ладно. Сейчас я вижу его хорошо. Похоже, его относит от корабля.

— С какой скоростью?

— Не знаю. Пока он весь стал виден мне, прошла одна, может быть, две секунды.

— Хорошо, очень хорошо. — Патрик мысленно произвел нужные подсчеты. — Потяни трос медленно на себя, пока он полностью не распрямился, натяжение должно быть самое малое. Когда трос натянется, тогда выбери еще ярд — очень медленно, это должно занять секунды три. Запомни: дело не в том, чтобы затащить его внутрь, а в том, чтобы придать ему нужное направление. Он не может улететь, пока трос присоединен. Худшее, что ты мо-

жешь сделать, — это подтянуть его слишком быстро, отчего он может удариться о корабль.

— Хорошо, я поняла, — сказала Коретта.

— Прекрасно. Теперь больше не тяни, просто вбирай трос, по мере того как Григорий будет приближаться к тебе.

Это страшно, но совершенно безопасно, уговаривал себя Григорий. Он все еще двигался в сторону от корабля, но в то же время — и вдоль его корпуса. Вполне логично с точки зрения физики. Первоначально он начал движение в сторону от корабля. Коретта тянула вдоль его оси. Теперь он двигался как бы по вектору этих двух сил, прочь от люка, но вдоль корабля, все время приближаясь к нему. Интересная проблема, если брать ее абстрактно. Однако когда сам висишь в открытом космосе на конце веревки...

Патрик с трудом представлял себе, что там происходит, — для принятия окончательного решения он располагал только сведениями Коретты.

— Теперь он значительно ближе, — произнесла она.

— Подожди, пока он не поравняется с люком, и сразу прекрати выбирать трос. Тогда он двинется по дуге в сторону корабля. Но осторожнее, иначе он получит слишком большое ускорение и ударится о корпус.

— Так, приступаю.

Григорий почувствовал, как его несильно потянули за страховочный трос, и увидел, что снова двигается к кораблю. Он выставил руки вперед и согнул их в локтях, тем самым самортизировав удар и тут же успев ухватиться за торчавший рядом анкер.

— Все, порядок, — с облегчением выдохнул он.

— Забирайся внутрь, — приказал Патрик, от напряжения чувствовавший страшную усталость. Он подождал, пока Григорий закрепил астроскаф и перешел в отсек, и только тогда велел ему: — Еще раз закрепи астроскаф и закрой люк.

— Зачем, к чему это? — спросил Григорий.

Ответила ему Надя, тихо произнося слова по-русски:

— Мы тут поговорили с Центром управления полетом. Есть прогноз относительно атмосферы — восьмидесятипроцентная уверенность в том, что на следующем витке, минут через десять, мы войдем в более плотные слои.

— Но это же на полтора часа раньше! На следующем витке прибудет «челнок» и нас снимут! — Он изумленно глянул на остальных, их лица были еле видны, скрытые шлемами.

— Мы знаем, — просто сказала Надя. — Наверное, нашему везению пришел конец. Через несколько минут все станет ясно.

Григорий направился к люку.

— В таком случае мне нужно вернуться назад и закончить программу «Змеиное кольцо».

— Нет, — промолвил Патрик. — На это уйдет слишком много времени. Если нам удастся пережить этот виток, тогда и будем решать. Каково полетное время?

— 33:23, — сказала Коретта.

— Еще шесть минут. И потом еще шестьдесят пять, если птичку запустят в расчетное время.

Теперь они могли только ждать. Патрику и Наде ждать в темноте было труднее.

Глава 42

ПВ 33:14

— Что там с заправкой? — спросил Декоста.

— Почти закончили, — сказал Кук.

— И тоже почти вовремя. Очень неудобно лежать в таком положении.

Оба пилота были пристегнуты к своим креслам в пилотской кабине в нормальном рабочем положении для полета. «Челнок» имел двойное предназначение — космического аппарата во время старта и нахождения на орбите и аэроплана, когда приходило время приземляться. Оба пилота сидели на своих местах, и их кресла больше напоминали те, которые устанавливают в обыкновенной открытой пилотской кабине на самолете, а не в космическом корабле. Великолепно для маневрирования и посадки, но довольно неудобно, когда корабль стоит на хвосте, нацелившись прямо в небо. Словно сидишь в кресле, которое лежит спиной на полу.

— Как там с гравитационными кушетками? — спросил Декоста в микрофон.

— Закрепляем, — донесся голос инженера.

— А ранцы для выхода в космос?

— Закрепляем на стене шлюза...

— Нет! Так не годится. — Декоста принялся отстегивать пристежные ремни.

— Ты что это делаешь? — спросил Кук.

— Спущусь вниз и сделаю как надо, черт побери.

— Да ты с ума сошел! У нас меньше двадцати минут до пуска!

— Ничего, обойдется. Такое не каждый день случается. — Говоря это, Декоста выкарабкался из кресла, повис на его спинке и отпрыгнул метра на полтора к задней стенке хвостовой кабины, которая теперь стала полом. — У нас там времени не будет. Я хочу, чтобы все снаряжение было прилажено так, чтобы без промедления можно было им воспользоваться.

Через проход в переборке он спрыгнул в трюм.

— Если вовремя не вернешься, я отправлюсь без тебя, — крикнул ему в спину Кук.

Корпус декомпрессионной камеры походил на перевернутый шкаф. Декоста раздраил люк и посмотрел через декомпрессионную камеру вниз в обширное, видимое в открытую дверь пространство грузового отсека, до его дна было по крайней мере шестьдесят футов. Монтажный кран со складной стрелой был совсем рядом с люком декомпрессионной камеры, и Декоста уперся взглядом в растерянное лицо управляющего им техника.

— Вам не полагается находиться здесь, капитан, — сказал тот.

— Вини мою матушку — она меня раньше времени родила. С тех пор на месте не могу усидеть. А ну-ка подвинься.

Декоста спустился в декомпрессионную камеру, раскачался, взявшись за край внешнего люка, и аккуратно приземлился в кабину крана, стараясь не думать, что мог промахнуться и свалиться вниз. Кабина от неожиданной тяжести закачалась, и они оба вцепились в поручень.

— Так и разрыв сердца недолго получить, — охнул техник.

— Это ранцы? — спросил Декоста, указывая на кислородные баллоны на полу кабины.

— Да, сэр. Я собирался закрепить их...

— Забудь про это, мы сделаем лучше. Спусти нас вниз.

Стрела медленно поплыла над грузовым отсеком с широко разинутыми пастями открытых дверей. Обычно этот грузовой коридор, похожий на трубу, шестидесяти футов длиной и пятнадцати шириной, заполнял либо технический груз, либо оборудование для научных экспериментов, намертво принайтовленное. Или спутник, вроде того, что только убрали отсюда. Единственным грузом сейчас была одна-единственная пластина, плотно закрепленная сразу же за кабиной. К ней были грубо, хотя и прочно, приварены четыре гравитационные кушетки. Сейчас только надежность, впрочем, и имела значение.

— Давай до самого дна, — сказал Декоста, показывая пальцем. — До последнего зажима на конце манипулятора.

Дистанционное плечо манипулятора дотягивалось до конца грузового отсека; это была коленчатая труба пятидесяти футов длиной. Для своей длины она казалась невероятно тонкой, и моторы в ее коленах способны были сейчас лишь с трудом передвигать ее собственный вес, поскольку годились только для операций в космосе, в невесомости, когда не действует гравитация. На самом конце манипулятора находился похожий на челюсти механизм, предназначенный для захвата грузов и их подъема. Декоста смотрел на него и лихорадочно думал, думал о том, как может сложиться ситуация в космосе.

— Эй, капитан, — окликнул его техник с соседнего крана, имевший на голове наушники и микрофон. — Майор Кук говорит, у вас осталось только пятнадцать минут.

— Знаю, знаю, — ответил Декоста, он и без этого взмок от напряжения. — Давай сгружать ранцы здесь, в самом низу.

Декоста выпрыгнул на круглую платформу и принял у техника тяжелые кислородные баллоны, поставив их в ряд у своих ног.

— У вас нет какой-нибудь нейлоновой веревки?

— Есть. Белая и красная...

— Дай-ка мне белую.

Стараясь действовать как можно быстрее, он привязал ранцы один подле другого к вделанным в металл крепежным кольцам, используя один конец веревки и поочередно пропуская его вокруг каждого из баллонов, а потом закрепляя. Достаточно будет потом разрезать веревку в одном месте, и она больше не будет держать их.

— Нож.

Техник подал ему тяжелый карманный нож. Большим лезвием Декоста отрезал веревку, потом взял кусок красной и быстро пропустил ее через зажимы на каждом ранце, связав их вместе. Затем залез обратно в кабинку.

— Давай к тому концу манипулятора.

Кабинка поднялась, и он отпустил красную веревку, позволив ей свободно раскручиваться.

— У нас осталось только восемь минут! — сообщил ему связист. — Сколько вам нужно, чтобы закончить последнюю проверку и задраить все люки?

— Уже почти все. — Декоста привязал свободный конец веревки к последнему кольцу манипулятора. Потом отрезал еще короткий кусок и привязал им нож сантиметрах в тридцати рядом.

— Послушайте, но это же мой ножик! — возмутился техник.

— Ему предстоит космическое путешествие. Подайте счет администрации. А теперь быстро выбираемся отсюда.

Наконец кабинка крана зависла над самой декомпрессионной камерой. В тот же момент начали медленно сдвигаться внешние створки люка, ведущего в грузовой отсек. Декоста поставил одну ногу на перила кабины, техник поддерживал его, и ему удалось дотянуться до суживающейся щели и ухватиться за край. Опершись ступней на плечо застонавшего техника, он подтянулся на руках и нырнул в декомпрессионную камеру за мгновение до того, как люк у него за спиной захлопнулся.

— Поднимайся сюда немедленно! — заорал ему Кук. — Боже, до пуска две минуты. Я не могу ждать!

— Иду... — Пилот перевел дыхание, закрыл и задраил люк, а потом, быстро перебирая руками и ногами по металлическим выступам в стене, поднялся в кабину. Подняв голову, он, тяжело дыша, смотрел в напряженное лицо Кука.

— Тридцать секунд! — заорал Кук. — Насосы работают, вот-вот включится зажигание, пристегивайся, черт побери, пристегивайся!

Декоста из последних сил втиснулся в кресло, схватил концы привязного ремня — и тут заработали двигатели.

С ревом выбрасывая потоки пламени, космический «челнок» оторвался от земли и стал набирать скорость.

— «Челнок» стартовал, — сказал Флэкс, обращаясь сразу ко всем четырем на борту «Прометея». — Двигатели работают одну минуту.

Патрик летал на «челноке» не один раз, так что отлично представлял себе, что там происходит. Первое включение двигателей, мощный рывок вперед благодаря ускорителям, работающим на твердом топливе. Три минуты ускорители работают вместе с двигателями. Потом сто шестьдесят миль снижения скорости до точки выхода на орбиту...

— Отключение ускорителей, отделение...

Две огромные трубы, теперь пустые, разлетелись в разные стороны и стали падать обратно, в Атлантический океан. Затем резко щелкнули парашюты, и ускорители медленно опустились туда, где их поджидали суда-перехватчики. Но корабль все еще продолжал подъем, все еще всасывал последние капли топлива из внешнего бака — он еще не вышел на орбиту. Случись любая неполадка, и им придется падать на Землю. С ускорением они не справятся. Что же все-таки происходит?

— Птичка, я вас не слышу... так, все в порядке. Роджер. Отделение внешнего бака!

Двигатели еще работали, бак отлетел в сторону, чтобы потом сгореть в атмосфере. Корабль набирал высоту, нацеливаясь на выход на орбиту. Полет по намеченной траектории...

— Что это? — закричала Коретта. — Что-то горит там, за иллюминаторами.

Не успела она договорить, как их затрясло, заколотило, казалось, вибрировал сам космос.

— Мы вошли в более плотные слои атмосферы! — воскликнул Патрик. — И теперь...

Режиссер программ телевидения, глядя на экран своего монитора, что-то горестно бормотал про себя. Из чего тут выбирать? Совершенно не из чего! В кадре на втором мониторе был Вэнс Кортрайт с его идиотским голосом. На первом шла передача из Центра управления полетом, все были безумно заняты у пультов, и это длилось уже бог знает сколько часов, причем без звука — Флэкс снова выключил звук. Забудем — зрители достаточно на это насмотрелись. Третий монитор показывал конференцию с писателем-фантастом, специалистом по космическим полетам, готовым в который раз пуститься в пространные объяснения. Режиссер уже отснял многие километры пленки, пожалуй, довольно, особенно сейчас, когда все идет к чертовой матери. Четвертый монитор был пуст и готов к любой передаче. Только что прокатили мультипликационный фильм о запуске «челнока», но теперь, когда настоящий «челнок» на орбите, подобный показ неуместен. Режиссер, подумав, все-таки включил Кортрайта.

«...драматические события последних часов близятся к завершению. Однако сомнений по-прежнему немало: стыковка еще не произошла. Двигатели обоих кораблей сейчас включены, так как производятся последние расчеты, которые не могут иметь ошибку больше чем на одну тысячную процента. Дело в том, что корабли находятся на разных орбитах, на разных высотах и двигаются с разными скоростями. Когда «челнок» вновь запустит свои двигатели, последует финальная и весьма драматическая встреча, которой ждет каждый человек на Земле. Отважный экипаж «Прометея» отдал немало сил, а некоторые космонавты — и свои жизни, чтобы приблизиться к этой точке во времени и пространстве. Было бы вопиющей несправедливостью, если бы в этот последний миг у них отняли и победу, и саму жизнь, ибо они

наконец близки к завершению своего трагического полета. Они выходят на последнюю орбиту...»

— Запускай мультфильм о горящем «Прометее», — сказал в свой микрофон режиссер, и, как только появилась картинка, он наложил на нее голос Кортрайта.

«...на этой высоте дышать воздухом невозможно, он сильно разрежен, как внутри электрической лампочки. Но при неимоверной скорости — пять миль в секунду, восемнадцать тысяч миль в час — даже этот разреженный воздух будет для «Прометея» подобен мощной стене. — Рисованная ракета начала накаливаться, от ее носа полетели искры. — И от трения он в конце концов загорится...»

Кортрайт запнулся, у него вдруг расширились глаза, и он сильнее прижал к уху миниатюрный наушник. Когда он заговорил снова, то было видно, что он потрясен, от усталости не осталось и следа.

«Это случилось, боже мой! Только что «Прометей» сообщил о входе в более плотные слои атмосферы, и после этого их сигнал пропал. Мы знаем, что раскаленная, ионизированная атмосфера мешает связи, может быть, дело только в этом. Или же с ними произошло самое худшее... и в конце концов наступил тот самый ужасный момент, которого мы все так боялись. Может быть, это конец. И, если это действительно так, мы можем лишь сказать, если они и погибли, то не напрасно. Потому что благодаря их усилиям до самого последнего момента этот гигант удерживался на орбите, и сейчас он несется где-то над пустынными просторами Тихого океана. Если даже он свалился сейчас на Землю, никто внизу не пострадает, и трагедия Коттенхэм-Ньютауна не повторится...»

— Здорово, честное слово, здорово, — хихикал про себя режиссер, потирая руки. — Они вошли в атмосферу как раз во время показа схемы такого пожара. Ничего себе подгадали!

— Я не знаю, — сказал Флэкс. — Клянусь богом, просто не имею ни малейшего представления.

— Я понимаю, мистер Флэкс, и в самом деле ценю вашу позицию. — Дилуотер чувствовал усталость и боль в его голосе и понимал, что спрашивать Флэкса больше нельзя и нельзя на него давить. — Эта линия будет подключена, я сам буду стоять рядом и вместе со всеми ждать каких бы то ни было известий. Мы будем молить бога, чтобы вести оказались добрыми.

Дилуотер медленно повесил трубку и оглядел кружок смотревших на них людей.

— Больше пока ничего не известно, — сказал он.

— Они должны знать! — вскричал президент Бэндин. — Восемь миллиардов вложено в оборудование, а они не могут найти решения? Они что, не могут просто посмотреть в свои телескопы?

— Они делают все технически возможное. Через минуту-другую мы будем знать, что именно происходит.

Бэннерман подошел к большому столу-планшету, где красной точкой помечено было местоположение «Прометея» в момент последнего сеанса связи.

— Лучше, если бы они это узнали поскорее. Если эта штука упадет сейчас, то это произойдет над океаном. Но если она останется на орбите еще несколько минут, то свалится прямо на Лос-Анджелес.

Все смолкли. Не было слов, чтобы передать те чувства, которые возникли в преддверии столь невероятной, но вполне возможной трагедии.

— Ничего, — произнес Кук. — Пока еще ничего. — Он взглянул на космос, на звезды, ничего перед собой как бы не видя.

— Они не могут сгореть, не могут, когда мы совсем рядом! — сказал Декоста. Он расстегнул привязной ремень и, оттолкнувшись ногой, выплыл из кресла. — Я надеваю скафандр.

— Не знаю, будет ли у тебя возможность воспользоваться им.

— Ты думаешь, я это знаю? — В голосе его звучали горечь и злость. Он отпер шкафчик и вытащил скафандр. — Знаешь, это все равно что постучать по дереву. Так делают даже те, кто вовсе не суеверен. Я надеваю эту штуку и собираюсь ею воспользоваться, слышишь?

— Знай наших, львенок, — Кук попытался пошутить, улыбнуться, но у него это плохо получилось. Он включил передатчик: — «Челнок» вызывает Центр управления полетом. Вы слышали...

— Пока ничего нового, — сказал Флэкс. — Прости, Кук, пока ничего. Продолжаем работать по программе, вам предстоит включить двигатели примерно через двадцать минут.

— Роджер. Связь окончена.

Флэкс забыл про усталость, забыл про все на свете. Нужно же, чтобы все закончилось именно так, когда до спасения рукой подать. Он посмотрел на счетчик времени. Меньше часа до сближения...

— ...что-то слышим...

Голос из динамика встряхнул всех, как марионеток на нитках, все разом повернулись к радиоприемнику, который шипел и хрипел от помех. Наконец до них донеслись еле различимые слова:

— ...в... управления полетом... примите... «Прометей»...

Глава 43

ПВ 33:34

— Все кончилось, — сказала Коретта. — Огонь, горящие обломки, их больше нет.

— Уже минут пять как нет, — кивнул Патрик. — Теперь все мы на последней орбите.

— Что ты хочешь сказать? — поинтересовалась Коретта.

— Мы были в перигее, самой близкой к Земле точке нашей орбиты, когда зацепили атмосферу. Еще немного, и мы просто сгорели бы. А мы лишь слегка ее задели, чиркнули, как голыш по воде, и оторвались. Теперь мы с точностью почти до минуты знаем, сколько времени у нас осталось. При следующем перигее мы упадем. Так что чуть больше часа. — Патрик пошарил вокруг себя и включил переговорное устройство. — Центр управления полетом, говорит «Прометей». Мне необходимо связаться с «челноком».

— Роджер, Патрик. Я слушаю.

— Как твоя птичка, Куки?

— О'кей, все в полном порядке.

— Когда рассчитываешь встретиться с нами?

— Минут через сорок.

— Нормально, если вы успеете вовремя. Должно хватить времени на стыковку и на переход к вам. Хорошо бы ты сумел взять нас уже при первом заходе.

— Постараюсь, Пат. Сделаю все, что в моих силах.

— Не сомневаюсь, Куки. Связь закончена.

Надя подождала, пока закончится сеанс связи, и спросила:

— Есть ли у нас время для декомпрессии и подготовки к эвакуации до момента стыковки?

— Да, времени более чем достаточно, — сказал Патрик.

— Пожалуйста, вы не могли бы... мои глаза... Мне что-то мешает... даже больно немного...

— Тебе следовало сказать об этом раньше. Григорий, загерметизируй пока, ты знаешь, где контрольные кнопки. — Патрик нащупал соседнее кресло и дотронулся до Надиной руки, погладил ее по плечу, крепко сжал пальцы, поняв, что про нее они забыли, что она старалась не отвлекать их, пока все были так заняты. Ослепшая, закованная в броню скафандра, совершенно безропотная.

— Прости нас, — сказал Патрик.

— Не говори глупостей. Ты сделал для нас все возможное.

— Герметизация завершена, — оповестил Григорий, расстегивая и снимая шлем. После застоявшегося внутри скафандра запаха собственного тела даже консервированный, бедный кислородом воздух кабины казался восхитительным. Коретта уже сняла свой шлем и теперь помогала Наде.

— Сейчас я сменю повязку и сделаю тебе укол, — приговаривала она.

— Я не хочу спать, — голос Нади прозвучал неожиданно резко.

— Не беспокойся, милая. Только чуть-чуть, чтобы снять боль. И Патрику тоже.

Она уверенно взялась за дело — Григорий не сводил с нее глаз. Ему, блондину, ее густые темные волосы казались прекрасными. И кожа — смуглая, теплая, нежная... Она не походила ни на одну женщину из тех, кого он встречал раньше. Ему хотелось наклониться и поцеловать ее в шею, прямо над жестким воротником скафандра, но мешать было нельзя. И он уставился на часы, отсчитывающие полетное время, потом — через иллюминатор во тьму.

— Когда Коретта закончит, нам придется снова разгерметизироваться. Я должен выйти и завершить программу «Змеиное кольцо».

— Нет! — Коретта похолодела от его слов и повернулась к нему. — Нам теперь это не требуется... они же совсем близко.

— В любом случае наш корабль должен быть уничтожен полностью. Ради людей на Земле.

— Но ты же слышал: Центр управления считает, что «Прометей» упадет в океан...

— Этого недостаточно. Вероятность, что он упадет, например, в Калифорнии ничуть не меньше. Я не могу допустить, чтобы эта вероятность стала реальностью.

— Боюсь, у нас нет выбора, — произнес Патрик. — Мы сделали все, что было в наших силах, и ты вряд ли в состоянии довести программу до конца. Вполне вероятно к тому же, что астроскаф снесло. А без него ты не сможешь снова добраться до двигателей.

— Об этом я не подумал! — сказал Григорий. Он резко повернулся, неуклюже замахал руками и ногами, стукнулся о стенку у иллюминатора, потом выровнялся и прижался лицом к холодному стеклу. Видна была только внешняя сторона крышки люка. Больше ничего. — Его снесло, — сказал он устало. — Так что об этом нечего и говорить.

Коретта переломила пополам шприцы одноразового использования, сунула в накопитель отходов и бросилась к нему. Однако поспешила, забыв про невесомость, так что ей пришлось покрепче ухватиться за него, чтобы не удариться. Она так и не выпустила его руку.

— Почему ты так горюешь? Мы ведь сделали все, что смогли. Нас не в чем упрекнуть.

Он напряженно всматривался в забинтованные лица пилотов, и на его лице отражалась головная боль. Когда он заговорил, то только она смогла расслышать его тихий шепот:

— Я хотел сделать все как следует, это было так важно. Посмотри на них, они же ослепли, и, наверное, навсегда. В этом виновата моя страна, и мне так стыдно. Я полагал, что как-то смогу... возместить ущерб, если все сделаю как надо. Если уничтожу угрозу человечеству.

— Но ты же слышал: это ведь не Советский Союз выстрелил по «Прометею». Это какой-то один безумец...

Григорий криво усмехнулся.

— Ты совсем ребенок, дорогая! Ты очень красивая женщина, но все равно сущий ребенок. В моей стране таких несчастных случаев не бывает. Все было решено заранее, а потом нашли козла отпущения...

— Козла? Но я верю, верю всему, что ты говоришь. Хотя теперь ты уже бессилен что-либо изменить — так что лучше выбрось это из головы. Если только этот «челнок» не опоздает, мы все останемся живы и успеем вернуться в штат Флорида как раз к обеду.

Она смотрела своими широко открытыми темными глазами прямо в его голубые глаза, потом наклонилась и поцеловала в губы. Металлические кольца их скафандров звякнули, и ей пришлось слишком сильно тянуться, чтобы достать до его рта. Они могли бы показаться смешными — две толстые неповоротливые фигуры, запеленутые в металл и пластик, — но смешными они не были. Он тоже поцеловал ее, глазами сказав ей больше, чем можно сказать словами.

— Полетное время? — спросил вдруг Патрик.

— 34:23, — ответила Коретта, отстраняясь от Григория.

— Пора. Надеть шлемы. Григорий, проверь, чтобы все закрепились. Сейчас «челнок» будет делать заключительный заход.

— «Прометей», вы у меня на электронном определителе расстояния, идем на сближение, — произнес Кук.

— Ждем вас. Наш люк открыт, и мы готовы.

— Двигатели выключены, и мы сближаемся со скоростью сто двадцать футов в секунду.

— Вот они! — воскликнул Декоста, когда на экране возник «Прометей». Кук кивнул, руки у него лежали на пульте управления. — Вы теперь у нас в поле зрения, похоже, мы над вами и чуть сбоку. Ваш спасательный модуль закрыт тенью от грузового отсека, поэтому я не уверен, попадем ли мы в створ.

— Мы внимательно следим за вами. Подходите точно. Створ расположен приблизительно в тридцати градусах от вашей теперешней орбиты.

— О'кей, Пат. Я еще немного поднимусь и поверну, тогда стыковка будет проще пареной репы.

Конечно же, это было далеко не так. Кук знал, что ему совершенно необходимо попасть точно в створ с первого же захода — ведь второго не будет. Точно, обязательно точно. Остается 2727 футов, скорость сближения 19,7 фута в секунду. Он включил реактивные тормоза. 1370 фута, 9,8 фута в секунду. Космический корабль постепенно вырастал, становился все ближе.

— Им повезло, что грузовой отсек у них на носу, — сказал Декоста. — Весь к чертовой матери сгорел. Но уж лучше он, чем они. — Он включил кислород, затем надел шлем. — Радиосвязь о'кей? — спросил он.

— В порядке.

— Я открываю люк.

Он нырнул головой вперед и ухватился за ручку герметизации шлюза. Оказавшись внутри шлюза, он задраил люк и повернул колесо замка. Давление стало падать, и наконец замигал красный огонек декомпрессии. Внешний люк открылся без труда, рядом с ним находился пульт управления грузовым выходом. Декоста осветил пульт фонарем и включил механизм, открывающий люк. Возникшая внизу полоса света становилась все шире по мере того, как огромные створки люка начали расходиться в стороны. Свет хлынул потоком, и он увидел основание телеуправляемого манипулятора всего в каком-то ярде от себя. Он ухватился за не-

го и скользнул на дно похожего на колодец трюма. За все это время он позволил себе всего лишь раз взглянуть на «Прометей».

Корабль находился не более чем в сотне ярдов и плавно приближался. Исполинский, покрытый шрамами цилиндр в двести пятьдесят футов длиной. Модуль экипажа все еще скрывался в тени грузового отсека, но Декоста знал, что они там и ждут его.

— Поехали, — сказал он, взявшись за рабочую часть манипулятора. Нож был именно там, где он его оставил, — свободно плавал на конце веревки. Он осторожно протянул руку и взялся за рукоятку, потом лезвием перерезал узел на веревке. Даже из-за столь слабого толчка он пролетел несколько метров до того места, где находились ранцы для выхода в космос, подобрал конец белой нейлоновой веревки и стал вытягивать ее петля за петлей.

Когда конец веревки с узлом был отрезан и уплыл в космос, он привязал нож к красной веревке, скрепив ею же и четыре баллона с кислородом, затем тем же путем вернулся к пульту управления манипулятором. Только теперь он позволил себе выглянуть наружу.

«Прометей» был на месте. Не более чем в пятидесяти-шестидесяти футах, закрывая собой все небо. Иллюминаторы были освещены, свет исходил также из открытого люка, где он отчетливо различал шлемы космонавтов.

— Я готов, — сказал Декоста.

— Соединяю с «Прометеем», — ответил Кук.

— Вас вижу, — сказал Декоста, поворачивая ручку манипулятора.

— Что мы должны делать? — спросил Патрик.

— Передаю вам кислородные баллоны, они на конце крана. — Длинная трубка манипулятора поднималась все выше и выше, вытягивая за собой привязанные красной веревкой баллоны. — Попытаюсь вас не шарахнуть, но они здорово болтаются. Хватайте их сразу. К ним там нож привязан, чтобы веревку перерезать.

Экипажу «Прометея» оставалось только ждать у открытого люка, но двое все-таки видели долгожданный «челнок», придвигавшийся все ближе к ним. Он был похож на огромный самолет, но эта иллюзия пропала, когда борт стал медленно наплывать на них. Затем он вытянулся почти точно вдоль «Прометея», широко распахнув люки, и тоненькая стрела манипулятора потянулась к ним; на конце у нее свободно плавали кислородные баллоны.

— Что происходит? — спросил Патрик, сердясь на себя за это.

— Извини, — сказала Коретта. — Совсем забыла. Какая-то

длинная штука движется к нам, на ней висят баллоны, которые вовсю раскачиваются и крутятся. Вот, остановились...

— «Прометей», вы можете дотянуться до них?

— Нет. — Григорий не доставал. — До них по меньшей мере два метра.

— Я уже выдвинул манипулятор на полную длину.

— Сейчас я подойду поближе, — откликнулся Кук.

Из сопла вырвался короткий огненный плевок, и «челнок» придвинулся боком, став неимоверно большим.

— Достаточно! — крикнул Григорий, когда стало казаться, будто длинная стрела манипулятора вот-вот проткнет «Прометей». — Я теперь могу до них дотянуться. Коретта, держи меня за ноги.

Григорий вытянулся вперед, вися над бездной. Коретта одной рукой держала его за щиколотки, другой ухватилась за край открытого люка, затаив дыхание, глядя, как он пытается достать гроздь кислородных баллонов.

— Готово!

Быстрый взмах ножа, и Коретта втянула Григория в люк «Прометея».

— Сначала надень свой ранец, — велел ему Патрик, — отключись от здешнего питания. Потом поможешь нам.

Григорий ловко проделал все это и, когда прилаживал баллон Патрику, руки у него не тряслись, движения были уверенными. Коретта долго возилась сперва со своим баллоном, потом помогала Наде и, наконец обернувшись, увидела только три фигуры в скафандрах.

— Григорий?

— Я снаружи, направляюсь к двигателям. Нужно было бы тебе помочь, но осталось всего десять минут. Я уже включил подачу водорода. У вас времени хватит, а у меня его очень мало.

— Что ты делаешь? — закричала она, зная ответ наперед.

— Заканчиваю «Змеиное кольцо». А вам немедленно нужно покинуть «Прометей».

— Начнем, — сказал Декоста. — Всем взяться за конец манипулятора, чтобы я мог втянуть вас внутрь.

— Ты не обязан делать это, — быстро сказал Патрик.

— Знаю, спасибо, но я должен.

Коретта помогла Наде встать и подтолкнула ее к люку.

— Раскрой ладонь, — сказала Коретта. — Чувствуешь, я вкладываю в твою ладонь веревку? Быстро сожми ее.

— Да, помоги мне чуть-чуть, пожалуйста, а потом займись Патриком.

Коретта помогла Патрику выбраться через открытый люк к манипулятору, где их ждала Надя, плавая вниз головой, с растопыренными вверху ногами.

— Мы все здесь, — сказала она, ухватываясь за скобу на конце манипулятора.

— Держитесь крепче, я начинаю втягивать вас.

Раскачиваясь, они удалялись от люка «Прометея», и Коретта наконец снова увидела Григория. Он возился неподалеку от двигателя, поглощенный попыткой оторвать уже частично оторванную пластину обшивки.

— Григорий... — начала было она, но больше слов не находила.

— Служить с вами... было на редкость приятно, — откликнулся Григорий, он тяжело дышал, пытаясь совладать с куском обшивки. — Большое вам спасибо за эту возможность...

— У нас остается меньше пяти минут, — предупредил Кук, его слишком спокойный голос куда лучше свидетельствовал о чудовищном напряжении, чем любой истерический надрыв.

— Нам нужен свет. Я закрою люк, как только они пристегнутся, — сказал Декоста.

— Я могу начинать движение и с открытыми дверями. Дай мне только знать, когда все закрепятся.

Длинная стрела манипулятора двигалась медленно, тяжело прогибаясь посередине, похожая на длинную ногу какого-то гигантского насекомого. Наконец она донесла свой живой груз к поджидавшим людей гравитационным кушеткам и остановилась. Едва Декоста успел остановить манипулятор, как сразу обратился к космонавтам:

— Один из вас зрячий, извините, не знаю, кто именно, так что может пристегнуться сам. Я же закреплю двух других.

Коретта ощупью нашла кушетку и стала пристегиваться, а Декоста попытался удержать чью-то вырывающуюся руку в перчатке.

— Не волнуйтесь, я о вас позабочусь, — приговаривал он, видя сквозь стекло шлема слепые глаза в бинтах. Рука перестала вырываться, и он втиснул человека в скафандре на место, прижал и щелкнул ремнем. Затем уложил на кушетку третьего космонавта. Четвертая кушетка осталась пустой.

— Я теперь должен убрать манипулятор, чтобы закрыть люк, — пояснил Декоста.

— Вы готовы к началу ускорения? Мы уже достигли нуля. В любой момент теперь... — Голос Кука был напряженным, жестким.

— Отставить. Еще несколько секунд. Манипулятор убран. Люк задраиваю, сам я пристегнут... Давай!

Григорий отчетливо слышал в своих наушниках все, что говорят на «челноке». Ему наконец удалось отодрать пластину, и он на мгновение повернул голову, чтобы оглядеться. «Челнок» выбросил в космос длинные языки пламени и двинулся с места.

— Прощайте, — сказал Григорий и, светя перед собой фонарем, полез внутрь «Прометея». Ответили они ему или нет, он так и не узнал, потому что здесь радиосвязь прервалась. Свет фонаря скользил по рядам пластиковых труб.

— Точно по инструкции, — сказал он громко. Он много раз перечитывал программу «Змеиное кольцо» и знал ее наизусть. — Разрежем трубы этим прекрасным ножом, доставшимся мне с «челнока». — Он вынул нож и стал перепиливать неподдающийся пластик, пропилил его и увидел внутри губительные гранулы уранового топлива. — Уран-235, исключительно смертоносен. — Он улыбнулся, понимая, что теперь ему совершенно не страшно. — Интересно, однако... — заметил он. — Жаль, не смогу сказать об этом полковнику Кузнецову. Впрочем, может, и смогу, если церковь права, а коммунисты ошибаются. Мне очень хотелось бы сказать полковнику, что мужество свойственно не только его поколению.

Пластиковая трубка снималась совсем легко. Он стянул сколько было нужно по инструкции, удостоверившись, что обрезанный конец выходит в дыру в обшивке. Затем двинулся вперед, толкая перед собой урановый жгут, вытягивая его за собой в сторону оторванного сопла. Капельки газа, замерзавшие тотчас же, как вылетели наружу, постепенно превращались в тянувшийся за кораблем хвост, как у кометы.

— Теперь это может оказаться опасным, — пробормотал Григорий, стараясь не касаться этого потока. — Нужно все сделать безошибочно и абсолютно точно с первого раза.

Добравшись до нужного места, он осмотрелся и в испуге заметил, что от корабля отрываются горящие куски и уносятся прочь.

«Прометей» вошел в атмосферу. Оставались считанные секунды.

Григорий затратил одну секунду, чтобы пристегнуться страховочным тросом к кораблю. Сейчас он должен иметь обе руки свободными. Пластиковая трубка была довольно жесткой, но все-таки сгибалась под его руками, он свертывал из нее шар, тяжелый, килограммов двадцать пять или больше. Он понимал, что уже мертв, умер многократно, весь пропитан радиацией. Но для

критической массы урана было пока недостаточно. Водород должен сперва замедлить реакцию, а потом удержать частицы, чтобы масса стала критической и двигатель превратился в атомную бомбу.

— Да, — сказал он, — теперь время.

Держа перед собой тяжелый шар, он двинулся к двигателю и заглянул в него. Солнце было у него за спиной и заливало камеру ярким светом.

Зрелище было захватывающим. Водород непрерывно накачивался туда уже в течение нескольких минут. Сначала он превращался в газ, но при этом охлаждал кварцевые стенки камеры, постепенно переставая менять свое состояние. Теперь камера была доверху наполнена светлой прозрачной жидкостью, с температурой двести пятьдесят градусов ниже нуля. Поскольку водород продолжал поступать, на открытом конце камеры образовались шаровидные частицы, которые медленно отплывали в сторону, касались стекла на шлеме Григория и, превращаясь в газ, рассеивались вокруг.

Он долго смотрел в этот промерзший резервуар, потом вывалил в него шар урана. Шар был тяжелым, пришлось его подтолкнуть, чтобы он погрузился скорее. Шар тут же окутался непрерывно возобновляющимся облаком газа, потому что водород закипал, оказавшись вблизи теплого металла. Газовое облако сперва не давало жидкому водороду окутать урановый шар, не давало начаться цепной реакции.

Но это продолжалось недолго. Металл остыл, и жидкая масса водорода окутала его.

Стянутая ремнями, всем телом сопротивляясь сжимавшим ее путам, Коретта видела, как сверкающие формы «Прометея» становились все меньше, сжимались, обрамленные рамками сдвигающихся створок люка, мелькнули в последний раз и исчезли. Люк захлопнулся.

— Мы по меньшей мере в сорока милях от «Прометея», — сказал Кук, и каждый слышал его голос.

— Набираем высоту и... Боже!.. — Он на секунду умолк. Потом снова заговорил: — Мы уходим в другую сторону. Благодарение богу. У вас все там в порядке? Вспышка, взрыв. Никогда в жизни не видел такого взрыва. Гигантская вспышка, и она все время росла. Что бы там ни произошло на «Прометее», удара по Земле не будет. Теперь Земле ничто не угрожает.

Внутри грузового трюма была абсолютная тьма, одинаковая и для Коретты, и для ослепших пилотов.

— Прощай, Григорий, — тихо промолвила она в темноту.

Глава 44

— Скорость — триста узлов, — сообщил Декоста.

— Неплохо, — сказал Кук. — Делаю последний разворот перед выходом на планирующую траекторию. Выпустить шасси.

Декоста перебросил тумблер и молча наблюдал, пока не замигал зеленый свет.

Все Восточное побережье было закрыто облаками, над Флоридой нависли сплошные тучи. Они видели их еще из космоса, потом облака придвинулись ближе, и они оказались в сплошной облачности. Их не волновало то, что они летят вслепую: их вел компьютер. Они как бы следовали по невидимой магистрали, проложенной для них в небесах, по прочерченной на экране трассе, которая руководила каждым их шагом. Когда «челнок» вырвался наконец из-под нависших над самой землей туч, перед ним сразу открылась отмытая дождем взлетно-посадочная полоса. Кук управлял машиной, едва прикасаясь к штурвалу, глядя вперед сквозь поднимавшиеся над носом корабля клубы пара, в которые превращался дождь, попадая на кремниевые плитки, которыми покрыт корпус, все еще раскаленные после температуры 2400 градусов, которые им пришлось выдержать при прохождении через атмосферу.

— Земля, — сказал Кук, когда тяжелые шины ударились о мокрый бетон.

Декоста отстегнул ремень и встал.

— Пойду присмотрю за пассажирами, — сказал он.

— Сразу доложи.

Декоста спустился на среднюю палубу и оставил открытым внутренний люк, ведший в грузовой трюм, погруженный в темноту. Он увидел, что кто-то из космонавтов сидит, выпрямившись и держась руками за шлем.

Коретта выгнулась, отстегивая шлем, стащила его и несколько раз вздохнула в себя влажный воздух.

— Чувствую запах моря, — промолвила она, потом подняла руку, закрывая лицо. — Господи, вы не можете убрать свой чертов фонарь?

— Извините. Все в порядке?

— Будет в порядке, когда мы снимем с них шлемы. Помогите-ка мне.

Корабль замедлил свой бег, качнулся, когда включились тормоза, и замер на месте. Как только сняли шлем, Патрик прижал руки к бинтам на глазах, потом привстал и повернулся в сторону Нади. Но не произнес ни звука, казалось, всем им нечего друг другу сказать.

— Сейчас вернусь, — сказал Декоста, направившись к выходу.

— Эй, оставь фонарь! — крикнула ему вслед Коретта. — Или включи свет здесь.

— Здесь нет света. Пойдемте лучше в другой отсек.

Пол дернулся, когда трактор стал медленно стягивать ракету со взлетно-посадочной полосы.

После пребывания в невесомости они двигались неуклюже и охотно принимали помощь пилота. В скафандрах было жарко и тяжело, и они сняли их перед входом в отсек, но ноги и руки все равно слушались плохо. Все молчали; просто сидели, пока движение не прекратилось и не открылся внешний люк.

Только услышав бурные овации, они поняли, что их полет наконец завершен.

— Там, на ваших экранах в центрах, леди и джентльмены, вы можете видеть, как они выходят из корабля, — они кажутся маленькими отсюда, но сколь велик их вклад в историю человечества. Вот машина «Скорой помощи», они входят в нее, нет, смотрите, они остановились. Повернулись. Доктор Коретта Сэмюэл что-то говорит, нам не слышно, там нет микрофона. Вот она садится следом за остальными в машину, и двери закрываются. Итак, космическая одиссея закончена. Через минуту мы встретимся с майором Куком и капитаном Декоста, пилотами спасательной экспедиции...

В Центре управления полетом одна за другой гасли приборные доски, в последний раз вспыхнули огоньки, стрелки приборов застыли на нуле. По телевизору шла передача коммерческого канала: показывали, как экипаж «Прометея» садится в «Скорую помощь». Голос диктора гулко раздавался в безмолвном зале. Флэкс взглянул на экран, потом вниз на зажатую в руке большую сигару — символ победы. Раскурить ее и выкурить до конца. Он медленно сжал пальцы, сигара раскрошилась, листья табака комочками посыпались на пол.

Трое вернулись, это уже кое-что. Выхвачены из огня в самый последний момент. Но двое из них, отличные пилоты, потеряли зрение, может быть, навсегда, и это они спасли мир от ужасной катастрофы. «Прометей» рухнул бы прямо на Сан-Франциско. Этот русский оказался настоящим героем...

Мысли Флэкса замедлялись и путались, по всему телу растекалась усталость. Усталость брала свое, проникая всюду, и скоро, казалось, не осталось места, не захваченного ею.

Он грузно осел в кресле, медленно заскользил по холодному пластику, съехал под стол.

— Боже мой, — воскликнул кто-то из техников. — Флэкс! Врача, скорее!

Они положили его на полу, в проходе, расстегнули воротник и ремень. Кто-то бросился к выходу, чтобы привести врача.

— Он умер, доктор? Это инфаркт?

Врач, не обращая на них внимания, нащупал пульс на жирном запястье, прижал стетоскоп к груди Флэкса, стараясь уловить биение сердца. Потом поднял одно тяжелое веко, затем другое и медленно поднялся на ноги.

— Умер?.. — вопрос звучал неуверенно. Врач покачал головой.

— Спит, — сказал он. — Этот человек совершенно обессилел. Вызовите носилки и поскорее уложите его в постель.

Поднять Флэкса смогли только вшестером, еще четверо помогли с носилками. Образовалась целая процессия. Если и не победоносная, то уж, во всяком случае, не траурная.

У пульта связи остался только дежурный. Одну за другой он отключил все линии, кроме одной, которую переключил на свои наушники, а потом выдал последний звонок.

— Мистера Дилуотера, пожалуйста, — попросил он.

— Да, спасибо большое. До свидания, — Саймон Дилуотер бросил трубку и встал. Голова кружилась, слишком долго все это продолжалось.

— Если вы тоже уходите, могу подбросить, — предложил Гродзински, вставая и широко потягиваясь. — Меня ждет машина.

— Вы очень любезны.

— Пожалуйста, не уходите пока, Саймон, — сказал доктор Шлохтер. — С вами хотел поговорить президент. С вами и с генералом Бэннерманом.

— Не уверен, что мне хочется его видеть.

— Вы не пожалеете, Саймон. Поверьте мне. У меня был с ним долгий и откровенный разговор, и я думаю, он понимает вашу позицию.

Бэннерман посмотрел на них, потом повернулся и направился к бару. Он тяжело прогромыхал шпорами. Ему здорово досталось, черт возьми. Не мешало бы хорошенько выпить. Он налил полстакана виски, бросил туда два кубика льда. Открылась дверь, и в дверном проеме появился Бэндин. Он побрился, грим, нанесенный телевизионщиками, скрыл черноту под глазами. По сравнению с другими он выглядел свеженьким, как маргаритка, хотя на душе у него тоже кошки скребли.

— У меня есть только несколько минут перед обращением к народу, — сказал он с величественным видом. — Я воспользуюсь этой возможностью, чтобы сообщить вам, что мною приняты некоторые решения. Во-первых, генерал, программа «Ку-ку» закрыта...

— Но мы столько в нее вложили! — со злостью воскликнул Бэннерман.

— Боюсь, что этим придется поступиться. Мы обязательно должны это сделать. Программа скомпрометирована, о ней знают слишком много людей. Если мы закроем ее сейчас, то вскоре будет казаться, будто ее никогда и не было. Если потом поползут слухи, мы сможем все отрицать.

— Отмена программы поставит под угрозу судьбу, будущее нашей великой страны, господин президент.

— Итак, одной бомбой меньше? — заметил Дилуотер. Он понимал, что ему не следовало так говорить, но сказывалась усталость, и он не мог удержаться. — Наша страна и Советы обладают ядерной мощью, которая, взятая вместе, способна уничтожить восемь таких планет, как наша. Я считаю, что этого более чем достаточно.

— Да, мы непременно будем уничтожены, если люди, подобные вам, добьются своего, — прорычал Бэннерман. — Мы можем остановить коммунистическую агрессию, только если будем к ней готовы, если будем сильнее, если все время будем на шаг впереди них.

— Мне вас жаль, — сказал Дилуотер, и его негромкий голос прозвучал разительным контрастом рычанию генерала. — Вы безнадежно устарели — и ваши архаические сапоги со шпорами, и ваше джингоистское[1] мышление. Вы не понимаете, что люди вашего сорта — такие же ископаемые, как птица додо из «Алисы в Стране чудес», просто у вас не хватает ума лечь и испустить дух. Человечество сейчас стоит перед выбором: либо уничтожить себя — и это ваш курс, генерал, — либо соединить усилия и совместно позаботиться о будущем. Объединенные усилия нужны и для рачительного использования ограниченных природных ресурсов нашей разграбленной планеты. Мы должны сотрудничать, или нам придется умереть. Возможно, именно этого вы никогда и не поймете. — Он резко повернулся к Бэннерману спиной. — Я приветствую ваше решение, господин президент.

[1] Джингоизм (*англ.*) — ура-патриотизм, шовинизм.

— Я был уверен в этом, — сказал Бэндин. — Я говорил с Полярным, мы полным ходом будем разворачивать проект «Прометей». Нам необходима эта солнечная энергия. И мы оба хотим, чтобы вы продолжали возглавлять проект. О'кей?

— Ни о чем другом, господин президент, я и не помышлял. Однако прошение об отставке остается в силе, если мне не будет обеспечена вся полнота власти в этом проекте.

— Но полнота власти всегда...

— Нет. Извините, но сейчас у меня ее нет. Слишком много принималось политических решений, сводивших научные идеи к нулю. Я считаю, что катастрофа с «Прометеем-1» явилась следствием стремления поскорее запустить его, следствием нажима, нехватки времени по политическим, а не инженерным соображениям. Если я получаю всю полноту власти в данном проекте, то продолжу эту работу.

— Вы просите чертовски много, Дилуотер.

— Я обещаю чертовски много, господин президент. Если все пойдет хорошо, энергия начнет поступать еще до конца этого года. — Он еле заметно улыбнулся. — Так что я, возможно, могу пообещать вам, что следующие выборы пройдут удачно.

Бэндин заколебался, посмотрел на государственного секретаря. Доктор Шлохтер кивнул.

— Ну что ж, ладно, — сказал Бэндин. — Тогда за дело!

— И вы, разумеется, издадите соответствующий указ, господин президент.

Бэндин тяжело вздохнул, злобно взглянул на Дилуотера, повернулся и вышел, хлопнув дверью. Саймон Дилуотер последовал за ним, а генерал Бэннерман остался в одиночестве. Он поднял стакан, пристально посмотрел на него и выпил.

— Ну что ж, может быть, программа «Ку-ку» и погибла, — сказал он, подтягивая ремень и расправляя складки мундира, — зато «Нэнси Джейн» уже на подходе, и эта сволочь Дилуотер, по крайней мере, об этом проекте еще не знает.

Топая и позвякивая на ходу шпорами, он вышел из комнаты; ноздри у него раздувались, как у боевого коня после битвы.

...Купер наблюдал, как мерцают и меняются маленькие числа на калькуляторе. И каждый раз результат был один и тот же. Если «Газетт-таймс» подняла свой тираж благодаря его статье о «Прометее», то в конце года они получат дополнительно 850 000 долларов и даже больше, если взять в расчет доход от рекламы. Но это только общая картина. Итак, дополнительная прибыль составила 16 346 долларов 15 центов в неделю. В то же время сам он получил прибавку в двадцать долларов — это одна восьмая процента той прибыли, которую заработало им его блестящее перо. Кроме того, после выплаты налогов прибавка составит всего около семи долларов в неделю, а если учесть растущую инфляцию, то его собственный ежегодный доход снизится к концу года на тринадцать процентов. Он выключил калькулятор и небрежно швырнул его в ящик стола. Посыльный бросил на его машинку конверт.

От главного редактора! Может, дела не так уж и плохи? Он разорвал конверт и вынул листок с четко отпечатанным текстом.

НЕ В ВОСТОРГЕ ОТ ЭТОЙ ВАШЕЙ СТАТЬИ. НЕ БЕРЕТ ЗА ЖИВОЕ. НАЙДИТЕ ЧТО-НИБУДЬ НОВЕНЬКОЕ. КАК НАСЧЕТ ОТРАВЛЕНИЯ ХРОМОМ В ЯПОНИИ? МОЖЕТ ТАКОЕ ПРОИЗОЙТИ ЗДЕСЬ? ПОТОРОПИТЕСЬ ПРИСЛАТЬ КОПИЮ.

Когда Купер сгорбился над ежегодным справочником «Химический состав промышленных отходов», на его покатом лбу выступили крупные капли пота.

— Сюда нельзя, сестра, — сказал военный полицейский. — Там идет опрос.

Коретта остановилась и, выгнув бровь, презрительно посмотрела на него.

— Посмотри еще раз, солдат, — сказала она. — Во-первых, я врач, а не сестра. А во-вторых, если ты посмотришь повнимательнее, то, может быть, узнаешь меня.

Солдат начал было улыбаться, но потом увидел строгое выражение ее глаз. И встал по стойке «смирно».

— Извините, доктор Сэмюэл. Но у меня приказ.

— Сынок, не пытайся становиться между врачом и его больным в госпитале. Пусти-ка.

Он отошел, и Коретта широко распахнула дверь. Четверо сгрудившихся вокруг постели Патрика офицеров удивленно подняли головы.

— Как понять ваше присутствие здесь? — спросила она.

— Просто беседуем с майором, доктор Сэмюэл, — объяснил полковник с магнитофоном в руках. — Обычный опрос. Доктор Юргенс сказал, что это вполне позволительно.

— Больного веду я, полковник, а не майор Юргенс. И я настаиваю, чтобы вы немедленно удалились.

— Это не займет много времени...

— Вы абсолютно правы. Ровно столько, сколько потребуется вам, чтобы дойти до двери...

Старшие офицеры в армии не привыкли, чтобы с ними разговаривали в подобном тоне, и ситуация быстро становилась тупиковой, когда раздался голос Патрика.

— Я вызвал врача перед самым вашим приходом, — сказал он. — Мне нужен укол. Болит. Я думал, мы успеем закончить, но...

— Мы вас понимаем, майор, разумеется, мы уходим. Доктор Юргенс сообщит, когда мы можем вернуться.

Они удалились гуськом, в полном соответствии с порядком старшинства, честь их мундиров была спасена. Коретта затворила за ними дверь, а потом повернулась к Патрику.

— В самом деле болит? — обеспокоенно спросила она. Он отрицательно покачал головой и улыбнулся.

— Нет, ничего теперь не болит. Просто я хотел от них отделаться. — Улыбка растаяла, когда он притронулся к бинтам. — Что говорят глазники?

— То же самое, что и раньше: делать прогнозы пока рано. Осторожничают, но создается впечатление, что если поражение сетчатки не очень обширное, то какая-то часть ее функций восстановится.

— Что это означает?

— Ты сможешь видеть, хотя и не очень хорошо. Очки будут толстенные, как донышки бутылок. Придется привыкать.

— Ладно, хорошо хоть не черные в жестяной оправе. Где Надя?

— Здесь, на этом же этаже.

Патрик сбросил одеяло и перекинул ноги через край постели.

— Пожалуйста, помоги мне, — попросил он. — Мой халат где-то здесь. Проводи меня к ней.

— С радостью. Вот, надень.

Военный полицейский на своем посту у дверей страшно растерялся, когда они вышли. Коретта пожалела его.

— Не волнуйся, — сказала она. — Мы далеко не уйдем. Это рядом. Пойдем с нами — будешь исполнять свой долг у соседней палаты.

Когда они вошли, Надя сидела в постели. На ней была белая больничная ночная рубашка.

— Кто это? — спросила она.

— Коретта. Со мной Патрик.

— Заходите, если хотите, — голос звучал устало, равнодушно.

— Я вас пока оставлю вдвоем? — спросила Коретта.

— Как хочешь, — сказала Надя.

— Не уходи, — сказал Патрик. — Прикрой дверь. Мы же были там все вместе. Мы все еще вместе.

Он ощупью нашел край кровати и сел. Когда он это сделал, Надя отодвинулась так, чтобы не касаться его. Это заметила только Коретта. Она посмотрела на их незрячие глаза и напрягшиеся тела, и ей вдруг захотелось плакать.

— Послушайте, — сказала она. — У меня кое-что есть для вас обоих, — она вытащила из кармана два каких-то пакетика.

— Что это? — спросил Патрик, ощупывая их.

— Конверты с марками первого дня. Вы же совсем про них позабыли. Вот что значит иметь военное мышление. Слишком привыкли, что для вас все делают. Ну а Коретта не может отвыкнуть от привычки присматривать за номером первым. И за своими друзьями. Когда нам подбирали костюмы, я взяла сразу сотню и положила в карман. Этого должно было хватить. Редкость — вот что больше всего ценится в марочном бизнесе, во всяком случае, мне так сказали. По двадцать пять на каждого. — Она больше не улыбалась, но они этого видеть не могли, поэтому она постаралась, чтобы голос ее не выдал.

— Ладно, Григорию теперь все равно. А остальные я разделила. Каждому из вас по тридцать три, и тридцать четыре мне — один, дополнительный, за комиссию. Уверена, они будут очень ценными. Спасены с горящего космического корабля с риском для жизни, края конвертов все еще коричневые от пламени...

— От какого пламени? — изумился Патрик.

— Я их немного опалила спичкой. Спорю, это еще по сотне долларов за каждый!

Надя, по-видимому, ничего не поняла; Патрик рассмеялся.

— Коретта, я бы сделал тебя своим коммерческим менеджером, если бы ты уже не была врачом. Сомневаюсь, что мне еще придется летать, так что лучше сразу подумать о бизнесе. Как ты насчет марочного бизнеса, Надя?

— Я в этом не разбираюсь. В России...

— Не возвращайся в Россию. Останься здесь, со мной.

Он пошарил рукой по покрывалу, нашел ее руку и успел сжать ее прежде, чем Надя успела ее отдернуть. Голос его звучал хрипло. Именно эти слова и хотелось ему сказать с самого начала, но

он нашел их не сразу: в такого рода вещах у него было маловато опыта.

— Теперь я вас все-таки оставлю одних, — вскочила Коретта.

— Нет, пожалуйста, не уходи, — сказал Патрик. — Я не вижу тут тайны — мы стали слишком близки друг другу. Надя, не уезжай в Россию. То есть я хочу сказать, останься со мной. Или давай я поеду с тобой, если хочешь. Правда, я могу предложить только свою военную пенсию и — марки Коретты.

— Патрик... — Надя повернулась к нему, словно пыталась его увидеть.

— Послушай, я люблю тебя. Я люблю тебя уже давно. Ты можешь, конечно, меня выгнать, но я просто хотел, чтобы ты это знала.

Надя заговорила не сразу.

— Что ж, предложение замечательное. А теперь иди.

— Ну послушай, какого черта! — Он был потрясен, не верил своим ушам. — И это все, что ты можешь сказать?

— А что ты хочешь, чтобы я сказала? О, благодарю вас, сэр, я так счастлива! По-твоему, когда мужчина так говорит, любая женщина должна броситься к нему на шею в восхищении от того, что теперь всю жизнь только и будет, что штопать носки и рожать детей? Не слишком ли ты много хочешь?

— От обычной женщины — совсем немного. Но, может быть, от пилота космического корабля и летчика-испытателя — действительно слишком много...

— Прекратите! — закричала Коретта. — Пока не наговорили друг другу слишком много! А то ведь и назад отработать невозможно будет. Послушайте доброго доктора. Патрик, одно только то, что ты любишь ее — в этом никто из нас не сомневается, — не может означать, что Надя немедленно перестанет быть тем, что она есть, забудет все на свете и будет готова поселиться с тобой в розовых кущах...

— Я знаю, что...

— Может быть, и знаешь, но не до конца понимаешь. Надя осталась той же яркой личностью, какой была всегда, и ты никогда не должен забывать об этом. А тебе, Надя, я скажу вот что: разве это преступление — чувствовать себя женщиной? Чувственность и эмоциональность порой очень и очень хороши. Понимаешь?

Надя кивнула и сказала очень тихо:

— Мне ведь нелегко разговаривать об этом. Наверное, меня к этому не готовили. Романтическая любовь всегда существовала где-то далеко, в кино, в чужой жизни, но не в моей жизни летчи-

ка-испытателя или космонавта. Возможно, я просто привыкла к определенной роли, но эта роль уже ведет меня за собой, и мне нелегко приходится, если я решаюсь от нее отступиться...

— Это ты о том случае — в Техасе?

— Да... Наверное, так и было тогда.

— Попытайся понять меня и простить. Наверное, я тогда больше смахивал на сексуального маньяка. Но я и тогда чувствовал по отношению к тебе то же самое, что и теперь. Ты выйдешь за меня, Надя?

— Нет.

— Но, по крайней мере, ты подумаешь на эту тему?

— Да, конечно! И вообще, когда ты вот такой, когда ты стараешься понять меня, мне очень хочется быть с тобой, жить с тобой, возможно, даже выйти за тебя замуж. Во всяком случае, выяснить это для себя я бы хотела. Будь же со мной терпеливым, Патрик. Это не так-то просто, я понимаю.

— Я буду терпеливым. Если ты будешь терпеливой со мной. — На этот раз, когда он стал искать ее руку, то нашел ее сразу. Начало было положено.

Коретта последний раз взглянула на них, прощально махнула рукой, чего они, правда, увидеть не могли, тихонько выскользнула из палаты и закрыла за собой дверь.

— А майор, он... — начал было полицейский.

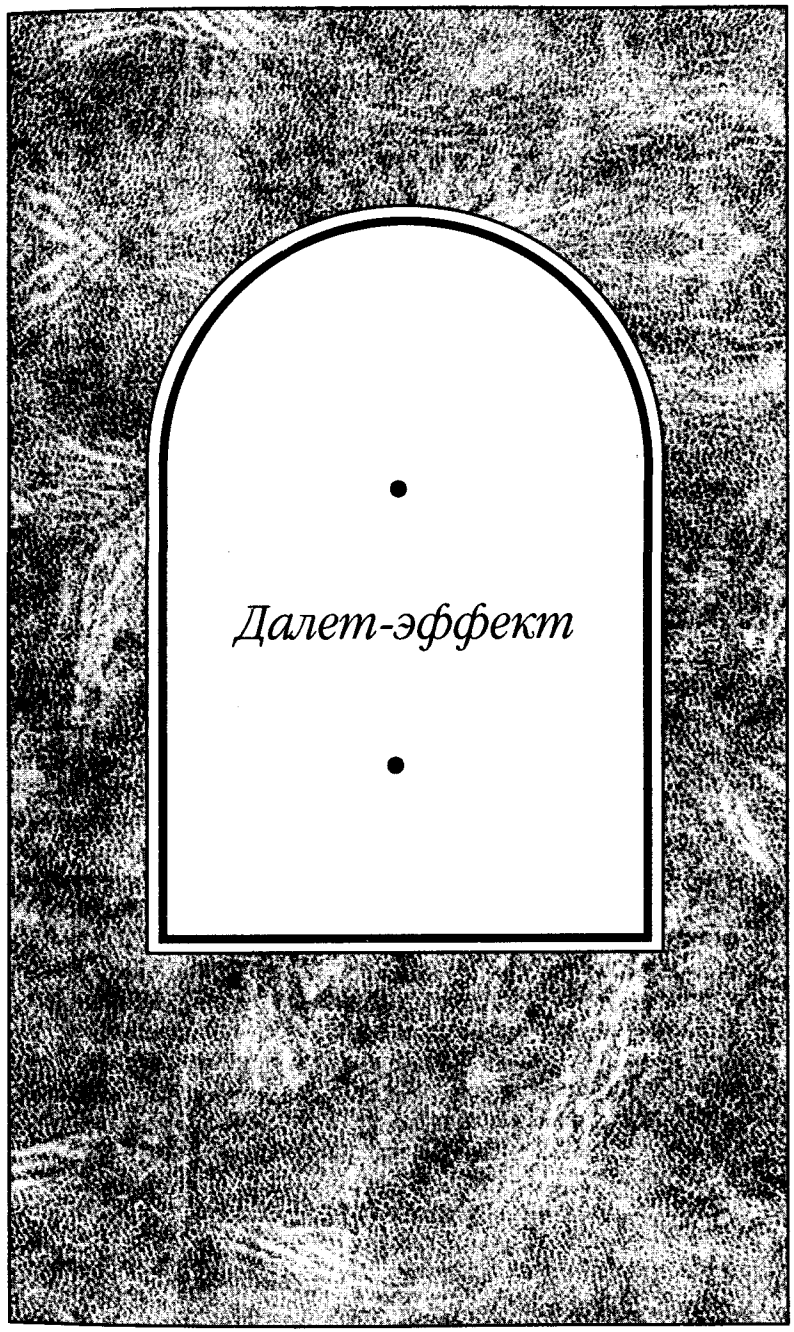
— Не беспокойся, капрал. С майором все в порядке, в полном порядке. Там он в целости и сохранности, ты не тревожь его.

Коретта повернулась и быстро пошла по коридору, потом завернула за угол и скрылась из виду.

Над госпиталем, над мысом Канаверал, над пеленой облаков, высоко над земной атмосферой сияло солнце, как сияло всегда. На его поверхности бушевали солнечные бури, излучая свою энергию в космос, — Солнце излучало свое тепло во всех направлениях. Некоторая его доля попадала на Землю, согревала ее, делала пригодной для жизни человека.

Солнце светило, не зная начала и конца времен. В один прекрасный день, скоро, сквозь тонкую атмосферу Земли в космос взовьется еще одна светящаяся песчинка, раскинет там свою серебристую сеть, чтобы поймать побольше живительной солнечной энергии, прежде чем та успеет раствориться в вечной ночи космического пространства.

Потом взлетит еще одна искорка... и еще...

Глава 1

Тель-Авив

Мощный взрыв, разрушивший западную стену физической лаборатории университета в Тель-Авиве, пощадил профессора Арни Клейна. Тяжелый стальной лабораторный стол защитил его от взрывной волны и летящих обломков. Правда, ученого сбило с ног, и при падении он оцарапал щеку. Поднявшись на ноги и тронув лицо ладонью, он потрясенно разглядывал кровь, испачкавшую пальцы. Дальняя часть лаборатории превратилась в хаотичное нагромождение камней и разбитых приборов, над которыми клубились кольца дыма и пыли.

Огонь! Эта мысль подстегнула его. Оборудование было разрушено, но записи и данные опыта можно было попытаться спасти. Он яростно дергал ящик стола, искореженный и изогнутый взрывом, пока тот с визгом не открылся. Вот она, тоненькая папка — всего несколько недель работы, но зато какой важной! Рядом лежала потрепанная папка толщиной не менее пятнадцати сантиметров — шесть лет напряженного труда. Он достал обе и вышел из лаборатории через пролом в стене. В первую очередь необходимо спасти записи — это было важнее всего.

По тропинке у задней стены здания вообще ходили редко, а теперь, удушливо жарким днем, она была совсем безлюдна. Этот путь напрямую соединял лабораторию с факультетским общежитием, но до взрыва им пользоваться было физически невозможно. Папка будет в безопасности у него в комнате — это он хорошо придумал. Клейн ускорил шаги, насколько позволял обжигающе сухой ветер хамсин. Погрузившись в размышления, он не отдавал себе отчета, что все его перемещения остались никем не замеченными.

Арни Клейн многим казался тугодумом, но только потому, что был совершенно не способен сосредоточиться более чем на одной мысли сразу; он должен был тщательно и методично разже-

вать ее до последнего кусочка, извлечь из нее все полезные соки. Его мозг работал с невероятной точностью и перемалывал все до мельчайших составных частей. Именно это уникальное свойство позволило ему в течение шести лет, ни на мгновение не отвлекаясь от цели, обдумывать сложную математическую гипотезу, основанную всего лишь на небольшой весовой аномалии и возможности двоякого толкования одного из уравнений теории единого поля Эйнштейна.

Сейчас его мозг был занят новым предположением, которое приходило ему в голову и раньше, но после взрыва приобрело большую вероятность. Как обычно, когда он глубоко задумывался, его тело выполняло привычные действия совершенно бессознательно. Одежда и руки профессора запачкались, пока он перебирался через обломки, по лицу была размазана кровь. Он разделся, машинально принял душ, промыл ссадину, заклеил ее пластырем. И только когда Клейн снова начал одеваться, его сознание наконец включилось. Он не стал надевать чистые шорты, а снял с вешалки брюки от летнего костюма, надел их, сунул в карман пиджака галстук, кинул пиджак на стул — и замер на несколько минут, размышляя над выводами, логически вытекавшими из его новой идеи. Со стороны он выглядел совершенно обыкновенно — подтянутый мужчина с седой головой чуть старше пятидесяти лет, — если бы не застывшая поза, в которой он неподвижно стоял чуть не десять минут, пока не принял решения.

Арни не был уверен в том, что нашел самый разумный выход из положения, но хорошо понимал, чем грозили другие варианты. Поэтому он открыл свой кейс, так и лежавший на туалетном столике с прошлой недели, когда он вернулся из Белфаста с конференции по теоретической физике, и достал чековую книжку туристической фирмы «Томас Кук и сыновья». Книжка была нетронутой: Арни собирался купить билеты на самолет и затем получить компенсацию, но билеты ему прислали заранее. Он положил в кейс только папки и паспорт с еще действующими визами. Потом, аккуратно перекинув через руку пиджак, спустился по лестнице и пошел по направлению к порту. Не прошло и минуты, как в подъезд вбежали два взволнованных студента, потных и задыхающихся от спешки, и принялись стучать в дверь его комнаты.

Как только Арни вышел из-под прикрытия здания университетского городка, на него вновь налетел раскаленный хамсин, безжалостно иссушающий кожу. Сначала Клейн даже не заметил

его, но, проходя мимо кафе на Дизенгофф-роуд, вдруг почувствовал сухость во рту и зашел в открытые двери. Это оказался «Касит», пристанище богемы, нечто вроде тех, что расположены на левом берегу Сены. Никто не обратил на него внимания, и Арни сел за маленький столик, потягивая прохладный лимонад.

Именно тут цепь его размышлений наконец развернулась на полную катушку, и он принял окончательное решение. При этом он абсолютно не замечал окружающего и понятия не имел о том, что его ищут повсюду и что университет охвачен паникой. Сначала все думали, что профессор Клейн погиб и похоронен под кучей обломков, образовавшихся в результате таинственного взрыва, однако обломки быстро разобрали и тела не нашли. Затем удалось выяснить, что он успел побывать у себя в комнате, где обнаружили грязную одежду и следы крови. Никто не знал, что и подумать. То ли он бродит где-то в состоянии шока после удара, то ли его похитили? Район поисков расширялся, однако никому не пришло в голову искать профессора в кафе «Касит». Арни Клейн встал, тщательно отсчитал мелочь, положил ее на стол и вышел на улицу.

И снова ему повезло. Неподалеку, около изысканного кафе «Ровал», освободилось такси, и Арни быстро вскочил в открытую дверцу.

— Аэропорт Лидда, — сказал он и стал терпеливо ждать, пока шофер объяснял ему, что смена кончилась, что нужно заправиться бензином, что погода никуда не годится, и не только погода.

Дальнейшие переговоры завершились очень быстро — теперь, когда решение было принято, Арни хорошо осознавал, что скорость позволит избежать множества неприятностей.

Когда такси наконец выехало на Иерусалимское шоссе, навстречу в бешеном темпе промчались две полицейские машины.

Глава 2

Копенгаген

Стюардессе пришлось прикоснуться к его плечу, чтобы привлечь внимание.

— Сэр, пристегните, пожалуйста, ремни. Через несколько минут мы совершим посадку.

— Да, конечно, — пробормотал Арни, нащупывая пряжку. Теперь и он заметил, что загорелись надписи: «Не курить» и «Пристегните ремни».

Полет прошел для него очень быстро. Он смутно помнил, что приносили ужин, хотя и не смог бы вспомнить, чем его кормили. Как только они вылетели из аэропорта, он углубился в расчеты, основанные на результатах последнего и самого важного эксперимента.

Огромный «Боинг-707» медленно и величаво лег на крыло, начиная поворот, и луна, как путеводный маяк, проплыла мимо. Подсвеченные облака внизу казались застывшим, но странно нереальным пейзажем. Авиалайнер начал спуск, промчался над облаками и нырнул в них. Капли дождя прочертили извилистые линии на стекле иллюминатора. Где-то внизу была Дания, темная и мокрая от дождя.

Арни заметил перед собой открытый блокнот, исчерканный уравнениями, сунул его в нагрудный карман и захлопнул откидной столик. Внезапно сквозь дождь мелькнули огоньки, и темные воды Эресунна пронеслись под крыльями самолета. Чуть позже показалась посадочная полоса, и они благополучно приземлились в аэропорту Каструп.

Арни терпеливо ждал, пока выйдут все пассажиры. Это были в основном датчане, которые возвращались из отпуска, сияя загорелыми лицами, докрасна накаленными солнцем. Они тащили плетеные сумки и восточные сувениры — деревянных верблюдов, медные подносы, коврики с причудливыми узорами, и каждый нес небольшую склянку спиртного, которую бдительное правительство разрешало провозить без пошлины.

Арни вышел последним, замыкая шествие. Дверь в кабину была приоткрыта, и он увидел тесную клетушку, забитую невероятным количеством светящихся циферблатов и переключателей. Капитан, огромный блондин с массивной челюстью, улыбнулся Арни. Над золотыми крылышками на кокарде было написано: «Капитан Нильс Хансен».

— Надеюсь, вам понравился полет, — произнес он по-английски, на международном языке авиалиний.

— Да, очень. Благодарю вас. — Выговор профессора Клейна, приобретенный в привилегированной английской школе, странно не вязался с его внешностью. Но Арни учился во время войны в Англии, в Уинчестере, и это навек наложило отпечаток на его речь.

Пассажиры уже выстроились в очередь перед кабинами таможенников, держа наготове паспорта. Арни чуть не присоединился к ним, но вовремя вспомнил, что билет был приобретен до Белфаста и датской визы у него нет.

Он повернул по стеклянному коридору в зал для транзитных пассажиров и опустился на диван из черной кожи, отделанный сверкающим хромом, пристроив кейс на полу между ног. Уставившись невидящими глазами в пространство, Арни обдумывал следующий шаг. Через несколько минут он принял решение, вернулся к действительности и огляделся вокруг. По залу степенно шествовал массивный полицейский в высоких кожаных ботинках и большой фуражке. Арни подошел к нему, глядя прямо на серебристую бляху, находившуюся на уровне его глаз.

— Я хотел бы поговорить с начальником службы безопасности аэропорта.

Полицейский наклонил голову, профессионально нахмурившись.

— Скажите мне, в чем дело, и я...

— Dette kommer kun mig og den vagthavende officer ved. Så må jed tale med han?[1]

Внезапный переход на датский изумил полицейского.

— Так вы датчанин? — спросил он.

— Моя национальность не имеет значения, — продолжал Арни по-датски. — Могу сказать только, что речь идет о национальной безопасности, и будет лучше всего, если вы проведете меня к человеку, отвечающему за нее.

Полицейский задумался. В сухих фразах этого невысокого человека было что-то такое, что заставляло поверить ему.

— Пройдемте, — сказал он и молча пошел по узкому балкону высоко над главным залом аэропорта, настороженно следя за незнакомцем, чтобы тот не вздумал улизнуть и скрыться во мраке ночи.

— Садитесь, пожалуйста, — произнес офицер службы безопасности, выслушав доклад полицейского. Все это время он сидел за письменным столом, пристально рассматривая Арни немигающими глазами сквозь круглые очки в стальной оправе, словно стараясь запомнить его внешность.

— Лейтенант Йоргенсен, — представился он, когда они остались одни.

— Арни Клейн.

— Må jed Deres pas[2].

---

[1] Мне нужно пройти к дежурному офицеру. Могу я поговорить с ним? (*дат.*).

[2] Ваш паспорт, пожалуйста (*дат.*).

Арни протянул паспорт, и Йоргенсен не скрыл удивления, увидев, что он не датский.

— Значит, вы гражданин Израиля? По вашей речи мне показалось...

Так и не дождавшись ответа, лейтенант перелистнул страницы паспорта и положил его на стол.

— Все в порядке, профессор. Чем могу служить?

— Я хочу получить разрешение на въезд. Сейчас же.

— Это невозможно. Вы находитесь здесь транзитом и без визы. Лучше всего вам проследовать к месту назначения и в Белфасте обратиться к датскому консулу. Через день-другой вы получите визу.

— Я хочу получить разрешение на въезд немедленно и прошу вас принять необходимые меры. Я родился в Копенгагене. Я вырос в десяти милях отсюда. Не понимаю, какие могут быть проблемы.

— Я уверен, что их и не будет. — Лейтенант вернул ему паспорт. — Но здесь мы ничем не можем вам помочь. В Белфасте...

— По-видимому, вы не поняли меня. — Голос Арни был таким же бесстрастным, как и его лицо, но слова звучали весомо, нагруженные внутренним зарядом. — Мне абсолютно необходимо въехать в страну сегодня, сейчас. Вы обязаны принять меры. Свяжитесь со своим начальством. Существует двойное гражданство. Я такой же датчанин, как и вы.

— Возможно. — В голосе офицера послышались раздраженные нотки. — Но я не гражданин Израиля, как вы. Боюсь, вам придется вылететь первым же самолетом...

Он замолчал, увидев, что собеседник не слушает его. Арни положил кейс на колени, достал тоненькую записную книжку с адресами и внимательно просматривал ее, листая страницы.

— Не хочу, чтобы это звучало слишком мелодраматично, но мое присутствие здесь — событие национального значения. Поэтому прошу вас, позвоните по этому телефону и попросите профессора Ове Руде Расмуссена. Вам знакомо это имя?

— Конечно, кто же его не знает? Лауреат Нобелевской премии. Но вы не можете беспокоить его ночью...

— Мы старые друзья, он не обидится. Да и обстоятельства достаточно серьезные.

Шел уже второй час ночи, и Расмуссен заворчал по телефону, как медведь, разбуженный во время спячки.

— Кто это? Что за дела... Черт побери, да это Арни! Откуда ты

звонишь? Из Каструпа? — Он спокойно выслушал краткое изложение событий.

— Ты можешь помочь мне? — спросил Арни.

— Конечно! Правда, еще не знаю, как. Вот что, ты сиди и жди меня. Я сейчас приеду, только оденусь.

За три четверти часа после этого звонка Йоргенсен весь извелся в томительной тишине, повисшей в комнате. Арни Клейн сидел неподвижно, отрешенно глядя на календарь прямо перед собой. Начальник службы безопасности рискнул щелкнуть табакеркой, набил трубку и закурил. Если Арни и заметил это, то не подал виду. Его мысли были заняты совершенно другим. Когда послышался стук в дверь, лейтенант вздохнул с облегчением.

— Арни, это действительно ты!

Расмуссен выглядел в точности как на фотографиях в газетах — худой, долговязый, со светлой вьющейся бородкой, обрамляющей лицо, но без усов. Они крепко пожали друг другу руки и чуть было не обнялись, сияя улыбками.

— А теперь рассказывай, что ты тут делаешь и почему вытащил меня из постели в такую мерзкую погоду?

— Мы должны поговорить наедине.

— Разумеется. — Ове оглянулся вокруг и только теперь заметил лейтенанта. — Где мы можем поговорить с глазу на глаз?

— Если хотите, можете воспользоваться моим кабинетом. Я гарантирую его надежность.

Они оба кивнули, не реагируя на саркастические нотки в голосе лейтенанта.

Выгнали из собственного кабинета — что за чертовщина происходит? Йоргенсен стоял в зале, сердито дымя трубкой и уминая табак мозолистым пальцем. Минут через десять дверь распахнулась. На пороге стоял Расмуссен с расстегнутым воротником и горящими глазами.

— Да заходите же, заходите! — воскликнул он и едва не силой втянул офицера в кабинет, с нетерпением захлопнув дверь. — Нам нужно немедленно встретиться с премьер-министром! — Не успел изумленный лейтенант возразить, как Расмуссен передумал. — Нет, ничего не выйдет. Не сейчас. — Он принялся расхаживать по комнате, сжимая и разжимая руки за спиной. — С этим можно подождать до утра. Сначала вытащим тебя отсюда — и рванем ко мне.

Он внезапно остановился и посмотрел на офицера службы безопасности.

— Кто ваш начальник?

— Инспектор Андерс Крауп, но...

— Не годится, я его не знаю. Погодите, а глава вашего департамента, министр...

— Герр Андресен.

— Бог мой, ну конечно, Свенн Андресен! Ты помнишь его, Арни?

Клейн подумал, потом покачал головой.

— Крошка Андрес, выше шести футов. Когда мы учились в школе Кребса, он был в старшем классе. Ну, помнишь, он еще провалился под лед на Сортедамсё?

— Я ведь не успел закончить учебу, мне пришлось уехать в Англию.

— Да, конечно. Проклятые нацисты. Но он вспомнит тебя и поверит мне на слово, что дело крайне важное. Через час мы тебя отсюда вызволим, а потом стакан шнапса — в тебя, а тебя — в постель.

Однако времени потребовалось гораздо больше. Приехал министр Андресен, не выказавший особой радости от ночной прогулки, примчался его адъютант, и только тогда формальности были улажены. Маленький кабинет наполнился высокими чинами, запахами сырой одежды и табачного дыма. Наконец был подписан последний документ и поставлена последняя печать. Лейтенант Йоргенсен остался один, уставший и более чем озадаченный. Он все еще отчетливо слышал совет своего министра, который отвел его в сторону и пробурчал:

— Забудь обо всем, понятно? Ты никогда не слышал имени профессора Клейна, и, насколько тебе известно, в Данию он не прилетал. Это все, что ты знаешь, *кто* бы тебя ни спросил.

Действительно, *кто* бы мог спросить его? И что вообще все это означало?

Глава 3

— Но я не хочу встречаться с ними, — сказал Арни.

Он стоял у высокого окна, выходящего в университетский парк. Листья на дубах уже начали желтеть — осень рано приходит в Данию. И все-таки в пейзаже было какое-то очарование — золотая листва и темные стволы на фоне бледного северного неба. Маленькие пушистые облака грациозно парили над красными черепичными крышами; группы студентов спешили на занятия.

— Если бы ты согласился, это многое упростило бы, — заметил Ове Расмуссен.

Он сидел за огромным письменным столом в своем профессорском кабинете с книгами вдоль стен. Многочисленные дипломы и награды, словно гербы, украшали стену позади него. Он откинулся на спинку глубокого кожаного кресла и повернул голову, наблюдая за стоящим у окна другом.

— Неужели это настолько важно? — спросил Арни, поворачиваясь к Расмуссену.

Его руки были засунуты глубоко в карманы белого лабораторного халата. Рукав был заляпан жирными пятнами, а на манжете виднелась дыра с коричневыми краями, прожженная паяльником.

— Боюсь, это действительно важно. Наши израильские друзья очень беспокоятся за тебя. Как я понимаю, они вышли на тебя через шофера такси: установили, что ты вылетел в Белфаст рейсом САС[1], но туда не прибыл. Поскольку единственная промежуточная посадка — в Копенгагене, скрыть твое местопребывание оказалось невозможно. Правда, я слышал, что сотрудники аэропорта таки устроили им нелегкую жизнь.

— По-видимому, лейтенант Йоргенсен честно отрабатывает свое жалованье.

— Совершенно верно. Он был настолько упрям, что чуть не возник международный скандал. Пришлось вмешаться государственному секретарю и признать, что ты находишься в Дании. Теперь они настаивают на встрече с тобой.

— Почему? Я свободный человек и могу уехать, куда хочу.

— Вот так и скажи, а то уже раздались тонкие намеки на похищение...

— Что? Они что, перепутали датчан с арабами?

Ове рассмеялся и повернулся в кресле, глядя на Арни, подошедшего к столу.

— Нет, ничего подобного, — сказал Расмуссен. — Им известно — из неофициальных источников, разумеется, — что ты прибыл сюда добровольно и никто не причинил тебе вреда. Но их очень интересует, *почему* ты прибыл в Данию, и они не собираются уезжать, пока не получат ответы на свои вопросы. В «Ройял-отеле» сейчас заседает официальная комиссия. Они сказали, что сделают заявление для прессы, если не встретятся с тобой.

— Мне этого совсем не хочется, — забеспокоился Арни.

— Думаешь, нам хочется? Поэтому лучше тебе встретиться с израильтянами и сообщить им, что у тебя все в порядке, и пусть

[1] Скандинавская авиатранспортная компания.

они отправляются домой следующим рейсом. Ничего больше от тебя не требуется.

— А я ничего больше и не собираюсь говорить им. Кого они прислали?

— Четырех человек, но трое из них, похоже, просто пешки. Я провел с ними почти все утро, и единственный, кто имеет решающий голос, это генерал Гев...

— О боже! Только не он!

— Ты знаешь его?

— Даже слишком хорошо. И он знает меня. Я лучше поговорю с кем-нибудь другим.

— Боюсь, тебе не представится такой возможности. Гев стоит в коридоре и ждет, когда его впустят. Если он не поговорит с тобой, он тотчас же обратится к прессе.

— В этом можно не сомневаться. Он учился воевать в пустыне и усвоил, что наступление — лучший вид обороны. Раз у нас нет выхода, впусти его сюда, и покончим с этим. Но не оставляй нас наедине больше чем на пятнадцать минут. Чуть дольше — и он уговорит меня вернуться.

— Это вряд ли. — Ове встал и показал на свое кресло. — Садись сюда, чтобы между вами был стол. Это придает уверенности. Ему придется сесть на стул для студентов, а он твердый как кремень.

— Ему все равно, даже если это будет кактус, — уныло покачал головой Арни. — Ты просто не знаешь его.

Дверь закрылась, и наступила тишина. Время от времени через двойное стекло в окне доносились еле слышные голоса студентов. В комнате громко тикали высокие напольные часы «Борнхольм». Арни сидел, уставившись на сложенные руки, и думал, что сказать Геву. Надо было сделать так, чтобы он узнал как можно меньше.

— Отсюда далеко до Тель-Авива. — Гортанная фраза на иврите застигла Арни врасплох.

Он поднял голову и увидел, что Гев уже вошел в кабинет и закрыл за собой дверь. Он был в штатском, но даже цивильный костюм выглядел на нем как военный мундир. Лицо генерала, обветренное, изрезанное морщинами, было похоже на орех; длинный шрам во всю щеку приподнимал уголок рта в постоянной полуусмешке.

— Заходи, Аври, заходи. Садись.

Гев пропустил приглашение мимо ушей, промаршировал через кабинет и завис над Арни, грозно сверля его взглядом.

— Я приехал, чтобы увезти тебя домой, Арни. Ты один из наших ведущих ученых, и страна нуждается в тебе.

Генерал не колебался, не давил на эмоции, не взывал к родственным чувствам. Генерал Гев отдал приказ — точно так же, как отдавал приказы, посылая в бой танки, самолеты или подразделения солдат. Ему должны были подчиняться, не рассуждая. Арни чуть не встал из-за стола и не последовал за генералом, настолько беспрекословной была эта команда. Но он лишь поежился в кресле. Решение было принято, и тут уж ничего не поделаешь.

— Извини, Аври. Я остаюсь.

Гев стоял, продолжая буравить его разъяренным взглядом, — руки вытянуты по швам, но пальцы сжаты, готовые схватить ученого и силой поставить на ноги. Затем, мгновенно изменив тактику, он повернулся, опустился на стул и скрестил ноги. Лобовая атака была отбита; генерал развернул фланги и начал обходной маневр, чтобы ударить в наиболее уязвимое место. Не сводя с Арни глаз, он достал из кармана большой золотой портсигар, который из-за своих размеров выглядел несколько пошловато, и открыл его. Эмалевая инкрустация на портсигаре изображала флаг Объединенной Арабской Республики: две зеленые звездочки были выложены изумрудами. В центре виднелось аккуратное отверстие, пробитое пулей.

— В твоей лаборатории произошел взрыв, — начал Гев. — Это обеспокоило нас. Сначала мы решили, что ты погиб или ранен, потом — что тебя похитили. Твои друзья встревожены...

— Я вовсе не хотел этого.

— ...и не только друзья, но и правительство. Ты гражданин Израиля, и твоя работа принадлежит Израилю. Исчезла папка. Твоя работа украдена из страны.

Гев закурил и глубоко затянулся, машинально прикрывая огонек ладонью, как солдат на поле боя. Его глаза не отрывались от лица ученого, а его собственное лицо казалось бы бесстрастной маской, если бы не обвиняющий пронзительный взгляд. Арни беспомощно развел руками и снова сложил их перед собой.

— Работа не украдена. Это мои материалы, и я взял их с собой, когда уезжал. Уехал я добровольно. Мне жаль, что я заставил вас волноваться. Однако у меня не было другого выхода.

— Что это за работа? — Холодный, резкий вопрос попал прямо в цель.

— Это... это моя работа. — Арни чувствовал, что маневр противника удался, и ему остается только отступить в молчание.

— Брось, Арни. Это не объяснение. Ты физик, и твоя работа связана с физикой. У тебя не было никаких взрывчатых веществ, и все-таки ты умудрился превратить в обломки тысячи фунтов оборудования. Что ты изобрел?

Молчание затянулось. Арни беспомощно смотрел на свои сжатые руки, костяшки которых побелели от напряжения. Слова генерала продолжали неумолимо бить в десятку.

— Что означает это молчание? Ты напуган? Не надо бояться своей родной страны, Эрец Израэль. Там твои друзья, твоя работа, вся твоя жизнь. Ты похоронил там жену. Скажи, в чем дело, и мы поможем тебе. Приди к нам, и мы поддержим тебя.

— Я... не могу. — Слова Арни падали в тишину, как тяжелые камни.

— Ты должен. У тебя нет выбора. Ты гражданин Израиля, и твоя работа принадлежит Израилю. Мы окружены океаном врагов, и каждый человек, каждая частица информации жизненно необходимы нам. Ты изобрел что-то мощное, способное помочь нам выжить. Неужели ты обречешь нас на гибель и будешь спокойно смотреть, как наши города и синагоги сровняют с землей и превратят в пустыню? Этого ты хочешь?

— Ты знаешь, что это не так, Гев! Оставь меня в покое, уезжай...

— Нет, я не уеду. Я не оставлю тебя. Если я — голос твоей совести, пусть будет так. Возвращайся домой. Мы примем тебя с радостью. Помоги нам, как мы помогли тебе.

— Нет! Я не могу этого сделать! — Слова вырвались из груди, словно крик боли. И тут же Арни заговорил, не останавливаясь, как будто наконец прорвалась плотина, сдерживавшая его чувства: — Да, я сделал открытие — не скажу тебе, как, почему, что это такое. Назови это природной силой, если хочешь, силой, возможно, более мощной, чем все известное людям сегодня. Она может быть использована и на благо человеку, и во зло, потому что по своей природе это именно такая сила — если мне удастся применить ее на практике, а я думаю, что удастся. Мне хочется использовать ее на благо...

— А Израиль — зло, да? Ты это имеешь в виду?

— Выслушай меня. Я не говорил этого. Я всего лишь хочу сказать, что Израиль — пешка в мировой политике, к тому же без единого союзника. Нефть. У арабов есть нефть, которая нужна как Советам, так и американцам, и они пойдут на любую грязную игру, чтобы добраться до нее. Израиль никого не интересует, кроме арабов, которые только обрадуются, если он погибнет.

Мировые державы тоже не будут против, если Израиль незаметно исчезнет с карты мира, потому что он для них как заноза. Нефть. Начнется война, что-то случится, и если у вас будет мое... если у вас будет эта мощная сила, вы воспользуетесь ею для разрушения. Вы прибегнете к ней, может быть, со слезами на глазах, но вы используете ее — и это будет абсолютное зло.

— Выходит, — еле слышно проговорил Гев, — из гордости, персональных амбиций ты лишишь нас этой силы и станешь свидетелем гибели своей страны? В своем крайнем эгоцентризме ты полагаешь, что можешь решать глобальные политические вопросы лучше, чем избранные представители народа. Ты считаешь себя столпом разума. Ты единственный способен решать мировые проблемы, которые не по плечу всем остальным. Ты, очевидно, веришь в абсолютную диктатуру — твою собственную. В своем ослеплении ты становишься маленьким Гитлером...

— Замолчи! — хрипло выкрикнул Арни, приподнявшись из-за стола.

Воцарилось молчание. Арни медленно сел, чувствуя, что лицо его покраснело и кровь стучит в висках отбойным молотком. Огромным усилием воли он заставил себя говорить спокойно:

— Ладно. Ты абсолютно прав. Если ты хочешь сказать, что я больше не верю в демократию, так и скажи. В данном случае — не верю. Я принял решение и всю ответственность беру на себя. Я лично предпочитаю считать это гуманным актом — возможно, для самооправдания.

— Убийство из милосердия — тоже гуманный акт, — бесстрастно заметил Гев.

— Да, конечно. Мне не нужны оправдания. Я поступил так, как считаю нужным, и готов отвечать за это.

— Даже если Израиль погибнет из-за твоей заносчивости?

Арни хотел ответить, но не смог найти слов. Что тут можно сказать? Гев окружил его со всех сторон, отрезал путь к отступлению, разрушил оборонительные укрепления. Что ему остается? Только сдаться. Его поддерживало только одно — уверенность в том, что по большому счету он все равно прав. Он даже не решался подвергнуть испытанию свою убежденность — вдруг и она окажется ошибкой? Тишина становилась все более гнетущей, и его охватила бесконечная грусть. Он опустил голову и съежился в кресле.

— Я поступаю так, как должен поступить, — произнес он наконец севшим от переживаний голосом. — Я не вернусь. Я оста-

вил Израиль по собственной воле, и не в твоей власти заставить меня, Гев, не в твоей власти...

Генерал Гев встал, глядя на склоненную голову ученого. Слова рождались медленно и трудно, но в них звучало эхо трех тысячелетий преследований, скорби, смерти и безмерной печали.

— И ты, еврей, мог сделать это...

Ответить было нечего, и Арни промолчал. Гев был солдатом и видел, что потерпел поражение, хотя и не понимал, почему. Не сказав больше ни слова, он повернулся к Арни спиной — какие слова могли быть красноречивее этого простого движения? Генерал толкнул дверь кончиками пальцев и даже не дал себе труда закрыть или захлопнуть ее — просто пошел вперед, выпрямив спину, печатая шаг. Человек, которого можно обыграть в бою, но нельзя победить в войне — по крайней мере, пока он жив.

Ове вернулся в кабинет и принялся молча слоняться по комнате — сложил в стопку журналы, достал с полки книгу, потом, не раскрывая, поставил ее назад. Но заговорил он уже совсем о другом:

— Какой сегодня день, ты только посмотри! Солнце сияет, воздух прозрачный — видно даже, как развеваются юбки у девушек на велосипедах. Мне осточертела эта мерзкая столовская еда, бутерброды мне уже в горло не лезут. Поехали в «Павиллонен» на Лангелине, пообедаем, посмотрим на корабли... Ну как?

Арни поднял к нему лицо, убитое горем. Он редко испытывал сильные чувства и потому не умел ни справиться с ними, ни защититься от них. В его глазах была такая открытая боль, что Ове не выдержал, отвернулся и вновь принялся перекладывать журналы, которые только что так аккуратно сложил.

— Поехали, если хочешь. Пообедаем в ресторане. — Лицо, искаженное страданием, казалось, вобрало в себя всю его страсть — голос был пустым и безжизненным.

Они молча ехали вниз по Нерре-аллее и через парк. Все было на самом деле так, как рассказывал Ове. Девушки на высоких черных велосипедах разноцветными пятнами мелькали в серой толпе пиджаков; они мчались по велосипедным дорожкам, обгоняя машины, стайками пересекали широкие улицы на перекрестках. Длинные ноги нажимали на педали, юбки взмывали от ветра, и день был прекрасен. Но Арни никак не мог побороть отчаяние.

Ове ловко провел свой маленький «Спрайт» сквозь сложный транспортный узел Трианглен и по Эстерброгаде выехал к порту.

Автомобиль успел проскочить на зеленый свет на Лангелине и затормозил у заднего входа в ресторан «Павиллонен». Вечер еще не наступил, и им удалось занять столик у огромного окна во всю стену, выходящего на море. Ове кивнул официанту, и заказ был мгновенно принят. Пока они устраивались поудобнее, придвигая кресла, на столе возникла бутылка шнапса, замороженная во льду, и несколько запотевших бутылок пива «Туборг».

— Вот так-то, — сказал Ове, когда официант разлил ледяной шнапс по стаканчикам величиной с наперсток. — Готов поспорить, такого у вас в Тель-Авиве не встретишь.

— Skål![1] — произнесли они традиционный тост и осушили стаканчики.

Арни потягивал пиво и смотрел на тяжеловесный черно-белый паром, направляющийся в Швецию. Длинная вереница автобусов застыла в ожидании, пока туристы карабкались по скалам, совершая ритуальный визит к Русалочке с фотоаппаратами. Белые паруса крошечных яхт, вышедших из бухты, пересекали холодную голубизну пролива. Море. В Дании не было ни единого места, удаленного от моря более чем на сорок миль. Поистине страна мореплавателей, окруженная морем. Белые треугольники парусов казались игрушечными на фоне громадного лайнера, пришвартованного у Лангелинекай. Флаги и вымпелы придавали ему щеголеватый праздничный вид. Из передней трубы внезапно вырвался белый столб пара, и через несколько мгновений они услышали отдаленный стон гудка.

— Корабль, — произнес Арни, и теперь, когда он снова подумал о работе, с его лица исчезли все следы эмоций. — Нам нужен корабль. Когда мы начнем испытывать более мощную... — Он замолчал, и они оба глянули по сторонам, не поворачивая головы, словно заговорщики. Затем Арни продолжил почти шепотом: — Нам понадобится более мощная установка. Та, первая, слишком мала и годится лишь для подтверждения правильности теории. Новую установку надо будет испытывать в более крупном масштабе, чтобы убедиться, что она способна не только на такие глупости, как взрыв лабораторного оборудования.

— Она сработает. Я уверен, она сработает.

Арни криво усмехнулся и протянул руку к бутылке.

— Выпьем еще шнапса.

---

[1] Будь здоров! (*дат.*)

Глава 4

— Это вопрос безопасности, — сказал Скоу.

Вообще-то его имя было Ланкильде[1], но он никогда не упоминал его, и не без причины. «Скоу, — настаивал он, — зовите меня просто Скоу», словно призывая весь мир к непринужденной простоте общения, как в бильярдном зале. (Привет, Хансен. — Привет, Енсен. — Привет, Скоу.) Однако к окружающим он всегда обращался исключительно корректно.

— К безопасности надо относиться серьезно, герр профессор Расмуссен, — убеждал он, одновременно наблюдая за всем, что происходит вокруг. — У вас есть что-то, требующее охраны, поэтому надо все время быть начеку.

— То, что у нас есть...

— Не говорите мне об этом, я настаиваю. Чем меньше народу знает, тем меньше болтают. Разрешите мне только охранять вас, и работайте себе спокойно.

— Бог мой, дружище, да мне не о чем беспокоиться. Мы совсем недавно начали работу, и о нашем проекте еще никому не известно.

— Вот так должно оставаться и впредь. Я предпочитаю принять меры в самом начале — или даже до начала работы. Если все будет шито-крыто, никто ничего не сможет пронюхать.

Скоу любил подделывать свою речь под простонародный говор и потому казался простоватым, каким на самом деле вовсе не был. Когда он стоял, засунув руки в карманы поношенного твидового пиджака и слегка накренившись в сторону, он выглядел совсем как обычный пьянчужка. Бесцветное лицо и рыжеватые редеющие волосы усиливали эту иллюзию. Но Ове знал, что это и вправду не более чем иллюзия. Скоу служил в полиции уже много лет, прекрасно говорил по-немецки и во время войны был с оккупантами на короткой ноге, играл с ними в карты в Эльсиноре, что давало основание согражданам считать его презренным коллаборационистом. Одновременно он возглавлял подполье в этом районе, и его искривленная поза была результатом того, что бывшие собутыльники сумели-таки его подстрелить. Он, однако, успел выпрыгнуть со второго этажа, прежде чем они явились в госпиталь, чтобы расспросить его поподробнее. Теперь он был связан с неким правительственным комитетом — Скоу не любил вдаваться в детали по этому поводу. В конечном счете все сводилось к вопросам безопасности, которые он имел право решать по собственному усмотрению. Вот уже больше месяца он сновал вокруг и внутри лаборатории, налаживая систему охраны и устанавливая ее правила, чтобы все, чему надлежало быть секретным, было таковым.

[1] Длинный источник (*дат.*).

— Все это очень напоминает детективный фильм, герр Скоу, — сказал Арни. — Если бы мы погрузили установку в кузов и прикрыли сверху брезентом, никто ее и не заметил бы.

— Просто Скоу, если вы не против. Искусство ведь основано на реальности, кино заимствует у жизни. А мы можем позаимствовать у кино. Меры должны быть приняты. Это вопрос безопасности.

Спорить с ним было невозможно. Они ждали, сидя в здании Института Нильса Бора. В это время к погрузочной площадке подъехал красно-черный почтовый фургон. Дав задний ход, он чуть не опрокинул штабель ящиков с молочными бутылками, послышались крики: «Стоп, Хенрик!», «Lidt endnu! Ser den der!»[1], и наконец задняя дверь фургона вплотную приблизилась к краю платформы. Два молчаливых почтальона, громоздкие в своих рыжевато-розовых куртках, грохоча деревянными подошвами, грузили в фургон какие-то свертки. Сразу было видно, что это не простые почтальоны: ни один нормальный датский почтальон не упустил бы случая поболтать с охранниками, стоявшими рядом. Скоу молча показал на ящики с установкой, и они так же молча втолкнули их внутрь. Широкие двери захлопнулись, защелкнулся тяжелый замок, заурчал мотор, и фургон выехал на дорогу. Они провожали его взглядом, пока он не затерялся среди утреннего транспорта.

— Почтовые фургоны нельзя назвать невидимками, но в том, что они почти незаметны, сомнений нет, — заметил Скоу. — Наш фургон приедет в центральное почтовое отделение на Кёбмаергаде, смешается там с другими такими же грузовиками, а через пару минут — с новыми номерными знаками, разумеется, — отправится к набережной. Я предлагаю, господа, поехать и встретить его там.

Скоу повез их в своем автомобиле — потрепанном «Опеле» неопределенного возраста, то и дело сворачивая в узкие переулки, то вписываясь в транспортный поток, то вырываясь из него, пока не убедился, что их никто не преследует. Он припарковался рядом с бухтой и отправился на поиски телефона. Ове и Арни по-

[1] Еще немного! Все, хватит! (*дат.*)

шли вперед. Холодные воды Эресунна несли с собой из Швеции пронизывающий северный ветер, серые облака низко нависали над головой.

— Похоже, пойдет снег, — сказал Ове.

— Это и есть наш корабль? — спросил Арни, глядя в дальний конец причала, где виднелось одинокое судно.

— Да, «Белый медведь». Мы решили, что он подходит нам лучше всего. В конце концов, мы не так уж уверены насчет давления, а это хоть и старый, но все-таки ледокол. Я видел, как он прошлой зимой расчищал здесь проход к гавани.

Двое массивных полицейских в долгополых шинелях смотрели в сторону Швеции и не обратили на них никакого внимания точно так же, как и двое не менее крупных мужчин, сидевших в автомобиле на полпути к ледоколу.

— Скоу спустил своих сторожевых псов, — заметил Ове.

— Сомневаюсь, что у них сегодня будет много работы. В такую погоду вряд ли найдется много желающих прогуляться по набережной.

Над ними в тумане высился борт корабля — черная стена с выпуклыми рядами заклепок. Трап был спущен, но на палубе никого не было видно. Они медленно взобрались наверх по скрипучей наклонной доске.

— И в самом деле древний, — сказал Ове, когда они поднялись на палубу. — Только слегка грязноват для белого медведя.

Из топки котла далеко внизу поднималась по трубе и взвивалась вверх узкая струйка черного дыма.

— Старый, но крепкий, — произнес Арни, указав на массивные прочные шпангоуты. — Ледоколы нового поколения наползают на лед и ломают его своей тяжестью. А этот старичок протаранивает путь своим собственным носом. Отличный выбор для нашего эксперимента. Интересно, куда все подевались?

Словно в ответ на эти слова дверь штурманской рубки распахнулась, и оттуда вышел капитан, такой же темный и мрачный, как и его судно, в черном плаще и сапогах, с огромной пиратской бородой, закрывавшей нижнюю часть лица. Громыхая сапогами по палубе, он подошел к ним и небрежно отдал честь.

— Я так понимаю, вы и есть те самые джентльмены, которых мне приказано ждать. Капитан корабля Хоугор.

Ни в его голосе, ни в поведении не было даже намеков на гостеприимство. Они обменялись с ним рукопожатиями, смущенные тем, что по требованию Скоу не имели права представиться.

— Спасибо, что вы предоставили свое судно в наше распоряжение. С вашей стороны это очень любезно, — сказал Ове, стараясь смягчить капитана.

— У меня не было выбора. — Капитан не собирался смягчаться. — Мне приказало начальство. Команда останется внизу — это тоже было в приказе.

— Благодарю вас, — произнес Ове, изо всех сил стараясь, чтобы в голосе не зазвучали саркастические нотки.

Послышался скрип тормозов — внизу, на набережной, остановился почтовый фургон, вовремя прервав их диалог.

— Вас не затруднит вызвать нескольких матросов и помочь разгрузить фургон?

Капитан Хоугор наклонился к открытому люку и проревел пару команд. На палубе тут же появилось полдюжины матросов. Им явно было любопытно, что здесь происходит, и они были даже рады возможности сменить обстановку.

— Поосторожнее с ящиками, — предостерег Арни, когда матросы несли груз вверх по трапу. — Их нельзя кидать или трясти.

— Я буду с ними так нежен, как если бы внутри сидела моя родная матушка, — заверил ученого светловолосый гигант, широкие бакенбарды которого переходили в эпические усы. Когда капитан отвернулся, матрос улыбнулся и подмигнул.

Они заранее ознакомились с планировкой ледокола и решили, что лучше всего им подойдет машинное отделение. Носовая часть отсека была отделена складной перегородкой от помещения электрика с инструментами и верстаком. Здесь же размещались распределительный щит и генератор. Наконец, что не менее важно, отсек прилегал к наружной обшивке корпуса корабля.

Под неусыпным наблюдением обоих физиков ящики были доставлены в машинное отделение и опущены наземь. Когда матросы ушли, капитан обратился к ученым:

— Я получил указание, что ваша работа требует полной секретности. Однако, поскольку один котел должен действовать постоянно, здесь будет находиться машинист...

— У нас нет никаких возражений, капитан, — перебил его Арни.

— ...а когда сменится вахта, я сам приведу другого. Если я вам понадоблюсь, я у себя в каюте.

— Прекрасно, благодарю за помощь, капитан.

Они проводили его взглядом.

— Боюсь, ему все это сильно не нравится, — покачал головой Арни.

— А я боюсь, что нам некогда переживать по этому поводу. Давай распаковываться.

На монтаж оборудования ушел почти весь день. Установка состояла из четырех основных блоков, электронная начинка которых была скрыта под черными металлическими корпусами с бесчисленными шкалами и циферблатами. Между ними извивались толстые кабели с многожильными муфтами, и еще более толстый кабель тянулся к источнику питания. Пока Арни подсоединял и настраивал аппаратуру, Ове Расмуссен надел плотные рабочие рукавицы и стал внимательно изучать корпус судна, покрытый несколькими облупившимися слоями краски и испещренный заклепками.

— Вот здесь, — сказал он, постучав по выступу шпангоута, и взялся за работу, аккуратно счищая зубилом и молотком толстые слои краски, покрывавшей металл. Расчистив участок размером в квадратный фут, он принялся усердно скрести его проволочной щеткой. — Готово, — заявил он довольным голосом, снимая рукавицы и закуривая сигарету. — Блестит как стекло. Положительный контакт сюда — и через весь корпус.

— Надеюсь, так и будет. Надо подсоединить его как можно надежнее, это для нас крайне важно.

От последнего блока установки отходил гибкий волновод квадратного сечения, заканчивающийся сложным медным контактом с винтовыми зажимами. Потратив некоторое время на зачистку контакта и ворчливую ругань по поводу упрямства неподатливого материала, они закрепили его на подготовленном участке обшивки. Арни тщательно настроил установку и включил ее.

— Ток слишком слабый, — сказал он. — Но ясно хотя бы, что цепь замкнута.

Внезапно послышался резкий стук в дверь. Ове подошел и приоткрыл ее. Это был, как всегда недовольный, капитан Хоугор.

— Да?

— С вами хочет поговорить сержант. — Было очевидно, что роль мальчика на посылках ему не по вкусу.

Ове отворил дверь чуть пошире, выскользнул наружу и осторожно закрыл ее за собой. Сержант, упакованный в мундир, весь в переплетении ремней, сияющий медными застежками и высокими сапогами, держал в руках полевой телефон в кожаном чехле, провод от которого тянулся вверх по сходням.

— Мне приказали отдать вам это, сэр. Второй узел находится на причале.

— Спасибо, сержант. Оставьте его здесь, я займусь им.

Дверь, ведущая в отсек электрика, отворилась, и оттуда выглянул Арни.

— Могу я поговорить с вами, капитан?

Хоугор повернулся к сержанту.

— Подождите меня на палубе, — бросил он и замолчал, выжидая, когда тот окажется вне пределов слышимости. — В чем дело?

— Нам нужна квалифицированная помощь. Может быть, среди ваших матросов найдется хороший сварщик? Мы могли бы вызвать специалиста с берега, но это слишком долго. Речь идет об интересах страны, — добавил Арни, заметив, что капитан не торопится отвечать.

— Да, это я уже понял. Министр торговли получит мой подробный отчет об этом деле. У нас есть Енс — он работал сварщиком на верфи. Я пришлю его. — Капитан ушел, и даже топот его ног звучал раздраженно.

Енс оказался тем самым усатым гигантом, который помог перенести вниз ящики. Он появился, легко поигрывая на ходу тяжелыми газовыми баллонами и весело улыбаясь.

— Дайте-ка взглянуть на этот хитрый ящик. От Енса нет секретов — он видит все, но не говорит ничего. Ему доверяют большие секретные дела армия, флот, морская пехота, даже Институт Нильса Бора в лице, так сказать, присутствующего здесь герра профессора Расмуссена.

Ученые остолбенело уставились на него. Матрос подмигнул и кинул наземь баллоны.

— Может быть, мы все же позвоним... — начал Арни, но его прервал гомерический хохот Енса.

— Не волнуйтесь! Я все знаю, но никому ничего не рассказываю. Енс побывал в армии, в Гренландии, потом на верфях в Южной Америке. По телевизору я видел, как герр профессор получал Нобелевскую премию. Спокойно, господа, я верный датчанин, хотя и родился в Ютландии, — так это ж не значит, что всякий паршивый зеландец может задирать передо мной нос. У меня на груди даже вытатуирован датский флаг — хотите взглянуть?

Не успели они открыть рот, как Енс распахнул рубашку и с гордостью продемонстрировал датский флаг — белый крест на красном фоне, спрятанный в густых зарослях золотистых волос.

— Все это очень хорошо, — начал Арни и пожал плечами. —

Думаю, у нас нет выбора. Я надеюсь, вы не будете рассказывать о том, что увидите здесь...

— Даже если палачи вырвут у меня каждый ноготь на руках и ногах, я буду только смеяться и плевать им в лицо, не говоря ни слова.

— Да, конечно. Я не сомневаюсь в этом. Проходите сюда.

Ученые посторонились, и огромный матрос втащил свое снаряжение.

— Это все из-за контакта с корпусом, — сказал Арни, обращаясь к Ове. — Нам не удалось закрепить его как следует, и сигнал не проходит. Нужно приварить волновод к обшивке.

Выслушав объяснения, Енс кивнул, его агрегат щелкнул и зашипел. Он действительно хорошо знал свое дело, капитан не ошибся. Енс убрал волновод, почистил щеткой металлическую поверхность и протер ее растворителем. После этого снова закрепил медный контакт и провел прямой и точный сварочный шов сверху вниз, весело мурлыкая себе под нос.

— Странная у вас радиоаппаратура, — заметил он, бегло взглянув на приборы. — Хотя это не радио, конечно, насколько уж я разбираюсь — сам был радистом в Индонезии... что-то связанное с физикой, очень это сложное.

— Скажите, Енс, а вам никто не говорил, что вы слишком много болтаете? — поинтересовался Ове.

— Бывало и такое, но никто не повторял этого дважды. — Матрос показал покрытый шрамами кулак размером с футбольный мяч. Потом рассмеялся. — Болтаю я много, но выбалтываю мало — и то лишь друзьям. — Он поднял сварочное оборудование и направился к выходу. — Было очень приятно поговорить с вами, господа. Не забудьте позвать старого Енса, если вам понадобится помощь. — И он исчез.

— Интересная личность, — заметил Арни. — Как ты думаешь, он проболтается кому-нибудь?

— Надеюсь, что нет. И все-таки я расскажу о нем Скоу на всякий случай.

— Ты подхватил у него микроб подозрительности.

— Возможно. Но, если сегодня все пойдет по плану, у нас в руках окажется такой секрет, который действительно нужно будет беречь как зеницу ока.

— Так, теперь сигнал проходит отлично. — Арни выключил рубильник и потянулся. — У нас все готово. Что дальше?

— Сейчас шесть, — посмотрел на часы Ове. — Я изрядно проголодался. Нас вроде бы обещали покормить на судне.

— Капитан будет в восторге. Вареная рыба, вареная картошка и безалкогольное пиво, надо думать. Нам придется ужинать по очереди. Почему бы тебе не поесть первым? Я не слишком голоден.

— После твоего детального описания меню у меня что-то тоже отшибло аппетит. Но раз уж идея моя, пойду добровольцем. До одиннадцати часов никто не приедет, так что у нас полно времени.

Арни возился с приборами, делал предварительные подсчеты — какова будет сила поля при максимальной энергии, так что время прошло быстро. Когда снаружи донесся голос Ове, он отпер дверь.

— Вовсе не так плохо, как мы боялись. Жареная свинина и красная капуста — плотный ужин в духе старых морских традиций. Если, конечно, в последнее время у тебя не появилось предубеждений против такого меню.

— Да нет. Современный иудаизм — скорее мировоззрение и культурные традиции, чем религия. Впрочем, на рынке в Тель-Авиве домашнюю птицу найти все же легче, чем свинину. Так что я пошел ужинать.

Около одиннадцати по-военному настойчиво зазвонил полевой телефон. Ове поднял трубку.

— Говорит Скоу. Наблюдатели собрались и хотят знать, когда начнется демонстрация установки.

— Передайте им — начнем прямо сейчас. Скажите, что я поднимаюсь. — Он повесил трубку и повернулся к Арни: — Ты готов?

— Готов, насколько это возможно. — Арни глубоко вздохнул: — Ты не отходи там от телефона и информируй меня обо всем.

— Обязательно. Все сработает как надо, будь уверен.

— Я очень надеюсь. Если у нас ничего не выйдет, мы оба окажемся в дурацком положении.

— Но лабораторные результаты...

— Это совсем не то, что полевые испытания. Ладно, попробуем. Ты скажи, когда начинать.

Ове пошел, следуя за телефонным проводом наверх, и открыл наружную дверь. Порывистый ветер с силой швырнул ему в лицо пригоршню мелкого колючего снега. Ове поднял воротник и поплотнее закутался в пальто. С вершины сходней он разглядел у дальней стены причала несколько темных фигур. Скоу уже поджидал его внизу.

— Если вы готовы, давайте начинать. Адмиралу Сандер-Ланге за семьдесят, да и два генерала не намного моложе.

— Премьер-министр?..

— В последний момент передумал. Но здесь его представитель. И офицеры из ВВС — короче, весь список.

— Ну что ж, мы готовы. Принесите телефон, пожалуйста. Я по-быстрому расскажу им, в чем дело, и начнем.

— Мне бы хотелось услышать некоторые разъяснения, — раздался старческий, но все еще властный голос адмирала, когда Ове подошел к группе военных.

— Я с удовольствием это сделаю, господин адмирал. Мы надеемся продемонстрировать в действии далет-эффект.

— Далет? — спросил адмирал.

— Это четвертая буква иврита. Этот символ профессор Клейн присвоил тому фактору в уравнении, который привел к открытию.

— Какому открытию? — послышался чей-то вопрос.

Ове улыбнулся. Черты лица его были почти неразличимы в тусклом свете фонаря, залепленного снегом.

— Именно это мы сегодня и увидим. Далет-эффект теоретически доказан и проверен на практике в лабораторных условиях. Сейчас мы впервые испробуем его в достаточно крупном масштабе, чтобы проверить, можно будет его использовать или нет. Поскольку проведение испытания было сильно осложнено и физическими проблемами, и вопросами безопасности, мы решили пригласить наблюдателей, несмотря на то что опыт может потерпеть неудачу.

— Неудачу? Что вы имеете в виду? — раздался чей-то раздраженный голос.

— Это будет ясно через несколько минут... — Зазвонил телефон, и Ове остановился на полуслове. — Да?

— Можно приступать?

— Давай. Начнем с минимальной нагрузки.

— С минимальной. Включаю.

— Теперь, господа, наблюдайте за кораблем, — сказал Ове, прикрыв микрофон ладонью.

Впрочем, наблюдать было не за чем. Порывы ветра волнами гнали вдоль набережной мелкую снежную пыль, вспыхивавшую в конусах света под фонарями.

Трап ледокола был поднят; на берегу рядом с провисшими причальными канатами стояли наготове матросы. Прилив отнес ледокол от края набережной, так что стала видна темная полоска

воды. Волны плескались и шлепали между корпусом корабля и каменной стеной причала.

— Пока ничего, — сказал Ове.

— Увеличиваю мощность.

Наблюдатели переступали с ноги на ногу и ежились от холода. Послышался приглушенный ропот. Один из них повернулся к Ове, приготовившись высказать упрек, как вдруг воздух наполнился пронзительным тонким визгом. Он шел со всех сторон сразу, тревожный и не имеющий источника. Казалось, он рождался прямо в мозгу, заставляя вибрировать черепные кости. Болезненное ощущение быстро прошло, но вибрация осталась, хотя ее тон сделался более низким, как будто струна гигантской небесной виолончели рокотала на фоне Вселенной.

В ту же минуту со стороны ледокола послышался скрежет — корпус заскрипел сначала с одной стороны, потом с другой. С палубы донеслись взволнованные крики. Затем по всему телу корабля прошла мелкая дрожь, вокруг вскипели крошечные буруны и побежали, присасываясь к корпусу.

— Господи Иисусе, вы только посмотрите! — выдохнул кто-то изумленно.

Они смотрели. Это было невероятно.

Огромный ледокол, словно укрепленный на гигантском подводном поршне, медленно поднимался из воды. Сначала появилась ватерлиния, затем нижняя часть корпуса, окрашенная свинцовым суриком и заляпанная темными пятнами ракушек. Немного ниже свисали пучки увядших водорослей. На корме показались нижняя часть руля и гребные винты, которые поднимались из воды, пока все лопасти не оказались в воздухе. Матросы, стоявшие на причале, поспешно травили швартовы.

— В чем дело? Что это значит? — воскликнул один из наблюдателей, но его голос потонул в шуме взволнованных криков.

Метель немного утихла; отдельные вихри еще взметались и тут же уносились прочь; фонари на набережной теперь ярко освещали корабль, висящий над морем. Вода стекала с него сплошным потоком, заглушая плеск волн о каменную стенку причала.

Киль ледокола уже на добрый метр возвышался над водой.

— Арни, ты сделал это! — Ове сжимал телефонную трубку, глядя на тысячетонную глыбу ледокола, парящую в воздухе над проливом Идерхаун. — Ты поднялся уже как минимум на метр! Снижай нагрузку...

— Я и снижаю. — Голос был напряженным. — Но начинают нарастать гармоники, стоячая волна...

Внезапно с корабля донесся протяжный металлический стон, заглушивший его слова. Ледокол вздрогнул всем корпусом и вдруг рухнул как подкошенный кормой вниз, словно из-под него выдернули подпорки.

Звук был такой, как будто загрохотал во всю мощь гигантский водопад. Мгновение — и ревущая стена черной воды взметнулась у берега, встала на дыбы, как зверь перед прыжком, вырастая все выше и выше, и обрушилась на причал. Разбившись в белую кипящую пену, волна хлынула на наблюдателей, потащила их вперед и грохнула о каменную стену. Люди попадали с ног, она смешала их в кучу, потом раскидала, словно выброшенную на берег рыбу, и поползла назад широким темным полотном.

Послышались стоны и крики раненых, которым эхом вторили возгласы, доносившиеся с корабля.

— Сюда, скорее, боже мой! Это же адмирал!

— Не трогайте его — у него сломана нога, если не хуже.

— Пустите меня!..

— Вызовите «Скорую помощь», здесь раненый!

Грохоча тяжелыми сапогами, подбежали охранники; кто-то кричал в полицейский радиопередатчик. «Белый медведь» раскачивался на волнах, лязгая металлом, и, перекрывая весь этот шум, властно гремел голос капитана:

— Течь на корме — ставьте деревянные заглушки, идиоты! Дайте мне только добраться до того, кто все это устроил!

С пронзительным воем приближались полицейские машины, за ними звенели колокольчики сирен «Скорой помощи». Огни фар неслись вдоль набережной, освещая сотни крошечных водопадов, стекавших по каменным стенам.

От удара Ове чуть не потерял сознание, вымок до костей и запутался в телефонном проводе. С трудом приподнявшись, он сел спиной к стене и смотрел, как обезумевшие люди метались на фоне раскачивающегося ледокола. Он был потрясен внезапностью несчастья, видом раненых, может быть, погибших людей. Это было жутко, этого не должно было случиться.

И в то же время его переполняло такое чувство торжества, что он едва удержался от крика. Сработало! Они победили! Далет-эффект действует — точно так, как предсказывал Арни Клейн.

В мире появилось нечто новое, не существовавшее до этой ночи, и отныне мир уже никогда не будет таким, как прежде. Он улыбнулся в темноту, не замечая крови, стекающей по подбородку, не замечая даже того, что у него выбито четыре передних зуба.

...Метель продолжала кружить, то опуская густую снежную завесу, то дразняще приподнимая ее на мгновение. Человек на другой стороне пролива Идерхаен монотонно и непрерывно ругался. Это было единственное, что он мог сделать, не успев ничего разглядеть за такой короткий миг.

Он лежал на крыше пакгауза, отделенный проливом шириной в полмили от набережной Лангелине. После наступления темноты этот район был пустынен, и он без труда избежал встречи с несколькими ночными сторожами и полицейскими, проходившими мимо. В руках он держал превосходный цейсовский бинокль с 200-миллиметровым фокусным расстоянием, приспособленный для ночного видения, но даже в такой бинокль ничего не увидишь, если смотреть не на что. Снегопад начался вскоре после того, как к набережной подъехали служебные автомобили, и больше не прекращался.

Именно появление автомобилей привлекло его внимание — такая оживленная деятельность в такое позднее время, — а также передвижение группы военных, которых он не выпускал из вида. Он никак не мог понять, что все это значит. Выходило так, будто они приехали к этому проклятому причалу в кромешную тьму и метель только лишь затем, чтобы постоять и поглазеть на грязный занюханный ледокол. Он снова выругался и сплюнул в темноту — уродливый, еще больше обезображенный яростью, с плотно сжатым ртом, бычьей шеей и редкими седыми волосами, подстриженными так коротко, что круглая голова казалась выбритой.

Что там задумали эти толстые глупые датчане? Что-то случилось — может, авария при входе в док? Люди падали на землю, поднялись волны. Но он не слышал звука взрыва. А теперь там мельтешили машины «Скорой помощи», со всех сторон мчались полицейские автомобили. Что бы там ни случилось, все это уже позади, сегодня ничего интересного больше не будет. Он ругнулся еще раз и встал, с трудом разгибая онемевшие колени.

Что-то действительно произошло, это точно. И он расшибется в лепешку, но выяснит, что именно. Ему за это платили, и такая работа была ему по душе.

Машины «Скорой помощи» уехали, и надо было иметь очень уж зоркие глаза, чтобы разглядеть в темноте, что ледокол погрузился в воду глубже, чем обычно.

Глава 5

— Не слишком удачный вид, — признал Боб Бакстер, — но в некотором роде он меня вдохновляет. Всякий раз, когда я смотрю в окно, я вспоминаю о своей работе.

Бакстер, тощий и долговязый, складывался при ходьбе в суставах наподобие плотницкой линейки. Его невыразительное лицо мгновенно выпадало из памяти; самой запоминающейся чертой его внешности были массивные очки в черной оправе. Без очков его было трудно узнать, может, поэтому он их и носил. Он сидел, развалившись во вращающемся кресле за письменным столом, и указывал в окно остро отточенным желтым карандашом с надписью: «Собственность правительства США».

Его единственный собеседник, пристроившийся на самом краешке стула, вымученно кивнул. Ему уже неоднократно приходилось выслушивать про вид из окна. Это был коренастый уродливый человек с плотно сжатыми губами и очень круглой головой, кое-где покрытой седой щетиной. Он называл себя Хорст Шмидт — такое же удобное имя для регистрации в отеле, как Джон Смит.

— Умиротворяющая картина, — продолжал Бакстер, направляя острие карандаша на белые камни и зеленые деревья. — Пожалуй, нет ничего более мирного, чем вид погоста. А знаете, что это за дом с затейливой крышей на другой стороне кладбища?

— Посольство Союза Советских Социалистических Республик, — ответил мужчина. Он говорил по-английски хорошо, хотя и с акцентом, где-то глубоко в горле перекатывая раскатистое «р».

— Очень символично. — Бакстер повернулся к столу и бросил на него карандаш. — Американское посольство прямо напротив русского, а между ними — кладбище. Это наводит на размышления. Итак, что вам удалось узнать об этой вчерашней суматохе в порту?

— Это оказалось совсем непросто, мистер Бакстер. Все словно воды в рот набрали.

Шмидт достал из внутреннего кармана пиджака сложенный лист бумаги и, вытянув его перед собой на длину руки, прищурился, пытаясь прочесть.

— Это список тех, кто получил серьезные повреждения и был госпитализирован примерно в одно и то же время. Среди них...

— Я сниму ксерокопию, так что можете опустить детали. Изложите мне в общих чертах.

— Пожалуйста. Адмирал, генерал-майор, полковник, еще какой-то офицер и высокий чин из правительства. Всего пять человек. У меня есть основания полагать, что еще несколько человек, в том числе офицеры ВВС, поступили с синяками и ушибами — их перевязали и отпустили.

— Отлично. Весьма оперативно.

— Это было нелегко. Добраться до записей в военном госпитале крайне трудно. Пришлось пойти на расходы...

— Представьте счет. Вам оплатят, не волнуйтесь. А теперь у меня вопрос на 64 доллара, если можно так выразиться: что было причиной всех этих повреждений?

— Как вы понимаете, это трудно определить. Здесь каким-то образом замешан корабль, ледокол «Белый медведь».

— Я не назвал бы это потрясающей новостью, поскольку мы знали об этом с самого начала.

Бакстер слегка нахмурился и подровнял горстку остро отточенных карандашей, аккуратно разложенных в ряд на зеленой промокательной бумаге. Больше на столе ничего не было, кроме фотографии круглолицей улыбающейся женщины, держащей за руки двух тоже круглолицых, но мрачных мальчуганов.

— Этого мало. Нам нужны дополнительные сведения.

— Есть кое-что еще, сэр. «Белого медведя» отбуксировали в Кристианхаун, где его ремонтируют на верфи ВМС. Судя по всему, у ледокола пострадал корпус, возможно, в результате столкновения. Мне удалось выяснить, что повреждения на корабле и ранения людей вызваны какой-то одной причиной. Даже это оказалось исключительно трудно узнать, потому что все происшедшее покрыто завесой строжайшей секретности. Однако этого достаточно, чтобы прийти к выводу — происходит нечто очень серьезное.

— Я тоже так думаю, Хорст. — Бакстер, задумчиво глядя вдаль, взял один из карандашей, поднес ко рту и принялся легонько покусывать. — Для датчан это крайне важное происшествие, раз в него замешаны все рода войск, правительственный департамент и даже этот чертов ледокол. Ледокол ассоциируется со льдом, лед наводит на мысли о России, а потому я очень хотел бы понять, что там стряслось, черт бы их всех побрал!

— Значит, вы не получили... — Улыбка Хорста, больше напоминавшая оскал, обнажила плохо подобранную коллекцию пожелтевших зубов, стальных зубов и даже неожиданную роскошь в виде одного золотого зуба. — Я хочу сказать, какая-то информация должна была поступить по линии НАТО, верно?

— Не лезьте не в свое дело. — Бакстер недоуменно взглянул на обмусоленный кончик карандаша и швырнул его в мусорную корзину. — Это вы должны снабжать меня информацией, а не наоборот. Хотя пожалуйста, мне не жалко. Судя по официальным источникам, ничего вообще не случалось, а потому никто ни о чем сообщать не собирается, чтоб им пусто было.

Он незаметно вытер под столом мокрые пальцы о брюки.

— Это не слишком красиво с их стороны, — бесстрастно заметил Хорст. — После всего, что ваша страна сделала для них.

— Ваши бы слова да богу в уши. — Бакстер бросил взгляд на золотые часы с невероятным количеством стрелок и кнопок. — Жду следующего доклада ровно через неделю. В тот же день, в тот же час. Надеюсь, у вас будет больше информации.

Шмидт передал ему список с именами.

— Вы сказали, что хотите снять ксерокопию. Кроме того, мы еще не решили вопрос... — Он приподнял руку ладонью вверх, быстро улыбнулся и опустил ее.

— Деньги. Так бы сразу и сказали. Нечего тут стыдиться. Мы все работаем за деньги, потому шарик и крутится. Я сейчас вернусь.

Бакстер взял список и вышел в соседнюю комнату. Шмидт продолжал сидеть совершенно неподвижно, не проявляя никакого интереса ни к ящикам письменного стола, ни к стенному шкафу, забитому папками. Он широко зевнул, потом рыгнул, недовольно чмокнул губами, достал из пластиковой коробочки две белые таблетки и принялся их жевать. Бакстер вернулся и отдал ему список вместе с длинным конвертом без надписи. Шмидт сунул их в карман.

— Вы не хотите пересчитать деньги? — спросил Бакстер.

— Вы человек чести.

Шмидт встал — типичный представитель среднего класса из Средней Европы, одетый в темно-синий пиджак с широкими лацканами и просторные брюки с отворотами, почти закрывающими тяжелые черные ботинки. Брови Бакстера поползли вверх над черной оправой очков, но он промолчал. Шмидт взял с вешалки в углу пальто и шарф, такие же грубые и темные, как широкополая шляпа, и без единого слова вышел в серый скучный зал. На закрывшейся за ним двери не было таблички с именем хозяина, только номер — 117. Вместо того чтобы повернуть к вестибюлю, Шмидт прошел по коридору и спустился по лестнице в библиотеку Информационной службы США. Даже не взглянув

на заглавия, он взял с ближайшей полки пару книг и, пока их заносили в карточку, натянул пальто.

Вынырнув через несколько минут на Эстерброгаде, он пошел следом за мужчиной, который тоже нес книги. Мужчина повернул направо, Шмидт — налево. Он не спеша, словно прогуливаясь, прошел мимо погоста и вышел к станции метро «Эстерпорт».

Оказавшись на станции, Шмидт посетил по очереди почти все киоски и заведения. Он развернул купленную у входа газету и взглянул поверх нее на людей, входивших следом за ним, потом пересек зал и зашел в туалет. Положил книги вместе с газетой в камеру хранения и сунул в карман ключ. Спустился по лестнице к поездам и, хотя пересекать пути было запрещено, сумел через несколько минут подняться по другой лестнице. Такая активная деятельность измотала его, и он заскочил в закусочную, чтобы выпить на ходу кружку «Карлсберга». Все эти перемещения, очевидно, привели к желаемому результату, потому что Шмидт, вытерев ладонью пену с губ, покинул станцию через задний ход и быстро пошел по Эстбанегаде вдоль рельсов метро, которые выползали там из туннеля на свет божий. На первом же углу он свернул налево и пошел вдоль другой стороны кладбища. Улица была пустынной.

Убедившись, что его никто не видит, он быстро повернулся и вошел через открытые кованые ворота во двор советского посольства.

Глава 6

Балтика

— Ja, ja, — сказал капитан Нильс Хансен, прижимая к уху телефонную трубку. — Jeg skal nok tale med hende. Tak for det[1].

Он сидел, постукивая пальцами по аппарату, и ждал. Мужчина, который отрекомендовался как «просто Скоу», стоял у окна и глядел на серый зимний день. Издалека доносилось потустороннее завывание реактивных двигателей — это один из огромных авиалайнеров поднимался со взлетной полосы.

— Привет, Марта. — Нильс перешел на английский. — Как дела? Ну и хорошо. Нет, я в Каструпе, только недавно прилетел. Хороший попутный ветер из Афин, поэтому сели пораньше.

[1] Да-да. Я буду с ней говорить. Спасибо (*дат.*).

В том-то все и дело, мне нужно вновь вылетать... — Капитан расстроенно кивал головой, соглашаясь с упреками жены, звеневшими в трубке. — Послушай, милая, ты совершенно права, и я с тобой полностью согласен, но у меня просто нет выхода. Власти предержащие решили по-своему. Сам я не поведу самолет — слишком много часов в воздухе, они доставят меня туда пассажиром. Один из пилотов — швед, кто же еще? — попал в калькуттскую больницу с острым приступом аппендицита. Я должен был лететь следующим рейсом, поэтому они и привязались ко мне. Отосплюсь во время полета, ночью высплюсь в отеле «Оберой Гранд» и завтра приведу его самолет обратно. Совершенно верно... Думаю, через сорок восемь часов. Мне ужасно жаль, что я пропущу этот ужин. Передай Овергорам — я просто рыдаю от отчаяния, что вместо прекрасной скандинавской оленины мне придется травиться жгучим кэрри, а потом неделю страдать расстройством желудка. Ну конечно, skat[1], я тоже по тебе соскучился. За это я выбью из них премию и куплю тебе что-нибудь хорошее. Да... обязательно... до свидания.

Нильс повесил трубку и с нескрываемой неприязнью посмотрел Скоу в спину.

— Я не люблю лгать жене.

— Мне очень жаль, капитан Хансен, но это было необходимо. Речь идет о национальной безопасности, поймите. Принимай все меры предосторожности сегодня, ибо завтрашний день сам будет заботиться о своем. — Он взглянул на часы. — Самолет на Калькутту вылетает как раз сейчас, и ваше имя есть в списке пассажиров. Вас зарегистрируют в калькуттском отеле — правда, вы не сможете принимать телефонные звонки. Все продумано до мельчайших деталей. Этот обман необходим, но совершенно безвреден.

— Необходим для чего? Вы являетесь неизвестно откуда, заводите меня в этот кабинет, показываете бумаги с важными подписями, требующие оказать содействие, суете под нос письмо от моего начальства, командующего резервными войсками ВВС, добиваетесь моего согласия на сотрудничество, вынуждаете, наконец, лгать жене — и при этом не говорите ничего конкретного. В чем дело, вы можете сказать, черт побери?

Скоу серьезно кивнул, оглядел комнату, будто ее стены были утыканы бесчисленными подслушивающими устройствами, и

[1] Золотко (*дат.*).

разве что не приложил палец к губам — он прямо-таки излучал подозрительность.

— Я сказал бы вам, если б мог. Но я не могу. Скоро вы сами все узнаете. А теперь — вы готовы? Я возьму вашу сумку.

Не успел он протянуть руку, как Нильс схватил сумку и надвинул на голову форменную фуражку. В одних носках его рост был шесть футов и четыре дюйма; в форме, фуражке, в туго перетянутом ремнем плаще он заполнял собой всю небольшую комнату. Скоу открыл дверь, и Нильс последовал за ним, чеканя шаг. Они вышли через боковой выход, у которого их уже поджидало такси. Мотор был включен и слегка подрагивал на холостом ходу. Они сели в машину, и водитель рванул с места, не дожидаясь указаний. Отъехав от здания аэропорта, «Мерседес» повернул направо, удаляясь от Каструпа.

— Очень интересно, — заметил Нильс, глядя в окно автомобиля. Недовольные складки на его лице разгладились, он вообще не умел долго сердиться. — Вместо того чтобы ехать в Копенгаген и дальше — на край света, мы почему-то направляемся на юг, на этот маленький плоский островок, где растет одна картошка. Что же такого интересного мы можем найти в той стороне?

Скоу протянул руку к переднему сиденью и взял оттуда черное пальто и темный берет.

— Если вас не затруднит, снимите, пожалуйста, форменный плащ и фуражку и наденьте вот это. Надеюсь, брюки никто не опознает как часть формы пилота САС.

— Рыцарь плаща и кинжала, ей-богу, — фыркнул Нильс, с трудом стаскивая с себя плащ на тесном заднем сиденье. — Я так понимаю, наш доблестный водитель тоже в курсе?

— Разумеется.

Вместительное переднее сиденье выдало им на сей раз маленький чемоданчик, куда едва поместились плащ и фуражка. Нильс поднял воротник своего нового пальто, надвинул берет на глаза и спрятал массивный подбородок на груди.

— Ну, теперь я выгляжу достаточно таинственно? — Он не удержался от усмешки.

Скоу, однако, не разделял его веселья.

— Прошу вас, ведите себя так, чтобы не привлекать к нам внимания. Это крайне серьезное дело — вот и все, что я могу вам сейчас сказать.

— Ничуть не сомневаюсь.

Они молча катили по шоссе, пересекавшему скучные серые поля, недавно вспаханные и готовые к весеннему севу, и вскоре

подъехали к рыбацкой деревушке Драгёр. Нильс подозрительно смотрел на старые дома из красного кирпича, но в деревне они не остановились, а поехали к гавани.

— Теперь куда? В Швецию? — спросил Нильс. — На пароме?

Скоу не потрудился ответить. Машина проехала мимо эллинга и остановилась у пристани. На приколе стояло несколько посудин для развлекательных прогулок и среди них довольно большой катер.

— Следуйте за мной, пожалуйста, — сказал Скоу и, опередив Нильса, подхватил его сумку.

С сумкой в одной руке и чемоданчиком в другой он направился к катеру. Нильс покорно следовал за ним, недоумевая, куда это, к черту, он вляпался. Скоу забрался на катер, поставил свою ношу в каюту и махнул Нильсу рукой. Моряк у руля, казалось, не обращал на них внимания, однако в ту же минуту заработал двигатель.

— Здесь я с вами прощаюсь, — произнес Скоу. — Думаю, пока вы будете плыть, вам лучше находиться в каюте.

— Куда плыть?

Скоу ничего не ответил и принялся отвязывать канат. Нильс пожал плечами, наклонил голову, проходя через низкую дверь в каюту, и плюхнулся на скамью. Скудный свет едва пробивался через маленькие иллюминаторы, так что он не сразу обнаружил, что в помещении есть кто-то еще.

— Добрый день, — обратился он к закутанной фигуре в конце противоположной скамьи и услышал в ответ неразборчивое бормотание. Когда глаза привыкли к темноте, Нильс увидел, что у ног незнакомца стоит чемодан и одет он в черное пальто и темный берет.

— Подумать только! — засмеялся Нильс. — Похоже, они поймали и вас. У нас одна униформа.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — пробурчал мужчина, снимая берет и засовывая его в карман. Нильс подвинулся на скамейке и уселся напротив.

— Понимаете, отлично понимаете. Этот Скоу с его секретами. Правда, когда речь заходит о маскировке, — никакой фантазии. Спорим, вас призвали для участия в какой-то секретной работе и спешно доставили сюда.

— Откуда вы знаете?

— Инстинкт. — Нильс стащил с головы берет и ткнул в него пальцем, затем внимательнее всмотрелся в лицо собеседника. — А мы раньше с вами не встречались? На какой-нибудь вечеринке

или... Вспомнил — ваша фотография была в журнале. Вы тот самый подводник, который помогал вытаскивать «Боинг-707». Карлсон, Хенриксен или что-то вроде...

— Хеннинг Вильхельмсен.

— А я — Нильс Хансен.

Они машинально пожали друг другу руки, и атмосфера заметно разрядилась. В крошечной каюте было тепло, и Нильс расстегнул пальто. Мотор равномерно гудел, унося катер все дальше от берега. Вильхельмсен взглянул на форму Нильса.

— А ведь это действительно интересно, — заметил он. — Морской офицер и летчик САС вываливают в Эресунн на этой посудине. Что бы это могло означать?

— Может быть, у Дании есть авианосец, о котором мы не знаем?

— Если даже так, при чем тут я? Разве что это подводный авианосец, но об этом я точно хоть что-нибудь знал бы. Хотите выпить?

— Бар еще закрыт.

— Уже открылся. — Вильхельмсен вытащил из бокового кармана фляжку в кожаном футляре. — Лозунг подводников: «Будь готов!»

Нильс непроизвольно сглотнул, глядя, как темная жидкость льется в металлическую чашку.

— Мне нельзя, если придется лететь в ближайшие двенадцать часов.

— Очень сомнительно, разве только у этой лоханки вырастут крылья. К тому же это подводный ром, безалкогольный.

— Принимаю ваше предложение.

Ром был хорош на вкус и приподнял настроение. Походив немного вокруг да около, они обменялись информацией и выяснили, что отсутствие сведений возросло ровно вдвое. Ясно было одно — их куда-то везли, а зачем — непонятно. Поглядев украдкой на заходящее солнце, они пришли к выводу, что единственная часть датской территории в этом направлении — остров Борнхольм, но добраться туда на таком легком судне невозможно. Через полчаса они получили ответ на свой вопрос — двигатель катера стих, и иллюминаторы с правого борта внезапно потемнели.

— Корабль, ну конечно, — сказал Хеннинг Вильхельмсен и высунул голову в дверной проем. — «Витус Беринг».

— Никогда не слышал о таком.

— Я знаю этот корабль. Это судно Океанографического института. В прошлом году мне пришлось побывать на нем, когда

спускали на воду «Каракатицу» — маленькую экспериментальную подлодку. Я проводил испытания.

По палубе простучали шаги, и в каюту просунулась голова матроса, спросившего, где их багаж. Они отдали чемоданы и последовали за ним по раскачивавшемуся трапу. Вахтенный офицер проводил их в кают-компанию, где сидели больше десятка военных всех родов войск и четверо гражданских. Нильс узнал двоих — политического деятеля, которого он как-то видел среди пассажиров, и профессора Расмуссена, лауреата Нобелевской премии.

— Садитесь, господа, — пригласил Ове Расмуссен. — Я объясню вам, зачем вас сюда привезли.

На следующее утро они уже плыли в нейтральных водах Балтийского моря, в сотне миль от берега. Арни провел беспокойную ночь: он оказался плохим моряком, и качка не давала ему уснуть. Он поднялся на палубу последним и присоединился к компании, наблюдавшей за тем, как «Каракатицу» доставали из трюма.

— Она словно игрушечная, — сказал Нильс Хансен.

Хотя на голове летчика вновь красовалась фуражка с эмблемой САС, он был одет, как и все остальные, в высокие резиновые сапоги, плотный свитер и толстые шерстяные брюки, защищавшие от резкого северного ветра. Стоял пасмурный зимний день, облака нависали прямо над головой, а горизонт приблизился вплотную.

— Это вовсе не игрушка — она на самом деле больше, чем кажется, — заступился за свою любимицу Вильхельмсен. — С экипажем в три человека она может взять на борт еще двоих. Отлично погружается, хорошо поддается управлению, выдерживает давление...

— Зато пропеллеров нет, — мрачно перебил его Нильс, подмигнув остальным. — Отломились, должно быть...

— Это подводная лодка, а не летательный аппарат! У нее водные импеллеры, реактивные двигатели — не хуже, чем на твоих больших глупых машинах. За это ее и прозвали «Каракатицей»: она передвигается, выталкивая водную струю, как все головоногие.

Арни поймал взгляд Расмуссена и отвел Ове в сторону.

— Прекрасный день для испытаний, — заметил Ове, ощупывая языком свои новые передние зубы; он все еще не привык к ним. — Видимость невелика, и на экране радара вообще ничего

нет. Недавно над нами пролетел самолет ВВС и передал, что ближайшее судно в ста сорока километрах. Всего лишь польский каботажный сухогруз.

— Я хочу принимать участие в испытаниях, Ове.

— Не думай, что я забыл об этом. — Ове мягко коснулся его плеча. — Я не хочу занимать твоего места. Но министр считает, что сейчас нельзя рисковать твоей жизнью, и он совершенно прав. Хотя я все равно поменялся бы с тобой местами, если бы мог. Но они не позволят. Адмирал знает о приказе и примет меры, чтобы он был выполнен. Однако ты не волнуйся — я позабочусь о твоем детище. Нам удалось устранить гармоники, а больше ничего не может случиться. Вот увидишь.

Арни покорно пожал плечами, сознавая, что спорить бессмысленно.

После недолгой суматохи, звучных команд и криков одобрения маленькая подлодка была спущена на море. Хеннинг Вильхельмсен уже покачивался внизу на веревочном трапе. Едва лодка коснулась воды, он прыгнул на борт и сразу исчез в башенном люке. Через несколько минут послышался гул заработавших двигателей, и Хеннинг, высунувшись из люка, махнул им рукой.

— Давайте! — крикнул он.

— Все будет в порядке, — сказал Ове, пожимая руку Арни. — После того как мы смонтировали далет-установку, мы проверяли ее десятки раз и в разных условиях.

— Я знаю, Ове. Удачи вам.

Ове с Нильсом спустились по трапу, забрались в лодку и задраили люк.

— Отцепляйте! — прогудел из динамика, установленного на палубе, голос Хеннинга.

Корабль поддерживал связь с подлодкой с помощью коротковолнового передатчика. Канаты убрали, лодка повернулась и начала удаляться от «Витуса Беринга». Арни взял микрофон.

— Отведите ее метров на триста.

— Слушаюсь!

Двигатели корабля были остановлены, и он тихо покачивался на волнах. Арни крепко держался за поручень, провожая лодку взглядом. Лицо его было спокойно, но он чувствовал, как сильно колотится сердце. Теория — это одно, а практика — совсем другое, как сказал бы Скоу. Арни чуть заметно улыбнулся. Это испытание будет решающим.

На шее у него висел полевой бинокль. Арни нащупал его и поднес к глазам. Подводная лодка развернулась и начала описы-

вать широкие круги вокруг корабля. В бинокль он отчетливо видел, как волны плескались у ее корпуса, слегка выдающегося над водой.

Затем — нет, это ему показалось — волны стали разбиваться уже о борт, и из воды показалась большая часть корпуса. Лодка поднималась все выше и выше, вырастая из моря неестественно высоко, и наконец, как огромный надутый шарик, легла на поверхность воды.

И начала подниматься над ней. Легко и свободно — пять, десять, тридцать метров... Арни опустил бинокль, повисший на ремешке, и замер, вцепившись руками в поручни.

С легким изяществом, отличающим все летательные аппараты, которые легче воздуха, двадцатитонная подводная лодка, оснащенная толстым корпусом, зависла на высоте добрых сорока метров. Затем, словно стоя на невидимой опоре, повернулась носом к кораблю и медленно поплыла по воздуху, скользя над задранными вверх лицами и осыпая их каплями дождя, стекавшими с корпуса. Все застыли в безмолвии, пораженные почти невероятным зрелищем, лишь постукивание двигателей ясно слышалось в тишине. Не отводя глаз, Арни нащупал микрофон и включил его.

— Можете возвращаться. Думаю, наш эксперимент удался.

Глава 7

Стоя спиной к доске и глядя на лица, обращенные к нему в напряженном внимании, Арни чувствовал себя как дома. Словно он опять был в университетской аудитории, а не в кают-компании «Витуса Беринга». Он чуть было не написал на доске привычное «Арни Клейн», но вовремя спохватился и четкими движениями вывел наверху: «Далет-эффект», изобразив рядом древнееврейскую букву.

— Если позволите, я дам вам краткую историческую справку, чтобы объяснить то, чему вы сегодня были свидетелями. Как вы помните, несколько лет назад Израиль провел серию исследований атмосферы с помощью ракетных зондов. Эти испытания имели несколько задач, и одна из них, далеко не последняя, заключалась в том, чтобы показать окружающим арабским странам, что мы... то есть Израиль... имеем собственные ракеты и больше не зависим от капризов иностранных поставщиков. Из-за ограничений, навязанных соседними странами, и ввиду маленьких размеров Израиля выбор траекторий был крайне небольшим. Прямо вверх, затем так же прямо вниз — вот все, что мы могли себе позволить. Но для этого понадобились исключительно точные контрольные механизмы. Как выяснилось, ракета, которая вертикально поднимается прямо над местом запуска, оказалась неоценимым инструментом для исследований в самых разных областях науки. По дыму, тянувшемуся за хвостом, метеорологи определяли направление и скорость ветра на разных высотах, а внутренние контрольно-измерительные приборы потом координировали эти данные с атмосферным давлением и температурой. Вне атмосферы проводилось еще больше экспериментов, однако тот, о котором пойдет речь, лишь по чистой случайности позволил обнаружить явление, названное нами гравиметрической аномалией.

Арни приготовился написать термин на доске, но тут же одернул себя.

— В то время меня интересовали квазары и возможные источники их невероятной энергии. Как вы знаете, энергию, излучаемую квазарами, невозможно объяснить даже полной аннигиляцией вещества. Однако эта проблема отступила на второй план, потому что совершенно случайно один из ракетных зондов оказался за пределами атмосферы именно в тот момент, когда на Солнце началась вспышка. Он пробыл там почти пятьдесят минут. Мы и раньше запускали зонды, как только удавалось зарегистрировать вспышку, но опоздание к началу выброса составляло как минимум час. Поэтому впервые у меня в руках была исчерпывающая информация о солнечной вспышке. Магнитометр, частицы космического излучения и данные, которые показались в тот момент вообще не имеющими отношения к делу, — технические показания приборов. Я обратил на них внимание только потому, что несколько лет занимался определенными аспектами квантовой теории Эйнштейна, связанными с гравитацией. Мои исследования зашли в тупик, но я не переставал думать о них. И вот, когда некоторые показания были признаны неверными, что объясняли искажением телеметрической информации, вызванным модными магнитными полями, я решил проверить их более детально. Оказалось, что данные абсолютно верны, но это означало, что какая-то неизвестная сила существенно уменьшила вес зонда, оставив неизменной его массу. Короче говоря, гравитационная масса в какой-то промежуток времени отличалась от инерционной массы. Я обозначил это расхождение символом «далет» и попытался выяснить, в чем его причина. Сначала я по-

думал о «массе Шварцшильда» или скорее о приложении ее к четырехмерному континууму вселенной Минковского...

Арни заметил наконец озадаченное выражение на лицах присутствующих, увидел остекленелые глаза генерала, почти вылезшие на лоб, и остановился, кашлянув в ладонь, чтобы скрыть замешательство. В конце концов, это не студенты-физики. Повернувшись к доске, он подчеркнул букву «далет».

— Чтобы не вдаваться в детали слишком глубоко, я попробую изложить это более доступно. Правда, вы должны понимать, изложение будет весьма условным. Итак, передо мной было явление, которое я не мог объяснить, хотя его существование не вызывало сомнений. Что-то вроде того, как если бы курица высиживала десяток яиц, а из одного вдруг вылупился орел. Вот он перед нами, но как и почему он оказался тут — неизвестно.

По кают-компании пронесся смешок облегчения, на лицах появились улыбки — аудитория наконец хоть что-то поняла из услышанного. Ободренный, Арни продолжал в том же духе:

— Я стал исследовать эту аномалию: сначала создал математические модели для определения ее природы, потом провел простые эксперименты. В физике, как, впрочем, и везде, самое главное — иметь представление о том, что ты хочешь найти. Например, отыскать в городе преступника легче, если у вас есть его имя или описание внешности. Когда в солнечном спектре установили присутствие гелия, его обнаружили и на Земле. Он был здесь всегда, но его не замечали, потому что не знали, *что* нужно искать. То же относится и к далет-эффекту. Я знал, что искать, и нашел ответы на свои вопросы. И я подумал, что можно будет найти способ контролировать эту... — Арни запнулся, подыскивая слово. — Это не совсем верно, и я не должен бы так говорить, но пока условно назовем это «энергией». Только имейте в виду, что на самом деле это вовсе не энергия. Я провел эксперимент, чтобы попытаться установить контроль над этой энергией, и получил довольно впечатляющие результаты. Оказалось, что контроль возможен. Далет-энергия поддается модулированию; правда, для этого требуется немного больше, чем предлагает современная технология. Результаты вы видели сегодня утром, когда «Каракатица» поднялась в воздух. Это была очень ограниченная демонстрация. Я не вижу причин, которые могли бы помешать лодке передвигаться за пределами атмосферы с любой заданной скоростью.

Арни кивнул в сторону уверенно поднятой руки. По крайней

мере, кто-то слушал достаточно внимательно, чтобы задать вопрос. Это оказался офицер ВВС, слишком молодой для своего высокого чина.

— Прошу извинить меня, профессор Клейн, но выходит так, что вы получаете нечто из ничего. Меня учили, что такое невозможно. Вы отрицаете ньютоновские законы движения. Двигатели лодки не обладают достаточной силой, как их ни заставляй, чтобы поднять ее вверх и удерживать в подвешенном состоянии. Вы упомянули относительность, которая основывается на законе сохранения количества движения, массы-энергии и электрического заряда. Зрелище, свидетелями которого мы были, ставит под сомнение по крайней мере два из этих трех постулатов.

— Совершенно верно, — согласился Арни. — Однако мы не игнорируем эти ограничения; мы просто используем другую систему координат, в которой они не применяются. В качестве аналогии представьте себе, что вы поворачиваете вентиль. С помощью небольшого усилия открывается клапан, сжатый газ выходит из баллона, наполняет воздушный шар, и тот взмывает вверх. Еще лучше, если вы представите себе, что летите высоко над землей, держась за веревку, свисающую с этого шара. Совсем небольшое давление, не более унции, на веревку острым лезвием перережет ее, и вы упадете на землю с самыми трагическими последствиями.

— Однако, разрезав веревку, я только освобожу кинетическую энергию, затраченную для того, чтобы поднять меня наверх, — возразил офицер. — Это земное притяжение заставит меня упасть.

— Совершенно точно. Но как раз освобожденная сила земного притяжения позволила «Каракатице» летать.

— Но это невозможно!

— Возможно или невозможно, однако это произошло, — послышался голос еще более высокого чина ВВС. — Больше верьте своим глазам, Пребен, или я переведу вас в наземную службу.

Офицер сел, нахмурившись при звуках дружного смеха, который сразу стих, когда заговорил адмирал Сандер-Ланге:

— Я верю всему, что вы говорите о теории вашего изобретения, профессор Клейн, и благодарю за попытку объяснить ее нам. Надеюсь, вы не обидитесь, если я скажу, что для нас, по крайней мере для меня, это не так уж существенно. Вот уже много лет назад я бросил попытки понять, как работают все эти хитрые ящики, которые установлены на моих кораблях, и поставил

перед собой другую задачу: я должен знать, что они умеют делать и как их можно использовать. Не могли бы вы объяснить возможности и перспективы применения вашего далет-эффекта?

— Да, конечно. Но я надеюсь, вы понимаете, что остается еще множество разных «если». Если это явление можно будет использовать так, как мы надеемся, — а это покажет следующий опыт с «Каракатицей», — и если результата удастся достичь при разумных затратах энергии, тогда в нашем распоряжении окажется настоящий космический двигатель.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Сандер-Ланге.

— Давайте сначала рассмотрим современные космические двигатели, то есть реактивные ракеты, вроде тех, что несут сейчас советскую капсулу к Луне. Ракеты движутся потому, что работает закон действия и противодействия. Бросьте что-нибудь в одну сторону — и ваше тело слегка откинется в другую. Для того чтобы доставить к месту назначения всего один фунт груза, нужно затратить тысячи фунтов топлива — реактивной массы. Этот процесс очень дорог, сложен и ограничен в сфере применения. Космический корабль, не зависящий от соотношения массы к грузу, будет таким же функционально практичным, как автомобиль или морское судно. Планеты могут стать такими же доступными, как любая часть земного шара. Поскольку реактивную массу не нужно будет принимать во внимание, кораблем можно будет управлять в течение всего полета, непрерывно наращивая ускорение до середины пути, а затем постоянно снижая его. Это позволит сократить продолжительность полета к Луне и планетам во много раз.

— Во много раз — это во сколько? — послышался чей-то вопрос. — Вы могли бы назвать конкретные цифры?

Арни помедлил, задумавшись, но его опередил Ове Расмуссен:

— Думаю, что смогу вам помочь. Я как раз занимался этим, пока вы беседовали. — Он взял логарифмическую линейку и сделал несколько быстрых подсчетов. — При постоянном ускорении или торможении в одно g — единицу гравитации — пассажиры корабля не будут испытывать ни состояния невесомости, ни давления излишней силы тяжести. Такое ускорение составит девятьсот восемьдесят — округлим для ясности, — значит, тысячу сантиметров в секунду за секунду. Луна находится в среднем на расстоянии порядка четырехсот тысяч километров. Таким образом, результат...

Пока Ове делал подсчеты, в кают-компании царила полная тишина. Он взглянул на цифры, нахмурился и пересчитал все заново. Результат, очевидно, не изменился, потому что он поднял голову и улыбнулся.

— Если на основе далет-эффекта удастся создать космический корабль, значит, все-таки есть нечто новое под солнцем, господа! Мы можем долететь до Луны меньше чем за четыре часа. — Пока он продолжал вычисления, присутствующие хранили недоверчивое молчание. — Путешествие на Марс займет немного больше времени. Как-никак, даже когда красная планета находится ближе всего к Земле, до нее остается восемьдесят миллионов километров. И тем не менее этот вояж можно будет совершить примерно за тридцать девять часов. Сутки и еще три четверти суток. В общем, не так уж и долго.

Слушатели были ошеломлены. Но, когда они начали понемногу понимать и оценивать открывающиеся перспективы, в кают-компании поднялся робкий шумок, который быстро перерос в такой гвалт, что Арни пришлось постучать мелом по доске, чтобы привлечь к себе внимание. Теперь его слушали, стараясь не пропустить ни слова.

— Как вы понимаете, использование далет-двигателя открывает перед нами практически безграничные перспективы. Нам придется полностью пересмотреть отношение к размерам Солнечной системы. Но, прежде чем отправиться на уик-энд для освоения Луны, мы должны быть уверены, что обладаем адекватным источником энергии. Будет ли двигатель работать вдали от Земли? Насколько точным будет управление, то есть сможем ли мы корректировать курс с точностью до минуты для достижения астрономических объектов? Хватит ли нам энергии для таких полетов? Наконец, будет ли двигатель стопроцентно надежным? Следующий полет «Каракатицы» даст ответ на многие из этих вопросов. На сей раз судно попытается достигнуть верхних слоев атмосферы. Поскольку я наиболее квалифицированно разбираюсь в устройстве двигателя, я сам буду руководить испытаниями.

Арни оглянулся по сторонам, сжав челюсти, словно ожидая возражений. Ответом была полная тишина. Это был *его* день.

— Благодарю вас. Предлагаю начать испытания немедленно.

Глава 8

— Я начинаю понимать, зачем на подводной лодке нужен летчик, — сказал Нильс, задраивая нижний люк рулевой башни.

— Только не забудь записать, ладно? — Хеннинг показывал на открытый вахтенный журнал, лежавший на маленьком штурманском столике, прикрепленном к переборке.

— Я именно этим и занимаюсь, — ответил Нильс, глядя на часы и делая запись. — Если эта штука сработает, ты будешь единственным подводником, который когда-либо получал летное жалованье.

— Будьте добры, капитан Вильхельмсен, отведите лодку подальше, — произнес Арни, не отрываясь от приборов. — По крайней мере, на такое же расстояние, как и в первый раз.

— Ja vel[1].

Хеннинг передвинул рычаг импеллера на одно деление, и под ногами усилился рокот насосов. Он сидел в кресле командира в носовой части рулевой рубки. В этом месте корпус образовывал выступ с тремя круглыми, исключительно толстыми иллюминаторами. Штурвал, очень похожий на самолетный, служил для управления курсом подлодки. Поворот штурвала влево или вправо изменял соотношение скоростей двух водных струй, которые, вырываясь из дюз, продвигали лодку вперед. Хвостовые лопасти на корме регулировали поток, то увеличивая, то уменьшая его.

— Мы в двухстах метрах от корабля, — сообщил Хеннинг и уменьшил скорость.

— Скажите, капитан, ваши струйные насосы, они механические? — спросил Арни.

— Да, с электроприводом.

— Вы можете полностью отключить их, поддерживая постоянную подачу энергии? У нас есть регуляторы напряжения, но хорошо, если бы питание было как можно более постоянным.

Хеннинг щелкнул тумблерами.

— Подача тока на мотор отключена. Но есть еще отток на приборы и систему вентиляции. Я могу на какое-то время вырубить их тоже, если хотите.

— Нет, этого достаточно. Сейчас я включу установку на минимальную мощность, и мы поднимемся примерно на сто метров.

Нильс сделал пометку в журнале и взглянул на волны, разбивающиеся о толстые стекла иллюминаторов.

[1] Ладно (*дат.*).

— На твоей лоханке случайно нет альтиметра, Хеннинг?

— Случайно нет.

— Очень жаль. Придется установить. И радар вместо этого эхолота. Мне так кажется, что ты отрываешься от своей стихии...

Хеннинг страдальчески мотнул головой и поглядел в иллюминатор. По лодке пробежала легкая дрожь, не столько слышная, сколько ощущаемая, поверхность воды с постоянной скоростью уходила вниз.

— Летим, — вздохнул он и беспомощно посмотрел на свои бесполезные приборы.

— Сто метров, — произнес Нильс, оценивая высоту по размерам корабля внизу.

Арни что-то подрегулировал и повернулся к ним.

— Похоже, в запасе достаточно энергии даже сейчас, когда далет-установка удерживает лодку на этой высоте. Оборудование функционирует нормально, опасности перегрузки нет. Вы готовы, господа?

— Никогда в жизни не был более готов.

— Нажимайте кнопку или что там у вас, профессор. Мне что-то не по нутру болтаться тут в подвешенном состоянии.

Вибрация усилилась, и они почувствовали, как их прижало к креслам. Нильс и Хеннинг сидели, уставившись в иллюминаторы и онемев от изумления, когда подводная лодка рванулась в небо. Был слышен тонкий свист рассекаемого воздуха, не более громкий, чем шипение кондиционера. Дизель деловито стучал. Их странный корабль мчался вверх без всяких усилий, беззвучно, как на кинопленке, снятой из поднимающейся в космос ракеты. Море внизу разгладилось, «Витус Беринг» уменьшился до размеров модели, затем превратился в игрушку для ванны и наконец исчез, накрытый низкими облаками.

— Это куда хуже слепого полета, — проворчал Нильс, сжимая и разжимая громадные ладони. — Сидишь с голым задом, никаких тебе приборов, кроме компаса. Так просто нечестно.

Арни был спокойнее всех, слишком занятый своими аппаратами, чтобы хоть на миг взглянуть в иллюминатор.

— Следующий полет будет со всеми приборами. Это ведь только испытание. Вверх — вниз, как на лифте. Между прочим, судя по показаниям приборов, мы все еще поднимаемся по вертикальной прямой и идем с постоянной скоростью.

Густая завеса облаков была уже у них под килем. Внезапно в ритмичном постукивании дизеля послышались сбои.

— Ток падает! — воскликнул Арни. — В чем дело?

— Что-то с горючим, что ли, не понимаю! — крикнул Хеннинг из машинного отделения. — Теряем мощность...

— Это атмосферное давление, — сказал Нильс. — Мы достигли потолка. В воздухе почти не осталось кислорода.

Дизель чихнул и почти замолк. Лодка вздрогнула и начала падать.

— Вы можете сделать хоть что-нибудь? — воскликнул Арни, лихорадочно щелкая переключателями. — Ток прерывистый... Далет-эффект больше не действует. Попытайтесь стабилизировать ток!

— Аккумуляторы! — Хеннинг аж подпрыгнул в кресле и тут же взмыл в воздух — настолько стремительно они уже падали.

Он попытался схватиться за спинку кресла, промахнулся, взлетел кверху, больно ударился головой об основание перископа и рикошетом свалился вниз. На сей раз ему удалось схватиться за кресло, он уселся и пристегнулся ремнями. Затем протянул руку к переключателям.

— Ток есть!

Падение продолжалось. Арни взглянул на своих спутников.

— Приготовьтесь. Мне пришлось полностью отключить установку. Сейчас я включу ее, но реакция может быть не слишком приятной, потому что...

Послышался скрежет металла, приборы с треском повалились на пол. Внезапное торможение вдавило их в кресла. Судорожно открытыми ртами они хватали воздух, хрипя от напряжения. Кровь отлила от мозга, перед глазами расплывались черные пятна...

Когда это кончилось, они изнеможенно дышали, постепенно приходя в себя. Лицо Хеннинга походило на белую маску с красной полосой: кровь сочилась из раны, которую он даже не заметил, ударившись о перископ. Снаружи были только облака. Дизель ровно гудел, мягко шелестела вентиляция — этот привычный мирный фон нарушало только их тяжелое дыхание.

— Давайте не будем... — сказал Нильс, сделав глубокий вдох. — Давайте больше не будем так делать!

— Мы поддерживаем постоянную высоту без боковых отклонений. — Голос Арни звучал спокойно, хотя дыхание было затруднено. — Будем возвращаться или продолжим испытание?

— Если такое больше не повторится, я за то, чтоб продолжить, — произнес Нильс.

— Согласен. Будем пользоваться аккумуляторами.

— Они заряжены?

— Под завязку. Израсходовано меньше пяти процентов.

— Тогда продолжим. Дайте мне знать, когда останется семьдесят процентов, и мы начнем возвращаться. Это вполне приличный допустимый предел, к тому же, когда мы будем достаточно низко, можно снова запустить дизель.

Подъем был пьяняще плавным, облака снова остались внизу. Дизель заработал с усилием. Хеннинг выключил его и перекрыл подачу воздуха. Они продолжали подниматься.

— Пять тысяч метров, не меньше, — заметил Нильс, прищурившись опытным глазом летчика на облачный покров внизу. — Большая часть атмосферы уже под нами.

— Тогда я увеличиваю ускорение. Пожалуйста, отметьте время.

— Все записано. Правда, в некоторых местах довольно-таки трясущейся рукой.

Стала заметна кривизна Земли с голубой лентой атмосферы, сужающейся кверху и переходящей в черноту космоса. Уже можно было различить самые яркие звезды; солнце сияло, как раскаленный маяк, и вспыхивало на палубе слепящими пятнами света. Давление снизу прекратилось.

— Ну вот, так-то лучше, — сказал Арни. — Приборы функционируют нормально, мы удерживаем позиции. Может кто-нибудь оценить высоту?

— Сто пятьдесят километров, — ответил Нильс. — Девяносто или сто миль. Выглядит очень похоже на фотографии, сделанные со спутников на этой высоте.

— Заряд аккумуляторов — семьдесят пять процентов. Разрядка понемногу продолжается.

— Да, похоже, чтобы висеть на месте, нужно не меньше энергии, чем при ускорении.

— Значит, мы сделали это! — воскликнул Нильс и повторил еще громче, осознав грандиозность свершившегося: — Мы это сделали! Мы можем летать куда угодно и делать что захотим. Подумать только, мы и вправду сделали это...

— Заряд приближается к семидесяти процентам.

— Начинаем спуск.

— Только помедленнее, чем в прошлый раз.

— Будьте уверены.

Лодка тихо начала спускаться, словно лист, оторвавшийся от ветки, прошла сквозь покров высоких перистых облаков, отливающих серебром, и продолжила неспешный спуск.

— А не получится так, что мы спустимся гораздо западнее? —

спросил Нильс. — Земля ведь не переставала вращаться, и мы не сможем попасть в ту же точку.

— Нет, я ввел необходимые поправки. Мы опустимся не дальше мили-другой от места взлета.

— Тогда я включу приемник, — сказал Хеннинг. — Мы вот-вот будем в пределах слышимости, и нам надо сказать им...

Из динамика вдруг посыпались громкие быстрые фразы, пересыпанные сленгом, понятным только уроженцам Копенгагена:

— ...ныряй, малышка, ныряй и не высовывайся. Плыви глубже, сестренка, глубже...

— О чем они говорят, ради всего святого? — спросил Арни, изумленно подняв голову.

— Вот о чем! — воскликнул Нильс, заметив в иллюминаторе промелькнувшие внизу серебристые крылья. — Русский «МиГ». Мы только что вышли из облаков, и я не думаю, что он заметил нас. Можем мы спускаться быстрее?

— Держитесь.

Движение пальцев Арни — и их желудки поднялись к горлу.

— Скажите мне, когда до поверхности останется метров двести, — спокойно заметил он. — Я заторможу перед входом в воду.

Нильс схватился за подлокотники, чтобы не взлететь вверх, несмотря на ремень. Свинцовая поверхность Балтики стремительно неслась прямо на них, были видны уже белые гребешки на волнах, в стороне покачивался «Витус Беринг».

— Ближе... ближе... Стоп!

Их отбросило вниз, покатились незакрепленные приборы, скользя по внезапно накренившейся палубе. Раздался еще один мощный удар, потрясший весь корпус, и подводная лодка нырнула в глубину.

— Капитан Вильхельмсен, примите, пожалуйста, командование, — произнес Арни, и впервые его голос прозвучал немного неровно. — Я выключаю далет-установку.

Застучали ожившие насосы, и Хеннинг почти любовно прикоснулся к приборной доске. Совсем не просто летать в собственной подводной лодке в качестве пассажира. Насвистывая сквозь зубы, он медленно развернулся и всплыл на перископную глубину.

— Взгляни-ка в перископ, Хансен. С ним легко справиться, совсем как в кино.

— Поднять перископ! — пропел Нильс Хансен, опуская рукоятку и сдвинув фуражку на затылок. Потом он прижался лицом к резиновой подушке окуляра. — Ни хрена не видно.

— Покрути ручку и настрой резкость.

— Ага, вот теперь куда лучше. Корабль слева по курсу, градусов тридцать. — Нильс повернул перископ вкруговую. — Других кораблей не видать. У этой штуки не слишком широкий обзор, поэтому насчет неба ничего сказать не могу.

— Придется рискнуть. Я немного всплыву, чтобы освободить антенну.

В динамике потрескивал фоновый шум, затем прорвался чей-то голос, исчез и снова вернулся.

— Алло, «Каракатица», слышите меня? Перехожу на прием.

— «Каракатица» на связи. Что происходит? Прием.

— Судя по всему, вы появились на экранах радаров раннего оповещения у русских. С тех пор как вы взлетели, тут постоянно сновали «МиГи». Но сейчас их не видно. Похоже, они не заметили вашего возвращения. Подойдите, пожалуйста, поближе и сообщите о результатах испытаний. Прием.

Арни взял микрофон.

— Оборудование функционировало прекрасно. Никаких проблем. Поднялись в высоту на сто пятьдесят километров, используя энергию батарей. Прием.

Он щелкнул переключателем, и из динамика полились приглушенные радостные возгласы.

Глава 9

Стол был завален журналами и брошюрами, которые совершенно не интересовали Хорста Шмидта. «Новый мир», «Россия сегодня», «Правда», «Двенадцать лет империалистической интервенции и агрессии США в Лаосе».

Он откинулся в кресле, положил локоть на кипу журналов и глубоко затянулся сигаретой. Снаружи послышалось хлопанье крыльев, и на подоконник уселся голубь, скосив на Шмидта розовый глаз через стекло, забрызганное дождем. Хорст легонько стукнул сигаретой по краю пепельницы, и голубь, уловив движение в комнате, улетел.

Открылась дверь, и вошла Лидия Ефимовна Широченко, молодая стройная блондинка. Ее можно было бы принять за уроженку Скандинавии, если бы не широкие славянские скулы. Серый костюм из твида, модного покроя и прекрасного качества, был явно куплен в Дании. В руках она держала доклад Шмидта и хмурилась.

— Отсюда невозможно извлечь хоть что-нибудь стоящее, —

резко бросила она. — Особенно если учесть, какие деньги мы вам платим.

Она уселась за письменный стол, на котором стояла табличка с надписью: «Troisiéme Secrétaire de la Légation»[1]. Широченко говорила со Шмидтом по-немецки, пользуясь случаем попрактиковаться в языке, как и подобало преданному члену партии.

— Здесь вполне достаточно информации. Разведданные, даже если информация негативна, все равно остаются разведданными. Мы теперь знаем, что американцам так же мало известно о происшествии на Лангелинекай, как и нам. Мы знаем, что датчане, их не слишком верные друзья, не спешат поделиться с товарищами по НАТО своими секретами. Мы знаем также и то, что в это дело замешаны все рода войск. И если вы внимательно прочтете последний абзац, tovarich Широченко, то увидите, что мне удалось установить личность одного из гражданских, находившихся на борту «Белого медведя» в тот самый вечер, когда произошла вся эта кутерьма. Это профессор Расмуссен, лауреат Нобелевской премии по физике, что представляется мне весьма интересным. Какая связь между этим происшествием и физиком?

Лидию Широченко, казалось, не очень впечатлило это открытие. Она достала из ящика стола фотографию и протянула ее Шмидту.

— Это тот человек, о котором вы говорите?

Многолетняя привычка скрывать свои эмоции не подвела Шмидта и на сей раз, но на самом деле он сильно удивился. Крупнозернистый снимок был явно сделан телескопическим объективом при тусклом освещении, однако Шмидт сразу узнал изображенного на нем человека: Ове Расмуссен с небольшим чемоданчиком спускался по сходням с корабля.

— Да, это он. Откуда вы ее взяли?

— Это не ваше дело. Вам пора бы понять, что вы не один работаете на наш департамент. Ваш физик, похоже, каким-то образом связан с ракетами или ракетным оружием. Выясните все о нем. С кем встречается, что делает. И не вздумайте рассказывать об этом американцам. Это было бы крайне неразумно с вашей стороны.

— Вы оскорбляете меня! Вам прекрасно известно, кому я преданно служу.

— Вот именно. Себе самому. Да и разве можно оскорбить двойного агента? Я просто хочу, чтобы вы уяснили — вы совершите роковую ошибку, если решите предать нас так же, как предали своих хозяев из ЦРУ. Для вас не существует понятия преданности — только деньги.

[1] Третий секретарь посольства (*фр.*).

— Как раз наоборот, я совершенно лоялен.

Он смял окурок, достал из кармана пачку и предложил Лидии Широченко. Взглянув на марку, она удивленно приподняла брови. Американские сигареты стоили очень дорого в Копенгагене.

— Угощайтесь. Я получаю их со скидкой военторга — примерно на четверть дешевле, чем в киосках. — Он подождал, пока она прикурила, и продолжил: — Я абсолютно лоялен по отношению к вашей организации, потому что для меня это самое разумное. Могу заверить вас как профессионал, что получить надежную развединформацию об СССР крайне трудно. У вас бдительно охраняют секреты. Поэтому я очень благодарен за сведения, — полагаю, фальшивые, — которыми вы снабжаете меня для передачи американцам. Они никогда не смогут обнаружить это, потому что ЦРУ работает до безобразия неэффективно и в жизни еще не представило своему собственному правительству хоть какую-то надежную информацию. Но они платят, не скупясь, за то, что получают от меня, и вдобавок предоставляют разные дополнительные льготы. — Он поднял сигарету вверх и улыбнулся. — Не последняя из них — те деньги, которые вы платите мне за их маленькие секреты. Я нахожу это выгодным предприятием. А кроме того, мне вообще нравится ваша организация. Даже во времена Берии...

— Со времен Берии все сильно изменилось, — резко прервала его Широченко. — Бывшему офицеру СС, полковнику из Аушвица нечего претендовать на моральные соображения. — Не дождавшись ответа, она посмотрела на длинное белое здание, едва различимое в пелене дождя. — Вон они, Шмидт, на другой стороне кладбища, напротив нас. В этом есть что-то глубоко символичное, вам никогда не приходило это в голову?

— Никогда, — бесстрастно проговорил Шмидт. — Вы в этих делах понимаете куда больше моего, tovarich Широченко.

— Вот и не забывайте об этом. Помните: мы следим за каждым вашим шагом. Итак, постарайтесь разузнать как можно больше о профессоре Расмуссене...

Неожиданно открылась дверь, и она оборвала фразу. В кабинет поспешно вошел молодой человек без пиджака и протянул ленту от телетайпа. Широченко быстро пробежала ее глазами и ахнула.

— Boshe moi! — потрясенно прошептала она. — Этого не может быть...

Молодой человек, ошеломленный не меньше ее, молча кивнул головой.

— Сколько часов уже? — спросил Арни.

Ове взглянул на график, висевший над лабораторным столом.

— Больше двухсот пятидесяти, причем непрерывного процесса. Кажется, нам удалось выловить почти всех блох.

— Очень на это надеюсь. — Арни с восхищением рассматривал блестящий цилиндрический аппарат, занимавший почти всю поверхность большого верстака. Цилиндр был весь опутан гирляндами проводов и электронных трубок, сбоку к нему примыкала панель управления. Не было никаких признаков того, что аппарат функционирует, кроме низкого приглушенного гудения. — Это настоящая победа, — добавил он.

— Англичане проделали основную работу еще в конце шестидесятых. Я заинтересовался ею только потому, что она была связана с некоторыми моими собственными исследованиями. Мне удавалось создать плазму при двух тысячах градусов, но только на ограниченное время, всего несколько тысяч микросекунд. Потом эти ребята из Ньюкасла-на-Тайне начали работать над гелиево-цезиевой плазмой при температуре четырнадцать сотен шестьдесят по стоградусной шкале и с внутренним электрическим полем. Им удалось повысить проводимость плазмы в сотни раз. Я воспользовался их технологией и создал этого «крошку Ганса». Мне пока не удалось пропорционально увеличить полезный эффект, но я примерно представляю, в каком направлении искать. Как бы то ни было, «крошка Ганс» отлично работает и непрерывно выдает несколько тысяч вольт, так что жаловаться не приходится.

— Ты творишь чудеса. — Арни кивком поблагодарил лаборанта, который принес ему чашку кофе, и стал задумчиво помешивать ложкой. — Если удастся увеличить полезный эффект, он мог бы стать источником энергии для настоящего космического судна. Нам вполне сгодился бы реактивный атомный генератор, такой, как на подводных лодках и надводных кораблях: не нужно ни топлива, ни окислителей. У него, однако, есть один врожденный порок.

— Охлаждение, — кивнул Ове и подул на горячий кофе.

— Вот именно. На корабле реактор можно охлаждать морской

водой, но в космосе это вряд ли проделаешь. Пожалуй, можно сконструировать наружный радиатор...

— Но он будет намного больше самого корабля!

— Да, это верно. А потому мы снова возвращаемся к твоему термоядерному генератору. Мощность большая, нагревается незначительно, и охладить его куда легче. Ты разрешишь мне помочь тебе?

— Буду счастлив. Между нами говоря, я знаю... — Он умолк, отвлеченный шумом голосов из дальнего конца лаборатории. — У вас что-нибудь случилось?

— Извините, профессор, это просто новости. — Лаборантка показала ему свежий номер газеты.

— Так что же случилось?

— Здесь пишут о русских, об их орбитальном полете вокруг Луны. Оказалось, это был не просто орбитальный полет. Они посадили капсулу в самом центре Моря Спокойствия.

— Да, американцы явно не обрадуются, — усмехнулся Ове. — До сих пор они считали Луну частью американского пейзажа.

— В том-то и дело. — Девушка протянула раскрытую газету, глядя на них взволнованными глазами. — Они совершили посадку, но что-то случилось с их лунным модулем. Они не могут взлететь.

В газете было мало дополнительных сведений. Фотография трех улыбающихся космонавтов, снятая перед стартом. Нартов, Шавкун и Злотников. Полковник, майор и капитан — искусно подобранная по старшинству команда. Все было прекрасно организовано. Телевизионные трансляции, репортеры, взлет, первая ступень, вторая ступень, доклады по радио, благодарность Ленину и партии, которые сделали этот полет возможным, приближение к Луне и посадка. Они были на Луне, живые и здоровые. Однако что-то вышло из строя — что конкретно, в сообщениях не упоминалось, — но последствия были очевидны. Три человека оказались в ловушке. Навсегда. Они смогут прожить столько, на сколько им хватит кислорода.

— Какая ужасная смерть, вдали от дома! — проговорила лаборантка, выражая чувства всех присутствующих.

Арни задумался, размышляя о случившемся. Его взгляд упал на термоядерный генератор, он оглянулся и увидел, что Ове тоже смотрит туда, словно им обоим пришла в голову одна и та же мысль.

— Пошли, — сказал Ове, взглянув на часы. — Пора домой. Се-

годня здесь делать больше нечего, а если уедем сейчас, то не попадем в час пик.

Машина еле тащилась в потоке велосипедистов, пока Ове не свернул на север по Люнгбювей. Они молча ехали в Шарлоттенлунд, слушая новости по радио.

— Что-то вы сегодня рано приехали, — удивилась Улла, когда они вошли в дом.

Жена Ове, рыжеволосая женщина за сорок, выглядела еще очень привлекательно. Пока Арни гостил у них, она проявляла о нем прямо-таки материнскую заботу, решив, что он выглядит слишком худым. Вот и сейчас она сразу воспользовалась неожиданно представившейся возможностью.

— Я как раз приготовила чай. Сейчас принесу вместе с бутербродами, чтобы вы не слишком проголодались до ужина, — и, не слушая возражений, устремилась на кухню.

Мужчины расположились в гостиной и включили телевизор. Датский канал еще не работал, но шведская станция передавала специальную программу о космонавтах, и они внимательно смотрели передачу. Москва наконец, хоть и крайне неохотно, обнародовала подробности катастрофы, и теперь картина происшедшего вырисовывалась достаточно ясно.

Сначала все шло по плану: посадка была проведена точно в намеченном месте, и до самого последнего момента все выглядело замечательно. Но как только двигатели были выключены, одна опора треножника подкосилась. Подробностей не передавали — то ли она сломалась, то ли попала в яму, — но результат был налицо. Лунный модуль упал набок, повредив один из двигателей, и неизвестно, какое количество топлива было потеряно. Взлететь с Луны модуль не мог. Космонавты были обречены.

— Интересно, у Советов есть в запасе ракета, которая могла бы добраться туда? — спросил Арни.

— Сомневаюсь. Если бы оставался хоть какой-то шанс, они упомянули бы об этом. Ты слышал, какая трагическая интонация глубокой славянской скорби звучала в том интервью? Они уже списали этих космонавтов и сейчас отливают их бюсты для Зала Славы.

— А что американцы?

— Если бы это было в их силах, они ухватились бы за эту возможность, но они молчат. Даже если бы у американцев стоял наготове космический корабль, что мало вероятно, у них все равно сейчас нет «окна». В это время месяца они не могут лететь на Луну. А когда появится «окно», трое космонавтов будут уже мертвы.

— Значит... ничего нельзя сделать?

— Вот ваш чай, — объявила Улла, ставя на стол тяжелый поднос.

— Только не делай вид, что ничего не понимаешь, — сказал Ове. — Мы оба думаем об одном и том же. Почему бы нам не поставить на «Каракатицу» термоядерный генератор? Мы могли бы отправиться на Луну и спасти их.

— Эта мысль звучит совершенно абсурдно, когда ее произносишь вслух.

— Мы живем в мире абсурда. Но попробовать-то можно. Попытаемся уломать министра?

— Почему бы и нет? — Арни поднял чашку. — В таком случае — за Луну!

— За Луну!

Улла смотрела на них изумленными глазами — то на одного, то на другого, как будто решила, что они оба спятили.

Глава 10

Луна

— Конец связи до шестнадцати часов, — произнес полковник Нартов и выключил радиопередатчик.

На нем были темные очки, неровно обрезанные внизу шорты, отхваченные ножницами от нейлонового бортового костюма, — и больше ничего. Щетина на щеках уже не была колючей и начала превращаться в мягкую бородку. Все тело чесалось; уже не в первый раз он пожалел о том, что на борту не хватало воды, чтобы как следует помыться. Он обливался потом от жары, и в тесной кабине воняло, как в медвежьей берлоге.

Шавкун спал, хрипло дыша открытым ртом. Капитан Злотников крутил ручку приемника, пытаясь поймать программу, которую передавали специально для них круглые сутки, благо энергии от солнечных батарей было предостаточно. Из динамика доносились атмосферные помехи, сменившиеся ревом музыки, и наконец послышались мягкие аккорды балалайки, игравшей старинную народную мелодию. Злотников откинулся назад, заложил руки за голову и стал тихонько подпевать. Нартов посмотрел вверх, на Землю, переливавшуюся голубовато-белым светом на фоне черного неба, и почувствовал, что ему нестерпимо хочется курить. Шавкун застонал во сне, потом зачмокал губами.

— Сыграем? — предложил Нартов.

Злотников отложил потрепанный томик из собрания сочинений В. И. Ленина, который он небрежно листал. Это была единственная книга на борту — они собирались прочитать из нее несколько цитат, устанавливая советский флаг на поверхности Луны. При иных обстоятельствах эта книга, возможно, могла бы вдохновить, но в их теперешней ситуации была совершенно бесполезной. Лучше уж шахматы. Маленькие карманные шахматы были сейчас самой ценной частью оборудования на корабле «Восток IV».

— У меня преимущество в четыре партии, — заметил Нартов, раскладывая шахматную доску. — Ты играешь белыми.

Злотников кивнул и переставил королевскую пешку на две клетки вперед. Полковник был опасным противником, и он не хотел рисковать. Солнце заливало Море Спокойствия ослепительным светом. Казалось, его диск застыл в черном небе, хотя на самом деле он понемножку сползал к линии горизонта. Злотников прищурился, несмотря на темные очки, словно ожидая увидеть какое-то движение, какую-то перемену в этом океане камней и песка — перламутровом, серовато-зеленом, безжизненном.

— Твой ход.

Он перевел глаза на доску и передвинул коня.

— Вакуум, безвоздушное пространство... Кто мог подумать, что здесь будет так жарко? — сказал Злотников.

— Кто мог подумать, что мы застрянем здесь так надолго? Как ни полируй поверхность корабля, все равно какая-то часть излучения проникает внутрь. У него нет стопроцентного альбедо. Поэтому мы и поджариваемся. Предполагалось, что мы пробудем здесь меньше суток, так что это не имело значения.

— А пошел уже двенадцатый день. Защищай королеву.

Полковник смахнул со лба пот, взглянул на неизменный лунный ландшафт и снова посмотрел на шахматную доску. Шавкун что-то пробормотал и открыл глаза.

— Невозможно спать в такой жаре, — проговорил он.

— Последние пару часов тебя это не слишком волновало, — заметил Злотников и сделал рокировку, пытаясь защитить короля от стремительной атаки.

— Выбирайте выражения, капитан. — Шавкун был не в духе, очнувшись от тяжелого, влажного сна.

— Я — Герой Советского Союза. — Злотников нимало не был обеспокоен замечанием. Воинские звания теперь не имели значения.

Шавкун с неприязнью посмотрел на головы, склонившиеся над доской. Сам он был весьма посредственным игроком, и они побеждали его так легко, что решили исключить из своих турниров. Из-за этого у него оставалось слишком много времени на раздумья.

— На сколько нам хватит кислорода?

Нартов равнодушно пожал плечами — спокойный, похожий на медведя, — и даже не оторвал взгляда от доски.

— Дня на два. Может, на три. Когда придется вскрыть последний баллон, станет ясно.

— А потом?

— А потом и подумаем, — сказал он с внезапным раздражением. Шахматы отвлекали, хоть и ненадолго, от мыслей о неизбежном, и он злился, что его возвращают в жестокую действительность. — Мы об этом уже говорили. Смерть от удушья может быть болезненной. Есть гораздо более простые способы. Вот тогда и обсудим.

Шавкун слез с верхней койки и прислонился к иллюминатору, наклоненному под небольшим углом. Им удалось выровнять модуль, подкопав грунт под двумя уцелевшими опорами, но заменить утерянное топливо было нечем. А до Земли, казалось, рукой подать. Он расстегнул чехол, вынул фотоаппарат с телескопическими линзами и сощурился в объектив.

— Шторм кончился. Вся Балтика видна. Честное слово, я даже вижу Ленинград. Вон он, я ясно вижу в свете Солнца...

— Заткнись! — резко оборвал его полковник Нартов, и он умолк.

Глава 11

Сумрачные воды Балтики шипели по бокам «Витуса Беринга», превращаясь в массу белой пены, быстро исчезавшую за кормой. Рядом медленно взмахивала крыльями чайка, нацелив глаз на корабль в оптимистическом ожидании отбросов. Арни стоял у поручней, с наслаждением вдыхая морозный утренний воздух после ночи в душной каюте. Над горизонтом, рдеющим на востоке красной полосой, уже пробивался краешек солнца, безоблачный светло-голубой купол небосвода покоился на волнующейся равнине моря. Распахнулась дверь, и на палубу, зевая и потягиваясь, вышел Нильс. Острым глазом профессионала глянул в небо из-под козырька форменной фуражки — на сей раз BBC, а не CAC — и огляделся по сторонам.

— Похоже, будет отличная летная погода, профессор Клейн.

— Просто Арни, если вы не против, капитан Хансен. Поскольку мы вместе отправляемся в этот необычный полет, мне кажется, между нами не должно быть лишних формальностей.

— Нильс. Вы правы, разумеется. И, ей-богу, полет и в самом деле необычный, до меня только сейчас это как следует дошло. Всякая там подготовка — это одно, но стоит только подумать, что после завтрака мы вылетаем на Луну и прибудем туда до обеда... К этой мысли нелегко привыкнуть. — Упомянув о еде, он вспомнил о незаполненном пространстве внутри своей огромной оболочки. — Пойдемте-ка позавтракаем, если там еще что-нибудь осталось.

Там еще осталось больше чем достаточно. Горячая овсянка и овсяные хлопья. Нильс взял понемногу того и другого, посыпал хлопья поверх каши и по скандинавскому обычаю утопил их в молоке. Затем последовали вареные яйца, хлеб четырех сортов, сыр на деревянной тарелке, ветчина и салями. Для тех, чей аппетит этим не удовлетворялся, на столе стояло три вида селедки. Арни, привыкший к более легкому израильскому завтраку, ограничился хлебом с маслом и чашкой кофе. Он с восхищенным интересом наблюдал за тем, как летчик взял на пробу по одной порции от каждого блюда, стоявшего на столе, и затем пошел по второму кругу.

К их столу подошел Ове с чашкой кофе и сел рядом.

— Все устроено, — сказал он. — Мы втроем — экипаж корабля. Я провел полночи с адмиралом Сандер-Ланге, пока он не понял наконец, в чем суть дела.

— А в чем она, суть? — спросил Нильс с полным ртом, набитым ржаным хлебом с селедкой. — Я летчик, поэтому я вам нужен, но по какой такой причине на борту должны быть два знаменитых физика?

— Никакой особой причины нет, — произнес Ове, подготовленный к ответу чуть не целой ночью обсуждения. — Но на борту есть два совершенно независимых устройства — далет-двигатель и термоядерный генератор, и за каждым нужен постоянный квалифицированный присмотр. Вышло так, что пока мы единственные годимся на эту работу, что-то вроде высокооплачиваемых механиков. Это и есть самое главное. Физика в данном случае — дело второстепенное. Если мы хотим, чтобы «Каракатица» полетела, только мы можем заставить ее сделать это. Мы зашли уже слишком далеко, чтобы отступать. По сравнению с неминуемой смертью, угрожающей космонавтам на Луне, наш риск незначителен. К тому же теперь это дело чести. Мы знаем, что это в наших силах, и мы должны попытаться.

— Честь Дании, — торжественно произнес Нильс и вдруг расплылся в широкой ухмылке. — Представляете, как мы утрем русским нос? Сколько народу в их стране? Двести двадцать шесть или двести двадцать семь миллионов — слишком много, чтобы сосчитать. А сколько во всей Дании?

— Меньше пяти миллионов.

— Точно. Гораздо меньше, чем в одной только Москве. И вот у них там парады, ракеты, патриотические речи, а их штуковина опрокидывается набок, и все горючее вытекает вон. Тогда появляемся мы и наводим порядок.

Офицеры корабля за соседним столом на время замолкли, прислушиваясь к словам Нильса, который в приливе энтузиазма говорил все громче и громче. Когда он закончил, там послышались аплодисменты и оглушительный хохот. Этот полет вызывал у датчан радостное чувство. Да, они маленький народ, но безмерно гордый, с долгой и удивительной историей, уходящей корнями во тьму тысячелетий. Кроме того, подобно всем балтийским странам, они всегда настороженно осознавали, что Советский Союз отделяет от них только небольшое мелководное море. Об этой спасательной экспедиции будут потом вспоминать еще долгие годы.

Ове посмотрел на часы и встал.

— Осталось меньше двух часов до начала стартового отсчета. Давайте проверим, чтобы все было в порядке.

Они быстро закончили завтрак и поспешили на палубу. Подлодка уже была спущена на воду, и на борту возились техники, занимаясь неизбежными последними поправками в последнюю минуту.

— Придется этому бочонку дать новое имя, — сказал Нильс. — Может быть, «Летучая каракатица»? Ей это подходит.

Хеннинг Вильхельмсен перелез через поручни и присоединился к ним. Его лицо застыло в угрюмой гримасе. Поскольку он знал подлодку лучше всех, ему пришлось проследить за всеми изменениями и установкой оборудования.

— Уж и не знаю, во что она превратилась — в космический корабль, наверное. Но она больше не подводная лодка. Ни дизеля, ни импеллеров. Мне пришлось снять двигатели, чтобы разместить эту здоровую консервную банку со всеми ее трубами. И я даже просверлил в корпусе дырки!

Это последнее преступление означало для любой подводной

лодки, что пришел ее смертный час. Нильс похлопал его по спине.

— Гляди веселей! Ты свою задачу выполнил. Превратил ее из скромной личинки в небесную бабочку.

— Очень поэтично. — Хеннинг явно отказывался веселиться. — Какая там бабочка, скорее лунная моль. Ты уж позаботься о ней, ладно?

— Вот в этом можешь не сомневаться, — искренне сказал Нильс. — Я позабочусь о своей собственной шкуре, а без «Летучей каракатицы» нам не вернуться назад. Ты все закончил?

— Все сделано. Теперь в твоем распоряжении барометрический альтиметр и радиовысотомер. Запасные баллоны с кислородом, оборудование для очистки воздуха, увеличенная внешняя антенна — короче, все, что вы хотели, и даже больше. Мы также погрузили на борт ваш обед, а адмирал пожертвовал бутылку шнапса. Все в полной готовности. — Хеннинг пожал летчику руку. — Удачи вам.

— Увидимся сегодня вечером.

Начались прощальная суета, рукопожатия, последние указания, и наконец под шум ободряющих напутствий они взошли на борт и задраили люк. На рулевой башне был нарисован датский флаг, ярко светившийся в лучах утреннего солнца.

— Задраен наглухо. — Нильс туго завернул колесо, которым закрывался внутренний люк.

— А что с люком на верху башни? — спросил Ове.

— Закрыт, но не задраен, как ты и просил. Воздух вытечет из нее задолго до того, как мы доберемся до места.

— Отлично. Мы ее приспособим под воздушный шлюз — все равно на скорую руку ничего лучшего не удалось бы придумать. А теперь вот что. Надеюсь, мы все твердо знаем, что делать каждому из нас и как это делать?

— Я знаю, — проворчал Нильс, — только мне сильно не хватает контрольного списка.

— У братьев Райт тоже не было контрольных списков. Мы оставим это для тех, кто придет после нас. Арни, может, мы повторим все еще раз?

— Да, конечно. Стартовый отсчет начнется минут через двадцать, так что время есть. — Он подошел к иллюминатору. — «Витус Беринг» отходит, чтобы расчистить нам место.

Арни повернулся и показал Нильсу на рычаги управления, большинство из которых было установлено на контрольной панели совсем недавно.

— Нильс, ты пилот. Я приспособил здесь эти рукоятки, которые позволят менять курс. Ты уже их видел и знаешь, как они действуют. При взлетах и посадках мы с тобой работаем на пару, я буду управлять далет-двигателем. Наше машинное отделение — это Ове, он обеспечивает постоянную подачу тока. Аккумуляторы мы оставили, и они заряжены, но их надо поберечь для особых случаев. Искренне надеюсь, что они нам не понадобятся. Я подниму подлодку вертикально и проведу через атмосферу, а ты положишь судно на курс и будешь поддерживать его. Ускорение — это моя забота. Если университетский компьютер, связанный с радаром, будет работать нормально, нам сообщат, когда включить обратную тягу. Если не сообщат, придется начинать торможение по хронометру и постараться сделать все самим.

— Тут есть кое-что, чего я не понимаю, — сказал Нильс, сдвинув фуражку на затылок, и показал на перископ. — Это обыкновенный старый подводный перископ, только смотрит теперь не вперед, а наверх. Я должен поймать звезду в перекрестие и удерживать ее там, и вы хотите меня убедить, что этой системы наведения вполне достаточно и нам не нужен навигатор?

— Астрогатор, если уж ты настаиваешь на точности.

— Ну астрогатор. Кто-то, кто смог бы проложить для нас курс.

— Кто-то, кому ты доверял бы побольше, чем этому перископу, ты это имеешь в виду? — засмеялся Ове и открыл дверцу в машинное отделение.

— Именно так. Я имею в виду все эти расчеты, корректировки курса и тому подобное, что проделывают американцы и русские при своих полетах к Луне. Неужели мы сможем справиться с этим с помощью одного перископа?

— Не забывай, что мы тоже произвели все необходимые расчеты. Но у нас гораздо более простые средства для их реализации благодаря краткости полета. Если учесть время, необходимое для прохождения через атмосферу, когда наша скорость будет сравнительно мала, продолжительность полета составит почти четыре часа. Принимая это во внимание, мы выбрали в качестве мишеней некоторые наиболее заметные звезды и произвели вычисления. Это и есть наши расчетные данные. Если мы вылетим точно в назначенное время и будем постоянно держать звезду на прицеле, траектория полета будет направлена в ту точку лунной орбиты, где наша мишень окажется через четыре часа. Когда мы приблизимся к месту встречи, можно будет начинать спуск. После того, разумеется, как обнаружим капсулу.

— И вы думаете, это будет так легко? — недоверчиво спросил Нильс.

— Не вижу причин для сомнений, — ответил Ове, высунув голову в дверь и вытирая руки тряпкой. — Генератор в порядке, остается только нажать на кнопку. — Он повернулся к Нильсу и показал на большую фотографию Луны, прикрепленную к переборке. — Бог ты мой, мы знаем, как выглядит Луна, мы ее всю разглядели через телескопы и запросто найдем Море Спокойствия. Мы летим прямо в это место, и если не увидим русских, то отыщем их пеленгатором.

— И в какой же именно точке Моря Спокойствия сядет подлодка? Мы что, будем руководствоваться *вот этим*? — Нильс ткнул пальцем в расплывчатую фотографию Луны, вырезанную из газеты «Правда». В северной части моря, где высадились космонавты, была напечатана красная звезда. — Судя по фотографии, они находятся здесь. Я не понял — мы будем прокладывать курс по газетному снимку?

— Да, если не придумаем ничего лучшего, — мягко сказал Арни. — И не забудь, что наш пеленгатор — это стандартная модель для малых судов, купленная в Копенгагене. «А. П. Мёллер. Поставка судового оборудования». Это тебя не беспокоит?

Нильс нахмурился было и тут же рассмеялся.

— Все это настолько безумно, что просто не может не получиться. — Он закрепил коленный ремень. — «Каракатица» к спасательному полету готова!

— А ведь на самом деле все гораздо надежнее, чем может показаться, — заметил Ове. — Не забудь, что в нашем распоряжении с самого начала была эта подлодка. Эта герметичная, проверенная и самодостаточная система, которая просто предназначалась для другой среды. Но она функционирует в вакууме не хуже, чем под водой. К тому же далет-двигатель работает надежно и доставит нас на Луну через несколько часов. Радар вместе с компьютером на Земле будут вести нас и рассчитывать правильный курс. Сделано все возможное, чтобы путешествие было безопасным. Разумеется, в дальнейших полетах оборудование будет более современным, но сейчас у нас есть все необходимое, чтобы благополучно добраться до Луны и вернуться назад. Так что не беспокойся.

— А кто беспокоится? — сказал Нильс. — Просто в это время суток я всегда потею и бледнею. Еще не пора взлетать?

— Через несколько минут, — ответил Арни, глядя на электронный хронометр. — Я думаю, пора подняться и немного набрать высоту.

Его пальцы передвинули несколько рычажков, и все трое почувствовали, как палуба надавила на них снизу. Волны начали отдаляться. На палубе «Витуса Беринга» крошечные фигурки с энтузиазмом размахивали руками, потом они совсем уменьшились и пропали из виду. «Каракатица» стремительно мчалась в небо, набирая скорость.

Самое странное в этом путешествии было полное отсутствие каких-либо происшествий. Пройдя атмосферу, они продолжали лететь с постоянным ускорением в одно g. Такое ускорение не вызывает никаких ощущений, потому что ничем не отличается от силы тяжести на Земле. Позади них, словно игрушечный или спроецированный на большой экран, уменьшался земной глобус. Не было ни грома ракет, ни рева двигателей, ни провалов в воздушные ямы. Поскольку корабль был полностью герметичен, не чувствовалось даже небольшого падения атмосферного давления, как это бывает в пассажирских авиалайнерах. Оборудование работало идеально, и теперь, за пределами воздушной оболочки, их скорость увеличилась еще больше.

— Мы следуем точно по курсу, по крайней мере, звезда находится в прицеле, — доложил Нильс. — Думаю, пора связаться с Копенгагеном и выяснить, следят ли они за нами. Было бы неплохо, если бы они подтвердили, что мы летим в правильном направлении.

Он включил приемопередатчик на заданную частоту и начал вызывать Землю по согласованному коду.

— «Кюллинг» вызывает «Хальвабе». Слышите меня? — Он переключился с передачи на прием. — Хотел бы я знать, какой алкаш придумал эти кодовые названия, — пробормотал он себе под нос.

Подводная лодка называлась «цыпленком», а наземная станция — «лемуром», но эти же слова были жаргонным обозначением для четвертинки и поллитровки.

— Слышим тебя хорошо, «Кюллинг». Вы следуете точно по курсу, но ускорение немного больше оптимального. Советуем снизить его на пять процентов.

— Понял. Подтвердим исполнение. Вы следите за нами?

— Безусловно.

— Дадите сигнал торможения?

— Безусловно.

— Прием и конец связи. — Нильс выключил радио. — Вы слышали? Все идет как нельзя лучше.

— Я уменьшил ускорение на пять процентов, — сказал Арни. — Действительно, все идет лучше некуда.

— Кто хочет банку «Карлсберга»? — спросил Ове. — Кто-то засунул сюда целый ящик.

Он протянул банку Нильсу, Арни отказался.

— Допивайте скорей, — сказал он. — Мы уже недалеко от точки поворота, и я не ручаюсь, что не будет небольшой тряски. Я мог бы уменьшить тягу до нуля перед началом торможения, но тогда наступит состояние невесомости, а мне бы хотелось по возможности избежать его. Дело не столько в нашем самочувствии, сколько в том, что оборудование корабля не приспособлено для этого. Я попробую развернуть корабль на сто восемьдесят градусов при полной тяге, и мы под ее давлением начнем сбрасывать скорость.

— Звучит вполне разумно, — согласился Нильс, прищурясь в перископ и вводя небольшую коррекцию. — Но что будет с нашим курсом? Этот газопровод на палубе — он что, предназначен именно для такого случая? Тот самый, из-за которого так стонал Хеннинг, когда сверлил дырки в корпусе.

— Совершенно верно. Там установлен широкоугольный объектив с оптическим прицелом.

— Такого типа, как на истребителях, — для ведения прицельного огня?

— Точно. Ты будешь удерживать звезду в центре, как и раньше. Не вижу никаких особых проблем.

— Да, конечно. Нет проблем. — Нильс обвел взглядом наспех переоборудованное временными приспособлениями помещение и с изумлением покачал головой. — Может кто-нибудь из вас на минутку сменить меня? Мне надо прогуляться в носовую часть. Пиво, знаете ли.

Поворот прошел гладко, и они даже не заметили бы вращения, если бы не следили за солнечным светом, переместившимся через палубу вверх по переборке. Задребезжало несколько плохо закрепленных предметов, по столу покатился карандаш и упал.

Время шло быстро. Безжалостно светило солнце, и они немного поговорили о солнечных бурях и радиации ван Аллена. Ни то, ни другое не представляло для них серьезной угрозы, поскольку корпус подводной лодки был намного толще, чем у любой ракеты, и представлял собой надежную металлическую защиту.

— А вы подумали о том, как мы будем разговаривать с космонавтами? — спросил Ове. Он стоял в дверях машинного отделения, откуда мог одновременно наблюдать за термоядерным генератором и разговаривать с остальными.

— Они же летчики, — сказал Нильс. — Значит, должны говорить по-английски.

Ове не согласился:

— Только если они летали за пределы страны. Внутри Советского Союза Аэрофлот пользуется русским языком. Английский применяют только в международных полетах для радиоконтроля. Я провел шесть месяцев в Московском университете, так что смогу как-нибудь объясниться, если придется. Но я надеялся, может, кто-то из вас говорит поприличнее.

— Иврит, английский, идиш и немецкий — увы, это все, — сказал Арни.

— А я знаю только английский, шведский и французский, — отозвался Нильс. — Так что, Ове, придется тебе взять это на себя.

Как и большинство европейцев, закончивших колледж, они считали само собой разумеющимся, что человек должен знать, по крайней мере, один язык, кроме родного. Жители Скандинавии, как правило, знали два-три иностранных языка. В конце концов они пришли к выводу, что космонавты говорят на каком-нибудь языке, который они смогут понять.

За их продвижением неустанно следил наземный компьютер, и, когда четыре часа начали подходить к концу, им передали, что пора включать радиовысотомер. Его максимальная дальность составляла сто пятьдесят километров, и они уже вошли в радиус действия.

— Есть слабый сигнал! — взволнованно воскликнул Нильс. — Луна действительно недалеко.

Волнение Нильса было легко объяснить. После разворота спутник Земли исчез из поля зрения и находился где-то под килем.

— Предупреди меня, когда до поверхности останется примерно сотня километров, — сказал Арни. — Я разверну корабль, и мы сможем смотреть через бортовые иллюминаторы.

Сила тяжести внутри космической подлодки стала увеличиваться — они стремительно мчались к Луне, которая все еще оставалась для них невидимой.

— Альтиметр крутится очень быстро. — Голос пилота был профессионально сдержан и не выдавал волнения, которое испытывал Нильс.

— Увеличиваю торможение до двух g, — объявил Арни. — Приготовьтесь.

Их охватило странное ощущение, словно они внезапно стали гораздо тяжелее. Руки опустились, подбородки прижались к груди, кресла под ними затрещали. Стало трудно дышать. Нильс протянул руку к контрольной панели, и ему показалось, что на руке висит тяжелый груз. Он весил сейчас около четырехсот фунтов.

— Скорость спуска уменьшается, — сообщил он. — Скоро до поверхности останется сто километров. Скорость спуска приближается к нулю.

— Я хочу зависнуть на этой высоте, пока мы будем просматривать район поиска, — сказал Арни, испытывая огромное облегчение. Он ощущал, как колотится сердце, с трудом качая кровь при двойной силе тяжести.

Через несколько мгновений он передвинул рычажки. Вес стал уменьшаться, достиг нормального уровня и продолжал становиться все меньше, пока они не почувствовали, что скоро смогут свободно взлететь. Повиснув над поверхностью, они оказались в поле притяжения Луны, составляющего всего одну шестую земного.

— Начинаю поворот, — объявил Арни.

Незакрепленные предметы покатились по палубе и застучали о переборку; все трое вцепились в ручки кресел. В иллюминатор хлынул поток белого сияния.

— Боже милосердный! — прошептал Нильс.

Это была она. Она росла, заполняя небо. До нее оставалось меньше семидесяти миль. Изрытая кратерами, прорезанная полосами ущелий, мертвая и безвоздушная. Чуждая земной жизни. Луна.

— Значит, долетели, — тихо сказал Ове. — Долетели! — выкрикнул он, давая волю эмоциям. — Господь свидетель, мы вышли в космос в этой бочке, и мы добрались до Луны!

Он отстегнул ремень и, пошатываясь, попытался пройти вперед при непривычно маленькой силе тяжести. Поскользнувшись и едва не упав, он ударился о переборку, но не обратил внимания и прильнул к иллюминатору.

— Вы только посмотрите на нее! Вот там Коперник, это Море Штормов, а где же Море Спокойствия? Должно быть, восточнее, в том направлении. — Ове заслонил глаза от ослепительного блеска. — Нам пока его не видно, но оно должно быть где-то там, за горизонтом.

Беззвучно, как кружащий в воздухе лист, «Каракатица» вернулась в горизонтальное положение и повернулась вокруг невидимой оси. Им пришлось отклониться назад, чтобы сохранить равновесие. Лодка качнулась носом вниз, и Луна снова появилась, на этот раз прямо впереди.

— Тебе под таким углом видно достаточно, чтобы вести судно? — спросил Арни.

— Вполне. Из кабины авиалайнера обзор даже хуже.

— Тогда я поддерживаю это положение и эту высоту и переключаю управление на тебя. Ты можешь двигаться вперед и в стороны.

— Поехали! — Нильс весело замурлыкал что-то себе под нос, ощутив в ладонях привычный изгиб штурвала.

Трое космонавтов стояли по стойке «смирно», насколько это было возможно в небольшом тесном модуле; нос капитана Злотникова почти уткнулся в волосатое плечо полковника. Замерли последние звуки «Интернационала», и из динамика негромко зашипели атмосферные помехи.

— Вольно! — скомандовал Нартов, и остальные двое рухнули на койки.

Полковник взял микрофон и включил его.

— От имени моих товарищей выражаю вам глубокую благодарность. Они стоят рядом, и они полностью согласны со мной, когда в это победное мгновение я обращаюсь к вам, граждане Союза Советских Социалистических Республик, с просьбой не оплакивать нас. Эта победа принадлежит нам всем — Генеральному секретарю, членам Политбюро, рабочим заводов, где были изготовлены детали и приборы нашего космического корабля, собранные затем...

Капитан Злотников рассеянно слушал слова, не вникая в их смысл. Он никогда не умел произносить речи или слушать их. За свои двадцать восемь лет на Земле он переслушал тысячи тысяч речей. И на Луне тоже. Это было неизбежное зло, что-то вроде снега зимой или засухи летом. Оно существовало, нравилось это тебе или нет, и с ним ничего нельзя было поделать. Оставалось только смириться и не брать в голову, и тут славянский склад ума, склонного к фатализму, приходился как нельзя более кстати. Злотников был летчиком-истребителем, одним из лучших, и космонавтом, одним из немногих. Чтобы достичь этой цели, можно было пожертвовать многим. Речи, в конце концов, не самая главная неприятность. Даже смерть не казалась слишком до-

рогой ценой. Он ни о чем не жалел, игра стоила свеч. Ему просто хотелось сделать это без лишних разговоров. Голос полковника продолжал монотонно бубнить. Злотников посмотрел в иллюминатор и тут же отвел взгляд — надо было соблюдать хоть видимость приличий. Но полковник стоял к нему спиной, отбивая строгий ритм своих слов салютующим жестом правой руки, сжатой в кулак. Наверное, это была хорошая речь. По крайней мере, полковник наслаждался ею. Злотников снова повернулся к иллюминатору и внезапно застыл, заметив пятнышко света, медленно движущееся высоко вверху. Метеорит? Но разве метеориты падают так медленно?

— ...и сколько погибло, отстаивая свободу нашей великой Родины: Красная Армия без колебаний шла на смертный бой за светлое будущее, за мир, свободу и счастье народов. И разве могут советские космонавты уклониться от выполнения своего долга, поставить под сомнение реальность... — Он со злостью стряхнул надоедливую руку, постукивающую его по плечу. — ...Реальность космических полетов, всю нашу сложную...

— Полковник!

— ...всю нашу сложную космическую программу, колоссальную ответственность... (Беспокоить меня в середине речи — он что, спятил, этот мерзавец?) ...перед всеми советскими трудящимися, которые сделали это возможным...

Полковник круто развернулся, чтобы свирепым взглядом призвать капитана к порядку. Но его взгляд невольно последовал за пальцем Злотникова, указывающим на иллюминатор, скользнул через толстые стекла по знакомому унылому ландшафту и уткнулся в небольшую подводную лодку, которая медленно спускалась с усыпанного звездами неба.

Нартов громко сглотнул, поперхнулся воздухом, откашлялся, прочищая горло, и посмотрел на микрофон в руке с выражением, очень напоминающим ужас.

— Я завершу свое обращение позже, — отрывисто сказал полковник и нажал на кнопку. — Что это за чертовщина? — проревел он хриплым голосом.

Ответить на этот вопрос, по вполне очевидной причине, не мог ни один из космонавтов. Они пораженно застыли в молчании. Тишину нарушал лишь еле слышный шепот воздуха, истощенной струей вытекавшего через решетку, да приглушенный всхлип динамика, из которого донеслась тихая музыка: кто-то на Земле решил заполнить непонятную паузу.

Подводная лодка медленно опускалась метрах в пятидесяти от

капсулы; когда до поверхности осталось несколько сантиметров, она изящно зависла и через пару мгновений легко коснулась песка. К ее днищу прилипли полоски засохших водорослей, а корпус кое-где был покрыт потеками ржавчины.

— Датская? — выдохнул Шавкун, указав на флаг, нарисованный на маленькой башне. — Это ведь датский флаг, правда?

Злотников молча кивнул, потом вдруг заметил, что его нижняя челюсть неприлично отвисла, и закрыл рот, громко щелкнув зубами. Динамик зашумел, и, перекрывая музыку, оттуда донесся очень громкий голос, коверкающий русские слова:

— Алло, «Восток IV», вы меня слышите? Это «Каракатица», мы совершили посадку рядом с вами. Сообщите, слышите ли вы меня? Прием.

Полковник Нартов посмотрел на микрофон, хотел было включить его, но тут же остановился и потряс головой, стараясь собраться с мыслями. Потом наклонился к радиопередатчику и перевел его на минимальную мощность, после чего включил микрофон. Это был автоматический защитный рефлекс — ему почему-то не хотелось, чтобы Москва слушала их разговор.

— Я «Восток IV». Говорит полковник Нартов. С кем я разговариваю? Кто вы? Что вы тут делаете?.. — Полковник резко оборвал себя, почувствовав, что его вопросы становятся похожими на бессвязный лепет.

На борту «Каракатицы» Ове удовлетворенно кивнул.

— Контакт установлен, — сообщил он остальным. — Приготовьте-ка занавес, а я приглашу их сюда. — Он включил передатчик. — Govoreetye ve po Angleeskee?

— Да, говорю.

— Очень хорошо, полковник. — Ове с облегчением перешел на английский. — Я рад сообщить вам, что мы прилетели сюда, чтобы забрать вас на Землю. В своей радиопередаче несколько минут назад вы сказали, что все трое чувствуете себя хорошо. Это правда?

— Конечно, но...

— Отлично. Если вы наденете скафандры...

— Да, но сначала вы должны сказать...

— Давайте не будем терять время, полковник. Вы не могли бы надеть скафандр и подойти к нам на минуту? Я с удовольствием сделал бы это сам, но, к сожалению, у нас нет космической одежды. Вы не возражаете?

— Я выхожу. — Полковник решительно положил конец переговорам.

— Что-то у него не слишком счастливый голос для человека, которому только что спасли жизнь, — заметил Нильс, продевая веревку в кольца большого куска брезента, разостланного на палубе. Брезент был серый, потрепанный непогодой и с явными следами бившихся о него рыб, которым предстояло пополнить коллекцию образцов морской фауны в трюме «Витуса Беринга».

— Думаю, он счастлив, — возразил Ове, тоже принимаясь за работу над неуклюжим полотнищем. — Но ему нужно немного времени, чтобы привыкнуть к этому. Он произносил очень драматическую надгробную речь, когда мы прервали его.

Они продели веревку через рым-болты на потолке и подняли брезент, который образовал помятую загородку в центре тесной рубки, закрывая далет-двигатель и термоядерный генератор.

— Этот угол лучше не привязывать, — сказал Ове. — Мне както надо будет проходить в машинное отделение.

— Он не выглядит очень уж надежной защитой, — заметил Нильс.

— Сойдет, — успокоил его Арни. — Мы имеем дело с офицерами и, надеюсь, джентльменами — и к тому же спасаем их. Не думаю, что возникнут какие-нибудь затруднения.

— Пожалуй, ты прав... — Нильс посмотрел в иллюминатор. — Смотрите, их шлюз открывается — кто-то выходит. Наверное, полковник.

Сознание полковника Нартова все еще отказывалось верить происшедшему. Он машинально надел скафандр, не обращая внимания на взволнованные реплики двух других космонавтов, и спокойно стоял, пока они возились, застегивая его и проверяя герметичность. И, только спрыгнув на лунную поверхность, он сумел взять себя в руки. Все это было реальностью. Им больше не грозит скорая гибель. Он снова увидит Москву, жену и детей — он почувствовал прилив радости. Этот странный корабль прилетел на Луну и, несомненно, сможет вернуться на Землю. Подробности выяснятся позже. Самое главное, что его люди будут спасены. Высоко держа голову, он шагал к подводной лодке, поднимая сапогами клубы пыли, которая мгновенно оседала обратно.

В круглом иллюминаторе наверху был виден человек в фуражке с козырьком, который показывал рукой куда-то вниз и кивал головой. Что бы это могло значить, черт побери?

Подойдя поближе, полковник увидел наспех приваренный к корпусу ящик с толстой крышкой, на котором кириллицей было выведено: «Телефон». Нартов ослабил винт, удерживавший крышку, открыл ее и снял телефонную трубку, укрепленную

внутри. Он крепко прижал ее к шлему, и до него вполне разборчиво донеслось:

— Вы слышите меня, полковник?

— Да. — Провод был достаточно длинным, он немного отступил назад и увидел за стеклом иллюминатора своего собеседника.

— Отлично. Я Нильс Хансен, капитан датских ВВС и старший пилот авиакомпании САС. Остальных я представлю, когда вы поднимете на борт. Вы можете дотянуться до палубы?

Полковник взглянул наверх, жмурясь от солнечного блеска.

— Сейчас не могу. Но мы приспособим веревку или еще что-нибудь. Сила тяжести очень маленькая.

— Надеюсь, это будет нетрудно. Поднявшись на палубу, вы увидите люк на вершине башни. Он не задраен. Для троих там тесновато, но вы поместитесь. Вам придется залезть туда всем сразу, потому что это все-таки не настоящий воздушный шлюз. Когда заберетесь в башню, как можно плотнее закройте верхний люк и постучите три раза по палубе. Мы впустим туда воздух. Вы сможете это сделать?

— Конечно.

— И захватите, пожалуйста, с собой весь кислород, который у вас остался. Пригодится на обратном пути. Вообще-то у нас кислорода достаточно, но неплохо иметь кое-что про запас.

— Хорошо. У нас остался последний баллон, только что открытый.

— И последнее, пока вы не ушли. На борту есть кое-какое секретное оборудование, скрытое за занавеской. Мы хотели бы попросить вас не подходить к ней слишком близко.

— Слово офицера, — произнес полковник, вытягиваясь в полный рост. — И мои товарищи тоже дадут вам слово. — Нартов посмотрел на человека с массивной челюстью, улыбающегося за стеклом иллюминатора, и впервые за все время по-настоящему почувствовал, что исполнение смертного приговора откладывается. — Я хочу поблагодарить вас за то, что вы сделали для всех нас. Вы спасли нам жизнь.

— И мы рады, что вовремя прилетели, и счастливы помочь вам. А теперь...

— Мы придем через несколько минут.

Вернувшись к капсуле, полковник увидел в иллюминаторе два лица, тесно прильнувших к стеклу, как дети прижимаются к витрине кондитерской лавки. Он чуть было не улыбнулся, но вовремя спохватился.

— Надевайте скафандры, — сказал он, когда процедура прохода через воздушный шлюз была закончена. — Мы летим домой. Эти датчане заберут нас с собой.

Он включил передатчик и взялся за микрофон, чтобы прекратить поток бессвязных вопросов. Отдаленный оркестр, наигрывавший «Край ты мой зеленый», простонал и затих.

— Да, «Восток IV», мы слышим вас хорошо. Что-то случилось? Ваше выступление было прервано. В чем дело? Прием.

Полковник нахмурился и включил микрофон.

— Говорит полковник Нартов. Это последнее сообщение. Я выключаю передатчик и прекращаю связь.

— Полковник, подождите, пожалуйста. Мы понимаем, что вы сейчас чувствуете. Вся Россия душой с вами. Но генерал хотел бы...

— Передайте генералу, что я свяжусь с ним позднее. И не по радио. — Нартов глубоко вздохнул и продолжал, держа палец на кнопке выключателя: — Я знаю номер его кремлевского телефона. Я позвоню ему из Дании.

Он быстро нажал на кнопку и вырубил приемник. Может быть, надо было сказать еще что-нибудь? Но что? Правду? Они решат, что он бредит. Кроме того, разговор могли слышать и другие страны.

— Черт побери! — набросился он на своих спутников, уставившихся на него широко раскрытыми глазами. — Майор, соберите бортовые журналы, пленку, записи, образцы, положите все в ящик. Капитан, закройте кислородный баллон и открепите, чтобы мы могли забрать его с собой. Будем дышать кислородом скафандров. Есть вопросы?

Вопросов не было, и полковник опустил лицевое стекло шлема.

— Они идут, — сказал Нильс через несколько минут. — Вот спустился последний, они закрывают шлюз. Тащат с собой массу всякого барахла, записи и тому подобное, насколько я понимаю, а у одного в руках фотоаппарат. Смотрите: он снимает нас на пленку!

— Пускай, — успокоил его Ове. — По этим фотографиям они все равно ничего не поймут. А знаете, нам тоже не мешало бы взять с собой какие-нибудь образцы. Прежде чем они поднимутся на борт, попроси полковника еще раз к телефону. Скажи, чтобы прихватил для нас немного камней и пыли — надо же что-то привезти домой.

— Образцы, доставленные первой датской лунной экспедицией. Хорошая идея, тем более что мы сами не можем выйти наружу. Ну как, у вас все готово?

— Почти, — ответил Ове, открыв бутылку шнапса и поставив ее рядом с маленькими стаканчиками на штурманском столике. — Жаль, конечно, что не догадались захватить водку, но думаю, они оценят этот шнапс. — Он открыл один из пакетов с едой и начал доставать оттуда бутерброды, приготовленные с утра корабельным поваром. — Селедка еще свежая, им понравится, а вот и печеночный паштет.

— Если они не поторопятся, я съем все это сам, — сказал Нильс, глядя на стол голодными глазами. — Вот они идут.

Он помахал рукой в иллюминатор, приветствуя три нагруженные фигуры, с трудом пробирающиеся через лунную пустыню.

Глава 12

Копенгаген

Министр иностранных дел порылся в записях, сделанных во время совещания с премьер-министром, и нашел наконец нужное место.

— Прочитайте еще раз последнее предложение, пожалуйста, — попросил он.

— Премьер-министр с удовольствием ознакомился с вашим крайне интересным посланием и... — Секретарша перевернула страницу блокнота и приготовилась стенографировать, держа наготове карандаш.

— ...и попросил меня поблагодарить вас за добрые пожелания. Он находит весьма благородным ваше предложение открыть нам доступ ко всем достижениям в области космических и ракетных технологий, а также предоставить нам право пользования вашей развернутой сетью станций слежения за космическими объектами. Тем не менее, поскольку мы не можем внести никакого или почти никакого вклада в космическую программу, мы полагаем, что с нашей стороны было бы некорректно подписывать какие бы то ни было соглашения. Все. Закончите обычными приветствиями и запечатайте. А теперь, будьте добры, прочитайте еще раз все сначала.

Он крутанул кресло и выглянул в окно, слушая чтение секретарши. Улица была темна и пустынна, толпа, спешившая по ней в час пик, уже рассеялась. Семь часов вечера. На ужин он опоздал. Ничего, по пути домой можно забежать куда-нибудь пере-

кусить. Короткими кивками он сопровождал тяжеловесный ритм дипломатической прозы. Все правильно, все как надо. «Большое спасибо», но «спасибо, нет». Советы с удовольствием отдали бы миллиарды рублей, которые они тратят на бесполезное ракетное вооружение, чтобы хоть одним глазком взглянуть на далет-двигатель. Но им это не удастся. И американцам тоже, хотя у них на это прав побольше — братские связи, партнерство по НАТО, обмен секретами обороны. Что-то в этом было: когда премьер-министр, разгибая пальцы, перечислял один за другим десять крупных американских оборонных проектов, о которых датчанам ничего не было известно, посол США все гуще заливался краской. Весь мир надеялся успеть урвать кусок пирога пожирнее.

— Все отлично, — сказал министр, когда девушка остановилась.

— Напечатать прямо сейчас, сэр?

— Ни в коем случае. Завтра с утра пораньше, чтобы оно лежало на столе, когда я приду. А сейчас отправляйтесь домой, пока ваша семья не забыла, как вы выглядите.

— Спасибо, сэр. До свидания.

— До свидания.

Стук ее каблучков гулко разнесся в тишине опустевшего здания министерства. Хлопнула дверь. Он зевнул, потянулся, уложил бумаги в портфель и закрыл его на замок. Потом, прежде чем надеть пальто, позвонил вниз и вызвал машину. Перед самым уходом он проверил, заперты ли дверцы стеллажей с документами, и на всякий случай крутанул еще раз ручку сейфа. Все, работа закончена. Он надвинул на голову большую черную шляпу, взял портфель и вышел. Позади был длинный день, он устал и шел размеренной тяжелой походкой.

Медленные шаги миновали дверь и стихли вдали. Хорст Шмидт шевельнулся в темноте. Колени у него онемели, ноги отчаянно горели от долгого стояния в одной позе. Он слишком постарел для такой работы. Но она хорошо оплачивалась. А уж за сегодняшнее дельце им придется как следует раскошелиться. Он поднял руку и посмотрел на светящийся циферблат. 19.15. По-видимому, в здании больше никого не осталось. За последние полчаса мимо двери прошли только двое. Наверное, имело смысл подождать еще немного, но у него слишком устали ноги. Еще бы, больше трех часов простоять в этой проклятой кладовке! Шмидт взял свой тяжелый портфель, тихонько приоткрыл дверь и выглянул в коридор, жмурясь от яркого света. Коридор был пуст.

Никакой охраны — ох уж эти датчане! Он закрыл за собой дверь и пошел к кабинету министра иностранных дел, быстро и беззвучно ступая резиновыми подошвами. Дверь была не заперта. Они просто напрашиваются, чтобы их обчистили. Швейцар у входа пропустил его сразу, стоило ему назвать имя, взятое из телефонной книги, и сослаться на договоренность о встрече. У него даже не спросили визитной карточки, хотя Шмидт держал ее наготове. Они вполне удовлетворились фальшивым именем. Датчане!

Личный кабинет министра тоже не был заперт — и на двери не было даже задвижки. Он открыл портфель, на ощупь отыскал деревянный клин и засунул его в щель между дверью и дверным проемом. В портфеле у него лежало два листа тонкого, но совершенно непрозрачного пластика. Он развернул их, прикрепил к двери и окну липкой лентой и только тогда включил мощный электрический фонарь. Сначала папки, там должно быть много чего интересного, в этих папках. Главной целью был, конечно, далет-двигатель, но тут хранилось немало и других вещей, которые он не прочь был узнать. Эту информацию он будет скармливать своим хозяевам по кусочку, чтобы обеспечить себе постоянный доход. Разложив инструменты, Шмидт выбрал отмычку из хромированной стали с отточенным, как бритва, концом. Одно движение — и шкаф с документами был вскрыт, словно банка сардин. Он перебирал папки быстро, но тщательно; рядом выросла небольшая горка отложенных документов.

Вскрыть сейф будет потруднее, но не намного. Антикварная вещь. Шмидт внимательно изучал его взглядом, расправляя морщины на тонких перчатках и выбирая самый быстрый способ.

Из-за глушителя дрель выглядела несколько более массивной, но зато она была низкооборотной, мощной, с алмазными сверлами. Он налепил на замок кусок замазки и немного вдавил ее внутрь, чтобы сделать свою работу совсем бесшумной. Когда он включил дрель и приступил к делу, было слышно только легчайшее повизгивание металла. Понадобилось всего несколько секунд, чтобы просверлить стальной лист.

Следующий этап был более опасным, однако Шмидт накопил немалый опыт и умел позаботиться о собственной шкуре. С тевтонской аккуратностью он сложил все инструменты обратно в портфель, после чего снял перчатки и положил на сейф. Потом бесконечно осторожными движениями вытянул через раскрытый ворот рубашки тонкий шнурок, висевший на шее. На шнур-

ке болтался крохотный пузырек. Резиновая пробка была такой тугой, что ее пришлось вытаскивать зубами. Осторожно, чрезвычайно осторожно, каплю за каплей, он вылил содержимое пузырька в желобок, проделанный им в замазке, чтобы жидкость стекала во внутренний механизм замка. Когда пузырек наполовину опустел, он заткнул его пробкой и отнес в дальний угол комнаты. Затем вытер отпечатки пальцев носовым платком, скомкал его, приткнул в угол на полу и осторожно поставил сверху пузырек. Носовой платок Шмидт заранее купил в автомате.

Он перевел дух и на мгновение расслабился. Поскольку нитроглицерин приготовил он сам, качество взрывчатки сомнений не вызывало. Но все равно эта штука крайне ненадежна и лучше держаться от нее подальше. Шмидт снова натянул перчатки.

Ковер в кабинете был прикреплен к полу, так что отрывать его — слишком много возни. Зато на полках вдоль стен стояло множество книг. Как раз то, что надо. Быстро опустошая полки, он соорудил пирамиду перед дверцей и боковыми стенками сейфа, оставив свободным доступ к замку. Потом просунул в отверстие тонкий металлический детонатор и размотал провод от него через весь кабинет. И наконец закрыл пустое место возле замка самым толстым томом.

— Langsam... langsam[1]... — бормотал он, приседая на корточки позади письменного стола.

В здании было тихо. Он держал в руках фонарь, в корпус которого заранее встроил небольшую розетку. Двузубая вилка на конце провода подходила к ней как нельзя лучше. Шмидт наклонился пониже и сунул штепсель в розетку.

От глухого взрыва вздрогнул пол. Груда книг угрожающе накренилась, и он бросился вперед, чтобы подхватить ее. Ему уже почти удалось выровнять пирамиду, когда «Ежегодный отчет о рыболовстве, 1948—1949» приземлился на пол с глухим стуком, отдавшимся эхом по комнате. Над сейфом курился дымок, на месте замка было покореженное, оплавленное месиво. Быстро и бесшумно он начал разбирать книжную пирамиду перед дверцей, чтобы открыть сейф, — и застыл, услышав тяжелые шаги в приемной. Звук шагов замер у двери кабинета, и ручка повернулась.

— Кто там? Почему заперта дверь?

Шмидт положил книги на ковер, выключил фонарь и подошел к двери. Он бесшумно оторвал липкую ленту, и пластик с тихим

[1] Не спеши... не спеши... (*нем.*)

шелестом опустился на пол. Когда ручка повернулась еще раз, он быстро выдернул из щели деревянный клин.

Дверь резко распахнулась, и в кабинет, запнувшись у порога, ввалилась массивная фигура ночного сторожа. Не успел он поднять пистолет, как в комнате дважды раздался негромкий кашляющий звук. Не останавливаясь, сторож сделал несколько шагов вперед и неуклюже растянулся во весь рост на полу.

Шмидт приставил дуло револьвера с глушителем к спине лежащего, прямо напротив сердца, и в третий раз нажал на спуск. Тело конвульсивно дернулось и замерло.

Проверив приемную и коридор и убедившись, что сторож был один, Шмидт закрыл дверь и вернулся к работе. Он весело мурлыкал себе под нос какой-то мотивчик, просматривая содержимое сейфа и не обращая ни малейшего внимания на лежащий рядом труп.

Глава 13

Эльсинор

— Ты только взгляни на это! — воскликнул Нильс. — Нет, ты только посмотри! — Перед ним, прислоненный к кофейнику, был развернут утренний выпуск «Берлингске Тиденде». Нильс яростно распиливал кусок жареного бекона у себя на тарелке. — Я просто не привык к таким заголовкам в датских газетах. Поразительно. Ночной сторож убит... Кабинет министра иностранных дел ограблен... Документы пропали. Как будто читаешь американскую газету!

— Не понимаю, при чем тут Штаты, — пожала плечами Марта. — Все это произошло здесь, а не в Америке. Не вижу никакой связи.

Она взяла кофейник, чтобы налить себе немного кофе, и газета упала.

— Постарайся, пожалуйста, больше не окунать мою газету в варенье. Потом ее трудно читать. — Нильс поднял газету и промокнул красные пятна салфеткой. — Связь есть, и совершенно очевидная. Американские газеты всегда переполнены убийствами, насилием и драками, потому что вещи подобного рода происходят там постоянно. Не помню точно цифру, но в одном Далласе за год случается больше убийств, чем в Англии, Ирландии,

Шотландии и Уэльсе вместе взятых. Думаю, к ним смело можно прибавить Данию.

— Если ты так сильно не любишь американцев, зачем ты женился на мне? — спросила Марта, откусывая кусочек тоста.

Он открыл рот и тут же понял, что ему абсолютно нечего сказать в ответ на этот прекрасный образчик женской логики. Пробурчав что-то нечленораздельное, он уткнулся в колонку, посвященную футболу. Марта кивнула, словно другого ответа и не ждала.

— Нам еще не пора? — спросила она.

Нильс взглянул на часы над кухонной дверью.

— Подождем пару минут, а то приедем слишком рано, почта ведь открывается в девять.

Он отложил газету и взялся за кофе. Вместо формы на нем был темно-коричневый костюм.

— Ты больше не будешь летать? — спросила Марта.

— Не знаю. Я бы хотел, но Скоу все уши прожужжал своей безопасностью. Хотя вообще-то, как выяснилось, надо было прислушиваться к нему получше. Надевай пальто, я подожду в машине.

Дверь из подсобки вела прямо в гараж, что позволяло проскользнуть туда незаметно, не выходя наружу. Скоу считал, что слежка за домом Нильса маловероятна, но ни в чем нельзя было быть уверенным. Послушать Скоу, так на борту каждого самолета, прилетающего в Данию, больше секретных агентов, чем туристов. Впрочем, как знать? Может, он не так уж и ошибался: в мире не было ни единой страны, которая не хотела бы овладеть секретом далет-двигателя. Нильс открыл дверцу большого «Ягуара» и протиснулся внутрь. Хрустнули колени, задранные непривычно высоко, и он вдруг подумал, что ни разу не ездил в своей машине на заднем сиденье. В гараж вошла Марта, привлекательная и элегантная, в коричневом замшевом костюме, на голове яркий шелковый шарф. Она выглядела намного моложе своих двадцати шести лет. Нильс опустил стекло.

— Девушка-невеста! — окликнул он ее. — Ты даже не поцеловала меня на прощание.

— Боюсь измазать тебя губной помадой. — Она послала ему воздушный поцелуй. — А теперь закрой окно и опускайся вниз на задницу, пока я открываю ворота.

— Опускайся вниз, — проворчал он, втискивая свою массивную фигуру на пол перед сиденьем. — Американский язык. Каждый день узнаешь новые выражения. Как будто на задницу можно опуститься вверх.

— Помолчи! — сказала Марта, садясь за руль. — На улице вроде никого.

Машина выехала из гаража. Пока Марта закрывала ворота, он разглядывал верхушки деревьев, которыми была усажена Страннвеен. Когда они поехали по улице, Нильс видел только небо и случайные облака.

— Здесь внизу очень скучно.

— Скоро приедем. Во сколько поезд? В девять двенадцать?

— Так точно. Не спеши так, я не хочу маячить там на платформе.

— По лесу поедем потише. Ты вернешься к ужину?

— Не могу сказать. Как только узнаю, сразу тебе позвоню.

— Только не звони до полудня. Я схожу за покупками в Биркерёде. Там открылся новый маленький магазинчик.

— Значит, появятся новые маленькие счета. — Нильс трагически вздохнул и безуспешно попытался переменить позу.

В девять минут десятого Марта въехала на автомобильную стоянку рядом с железнодорожной станцией, напротив почтового отделения.

— Есть кто-нибудь поблизости? — спросил Нильс.

— Кто-то вошел в здание почты. Мужчина привязывает велосипед. Идет на станцию. В нашу сторону никто не смотрит.

Нильс с облегчением взобрался на сиденье.

— Какое блаженство!

— С тобой ничего не случится? — спросила она, поворачиваясь к нему. Между бровями у нее появилась маленькая озабоченная складка, которую он часто видел в первое время после женитьбы, пока она не привыкла к его полетам.

— Все будет хорошо. — Нильс протянул руку и разгладил морщинку у нее на лбу. Она попыталась улыбнуться.

— Никогда бы не поверила, что наступит такое время, когда я буду мечтать о том, чтобы ты снова начал летать на своих самолетах по всему свету. И вот — пожалуйста!

— Не переживай! Маленький Нильс сумеет о себе позаботиться. Да и супербдительный Скоу будет рядом.

Нильс проводил глазами ее грациозную удаляющуюся фигурку и перевел взгляд на часы. Еще одна минута. Улица была совсем пустынна. Он вылез из машины и пошел купить билет. Когда он поднялся на деревянную платформу, поезд уже показался

из-за поворота, протяжно гудя. На платформе стояло несколько человек, ожидавших поезд из Копенгагена, но ни один из них не смотрел в сторону Нильса. Вагоны с пронзительным скрипом остановились, и он вошел в самый первый. Ове Расмуссен поднял голову от газеты, приветственно махнув рукой. Они поздоровались, и Нильс опустился рядом на пустое сиденье.

— Я думал, что Арни будет вместе с тобой, — сказал он.

— Скоу решил отправиться с ним каким-то другим запутанным тайным маршрутом.

— Значит, все это уже далеко не увлекательная игра?

— Так получается. Интересно, удастся ли им найти подонков, которые все это сделали?

— Скоу говорил, что это крайне маловероятно. Сработано очень профессионально — никаких улик. Убийцы проклятые! Впрочем, им не повезло — в кабинете не было ничего, связанного с далет-установкой.

После этого они молчали до самого Хиллерёда, где сделали пересадку. Поезд на Эльсинор, состоявший всего из трех вагонов, отправился в путь по боковой одноколейной ветке. Постукивая колесами, он оставлял за собой березовые и буковые рощи, белые дома с красными крышами, дворы, в которых свежий ветер с Хунда полоскал развешенное белье. Затем рощи сменились полями, и в Снеккерстене впервые показался океан — свинцовые воды Эресунна с зелеными берегами Швеции вдали. Это была последняя остановка перед Эльсинором. Они спустились на платформу, где их уже поджидал Скоу. Кроме них, в этой крошечной рыбацкой деревушке с поезда никто не сошел.

Скоу пошел вперед, не сказав ни слова, и они последовали за ним. Улица была пустынна, старые дома прятались за высокими заборами. За первым же углом их ждал небольшой крытый грузовик. По обоим бортам была выведена надпись: «Kobenhavns Elektriske Articler»[1], рядом красовались эффектные зигзаги молний и яростно пылающая электрическая лампочка. Скоу открыл заднюю дверцу, и они забрались внутрь, стараясь поудобнее устроиться на толстых мотках электропроводов. Скоу сел за руль, сменил мягкую шляпу на шоферскую фуражку с козырьком, и грузовик тронулся.

К Эльсинору они подъехали проселочными дорогами. Потом обогнули гавань и остановились перед воротами с надписью:

[1] «Копенгаген, электроприборы» (*дат.*).

«Helsingor Skibsvaerft»[1]. Охранник у ворот махнул им рукой, разрешая въезд.

На стапелях стояли каркасы двух строящихся кораблей. Стучали клепальные машины, то и дело вспыхивали белые огни, когда сварщики склонялись к своим аппаратам. Грузовик остановился у заднего входа в контору, укрывшись от глаз работающих на верфи.

— Выходите, приехали, — объявил Скоу, открывая заднюю дверь.

Они спустились на землю и пошли следом за ним в здание конторы и вверх по лестнице. Полицейский в форме откозырял им и широко распахнул дверь. В комнате пахло свежезаваренным кофе и стоял густой дым от сигар. Спиной к двери сидели двое мужчин, смотревших на верфь через широкое окно. Услышав звук открывающейся двери, они встали и повернулись к входящим. Одним из них был Арни Клейн, другой — высокий мужчина средних лет в порыжевшем черном костюме с жилетом и старомодной золотой цепочкой карманных часов. Арни представил их друг другу.

— Познакомьтесь, это герр Лейф Хольм, управляющий верфью.

Прибывшие согласились выпить по чашечке кофе, отказавшись от толстых длинных ютландских сигар. Хольм взял сигару, раскурил ее и выпустил огромное облако сизого дыма, повисшего под потолком.

— Вот он перед вами, господа, — сказал Хольм, направляя сигару, как какое-то смертоносное оружие, в сторону окна. — На центральном стапеле. Надежда и будущее Дании.

По гавани пронесся порыв ветра с дождем, скрывший из вида зубчатые башни Кронборга, замка принца Гамлета, а затем и приплюснутый силуэт парома, плывущего в шведский Хельсингборг. Дождь накинул туманное покрывало на рыжие ребра шпангоутов и обшивку строящихся кораблей и помчался дальше на материк. Сквозь дымку проглянуло бледное солнце.

Они посмотрели в направлении, указанном Хольмом, и увидели приземистое, почти уродливое судно, строительство которого близилось к концу. У него была странная форма, напоминавшая автомобильную камеру, надутую и вытянутую в длину. Нос, корма и бока были толстые и закругленные; надстройка, которую ра-

[1] «Судоверфь Эльсинора» (*дат.*).

бочие монтировали на палубе из готовых секций, выглядела низкой и обтекаемой.

— Это новое судно на воздушной подушке? — спросил Нильс. — «Vikingepuden»[1]. Строится для рейсов Эсбьер — Лондон и считается самым большим в мире. — «Интересно, — подумал Нильс, — какое отношение этот паром на подушке имеет к надежде и будущему Дании?»

— Вы правы, — кивнул Хольм. — Газетные статьи, шумиха, реклама — судно, которое превосходит величиной паромы, пересекающие Ла-Манш. Только они не упоминают, что мы работаем над ним круглые сутки и что в проект были внесены существенные изменения. А когда судно будет готово, его окрестят «Галатеей», и оно отправится в путешествие по безбрежным просторам подобно своей тезке. И если оно не сумеет нырять в глубины океана, то, возможно, одолеет небесные высоты.

Он приложил палец к губам и многозначительно подмигнул.

— Вы хотите сказать...

— Вот именно. Луна и другие планеты, звезды — кто знает? Я так понимаю, присутствующие здесь ученые занимались работой над двигателем этого корабля, но и мы, судостроители, не сидели сложа руки. В первоначальные чертежи были внесены коренные поправки. Внутренние крепления, корпус, герметичные люки, камеры воздушных шлюзов... — не буду утомлять вас подробностями. Достаточно сказать, что через несколько коротких недель первое настоящее космическое судно будет спущено со стапелей. «Галатея».

Теперь они смотрели на корабль с гораздо большим интересом. Закругленный корпус, невозможный для любого нормального океанского судна, был идеально герметичным. Отсутствие четко выраженных носа и кормы не имело никакого значения для космоса. Этот ржавый уродливый торус был формой будущего.

— Вам, господа, будет интересно узнать еще кое о чем. Все руководство новой программой передано в руки нового министерства, о создании которого будет публично объявлено после окончания строительства «Галатеи», — Министерства космоса. Я имею честь быть временно исполняющим обязанности министра. Поэтому считаю своим приятным долгом предложить капитану Хансену подать рапорт о переводе из Военно-воздушных сил в

[1] «Воздушный викинг», дослов. пер. — «Викинг на подушке» (*дат.*).

Космический флот, в том же звании, разумеется, и с сохранением всех привилегий и выслуги лет. Если вы согласны, вашим первым назначением будет должность командира этого замечательного корабля. Итак, капитан, что скажете?

— Конечно, — тут же ответил Нильс, не колеблясь ни минуты. — Конечно, согласен.

Он не сводил с корабля глаз, даже когда принимал от друзей поздравления.

...Марта была не совсем откровенна с Нильсом при расставании на станции в Биркерёде. Она не собиралась в этот день идти за покупками, поскольку у нее была назначена встреча в Копенгагене. Это была маленькая невинная ложь, одна из очень немногих за все годы их совместной жизни. Семь лет — своего рода рекорд. Но самое глупое, что у нее не было никакой причины скрывать это от Нильса. Да и дело-то было пустяковым.

Чувство вины, вот и все, подумала она, останавливаясь у светофора и поворачивая на юг по Конгевей. Всего лишь иррациональное чувство вины. Над головой сгустились тучи, и первые капли дождя брызнули на ветровое стекло. Что бы делал современный мир без Фрейда, который обеспечил подходящим объяснением все, что происходит на свете? Марта специализировалась по психологии в Колумбийском университете, когда впервые встретила Нильса, приехав в Копенгаген навестить родителей. Ее отец, доктор Чарльз В.Грин, известный эпидемиолог, работал в это время в Дании и занимал высокий пост во Всемирной организации здравоохранения. Он пришел от дочери в восторг — выпускница, длинные ноги, юбки из твида — и устроил ей замечательные каникулы. Вечеринки, приемы, новые знакомства. Изумительное лето. И Нильс Хансен. Большой, как гора, и прекрасный, как Аполлон в форме САС. Неотразимо притягательный, неистощимый на шутки и смех. Марта оказалась с ним в постели чуть ли не раньше, чем успела понять, что он не прочь приударить за ней. На размышления просто не хватило времени. Самое забавное, что в конце концов они все-таки решили пожениться. Его предложение оказалось для нее совершенно неожиданным. Он действительно нравился ей, он был практически ее первым мужчиной, поскольку сокурсников явно не стоило брать в расчет. Сначала Марте казалась странной даже сама мысль о том, что можно выйти замуж не за американца, — другая страна, чужой язык. Но Дания во многих отношениях не отличалась от

Соединенных Штатов. Здесь были ее родители; Нильс, да и все ее новые друзья говорили по-английски. Кроме того, это было заманчиво, что-то вроде внезапного приобщения к кругу избранных. И они поженились.

Хотя она все равно так до конца и не поняла, почему он выбрал именно ее. Стоило ему поманить пальцем — и любая готова была броситься ему на шею. Даже теперь на вечеринках ему приходилось отбиваться от поклонниц. А он выбрал ее. Романтическая любовь, говорила она себе, когда была в хорошем настроении. Совсем как в «Семейном журнале для дам». Но когда неделями шли дожди, а она оставалась одна, ей приходилось навещать знакомых или идти покупать новую модную шляпку, чтобы избавиться от депрессии. Тогда она начинала изводить себя мыслями, что Нильс женился на ней только потому, что в этом возрасте у датчан вообще принято жениться. А она оказалась под рукой. К тому же в Дании довольно престижно иметь жену-американку.

Истина лежала где-то посередине, то есть отчасти верно было и то и другое. Годы шли, и ей становилось понятно, что в жизни все не так просто, как кажется в юности. Она давно уже была замужней женщиной, вела домашнее хозяйство и принимала противозачаточные пилюли, и хотя временами все это наскучивало, но несчастной она себя не чувствовала.

И все-таки Марта оставалась гражданкой Соединенных Штатов — возможно, это и было источником чувства вины. Если она любит Нильса, а Марта была уверена в этом, то почему бы не сделать следующий шаг и не принять датское подданство? Говоря по правде, она не слишком задумывалась над этим, и всякий раз, когда ее одолевали подобные мысли, Марта гнала их прочь. А ведь, в сущности, сделать это было совсем нетрудно. Она автоматически вела машину и вдруг заметила, что потоки дождя заливают ветровое стекло. Она сбавила скорость и включила дворники.

Так почему же она не поменяла гражданство? Была ли это тонкая нить, за которую она держалась и которая связывала ее с родителями, с прошлой жизнью? Или маленькая лазейка, означавшая, что у нее до сих пор оставались сомнения насчет их брака? Вздор! Нильс никогда не упоминал об этом — она вообще не могла припомнить, чтобы они хоть раз заговорили на эту тему. Но чувство вины не оставляло ее. Марта регулярно возобновляла свой паспорт, что превращало ее в иностранку, проживающую в Дании, и раз в год улыбающийся сыщик из отделения крими-

нальной полиции ставил в него штамп, продлевающий срок пребывания в стране. Может, причина ее беспокойства заключалась в том, что это была именно криминальная полиция? Вряд ли. Обычное правительственное учреждение. Будь это любая другая контора, ее чувства не изменились бы. А теперь в американском посольстве возникли какие-то вопросы по поводу паспорта, и она направлялась туда. Вот об этом она и не сказала Нильсу.

Утренний час пик кончился, и движение было небольшим, так что Марта приехала к посольству еще до десяти. Рядом нигде не оказалось свободного места для парковки, и в конце концов она поставила машину двумя кварталами дальше. Дождь уменьшился и перешел в обычную изморось, которая могла сыпаться неделями. Марта надела пластиковые сапожки — она всегда держала их в машине — и достала зонтик. Для такси слишком близко, а пешком очень утомительно. Сделав глубокий вдох, она открыла дверцу. Дождь сразу забарабанил по прозрачной ткани зонтика.

Вестибюль, как всегда, был пуст, и регистраторша за большим столом с холодной невозмутимостью, свойственной всем портье, смотрела, как Марта щелкала мокрым зонтом и рылась в сумочке в поисках листка бумаги.

— Меня пригласили зайти, — сказала она, разворачивая листок и смахивая с него табачные крошки, — к мистеру Бакстеру в десять часов.

— Пройдите через эту дверь, поверните налево, кабинет номер сто семнадцать. В конце коридора.

— Спасибо.

Хотя Марта старательно отряхивала зонтик на коврике у входа, мокрый след продолжал брызгами тянуться за ней по мраморному коридору. Дверь в комнату сто семнадцать была широко открыта, и она увидела долговязого человека в очках с темной тяжелой оправой, который склонился над письменным столом, сосредоточенно изучая лежащий перед ним лист бумаги.

— Мистер Бакстер?

— Да, заходите, пожалуйста. Разрешите мне повесить ваш плащ, а то он совсем промок. Ну и погодка! Иногда мне кажется, что вся эта страна того и гляди уплывет в море. — Он поставил раскрытый зонтик на свою мусорную корзину, повесил плащ и закрыл дверь. — Итак, вы...

— Марта Хансен.

— Ну конечно! Я ждал вас. Садитесь сюда, пожалуйста.

— Я по поводу паспорта, — сказала Марта, садясь на стул и открывая на коленях сумочку.

— Вы позволите взглянуть на него?..

Марта передала Бакстеру свой паспорт и наблюдала, как он переворачивает страницы и пытается прочесть смазанные визы и печати таможен. Потом он сделал какие-то пометки на желтой промокательной бумаге.

— Вы, похоже, любите путешествовать, миссис Хансен.

— Это благодаря мужу, он пилот САС. Билеты нам почти ничего не стоят, так что мы много разъезжаем.

— Вы счастливая женщина. — Он закрыл паспорт и посмотрел на Марту, подняв брови над оправой очков. — Послушайте, ведь ваш муж — Нильс Хансен, датский летчик? Тот самый, о котором столько писали в прессе?

— Да. С моим паспортом что-то не так?

— Нет-нет, все в порядке. Вам действительно повезло — быть женой такого человека. Скажите, а этот кулон, который вы носите, — он с Луны? Его фотографии обошли все газеты.

— Да. Хотите посмотреть?

Она сняла цепочку через голову и протянула кулон Бакстеру. Это был обычный кристалл вулканической породы, необработанный обломок, вставленный в серебряную оправу. Камень из другого мира.

— Я слышал, вам предлагали за него пятизначные суммы. Будьте поосторожнее с ним. — Он вернул ей кулон. — Мне хотелось взглянуть на ваш паспорт просто для проверки. У нас возникли осложнения с паспортом, у которого почти такой же номер. Мы должны были убедиться, понимаете? Надеюсь, я не причинил вам излишнего беспокойства?

— Нет, разумеется.

— И все же я приношу свои извинения. Но вы знаете, как это бывает. Такие вещи никогда не могли бы случиться дома, но, когда американские граждане живут за границей, приходится много времени тратить на бумаги. — Бакстер похлопал паспортом по столу, не делая, однако, попытки вернуть его Марте.

— Мой дом здесь, — с вызовом сказала она.

— Ну конечно. Я просто неудачно выразился. В конце концов, ваш муж — датчанин. Хотя вы все же сохранили американское подданство.

Он улыбнулся Марте, потом отвернулся к окну и посмотрел на падающий дождь. Она крепко стиснула ладони поверх сумочки и

ничего не ответила. Бакстер повернулся обратно, и Марта вдруг заметила, что у него абсолютно пустая улыбка, без проблеска сочувствия или доброжелательности. Бутафория — такая же, как и стекла в оправе, придающие ему вид этакого умника-очкарика.

— Вы, должно быть, преданная американка, — сказал он, — если решили не менять гражданство, несмотря на брак с иностранцем — вы замужем уже семь лет, не так ли? Я не ошибаюсь?

— Я... я никогда не задумывалась над этим, — еле слышно прошептала она, удивляясь самой себе. Почему она не скажет ему, чтобы он не лез не в свое дело? Не заберет паспорт и не уйдет отсюда? Может быть, потому, что Бакстер произнес вслух то, в чем она не решалась признаться самой себе?

— Вам нечего стыдиться. — На его лице снова появилась улыбка. — Преданность родине может казаться старомодной, но от этого она не утрачивает своей ценности. И не верьте, если вас попытаются в этом разубедить. Нет ничего плохого в том, что вы полюбили своего мужа, в чем я не сомневаюсь, вышли за него замуж и все-таки сохранили американское гражданство, данное вам от бога. Никто не сможет лишить вас его, так что не отказывайтесь от него сами.

Он четко расставлял точки в своей речи, постукивая паспортом по столу. Марта не знала, что ответить, и потому молчала. Он кивнул, словно ее молчание подтверждало его слова.

— Как я понял из газет, ваш муж управлял кораблем с далетдвигателем, который побывал на Луне. Он, должно быть, храбрый человек.

Ей пришлось хотя бы кивнуть в ответ на это заявление.

— Весь мир смотрит сейчас на Данию, ожидая, что она станет лидером в космической гонке. Это просто какой-то скверный анекдот, что такая маленькая страна будет впереди Соединенных Штатов. После того как мы потратили миллиарды долларов и погибло столько смелых людей. Большинство американцев не считают это справедливым. В конце концов, Америка освободила эту страну от немцев, и не чьи-нибудь, а именно американские военные, деньги и оружие поддерживают НАТО в боевой готовности, чтобы защитить эту страну от русских. Пусть они обогнали нас на старте. Но космические гонки — это серьезное испытание, и маленькая Дания не сможет пройти его в одиночку. Или вы думаете иначе?

— Я действительно не знаю, мистер Бакстер. Думаю, они смогут...

— Вот как? — Улыбка исчезла. — Далет-эффект — это не просто новый космический двигатель. Это власть над миром. России стоит только руку протянуть, чтобы заграбастать ее. Вам бы не хотелось, чтобы так произошло, верно?

— Конечно, нет.

— Правильно. Вы американка, настоящая американка. Если далет-двигатель окажется в руках у Америки, на земле будет мир и спокойствие. А теперь я скажу вам еще кое-что, строго конфиденциально, поэтому постарайтесь не разглашать эту информацию. Датчане не согласны с нами по этому вопросу. Некоторые фракции левого крыла правительства — в конце концов, они ведь социалисты, не так ли? — держат все эти сведения закрытыми от нас. И нетрудно понять, почему, вы согласны?

— Нет, — возразила Марта. — Дания не такая, я имею в виду этих людей в правительстве. Они не испытывают никакой любви к русским. Вам не о чем беспокоиться.

— Вы немного наивны, как и большинство людей, когда дело касается международного коммунизма. Их агенты внедрились повсюду. Они похитят далет-двигатель у свободного мира, если мы не опередим их. Вы можете помочь нам, Марта.

— Я могу, конечно, поговорить с мужем, — быстро сказала она, чувствуя, как от страха похолодело в груди. — Но это ни к чему не приведет. Он всегда сам принимает решения. К тому же я сомневаюсь, что он сумеет повлиять на кого-либо...

Она умолкла, увидев, как Бакстер медленно и выразительно покачал головой.

— Я не это имею в виду. Вы знакомы со всеми, кто участвует в этом проекте, бываете у них дома. Вы даже посетили Институт атома...

— Откуда вам это известно?

— ...и поэтому знаете о происходящем намного больше тех, кто не связан с проектом. Мне хотелось бы задать вам несколько вопросов...

— Нет, — задохнувшись, проговорила она и вскочила на ноги. — Я не могу этого сделать. Вы не имеете права просить меня об этом. Верните мне паспорт, пожалуйста, мне пора идти.

Холодно посмотрев на нее, Бакстер бросил паспорт в ящик стола и задвинул его.

— Я вынужден оставить его у себя. Простая формальность. Надо сверить номер с записями в архиве. Зайдите ко мне на следующей неделе. Регистратор в холле назначит день и час. — Он

подошел к двери и взялся за ручку. — Во всем мире идет война, Марта. И каждый из нас — солдат на передовой. От некоторых требуется больше, чем от других, но таковы военные правила. Вы американка, Марта, никогда не забывайте об этом. Не забывайте о своей родине, о своем долге перед ней.

Глава 14

Освобождая свой шкафчик, Нильс чувствовал себя подавленным: в этом было что-то бесповоротное. Шкафчик номер 121 в аэропорту Каструп всегда принадлежал ему и никому больше. Когда секция перестраивалась и расширялась, ему как старшему пилоту было предоставлено право выбора. И вот теперь он забирал свои вещи. Никто не просил его об этом, но, когда Нильс заехал за рабочими комбинезонами, которые хранились в шкафчике, он понял, что больше не имеет на него права. Будет только справедливо, если теперь этим шкафчиком будет пользоваться кто-то другой. Как можно быстрее он сунул в сумку все барахло, скопившееся за годы, и задернул «молнию». Ну и черт с ним! Он захлопнул дверь и вышел из раздевалки.

В коридоре он внезапно услышал, как чей-то голос окликнул его по имени, и обернулся.

— Ингер?

— А кто же еще, глупый ты обезьян! Ты, видно, слишком долго летал без меня. Тебе не нужна хорошая стюардесса для полетов на Луну?

Девушка приближалась к нему — гибкая, длинноногая. Прекрасная стюардесса, живая реклама САС. Короткая юбка, плотно прилегающий жакет, подчеркивающий фигуру, маленькая шапочка, пикантно сдвинутая набок на светло-пепельных волосах. Настоящая мечта усталого путешественника — высокая, ростом почти с Нильса, видение из шведского фильма. И, между прочим, одна из самых лучших и опытных стюардесс авиакомпании. Она взяла его руку обеими ладонями и придвинулась вплотную.

— Скажи, что это неправда, — попросила она, — что ты покончил с полетами.

— Я покончил с рейсами САС — по крайней мере на время. У меня сейчас другие дела.

— Да, конечно, и к тому же дико секретные: далет-двигатель и

тому подобное. Во всех газетах об этом пишут. Но мне так хочется, чтобы мы снова летали вместе!

С этими словами она почти прильнула к нему, и Нильс почувствовал тепло ее тела и округлость груди, прижавшейся к его руке. Ингер сразу же отстранилась, чтобы не привлекать внимания публики.

— Боже, ты не представляешь, как бы мне этого хотелось! — произнес он, и оба рассмеялись, заметив, каким хриплым вдруг стал его голос.

— В следующий раз, когда будешь вылетать за границу, дай мне знать. — Она посмотрела на часы и отпустила его руку. — Мне надо бежать — рейс через час.

Девушка помахала рукой и исчезла. Нильс повернулся и пошел в другую сторону, думая о ней. Сколько же их было — стран, в которых они были вместе? Шестнадцать или что-то вроде того. Самый первый полет, когда она появилась в его команде, закончился для них постелью — как-то совершенно естественно и легко. Это было летом, в Нью-Йорке: с другой стороны окна бушевал раскаленный ад, полный сажи и выхлопных газов. Но жалюзи в их номере были опущены, кондиционер обдувал ветерком, и они открывали друг друга, пьянея от восторга. Никакого чувства вины, только наслаждение без прошлого и без будущего. Когда Ингер исчезала из поля зрения, он почти не вспоминал о ней. Они не ревновали друг друга. Но, когда встречались, думали только об одном.

После особенно приятной ночи, проведенной в Карачи на исключительно неудобном матрасе, они впервые попытались подсчитать количество городов, в которых занимались любовью. Оба изнемогали, в основном от смеха, потому что Нильс купил ей книгу фотографий эротической храмовой резьбы. Они попробовали несколько наиболее экзотических поз — из тех, что не требуют трех или четырех помощников, — но поскольку все время помирали со смеху, не слишком преуспели. Потом они лежали рядом и не очень серьезно спорили, сколько было у них городов. После чего стали следить за списком. Нильс воспользовался своим положением старшего пилота, чтобы они могли почаще летать вместе, прибавляя все новые и новые названия к растущему перечню. Но они никогда не занимались этим в Копенгагене или даже в Скандинавии, рядом с домом. Они делили друг с другом целый мир, но его дом был запретной зоной. Это негласное правило соблюдали оба, хотя никогда не говорили на эту тему.

Нильс открыл дверь в главный зал, и у него сжалось горло. Женский голос то и дело сообщал о рейсах на десятках языков. Каждый рейс объявляли по-датски и по-английски, а затем на языке страны назначения: по-французски для рейса в Париж, по-гречески для самолета на Афины и даже по-японски, сообщая о полете в Токио через Арктику. Нильс протолкнулся через толпу к ближайшему экрану вылетов и прибытий. Скоро должен был отправляться челночный рейс в Мальмё, в Швецию, на другой берег Зунда. Это устраивало Нильса. Скоу постоянно придумывал новые способы ускользнуть от возможной слежки, и это было его последнее изобретение. Впрочем, надо признать, весьма остроумное.

Он подождал в зале, пока до вылета осталось две минуты. Потом быстро прошел через служебную часть здания, куда пассажиры не допускались. Таким образом он должен был отделаться от любого гипотетического «хвоста». Несколько человек поздоровались с ним, и через минуту он вышел на взлетное поле. По трапу поднимались последние пассажиры; он поспешил за ними, и дверь сразу же закрыли. Стюардесса знала его в лицо, так что Нильсу даже не понадобилось предъявлять удостоверение. Он прошел в кабину, сел в пустое кресло штурмана и все короткое время перелета провел с пилотом, потрепавшись немного на профессиональные темы. Когда они приземлились, стюардесса выпустила его первым, и Нильс сразу пошел на стоянку автомобилей. Скоу ждал его за рулем новенького «Хамбера» со спортивной газетой в руках.

— Что случилось с той gamle raslekasse, на которой ты всегда ездил? — спросил Нильс, залезая в машину и садясь рядом.

— Старая жестянка — ничего себе! Да мой «Опель» пробежит еще тысячи километров! Просто я оставил его в гараже для небольшого ремонта...

— Ну понятно! Там домкратом над ямой приподнимут руль и соорудят под ним новую машину.

Скоу фыркнул, завел мотор и выехал со стоянки, направляясь на север.

Покинув пределы города, шоссе извивалось вверх и вниз между деревнями. Слева от них, среди густых зарослей деревьев, время от времени поблескивал Зунд. Скоу сосредоточился на езде, и Нильсу не с кем было поговорить. Он думал об Ингер, в памяти мелькали эротические эпизоды. Такого с ним раньше не случалось. Нильс привык жить настоящим, заглядывая в будущее

лишь постольку, поскольку это было необходимо, и мгновенно забывая прошлое как нечто оставшееся позади и не поддающееся изменению. Он скучал без полетов, это совершенно ясно; лишь теперь он как следует понял, что полеты были основным стержнем его жизни, вокруг которого вращалось все остальное. В последний раз он водил самолет... когда же это было? Еще до путешествия на Луну. Такое чувство, будто его давным-давно похоронили в служебных кабинетах и на этой грязной верфи. Недолгий перелет из Каструпа только раздразнил его. Кем он стал? Всего лишь пассажиром.

— Вот что, Скоу, — внезапно произнес он, — давай-ка я порулю немного. Нечего тебе одному развлекаться.

— Но это правительственный автомобиль!

— А я правительственный подневольный! Ну, давай, не упрямься. Иначе я доложу твоему начальству, что ты напился при исполнении служебных обязанностей.

— Я выпил всего одну кружку пива перед обедом — и к тому же шведского, совсем некрепкого. Это мне придется сообщить начальству о попытке шантажа.

Тем не менее Скоу остановился, и они поменялись местами. Он промолчал, когда Нильс выжал до упора и машина, взревев мотором, помчалась вперед.

Дорога была полупуста, солнце, садившееся в жидкие облака, обеспечивало вполне приличную видимость. «Хамбер» брал повороты, как спортивный автомобиль, а Нильс был прекрасным водителем и ехал быстро, но без ненужного риска. С чем другим, а с машинами он справлялся отлично.

Было уже совсем темно, когда они достигли Хельсингборга, переехали, подпрыгивая на рельсах, через железную дорогу и остановились у пристани. «Хамбер» оказался первым на автомобильной дорожке и, въехав на палубу, остановился у барьера на носу парома. Скоу вышел купить пачку сигарет в беспошлинном киоске, а Нильс остался в машине. Поездка, хотя и длилась недолго, помогла расслабиться и сняла напряжение. Он смотрел, как приближались огни замка и гавани Эльсинора, и думал о том, что работа над «Галатеей» подходит к концу.

Охранник у ворот верфи узнал Скоу и махнул, чтобы они проезжали.

— А как же охрана? — спросил Нильс.

— Секретность — лучшая охрана. Шпионам пока не удалось догадаться о связи между разрекламированным судном на воз-

душной подушке и строго засекреченным проектом «Далет». Так что охранники, размещенные здесь, — а их тут достаточно, — просто не бросаются в глаза. Ты видел одного из них: он стоял с тележкой на улице и продавал горячие бутерброды с сосисками.

— Polsevogn![1] А выручка остается у него?

— Нет, конечно. Он получает жалованье.

Они поставили машину в обычном месте позади зданий, и Нильс переоделся в одной из комнат в комбинезон. На верфи было тихо, лишь работа над «Галатеей» велась круглые сутки. Мелькали дуги электросварки, освещая ржавый, еще не законченный корпус. Это была намеренная уловка — продувка песком и покраска были специально оставлены на самый последний момент.

Внутри все выглядело совершенно иначе. Они поднялись по лесенке и вошли через воздушный шлюз на палубе. Как только закрылся наружный люк, зажегся свет. За внутренней дверью шлюза начинался белый коридор с полом, покрытым линолеумом, и стенами, отделанными панелями из тикового дерева. Свет был рассеянным и не слишком ярким. По сторонам висели фотографии лунных пейзажей в рамках.

— Надо же, какая роскошь, — удивился Нильс. Когда он был здесь в последний раз, коридор представлял собой металлический проход, выкрашенный красной краской.

— В основном это осталось от первоначального проекта, — донесся голос Ове Расмуссена, подошедшего сзади. — На дизайн интерьера был подписан контракт. Пришлось внести некоторые изменения, но в большинстве кают и общих помещений почти все осталось, как раньше. Убрали только фотографии замков и хижин с соломенными крышами и повесили вместо них виды Луны. Эти снимки Советы прислали в знак благодарности. Пошли со мной, Нильс, у меня есть сюрприз для тебя.

Они вошли в коридор с ковром на полу и рядом дверей по сторонам. Ове показал на последнюю дверь.

— Заходи первым, Нильс, — сказал он и сделал шаг в сторону.

На двери из тика блестела медная табличка с надписью: «Kaptajn». Нильс открыл дверь.

Комната была просторной — наполовину служебное помещение, наполовину гостиная с выходом в спальню. Темно-синий ковер на полу, усеянный мириадами звездочек. Над письменным

[1] Продавец сосисок (*дат.*).

столом — ультрамодерновой конструкцией из хромированной стали и палисандра — поблескивали ряды приборов и связных устройств.

— Немного отличается от самолетов САС? — улыбнулся Ове, глядя на изумленное лицо Нильса. — Или даже ВВС. А теперь посмотри сюда: вот первое судно, которым ты командовал. Все в духе настоящих морских традиций.

Над диваном висела большая цветная фотография маленькой «Каракатицы», сидящей на лунной равнине. На заднем плане отчетливо виднелся голубой земной шар.

— Еще один подарок от Советов? — засмеялся Нильс. — Это потрясающе!

— Лично от майора Шавкуна. Помнишь, он фотографировал нас? И все трое подписали снимок.

— Значит, осталось немного покрасить снаружи — и «Галатея» готова к полету. А как дела в машинном отделении?

— Термоядерный генератор установлен и уже прошел проверку. Нужно кое-что доделать по мелочам, навести лоск, так сказать. И, конечно, далет-двигатель. Его смонтировали в институте и там же провели стендовые испытания, а сюда привезут в последнюю очередь.

— В самую последнюю очередь, — подчеркнул Скоу. — Мы хотим как можно меньше подвергать искушению наших шпионов. Институт охраняется воинскими подразделениями, так что они, наверное, сконцентрировали свое внимание именно там. — Он широко улыбнулся. — Отели переполнены. Постояльцы привозят массу иностранной валюты. Это уже новая отрасль туризма.

— А ты на седьмом небе секретности, — сказал Нильс. — Немудрено, что у тебя появился новый «Хамбер». А где Арни Клейн?

— Последние пару недель он живет здесь, — ответил Ове. — С тех пор как закончились стендовые испытания далет-установки. Занимается моим термоядерным генератором и, — клянусь, я не преувеличиваю, — уже предложил как минимум пять улучшений, которые тянут на патент.

— Пошли спустимся туда. Я хочу увидеть мое машинное отделение. — Нильс еще раз с восхищением оглянулся вокруг. — К такому не сразу привыкнешь. Пожалуй, придется поднапрячься даже больше, чем я ожидал.

— Расслабься, — сказал ему Ове. — Сейчас это похоже на морское судно, но, как только ты поднимешь его в небо, оно превратится в большой летательный аппарат. Вроде суперлайнера «Боинг-707», который, насколько мне известно, ты уже водил. Согласись, что гораздо легче научить тебя вести корабль, чем капитана-моряка — летать на чем бы то ни было.

— Это верно... В чем дело?

Скоу резко остановился. Ноздри его раздувались от гнева.

— Охранник. Он должен стоять у входа в машинное отделение. Двадцать четыре часа в сутки.

Он разбежался тяжелыми прыжками и с силой ударил плечом в дверь. Она даже не шелохнулась.

— Заперто изнутри, — сказал Нильс. — Есть второй ключ?

Скоу, однако, не стал терять время на поиски ключа. Он выхватил из кобуры тяжелый короткоствольный револьвер и уперся дулом в замок. Грохнул выстрел, и револьвер дернулся у него в руке. Запахло гарью, дверь отворилась, но всего на несколько сантиметров. Что-то мешало ей. Через щель они увидели на полу ноги охранника в синих брюках. Спиной он упирался в дверь, блокируя проход. Когда они нажали сильнее, он, не протестуя, сдвинулся вперед.

— Профессор Клейн! — крикнул Скоу, перепрыгивая через охранника.

Прогремело три быстрых выстрела, Скоу сделал еще пару шагов и упал на пол. Револьвер он держал перед собой, но ответный огонь не открывал.

— Оставайтесь на месте! — скомандовал он, поднимаясь на ноги.

Ове заколебался, но Нильс спикировал вперед и перелетел через охранника, даже не задев его. Приподнявшись, он успел заметить, как закрывается дверь, ведущая в воздушный шлюз. Нильс вскочил на ноги, подбежал к ней и дернул изо всех сил, но безрезультатно.

— Задраено с той стороны! Но где Арни?

— С ними. Я видел, они вдвоем тащили его. И оба вооружены. Черт!

Скоу достал карманный передатчик, включил его, но ничего, кроме помех, не было слышно.

— Ваше радио не будет работать здесь, — напомнил ему Ове и склонился над охранником. — Со всех сторон металл. Поднимитесь на палубу. А ваш сторож просто потерял сознание — его чем-то ударили по голове.

Скоу и Нильс уже мчались к выходу. Ове понял, что сейчас ничем не поможет охраннику, и побежал за ними.

Обе двери воздушного шлюза были открыты, и Скоу, стоя на палубе, что-то кричал в передатчик. Результаты последовали почти мгновенно — Скоу подготовился к такому повороту событий.

Вспыхнули все фонари на верфи, включая прожектора на стенах и электродуги, установленные на подъемных кранах и строящихся судах. Стало светло как днем. Снаружи взревели сирены, на черной воде заплясали огни прожекторов — два полицейских катера заблокировали выход с той стороны. Нильс кубарем скатился по сходням, спрыгнул вниз, когда до земли оставалось еще несколько метров, и бросился бежать, огибая судно, в сторону кормы, где был второй воздушный шлюз. Наружная дверь была распахнута, и он успел заметить, как в стороне мелькнули темные силуэты. Нильс схватил за рукав подбежавшего полицейского.

— У вас есть передатчик? Отлично! Вызовите Скоу. Скажите, что они направляются к воде. У них там, наверное, шлюпка. Ни в коем случае не стрелять! Их двое, и они тащат профессора Клейна. Мы не можем рисковать его жизнью.

Полицейский кивнул, вытащил передатчик, и Нильс побежал дальше.

На верфи был настоящий бедлам. Рабочие разбегались в стороны, уступая дорогу полицейским машинам, которые с ревущими сиренами влетали в ворота. Задыхаясь, Скоу на бегу передавал по радио сообщение Нильса. Впереди бежали охранники, устремляясь к берегу, где недостроенный корабль простирал к небу со стапеля ржавые пальцы шпангоутов.

Из-за невысокого штабеля стальных листов вырвалась яркая вспышка; один из охранников согнулся, схватился руками за живот и рухнул на землю. Остальные бросились в разные стороны, поднимая пистолеты.

— Не стрелять! — крикнул Скоу, продолжая бежать вперед. — Пусть направят сюда свет!

Кто-то развернул тяжелую электродугу в направлении, указанном фарами полицейской машины. Весь участок был теперь как на ладони. Пригнувшись, Скоу продолжал бежать в полном одиночестве.

Внезапно перед ним выросла черная фигура. Прикрываясь рукой от слепящего света, человек в черном поднял длинноствольный пистолет и дважды выстрелил. Одна пуля ударилась рядом со Скоу и с визгом отскочила от стального листа, другая задела плащ. Скоу остановился, поднял револьвер вверх и медленно навел на цель, спокойно, будто на стрельбище. Нападавший выстрелил еще раз, и в то же мгновение Скоу нажал на курок.

Мужчина дернулся, повернулся и упал на штабель, выронив пистолет, загремевший по металлу. Скоу сделал знак двум полицейским осмотреть его и заковылял дальше, не обращая внимания на скрюченную фигуру. Теперь за ним следовала группа полицейских и охранников. Патрульный катер, урча мотором, подошел ближе к берегу и стал обшаривать его лучом прожектора.

— Вот они! — раздался чей-то крик, когда луч прожектора внезапно замер на месте.

Скоу остановился и знаком задержал остальных.

Сцена была залита светом: подмостками служили клепаные пластины киля, а на просцениум выходили изогнутые ребра шпангоутов. Только драма на этой сцене разыгрывалась всерьез — не на жизнь, а на смерть. Человек в блестящем черном водолазном костюме прятался за обмякшей фигурой Арни Клейна. Одной рукой он поддерживал ученого поперек груди, а другой приставил ему к виску пистолет. Сирены замолкли, выполнив свою работу, и в наступившей тишине громко раздался хриплый голос:

— Не подходите — я убью!

Он выкрикнул это по-английски с сильным акцентом, но достаточно понятно. Зрители стояли, не шелохнувшись, глядя, как он тащит бесчувственного ученого вдоль киля к воде.

Нильс Хансен шагнул за ним из густой тени, обхватил огромной ладонью руку, державшую пистолет, и вывернул ее, направив дуло вверх. Человек в черном вскрикнул — от боли или от неожиданности, — грянул выстрел, и пуля улетела во тьму.

Левой рукой Нильс высвободил Арни и медленно наклонился, осторожно опуская его на стальную пластину. Незнакомец извивался всем телом, безуспешно пытаясь вырваться из железной хватки, затем принялся бить Нильса кулаком. Летчик не обращал на него внимания, словно не замечая града ударов. Уложив профессора, он выпрямился, выдернул из руки похитителя пистолет и зашвырнул его подальше. Потом, размахнувшись, вмазал противнику по лицу открытой ладонью. Тот крутанулся на месте и бессильно обвис в могучих руках Нильса.

— Я должен поговорить с ним! — закричал Скоу, спеша навстречу.

Нильс встряхнул свою жертву обеими руками, словно большую куклу. Незнакомец был затянут в черный резиновый водолазный костюм, оставляющий открытой только голову. Лицо у него было болезненно желтого цвета, на верхней губе чернела узкая полоска усов, будто прочерченная карандашом. На щеке огнем горел отпечаток мощной ладони.

Увидев приближающихся полицейских, пленник в последний раз дернулся в сжимавших его тисках и понял, что это бесполезно. Он перестал сопротивляться, поднял руку и каким-то странным детским движением сунул большой палец в рот.

— Остановите его! — крикнул Скоу. Но было уже поздно.

По лицу мужчины пробежала судорога, глаза выкатились из орбит, и рот раскрылся в беззвучном крике. Его тело корчилось в руках у Нильса, выгибаясь дугой в пояснице, все более неестественно, под невозможным углом, — и вдруг обмякло и застыло без движения.

— Можешь его отпустить, — сказал Скоу, приподняв пальцем веко. — Он мертв. Яд в ногте.

— Второй тоже мертв, — сказал полицейский. — Вы попали ему...

— Я знаю, куда попал.

Нильс склонился над Арни, который пошевелился, не открывая глаз. За ухом у него виднелся красный распухший рубец.

— С ним вроде ничего страшного, — произнес Нильс, поднимая голову и наткнувшись взглядом на красные капли, падающие рядом на металлическую пластину. Штанина Скоу уже пропиталась кровью. — Ты ранен!

— Они всегда попадают мне в эту ногу. Просто не нога, а мишень какая-то. Но это детали. Самое главное — поскорее доставить профессора в больницу. Проклятье! Кто-то нас все-таки вычислил. Теперь все будет гораздо хуже.

Глава 15

Сидя в темной рубке управления, Нильс Хансен пытался увидеть себя за пультом «Галатеи» в полете. Хотя он обычно не отличался богатым воображением, но, когда дело касалось самолетов, мог представить себе в деталях, как будет работать машина, как она поведет себя в воздухе. Нильс проводил испытательные по-

леты почти на всех новых реактивных лайнерах, закупленных компанией САС, и на многих экспериментальных истребителях ВВС. Прежде чем поднять самолет в воздух, он внимательно изучал его устройство, разговаривал с конструкторами. Нильс знакомился со всеми особенностями машины, узнавал о ней все до мельчайших подробностей. Ему никогда не надоедало копаться в мелочах, он никогда не спешил. Он мог довести окружающих до белого каления своей дотошностью, но сам всегда сохранял невозмутимое спокойствие. В небе Нильс оставался с машиной один на один, и чем больше он знал о ней, тем больше было шансов на удачный полет — и на возвращение домой.

Теперь от него требовалось максимально напрячь все свои способности. Судно было непомерно огромным, принципы управления — абсолютно незнакомыми. Единственное, что могло пригодиться, — это опыт управления «Каракатицей». Помня о трудностях, с которыми пришлось тогда столкнуться, Нильс вместе с инженерами планировал расположение приборов на пульте управления. Протянув руку, он коснулся штурвала — самый обычный стандартный штурвал, как на «Боинге-707», приобретенный на авиационном складе. Он почувствовал себя увереннее. Штурвал, соединенный через компьютер с далет-двигателем, будет использоваться для маневрирования при взлете и посадке. Альтиметр, индикатор скорости воздушного потока, приборы для измерения реальной скорости и энергозатрат — его взгляд безошибочно перебегал с одного устройства на другое, несмотря на темноту.

Прямо перед ним в стальной стене был огромный иллюминатор из толстого стекла, через который хорошо просматривалась судоверфь и часть гавани. Хотя было уже два часа ночи и весь Эльсинор давно уснул, территория верфи была ярко освещена и полна движения. Полицейские автомобили медленно патрулировали вдоль берега, освещая прожекторами темные боковые переулки, между зданиями прохаживались группы солдат. Над уличными фонарями были установлены дополнительные лампы, так что вокруг было светло как днем. Торпедный катер «Хейрен» стоял на якоре с пулеметами наготове, перекрывая ближайший вход в гавань.

Дверь с тихим жужжанием скользнула в сторону, и в рубку вошел радист. Следом хромал Скоу, опираясь на костыль. Он постоял немного рядом с Нильсом, обозревая свои наружные оборонительные укрепления. Потом с невнятным бурчанием, воз-

можно, даже одобрительным, опустился в кресло второго пилота.

— Они знают, что мы здесь, — заявил он. — Но больше им ничего узнать не удастся. Ну, как дела с этим корытом?

— Все проверено, перепроверено и потом проверено еще раз. Я сделал все, что мог, а инженеры и эксперты облазили весь корабль до последнего дюйма и осмотрели каждую деталь оборудования. Вот их подписанные заключения. — Нильс приподнял толстую папку с бумагами. — Есть что-нибудь новое о наших недавних гостях?

— Глухо как в танке. Водолазное снаряжение куплено здесь, в Копенгагене. Ни документов, ни особых примет. Пистолеты времен войны, немецкие «вальтеры» Р-38. Их можно достать где угодно. Мы пытались идентифицировать отпечатки пальцев, вроде даже нащупали след, но потом оказалось, что это ошибка. Я сам проверял. Короче говоря, ничего. Двое невидимок из ниоткуда.

— Значит, вы никогда не узнаете, из какой они страны?

— Меня это не очень волнует. В сущности, нам это без разницы. Кто-то хорошо получил по лбу, пытаясь подсмотреть наши секреты, и после этого переполоха всему миру стало ясно, что здесь что-то происходит. Только они не знают, что именно, и я уж позабочусь о том, чтобы никто ничего не пронюхал. — Он склонился к светящемуся циферблату. — Осталось не так уж долго. Все готово?

— Команда укомплектована, все на местах и ждут только сигнала. Кроме Хеннинга Вильхельмсена. Он отдыхает или спит — ждет моего вызова. Сегодня вечером его дежурство.

— Тогда вызовите его прямо сейчас.

Нильс снял трубку и набрал номер Вильхельмсена; тот немедленно отозвался:

— Капитан Вильхельмсен слушает.

— Рулевая рубка. Прошу прибыть сюда.

— Слушаюсь!

— Смотри, — сказал Скоу, показывая на дорогу в конце гавани, где появилось полдюжины солдат на мотоциклах. — Все идет как по маслу. Она остановилась в замке Фредeнсборг, в двадцати минутах езды.

За мотоциклистами ехали два открытых грузовика с солдатами, потом опять мотоциклисты, окружавшие длинный черный сверкающий «Роллс-Ройс», и снова несколько машин с солдатами. Как только показалась колонна, из казарм Кронборгского замка выехали армейские грузовики, стоявшие наготове. Когда автомобиль с эскортом подъехал к верфи, его окружал сплошной военный кордон.

— Может, включить прожектор? — спросил Нильс.

— Теперь в этом нет нужды. Всему городу ясно, что здесь что-то затевается.

Нильс включил люминесцентные лампы на панели управления, и все приборы заблестели холодным светом. Скоу улыбнулся, с довольным видом потирая руки.

— Все работает как часы. И заметь: я никем не командую. Все продумано заранее. Все шпионы-туристы в городе жаждут узнать, что же здесь творится, но никак не могут подобраться поближе. Через какое-то время они попытаются послать сообщения и смыться, но не тут-то было. Добропорядочных датчан, спокойно спящих по домам, никто не потревожит. Но дороги все перекрыты, поезда не ходят, и телефоны не работают. Даже велосипедные дорожки — и те заблокированы. Охраняются все шоссе и проселочные дороги, даже тропинки в лесу.

— А вы расставили охотничьих соколов для перехвата почтовых голубей? — невинно поинтересовался Нильс.

— Нет! Вот черт, я и не подумал! — Скоу озабоченно жевал губу, потом поднял глаза и поймал смеющийся взгляд Нильса. — Тоже мне, шутник нашелся. Нечего измываться над старым человеком, у меня, того и гляди, будильник остановится от внезапного шока.

— Ты переживешь нас всех, — сказал Хеннинг Вильхельмсен, входя в рубку. На нем был парадный мундир, фуражка — все как положено. — Прибыл для несения службы, сэр, — отсалютовал он Нильсу.

— Да, конечно. — Нильс наклонился и пошарил под приборной доской в поисках собственной фуражки. — Скинь Дика Трэйси со своего кресла и начнем контрольную проверку.

Он нашел фуражку, надел на голову и сразу почувствовал себя неуютно. Нильс снял ее и посмотрел на новую эмблему, еле различимую в тусклом свете. На кокарде поблескивала буква «далет» на фоне звезд. Быстрым движением он сунул ее назад.

— Сними фуражку, — сказал он решительным тоном. — Никаких фуражек в рубке управления.

— Вот и родилась первая великая традиция Космического флота, — откомментировал Скоу, направляясь к выходу.

— И никаких гражданских лиц в рубке! — крикнул Нильс вслед удаляющейся фигуре и услышал в ответ хихиканье.

Они прошлись по контрольному списку и призвали членов экипажа занять места. Хеннинг включил систему внутренней связи, и его голос загудел во всех отсеках корабля. Нильс посмотрел в иллюминатор, привлеченный неожиданной суетой внизу. Выдаваясь вперед на двузубом подъемнике, к судну приближалась деревянная платформа, украшенная флагами. Платформа остановилась у самого носа корабля; сзади по лестнице на нее тут же забрались несколько человек с проводами. Все шло по плану. Зазвонил телефон, и Хеннинг поднял трубку.

— Они хотят прицепить к нам шнуры от микрофонов, — повернулся он к Нильсу.

— Передай, чтобы подождали. Подсоединишь их, когда проверишь все службы.

Члены экипажа один за другим докладывали о своей готовности, в то время как Нильс следил за прибывающей толпой важных гостей. Военный оркестр заиграл бравурный марш, отзвуки которого проникали даже сквозь герметичный корпус корабля. Толпа у постамента расступилась, и по лестнице стала подниматься высокая шатенка.

— Наследная принцесса Маргрета, — сказал Нильс. — Пожалуй, пора подсоединять эти шнуры.

Маленькая платформа быстро заполнилась гостями, и наконец, в середине торжественной речи, на судне включилась трансляция. Речь оказалась на удивление короткой — очевидно, этого потребовал Скоу из соображений безопасности, — и снова заиграл оркестр. Когда кто-то из команды спустил веревку, на которой болталась бутылка шампанского, ее королевское высочество сделала шаг вперед. Голос принцессы был ясным, слова простыми:

— Нарекаю тебя «Галатеей»...

Бутылка с треском разбилась о корпус судна. Обычно после этого корабль сразу спускали на воду. Но сейчас случай был особый. Официальные лица отошли на заранее подготовленные позиции, платформу оттащили в сторону, и только после этого был отдан приказ о спуске «Галатеи». Из-под судна выбили подпорки, и оно вздрогнуло.

— Внимание всем отсекам, — сказал Нильс. — Проверьте, чтобы все приборы были закреплены как полагается, и приготовьтесь сами, при ударе о воду возможен сильный толчок.

Они двигались все быстрее и быстрее, навстречу кораблю мчалась темная вода. По корпусу прокатилась легкая зыбь, тяжелые цепи натянулись, замедлили движение и прекратили его. Судно покачивалось на волнах, вызванных его приводнением. К нему подошли буксиры и обслуживающие катера.

— Готово! — воскликнул Нильс, разжимая пальцы, судорожно вцепившиеся в край приборной доски. — Что, спуск всегда проходит с таким трудом?

— Никогда, — покачал головой Хеннинг. — Большинство судов вообще сходит со стапелей в незаконченном виде. Мне еще в жизни не приходилось слышать, чтобы спускали на воду не просто готовое судно, а еще и с командой на борту. Это, мягко говоря, несколько непривычно.

— Необычные времена порождают необычные условия. — Нильс заметно повеселел после пережитого напряжения. — Садись за штурвал. Пока мы плаваем по морю, ты командир. Только не вздумай погрузиться, это тебе не подводная лодка.

— Скажешь тоже! Мои подлодки почти все время плавают на поверхности. — Хеннинг явно гордился своей морской профессией. — Врубите меня в командную сеть, — повернулся он к радисту.

Пока он проверял готовность судна к отплытию и распоряжался, куда подвести буксиры, Нильс связался по очереди со всеми службами. Никаких повреждений не было, и вода вроде тоже нигде не протекала. «Галатея» могла двигаться самостоятельно, но было решено, что буксиры сначала вытащат ее из гавани. Никто не мог поручиться, что управление этим небывалым судном пройдет совершенно гладко, поэтому двигатели решили включить только тогда, когда корабль окажется в просторных водах Зунда.

После недолгого обмена резкими, нервными гудками буксиры вышли в путь. Они медленно плыли вдоль набережной вместе с торпедным катером, который снялся с якоря и возглавил процессию.

И тут они впервые увидели, что творится кругом.

— Тоже мне — засекреченный спуск на воду. — Хеннинг показал на толпу, вытянувшуюся вдоль волнолома. Люди аплодировали, махали руками, повсюду виднелись яркие пятна датских флагов.

— Весь город знал, что на верфи что-то готовится. Когда судно спустили на воду, их уже невозможно было удержать.

Буксиры описали широкую дугу и направились к выходу из гавани. Мол и волнорез с обеих сторон были забиты людьми, многие еще бежали сюда. Когда корабль плавно скользил мимо, они радостно кричали и размахивали руками — многие в пальто поверх пижам, в надетых наспех разношерстных меховых шапках, куртках, плащах. Нильс едва удержался, чтобы не помахать в ответ.

Они миновали проход в гавань, оставив позади свет маяков, и вышли в Эресунн; первые волны плеснули через низкую палубу, обдавая брызгами матросов, сматывавших канаты.

Оттащив корабль подальше от берега, буксиры дали прощальные гудки и повернули обратно.

— Все в порядке, — доложил Хеннинг. — На палубе никого, люки задраены.

— Тогда вперед, — сказал Нильс.

Панель управления, установленная перед креслом второго пилота, предназначалась только для плавания по морю. К корпусу были прикреплены две гондолы с мощными электромоторами. Только электрические кабели проходили через корпус, гарантируя его герметичность. Каждый мотор вращал большой шестилопастный пропеллер. Руль был не нужен: корабль менял курс при изменении относительной скорости вращения пропеллеров, которые могли крутиться даже в противоположные стороны, если надо было сделать резкий поворот. Все управление судном было сосредоточено в едином центре — рулевой рубке; скорость и направление движения контролировались компьютером, который следил за всеми операциями.

Хеннинг двинул вперед рычаги, и «Галатея» ожила. Наконец она освободилась от привязи и обрела самостоятельность. Волны забились у носа корабля, заструились вдоль бортов и, когда скорость стала еще больше, начали захлестывать палубу. Огни Эльсинора исчезли позади. Вода шлепнула по иллюминатору, и капли потекли по стеклу.

— Какая у нас скорость? — спросил Нильс.

— Колоссальная — шесть узлов. Наше судно проявляет ярко выраженные мореходные способности огромного соусника.

— Расслабься. Это все равно его первый и последний океанский круиз. — Он быстро что-то подсчитал. — Сбавь до пяти узлов, тогда мы прибудем в порт к рассвету.

— Слушаюсь, сэр!

Их первое морское путешествие проходило удивительно гладко. Через один из люков просочилась вода из-за того, что прокладка прилегала недостаточно плотно, но ее можно было легко заменить в доке. Нильс скрестил в полутьме пальцы: пусть так идет и дальше.

— Хотите кофе, капитан? — спросил Хеннинг. — Пока был открыт камбуз, я наполнил термосы.

— Идея хорошая. Скажи, пусть принесут.

Через несколько минут, громыхая тяжелыми ботинками, термосы притащил высокий матрос с роскошными бакенбардами и громадными усами. Он размашисто отдал честь.

— Кто вы такой, черт побери? — спросил Нильс. Раньше он не встречал этого матроса.

— Это один из палубных матросов, которых ты просил меня нанять, — объяснил Хеннинг. — Пока я их нашел, пока они прошли отбор — трое из них появились тут только сегодня днем. Помнишь, тогда была небольшая запарка. Енс добивался этого назначения уже несколько месяцев. Он говорит — у него есть опыт работы с далет-двигателем.

— Опыт... чего?!

— Так точно, сэр. Я помогал со сваркой на первом экспериментальном двигателе. Он тогда чуть не переломил хребет нашему судну. Капитан Хоугор до сих пор ищет, кому предъявить иск.

— Что ж, рады взять вас на абордаж, Енс, — сказал Нильс, немного смущаясь своей морской терминологии, хотя окружающие, казалось, ничего не заметили.

Их медленное путешествие продолжалось. От Эльсинора до Копенгагена по морю меньше тридцати километров, однако этот путь занял у них больше времени, чем полет до Луны за сотни тысяч километров. Но выбора у них не было. Без далет-двигателя судно представляло собой всего лишь маломощную электромоторку.

Горизонт на востоке золотился лучами рассвета, когда корабль приблизился ко входу в порт Копенгагена. Два буксира уже поджидали их, стоя на якоре и слегка покачиваясь на легкой зыби. После той же процедуры, что и при выходе из гавани в Эльсиноре, только проделанной в обратном порядке, судно осторожно поставили на слип в западной части порта Фрихаун.

— Как у них все четко рассчитано! — Нильс показал в сторону эскорта, подъехавшего к пристани. — Они, должно быть, все время ехали следом за нами. Скоу говорил, здесь развернута почти целая армейская дивизия. Солдаты стоят вдоль улиц чуть не

вплотную друг к другу на всем пути до института. Скорей бы все это кончилось. — Он нервно сжимал и разжимал ладони, ничем больше не выдавая своего волнения.

— Да уж. Вообще-то все должно быть нормально. Приняты все меры предосторожности, однако...

— Однако у нас все яйца сложены в одну корзинку. А вот и наш двигатель. — Нильс показал на груз, упакованный в пластиковую пленку, который уже поднимали краном из открытого кузова грузовика. — И вместе с ним прибудут оба профессора. Вот уж действительно — в одной корзинке. Но ты не волнуйся. Похоже, тут собралась вся датская армия. Никто сегодня не сможет помешать нам — разве что скинут атомную бомбу.

— А что их остановит? — Лицо Хеннинга побледнело от напряжения. — Этого добра в мире более чем достаточно. Что, если кто-то решит: раз нам не удалось заполучить двигатель, так пусть он не достается никому? Баланс сил в мире...

— Закрой рот. У тебя слишком богатое воображение. — Нильс хотел сказать это в шутку, но слова прозвучали неожиданно резко.

Они оба вздрогнули и одновременно посмотрели наверх, услышав нарастающий зловещий гул. Звено реактивных истребителей, сверкая в лучах восходящего солнца, пронеслось низко над головой.

— Наши, — улыбнулся Нильс.

— Они могли бы там поторопиться, — проворчал Хеннинг, не ответив на улыбку.

Пришлось проделать массу ювелирной работы, чтобы погрузить гигантский далет-двигатель на борт и установить на судне, так что, несмотря на предварительную подготовку, все происходило медленно до безумия. «Галатею» накрепко пришвартовали к причалу, большой люк на корме открыли и сняли с него болты; длинный кран склонил стальную шею, готовый поднять его в воздух. Этот люк должны были использовать единственный раз, после чего он будет наглухо заварен. Огромная стальная пластина поднялась вверх, медленно вращаясь, и кран опустил ее на берег. В то же мгновение второй кран поднял массивный ящик с далет-двигателем и осторожным, тщательно выверенным движением опустил его в люк.

Зазвонил телефон. Нильс взял трубку и стал слушать, время от времени кивая головой.

— Хорошо. Проводите его в мою каюту. Я встречусь с ним там. — Он встал, не реагируя на недоуменный взгляд Хеннинга. — Замени меня, я ненадолго.

Зайдя в каюту, он увидел офицера в форме королевской охраны. Офицер отдал честь и протянул ему толстый кремовый конверт, запечатанный красным сургучом. Нильс сразу узнал вензель на печати.

— Мне приказано ждать ответа, — произнес офицер.

Нильс кивнул и вскрыл конверт. Прочитав короткое письмо, он подошел к письменному столу. На подставке лежали официальные бланки судна, которые расстарался напечатать какой-то сильно деловой снабженец и которыми еще ни разу не пользовались. Он взял верхний лист — неплохой адресат для самого первого бланка — и написал короткую записку. Потом запечатал конверт и отдал его офицеру.

— Полагаю, нет смысла писать адрес на конверте? — спросил Нильс.

— Нет, сэр, — улыбнулся офицер. — Позвольте пожелать вам успеха — от меня лично и от всех нас. Вряд ли вы представляете себе, какие чувства испытывает вся страна.

— Кажется, уже начинаю представлять.

Они подняли руки в салюте и обменялись рукопожатием.

Вернувшись на мостик, Нильс все думал о письме, надежно запертом в сейфе.

— Ты не собираешься рассказать мне, в чем дело? — спросил Хеннинг.

— Не понимаю, с какой стати я должен это делать. — Подмигнув ему, Нильс обратился к радисту: — Неергор, сделайте перерыв. Вернетесь минут через пятнадцать. — Он подождал, пока закрылась дверь. — Письмо от короля. Праздничная церемония, намеченная на вечер, — сплошная фальшивка. Прикрытие для отвода глаз. Они объявят о торжестве, мы якобы встанем на якорь у дворца Амалиенборг, — но мы не сделаем этого. Как только все будет готово, мы уходим отсюда. Он пожелал нам удачи. Сожалеет, что не смог побывать на корабле. Когда мы выйдем из гавани, то сразу отправимся...

— На Луну! — воскликнул Хеннинг, глядя на сварщиков, работающих на палубе.

Глава 16

Марту Хансен мучила бессонница. И совсем не потому, что она осталась одна в пустом доме. Это было для нее привычно еще с тех пор, когда Нильс уходил в рейсы. Хотя в последнее время он

гораздо чаще бывал дома — может, потому большая двуспальная кровать казалась теперь такой пустой?

Нет, причина была в другом. Происходило что-то серьезное, может быть, даже опасное, а Нильс ничего не мог ей рассказать. За годы, прожитые вместе, она изучила его достаточно хорошо, чтобы сразу увидеть, когда он что-то от нее скрывает. Сутки, может быть, несколько дней, сказал он, не глядя на нее, отвернулся и включил телевизор. Она знала, что за этим кроется что-то серьезное, и это знание не давало ей спать. Марта задремала, потом проснулась как от толчка и больше уже не смыкала глаз. Слишком уставшая, чтобы читать, слишком взвинченная, чтобы уснуть, она всю ночь до зари металась, ворочаясь на подушке. И в конце концов сдалась. Включила электрокофеварку и пошла в душ.

Обжигаясь горячим кофе, Марта пыталась найти какие-нибудь новости по радио, но безрезультатно. Она переключилась на короткие волны, наткнулась на непонятную лекцию на гортанном языке, покрутила ручку настройки дальше, мимо заунывной арабской мелодии, и наконец поймала международные новости Би-би-си. Диктор вещал о тупике, в который зашли переговоры в Юго-Восточной Азии. Марта подлила себе кофе и чуть не выронила чашку, услышав слово «Копенгаген».

«...сведения неполные, поскольку до сих пор не сделано никаких официальных заявлений. Однако очевидцы сообщают, что город наводнен войсками, а в районе порта наблюдается непонятная активность. По неофициальным данным, все это как-то связано с Институтом Нильса Бора, и ходят упорные слухи об испытаниях так называемого далет-двигателя».

Марта включила приемник на полную громкость, чтобы одеваться и слушать одновременно. Что происходит? А главное — этот вопрос она старательно гнала от себя — насколько это опасно? С тех пор как были убиты шпионы и ранен Арни, Марта жила в постоянном напряжении, ожидая чего-то худшего.

Полностью одетая, в перчатках, держа наготове ключи от машины, она остановилась в дверях. Куда она едет и вообще — что она делает? Почти истерическая потребность куда-то бежать вдруг показалась ей предельно глупой. Этим она Нильсу не поможет. Бросившись в кресло, Марта подавила сильное желание расплакаться. Голос по радио гудел, не умолкая:

«...судя по сообщению, поступившему только что, экспериментальный корабль на воздушной подушке, о котором столько

говорили в прессе, покинул судоверфь в Эльсиноре. Не исключено, что между этим фактом и событиями в Копенгагене существует какая-то связь».

Марта захлопнула за собой дверь и пошла в гараж. Она знала, что сделать ничего не сможет. Но, в конце концов, она не обязана оставаться дома.

Пока Марта гнала машину к югу по полупустому шоссе, ее не покидало ощущение, что она делает именно то, что надо. Однако эта уверенность сильно поколебалась, когда она въехала в Копенгаген, в тупики улиц, перекрытых солдатами с винтовками через плечо. Они были очень вежливы, но пропустить ее не могли. Тем не менее она продолжала попытки, петляя вдоль улиц в тесном потоке машин, пока не обнаружила, что весь район порта оцеплен гигантским кольцом. Убедившись в этом, она развернулась по узким боковым переулкам и направилась к Кастеллету — пятиугольному замку, обнесенному рвом, который ограничивал гавань с юга. В квартале от набережной Марта нашла свободное место и припарковала машину. Ее обогнал людской поток, спешивший к берегу, а впереди, у самой кромки воды, уже чернела большая толпа.

Ветер с Зунда продувал насквозь, и от него некуда было укрыться. Народу прибывало все больше, в воздухе витали разные слухи. Все обшаривали взглядом Эресунн в поисках признаков чего-то необычного. Некоторые из зрителей принесли с собой радиоприемники, однако никаких новых сообщений, в которых упоминалось бы о таинственных событиях в порту Фрихаун, не передавали.

Прошел час, потом другой, и Марта начала задаваться вопросом, чего они, собственно, ждут. Она продрогла уже до костей. Внезапно по радио раздались звуки фанфар. Стоявшие рядом с приемниками дружно зашикали на окружающих. Марта попыталась пробиться поближе, но безуспешно. Однако основной смысл официального сообщения ей все же удалось уловить.

«Галатея»... церемония спуска на воду... празднование... во дворце Амалиенборг вечером... Диктор продолжал говорить, но этого было достаточно. Усталая, замерзшая, Марта повернулась и направилась к машине. Ее, конечно же, пригласят на официальное торжество. Возможно, они сейчас пытаются ей дозвониться. Сначала надо немного вздремнуть, а потом позвонить Улле Расмуссен и выяснить, как они оденутся на этот прием.

Перед ней, загородив проход, стоял человек.

— Рано вы сегодня встали, Марта, — сказал Боб Бакстер. — Это, наверно, важный день для вас. — Он улыбался, но улыбка была фальшивой. Она поняла, что их встреча — не случайное совпадение.

— Вы ехали за мной по пятам. Вы ведете слежку за моим домом!

— На улице неудобно разговаривать, к тому же вы замерзли. Почему бы нам не зайти в это кафе? Выпьем кофе, перекусим чего-нибудь.

— Я еду домой, — сказала она, пытаясь обойти Бакстера. Он рукой преградил ей путь.

— Вы не пришли ко мне, как мы договаривались. У вас могут возникнуть серьезные осложнения с паспортом. Но почему вы не хотите поговорить об этом в неофициальной обстановке, сидя за чашечкой кофе? Что в этом плохого?

— Ничего.

Внезапно она почувствовала страшную усталость. Не стоило раздражать этого человека. А чашка горячего кофе будет очень кстати. Она позволила ему взять себя под руку, и он открыл дверь.

Из окна кафе были видны крыши автомобилей на стоянке, а за ними открывался вид на Зунд. В тепле было уютно, и она не стала снимать пальто. Бакстер аккуратно повесил плащ на спинку стула и по-английски попросил два кофе. Он начал разговор только тогда, когда официантка принесла заказ и удалилась на порядочное расстояние.

— Вы подумали о том, о чем я просил вас? — Бакстер приступил к делу без всяких предисловий.

Марта ответила, глядя в свою чашку:

— Честно говоря, нет. Я действительно ничем не могу вам помочь.

— Позвольте мне самому судить об этом. Но вы хотели бы нам помочь?

— Я хотела бы, конечно, но...

— Ну так это самое главное.

Она почувствовала, что попалась в ловушку. Ее ничего не значащие слова вдруг превратились чуть ли не в обещание.

— Здесь не может быть никаких «но», — продолжал он. — И вам не придется делать ничего особенного. В последнее время вы часто общаетесь с женой профессора Расмуссена, Уллой. Продолжайте эту дружбу.

— Значит, вы все-таки следите за мной?

Он отмахнулся от ее вопроса, как от пустяка, который не заслуживает ответа.

— Кроме того, вы знакомы с Арни Клейном. Он несколько раз бывал у вас дома. Познакомьтесь с ним поближе. Он в этом деле главная фигура.

— Может, мне еще и переспать с ним? — спросила она, охваченная внезапной злостью на себя, на этого человека, на все вокруг.

Он остался спокоен, хотя на лице его появились жесткие складки, а голос зазвучал осуждающе:

— Люди шли и не на такие жертвы ради своей страны. Люди погибали за родину. Я всю жизнь посвятил этой работе, и я видел, как они умирали. Поэтому придержите свои грязные шуточки в духе Маты Хари. Может, вы считаете, что судьба наших ребят, замученных и убитых в войне с корейцами, японцами, вьетнамцами, — тоже предмет для шуток? Они погибли, чтобы сделать мир безопасным для вас, чтобы вы могли быть свободной американкой, жить где хочется и делать что хочется. Свободной. Вы верите в Америку, не так ли?

Его вопрос упал между ними, как меч, который надо было подобрать и присягнуть на верность.

— Да, конечно, — проговорила она наконец, — но...

— Верность не признает никаких «но». Она неделима, как честь. Вы знаете, что нужны своей стране, и вы сами делаете свой выбор. У нас нет необходимости забирать ваш паспорт или прибегать к другим методам принуждения...

Нет необходимости, конечно, подумала она язвительно. Зачем тогда вообще упоминать об этом?

— ...потому что вы здравомыслящая женщина. Вам не придется делать ничего предосудительного, это я гарантирую. Вы просто поможете восстановить справедливость.

Рев реактивных самолетов, пронесшихся низко над землей, заглушил его слова. Он быстро повернул голову и показал на них с короткой кривой усмешкой.

— Наши, — заметил он. — Вы знаете, сколько стоит реактивный самолет? А мы подарили их Дании. И пушки, и танки, и корабли, и все остальное. Вам известно, что наша страна оплатила пятьдесят процентов всех расходов, которые потребовались на перевооружение датской армии после войны? Да-да, оплатила, хотя об этом теперь никто не любит вспоминать. Не то чтобы мы

ожидали особой благодарности. Но им не мешало бы проявить хоть какую-то признательность. А вместо этого мы столкнулись с неприкрытым эгоизмом. Что может крошечная Дания в современном мире? — Он протянул слово «Дания» с нескрываемым презрением. — Из-за своей жадности они забыли, чем обязаны нам. Но они забыли также, что в наше время ничего нельзя сохранить в тайне надолго. Помните красных шпионов и атомную бомбу? Их шпионы работают будь здоров — и не зевают. Они доберутся до далет-двигателя. И когда они сделают это, миру, в котором мы живем, придет конец. Нас либо убьют, либо закуют в цепи — в общем, с нами будет все ясно.

— Не думаю, что до этого дойдет.

— Конечно, нет, потому что вы поможете нам. Америка и раньше бывала единственным бастионом, защищавшим свободный мир, и мы без колебаний возьмем на себя эту ношу опять. Только мы можем гарантировать мир на земле.

Да, подумала Марта, как во Вьетнаме, в Лаосе, Гватемале, но не решилась сказать этого вслух.

Самолеты вновь пронеслись над ними, делая круг далеко над Зундом. Бакстер глотнул кофе и посмотрел на часы.

— Полагаю, вы хотите вернуться домой и собраться. Вы, наверное, приглашены на сегодняшний большой прием в честь «Галатеи»? Ваш муж имеет отношение к этому проекту. Что он там делает?

Это был вопрос, ответ на который она знала — он увидел, как напряглось ее лицо. Пауза затянулась.

— Ну, Марта, — сказал он с улыбкой. — Вы ведь не станете на *их* сторону?

Это предположение прозвучало почти шутливо, словно и мысли такой нельзя было допустить всерьез — принять сторону дьявола, а не бога.

— Он капитан корабля, — ответила Марта, уже не сомневаясь, на чьей она стороне.

Только потом она скажет себе, что в любом случае этот факт скоро стал бы достоянием общественности, об этом так и так узнали бы все. Но это будет потом. А сейчас она сделала выбор.

Бакстер ничем не выдал своего торжества, просто кивнул головой, как будто она сказала что-то само собой разумеющееся. Он посмотрел в окно и вздрогнул — она впервые видела на его лице признаки искреннего, живого чувства. Она проследила за его взглядом и внезапно вся похолодела.

— Это «Галатея», — произнес Бакстер, показав на приземистое судно, появившееся в проливе. Она кивнула, не сводя глаз с корабля. — Хорошо. Теперь вам нет смысла нас обманывать. Нам тоже кое-что известно. У нас есть снимок этой малышки, сделанный с большой высоты. Вчера вечером она была в Эльсиноре, а теперь зачем-то приплыла сюда. Наверное, за далет-двигателем. Она должна пришвартоваться рядом с дворцом. Там вы сможете рассмотреть ее поближе, и не исключено, что вас пригласят подняться на борт.

Повернувшись к Марте, он уставился на нее немигающим взглядом, который говорил: «Вы знаете, что делать, если это произойдет». Марта не выдержала и отвела глаза первой. Она чувствовала, что уже вступила в сделку. Выбрала, на чьей она стороне. Хотя до сих пор не могла понять, как же это произошло.

Над головой опять промчались ревущие истребители, в проливе появились торпедные катера и со всех сторон окружили «Галатею», неуклюже переваливавшуюся на легких волнах.

— Останавливается, — сказал Бакстер. — Интересно, почему бы это... — Вдруг его глаза округлились, и он привстал со стула. — Нет! Они же не собираются...

Но они собирались. Торпедные катера направились к берегу, самолеты улетели прочь.

Легкая, как воздушный шар, «Галатея» поднялась из воды. Она ненадолго повисла в воздухе, привязанная невидимой нитью, а затем стала стремительно подниматься вверх, все быстрее и быстрее, и через мгновение исчезла в облаках.

Марта достала носовой платок и скомкала его дрожащими руками, не зная, плакать ей или смеяться.

— Вот видите, — услышала она полный презрения голос Бакстера, который, казалось, доносился откуда-то издали. — Они даже вам солгали. Вся эта история с королевским приемом — сплошное вранье. Они всех надули и смотались под шумок.

Она встала и вышла из кафе, не желая больше ничего слушать.

Глава 17

Лунная база

— Я действительно не могу этого сделать, — сказал Арни. — Здесь полно людей, у которых это получится гораздо лучше. Профессор Расмуссен, например. Он в курсе всей нашей работы.

Ове Расмуссен покачал головой.

— Я бы с удовольствием, Арни. Но только ты сможешь сказать все так, как надо. Честно говоря, это я предложил твою кандидатуру.

Арни очень удивился и бросил на него укоризненный взгляд, чуть ли не обвиняя в предательстве. Но вслух ничего не сказал. Он повернулся к расторопному молодому человеку из аппарата правительства, который прилетел на Луну, чтобы обговорить все подробности.

— Я никогда раньше не выступал по телевидению, — сказал ему Арни. — И я не привык публично говорить неправду.

— Никто и не собирается вас об этом просить, профессор Клейн, — возразил молодой человек, открывая свой кейс и вынимая папку с бумагами. — Мы просим вас говорить только правду. После вас кто-нибудь расскажет о положении на базе со всеми подробностями и безо всякой лжи. Не надо говорить неправду, но какие-то детали можно просто опустить. Работа на Лунной базе еще не совсем закончена, но, если вы скажете, что она близится к завершению, это не будет тяжким грехом. Этот корабль стал теперь частью базы, рядом с ним склады для оборудования, а строительство ведется круглые сутки.

— Он прав, — спокойно заметил Ове. — Обстановка в Дании все время ухудшается. Вчера было совершено нападение на Институт атома. Полная машина людей, одетых в полицейскую форму. Они вломились в здание и, когда их обнаружили, завязали перестрелку с войсками. В итоге — четырнадцать убитых.

— Террористические рейды, как в Израиле. — Арни отрешенно смотрел перед собой, в глазах его застыла давняя боль.

— Это совсем другое, — быстро возразил Ове. — Ты не можешь винить себя за то, что произошло. Но ты можешь предотвратить дальнейшие преступления. Ты понимаешь меня?

Арни кивнул, молча глядя в окно. Изрытая лунная равнина простиралась до горизонта, но большая часть неба была закрыта почти отвесной стеной гигантского кратера. Неподалеку желтый бульдозер рыл широкую траншею. Голубой дымок из выхлопной трубы исчезал в вакууме, едва успев появиться. За сиденьем водителя был прикреплен комплект из шести больших кислородных баллонов.

— Хорошо, я согласен. — Арни наконец решился и выбросил этот вопрос из головы. Он показал на водителя, одетого в черно-желтый скафандр и прозрачный шлем. — Были еще проблемы с

утечкой кислорода из скафандра? — спросил он, когда чиновник из госаппарата исчез за дверью.

— Иногда бывает немного, но мы следим за ними и сразу же ремонтируем. Внутри поддерживается давление в пять фунтов, так что никакой серьезной опасности нет. Хорошо, что нам вообще удалось раздобыть эти герметичные скафандры. Уж и не знаю, что бы мы делали, если бы англичане не продали нам остатки оборудования, когда свернули свою космическую программу. Но как только у нас все будет готово, американцы и русские начнут отпихивать друг друга локтями, предлагая свои скафандры в обмен на... как это называется?

— Участие на паях.

— Точно. Скоро мы запрячем базу в грунт, полностью покроем крышей и будем работать только на электричестве, так что возить с Земли кислородные баллоны больше не придется.

Команда телевизионщиков вкатила в комнату свое оборудование. Они быстро установили камеры и осветительные приборы, по полу во все стороны протянулись шнуры от микрофонов. Суетливый режиссер в темных очках и с остроконечной бородкой непрерывно выкрикивал какие-то приказания.

— Ребята, не могли бы вы встать? — сказал он, обращаясь к Ове и Арни, и махнул своим помощникам, указывая на кресла. Мебель мгновенно перетащили на другое место, откуда-то возник длинный стол, а режиссер продолжал оформление сцены. — Окно будет сбоку, динамики под ним, микрофоны на столе. Поставьте туда графин и пару стаканов. И найдите, чем прикрыть этот пустой кусок стены. — Он повернулся на каблуках и ткнул пальцем. — Вот. Этот снимок Луны. Перевесьте его туда.

— Но он привинчен, — возразил кто-то.

— Ну так отвинтите! У вас что, руки не тем концом вставлены? — Он побежал к камере и посмотрел в объектив.

В каюту вошел Лейф Хольм, большой как жизнь, в своем вечном старомодном костюме, который он носил в конторе на верфи.

— Умирать буду — не забуду этот полет на «Каракатице», — сказал он, обмениваясь крепкими рукопожатиями с обоими физиками. — Будь я католиком, крестился бы, не переставая, всю дорогу. Даже курить не давали. Нильс боялся, что я засорю систему вентиляции.

Вспомнив о вынужденном воздержании, он вытащил из внутреннего кармана пиджака большой портсигар.

— Нильс сейчас здесь? — спросил Арни.

— Нет, он сразу же поднял свою лодку, — ответил Ове. — Они используют «Каракатицу» как ретранслятор, и сейчас она висит над горизонтом.

— С обратной стороны Луны, — добавил Лейф Хольм, отрезая кончик огромной сигары гильотинкой, висевшей на цепочке для часов. — Чтобы никто не смог увидеть ее в эти чертовы телескопы.

— У меня еще не было возможности поздравить вас, — сказал Ове.

— Благодарю вас, вы очень любезны. Министр космоса — звучит довольно внушительно. И мне не надо исправлять то, что натворили мои предшественники: их у меня попросту не было.

— Прошу вас, займите, пожалуйста, свои места, и мы проведем небольшой брифинг, — сказал человек из аппарата правительства. На лбу у него блестела испарина.

Арни и Лейф Хольм сели за стол, кто-то побежал за пепельницей.

— Вот основные вопросы, которые мы хотели бы упомянуть. — Он положил перед ними несколько скрепленных листков бумаги. — Я знаю, что вас уже инструктировали, но пусть они будут у вас под рукой. Министр Хольм, вы сделаете вступительное заявление. Затем журналисты на Земле станут задавать вопросы. На вопросы, связанные с техникой, ответит профессор Клейн.

— А что за журналисты, — спросил Арни, — из каких они стран?

— Самые классные ребята. Отборная команда. Советские и американские, разумеется, и, кроме того, из всех ведущих европейских стран. Другие государства объединились и выбрали своих представителей. Всего их будет около двадцати пяти.

— А Израиль?

— Да. Они настаивали на том, чтобы прислать своего собственного репортера. Учитывая все обстоятельства, мы согласились.

— Связь установлена! — объявил режиссер. — Приготовьтесь. Начнем через три минуты. Мы связаны с системой Евровидения и через спутники — с Америкой и Азией. Нас смотрит вся планета. Следите за монитором, и вы увидите, когда начинать.

Под первой камерой установили телевизор с огромным экраном. Изображение было четким, без помех. Датский ведущий заканчивал вступительное слово, передача велась по-английски.

— ...со всего мира собрались сегодня здесь, в Копенгагене, чтобы поговорить с теми, кто сейчас на Луне. Хочу вам напомнить, что радиоволнам требуется почти две секунды, чтобы достичь Луны, и столько же, чтобы вернуться обратно, так что между вопросами и ответами будет небольшая пауза. А сейчас мы включаем Датскую лунную станцию. Мистер Лейф Хольм, министр космоса.

На второй камере зажглась красная лампочка, и они увидели себя на экране монитора. Лейф Хольм аккуратно стряхнул пепел и затянулся сигарой, так что его первые слова сопровождались густым облаком дыма.

— Я обращаюсь к вам с Луны, где Дания основала базу для исследования и коммерческого использования далет-двигателя, который сделал возможными такие космические полеты. Строительные работы находятся на нулевой стадии — вы сами можете увидеть рабочий процесс через окно у меня за спиной — и будут продолжаться до тех пор, пока здесь не вырастет небольшой город. Сначала база будет использоваться только как научно-исследовательский центр по изучению далет-эффекта. В каком-то смысле создание этого центра уже завершено, потому что все... — Он наклонился к камере и сурово посмотрел в объектив, — ...все, что касается далет-проекта, уже находится здесь, на базе. Профессор Клейн, сидящий справа от меня, будет руководить исследованиями. Он привез с собой своих помощников, все оборудование и все записи. — Хольм откинулся в кресле и, прежде чем продолжить, затянулся сигарой. — Надеюсь, вы извините, что я так настойчиво подчеркиваю этот факт, но мне хотелось бы, чтобы это было понятно всем. В последние месяцы в Дании совершено несколько преступных акций. Погибли люди. К сожалению, приходится признать, что некоторые государства готовы пойти на все, чтобы получить информацию о далет-двигателе. Сейчас я обращаюсь к ним и заранее приношу извинения всем миролюбивым странам, которых, к счастью, большинство. Оставьте свои попытки. Прекратите. Вам ничего не удастся украсть. Мы собираемся использовать далет-эффект для дальнейшего процветания человечества. Не для насилия.

Он замолчал, почти свирепо уставившись в камеру, и откинулся на спинку кресла. Все это время Арни сидел неподвижно, безучастно глядя прямо перед собой.

— Теперь мы готовы ответить на ваши вопросы.

На экране монитора появилась аудитория в Копенгагене, где

находились представители прессы. Журналисты сидели на стульях, расставленных аккуратными рядами, и терпеливо ждали, пока длилась пауза. Они испытывали некоторое замешательство от мысли, что радиоволнам, несмотря на перемещение со скоростью света, требовалось вполне ощутимое время для преодоления огромного пространства между Землей и Луной. И вдруг вся аудитория разом ожила, репортеры повскакивали с мест, требуя слова. Операторы узнали одного из них и направили камеры на плотного человека с пышной копной волос. Внизу на экране появилась белая строчка: «Соединенные Штаты Америки».

— Вы можете нам сказать, кто именно несет ответственность за так называемые нападения в Дании? Ваше выражение — «некоторые государства» — может относиться к любой стране. Таким образом, вы косвенно обвиняете всех. Это крайне несправедливо. — Он с негодованием посмотрел в камеру.

— Сожалею, если вы находите это несправедливым, — спокойно ответил Хольм. — Но факт остается фактом. Нападения были. Люди погибли. Думаю, не стоит дальше обсуждать этот вопрос. Я уверен, что у мировой прессы найдутся вопросы по существу.

Не успел разгневанный репортер сказать что-нибудь в ответ, как на экране появился представитель Советского Союза, который, если и был не менее рассержен, весьма успешно скрывал свое раздражение.

— Союз Советских Социалистических Республик вместе с другими миролюбивыми народами планеты решительно осуждает акты агрессии, направленные против Дании. — Он обменялся с американцем испепеляющим взглядом. — Мне бы хотелось задать более важный вопрос. Что ваша страна намеревается делать с этим далет-двигателем?

— Мы собираемся использовать его в коммерческих целях, — ответил Хольм, когда прошли положенные секунды. — Точно так же, как датские мореплаватели начинали торговые операции с Восточной Азией в прошлом столетии. Мы основали компанию «Det Forenede Rumskibsselskab» — «Объединенную космическую компанию», в которой на правах партнеров участвуют государственные структуры и частные предприниматели. Мы намереваемся исследовать Луну и другие планеты. В данный момент у нас, естественно, нет конкретных программ, но мы уверены, что перед нами открыты блестящие перспективы. Полезные ископаемые, научные исследования, туризм — и бог знает что еще. Мы, в

Дании, полны энтузиазма, потому что это сулит неисчерпаемые блага.

— Блага для Дании, — сказал русский журналист, прежде чем слово успели передать другому. — Не означает ли такая монополия, что вы хотите лишить весь остальной мир его справедливой доли в этом предприятии? Почему бы вам, как социалистической стране, не поделиться своим открытием со всеми?

Лейф Хольм серьезно кивнул.

— Хотя многие наши общественные институты действительно социалистические, у нас немало и частных структур, в достаточной степени капиталистических, чтобы не позволить нам разбазаривать то, что вы назвали «монополией». Это монополия лишь в том смысле, что мы будем получать определенную прибыль от использования кораблей с далет-двигателем, которые сделают Солнечную систему открытой для всех стран Земли. Мы постараемся не быть слишком жадными. Со скандинавскими странами уже подписаны соглашения о совместном производстве кораблей. Мы верим, что это открытие принесет пользу всему человечеству, и считаем своим долгом воплотить его в жизнь.

Камера выхватила из толпы возбужденных, размахивающих руками журналистов представителя израильской прессы. Сдержанная манера поведения и привычка посматривать поверх очков без оправы делали его похожим на ученого, но Арни узнал в нем одного из самых острых комментаторов страны.

— Если это открытие принесет такую пользу всем, я хотел спросить, почему оно не было опубликовано? Мой вопрос адресован профессору Клейну.

У Арни было несколько секунд, чтобы приготовиться к ответу, но этот вопрос не был для него неожиданным. Он медленно и отчетливо выговаривал слова, глядя прямо в камеру:

— Далет-эффект — это не просто средство передвижения. Его легко превратить в мощное оружие. Страна, которая хочет завоевать мир, действительно сможет подчинить его своему господству, используя далет-эффект. Или уничтожит мир во время этой попытки.

— Не могли бы вы развить вашу мысль? Мне не терпится понять, как это ракетный двигатель нового типа может сделать все то, о чем вы говорите.

Журналист улыбнулся, но Арни прекрасно знал, что кроется за этой улыбкой. Им обоим было известно об истории с далет-эффектом гораздо больше, чем они признавали вслух.

— Он может сделать очень многое, потому что это вовсе не разновидность ракетного двигателя. Это новый принцип. Его можно использовать, чтобы поднять маленький корабль или огромное судно, или даже целую железобетонную крепость с тяжелыми орудиями — и перенести ее в любую часть света за несколько минут. Ее можно подвесить в космосе на самом верху гравитационного колодца, где она будет недостижима для ракет, даже для ракет с ядерными боеголовками, и поражать с нее любую цель бомбами или снарядами. Если этот образ кажется вам недостаточно устрашающим, могу добавить, что, используя далет-эффект, можно оторвать от Луны огромные глыбы скал или даже целые небольшие горы и сбросить их на Землю. Предела возможным разрушениям просто нет.

— И вы полагаете, что другие страны мира использовали бы далет-эффект для насилия, если бы он попал к ним в руки?

Остальные журналисты на время замолкли, чувствуя, что диалог ведется с подтекстом.

— Вам это хорошо известно, — огрызнулся Арни. — Разве когда-нибудь страшная разрушительная сила оружия удерживала от его применения? Страны, которые практиковали геноцид, которые применяли в войне отравляющие газы и атомные бомбы, не остановятся ни перед чем.

— Значит, вы считаете, что Израиль способен на такие вещи? Насколько я понимаю, вы сделали свое открытие в Израиле и вывезли его оттуда?

Арни ожидал этого, но было явно видно, как он поник под тяжестью удара. Когда он заговорил, его голос звучал так тихо, что инженерам пришлось увеличить громкость.

— Я не хотел, чтобы Израиль был поставлен перед выбором: или выжить, или выпустить на свободу силы зла, угрожающие существованию человечества. Сначала я думал уничтожить свои записи, но потом понял, что это открытие с таким же успехом может сделать кто-то другой. Я был вынужден принять решение — и сделал это.

Голос его зазвенел от волнения, слова звучали вызывающе.

— Насколько я могу судить, я принял правильное решение и, если бы пришлось повторить все сначала, поступил бы так же. Я приехал со своим открытием в Данию, потому что Израиль, при всей моей любви к нему, находится в состоянии войны и его могли вынудить использовать далет-эффект в военных целях. Я был убежден: если моя работа принесет пользу всему человечеству, Израиль от этого выиграет не меньше и выиграет одним из первых, поскольку я многим обязан ему. Но Дания — я знаю эту страну, я родился здесь — никогда не поддастся соблазну развязать агрессию. В этой стране уже дважды голосовали и чуть не приняли решение об одностороннем разоружении. В мире, живущем по законам джунглей, они хотят остаться безоружными! У них есть вера. А я верю в них. Я могу ошибаться, упаси бог, конечно, но я сделал все что мог...

Его голос сорвался от эмоций, и Арни отвернулся от камеры. Режиссер быстро переключился на Землю. Прошло несколько мгновений, и на экране появился индийский репортер, представитель группы азиатских стран.

— Может ли господин министр любезно объяснить нам, какую именно пользу принесет применение этого открытия и, в частности, если возможно, что это даст странам Юго-Восточной Азии?

— Безусловно, я могу это сделать, — сказал Хольм и посмотрел на свою сигару, с удивлением обнаружив, что совершенно забыл о ней и она давно погасла.

Глава 18

Рунгстед кюст[1]

— День как по заказу, — сказала Марта Хансен, смяв сигарету в пепельнице и сцепив вместе ладони, чтобы скрыть, насколько она взволнованна.

— Безусловно, безусловно, — согласился Скоу и оглянулся вокруг, вытянув вперед шею, будто вынюхивая, где что не так. — Извините, я на минутку.

Марта не успела рот раскрыть, как он уже исчез вместе с двумя охранниками, тенью скользнувшими следом. Она взяла еще одну сигарету и щелкнула зажигалкой; с такой скоростью к полудню от пачки ничего не останется. Перевернувшись на диване, она закинула на него ноги и разгладила юбку. Так ли она оделась? Это вязаное платье всегда нравилось Нильсу. Сколько же времени прошло с тех пор? Она быстро повернулась к окну, услыхав шум подъезжающей машины, но та проехала дальше, миновав Страннвеен.

[1] Побережье Рунгстед (*дат.*).

Солнце сияло вовсю, освещая зеленую траву, высокие деревья и сверкающую голубизну Зунда. Белые паруса клонились на ветру, лихо прожужжала моторка, прочертив пенную кильватерную линию в сторону Швеции. В такое июньское воскресенье, когда светит солнце, Дания — это рай земной, и именно сегодня Нильс возвращается домой! Сколько месяцев уже...

Три больших черных лимузина притормозили и остановились перед домом. Рядом с ними припарковались полицейский автомобиль и еще одна машина. Они приехали! Марта помчалась вперед, обогнав Скоу, и широко распахнула дверь.

— Марта! — воскликнул Нильс, бросил сумку и прижал ее к себе прямо у порога, целуя так крепко, что у нее перехватило дыхание. Она с трудом высвободилась из его объятий и не смогла удержаться от смеха, увидев, сколько народу вокруг терпеливо дожидается, когда они закончат обниматься.

— Извините! Проходите, пожалуйста, в дом. — Она чувствовала, что волосы у нее растрепаны, губная помада наверняка размазана и что ей на это наплевать — то есть абсолютно. — Арни, как я рада вас видеть! Идите сюда!

Они остались втроем в гостиной, а в остальных комнатах дома раздавались тяжелые шаги полицейских.

— Извини за почетный эскорт, — сказал Нильс. — Но это была единственная возможность доставить Арни отдохнуть на Землю. Нам всем уже пора было сделать перерыв, а ему — в особенности. Наш неусыпный сторож Скоу согласился лишь при условии, что Арни остановится у нас и что ему, то бишь Скоу, дадут возможность организовать охрану так, как он сочтет это необходимым.

— Спасибо, что приютили, — сказал Арни, устало откинувшись в мягком кресле. Он выглядел похудевшим и изможденным. — Извините, что навязываю вам свое общество...

— Прекратите эти глупости! Еще одно слово — и я выгоню вас в миссионерский приют, в котором, как известно, категорически запрещено спиртное. А тут, по крайней мере, хоть выпить дадут. Надо же отпраздновать. Что вы будете пить? — Она встала и открыла бар.

— Руки как будто налиты свинцом, — сказал Нильс с мрачным видом, поднимая и опуская руку. — Еле хватит сил, чтобы поднести бокал ко рту. Эта сила тяжести, одна шестая земной, разрушает мускулатуру.

— Ах ты, мой бедненький! Покормить тебя из бутылочки?

— Ты прекрасно знаешь, как вернуть мне силу!

— У тебя слишком измученный вид. Лучше сначала выпей. Я приготовила мартини — вы не против?

— Прекрасно. И не забудь мне напомнить, что в чемодане специально для тебя лежит бутылка бомбейского джина. Мы получаем его на Луне без пошлины, поскольку этот район решили считать свободным портом, пока не придумают чего-нибудь получше. Таможенники были безумно любезны и разрешили провезти одну бутылку обратно. Сделать небольшой крюк в 800 тысяч километров, чтобы сэкономить на налогах двадцать пять крон! Мир свихнулся.

Нильс надолго присосался к ледяному напитку и с наслаждением выдохнул. Арни сделал маленький глоток из своего бокала.

— Вы уж извините меня за всю эту охрану и суматоху, но они со мной носятся как с национальным сокровищем...

— Да ты и есть сокровище, черт подери! — вмешался Нильс. — Теперь, когда далет-установка запрятана на Луне, любая страна не пожалела бы миллиарда крон, чтобы заполучить тебя живьем, — было бы только чем платить. Жаль, что я такой патриот. А то продал бы тебя тому, кто предложит больше, и уехал бы на остров Бали на всю оставшуюся жизнь.

Арни улыбнулся, и его напряженное лицо заметно смягчилось.

— Это настоящий заговор. Врачи, Скоу, ваш муж — они все решили превратить ваш дом в вооруженную крепость, чтобы я мог приехать сюда. А какая прекрасная погода!

— Как раз для морской прогулки, — сказал Нильс, допивая мартини. — Кстати, где наша яхта?

— Пришвартована в южной части гавани, как ты и просил.

— Почему бы нам не выйти в море?.. Черт! Ведь Арни не должен выходить из дому.

— Отправляйтесь вдвоем, а я пока отдохну, — предложил Арни. — Позагораю в саду, мне Нильс это так расписывал...

— Ничего подобного, — сказала Марта. — Пусть Нильс один сходит в гавань, как следует просмолится и пропотеет. Он ведь никогда не ходит на яхте, только красит ее и конопатит швы. Пускай повкалывает в свое удовольствие, а мы погреемся в саду на солнышке.

— Что ж, если вы не против... — Нильс уже наклонился в сторону двери.

— Иди, — рассмеялась Марта. — Только не опоздай к обеду.

— Пойду скажу Скоу, куда я собираюсь. Хотя обо мне они не слишком беспокоятся, я ведь только и умею, что кнопки нажимать.

Марте пришлось разыскать его рабочие брюки, рубашку, заляпанную пятнами от краски, потом плавки, пока наконец он не выкатился из дома. Арни ушел в свою комнату переодеваться. Марта, взглянув на залитый солнечным светом сад, тоже надела купальник. В такую погоду все датчане становятся солнцепоклонниками.

Арни сидел в шезлонге, во внутреннем дворике, и она придвинула свое кресло поближе.

— Изумительно, — сказал он. — Только сейчас я понял, как соскучился по живому свету, краскам и свежему воздуху.

Тень парящей чайки скользнула по траве и скрылась за высоким деревянным забором. В воздухе не было ни ветерка. Вдали раздался чей-то смех, отчетливо доносились звуки пинг-понга.

— Как продвигается работа? Или хотя бы та ее часть, о которой можно рассказать.

— Единственный секрет — это далет-двигатель. А что до остального, так это очень напоминает управление пароходной компанией, которая открывает путь на Дикий Запад. Вы читали о нашем путешествии на Марс?

— Да, мне было очень завидно. Когда вы начнете продавать билеты пассажирам?

— Очень скоро. И самый первый достанется вам. У нас и вправду большие планы в этом направлении. После того как на Марсе нашли открытые урановые жилы, акции «Космической компании» взлетели до небес. Деньги рекой потекли к шведам, которые строят космический суперлайнер. Он в основном предназначен для перевозки грузов, но в дальнейшем там будет много пассажирских кают. Мы отбуксируем его на Луну и установим далет-двигатель. Наша база уже превратилась в настоящий город с механическими мастерскими и сборочными цехами. Практически все детали для далет-установки изготавливаются там, за исключением стандартных электронных компонентов, которые поставляют отсюда. Все идет прекрасно, грех жаловаться. — Арни оглянулся вокруг в поисках деревянного предмета, чтобы постучать по нему, но вся мебель в саду была из пластика, отделанного металлом.

— Может, принести из кухни доску? — предложила Марта, и они рассмеялись. — Лучше я принесу вам выпить что-нибудь

прохладное. В наш закрытый дворик совсем не проникает ветер, и на таком солнце можно просто изжариться.

— Я согласен, только если вы присоединитесь ко мне.

— А вы попробуйте мне помешать. Джин с тоником, раз уж мы начали с джина.

Она скоро вернулась с подносом в руках, ступая босыми ногами так тихо, что Арни вздрогнул, увидев ее.

— Извините, я не хотела вас напугать, — сказала она, протягивая ему бокал.

— Пожалуйста, не извиняйтесь. Это я виноват. Просто пришлось и впрямь немало потрудиться, а здесь так прекрасно... Почти так же тепло, как в Израиле.

— Вы скучаете по Израилю? — спросила Марта и быстро добавила: — Извините. Я знаю, что это не мое дело.

Улыбка исчезла с его лица, и взгляд неподвижно застыл.

— Да, я скучаю по Израилю. Мои друзья, моя жизнь остались там. Но если бы мне дали еще один шанс, думаю, я повторил бы все заново.

— Я не хотела лезть вам в душу...

— Нет-нет, Марта, все в порядке. Я сам часто думаю об этом. Кто я — предатель или герой? Я скорее умру, чем причиню Израилю малейший вред. Недавно я получил письмо на иврите, без подписи. Всего одна строчка: «Что сказала бы Эстер Бар-Гиора?»

— Это ваша жена?

— Да. Она была очень похожа на вас. Такие же волосы и... — Он посмотрел на ее тело, едва прикрытое крошечным купальником, кашлянул и отвел глаза. — Как бы это сказать... такое же телосложение. Только кожа смуглая, всегда загорелая. Она была сабра, родилась и выросла в Израиле. Одна из моих аспиранток. Она любила повторять, что окрутила профессора. — Он сидел, глядя вдаль затуманенным взором. — Она погибла во время террористического налета.

Профессор отпил из бокала. Издалека доносились детские крики.

— Не позволяйте мне предаваться грустным воспоминаниям, Марта. Сегодня такой замечательный день. Просто мне хотелось бы знать, кто прислал это письмо. Я ответил бы ему, что Эстер могла рассердиться на меня, но она бы все поняла. А в конце концов, возможно, и согласилась бы со мной. Бывают такие случаи, когда судьба всего человечества становится важнее заботы об интересах своей страны. Вам это должно быть понятно. Родились в Америке, стали датчанкой — настоящая космополитка.

— Но это не совсем так. — Марта рассмеялась, пытаясь скрыть смятение. — Я хочу сказать, хоть я и замужем за датчанином, но считаюсь американкой, по паспорту... — Интересно, зачем она это ему рассказывает?

— Паспорт, бумаги, — произнес он, пренебрежительно махнув рукой. — Ерунда. Мы — это наше представление о нас. Наш этнос отражается в поступках. Я, наверное, косноязычно излагаю свою мысль. Никогда не был силен в философии, да и в остальных науках тоже, кроме физики и математики. Я даже завалил как-то экзамен по химии, забыл колбу на спиртовке, она и взорвалась. Вообще-то меня мало что интересовало, кроме моей работы. Ну и Эстер, конечно, когда мы поженились. Люди считали меня сухарем — и были правы. Я даже в карты ни разу не играл. Но я умел смотреть и умел думать. И видел, как пытались уничтожить Израиль. Чем более реальной становилась идея далет-двигателя, тем больше я задумывался о том, что же с ним делать. Я вспомнил Нобеля и его миллионные премии, которыми он откупался от угрызений совести. Думал об ученых-атомщиках, которые сходили с ума или кончали с собой. Почему, думал я, почему нельзя сделать что-нибудь до того, как открытие станет известно всем? Разве нельзя обратить его на пользу, не позволить ему стать орудием уничтожения? Эта мысль не покидала меня, не давала покоя и в конце концов заставила действовать. Я знал, что это будет нелегко, но даже представить себе не мог, насколько тяжело это будет...

Арни замолчал и поднес бокал к губам.

— Вы должны извинить меня. Я болтаю слишком много. Мужское общество, знаете ли. Стоило появиться женщине, да еще умеющей слушать, — и результат налицо. Шучу. — Он вымученно улыбнулся.

— Нет, не надо так! — Она порывисто наклонилась и взяла его за руку. — Женщина может сойти с ума, если не расскажет кому-нибудь о своих заботах. У мужчин все иначе — и я думаю, в этом причина многих бед. Мужчины все держат в себе, пока не происходит взрыв, и тогда они выходят на улицу и убивают себе подобных.

— Да, конечно. Спасибо. Я вам очень благодарен.

Он неловко погладил ее по руке и тяжело откинулся назад, закрыв глаза. Толстый шмель деловито гудел вокруг вьюнков, которые ползли наверх по стенке дома.

Den er fin med kompasset,
Sl rommen i glasset...[1]

Нильс радостно и громко выводил монотонный напев, соскабливая пузыри старой краски с кокпита. В гавани никого не было: в такие воскресные летние дни все суда выходили в Зунд. Ничего, он тоже скоро выйдет в море, вот только закончит работу. Он не выносил, когда на «Чайке» что-то было не в порядке, и поэтому чаще наводил на нее блеск, чем плавал под парусами. Что ж, это тоже интересно. Ему нравилось поразмять мускулы, благо было что разминать. Хотя завтра они точно будут болеть после нескольких месяцев расслабляющей лунной гравитации. Босиком, в одних плавках, Нильс обливался потом и был доволен до ужаса. Он пел так громко, что не заметил, как за спиной раздались легкие шаги.

— Ты что это так расшумелся? — услышал он знакомый голос.

— Ингер! — Он вскочил и вытер руки ветошью. — Вечно ты подкрадываешься незаметно. Что, черт возьми, ты здесь делаешь?

— Случайность, а может, судьба. Я здесь с друзьями из яхт-клуба в Мальмё, всего на один день. — Она показала на большое судно на другой стороне гавани. — Мы остановились пообедать — и выпить, конечно. Ты же знаешь, мы, шведы, совсем не дураки выпить. Все ушли в kro[2], и я тоже туда направляюсь.

— Но сначала ты выпьешь со мной. У меня в ведре несколько бутылок пива. Черт побери, да ты потрясно выглядишь!

Она действительно была хороша, Ингер Альквист. Высокая, шесть футов, медово-загорелая блондинка в настолько крохотном бикини, что его почти не было видно.

— Ты не имеешь права разгуливать в таком виде, — сказал он, чувствуя, как напрягаются мышцы живота и бедер. — Это просто преступление. И натуральная пытка для несчастного, который так долго разыгрывал из себя Человека на Луне, что совсем забыл, как выглядят девушки.

— Они похожи на меня, — со смехом сказала Ингер. — Ну, давай свое пиво, а то мне пора. От морских прогулок разыгрывается зверский аппетит. Как там на Луне?

— Словами не расскажешь. Но ты сама скоро там побываешь. Нашей космической компании понадобится стюардесса, и мы

[1] Отлично работает компас,
И вот уже склянки бьют... (*дат.*)
[2] Кабак (*дат.*).

переманим тебя из САС. — Нильс неуклюже спрыгнул на палубу, так и не привыкнув еще к земной силе тяжести, и открыл дверь в каюту. — Захвачу бутылку себе тоже. Погодка сегодня, да? Ну, а как ты вообще жила все это время?

Он прошел в угол каюты, где в ведре с водой и кусочками льда стояли зеленые бутылки. Ингер шагнула на палубу и наклонилась, чтобы продолжить разговор.

— Как обычно. Бывало кое-что интересное, но не думай, что я тебе не завидовала, — все эти путешествия, Луна, Марс... Ты говорил про стюардессу. Это серьезно?

— Конечно. — Он щелкнул открывашкой, прикрепленной к переборке. — Пока никаких деталей, все жутко секретно, но есть определенные планы насчет пассажирских рейсов в будущем. И это естественно. Ты только вдумайся: мы можем долететь до Лунной базы быстрее, чем рейсовым самолетом из Каструпа в Нью-Йорк. Держи.

Он протянул ей бутылку, и Ингер шагнула к нему.

— Skal!

Ингер сделала несколько глубоких глотков и опустила бутылку с довольным вздохом. Ее полные влажные губы были в нескольких дюймах от него. Все произошло само собой.

Бутылка упала и покатилась по палубе, выплескивая светлую струю пены. Он обхватил Ингер, ощущая ладонями теплую кожу, чувствуя, как ее бедра прижались к нему, как вдавились в него упругие груди. Она приоткрыла рот, и мокрые от пива губы встретились с его губами.

Ее бутылка тоже выпала из рук и со звоном ударилась о ведро. Но они этого не услышали. Они уже падали.

Голова Арни склонилась набок, рот приоткрылся, он дышал глубоко и размеренно. Марта тихонько встала, чтобы не тревожить его. Если она останется в этом недвижном зное, то непременно уснет, а ей этого не хотелось. Она прошла в дом, набросила легкий пляжный халат и постучала в дверь комнаты Скоу. Он открыл с наушниками на голове и жестом пригласил войти. Скоу превратил заднюю спальню в командный пункт, уставив весь стол аппаратами для связи. Он отдал какие-то приказания и выключил микрофон.

— Схожу прогуляюсь в гавань, — сказала ему Марта. — Профессор Клейн спит во дворе, и мне не хочется его беспокоить.

— Это наша работа — наблюдать за ним. Если он проснется, я скажу, куда вы ушли.

Прогулка заняла всего пять минут. Сняв босоножки, Марта шла вдоль пляжа по теплому песку. Купаться она не собиралась, зная по опыту, что даже в такую жару вода еще слишком холодная. Кругом было тихо, лишь один вертолет стрекотал над головой, наверняка из охраны Арни. В их районе стояло множество незнакомых легковых автомобилей и грузовиков, а к некоторым из соседей пожаловали незваные гости. Этого несчастного, усталого человека охраняли как национальное достояние. Наверное, они были правы. Марта помахала рукой знакомым, загоравшим на пляже, и по каменным ступенькам забралась на волнорез. В гавани не было почти ни одного судна, и она сразу увидела «Чайку», но Нильса нигде не было.

Может, он зашел в кабачок напротив выпить пива? Нет, обычно он заходил туда по пути и брал пиво с собой. Куда он мог деться? Наверное, спустился в каюту.

Марта уже хотела позвать его, как вдруг заметила, что на палубе лежит пивная бутылка, а рядом с приоткрытой дверью валяется голубой лоскуток. Лифчик от бикини.

Внезапно с пронзительной ясностью, сжавшей сердце, она поняла, что увидит, если заглянет в каюту. Словно она уже пережила это мгновение когда-то в прошлом, похоронила воспоминание о нем, и вот теперь оно всплыло на поверхность. Спокойно, хотя она вовсе не чувствовала себя спокойно, Марта ступила на самый краешек пристани и, держась рукой за швартовую тумбу, вытянулась вперед. Теперь она видела через открытую дверь койку у правого борта, широкую спину Нильса и то, чем он занимается. Руки, крепко прижатые к этой спине, загорелые ноги...

Она выпрямилась, сдавленно всхлипнув, и почувствовала, как ее захлестывает бешеная волна ярости, кровью ударяя в голову. Здесь, на их яхте, после такой долгой разлуки, не успев вернуться домой!

Сейчас она ворвется туда, будет бить, кусать, рвать на части — она не желает сдерживаться! Внезапный крик заставил ее обернуться.

— Парус заклинило! — закричал кто-то по-датски с одномачтовой яхты, несущейся к пристани прямо на нее.

Быстрым взглядом она охватила всю картину: мужчина боролся с запутанной оснасткой, женщина, что-то визгливо выкрикивая, схватилась за румпель, ребятишки цеплялись за канаты и падали друг на друга. В любой другой момент это могло бы показаться забавным.

Их продолжало нести к берегу на полной скорости, и женщина изо всех сил рванула румпель. Вместо того чтобы врезаться носом в причал, яхта повернулась, стукнулась боком о сваи и отскочила назад. Один из малышей свалился с крыши каюты на палубу и зашелся испуганным плачем. Парус упал бесформенной кучей и накрыл мужчину.

Яхта наконец потеряла ход и остановилась, подпрыгивая на волнах. Трагедии удалось избежать; послышался чей-то смех. Все это заняло несколько секунд. Марта снова повернулась к «Чайке» — и заколебалась. За эти несколько мгновений все переменилось. Они, наверное, уже сидят, натягивая на себя одежду. Смеются, может быть. Эта мысль привела ее в замешательство. Внутри у нее по-прежнему все кипело, но первый порыв уже прошел. Маленькая яхта пришвартовалась совсем рядом. Сможет ли она сейчас, слегка отрезвев, зайти в каюту и орать на них в присутствии всех этих людей? Мальчик, крепивший канат, мимоходом задел ее и извинился.

Задохнувшись от ненависти и боли, Марта рванулась и побежала прочь, постепенно замедляя шаг. Ярость, безумная ярость сжигала ее. Как он мог так поступить с ней! Она судорожно глотнула воздух.

Только подойдя к воротам, она заметила, что до сих пор держит в руке босоножки. Трясущимися руками Марта надела их на горящие от ходьбы по бетону ноги и вспомнила, что не взяла ключ. Не успела она постучать, как Скоу распахнул дверь.

— Бдительность — наш девиз, — сказал он, пропуская ее в дом и запирая дверь.

Она кивнула и прошла мимо, ничего не замечая вокруг. Бдительность... самое смешное, что это теперь должно стать и ее девизом. Ей не хотелось разговаривать с ним, не хотелось никого видеть.

Марта закрылась в ванной. Острая боль полыхала внутри, горло сжималось от бессильной ярости, которая искала выхода. Не надо было сбегать оттуда! Но что ей оставалось делать? Застонав от ненависти, она включила холодную воду, опустила руки под струю и плеснула в разгоряченное лицо. Она даже заплакать не могла — настолько сильным был душивший ее гнев. Как он мог! Как мог!

Марта провела пальцами по волосам, не решаясь взглянуть на себя в зеркало. Если ему не было стыдно, то она вся сгорала от стыда. Взяв щетку, она неистовыми движениями стала расчесывать волосы. Женатые мужчины нередко поступают так, и датчане не исключение. Но только не Нильс. А почему, собственно? Теперь-то она знает. Может, он и раньше изменял ей... Что же делать? Что ей теперь делать с ним?

Подумав об этом, она вдруг представила, как он войдет в дом и захочет ее обнять как ни в чем не бывало. Он так и сделает, а что должна делать она? Сказать? А нужен ли он ей теперь? Да. Нет! Она хотела причинить ему такую же боль. То, что он сделал, простить невозможно.

К горлу подступил комок, и Марта почувствовала, что сейчас разрыдается. Но это уже совершенно ни к чему. О чем ей плакать? Что, черт побери, она собирается оплакивать?

Она быстро выпрямилась, чтобы не видеть свое отражение в зеркале, и вдруг заметила на бачке для белья небольшой блокнот, которому явно было не место в ванной. Машинально открыв его, Марта увидела, что все страницы исписаны аккуратными рядами вычислений — не столько цифрами, сколько странными символами. Она быстро захлопнула блокнот, пошла в свою комнату и прислонилась к двери спиной, крепко прижав находку к груди.

Если бывают моменты, когда эмоции лишают человека рассудка, — это был тот самый случай. Бакстер почти не досаждал ей в последнее время, но сейчас она думала не о Бакстере. И не об Америке или о Дании, преданности или патриотизме. Она думала о Нильсе, об этой сцене на яхте, и ей хотелось, чтобы ему было так же больно, как и ей.

Это оказалось очень просто. Закрыв дверь, Марта подошла к комоду и достала из ящика фотоаппарат. Она только вчера зарядила его новой цветной пленкой, готовясь к приезду Нильса, чтобы запечатлеть это радостное событие. На коврике у кровати светилось яркое солнечное пятно. Марта положила блокнот на пол и открыла его на первой странице. Потом села на край кровати и посмотрела в объектив. Все отлично, расстояние около метра — ближе нельзя, чтобы снимок не расплылся. Картинка в объективе была четкой и ясной, и камера автоматически установила выдержку.

Щелк!

Она перевела кадр, наклонилась, чтобы перевернуть страницу, и снова уперлась локтями в колени.

Когда последняя страничка была готова, осталось еще десять свободных кадров. Чтобы закончить пленку, Марта сфотографировала обложку блокнота спереди и сзади. Потом решила, что

это уже, мягко говоря, нелепость, и сунула фотоаппарат обратно в ящик. Держа в руках блокнот, она вышла из спальни и чуть не столкнулась с Арни, поднимавшимся по ступенькам.

— Марта, — сказал он, сощурясь в полутьме после солнечного блеска, — я внезапно проснулся и вспомнил, что куда-то положил свой блокнот.

Марта слегка отшатнулась, крепко прижимая к себе блокнот.

— Ах вот он где! — улыбнулся Арни. — Спасибо, что нашли его.

— Я собиралась отнести его к вам в комнату. — Ее голос прозвучал неестественно громко, но профессор, казалось, ничего не заметил. Марта протянула ему блокнот.

— И правильно сделали. Если бы его нашел Скоу, он тут же послал бы меня обратно на Луну. Еще раз благодарю вас. Я немедленно закрою его в портфеле, чтобы не повторять подобных глупостей. Извините, что я заснул в саду. Хорош гость, нечего сказать! Но теперь мне гораздо лучше. А день был просто чудесный.

Она медленно кивнула, и профессор отправился к себе в комнату.

Глава 19

«Ягуар» уверенно двигался вдоль берега на север, не превышая дозволенной скорости. Нильс легко вел машину одной рукой, а другой пытался поймать какую-нибудь музыку по радио.

— Мы немного запаздываем, — заметил он. — Нам обязательно останавливаться в Эльсиноре?

— Мне надо зайти на почту. Это займет не больше минуты, — сказала Марта.

— А в чем дело-то? Что за срочность? — Он нашел шведскую станцию, которая наяривала крестьянскую польку с топаньем и свистом.

— Мне надо отправить пленку, чтобы ее проявили.

— А чем тебя не устраивает фотомагазин около гастронома в Рунгстеде?

— Они слишком долго возятся. А это специальная лаборатория в Копенгагене. Если ты боишься опоздать, высади меня у парома, а сам езжай дальше.

Он искоса взглянул на нее, но Марта невозмутимо смотрела прямо перед собой.

— Ну ладно, не злись! Мы в отпуске — конечно, я подожду.

Просто не хочется опаздывать к моменту запуска — или вознесения, называй как хочешь. Тебе понравится. Буксиры опустятся вниз, прицепятся к кораблю и поднимут его вверх прямо со стапелей. А на Луне уже установят далет-двигатель.

Им пришлось притормозить у переправы, чтобы пропустить маленький пыхтящий паровозик, тянувший за собой через дорогу вереницу шведских товарных вагонов.

— Навьючили беднягу, как осла, — сказал Нильс. — Смотри: у него пар из всех дырок, смазка течет с каждого узла, а он все таскает себе вагоны с парома. Знаешь, сколько ему лет? — Марта явно не знала и столь же явно не проявляла никакого интереса. — Я тебе скажу. У него на боку есть табличка — тысяча восемьсот девяносто второй год. Такой вот старичок, а все еще трудится. Мы, датчане, очень практичный народ. Никогда не выбрасываем то, что исправно работает.

— В отличие от нас, американцев, которые строят машины, чтобы тут же сломать их и выкинуть вон, да?

Нильс промолчал. Проехав мимо станции, он повернул на Ернбаневей и остановился напротив почты. Он заглушил мотор, и Марта вышла из машины, взяв с собой маленький пакетик. Пленка. Интересно, давно она ее отсняла? Во всяком случае, за время отпуска она не сделала ни одного снимка. Тот еще отпуск получился! Она изгадила ему весь отдых. Он терялся в догадках, пытаясь понять, что на нее нашло, но так ничего и не придумал. Нильс заметил, что рядом в киоске продают горячие бутерброды с сосисками, и его желудок требовательно заурчал. Обед будет поздно, так что не грех немного подкрепиться. Он вышел из машины и заказал два бутерброда с луком, горчицей и кетчупом. Вспомнил, что на церемонию прибудут важные политики и всякие шишки, и попросил не класть лук. Вообще надо запомнить это место — здесь еще и пиво дают. Нильс разбавил свои бутерброды бутылкой холодного «Туборга».

Но что все-таки творится с Мартой? Она не то чтобы отвергала его, но в ней чувствовалась какая-то холодность, которая заставляла ее отодвигаться в постели подальше. Может, она слишком переживает из-за его полетов на Луну и всех этих диверсий? С женщинами никогда ничего толком не поймешь. Чертовски странные создания. Все у них зависит от настроения. Он увидел, как Марта выходит из почты, и быстро допил пиво.

Нильс ни на секунду не усомнился в себе самом. К тому же он ни разу не вспомнил об Ингер с того воскресенья.

Глава 20

Марс

Был почти полдень, поэтому здесь, на экваторе, в самый разгар лета температура подскочила до тридцати градусов ниже нуля. Высокий холм, вернее, склон гигантского круглого кратера круто вздымался над равниной. Съежившееся солнце сверкало на черном небе, освещая мерзлый ландшафт. Можно было легко различить самые яркие звезды, и только на горизонте атмосфера немного сгущалась — настолько, чтобы прочертить голубую полоску. Воздух был тих застывшей тишиной вечности. Его и воздухом-то трудно было назвать — совсем разреженный, очень холодный.

Двое мужчин взбирались по крутому склону с явным трудом, несмотря на сравнительно небольшую силу тяжести. Громоздкие скафандры с электрообогревом затрудняли движение, комплекты батарей и кислородные баллоны тянули вниз. Достигнув вершины, они с облегчением остановились. Их лица были неразличимы под масками и защитными очками.

— Ничего себе подъемчик, — задыхаясь, сказал Арни.

— Надеюсь, ты не слишком устал? — Голос Нильса звучал встревоженно. — Может, зря я тебя потащил с собой?

— Все в порядке. Просто дыхание сбилось. Потерял форму. Слишком давно я не занимался подобными упражнениями. Но оно того стоило — вид просто волшебный.

Безмолвие ландшафта заставило их умолкнуть тоже. Холодная, темная, чужая, эта планета не была умершей, потому что еще не рождалась к жизни. Крошечное поселение внизу светилось, как манящий огонек в окошке, единственный островок тепла в вечной стуже Марса. Арни оглянулся и быстро отошел в сторону, подзывая к себе Нильса.

— Что-нибудь случилось? — спросил Нильс.

— Нет, ничего. Мы просто загораживаем солнце от этой Marskal. Она уже начала закрываться. Думает, что снова ночь.

Растопыренные конечности растения-животного, похожего на морскую звезду, уже наполовину сложились, обнажив шершавую сероватую изнанку. Закрывшись полностью, они образовывали шар, изолированный от невероятно суровой внешней среды. Он цепко удерживал внутри горсточку тепла и энергии, добытых с таким трудом, и ждал, когда солнце появится снова.

Тогда он опять раскрывался, распрямляя блестящие черные листы длиною в фут, которые улавливали излучение далекого светила. Это упорное растение было единственной формой жизни, которую удалось обнаружить на Марсе, и, хотя его прозвище — «марсианская капуста» — превратилось уже в официальное название, все относились к нему с уважением, чуть ли не с благоговейным трепетом. Ведь это был единственный марсианин. Они осторожно отошли в сторону, чтобы не заслонять солнечный свет.

— Оно напоминает мне некоторые растения, которые можно встретить в пустыне Израиля, — сказал Арни.

— Ты скучаешь по Израилю? — спросил Нильс.

— Да, конечно, об этом и спрашивать не стоит. — Из-за крайне разреженной атмосферы его голос казался далеким шепотом, хотя говорил он достаточно громко.

— Могу себе представить. Я побывал во многих странах, гораздо более интересных, чем Дания, особенно на первый взгляд. Думаю, я мог бы жить в любой из них, но все равно выбрал бы Данию. Мне бы не хотелось с ней расставаться. Я иногда удивляюсь, как ты нашел в себе силы оставить Израиль ради принципиальных соображений. Сомневаюсь, что я способен на такое. У меня просто кишка тонка. — Нильс посмотрел вниз. — Смотри, отсюда все прекрасно видно, как я и говорил. Вон там строятся новые здания, а за «Галатеей» прокладывают посадочную площадку. Если потребуется, можно построить дома и на восточной стороне. Здесь вырастет настоящая колония, а когда-нибудь и целый город. Прямо отсюда к рудникам в горах протянется железнодорожная ветка.

— Очень оптимистический проект. Хотя я не вижу причин, которые мешали бы ему воплотиться в жизнь. — Арни продолжал думать о том, что сказал ему Нильс. Об Израиле. Эти мысли не давали ему покоя, как больной зуб, он не мог отделаться от них. Хотя и редко говорил на эту тему. — Что ты имел в виду? Что значит — кишка тонка? Я сделал только то, что должен был сделать. Ты считаешь это ошибкой? Неужели верность Израилю выше долга перед всем человечеством?

— Да нет же, черт возьми! — Пилот умудрился вложить теплоту даже в еле слышный гудящий шепот. — Никогда не забывай — я на твоей стороне. Я просто хотел сказать, что восхищаюсь тобой, тем, что ты не продался. Остаться там было бы предательством. Сколько раз с незапамятных времен ученые продавали и предавали науку! Бомбы, отравляющие газы, гибель за отечест-

во — все это прямое предательство. Изобрести атомную бомбу, а потом схватиться за голову и хныкать, что ее не так используют, — это косвенное предательство. А бывает еще предательство-самообман: я изобретаю паралитические газы, смертоносные бактерии, мощные бомбы, но их никогда не будут применять. Или самый распространенный вид предательства, свойственный нам всем: мир слишком большой, и я все равно ничего не могу изменить. «Доу Кемикал» производит напалм, чтобы поджаривать людей, но я не перестану покупать их изделия, это ничему не поможет. Южная Африка — самое настоящее полицейское государство с узаконенным рабством негров. Но я покупаю их апельсины, а что я могу поделать? Это ты виноват в том, как я теперь себя чувствую, Арни.

— Богом клянусь — или Марсом? — я не понимаю, что ты хочешь этим сказать? — Арни притопывал ногами, потому что холод начал уже пробираться через подошвы.

— Я хочу сказать, что ты совершил поступок, на который у меня не хватило бы духа. Ты следуешь своим убеждениям, каких бы жертв они ни требовали. Сколько раз в Дании проводили бойкоты против «Доу» и Южной Африки, но я не обращал на них внимания, даже посмеивался. Что мог сделать я? Я летал, хорошо зарабатывал и наслаждался жизнью. Но ты перевернул все мое нутро, я понял, что можно жить по-другому...

— Хватит! — возмущенно сказал Арни. — Ты не понимаешь, о чем говоришь. Я совершил измену, предал свою страну и ее веру в меня, лишил открытия, которое по праву должно было принадлежать ей. Я поставил себя вне закона. Ученые в каком-то смысле тоже дают клятву, и я преступил свою.

— Не понимаю.

— Конечно, не понимаешь. У тебя односторонний, бездумный взгляд на вещи, еще более предвзятый, чем у меня. Я признаю свое преступление. Но ты походя говорил об атомной бомбе. А как насчет атомных электростанций и лечения радиацией? Ты осуждаешь ученых за изобретение взрывчатки, но забываешь о пластиках, которые получены на той же фундаментальной основе. Говоря о бактериологическом оружии, имей в виду, что в результате аналогичных исследований созданы антивирусные препараты. Нельзя винить науку и ученых за все несправедливости мира. Мы, физики, могли только создать атомную бомбу, но финансировало ее правительство, а решение сбросить ее принимали избранные народом политики. И народ в большинстве своем, похоже, одобрил это решение. Ученые не развязывают войн —

это делает народ. Обвиняя во всем ученых, ты просто ищешь козлов отпущения. Легче, конечно, обругать кого-то, чем признать свою собственную вину. Многие южноафриканцы наверняка прекрасно чувствуют себя в роли рабовладельцев, иначе их правительство не удержалось бы у власти. Помнишь, Макиавелли говорил, что ни один государь не сможет править страной, если весь народ против него. Не нацисты истребляли евреев — это делал немецкий народ. Люди должны отвечать за свои поступки, но им не нравится тяжесть этой ответственности. Поэтому они предпочитают обвинять кого-то другого. Они говорят, что во всем виноваты ученые, которые изобрели атомные бомбы, пушки и самолеты. А народ, голосующий за политиков, которые развязывают войны, тут ни при чем. Неужели ты действительно так считаешь?

Нильс был потрясен этой внезапной вспышкой.

— Я ничего подобного не говорил. Я только сказал, что восхищаюсь...

— Не надо восхищаться человеком, который предал доверие своей страны. Даже если время докажет правильность моего решения, я все равно совершил непростительный поступок.

— Если ты так считаешь, зачем ты вообще покинул Израиль и прилетел в Данию? Я знаю, что ты родился и вырос в Дании. Неужели только поэтому?

Над ними надолго сомкнулась марсианская тишина, пока Арни не заговорил опять:

— Возможно. Может, потому, что верил — или надеялся. А может, потому, что я еврей. В Израиле я израильтянин. Но за его пределами я еврей. Везде, кроме Дании. В Дании нет евреев — просто датчане исповедуют разные религии. Тебе было три или четыре года, когда нацисты маршировали через всю Европу, поэтому для тебя это история, очередная глава в толстом учебнике. Самое чудовищное было то, что они, как демоны, умели выпускать на волю зло, живущее в сердцах людей. Народы завоеванных стран помогали им топить их печи. Французская полиция арестовывала для них евреев. Украинцы с радостью загружали их топки. Поляки бежали смотреть, как поджаривают их соседей-евреев, хотя потом их за проявленную преданность самих стерли в порошок. Все оккупированные страны помогали немцам. Все, кроме одной. Датская полиция была потрясена, когда узнала о предстоящей чистке. Полицейские известили об этом других людей, которые тоже пришли в ужас. Таксисты ездили по улицам с телефонными книгами, разыскивая жителей с еврейскими фа-

милиями. Бойскауты разносили предупреждения. Все больницы Дании распахнули свои двери для евреев и укрывали их у себя. За несколько суток все евреи, которых удалось найти, были тайно вывезены из страны. Вы знаете, почему датчане вели себя так?

— Конечно! — Пилот сжал огромные кулаки. — Они просто были людьми. Есть вещи, которых делать нельзя.

— Вот видишь, ты и ответил на свой собственный вопрос. Я тоже сделал свой выбор. Молю бога, чтобы он оказался правильным.

Арни начал спускаться с горы, затем остановился на мгновение.

— Я был одним из тех, кого тайком переправили в Швецию. Возможно, я только возвращаю свой долг.

Они отправились вниз, спускаясь бок о бок к теплу и свету поселка.

Глава 21

Копенгаген

— Нет смысла брать обе машины, — сказала Марта в телефонную трубку. — Хорошо, потом будем выяснять, на чьей поедем... Да, Ове... Улла уже готова? Ладно, буду примерно через час... У нас останется масса времени. Места для нас заказаны, так что волноваться не о чем. Извините, кажется, звонят в дверь. Значит, договорились? До встречи.

Марта бросила трубку и пошла надевать халат. В дверь снова позвонили. Она была почти готова, оставалось только закончить макияж и надеть платье, но не пойдет же она к двери в одном нижнем белье.

— Ja, nu kommer jeg![1] — крикнула Марта, сбегая вниз. Приоткрыв дверь, она увидела перед собой внушительную связку щеток. Уличный разносчик. — Nej tak, ingen pensler idag[2].

— Впустите меня скорее, — сказал торговец. — Мне надо с вами поговорить.

Услышав английскую речь, Марта удивленно скользнула глазами по изношенному костюму, кепке и внимательно вгляделась в лицо. Водянисто-голубые прищуренные глаза, покрасневшие веки...

[1] Да, уже иду! (*дат.*)

[2] Нет, спасибо, мне не нужны щетки (*дат.*).

— Мистер Бакстер! Я вас не узнала... — Без очков в темной оправе он выглядел совершенно другим человеком.

— Я не могу торчать тут у дверей, — раздраженно сказал он. — Дайте мне пройти.

Он почти впихнул ее в дом. Она посторонилась, давая ему дорогу, и закрыла дверь.

— Я пытался связаться с вами, — сказал он, стараясь высвободиться из ожерелья веников, расчесок, метелок из перьев и щеток для мытья унитазов. — Вы же получали мои письма, записки?

— Я не желаю вас видеть. Я сделала, что вы просили, у вас есть пленка. А теперь оставьте меня в покое. — Марта повернулась и взялась за ручку двери.

— Не делайте этого! — закричал Бакстер, швырнув на пол последнюю щетку. Он запустил руку во внутренний карман пиджака, выудил очки, надел их и сразу успокоился. — Ваша пленка нам не нужна.

— Вы хотите сказать, что снимки не получились? Но я уверена, что сделала все правильно.

— С точки зрения техники все в порядке, но я не об этом. Блокнот, уравнения — они не имеют никакого отношения к далет-эффекту. Это расчеты для термоядерного генератора Расмуссена, а он нам не нужен.

Марта сдержала улыбку, но в общем она была рада. Она пыталась выполнить их просьбу, а если вышла промашка — это не ее вина.

— Что ж, тогда вы можете украсть термоядерный генератор. Разве он не представляет никакой ценности?

— Дело не в коммерческой ценности, — холодно ответил Бакстер, обретя свои прежние манеры. — К тому же генератор запатентуют, и мы сможем купить лицензию. А мы с вами обеспокоены вопросами национальной безопасности, никак не меньше.

Он в упор посмотрел на Марту, и она поплотнее запахнула свой халат.

— Я больше ничем не могу вам помочь. Вы ведь знаете, что все вывезли на Луну. И Арни тоже там...

— Я скажу, что вы должны сделать и как можно скорее. Думаете, я явился бы сюда в таком виде, если бы не крайняя необходимость?

— Вид у вас и впрямь дурацкий. — Марта чуть не прыснула со смеху.

Бакстер бросил на нее взгляд, полный неприкрытой ненависти. Ему не сразу удалось взять себя в руки.

— А теперь слушайте меня внимательно, — сказал он наконец. — Сегодня вы идете на церемонию, а потом подниметесь на корабль. Нам надо узнать о нем кое-что. Я хочу, чтобы вы...

— Я ничего не буду делать для вас. Уходите.

Не успела она взяться за ручку, как Бакстер впился в ее плечо стальными когтями. Марта вскрикнула от боли. Он оттащил ее от двери, притянул к себе и заговорил прямо в лицо. У него изо рта пахнет «Сен-сеном», подумала она. Она и не знала, что его до сих пор выпускают. Она чуть не плакала — так было больно руке.

— Слушайте, вы! Вы сделаете так, как я скажу. Если преданность своей стране для вас недостаточная причина, то вспомните, что у меня есть пленка с отпечатками ваших пальцев и снимки, на которых прекрасно виден пол вашей спальни. Датчанам будет очень интересно на это взглянуть, вам так не кажется?

Его улыбка казалась Марте похожей на предсмертную судорогу, которая появляется на лицах людей, умирающих мучительной смертью. Она вырвала руку и отступила назад. Бессмысленно говорить этому человеку, что она о нем думает.

— Что вам от меня надо? — спросила она, уставившись в пол.

— Вот так-то лучше. Раз вам так нравится фотографировать, возьмите эту брошь. Приколите ее к сумочке перед выходом из дома.

Он положил брошь на ее ладонь; очень недурна, будет отлично смотреться на черной сумочке из крокодиловой кожи. Большой камень, окруженный маленькими бриллиантиками и рубинами, в золотой оправе с причудливыми завитушками.

— Направите ее на объект и нажмете сюда, — сказал он, показывая на верхний завиток. — Фотоаппарат с широкоугольным объективом, выдержка автоматическая, можно снимать при любом освещении. В пленке больше ста кадров, так что не экономьте. Мне нужны снимки рулевой рубки и машинного отделения, если вы туда попадете. Все приборы — крупным планом. Фотографируйте коридоры, лестницы, двери, отсеки, шлюзы — все подряд. Потом я покажу вам снимки, и вы должны будете объяснить, к чему они относятся, так что смотрите внимательно и запоминайте маршрут.

— Но я в этом совершенно не разбираюсь. Не могли бы вы поручить это кому-нибудь другому? Там будут сотни людей...

— Если бы у нас была такая возможность, неужели вы думаете, я стал бы просить вас? — Последнее слово Бакстер презрительно выплеснул Марте в лицо, наклонился за щетками и погрозил ей

ершиком для посуды. — И не вздумайте устраивать маленькие случайные аварии — уронить аппарат, или сломать его, или засветить пленку и заявить, что мы сами виноваты. Я знаю все эти фокусы. У вас нет выбора. Вы сделаете эти снимки. Держите, это вам. — Холодно и самоуверенно улыбаясь, он протянул ей щетку, открыл дверь и испарился.

Марта посмотрела на щетку и запустила ею в стенку. Да, намек вполне прозрачный. Щетка для чистки унитазов.

Ее всю трясло, когда она шла наверх одеваться.

— Посмотрите, какая толпа! — воскликнул Ове, объезжая автобус, битком набитый оживленными студентами, которые махали флагами из всех окон.

— Их можно понять, — сказала Улла, сидевшая вместе с Мартой на заднем сиденье. — Сегодня и в самом деле особенный день.

— И погода не подвела, — сказал Ове, поглядев на небо. — Облаков много, но дождя нет. Солнца, правда, тоже нет, но нельзя же иметь все сразу.

Марта молча сидела, вцепившись обеими руками в сумочку, на которой выпукло блестела большая золотая брошь. Улла сразу обратила на нее внимание, и Марте пришлось что-то быстро соврать.

Если бы не официальные приглашения, им бы ни за что не удалось проехать к причалу. Их пропустили через все кордоны и направили к дворцу Амалиенборг, около которого была размечена для парковки огромная площадь. Оттуда через Ларсен-плас они быстро дошли до набережной. Здесь тоже царила праздничная атмосфера, гремел оркестр, хлопали на ветру флаги на трибунах, приглашенные кивали друг другу, занимая места.

— Осталось десять минут, — сказал Ове, посмотрев на часы. — Давайте поспешим. Если только Марта не думает, что ее муж может опоздать.

— Нильс?

От этой мысли они дружно рассмеялись, в том числе и Марта. На какое-то мгновение она почувствовала себя легко и просто, пока пробиралась на свое место — в десяти шагах от короля и королевской семьи, — радостно улыбаясь знакомым. Но тут же ударом под вздох вернулась память, и она вцепилась в сумочку, уверенная, что все смотрят только на нее.

Раздались торжественные звуки гимна «Королю Христиании», публика начала с шумом подниматься на ноги. Потом оркестр

заиграл государственный гимн «Есть прекрасная земля», который закончился эффектной барабанной дробью. Отзвучали последние ноты, все уселись на места, и в это мгновение откуда-то сверху донесся тихий отдаленный свист. Люди подняли головы, прикрывая руками глаза и пытаясь что-нибудь разглядеть. Звук усилился, превратился в громкий гул, и высоко вверху, прорвав пелену облаков, показалась темная точка.

— Как по расписанию, секунда в секунду! — возбужденно воскликнул Ове.

Точка увеличивалась в размерах пугающе быстро, на глазах превращаясь в гигантский корабль, который падал прямо на них. Публика задохнулась, послышался сдавленный крик.

Скорость падения стала уменьшаться, корабль снижался все медленнее, паря, как перышко, над гладкими водами Идерхауна. Увидев истинные размеры судна, зрители ахнули от изумления. Огромный черно-белый корпус был не меньше, чем у океанского лайнера водоизмещением в тысячи тонн. В том, как он висел перед ними в воздухе, было что-то противоестественное. Колоссальный диск длиной в полквартала, плоский снизу и сверху, с застекленной рубкой, выпукло выдающейся вперед. Казалось, у него нет никаких двигателей — он спускался совершенно беззвучно, только воздух шелестел, обтекая борта.

Публика притихла, охваченная внезапной немотой. В наступившей тишине было ясно слышно, как кричат над проливом чайки. Огромный корабль завис в нескольких метрах над водой. Затем очень аккуратно упал вниз, усевшись на воду настолько мягко, что всего одна маленькая волна шлепнулась о стенку набережной. Когда он подплыл поближе, на верхней палубе открылись люки и оттуда показались люди с причальными тросами наготове.

И тут тишина взорвалась радостными воплями, зрители повскакивали с мест, хлопая в ладоши, крича что есть мочи, заглушая звуки торжественного марша. Марта тоже кричала вместе с другими, позабыв обо всем в порыве дикого восторга.

Строгие черные буквы названия четко выделялись на белом фоне. «Хольгер Данске». Самое гордое имя в стране.

Еще не успели закрепить канаты, а из открытого входа уже выдвинулся пассажирский трап. Небольшая кучка официальных лиц поджидала офицеров, шагавших навстречу. Даже с такого расстояния можно было различить высокую фигуру Нильса. Обменявшись приветствиями со встречающими, они направились

к парадной трибуне. Нильс прошел совсем рядом и улыбнулся, когда Марта помахала ему рукой.

Затем было чествование, вручение наград, коротенькое поздравление короля и более длинные речи политиков. Официальное заявление сделал премьер-министр. Какое-то время он молча стоял перед микрофоном, глядя на исполинский корабль. Когда он заговорил, в его словах звучало искреннее, глубокое чувство.

— Старая легенда гласит, что Хольгер Данске спит, но всегда готов проснуться, когда Дании потребуется его помощь. Во время войны движение Сопротивления взяло себе это имя и носило его с честью. Теперь у нас есть корабль, названный этим именем, первый из многих. Эти корабли будут для Дании такой подмогой, о которой мы и мечтать не смели.

Мы открываем Солнечную систему для всего человечества. Это настолько великое достижение, что его просто невозможно оценить. Море космоса представляется мне еще одним океаном, через который мы должны проплыть, как это делали датские мореплаватели в девятнадцатом веке, чтобы открыть новые фантастические земли на другом берегу. Это принесет пользу науке, которую ждут на Луне обсерватории и криогенные лаборатории. Это пойдет на пользу промышленности, которая получит новые источники полезных ископаемых. Это будет благом для всего человечества, потому что народы мира будут вместе участвовать в освоении космического пространства. Мы лелеем надежду, что мир на нашей планете станет крепче, ведь из космоса она кажется такой маленькой и хрупкой. Оттуда трудно разглядеть даже отдельные континенты, а границы между государствами и вовсе невидимы. Это еще раз доказывает, что наш мир — один для всех, мы одно человечество.

Дания слишком маленькая страна, чтобы в одиночку освоить Солнечную систему, даже если бы мы этого захотели. Но мы не стремимся к этому. Мы хотим сотрудничать со всем миром. Через два дня «Хольгер Данске» отправится в свой первый полет на Марс с представителями разных стран на борту. Сейчас там заканчивается оборудование лабораторий, чтобы ученые могли остаться на красной планете и начать целый ряд научно-исследовательских проектов. А политики вернутся на Землю и расскажут своим народам, какое будущее ждет нашу планету. Хорошее будущее. И мы, датчане, гордимся тем, что нам выпала честь первооткрывателей.

Он сел под гром аплодисментов. Заиграл оркестр, кругом стрекотали телевизионные камеры, снимая все подряд. Гостей пригласили пройти на корабль.

— Вот увидите, какой он внутри, — сказал Ове. — Все-таки первый специально спроектированный для космоса корабль, так что средств не жалели. В сущности, это грузовое судно, но сей факт тщательно замаскирован. Во внутренних отсеках расположены трюмы для грузов, впереди — командные помещения. Зато вся внешняя часть отведена под каюты. И в каждой есть иллюминатор. Роскошно, скажу я вам! Пошли, пока не набежали газетчики.

Сначала полагалось пройти через таможню, которая обычно досматривала пассажиров, прибывающих на пароме из Осло. И таможенники, оставшиеся на местах, занимались своей обычной работой. На борт не разрешили проносить никакие свертки, а портфели и сумки тщательно проверяли. Всех мужчин таможенники исключительно вежливо просили показать содержимое карманов, а женщин — открыть сумочки. На случай возникновения конфликтов рядом со служащими таможни стояли высшие чины полиции и армейские офицеры, готовые тихо навести порядок. В маленькой боковой комнате, дружески болтая с министром ведомства и послом, сидели даже генерал и адмирал, чтобы разбираться с гостями высокого ранга.

Но все проходило спокойно. Поначалу кое-где в толпе были видны недоуменно приподнятые брови и холодные взгляды, но премьер-министр показал пример, вывернув карманы и продемонстрировав содержимое бумажника. Этот жест был явно срежиссирован заранее, но тем не менее действие свое оказал. Безопасность «Хольгера Данске» была превыше всего.

Очередь понемногу продвигалась вперед, и Марта почувствовала, что ее сковал страх. Сейчас ее разоблачат и опозорят перед всеми. Если бы можно было куда-то скрыться, она убежала бы отсюда. Но единственное, что ей оставалось, — это следовать за остальными на негнущихся ногах. Улла что-то рассказывала ей, но Марта была способна только тупо кивать в ответ. Наконец она оказалась у стойки лицом к лицу с высоким таможенником, который смотрел на нее непреклонным взором. Он медленно протянул к ней руку.

— Сегодня великий день для вашего мужа, фру Хансен, — сказал он. — Вы позволите?

Марта протянула ему сумочку.

— Откройте, пожалуйста, — сказал он, осмотрел все внутри и попросил: — Вашу пудреницу, будьте добры.

Она подала ему коробочку. Таможенник открыл ее, защелкнул и вернул обратно. Блестящий глаз камеры-брошки был направлен прямо на него. Офицер, улыбнувшись, задержал на ней взгляд.

— Это все, благодарю вас, — и отвернулся.

Расмуссены ждали ее, а Нильс махал им рукой с верхней палубы. Она махнула ему в ответ.

Они поднялись на борт. Марта держала сумочку перед собой, положив пальцы на брошку и пытаясь сообразить, что сказать Нильсу, если он заметит украшение. Но ее тревога оказалась напрасной. Обычно на службе он был подчеркнуто спокоен, но только не сегодня. Крепко сжав за спиной руки, он старался скрыть волнение, но глаза его восторженно сияли.

— Марта, какой день! — воскликнул он, схватил ее в объятия и приподнял над палубой, страстно целуя. Когда он поставил ее обратно, у Марты закружилась голова.

— Господи... — произнесла она.

— Ты видала, какая гигантская посудина? Просто мечта! Ничего подобного в мире еще не было. Мы можем взять с собой бедную маленькую «Каракатицу» в качестве спасательной шлюпки, ей-богу! И самое замечательное, что это не какое-то временно приспособленное судно, а корабль, спроектированный специально для далет-двигателя. Моя рубка прямо впереди, на носу, и я управляю горизонтальным движением точно так же, как из кабины самолета. Но одновременно оттуда открывается полный обзор наверх и вниз, что необходимо при ускорении и торможении. Пошли, я покажу тебе все. Кроме машинного отделения — оно закрыто, пока на борту гости. А если у нас будет время, я продемонстрирую тебе свою спальню и каюту. — Он обнял ее на ходу. — Знаешь, Марта, после полета на этом чуде для меня все изменилось. Теперь, если бы пришлось сесть за штурвал самого большого самолета, это было бы все равно что... даже не знаю, как сказать... все равно что нажимать на педали детского автомобильчика. Ну, пошли.

Когда они проходили через дверь воздушного шлюза, Марта коснулась золотого завитка на брошке и почувствовала, как он слегка подался вниз.

Она ненавидела себя.

Глава 22

«Хольгер Данске»

— Разве они еще не все на борту? — спросил Арни, глядя на пристань с высоты рулевой рубки.

Из таможни вышли два человека, пригнувшись от резкого ветра Балтики и придерживая руками фетровые шляпы. За ними спешили носильщики с чемоданами.

— Пока не все, но дело вроде близится к концу, — ответил ему Нильс. — Я справлюсь у интенданта. — Он позвонил в приемную, расположенную у входа, и на маленьком экране появилось цветное изображение начальника хозчасти.

— Сэр?

— Как у тебя с подсчетом голов?

Тот сверился со списком, отмечая фамилии галочками.

— Осталось еще шесть пассажиров.

— Спасибо. — Нильс повесил трубку. — Не так уж плохо. Особенно если учесть, что проверяют абсолютно все, разве что не просвечивают рентгеном и не исследуют пломбы в зубах. Боюсь, мне придется выслушать кучу жалоб. Капитаны кораблей обычно выходят к пассажирам только на второй день плавания. Может, и мне последовать их примеру?

— Надеюсь, с этой новой компьютерной системой тебе не приходится больше беспокоиться о времени взлета?

— Что верно, то верно. — Нильс похлопал по серому корпусу дисплея рядом с креслом. — Я сообщаю этой штуке, когда мне надо вылетать, и она выдает ответ раньше, чем мы успеваем ввести данные. Здесь в доке у нас прямая линия связи с Москвой. После взлета наш компьютер будет общаться с их системой, постоянно проверяя и корректируя курс и скорость.

Они наблюдали, как один из последних пассажиров чуть не бегом бежит по набережной к трапу.

— Американцы не разобиделись, что мы решили использовать советский компьютер? — спросил Арни.

— Может, и так, но претензий не высказывали, ведь у нас нет с ними непосредственной связи. Зато мы покупаем только их скафандры, так что никому не обидно. Я так понимаю, все продумано заранее. Как там Ове, ты ведь заходил к нему?

Арни пожал плечами.

— Все еще в постели. Кашель зверский, температура не снижается. Я постоял у порога — дальше он меня не пустил. Пожелал нам всего хорошего. Похоже, его грипп перекинулся на легкие.

— Я рад, что ты согласился занять его место, хотя и сожалею, что пришлось просить тебя об этом. Когда наконец выловят всех последних блох в ваших устройствах, нам больше не понадобятся физики в машинном отделении.

— А я ничего не имею против. Мне это даже приятно. Опыты и лекции кажутся несколько нудноватыми после таких полетов. Как, например, когда мы летели на Луну на «Каракатице»...

— С телефонным ящиком, приваренным к корпусу! Незабываемые денечки! Ты только посмотри, какой прогресс.

Он широким взмахом руки обвел просторную рубку с командой на местах. Все при форме, все при деле: радист, разговаривающий с береговой охраной, штурман, второй пилот, бортинженер, программист. Зрелище было впечатляющим.

Зазвонил телефон, и Нильс поднял трубку.

— Капитан, все пассажиры на борту.

— Отлично. Приготовьтесь. Старт через десять минут.

Арни отправился в машинное отделение, хотя, честно говоря, ему там нечего было делать. Члены экипажа встретили его с должным почтением, но они прекрасно знали свою работу. Далет-двигатель был полностью автоматизирован и управлялся компьютером, так что присутствие людей было излишним. То же относилось и к термоядерному генератору.

Проголодавшись, Арни попросил принести ему обед, хотя был приглашен на праздничный банкет. Он пропустил его под благовидным предлогом, поскольку ему всегда были невыносимы подобные мероприятия.

Когда его друг заболел, Арни сразу согласился помочь и полетел вместо него, хотя на самом деле особого удовольствия от этого не испытывал. Лаборатория на Лунной базе интересовала его гораздо больше. Там он начал совсем новые исследования и параллельно читал специалистам лекции по теории далет-эффекта.

И кроме того — пассажиры. У него был список, и ему пришлось честно признать, что именно по этой причине он предпочел сидеть взаперти в машинном отделении. Среди ученых не было ни знакомых, ни коллег. В основном специалисты второго сорта. Хотя нет, это несправедливо — скорее младшие помощники видных ученых. Как будто университеты всего мира не рискнули отправить в этот необычный полет свои лучшие умы. Впро-

чем, это не так уж важно. Молодые ученые могут проводить наблюдения не хуже, а фактический материал, с которым они вернутся, заставит остальных драться за право участия в следующем полете. Лиха беда начало.

Что касается политиков, то их он не знал вообще. Несколько имен показались знакомыми на слух. Но, в конце концов, он никогда не был сведущ в политике. Наверное, что-то вроде вторых секретарей посольств, которых послали разведать, как там водичка, чтобы потом их боссы могли окунуться в нее.

Но одного политика Арни знал хорошо. И если посмотреть правде в глаза, это из-за него он старался держаться подальше от пассажирских кают. Хотя какой смысл? Генерал Аври Гев находится на борту, и рано или поздно они все равно встретятся. Арни посмотрел на часы. Почему бы не сейчас? Они все слегка разомлели от хорошей еды и напитков. Может, ему удастся застать Аври в благодушном настроении. Он сразу понял, что это бессмысленная надежда. Но полет на Марс продлится почти два дня — не будет же он все время скрываться в машинном отделении.

Поговорив с инженерами (нет, все прекрасно, они обязательно позовут его в случае чего), Арни зашел в каюту за пиджаком и направился к герметичной двери, ведущей в пассажирский отсек.

— Прекрасный полет, сэр, — приветствовал его охранник.

Это был старый вояка, сержант, явно переведенный прямо из армии со всеми своими нашивками и знаками отличия. Он посмотрел на экран монитора, на котором был виден пустой коридор впереди, и нажал на кнопку. Все двери на «Хольгер Данске» были герметичными, но только эту дверь нельзя было открыть с другой стороны. Арни кивнул и пошел по коридору. За первым же поворотом он столкнулся лицом к лицу с генералом Гевом.

— Я надеялся, что ты все-таки выйдешь оттуда, — сказал Гев. — Иначе мне пришлось бы самому вызвать тебя.

— Добрый вечер, Аври.

— Ты не хочешь зайти ко мне? Угощу прекрасным шотландским виски.

— Я не большой любитель спиртного...

— Пойдем-пойдем. Эту бутылку подарил мне мистер Сакана.

Арни пристально смотрел на него, стараясь что-нибудь прочесть на бесстрастном загорелом лице генерала. Они разговаривали по-английски, и никакого мистера Саканы в природе не существовало. На иврите это значит «опасность».

— Хорошо, если ты настаиваешь...

Гев пропустил Арни в каюту и запер за собой дверь.

— Что случилось? — спросил Арни.

— Одну минутку. Гостеприимство прежде всего. Садись сюда, пожалуйста.

Каюта была роскошной — как, впрочем, и все остальные каюты на корабле. После того как они прошли пояс ван Аллена, металлические ставни иллюминатора автоматически раздвинулись и открыли усыпанное звездами космическое пространство. На полу лежал ковер ручной работы. Стены отделаны тиковыми панелями и украшены эстампами Сиккера Хансена. Мебель — скандинавский модерн.

— И цветной телевизор в каждой каюте, — сказал Гев, показывая на большой экран, на котором беззвучно стреляли пушки в новом фильме «Из Атланты в море».

Он достал из бара бутылку.

— Это удобно, — сказал Арни. — У нас много пленок с развлекательными программами. К тому же телевизор подсоединен к внутренней системе связи. Ты пригласил меня поговорить об интерьере?

— Не совсем. Вот, попробуй. «Глен Грант» — чистый солод, без примесей. Двенадцатилетняя выдержка. Я пристрастился к нему, пока служил с англичанами. На корабле что-то неладно. Lehayim[1].

— Что ты имеешь в виду? — Арни озадаченно взял бокал.

— Да ты попробуй. В тысячу раз лучше паршивой сливовицы, к которой ты привык. Я имею в виду то, что сказал. Неладно. В составе восточной делегации есть люди, которых я узнал, по крайней мере двоих. Матерые агенты, головорезы и подонки.

— Ты уверен?

— Естественно. Ты что, забыл — я все-таки отвечаю за внутреннюю безопасность страны. И читаю все сводки Интерпола.

— Что они тут делают? — Арни машинально отпил большой глоток и закашлялся.

— Пей маленькими глоточками, как материнское молоко. Я, конечно, не знаю, что они тут делают, но догадаться нетрудно. Они охотятся за далет-двигателем.

— Это невозможно!

— Вот как? — В голосе генерала странным образом соединялась неприкрытая насмешка и глубокая грусть. — Могу я спро-

[1] На здоровье (*иврит*).

сить тебя, какие меры предосторожности приняты для этого? — Арни не ответил, и Гев рассмеялся. — Не хочешь — не отвечай. Не стану упрекать тебя за недоверие. Но один в поле не воин, а единственный представитель Израиля, кроме меня, — сутулый хлюпик-биолог. Говорят, гений в своей области, но вояка из него никудышный.

— В прошлый раз ты был настроен не очень-то дружелюбно.

— И у меня были на то основания, ты же сам понимаешь. Но времена переменились, сейчас Израиль максимально использует то, что имеет. У нас нет твоего далет-двигателя, — что ж, у него хотя бы осталось хорошее еврейское имя, — но датчане во всем пошли нам навстречу, мы такого даже не ожидали. Они признают, что теория далет-эффекта была в основном разработана в Израиле, и поэтому предоставляют нам преимущественное право на его научное и коммерческое использование. Мы даже собираемся основать свою базу на Луне. Так что жаловаться не приходится. Нам, конечно, хотелось бы иметь далет-двигатель, но не настолько, чтобы убивать из-за него, во всяком случае, сейчас. Мне нужно поговорить с капитаном Хансеном.

Арни сосредоточенно пожевал губу, потом допил остатки виски, даже не заметив этого.

— Оставайся здесь, — проговорил он наконец. — Я расскажу ему о том, что ты видел. Он вызовет тебя.

— Только не тяни слишком долго, Арни, — тихо и очень серьезно сказал Гев.

Нильс выступил на банкете с короткой речью и вернулся к себе в рубку, сославшись на службу. Он сидел, перекинув ногу через подлокотник кресла, и смотрел на звезды. Когда Арни рассказал ему все, Нильс вскочил как ошпаренный.

— Не может быть!

— Кто знает! Но я ему верю.

— А это не хитрость с его стороны? Чтобы проникнуть в рубку?

— Не знаю. Вряд ли. Он человек чести, я доверяю ему.

— Надеюсь, что ты прав, а он ошибается. Но я не могу просто проигнорировать его обвинения. Я вызову его сюда, но за спиной у него все время будет стоять охранник.

Генерал Гев пришел незамедлительно. В двух шагах за ним шел сержант с автоматическим пистолетом. Он держал оружие на уровне пояса, чтобы пистолет нельзя было выхватить из рук, и явно был готов пустить его в ход в любой момент.

— Могу я взглянуть на список пассажиров? — спросил Гев и внимательно изучил протянутый листок. — Этот и вот этот, — сказал он, подчеркнув две строчки. — В наших досье они проходят под разными фамилиями, но это одни и те же люди. Одного разыскивают за диверсию, другого подозревают в организации террористического акта. Отвратительные типы.

— Трудно поверить, — сказал Нильс. — Они ведь аккредитованы своими странами...

— Которые сделают все, о чем их попросит матушка-Русь. Не будьте так наивны, капитан Хансен. Это же страны-сателлиты. Они куплены с потрохами и готовы плясать под дудку своих хозяев, которые заказывают музыку.

Под рукой у Нильса затренькал телефон, и он автоматически щелкнул переключателем.

На экране появилось испуганное мужское лицо, залитое кровью.

— На помощь! — донеслось из динамика.

Раздался громкий треск, и экран погас.

Глава 23

— Что это за отсек? — закричал Нильс, нажимая кнопки телефонной связи. — Кто-нибудь узнал этого человека?

Гев протянул руку и остановил его. Сержант поднял пистолет и прицелился в спину генерала.

— Подождите, — сказал Гев. — Подумайте. Случилась беда, и вы об этом знаете. Пока этого достаточно. Прежде всего дайте сигнал тревоги охранникам, если они у вас есть. Потом определите район, которому угрожает опасность. Насколько я понял, двери на корабле герметичные. Их можно закрыть отсюда?

— Да...

— Тогда закройте их. Что бы там ни происходило, надо помешать дальнейшему развитию событий.

Нильс заколебался на мгновение.

— Это хорошая мысль, сэр, — сказал сержант.

Нильс кивнул.

— Закройте все двери между отсеками, — приказал он.

Бортинженер откинул пластиковую крышку и защелкал тумблерами.

— Но эти двери легко открыть на месте, — сказал сержант.

— В критической ситуации местные контрольные устройства можно заблокировать, — заметил бортинженер.

— Ситуация критическая, — сказал Нильс. — Заблокируйте их.

Гев отошел к стене рядом с дверью. Сержант опустил пистолет.

— Я не хотел вмешиваться, капитан, — произнес Гев. — Просто у меня есть определенный опыт в таких делах.

— Я рад, что вы здесь, — ответил Нильс. — Нам может понадобиться ваш опыт.

Он набрал номер машинного отделения, и ему мгновенно ответил один из механиков:

— У нас небольшая неисправность, сэр. Дверь закрылась и не поддается...

— Объявлена тревога. На корабле что-то случилось, мы пока не знаем, что именно. Не трогайте двери, никто не должен проникнуть к вам — и в случае чего сразу свяжитесь со мной.

— Мне кажется, я узнал этого человека, — неуверенно сказал радист. — То ли он повар, то ли просто работает на кухне.

— Это уже кое-что. — Нильс позвонил на камбуз, но никто не ответил. — Значит, они там. Но что, черт возьми, им нужно на кухне?

— По-видимому, оружие, — сказал Гев. — Ножи, разделочные топорики, там полно таких вещей. Но, возможно, тут что-то другое... Вы позволите взглянуть на план корабля?

Нильс повернулся к Арни.

— Скажи мне быстро, этот человек на нашей стороне?

— Думаю, на нашей, — медленно кивнул Арни.

— Хорошо. Сержант, возвращайтесь на свой пост. Неергор, принесите мне схемы отсеков.

Они расстелили на столе чертежи, и Гев ткнул пальцем в один из них:

— Вот это. Что значит kokken?

— Кухня.

— Тогда все ясно. Смотрите. В нее можно попасть из столовой — практически это единственное служебное помещение, куда легко может проникнуть посторонний. К тому же одна стена у кухни общая с машинным отделением. Насколько я понимаю, это оно и есть?

Нильс кивнул.

— Тогда им двери не нужны. Они пойдут через стену. Вы можете по-быстрому добраться до машинного отделения? Чтобы послать туда подкрепление на случай...

Зазвонил телефон, и на экране появился инженер из машинного отделения.

— Капитан, кто-то прожигает дырку в стене. Что нам делать?

— Что он сказал? — спросил Гев. Он не понимал по-датски, но уловил встревоженную интонацию говорившего. Арни быстро перевел. Гев тронул Нильса за рукав. — Скажите им, пусть придвинут к стене стол или скамейку и навалят сверху все, что есть потяжелее. Это позволит выиграть время.

Отдав приказание, Нильс повернул к нему измученное лицо.

— Они говорят, что вряд ли смогут остановить взломщиков.

— А подкрепление?

Нильс печально улыбнулся.

— У нас на борту всего один пистолет — у сержанта.

— Если это возможно, отправьте его в машинное отделение. Или пусть нападет на них через кухню. Нужно атаковать немедленно — это единственный выход.

— Пожалуй, вы правы, — сказал Нильс. — Позовите сюда сержанта. Я спрошу, согласен ли он. Ведь это почти самоубийство.

Когда ему объяснили, что происходит, сержант кивнул.

— Конечно, я попробую, капитан. Это может получиться, если только они не слишком хорошо вооружены. У меня есть запасная обойма, но я не стану брать ее с собой. Вряд ли они дадут мне возможность перезарядить пистолет. Попытаюсь проникнуть туда через кладовку. Если незаметно открыть дверь, я застану их врасплох.

Он аккуратно положил фуражку на стол, повернулся к генералу Геву и похлопал по колодке наград у себя на груди. Потом перешел на английский — вернее, на ярко выраженный кокни.

— Я видел, как вы смотрели на них, генерал. Вы правы, я был в Палестине, в британской армии, воевал с фрицами. Но когда англичане поперли против ваших кораблей с беженцами, я слинял. Дезертировал. И вернулся в Данию. Такие дела мне не по нутру.

— Я верю вам, сержант. Спасибо, что рассказали об этом.

Бортинженер стал последовательно открывать одну дверь за другой, освобождая охраннику проход к кухне.

— Он, должно быть, уже там, — сказал Нильс. — Позвоните в машинное отделение.

Ему ответил взволнованный механик:

— Капитан! Похоже, мы слышали выстрелы! Там, за переборкой, много выстрелов! И они перестали прожигать стену.

— Хорошо, — сказал Гев, когда ему перевели на английский. — Возможно, он их не остановил, но хоть задержал на время.

— Сержант не вернулся, — сказал Нильс.

— Он знал, что не вернется. — На лице Гева не отразилось никаких эмоций: в бою это непозволительная роскошь. — Теперь надо провести вторую контратаку. Нужны люди, желательно добровольцы. Вооружите их чем угодно. Мы должны воспользоваться этой недолгой передышкой. Если вы разрешите, я сам поведу туда людей...

— Телефон, капитан, — сказал радист. — Представитель американской делегации.

— Мне сейчас некогда.

— Он говорит, что знает о нападении и хочет помочь.

Нильс поднял телефонную трубку, и на экране появилось хмурое лицо человека в очках с темной оправой.

— Как я понимаю, капитан Хансен, на вас напали красные. Хочу предложить вам помощь. Мы направляемся к вам в рубку.

— Кто вы такой? Откуда вы знаете?

— Мое имя Бакстер. Я сотрудник безопасности. Меня специально послали в полет на случай, если произойдет что-нибудь непредвиденное. Со мной несколько вооруженных людей, мы сейчас выходим.

Нильс принял решение, даже не глядя на качающего головой Гева.

— Вы сказали — вооруженных? Но проносить оружие на корабль было запрещено.

— Мы вооружены, чтобы защитить вас, капитан. И вам нужна помощь.

— Ничего подобного. Оставайтесь на месте. Я пошлю к вам человека, которому вы сдадите оружие.

— Мы направляемся к вам. Наша страна выступала в вашу защиту и раньше, во время войны, не забывайте об этом. К тому же НАТО...

— К черту НАТО и к черту всех вас! Если вы сделаете хоть еще один шаг к рубке, вы ничем не будете отличаться от тех бандитов.

— В мире бывали квислинги и до вас, капитан Хансен, — сурово сказал Бакстер. — Ваше правительство одобрит наши действия, даже если вы будете против.

Гев побежал к двери, ведущей в пассажирский отсек.

— Она заперта! — крикнул он. — Можно как-то ее укрепить?

Члены экипажа во главе с Нильсом уже были рядом. И с ужасом увидели на экране монитора, как группа из пяти, потом из десяти человек выбегает снаружи из-за поворота, направляясь к двери. Бакстер был впереди, за ним бежали представитель Тайваня, вьетнамец и несколько латиноамериканцев. Один из них

поднял отломанную ножку стула и запустил ею в камеру. Экран погас.

— С ними будет трудно справиться, — спокойно сказал Гев, глядя на дверь. — Нам придется сражаться на два фронта, а у нас мало сил даже для одного.

— Капитан! — позвал из рубки радист. — Из машинного отделения сообщают, что переборку снова жгут автогеном.

Невыносимый грохот взрыва обрушился на них и оглушил, отдаваясь от стен в узком коридоре. Дверь выгнулась горбом, перекосилась, и в щель ворвалось облако дыма. Их сбило с ног и отбросило к стене. Дверь задрожала, еще немного подалась вперед, и в отверстие стал протискиваться человек с самопалом.

Гев прыгнул, вытянув руки вперед. Он схватил противника за кисть и вывернул ее, направляя дуло вверх. Прозвучавший выстрел показался им после взрыва тихим хлопком. Гев рубанул ребром ладони и сломал нападавшему шею. Мельком осмотрев необычное устройство, он нащупал курок, просунул ствол в щель над спиной убитого и стал стрелять, пока не кончилась обойма.

Это задержало атакующих лишь на мгновение. Дверь широко распахнулась, и в коридор, ступая прямо по трупу, ворвались двое. Первого Нильс сразу отправил назад мощным ударом в лицо.

Но противник превосходил их числом и оружием. Хотя на их счету было немало побед. Генерал Гев упал, только когда в него всадили не меньше трех пуль. В Нильса не стреляли; двое нападавших повисли у него на руках, а третий нанес сокрушительный удар по голове. Арни совсем не умел драться, хотя и предпринимал не очень успешные попытки. Их поволокли в рубку, бросив убитых и раненых на месте драки. Радист, единственный член команды, оставшийся в рубке, что-то говорил в микрофон.

— Заткнись! — рявкнул Бакстер, поднимая пистолет. — С кем ты разговариваешь?

Побледневший радист вцепился в микрофон.

— С Лунной базой. Они передали мое сообщение в Копенгаген. Я рассказал им, что здесь произошло. О том, что кто-то захватил машинное отделение.

Бакстер задумался, потом опустил пистолет и улыбнулся.

— Все правильно. Можешь продолжать. Скажи им, что вы получили подкрепление. У коммунистов ничего не выйдет. А теперь... как мне связаться с машинным отделением?

Радист молча кивнул на экран, откуда на них смотрело бес-

страстное лицо. Бакстер с таким же непроницаемым выражением шагнул к телефону.

— Ты предатель, Шмидт, — сказал он. — Я сразу понял, как только увидел твое имя в составе делегации Восточной Германии. Это было не очень дальновидное решение. — Бакстер повернулся к Нильсу, которого усадили в кресло. Он приходил в себя после полученного удара. — Я знаю этого человека, капитан. Продажный доносчик. Вам повезло, что я оказался здесь.

Генерал Гев тяжело лежал на полу, прислонившись к стене, и молча слушал, явно не замечая крови, сочившейся из раненой ноги и пропитавшей брюки. Ему попали также в правую руку, и он сунул кисть в расстегнутую рубашку. У Арни были разбиты очки; он близоруко щурился, стараясь понять, что происходит.

Бакстер с неприязнью посмотрел на экран.

— Я не люблю вести дела с предателями...

— Всем нам приходится иногда идти на маленькие жертвы, — ответил Шмидт, не скрывая иронии.

Бакстер побагровел от ярости, но сдержался и спокойно продолжил:

— Похоже, ситуация патовая. Мы держим под контролем рубку управления.

— А в моем распоряжении машинное отделение и двигатель. Нас не так много, как хотелось бы, зато мы хорошо вооружены. Думаю, вам не удастся справиться с нами. Итак, что вы намереваетесь делать, мистер Бакстер?

— Доктор Никитин с вами?

— Конечно. Иначе зачем бы мы полезли сюда?

Бакстер прервал связь и повернулся к Нильсу.

— Это очень плохо, капитан.

— О чем вы говорите? — Туман в голове Нильса понемногу рассеивался. — Кто этот Никитин?

— Один из их лучших физиков, — ответил ему Арни. — Имея под рукой схемы и диаграммы, он скорее всего уже разобрался в основных принципах работы далет-двигателя.

— Совершенно верно, — сказал Бакстер, пряча пистолет. — Они удерживают машинное отделение, но не могут захватить рулевую рубку, так что еще не все потеряно. Передай своему начальству, — приказал он радисту, — что мы пока в тупике, но благодаря нам бандиты не смогли захватить весь корабль. Видите, капитан, а вы нам не доверяли.

— Где вы взяли оружие? — спросил Нильс. — И взрывчатку?

— Какая разница! Стволы в виде авторучек, проглоченные патроны, пластиковая взрывчатка в тюбиках из-под зубной пасты. Обычное дело. Но это неважно.

— Для меня важно, — сказал Нильс, выпрямившись в кресле. — И что вы теперь собираетесь делать, мистер Бакстер?

— Трудно сказать. Сначала перевяжем ваших людей. Потом попробуем поторговаться с этим продажным фрицем. Что-нибудь сообразим. Думаю, придется повернуть назад, чтобы не допустить дальнейшего кровопролития. Они уже ознакомились с двигателем, так что кот выпрыгнул из мешка. Теперь нет смысла держать его в секрете от союзников, правильно я говорю? Америка скорее всего будет решать этот вопрос по каналам НАТО, однако это уже вне моей компетенции. Я просто солдат на передовой. Но в одном вы можете быть уверены. — Бакстер встал, выпрямившись во весь рост. — Мы не допустим, чтобы русские вырвались вперед в космической гонке. Им не удастся опередить нас.

Нильс медленно встал и, прихрамывая, подошел к пульту управления.

— С кем вы разговариваете? — спросил он радиста.

— С Копенгагеном. На линии один из помощников министра. Там сейчас глубокая ночь, и остальные спали, когда я связался с Землей. Король и премьер-министр уже в пути.

— Боюсь, мы не можем их ждать.

Они говорили по-английски, чтобы было понятно Бакстеру. Нильс повернулся к нему.

— Я хочу объяснить им, что тут произошло.

— Обязательно, само собой. Они должны все знать.

Медленно и тщательно выговаривая английские слова, Нильс обрисовал обстановку. После довольно длительной паузы — пока сигнал дошел до Земли, пока ответный сигнал вернулся обратно — они услышали датскую речь. Нильс тоже перешел на датский. Когда он закончил разговор, в помещении повисла напряженная тишина.

— Ну? — спросил Бакстер. — О чем вы говорили? Что они сказали?

— Они согласились со мной, — ответил Нильс, — что ситуация безнадежная.

— Очень разумно.

— Мы решили, как поступить. Они поблагодарили нас.

— О чем вы говорите, черт побери?

Терпению Нильса пришел конец, и он отбросил формальную

вежливость. С холодной яростью, наконец прорвавшейся наружу, он бросал слова в лицо американцу:

— Я говорю о том, что вас пора остановить, вы — ничтожество. Вы признаете только насилие, смерть, убийство. Я не вижу ни малейшей разницы между вами с вашими продажными помощниками и тем подонком, который захватил машинное отделение. Прикрываясь словами о добре, вы творите зло. Чтобы возвысить свою страну, вы готовы уничтожить человечество. Когда до вас дойдет наконец, что все люди — братья? Когда вы прекратите это братоубийство? Только у одной вашей страны достаточно атомных бомб, чтобы четыре раза взорвать планету. Зачем вам вдобавок еще и далет-эффект?

— Но русские...

— Точно такие же, как и вы. Отсюда, из космоса, стоя на пороге смерти, я ясно вижу, что между вами нет никаких различий.

— Смерти? — испуганно переспросил Бакстер, снова подняв пистолет.

— Да. Неужели вы думали, что мы возьмем и отдадим вам далет-двигатель? Мы старались держать его подальше, чтобы избежать убийства и смерти, но вы сами вынудили нас. По всему корпусу корабля в разных местах заложено не меньше пяти тонн взрывчатки. Взрыватель активизируется радиосигналом с Земли...

Из динамика послышалась серия быстрых музыкальных пассажей. Бакстер хрипло закричал, развернулся и принялся палить по пульту управления, задел выстрелом радиста и опустошил обойму, стреляя во все приборы подряд.

— Радиосигнал нельзя прервать с корабля.

Нильс повернулся к Арни, спокойно стоявшему у стены, взял его за руку и стал что-то тихо говорить. Генерал Гев победно рассмеялся, наслаждаясь этим космическим спектаклем. Он приветствовал торжество справедливости. Бакстер снова закричал...

Гигантская огненная вспышка положила конец всему.

Глава 24

Лунная база

Марта Хансен воспринимала события сквозь дымку нереальности, которая помогла ей хоть как-то все это перенести. Все началось, когда Ове позвонил ей той ночью, ровно в 4.17. Она хорошо запомнила, как светились в темноте стрелки на циферблате, пока его голос гудел в трубке.

Эти цифры должны были означать что-то важное, раз они постоянно всплывали у нее перед глазами. Но что? Время, когда мир обрушился на нее? Нет, ведь она была еще жива. А Нильс был где-то далеко в своем очередном полете. Он же всегда возвращался из своих полетов...

В этом месте ее мысли каждый раз начинали путаться и ускользать куда-то в сторону. 4.17. Ей звонили различные люди, в том числе сам премьер-министр, они что-то говорили ей. Члены королевской семьи... 4.17. Она старалась быть вежливой со всеми. Она очень старалась. Может, она ничему больше и не научилась, закончив школу, но к вежливости, по крайней мере, ее приучили.

Наверное, она должна была запомнить хотя бы этот полет на Луну. Но ее оцепенение не проходило. Они летели туда на одном из новых лунных кораблей, которые прозвали космическими автобусами. Все было почти так же, как на реактивном авиалайнере, только попросторнее. Вытянутый в длину салон, ряды кресел, бутерброды и напитки. Даже стюардесса. Высокая пепельная блондинка, которая почти не отходила от нее, они даже поговорили немного. Девушка разговаривала с певучим шведским акцентом, который так нравится мужчинам. Но была печальна, как и все остальные. Марта уже забыла, когда она в последний раз видела улыбку.

Церемония похорон показалась какой-то ненастоящей. За окном в безвоздушном пространстве был виден обелиск, украшенный флагами, — все как положено. Горн простонал свой печальный призыв, надрывающий сердце. Но хоронить было некого. Никто никогда не будет здесь похоронен. Взрыв, сказали ей. Они погибли мгновенно, безболезненно. И очень далеко. Лишь через несколько дней Ове Расмуссен рассказал ей, что произошло на самом деле.

Марте показалось, что это безумие. Люди не могли на самом деле так поступить друг с другом. Но они это сделали. А Нильс оказался способным на поступок, который он совершил. Это не было самоубийством, она не могла себе представить, что Нильс может покончить с собой. Это была победа в борьбе за то, что он считал справедливым. Если за это надо было умереть — он был готов без колебаний. Своей смертью он многое рассказал ей о человеке, с которым она жила столько лет, даже не зная его как следует.

— Выпьешь капельку шерри? — спросила Улла, склоняясь над ней с бокалом в руке.

Они сидели за столом в гостиной. Церемония уже закончилась. Скоро они вернутся в Копенгаген.

— Да, с удовольствием. Спасибо.

Пригубив вино, Марта заставила себя обратить внимание на окружающих. Она чувствовала, что в последнее время ничего не замечает вокруг и что люди относятся к этому с пониманием. Ей это не нравилось. Слишком похоже на жалость. Сделав еще глоток, она огляделась по сторонам. С ними за столом сидели высокопоставленный военный и кто-то — она забыла его имя — из Министерства космоса.

— Это больше никогда не повторится, — гневно произнес Ове. — Мы относились к другим странам как к цивилизованным людям, а они оказались алчными монстрами, обуреваемыми национальной спесью. Тайком пронесенное оружие, наемные головорезы, подрывная деятельность, космическое пиратство. Просто невозможно поверить. Но второго раза не будет. И мы не станем больше гибнуть из-за них. Мы будем убивать их, если они так на это напрашиваются.

— Правильно! Правильно! — сказал военный.

— В новых кораблях с далет-двигателями внутреннюю изоляцию нужно сделать абсолютной. Мы объявим об этом во всеуслышание. Команда на одной стороне, пассажиры — на другой, без единой общей переборки. Если понадобится, разместим на борту отряды солдат. Вооруженных автоматами, слезоточивыми газами...

— Не стоит так увлекаться, старина.

— Да, конечно. Но вы понимаете, что я имею в виду. Такое никогда не должно повториться.

— Они не оставят своих попыток, — мрачно сказал человек из министерства. — Рано или поздно они похитят у нас двигатель или случайно наткнутся на это изобретение сами.

— Отлично, — сказал Ове. — Но мы постараемся, чтобы это произошло как можно позже. Что нам еще остается?

Ответом было молчание. Действительно, что они могли сделать?

— Извините меня, — сказала Марта, и мужчины встали, когда она выходила из комнаты.

Марта знала, где найти офицера, командующего базой. Он был сама любезность.

— Конечно, миссис Хансен. Не вижу причин, почему бы нам

не выполнить вашу просьбу. Мы обязательно отправим вам все личные вещи капитана Хансена. Но если вы хотите что-то взять с собой прямо сейчас...

— Нет, не в этом дело. Мне просто хочется посмотреть, где он жил тут на базе. Последний год я почти не видела его.

— Я понимаю. Если позволите, я проведу вас в его комнату.

Это была небольшая комната, без признаков роскоши, в одной из первых секций, построенных на Луне. Командующий оставил ее одну. Через слой краски на стенах проступали следы волокон деревянной опалубки, в которую заливали бетон. Кровать в железной раме была жесткой, шкаф и встроенные ящики — строго функциональными. Единственным предметом роскоши было окно, за которым раскинулась лунная равнина.

Даже не окно, а иллюминатор, один из остатков временно приспособленного морского снаряжения. Два обычных корабельных иллюминатора, приваренных друг к другу, чтобы получилась двойная рама. Она смотрела на ровную пустыню с четкими и резкими очертаниями гор вдали, не размытыми воздухом, и представляла, как он стоял здесь, глядя в окно. Запасные форменные костюмы были аккуратно развешаны в шкафу, и, боже, как ей не хватало его, как ей его не хватало! У нее еще оставались слезы, правда, немного, и она промокнула глаза платком. Не надо было приходить сюда. Он погиб, ушел навек, он никогда больше не вернется к ней. Пора идти.

Марта повернулась и увидела свою собственную фотографию в рамке на столике. Смеющаяся, в купальном костюме — маленький цветной снимок из счастливого прошлого. Ей почему-то не хотелось смотреть на эту фотографию. Теперь она знала, что Нильс всегда любил ее. Ей следовало понять это раньше. Несмотря ни на что.

Марта положила снимок в сумочку, но потом передумала, открыла верхний ящик шкафа и сунула ее под пижаму. Ее рука наткнулась на что-то твердое, и она вытащила книгу в мягком переплете. На обложке было написано: «Elementaer Vedligeholdelse og Drift at Daleth Maskin komponenter af Model IV». Она машинально листала страницы, пока переводила про себя сложные технические датские термины. Диаграммы, схемы, уравнения мелькали перед глазами, и наконец ей удалось перевести название. «Основные принципы технического обслуживания и эксплуатации далет-двигателя IV модели».

Он, должно быть, изучал эту инструкцию. Ему всегда хотелось

досконально знать самолеты, на которых он летал. И новый корабль не был исключением. Он сунул книжку сюда и забыл об этом.

Люди шли на смерть, чтобы получить то, что она держала в руках. Другие отдали свою жизнь, чтобы не допустить этого.

Марта хотела положить книгу на место, потом заколебалась и снова посмотрела на нее.

Бакстер погиб на борту корабля, ей сообщили об этом. Его сменил другой сотрудник посольства, который уже неоднократно пытался связаться с ней. Где-то у нее было записано его имя.

Она может отдать им эту брошюру, и ее оставят в покое. Все проблемы будут решены раз и навсегда.

Марта уронила книгу в сумочку и щелкнула замком. Снаружи ничего не было заметно, никакой подозрительной выпуклости. Она задвинула ящик, еще раз оглядела комнату и вышла.

Когда она вернулась в гостиную, многие уже собирались уходить. Марта посмотрела по сторонам в поисках знакомого лица. И нашла — он стоял, прислонившись к стене, глядя в огромное окно.

— Герр Скоу, — сказала она, и он резко обернулся.

— А, миссис Хансен. Я видел вас, но у меня не было возможности поговорить с вами. Все потеряно, все...

Его лицо осунулось, и она подумала, что он, вероятно, винит себя в том, что случилось.

— Вот, — сказала она, открыв сумочку и протягивая ему книгу. — Я нашла это среди вещей моего мужа. И подумала, что ей не стоит валяться без присмотра.

— Боже милостивый, не может этого быть! — воскликнул он, увидев название. — Благодарю вас, вы так помогли мне! Люди настолько легкомысленны. Это не облегчает мою работу, скажу я вам. Нумерованный экземпляр — мы были уверены, что он на борту «Хольгер Данске». Мне бы и в голову не пришло... — Он выпрямился и отвесил ей строгий официальный поклон. — Благодарю вас, фру Хансен. Вы даже не представляете, какую услугу вы нам оказали.

Марта улыбнулась:

— Я представляю, герр Скоу. Мой муж и многие другие пожертвовали жизнью, чтобы то, о чем написано в этой книге, не попало в чужие руки. Могла я поступить иначе? И вообще, на самом деле все наоборот. Я только теперь поняла, какую услугу вы — все вы — оказали мне.

Настало время возвращаться на Землю.

Глава 25

Резко затормозив, «Спрайт» завернул на подъездную дорожку и, дернувшись, остановился, скрипя покрышками. Ове Расмуссен перепрыгнул через дверцу машины, взбежал по ступенькам и с силой вдавил кнопку звонка. Он услышал, как в доме зазвенели мелодичные переливы, и, не дождавшись ответа, дернул за ручку. Дверь была не заперта, и Ове широко распахнул ее.

— Марта! Где ты? — закричал он. — Ты здесь?

Он закрыл за собой дверь и прислушался. В тишине раздавалось только тиканье часов. Потом до него донеслись сдавленные рыдания из гостиной. Она лежала, распростершись на диване ничком и содрогаясь всем телом от безнадежного, безудержного плача. Рядом на полу валялась газета.

— Улла позвонила мне. Я был в лаборатории всю ночь, — сказал он. — У тебя был такой голос по телефону, что она сама почти в истерике. Я сразу поехал к тебе. Что случилось?..

Тут его взгляд упал на первую страницу газеты, и он сразу все понял. Нагнувшись, Ове поднял ее и посмотрел на фотографию, занимавшую почти всю полосу. На ней был изображен яйцевидный аппарат размером с небольшой автомобиль, плывущий в нескольких метрах над головами пораженных зевак. Из маленькой кабины махала рукой улыбающаяся девушка, а впереди, между фарами, отчетливо виднелась надпись: «Хонда». На машине не было заметно никаких привычных внешних признаков летательных аппаратов. Над фотографией было написано: «Японцы демонстрируют гравитационный скутер», а чуть ниже: «Утверждают, что новый принцип произведет революцию в транспорте».

Марта села, вытирая глаза промокшим платком. Ее лицо покраснело и опухло от слез, волосы спутались.

— Я приняла снотворное, — всхлипнула она, задыхаясь. — Проспала двенадцать часов. Я не слышала радио, вообще ничего. Пока готовила завтрак, принесли газету. А там...

У нее перехватило дыхание, и она молча показала на фотографию. Ове устало кивнул и тяжело опустился в кресло.

— Это правда? — спросила она. — У японцев есть далет-двигатель?

Он снова кивнул. Закрыв лицо руками, впиваясь ногтями в кожу, она пронзительно выкрикивала слова:

— Все зря! Их убили ни за что! Японцы уже знали о далет-эффекте, они украли его. Нильс, они все, все погибли зря!

— Успокойся, — сказал Ове. Он наклонился и обнял ее за пле-

чи, чувствуя, как всю ее трясет от мучительной боли. — Слезы не вернут его, никого не вернут.

— И вся эта секретность... бесполезно... секрет все равно просочился...

— Секретность погубила их всех. — Голос Ове был мрачен, как зимняя полночь. — Глупая, бессмысленная потеря.

Горечь, звучавшая в его словах, сделала то, чего не смогло добиться сочувствие: они дошли до сознания Марты, потрясли ее.

— О чем вы говорите? — Он посмотрел на газету с холодной ненавистью и пнул ее ногой. — Наш секрет не был вечным, мы просто опередили остальных. Мы с Арни пытались убедить в этом службу безопасности, но нас никто и слушать не хотел. Скорее всего только Нильсу и нескольким его помощникам было известно о взрывчатке на корабле. Если бы Арни или я знали об этом, мы бы подняли публичный скандал и отказались лететь. Это преступное расточительство, преступная глупость!

— Что это значит? — Марту напугали слова профессора.

— Это значит, что только политики и сотрудники органов безопасности верят в Секреты с большой буквы. И еще, наверное, те, кто начитался шпионских романов об украденных тайнах. Но у матери-природы нет никаких секретов. У нее все на виду, надо только суметь разглядеть. Иногда это не так-то просто, нужно знать хотя бы, куда смотреть. Арни понимал это, потому и привез свое открытие в Данию, во всяком случае, это одна из причин. Здесь можно было быстрее построить корабли с далет-двигателем, потому что у нас хорошо развито тяжелое машиностроение. Это был всего лишь вопрос времени — пока остальные не очухаются. Как только существование далет-эффекта перестало быть тайной, всем ученым сделалось ясно, что именно надо искать. У нас было еще одно преимущество. Многие физики знали, что Арни занимается проблемами гравитации. Он переписывался с ними, и они читали о его работе в журналах. Однако они не знали того, что его подход к проблеме был неверен по сути. Арни сам нашел свою ошибку, но не успел опубликовать результаты. Настоящее открытие далет-эффекта произошло в результате изучения телеметрических данных солнечной вспышки. Эти данные не держались в секрете, весь вопрос заключался только в том, как быстро будет обнаружена связь между ними и далет-эффектом. Мы выиграли почти два года и поэтому успели уйти вперед.

— Тогда все эти убийства, шпионы...

— Все бессмысленно. Органы безопасности работают по принципу: правая рука не знает, что делает левая. Секретные службы пытаются выкрасть секрет, в то время как засекреченные лаборатории стараются раскрыть его. А когда эти службы запущены в оборот, остановить их крайне трудно. Все это было бы смешно, если бы не закончилось так трагично. Я наконец услышал всю эту историю целиком — меня всю ночь посвящали в подробности сотрудники органов безопасности. Знаешь, сколько стран уже имели ключ к разгадке природы далет-эффекта, когда взорвался корабль? Я тебе скажу. *Пять.* Японцы думали, что они первые, и пытались получить международный патент. Но их заявка была отклонена четырьмя странами, в которых заявки на патент были поданы раньше и охранялись как государственная тайна. Две из них — Индия и Германия.

— А еще две? — выдохнула она, заранее зная ответ.

— Америка и Советский Союз.

— *Нет!*

— Мне очень жаль. Мне так же больно говорить об этом, как тебе — слушать. Твой муж, Арни, мои друзья и коллеги погибли при взрыве. Бессмысленно. Потому что страны, виновные в их смерти, уже знали разгадку. Но так как информация была сверхсекретной, ее не могли сообщить своим же сотрудникам. Не меньшая вина лежит и на наших органах безопасности, которые первым долгом позаботились о том, чтобы напичкать корабль взрывчаткой. Все страны, замешанные в этом деле, виновны в трагедии. Это какая-то паранойя, возведенная в статус закона. Сотрудники секретных служб в любой стране одинаковы по своей натуре — ими руководит страх и неуверенность в себе. Они могут быть вполне искренними патриотами, но из-за своей болезненной мнительности проявляют патриотизм таким вот образом. Люди подобного сорта никогда не поймут, что во времена паровозов появляются паровозы, а во времена самолетов — самолеты.

— Я не понимаю вас. — Она хотела заплакать, но не смогла, слез уже не осталось.

— История всегда повторяется. Стоило японцам во время Второй мировой войны услышать об американских радарах, и они тут же приступили к работе. Они создали магнетрон и все остальные составные части почти одновременно с американцами. Только междоусобные распри и недостаток производственных мощностей помешали им начать серийный выпуск. Это было время радаров. А теперь... теперь настало далет-время.

Повисла долгая пауза. Солнце спряталось за облако, и в ком-

нате потемнело. Наконец Марта заговорила — ей необходимо было задать этот вопрос:

— Значит, все это было напрасно? Их гибель — она была бессмысленна?

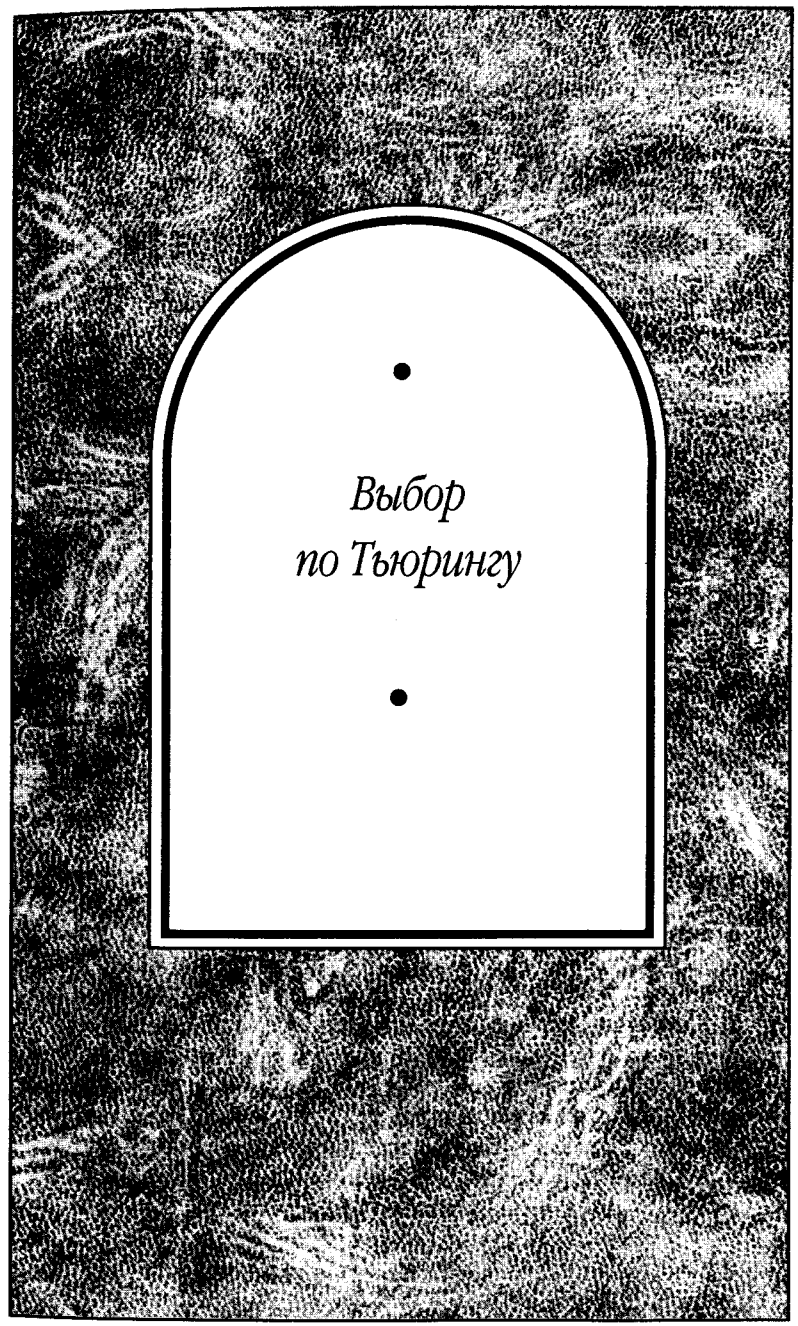
— Нет. — Ове заколебался и попытался улыбнуться, но не смог. — По крайней мере, я надеюсь, что это не так. Во время взрыва погибли люди из многих стран. Этот удар должен отрезвить людские головы, может быть, даже головы политиков. Они ведь могли бы использовать это открытие во имя добра. Хоть раз в жизни поступить как должно. Без пререканий. Не превращая его в еще одно фантастически разрушительное оружие. У нас есть реальная возможность превратить Землю в цветущий рай. Японцы в чем-то даже обогнали нас: избавились от внешнего источника энергии. Они сумели сделать далет-эффект источником питания для двигателя. Мы сейчас живем в предместьях одного мирового города. К этому еще придется привыкать. Но весь мир, все люди должны собраться и осознать свое единство. И любой человек, любая страна, которые попытаются использовать эту силу для разрушения или войны, будут мгновенно остановлены. Тогда их гибель не будет напрасной. Если мы сумеем извлечь урок из этой жертвы — она стоила того.

— Сумеем ли? — спросила Марта. — Сможем ли мы извлечь этот урок? Сделать мир таким, каким мы все хотим его видеть, но который всегда остается недостижимой мечтой?

— Нам придется это сделать, — сказал Ове, наклонившись вперед и взяв ее руки в свои. — Или мы умрем, пытаясь сделать это.

Марта невесело рассмеялась.

Солнце вынырнуло из-за облака, но внутри дома, в комнате, где сидели два человека, так и не рассеялась тьма.

Джулии, Маргарет и Генри,
Мойре и Тодду — этот рассказ
о вашем завтра

ТЕСТ ТЬЮРИНГА

В 1950 году Алан М. Тьюринг, один из основоположников компьютерной технологии, задался вопросом, сможет ли когда-нибудь машина мыслить. Однако очень трудно определить, что мы понимаем под словом «мыслить». Поэтому он предложил начать с обычной цифровой вычислительной машины и поставил вопрос так: можно ли, увеличив объем ее памяти и быстродействие, а также снабдив ее нужной программой, добиться того, чтобы она могла выступать в роли человека? Вот его ответ:

«Я полагаю, что вопрос «Могут ли машины мыслить?» лишен смысла и поэтому не заслуживает обсуждения. Тем не менее я уверен, что к концу нынешнего столетия и в значениях тех слов, которыми мы пользуемся, и в мировоззрении образованного человека произойдут такие перемены, что можно будет говорить о думающих машинах, не встречая возражений» (Алан Тьюринг, 1950).

Глава 1

Окотильо-Уэллс, штат Калифорния
8 февраля 2023 года

Дж.-Дж. Бэкуорт, председатель правления компании «Мегалоуб индастриз», был озабочен, хотя воспитанная за многие годы выдержка не позволяла ему проявить беспокойство. Это была еще не тревога, не страх — всего лишь озабоченность. Он повернул свое вращающееся кресло к окну, за которым открывалась живописная панорама заката в пустыне. Багряное небо на западе, над хребтом Сан-Исидро, бросало красноватый отсвет на горы Санта-Роза, тянувшиеся вдоль северного горизонта. От тощих кустиков фукерии и кактусов тянулись по серому песку пус-

тыни длинные вечерние тени. Обычно суровая красота этих мест оказывала на него успокаивающее действие, но сегодня этого не случилось. Тихий звонок переговорного устройства прервал его мысли.

— Ну что там? — произнес он. Узнав его голос, аппарат включился, и секретарша сообщила:

— Здесь доктор Мак-Крори, он хотел бы поговорить с вами.

Дж.-Дж. Бэкуорт заколебался. Он знал, чего хочет от него Мак-Крори, и предпочел бы, чтобы тот еще немного потомился в ожидании. Но нет, лучше сразу сказать ему, в чем дело.

— Пусть войдет.

Зажужжал моторчик двери, и вошел доктор Мак-Крори. Большими шагами он бесшумно пересек просторный кабинет — толстый ворсистый ковер поглощал все звуки. Это был сухопарый, угловатый человек, казавшийся тощим как палка рядом с коренастой, плотной фигурой председателя. Он был без пиджака, галстук свободно болтался у него на шее — руководство компании «Мегалоуб» не придавало большого значения формальностям. Но на нем был жилет с карманами, из которых торчало множество ручек и карандашей, без которых не может обходиться ни один инженер.

— Извините, что побеспокоил вас, Джей-Джей, — он нервно стиснул переплетенные пальцы, не желая, чтобы его слова прозвучали упреком председателю компании, — но к демонстрации все давно готово.

— Знаю, Билл, извините, что вам приходится ждать. Но тут возникли кое-какие дела, я сейчас не могу оторваться.

— Если будет задержка, нам придется объясняться с охраной.

— Я это прекрасно понимаю.

Дж.-Дж. Бэкуорт никак не проявил своего раздражения — он никогда не делал этого в разговорах с подчиненными. Может быть, Мак-Крори просто не отдает себе отчета в том, что председатель лично руководил проектированием и установкой всех охранных систем компании. Он молча погладил свой шелковый галстук — холодное молчание само по себе равносильно выговору.

— Придется немного подождать. На нью-йоркской бирже только что были сделаны неожиданные и очень обширные закупки акций. Перед самым закрытием.

— Наших акций?

— Да. В Токио биржа еще открыта, она теперь работает круглые сутки, и там как будто происходит то же самое. С финансовой точки зрения это лишено всякого смысла. Нашу компанию

основали пять самых крупных и самых влиятельных электронных корпораций страны. Они полностью контролируют «Мегалоуб». Закон требует, чтобы определенная часть акций поступала в открытую продажу, но о попытке перекупить компанию не может быть и речи.

— Тогда что это может означать?

— Я и сам хотел бы знать. Вот-вот поступят доклады от наших брокеров. После этого мы сможем отправиться к вам в лабораторию. А что вы собираетесь мне показать?

Билл Мак-Крори нервно улыбнулся:

— Я думаю, пусть лучше Брайан вам это объяснит. Он говорит, что это тот самый решающий прорыв, которого он ждал. Боюсь, я сам не совсем понимаю, в чем дело. Я ведь не так уж хорошо разбираюсь во всем, что касается искусственного интеллекта. Мое дело — коммуникации.

Дж.-Дж. Бэкуорт понимающе кивнул. В последнее время в их исследовательском центре делалось немало такого, что не было предусмотрено первоначальным планом. Компания «Мегалоуб» была основана с единственной целью: догнать и, если удастся, перегнать японцев в области ТВВЧ — телевидения высокой четкости. Оно началось с широкого экрана и развертки более чем на тысячу строк. На этот поезд Соединенные Штаты чуть было не опоздали. Только потом, убедившись, что ведущие позиции на мировом телевизионном рынке уже захватили иностранные производители, основатели «Мегалоуб» объединили свои усилия и привлекли к делу Пентагон — да и это удалось лишь благодаря снисходительности Генерального прокурора США, пока конгресс принимал поправки, смягчившие антитрестовские законы и сделавшие возможным создание такого промышленного консорциума нового типа. Уже в 80-х годах Министерство обороны, или, точнее говоря, одно из немногих его управлений, занимавшихся новой техникой, — Агентство по новым оборонным проектам (АНОП), — признало ТВВЧ не только важным оружием в войнах будущего, но и перспективной технологией, необходимой для индустриального прогресса. Поэтому, даже несмотря на то, что бюджетные ассигнования в последние годы сильно сократились, АНОП сумело добыть деньги, нужные для исследований.

Как только проблемы финансирования были решены, в безлюдной калифорнийской пустыне поспешно собрали лучших специалистов в разных областях технических наук. Там, где раньше среди бесплодных песков стояло лишь несколько крохотных ферм, пользовавшихся для орошения своих садов под-

земными водами, вырос обширный современный исследовательский центр. Дж.-Дж. Бэкуорт знал, что здесь разрабатывается много новых перспективных научных программ, но суть некоторых из них представлял себе довольно туманно. В качестве председателя он имел более важные обязанности — нес ответственность за работу центра перед шестью разными ведомствами. Его мысли прервал красный огонек, загоревшийся на телефонном аппарате.

— Да?

— На проводе мистер Мура, наш брокер в Японии.

— Соедините его со мной.

Он повернулся к видеоэкрану:

— Добрый вечер, Мура-сан.

— Вам тоже, мистер Джей-Джей Бэкуорт. Извините, что беспокою вас в такое позднее время.

— Я всегда рад вас слышать. — Бэкуорт с трудом сдерживал нетерпение. Но иначе с японцами нельзя: церемонии для них — прежде всего. — И вы, конечно, не стали бы мне сейчас звонить, если бы у вас не было важных новостей.

— Насколько они важны, я предоставляю вашему авторитетному суждению. Я всего лишь скромный служащий и могу только сообщить следующее. Волна закупок акций «Мегалоуб» спала. Сейчас я должен получить последние данные — жду их с минуты на минуту.

На какое-то мгновение изображение на экране застыло, губы брокера перестали шевелиться. Это было первое напоминание о том, что на самом деле Мура говорит по-японски и его слова автоматически переводятся на английский, а мимику и движения губ компьютер подгоняет под звучание английских слов. Кто-то протянул брокеру листок бумаги, он взял его, прочитал то, что там было написано, и улыбнулся:

— Новости очень хорошие. Цена акций упала до прежнего уровня.

Дж.-Дж. Бэкуорт задумчиво потер подбородок:

— Как вы думаете, в чем дело?

— Должен с сожалением сообщить, что не имею ни малейшего представления. Могу сказать одно: тот или те, кто этим занимался, потеряли что-то около миллиона долларов.

— Интересно. Ну, спасибо за помощь. Жду от вас подробного доклада.

Дж.-Дж. Бэкуорт дотронулся до кнопки, изображение на экране погасло, и тут же послышалось тихое гудение стоявшего позади него воксфакса — из машины поползла лента с распечаткой только что состоявшегося разговора. Слова Бэкуорта были напечатаны на ней черным цветом, Муры — красным, чтобы легче было разобраться. Программа-переводчик была неплохая: просмотрев ленту, Бэкуорт заметил не так уж много ошибок. Теперь секретарша подошьет эту распечатку к делу, а потом штатный переводчик компании проверит правильность перевода, сделанного машиной.

— В чем же дело? — спросил в недоумении Билл Мак-Крори. Он прекрасно разбирался в электронике, но тонкости работы фондового рынка оставались для него полной тайной.

Дж.-Дж. Бэкуорт пожал плечами:

— Этого мы пока не знаем. А может быть, и никогда не узнаем. Возможно, какой-нибудь предприимчивый брокер решил быстро заработать. А может, это какой-нибудь крупный банк, который почему-то изменил свое решение. Во всяком случае, теперь это неважно. Я думаю, мы можем посмотреть, что там придумал ваш гений. Как, вы сказали, его зовут? Брайан?

— Брайан Дилени, сэр. Но я должен сначала позвонить, уже поздновато.

За окном стемнело. На небе показались первые звезды, и в кабинете автоматически зажглись лампы.

Бэкуорт кивнул и указал на телефон, стоявший на столе в другом конце кабинета. Пока инженер звонил, Джей-Джей вызвал на экран свой календарь на сегодняшний день, убедился, что дел больше не осталось, и проверил, что предстоит завтра. День обещал быть нелегким — как и любой другой. Он поднес к терминалу свои часы с электронной памятью, на экране появилось слово «ЖДИТЕ», через секунду его сменило слово «ОКОНЧЕНО»: все встречи, намеченные на следующий день, были переписаны в память часов. Вот и все.

Каждый вечер в эту пору, прежде чем уходить, он обычно выпивал рюмку шотландского ячменного виски «Гленморанджи» пятнадцатилетней выдержки. Он взглянул туда, где находился потайной бар, и слегка улыбнулся. Пока еще не время. Подождет.

Билл Мак-Крори нажал кнопку отключения микрофона и сказал ему:

— Извините, сэр, но лаборатории уже закрыты. Чтобы нам туда пройти, придется подождать несколько минут.

— Прекрасно, — отозвался Бэкуорт, поняв, о чем идет речь. Существовало множество причин, почему исследовательский

центр решили построить здесь, в пустыне. Сыграли свою роль и чистый воздух, и низкая влажность, но гораздо важнее был сам факт, что здесь пустыня. Первостепенное значение имели соображения безопасности. Еще в 40-х годах, когда промышленный шпионаж только делал свои первые шаги, некоторые не слишком щепетильные корпорации обнаружили, что куда легче выкрасть чужие секреты, чем тратить время, энергию и деньги на собственные разработки. С развитием компьютерных технологий и электронного подслушивания промышленный шпионаж превратился в одну из самых быстрорастущих отраслей. Первая и главная проблема, с которой столкнулась компания «Мегалоуб», состояла в том, как обеспечить безопасность своего нового исследовательского центра. Как только были выкуплены фермы и окружавшая их пустыня, вокруг всей территории центра возвели глухой, непроницаемый забор. На самом деле не совсем забор и не вполне непроницаемый — непроницаемых заборов не бывает: это была целая система изгородей и стен, оплетенных колючей проволокой, увешанных датчиками (немало датчиков было скрыто и под землей) и просматриваемых голографическими мониторами. Поверхность забора была усеяна чувствительными элементами, которые реагировали на давление и сотрясение, и разными другими устройствами. Проникнуть за эту черту было почти невозможно — а если бы это и удалось кому-нибудь, человеку или автомату, то его поджидали прожектора, телекамеры, собаки и вооруженные охранники.

Но даже после того, как все это вступило в строй, строительство здания центра не начиналось до тех пор, пока не были выкопаны, проверены и выброшены на свалку все до единого провода, кабели и канализационные трубы, которые здесь находились. При этом была сделана одна неожиданная находка: на стройплощадке обнаружилось доисторическое индейское кладбище. Стройку пришлось приостановить, пока археологи со всей возможной тщательностью не раскопали захоронения и не передали найденные предметы в музей индейской культуры в Сан-Диего. Только после этого, под пристальным надзором, началось строительство. Почти все сооружения заранее собирали на хорошо охраняемых площадках, опечатывали, проверяли и снова опечатывали. После того как их доставляли на место в запломбированных контейнерах, всю процедуру проверки повторяли. Этой стороной строительства Дж.-Дж. Бэкуорт руководил лично. Без абсолютно надежной системы безопасности вся затея лишилась бы смысла. Билл Мак-Крори нервно поднял голову от телефона.

— Прошу прощения, Джей-Джей, но часовые механизмы замков уже запущены. Теперь придется ждать полчаса, не меньше, прежде чем можно будет туда войти. Не отложить ли все на завтра?

— Ни в коем случае. — Бэкуорт нажал несколько кнопок на своих часах и сверился с расписанием дел на следующий день. — У меня целый день занят, включая деловой обед в моем кабинете, а в четыре я улетаю. Или сейчас, или никогда. Вызовите Тотта, пусть все устроит.

— Он, наверное, уже ушел.

— Ну нет. Он приходит первым, а уходит последним.

Арпад Тотт возглавлял службу безопасности. Больше того, он присматривал за сооружением всех охранных систем — казалось, больше ничто в жизни его не интересовало. Пока Мак-Крори звонил ему, Бэкуорт решил, что уже пора. Он открыл шкафчик с бутылками и плеснул себе на три пальца ячменного виски. Потом добавил столько же минеральной воды — никакого льда, разумеется! — пригубил и с наслаждением перевел дух.

— Налейте себе, Билл. Тотт был у себя, ведь верно?

— Спасибо, я только немного минеральной. Не просто у себя — он лично будет нас сопровождать.

— Ему ничего больше не остается. Дело в том, что в нерабочее время мы с ним оба должны набрать кодовый пароль, чтобы войти. А если кто-то из нас, по ошибке или намеренно, наберет не тот номер, тут такое начнется!

— Я не знал, что меры безопасности у нас такие строгие.

— Вот и хорошо. Вам о них знать незачем. Каждого, кто входит в лаборатории, не упускают из виду ни на секунду. Ровно в пять двери запираются надежнее, чем кладовые государственного казначейства. После этого еще можно выйти — ведь ученые любят работать допоздна, иногда даже всю ночь. Вам тоже, наверное, приходилось. А теперь вы увидите, что войти в это время почти невозможно. Вы все поймете, когда за нами явится Тотт.

Было самое время посмотреть «Новости». Джей-Джей нажал кнопку на столе. Обои, покрывавшие дальнюю стену, и висевшая на ней картина исчезли, и вместо них появилась заставка программы новостей. Телевизионные экраны с разрешением в шестнадцать тысяч линий, разработанные здесь, в лабораториях центра, давали такое правдоподобное изображение, что уже завоевали львиную долю телевизионного, телеигрового и компьютерного рынка. Экран в кабинете Бэкуорта состоял из десятков миллионов микроскопических ячеек, созданных благодаря успехам нанотехнологии. Его разрешающая способность и качество

цветопередачи были потрясающими: до сих пор никто не мог догадаться, что обои и картина представляют собой электронное изображение, пока Бэкуорт их не выключал.

Прихлебывая виски, он смотрел «Новости». Кроме них — и притом только тех, что его интересовали, — он никогда ничего не смотрел. Ни спортивных передач, ни рекламы, ни рассказов о зверюшках или скандальных историй про эстрадных звезд. Компьютер, встроенный в телевизор, выискивал и записывал, в порядке их важности, только те сообщения, которые были ему нужны. Международные финансы, состояние фондового рынка, котировка акций компаний по производству телевизоров, курс валют, — а из новостей только те, которые имели отношение к коммерции. За всем этим компьютер следил круглые сутки, непрерывно обновляя информацию.

Когда вошел начальник службы безопасности, на стене снова появились обои и картина. Серо-стальные волосы Арпада Тотта были так же коротко острижены, как и в те времена, когда он служил в морской пехоте инструктором строевой подготовки. В тот печально памятный для него день, когда ему предложили уйти в отставку по возрасту, он сразу же перешел в ЦРУ, где его приняли с распростертыми объятиями. С тех пор прошло немало лет и было проведено немало тайных операций, прежде чем он разругался со своим новым начальством. Джей-Джею пришлось нажать на все рычаги и воспользоваться связями компании в военном ведомстве, чтобы узнать, из-за чего произошел скандал. Секретный доклад об этом он уничтожил сразу после того, как прочел, но запомнил одно: ЦРУ сочло, что некий план, предложенный Тоттом, потребует слишком больших жертв. Это случилось незадолго до того, как оперативная служба ЦРУ была ликвидирована и многие ее тогдашние операции были продиктованы отчаянием. Компания «Мегалоуб» сразу же сделала Тотту весьма выгодное предложение — возглавить службу безопасности запроектированного исследовательского центра, и с тех пор он работал у них. Лицо его избороздили морщины, стальные волосы поредели, но на его мускулистом теле не было ни грамма лишнего жира. Никому не пришло бы в голову спросить, сколько ему лет, или предложить ему выйти на пенсию.

Тотт бесшумно вошел в кабинет и встал по стойке «смирно». На лице его застыла вечная угрюмая гримаса — никто никогда не видел, чтобы он улыбался.

— Я готов, как только вы будете готовы, сэр.

— Хорошо. Пошли. Я не собираюсь тратить на это всю ночь.

Дж.-Дж. Бэкуорт повернулся спиной — им было незачем знать, что он носит этот ключ в специальном кармашке на поясе, — потом пересек кабинет и подошел к стальной пластине, вделанной в стену. Когда он повернул ключ, она откинулась, и в открывшейся нише замигала красная лампочка. В его распоряжении было пять секунд, чтобы набрать свой код. Только когда загорелась зеленая лампочка, он сделал Тотту знак подойти и спрятал ключ. Начальник службы безопасности сунул руку в нишу и, стараясь двигать пальцами так, чтобы это было незаметно, набрал свой код. Как только он закончил и закрыл нишу, зазвонил телефон.

Бэкуорт устно подтвердил дежурному на центральном посту охраны, что идет в лабораторию, положил трубку и направился к двери.

— Сейчас компьютер обрабатывает нашу заявку, — сказал Джей-Джей, обращаясь к Мак-Крори. — Через десять минут откроется доступ к кодовым замкам на входе в лабораторный корпус. После этого в нашем распоряжении будет минута на то, чтобы войти, иначе вся операция будет автоматически отменена. Пошли.

Если днем система охраны была незаметна, то теперь, ночью, она бросалась в глаза. Чтобы дойти от административного корпуса до лабораторного, достаточно было нескольких минут, но за это время им повстречались два патрулировавших двор охранника, каждый со злой собакой, рвавшейся с поводка. Всю территорию заливал свет прожекторов, телекамеры автоматически разворачивались в их сторону, куда бы они ни шли. У дверей лабораторного корпуса их поджидал еще один охранник, держа наготове автомат «узи». Несмотря на то что охранник знал их всех в лицо и присутствовал его непосредственный начальник, он потребовал предъявить удостоверения личности и только после этого отпер коробку, где находился кодовый замок. Джей-Джей подождал, пока там не загорится зеленая лампочка, набрал нужный код и прижал большой палец к специальной пластинке, чтобы компьютер мог сверить отпечатки. То же самое сделал и Тотт, а потом, отвечая на вопрос компьютера, набрал цифру, означавшую число посетителей.

— Компьютеру нужен и ваш отпечаток пальца, доктор Мак-Крори.

Только когда было проделано все, что полагается, в дверной коробке послышалось гудение мотора и замок, щелкнув, открылся.

— Я провожу вас до лаборатории, — сказал Тотт, — но входить туда в такое время я не имею права. Позвоните мне по красному телефону, когда соберетесь уходить.

Лаборатория была ярко освещена. За дверью из толстого пуленепробиваемого стекла появился худой, нервный на вид юноша лет двадцати с небольшим. Поджидая их, он в волнении то и дело проводил рукой по растрепанным рыжим волосам.

— Слишком молодо он выглядит для такой ответственной работы, — заметил Дж.-Дж. Бэкуорт.

— А он в самом деле молод — но имейте в виду, что он закончил колледж в шестнадцать лет, — сказал Билл Мак-Крори. — А диссертацию защитил в девятнадцать. Если вы еще ни разу не видели живого гения, пользуйтесь случаем. Наши вербовщики давно уже к нему присматривались, но он по характеру одиночка, не хотел связываться ни с какой организацией и отвергал все наши предложения.

— Тогда как же получилось, что теперь он работает у нас?

— Он переоценил свои возможности. Такие исследования недешево обходятся и требуют много времени. Когда у него стали кончаться деньги, мы предложили ему контракт, который удовлетворил бы обе стороны. Сначала он отказался, но в конце концов у него не осталось выбора.

Прежде чем открылась последняя дверь, обоим посетителям пришлось удостоверить свою личность еще на одном посту охраны. Тотт отступил в сторону, а они вошли в лабораторию. Компьютер пересчитал вошедших, дверь за ними закрылась, и они услышали, как щелкнул замок.

Дж.-Дж. Бэкуорт взял инициативу на себя, понимая, что чем более непринужденной окажется атмосфера, тем быстрее он узнает все, что нужно. Он протянул руку и обменялся с Брайаном крепким рукопожатием.

— Очень рад, Брайан. Жаль, что мы не могли познакомиться раньше. Я слышал много хорошего о твоей работе. Прими мои поздравления — и спасибо, что нашел время показать мне, что у тебя получилось.

Лицо Брайана, бледное, как у всех ирландцев, залилось краской от таких неожиданных похвал: он к этому еще не привык. К тому же он был слишком плохо знаком с нравами делового мира и не сообразил, что председатель сознательно пустил в ход все свое обаяние. Так или иначе, это возымело нужное действие: Брайан стал держаться не так напряженно и был готов отвечать на вопросы. Джей-Джей с улыбкой кивнул:

— Мне сказали, что у тебя тут наметился важный прорыв. Это правда?

— Безусловно! Можете считать, что дело в шляпе, — десятилетняя работа закончена. Или, точнее, виден конец: еще много чего остается сделать.

— Насколько я понимаю, все это имеет какое-то отношение к искусственному интеллекту?

— Да, имеет. Я бы сказал, что искусственный интеллект наконец-то у нас в руках.

— Полегче, полегче, молодой человек! Я считал, что искусственный интеллект создан уже несколько десятилетий назад.

— Разумеется. Уже существуют и используются несколько довольно-таки умных программ, которые называют искусственным интеллектом. Но то, что мы имеем здесь, куда серьезнее. Речь идет о возможностях, сравнимых с возможностями человеческого мозга. — Он запнулся. — Простите, сэр, если это похоже на лекцию. Но насколько вы знакомы с этой областью исследований?

— Откровенно говоря, ничего о ней не знаю. И пожалуйста, называй меня Джей-Джей.

— Хорошо, сэр... то есть Джей-Джей. Тогда я вам кое-что объясню, если вы пройдете со мной.

Он подвел гостей к лабораторному столу, сплошь заставленному внушительной на вид аппаратурой.

— Это не моя работа, это то, чем занимается доктор Голдблум. Но как раз с этого хорошо начать, если мы будем говорить об искусственном интеллекте. Железо здесь не ахти какое, это старый «Макинтош» SE/60 с процессором «Моторола 68050» и сопроцессором, который увеличивает его быстродействие примерно в сто раз. А за основу начинки взята последняя версия классической самообучающейся экспертной системы для диагностики заболеваний почек.

— Стоп, стоп, сынок! Об экспертных системах я кое-что знаю, но что такое «самообучающаяся»? Если ты хочешь, чтобы я хоть что-то понял, тебе придется вернуться к самому началу и отправиться из точки А.

Брайан невольно улыбнулся:

— Простите, вы, конечно, правы. Начнем сначала. Вы знаете, что экспертные системы — это компьютерные программы, которые включают в себя базы данных. То, что мы называем железом, — просто аппаратура вроде вот этой. Пока ток не включен, она годится только на то, чтобы служить пресс-папье, правда, до-

вольно дорогим. А если включить ток, то в таком компьютере зашиты кое-какие программки — они проверяют, правильно ли работает сам компьютер, и готовят его к загрузке инструкций. Такие инструкции для компьютера и называются начинкой. Это программы, которые вы в него вводите, чтобы сообщить железу, что оно должно делать и как. Если загрузите текстовый редактор, то сможете с помощью компьютера написать книгу. А если введете бухгалтерскую программу, тот же самый компьютер будет с огромной скоростью вести вашу бухгалтерию.

Джей-Джей кивнул:

— Это я пока понимаю.

— Прежние экспертные системы первого поколения могли делать только что-нибудь одно — например, играть в шахматы, или диагностировать заболевания почек, или конструировать компьютерные схемы. Но каждая такая программа делала одно и то же снова и снова, даже если результаты получались никуда не годные. Экспертные системы были первым шагом к искусственному интеллекту, потому что они думают, пусть даже незамысловато и стандартно. Следующим шагом стали самообучающиеся программы. А моя новая самообучающаяся программа будет, как я считаю, еще одним огромным шагом, потому что она способна делать куда больше, не выходя из строя и не путаясь.

— Приведи какой-нибудь пример.

— У вас в кабинете есть лингвофон и воксфакс?

— Конечно.

— Тогда вот два прекрасных примера того, о чем я говорю. Вам часто звонят из других стран?

— Да, частенько. Только что я говорил с Японией.

— Вы не заметили, что человек, с которым вы говорили, время от времени как будто запинался?

— Да, пожалуй. Был такой момент, когда лицо у него словно застыло.

— Это потому, что лингвофон работает в реальном времени. Иногда невозможно мгновенно перевести какое-нибудь слово, потому что нельзя сказать, что оно означает, пока не увидишь следующего слова — ну, например, «кот» и «код». То же самое и с прилагательными — например «бедный» может означать или «несчастный», или «небогатый». Иногда приходится дожидаться конца фразы или даже того, что за ней последует. Поэтому лингвофон, который воспроизводит мимику, иногда вынужден ждать окончания фразы, прежде чем перевести японские слова на английский и изменить изображение, чтобы движения губ соответствовали английским словам. Программа перевода работает невероятно быстро, но все же иногда приходится останавливать изображение, пока она не проанализирует звуки и порядок слов в поступающем сигнале и не выдаст английского перевода. Только после этого воксфакс может начать распечатку переведенного разговора. Обычный факс просто выдает копию того, что вложено в аппарат на другом конце линии. Он принимает электронные сигналы от того факса и в точности повторяет оригинал. Но ваш воксфакс — совсем другое дело. Его нельзя назвать разумным, но он пользуется аналитической программой, слушая перевод или английские слова, которые произносит ваш собеседник. Он анализирует каждое слово, сравнивает со словами, заложенными в его память, и устанавливает, какому из них оно соответствует. А потом печатает это слово.

— Ну, это как будто несложно.

Брайан рассмеялся:

— Это одна из самых сложных задач, решению которых нам удалось научить компьютеры. Система должна выделять каждый элемент японской речи и сравнивать его с введенной в нее информацией о том, как употребляется каждое английское слово, фраза или выражение. Понадобились тысячи человеко-часов программирования, чтобы воспроизвести то, что наш мозг делает мгновенно. Когда я говорю «хорошо», вы мгновенно понимаете, что я хочу сказать, верно?

— Конечно.

— А вы знаете, каким образом вам это удается?

— Да нет, просто понимаю, и все тут.

— Вот это «и все тут» и есть первая проблема, с которой пришлось столкнуться на пути к искусственному интеллекту. Теперь смотрите, что делает компьютер, когда слышит слово «хорошо». Не забудьте, что существуют местные говоры и акценты. Это слово можно произнести «харашо», или «храшо», или как угодно еще. Компьютер разбивает слово на отдельные фонемы, или звуки, потом смотрит, какие еще слова вы перед этим сказали. Он сравнивает их со звуками, взаимосвязями и значениями, заложенными в его память, потом с помощью специальных схем проверяет, годится ли тот вариант, который первым пришел ему в голову, и если не годится, то начинает все сначала. Правильные решения он запоминает и возвращается к ним, когда возникают новые проблемы. К счастью, он работает очень-очень быстро. Прежде чем напечатать «хорошо», ему может понадобиться проделать миллиарды арифметических действий.

— Это все мне пока понятно. Но я не понимаю, какое отношение имеет мой воксфакс к экспертным системам. Ведь он как будто ничем не отличается от текстового редактора.

— Нет, отличается — и вы попали как раз в самую точку. Когда я ввожу в обычный текстовый редактор буквы «Х-О-Р-О-Ш-О», он просто записывает их у себя в памяти. Он может передвигать их из строчки в строчку, растягивать, чтобы выровнять край текста, или распечатать, если получит такую команду, — но он, по существу, постоянно следует жестким инструкциям. А ваши лингвофон и воксфакс сами себя обучают. Стоит им сделать ошибку, как они ее исправляют, пробуют новый вариант и при этом запоминают, что сделали. Это первый шаг в нужном направлении — самокорректирующаяся обучаемая программа.

— Значит, это и есть твой новый искусственный интеллект?

— Нет, это только маленький шаг, который был сделан несколько лет назад. Чтобы создать настоящий искусственный интеллект, нужно совсем другое.

— Что же?

Брайан улыбнулся:

— Это не так просто объяснить, но я покажу вам, что сделал. Моя лаборатория вон там, подальше.

Он провел их в соседнюю лабораторию. Бэкуорт не увидел ничего особенного — все те же компьютеры и терминалы. Уже не в первый раз он порадовался, что занимается только коммерческой стороной деятельности компании. Многие установки были включены и работали без всякого присмотра. Когда они проходили мимо стола, на котором стоял большой телеэкран, Бэкуорт застыл на месте.

— Боже! Это что — объемное телевидение?

— Да, — сказал Мак-Крори, недовольно поворачиваясь спиной к экрану. — Только я не советовал бы вам долго разглядывать картинку.

— Почему? Это же перевернет вверх ногами весь телевизионный бизнес, выведет нас на первое место в мире...

Он потер рукой лоб: кажется, начиналась головная боль, что случалось с ним очень редко.

— Да, если бы оно работало идеально, так бы и случилось. На первый взгляд оно и работает замечательно. Только стоит посмотреть его одну-две минуты, как начинает болеть голова. Впрочем, мы надеемся устранить это в следующей модели.

Джей-Джей отвернулся и вздохнул:

— Как там раньше говорили — придется начинать от печки?

Но если вы сумеете его усовершенствовать, мы овладеем всем миром!

Джей-Джей покачал головой и снова повернулся к Брайану.

— Надеюсь, то, что ты собираешься нам показать, работает лучше?

— Да, сэр. Я хочу показать вам робота, в котором устранены все недостатки прежних систем искусственного интеллекта.

— Это тот самый, который может научиться новым способам обучаться?

— Именно так. Вон он стоит. Робин-1 — робот, наделенный интеллектом, номер первый.

Джей-Джей взглянул в ту сторону, куда показывал Брайан, и постарался скрыть разочарование.

— Где?

Он видел только рабочий стол, уставленный аппаратурой, и монитор с большим экраном. Стол ничем особенным не отличался от других столов, стоявших в лаборатории. Брайан указал на стойку с электронными приборами размером со шкаф.

— Там находится большая часть управляющих схем и памяти Робина-1. Они обмениваются сигналами в инфракрасном диапазоне с механическим исполнительным устройством — вон тем телеуправляемым роботом.

Ничего подобного Джей-Джей еще не видел. На полу стояло что-то вроде дерева, перевернутого вверх корнями, ростом не выше пояса. Сверху торчали две руки, которые заканчивались металлическими шарами. Две нижние ветви разветвлялись и разветвлялись снова и снова, становясь на конце не толще спагетти. Однако особенно большого впечатления на Джей-Джея это не произвело.

— Две металлические палки с парой веников вместо ног. Не понимаю.

— Это не веники. Перед вами последнее достижение микротехнологии. Здесь преодолены почти все механические ограничения, свойственные прежним поколениям роботов. Каждая ветвь — это манипулятор с обратной связью, который позволяет управляющей программе принимать сигнал и...

— А что он может делать? — сердито спросил Джей-Джей. — У меня очень мало времени.

Брайан стиснул кулаки, так что у него даже побелели костяшки пальцев, и постарался сдержать раздражение.

— Прежде всего он умеет говорить.

— Давай послушаем. — И Джей-Джей демонстративно взглянул на часы.

— Робин, кто я? — спросил Брайан.

На поверхности обоих металлических шаров открылось по отверстию, которые до этого были закрыты диафрагмами. Послышалось гудение моторчиков, и шары повернулись к Брайану. Потом диафрагмы снова закрылись.

— Ты Брайан, — послышался жужжащий голос из динамиков, установленных в тех же шарах. У Джей-Джея сердито раздулись ноздри.

— А кто я? — спросил он. Ответа не было.

— Он отвечает только тогда, когда его называют по имени — Робин, — поспешно пояснил Брайан. — К тому же он вряд ли воспримет ваш голос, ведь до сих пор с ним разговаривал только я. Дайте я попробую. Робин, кто это? Человек, который стоит рядом со мной?

Диафрагмы раскрылись, шары повернулись. Послышался слабый шорох — бесчисленные металлические щетинки зашевелились, и машина двинулась в сторону Бэкуорта. Тот отступил на шаг назад, робот последовал за ним.

— Можно не двигаться и бояться нечего, — сказал Брайан. — У оптических рецепторов, которые сейчас на нем стоят, короткое фокусное расстояние. Вот видите — он остановился.

— Объект незнаком. С вероятностью девяносто семь процентов это человек. Фамилия?

— Верно. Фамилия — Бэкуорт. Инициалы — Дж.-Дж.

— Дж.-Дж. Бэкуорт, возраст шестьдесят два года. Группа крови — нулевая. Карточка социального страхования номер 130-18-4523. Место рождения — Чикаго, штат Иллинойс. Женат. Двое детей. Родители...

— Робин, остановись, — приказал Брайан, и жужжащий голос оборвался, а диафрагмы закрылись. — Простите, сэр. Но я тут занимался кое-какими экспериментами по идентификации людей и получил доступ к личным делам в отделе кадров.

— Все это игрушки. И я не вижу в этом большого смысла. Что еще может делать эта штука? Она может двигаться?

— Во многих отношениях лучше, чем мы с вами, — ответил Брайан. — Робин, лови!

Он взял со стола коробку со скрепками, высыпал их на ладонь и швырнул в робота. Все части машины мгновенно пришли в такое быстрое движение, что зарябило в глазах. Тонкие щупальца, плавно развернувшись, превратились в сотни крючочков, похожих на изогнутые когти. Они протянулись в разные стороны, поймали одновременно все до единой скрепки и сложили их в аккуратную кучку.

Это Джей-Джею понравилось.

— Хорошо. Думаю, что это может найти коммерческое применение. Но что там насчет его интеллекта? Он думает лучше, чем мы? Может решать задачи, которые мы решить не можем?

— И да и нет. Он совсем новый и еще мало чему научился. Обучить роботов опознавать предметы и обращаться с ними пытались почти пятьдесят лет, и только теперь мы имеем машину, которая способна этому обучиться. Прежде всего надо было вообще научить ее думать. А теперь она очень быстро совершенствуется. Больше того, мне кажется, что ее способность к самообучению растет экспоненциально. Дайте я вам покажу.

Джей-Джей бросил на него заинтересованный, но недоверчивый взгляд и хотел что-то сказать, но тут громко, требовательно зазвонил телефон.

— Красный телефон! — вздрогнув, сказал Мак-Крори.

— Я буду говорить, — отозвался Бэкуорт, взял трубку и услышал незнакомый голос:

— Мистер Бэкуорт, случилось кое-что непредвиденное. Вы должны немедленно прийти сюда.

— В чем дело?

— Эта линия не защищена от подслушивания.

Джей-Джей положил трубку и с досадой нахмурился:

— Там что-то случилось, не знаю что. Вы оба ждите здесь. Я постараюсь разобраться как можно скорее. Если окажется, что мне придется задержаться, я позвоню.

Его шаги замерли в коридоре. Брайан сердито молчал, не сводя глаз со стоявшего перед ним робота.

— Он ничего не понял, — сказал Мак-Крори. — Он слишком мало знает, чтобы понять, как важно то, что ты сделал.

Его прервал какой-то странный звук, похожий на кашель. Звук повторился трижды, потом послышался громкий стон и грохот аппаратуры, падающей на пол.

— Что там такое? — воскликнул Мак-Крори, повернулся и сделал шаг в сторону двери, которая вела в соседнюю лабораторию. Снова раздался звук, похожий на кашель, и Мак-Крори вдруг повернулся вокруг своей оси. Лицо его превратилось в залитую кровью маску. Он зашатался и упал.

Брайан пустился бежать. Он ни о чем не думал, не рассуждал — он хотел только скрыться, спрятаться куда-нибудь, как

привык за многие годы издевательств и преследований, которые терпел от мальчишек постарше. Он выбежал в дверь за мгновение до того, как пуля ударилась в косяк как раз на уровне его головы.

Прямо перед ним оказался большой сейф для хранения пленок с запасными копиями всех расчетов. Их складывали туда каждый вечер. Сейчас сейф был пуст. Пуленепробиваемый, несгораемый, герметически закрывающийся сейф. Чулан, где мальчик может укрыться от преследования, темное место, где он может найти убежище. Брайан распахнул дверцу сейфа, и в этот момент слепящая боль разорвала ему спину и швырнула его вперед, развернув в воздухе. От того, что он увидел, у него перехватило дыхание. Он поднял руку, пытаясь прикрыть голову, потянул к себе ручку сейфа и начал падать на спину. Но пуля догнала его. Выпущенная в упор, она пробила ему руку, а потом голову. Дверца сейфа захлопнулась.

— Вынь его оттуда! — выкрикнул чей-то хриплый голос.

— Замок защелкнулся. Но он готов, я видел, как пуля попала ему в голову.

Рохарт только что поставил автомобиль к обочине у своего дома, вылез и собрался закрыть дверцу, как в машине загудел телефон. Он взял трубку и нажал кнопку. В трубке послышался чей-то голос, но Рохарт не смог расслышать ни единого слова — все заглушил рев вертолета. Он удивленно поднял голову и зажмурился от яркого света прожектора. Вертолет садился прямо на его газон. Когда пилот сбросил обороты, Рохарт смог разобрать кое-что из того, что неслось из трубки:

— Немедленно... Невероятно... Катастрофа...

— Я не слышу — тут только что сел какой-то чертов вертолет и покорежил мне весь газон!

— Это за вами! Садитесь, летите сюда немедленно!

Прожектор погас, и Рохарт увидел на борту вертолета черно-белую полицейскую эмблему. Дверца распахнулась, кто-то махнул ему рукой, приглашая садиться. Рохарт никогда не отличался тугодумием или замедленной реакцией, иначе он не стал бы директором-распорядителем компании «Мегалоуб». Он швырнул телефонную трубку в машину, подбежал к вертолету, шагнул на ступеньку трапа, споткнулся, и несколько сильных рук втащили его в кабину. Дверца еще не успела захлопнуться, как они уже были в воздухе.

— Что за дьявольщина?

— Не знаю, — сказал полицейский, помогая ему пристегнуться. — Я знаю только одно: у вас там все вверх ногами. Тревога объявлена на территории трех штатов, вызваны агенты ФБР. Сейчас туда направляются все свободные патрули и вертолеты.

— А что там случилось — взрыв, пожар?

— Никаких подробностей. Мы с пилотом патрулировали над шоссе номер восемь около Пайн-Велли, когда пришел приказ забрать вас и доставить в «Мегалоуб».

— А вы не можете позвонить и выяснить, что произошло?

— Нет. Все линии заняты. Но мы сейчас будем там, вон уже огни видны. Через шестьдесят секунд будете на земле.

Пока они шли на посадку, Рохарт всматривался в контуры зданий, пытаясь разглядеть разрушения, но ничего не заметил. Зато на территории, обычно почти безлюдной, люди кишели, как муравьи. Повсюду виднелись полицейские автомобили и вертолеты, другие вертолеты кружили над головой с зажженными прожекторами, освещавшими все как днем. Около главного лабораторного корпуса стояла пожарная машина, но пламени нигде видно не было. Рядом с посадочной площадкой ждала кучка людей; как только вертолет коснулся земли, Рохарт распахнул дверцу, прыгнул вниз и, пригнувшись, побежал к ним. Вихрь от вращающегося винта трепал его одежду.

Часть поджидавших его была в полицейской форме, часть в штатском, но с полицейскими значками на груди. Только одного из них он узнал — это был Джизус Кордоба, ночной дежурный.

— Это невероятно, непостижимо! — крикнул ему Кордоба, стараясь перекричать удаляющийся рев вертолета.

— Что там такое?

— Сейчас покажу. Никто пока еще не знает, что на самом деле случилось и каким образом. Сейчас покажу.

Следующее потрясение Рохарт испытал, когда они бегом поднимались по лестнице лабораторного корпуса. Свет нигде не горел, телекамеры охраны не работали, двери, которые должны были быть опечатаны, стояли открытые настежь. Полицейский с ручным аккумуляторным фонарем махнул рукой вперед и повел их по коридору.

— Все так и было, когда мы тут появились, — сказал Кордоба. — Пока здесь ничего не трогали. Я... я просто не могу понять, как это могло случиться. Все было тихо и спокойно, ничего необычного — во всяком случае, с центрального поста я ничего не заметил. Доклады с постов поступали вовремя. Я следил за лабораторным корпусом, потому что знал, что там задержались посе-

тители: мистер Бэкуорт, кто-то еще. Вот и все — ничего необычного. А потом началось.

По лицу Кордобы стекали капли пота. Он утирал их рукавом, сам того не замечая.

— Все случилось сразу. Похоже, что все сигналы тревоги сработали одновременно. Охранники куда-то делись, и собаки тоже. Сигналы шли не отовсюду — только с ограды и из лабораторного корпуса. Только что все было тихо — а через секунду началось. Не понимаю.

— Ты говорил с Беникофом?

— Он позвонил мне, когда узнал о тревоге. Сейчас он в самолете, летит сюда из Вашингтона.

Рохарт быстро шел по коридору, через двери, которым полагалось быть запертыми.

— Вот так это и выглядело, когда мы сюда вошли, — сказал один из полицейских. — Света не было, все двери открыты, внутри никого. Видимо, кое-что тут поломано. А тут как будто еще больше — и компьютеры, кажется, тоже: очень много кабелей болтается. И похоже, что отсюда тащили какие-то тяжести — довольно много и в большой спешке.

Директор-распорядитель окинул взглядом почти пустую комнату и вспомнил, как она выглядела, когда он был здесь в последний раз.

— Брайан Дилени! Это его лаборатория. Его оборудование, аппаратура — все исчезло! Скорее, где у вас радио? Пошлите несколько полицейских к нему домой. Только смотрите, чтобы были как следует вооружены, и пусть держат ухо востро. Те, кто это сделал, побывают и там.

— Сержант! Сюда! — крикнул один из полицейских. — Я кое-что нашел! Вот, — сказал он, указывая на пол. — Свежая кровь на кафеле, у самой двери.

— И на ручке тоже, — добавил сержант и повернулся к Рохарту: — А что это такое? Какой-то сейф?

— Вроде того. Здесь хранятся копии записей. — Рохарт вынул бумажник. — У меня здесь записан шифр.

Трясущимися пальцами он набрал комбинацию цифр, повернул ручки, потянул на себя, и дверца распахнулась. Из сейфа выпало окровавленное тело Брайана и осело на пол у его ног.

— Врачей сюда! — заревел сержант, приложив пальцы к залитой кровью шее, чтобы проверить, есть ли пульс, и стараясь не смотреть на размозженный череп.

— Не могу понять... Да! Он еще жив! Где «Скорая»?

Рохарт отступил в сторону, чтобы пропустить врачей, и, удивленно моргая, смотрел, как на первый взгляд суетливо, толкаясь и покрикивая друг на друга, но четко и организованно они работают. Перед глазами у него мелькали капельницы, наборы инструментов для экстренной помощи, что-то еще. Он молча ждал, пока Брайана не унесли бегом в стоящую наготове машину. Врач принялся укладывать инструменты в сумку.

— Он будет... Вы можете что-нибудь мне сказать?

Врач мрачно мотнул головой, защелкнул сумку и поднялся на ноги.

— Он едва-едва жив. Пулевое ранение в спину, рикошет от ребер, ничего серьезного. А вот вторая пуля... Она прошла навылет через руку, а потом... В общем, обширные повреждения мозга, сотрясение, костные осколки в мозговой ткани. Я мог сделать только одно — ввел внутривенно паравин. Он уменьшает повреждения при мозговых травмах — снижает уровень обменных процессов в мозговой ткани, чтобы клетки не так быстро погибали от кислородного голодания. Если он и выживет, то, вполне возможно, никогда больше не придет в сознание. Ничего, кроме этого, пока еще сказать невозможно. Его доставят вертолетом в Сан-Диего, в больницу.

— Я ищу мистера Рохарта, — сказал вошедший полицейский.

— Я здесь.

— Мне велено передать вам, что ваша догадка подтвердилась. Только слишком поздно. Это я о доме, про который вы говорили. Где живет мистер Дилени. Дом полностью обчистили пару часов назад. На месте видели мебельный фургон. Сейчас мы пытаемся его выследить. Следователь просил передать вам, что забрали все компьютеры, бумаги и записи.

— Спасибо. Спасибо, что сказали.

Рохарт стиснул зубы, почувствовав, что голос его дрожит. Кордоба все еще стоял рядом и слушал.

— Дилени занимался искусственным интеллектом, — сказал он.

— Да, проектом «ИИ». И он решил проблему — все было у нас в кармане. Машина почти с такими же возможностями, как и человек.

— А теперь?

— Теперь она в кармане у кого-то другого. У каких-то безжалостных людей. Хитрых и безжалостных. Это надо же — придумать такой план и суметь его осуществить! Теперь все попало к ним.

— Но их найдут. Не может быть, чтобы это сошло им с рук.

— Вполне может быть. Они сделают так, чтобы публика ничего не знала о краже. Они не собираются завтра же объявить, что располагают искусственным интеллектом. Рано или поздно это произойдет, но не сразу. Не забудьте, что искусственным интеллектом занимаются многие исследователи. Вот увидите, в один прекрасный день это случится, вполне закономерно и логично, и никак не будет связано с тем, что произошло здесь сегодня, так что ничего нельзя будет доказать. Просто у какой-нибудь компании появится искусственный интеллект. И это так же верно, как то, что это будет не «Мегалоуб». А что до Брайана, то все будут знать только то, что он умер и его работа умерла вместе с ним.

Страшная мысль пришла в голову Кордобе.

— А почему это должна быть просто какая-то другая компания? Кто еще интересуется искусственным интеллектом?

— Кто еще? Да всего-навсего полмира. Разве японцы не хотели бы заполучить настоящий, действующий искусственный интеллект? А немцы, иранцы — да все, кто угодно?

— А русские? Или кто-нибудь еще, кто не прочь побряцать оружием? Я вряд ли приду в восторг при виде наступающей танковой армии, которой управляет механический интеллект, не знающий ни страха, ни усталости, ни потребности в сне. Или услышу о торпедах и минах с глазами и мозгом, которые плавают себе в океане, пока поблизости не появятся наши суда.

Рохарт покачал головой:

— В наши дни об этом тревожиться уже не приходится. Танки и торпеды сейчас никто всерьез не принимает. Производительность труда — вот как называется игра, в которую мы все играем. Страна, которая располагает искусственным интеллектом, обгонит нас, как спринтер обгоняет стоящего на месте, и превратит в нищих. — Он грустно окинул взглядом разоренную лабораторию. — Кто бы они ни были, теперь у них это есть.

Глава 2

9 февраля 2023 года

Реактивный пассажирский самолет летел на высоте 14 000 метров, намного выше громоздившихся внизу кучевых облаков. Даже на этой высоте на его пути время от времени попадались участки с повышенной турбулентностью — напоминание о буре, которая бушевала под облаками. В салоне находился всего один

пассажир — мужчина плотного сложения, лет под пятьдесят, целиком погруженный в какие-то бумаги.

На секунду Беникоф оторвался от работы, чтобы прихлебнуть пива. Он увидел, что на его факсе мигает красная лампочка: все новые и новые сообщения шли по телефонному каналу и записывались в память аппарата. Он вызвал их на экран и просматривал одно за другим, пока не смог ясно — слишком ясно! — представить себе подлинные масштабы катастрофы в лабораториях компании «Мегалоуб». Лампочка продолжала мигать — сообщения шли и шли, но теперь они его уже больше не интересовали. Это была какая-то жуткая, невероятная фантастика — и он ничего не мог сделать, пока не прибудет в Калифорнию. Поэтому он решил вздремнуть.

Любой другой на его месте лишился бы сна на всю ночь и сидел бы, изнывая от тревоги и перебирая в уме возможные варианты действий. Но Альфред Дж. Беникоф был не из таких. Он всегда отличался невероятной практичностью. Тревожиться сейчас — значит попусту терять время. Больше того, нельзя упускать возможность выспаться: там, на месте, времени на это может не остаться. Он поправил подушку под головой, опустил спинку кресла, прикрыл глаза и сразу же заснул. На его загорелом лице появилось выражение спокойствия, нахмуренный лоб разгладился — теперь он выглядел даже моложе своих пятидесяти: высокий, крепкий человек с едва намечающейся полнотой, от которой не помогала никакая диета. В студенческие годы, в Йельском университете, он играл в футбол, в нападении, и с тех пор умудрился сохранить форму. Он был как будто создан для своей работы, при которой часто приходилось не высыпаться.

Официально должность Беникофа называлась «помощник специального уполномоченного АНОП», однако это был скорее почетный титул, лишенный реального смысла, — в сущности, лишь прикрытие для его подлинной деятельности. На самом деле он был главным специалистом по расследованию всевозможных деликатных историй в области науки и подчинялся непосредственно президенту США.

Беникофа привлекали к делу, когда с какой-нибудь исследовательской программой начинались нелады. Чтобы всегда быть готовым к самому худшему, он старался по возможности держаться в курсе всех разработок, какие только шли в стране. В «Мегалоуб» он наведывался так часто, как только мог: столь обширны и разнообразны были исследования, которые там велись. Однако это был отчасти только повод для его визитов.

Больше всего его интересовали работы Брайана — он близко познакомился с молодым ученым, который ему очень нравился. Вот почему его так потряс этот налет.

Он проснулся от воя выпускаемого шасси. Только начинало светать, и восходящее солнце бросало красные полосы света сквозь иллюминаторы, когда они заходили на посадку в аэропорту компании «Мегалоуб». Беникоф поспешно вызвал на экран и просмотрел сообщения, которые пришли, пока он спал. Некоторые из них содержали уточнения предыдущих, но никакой действительно новой информации не было.

У трапа его встретил Рохарт, изможденный и небритый: этой ночью ему крепко досталось. Беникоф с улыбкой пожал ему руку:

— Ну и вид у тебя, Кайл.

— А самочувствие еще хуже. Ты же знаешь, что у нас нет ни одной ниточки, что все материалы по проекту «ИИ» исчезли, что...

— А как Брайан?

— Жив — больше мне ничего не известно. Как только состояние стабилизировалось и его подключили к аппаратуре реанимации, медицинский вертолет доставил его в Сан-Диего. Операция шла всю ночь.

— Пойдем выпьем кофе, и ты мне все расскажешь.

Они прошли в столовую для руководящего персонала и налили себе черного мексиканского кофе.

Рохарт сделал большой глоток и продолжал:

— В больнице пришли в ужас, когда увидели, какие обширные у него повреждения. Они даже послали вертолет за главным хирургом — каким-то Снэрсбруком.

— Это доктор Эрин Снэрсбрук. В последний раз, когда мы виделись, она работала в институте Скриппса, в Ла-Хойе. Ты не сможешь передать ей, чтобы она связалась со мной, когда кончится операция?

Рохарт вынул из кармана радиофон и дал поручение своей секретарше.

— Боюсь, что я о ней никогда не слыхал.

— А надо бы. Она лауреат премии Ласкера по медицине в области нейрофизиологии и, вполне возможно, лучший нейрохирург в стране. А если ты поднимешь архивы, то увидишь, что Брайан одно время работал вместе с ней по своей тематике. Я не знаю подробностей, но только что увидел это в последнем докладе, который ко мне поступил.

— Если она такой хороший хирург, то, может быть...

— Если кто-нибудь и способен спасти Брайана, так это она. По крайней мере, я очень на это надеюсь. Брайан — очевидец всего, что здесь случилось. Если он выживет, если придет в себя, он может оказаться единственной нашей путеводной нитью. Потому что до сих пор нет ни малейшего намека на то, как был устроен этот невероятный налет.

— Мы знаем часть того, что произошло. Я не хотел передавать тебе подробности по факсу, линия для этого недостаточно защищена. — Рохарт протянул ему фотографию. — Вот кое-какие остатки — вероятно, это был компьютер. Сожжен термитом.

— Где это нашли?

— Было закопано в землю позади корпуса охраны. Инженеры говорят, что компьютер был подключен к системе тревожной сигнализации. Нет никакого сомнения, что это устройство было запрограммировано на то, чтобы сообщать на центральный пост охраны ложную информацию.

Беникоф мрачно кивнул:

— Чистая работа. Операторы на центральном посту знают только то, что показывают их экраны и циферблаты. Снаружи может наступить конец света, но, пока на экране видны луна и звезды, а по звуковому каналу транслируется лай койотов, дежурный ничего не узнает. Но как же патрули, собаки?

— Ни малейшего намека. Исчезли.

— Как и все оборудование вместе с людьми — кроме Брайана, который остался в лаборатории? Тут у вас были грубо нарушены все правила безопасности. В этом мы тоже еще разберемся, но не сейчас. Конюшня настежь, а ваш ИИ увели...

Зажужжал телефон, и он взял трубку.

— Беникоф слушает. Говорите. — Некоторое время он молча слушал. — Ладно. Перезванивайте туда каждые двадцать минут или около того. Нужно, чтобы она обязательно переговорила со мной прежде, чем оттуда уедет. Это неотложное дело. — Он сунул аппарат в карман. — Доктор Снэрсбрук все еще в операционной. Я хочу, чтобы ты сейчас провел меня в лабораторию. Мне надо увидеть все своими глазами. Но сначала расскажи об этой скупке акций в Японии. Какое отношение она имеет к похищению?

— Время совпадает. Скупка могла быть устроена для того, чтобы задержать Джей-Джея у себя до тех пор, пока лаборатории не закроются на ночь.

— Мало вероятно, но я проверю. Идем туда. Но прежде всего я хочу точно выяснить, кто сейчас тут главный.

Рохарт удивленно поднял брови:

— Боюсь, я не понимаю...

— А ты подумай. Ваш председатель, ваш ведущий ученый и ваш начальник службы безопасности исчезли. Либо перешли на сторону противника — кто бы он ни был, — либо их нет в живых.

— Уж не думаешь ли ты...

— Думаю, да и тебе советую подумать. Ваша компания и все ее исследовательские разработки серьезно скомпрометированы. Мы знаем, что похищен искусственный интеллект — а что еще? Я намерен предпринять тщательную проверку всех секретных дел и бумаг. Но прежде я хочу снова задать вопрос — кто сейчас у вас главный?

— Боюсь, что мне спихнуть не на кого, — ответил Рохарт без малейшего удовольствия. — Как директор-распорядитель, я, видимо, остался старшим по должности.

— Верно. Так вот, считаешь ли ты, что способен обеспечить продолжение деятельности компании, в одиночку заниматься всеми делами и в то же время вести тщательное расследование, какое здесь необходимо?

Прежде чем ответить, Рохарт прихлебнул кофе и вгляделся в лицо Беникофа, пытаясь понять, куда тот клонит, но прочитать на нем ничего не смог.

— Ты хочешь, чтобы я сам это сказал, да? Что я могу обеспечить работу «Мегалоуб», но у меня нет опыта в таких расследованиях, какое здесь нужно, и оно мне не по зубам?

— Я не хочу, чтобы ты сказал что-нибудь такое, чего сам не думаешь. — Голос Беникофа был ровен и бесстрастен. Рохарт угрюмо усмехнулся:

— Вас понял. Ты, конечно, сукин сын, но ты прав. Ты согласен взять расследование на себя? Считай, что это официальная просьба.

— Хорошо. Я просто хотел, чтобы была полная ясность, кто чем занимается.

— Значит, берешься — договорились? Тогда что мне теперь делать?

— Руководить компанией. И точка. А я займусь всем остальным.

Рохарт тяжело вздохнул и откинулся на спинку стула.

— Я рад, что ты здесь. Нет, правда.

— Ладно. Теперь пошли в лабораторию.

Дверь в лабораторный корпус теперь была закрыта, и ее охранял рослый, угрюмый человек. На нем был пиджак, хотя утро выдалось теплое и сухое.

— Документы, — произнес он, неподвижно стоя перед дверью. Бегло взглянув на удостоверение Рохарта, он подозрительно уставился на Беникофа, когда тот полез в карман за своим. Увидев голографическую фотографию и прочитав, кто такой Беникоф, он неохотно буркнул:

— Проходите, сэр. Вторая дверь по коридору. Он ждет вас. Одного.

— Кто?

— Это все, что я уполномочен вам сообщить, сэр, — невозмутимо ответил охранник.

— Да я тебе и не нужен, — сказал Рохарт. — А у меня прорва дел в конторе.

— Хорошо.

Беникоф быстро прошел к указанной двери, постучал, потом открыл ее и вошел.

— Имен не называть, пока дверь открыта. Заходите и закройте за собой дверь, — сказал человек, сидевший за столом.

Беникоф повиновался, потом снова повернулся к столу и с трудом преодолел невольное желание вытянуться по стойке «смирно».

— Мне никто не говорил, что вы собираетесь сюда, генерал Шоркт.

Если у Шоркта и было какое-нибудь имя, его никто не знал. Очень может быть, что и окрестили-то его тоже Генералом.

— Вам необязательно было это знать, Беникоф. Все правильно.

Беникофу уже приходилось работать с генералом, и он знал, что это человек жесткий, неприятный — но энергичный и деловой. Лицо у него было морщинистое, как морда старой морской черепахи, да и лет ему было, вероятно, не меньше. Когда-то в далеком, туманном прошлом он служил офицером в кавалерии и лишился в бою правой руки. Говорили, что это случилось в Корее, хотя кое-кто называл и сражение на Марне или битву под Геттисбергом[1]. Когда Беникоф с ним познакомился, он уже работал в военной разведке на какой-то очень высокой и очень секретной должности. У него было множество подчиненных, а сам он не подчинялся никому.

— Вы будете докладывать мне раз в день. Если появится что-то

[1] Сражение на Марне между англо-французскими и германскими войсками произошло в 1914 г., битва при Геттисберге между армиями Севера и Юга — во время Гражданской войны в США, в 1863 г. — *Здесь и далее прим. пер.*

важное, то чаще. Мой прямой телефон вы знаете. А все данные вводите в компьютер. Понятно?

— Понятно. Вы уже знаете, что тут дело скверное?

— Знаю, Бен. — Генерал позволил себе на секунду расслабиться и стал почти похож на человека. На очень усталого человека. Потом на лице у него снова появилось официальное выражение. — Можете идти.

— Могу я спросить, в каком качестве вы принимаете участие в этой истории?

— Нет. — Генералу ничего не стоило восстановить против себя кого угодно. — Сейчас же явитесь к агенту Дэйву Мэньясу. Он руководит группой расследования из ФБР.

— Хорошо. Я сообщу вам, что они обнаружили.

Мэньяс лихорадочно барабанил по клавиатуре своего портативного компьютера. Он сидел без пиджака и, хотя кондиционер поддерживал в комнате приятную прохладу, был весь в поту: его постоянно сжигал какой-то внутренний огонь. Когда вошел Беникоф, он поднял голову, вытер руку о штанину и обменялся с ним крепким рукопожатием.

— Рад, что вы здесь. Мне велели подождать с докладом, пока вы не появитесь.

— Что вы выяснили?

— Это предварительный доклад, учтите. Только то, что мы знаем на данный момент. Сведения еще поступают. — Беникоф кивнул, и агент нажал клавишу. — Начнем с этой комнаты. Мы все еще изучаем отпечатки пальцев, которые тут нашли. Но девяносто девять шансов из ста, что никаких посторонних отпечатков тут не окажется. Только здешние служащие. Профессионалы всегда работают в перчатках. Теперь смотрите. Множество царапин и вмятин на линолеуме. Следы от ручной тележки. По документам можно приблизительно прикинуть, что отсюда вывезено. Не меньше полутора тонн оборудования. Чтобы перетаскать это за час, должно было понадобиться пять-шесть человек.

— Откуда вы взяли эту цифру — час?

— Из документов. Входную дверь отперли Тотт и Бэкуорт. С помощью личных шифров. С этого момента до того, как все полетело вверх тормашками, прошел один час двенадцать минут и одиннадцать секунд. Пошли наружу.

Мэньяс вывел Беникофа к парадному входу и указал на черные отметины на белой бетонной мостовой.

— Следы от покрышек. Грузовик. Видите, вон там он немного заехал на траву и оставил отпечаток протектора.

— Идентифицировали машину?

— Нет. Но мы над этим работаем. А самописец у въезда на территорию показывает, что ворота были дважды открыты и закрыты.

Беникоф огляделся вокруг.

— Дайте-ка я попробую подытожить все, что мы знаем. Сразу после того, как в корпус вошли посетители, сигнализация была отключена больше чем на час. Охранники на центральном посту оказались слепыми и глухими — они видели только то, что им показывали, и слушали магнитофонную запись. Все это время охрана вообще не функционировала — значит, можно считать, что все охранники участвовали в операции. Или были убиты.

— Согласен.

Компьютер загудел, и Мэньяс взглянул на экран.

— Только что идентифицирована капля крови, найденная в трещине пола. Лаборатория срочно проделала анализ ДНК и получила надежный результат. Джей-Джей Бэкуорт.

— Мы с ним были хорошими приятелями, — тихо произнес Беникоф после секундной паузы. — Ну, давайте искать тех, кто его убил. Тех, кого, как мы теперь знаем, впустили в этот корпус один или несколько сообщников, которые находились внутри. Они вошли в лабораторию и, судя по состоянию Брайана, расстреляли всех, кто там был, а потом вывезли все, что имело отношение к проекту «ИИ». Погрузили на грузовик и уехали. Куда?

— Никуда. — Мэньяс утер потное лицо мокрым насквозь платком и быстро описал пальцем в воздухе круг. — После наступления темноты здесь, кроме охранников, обычно никого не бывает. Территорию со всех сторон окружает голая пустыня — ни жилья, ни ферм поблизости нет. Значит, нет и очевидцев. Из этой долины ведут только четыре дороги. Все они были перекрыты полицией, как только началась тревога. Ничего. По ту сторону оцепления патрулировали вертолеты. Задержали множество туристов и грузовиков с фруктами. Больше никого. Как только рассвело, мы начали прочесывать местность в радиусе полутораста километров. Пока никаких результатов.

Беникоф оставался спокоен, но в голосе его прозвучали сердитые ноты:

— Вы хотите сказать, что большой грузовик с тяжелым грузом и не меньше чем пятью пассажирами вот так взял и исчез? В безлюдной долине, которая одним концом упирается в пустыню, а другим поднимается в горы так круто, что на перевал надо ползти на первой передаче?

— Именно так, сэр. Если узнаем что-нибудь еще, сообщим вам первому.

— Буду очень благодарен.

Радиотелефон на поясе у Беникофа зажужжал, он отцепил его и поднес к губам.

— Это Беникоф. Говорите.

— Вам звонила доктор Снэрсбрук, сэр...

— Соедините меня с ней.

— Простите, сэр, но она повесила трубку. Просила передать, чтобы вы увиделись с ней как можно скорее в больнице Сан-Диего.

Беникоф снова повесил телефон на пояс и оглянулся на лабораторный корпус.

— Мне нужны фотокопии всего, что вы обнаружите, — повторяю, всего. Сообщайте мне свои выводы, но я хочу видеть и все вещественные доказательства.

— Будет сделано, сэр.

— Как быстрее всего попасть в больницу Сан-Диего?

— Полицейским вертолетом. Я сейчас вызову.

Вертолет уже ждал на посадочной площадке, когда подошел Беникоф, и взлетел, как только он пристегнулся.

— Сколько лететь до Сан-Диего? — спросил он.

— Минут пятнадцать.

— Сделайте круг над Боррего-Спрингс, прежде чем ложиться на курс. Покажите мне дороги, которые отсюда ведут.

— Проще простого. Вон там прямо на восток вдоль долины, через каменные россыпи, идет дорога на Солтон-Си[1] и Броули. Вон в той стороне, на севере, по предгорьям проходит магистральное шоссе на Солтон-Си, оно тоже идет на восток. До Солтон-Си отсюда шестьдесят пять километров. Потом шоссе номер пять, оно идет на юг, там множество подъемов и серпантинов до самого Элпайна. На нем не разгонишься. Поэтому отсюда все обычно ездят вон там, через перевал Монтезума. Мы сейчас пролетим прямо над ним.

Пустыня под ними внезапно оборвалась — дальше вставали горы. Проложенная в них узкая дорога, извиваясь, поднималась все выше и выше к лесистому плато. Вертолет начал набирать высоту. Беникоф взглянул назад и покачал головой. Никакой

[1] Мелководное соленое озеро в Калифорнии, образовавшееся в результате прорыва воды из реки Колорадо.

грузовик просто не мог выбраться из этой долины, минуя заграждения и посты на дорогах.

И все-таки они отсюда выбрались. Он заставил себя не раздумывать над этой загадкой и принялся размышлять о раненом ученом. Достав сообщения врачей, он просмотрел их. Положение казалось удручающим — повреждения были такими тяжелыми, что уже сейчас, возможно, Брайана нет в живых.

Вертолет швырнуло в сторону — он попал в восходящие потоки воздуха, которые поднимались над скалистыми ущельями у самого перевала. Дальше лежало плоское плато, покрытое пастбищами и лесами, его пересекала белая ленточка шоссе. А вдали виднелись города, поселки и большая автострада — там грузовик исчезнет бесследно. Если только он уже преодолел эти двадцать километров крутого подъема. «Нет, не надо об этом думать! Буду думать о Брайане».

Доктора Снэрсбрук Беникоф нашел в ее кабинете. Единственной данью возрасту у нее был серо-стальной цвет волос. Эта сильная, энергичная женщина лет пятидесяти с небольшим излучала чувство уверенности в себе. Слегка нахмурившись, она разглядывала разноцветное трехмерное изображение, висевшее перед ней в воздухе. Руками, вложенными в перчатки-манипуляторы, она поворачивала и перемещала изображение, время от времени срезая с него верхний слой, чтобы увидеть, что находится под ним. Вероятно, она только что вышла из операционной: на ней еще был голубой хирургический костюм и бахилы. Когда она обернулась, Беникоф увидел на груди и рукавах костюма брызги и пятна крови.

— Эрин Снэрсбрук, — представилась она, пожимая ему руку. — Мы с вами пока незнакомы, но я про вас слышала. Альфред Дж. Беникоф. Это вы переубедили тех, кто выступал против использования для пересадки эмбриональных тканей человека. Благодаря чему, между прочим, я здесь и могу кое-что сделать.

— Спасибо, но это было давно. Сейчас я служу в правительстве, а значит, большую часть времени только смотрю, как работают другие исследователи.

— Жаль, что такие таланты пропадают впустую.

— А вы предпочли бы, чтобы моей теперешней работой занимался какой-нибудь юрист?

— Боже сохрани. Пожалуй, вы правы. Теперь давайте я расскажу вам про Брайана. У меня очень мало времени. У него раскроен череп, и он на искусственном кровообращении. Сейчас я жду следующей объемограммы.

— Объемограммы?

— Это куда лучше, чем разглядывать рентгеновские снимки или любое другое изображение, полученное каким-то одним способом. Объемограмма совмещает результаты всех возможных методов исследования, начиная с обычной и ЯМР-томографии[1] и кончая самой последней новинкой — восьмиполюсной иммунофлуоресценцией. Все это перерабатывает процессор для трехмерной обработки сигнала — ИКАР-5367. Он не только выводит на дисплей изображение, но и выделяет или помечает различия между данным больным и средним человеком или же изменения в состоянии больного со времени предыдущего обследования. Так вот, как только новая объемограмма будет готова, я должна буду уйти. До сих пор мы занимались самыми неотложными делами — спасали Брайану жизнь, и только. Сначала тотальная гипотермия, потом охлаждение мозга, чтобы снизить потребление кислорода и замедлить все процессы обмена. Ввели препараты для остановки кровотечения и противовоспалительные гормоны. Я расчистила рану, удалила очаги некроза и костные обломки. Чтобы восстановить желудочки мозга, пришлось частично рассечь мозолистое тело.

— Это часть структуры, которая соединяет оба полушария?

— Да. Шаг серьезный и, возможно, рискованный. Но выбора у меня не было. Так что сейчас наш больной на самом деле представляет собой две личности, у каждой из которых осталось по полмозга. Если бы он был в сознании, это была бы катастрофа. Но я рассекла мозолистое тело довольно чисто и надеюсь, что смогу снова соединить обе половинки. Скажите, что вы вообще знаете о человеческом мозге?

— Очень мало. Только то, что помню со студенческих лет, да и это, наверное, давно устарело.

— Да, это полностью устарело. Сейчас мы стоим на пороге новой эпохи и скоро сможем делать операции уже не на мозге, а на сознании. Сознание — функция мозга, и мы начинаем понимать, как оно работает.

— А конкретно о Брайане — насколько серьезные у него повреждения и можно ли будет его вылечить?

— Вот, посмотрите на эти первые объемограммы, и вы все поймете.

Она указала на цветные голографические изображения, кото-

[1] ЯМР-томография — получение послойных снимков внутренних органов с использованием ядерного магнитного резонанса.

рые словно плавали в воздухе. Стереоэффект был поразительным — впечатление было такое, как будто глядишь сквозь череп. Снэрсбрук коснулась пальцем какого-то белого пятнышка, потом другого.

— Вот здесь пуля прошла сквозь череп, а вышла вот здесь, справа. Она прошла через всю кору. К счастью, кора переднего мозга и центральные органы среднего мозга остались почти целы. Боковые доли мозжечка — вот они — как будто не затронуты, и, главное, гиппокамп тоже — вот этот, похожий на морского конька. Он — одна из самых важных структур, которые участвуют в формировании памяти. Это главный энергетический центр сознания, и он остался невредим.

— Пока это все хорошие новости. А плохие?

— Немного повреждена кора, правда, не настолько, чтобы была серьезная опасность. Но пуля разорвала множество пучков нервных волокон — белого вещества, которое составляет большую часть мозга. Они связывают между собой разные отделы коры и соединяют их с другими структурами среднего мозга. Это значит, что некоторые части мозга Брайана утратили связь с базами данных и с другими структурами, которые им нужны для работы. Другими словами, в данный момент Брайан совершенно лишен памяти.

— Вы хотите сказать, что его память разрушена, больше не существует?

— Нет, не совсем так. Смотрите — обширные участки новой коры остались невредимыми. Но большая часть их связей разрушена — вот здесь и здесь. Для остального мозга эти части не существуют. Сами структуры — системы нервов, образующие память, — все еще находятся на своем месте. Но они недоступны для других частей мозга, а сами по себе лишены всякого смысла. Как коробка, полная дискет, когда нет компьютера. Это катастрофа, потому что человек — это его память. Сейчас Брайан практически лишен сознания.

— Значит, он... превратился в растение?

— Да, в том смысле, что мыслить он не способен. Можно сказать, что содержимое его памяти в значительной мере разъединено с процессором, который у него в мозгу, так что эту память нельзя вызвать и использовать. Он не в состоянии узнавать ни предметы, ни слова, ни лица, ни друзей — ничего. Короче, насколько я понимаю, он больше вообще не в состоянии мыслить. Вспомните — если не считать размеров, то большая часть человеческого мозга почти ничем не отличается от мозга мыши — кро-

ме этой удивительной структуры, которую мы называем новой корой: она появилась только у предшественников приматов. В нынешнем виде бедный Брайан, мой друг и сотрудник, — всего лишь лишенная индивидуальности оболочка, животное, стоящее ниже любого млекопитающего.

— И это все? Конец?

— Необязательно. Хотя мыслить Брайан и не может, его мозг не мертв в том смысле, как это слово употребляют юристы. Еще несколько лет назад ничего поделать было бы нельзя. Сейчас положение иное. Вы, конечно, знаете, что Брайан помогал мне применить на практике его теорию искусственного интеллекта — разрабатывать экспериментальную методику, которая позволяет вновь соединять поврежденные связи в мозгу. Я добилась кое-каких успехов, правда, пока только на животных.

— Если есть хоть какой-нибудь шанс, вы должны им воспользоваться. Вы можете это сделать? Можете спасти Брайана?

— Пока слишком рано говорить что-то определенное. Повреждения очень обширны, и я не знаю, многое ли мне удастся восстановить. Главная трудность в том, что пуля разорвала миллионы нервных волокон. Восстановить их все немыслимо. Но я надеюсь идентифицировать хотя бы несколько сотен тысяч и вновь их соединить.

Беникоф покачал головой:

— Что-то я перестал понимать, доктор. Вы что, собираетесь вскрыть ему череп и идентифицировать каждое из чуть ли не миллиона порванных нервных волокон? На это уйдут многие годы!

— Верно, если заниматься каждым нервом в отдельности. Но теперь существует компьютерная микрохирургия — она позволяет вести операцию сразу во многих точках. Наш компьютер способен за секунду идентифицировать по несколько волокон — а в сутках 86 400 секунд. Если все пойдет по плану, понадобится всего несколько дней, чтобы, зондируя память, идентифицировать и пометить нервные волокна, которые надо будет соединить.

— И это возможно?

— Ну, не так легко. Когда нервное волокно теряет связь со своей материнской клеткой, оно отмирает. К счастью, пустая оболочка отмершего волокна остается на месте, и благодаря этому возможна регенерация нерва. Я воспользуюсь имплантатами, которые разработала сама, чтобы управлять такой регенерацией.

Снэрсбрук вздохнула.

— А потом... Боюсь, потом выяснится, что это было только начало. Ведь дело не только в том, чтобы снова соединить все разорванные нервы, какие мы сможем обнаружить.

— А почему этого будет недостаточно?

— Потому что нужно будет восстановить именно их первоначальные соединения. А все нервные волокна выглядят одинаково, да они и на самом деле одинаковы. Различить их невозможно. Но мы должны соединить их правильно, чтобы восстановить нужные связи. Понимаете, память — это не клетки мозга и не нервные волокна. Это в основном структура связей между ними. Чтобы восстановить все как было, после того как мы сегодня покончим со вторым этапом, понадобится еще и третий. Нам нужно будет найти способ добраться до его памяти, проанализировать ее и в соответствии с этим установить новые соединения. Этого никто еще не делал, и я не уверена, что справлюсь. А, вот и объемограмма.

Вошел запыхавшийся лаборант с кассетой и вставил ее в проектор. В воздухе появилась трехмерная голограмма. Снэрсбрук внимательно вгляделась в нее, недовольно качая головой.

— Теперь, когда я вижу все повреждения, я могу закончить расчистку и подготовиться ко второму, самому ответственному этапу операции — восстановлению соединений.

— А что именно вы намерены сделать?

— Хочу применить несколько новых методик. Я надеюсь определить, какую роль раньше играло каждое нервное волокно в разных видах деятельности его мозга, прослеживая, где оно подключается к его семантическим нервным сетям. Эти сети, похожие на паутину, состоят из мозговых связей, определяющих все наши знания и процессы мышления. Кроме того, мне придется сделать еще один радикальный шаг — окончательно рассечь его мозолистое тело. Только после этого можно будет соединять друг с другом буквально все участки его коры. Это опасно, но это самый лучший способ полностью восстановить связи между полушариями.

— Я должен знать об этом как можно больше, — сказал Беникоф. — У меня есть какой-нибудь шанс присутствовать на операции?

— Сколько угодно. Только что в операционной мне дышали в затылок не меньше пяти здешних хирургов. Я ничего не имею против, лишь бы не мешали. А откуда у вас такой интерес?

— Не из чрезмерного любопытства, уверяю вас. Вы говорили о машинах, которыми пользуетесь, и о том, что они могут делать. Я хотел бы увидеть их в действии. Я должен в них разобраться,

если хочу что-нибудь понять в проблеме искусственного интеллекта.

— Понятно. Тогда пошли.

Глава 3

10 февраля 2023 года

Беникоф, в халате, маске и эластичных бахилах поверх туфель, стоял, прижимаясь спиной к зеленым кафельным плиткам, которыми были облицованы стены операционной, и стараясь быть незаметным. Одна из медсестер передвигала по рельсам, укрепленным под потолком, два больших хирургических светильника, поворачивая их по указаниям больничного хирурга. На операционном столе лежало неподвижное тело Брайана, укрытое стерильными голубыми простынями. Из-под них была видна только голова, выступавшая за край стола и закрепленная острыми стальными спицами головодержателя. Спиц было три — они были прочно ввинчены сквозь кожу в кости черепа. Ослепительно белые повязки на ранах от пуль резко выделялись на оранжевой коже, гладко выбритой и смазанной йодом.

Доктор Снэрсбрук, спокойная и деловитая, переговаривалась о предстоящей операции с анестезиологом и сестрами, присматривая за установкой проектора.

— Вот где я буду работать, — сказала она, постучав пальцем по голографической пластинке. — А вот где вы должны сделать разрез.

Она дотронулась до участка, который обвела на пластинке чернилами, и еще раз проверила, достаточно ли большим будет окно, чтобы можно было добраться до всех поврежденных структур и свободно работать в полости черепа. Удовлетворенно кивнув, она спроецировала голограмму на голову Брайана и стала смотреть, как хирург рисует на коже линии разрезов, в точности соответствующие разметке на голограмме. Когда он закончил, кожу вокруг будущего окна тоже закрыли простынями, оставив открытым только операционное поле. Снэрсбрук пошла мыться, а хирург приступил к вскрытию черепа, которое должно было занять около часа.

К счастью, Беникофу уже доводилось видеть немало хирургических операций, и вид крови его не смущал. Но его, как всегда, поразило, какие приходится прикладывать усилия, чтобы проникнуть сквозь кожу, мышцы и кости, надежно защищающие

мозг. Сначала скальпелем прорезали кожу до черепа, отогнули скальп и прикрепили его к простыне, укрывавшей голову. После того как электрокаутером перекрыли кровоточащие артерии, настало время вскрывать череп.

Отполированным до блеска ручным сверлом хирург проделал в нем несколько отверстий. Сестра убрала костные опилки, очень похожие на обычные древесные. Работа была нелегкая, на лице хирурга выступили капли пота, и ему пришлось откинуть голову назад, чтобы сестра могла стереть их салфеткой. Проделав отверстия, хирург расширил их специальным инструментом. Теперь нужно было с помощью краниотома с электромоторчиком прорезать свод черепа, соединив просверленные отверстия между собой. Когда это было сделано, хирург осторожно просунул между черепной костью и мозгом плоский металлический элеватор, медленно приподнял кусок кости и отделил его. Сестра завернула кость в салфетку и положила в раствор антибиотика.

Теперь настала очередь доктора Снэрсбрук. Она вошла в операционную, держа перед лицом отмытые кисти рук, влезла в подставленный ей стерильный халат и натянула резиновые перчатки. Сестра подкатила поближе столик, на котором были аккуратно разложены скальпели, растяжки, иглы, крючки, десятки разных ножниц и пинцетов — целая батарея инструментов, необходимых для того, чтобы проникнуть в глубь мозга.

— Ножницы, — скомандовала доктор Снэрсбрук, протянув руку, склонилась над столом и прорезала внешнюю оболочку мозга. Как только мозг оказался на воздухе, заработали автоматические опрыскиватели, увлажняющие его поверхность.

От стены, где стоял Беникоф, не видно было больше никаких подробностей операции, да они его и не интересовали. Самое главное должно было произойти на заключительном этапе, когда к операционному столу подкатят необычного вида машину, которая пока стояла у стены. Вот эту металлическую коробку с экраном, рукоятками управления, клавиатурой и с двумя сверкающими лапами сверху. Лапы переходили в многократно разветвляющиеся пальцы, которые становились все тоньше и тоньше, превращаясь на концах в блестящие туманные пятна: шестнадцать тысяч микроскопических щупалец, которыми заканчивались пальцы, были слишком малы, чтобы разглядеть их невооруженным глазом. Этот многоступенчатый манипулятор был изобретен всего лет десять назад. Сейчас он стоял обесточенный, и пальцы вялыми гроздьями свисали вниз, напоминая плакучую иву из металла.

На протяжении двух часов доктор Снэрсбрук с помощью микроскопа, скальпелей и каутеров медленно и тщательно расчищала места, поврежденные пулей.

— Теперь начинаем ремонт, — сказала она наконец, распрямившись и показав на манипулятор. Как и все остальное оборудова́ние операционной, он был на колесиках, его быстро подкатили на место и подключили к сети. Пальцы встрепенулись и поднялись вверх, а потом снова опустились, повинуясь хирургу, и погрузились в мозг того, кто их изобрел.

Лицо доктора Снэрсбрук посерело от усталости, под глазами легли темные круги. Прихлебнув кофе, она вздохнула.

— Завидую вашей выносливости, доктор, — сказал Беникоф. — У меня и то ноги заболели, а ведь я только стоял и смотрел. Неужели все операции на мозге продолжаются столько времени?

— Большая часть. Но эта была особенно трудной, потому что мне надо было установить на место и закрепить все эти микрочипы. Пришлось не просто оперировать, но одновременно и решать головоломку: у каждого своя форма, ведь они должны в точности прилегать к поверхности мозга.

— Я заметил. А для чего они?

— Это пленочные ПНЭКи — программируемые нейроэлектронные контакты. Я закрепила их на всех поврежденных участках мозга. Они соединятся с концами перерезанных нервных волокон, которые выходят на эти участки, и будут управлять регенерацией нервов Брайана. Такие ПНЭКи разрабатывают уже много лет, они прошли тщательные испытания на животных. Поразительный эффект они дали и при лечении повреждений спинного мозга у человека. Но в операциях внутри головного мозга их еще никогда не применяли, если не считать нескольких экспериментов. Да и я предпочла бы обойтись без них, если бы могла выбирать.

— А что будет дальше?

— ПНЭКи покрыты живой тканью — нервными клетками человеческих эмбрионов. Клетки должны прорасти и обеспечить контакт между концом каждого из разорванных нервов и по меньшей мере одним квантовым полупроводниковым вентилем на поверхности ПНЭКа. Прорастание, наверное, уже началось и будет продолжаться несколько дней. Как только эти новые волокна врастут в прежние, я займусь программированием ПНЭКов. Каждый из них устроен так, что может направить любой

сигнал, приходящий из любого участка мозга, в соответствующее нервное волокно, идущее в другой участок.

— Но как вы можете узнать, куда его направить?

— В этом-то вся трудность. Мы будем иметь дело с сотнями миллионов отдельных нервов, не зная, куда каждый из них посылает свои сигналы. На первом этапе нам поможет анатомическое устройство мозга Брайана: руководствуясь им, мы сможем составить очень приблизительную карту — куда должно идти большинство нервных волокон. Этого будет мало, чтобы обеспечить тонкое мышление, но я надеюсь, что это позволит восстановить минимальный уровень функционирования мозга, несмотря на все неизбежные ошибки при подключении. Например, если двигательная зона мозга пошлет сигнал произвести движение, то какая-нибудь мышца должна будет на него откликнуться, пусть даже не та, какая нужна. Мы получим реакцию, которую впоследствии можно будет скорректировать обучением или тренировкой. На коже Брайана, примерно вот здесь, — она дотронулась пальцем до своего затылка, — я установила контактную плату. Компьютер подключит к ней микроскопические кончики оптических волокон, через которые сможет общаться с каждым из ПНЭКов, находящихся внутри мозга. И тогда этот внешний компьютер можно будет использовать для поиска — он станет разыскивать соответствующие друг другу участки мозга, где запечатлены одни и те же воспоминания или понятия. Когда они будут найдены, компьютер даст команду установить там, внутри, электронный контакт между соответствующими ПНЭКами. Каждый микрочип в отдельности — это что-то вроде телефонного коммутатора, какие были в старину: через него абонент мог соединиться с любым другим. Вот и я с помощью нейронного коммутатора в мозгу Брайана начну восстанавливать оборванные связи.

Бен перевел дух.

— Так вот оно что! Вы восстановите всю его память!

— Вряд ли. Часть памяти, навыков и способностей будет утрачена навсегда. На самом деле я надеюсь восстановить лишь столько, чтобы Брайан смог заново обучиться тому, что утрачено. Для этого потребуется огромная работа. Не забывайте, насколько сложен мозг, — ведь за развитие его структуры отвечает во много раз больше генов, чем за развитие любого другого органа.

— Это я понимаю. А как вы считаете, личность, тот человек, которого мы знаем как Брайана, еще жив?

— Думаю, что да. Во время операции я видела, как его руки и ноги двигались под простынями — точь-в-точь как у человека, который видит сон. Хотела бы я знать, что может видеть во сне этот наполовину разрушенный мозг!

Тьма...

Не знающая времени тьма. Теплая тьма.

Ощущение. Воспоминание.

Воспоминание. Осознание. Присутствие. Кружение, кружение, кружение. Без цели, в пустоте, по бесконечному замкнутому кругу.

Тьма. Где? Чулан. В темном чулане безопасно. Убежище ребенка. Никакого света. Только звуки. Воспоминание возвращается снова и снова.

Звуки? Голоса. Голоса, которые он знает. Голоса, которые он ненавидит. И один новый. Незнакомый. Выговор как по телевизору. Не ирландский. Американский, сразу можно сказать. Американцы. Они как-то приезжали в деревню. Обедали в пабе. Фотографировали. Один сфотографировал его. Дал ему монетку. Золотую. Двадцать пенсов. Накупил сластей. Все съел. Американцы.

Здесь? В этом доме. Любопытство заставило его подойти к двери чулана, взяться за ручку. Он повернул ее, осторожно приоткрыл дверь. Голоса стали громче, яснее. Кто-то кричал. Наверное, дядя Симус.

— Наглость какая — явиться сюда! Да как у тебя духу хватило, мерзавец? Явиться сюда, в тот самый дом, где она умерла, и все такое! Как ты только осмелился...

— Почему вы кричите, мистер Райан? Я сказал вам, почему я сюда приехал. Вот из-за этого.

Это и был новый голос. Американский выговор. На самом деле не американский, такой же ирландский, как и у всех остальных, но все-таки временами американский. Такой редкий случай невозможно было упустить. Брайан совсем забыл про свою обиду из-за того, что его так рано отправили в свою комнату, забыл, какой закатил скандал и как в конце концов оказался в чулане, в темноте, где можно кусать кулаки и плакать, не боясь, что кто-нибудь увидит или услышит.

На цыпочках он пересек маленькую комнату, ощущая босыми ногами сначала холод пола, потом тепло коврика у двери. Ему было уже пять лет, и теперь он мог смотреть в замочную скважину, не подкладывая под ноги толстую книгу. Он прижался глазом к скважине.

— Это письмо я получил несколько недель назад. — У человека с американским акцентом были рыжие волосы и лицо в веснушках. Он сердито взмахнул какой-то бумажкой. — На конверте почтовый штемпель, поставленный здесь. В Таре, в этой деревне. Хотите знать, что там написано?

— Убирайся отсюда! — раскатисто прозвучал низкий, хриплый голос, перешедший в приступ кашля. Дед. Все еще курит по двадцать сигарет в день. — Ты что, слов не понимаешь? Тебя здесь не хотят видеть.

Приезжий понурился, вздохнул:

— Я это знаю, мистер Райан, и не хочу с вами спорить. Я только хочу знать, правда ли все это. Этот человек, кто бы он ни был, пишет, что Эйлин умерла...

— Это правда, клянусь богом, — и убил ее ты! — Дядя Симус все больше выходил из себя. «Наверное, сейчас ударит этого человека, как меня ударил», — подумал Брайан.

— Мне это было бы трудно, ведь я не виделся с Эйлин больше пяти лет.

— Но ты виделся с ней на один раз больше, чем надо, и нечего изворачиваться. Сделал ей ребенка, мерзавец, сбежал и оставил ее на позор. Вместе с ее ублюдком.

— Это не совсем так, да и какое отношение это имеет...

— Убирайся отсюда вместе со своими красивыми словами!

— Я не уйду, пока не увижу мальчика.

— Черта с два ты его увидишь!

Послышался шум борьбы, грохот упавшего стула. Брайан изо всех сил вцепился в дверную ручку. Это слово он хорошо знал. Ублюдок. Это он, так его звали все мальчишки. Но при чем здесь тот человек в гостиной? Брайан не мог этого понять и должен был выяснить. Его, конечно, побьют, но это неважно. Он повернул ручку и толкнул дверь.

Дверь распахнулась и с шумом ударилась в стену. Все замерло. На диване — дед в рваном сером свитере, с сигаретой во рту, от которой струйка дыма поднималась ему прямо в прищуренный левый глаз. Дядя Симус, со стиснутыми кулаками и побагровевшим лицом, рядом с ним на полу упавший стул.

И приезжий. Высокий, хорошо одетый, в костюме с галстуком. Черные, начищенные до блеска туфли. Он смотрел на мальчика, и по лицу его было видно, как он взволнован.

— Привет, Брайан, — произнес он тихо-тихо.

— Берегись! — крикнул Брайан. Но было уже поздно. Дядин кулак, загрубелый за годы работы в шахте, обрушился на лицо человека, сшиб его с ног. В первый момент Брайан подумал, что сейчас они начнут драться, как дерутся у кабачка по субботним вечерам, но на этот раз все было иначе. Приезжий потрогал щеку, взглянул на свою окровавленную руку и поднялся на ноги.

— Ладно, Симус, может, я это и заслужил. Но не больше, так что хватит. Послушай, убери свои кулаки и хоть немного пошевели мозгами. Я видел мальчика, и он меня видел. Что сделано — то сделано. Я думаю о его будущем, а не о прошлом.

— Глянь-ка на них, — проворчал дед, сдерживая кашель. — Как две капли воды, и рыжие оба, и все такое. — Настроение его внезапно переменилось, и он махнул рукой, так что от сигареты посыпались искры. — Иди-ка назад в комнату, малец! Нечего тебе тут смотреть, и слушать нечего. Быстро к себе, пока не попало!

Обрывки, разрозненные, проплывающие вне времени. Давно забытые, бессвязные картины. Окруженные тьмой, перемежающиеся тьмой. Почему все еще темно? Пэдди Дилени. Его отец.

Как кадры из кинофильма, которые мелькают на экране так быстро, что не успеваешь разглядеть. Тьма. Снова кинокадры, опять четкие и ясные.

Оглушительный рев моторов, окно перед ним — таких больших окон он никогда еще не видел, даже в магазинах. Он крепко вцепился в отцовскую руку. Немудрено испугаться — все это было так ново.

— Вон наш самолет, — сказал Патрик Дилени. — Большой, зеленый, с такой нашлепкой сверху.

— 747-8100. Я видел картинку в газете. Мы прямо сейчас в него сядем?

— Очень скоро — как только объявят посадку. Мы сядем первыми.

— И больше я не буду жить в Таре?

— Только если захочешь.

— Нет. Я их ненавижу. — Он засопел, утер нос рукой и взглянул на высокого человека, стоявшего рядом. — А ты знал мою мать?

— Очень хорошо знал. Я хотел на ней жениться, но... Ничего не получилось, были на то причины. Ты поймешь, когда подрастешь.

— Но... Ты мой отец?

— Да, Брайан, я твой отец.

Он уже много раз задавал этот вопрос, но каждый раз не очень ожидал получить откровенный ответ. Теперь, в аэропорту, глядя на огромный зеленый самолет, он наконец поверил. Что-то словно набухло и прорвалось у него внутри, и по лицу его покатились слезы.

— Я не хочу туда возвращаться. Никогда, никогда!

Отец опустился на колени и прижал его к себе так крепко, что ему стало трудно дышать, — но это ничего, теперь все в порядке. Брайан улыбнулся и ощутил во рту соленый вкус слез. Он улыбался и плакал в одно и то же время, потому что не мог остановиться.

Глава 4

12 февраля 2023 года

Входя в операционную на следующий день, Эрин Снэрсбрук все еще чувствовала усталость. Однако, когда она увидела Брайана, усталость как рукой сняло. Столько было уже сделано, столько еще оставалось сделать! Поврежденные ткани мозга, большей частью белое вещество, были уже удалены.

— Собираюсь приступить к имплантации, — сказала она тихо, почти шепотом. Ее слова предназначались не для просвещения тех, кто находился в операционной, а для автоматической записи. Чувствительные микрофоны уловят их, как бы тихо она ни говорила, и запишут все, что происходит.

— Все отмершие ткани уже удалены. Передо мной поверхность разреза в белом веществе. Это участок, где перерезаны аксоны множества нейронов. Проксимальный конец каждого из перерезанных нервов еще жив, потому что по эту сторону разреза расположено тело клетки. Но дистальный конец, остальная часть аксона, синаптически соединяющаяся с другими клетками, уже мертва. Она отрезана от источника питания и энергии. Это означает, что обе части требуют различных подходов. Я сделала оттиски чистых поверхностей разрезов в белом веществе. По этим оттискам изготовлены гибкие микропленочные чипы — ПНЭ-Ки. Компьютер запомнил топографию разрезов и знает, какому их участку соответствует каждый ПНЭК. На месте их будут удерживать клетки соединительной ткани. Сначала я буду расчищать проксимальные концы нервных волокон и присоединять их к чипам, устанавливая каждый на свое место. Торцы аксонов будут обработаны белком, стимулирующим рост. На пленку, из кото-

рой состоит чип, нанесены капельки химических соединений, которые, высвобождаясь под действием электрического поля, будут стимулировать рост аксонов, заставляя их тянуться к ближайшей контактной панели. Начинаю.

С этими словами она включила манипулятор, дала ему команду приблизиться к открытому мозгу и опуститься. Крохотные разветвленные пальчики медленно, плавно растопырились и потянулись к поверхности мозга. Манипулятор был снабжен мощным компьютером, способным управлять каждым микроскопическим пальчиком по отдельности. Оконечности пальчиков были слишком малы по сравнению с длиной световых волн, и поэтому объективы системы распознавания размещались на несколько разветвлений выше. Изображение от каждого объектива передавалось в компьютер, который сопоставлял его с другими изображениями, создавая внутри себя трехмерную модель поврежденного мозга.

Все ниже и ниже опускались щупальца машины, одни быстрее, другие медленнее, пока все они не приблизились вплотную к поверхности мозга и не расползлись по ней, заслонив ее от глаз хирурга.

Доктор Снэрсбрук повернулась к экрану монитора и скомандовала:

— Ниже. Стоп. Еще ниже. Немного назад. Стоп.

Теперь она видела то же самое, что видел компьютер, —увеличенное изображение поверхностей разреза. Если надо, она могла выделить наплывом любой их участок или, наоборот, увидеть всю поверхность общим планом.

— Начинайте орошение, — сказала она.

Каждое десятое щупальце было полым — оно представляло собой, в сущности, тоненькую трубочку с электронным клапаном на конце. Поверхность разреза в мозгу начала покрываться мельчайшими капельками — микроскопически мелкими, настолько крохотными были отверстия в щупальцах. Скоро вся поверхность была покрыта невидимым слоем электрофлуоресцентной жидкости.

— Уменьшите свет в операционной, — скомандовала она, и светильники померкли.

Орошение прекратилось — машина-контактор решила, что этого достаточно. Доктор Снэрсбрук выбрала самый нижний участок раны и послала туда по тонким, как волос, оптическим волокнам крохотные лучики ультрафиолетового света. На экране поверхность мозга загорелась множеством светящихся точек.

— Электрофлуоресцентное покрытие нанесено на все нервные окончания. При облучении ультрафиолетом оно излучает достаточно фотонов, чтобы их можно было зарегистрировать. Реакция, вызываемая ультрафиолетовым облучением, происходит только в тех нервных окончаниях, которые еще живы. Теперь начинаю установку имплантатов.

Имплантаты, тщательно подогнанные по форме поверхностей разрезов в мозгу Брайана, лежали на лотке, погруженные в нейтральный раствор. Лоток поставили рядом с головой Брайана и сняли крышку. Щупальца манипулятора с бесконечной осторожностью опустились на них.

— Каждый из этих ПНЭКов-имплантатов изготовлен индивидуально. Они состоят из нескольких слоев гибкой полимерной пленки, в которой находятся полупроводниковые элементы. Пленка должна быть гибкой и эластичной, потому что поверхности разреза уже немного изменились с тех пор, как с них снимали оттиски, по которым изготовлены эти чипы. Дальше будет происходить вот что. На вид чипы кажутся одинаковыми, но на самом деле они, разумеется, все разные. Компьютер рассчитал их размеры так, чтобы каждый в точности соответствовал тому или иному участку поверхности разреза. Теперь он может рассортировать их и установить каждый на нужное место. От каждого чипа отходят несколько световодов, которыми он будет соединен с соседними чипами, так что образуется сеть перекрестных связей между разными участками мозга. Если посмотреть на верхнюю поверхность чипов, то видно, что там на каждом из них торчит еще по паре проволочек. Зачем они нужны, станет понятно на следующем этапе операции. А этот этап закончится, когда будут установлены на место все десять тысяч имплантатов. К чему мы сейчас и приступаем.

Хотя доктор Снэрсбрук и присматривала за общим ходом операции, на самом деле установкой имплантатов управлял компьютер. Щупальца манипулятора двигались так быстро, что расплывались в туманные пятна, и уследить за ними было невозможно. Один за другим крохотные кусочки пленки, сверкнув на мгновение, ложились на место. Наконец был установлен и закреплен последний. Щупальца снова поднялись, и доктор Снэрсбрук почувствовала, что охватывавшее ее напряжение немного ослабло. Она выпрямилась и ощутила острую, режущую боль в пояснице, но заставила себя забыть о ней.

— Теперь начался следующий этап — установление контактов. Поверхность пленок обработана примерно так же, как при изго-

товлении дисплеев с активной матрицей. Задача каждого полупроводникового элемента состоит в том, чтобы, ориентируясь по люминесценции, найти живой нерв и вступить с ним в физический контакт. Пленка покрыта гормонами роста, которые заставят подходящие к ней нервы образовать с входами полупроводников синаптические соединения. Назначение таких соединений станет очевидным на следующем этапе. А каждое отмершее дистальное волокно будет заменено эмбриональной клеткой, подвергнутой генно-инженерным манипуляциям, — внутри оболочки нервной клетки, которую она заменила, из нее вырастет новый аксон, и вместо старых, отмерших дистальных синапсов возникнут новые. Одновременно с этим будут расти новые дендриты, которые соединят нервную клетку с выходной панелью пленочного чипа.

Операция заняла почти десять часов. Все это время доктор Снэрсбрук не отходила от операционного стола. Когда был установлен последний контакт, усталость обрушилась на нее как лавина. Выходя из комнаты, она пошатнулась и оперлась на дверной косяк, чтобы не упасть. Конечно, и после операции нужно непрерывно следить за состоянием Брайана и ухаживать за ним, но с этим могут справиться и сестры.

Восстановление мозга Брайана отнимало очень много времени и сил. Но у нее были и другие больные, нужно было делать другие плановые операции. Она перекроила свое расписание, запросила и получила помощь самых лучших хирургов и оставила себе только самые неотложные случаи. И все же ей приходилось работать по двадцать четыре часа в сутки — и так уже на протяжении многих дней. Дрожащим голосом она продиктовала в микрофон отчет о только что проделанных процедурах — компьютер запишет и распечатает его. Теперь несколько таблеток декседрина — не слишком это полезно, но поможет дотянуть до конца дня. Она зевнула и потянулась.

— Конец отчета. Включить переговорное устройство. Мадден!

Компьютер принял команду и дал сигнал секретарше.

— Да, доктор.

— Пригласите сюда миссис Дилени.

Она потерла руки и выпрямилась.

— Включить запись, открыть файл на Долли Дилени, — произнесла она и взглянула, загорелся ли маленький красный огонек на подставке настольной лампы. Дверь отворилась, в кабинет неуверенно вошла маленькая худая женщина с беспокойным взглядом.

— Очень хорошо, что вы смогли прийти, — сказала доктор Снэрсбрук с улыбкой, вставая из-за стола и указывая на стул для посетителей. — Прошу вас, устраивайтесь поудобнее, миссис Дилени.

Женщина судорожно сжимала в руках сумочку, держа ее на коленях так, словно пыталась, как барьером, отгородиться ею от всего окружающего.

— Пожалуйста, доктор, называйте меня Долли. Вы можете сказать мне, как он?

В голосе ее слышалось напряжение, хотя она изо всех сил старалась его скрыть.

— Абсолютно никаких изменений, Долли, с тех пор, как мы вчера с вами говорили. Он жив, и мы должны быть за это благодарны. Но у него очень серьезные повреждения, и пройдут недели, а возможно, и месяцы, прежде чем мы сможем узнать результаты лечения. Вот почему мне нужна ваша помощь.

— Но я не медсестра, доктор, не понимаю, чем я могу помочь.

Она поправила на коленях сумочку, по-прежнему напоминавшую барьер. Женщина была недурна собой и выглядела бы еще лучше, если бы не ее поджатые губы. Похоже, жизнь была к ней не слишком милосердна и не доставляла ей особой радости.

— Вы говорите, что вам нужна помощь, но я ведь до сих пор вообще не знаю, что случилось с Брайаном. Мне просто кто-то позвонил и сказал, что в лаборатории произошел несчастный случай. Я надеялась, что вы скажете мне больше. Когда я смогу его увидеть?

— Сразу, как только это будет возможно. Но вы должны знать, что у Брайана обширные мозговые травмы. Серьезно повреждено белое вещество мозга. Нарушена память. Но этому можно будет помочь, если я сумею пробудить у него достаточно много ранних воспоминаний. Вот почему мне нужно как можно больше информации о вашем сыне...

— Приемном сыне, — спокойно вставила она. — Мы с Патриком усыновили его.

— Я не знала. Простите.

— Не надо извиняться, доктор, тут нет ничего такого. Это все знают. Брайан — незаконный сын Патрика. До того как мы познакомились, когда он еще жил в Ирландии, у него была... связь с одной местной девушкой. Она и стала матерью Брайана.

Долли вытащила из сумки кружевной платок, вытерла ладони, снова сунула платок в сумку и громко щелкнула замком.

— Я хотела бы услышать об этом более подробно, миссис Дилени.

— Зачем? Это давнее дело, сейчас оно никого не касается. Моего мужа нет в живых, он умер девять лет назад. К тому времени мы... разошлись. Развелись. Я жила с родителями в Миннесоте. Мы с ним не общались. Я даже не знала, что Пэдди заболел, мне никто ничего не сообщал. Вы понимаете, что я не могла не испытывать некоторую обиду. Я узнала о его болезни только тогда, когда Брайан позвонил мне по поводу похорон. Как вы можете видеть, все это уже в прошлом.

— Я очень вам сочувствую. Но как бы это ни было трагично, подробностей прежней жизни Брайана это никак не меняет. Вот о чем вы должны мне рассказать. Я хочу понять, как шло развитие Брайана. Теперь, когда вашего мужа нет в живых, вы единственный человек, кто может предоставить мне эту информацию. У Брайана серьезно поврежден мозг, уничтожены обширные его участки. Ваша помощь нужна, чтобы восстановить его память. Должна признаться: почти все то, что я делаю, — всего лишь эксперимент. Но это его единственный шанс. Чтобы добиться успеха, я должна знать, где и что искать в его прошлом. Дело в том, что для реконструкции его памяти мне придется воспроизвести все развитие его сознания, начиная с раннего детства. Эту сложнейшую структуру можно восстановить, только начиная с самого нижнего этажа. Нельзя оживить понятия и представления более высоких уровней, пока не заработают более ранние элементы. Нам придется восстанавливать его сознание, весь комплекс его представлений, во многом так же, как оно развивалось изначально, в детские годы Брайана. И тут только вы можете мной руководить. Согласны вы помочь мне вернуть ему его прошлое в надежде, что тогда у него снова появится и будущее?

Губы Долли побелели — так плотно она их сжала. Ее била дрожь. Эрин Снэрсбрук молча, терпеливо ждала.

— Это было очень давно. С тех пор мы с Брайаном стали чужими друг другу. Но я вырастила его, я старалась, как могла, делала все возможное. Я не видела его с самых похорон...

Она снова достала платок, приложила его к уголкам глаз, убрала в сумку и выпрямилась.

— Я знаю, что для вас это очень трудно. Но мне необходимо располагать этими фактами, абсолютно необходимо. Могу я спросить вас, где вы впервые встретились с вашим мужем?

Долли вздохнула, потом нехотя кивнула:

— Это было в Канзасском университете. Пэдди приехал туда

из Ирландии, это вы знаете. Он преподавал в университете. На педагогическом факультете. Я тоже. Планирование семьи. Как вы, конечно, прекрасно знаете, сейчас становится все очевиднее, что наши нынешние проблемы с окружающей средой вызваны, в сущности, перенаселением, так что этот предмет уже перестал быть запретным. Пэдди был математик, очень хороший, даже слишком хороший для нашего факультета. Дело в том, что его пригласил на работу один новый университет в Техасе, и у нас он должен был преподавать, пока тот не откроется. Так они договорились. Они хотели, чтобы он подписал с ними контракт и был им связан. В их интересах, не в его. Он был очень одинокий человек, у него не было друзей. Я знаю, что он тосковал по Дублину, ужасно тосковал. Он так и говорил, когда мы с ним об этом разговаривали: «Ужасная тоска». Не то чтобы он очень любил говорить о себе. Он читал лекции студентам, которым нужно было только отбыть время, его предмет их совершенно не интересовал. Ему это очень не нравилось. Вот примерно тогда мы и начали встречаться. Он делился со мной своими горестями, и я знаю, что общение со мной приносило ему утешение.

Она ненадолго умолкла, потом продолжала:

— Не знаю, почему я вам все это рассказываю. Наверное, потому, что вы доктор. До сих пор я держала это про себя, ни с кем об этом не говорила. Теперь, когда его уже нет, я могу наконец произнести это вслух. Я... я не думаю, чтобы он когда-нибудь меня любил. Со мной ему было просто удобно. Демография довольно широко пользуется математикой, так что я могла кое-как следить за его мыслями, когда он говорил о своей работе. Правда, очень скоро я переставала его понимать, но он этого, по-моему, не замечал. Мне кажется, я просто создавала ему уют своим присутствием. Меня это не слишком огорчало, во всяком случае на первых порах. Когда он сделал мне предложение, я с радостью ухватилась за этот шанс. Мне тогда было уже тридцать два, и моложе я не становилась. Вы знаете — говорят, если девушка не выйдет замуж до тридцати, то для нее все кончено. Так что я согласилась. Старалась забыть все девичьи фантазии о романтической любви. В конце концов, и браки по расчету бывают удачными. В тридцать два девушке нелегко жить одинокой. А он — если он кого-нибудь и любил, то только ее. Она умерла, но это не имело никакого значения.

— Значит, он говорил с вами об этой девушке из Ирландии?

— Конечно. Трудно рассчитывать на то, чтобы человек в его возрасте оставался девственником. Даже в Канзасе. Он был

очень честный, прямолинейный человек. Я знаю, что та девушка была ему очень, очень близка, но все это давно осталось позади. О мальчике он на первых порах не говорил ничего. Но прежде чем сделать мне предложение, он рассказал, что произошло там, в Ирландии. Все рассказал. Не скажу, чтобы я была рада, но я решила, что это дело прошлое, и все тут.

— И что вы узнали о Брайане?

— Все, что знал Пэдди, но это было очень мало. Только как его зовут и что он живет с матерью в какой-то деревне. Она ни за что не желала ничего слышать о Пэдди, и я знала, что это его очень огорчало. Его письма возвращались нераспечатанными. Когда он пробовал посылать деньги для мальчика, их отказывались получать. Он даже посылал деньги тамошнему священнику, чтобы тот отдавал их мальчику, но и из этого ничего не вышло. Пэдди не брал их обратно, а жертвовал на церковь. Священник помнил об этом и, когда девушка умерла, написал Пэдди. Он очень переживал, хотя и старался не показывать. А потом попытался заставить себя выбросить все это из головы. Тогда-то он и сделал мне предложение. Я вам уже говорила — мне было более или менее ясно, почему он так поступил. Но даже если мне это и не совсем нравилось, я не подала виду. Ее нет в живых, а мы муж и жена, и все тут. Мы даже больше об этом не говорили. Вот почему я была так потрясена, когда пришло то гнусное письмо. Он сказал, что должен выяснить, что происходит, и я не стала возражать. А когда он вернулся из той первой поездки в Ирландию... Я никогда еще не видела, чтобы что-нибудь могло так подействовать на человека. Теперь речь шла только о мальчике — кроме него, все осталось в прошлом. Когда Пэдди сказал мне, что намерен его усыновить, я сразу же согласилась. Своих детей у нас не было, не могло быть, у меня было бесплодие. Я подумала об этом маленьком мальчике-сироте, который растет в какой-то грязной дыре на краю света... Вы понимаете, что у меня на самом деле не было выбора.

— А вы сами бывали в Ирландии?

— Мне незачем было туда ездить. Я и так все знала. Мы провели медовый месяц в Акапулько. Сплошная грязь. Почему-то мало кто понимает, что Соединенные Штаты — вполне приличная страна, намного лучше, чем все эти заграницы. А к тому времени уже состоялось новое назначение, Пэдди теперь преподавал в Университете свободного предпринимательства и получал вдвое больше денег, чем в Канзасе. Это пришлось очень кстати — нам пришлось очень много заплатить этим ирландским родственникам. Но дело того стоило: нужно было спасти мальчика от этой

ужасной жизни. Пэдди все там устроил, хотя это было не так легко. Ему пришлось три раза побывать в Ирландии, прежде чем все уладилось. Пока Пэдди в последний раз был там, я приготовила комнату для мальчика. У Пэдди был там приятель, какой-то Шон, не помню фамилии, они вместе учились в школе. Он стал адвокатом — солиситором, так это там называется. Пэдди пришлось передать дело в суд и предстать перед судьей. Первое, о чем они спросили, — венчались ли мы по католическому обряду. Если нет, то никаких шансов на усыновление не было. Потом экспертиза для установления отцовства — унизительная процедура. Но дело того стоило. Самолет опаздывал на четыре часа, но я так и сидела в аэропорту. Мне показалось, что они вышли самыми последними. Я никогда не забуду эту минуту: Пэдди выглядел таким усталым, а мальчик... Бледный, как бумага, — наверное, за всю свою жизнь никогда не бывал на солнце. Тощий, руки торчат из этой грязной куртки, как палки. Помню, я даже оглянулась по сторонам — мне на секунду стало стыдно, что меня увидят с мальчиком, который так одет.

Доктор Снэрсбрук сделала ей знак остановиться и еще раз взглянула, горит ли красный огонек.

— Вы хорошо помните этот момент, Долли?

— Я никогда не смогу его забыть.

— Тогда вы должны все мне рассказать в мельчайших подробностях. Ради Брайана. Его память... ну, скажем, повреждена. Все воспоминания остались на месте, но мы должны, так сказать, напомнить ему о них.

— Я не понимаю.

— Согласны ли вы помочь мне, даже если не все понимаете?

— Да, если вы хотите, доктор. Если вы говорите, что это так важно. Я привыкла верить на слово. В нашей семье головой был Пэдди. Ну и Брайан, конечно. Я думаю, они оба смотрели на меня сверху вниз, хоть и никогда в этом не признавались. Но это всегда чувствуется.

— Долли, даю вам честное слово, что вы единственный человек на свете, кто может сейчас помочь Брайану. Больше никто не будет смотреть на вас сверху вниз. Вы должны восстановить эти воспоминания. Вы должны описать все в точности, как вы запомнили. До мельчайших подробностей.

— Хорошо, если это так важно, как вы говорите, и если это поможет. Я сделаю все, что смогу. — Она с решительным видом села прямо. — В то время, совсем маленьким, мальчик был мне очень дорог. Он отдалился от меня только потом, когда стал старше. Но я думаю... Нет, я знаю, что тогда я ему была нужна.

...Пэдди и Брайан подошли к ней. Оба выглядели ужасно усталыми. Пэдди держал мальчика за руку. Отец и сын — эти рыжие волосы с золотистым отливом, тут ошибиться было невозможно.

— Я должен получить багаж, — сказал Пэдди. Он поцеловал ее, оцарапав ей лицо своей щетиной. — Присмотри за ним.

— Как ты себя чувствуешь, Брайан? Я Долли.

Мальчик опустил голову и молча смотрел в сторону. Слишком маленький для восьми лет. Больше шести ему не дашь. Костлявый и грязноватый. Питание, разумеется, скверное, привычки еще хуже. Придется им заняться как следует.

— Я приготовила тебе комнату — она тебе понравится.

Не подумав, она протянула руку и обняла его за плечи, но почувствовала, как он вздрогнул, и убрала руку. Нелегко с ним придется. Она заставила себя улыбнуться, стараясь не показать, как неловко себя чувствует. Слава богу, вот и Пэдди с чемоданами.

Почти сразу же, как только автомобиль тронулся, мальчик заснул на заднем сиденье. Пэдди широко зевнул и извинился.

— Ничего. Тяжелый был перелет?

— Просто очень долгий и утомительный. И, ты знаешь, — он оглянулся через плечо на Брайана, — во многих отношениях не такой уж простой. Вечером расскажу.

— А что там за история с паспортом, о которой ты говорил по телефону?

— Чиновничьи придирки. Что-то о том, что я родился в Ирландии и получил американское гражданство, а Брайан все еще ирландец, хотя это должно было быть оговорено в бумагах по усыновлению. Американский консул в Дублине ничего такого не говорил. Нам дали заполнить какие-то анкеты, и в конце концов оказалось проще оформить Брайану ирландский паспорт, чтобы потом разобраться с этим здесь.

— Мы сразу же это сделаем. Теперь он американский мальчик, ему не нужен какой-то там иностранный паспорт. А когда мы приедем, увидишь — я приготовила свободную комнату, как мы договорились. Койка, маленький письменный стол, несколько симпатичных картинок. Ему понравится.

Брайану это новое место сразу пришлось не по душе. Сначала он был слишком измучен, чтобы думать об этом. Он проснулся, когда отец внес его в дом, проглотил несколько ложек какого-то странного на вкус супа и, видимо, снова заснул прямо за столом. А когда проснулся утром, расплакался — так все вокруг было незнакомо и страшно. Его спальня оказалась просторнее, чем гостиная там, дома. Весь привычный ему мир исчез — даже его одежда. Шорты, рубашка, куртка — все куда-то делось, пока он спал. Вместо них появилась новая одежда, разноцветная и яркая вместо прежней черно-серой. Длинные брюки. Дверь отворилась, и он, вздрогнув от испуга, нырнул под простыню. Но это был его отец с едва заметной улыбкой на лице.

— Хорошо спал?

Брайан кивнул.

— Прекрасно. Прими душ — вон там, он устроен точно так же, как в Дублине, в отеле. И одевайся. После завтрака я покажу тебе твой новый дом.

К душу предстояло еще привыкнуть, и Брайан пока еще не мог понять, нравится ему эта штука или нет. Дома, в Таре, он вполне довольствовался большой чугунной ванной.

Когда они вышли на улицу, он почувствовал, что все вокруг слишком незнакомо, слишком ново, чтобы сложиться в цельную картину. Солнце слишком жаркое, воздух слишком влажный. Дома все какие-то неправильные, автомобили чересчур большие и едут не по той стороне дороги. Не так просто будет здесь освоиться. Тротуар уж очень гладкий. И кругом вода, ни холмов, ни деревьев, один только плоский океан с грязной водой, и из нее со всех сторон торчат какие-то черные металлические штуки. Что это такое? Почему они не на суше? Прилетев в большой аэропорт, они пересели в другой самолет и пересекли весь Техас — так сказал отец, — чтобы попасть сюда, в какое-то пустое место без конца и края. Приехали из аэропорта и поставили машину на стоянку.

— Мне здесь не нравится, — сказал он, не задумываясь, тихо, про себя, но Пэдди услыхал.

— Придется привыкать.

— Посреди океана?

— Ну, не совсем. — Пэдди показал на тонкую бурую полоску на далеком горизонте, которая дрожала и переливалась в потоках горячего воздуха. — Вон там берег.

— И деревьев тут нет, — сказал Брайан, оглядывая это странное место.

— Деревья есть перед торговым центром, — сказал отец, но Брайан отмахнулся.

— Настоящих деревьев, а не таких, которые в бочках. Тут все не так. Почему не построили это место как полагается, на земле?

Они дошли до конца металлической платформы, на которой располагался университетский городок и жилые кварталы, и усе-

лись отдохнуть в тени, на скамейке над морем. Прежде чем ответить, Пэдди медленно набил трубку и закурил.

— Это не так просто объяснить, пока ты еще мало что знаешь про эту страну и про то, как тут делаются дела. В общем, все сводится к политике. У нас, в Соединенных Штатах, есть законы, которые касаются денег на исследования, на научную работу в университетах, и там написано, кто может и кто не может вкладывать в них деньги. Некоторые наши крупные корпорации считают, что мы отстаем от Японии, где правительство и промышленные компании финансируют исследования вместе. Изменить наши законы они не могли, поэтому отыскали в них лазейку. Здесь, в пяти с лишним километрах от берега, за пределами территориальных вод, федеральные законы и законы штата теоретически теряют силу. Наш университет построен на старых нефтяных платформах и намытой земле. А занимается он исключительно разработкой новых продуктов и технологий. Когда для него подбирали преподавателей и студентов, на охоту за головами денег не жалели.

— Охотники за головами живут на Новой Гвинее. Они убивают людей, отрезают им головы и коптят на огне, так что головы становятся совсем маленькими. У вас тут такие тоже есть?

Пэдди улыбнулся, увидев замешательство мальчика, и взъерошил ему волосы рукой. Брайан увернулся.

— Это не такая охота за головами. Это значит предложить кому-нибудь много денег, чтобы он ушел со своей прежней работы. Или предоставить большие стипендии, чтобы заполучить самых лучших студентов.

Брайан переваривал эту новую информацию, щурясь на солнечные блики, игравшие на воде.

— Значит, если за твоей головой тоже охотились, ты какой-то особенный?

Пэдди улыбнулся — ему понравилось, как мальчишка соображает.

— Ну, пожалуй. Наверное, раз я тут.

— А что ты делаешь?

— Я математик.

— Двенадцать плюс семь равно девятнадцати, как в школе?

— Начинается все с этого, а дальше становится гораздо сложнее и интереснее.

— Например, как?

— Например, после арифметики идет геометрия. А потом начинается алгебра, а потом дифференциальное исчисление. Есть еще

теория чисел, но она немного в стороне от главной линии развития математики.

— А что такое теория чисел?

Лицо мальчика было так серьезно, что Пэдди улыбнулся и хотел перевести разговор на другую тему, но передумал. Брайан постоянно удивлял его какими-то неожиданными высказываниями. Похоже, он был способный парнишка и верил, что понять можно все, надо только правильно задать вопрос. Но как объяснить восьмилетнему мальчику хотя бы основы высшей математики? Впрочем, можно начать с малого.

— Ты знаешь, что такое умножение?

— Знаю. Это здорово — вроде как 14 умножить на 15, и получается 210, потому что это значит — 6 раз по 35 или 5 раз по 42.

— Ты уверен?

— Точно. Потому что это все равно что умножить 2 на 3, потом на 5 и на 7. Мне нравится цифра 210, потому что она сложена из четырех разных крепких чисел.

— Крепких чисел? В Ирландии есть такой термин?

— Нет. Я это сам выдумал, — гордо сказал мальчик. — Крепкие — это такие числа, у которых нет никаких частей. Как 5 или 7. Есть и большие — 821 или 823. Или 1721 и 1723. Из тех, что побольше, многие идут парами вроде этих.

Только теперь Пэдди сообразил, что крепкими Брайан называет простые числа. Откуда восьмилетний мальчик мог узнать о простых числах? Разве в таком возрасте их этому учат? Он не мог припомнить.

Был уже двенадцатый час, когда Долли выключила телевизор. Она обнаружила Пэдди на кухне — он сидел с потухшей трубкой, глядя невидящими глазами в темноту.

— Я иду спать, — сказала она.

— Ты знаешь, что как будто сделал Брайан? Сам, без посторонней помощи. В восемь лет. Он открыл простые числа. И не только — он, похоже, придумал несколько довольно удобных способов их отыскивать.

— Он очень серьезный мальчик. Никогда не улыбается.

— Ты меня не слушаешь. Он очень умен. Больше того — у него врожденные способности к математике, каких нет у большинства моих студентов.

— Если ты так считаешь, скажи в школе, пусть ему устроят тесты и определят коэффициент интеллектуальности. Я устала. Утром поговорим.

— Эти тесты слишком ориентированы на определенное куль-

турное окружение. Может быть, позже, когда он поживет здесь некоторое время. Я поговорю с его учителями, когда поведу в школу.

— Только не смей это делать в самый первый день! Ему надо сначала привыкнуть, освоиться. А тебе пора подумать о своих собственных студентах. Завтра в школу поведу его я. Вот увидишь, все будет прекрасно.

Школу Брайан сразу возненавидел. С самой первой минуты. И толстого чернокожего директора — его тут называли принципалом. Все здесь было не так. Непривычно. И все смеялись над ним, с самой первой минуты. А начала учительница.

— Вот здесь будет твое место, — сказала она, неопределенно махнув рукой в сторону ряда столов.

— Третее?

— Да, третье. Только произнеси правильно — «третье». — Она с деланной улыбкой подождала его ответа, но он молчал. — Скажи «третье», Брайан.

— Третее.

— Не «третее», а «третье». У тебя получается «треть ее». Треть кого?

И тут все дети разразились ехидным хохотом. «Треть кого?» — шептали они ему в спину, как только учительница отворачивалась. Когда зазвонил звонок и урок кончился, Брайан вышел в коридор вместе со всеми, но не остался там, а пошел прочь от школы, прочь от них всех. Он шел и шел не оглядываясь.

— Так кончился его первый день в школе, — сказала Долли. — Убежал после первого же урока. Принципал позвонил мне, и я ужасно перепугалась. Уже стемнело, когда полицейские отыскали его и привели домой.

— А он сказал вам, почему это сделал? — спросила доктор Снэрсбрук.

— Ну нет, он был не такой. Или молчит как рыба, или проходу не дает со всякими вопросами, только так. И никакой общительности. Можно сказать, что у него был один-единственный друг — его компьютер. Казалось бы, этого ему должно по горло хватать за время занятий в школе — там же теперь везде компьютеры, вы знаете. Но нет. Придет домой — и опять за свое. И не то чтобы играть в какие-нибудь игры: нет, он сочинял программы на «лого» — это язык, которому их учили в школе. И очень хорошие

программы, так говорил Пэдди. Обучающиеся программы, которые сами писали программы для себя. У Брайана всегда была какая-то особая тяга к компьютерам.

Глава 5

18 февраля 2023 года

Выйдя из операционной, доктор Снэрсбрук увидела, что ее ждет Беникоф.

— У вас есть свободная минута, доктор?

— Да, конечно. Можете рассказать мне, что там у вас происходит.

— Мы можем поговорить об этом у вас в кабинете?

— Хорошая мысль. Я завела себе новую кофеварку и хочу ее опробовать. Ее только утром привезли и установили.

Беникоф закрыл за собой дверь кабинета, повернулся и удивленно поднял брови при виде машины, сверкавшей бронзовыми частями.

— Вы как будто сказали, что она новая.

— Новая для меня. Этому фантастическому сооружению не меньше чем девяносто лет. Таких теперь больше не делают.

— Еще бы!

Кофеварка была высотой почти в два метра — внушительный набор сверкающих кранов, трубок, болтов, цилиндров, и все это венчал сидящий наверху бронзовый орел с распростертыми крыльями. Доктор Снэрсбрук повернула кран, и раздалось громкое шипение пара.

— Вам черный или с молоком? — спросила она, насыпая ароматный молотый кофе в сетку с черной ручкой.

— Черный, и капельку лимонного сока.

— Вижу, вы в этом кое-что понимаете. Только так его и надо пить. Слышно что-нибудь о похитителях?

— Нет, но сложа руки мы не сидели. ФБР, полиция и еще десяток разных служб занимаются расследованием круглые сутки. Прослежены все возможные нити, тщательно изучены малейшие подробности событий той ночи. И несмотря на это, со времени нашего последнего разговора не обнаружено ничего такого, о чем стоило бы рассказать. Прекрасный кофе. — Он сделал еще глоток и подождал, пока она не нальет себе. — К сожалению, это все, что я вам могу сообщить. Надеюсь, что у вас с Брайаном новости получше.

Эрин Снэрсбрук поглядела на дымящуюся черную жидкость и положила еще ложку сахару.

— В сущности, то, что он еще жив, — уже хорошая новость. Но порванные нервы с каждым днем все больше разрушаются. Я пытаюсь обогнать время — и до сих пор не знаю, удается это мне или нет. Вы знаете, что когда нервное волокно отмирает, остается что-то вроде полой трубочки. Вот почему я имплантировала мозговые клетки эмбрионов — чтобы они проросли и заменили эти волокна. Кроме того, машина-манипулятор вводит в трубочки малые дозы стимулятора роста нервных клеток — гамма-НГФ, чтобы стимулировать рост аксонов эмбриональных клеток. Этот метод разработали в 1990-х годах, когда искали способ лечить повреждения спинного мозга, — до того они всегда приводили к неизлечимому параличу. А теперь мы пользуемся им для лечения повреждений головного мозга. И еще один препарат — CPC, он ингибирует тенденцию зрелых клеток мозга противостоять вторжению новых нервных волокон, пытающихся установить новые связи.

Беникоф нахмурился:

— А зачем мозг это делает, если это мешает ему самому исправлять повреждения в нем?

— Интересный вопрос. Большая часть других тканей организма прекрасно умеет устранять повреждения самостоятельно или же позволяет это делать другим клеткам. Но задумайтесь на минуту о том, в чем сущность памяти. Она основана на определенной структуре сети невероятно крохотных контактов между клетками. Однажды возникнув, эти контакты должны сохраняться почти неизменными двадцать, или пятьдесят, или даже девяносто лет! Вот почему мозг изобрел множество специфических, свойственных только ему и не встречающихся в других тканях способов самозащиты, которые предотвращают многие естественные изменения. По-видимому, иметь лучшую память для него важнее, чем уметь устранять повреждения. Так вот, выздоровление Брайана займет довольно долгое время. Самая медленная его часть — восстановление разорванных нервных волокон. На это уйдет по меньшей мере несколько месяцев, даже при использовании НГФ, потому что мы боимся применять его в больших дозах. НГФ стимулирует рост и неповрежденных клеток мозга, и если мы не будем за этим тщательно следить, он может нарушить деятельность тех частей мозга, которые еще способны работать. Не говоря уж о том, что есть риск дать толчок к злокачественному росту. Поэтому состояние Брайана будет улучшаться очень медленно.

— А что вы будете делать дальше?

— Ну, до этого еще далеко, сначала нужно, чтобы проросли новые нервные волокна. Когда это произойдет, нам придется выяснить, чем занимаются нервные клетки, расположенные по обе стороны разрезов. А когда мы в этом разберемся, можно будет подумать о том, чтобы соединить нужные пары.

— Но их должны быть миллионы!

— Их и есть миллионы, но мне не нужно будет распутывать все. Я начну с самых легких. С пучков нервных волокон, которые соответствуют самым элементарным представлениям, какие есть у всякого ребенка. Мы будем показывать ему изображения собак, кошек, стульев, окон — тысяч подобных предметов. И смотреть, какие волокна будут на них реагировать.

Впервые за все это время она, увлекшись, забыла про усталость.

— Потом мы перейдем к словам. Среднеобразованный человек обычно пользуется примерно двадцатью тысячами слов. Это на самом деле не так уж много, если подумать. Мы можем прокрутить пленку, на которой записаны они все, меньше чем за день — а после этого перейти к словосочетаниям, группам слов, целым фразам.

— Простите мою тупость, доктор, но я не вижу в этом смысла. Вы уже много дней пытаетесь говорить с Брайаном, и нет ни малейшего признака, что он на это реагирует. Похоже, что он ничего не слышит.

— Да, похоже, только Брайан сейчас — не «он». Это просто разбитый вдребезги мозг, набор не соединенных между собой частей. Нам предстоит разобраться в том, что это за части, и заново их соединить. В этом весь смысл того, что мы делаем. Если мы хотим заново выстроить его сознание, мы должны сначала вернуться к самому началу и восстановить его части, чтобы потом соединить их и связать воедино его воспоминания. Что касается ввода информации, то сегодня был удачный день. Мы много узнали о первых годах учебы Брайана — о том важнейшем периоде, который определил его дальнейшую жизнь. Нам очень повезло, что ваши люди сумели разыскать психиатра, работавшего в его школе, — он сейчас преподает в Орегоне, его привезли сюда. Некий Рене Джимел. Он познакомился с Брайаном в первый же день, когда мальчик появился в школе, и после этого регулярно с ним встречался. К тому же он много беседовал с отцом мальчика. Он дал нам кое-какую отличную информацию для ввода.

— Что-нибудь неладно, доктор Джимел? — спросил Пэдди, тщетно стараясь, чтобы в его голосе не звучала тревога. — Я приехал, как только получил вашу записку.

Джимел улыбнулся и покачал головой:

— Наоборот, очень хорошая новость. Я помню, что, когда мы в прошлый раз говорили с вами и вашей женой, я предупреждал, что вам придется проявить терпение, что Брайану понадобится время на то, чтобы освоиться в этой совершенно новой обстановке. Всякому ребенку из маленького городка, которого забирают оттуда и привозят на другой конец света, нужно время, чтобы привыкнуть к переменам. Я с самого начала знал, что у Брайана будут с этим трудности, и был готов к самому худшему. Очень скоро выяснилось, что его ровесники в Ирландии преследовали и отвергали его, смеялись над ним за то, что он внебрачный ребенок. Хуже того, он чувствовал, что после смерти матери его отвергают и все его близкие родственники. Я виделся с ним раз в неделю и делал что мог, чтобы помочь ему это пережить. И хорошая новость состоит в том, что в помощи он нуждается, кажется, все меньше и меньше. Правда, он не слишком общителен с одноклассниками, но это со временем пройдет. Что касается учебы, то тут лучшего и желать не приходится. От преподавателей потребовалась лишь некоторая настойчивость, чтобы он с неудовлетворительных оценок вышел на круглые пятерки по всем предметам.

— «Настойчивость» — это звучит немного зловеще. Что вы имели в виду?

— Может быть, это слово здесь и не годится. Вероятно, лучше говорить о поощрении за старательность. Вы прекрасно знаете — опытный учитель всегда стремится отмечать и поощрять хорошее поведение и успешную учебу. Это попросту закрепление положительного условного рефлекса, неизменно эффективный метод. Если поступать наоборот — тыкать носом в ошибки, это почти ничего не дает, кроме одного: появляется чувство вины, что почти всегда приводит к обратным результатам. Для Брайана все учебные проблемы решил компьютер. Я видел записи его действий — да вы и сами можете их посмотреть, если захотите, — и знаю, чего он достиг всего за несколько недель.

— Записи действий? Боюсь, я не совсем понимаю.

Джимел в смущении принялся перекладывать бумаги на столе.

— В этом нет ничего необычного или незаконного. Это практикуется в большинстве школ, а здесь, в Университете свободного предпринимательства, это обязательное требование. Вы должны были это видеть, когда подписывали контракт о приеме на работу.

— Не помню. Там было пятьдесят с лишним страниц мелкого шрифта.

— А что сказал по этому поводу ваш адвокат?

— Ничего, я с ним не советовался. В то время жизнь у меня была... ну, скажем, довольно бурная. Так вы хотите сказать, что работа на компьютере всех учеников вашей школы находится под контролем и все, что они туда вводят, записывается?

— Обычная, общепринятая практика, очень полезный инструмент диагностики и воспитания. В конце концов, когда еще существовали тетради для выполнения письменных заданий, их тоже представляли на просмотр и проверку. Можно считать, что контроль за работой ученика на компьютере — это почти то же самое.

— Не думаю. Мы проверяем тетради, но не личные дневники. Но все это не имеет отношения к делу. О моральной стороне этих сомнительных действий мы поговорим как-нибудь в другой раз. Сейчас речь о Брайане. Что же видно из этих тайных записей?

— Что у него крайне оригинальное и необычное мышление. Вы знаете, что «лого» — не просто первый компьютерный язык, которому обучают детей. При искусном применении он очень гибок. Я пришел в восторг, когда увидел, что Брайан не только решал предлагавшиеся ему задачи, но после этого пытался писать метапрограммы, которые охватывали бы все возможные решения. Он создал свои базы данных и изобрел собственные правила программирования. Например, если требовалось получить промежуточный ответ, он вставлял вместо него несколько строк кодовой записи, а редактировал решение потом. Это очень легко делать в «лого», если знать как, потому что все инструменты для этого там заложены. Например, пока другие учились с помощью «лого» рисовать изображения и графики, Брайан их намного опередил. Каждый полезный фрагмент рисунка он сохранял и записывал как отдельную функцию, вводя при этом геометрические ограничения — где этот фрагмент разместить. И теперь его программы рисуют очень похожие карикатуры на других учеников, и на меня тоже. У них даже бывает разное выражение лица. Это было на прошлой неделе — а с тех пор он уже усовершенствовал программу. Теперь эти фигурки могут ходить и решать простые задачки прямо на экране.

Когда Пэдди в тот вечер возвращался домой, ему было о чем подумать.

...Беникоф и доктор Снэрсбрук, вздрогнув, обернулись. С шумом распахнув дверь, в кабинет шагнул генерал Шоркт. Правый рукав его мундира, пришпиленный к поясу, мотнулся в воздухе, когда он ткнул пальцем левой руки в доктора Снэрсбрук.

— Вы! Если вы доктор Снэрсбрук, следуйте за мной.

Она медленно откинулась на спинку кресла, чтобы встретить взгляд возвышавшегося над ней генерала.

Лицо ее оставалось невозмутимым.

— Кто вы такой? — спросила она ледяным тоном.

— Объясните ей, — бросил генерал Беникофу.

— Это генерал Шоркт, который...

— Достаточно. Положение критическое, и требуется ваше содействие. Здесь, в палате интенсивной терапии, находится один больной по имени Брайан Дилени. Ему угрожает крайняя опасность.

— Мне это прекрасно известно.

— Нет, речь не о его здоровье. Опасность физического нападения. — Беникоф хотел что-то сказать, но генерал повелительным жестом остановил его: — Позже. У нас очень мало времени. Руководство госпиталя сообщило мне, что больной в очень плохом состоянии и пока нетранспортабелен.

— Это верно.

— Тогда нужно подправить регистрационные документы. Вы пройдете со мной и сделаете это.

Снэрсбрук побелела как мел; она не привыкла, чтобы с ней разговаривали в таком тоне. Но прежде чем она успела выразить возмущение, вмешался Беникоф:

— Доктор, позвольте, я вкратце введу вас в курс дела. У нас есть все основания полагать, что, когда Брайан был ранен, еще нескольких человек убили. Это затрагивает национальную безопасность, иначе бы генерала здесь не было. Я не сомневаюсь, что впоследствии вы получите все нужные разъяснения, а сейчас прошу вас оказать содействие.

Нейрохирургам часто приходится принимать мгновенные решения, от которых зависит жизнь или смерть. Доктор Снэрсбрук поставила на стол чашку с кофе, быстро встала и направилась к двери.

— Хорошо. Пройдите со мной на сестринский пост.

Было ясно, что генерал не приобрел себе друзей в больнице с тех пор, как здесь появился. Снэрсбрук пришлось долго успокаивать разъяренную старшую сестру. В конце концов ее удалось убедить, что дело действительно срочное. Она велела остальным

сестрам отправляться на свои места, а Снэрсбрук в это время избавилась от дежурного врача. Только после того как они скрылись за дверью, генерал повернулся к седовласой старшей сестре, которая без тени испуга встретила его сердитый взгляд.

— Где сейчас этот больной? — спросил он. Сестра повернулась к пульту и нажала на кнопку.

— Здесь. Интенсивная терапия, палата 314.

— На этом этаже есть свободные палаты?

— Только 330-я. Но там два места...

— Это не имеет значения. Теперь поменяйте информацию на пульте и в документах — там должно быть записано, что Дилени находится в 330-й, а 314-я свободна.

— Но это создаст путаницу...

— Выполняйте.

Сестра с большой неохотой сделала то, что ей приказали. Когда она нажимала на кнопки, вбежала еще одна сестра, наспех пришпиливая на грудь больничную эмблему. Шоркт угрюмо кивнул:

— Наконец-то, лейтенант. Займите свой пост. Мы уходим. Если кто-нибудь спросит, то больной Брайан Дилени находится в 330-й палате. — Быстрым движением руки он остановил старшую сестру, которая хотела что-то сказать. — Лейтенант Дрейк находится на военной службе. Она медсестра с большим опытом работы в госпитале. Никаких трудностей с ней не возникнет. — Рация у него на поясе загудела, он поднес ее к уху и несколько секунд слушал. — Понял. — Он снова повесил рацию на пояс и огляделся. — В нашем распоряжении, вероятно, около двух минут. Слушайте и не задавайте вопросов. Мы все сейчас уйдем отсюда — вообще с этого этажа. Лейтенант Дрейк знает, что делать. Мы только что узнали, что вот-вот произойдет покушение на жизнь этого больного. Я хочу не только предотвратить преступление, но и получить сведения о тех, кто попытается его совершить. От вас требуется только сейчас же покинуть этот этаж. Понятно?

Все, даже не пытаясь возражать, последовали за генералом. Сестра Дрейк, вытянувшись по стойке «смирно», смотрела, как они спешат по коридору к лестнице и покидают третий этаж. Только когда они скрылись из виду, она глубоко вздохнула и почувствовала себя немного свободнее. Одернув халат, она подошла к зеркалу на стене, чтобы поправить белую шапочку. Снова повернувшись к столу, она чуть не вздрогнула от неожиданности, увидев стоящего у стола молодого человека.

— Я могу вам чем-нибудь помочь... доктор? — спросила она.

На молодом человеке был белый халат, из кармана торчал электронный стетоскоп.

— Да нет, ничего. Я просто проходил мимо. Там, внизу, несколько посетителей в большом волнении спрашивают про какого-то Брайана Дилени. Это что, новенький? — Он перегнулся через пульт и нажал на кнопку. — Вот этот?

— Да, доктор. Интенсивная терапия, палата 330. Состояние критическое, но стабильное.

— Спасибо. Я передам им, когда пойду назад.

Сестра улыбнулась ему. Приятная внешность, ровный загар, возраст — лет под тридцать, в руках черный чемоданчик. Все еще улыбаясь, она положила руку на талию и, как только он повернулся к ней спиной, дважды нажала на кнопку, выглядевшую как обыкновенная пуговица.

Молодой человек шел по коридору, что-то тихо насвистывая. Он повернул за угол и миновал 330-ю палату, не взглянув в ее сторону. Дойдя до следующего поворота, он остановился, бросил взгляд в оба конца поперечного коридора, а потом быстро и бесшумно вернулся к двери палаты. Коридор был пуст. Сунув руку в свой чемоданчик, молодой человек распахнул дверь и увидел две пустые кровати. Прежде чем он успел шевельнуться, два человека, прятавшиеся по обе стороны двери, уперлись ему в спину стволами своих пистолетов.

— А ну отставить, что ты там собирался сделать! — сказал тот, что был повыше.

— Ну, привет, — отозвался молодой человек и, бросив чемоданчик, поднял руку с револьвером.

Оба выстрелили в него, стараясь не убить, а только ранить. Одна пуля попала ему в правое плечо, другая в левую руку. Все еще улыбаясь, молодой человек ничком упал на пол. Прежде чем они успели схватить его и перевернуть, послышался приглушенный хлопок выстрела.

У обоих был очень смущенный вид, когда в палату быстро вошел генерал Шоркт.

— Он сам это сделал, сэр, мы не успели его остановить. Один выстрел в грудь разрывной пулей. Проделал в себе громадную дыру, ее уж не залатать, даром что мы тут прямо в больнице.

Ноздри у генерала раздулись, а разъяренный взгляд, который он переводил с одного на другого, словно водя стволом скорострельной пушки, был куда страшнее любых слов. В нем явственно читались выговор, разжалование, конец карьере. Генерал

повернулся на каблуках и вышел из палаты к ожидавшему снаружи Беникофу.

— Вызовите ФБР, пусть займутся телом. Выясните все, что возможно. Все, что только возможно!

— Будет сделано. А вы мне не скажете, в чем вообще дело?

— Нет. Знать должны только те, кому это необходимо. Вам незачем знать больше. Скажу только одно. Эта история в «Мегалоуб», оказывается, часть гораздо более серьезного дела, о чем мы узнали только недавно. И нельзя допустить, чтобы такое покушение повторилось. Здесь будет выставлена круглосуточная охрана до тех пор, пока больного нельзя будет перевезти в другое место. А как только это станет возможно, его немедленно доставят вон туда, на тот берег залива, на «Остров идиотов». На военно-морскую базу Коронадо. Я не люблю флотских, но они, по крайней мере, тоже военные. Надеюсь, они смогут обеспечить безопасность одного-единственного человека в своем госпитале на территории самой большой в мире военно-морской базы. Надеюсь.

— Конечно, смогут. Но вы должны сообщить мне информацию об этом покушении. Иначе это затруднит мое расследование.

— Информацию получите, когда придет время, — ледяным тоном ответил генерал. Но Беникофа это не остановило. Таким же ледяным тоном он произнес:

— Меня это не устраивает. Если это организовали те же, кто стрелял в Брайана, я должен все знать.

Наступила пауза, потом генерал неохотно принял решение:

— Могу сообщить вам абсолютно необходимый минимум. У нас есть информатор в одной преступной организации. Он узнал о подготовке этого покушения и связался с нами, как только смог это сделать. Он знает только, что убийца был наемный, но пока не знает, кто его нанял. Когда он получит эти сведения — если получит, — они будут переданы вам. Это вас устраивает?

— Устраивает. Только не забудьте.

На злобный взгляд генерала Беникоф ответил любезной улыбкой, повернулся и пошел прочь.

Доктора Снэрсбрук он нашел в ее кабинете. Закрыв и заперев за собой дверь, он рассказал ей, что произошло.

— И до сих пор неизвестно, кто стоит за покушением и зачем это им понадобилось? — спросила она.

— Зачем — это довольно очевидно. Те, кто похитил оборудование и материалы по искусственному интеллекту, хотят быть

монополистами — и чтобы не осталось очевидцев. Они хотят, чтобы Брайан никогда не заговорил.

— В таком случае давайте подумаем, что мы можем сделать, чтобы помешать их планам. Что касается перевода в Коронадо, это будет не так просто и не так скоро. Сейчас Брайан не в таком состоянии, чтобы его можно было перевозить, а кроме того, я не хочу прерывать процесс заживления. Я же говорила — мы пытаемся опередить время. Так что вам с вашим противным генералом придется придумать какой-нибудь способ, чтобы обеспечить безопасность Брайана в этой больнице.

— Генерал будет в восторге. Я должен выпить еще чашку кофе, прежде чем пойду и обрадую его.

— Наливайте. А мне пора в операционную.

— Я пойду с вами. Не уйду отсюда, пока не увижу, как именно генерал намерен обеспечивать безопасность.

Глава 6

19 февраля 2023 года

На следующее утро Беникоф вошел в кабинет доктора Снэрсбрук, как раз когда она собиралась отправляться в операционную.

— Есть у вас свободная минута?

— Только минута, не больше. День сегодня трудный.

— Я думаю, вам будет интересно узнать про убийцу. Как и ожидалось, никаких документов, никаких ярлыков на одежде, ничего. Но кровь его кое-что дала. В рапорте говорится, что, судя по группе крови, он из Южной Америки. Точнее, из Колумбии. Я не знал, что они могут с такой точностью это определять.

— Группы крови теперь определяют все детальнее. Не исключено, что через некоторое время по ним можно будет точно указать место рождения. Это все?

— Не совсем. У него далеко зашедший СПИД и тяжелая героиновая наркомания. На дело он пошел в момент просветления, но в чемоданчике у него был наготове шприц с дозой, которой можно убить лошадь. Значит, это наемный убийца, готовый на все, чтобы заработать на удовлетворение своей дорогостоящей страсти. На этом нить обрывается, но следователи пытаются выйти на людей, которые его наняли. Мне еще не сказали, кто они и как эта информация до нас дошла. Можете быть уверены, что это было нелегкое дело.

— Понимаю. Теперь прошу извинить, мне надо приступать к работе. Пойдемте.

Они молча вымылись, переоделись и вошли в операционную. Простыни, прикрывавшие открытый мозг Брайана, были уже убраны.

— Надеюсь, что эта операция окажется последней, — сказала Эрин Снэрсбрук. — Вот компьютер, который будет вживлен ему в мозг.

На ладони у нее лежал какой-то предмет причудливой формы из черного пластика. Она поднесла его поближе к телекамере, которая фиксировала все подробности операции.

— Это компьютер-коммутатор СМ-10, в нем миллион процессоров. Тактовая частота 1000 мегагерц, оперативная память 1000 мегабайт. Он с легкостью выполняет 100 триллионов операций в секунду. Даже после того как мы вживили пленочные микроконтакты, в мозгу после удаления отмерших тканей осталось достаточно места, чтобы его туда поместить.

Она положила суперкомпьютер на стерильный лоток. Щупальца возвышавшейся над ним машины опустились вниз, обследовали компьютер, обхватили его и повернули в нужное положение. Потом машина подняла компьютер и поднесла его к отверстию, прорезанному в черепе Брайана.

— Прежде чем окончательно поставить его куда нужно, он должен быть соединен с каждым из пленочных микрочипов. Вот — все соединения сделаны, компьютер устанавливается на свое постоянное место. Как только подключимся к его выходу, начнем закрывать операционное поле. Он уже сейчас должен работать. В него заложена распознающая и самообучающаяся программа — она узнает похожие или связанные друг с другом сигналы и перераспределяет их между микрочипами. Надеюсь, что теперь мы получим доступ к его воспоминаниям.

— Это какой-то странный подарок к окончанию школы, — сказала Долли. — Мальчику нужен костюм и новая куртка.

— Ну так купи их, пройдись с ним по магазинам после занятий, — сказал Пэдди с усмешкой, наклоняясь, чтобы завязать шнурки. — Тряпки, тряпки — что за подарок для парня? Особенно по такому случаю. Он прошел курс старших классов меньше чем за год и теперь собирается поступать в университет. А ему всего двенадцать.

— Тебе не приходило в голову, что мы слишком его торопим?

— Долли, ты же прекрасно знаешь, что это не так. Никто его не торопит. Если уж на то пошло, нам приходится сдерживать мальчишку. Это была его идея — поскорее покончить со школой, потому что он хочет заняться такими предметами, которых среднее образование не предусматривает. Вот почему он хочет посмотреть, где я работаю. До сих пор по правилам безопасности это Брайану было запрещено. Так что наступил очень волнующий момент в его жизни — теперь он получил достаточное образование, чтобы двигаться дальше. Университет представляется ему каким-то рогом изобилия, из которого посыплются всевозможные заманчивые яства.

— Ну, это верно. Надо бы ему побольше есть. Стоит ему засесть за компьютер, как он обо всем забывает.

— Это образное выражение! — рассмеялся Пэдди. — Пища для интеллекта, чтобы насытить его любознательность.

Долли была задета, хотя и постаралась этого не показать.

— Ну вот, ты надо мной смеешься, а я всего-навсего забочусь о его здоровье.

— Я над тобой не смеюсь — а со здоровьем у него все в порядке. Вес нормальный, тянется вверх на глазах, плавает и тренируется, как любой другой мальчишка. А вот его интеллектуальная любознательность — совсем другое дело. Ты пойдешь с нами? Сегодня у него большой праздник.

Она покачала головой:

— Это не для меня. Развлекайтесь сами, только возвращайтесь не позже шести. Я готовлю индейку со всем, что к ней полагается, а позже придут Милли и Джордж. К их приходу мне еще надо прибраться...

Дверь с грохотом распахнулась, и влетел Брайан.

— Ты уже готов, пап? Пора.

— Готов.

Брайан был уже за дверью, когда Пэдди крикнул ему вслед:

— Не забудь попрощаться с Долли!

— Пока! — И он исчез.

— Сегодня для него очень важный день, — сказал Пэдди.

— Конечно, очень важный, — тихо повторила про себя Долли, когда дверь за ним закрылась. — А я тут всего-навсего вместо прислуги.

Искусственный остров и примыкавшие к нему нефтяные платформы уже стали для Брайана домом, он больше не воспринимал их как что-то необычное. На первых же порах он облазил

здесь все закоулки, тайком спускался по трапам вниз, на уровень моря, где волны разбивались о стальные колонны опор, забирался на вертолетные площадки наверху, однажды даже перелез через загородку и по лестнице поднялся на вышку с антеннами, которая венчала административный корпус, — это была самая высокая точка на территории УСП. Однако его интерес к этим механическим конструкциям оказался очень скоро удовлетворен, и теперь, когда они шли по мостику на лабораторную платформу, у него было достаточно других, куда более важных и интересных тем для размышлений.

— На этой платформе все наши электронные лаборатории, — объяснял Пэдди. — Вон там, под куполом, генератор — мы должны иметь надежное и стабильное энергоснабжение.

— Водо-водяной реактор с подводной лодки «Рыба-парусник». Списан в лом в 1994 году, когда было заключено соглашение о всемирном разоружении.

— Он самый. Теперь пойдем ко мне, на второй этаж.

Брайан молча озирался по сторонам, охваченный волнением. Была суббота, и в корпусе, кроме них, никого не было. Однако раздававшееся время от времени гудение дисководов и светящийся экран свидетельствовали о том, что по меньшей мере одна программа работает.

— Вот мое рабочее место, — сказал Пэдди, указывая на один из терминалов. На клавиатуре лежала прокуренная вересковая трубка, он отложил ее в сторону и подвинул Брайану стул.

— Садись и нажми любую клавишу, он включится. Должен тебе сказать, что я горжусь этой железякой — «Z-77», совсем новый. Можешь себе представить, чем мы тут занимаемся, если они не скупятся на такие штуки. Рядом с ним «Крэй» выглядит таким же старьем, как поломанный «Макинтош».

— Правда? — широко раскрыв глаза от восхищения, Брайан провел пальцем по краю клавиатуры.

— Ну, не совсем, — улыбнулся Пэдди и полез в карман за табаком. — Но некоторые расчеты он делает быстрее, а мне это нужно для работы над «ламой». «Лама» — это новый язык, который мы тут разрабатываем.

— А для чего он?

— Это новая, быстроразвивающаяся и специальная область применения. Ведь ты пишешь свои программы на «лого»?

— Конечно. И на «бэйсике», и на «фортране», и еще кое-что пробовал учить по руководствам. Учительница мне немного рассказывала об экспертных системах.

— Тогда ты уже знаешь, что разные компьютерные языки создаются для разных целей. «Бэйсик» — хороший элементарный язык, чтобы познакомиться с кое-какими самыми простыми вещами, которые может делать компьютер, — чтобы описывать процедуры шаг за шагом. «Фортраном» пользовались последние лет пятьдесят, потому что он особенно хорош для повседневных научных расчетов, хотя сейчас его заменили системы манипуляции символами, которые умеют разбираться в формулах. «Лого» — это для начинающих, особенно для детей, он очень графичен, легко позволяет рисовать на экране.

— И еще на нем можно писать программы, которые пишут и запускают другие программы. На других языках это не удается. Они отказывают, когда пытаешься это сделать.

— Ты увидишь, что «лама» тоже дает такую возможность. Потому что в основе ее, как и «лого», лежит старый язык «лисп». Один из самых старых и все еще один из самых лучших, потому что он несложен и при этом может отслеживать собственные ошибки. Когда исследования по искусственному интеллекту только начинались, почти все первые экспертные программы были основаны на языке «лисп». Но для новых параллельных процессоров, которыми пользуются в этой области сейчас, нужен другой подход — и другой язык, чтобы делать все то же самое и еще многое сверх того. Для этого и создана «лама».

— А почему ее назвали по имени животного?

— Да нет, это значит «логический анализ метафор». В ней частично использована программа «цик», которая появилась в 1980-х годах. Чтобы создать искусственный интеллект, нужно сначала понять, как работает наш собственный.

— Но если мозг — просто компьютер, то что такое интеллект, сознание? Как они связаны?

Пэдди улыбнулся:

— Это пока полная тайна почти для всех, включая некоторых самых лучших ученых. Но на самом деле, насколько я понимаю, здесь вообще нет никакой проблемы — просто вопрос поставлен неправильно. Не нужно представлять себе мозг и сознание как разные вещи, которые нужно как-то связать между собой, — это просто два способа описывать одно и то же. Сознание — всего лишь то, что делает мозг.

— А как компьютер в нашем мозгу рассчитывает мысли?

— В точности этого никто не знает, но некоторое общее представление есть. Это не просто один большой компьютер. Он состоит из миллионов отдельных пучков связанных между собой нервных клеток. Как человеческое общество. Каждый такой пучок — самостоятельный элемент, который либо сам по себе умеет выполнять какую-то небольшую задачу, либо знает, как привлечь на помощь другие элементы. Мышление — это совместная работа всех таких элементов, соединенных между собой так, что они могут помогать друг другу или же не мешать, если помочь не могут. Так что, хотя каждый элемент способен на очень немногое, он все же может нести маленький кусочек знания, которое делит с другими.

— Ну и как «лама» помогает им делиться знаниями?

Брайан слушал сосредоточенно, впитывая каждое слово, вдумываясь и пытаясь понять.

— Она комбинирует оболочку экспертной системы с гигантской базой данных, которая называется «цик» — от слова «энциклопедия». В основе всех прежних экспертных систем лежали крайне специализированные области знания, а «цик» дает «ламе» миллионы фрагментов общеизвестных знаний — того, что известно всем.

— Но если в ней так много фрагментов, то откуда «лама» узнает, какие ей нужны?

— Для этого используются специальные соединительные элементы — немы. Они связывают каждый фрагмент знаний с определенными другими фрагментами. Так что если ты сообщишь «ламе», что вон тот стакан сделан из стекла, немы автоматически заставляют ее сделать вывод, что он хрупок и прозрачен, если только нет данных, которые указывали бы на обратное. Другими словами, «цик» снабжает «ламу» миллионами ассоциаций между понятиями, которые необходимы, чтобы мыслить.

Пэдди остановился и стал раскуривать трубку. С минуту мальчик сидел молча.

— Это непросто, — сказал Пэдди. — Особенно с первого раза.

Но он неверно истолковал молчание Брайана. Совершенно неверно, потому что мальчик за это время успел довести его рассуждения до логического конца.

— Если этот язык так работает, то почему нельзя на его основе сделать настоящий искусственный интеллект? Чтобы он мог думать сам, как человек?

— Почему нельзя? Можно. Именно это мы и надеемся сделать.

Глава 7

22 февраля 2023 года

Эрин Снэрсбрук чувствовала себя слегка ошалелой спросонья, хотя проспала всего пять часов. Да и это она себе позволила против собственного желания только потому, что вообще не ложилась в постель почти трое суток. У нее уже начинались галлюцинации, и в операционной она несколько раз ловила себя на том, что глаза у нее закрываются сами собой. Больше она так не могла. Найдя свободную ординаторскую, она мгновенно провалилась в черную дыру и с трудом очнулась, как ей показалось, в следующее мгновение от звона будильника.

Холодный душ вернул ее к жизни. Она увидела в зеркале свои покрасневшие глаза и принялась подкрашивать губы.

— Должна тебе сказать, Эрин, вид у тебя — хуже не бывает, — пробормотала она, разглядывая свой обложенный язык. — Прописываю тебе, доктор, крепкого кофе. Лучше внутривенно.

Войдя в свою приемную, он увидела, что Долли уже сидит там, листая затрепанный журнал «Тайм». Она посмотрела на часы.

— Свежие журналы постоянно воруют больные, можете себе представить? Состоятельные больные, иначе они бы здесь не оказались. Даже туалетную бумагу и мыло таскают. Извините, что опоздала.

— Нет, ничего, доктор, все в порядке.

— Мы с вами выпьем кофе, а потом возьмемся за работу. Заходите, я сейчас.

Мадлен уже приготовила почту, и Эрин принялась быстро просматривать ее, но подняла глаза, когда дверь с шумом распахнулась, и заставила себя улыбнуться рассерженному чем-то генералу.

— Почему вы и ваш больной все еще здесь, в больнице? Почему не выполнен мой приказ о переезде?

Слова у генерала вылетали как снаряды. Эрин Снэрсбрук мысленно перебрала несколько ответов, по большей части очень обидных, но она была слишком утомлена, чтобы с утра затевать перепалку.

— Сейчас все вам покажу, генерал. Тогда вы, может быть, перестанете меня донимать.

Она швырнула почту на стол, протиснулась мимо генерала, вышла в коридор и направилась к блоку интенсивной терапии, где лежал Брайан. Позади слышались тяжелые шаги генерала.

— Наденьте, — приказала она, бросив генералу стерильную маску. — Ах, прошу прощения. — Она взяла маску и сама надела на него, сообразив, что одной рукой это сделать трудно. Потом она надела свою маску и приоткрыла дверь блока, чтобы можно было туда заглянуть. — Смотрите как следует.

Тело, лежавшее на столе, было едва видно под переплетением труб, трубочек, проводов и приборов. Над ним были простерты руки манипулятора, разветвляющиеся щупальца которого уходили под простыню. Из-под нее змеей выползал гибкий шланг кислородной маски, к рукам, ногам и чуть ли не ко всем отверстиям неподвижного тела тянулись капельницы и еще какие-то трубки. На пульте одного из замысловатых приборов, стоявших у стены, замигали огоньки; сестра, взглянув на экран, подошла к пульту и повернула какую-то ручку. Снэрсбрук снова закрыла дверь и стянула маску с лица генерала.

— Вы хотите переместить все это? Вместе с машиной-контактором, не отключая ее ни на секунду? Сейчас она работает со вживленным компьютером — перераспределяет нервные сигналы.

Она повернулась на каблуках и вышла: молчание генерала было достаточно красноречивым ответом.

Весело напевая про себя, она вошла в свой кабинет и включила кофеварку. Долли сидела на краешке стула, и Эрин ткнула в ее сторону ложечкой.

— Как насчет хорошего, крепкого черного кофе?

— Я не пью кофе.

— Напрасно. Оно не так вредно для обмена веществ, как алкоголь.

— Я не могу спать, тут дело в кофеине. А алкоголя я тоже не употребляю.

Доктор Снэрсбрук сочувственно кивнула — что тут можно сказать? — уселась за стол и вызвала на экран расшифровку их предыдущего разговора.

— В прошлый раз вы, Долли, рассказали мне множество очень важных вещей. У вас не только прекрасная память — вы понимаете, что меня интересует. Вы были для Брайана хорошей, любящей матерью, это сразу видно по тому, как вы о нем говорите.

Она подняла глаза и увидела, что та слегка порозовела от этой небрежно брошенной похвалы. Жизнь у Долли была нелегкая, и выслушивать комплименты ей доводилось не так уж часто.

— Вы помните, когда у Брайана началось половое созрева-

ние? — спросила она, и румянец смущения на лице Долли стал гуще.

— Ну, вы же знаете, у них это не так явно, как у девочек. Но по-моему, довольно рано, около тринадцати лет.

— Это в высшей степени важно. До сих пор мы проследили его эмоциональное развитие в раннем детстве, потом выяснили, как шла у него учеба и развивался интеллект. Все это очень хорошо. Но при наступлении половой зрелости происходят решающие эмоциональные и физиологические изменения. Этот период мы должны исследовать как можно глубже и обстоятельнее. Вы не помните, назначал он кому-нибудь свидания, были у него девушки?

— Нет, ничего подобного не было. Ну, была одна девушка, с которой он некоторое время встречался, она иногда приходила к нам, чтобы поработать на его компьютере. Но это, кажется, продолжалось очень недолго. А больше у него никого не было. Конечно, тут сыграла роль разница в возрасте — она была намного старше его. Поэтому отношения у них могли быть только платонические. Я ее помню — хорошенькая такая. Ее звали Ким.

— Ким, смотрите внимательно на ваш экран, — сказал доктор Бетсер. — У вас уже были с этим трудности на прошлой неделе, и, пока вы не разберетесь как следует, что тут получается, вы не сможете двигаться дальше. Смотрите.

Преподаватель набрал уравнения на своем компьютере, который вывел их на большой экран для всеобщего обозрения, и в то же мгновение они появились на экранах настольных терминалов, стоявших перед каждым студентом.

— Покажите нам, как это решается, — сказал он и переключил управление на нее. Ким нерешительно дотронулась до клавишей. Все посмотрели на большой экран.

Все, кроме Брайана: он решил задачу через минуту после того, как ее задали. В колледже ему уже становилось так же скучно, как и в школе. На занятиях почти все время приходилось ждать, пока остальные его догонят. Эти жалкие тупицы смотрели на него сверху вниз, словно на какого-то урода. Все они были на четыре-пять лет старше его, и большинство — на голову выше, временами он чувствовал себя карликом. И это была не просто чрезмерная мнительность — они действительно его недолюбливали, он в этом не сомневался. Считали, что таким маленьким здесь не место. Ну и завидовали тоже: он выполнял задания намного лучше

и быстрее их. Интересно, каково было учиться тем, кто действительно умел думать: Тьюрингу, Эйнштейну, Фейнману?

Он взглянул на экран и едва не застонал: девчонка опять запуталась. Смотреть противно. Он незаметно придвинул к своему терминалу карманный калькулятор и быстро набрал зашифрованную команду. В окне на экране появилась колонка итальянских глаголов, и он принялся просматривать их, запоминая те, которые еще не знал.

Брайан уже давно догадался, что в школе все компьютеры прослушиваются и все вводимые в них данные записываются. Это стало ему очевидно по вопросам, которые задавали учителя: некоторые вещи они могли узнать только таким тайным способом. Обнаружив это, он взял за правило использовать школьный компьютер только для решения школьных задач.

Позже, в колледже, он заметил, что все преподаватели, особенно доктор Бетсер, совершенно убеждены, что каждое их слово — золото, и очень огорчаются, когда замечают, что во время их лекций он играет в компьютерные игры или работает с какими-нибудь базами данных вместо того, чтобы уделять им все свое внимание. Но всегда можно что-нибудь придумать. Если бы все компьютеры в аудитории были соединены кабелями, изменять направление потоков информации было бы труднее — а может быть, и легче. Но здесь использовали узкополосные инфракрасные линии связи, и всю комнату заполняли невидимые сигналы. Каждый терминал был снабжен СИДом — светоизлучающим диодом с цифровым управлением, который передавал информацию по каналу с низким уровнем помех. А фотодетектор принимал сигналы, на которые был настроен. Брайан вышел из положения, соорудив перехватывающее устройство, которое замаскировал под карманный калькулятор. Лежа рядом с компьютером, оно перехватывало поступающий сигнал и снова транслировало его. Таким образом Брайан получил возможность делать все, что хотел, и никто об этом не знал. То, что было на его экране, предназначалось только для его глаз! Allattare — накормить, кормить грудью... Allenare — тренироваться...

Прислушиваясь вполуха к тому, что происходило в аудитории, он смутно уловил в голосе доктора Бетсера хорошо знакомые ему усталость и раздражение.

— ... Вы плохо представляете себе, как производятся последовательные приближения. Если вы не поймете эту важнейшую вещь, потом вам станет еще труднее. Брайан, покажите, пожа-

луйста, как это делать правильно, чтобы мы могли двигаться дальше. А с вами, Ким, я хотел бы поговорить после занятий.

Брайан отложил калькулятор в сторону, и итальянские глаголы исчезли. Он взглянул на экран и сразу увидел, где она ошиблась в первый раз.

— Вот отсюда неправильно, — сказал он, передвигая курсор и выделяя уравнение. — После того как найден корень первого порядка, нужно вычесть его из первоначального уравнения, и только после этого можно будет таким же способом получить следующий член. Если забыть это сделать, будешь снова и снова получать тот же самый член. Потом нужно разделить на независимую переменную, иначе в следующий раз получишь нуль. А в конце надо сделать все сначала, снова прибавляя корни и умножая на переменную. По-моему, дело тут вот в чем. Здесь все думают, что это разные вещи: производные, приближения, приближения второго порядка и так далее. Но на самом деле это всего один прием, который повторяется снова и снова. Не могу понять, почему это так бестолково объясняют...

Час спустя Брайан только успел вгрызться в свой бутерброд с сыром и томатным соусом и углубиться в чтение «Галактических воинов с Проциона», как кто-то плюхнулся на скамейку рядом с ним. Это было необычно: остальные студенты старались не иметь с ним дела. Еще необычнее было то, что чьи-то загорелые пальцы вытащили книгу у него из рук и бросили на стол.

— Опять какая-то космическая чушь для маленьких! — сердито сказала Ким.

Он не раз уже спорил с ней по этому поводу.

— Словарь, которым пользуется научная фантастика, вдвое обширнее, чем в любом другом виде массовой литературы. А любители фантастики находятся в самой верхней группе распределения...

— Чушь и ерунда! Ты меня сегодня совсем дурой выставил.

— Да ведь ты и была... Извини.

Увидев виноватое выражение на лице Брайана, она смягчилась, да и вообще не в ее привычках было подолгу дуться. Она рассмеялась и сунула ему книжку обратно, попав в лужицу томатного соуса. Он улыбнулся и вытер обложку салфеткой.

— На самом деле ты тут вообще не виновата, — сказал он. — Старик Бетсер, может, и гениальный программист, но объяснять он ни капельки не умеет.

— Что ты хочешь сказать? — в голосе у нее прозвучал интерес.

Она протянула руку и отломила кусок от его бутерброда. Он заметил, что зубы у нее очень белые и ровные, а губы ярко-красные, и притом без всякой помады. Он придвинул ей остатки бутерброда.

— Он постоянно отвлекается и начинает растолковывать вещи, которые не имеют никакого отношения к тому, о чем идет речь. Я всегда заранее читаю следующую главу в учебнике, чтобы он меня не сбивал с толку, когда начинает свои объяснения.

— Потрясающе! — не выдержала Ким при мысли о том, что кто-то может читать в учебнике то, чего пока еще не задавали, когда вместо этого можно найти столько интересных занятий. — Ты можешь объяснить лучше, умник?

— Намного, тупица. Воспользуйтесь совершенно секретной до этой минуты системой молниеносного обучения Брайана Дилени — и вам все станет ясно! Прежде всего, на самом деле совсем не так важно точно знать, как нужно решать каждую задачу.

— Это какая-то глупость. Как же можно решить задачу, если не знаешь, как ее решать?

— Как раз с другого конца. Можно найти много способов, как ее не решить. Много неверных путей, которые не стоит пробовать. А потом, когда ты будешь знать все самые обычные ошибки, тебе больше ничего не останется, как взять и сделать то, что надо.

Брайан точно помнил, где она ошиблась, и сразу сообразил, чего она не понимает. Он терпеливо объяснил ей это двумя-тремя способами, пока до нее наконец не дошло.

— Так вот в чем было дело! Почему же Бестия Бетсер сразу так не сказал? Это же очевидно.

— Все очевидно, когда поймешь. Может, пройдемся по остальным задачам, пока ты все это помнишь?

— Завтра. У меня дела, надо бежать.

И она убежала — во всяком случае, вприпрыжку выбежала из столовой. Глядя ей вслед, он покачал головой. Странная порода эти девчонки. Он раскрыл книгу и поморщился при виде красных пятен от томатного соуса. Неряшливость. И думает неряшливо — ей бы сейчас и разобраться во всем, пока это свежо у нее в голове. Два против одного, что к завтрашнему дню она все забудет.

И она, конечно, забыла.

— Ты был прав! Все вылетело — р-р-раз, и ничего нет. Я думала, запомню, но ничего не осталось.

Он трагически вздохнул и возвел глаза к небу. Ким хихикнула.

— Послушай, — сказал он. — Нет смысла тратить время на то, чтобы что-то учить, если потом не потратить еще немного времени на то, чтобы это запомнить. Во-первых, ничего нельзя понять, если понимаешь только одним способом. Когда встречаешь что-то новое, надо немного подумать — что из старого это напоминает, а от чего отличается. Если не связать новое с чем-то еще, оно исчезнет, как только что-нибудь изменится в условиях. Вот о чем я говорил вчера — что само по себе решение не так важно, все дело в различиях и сходствах. — Он видел, что это до нее не доходит, и решил разыграть козырную карту. — В общем, я тут придумал программу самообучения, которая очень упрощает всю тему последовательных приближений. Я дам тебе копию. Ты сможешь запускать ее, когда почувствуешь, что у тебя в голове начинается затмение, и все мгновенно станет ясно. Во всяком случае, с этой частью курса ты сможешь справиться.

— У тебя правда есть такая программа?

— Что я, врать тебе буду?

— Не знаю. Ведь я про тебя вообще ничего не знаю, мистер Гений-младенец.

— Почему ты меня так называешь? — Брайан почувствовал гнев и обиду. Он слышал, как другие студенты называют его так за его спиной. И смеются.

— Прости... Я не хотела тебя обидеть. Я просто не подумала. Всякий кретин, который так тебя назовет, наверное, действительно кретин. Я попросила прощения, так что не сердись.

— Я не сержусь, — сказал он и понял, что на самом деле не сердится. — Скажи мне свой личный номер, и я скопирую эту программу на твой модем.

— Я никогда не помню свой личный номер, но он у меня где-то записан.

Брайан издал стон:

— Да как же можно забывать свой личный номер? Это то же самое, что забыть свою группу крови.

— Да я и не знаю, какая у меня группа крови!

Оба расхохотались, и он нашел единственный выход из положения.

— Тогда зайди ко мне, я дам тебе копию.

— Правда, дашь? Ты замечательный парень, Брайан Дилени.

Она с благодарностью потрясла его руку. Пальцы у нее были теплые, почти горячие.

Глава 8

25 марта 2023 года

Люди в очереди недовольно переговаривались вполголоса, но Беникоф стоял молча. Не то чтобы ему было все равно — ему даже нравились все эти меры безопасности. Когда он наконец подошел к двоим военным полицейским, они ледяным тоном попросили его предъявить документы, хотя прекрасно знали его в лицо. Только тщательно изучив его удостоверение, а потом пропуск в больницу, они позволили ему пройти к входной двери. Ее отпер еще один военный полицейский, стоявший внутри.

— Все нормально, сержант?

— В общем, да, если не считать этого, сами знаете кого.

Беникоф понимающе кивнул. Он присутствовал при том, как генерал Шоркт распекал этого сержанта-сверхсрочника с нашивками на рукаве чуть ли не до самого плеча, но генералу на это было наплевать.

— У меня тоже с ним вечные неприятности, потому я сейчас и здесь.

— Плохо ваше дело, — сказал сержант без особого сочувствия. Беникоф разыскал внутренний телефон, позвонил секретарше доктора Снэрсбрук, узнал, что та в библиотеке, и выяснил, как туда пройти.

Все стены библиотеки были заняты шкафами, полными медицинских книг в кожаных переплетах. Однако они давно устарели и служили всего лишь украшением. Библиотека была полностью компьютеризирована: вся специальная литература теперь публиковалась исключительно в цифровой записи. Это стало возможно после того, как были подписаны международные соглашения и приняты стандарты, касающиеся иллюстраций и графиков, которые теперь были по большей части движущимися. Любая медицинская книга или журнал попадали в базу данных библиотеки в то же мгновение, как выходили в свет. Эрин Снэрсбрук сидела перед терминалом, диктуя ему команды.

— Не помешаю? — спросил Беникоф.

— Еще две секунды. Я хочу скопировать это в мой компьютер. Вот. — Она нажала на клавишу, и файл был мгновенно переписан в память ее личного компьютера, стоявшего наверху. Она кивнула и повернулась в кресле. — Сегодня утром я говорила с одним приятелем из России, он мне рассказал про эту работу. Ее сделал в Санкт-Петербурге один из учеников Лурии. Очень ори-

гинальная работа по регенерации нервов. Чем могу быть вам полезна?

— Генерал Шоркт ко мне пристает — требует более подробных отчетов. А я поэтому пристаю к вам.

—.«Ноу проблем», как говорят наши русские друзья. А у вас-то как дела? Что-нибудь удалось выяснить?

— Полный тупик. Если и есть нить, в чем я сомневаюсь, то она с каждым днем становится все тоньше. Никаких следов, никаких улик, ни малейшего представления о том, кто и как это сделал. Мне не положено этого знать, но ФБР ухитрилось тайно подключиться к базам данных всех лабораторий, университетов и исследовательских центров страны, которые занимаются искусственным интеллектом, чтобы обнаружить, не произойдут ли там какие-нибудь внезапные изменения и не будет ли введена новая информация. Они ищут материалы по проекту «ИИ», украденные у Брайана. Конечно, тут есть одна закавыка — они не знают, что именно искать.

— Сдается мне, это не совсем законно.

— Верно. Но я намерен некоторое время терпеть, прежде чем выведу их на чистую воду. Меня не это беспокоит. На самом деле вопрос в том, хватит ли службам безопасности специалистов, которые могли бы интерпретировать такие данные. Нам нужна хоть какая-то нить. Вот почему генерал ко мне пристает.

— Потому что наша единственная надежда — на то, что Брайан когда-нибудь сможет что-то вспомнить, придет в себя, начнет хоть как-то реагировать? Очень интересно. Я помню, в скверных романах часто попадается выражение: «Он мрачно кивнул». Теперь я знаю, как это выглядит, — вы только что это сделали.

— Мрачно, в отчаянии, безнадежно — можете выбирать. А как Брайан?

— Довольно успешно, но у нас осталось очень мало времени.

— Ему становится хуже?

— Нет, вы меня не так поняли. Современная медицина может без всякого участия мозга стабилизировать состояние организма и поддерживать его годами. Если говорить о физическом состоянии, то я могла бы держать Брайана в послеоперационной палате, пока он не умрет от старости. Но ведь это не то, что нам нужно. Я проследила и заново соединила около миллиона нервных волокон. Я отыскала и нашла доступ к самым ранним воспоминаниям Брайана — начиная от рождения и примерно до двенадцати лет. Пленочные чипы и компьютер на месте, и можно надеяться, что очень скоро они восстановят все связи, какие только возможно. Я выжала из этой аппаратуры почти все.

— А почему вы занимаетесь его ранним детством — ведь он нужен нам взрослый, чтобы ответить на наши вопросы?

— Потому что есть такое совершенно правильное изречение: ребенок — отец взрослого человека. Невозможно восстановить мозговые связи высших уровней, пока не заработают низшие. Это значит, что всю гигантскую структуру человеческого сознания можно отстроить заново, только начиная с самых нижних этажей — во многом так же, как она была выстроена первоначально...

— Вы говорите — сознание было выстроено. Но из чего?

— Сознание состоит из множества небольших частей, каждая из которых сознанием не обладает. Мы называем эти части элементами. Каждый элемент сам по себе способен делать лишь очень простые вещи, которые не требуют ни осознания, ни обдумывания. Но когда элементы соединены между собой — это в чем-то очень похоже на человеческое общество, — они начинают работать вместе как единое сообщество, и тогда возникает разум. К счастью, почти все элементы сами по себе у Брайана в полном порядке, потому что соответствующие им клетки мозга расположены в сером веществе, которое осталось невредимым. Однако большая часть связей между элементами проходит через белое вещество — и очень многие из этих связей разорваны. Вот этим я сейчас и занимаюсь — локализую и заново соединяю огромное количество простейших элементов на уровне ощущений и моторики. Если я смогу реконструировать достаточно много тех сообществ элементов, которые складывались на каждом этапе развития Брайана, это даст мне основу для восстановления структур, формировавшихся на следующем этапе. И так — этап за этапом, слой за слоем. Включая перекрестные связи между слоями. А одновременно приходится восстанавливать обратные связи между элементами каждого уровня и структурами, ответственными за мышление и обучение. Эти обратные и кольцевые связи важнее всего — на них основывается мыслительная деятельность, которая отличает сознание человека от сознания животного. Первый этап восстановления уже подходит к концу. Через несколько дней я узнаю, удалось мне достигнуть цели или нет.

Беникоф озадаченно потряс головой:

— Вы уже почти приучили меня воспринимать совершенно немыслимые вещи как что-то обыденное. То, что вы делаете, настолько ново и необычно, что для меня это, к моему большому

сожалению, остается непостижимым. Подумать только — проникнуть в мозг Брайана, подслушать его мысли и исправить причиненные повреждения! Не хотел бы я оказаться на вашем месте. А он что-нибудь чувствует, когда вы это делаете?

Эрин пожала плечами:

— Об этом мы ничего не знаем. Думаю, что такие ощущения невозможно описать словами, потому что все это происходит в сознании, которое еще не стало человеческим. Лично я, правда, считаю, что, пока идет реконструкция его мозга, его сознание, возможно, прослеживает и заново переживает все важные события его предшествующей жизни.

Выйдя в холл, Долли услышала, как кто-то стучит по клавишам компьютера, и улыбнулась. Брайан так много времени проводит в одиночестве — хорошо, что сейчас у него эта приятельница.

— Кому свеженьких шоколадных кексов? — спросила она, протягивая блюдо. Ким взвизгнула от радости.

— Я хочу, миссис Дилени. Спасибо!

— А ты, Брайан?

— Сначала кончим с этим, — буркнул он. — Давай-ка, Ким. Куда лучше будет, если ты все сделаешь до перерыва. Ты только начинаешь кое-что понимать.

— Потом кончим. Бери кекс.

Брайан вздохнул и запихнул в рот еще теплый кекс.

— Вкусно, — едва выговорил он, чуть не поперхнувшись.

— Сейчас принесу вам холодного молока запивать.

Когда Долли внесла поднос с полными стаканами молока, на руке у нее болталась сумочка.

— Мне надо идти на рынок, а там будет множество народу. Значит, я там застряну, а отец будет недоволен, если придет, а меня еще не будет. Скажи ему, что обед в шесть, как всегда, его только осталось поставить в СВЧ-печку. Не забудешь?

Брайан мотнул головой и залпом выпил стакан молока. Долли вышла. Он поставил стакан и снова повернулся к компьютеру.

— Теперь вернемся к тому, на чем мы остановились.

— Нет! — заявила Ким. — Ты что, забыл? У нас перерыв. — Она оттолкнула в сторону книги и плюхнулась на кровать, потом взбила его подушку и подложила себе под спину. — Перерыв есть перерыв — пора тебе это усвоить.

— А работа есть работа, и это пора усвоить тебе. Только посмотри на свою контрольную! — Он повернул вращающееся

кресло и нажал на клавишу просмотра. По экрану поплыли страницы из тетради, почти сплошь выделенные красным фоном. — Видишь, там все красное? Знаешь, что это значит?

— Должно быть, у тебя кровь из носа шла?

— Ты бы лучше отнеслась к этому серьезно, Ким. Ты ведь знаешь, что я помогал тебе писать эту контрольную для Бестии Бетсера — добавил кое-что и поправил, где у тебя было неверно. Смеха ради мне захотелось посмотреть, что я вводил, и я начал метить красным те куски, которые делал сам, все свои поправки и изменения. Смотри — тут больше красного, чем белого!

— В мире есть вещи поинтереснее искусственного интеллекта. Раз уж ты ничего не делаешь, принеси мне кекс.

— Ты провалишься на экзамене.

Он встал и передал ей поднос.

— Ну и подумаешь. Может, я вообще брошу учебу, выйду замуж за миллионера и буду путешествовать по всему свету на собственной яхте.

— Эк, куда хватила. Не забудь, что ты всего-навсего недоучка с платформ. Спорим, ты даже на берегу ни разу не была.

— Была, была, я много где была, мистер. — Она облизала пальцы, вымазанные в шоколаде, полузакрыла глаза и заговорила нараспев, изображая французский акцент: — Я повидала весь мир, я заставляла принцев млеть от страсти...

— От скуки они с тобой млели, а не от страсти. У тебя же прекрасная голова, Ким. Ты просто ею не пользуешься.

— Опять голова! Не хочу больше слышать про голову. А как насчет других частей тела?

Она оттянула ворот блузки, демонстрируя ложбинку между грудей. Оттянула слишком сильно — блузка расстегнулась и обнажила белую грудь с нежным розовым соском. Хихикнув, Ким застегнула блузку.

— Мужчины млеют от страсти...

Она умолкла, увидев, какое впечатление это произвело на Брайана. Он побледнел, глаза его широко раскрылись.

— Успокойся, — сказала она. — Небось уже насмотрелся на голое тело на пляже для натуристов, где околачиваются все психи.

— Я там никогда не был, — произнес он внезапно охрипшим голосом.

— Ну и ничего не потерял. На этих натуристов смотреть противно, что на мужиков, что на баб. — Она пристально вгляделась в него и подняла бровь. — Погоди, сколько тебе лет?

— Тринадцать.

Она подпрыгнула, встала на колени и посмотрела ему в глаза.

— Ты ростом с меня и недурен собой. Когда-нибудь целовался с девочкой?

— Давай работать, — сказал он неловко, отворачиваясь. Она взяла его за плечо и повернула лицом к себе.

— Это не ответ. И я знаю, что ты знаешь про девочек. Я нашла у тебя под кроватью старые номера «Плейбоя», и там страницы, где голенькие девочки, даже обуглились — так ты их разглядывал. Может, ты и знаешь, как они выглядят, но спорю на что угодно, что ты еще ни разу не целовался. И пора тебе научиться.

Брайан не сопротивлялся, когда она нежно охватила его голову руками и протянула к его губам свои. С тихим мурлыканьем она запустила язычок ему в рот, почувствовала, как напряглись его руки, лежавшие у нее на спине. Ее рука скользнула ниже, и она ощутила, что у него напряглись не только руки.

Она сама расстегнула ему ремень.

Брайан не мог понять одного — неужели при первом же взгляде на него всякому не видно, что произошло? Случившееся было слишком потрясающе и невероятно, чтобы не отражаться на его лице. Стоило ему об этом подумать, и он чувствовал, как кровь бросается ему в голову. Когда вернулась Долли, Ким уже ушла; он слышал, как через несколько минут пришел отец, но оставался у себя в комнате, сколько мог, и спустился обедать только после того, как Долли несколько раз его позвала.

Но никто из них ничего не заметил. Брайан ел молча, уткнувшись в тарелку. Родители разговаривали о предстоявшем в следующую субботу пикнике, куда их пригласили и куда оба идти не хотели. Однако идти было нужно — не ради удовольствия, а ради дела, и в конце концов они, конечно, решили пойти. Никто из них не обратил внимания, когда Брайан вышел из-за стола и пошел к себе.

Больше всего Брайана заботило то, что случившееся как будто ничуть не подействовало на Ким. На следующее утро, встретившись с ним в коридоре, она бросила: «Привет», и ничего больше. Во время занятий он ни о чем другом не думал, отвечая на вопросы невпопад, к большому удивлению преподавателей, а после большой перемены улизнул и отправился на платформы, где долго сидел в одиночестве над морем.

Почему он так сильно переживает то, что произошло, а она нет? Ответ стал ему очевиден, как только он поставил вопрос

именно так. Потому что она делала это и раньше. Ей уже восемнадцать, на пять лет больше, чем ему, и за эти пять лет она вполне могла удовлетворить свой интерес к парням. Он ревновал к ним — но кто они были? Спросить ее он не осмеливался. В конце концов он сказал себе: «Ну и черт с ними!» — и попытался выбросить все из головы. И в то же время начал изобретать повод, чтобы снова повидаться с ней наедине.

На следующее утро, перед началом занятий, Брайан подкараулил ее в коридоре.

— Я вчера до поздней ночи сидел над твоей контрольной и все доделал.

— Что-то у меня с ушами неладно. Ты правда сказал то, что мне послышалось?

— Угу. Я решил, что проще сделать все сразу, а не заставлять тебя следить за каждым шагом. Может, ты хоть так сможешь запомнить, что там написано. — Он пытался говорить как можно небрежнее, но без особого успеха. — Заходи ко мне после обеда, я покажу тебе, как это делается.

— Обязательно. Увидимся.

Время шло страшно медленно. После обеда Долли собиралась идти играть в бридж, и дома никого не будет.

— Это заключительная операция, — тихо диктовала доктор Снэрсбрук. — Все имплантаты на месте. Компьютер готов к работе. Регенерация новых нервных волокон, подходящих к поврежденным частям коры, почти завершена. Восстановление контактов в мозолистом теле стимулируется. Произведена последняя внутричерепная процедура — установка волоконно-оптического интерфейса между микрочипами. Ткани оболочки мозга восстановлены или заменены, и сейчас я буду обрабатывать стимулятором края участка черепной кости, который был удален, чтобы обеспечить доступ к мозгу. Костная ткань будет расти и закроет разрез, сделанный в черепе. Начинаю.

Она не произнесла того, о чем подумала: ведь на этом заканчиваются только хирургические манипуляции. Новые, еще толком не опробованные процедуры, которые должны восстановить связи внутри мозга Брайана, только еще начинаются. Новые, еще толком не опробованные... Пройдут ли они успешно?

Нет, нельзя об этом задумываться. Надо заканчивать то, что делаешь, и двигаться дальше.

...Стоял влажный, удушливый июльский зной, когда Брайан наконец вырвался из компьютерной лаборатории. Он задумал усовершенствовать «ламу» — язык программирования для искусственного интеллекта, в разработке которого принимал участие его отец. Если все получится, как он надеялся, то работу перекрестных немов в информационных сетях «цика» можно будет ускорить в десять раз. Но этот новый способ нужно было еще испытать, а на его домашнем компьютере для этого понадобилось бы несколько дней работы, поэтому он выпросил немного времени на машине «Крэй-5», и если все пойдет нормально, кое-какие результаты можно будет получить к утру. А значит, до тех пор делать особенно нечего.

К тому же вполне возможно, что Ким уже ждет его дома. Он зашагал быстрее, чувствуя, как липнет к телу промокшая от пота рубашка. Сегодня после обеда у нее нет занятий, и она, может быть, заглянет, чтобы с ним позаниматься — так она это называет. Да, и с ней позаниматься тоже надо будет, ей это необходимо. Она теперь вовсю прогуливала занятия и не ходила на лекции, потому что знала — потом он объяснит ей, что надо делать к экзамену. Она терпеть не могла учебу и всегда пользовалась случаем, если подворачивалось что-нибудь поинтереснее.

Брайан заметил, что запыхался, и замедлил шаг. В такую жару нельзя спешить, а то придешь еле живой.

Когда он открыл дверь дома, его охватил вырвавшийся наружу прохладный воздух.

— Кто-нибудь тут есть? — крикнул он, но ответа не было. Потом он услышал музыку, улыбнулся и распахнул полуоткрытую дверь своей комнаты.

— *Я кричал, а ты не слышала.*

Стереоприемник был включен, но в комнате никого не было. Его кровать была измята, подушки сложены горкой — она всегда так их складывала, подсовывая под спину. Он огляделся — нет ли где-нибудь записки.

Ким все еще писала их от руки, вечно забывая, что можно воспользоваться компьютерной сетью. Но записки не оказалось. Он выключил музыку, и теперь слышно было только гудение вентилятора в системном блоке, который, что-то бормоча про себя, работал с диском. А, наверное, она на кухне. Ким обожала время от времени перекусить — в этом ей не было равных. Действительно, там стояли грязный стакан и тарелка. Но Ким не было.

Телефон у нее дома тоже не отвечал. Брайан еще раз поискал записку — не раз он находил их в самых неожиданных местах.

Наверное, она единственная в сплошь компьютеризованном УСП еще писала записки. Нет, записки нигде не было. Может быть, она преодолела свое давнишнее отвращение к компьютеру и оставила сообщение в нем? Брайан вызвал программу-автоответчик, но и там ничего не оказалось.

Непонятно. Он забеспокоился. Не случилось ли с ней что-нибудь? Парадная дверь была закрыта, но не заперта. Обычно ее запирали только на ночь — университет был изолирован от берега и считался безопасным местом. Правда, сейчас никакое место нельзя считать действительно безопасным. Разве не поймали только что торговцев наркотиков на побережье, всего в нескольких километрах? Уединенные платформы УСП вполне могут стать подходящим местом для следующей попытки.

Какой-то звук привлек его внимание — это зажужжал компьютер, и на нем замигала лампочка. Ну конечно! Эту программу, которая включалась по устной команде, он запустил несколько дней назад. Она работала почти все время, даже когда он вводил данные с клавиатуры, регистрировала любые слова и звуки и отвечала, если это было необходимо. Значит, тут должен быть записан ее голос.

Найти его оказалось нетрудно. Он открутил запись назад, включил динамик и услышал собственный храп. Прокрутил вперед — послышались утренние новости, он слушал их, когда одевался. Еще вперед — вот она! Подпевает музыке по радио — ничего особенного. Он еще прокрутил запись — из динамика неслись звуки, напоминавшие голос Утенка Дональда, — а потом нажал на «стоп», разобрав ее голос. Она говорила по телефону:

— Ну ладно. Если тебе так хочется. Скоро. Да. Пока.

Это была только половина разговора — ему никогда не приходило в голову подключить компьютер к телефонной линии. Он снова прокрутил запись вперед, услышал что-то, открутил немного назад. Это был смех Ким.

Потом мужской голос произнес:

— Только попробуй это сделать еще раз — и меня уже не остановишь.

Брайан подпер голову рукой, склонился над компьютером и стал вслушиваться. Из динамика неслись звуки, которые могли сопровождать только любовный акт. На его кровати. С кем-то другим. Он слышал каждый унизительный шорох, слышал ее тихие стоны упоения...

Он слушал, пока все не кончилось. Они о чем-то тихо говори-

ли, но он уже не обращал на это внимания, их голоса превратились в лишенные смысла звуки.

Все. Конец. Кровь стучала в висках. У него было ужасное чувство, что его предали. Он абсолютно ничего для нее не значит. Всего лишь бесплатный репетитор, — а может быть, таким способом она просто расплачивалась за его уроки? Никогда она не воспринимала его всерьез, никогда не испытывала того, что испытывал он. Брайан со стыдом понял, что его щенячья влюбленность была абсолютно односторонней. Она не разделяла ее, может быть, даже вообще не догадывалась о чувстве, которое поглотило его целиком.

Дрожащими от гнева и унижения пальцами он стер программу вместе с предательскими голосами, уничтожил весь файл, потом заново отформатировал диск, чтобы запись никогда нельзя было восстановить. Но этого ему показалось мало. Он разыскал все задания, которые выполнял за нее, и стер их с диска. Стер файл, где были записаны все ее сообщения. Руки у него тряслись, на глазах стояли слезы ярости. Любовь превратилась в ненависть, привязанность — в обиду на предательство. Дрожащими руками он схватил клавиатуру и замахнулся, чтобы запустить ею в экран.

Нет, это сумасшествие. Он швырнул клавиатуру на стол, выбежал из комнаты, пробежал по коридору, ворвался на кухню и некоторое время стоял там, стиснув кулаки, сотрясаемый противоборствующими чувствами. Его взгляд упал на вешалку для ножей. Он схватил самый большой и попробовал ногтем лезвие, испытывая острое желание погрузить нож в ее тело. И еще раз, и еще.

Убить ее? О чем он думает? Неужели эти простейшие, примитивные эмоции могут управлять его действиями? Что стряслось с его разумом, с его интеллектом? Все еще дрожащей рукой он повесил нож на место и стоял у кухонной раковины, невидящими глазами глядя в окно.

«У тебя есть мозги. Мозги! Пошевели ими! Или же дай своим чувствам испортить всю твою жизнь. Убей ее, насладись местью, потом сядь в тюрьму за убийство. Пожалуй, не самая лучшая идея».

Но что произошло? Почему эмоции вытеснили разумное мышление?

Одна из субъединиц взяла управление на себя, вот что произошло. Надо только вспомнить, как устроено сознание, как оно работает. Оно состоит из множества субъединиц, которые сами по себе абсолютно лишены интеллекта. Какой там пример приводил отец, когда это растолковывал? Вождение машины. Субъединица сознания способна вести машину в то время, как само сознание занято другим. Оно берет управление на себя только тогда, когда случается что-то необычное. Сознание похоже на человеческое общество, где все составляющие его элементы сотрудничают друг с другом. А тут одна глупая субъединица взяла управление на себя и начала командовать. Тупая, неразумная субъединица, у которой вместо мозгов половые железы и которая знает только ревность, ярость, обиду. И чтобы она управляла его жизнью?

— Ну уж дудки!

Он открыл холодильник, достал банку лимонада, открыл ее и залпом выпил почти половину. Теперь он чувствовал себя спокойнее и рассудительнее. Он понял, что произошло: одна часть его мозга взяла управление на себя и подавила все остальные. Не существует ничего похожего на одно главное «я», как бы легко не было в это поверить. Чем больше он изучал, как работает разум, тем больше убеждался, что каждый человек представляет собой что-то вроде комитета. Мозг состоит из множества крохотных животных — протоспециалистов, вот как они называются. Животное-голод берет управление на себя, когда нужно найти пищу. Животное-страх — когда надвигается какая-то опасность. А животное-сон сменяет их каждую ночь. Это как кольцо царя Соломона. Все эти механизмы, которые открыли Лоренц и Тинберген. Сложные сети нервных центров, отвечающих за голод, половое чувство, самозащиту, — сети, которые создавались сотнями миллионов лет. Они есть не только у пресмыкающихся, птиц и рыб, но и в далеких уголках его собственного мозга.

И вот сейчас в нем взяло верх животное-секс — вон оно чавкает и пускает слюни. Примитивная система, гнездящаяся далеко внизу, в стволе мозга, — вот с чем он имеет дело!

— Это не я! — громко вскрикнул он, стукнув кулаком по столу так сильно, что ему стало больно. — Не весь я! Только одна, особенно глупая, но сильная часть. Сплошные яйца без головы!

Нет, он не животное в течке. У него есть разум, почему он им не пользуется? Как мог он допустить, чтобы управление взяла на себя какая-то глупая субъединица? Где был тот главный распорядитель, который должен был оценить ее по достоинству и поставить на место?

Он отправился к себе в комнату, по дороге прихлебывая лимонад. Сел за компьютер и открыл новый файл — «САМОКОН-

ТРОЛЬ». Потом откинулся на спинку стула и стал размышлять дальше.

Большинство мыслительных процессов происходит бессознательно. Чтобы эффективно функционировать, почти все субъединицы в мозгу Брайана должны быть автономными — такими же самостоятельными, как рука или нога. Когда он ребенком учился ходить, на первых порах это, наверное, получалось у него очень плохо — он спотыкался и падал. Потом, по мере того как он учился на ошибках, стало получаться лучше. Старые субъединицы, которые ходили плохо, понемногу вытеснялись или подавлялись новыми, которые ходили хорошо, работали автоматически, не требуя осознанных команд. «Сколько их, этих субъединиц! — подумал он. — А кто же ими управляет?» Сейчас ими, похоже, никто не управляет. Пора взять управление на себя, усилить самоконтроль. Теперь он сам должен решать, какой из субъединиц предоставить действовать. Главным распорядителем должно стать это таинственное, отдельное от них внутреннее «я» — центральный штаб, который соответствовал бы самой сущности сознания Брайана.

— Такая машина-распорядитель не помешала бы и всем этим глупым программам искусственного интеллекта, — сказал он и поперхнулся глотком лимонада.

Неужели все так просто? Неужели только этого не хватает, чтобы все части головоломки встали на место? Лаборатории, где занимаются искусственным интеллектом, — в Амхерсте, Северо-Западном университете, Технологическом институте на Кюсю — битком набиты множеством интересных систем. Логические системы, системы распознавания слов, самообучающиеся системы на нейронных сетях, — каждая решает свои собственные задачи и делает это своим собственным способом. Одни умеют играть в шахматы, другие — управлять механическими руками, третьи — планировать капиталовложения. Все работают по отдельности, каждая сама по себе, — и ни одна не способна думать по-настоящему. Потому что никто не знает, как заставить все эти полезные части работать заодно. Чтобы создать искусственный интеллект, нужно что-то вроде этого внутреннего «я». Какая-то центральная машина-распорядитель, которая связала бы все субъединицы в одну работающую систему.

Не может быть, чтобы это было так просто. Не может существовать такого «я», которое бы всем управляло, потому что в сознании нет никаких реальных людей, а есть только субъединицы. Значит, это «я» не может быть каким-то одним устройством —

потому что ни одно устройство не может быть для этого достаточно умным. Значит, «я» должно быть чем-то вроде иллюзии, создаваемой деятельностью еще одного коллектива субъединиц. Иначе чего-то все равно будет не хватать — распорядителя, который распоряжался бы этим распорядителем.

— Нет, не проходит. Я это пока толком не додумал. Придется еще поработать.

Он сохранил файл с этими заметками — и тут заметил, что на диске остался еще один файл «КИМ». Контрольная работа для Бетсера. У нее есть копия, но она ничего там не поймет, не говоря уж о том, чтобы объяснить, когда ее спросят. Может, стоит сохранить этот файл — в конце концов, если бы не она, ему бы так и не пришла в голову эта мысль о программе-распорядителе? Ну нет! Он ткнул клавишу DELETE, и файл исчез, как и все остальные.

В заключение он заблокировал компьютер, чтобы тот не отвечал на звонки с ее телефона. Но этого мало — она может позвонить из автомата. Он изменил программу — теперь компьютер не будет отвечать ни на какой звонок, ни от кого, отныне и навсегда.

Он долго сидел усталый, с сухими глазами, переживая горечь предательства.

Больше с ним никогда ничего подобного не случится. Никто больше не станет ему так близок и дорог, чтобы получить возможность сделать больно. Он будет думать только об этой программе-распорядителе для искусственного интеллекта, попробует добиться, чтобы она работала, и не будет вспоминать о Ким. И вообще о девушках. Больше никогда с ним ничего подобного не случится. Никогда.

Глава 9

Коронадо
2 апреля 2023 года

Вертолет летел через залив, над мостом, соединявшим изогнутый полуостров Коронадо с Сан-Диего. Все дороги внизу были наглухо перекрыты службой безопасности, и вертолет оказался не только самым безопасным, но и самым быстрым средством сообщения с базой. Описав дугу над серыми силуэтами списанных кораблей, тихо ржавеющих здесь со времен Второй мировой

войны, он опустился на штабную посадочную площадку, подняв тучу пыли, и к нему подъехал длинный закрытый лимузин.

— Сколько мороки из-за этого совещания, — недовольно сказала доктор Эрин Снэрсбрук. — Кое у кого из нас есть и другие дела. Это же смешно — прекрасно можно было провести совещание по телесвязи.

— У всех нас есть другие дела, доктор, у всех есть, — ответил Беникоф. — Вы сами виноваты — это вы подали мысль о совещании. Вы должны понимать, что таков единственный способ обеспечить полную секретность.

— Я говорила, что надо обсудить результаты, и ничего больше. — Она жестом остановила Беникофа, который хотел что-то сказать. — Знаю. Я уже слышала ваши доводы. Здесь, конечно, безопаснее. Все эти похищения, налеты, покушения... Просто я терпеть не могу эти кошмарные вертолеты. Самый опасный на свете вид транспорта. Один из них упал с небоскреба «Пан-Американ» — вы слишком молоды, чтобы это помнить. Свалился прямо на Сорок вторую улицу. Это настоящие смертоносные ловушки.

По подземному туннелю они въехали в здание штаба. За окнами мелькали часовые из морской пехоты, охранники, запертые двери, автоматические телекамеры и все прочие средства предосторожности, которые так обожают военные. Миновав последнюю запертую дверь, они вошли в конференц-зал, откуда открывалась панорама залива и мыса Лома. С рейда втягивался в залив авианосец. Перед окном, за столом черного дерева, сидело не меньше десятка штатских в темных костюмах и офицеров в форме.

— А в этой комнате вправду безопасно? — шепотом спросила доктор Снэрсбрук.

— Оставьте ваши шуточки, доктор, — шепнул в ответ Беникоф. — Это окно не пробить и из корабельной тридцатидюймовки.

Эрин принялась было внимательно разглядывать окно, но заметила улыбку на лице Беникофа. Как и она, он пытался шутить, чтобы разрядить напряжение.

— Садитесь, — приказал генерал Шоркт в своей обычной неотразимой манере и столь же лаконично представил вошедших: — Слева — доктор Снэрсбрук. С ней мистер Беникоф, которого вы знаете, он отвечает за расследование в компании «Мегалоуб».

— А кто все эти люди? — нежным голосом осведомилась доктор Снэрсбрук.

Генерал Шоркт как будто не слышал.

— Вы должны сделать нам доклад, доктор. Начинайте.

Пауза затянулась. Генерал и хирург молча смотрели друг на друга, в глазах у них горела холодная ненависть.

Опасаясь худшего, Беникоф вмешался:

— Я созвал это совещание, потому что операция, предпринятая доктором Снэрсбрук, по-видимому, достигла важной и ответственной стадии. Поскольку во всех остальных направлениях наше расследование зашло в тупик, я убежден, что теперь все зависит от доктора Снэрсбрук. Она — наша поддержка и опора, наша единственная надежда в этом трагическом деле. И она, кажется, добилась чуда. Сейчас она введет нас в курс дела. Пожалуйста, доктор.

Доктор Снэрсбрук, слегка смягчившаяся, хотя все еще сердитая, пожала плечами и решила, что с нее хватит препирательств. Спокойно, негромким голосом она заговорила:

— Сейчас я завершаю основные хирургические манипуляции с больным. Поверхностные повреждения, причиненные пулей, более или менее успешно ликвидированы. Более важные и ответственные мероприятия по восстановлению нервных пучков в коре закончены. Пленочные микрочипы имплантированы успешно и соединены между собой вживленным в мозг компьютером. Больше никаких хирургических действий не требуется. Полость черепа закрыта.

— Значит, вы достигли успеха. И больной будет говорить...

— Прошу не перебивать. Это относится ко всем. Когда я закончу свое сообщение о том, что уже сделано и чего, по моему мнению, можно ждать в будущем, я отвечу на любые вопросы.

Снэрсбрук секунду помолчала. Молчал и генерал Шоркт, хотя видно было, что он кипит яростью. Она скромно улыбнулась и продолжала:

— Возможно, что у меня ничего не получилось. Если так, то на этом все кончится. Вскрывать ему череп я больше не буду. Я хочу подчеркнуть, что такой шанс всегда есть. Все, что я делала до сих пор, — всего лишь эксперимент, вот почему я не даю никаких обещаний. Но я скажу вам, на что я надеюсь. Если я добилась успеха, больной придет в сознание и сможет говорить. Но вряд ли мы будем разговаривать с тем самым человеком, в которого стреляли. Он не будет помнить ничего из своей взрослой жизни. Если

мои процедуры закончатся успешно, если он придет в сознание, он превратится в ребенка.

Не обращая внимания на возгласы разочарования, она выждала, пока все не замолчат, и заговорила снова:

— Если это произойдет, я буду очень довольна. Это будет означать, что все процедуры прошли успешно. Но это только первый шаг. Если он пройдет по плану, я начну вводить дополнительную информацию и буду поддерживать с ним постоянное общение в надежде, что окажется возможно довести его воспоминания до того периода его жизни, когда на него было совершено нападение. Есть вопросы?

Беникоф первым задал вопрос, который волновал его больше всего:

— Вы надеетесь довести его воспоминания до самого того дня, когда произошло нападение?

— Это вполне возможно.

— Он сможет вспомнить, что тогда случилось? Сможет сказать нам, кто это сделал?

— Нет, это исключено. — Снэрсбрук подождала, пока шум не утих, и продолжала: — Вы должны понять, что существуют две разновидности памяти — долговременная и краткосрочная. Долговременная память сохраняется годами, обычно всю жизнь. Краткосрочная — это то, что происходит с нами в реальном времени: подробности разговора, который мы слышим, слова из книги, которую читаем. Большая часть краткосрочных воспоминаний просто исчезает через несколько секунд или минут. А некоторые из них, если они достаточно важны, постепенно переходят в долговременную память. Но лишь примерно через полчаса. Столько времени нужно мозгу, чтобы переработать их и сохранить. Примером может служить так называемый посттравматический шок. Жертвы, скажем, автомобильной катастрофы ничего не помнят о самой катастрофе, если в этот момент потеряли сознание. Их краткосрочные воспоминания так и не перешли в долговременную память.

Посыпавшиеся вопросы и замечания перекрыл холодный голос генерала Шоркта:

— Но если нет никаких шансов на то, что эти ваши сомнительные манипуляции завершатся успехом, то зачем вообще вы решили их предпринять?

Эрин Снэрсбрук была сыта по горло оскорблениями. Она вспыхнула и начала подниматься со стула. Но Беникоф успел вскочить раньше.

— Позвольте напомнить всем присутствующим, что за ведущееся расследование отвечаю я. Доктор Снэрсбрук принесла большую жертву, согласившись нам помочь. Ее работа — это все, что мы имеем. Уже погибло несколько человек, может погибнуть и наш больной, но самое важное сейчас — итоги расследования. Может быть, Брайан Дилени и не разоблачит убийц, но он сможет показать нам, как построить его искусственный интеллект, а речь, в конечном счете, идет только об этом.

Он медленно сел и повернулся к Эрин Снэрсбрук:

— Доктор, будьте добры, расскажите нам, какие процедуры еще предстоят?

— Пожалуйста. Как вы знаете, я оставила в мозгу больного большое число имплантатов. Они представляют собой разнообразные процессоры, присоединенные микроскопическими выводами к нервным волокнам мозга. В эти точки можно вводить определенные количества некоторых химических препаратов. Сочетая их с тщательно контролируемым воздействием внешних возбудителей, я надеюсь вскоре добиться того, чтобы он научился вызывать свои более поздние, пока еще недоступные воспоминания. Когда они будут интегрированы в единую картину, мы снова получим работающее сознание. В нем могут остаться пробелы, но он не будет их замечать. Я надеюсь, он сможет припомнить все, что делал в ходе разработки своего искусственного интеллекта, воспроизвести это и снова его построить. Конечно, я буду использовать не только химические препараты. Я также имплантировала пленочные микрочипы, которые непосредственно соприкасаются с нервными окончаниями. На поверхности чипов находятся эмбриональные клетки мозга, которые можно различными способами заставить развиваться. Они могут оставаться спящими столько времени, сколько нам будет нужно, пока не появится возможность сделать нужное соединение. После их активации каждая из них будет подвергнута проверке. Те, которые соединятся неправильно, будут снова разъединены, и только соединившиеся правильно сохранят активность. Это можно будет сделать, открывая микроскопические химические отверстия в чипах: если не будет установлено нужное соединение, крохотная доза нейротоксинов убьет клетку.

— У меня есть вопрос, — произнес один из мужчин.

— Пожалуйста.

— Не хотите ли вы сказать, что намерены установить в черепе этого юноши интерфейс человек-машина?

— Именно так, и я не понимаю, почему это так вас шокирует.

Это делается уже много лет. Да еще в прошлом веке мы восстанавливали нервные связи в ухе, чтобы лечить глухоту. В последние годы нервные импульсы от спинного мозга неоднократно использовали для управления протезами ног. Установление контактов непосредственно с мозгом — следующий логический шаг.

— Когда мы сможем разговаривать с мистером Дилени? — резко спросил Шоркт.

— Возможно, никогда. — Доктор Снэрсбрук встала. — Вы слышали мой доклад. Можете думать что хотите. Я делаю все, что могу, используя экспериментальные методики, чтобы восстановить этот вдребезги разбитый мозг. Доверьтесь мне. Если я добьюсь успеха, я сообщу вам первому.

Не обращая внимания на град вопросов, она повернулась и вышла.

Глава 10

17 сентября 2023 года

К Брайану медленно возвращалось сознание — словно он просыпался после долгого, глубокого сна без сновидений. Сознание ускользало, появлялось снова, опять исчезало во тьме. Это повторялось множество раз, день за днем, и каждый раз никаких воспоминаний о предыдущем возвращении сознания у него не оставалось.

Но однажды он впервые задержался на грани сознания. Хотя глаза его все еще были закрыты, он понемногу начал понимать, что не спит. И что невероятно устал. Почему? Он не знал, да и не хотел знать. Он ничего не хотел.

— Брайан...

Голос доносился откуда-то очень издалека. Он был едва слышен. Сначала он просто существовал, ничего не означая. Но он снова и снова повторял:

— Брайан... Брайан...

Что это значит? Слово без конца кружилось у него в голове, пока не вернулось воспоминание. Это его так зовут. Это он — Брайан. Кто-то произносит его имя. Его имя — Брайан, и кто-то произносит это имя вслух.

— Брайан... Открой глаза, Брайан.

Глаза. Его глаза. Глаза закрыты. Открой глаза, Брайан.

Свет. Яркий свет. Потом снова приятная темнота.

— Открой глаза, Брайан. Не держи глаза закрытыми. Посмотри на меня, Брайан.

Снова ослепительный свет. Закрыть. Открыть. Свет. Туман. Что-то висит в воздухе у него перед глазами.

— Очень хорошо, Брайан. Ты меня видишь? Если видишь, скажи «да».

Не так просто. Но была команда. Видеть. Свет и еще что-то. Видишь меня. Видишь какого-то меня. Видишь меня, скажи да. Что такое видишь? Видит он или нет? Что он видит?

Сначала было очень трудно, но каждый раз, когда он старался думать об этом, становилось немного легче.

Видеть... глазами. Видеть что-то. Что? Пятно. Что такое пятно? Предмет. Какой предмет? И что такое предмет?

Лицо. Лицо! Да, лицо!

Он очень обрадовался, когда это сообразил. Он видел, что это лицо. На лице два глаза, нос, рот, волосы. Какие волосы?

Волосы седые.

— Прекрасно, Брайан. Все идет прекрасно.

Он был очень доволен.

Его глаза были открыты. Он видел лицо. Над лицом седые волосы. Он очень устал.

Глаза его закрылись, и он заснул.

— Вы видели, да? — Доктор Снэрсбрук в волнении всплеснула руками. Беникоф, недоумевая, все же утвердительно кивнул:

— Да, я видел, что его глаза открылись. Но ведь...

— Это невероятно важно. Вы заметили, что он посмотрел на мое лицо, когда я ему сказала это сделать?

— Да... Но это правильная реакция?

— Не просто правильная, это потрясающе. Только подумайте! Перед вами тело молодого человека, сознание которого было долгое время разбито на части, раздроблено на отдельные осколки. И вы видите, что сейчас произошло, — он услышал мой голос и повернулся, чтобы посмотреть на мое лицо. Самое важное то, что центры распознавания звуков расположены в задней половине мозга, а центры, управляющие движениями глаз, — в передней. Значит, по крайней мере часть новых контактов мы соединили правильно. Но этого мало. Он пытался повиноваться — осознать мою команду. Это значит, что в его действия было вовлечено множество мыслительных элементов. И заметьте, он очень старался, установил мысленные связи, вознаградил себя

чувством довольства — вы видели, как он улыбнулся. Это замечательно!

— Да, я видел, он чуть улыбнулся. Это хорошо, что он не чувствует депрессии, если иметь в виду его увечья.

— Нет. Это совсем неважно. Если бы меня интересовала эта сторона, я бы предпочла, чтобы он чувствовал депрессию. Нет, дело в том, что, доволен он или недоволен, во всяком случае, он не апатичен. И если его сознание по-прежнему способно приписывать определенную ценность тому, что он воспринимает, значит, он может пользоваться этим для закрепления — то есть для обучения. А если его сознание сможет нормально обучаться, он будет в состоянии помочь нам исправить больше повреждений.

— Когда вы так объясняете, я начинаю понимать, почему это так важно. А что дальше?

— Процесс продолжается. Я дам ему поспать, потом попробую снова.

— А он не утратит того, что находится в краткосрочной памяти? Тех воспоминаний, которые вы восстановили? Они не сотрутся, пока он спит?

— Нет, потому что это не краткосрочная память, а вновь соединенные К-линии, то есть функции, которые существовали и раньше. К-линии — это нервные волокна, соответствующие комплексам воспоминаний, комплексам элементов, которые вызывают определенные умственные состояния. Считайте, что это восстановленные электронные схемы. Только воплощенные не в хрупких человеческих синапсах, а в прочной компьютерной памяти.

— Если все так, как вы говорите, значит, все получается, — сказал Беникоф, надеясь, что в его голосе не слышно разочарования. Не возлагает ли она слишком много надежд на один лишь мимолетный намек на улыбку? Может быть, ей так хочется в это поверить, что она обманывает сама себя? Он ожидал чего-то более внушительного.

А Эрин Снэрсбрук ничего большего не ожидала. Она не знала, чего можно ждать от этих совершенно новых методик, но теперь была до крайности довольна результатом. Пусть Брайан отдохнет, потом она будет разговаривать с ним снова.

Комната. Он в комнате. В комнате есть окно, потому что он знает, как выглядит окно. В комнате есть кто-то еще. Кто-то с седыми волосами, и она в чем-то белом.

Она? Это белое — платье, а платье может носить только «она».

Неплохо. Он широко улыбнулся. Но не совсем верно. Улыбка начала сползать с его лица. Но почти верно, совсем неплохо. Улыбка вернулась, и он заснул.

Что произошло прошлой ночью? Он вздрогнул от страха. Ничего не вспоминается — почему? И почему он не может повернуться на бок? Что-то его держит. Что-то очень плохое, он не знал что. Усилием воли он открыл глаза — и тут же зажмурил: смотреть на яркий свет было больно. Когда он осторожно открыл их снова, ему пришлось сморгнуть слезы. Он посмотрел на незнакомое лицо, низко склонившееся над ним.

— Ты меня слышишь, Брайан? — произнесла женщина. Он попытался ответить, но почувствовал такую сухость в горле, что закашлялся.

— Воды!

Прохладная, жесткая трубка просунулась ему в рот, и он с благодарностью принялся сосать. Поперхнулся, снова закашлялся, и в голове его прокатилась волна боли. Он застонал.

— Голову... больно, — с трудом выговорил он. Боль не уходила, заставляя его стонать и корчиться. Боль была так сильна, что заглушила все остальное. Он не заметил укола иглы, вонзившейся ему в руку, но вздохнул с облегчением, когда охватившая его мука начала отступать.

Перед тем как снова открыть глаза, он долго колебался, а потом долго пытался сморгнуть навернувшиеся слезы, которые мешали видеть.

— Что...

Голос его прозвучал как-то странно, но в чем дело, он понять не мог. Почему? Не его голос? Слишком низкий, слишком хриплый. Он еще вслушивался, когда откуда-то издалека донесся другой голос:

— С тобой произошел несчастный случай, Брайан. Но теперь все в порядке — будет все в порядке. У тебя где-нибудь болит?

Болит? Боль в голове стала меньше, как будто ее что-то заглушало. Где еще болит? Спина, да, спина, и рука тоже. Подумав об этом, он посмотрел вниз, но не увидел своего тела. Оно чем-то покрыто. Что он чувствует? Боль?

— Голова... И спина.

— Ты был ранен, Брайан. В голову, руку и спину. Я дала тебе кое-что, чтобы боль прошла. Скоро тебе станет лучше, — сказала Эрин, заботливо вглядываясь в белое лицо на подушке, окутанное белыми повязками. Открытые глаза были красны, слезились

и то и дело моргали, вокруг них лежали темные круги. Но он вопросительно смотрел на нее, следил за ее движениями. И говорил, довольно разборчиво. Только какой-то странный выговор — явный ирландский акцент. За годы, прожитые в Америке, его манера говорить изменилась. Но у того, прежнего Брайана усвоенный с детства ирландский акцент был, конечно, заметнее. Да, это он, Брайан.

— Ты был очень болен, Брайан. Но сейчас тебе уже лучше, и дальше будет становиться еще лучше.

Но с каким из Брайанов она говорит? Она знала, что, развиваясь, человек постоянно усваивает что-то новое. Но он не обременяет свое сознание, припоминая во всех подробностях то, что усвоил, — как завязывать шнурки или держать в руке карандаш. Подробности остаются достоянием той личности, которая их запоминала. А на эту личность в ходе развития наслаивается новая, погребая ее под собой. Как это делается, пока неизвестно — возможно, что на каком-то уровне сознания так и существуют все те личности. Но тогда с какой из них она сейчас говорит?

— Послушай, Брайан. Я задам тебе один очень важный вопрос. Сколько тебе лет? Ты меня слышишь? Можешь вспомнить, сколько тебе лет?

Это оказалось намного труднее, чем все, о чем он до сих пор размышлял. Пора спать.

— Открой глаза, Брайан. Спать будешь немного позже. Брайан, скажи мне, сколько тебе лет.

Какой трудный вопрос. Сколько лет. Годы. Время. Даты. Месяцы. Места. Школа. Люди. Он не знал. Мысли его путались, и он растерялся. Лучше заснуть. Он хотел заснуть, но вдруг весь похолодел от страха, сердце его бешено забилось.

— Сколько... мне лет? Я... не знаю.

Он заплакал. Слезы сочились из-под плотно зажмуренных век. Она ласково погладила его по лбу, покрытому капельками пота.

— Можешь заснуть. Ничего. Закрой глаза. Спи.

Она слишком поспешила, была слишком настойчива. Так нельзя. Она выругала себя за нетерпеливость. Еще слишком рано пытаться включить его личность в ход времени. Сначала его личность еще должна восстановить собственную целостность. Но рано или поздно это случится. С каждым днем становилось яснее, что это уже личность, а не набор слабо связанных между собой воспоминаний. Все получится. Процесс идет медленно, но успешно. Брайана уже удалось продвинуть вдоль его собствен-

ной линии жизни настолько, насколько это возможно. Насколько именно, она пока не знала — придется потерпеть. Настанет день, когда он сам сможет ей это сказать.

Прошло больше месяца, прежде чем доктор Снэрсбрук снова задала тот же вопрос:

— Сколько тебе лет, Брайан?

— Больно, — пробормотал он, не открывая глаз и бессильно повернув голову на подушке. Она вздохнула. Не так легко это будет.

Снова и снова задавала она свой вопрос. Дни выпадали разные — и хорошие и плохие, чаще плохие. Время шло, и понемногу она начала отчаиваться. Тело Брайана поправлялось, но связь его с сознанием все еще оставалась слабой и хрупкой. Все еще не теряя надежды, она как-то снова спросила:

— Сколько тебе лет, Брайан?

Он открыл глаза, посмотрел на нее, нахмурился:

— Вы меня уже спрашивали: я помню.

— Очень хорошо. Как ты думаешь, сможешь ты ответить сейчас?

— Не знаю. Я знаю, что вы меня уже спрашивали.

— Да, спрашивала. Ты молодец, что помнишь.

— Это голова, да? У меня что-то с головой.

— Совершенно верно. У тебя было кое-что с головой. Но сейчас тебе намного лучше.

— Я думаю головой.

— Снова верно. Тебе становится гораздо лучше, Брайан.

— Я плохо думаю. И моя спина, и рука... Болят. Моя голова...

— Правильно. У тебя была повреждена голова. Спина и рука тоже, но они быстро заживают. А повреждения головы были очень серьезные, поэтому у тебя может что-то путаться в памяти. Не беспокойся, со временем все придет в норму. Я здесь и буду тебе помогать. Поэтому когда я задаю тебе вопросы, ты должен помогать мне. Попробуй ответить, как можешь. Скажи, сколько лет тебе было в последний день рождения?

— День рождения. Торт... розовый торт.

— Со свечками?

— Много свечек.

— Ты можешь сосчитать их, Брайан? Попробуй сосчитать свечки.

Губы его зашевелились, глаза все еще были закрыты. Он изо всех сил напрягал память, так что даже заворочался в кровати.

— Зажжены. Горят. Я их вижу. Одна, две... еще... Всего, по-моему... да, четырнадцать.

Женщина с седыми волосами улыбнулась, протянула руку и потрепала его по плечу. Она все еще улыбалась, когда его веки, дрогнув, поднялись, глаза раскрылись и посмотрели на нее.

— Хорошо, очень, очень хорошо, Брайан. Меня зовут доктор Снэрсбрук. Я ухаживаю за тобой все это время, с тех пор как произошел несчастный случай. Так что можешь мне поверить, если я говорю, что тебе стало намного лучше — и дальше будет становиться еще лучше. Я тебе потом объясню. А сейчас поспи...

Ему приходилось нелегко. Иногда казалось, что, сделав шаг вперед, он тут же делает два шага назад. Боль как будто уменьшалась, но все еще беспокоила его, временами он только о ней и мог говорить. Аппетита у него почти не было, но капельницы с питательным раствором он попросил убрать. Однажды он целый день проплакал от страха; что его напугало, доктор Снэрсбрук так и не узнала.

Но мало-помалу, под ее неумолимым напором, память его стала восстанавливаться. Перепутанные обрывки прошлого понемногу связывались между собой, складываясь в единую картину. Правда, обширных кусков воспоминаний еще не хватало. Она видела это, а он нет. Как можно чувствовать, что не хватает того, чего ты совершенно не помнишь? Личность Брайана медленно, но верно восстанавливалась и крепла с каждым днем. И вот однажды он спросил:

— Мой отец... Долли... как они? Я их давно не видел.

Эрин ждала этого вопроса и заранее подготовила тщательно продуманный ответ.

— Когда тебя ранило, были и другие жертвы, но никто из тех, кого ты знал, не пострадал. А теперь тебе лучше всего немного отдохнуть.

Она кивнула сестре, и Брайан уголком глаза заметил, как та ввела что-то из шприца в катетер, соединенный с его веной. Он хотел еще поговорить, задать множество вопросов, попытался шевельнуть губами, но вместо этого погрузился в бездонную тьму.

Когда доктор Снэрсбрук пришла к Брайану в следующий раз, с ней был нейрохирург больницы Ричард Фостер, который хорошо знал всю историю болезни больного Дилени.

— Никогда не видел, чтобы больные так успешно поправлялись после таких тяжелых травм, — сказал Фостер. — Это беспрецедентно. Такие обширные повреждения мозга всегда ведут к серьезным нарушениям. Мышечная слабость, паралич, тяжелый сенсорный дефицит. Однако у него, по-видимому, функционируют все системы. Поразительно, что у него вообще хоть частично восстановилось сознание. Обычно такие больные обречены на коматозное состояние. Он должен был превратиться в растение.

— Мне кажется, вы оперируете не теми понятиями, — терпеливо принялась объяснять доктор Снэрсбрук. — На самом деле Брайан вовсе не «поправился» в обычном смысле слова. Восстановление нервных связей не имело ничего общего с естественным заживлением. Его мозг перестал быть грудой обломков только потому, что мы все эти связи заменили.

— Это я понимаю. Но не могу поверить, что все они соединены правильно.

— Боюсь, что тут вы совершенно правы. Наши действия могли быть лишь приблизительными. Так что сейчас, когда какая-то структура в одной части его мозга посылает в другую часть сигнал — например, команду шевельнуть рукой или ногой, — вполне возможно, что это не тот самый сигнал, который был бы послан до травмы. Но если хотя бы часть соединений, которые мы сделали, оказались правильными, то хотя бы некоторые из этих сигналов попадут более или менее туда, куда надо, где они вызовут приблизительно нужный эффект. А это самое важное. Предоставьте мозгу хоть капельку возможности, и все остальное он сделает сам. Это как при любой операции. Хирург всегда работает приблизительно. Он никогда не может в точности восстановить то, что было раньше, — но это обычно не имеет особого значения, потому что организм на многое способен сам.

Она взглянула на мониторы: артериальное давление, температура, дыхание и самое главное — энцефалограмма. По экрану плыли характерные волны, соответствующие нормальному глубокому сну. Увидев их, она с облегчением вздохнула. Результаты были, вне всякого сомнения, положительными. Все происходившее в последние недели подтверждало, что ее нетрадиционный, новаторский, непроверенный план все-таки может привести к успеху.

Ждавший в приемной Беникоф начал подниматься со стула, но она сделала ему знак снова сесть и сама уселась в мягкое кресло напротив.

— Победа! — радостно произнесла она долгожданное слово. — Когда вы видели его в последний раз, это было еще только начало. Я много работала с ним, помогала снова обрести доступ к воспоминаниям и мыслям, которые оставались на периферии сознания. У него еще многое путается, это неизбежно. Но он уже хорошо́ говорит, он сказал мне, сколько ему лет, — четырнадцать. А теперь он спрашивает про отца и мачеху. Вы понимаете, что это значит?

— Прекрасно понимаю — и счастлив, что первым поздравляю вас. Вы получили, по сути дела, мертвое тело с погибшим мозгом и восстановили его память в достаточной мере, чтобы довести ее до четырнадцатилетнего возраста.

— Ну, не совсем так. В какой-то степени это иллюзия. Действительно, у Брайана восстановлена значительная часть воспоминаний до четырнадцатилетнего возраста. Но далеко не все. Кое-чего еще не хватает, кое-что утрачено навсегда. В его памяти останутся пробелы, которые могут сказаться на многих его способностях и мыслях. Больше того, возраст этого среза далеко не точен. Некоторые нити, которые мы восстановили, до этого возраста не доходят, а другие тянутся гораздо дальше. Но важно другое — мы начинаем видеть нечто похожее на целостную личность. Еще пока не совсем завершенную, но способную обучаться. Перед нами во многом прежний Брайан — но, на мой взгляд, еще в недостаточной мере.

При этих словах она нахмурилась, потом заставила себя улыбнуться.

— Во всяком случае, сейчас об этом думать еще рано. Важно то, что мы уже можем добиться от него активного, сознательного сотрудничества. А это значит, что теперь можно переходить к следующему этапу.

— Какому?

Снэрсбрук мрачно взглянула на него:

— Мы восстановили почти все, что можно было восстановить «пассивно». Но есть множество категорий понятий, до которых мы просто еще не добрались. Например, Брайан, видимо, утратил все знания о животных — есть такая специфическая форма афазии, она уже наблюдалась при травмах мозга. Вероятно, наступил момент, когда полезный эффект от восстановления прежних немов Брайана начнет становиться все меньше. Поэтому, продолжая это делать, я намерена перейти к новому этапу. Можно назвать его переливанием памяти. Я предполагаю локализовать эти недостающие области — области знания, которыми

обладает буквально каждый ребенок, но которых пока лишен Брайан, — и загрузить соответствующие структуры из базы общеизвестных данных системы «цик-9».

Беникоф задумался, хотел что-то сказать, но она жестом остановила его.

— Об этом лучше поговорим как-нибудь в другой раз.

Она тряхнула головой. На нее вдруг нахлынула невероятная усталость, которую она до сих пор сдерживала лишь усилием воли.

— Давайте съедим по бутерброду и выпьем по чашке кофе. Потом, пока Брайан спит, я запишу в историю болезни все, что уже сделано. Нам придется руководить каждым его шагом. А это значит, что мне — и компьютеру — нужно знать о нем больше, чем знает он сам.

Бинты, которые удерживали его в неподвижности, уже сняли, и остались только низенькие загородки по бокам кровати. Ножной конец кровати подняли, и тело Брайана больше не лежало горизонтально. Волоконно-оптический кабель, который через затылок уходил внутрь черепа, был почти не виден под повязкой. Все капельницы и провода, ведущие к приборам, убрали, оставив только несколько почти незаметных датчиков, прикрепленных к коже. Если бы не темные круги под покрасневшими глазами и не бледность, он выглядел бы почти здоровым.

— Брайан, — произнесла Эрин Снэрсбрук, не отрывая глаз от экрана энцефалографа, кривая на котором свидетельствовала о том, что больной пробуждается. Брайан открыл глаза.

— Ты помнишь, о чем мы недавно говорили?

— Да. Вы доктор Снэрсбрук.

— Очень хорошо. Ты знаешь, сколько тебе лет?

— Четырнадцать. Исполнилось. Что со мной случилось, доктор? Вы не хотите мне сказать?

— Конечно, хочу. Но все в свое время. Ты согласен, чтобы я объясняла тебе все понемногу, в том порядке, какой считаю нужным?

Брайан немного подумал и ответил:

— Наверное... Вы доктор, вы и лечите.

Ее на мгновение охватила радость. Немудреная шутка — но она свидетельствовала о том, что он в полном сознании.

— Хорошо. Если ты согласен, я обещаю рассказать тебе всю правду и ничего от тебя не скрывать. Но прежде всего — что ты знаешь об устройстве мозга?

— То есть о его строении? Это скопление нервной ткани внутри черепа. Оно состоит из большого мозга, мозжечка, варолиева моста и продолговатого мозга.

— Довольно точно. У тебя была мозговая травма, и тебе делали операцию. Кроме того...

— У меня что-то неладно с памятью?

Снэрсбрук удивленно посмотрела на него:

— Откуда ты знаешь?

На губах Брайана появилась слабая улыбка — он был доволен своей маленькой победой.

— Это очевидно. Вы хотели знать, сколько мне лет. Я смотрел на свои руки, пока вы говорили. Сколько мне лет, доктор?

— Немного больше.

— Вы обещали, что скажете мне всю правду.

Эрин предполагала держать эту информацию про себя, сколько будет возможно, она могла оказаться для Брайана очень болезненной. Но Брайан ее опередил. Нет, теперь только правда, и ничего, кроме правды.

— Тебе почти двадцать четыре.

Брайан медленно переваривал ее слова. Через некоторое время он кивнул.

— Ну ничего. Если бы пятьдесят, или шестьдесят, или что-нибудь в этом роде, дело было бы скверно, — значит, я прожил почти всю свою жизнь и ничего об этом не помню. А двадцать четыре — это ничего. Ко мне вернется память?

— Не вижу причин, почему бы ей не вернуться. Пока твое выздоровление идет отлично. Я потом объясню все в подробностях, если ты захочешь, но пока постараюсь говорить попроще. Я хочу простимулировать твою память и помочь тебе найти к ней доступ. Когда это произойдет, твоя память восстановится, и ты снова станешь целостной личностью. Не могу обещать, что удастся восстановить всю память, у тебя были большие повреждения, но...

— Если я не буду знать, чего мне не хватает, я ведь не буду это чувствовать.

— Совершенно верно.

Быстро соображает. Может быть, память у него все еще как у четырнадцатилетнего, но мыслительные процессы соответствуют куда более зрелому возрасту. Ведь он был вундеркиндом. В четырнадцать лет он уже учился в колледже. Это не обычный четырнадцатилетний мальчик.

— Но дело не только в том, что ты этого не почувствуешь. Ты

должен понять, что человеческая память — не магнитофон, который записывает все подряд в хронологическом порядке. Она устроена совсем иначе — скорее как неаккуратно ведущаяся картотека, снабженная запутанным и противоречивым указателем. И не просто запутанным — время от времени мы изменяем принципы классификации понятий. Когда я говорю, что сохранила воспоминания детства, это на самом деле неверно. У меня сохранились воспоминания об этих воспоминаниях. Понятия, о которых я много раз думала, осмысляла их, упрощала.

— Кажется, я понимаю, что вы хотите сказать. Но только прошу вас, прежде чем мы начнем, вы должны кое-что мне сказать. Десять лет — долгий срок. За это время многое может случиться. Моя семья...

— Долли была здесь и хочет увидеться с тобой.

— Я тоже. А отец?

«Только правда, — мелькнуло в голове у Эрин Снэрсбрук. — Даже если она причинит страшную боль».

— Мне очень жаль, Брайан, но... твоего отца нет в живых.

Наступила пауза. По его лицу текли слезы. Лишь долгое время спустя он заговорил снова:

— Не надо сейчас об этом рассказывать. А я? Что я делал все эти годы?

— Ты окончил университет, занимался исследовательской работой.

— По искусственному интеллекту? Это то, чем занимается отец, я тоже хочу этим заниматься.

— Ты этим занимался, Брайан. Ты добился успеха во всем. Больше того, ты совершил важный прорыв — ты действительно построил первый искусственный интеллект. Перед тем как тебя ранили, ты был на пороге успеха.

Это сопоставление не ускользнуло от Брайана, и он сделал логический вывод.

— До сих пор вы говорили мне всю правду, доктор. Мне кажется, вы ничего не скрывали.

— Нет. Это было бы нечестно.

— Тогда скажите мне вот что. Мои травмы имеют какое-то отношение к искусственному интеллекту? Их причинила машина? Я всегда считал, что истории про злой искусственный интеллект — чушь.

— И был прав. Но есть злые люди. Тебя ранили в лаборатории люди, которые хотели похитить твой искусственный интеллект. И на самом деле все получилось не так, как в этих историях, а как

раз наоборот. Твой искусственный интеллект не причинил никакого зла — управляемые им микроманипуляторы очень мне помогли. Только благодаря им ты сейчас в таком состоянии и я могу с тобой говорить.

— Расскажите мне про искусственный интеллект!

— Нет, Брайан. Нам придется шаг за шагом восстанавливать твою память до тех пор, пока ты сам не расскажешь мне, как он работает. Ты его изобрел, а теперь тебе придется изобрести его снова.

Глава 11

1 октября 2023 года

Сестра, которая принесла Брайану завтрак, подняла шторы. Он проснулся еще на рассвете, и с тех пор ему не давали заснуть мысли, беспорядочно проносившиеся у него в голове. Голова была вся забинтована — он потрогал повязку. Что с ним случилось? Почему он потерял все эти годы? Селективная амнезия? Но такого не бывает. Надо будет попросить доктора, чтобы она подробнее рассказала, какие у него повреждения. А может быть, и не надо. Сейчас ему не хотелось об этом думать. Еще рано. Точно так же он не хотел думать о том, что отец умер.

Где там блок дистанционного управления телевизором? Его до сих пор поражало качество изображения — но не качество передач. Программы были такие же бездарные, как и раньше. Еще раз посмотреть «Новости»? Нет, они только ставили его в тупик — слишком много непонятных намеков. Когда он пробовал понять, о чем идет речь, у него портилось настроение — он и без этого совсем запутался. А, вот это лучше — детские мультики. Теперешняя компьютерная анимация — это что-то фантастическое. И все же, несмотря на невероятно высокое качество, они по-прежнему используют мультфильмы, чтобы рекламировать чересчур сладкие каши на завтрак. Десять лет — немалое время. Об этом тоже не надо думать. Или надо думать о том, как можно будет вернуть эти годы. А стоит ли? Зачем жить ту же самую жизнь сначала? Что сделано — то сделано. Хотя, может, и приятно было бы снова повторить те же самые ошибки. Но он собирался не заново прожить эти годы, а только вернуть память о них. Какое-то нелепое положение, и оно ему не слишком нравилось. Но выбора у него все равно не было.

Он был рад, когда его отвлек завтрак. Он уже не чувствовал во

рту привкуса лекарств и проголодался. Апельсиновый сок был холодный, но и яйца всмятку тоже. Тем не менее он управился с ними и подобрал все до последней крошки кусочком хлеба.

Сестра только успела убрать тарелки, как вошла доктор Снэрсбрук. С ней была какая-то женщина — он не сразу узнал Долли. Но если она и заметила его удивленный взгляд, то не показала вида.

— Ты хорошо выглядишь, Брайан, — сказала она. — Я так рада, что тебе становится лучше.

— Значит, ты раньше уже видела меня здесь, в больнице?

— «Видела» — не очень подходящее слово. Тебя почти не было видно за всеми этими бинтами, трубками и трубочками. Но это уже в прошлом.

И он тоже. Он весь в прошлом. Эта худая седеющая женщина с морщинками вокруг глаз была совсем не похожа на ту маму Долли, какую он помнил. Память приобрела для него новый смысл — теперь это нечто такое, что нужно ворошить, восстанавливать, в чем нужно разбираться. Воспоминания о прошлом — то, о чем так высокопарно писал старик Пруст. Интересно, удастся ли ему лучше выйти из положения, чем этому французу?

— Долли оказала нам огромную помощь, — сказала доктор Снэрсбрук. — Мы говорили о тебе и о твоем состоянии, и она знает, что твои воспоминания обрываются несколько лет назад. Когда тебе было четырнадцать.

— А ты помнишь меня таким, каким я был в четырнадцать лет? — спросил Брайан.

— Не так легко это забыть. — Она впервые улыбнулась и сразу стала гораздо привлекательнее — морщинки вокруг глаз разгладились, напряженное выражение лица исчезло. — На следующий год ты должен был поступать в университет. Мы тобой очень гордились.

— Я действительно очень хочу в университет. Хотя, кажется, получилась глупость. Доктор сказала мне, что я уже его окончил. Но я прекрасно помню всю эту волынку, которую тянет... тянул! — ректорат. Они знают, что я сдал все экзамены, какие положено, и все равно упираются. Потому что я слишком молод. Но ведь это все в прошлом? Похоже, в конце концов мне все удалось.

Долли странно было это от него слышать. Доктор Снэрсбрук объяснила ей, что Брайан не помнит ничего из того, что происходило с ним после четырнадцати лет, что ее задача — помочь

ему вернуть утраченные годы. Она многого не понимала, но до сих пор доктор Снэрсбрук всегда оказывалась права.

— Они не очень долго упирались. Твой отец и кое-кто еще переговорили с компаниями, которые финансируют университет. Тем было в высшей степени наплевать, пять лет тебе или пятьдесят. Ради того они и основали университет, чтобы отыскивать такие таланты. Сверху дали указание, и тебя приняли. Я не сомневаюсь, что ты прекрасно справился, но в точности, конечно, не знаю.

— Не понимаю.

Долли вздохнула и взглянула на доктора Снэрсбрук. Но та сидела с непроницаемым лицом — помощи от нее ждать не приходилось. И в первый раз пройти через это было нелегко, а теперь пережить это снова, ради Брайана, было не легче.

— Ну, ты ведь знаешь, у нас с отцом... не все гладко. Было не все гладко. Или, может быть, ты не знаешь? То есть не знал?

— Знаю. Взрослые думают, что дети, даже когда подрастут, ничего не понимают в семейных делах. Вы старались говорить потише, но я слышал, как вы ссорились. Мне это не нравится.

— Мне тоже не нравилось.

— Тогда зачем вы с отцом ссоритесь? То есть ссорились? Я никогда не мог понять.

— Прости, что это причинило тебе боль, Брайан. Но мы были совсем разные люди. У нас была прочная семья, может, даже прочнее других, потому что мы не слишком многого друг от друга ждали. Но в интеллектуальном отношении у нас с ним было мало общего. А когда появился ты, я стала иногда чувствовать себя пятым колесом.

— Ты хочешь сказать, что я в чем-то виноват, Долли?

— Нет. Как раз наоборот. Я хочу сказать — я виновата в том, что все это не кончилось благополучно. Может быть, я завидовала тому вниманию, которое он так щедро уделял тебе, и ревновала, видя, как вы близки друг с другом и как я от вас далека.

— Долли! Я всегда... любил тебя. Ты мне почти как настоящая мать. Свою родную мать я почти не помню. Мне сказали, что она умерла, когда мне был только год.

— Спасибо, что ты это сказал, Брайан, — ответила она с едва заметной улыбкой. — Пожалуй, сейчас уже поздно кого-то винить. Во всяком случае, мы с твоим отцом разошлись и через несколько лет без всяких скандалов развелись. Я вернулась к родителям и нашла новую работу — там я сейчас и работаю.

Поддавшись внезапной вспышке гнева, она повернулась к Эрин Снэрсбрук.

— Вот и все, доктор. Это то, чего вы хотели? Или мне еще немного повыворачивать душу?

— Физически Брайану двадцать четыре года, — спокойно ответила та. — Но его воспоминания обрываются на четырнадцати.

— Ох, Брайан... Прости меня, пожалуйста. Я не хотела...

— Конечно, не хотела, Долли. Наверное, все, о чем ты мне сейчас рассказала, уже назревало, и я должен был это видеть. Не знаю. Должно быть, дети всегда думают, что все останется, в сущности, по-старому. Просто в университете так много дел, работать над искусственным интеллектом так интересно... — Он умолк и повернулся к доктору Снэрсбрук. — Как по-вашему, доктор, теперь мне уже стукнуло пятнадцать? Во всяком случае, за последние несколько минут я много чего узнал.

— Это делается не совсем так, Брайан. Ты много чего услышал, но сам этого не помнишь. Твои воспоминания мы и должны теперь восстановить.

— Как?

— С помощью вот этой машины, которую — я могу сказать это с гордостью — помогал создавать ты. Я собираюсь стимулировать воспоминания, которые ты будешь опознавать. Компьютер станет следить за этим. Всякий раз, когда воспоминания по обе стороны разреза будут совпадать, между ними будет восстанавливаться связь.

— Да ведь во всем мире не хватит проводов, чтобы заново соединить все нервы, какие есть в мозгу! В нем, кажется, что-то около десяти в двенадцатой нервных связей?

— Да, но там большая избыточность. Мозг очень похож на компьютер, и компьютер тоже очень похож на мозг. Но важно никогда не забывать и о различиях. В компьютере память статична, а в человеческом мозгу — нет. Воспоминания, к которым человек возвращается чаще, становятся прочнее, а те, что возникают реже, слабеют и исчезают. Я надеюсь, что, когда будет заново соединено достаточное количество контактов, удастся восстановить и другие связи. Мы будем искать немы.

— А что такое немы?

— Нем — это пучок нервных волокон, соединенный с разнообразными элементами, каждый из которых на выходе представляет собой фрагмент какого-то понятия или какое-то состояние сознания. Например, что такое красное и круглое, сладкое и хрустящее, размером примерно с твой кулак и...

— Яблоко! — радостно воскликнул Брайан.

— Именно это я и имела в виду, но заметь — я этого слова не произносила.

— Но ведь только оно и подходит!

— Ну да — но ты можешь знать это только благодаря тому, что у тебя в мозгу существует элемент «яблоко», и он так связан с другими, что автоматически активируется, как только активируется достаточное число нужных немов: тех, что соответствуют понятиям «красный», «круглый», «сладкий», «плод».

— Да, еще вишни. У меня, наверное, и для вишен есть нужные немы.

— Да. Вот почему я добавила: «размером с кулак». Но два месяца назад у тебя этих немов не было. Или, точнее говоря, у тебя, конечно, были немы, соответствующие яблоку, только их входы были неправильно подключены. Поэтому раньше ты не узнавал яблоко по такому описанию — до тех пор, пока мы в ходе лечения не подключили их правильно.

— Странно. Я ничего такого не помню. Погодите-ка. Конечно, я не могу этого помнить. Это было до того, как вы восстановили мою память. Как можно что-то вспомнить, если у тебя нет памяти?

Эрин уже начала привыкать к этой удивительной сообразительности, хотя каждый раз не могла ей не поражаться. Однако она продолжала тем же тоном:

— Вот так и соединяются между собой немы — все дело в правильном подключении их входов и выходов. До сих пор мы могли делать это только для самых обычных немов — тех понятий, которым выучивается любой ребенок. А теперь мы будем искать все более сложные немы и смотреть, как подключаются они. Я хочу постепенно выходить на все более высокие уровни твоих мыслей, представлений и ассоциаций. Их будет все труднее локализовать и описать, потому что здесь мы вступаем в область, которую определило твое индивидуальное развитие, в область понятий, которые были свойственны только тебе одному, для которых нельзя подыскать обычных слов. Когда мы их найдем, вполне возможно, что ни я и никто другой не сможем понять, что они для тебя означают. Но это неважно, потому что с каждым днем ты будешь узнавать все больше и больше. Каждый раз, как машина-коррелятор будет обнаруживать десяток новых немов, ей придется перебирать тысячу других возможных элементов, чтобы выбрать, к какому из них эти немы подключить. А каждые двадцать немов открывают миллион таких возможностей.

— Число растет по экспоненте, вы это хотели сказать?

— Совершенно верно. — Она даже улыбнулась от удовольствия. — Похоже, в восстановлении твоих математических способностей мы продвинулись уже довольно далеко.

— А что я должен буду делать?

— Сейчас — ничего. Для первого раза хватит.

— Нет, не хватит. Я прекрасно себя чувствую. И разве вы не хотите поработать с этой новой моей информацией — на случай, если она снова ускользнет, когда я засну? Ведь это вы говорили мне, что должно пройти определенное время, прежде чем кратковременные воспоминания перейдут в долговременную память.

Эрин Снэрсбрук закусила губу и задумалась. Брайан прав. Надо двигаться дальше при первой же возможности. Она повернулась к Долли.

— Вы сможете быть здесь завтра? В это же время?

— Если хотите, — последовал ледяной ответ.

— Да, хочу, Долли. Не просто хочу — вы мне нужны. Я понимаю, вам нелегко, но надеюсь, что вы не забыли того мальчика, каким был когда-то Брайан. Брайан-мужчина — пока еще тот же самый Брайан-мальчик, которого вы приняли в свой дом. Вы можете помочь мне снова собрать его из кусочков.

— Конечно, доктор. Простите меня. Мне не следовало думать о себе, да? Значит, до завтра.

Оба они молчали, пока дверь за ней не закрылась.

— Я чувствую свою вину, — сказал Брайан. — Священник постоянно говорил об угрызениях совести, и монашки в школе тоже. И об искуплении. Знаете, по-моему, я никогда не называл ее матерью. Или мамой, как другие дети.

— Не надо себя винить или попрекать, Брайан. Ты не живешь в своем прошлом, а восстанавливаешь его. Что было, то было. Железная логика, как ты мне всегда говорил.

— Я так говорил?

— Все время, пока мы вместе работали над машиной — когда я запутывалась. Ты очень высоко ценил логику.

— И правильно делал. Однажды она спасла мне жизнь.

— Не хочешь мне об этом рассказать?

— Нет. Это часть моего прошлого, и, когда я об этом вспоминаю, мне становится не по себе. Тогда я позволил себе немного поддаться глупым эмоциям. Пожалуйста, давайте двигаться дальше. Что там следующее?

— Я собираюсь снова подключить тебя к компьютеру. Задавать тебе вопросы, прослеживать связи, стимулировать те участ-

ки твоего мозга, что лежат рядом с поврежденными местами, и регистрировать твои реакции.

— Тогда давайте начинать — подключайте!

— Не сразу, сначала мы должны набрать более обширную базу данных.

— Ну так действуйте, доктор! Пожалуйста. Мне не терпится снова стать взрослым. Вы говорили, что мы когда-то вместе работали?

— Почти три года. Ты говорил мне, что мои исследования работы мозга помогли тебе с твоим искусственным интеллектом. А ты уж точно помог мне разработать эту машину. Без тебя я бы не справилась.

— Три года... Когда мы начинали, мне было двадцать один. Как я вас тогда звал?

— Эрин. Это мое имя.

— Пожалуй, слишком нахально будет для мальчишки. Вполне годится и «доктор».

Зажужжал сигнал, и она взглянула на экран.

— Передохни несколько минут, Брайан. Я сейчас вернусь.

За дверью палаты ее ждал Беникоф, и вид у него был очень недовольный.

— Мне только что сообщили, что сюда направляется генерал Шоркт. Он хочет поговорить с Брайаном.

— Нет, это невозможно. Это слишком сильно помешает тому, что мы делаем. Откуда он мог узнать, что Брайан пришел в себя? Это не вы ему сказали?

— Что вы! Но у него везде есть шпионы. Может быть, даже ваш кабинет прослушивается. Мне бы следовало об этом подумать — да нет, пустая трата времени. Что он хочет знать, он узнает. Как только я услышал, что он собирается сюда, я сел на телефон и пробился на самый верх. Ответа пока нет, так что вам придется мне помочь. Если он сюда доберется, мы должны его задержать.

— Хоть скальпелем!

— Ну, в таких крайних мерах нет необходимости. Просто потяните время. Как можно дольше заговаривайте ему зубы.

— Я сделаю кое-что получше, — сказала Эрин Снэрсбрук, протянув руку к телефону. — Я устрою ему тот же фокус, что в свое время устроил он сам: пошлю его не в ту палату.

— Вы этого не сделаете. Я уже в той палате, в какой надо.

В дверях стоял генерал Шоркт. Едва заметная тень улыбки пробежала по его угрюмому лицу и мгновенно исчезла. Дверь

держал открытой какой-то полковник, еще один полковник стоял рядом с генералом. Доктор Снэрсбрук заговорила бесстрастным голосом, каким говорят хирурги в операционной:

— Прошу вас уйти, генерал. Это больница, и здесь, рядом, у меня тяжелобольной пациент. Пожалуйста, уйдите.

Генерал Шоркт решительным шагом подошел и смерил ее ледяным взглядом.

— Шутки давно кончились. Пропустите меня, иначе я прикажу убрать вас отсюда.

— В этой больнице вы не имеете никакого права командовать. Ни малейшего. Мистер Беникоф, позвоните по телефону дежурной сестре. Положение критическое. Пусть пришлют шестерых санитаров.

Беникоф потянулся к телефону, но полковник положил руку на аппарат.

— Никаких звонков, — сказал он. Доктор Снэрсбрук спокойно стояла, заслоняя собой дверь.

— Вы ответите за свои действия в уголовном порядке, генерал. Вы сейчас в гражданской больнице, а не на военной базе.

— Уберите ее, — приказал генерал. — Если будет нужно, примените силу.

Второй полковник шагнул вперед.

— Не советую вам этого делать, — предупредил Беникоф.

— А вас я тоже отстраняю от расследования, Беникоф, — сказал генерал. — Вы не желаете сотрудничать и только мешаете. Уберите отсюда обоих.

Беникоф не делал никаких попыток остановить офицера, который обошел его и приблизился к Эрин. Только тогда он сложил обе руки в кулак и изо всех сил ударил полковника по почкам. Тот захрипел и повалился на пол.

В наступившей мертвой тишине громко зазвонил телефон. Полковник, державший руку на аппарате, поднял трубку и оглянулся на генерала, ожидая указаний.

— Это все-таки больница, — сказала доктор Снэрсбрук. — Здесь на звонки всегда отвечают.

Несколько долгих секунд генерал стоял молча, с угрожающим видом, потом кивнул.

— Да? — произнес полковник в трубку и тут же встал навытяжку.

— Вас, генерал, — сказал он, протягивая ему трубку.

— Кто это? — спросил генерал, но полковник молчал. После недолгого колебания генерал взял трубку. — Генерал Шоркт слу-

шает. Кто? — Наступила долгая пауза — генерал слушал. Потом он сказал: — Да, сэр, но здесь чрезвычайная ситуация, и это решать мне. Да, я помню генерала Дугласа Макартура[1]. И я помню, что он превысил свои полномочия и был смещен. Мне все ясно. Да, мистер президент, я понимаю.

Он отдал трубку полковнику, повернулся и вышел из комнаты. Офицер, лежавший на полу, с трудом поднялся на ноги, погрозил кулаком Беникофу, который весело ему улыбнулся, и последовал за остальными.

Только после того как дверь за ними закрылась, Эрин Снэрсбрук позволила себе заговорить:

— Вы в самом деле высоко пробились, мистер Беникоф.

— Расследование ведет президентская комиссия, а не это ископаемое в мундире. Я решил, что пора ему напомнить, кто его верховный главнокомандующий. Мне очень понравилось это упоминание про Макартура. И еще — выражение лица генерала, когда он вспомнил, как президент Трумэн отправил Макартура в отставку.

— Вы заработали себе врага на всю жизнь.

— Это случилось уже очень давно. А теперь — можете вы мне сказать, что происходит? Как успехи у Брайана?

— Сейчас. Если вы подождете у меня в кабинете, я закончу с ним. Это недолго.

Когда дверь палаты открылась и вошла доктор Снэрсбрук, Брайан поднял глаза:

— Я слышал голоса. Что-нибудь важное?

— Нет, мой мальчик, совершенно ничего важного.

Глава 12

27 октября 2023 года

— Ну как — сегодня чувствуем себя хорошо? — спросила доктор Снэрсбрук, открыв дверь, и отступила в сторону, пропуская сестру и санитара, которые вкатили тяжелые тележки с аппаратурой.

[1] Дуглас Макартур (1880—1964) — известный американский генерал, во Второй мировой войне командовал американскими вооруженными силами на Дальнем Востоке, позже — всеми союзными войсками на Тихом океане, в 1950—1951 гг. — силами ООН в Корейской войне.

— Чувствовал — пока не увидел все это железо и вон ту раздвоенную метлу с выпученными стеклянными глазками. Что это такое?

— Серийный микроманипулятор. Таких пока выпущена только небольшая партия.

Эрин по-прежнему улыбалась. Она даже не намекнула Брайану, что это часть машины, разработать которую помогал ей он.

— В основе машины — параллельный компьютер разветвленной архитектуры. Благодаря этому он весь располагается в одной виртуальной плоскости. Послойная интеграция — машина как бы состоит из микрокомпьютеров, которые находятся в каждом суставе робота-дерева.

— В каждом суставе? Вы меня разыгрываете!

— Ты скоро узнаешь, насколько изменились за это время компьютеры, — особенно тот, который управляет этой установкой. Большая часть разработки была сделана в МИТе — там построили эту метлу, как ты ее назвал. Она куда сложнее, чем кажется. Заметь, что главных руки у нее две, но они сразу же начинают разветвляться — каждая сама превращается в две...

— И обе раза в два меньше исходной, по-моему.

— Приблизительно так. Потом они разветвляются снова и снова. — Она постучала пальцем по одному из разветвлений. — Примерно вот на этом уровне руки становятся слишком маленькими, их уже нельзя изготовлять по отдельности — у нас нет таких тонких инструментов, а собирать их пришлось бы под микроскопом. Поэтому...

— Можете не объяснять. Все они в точности одинаковые и различаются только размерами. Так что манипуляторы одной руки изготовляют элементы следующей ступени, поменьше, для другой.

— Совершенно верно. Хотя делать их приходится из других материалов, чтобы обеспечить нужную прочность. Но в памяти компьютера по-прежнему хранится всего одна модель с программами ее изготовления и сборки. С каждым шагом меняются только размеры. И в каждый сустав вмонтированы пьезоэлектрические шаговые двигатели.

— Должно быть, непросто было придумать, как изготовлять те, что на самом конце.

— Да, непросто, но об этом мы поговорим как-нибудь в другой раз. Сейчас важнее всего то, что датчики на самых кончиках пальцев очень малых размеров и управляет ими по обратной связи компьютер. Они вполне могли бы выполнять хирургические

операции на уровне клеток, но сейчас у них совсем простая задача — установить в заранее заданное место вот этот контакт.

Брайан всмотрелся в выступающий наружу почти невидимый кончик световода.

— Вроде как забить гвоздик отбойным молотком. Значит, он подключится к гнезду у меня на затылке, о котором вы говорили, — и по нему полетят туда-сюда сигналы?

— Да. Ты ничего не почувствуешь. А сейчас попробуй повернуться на бок, и все.

Доктор Снэрсбрук подошла к пульту управления и включила установку. Разветвленные руки встрепенулись. Она подвела их к затылку Брайана и передала управление компьютеру. С едва слышным мягким шорохом крохотные пальцы задвигались, расправились и медленно опустились, коснувшись его шеи.

— Щекотно, — сказал Брайан. — Как будто паучки бегают. Что она делает?

— Сейчас она нацеливается световодом в рецепторный блок, который у тебя под кожей. Световод пройдет сквозь кожу, но ты этого не почувствуешь. Кончик у него острее, чем у самой тонкой хирургической иглы. К тому же он выбирает себе путь так, чтобы не задеть ни одного нерва или мелкого сосуда. Щекотка прекратится, как только контакт будет установлен. Вот!

Компьютер издал короткий писк. Пальцы машины плотно прижали к коже металлическую пластинку со световодом. Снова послышался шорох — механические пальцы взяли со столика кусочек пластыря, быстро передавая его друг другу, доставили на место и закрепили им пластинку. Только после этого машина убрала руки. Доктор Снэрсбрук кивнула сестре и санитару, и те удалились.

— Вот теперь начинается. Говори мне сразу, когда что-нибудь увидишь или услышишь. Или унюхаешь.

— Или о чем подумаю или вспомню, да?

— Совершенно верно. Я начну вот здесь...

Она чуть повернула ручку, и Брайан вскрикнул хриплым голосом:

— Я не могу двинуться! Отключите, у меня паралич!..

— Хорошо, хорошо, теперь все в порядке. Сразу прошло?

— Да, только вы больше не будете так делать?

— Не буду. Точнее, компьютер не будет. Мы попробовали локализовать главные элементы самого нижнего уровня в стволе мозга — идентифицировать их и взять на себя управление. Очевидно, система отключила весь мозжечок. Теперь компьютер уже

знает, что произошло, и этого не повторит. Ты готов продолжать?

— Пожалуй, да.

Иногда он чувствовал тепло, иногда погружался в темноту. На мгновение его тело охватил леденящий холод и тут же прошел. Многие ощущения было невозможно описать словами — это были функции, которые организм выполняет без всякого участия сознания.

Один раз он громко вскрикнул.

— Тебе больно? — спросила она тревожно.

— Нет, ничуть, наоборот. Не отключайте, пожалуйста, не отключайте!

Его широко раскрытые глаза смотрели в пространство, все тело напряглось. Ни секунды не колеблясь, она резко повернула рукоятку. Он с глубоким вздохом откинулся на подушку.

— Это почти... трудно, невозможно передать. Как наслаждение в квадрате, в кубе. Отметьте, пожалуйста, эту точку.

— Она уже занесена в память компьютера. Только ты действительно считаешь, что стоит еще раз...

— Ни в коем случае! Держитесь от нее подальше. Это как с той крысой, что нажимает и нажимает на кнопку, возбуждая свой центр удовольствия, пока не умрет от голода и жажды. Держитесь отсюда подальше!

Так прошел час, и Эрин Снэрсбрук прекратила сеанс.

— Мне кажется, на первый раз хватит. Устал?

— Я об этом не думал, но, пожалуй, да. Получается у нас что-нибудь?

— По-моему, получается. Во всяком случае, информации записано много.

— Совпадения были?

— Сколько-то было... — После некоторого колебания Эрин сказала: — Брайан, если ты не очень устал, я хотела бы еще немного с тобой поработать.

— Не иначе как вам хочется попробовать какой-то новый способ локализовать немы высших уровней?

— Угадал.

— Мне тоже хочется. Валяйте.

Если что-то в сознании Брайана и менялось, он, во всяком случае, ничего не чувствовал. Подумав, он сообразил, что так и должно быть. Если машина соединяет нервные пучки, восстанавливая его воспоминания, он ничего и не может почувствовать. Только когда он попытается вызвать эти воспоминания,

станет ясно, что они сохранились. Но однажды он все же уловил момент, когда где-то в глубине его сознания что-то произошло. Промелькнула какая-то мысль, хотя как только он попытался ее поймать, она ускользнула, словно угорь. Ему стало досадно: что-то с ним делается, а что — непонятно. К тому же он устал. У него было такое ощущение, будто где-то зудит, а где — не поймешь.

«Хватит», — подумал он.

— Я думаю, на сегодня достаточно, — внезапно заявила Эрин. — Мы уже много поработали.

— Конечно, — отозвался Брайан, на секунду замялся, но потом решился и сказал: — Доктор Снэрсбрук, можно вас кое о чем спросить?

— Конечно. Только погоди секунду, я сейчас тут кончу... Да, слушаю?

— Почему вы решили закончить работу именно в этот момент?

— Там случился небольшой сбой. Машина очень чувствительна, и потом ведь все это — первый эксперимент. От одного из установленных контактов прошел сигнал отказа. Сказать по правде, это первый такой случай. Я еще раз прогоню программу до этого места и выясню, в чем дело.

— Не стоит трудиться, я вам скажу.

Эрин Снэрсбрук удивленно подняла на него глаза, потом улыбнулась:

— Вряд ли. Сбой был не у тебя в мозгу, а в центральном процессоре. Или, точнее, при взаимодействии центрального процессора, который вживлен тебе в мозг, с компьютером.

— Знаю. Я велел ему отключиться.

Эрин постаралась, чтобы ее голос остался спокойным.

— Это мало вероятно.

— Почему? Процессор вживлен мне в мозг, и они между собой взаимодействуют. Почему здесь не может возникнуть обратная связь?

— Не знаю, наверное, может, только этого еще никогда не случалось.

— Все, что случается, когда-нибудь случается в первый раз, доктор.

— Должно быть, ты прав. Видимо, пока компьютер разбирался в каких-то связях твоего мозга, часть мозга разобралась в управляющих сигналах компьютера.

Голова у нее шла кругом. Задумчиво потирая руки, она отошла к окну, вернулась — и рассмеялась:

— Брайан, ты понимаешь, что говоришь? Что твое мышление напрямик вступило в общение с машиной! Без всяких кнопок, без устных команд, без каких-либо других физических воздействий. Это в наши планы не входило, но это случилось. До сих пор общение всегда происходило лишь на уровне двигательных актов — от нерва к мышце. А теперь мозг впервые вступил в непосредственную связь с машиной. Ничего подобного до сих пор не бывало. Это... от этого просто дух захватывает! Перспективы открываются просто невероятные!

В ответ послышался негромкий храп. Брайан уже спал.

Эрин Снэрсбрук вынула из гнезда на компьютере кабель, ведущий к затылку Брайана, смотала и положила под подушку — ей не хотелось тревожить его, пытаясь разъединить другой конец. Потом она отключила машину, опустила шторы и вышла.

У дверей ее ждал Беникоф, вид у него был мрачный. Он хотел что-то сказать, но Эрин жестом остановила его.

— Прежде чем вы сообщите мне плохие новости, прописываю вам чашку кофе у меня в кабинете. У нас обоих сегодня был трудный день.

— Неужели по мне это видно?

— Я же гениальный диагност. Пошли.

Ей было о чем подумать по дороге. Стоит ли сказать Беникофу про только что обнаруженную у Брайана новую способность? Пока нет — возможно, позже. Сначала надо кое-что проверить — убедиться, что это не случайность, не простое совпадение. Если все так, то перспективы открываются необозримые, даже пугающие. Нет, все это надо будет обдумать завтра. Она с удовольствием прихлебнула кофе, протянула Беникофу его чашку и наконец опустилась в кресло, о чем давно мечтала.

— Ну, теперь выкладывайте ваши плохие новости.

— На самом деле не такие уж плохие, доктор. Просто на нас давят. От генерала Шоркта не так легко отделаться. Он утверждает, что с каждым днем пребывания Брайана здесь, в больнице, риск увеличивается. Отчасти он прав. И это, конечно, вносит страшный беспорядок в нормальную работу больницы. Я знаю — жалобы поступают ко мне. Генерал вышел на Пентагон, который вышел на президента, а тот вышел на меня. Ведь теперь, когда Брайан пришел в сознание и отключен от аппаратуры, его можно транспортировать?

— Да, но...

— Это ваше «но» должно быть очень веским.

Эрин Снэрсбрук допила кофе и покачала головой:

— Боюсь, что причин для категорического отказа у меня нет. Если будут соблюдены все меры предосторожности.

— Вот почему я в таком унынии. В этот самый момент генерал Шоркт ждет за дверью, а с ним — целая маленькая армия в полной боевой готовности и вертолет медслужбы. Если это все, что вы можете сказать в ответ, они возьмутся за дело немедленно. Я попытаюсь потянуть время, но только если у вас есть действительно серьезные медицинские доводы.

— У меня их нет. Больше того, если все равно рано или поздно его нужно будет перевезти, то, может быть, лучше сделать это сейчас. Пока я не слишком глубоко ушла в реконструкцию его памяти. К тому же я уверена, что, когда мы будем в полной безопасности, у всех нас станет легче на душе.

Когда Брайан услышал о том, что ему предстоит, он пришел в восторг:

— Ого — катание на вертолете! Я еще никогда в жизни на них не летал. А куда мы отправляемся?

— Во флотский госпиталь на базе Коронадо.

— А почему туда?

— Расскажу, когда будем там. — Доктор Снэрсбрук бросила взгляд в сторону медсестер, которые готовили Брайана к перевозке. — Вообще я, наверное, отвечу тебе на множество вопросов, когда будем там. Боюсь, что наше пребывание здесь надолго сохранить в тайне не удастся. Ну как, мы готовы?

— Да, доктор, — ответила сестра.

— Хорошо. Сообщите мистеру Беникофу. Он ждет там, снаружи.

Появились санитары — матросы из медслужбы флота, а с ними — команда вооруженных до зубов морских пехотинцев, которые очистили от посторонних весь этаж больницы и пристроились к врачам, сопровождавшим каталку, окружив их со всех сторон. После того как Брайана закатили в лифт, они бегом кинулись вверх по лестнице и уже поджидали перед лифтом на крыше, когда дверь кабины открылась. И они были здесь не одни. Из-за парапета выглядывали снайперы, по углам крыши, у готовых к пуску внушительных ракет земля—воздух стояли солдаты.

— Вы правы, доктор, вам много чего придется мне объяснить! — крикнул Брайан, пытаясь перекричать ревущий двигатель вертолета.

Во время короткого перелета над городом и через залив их сопровождал эскорт штурмовых вертолетов, а в вышине над ними

кружила эскадрилья истребителей. После того как они приземлились на посадочной площадке флотского госпиталя, вся процедура повторилась в обратном порядке. А когда последний морской пехотинец скрылся за дверью, в палате остались три человека.

— Вы не подождете снаружи, генерал, — сказал Беникоф, — пока я объясню Брайану, что происходит?

— Нет.

— Спасибо. Доктор Снэрсбрук, будьте добры, представьте меня.

— Брайан, это мистер Беникоф. Офицер рядом с ним — это генерал Шоркт, который хочет задать тебе несколько вопросов. Я бы его сейчас сюда не допустила, но мне сообщили, что об этом разговоре специально просил президент. Президент Соединенных Штатов.

— Да ну, правда, доктор? — Хотя ему было двадцать четыре года, он широко раскрыл глаза от изумления, как четырнадцатилетний мальчишка. Эрин кивнула.

— Мистер Беникоф — тоже уполномоченный президента. Он руководит расследованием... Ну, он сам об этом расскажет.

— Привет, Брайан. Ты себя хорошо чувствуешь?

— Замечательно. Отлично прокатились.

— Ты был серьезно болен. Если тебе кажется, что это лучше отложить...

— Нет, спасибо. Я сейчас немного устал, но вообще чувствую себя прекрасно. И я действительно хотел бы знать, что случилось со мной и что здесь происходит.

— Ну хорошо. Ты знаешь, что тебе удалось разработать действующий искусственный интеллект?

— Доктор Снэрсбрук мне говорила. Но я ничего этого не помню.

— Ну разумеется. Так вот, если не углубляться в подробности, то когда ты демонстрировал работу искусственного интеллекта у себя в лаборатории, на нее был совершен налет. У нас есть основания полагать, что все, кто находился там с тобой, были убиты, а ты сам получил тяжелое ранение в голову. Пулевое ранение. Вероятно, тебя оставили там потому, что сочли мертвым. Из лаборатории исчезли все твои записи, заметки, оборудование — все, что имело отношение к искусственному интеллекту. Тебя доставили в больницу, и доктор Снэрсбрук тебя прооперировала. Ты пришел в себя, и все, что произошло потом, тебе, конечно, из-

вестно. Но я должен добавить, что найти похитителей и вернуть материалы так и не удалось.

— *Кто это сделал?*

— Боюсь, что об этом мы не имеем ни малейшего представления.

— Но тогда зачем все эти военные маневры?

— Когда ты находился уже в больнице, откуда тебя только что доставили сюда, на тебя было совершено еще одно покушение.

Брайан удивленно обвел глазами их лица, но прочитать на них ничего не смог.

— Значит, вы говорите, что искусственный интеллект украли. И кто бы это ни был, они хотят владеть его секретом одни. Настолько, что готовы меня прикончить, лишь бы он и дальше оставался секретом. Даже несмотря на то, что я ничего о нем не помню.

— Верно.

— К этой мысли не так просто привыкнуть.

— Нам тоже.

Брайан взглянул на генерала:

— А какое отношение ко всему этому имеет армия?

— Сейчас скажу. — Генерал Шоркт шагнул вперед. Беникоф хотел было вмешаться, но удержался. Чем скорее с этим будет покончено, тем лучше. Снэрсбрук была того же мнения и одобрительно кивнула, увидев, что Беникоф отступил. Генерал протянул вперед свою единственную руку, в которой был диктофон.

— Назови себя. Имя, дату и место рождения.

— Зачем, ваша честь? — удивленно спросил Брайан с неожиданно появившимся сильным ирландским акцентом.

— Затем, что я тебе приказываю. Мне докладывали о твоем состоянии и степени вменяемости, и я хочу это проверить. Отвечай.

— Это действительно нужно? А, я знаю почему. Готов спорить — потому что вот эти люди все про меня наврали. Они ведь вам говорили всякую чушь вроде того, что мне только четырнадцать лет, а вы же видите своими собственными глазами, что это враки?

— Возможно. — Глаза у генерала сверкнули, он наклонился к Брайану. — Говори, это будет твое официальное заявление.

Беникоф отвернулся, чтобы генерал не видел его лица. Он много бывал в Ирландии и прекрасно знал то, чего не знал генерал, — какие мастера ирландцы валять дурака, когда захотят.

Брайан, нерешительно оглядевшись, провел языком по губам.

— Я здесь в безопасности, генерал?

— Гарантирую на сто процентов. С этого момента за тебя несет ответственность армия Соединенных Штатов.

— Приятно это знать. Мне стало куда легче. И теперь могу вам сказать, генерал, что очухался только на больничной койке и у меня что-то неладно с головой. Я ничегошеньки не помню с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать. Хотя если посмотреть на меня, этого не скажешь, но мне все равно что четырнадцать. А сейчас я очень устал. Что-то мне нехорошо стало. Мне нужно срочно сказать кое-что важное моему врачу.

— Мистер Беникоф, — вмешалась доктор Снэрсбрук, сочтя момент самым подходящим для этого, — прошу вас и генерала Шоркта выйти. Вы можете подождать снаружи.

Генерал хотел что-то сказать, но с трудом сдержался. Лицо его побагровело, на скулах вздулись желваки. В конце концов он круто повернулся на каблуках, взмахнув в воздухе пустым рукавом кителя, и направился к выходу. Беникоф открыл перед ним дверь и закрыл ее за собой. Встревоженная Эрин поспешно подошла к Брайану.

— Что с тобой, Брайан?

— Не беспокойтесь, доктор, ничего такого, что угрожало бы жизни. Мне просто надоел этот тип. Хотя нет, есть кое-что.

— Тебе больно?

— Да нет, совсем не то. Извините, пожалуйста, но мне надо пописать.

Глава 13

9 ноября 2023 года

Прошло почти две недели, прежде чем Беникоф вновь увиделся с Брайаном. Но отчеты о его состоянии он получал ежедневно и немедленно переправлял их в администрацию президента. А представлять куда было велено второй экземпляр отчетов он не спешил. Его электронный факс был назло всем запрограммирован так, что передавал эти отчеты по секретной телефонной линии генерала Шоркта ровно в три часа ночи. Беникоф от всей души надеялся, что рано или поздно какой-нибудь слишком впечатлительный штабной офицер обнаружит в отчете что-то настолько интересное, чтобы немедленно поднять генерала на ноги. Каждый вечер, вспоминая об этом, Беникоф засыпал с блаженной улыбкой.

Вместе с отчетами по факсу передавались ежедневные рапорты о ходе расследования по делу компании «Мегалоуб». Эти рапорты с каждым днем становились все короче — рапортовать было просто не о чем. Лишь однажды произошла вспышка бурной деятельности — это случилось после того, как неподалеку от местонахождения компании было обнаружено несколько пещер. Находка как будто подтверждала одну из наименее вероятных версий — будто грузовик, который видели в ту ночь около лаборатории, может быть, все-таки покинул долину. Но покинул ее пустым, а добычу закопали в заранее подготовленном месте, чтобы извлечь ее оттуда позже, когда шум уляжется. Поэтому известие о том, что найдены пещеры, привело всех в большое волнение. Однако в пещерах не удалось обнаружить ничего, кроме окаменевшего помета летучих мышей. Беникоф не мог не подумать про себя, что точно такую же ценность представляли и все остальные материалы, которые удалось собрать по этому делу.

Совершив на рассвете часовую пробежку по парку Бальбоа, он принял душ, оделся и без всякого аппетита проглотил легкий завтрак, запив его черным кофе. В девять он позвонил в одну компанию по производству электронного оборудования, чтобы узнать, когда будет доставлено то, что он заказал. Потом, ответив на звонки с Восточного побережья, поступившие и записанные за время его отсутствия, он выключил компьютер и на служебном лифте спустился в контору проката автомобилей, расположенную в цокольном этаже отеля. Там его ждал заранее заказанный желтый электромобиль. Он проверил, есть ли в багажнике запасное колесо, нет ли на кузове заметных вмятин и полностью ли заряжен аккумулятор. Машин на улицах почти не было. Он доехал до середины моста Коронадо, когда у въезда на мост появился «хвост» из службы безопасности. Вырулив на резервную полосу движения, Беникоф остановился только у выезда с моста по знаку часового из морской пехоты.

— Простите, сэр, но ехать по этой полосе вы не имеете права.

— Простите, имею.

Увидев его документы и пропуск, часовой откозырял. Немного дальше у него снова потребовали документы, и снова ему откозыряли, но уже предварительно обыскав машину. И далее после этого он оказался лишь в той части острова Коронадо, которая открыта для публики. Когда же он подъехал к воротам военно-морской базы, проверки стали еще более тщательными.

Когда Беникоф вошел в палату, Брайан стоял у окна и с улыбкой повернулся к нему.

— Мистер Беникоф, рад вас видеть. Нас тут не балуют визитами.

— Я еще больше рад видеть тебя — и выглядишь ты отлично.

— Да и чувствую себя примерно так же. Вчера мне сняли бинты со спины и с руки. Там у меня теперь только аккуратные шрамы. А завтра мне дадут шапочку вместо повязки на голове. Все приходят поглазеть на мой череп, только мне ничего не показывают.

— Может, это и к лучшему. А у меня для тебя еще одна хорошая новость. Мы с доктором Снэрсбрук предприняли отчаянное наступление на военно-морские власти и добились того, что они, хоть и неохотно, разрешили поставить тебе в этой комнате компьютерный терминал.

— Вот здорово!

— Только заметь, я сказал — терминал, а не компьютер. Он будет соединен с главным компьютером госпиталя. Так что можешь быть уверен — что бы ты ни набрал, это мгновенно появится на экране перед генералом Шорктом.

— Да так еще лучше! Уж я постараюсь — этот добряк прочтет там такое, что у него тут же подскочит давление.

— Это называется любовь с первого взгляда. Мне очень понравилось, как ты валял перед ним дурака.

— Не мог удержаться. Он точь-в-точь как одна монахиня в нашей школе в Таре — она вечно так колотила меня линейкой по рукам, что линейка ломалась. Кстати, о школе — а есть у меня какой-нибудь шанс улизнуть с урока? Немного подышать воздухом?

Беникоф плюхнулся в кресло, которое заскрипело под его тяжестью.

— Об этом я тоже торговался с властями. Когда доктор скажет, что здоровье тебе позволяет, ты сможешь выходить на балкон десятого этажа.

— На привязи, чтобы не спрыгнул вниз?

— Ну нет, до этого не дойдет. Я заглянул туда по дороге — это была, должно быть, личная прихоть какого-то адмирала. Там просторно, стоят шезлонги, деревья, даже аквариум есть. И кругом охрана.

— Вот об этом я тоже хотел вас спросить, мистер Беникоф...

— Пожалуйста, говори просто — Бен, все меня так называют.

— Ладно. Так вот, насчет этой охраны — и что со мной будет, когда я поправлюсь. Доктор сказала, что об этом надо спрашивать вас.

Беникоф встал и принялся ходить по комнате.

— Я об этом много думал, но ничего хорошего придумать не смог. Боюсь, что, когда ты выйдешь из этого госпиталя, тебе придется перебраться в какое-нибудь столь же хорошо охраняемое место.

— Вы хотите сказать — пока вы не узнаете, кто украл искусственный интеллект и стрелял в меня и кто потом явился опять, чтобы меня прикончить?

— Боюсь, что да.

— Тогда нельзя ли мне взглянуть на распечатку всех материалов о том, что произошло после налета и кражи и что вы с тех пор выяснили?

— Это совершенно секретные документы. Но поскольку все они касаются тебя, а ты вряд ли в ближайшее время отправишься в путешествие, не вижу, почему бы тебе их не показать. Я принесу тебе экземпляр завтра.

В дверь заглянула медсестра:

— Тут привезли какое-то оборудование, которое нужно установить. Доктор Снэрсбрук разрешила.

— Давайте его сюда.

Два санитара в белых халатах вкатили тележку, за ними вошел старшина с нашивками электронщика на рукаве.

— Только что доставлено, сэр. Разобрано, проверено и собрано снова. Работает — первый сорт. Кто за него распишется?

— Я, — сказал Беникоф.

— Но это не терминал, — заметил Брайан, постучав пальцем по прямоугольному металлическому аппарату.

— Нет, сэр. Это принтер новой модели, для вечной бумаги. Терминал сейчас привезут. И здесь тоже распишитесь, пожалуйста. Бумага вон там, в коробке.

— Вечная бумага? Это для меня что-то новое.

— На самом деле нет, — сказал Беникоф, когда принтер и терминал были подключены к сети и соединены между собой и они остались одни. Он протянул Брайану лист бумаги. — Ее создали в Университете свободного предпринимательства для ежедневной газеты, которая там выходит. А под патентной заявкой стоят, в числе других, подписи твоего отца и твоя. Насколько я понимаю, вы оба принимали участие в разработке технологии.

— На вид и на ощупь — совсем как обычная бумага.

— Попробуй ее скомкать или порвать. Теперь понял? Это прочный пластик, имеющий вид бумаги, с тонкой пленкой из полимера на поверхности. Он почти не поддается разрушению и

может полностью перерабатываться для вторичного использования. Как раз то, что надо для той ежедневной газеты, — а ее тоже изобрел один из самых способных университетских ребят.

— Можно я сяду и попью воды, а вы мне про нее расскажете?

— Сейчас принесу воды. Вот ты знаешь, что такое избирательное программирование теленовостей?

— Конечно. Вводишь программу по своему вкусу — задаешь, что тебя интересует бейсбол, биржевые курсы, конкурсы красоты, что хочешь. Новости со специальными отметками передаются круглые сутки. Твой телевизор записывает то, что тебя интересует, — приходишь домой, включаешь его, и пожалуйста: все, что тебе нужно.

Беникоф кивнул.

— Так вот, ваша университетская газета — что-то в этом роде, только еще почище. Ее редактор договорился с учеными всего мира, что они станут ее репортерами. Они непрерывно шлют сообщения о всяких научных и технических новостях. Сообщения сортируют и хранят в банке данных вместе с материалами, которые поступают от обычных информационных агентств. А у подписчика работает самообучающаяся программа. Всякий раз, когда ты нажимаешь кнопку перемотки вперед, компьютер запоминает это и больше на такую тему ничего не показывает. А что еще важнее — он с помощью специального устройства следит за движениями твоих глаз, а потом проводит контент-анализ и записывает в своей памяти, что тебя больше интересует. Это настоящее самообучение, система все лучше и лучше определяет твои интересы. Она так хорошо работает, что, если бы не автоматическое отключение, ты бы ничего больше не делал, а только смотрел новости и комментарии, соответствующие твоему вкусу и взглядам.

— Вроде информационного наркотика? А как же тогда быть, если захочется просто полистать все подряд?

— Система и это позволяет. Даже в документах, которые имеют отношение только к определенной теме, всегда присутствуют какие-то побочные линии.

— Здорово! Значит, получается, что каждый подписчик получает свою газету? Профессору гидротехники показывают только трубы, насосы и речные пейзажи со всего мира, некрологи об умерших в Топике, штат Канзас, откуда он родом, и шахматные новости, если он этим увлекается? Отличная идея.

— Так думают многие тысячи людей. Подписчик вносит постоянную плату, а компьютер следит за тем, сколько раз исполь-

зовался каждый отдельный сюжет, и автоматически рассчитывается с его автором.

Брайан скатал лист вечной бумаги в тонкую трубку, но та мгновенно расправилась, как только он ее отпустил.

— Персональная газета, которая ждет тебя в ящике каждое утро! Но все равно за неделю накапливается макулатуры на целое дерево.

Беникоф кивнул:

— Вот над этим и задумались вы с отцом. Университетская лаборатория тонких пленок разрабатывала плоские экраны для компьютеров. Твой отец помогал им с расчетами, и в конце концов получилось вот это. Многослойная пленка, толща которой под электронным воздействием меняет цвет с белого на черный. Выглядит это так, будто на ней напечатан шрифт любого рисунка и размера, даже самый крупный для тех, кто плохо видит. А после прочтения лист снова вводят в принтер, на нем печатается следующий номер газеты, а старый текст стирается. Но даже эта технология скоро станет не нужна. Вот-вот в продаже появятся гиперкниги — они толщиной всего в сантиметр и состоят из десяти страниц. В переплете такой книги спрятан мощный компьютер, который управляет картинкой, появляющейся на каждой странице, — намного более четкой, чем печатный текст в настоящей книге. Когда читатель доходит до десятой страницы, он снова открывает первую, а там уже продолжение текста. У этой десятистраничной книжки память в сотни мегабайт — она может вместить приличную библиотеку.

— Ну, мне пока хватит и вот этого — замечательная штука. Устрою себе персональную газету.

— Пожалуйста. Но принтер я тебе дал не для этого. Ты пытался заказать кое-какие книги, твой заказ переправили мне. Компьютер может хранить их в памяти, а на вечной бумаге ты можешь напечатать книгу, которая тебе нужна, сложить листы в папку и почитывать, сидя на солнышке.

— А потом снова использовать листы, когда их прочту! Оказывается, у вас тут много такого произошло, о чем я не помню. Скажите, а нельзя напечатать на ней те материалы, которые я просил? Тогда я получу их прямо сейчас.

Беникоф повернулся к терминалу.

— Не знаю. Если по компьютерной сети в этом госпитале разрешено передавать секретные материалы, то, может быть, и получится. Надо попробовать.

Он набрал свой кодовый номер, вызвал секретный отдел базы

и нашел нужное меню. Но не успел он двинуться дальше, как весь текст с экрана исчез, и вместо него появилось недовольное лицо генерала Шорката.

— Что означает это нарушение правил секретности?

Маленький динамик терминала делал голос генерала еще более скрипучим.

— Доброе утро, генерал. Я только хотел получить для Брайана копию секретного доклада по делу «Мегалоуб».

— Вы с ума сошли?

— Да нет, не особенно. Подумайте, генерал. Брайан сам был там. Он наш единственный очевидец. Нам нужна его помощь. Если я не получу копию сейчас, я принесу ее сюда завтра. Понимаете?

Генерал Шоркт некоторое время размышлял, храня ледяное молчание.

— Сеть госпиталя не защищена от подслушивания. Я распоряжусь, чтобы копию доклада передали из Пентагона в секретный отдел базы Коронадо. Вам копию доставят с посыльным.

— Тогда до свидания, сэр, приятно было с вами побеседовать. Слышал, Брайан?

Брайан кивнул:

— Не знаю, смогу ли я помочь, но по крайней мере узнаю, что там со мной случилось. Доктор Снэрсбрук как-то сказала, что было убито еще несколько человек. Много?

— Мы просто не знаем — вот что больше всего меня бесит в этом деле. Про одного человека мы можем сказать более или менее уверенно — это председатель правления «Мегалоуб» Дж.-Дж. Бэкуорт. Мы нашли каплю его крови. Но всего пропало без вести семнадцать человек. Сколько из них убито, а сколько участвовало в преступлении, неизвестно. Ты все это прочтешь в докладе.

— А что оттуда похитили?

— Все записи и все оборудование, имевшее отношение к проекту «ИИ» — к твоему искусственному интеллекту. Из твоего дома тоже забрали всю электронную и записывающую аппаратуру, все до единой книги и бумаги. Соседи сообщили, что мебельный фургон стоял там под погрузкой по меньшей мере полдня.

— Вы нашли фургон?

— Номера были поддельные, а такой компании не существует. Да, еще — грузчики были азиатской внешности.

— Китайцы, японцы, таиландцы, вьетнамцы или кто-нибудь еще?

— Очевидцы — пожилые люди, они говорят только, что это были азиаты.

— А времени прошло уже много, и оно все идет.

Беникоф неохотно кивнул.

— Я хотел бы вам помочь, но если верить моей памяти, я все еще живу в УСП. Может быть, если бы я увидел свой дом, я бы что-то припомнил. А не оставили они мою резервную копию? Когда я еще только начинал всерьез заниматься программированием, я случайно стер два важных файла и поклялся, что это больше не повторится. Я написал автоматическую программу, которая во время работы сохраняла все во внешней памяти, на дискетах.

— Неплохая мысль — только они забрали все дискеты, какие были в доме.

— Но моя программа не просто делала резервную копию. Когда мне было четырнадцать, она еще копировала этот резервный диск через телефонный модем в главный компьютер, который стоял у отца в лаборатории. Интересно, а что я мог придумать для этого потом, когда стал заниматься проектом «ИИ»?

Беникоф вскочил, стиснув кулаки.

— Ты понимаешь, что ты только что сказал?

— Конечно. Есть шанс, что где-то в памяти хранится копия всей моей работы по искусственному интеллекту. Это вам помогло бы, верно?

— Помогло бы! Мальчик мой, да мы бы смогли по ней восстановить твой искусственный интеллект! Это ничего нам не скажет о том, кто все это устроил, — но тогда они окажутся не единственными, кто владеет искусственным интеллектом! — Он схватил трубку и набрал номер. — Доктора Снэрсбрук, пожалуйста. Когда? Передайте ей, пусть позвонит мне, как только вернется. Да, это Беникоф. Скажите ей, что нам крайне важно знать, когда ее больной будет в состоянии выйти за пределы госпиталя. Вопрос важный — важнее не бывает!

Глава 14

10 ноября 2023 года

В палату вошла медсестра, оставив дверь открытой.

— Вам надо идти, мистер Беникоф. — Она откинула одеяло и взбила подушки. — Пора ложиться спать, Брайан.

— А это обязательно? Я чувствую себя хорошо.

— Пожалуйста, делай, что тебе говорят. У тебя подскочило давление и пульс.

— Я просто немного разволновался, вот и все.

— В постель! Вы слышали, что я сказала, мистер Беникоф?

— Да, конечно, обязательно. Я поговорю с тобой потом, Брайан, после того как увижусь с доктором Снэрсбрук.

Несмотря на многие месяцы лечения, рана и последствия операции все еще давали себя чувствовать. Брайан заснул почти сразу и проснулся, только услышав какие-то голоса. Он открыл глаза и увидел около своей кровати Бена и доктора Снэрсбрук.

— Немного переволновался, — сказала Эрин. — Но ничего страшного. Бен сказал, что тебе не терпится выбраться на свежий воздух.

— А можно?

— Пока еще нет, слишком серьезная была у тебя операция. Но не исключено, что мы сможем обойтись без этого.

— Как?

— Сейчас Бен объяснит.

— У меня давление подскочило, наверное, не меньше, чем у тебя, — сказал Беникоф. — И я сгоряча просто не подумал. Пока нет никакой нужды тебе самому ехать в свой дом. Я прикажу его еще раз обыскать, но не думаю, чтобы там нашлось что-то новое. Ты сказал, Брайан, что хранил свои резервные файлы в отцовском компьютере?

— Верно.

— Так вот, с тех пор в технике связи произошли огромные изменения, которых ты не помнишь. Прежде всего, все теперь передается в цифровой форме, а вместо медной проволоки везде, кроме разве что самых глухих мест, волоконная оптика. В каждый телефон встроен модем, да и это уже устаревает. Во всех крупных городах есть сети сотовой связи, которые постоянно расширяются. — Он постучал пальцем по телефонной трубке, висевшей у него на поясе. — У меня есть собственный номер. Мне можно звонить, где бы на территории Соединенных Штатов я ни был.

— Через спутник?

— Нет, спутниковая связь слишком медленна для большинства случаев — особенно для видеофона. Сейчас все на волоконной оптике, даже подводные кабели. Дешево и быстро. И каналов хватает — везде доступна полоса частот шириной в восемь тысяч мегагерц, и все каналы двусторонние.

Брайан кивнул:

— Я понял, к чему вы клоните, Бен. Вы хотите сказать, что вряд ли у меня была механическая система резервирования. Она наверняка была электронной. А это значит, что нужен электронный поиск.

— Правильно. Сейчас существует бесчисленное множество электронных почтовых ящиков, баз данных и коммуникационных программ. Ты мог воспользоваться любой из них. Но у нас очень строгие законы о сохранении компьютерной тайны. Даже ФБР приходится обращаться в суд, чтобы получить разрешение на поиск.

— А ЦРУ?

— Могу тебя обрадовать: со своей последней кровавой операцией они хватили через край, и только что принят закон, который запрещает им заниматься грязными делами. Очередная жертва «гласности», как говорят русские, — впрочем, жалеть тут не о чем. Особенно налогоплательщикам: у них, как выяснилось, выкачивали миллиарды на содержание правительственного учреждения, которое не производило на свет ничего, кроме фальсифицированных докладов, устраивало революции в дружественных странах, минировало гавани и при этом походя убивало тысячи людей. Им теперь велено соответствовать точному смыслу своего названия — заниматься разведкой и следить за соблюдением мира, а не затевать новые войны. Теперь, если ты дашь расписку о своем согласии, мы сразу же приступим к поиску.

— Конечно, дам.

Для этого понадобилось не только подписать несколько бумаг, но и произвести многочисленные электронные проверки, телефонные звонки и добиться, чтобы личность Брайана удостоверили целых три разных правительственных учреждения. Отослав все документы заказным факсом, Беникоф зевнул и потянулся.

— Теперь будем ждать, — сказал он.

— Долго?

— Самое большее — час. До появления электронной связи это заняло бы несколько дней, а то и недель.

— Я вижу, многое переменилось за те десять лет, что я... что меня здесь не было, — сказал Брайан. — Когда я смотрю «Новости», кое-что совсем не изменилось, а иногда я даже не понимаю смысла намеков.

Часа не потребовалось — результаты пришли меньше чем через десять минут. Принтер загудел и выбросил несколько листов вечной бумаги. Беникоф протянул их Брайану.

— Оказывается, ты абонент шести разных баз данных.

— Так много?

— Это еще мало. Вот в этой базе данных — научная информация, она обновляется каждый час. Такие базы данных заменили технические библиотеки и работают куда быстрее: для доступа в них нужно обычно меньше секунды. Эта — почтовый ящик, эта достает билеты на все, что угодно, от бейсбольных матчей до самолетов. Думаю, что скорее всего нам нужна одна из этих четырех. Начни с них.

— А что надо делать? Доктор, можно я встану с кровати?

— Лучше бы не надо.

— А в этом нет необходимости, — сказал Беникоф, подходя к терминалу и отключая кабель от клавиатуры. — У него дистанционное управление в инфракрасном диапазоне, так что провода не нужны. А я позвоню, чтобы принесли голокуляры.

Голокуляры привели Брайана в восторг. Это были очень легкие очки с небольшим вздутием на каждой заушине, битком набитым электроникой. Линзы на вид были из простого стекла и плоские, хотя Брайан догадался, что, будь он близорук, можно было бы изготовить стекла нужной кривизны. Когда он включил голокуляры, у него перед глазами появилось изображение компьютерного экрана.

— Хорошо. А что делать дальше?

— Вызови базу данных, назови себя и сообщи свой кодовый номер. А потом гадай.

— Это как?

— Каждый абонент имеет пароль, известный только ему. Попробуй перебрать свои старые пароли, какие вспомнишь. Если это ничего не даст, попытайся придумать новые. Мы сообщили этим компаниям, в чем дело, так что тревожная сигнализация отключена. Обычно после третьей неудачной попытки абонента прерывают, а номер телефона, с которого он пытается проникнуть в базу, сообщают полиции.

— А если и из этого ничего не получится?

— Чтобы насильно проникнуть в базу данных, нужно решение суда. На это уйдет самое меньшее дня два.

Но Брайан обнаружил, что давние привычки не забываются. Три базы из четырех открылись в ответ на его любимые кодовые слова: первую открыл пароль «AN LAR», две других — «LEITHRAS».

— «An Lar» по-ирландски означает «В центр города», так пишут на автобусах. А «leithras» — «туалет», — объяснил он. — Все

мальчишки обожают сортирный юмор. Но как открыть последнюю, я не знаю. Может быть, оставим ее на потом и посмотрим, что есть в этих трех? У меня такое чувство, словно ко мне возвращается память. Правда, похоже?

— Совершенно верно, — согласился Беникоф. — Вот что я скажу — на всякий случай надо все-таки подать заявление в суд насчет этой последней базы. Тебе придется подписать еще несколько бумаг.

Первая база данных оказалась почтовым ящиком чуть больше двухлетней давности. Брайан начал с того, что просмотрел самые старые письма. Ему стало как-то не по себе: никого из тех, кто писал ему, он не знал, а его собственные письма звучали как-то странно. Да, там стояла его подпись, но он бы написал не совсем так. Как будто он читал чьи-то чужие письма. Несколько раз в них упоминалось об искусственном интеллекте, но лишь вскользь, без всяких подробностей.

Он сбросил все письма в память компьютера, чтобы заняться ими как-нибудь в другой раз, и занялся двумя другими базами. В одной хранились его декларации о доходах и налоговые извещения — просматривать их было очень увлекательно и в то же время грустно. Он начал зарабатывать деньги еще совсем молодым — это он помнил, большей частью ему платили за разработку программ. Потом последовал большой вклад — деньги от продажи их дома, потом еще больше — отцовское наследство. Он поспешно двинулся дальше. Деньги быстро таяли. Через несколько лет они кончились совсем — как раз после этого он и поступил на работу в «Мегалоуб». Переписка с корпорацией читалась как роман, особенно подробности контракта. Тут было о чем подумать, он переписал все в память и перешел к последней базе данных.

Просмотрев несколько страниц, он вчитался в текст и тут же стер его. Эрин в это время вышла из комнаты, а Беникоф, склонившись над телефоном, куда-то звонил. Солнце начинало садиться, и в палате стало почти темно.

— Бен, можно вас на минуту?

— Конечно.

— Я, пожалуй, устал. Остальное просмотрю утром.

— Давай я заберу клавиатуру. Нашел что-нибудь про искусственный интеллект?

— В этих ничего нет.

— Тогда я постараюсь поскорее пробить решение суда. А когда выспишься, попробуй придумать какие-нибудь новые пароли, ладно?

— Обязательно. Утром увидимся.

— У тебя и вправду усталый вид. Отдыхай.

Брайан кивнул и проводил Бена взглядом. На самом деле он ничуть не устал — у него просто испортилось настроение.

То, что он успел прочесть, ему совсем не понравилось. Начало было знакомым — это были заметки, которые он сделал после катастрофического исхода своего романа с Ким. Как только отчаяние и злость немного схлынули, он набросал тогда еще кое-какие мысли о машине-распорядителе. Он помнил, что использовал эту идею в своей работе над искусственным интеллектом, — но помнил еще и то, что тогда же подумал, как это можно использовать для управления собственной личностью. Очевидно, он развил эту мысль дальше, в новую науку о сознании — судя по тому, что он прочитал в этом файле, получившем название «Зеномотерапия», это были скорее теоретические рассуждения, чем факты. Они выглядели не столь дикими и безумными, как дианетика, но в них явственно ощущалось, мягко выражаясь, нечто вроде подспудной мании величия. Читать это было неприятно — человек, который это написал, ему совсем не понравился.

Зная факты, легко принимать даже самые важные решения. О том, как ему теперь быть, Брайан размышлял всю последнюю неделю, а эта так называемая научная зеномотерапия оказалась последней каплей, заставившей его решиться. Он нажал кнопку вызова на столике у кровати. Через мгновение вошла медсестра.

— Вы не знаете, доктор Снэрсбрук еще здесь?

— По-моему, да — присматривает за установкой оборудования. Она переезжает в новый кабинет, который ей здесь отвели.

— Можно мне ее видеть?

— Конечно.

Сумерки сгущались, но Брайан не давал автомату включить свет — ему хотелось еще полюбоваться ими. Только когда небо стало совсем темным, он снял палец с мигающей красным огоньком кнопки. Шторы опустились, и загорелись лампы. Секунду спустя вошла Эрин.

— Ну что, Брайан, у тебя был трудный день? Почувствовал себя хуже?

— Да нет. Я был немного утомлен, но вздремнул, и все прошло. Как мои показатели?

— Лучше не бывает.

— Хорошо. Значит, вы можете сказать, что я на пути к выздоровлению и в здравом уме, если не считать навязчивой идеи, буд-

то мне только четырнадцать лет, хотя на самом деле мне двадцать четыре?

— Кроме слов «навязчивая идея», все так и есть.

— А я хоть раз сказал вам спасибо за то, что вы для меня сделали?

— Вот теперь говоришь, и я тоже тебе благодарна и невероятно счастлива, что все так обошлось.

— Я не хочу вас расстраивать, доктор, но скажите, вас очень огорчит, если мы в ближайшее время прекратим эти сеансы восстановления памяти?

— Не понимаю.

— Скажу иначе. Меня вполне устраивает, какой я сейчас. Пожалуй, я хотел бы с этого момента подрастать сам. Становиться старше — понимаете? По правде говоря, мне не нравится то, другое мое «я» — то, которое тогда стерла пуля. Я согласен некоторое время продолжать сеансы, чтобы узнать, насколько повреждена моя память, есть ли такие вещи, которых я не знаю, хотя должен знать. Я хочу, насколько возможно, восстановить свое прошлое. Но как только вы будете удовлетворены, давайте на том и остановимся. Хотя я готов продолжать эксперименты, о которых вы говорили, — чтобы выяснить, могу ли я на самом деле взаимодействовать с внутренним процессором. Как вы на это смотрите?

Эрин Снэрсбрук была потрясена, но не показала вида.

— Ну конечно, заставить тебя никто не может. А сейчас спи. Давай еще раз поговорим утром. Это слишком ответственное решение.

— Знаю. Поэтому я его и принял. Ах да, еще одно дело. Но об этом можно и завтра.

— А что такое?

— Я хотел бы поговорить с адвокатом.

Глава 15

11 ноября 2023 года

Беникоф подождал, когда Брайан кончит завтракать, и только тогда вошел в палату. Он завел разговор о его здоровье, о погоде, рассказал, как пытается ускорить решение суда о допуске в базу данных и что оно может быть получено уже через несколько часов, — и все время ждал, когда Брайан заговорит о том, что его

интересовало. Но не дождался — это пришлось сделать ему самому.

— Мне звонила доктор Снэрсбрук, она очень встревожена. Она говорит, что ты хочешь прекратить сеансы восстановления памяти. Ты не хочешь рассказать мне, в чем дело?

— Знаете, Бен, это в общем-то касается только меня.

— Если это касается только тебя, тогда я ни о чем не спрашиваю. Но если это касается моего расследования или искусственного интеллекта, то это меня интересует. Ведь все это связано, верно?

— Вероятно, но от этого мне не легче. Я могу говорить с вами как с другом? Я ведь считаю вас своим другом.

— Мне это очень приятно. И мы были довольно близкими друзьями до того, как все это случилось. Тебе нелегко пришлось — скажу по совести, мало кто мог бы это перенести. Ты настырный ирландец, и это мне нравится.

Брайан улыбнулся:

— Спасибо.

— Не за что. И я буду рад, если ты мне доверишься. С одной оговоркой: не забывай, что я все еще руковожу расследованием по делу «Мегалоуб». Если ты скажешь что-нибудь такое, что будет иметь к нему отношение, это должно быть зафиксировано.

— Знаю, и я по-прежнему хочу помочь чем могу. Ради себя самого. Когда я вырасту — то есть когда я вырос, в прошедшем времени, — я изобрел искусственный интеллект. Потом его у меня украли, вместе с моей памятью. А теперь, когда я знаю, что искусственный интеллект может быть построен, я хочу это сделать — изобрести его заново, если понадобится. Но это хочу сделать я сам, а не кто-то другой под моим именем. Понимаете, что я хочу сказать?

— Сразу скажу — нет.

Оба рассмеялись. Брайан откинул одеяло, надел халат, сунул ноги в шлепанцы. Окно было открыто, он подошел к нему и долго стоял, вдыхая чистый морской воздух.

— Тут куда лучше, чем в Мексиканском заливе. Там слишком влажно и слишком жарко. Я так и не смог к этому привыкнуть. — Он уселся в кресло. — Попробую сказать по-другому. Представьте себе, будто то, что случилось со мной, — стрельба и все прочее, — случилось с вами. Вот вы сидите, тридцати семи лет от роду...

— Спасибо за комплимент. Скорее пятидесяти.

— Ладно. И как вам понравится, если я вам скажу, что вас ко-

гда-то стукнули по голове и что на самом деле вам семьдесят? Но что это ничего не значит, потому что у меня есть такая штука, которая пошурует у вас в мозгах и сделает так, что вам будет опять семьдесят.

Беникоф нахмурился:

— Я начинаю понимать, что ты хочешь сказать. Мне не хотелось бы оказаться в этом возрасте, не дожив до него. Если мне вернут мои воспоминания, это будет все равно что впустить мне в голову какого-то чужого человека.

— Вы сказали это еще лучше, чем я. Вот именно это я и чувствую. Если я узнаю, что в моей памяти есть дыры, что есть вещи, которые я должен знать, но забыл, — конечно, я хотел бы залатать эти дыры, поэтому мы будем продолжать сеансы. Но я хочу дожить до своего будущего сам, — не хочу, чтобы его вложили мне в голову в готовом виде.

— А как насчет твоего образования? Ты же не сможешь утверждать, что у тебя докторская степень по науке, которой ты не помнишь?

— Верно замечено. Если я чего-то не смогу припомнить, значит, мне просто придется это заново выучить. У меня есть выписка из моего университетского личного дела — там перечислены все курсы и лекции, которые я слушал, и еще есть список книг, которые я читал. И доктор говорит, что, если эти воспоминания еще сохранились, мы сможем их найти. Я готов это сделать. А если ничего не получится, просто выучу все заново. К тому же многое из того, что я учил, безнадежно устарело, так что мне нужна будет помощь, чтобы составить новый список книг для чтения.

— Дай-ка посмотреть, что ты читал по экспертным системам. Я все еще стараюсь быть в курсе научных новинок.

Брайан удивленно посмотрел на него:

— А я думал, вы...

— Нудный чиновник? Я просто привык к такой роли, и не по собственной вине. Я начал с того, что составлял программы для экспертных систем, а потом занялся проверкой чужих. И это у меня так хорошо получалось, что ничем другим я уже не занимаюсь. Такова печальная история моей жизни.

— Ну, не слишком печальная. Не каждый может позвонить и поболтать с президентом.

Как нарочно зазвонил телефон. Брайан взял трубку, послушал и кивнул:

— Верно. Пусть поднимется сюда.

— А я пошел, — сказал Бен. — Я уже заставил твоего адвоката,

который только что звонил, дожидаться целый час, пока мы с тобой не поговорим. — Увидев удивление на лице Брайана, Бен рассмеялся: — Не забывай, что у человека, который ведет расследование по поручению президента, должно быть всевидящее око. Часть моей работы — присматривать, чтобы ты оставался в живых. Все посетители проходят проверку. О личной жизни пока и не думай.

С этими словами Бен приложил палец к губам, показал на потолок и одними губами произнес: «Генерал Шоркт». Брайан кивнул в знак того, что понял, и Бен вышел.

Конечно, он должен был догадаться сам. Его терминал выходил прямо на генерала, а его палата здесь, на военной базе, скорее всего прослушивается. Это тоже нужно иметь в виду.

— Войдите! — крикнул он, услышав стук в дверь, и удивленно раскрыл глаза, когда вошел офицер в форме. На груди у него была табличка с надписью: «Майор Майк Слоун».

— Вы просили меня прийти.

— Это недоразумение. Я хотел поговорить с адвокатом.

— А это я и есть. — На его худом, загорелом лице появилась добродушная улыбка. — Военный юрист. Имею допуск к совершенно секретным документам, так что ваше дело читал. Чем я могу вам помочь, Брайан?

— А вы... ну, в гражданских законах разбираетесь?

Майк рассмеялся:

— Закон только один. Я долго работал в юридических джунглях Уолл-стрит, прежде чем соблазнился «путешествиями, образованием и карьерой», как пишут на плакатах в вербовочных пунктах.

— А как вы насчет контрактов?

— От зубов отскакивают. Это была одна из причин, почему я пошел в армию, — надоело заниматься тяжбами между корпорациями.

— Тогда один важный вопрос. На кого вы будете работать — на меня или на армию?

— Хороший вопрос. Если тут возникнет противоречие, то верх берет армия. Если же это чисто гражданское дело, то все останется между нами, пока вы не решите нанять адвоката из штатских. А вы не хотите сказать мне, о чем вообще речь?

— Конечно. Как только смогу убедиться, что это действительно останется между нами. Я знаю, что мой терминал прослушивается, — а не прослушивается ли эта палата?

— Я бы сказал, что это тоже хороший вопрос. Дайте мне несколько минут — я позвоню и узнаю, могу ли я на него ответить.

Однако нескольких минут оказалось мало — прошел почти час, прежде чем майор вернулся.

— Ну хорошо, Брайан, что я могу для вас сделать?

— Палата прослушивалась?

— Этого я вам, естественно, сказать не могу. Но могу вас заверить, что наш разговор останется между нами.

— Хорошо. Тогда скажите мне — могу ли я предъявить иск компании «Мегалоуб» за то, что она не обеспечила мне защиту и поставила под угрозу мое здоровье?

— Мое первое побуждение — сказать: «Это не так просто». Немалая доля компании принадлежит правительству, а до сих пор никто еще не разбогател, судясь с властями. Потом мне надо посмотреть ваш контракт.

— Вон он на столе. Как раз его содержание меня и встревожило. Я не намерен с ними судиться — хватит и угрозы. Угрозы, чтобы заполучить контракт получше. Вы все знаете обо мне и о моей памяти?

— Да. Я прочел все ваше дело.

— Тогда вы знаете, что у меня не осталось никаких воспоминаний о последних нескольких годах. А когда я перечитывал кое-какую свою переписку, я обнаружил, что «Мегалоуб» меня отнюдь не облагодетельствовала — наоборот, она оказала на меня финансовое давление, когда у меня не хватило денег на разработку искусственного интеллекта. Я обнаружил, что, к несчастью, почти совершенно не разбирался в денежных делах. Но мне так хотелось закончить эту разработку, что я позволил им заставить меня подписать этот контракт. По которому компания получает явно больше, чем я.

— Значит, сначала мне надо его прочесть.

— Давайте. Я пока выпью апельсинового сока. Вы тоже? Или чего-нибудь покрепче?

— Только не при исполнении служебных обязанностей. Сок вполне подойдет.

Майор читал медленно и внимательно. Брайан тоже занялся чтением: он только что получил распечатку статьи Карбонелла о новой области математики — эксклюорной геометрии. Там затрагивались вопросы психологии — почему человек прибегает к помощи схем, когда словесные объяснения становятся слишком сложными. Дело в том, что язык слов все еще, в сущности, одномерен. Мы можем сказать «этот» или «тот», но не существует

простого способа упомянуть одновременно четыре или пять предметов. Из головы у Брайана не выходила проблема искусственного интеллекта, и он подумал, что, если так работает человеческое сознание, отсюда вовсе не следует, что такие же ограничения должны быть свойственны интеллекту искусственному. Вместо трех-четырех понятий, соответствующих местоимениям, он может оперировать одновременно десятками их. Брайан заморгал и поднял глаза, услышав, что юрист рассмеялся и положил контракт на стол. Майор покачал головой, допил сок и заговорил:

— Как говорили у нас на юридическом факультете, вас поимели, а вы не получили от этого даже удовольствия. Этот контракт еще хуже, чем вы говорили. Я думаю, что, если вы уйдете от них, вы за свою работу вообще ничего не получите. А пока вы работаете у них, они забирают себе всю прибыль.

— Вы можете написать мне контракт лучше этого?

— С удовольствием. Поскольку армия не меньше других хочет, чтобы был создан искусственный интеллект, нам будет очень на руку, если эта проблема будет решена как можно скорее. Но тут есть кое-какие необычные прецеденты. Контракт соответствует закону и вступил в силу — но ведь вы его не подписывали?

— Нет. Его подписал другой, старший «я». А тот «я», что сидит тут перед вами, вчера впервые его увидел.

Майор принялся ходить взад и вперед по палате, радостно потирая руки.

— Ох, какие гонорары я бы сорвал за то, чтобы выступить по этому делу в суде! Вы держите их за горло, потому что — остановите меня, если я скажу не то, — вы все еще продвинулись дальше всех в разработке действительно умного искусственного интеллекта.

— Надеюсь, что так. Очевидно, я стоял на правильном пути перед тем, как... перед этим несчастным случаем. Доктор Снэрсбрук полагает, что у меня хорошие шансы снова добраться до того места, на котором я остановился. Но сейчас я все еще изучаю самые основы, и нет никакой гарантии, что я опять окажусь на переднем крае. Хотя все заметки у меня есть, и я сделаю все, что смогу.

— Конечно, сделаете. А для «Мегалоуб» вы — единственная надежда. Нет ничего лучше в этом мире, как быть монополистом. Я посоветую своему начальству, чтобы оно посоветовало «Мега-

лоуб» выбросить этот контракт в корзину и составить новый. Это вас удовлетворит? Или вы все равно предъявите иск?

— Если будет новый контракт — никакого иска. А что мне надо требовать?

— Что-нибудь простенькое, но приятное. Они предоставляют вам все, что нужно, чтобы создать искусственный интеллект. Вы создаете искусственный интеллект. Вся чистая прибыль от будущих разработок в этом направлении делится между сторонами пополам.

Брайан был потрясен.

— Вы хотите сказать, что я должен потребовать половину всех прибылей «Мегалоуб»? Это же миллионы, а то и миллиарды долларов!

— Угу. А чем *плохо быть миллиардером*?

— Неплохо, только я об этом не думал.

— Хотите, чтобы я этим занялся?

— Да, пожалуйста.

Майк встал, взглянул на контракт и выразительно вздохнул:

— Ни разу еще с тех пор, как я пошел в армию, у меня не появлялось такого желания снова вернуться к частной практике. Какой бы куш я загреб, окажись я тем пронырой, кто будет заниматься этим новым контрактом!

— Кто-то когда-то мне говорил, что любой адвокат готов пожрать даже собственное потомство.

— Так оно и есть, Брайан, мой мальчик! Я приду, как только будут какие-нибудь новости.

После обеда Брайан вздремнул и чувствовал себя гораздо лучше, когда в четыре часа сестра открыла дверь и санитар вкатил в палату кресло на колесах.

— Вы готовы к встрече с доктором? — спросила сестра.

— Конечно. А самому идти мне нельзя?

— Садитесь. Так она велела.

Брайан захватил с собой папку с бумагами, которые читал, и отправился к доктору Снэрсбрук. Сидя в кресле, он почувствовал, как щупальца машины дотронулись до его затылка и вставили в гнездо тонкий кабель-световод.

— Доктор, можно вас сегодня кое о чем *попросить*?

— Конечно, Брайан. О чем?

— Вот. — Он показал на папку с бумагами. — В университете я проходил топологию, а это одна статья на ту же тему, я ее только что распечатал. Но когда я начал ее читать, то обнаружил, что она мне не по зубам. Если я сейчас буду ее читать, не сможете ли вы

добраться к моим ранним воспоминаниям из этой области? Не покажут ли чего-нибудь ваши приборы, когда вы попадете в нужную точку? Тогда вы смогли бы нажать кнопку и вернуть мне эти воспоминания.

— Если бы это было так просто! Но, во всяком случае, можно попробовать. Я так или иначе собиралась предложить что-то в этом роде, так что готова начать сегодня же.

Статья была довольно невразумительная, и Брайан долго читал, ничего не понимая. Он дошел почти до середины, прежде чем отложил ее в сторону.

— Ну как, доктор, были контакты?

— Активность большая, хотя занимала она обширное пространство — видно, что задействовано очень много К-линий. Моя машина не приспособлена к тому, чтобы работать с такими сетями. Подобные перекрестные связи под силу только человеческому мозгу.

Брайан разочарованно потер нос.

— Немного устал. Не хватит на сегодня?

— Конечно. Мы же договорились, что будем отключать тебя при первых же признаках утомления.

— Спасибо. Хотел бы я, чтобы мой встроенный процессор понимал команды посложнее, чем просто «отключиться».

— Ну, *ты всегда можешь попробовать*.

— А здорово было бы, правда? Взять и дать команду процессору. Эй ты, процессор, загрузи файл по топологии!

Улыбка на лице Брайана вдруг сменилась выражением крайнего удивления. Некоторое время он смотрел прямо перед собой, потом перевел взгляд на доктора Снэрсбрук.

— А вот это, по-моему, весьма интересно. Я сказал вам, когда пришел, что ничего или почти ничего не помню из топологии. Так вот, должно быть, я был очень утомлен или думал о чем-то другом. Но сейчас я прекрасно помню свою курсовую. В ней было много такого, что тогда было новинкой. Она начиналась всего лишь с использования алгебраической теории узлов, основанной на старом полиномиале Джонса, для классификации хаотически инвариантных траекторий, а потом применяла такой же подход к разным физическим проблемам. *Ничего особенного*, и я не сомневаюсь, что все это давно устарело. Теперь я начинаю понимать, почему тогда бросил чистую математику и занялся искусственным интеллектом.

Казалось, Брайан воспринял эти вновь загруженные, пересаженные ему в мозг воспоминания как должное, — но Эрин Снэр-

сбрук была потрясена. Руки у нее так дрожали, что пришлось прижать их к груди. Брайан воспользовался вживленным процессором, чтобы получить доступ к собственным воспоминаниям! Перед ней был внутренний интерфейс человек-машина в действии.

Глава 16

14 ноября 2023 года

Зал отдыха на десятом этаже госпиталя больше напоминал сад на крыше, чем балкон. Морской пехотинец, стоявший на часах у входа, проверил у Беникофа документы и пропустил его в чащу пальм, росших в бочках. Брайан сидел под большим пляжным зонтиком — накануне он ухитрился получить солнечный ожог, заснув на солнцепеке, и вовсе не хотел, чтобы это случилось еще раз. Он поднял глаза от книги и помахал рукой.

— Рад видеть вас, Бен.

— Я тоже. Только новость, что я принес, тебя не обрадует. Суд не разрешил нам доступ в эти твои базы данных. Несколько лет назад приняты более строгие законы о компьютерной тайне, и теперь такой доступ не разрешен. Вот если бы ты умер — другое дело.

— Не понимаю.

— Время от времени кто-нибудь погибает в автомобильной катастрофе, а его паролей никто не знает. Тогда назначаются слушания, нужно доказать родство, и требуется множество всяких процедур, можешь мне поверить. Но никаких исключений не допускается.

— Что же мне теперь делать?

— Добраться до базы самому. Доказать, что ты есть ты, и пусть компания решает, выдать тебе материалы или нет. Но это будет непросто.

— Почему?

— Потому что — поверь, я говорю серьезно — компания, где хранятся твои файлы, находится за пределами страны. Она в Мексике.

— Вы шутите!

— Если бы! Она в Тихуане. В Мексике заработная плата все еще ниже, чем здесь. Это сразу по ту сторону границы, километрах в двадцати отсюда. Там множество американских заводов по сборке электроники. Вероятно, компания и была создана для их

обслуживания. Ну что, начнем подумывать о том, как туда съездить?

— Пока нет.

— Я так и думал, что ты это скажешь. — Беникоф заметил, что Брайан удивился, и улыбнулся: — Потому что, насколько я понимаю, от твоего гениального военного юриста адвокаты «Мегалоуб» бьются в корчах, оглашая окрестности рыданиями. В конце концов они согласятся. Я связался по этому поводу с самым верхом. Так что на военных нажали, чтобы они нажали на компанию, чтобы та подписала новый контракт.

— С самым верхом? То есть с Господом Богом?

— Почти. И я подумал, что ты не станешь смотреть эти файлы, пока твое будущее не будет обеспечено.

— Вы все время впереди меня на один шаг.

— Разве так уж трудно оказаться дальновиднее четырнадцатилетнего мальчишки?

— Ладно, ладно, можете хвастать и дальше. Между прочим, этот четырнадцатилетний мальчишка, оказывается, большой любитель пива. Присоединяйтесь.

— Готов. Только если это пиво «Боэмия».

— Не знаю такой марки.

— Оно из Мексики, раз уж мы о ней заговорили. Думаю, оно тебе понравится.

Брайан позвонил, и дежурный по столовой принес пиво. Он сделал большой глоток и облизал губы.

— Неплохо. Когда вы в последний раз говорили с доктором Снэрсбрук?

— Только сегодня утром. Она сказала, что ты застоялся и рвешься на волю. Но она хочет подержать тебя в госпитале еще по меньшей мере неделю.

— Она мне говорила. Ничего страшного.

— Я думаю, сейчас ты меня спросишь, можно ли тебе будет поехать в Мексику.

— Бен, у вас сегодня прорезались способности к чтению мыслей?

— Все очень просто. Ты хочешь сохранить эти файлы в тайне, и мы тоже. Телефонные линии можно прослушать, данные скопировать. А ГБП могут пострадать при пересылке.

— ГБП? Вы хотите сказать — ДБП?

— Они давно в прошлом. Динамические блоки вымерли, как динозавры. Вместо них теперь гигабайтные блоки памяти — они статичны, не требуют питания и имеют такой объем памяти, что

вытесняют компакт-диски и аудиопленки с цифровой записью. А с распространением новой техники семантического сжатия они скоро вытеснят и видеозаписи.

— Хотел бы я на такой посмотреть.

— Посмотришь, как только мы сумеем организовать эту поездку. И я не буду ставить тебя в трудное положение, заставляя от нее отказываться, чтобы мне поехать вместо тебя. Я уже говорил об этом кое с кем из службы безопасности.

— Я думаю, они пришли в бешеный восторг при одной мысли о том, чтобы мне выехать за пределы страны.

— Да уж, можешь быть уверен! Но когда крик утих, выяснилось, что у ФБР есть действующее соглашение о таких вещах с правительством Мексики. Они регулярно наведываются туда за деньгами, конфискованными у торговцев наркотиками, и за компьютерными данными — обычно в банки. Специальные вооруженные агенты секретной службы будут сопровождать нас всю дорогу. А мексиканская полиция встретит нас на границе и потом доставит обратно в Соединенные Штаты.

— Значит, я смогу поехать туда и получить свои файлы?

Беникоф кивнул:

— Как только доктор скажет, что тебе это под силу. Только это будет больше похоже на вторжение, чем на одинокую прогулку через границу. Тебя будут сопровождать и туда, и обратно.

— А файлы — их у меня отберут?

— Брайан Дилени, ты слишком недоверчив и подозрителен. Что твое, то твое. Но могу предположить, что такую поездку, вероятно, будет трудно, если вообще возможно, организовать, пока ты не подпишешь новый контракт с «Мегалоуб». Правительство должно заботиться о своих капиталовложениях.

— И если я не соглашусь подписать контракт, я не поеду?

— Это ты сказал, а не я.

Об этом надо было поразмыслить. Брайан допил пиво и отрицательно покачал головой, когда Бен предложил еще. Когда-то он уже пробовал создать искусственный интеллект в одиночку — об этом свидетельствовали документы, которые он видел. Из них было видно и то, что он остался без денег и был вынужден подписать этот коварный контракт с «Мегалоуб». Кто не способен учиться на собственном опыте, тот вообще не способен учиться. И если ему суждено прожить эту часть своей жизни заново, он твердо решил впредь быть умнее.

— Все зависит от того, каким будет новый контракт, — сказал

он в конце концов. — Если условия подойдут, мы забираем файлы и я возвращаюсь на работу в «Мегалоуб». Договорились?

— Похоже, лучше не придумаешь. Я начинаю подготовку.

Только Беникоф вышел, как у Брайана зазвонил телефон. Он взял трубку.

— Кто? Конечно. Да, у нее есть разрешение, можете спросить доктора Снэрсбрук, если не верите. Она уже бывала здесь раньше. Правильно. Тогда пропустите ее, пожалуйста.

Морской пехотинец ввел в палату Долли. Брайан встал и чмокнул ее в щеку.

— Ты выглядишь лучше и немного поправился, — сказала она, окинув его придирчивым материнским взглядом, и протянула ему сверток. — Надеюсь, ты все еще их любишь — это я сегодня утром испекла.

— Неужто шоколадные кексы? — Брайан разорвал обертку и откусил кусок. — Мои любимые. Большое спасибо, Долли.

— А как твои дела?

— Лучше не бывает. Через неделю смогу выйти из госпиталя. А очень скоро, похоже, снова начну работать.

— Работать? Я думала, у тебя что-то с памятью.

— Это не помешает. Если я обнаружу какие-нибудь пробелы, когда приступлю к исследованиям, тогда и посмотрим, что с ними делать. Как только я на самом деле возьмусь за работу, сразу станет ясно, сколько чего я позабыл.

— Ты больше не будешь заниматься этим искусственным интеллектом?

— Конечно, буду. Почему ты спросила?

Долли откинулась на спинку кресла и стиснула руки.

— Не надо бы. Прошу тебя, Брайан. Один раз ты уже попробовал — и смотри, чем это кончилось. Может, тебе вообще не суждено добиться успеха.

Он не мог сказать ей, что один раз уже добился успеха, что его искусственный интеллект где-то существует: эта информация по-прежнему была засекречена. Но он хотел, чтобы она поняла, насколько важна его работа. А суждено или не суждено — это не имело никакого отношения к делу.

— Ты же знаешь, Долли, что с этим я никак не могу согласиться. Мир держится на свободной воле. А я не суеверен.

— Я не о суевериях говорю! — горячо возразила она. —Я говорю о Святом Духе, о душе. Машина не может иметь душу. То, что ты пытаешься сделать, — кощунство. Дьявольские козни.

— Я никогда толком не верил в то, что существует душа, — мягко произнес Брайан. Он понимал — что бы он ни сказал, это причинит ей боль. Она сердито поджала губы.

— Да, ты весь в отца. Он никогда не ходил к мессе и говорить на такие темы не хотел. Господь вложил в нас душу, Брайан, а в машины — нет.

— Долли, прошу тебя, не надо. Я знаю, что ты чувствуешь и во что веруешь. Не забудь, я и сам вырос католиком. Но моя работа позволила мне кое-что узнать о мозге и о сущности человека. Попытайся понять — меня больше не удовлетворяет то, во что меня учили верить. Ты спрашиваешь, может ли у машины быть душа. А я спрошу тебя, способна ли душа обучаться? Если нет, то зачем она нужна? Бесплодная, пустая, вечно неизменная? Насколько лучше считать, что мы творим себя сами! Медленно, с трудом, исходя из того, что заложено в наших генах, и упорно формируя себя под влиянием всего, что мы видим, слышим и пытаемся понять. Вот что происходит на самом деле, вот как мы функционируем, учимся и развиваемся. Вот как возникает интеллект. А я просто пытаюсь выяснить, как идет этот процесс, и воплотить его в машине. Что в этом плохого?

— Все! Ты отвергаешь Бога, ты отвергаешь Святого Духа и само существование души! Ты умрешь и будешь вечно гореть в преисподней...

— Нет, Долли. Вот тут религия уже переходит в чистое суеверие. Мне очень больно знать, что ты в это веришь, тревожишься за меня и страдаешь. Мне жаль, что это так. Долли, я не хочу говорить с тобой о религии. В таком споре никто не может одержать верх. Но ты же разумная женщина, ты знаешь, что мир изменяется, что изменяются даже религии. Не забудь, что ты разведена. А если бы нынешний папа не заявил, что регулирование рождаемости не грешно, ты не могла бы его преподавать...

— Это другое дело.

— Нет, не другое. Ты говоришь, что искусственный интеллект противоестественен, но это не так. Развитие интеллекта — часть процесса эволюции. Когда мы узнаем, как работает сознание, не будет ничего грешного или плохого в том, чтобы построить машины, которые будут моделировать его работу. Папа был одним из первых в этой области, и я горжусь тем, что продолжаю его дело. Сегодня машины могут думать, воспринимать, даже понимать. Скоро они смогут думать еще лучше, испытывать эмоции...

— Это близко к кощунству, Брайан.

— Да, с твоей точки зрения — возможно. Прости меня. Но это

правда. А если подумать, то станет ясно, что эмоции должны были появиться раньше, чем мозг и интеллект. Амеба, одно из самых простых животных на свете, отдергивает свою ложноножку, когда натыкается на что-то, причиняющее ей боль. Боль вызывает страх, а страх позволяет выжить. Ты же не можешь отрицать, что животные — например, собаки — испытывают эмоции.

— Но они же не машины!

— У тебя получается замкнутый круг, Долли. Это бессмысленно. Вот построю первый искусственный интеллект — и увидим, будет он испытывать эмоции или нет.

— Надеюсь, тебе понравятся кексы, — сказала она вдруг, вставая. — А мне пора идти.

— Долли, посиди еще, пожалуйста.

— Нет. Я вижу, тебя не остановить.

— Дело не только во мне. У идей своя жизнь. Если эту головоломку не решу я, это сделает кто-то другой.

Она ничего не ответила, даже когда он сменил тему и сделал слабую попытку заговорить о всяких пустяках.

— Я должна с тобой попрощаться, Брайан. И в следующий раз мы увидимся не скоро. Мне уже много раз звонили из дома, из клиники. Они пошли навстречу и сразу дали мне отпуск, но у них не хватает людей.

— Я благодарен тебе за помощь.

— Не за что, — ответила она холодно.

— Можно будет тебе звонить?

— Если захочешь. Мой телефон у тебя есть.

Облака закрыли солнце, и на балконе стало прохладно. Брайан медленно вернулся в палату — креслом на колесах он уже не пользовался — и зажег свет. Сняв вязаную шапочку, он провел рукой по щетине, которая начала отрастать у него на голове, потом подошел к зеркалу. Шрамы на черепе были все еще хорошо видны, хотя и стали бледнее. Еще немного — и волосы их скроют. Он взял было свою больничную шапочку, но потом отшвырнул ее в сторону. Этим госпиталем он был уже сыт по горло. Беникоф как-то привез ему в подарок бейсболку, на козырьке которой большими буквами восхвалялось Сан-Диего; он надел ее и одобрительно кивнул своему изображению в зеркале. Бедная Долли, нелегкая у нее была жизнь. Ну, и у него тоже не легче! По крайней мере, ей никто не простреливал голову.

Часы у него на руке зажужжали, и крохотный голосок произнес:

— Четыре часа. Вас ждет доктор Снэрсбрук. Четыре часа. Вас ждет...

— Заткнись! — сказал он, и голосок умолк.

Когда Брайан вошел, Эрин Снэрсбрук посмотрела на него и улыбнулась:

— Бейсболка тебе очень к лицу. Куда лучше того больничного колпака. Ну как, готов поработать? Сегодня я хочу попробовать кое-что новенькое.

— А что? — Брайан снял бейсболку, уселся в хирургическое кресло и почувствовал, как металлические щупальца паучками пробежали по его затылку.

— Если ты не против, я бы отложила работу с памятью на следующий раз, а сейчас проверила бы, нельзя ли еще лучше использовать твою способность общаться со своим вживленным процессором.

— Конечно. Мне все не приходило в голову спросить — а что это за процессор?

— Параллельный процессор СМ-9, который состоит из 128 миллионов простых, но быстродействующих компьютеров. Он потребляет очень маленькую мощность и почти не разогревается при работе — чуть выше температуры тела. Энергии он почти не требует — меньше, чем соответствующее число клеток мозга. И у него огромная память. Кроме шестнадцати ГБП по 64 миллиарда байт, там помещается еще С-ГБП на четыре миллиарда слов.

— С-ГБП? Это что-то новое, я про такое не слыхал.

— Да, это новинка. Устройство памяти избирательного доступа. Их создали для работы с базами данных — они там очень удобны, потому что способны почти мгновенно отыскивать записи, соответствующие входному сигналу. С-ГБП автоматически, параллельно сравнивает всю поступающую в него информацию с данными, которые хранятся в его памяти. Как раз такие устройства и хранят информацию о входах и выходах твоих восстанавливаемых нервных связей.

— И все это втиснули мне в голову? Но какой бы малой ни была мощность процессора, он все-таки должен потреблять сколько-то энергии. Только не говорите, что скоро придется снова вскрывать мне череп, чтобы поменять батарейки!

— Ну нет. Для электронных имплантатов, как и для сердечных пейсмейкеров, больше не нужны ненадежные источники тока, которые приходится подзаряжать извне. Все это уже в прошлом. Теперь они питаются от метаболических элементов, которые работают на содержащемся в крови сахаре.

— Сладкие батарейки? Надо же, до чего дошла техника! Так что вы намерены сейчас делать?

— Запустить тест-программу. Это займет примерно десять минут. А тебя прошу обратить внимание на то, чувствуешь ли ты свой процессор, общаешься ли с ним, слышишь ли его — не знаю, как это назвать. Помнишь, как ты почувствовал процессор, когда он восстанавливал твои воспоминания? Я хочу знать, можешь ли ты снова его почувствовать, когда захочешь.

— Давайте попробуем.

Через несколько минут Брайан громко зевнул.

— Что-нибудь чувствовал? — спросила Эрин.

— Абсолютно ничего. А он вообще работает?

— Прекрасно работает. Я только что снова запустила тест-программу.

— Не расстраивайтесь, доктор. У нас еще много времени. А почему бы нам не вернуться к тому сеансу, когда я с ним общался, и посмотреть, не сможем ли мы восстановить те условия?

— Хорошая мысль, завтра же попробуем.

— А правда, что через неделю мне можно будет выбраться отсюда на волю?

— В смысле твоего состояния — да, если только ты не будешь слишком напрягаться. Никаких лестниц, никакой быстрой ходьбы — чтобы нагрузки были не больше, чем сейчас здесь. Со временем можно будет их увеличить. Это то, что касается твоего состояния; другое дело — обеспечение твоей безопасности, тут надо спросить Бена.

Удастся ли разыскать в мексиканском банке данных сведения о его работе над искусственным интеллектом? От этого зависело очень многое.

Глава 17

20 ноября 2023 года

— Наконец-то! Привел к тебе самую главную новость! — радостно сказал Беникоф, распахнув дверь на балкон. Брайан закрыл «Введение в прикладную эксклюорную геометрию», которую читал, и поднял глаза. В первый момент он не узнал человека, который вошел вслед за Беном. Темный костюм-тройка, модный галстук, начищенные до блеска черные туфли.

— Майор Майк Слоун!

— Он самый. Необходимый маскарад: эти важные адвокаты из

«Мегалоуб» презрительно косятся на военную форму нашей доблестной армии, но с почтительным уважением смотрят на этот остаток моего былого гражданского наряда. Мы их уломали. — Он открыл дорогой кожаный кейс ручной работы и вынул толстую пачку бумаг. — Вот он. Я твердо убежден, что это как раз такой контракт, какой вам нужен.

— Это точно?

— Да, потому что я его проверил, — сказал Беникоф. —Не сам, конечно, — посылал в Вашингтон. Там есть такие юристы, которым ничего не стоит съесть «Мегалоуб» на завтрак. Они заверили меня, что тут комар носа не подточит. Ты получаешь те условия, какие хотел, и еще больше денег, чем мы надеялись. И за вычетом расходов, отчислений в исследовательский фонд и всех обычных платежей имеешь почти половину прибыли. Ну как, готов прокатиться через границу?

— Вполне. После того, как все это прочту.

— Желаю успеха. Это не так просто.

Майк помог ему продраться через самые невразумительные и туманные пункты, объясняя их смысл. Когда два часа спустя юрист собрался уходить, контракт был подписан, зарегистрирован и должным образом введен в банк юридических данных, а дань традиции — экземпляр на бумаге положен на хранение в госпитальный сейф.

— Ну, доволен? — спросил Беникоф, глядя, как старшина запирает сейф. Брайан взглянул на расписку и кивнул.

— Он куда лучше, чем тот, первый контракт.

— И он означает, что ты имеешь работу — как только сможешь работать. Ты обратил внимание на тот пункт, где говорится, что, если тебе не удастся снова заполучить резервные копии твоих записей, которые, как мы надеемся, хранятся в Тихуане, компания оставляет за собой право взять или не взять тебя на работу? А если они решат взять тебя без этих записей, то могут уволить, когда им вздумается, и ты получаешь шиш.

— Майк объяснил мне это во всех подробностях, пока вы говорили по телефону. По-моему, это справедливо. Так что давайте поглядим, что там в этих мексиканских файлах. Вы, наверное, уже подумали, как мне это сделать?

— Не только я — еще и военно-морская разведка, армия и ФБР. А также таможенное управление и акцизное ведомство. Разработан план, который все одобрили. Простой, но, я надеюсь, надежный.

— Рассказывайте.

— Пойдем в твою комнату, там поговорим.

— Скажите хотя бы, когда все это должно произойти.

Бен приложил палец к губам и поманил его к выходу. Только когда за ними закрылась дверь палаты, он ответил:

— Завтра утром, в восемь — у моряков здесь, в Коронадо, это самое занятое время. Доктор Снэрсбрук одобрила все наши приготовления.

— Значит, меня выпустят на волю? А как?

— Утром увидишь, — ответил Беникоф со злорадным наслаждением в голосе. — Пока все подробности знают только несколько человек. Надо обойтись без всяких накладок и утечек. Самый лучший план — уже вообще не план, как только кто-то о нем проболтается.

— Ну ладно, Бен, хоть намекните!

— Хорошо. Вот твои инструкции: в семь часов позавтракать и после этого оставаться в постели.

— Ничего себе инструкции!

— Терпение, терпение. Увидимся утром.

День тянулся для Брайана бесконечно, а заставив себя улечься спать, он долго не мог заснуть. Ему не давала покоя одна мысль. До сих пор он строил свои планы на том, что его резервные записи находятся в Тихуане. А если нет? Как он сможет восстановить свои разработки по искусственному интеллекту без них? Потребует ли это новых сеансов с доктором Снэрсбрук и ее машиной, чтобы попытаться восстановить его воспоминания о своем прошлом-будущем, чего ему так не хотелось? Часы показывали полночь, когда он вызвал сестру и попросил дать чего-нибудь, чтобы заснуть. К завтрашнему дню нужно было как следует набраться сил.

В восемь часов на следующее утро он уже сидел в постели, просматривая утренние новости, но ничего не видя. Ровно в назначенный час послышался энергичный стук в дверь, и два матроса вкатили каталку. За ними шли старшая сестра отделения и еще два рослых человека. Можно было подумать, что это врачи, только почему-то оба, войдя, неподвижно встали у двери, поправляя на себе белые халаты. Лица их показались Брайану странно знакомыми. «Или мне мерещится, или у них что-то спрятано под мышкой, — подумал он. — Хотя теперь, может быть, это делается как-то иначе?»

— Доброе утро, Брайан, — сказала сестра, выкладывая на столик у его кровати моток бинтов. — Сядь, пожалуйста, это займет совсем немного времени.

Она быстро и сноровисто обмотала бинтами всю его голову, оставив только маленькое отверстие для дыхания и узкие щели против глаз. Отрезав конец бинта, она закрепила его пластиковыми кнопками.

—.Тебе помочь лечь на носилки? — спросила она.

— Обойдусь.

Он забрался на каталку, и его, укрыв до самой шеи одеялами, покатили по коридору. Всякий, кто мог его видеть, принял бы его за обычного больного, каких множество в этом огромном госпитале. В просторной кабине лифта с ними ехали какие-то люди, которые старательно смотрели в сторону. Кто бы все это ни придумал, задумано было неплохо.

На улице ждала санитарная машина, в которую уложили Брайана. Он не мог выглянуть наружу, но по медленной езде и частым остановкам догадался, что они едут по улицам с оживленным движением. Когда задние дверцы машины наконец распахнулись, он увидел перед собой авианосец «Нимитц», и спустя какое-то мгновение его уже перенесли на борт. Не успели его внести в офицерскую кают-компанию, как послышались приглушенные команды, отдаленный свисток, и корабль отошел от причала. Матросы, по-прежнему не говоря ни слова, вышли, и вместо них вошел Беникоф. Он закрыл и запер за собой дверь.

— Теперь давай снимем эту штуку, которую тебе накрутили на голову, — сказал он.

— Этот авианосец вызвали специально для меня? — спросил Брайан из-под бинтов.

— Ну, не совсем. — Беникоф бросил бинты в корзинку для мусора. — Он все равно сегодня должен был уйти в плавание. Но ты должен признать, что это отличное прикрытие.

— Еще бы! А теперь вы можете мне сказать, что будет дальше?

— Ага. Только сначала слезь с этой тележки и оденься. Мы направляемся на запад, в открытое мире, и остаемся на курсе, пока земля не скроется из виду. Потом поворачиваем на юг. Пройдем западнее островов Мадрес — это маленькие необитаемые островки чуть южнее мексиканской границы. Еще одно судно вышло туда вчера вечером, как стемнело, и будет нас ждать.

Брайан натянул брюки и спортивную рубашку. Он никогда раньше их не надевал, но они оказались ему впору. Туфли-мокасины были разношены и как раз по ноге.

— Это мои?

Беникоф кивнул:

— Мы захватили их в последний раз, когда обыскивали твой дом. Как ты себя чувствуешь?

— Немного волнуюсь, но в общем прекрасно.

— Доктор Снэрсбрук велела мне заставить тебя лежать или хотя бы сидеть, когда тебе не нужно будет ничего делать — как сейчас, например. Но сначала я хочу, чтобы ты примерил вот этот парик и усики ему в тон.

Парик пришелся так же впору, как и одежда. Еще бы, как же им после всех операций не знать в точности размеры и форму его головы? Обратная сторона висячих усов была покрыта каким-то клеем; глядя в зеркало, он приклеил их на место.

— Привет, дружище, — сказал он своему отражению. — По-моему, я похож на какого-то злодея из вестерна.

— Во всяком случае, на себя ты не похож, а это как раз то, что требуется. Садись, как тебе велено.

— Ладно, сяду. А сколько времени мы будем плыть?

— После того как выйдем из гавани и окажемся в открытом море — меньше часа.

Послышался тихий стук в дверь. Беникоф поднял голову:

— Кто там?

— Это Дермод. И Рей со мной.

Беникоф отпер дверь и впустил обоих врачей из госпиталя — на этот раз они были в клетчатых брюках и спортивных куртках и выглядели заправскими туристами.

— Брайан, познакомься. Этот здоровенный верзила — Дермод, а этот, еще больше, — Рей.

— Я так и подумал, что вы не врачи, — сказал Брайан. Он пожал им руки, убедившись при этом, что массивные тела обоих состоят из сплошных мускулов.

— Рады сопровождать вас, — сказал Дермод. — Когда мы отправлялись из Вашингтона, босс просил пожелать вам успеха и скорейшего выздоровления.

— Босс? — переспросил Брайан и тут же догадался: — А Бен случайно не на него же работает?

Дермод улыбнулся:

— А на кого же еще?

Неудивительно, что они показались Брайану знакомыми: он видел их в теленовостях, во время парада. Это были те самые крупные, крепкие мужчины, которые всегда шагают рядом с президентом и глядят куда угодно, только не на него. Обязательно крупные, потому что должны заслонять его от пуль и осколков.

Их присутствие здесь лучше любых слов свидетельствовало о том, какое значение придается безопасности Брайана.

— Ну, если так, поблагодарите его от моего имени, — сказал Брайан немного растерянно. — Не подумайте, что я этого не ценю.

— А что тебе доктор велел? — рявкнул Бен, и Брайан уселся в глубокий шезлонг.

— Вы не знаете, сколько времени мы пробудем в Мексике? — спросил Рей. — Нам не сообщили никаких подробностей. Только инструкции насчет госпиталя, переезда на этот корабль и потом на другое судно. И что на берегу нас будут встречать. Я почему спрашиваю — нас ждет самолет, чтобы сегодня вечером доставить обратно в Туманную Дыру[1]. Завтра рано утром мы вылетаем в Вену.

— Я бы сказал, что операция должна занять самое большее два часа. Возвращаться обратно мы будем, конечно, другой дорогой. В Вену? Наверное, на конференцию по лечению и предупреждению СПИДа?

— Да, и давно пора этим заняться. В лечении уже есть успехи, но, даже несмотря на новую вакцину, в мире еще остается больше ста миллионов больных. Только на то, чтобы болезнь не распространялась, уходит столько денег, что богатые страны вынуждены помогать бедным — хотя бы из шкурных соображений.

Брайан вдруг почувствовал, что глаза у него закрываются: ночью он спал плохо, несмотря на таблетки. Очнулся он от того, что Беникоф слегка потряс его за плечо.

— Пора отправляться, — сказал он.

Дермод шел впереди, Рей сзади. Они вышли на палубу. Море было тихое, ярко светило солнце. Авианосец едва заметно двигался вперед. Брайан осторожно спустился по трапу вслед за Дермодом. Ожидавшее их судно оказалось десятиметровым морским катером, по бортам которого торчали вертикально вверх удочки. Как только Брайану помогли перебраться на борт, а остальные спрыгнули за ним, двигатель, чихнув, заревел, и они, оставив «Нимитц» позади, стали описывать широкую дугу вокруг острова. На горизонте появился мексиканский берег. Катер обошел две рыбацкие лодки и направился к пристани. Брайан почувствовал, что ладони у него стали мокрыми.

— А что дальше?

[1] Туманной Дырой (Foggy Bottom) американцы в шутку называют Вашингтон.

— Нас будут ждать два патрульных автомобиля без опознавательных знаков. На них будут мексиканские агенты в штатском, о которых я тебе говорил. Мы направляемся прямо в «Телебасико», там нас ждут.

Бен полез в карман и передал Брайану две черные пластиковые коробочки, размером и весом напоминавшие коробки с комплектом домино. Брайан осмотрел их со всех сторон и заметил, что в дне у них устроены разъемы.

— Устройства памяти, — сказал Бен. — Это те самые ГБП, о которых я говорил.

Брайан с сомнением взглянул на них.

— В тех файлах может быть много записей, они, наверное, копились годами. Хватит ли здесь объема памяти, чтобы все поместилось?

— Надеюсь. Думаю, тебе даже не понадобятся оба — второй мы взяли на всякий случай. В каждом помещается по тысяче мегабайт. Должно хватить.

— Еще бы!

На берегу их ожидали два длинных черных автомобиля с такими темными стеклами, что внутри почти ничего не было видно. У двоих агентов-мексиканцев в штатском, которые стояли около машин, были настоящие усы, еще более внушительные, чем фальшивые у Брайана.

— Тот, что впереди, — Даниэль Сальдана, — сказал Бен. — Мы с ним как-то уже работали вместе. Хороший парень. Buenos dias, caballeros. Todos son buenos?[1]

— Можешь не волноваться, Бен. Все идет как по маслу. Рад тебя видеть.

— Я тоже. Готовы прокатиться с нами?

— Вполне. Нам приказано отвезти тебя и твоих друзей в одну здешнюю контору, а потом целыми и невредимыми доставить на границу. С удовольствием отвезу вас.

Он открыл дверцу первого автомобиля. Рей шагнул вперед.

— Ничего, если мы втроем сядем сзади? — спросил он.

— Пожалуйста, если хотите.

Бен с другим агентом сел во вторую машину. Сидя на заднем сиденье между огромными телохранителями, Брайан чувствовал себя как начинка в бутерброде. Оба не отрываясь смотрели наружу. Дермод, сидевший слева от Брайана, расстегнул пиджак и держал правую руку под ним. Когда машину качнуло на поворо-

[1] Здравствуйте, господа. Все хорошо? *(исп.)*

те, пиджак распахнулся, и Брайан успел увидеть что-то кожаное и металлическое. Значит, ему не померещилось — они действительно прятали кое-что под мышкой.

Очень скоро они оказались в промышленном районе города, застроенном обычными теперь приземистыми заводскими корпусами без окон. Машины свернули на территорию одного из заводов и остановились у разгрузочной эстакады. Детективы, видимо, уже бывавшие здесь, провели всех через огромный зал в маленькое помещение, обшитое деревянными панелями. Там сидели два человека, перед ними стоял компьютерный терминал. Рей остался снаружи, а остальные с трудом втиснулись в комнатку и закрыли за собой дверь.

— Кто из вас владелец счета? — спросил один из техников, держа в руках стопку бумаг.

— Я.

— Насколько я понимаю, вы, мистер Дилени, забыли ваш личный номер и пароль?

— Можно сказать, что да.

— Такое иногда случается, но вы должны понять, что мы вынуждены принимать все меры предосторожности.

— Конечно.

— Хорошо. Распишитесь, пожалуйста, вот здесь. И здесь. Это ваше обязательство не предъявлять нам никаких претензий, если вы не сможете получить доступ к вашей базе данных. И еще вы гарантируете нам, что вы — это вы. Теперь осталась последняя проверка. Дайте, пожалуйста, вашу руку.

Он взял какой-то электронный прибор размером с портативный приемник и дотронулся им до тыльной стороны руки Брайана.

— Придется немного подождать, — сказал он, подключив прибор к какой-то большой машине в другом углу комнатки.

— А что это? — спросил Брайан.

— Портативный ДНК-анализатор, — ответил Беникоф. — Только недавно поступил в продажу. На липкой поверхности прибора осталось несколько твоих эпидермальных клеток — тех, что постоянно слущиваются. Теперь он сравнивает твой ГКГ с записанным в машине.

— А что такое ГКГ? Никогда не слыхал.

— Главный комплекс гистосовместимости. Это так называемые самораспознающие антигены, они у всех людей совершенно разные. Лучше всего то, что они находятся на поверхности кожи, так что не приходится извлекать ДНК из клеточного ядра.

— Будьте добры, подойдите сюда, мистер Дилени. Можете воспользоваться этим терминалом. Вы привезли с собой какое-нибудь устройство памяти? А, вижу, прекрасно. Все полностью совпадает, сомнений в вашей личности у нас нет. Мы запросили охранную систему и узнали ваш личный номер и пароль.

Оператор подключил ГБП. Брайан уселся перед экраном, повернутым так, что видеть его мог только он. Ему передали листок бумаги.

— Это ваш личный номер. Когда введете его, машина запросит пароль. Вот он.

«ПАДРИК. КОЛАМБА», — прочел Брайан. Два самых почитаемых в Ирландии святых. Неудивительно, что он не мог угадать такой пароль.

— Введя это, вы получите доступ к своей базе. Убедитесь, что она действительно ваша, и нажмите клавишу F12 — все будет перегружено в память. Контроль при загрузке автоматический. Хотите установить новый пароль или закрыть эту базу?

— Закрыть.

— С вас причитается...

— Я уплачу, — сказал Беникоф, вынимая пачку банкнотов. — Только мне нужна будет расписка.

Брайан набрал свой личный номер, потом пароль, быстро пролистал файл, откинулся на спинку стула и глубоко вздохнул.

— Что-то не так? — с тревогой спросил Беникоф. — Это не то, что мы ожидали? Не то, что нам нужно?

Брайан поднял глаза и улыбнулся.

— Попали в самую точку! — сказал он и ткнул пальцем в клавишу F12.

Глава 18

21 ноября 2023 года

Дермод впереди всех пересек зал, но, дойдя до выхода, остановился.

— Мистер Сальдана, можно задать вам один вопрос?

— Конечно.

— Вы приказали следовать за нами каким-нибудь другим машинам, чтобы прикрыть нас сзади?

— Нет. Я решил, что в этом нет необходимости. — Мексиканец нахмурился. — А почему вы спрашиваете? Вы видели сзади машину?

— По-моему, некоторое время за нами шла одна, но свернула, когда мы пересекли улицу Индепенденсия.

— Ее могла сменить другая машина?

— Это всегда возможно.

Теперь уже никто не улыбался. Брайан обвел глазами их напряженные лица. Сам он держал руки в карманах, крепко сжимая в каждой из них по ГБП.

— Что-нибудь неладно? — спросил он.

— Как будто ничего. По крайней мере мы на это надеемся, — ответил Даниэль и быстро отдал своему спутнику какую-то команду по-испански. Тот боком протиснулся в дверь и закрыл ее за собой.

— Вы хотите позвать на помощь? — спросил Бен. Даниэль отрицательно мотнул головой.

— Здешняя полиция привыкла иметь дело только с туристами. Я могу вызвать подготовленных людей, но они прибудут не очень скоро. Если там кто-то есть, а мы будем ждать подкреплений, — они могут ждать того же. Мы должны доставить вас на границу в Сан-Исидро, верно?

— Такой был план.

— Тогда предлагаю сделать это, и поскорее. Ваш безымянный друг пусть едет с вами во второй машине, а поведете ее вы. Мы с моим помощником поедем впереди. Что вы на это скажете?

— Поехали, — сказал Дермод. — Только вторую машину поведу я: Тихуану я хорошо знаю. Если что-то случится, останавливаться и ждать вас не будем.

Даниэль улыбнулся во весь рот:

— Конечно, ведь мы с вами профессионалы.

Наружная дверь чуть приоткрылась. Брайан испуганно заморгал, заметив, что у всех троих в руках появились внушительного размера пистолеты. И направлены они были на дверь. Снаружи кто-то торопливо прошептал несколько слов по-испански, и Даниэль сунул пистолет за пояс.

— Venga[1]. И расскажи нам по-английски, что ты видел.

— На улице никого в обоих направлениях.

— Выходим быстро, — сказал Даниэль. — Там, может быть, что-нибудь есть, а может быть, и нет. Рисковать не будем — действуем так, как будто что-то есть. Всю дорогу держитесь в тридцати метрах за мной. Не ближе и не дальше. Все стекла пуленепробиваемые. Если надо будет стрелять, опустите их. Пошли.

[1] Иди сюда *(исп)*.

Теперь слева от Брайана сидел Бен. Как только дверцы захлопнулись, Рей вынул свой револьвер с толстым стволом и положил его на колени. Дермод завел мотор, подал назад и развернулся к выезду, оставаясь позади первой машины. Та рванулась вперед, они промчались по дорожке и вылетели на улицу.

Брайан смотрел на переднюю машину, когда ее внезапно бросило в сторону, и на заднем стекле ее появились какие-то белые точки.

— Ложись! — крикнул Рей, больно схватив Брайана за плечо и швырнув его на пол. Их машину тоже бросило в сторону, завизжали шины, и они, набирая скорость, свернули за угол. Дважды раздался какой-то треск, и что-то ударилось в сиденье позади него. Тут же загрохотали выстрелы — кто-то палил наружу через окно, опустив стекло. Машина круто повернула в другую сторону, и Дермод крикнул через плечо:

— Там сзади никого не задело?

Рей быстро оглядел остальных.

— У нас все в порядке. Что там с другой машиной?

— Врезалась в фонарный столб. Ты в кого-нибудь попал?

— Кажется, нет. Мне надо было только, чтобы он не особенно поднимал голову. Там кто-то высунулся из окна. Стрелял из винтовки. С большой выходной скоростью — из такой винтовки прострелить это стекло ничего не стоит.

Он показал на заднее стекло машины, в котором появилось аккуратное, словно просверленное, отверстие. Брайан в ужасе смотрел, как Рей сунул палец в дыру, зиявшую в сиденье. Как раз там, где только что сидел он.

На бешеной скорости они еще раз повернули за угол и помчались по бульвару.

— Хвостов не видно? — крикнул Дермод.

— Нет. Наверное, у них только-только хватило времени, чтобы устроить эту засаду. Весь расчет был на нее. И они не так уж сильно просчитались.

— Тогда немедленно меняем маршрут, — сказал Дермод, резко затормозив, свернув в переулок и продолжая словно наугад петлять по улицам тихого пригорода.

— Простите, что толкнул вас, Брайан, — сами видите.

Рей снова сунул револьвер в кобуру и помог Брайану сесть.

— Значит, была утечка, — спокойно, но зло сказал Беникоф. — Нас ждали и ехали за нами от самой пристани.

— Должно быть, так, — согласился Рей. — Сколько людей знает о плане нашего возвращения?

— Я сам. Вы двое. И два человека из ФБР, которые будут встречать нас на границе.

— Думаю, должно обойтись. Долго еще, Дермод?

— Пять минут. Не думаю, чтобы Сальдане удалось выкрутиться. В нас стреляли не меньше чем двое.

— Я видел только одного.

— Один — в пассажира на заднем сиденье, другой — в водителя. У меня тут тоже есть симпатичная маленькая дырочка. И он попал бы, если бы я не крутанул руль, когда увидел, что переднюю машину накрыли. Хороший человек был этот Даниэль Сальдана.

К этому нечего было добавить. Остаток пути они проехали молча. Наверное, была объявлена тревога, потому что, подъезжая к границе, они миновали полицейского на мотоцикле, который сделал им знак проезжать, а потом что-то сказал в микрофон.

Несколькими кварталами дальше к ним пристроился эскорт на мотоциклах, который, мигая фарами и гудя сиренами, расчистил им путь через скопление машин у пограничного переезда. За зданием таможни находилась автостоянка с открытыми воротами. Со всех сторон ее окружали глухие стены.

— Ждите здесь, — сказал Рей. Он и Дермод быстро вышли из машины, держа револьверы наготове и внимательно глядя во все стороны. — Теперь можете пройти через стоянку, а мы пойдем сразу за вами.

И они встали позади, своими телами защищая Брайана от возможной опасности.

— Вот и наш транспорт, — сказал Беникоф. На стоянке был только один автомобиль — бронированный грузовой фургон. Когда они приблизились, задние дверцы распахнулись, и вышел охранник в форме.

— А теперь постарайтесь выбраться отсюда невредимыми, — сказал Дермод.

— Но вы собирались ехать с нами, — возразил Беникоф.

— Мы вам больше не нужны. Нужно обо всем доложить президенту. Пожалуйста, позвоните в нашу контору и расскажите, что случилось. Скажите им, пусть сообщат пилоту, что мы будем там не позже шести.

— Будет сделано.

Не дожидаясь благодарности, оба телохранителя сели в машину и исчезли из виду так быстро, что никто не успел произнести ни слова. Оставшиеся повернулись и подошли к фургону.

— Добрый день, джентльмены, — сказал охранник. — Устраивайтесь.

Он не заметил пулевых отверстий в стеклах и не догадывался, что произошло несколько минут назад. Беникоф хотел было рассказать ему, но тут же сообразил, что это ни к чему.

— Рады вас видеть, — сказал он. — Мы бы хотели поскорее отсюда выбраться.

— Уже едем.

Они сели в кузов, охранник закрыл за ними дверцы и уселся в кабине рядом с водителем.

— Чуть не вляпались, — сказал Брайан.

— Да уж, — мрачно отозвался Беникоф. — Наверное, утечка произошла на базе, ни о чем другом я и подумать не могу. Пусть теперь ФБР этим как следует займется. Ты уж извини, Брайан, что так получилось. Это я виноват.

— Ни в чем вы не виноваты. Вы сделали все, что могли. Мне очень жаль этого вашего знакомого.

— Он делал свое дело. Очень хороший человек. А мы сделали то, за чем приезжали сюда. Ты нашел, что мы искали? Эти ГБП — там действительно копии твоих работ?

Брайан медленно кивнул — у него перед глазами все еще стояли картины происшедшего.

— Да, я почти уверен. Я их пролистал — похоже, что это то самое. Совершенно точно сказать не могу — слишком мало времени у меня было.

Бен вытащил телефонный аппарат.

— Можно я позвоню? Ты не представляешь себе, сколько народу сейчас сидит и от нетерпения грызет ногти в ожидании новостей. — Он набрал номер и дождался, пока в трубке не запищал сигнал, означавший, что его соединили. Тогда он произнес: «Статуя Свободы» — и положил трубку.

— Это означает, что нам все удалось?

Бен кивнул.

— А что бы вы сказали, если бы мы не нашли записей?

— «Могила Гранта». Сейчас компьютер набирает одновременно семнадцать номеров, чтобы передать сообщение об успехе. Ты сегодня доставишь радость очень многим людям. Не могу сказать, чтобы я был уверен в удаче, — но очень надеялся.

Он полез рукой под сиденье и вытащил какой-то сверток.

— Поэтому я велел погрузить вот это — просто на всякий случай.

В свертке оказался черный пластиковый ящичек размером с

большой бумажник. Бен нажал на защелку, крышка поднялась, и на ее внутренней стороне белым светом загорелся экран, освещая клавиатуру под ним.

— Компьютер! — восхищенно выговорил Брайан. — И вы хотите сказать, что эта маленькая штучка способна справиться со всеми моими заметками, чертежами, расчетами и графиками?

— Да. И даже с голографией. Пятнадцать лет назад никто и подумать не мог, сколько всего может вместить такое устройство. В нем есть еще приемопередатчик для сетевой телефонной связи и система спутниковой навигации, так что всегда можно узнать, где оно находится. Вся поверхность корпуса — мощный фотоэлемент для подзарядки. И... смотри.

Беникоф потянул за какую-то ручку, и она с визгом выдвинулась наружу на тонком шнуре.

— Можно заряжать его и вручную вот этим встроенным генератором. Оно сделает все, что ты захочешь. А прежде чем мы двинулись в путь, я позаботился о том, чтобы отключить его от сетевой связи — никто, даже сам генерал Шоркт, не может проследить, где ты находишься, или увидеть, что ты делаешь. Не хочешь подключить сюда один из твоих ГБП и посмотреть, что там есть?

Брайан без труда получил доступ к записям и через некоторое время поднял глаза на Бена.

— Никаких сомнений. Самые ранние записи я узнал — я их хорошо помню. Это материалы по языку «лама», над которым я работал с отцом. Потом идет какая-то более поздняя разработка, она кажется мне знакомой, но толком вспомнить ее не могу. А все, что дальше, — я убежден, что никогда этого не видел. Вот последняя запись, она сделана несколько месяцев назад. Это перед самым налетом на лабораторию.

— Фантастика! На большее мы и надеяться не могли. Теперь вперед. Доктор Снэрсбрук велела после этой экскурсии сразу же уложить тебя в постель. Она сказала, что ты, наверное, ничего не будешь иметь против. Я тоже так думаю — особенно если при тебе останется этот компьютер. Кроме того, я хочу, чтобы ты был под надежной охраной в таком месте, где мне не придется за тебя беспокоиться. А я тем временем переверну вверх дном всю службу безопасности.

— Да, не хотел бы я еще раз пережить этот день. Мне и в самом деле не терпится добраться до госпиталя. Немного тишины и спокойствия, и чтобы можно было не спеша прочесть эти записи.

— Годится. А я дам команду начать расследование утечки,

встречусь с руководством «Мегалоуб», а потом вернусь к тебе, и мы решим, что делать дальше.

Фургон замедлил ход и съехал с шоссе № 5 в Импириел-Бич. Миновав город, они увидели, что у въезда на мост их поджидают машины береговой охраны. Сопровождаемые ими, они, набирая скорость, промчались через центр Коронадо, где при их приближении все красные сигналы светофора сменялись зелеными, и въехали в открытые ворота базы. Только войдя в свою палату, Брайан почувствовал, как ужасно он устал, и повалился на постель.

Вошла доктор Снэрсбрук.

— Ну конечно — переутомился, но что тут поделаешь? — Она приложила к запястью Брайана телеметрический прибор, взглянула на циферблаты и кивнула. — Ладно, ничего страшного. Подкрепись немного и отдыхай. Нет, — сказала она, увидев, что Брайан потянулся к компьютеру. — Сначала в постель. И поешь что-нибудь. А потом будем думать о работе.

Съев шоколадный пудинг, Брайан как будто чуть задремал, а потом вдруг проснулся и увидел, что уже почти стемнело. Столик около кровати был пуст, и его на мгновение охватил страх, но потом он почувствовал, что под подушкой лежит что-то твердое, и вытащил оттуда компьютер и ГБП. Если он и спал, то, перед тем как заснуть, припрятал их в безопасное место. Открылась дверь, и заглянула сестра.

— Я так и думала, что вы не спите. Во сне пульс так не подскакивает. Вам что-нибудь нужно?

— Нет, мне и так хорошо. Хотя подождите — не могли бы вы приподнять мне изголовье?

Брайан читал свои заметки, пока не принесли обед. Он съел его, не обратив внимания на то, что ел, и едва заметил, когда убрали поднос. А потом вздрогнул, когда вошла ночная сестра и сообщила ему, который час.

— Категорический приказ доктора Снэрсбрук — гасить свет в одиннадцать. И никаких отговорок.

Он не возражал, потому что вдруг почувствовал, как устал. Наверно, не стоило прятать компьютер под подушкой, но это помогло ему снять напряжение.

Когда наутро он проснулся, в палате уже сидел Беникоф. Вид у него был мрачный.

— Есть какие-нибудь новости про тот обстрел? — спросил Брайан.

— Есть. Плохие. Оба детектива убиты. И ни следа убийц.

— Мне очень жаль, Бен. Я знаю, что один из детективов был ваш друг.

— Он делал свое дело. Теперь — за работу. Для меня новости есть? — спросил он с деланным спокойствием, хотя видно было, что он весь напряжен, как сжатая пружина.

— Есть — и хорошие, и плохие. Только не надо так бледнеть, Бен! Наверное, если уж заполучить сердечный приступ, то больница — самое лучшее место для этого, но все-таки постарайтесь обойтись. Я просмотрел записи — правда, с пятого на десятое, но самое главное не пропустил.

— Тогда пожалей мое сердце и давай сначала хорошие новости.

— Имея то, что там есть, я на девяносто девять процентов уверен, что смогу спроектировать искусственный интеллект, который будет работать. Мне кажется, именно это вы хотели услышать.

— Совершенно верно. А теперь плохие.

— То, что есть в этой памяти, — не планы и не чертежи. Это отдельные обрывки, которые были более или менее разработаны, и подробные записи вопросов и недоумений. Но по большей части это только отдельные шаги на пути к искусственному интеллекту, а не сам путь.

— Но ты сможешь его построить?

— Убежден, что смогу. Зная, что каждая из этих проблем была решена, и имея наброски возможных решений, я сумею удержаться на правильном пути. Все тупики здесь тщательно обозначены. Я смогу его построить, Бен, я уверен. А что дальше?

— Мы поговорим с доктором Снэрсбрук и узнаем, когда состояние твоего здоровья позволит окончательно выписать тебя из госпиталя.

— Ну и что? Наш довольно-таки печальный опыт свидетельствует о том, что за мной все еще гоняются какие-то злодеи.

Беникоф встал и принялся шагать по комнате.

— Теперь мы точно знаем, что они тебя все еще подстерегают. Они знают, что после двух предыдущих покушений ты уцелел, — иначе они не стали бы делать новых попыток. Мы живем в свободном обществе, где трудно хранить тайны. Если они всерьез возьмутся за дело, они тебя разыщут, где бы ты ни прятался. Значит, мы должны позаботиться о том, чтобы, где бы ты ни был, где бы ни работал, до тебя было как можно труднее добраться. Можешь мне поверить, мы немало поломали над этим голову.

— И решили выстроить мне лабораторию в Форт-Ноксе[1], среди золотых слитков?

— Не смейся — этот вариант тоже обсуждался. До того как все это случилось, ты был просто рядовым научным сотрудником. Я проверил по архивам «Мегалоуб» — представь себе, твоя работа с коммерческой точки зрения не вызывала почти никакого интереса. Но теперь все переменилось. Тот факт, что некое лицо или некие лица потратили столько сил, чтобы наложить лапу на твое изобретение, привлек к нему внимание всех правительственных ведомств. Каждый рвется в этом участвовать, и все срочно разрабатывают программы использования у себя искусственного интеллекта. Что очень радует «Мегалоуб», да и тебя должно радовать. Теперь к твоим услугам любые ассигнования — только бери. Ну и бери!

— С удовольствием. Только взять-то я возьму, а что дальше?

Беникоф с хитрой улыбкой потер руки:

— Обещай, что не будешь смеяться, когда я тебе скажу. Как только позволит здоровье, ты вернешься в свою прежнюю лабораторию в «Мегалоуб» — в Окотильо-Уэллс.

— Но, по-моему, после всего, что там случилось, это самое неподходящее место!

— Да нет, если только как следует запереть все двери. Система безопасности там была первоклассная, кроме одной мелочи.

— Quis custodiet ipsos custodes?[2]

— Вот именно. Кто будет следить за охраной? Один или несколько охранников изменили своему долгу. Налет и похищение были хорошо спланированы изнутри. Этого больше не случится. У нас новая охрана, из профессионалов.

— Откуда же?

— Из армии Соединенных Штатов, вот откуда. Армии принадлежит шестая часть «Мегалоуб», и то, что случилось, ей очень не понравилось. Морская пехота тоже вызвалась принять участие. Они считают, что причастны к делу после того, как столько времени тебя здесь охраняли. Поговаривали даже о том, чтобы армия и морская пехота дежурили по очереди, по месяцу каждая, — у кого будет лучше получаться, — но от этого, конечно, скоро отказались. Сейчас там на месте автостоянок уже строят казармы. Автостоянки больше не понадобятся: допуск транспор-

[1] Город в штате Кентукки, где хранится золотой запас США.

[2] Кто устережет самих сторожей? (*лат.*, из Ювенала.)

та туда впредь будет строго ограничен. Я думаю, на этот раз тебе удастся довести работу до конца.

— Мне это не очень нравится. Постоянная опасность мешает сосредоточиться. Но ничего лучшего я придумать не могу. Вы, наверное, все еще разыскиваете преступников?

— После вчерашнего это снова задача номер один.

Брайан немного подумал, потом полез под подушку и вынул второй ГБП.

— Вот, лучше держите это у себя. Там копии всех моих заметок. На всякий случай.

— Нам они не понадобятся. — Бен постарался, чтобы его слова прозвучали как можно увереннее, но это не очень ему удалось. — Впрочем, разве что на всякий случай.

Глава 19

28 января 2024 года

— Сегодня займемся базой знаний, — сказала доктор Снэрсбрук, проверяя машину-коррелятор, соединенную с мозгом Брайана. — Предлагаю начать с последнего издания «Британской энциклопедии». Девятнадцатое издание — это просто прелесть. Почти все иллюстрации движущиеся, а набор переведен в гипертекст.

— Это для меня слишком поверхностно. Мне нужны подробности. — Брайан вызвал на экран каталог баз данных и ткнул в него пальцем. — Вот что я имею в виду. Технические справочники. Мне нужно все, что есть в этом списке, от материаловедения до геологии и астрофизики. Только факты. Если, конечно, у моего имплантата хватит памяти.

— Хватит с избытком. Загружай те, с которыми ты хочешь работать.

На это потребовалось немало времени, и Брайан чуть не заснул в удобном кресле. Он вздрогнул и открыл глаза, услышав голос доктора Снэрсбрук:

— На сегодня более чем достаточно.

— Как прикажете. А можно посмотреть, как получилось?

— Запустить тест-программу? А почему нет? Подожди минутку, сейчас я загружу в мою машину какую-нибудь книгу, а потом наберу наугад номер страницы. Тут все больше медицина...

— «Медицинский словарь Дорленда», сорок пятое издание.

— Верно. Ты когда-нибудь слышал о парендомицетах?

— Это род дрожжеподобных грибов, некоторые из них выделены из различных опухолей человека.

— А о кикекунемало?

— Это легко. Смола такая, вроде копала.

— Прекрасно, Брайан. Все, что мы загрузили, сидит там. И ты можешь пользоваться этим по своему желанию.

— Так, словно это настоящая память.

— А для тебя это и есть настоящая память. Только хранится она в иной форме. Извини, но сейчас нам надо кончать. У меня назначена деловая встреча.

Вернувшись к себе, Брайан прослушал пленку автосекретаря и обнаружил, что ему звонил Беникоф. Он сразу же набрал его номер.

— Вы мне звонили...

— У тебя есть свободная минута?

— Конечно. Хотите подняться ко мне?

— Предпочел бы висячие сады на десятом этаже.

— Отлично. Иду туда.

Брайан пришел первым и сидел, попивая пльзенское пиво, когда появился Бен и тяжело рухнул в кресло.

— У вас совсем замотанный вид, — сказал Брайан. — Хотите?

— Спасибо, в другой раз. Теперь новости. Ты будешь рад услышать, что казармы на территории «Мегалоуб» уже заняла рота Восемьдесят второй авиадесантной дивизии. Командир роты, майор Вуд, — боевой ветеран, и он очень не любит, когда стреляют в ученых. Он не хочет, чтобы ты переезжал туда, пока он не наладит систему безопасности и не проведет несколько проверок. После этого следующий ход — твой. И доктора Снэрсбрук, конечно.

— Все, что я просил, заказано?

— Заказано и уже доставлено в лабораторию. Что подводит нас к следующему вопросу. О твоем помощнике.

— У меня никогда не было помощника.

— В этом отважном новом мире будет. Это намного облегчит тебе работу.

Брайан допил пиво, поставил стакан на стол и внимательно вгляделся в непроницаемое лицо Бена.

— Я знаю это ваше выражение лица. Оно означает, что вы не все мне говорите, и я должен догадаться сам. Что ж, могу. Меня уже три раза пытались убить. Не исключено, что четвертой попытки я не переживу. Поэтому желательно, чтобы хотя бы еще один человек знал, как идут дела с искусственным интеллектом.

— Ты угадал правильно. Самое трудное здесь — найти того, кто сможет с этим справиться и кому при этом можно доверять. Промышленному шпионажу сейчас обучают чуть ли не во всех университетах — это важная и быстрорастущая отрасль. Ты уже, к несчастью, убедился, что такая вещь, как искусственный интеллект, — очень лакомый кусок. У меня был небольшой список, который я еще сократил до того, что там осталось всего двое. Утром я вылетаю на встречу с очень многообещающим кандидатом — аспирантом из Массачусетского технологического института. Но я ничего не могу сказать, пока с ним не увижусь. Так что сейчас пока займемся другим кандидатом. Как ты относишься к военным?

— Если не считать нашего друга генерала, в общем, никак. Конечно, военно-морской флот и морская пехота в этом деле хорошо поработали. И армия в «Мегалоуб» от них, наверное, не отстанет. А почему вы спрашиваете?

— Потому что есть некто капитан Кан из военной авиации, ответственный сотрудник отдела экспертных программ Военно-воздушной академии в Боулдере, штат Колорадо. Родители родом из Йемена, иммигранты. Занимается программами автоматического управления в авиации. Тебя это интересует?

— А почему бы и нет? Свяжитесь с Боулдером и...

Бен покачал головой:

— Это лишнее. Надеясь на твое согласие, я велел доставить капитана сюда.

— Ну, тащите его к нам, и будем надеяться.

Бен улыбнулся и позвонил. Гость был, видимо, где-то поблизости, потому что через секунду появился морской пехотинец:

— К вам посетитель, сэр.

Бен встал. Брайан обернулся, увидел почему и тоже встал.

— Капитан Кан, познакомьтесь — Брайан Дилени.

— Рада с вами познакомиться, сэр, — сказала она. Рука у нее была прохладная и сильная. Быстро пожав ему руку, она сразу опустила ее, по-прежнему стоя навытяжку. Это была привлекательная женщина крепкого сложения с темными волосами и смуглой кожей. И с очень серьезным видом. Она молча стояла вытянувшись, и лицо у нее было такое же застывшее, как и у Брайана. Беникоф почувствовал, что свидание складывается не лучшим образом.

— Прошу садиться, капитан, — сказал он, подвигая ей стул. — Принести вам что-нибудь выпить?

— Нет, спасибо.

— А я выпью пива. Ты тоже, Брайан?

Брайан только отрицательно мотнул головой и уселся в свое кресло.

— Ну что ж, капитан... У вас, должно быть, есть какое-нибудь имя?

— Шелли, сэр. По крайней мере, так меня называют. На иврите мое имя Шуламит, но это трудно выговорить.

— Хорошо. Спасибо, Шелли, что приехали. Боюсь, что я не мог многое вам сказать об этой работе, — секретность не позволяет. Но теперь, раз уж вы здесь, я не сомневаюсь, что Брайан куда лучше все объяснит сам. Как, Брайан?

А на Брайана нахлынули воспоминания. Беникоф должен был предупредить его, что капитан — женщина. Хотя ничего плохого в этом нет. Или есть? Слишком свежа в его памяти была история с Ким. Но только в части его памяти. Для взрослого Брайана эта грустная история осталась далеко позади, стала одним из эпизодов прошлого, о котором лучше забыть. Тут он понял, что молчание затягивается и что оба смотрят на него.

— Простите. Я отвлекся, это со мной бывает. Пожалуй, я выпью с тобой пива, Бен.

Пока Бен заказывал пиво, Брайан попытался привести в порядок свои мысли и чувства. Капитан — совсем не Ким, которая к этому времени, вероятно, растолстела, постарела, вышла замуж и родила пятерых детей. Надо о ней забыть. При этой мысли он улыбнулся и сделал глубокий вдох. Начать жизнь заново, забыть о прошлом. Он повернулся к Шелли.

— Я не знаю, с чего начать. Пожалуй, с того, что мне может понадобиться помощь в одной разработке, за которую я скоро возьмусь. Вы мне не расскажете о своей работе? Чем вы сейчас занимаетесь?

— В подробностях рассказать не могу, потому что все, над чем я работаю, засекречено. Но программа в целом открыта, и о ней рассказать нетрудно. Она была предпринята потому, что у современных военных самолетов слишком велика скорость — скорость реакции пилота уже недостаточна, и к тому же приборы стали слишком сложными. Если бы пилоту приходилось самому следить за всеми электронными системами, у него совсем не осталось бы времени управлять самолетом. Чтобы помочь пилоту, постоянно разрабатываются и совершенствуются экспертные системы, которые берут на себя как можно больше его функций. Это очень интересная работа.

Голос у нее был низкий, с едва заметной хрипотцой. Говорила

она уверенно, сидя прямо на краешке стула и держа руки на коленях. Если кто и испытывал смущение, то не она, а Брайан. Своего будущего помощника он представлял себе несколько иначе.

— А вы когда-нибудь занимались искусственным интеллектом? — спросил он.

— В общем, нет. Если не считать частью такой работы разработку экспертных систем. Но я слежу за тем, что делается в этой области, потому что кое-что из этого я могу использовать у себя.

— Это даже к лучшему. Я предпочитаю вас учить, а не переучивать. Вам говорили, в чем будет состоять работа?

— Нет. Я знаю только, что это что-то важное и имеет отношение к искусственному интеллекту. Мистер Беникоф говорил еще, что здесь замешан промышленный шпионаж. Он стремился в первую очередь дать мне понять, с чем я могу здесь столкнуться в смысле собственной безопасности. Он дал мне прочесть копию своего доклада о том нераскрытом преступлении. И еще сказал, что с тех пор на вас было совершено еще несколько покушений и что, если я буду работать здесь, это связано с некоторым риском. Он хотел убедиться, что я отдаю себе в этом отчет, прежде чем вообще предложил мне эту работу.

— Я рад, что он это сделал. Потому что есть большая вероятность, что вам будет грозить физическая опасность.

На ее лице, до сих пор хранившем строгое выражение, впервые появилась улыбка.

— Офицер военно-воздушных сил должен быть в любой момент готов к бою. Когда я родилась, Израиль все еще представлял собой вооруженный лагерь. Мои отец и мать воевали, как и все остальные. Когда мне было шесть лет, наша семья эмигрировала в Америку, так что мне повезло — я выросла в мирной стране. Но мне хотелось бы думать, что их мужество и стойкость отчасти передались и мне.

— Наверняка передались, — сказал Брайан, улыбнувшись в ответ. Шелли начинала ему нравиться, и ее уверенность в себе тоже. Но он еще не решил, хочет ли вообще работать с женщиной, как бы высока ни была ее квалификация. Ему по-прежнему мешали воспоминания о Ким. Но если Шелли годится на то, чтобы разрабатывать экспертные системы для авиации, вполне возможно, что от нее будет толк. А то, что она никогда не занималась искусственным интеллектом, говорило только в ее пользу. У некоторых ученых рано или поздно появляются шоры на глазах: они считают, что их подход к проблеме — единственно возможный, даже если доказано, что он неверен. Придется просто постараться забыть о том, что она женщина. Он повернулся к Бену:

— Могу я кое-что рассказать Шелли о том, что делаю? Она имеет право знать, о чем идет речь, прежде чем примет решение.

— Капитан имеет допуск к совершенно секретным материалам, — сказал Бен. — Ответственность я беру на себя. Можешь рассказать ей все, что считаешь нужным.

— Ну хорошо. Шелли, я занимаюсь разработкой искусственного интеллекта. Но не такой программы, какие называют искусственным интеллектом сейчас. Это будет действительно полноценный, эффективный, самостоятельный и работоспособный искусственный разум.

— Но как вы сможете создать машину, обладающую разумом, если не знаете в точности, что такое разум?

— Построив такую машину, которая удовлетворит критерию Тьюринга. Вы, конечно, знаете, что это такое. Одного человека сажают за один терминал, другого за другой, и они общаются между собой. Можно задавать бесконечное множество вопросов и получать на них ответы, пока человек за одним терминалом не убедится, что за другим тоже сидит человек. И вы должны знать, что в истории искусственного интеллекта известно множество программ, которые не прошли этого испытания.

— Но это же просто фокус, чтобы убедить кого-то, что машина наделена индивидуальностью. Он все равно не дает определения разума.

— Верно, но как раз это и имел в виду Тьюринг. Нет никакой необходимости в таком определении, оно нам вообще не нужно. Нельзя дать определения предмету, определять можно только слова. Мы считаем, что человек разумен, если видим, что он способен хорошо решать задачи, или обучаться новым навыкам, или делать то, что делают другие люди. В конце концов, единственный критерий, по которому мы считаем других людей разумными, — это то, что они ведут себя как разумные люди.

— Но разве не может нечто обладать интеллектом и в то же время думать совершенно не так, как человек? Например, дельфин или слон?

— Конечно — и можете называть их разумными, если хотите. Но для меня слово «разум» — это просто способ обозначать все те вещи, которые я хотел бы уметь делать лучше и которые, как я надеюсь, сможет делать наш будущий искусственный интеллект. Трудность в другом — я пока еще не знаю, что это должны быть

за вещи. А смысл тех двух терминалов всего лишь в том, что не имеет значения, как выглядит это нечто, лишь бы оно отвечало на все вопросы, которые ему задают, и отвечало так, чтобы его ответы нельзя было отличить от ответов человека. Простите за длинную лекцию и за то, что я рассказываю вам вещи, которые вы уже знаете. Но я хочу создать искусственный интеллект, который пройдет это испытание. И я задаю вам вопрос — согласны ли вы помочь?

Впервые за все время разговора на лице Шелли появились признаки волнения, и она стала больше похожа на женщину, чем на офицера. Она слушала Брайана с широко раскрытыми глазами, подперев подбородок рукой и недоверчиво качая головой.

— Я понимаю, что вы говорите, хотя все это звучит абсолютно невероятно и в то же время страшно интересно. Вы хотите сказать, что создаете машину, которую я сочла бы разумной?

— Именно так, — решительно сказал Бен. — Могу вас заверить, что настоящий искусственный интеллект уже однажды был разработан и что он будет построен.

— Если так, я хочу в этом участвовать! Это настолько важно и значительно, что никаких сомнений у меня быть не может. — Она нахмурилась. — А много у вас еще кандидатов на это место?

— Завтра я встречаюсь еще с одним, — сказал Бен. — На этом список кончается.

— Конечно, я готова немного потерпеть. Но если вы позволите мне помочь, я могла бы кое-что сделать прямо сейчас.

— Наша лаборатория будет готова только через некоторое время, — сказал Брайан.

— Нет, я о другом. О той истории со службой безопасности. — Она повернулась к Бену. — Этот доклад о похищении, который вы мне показывали, — там есть все подробности?

— Я выбросил из него только упоминания об искусственном интеллекте. А все остальное там есть.

— Это неважно, я говорю о расследовании. Вы знаете, кто им руководит?

— Конечно, знаю. Я сам. И могу гарантировать — все, что касается меня, в докладе есть.

— А после налета и ранения Брайана на него было еще два покушения?

— Верно.

— Тогда мне кажется, что прежде всего надо раскрыть это преступление.

Беникоф не знал, рассмеяться ему или обидеться.

— Вы понимаете, что этим расследованием руковожу я? Что вот уже несколько месяцев я ничем другим не занимаюсь?

— Прошу вас, сэр, поймите меня правильно! Я не ставлю под сомнение ваши усилия — я просто предлагаю свою помощь.

— И в чем она будет состоять?

— Я могу написать экспертную программу, у которой была бы единственная задача — раскрыть это преступление.

Беникоф снова уселся в кресло и некоторое время сидел в молчании, задумчиво потирая подбородок, потом с довольным видом кивнул:

— Примите мою благодарность, капитан. Я оказался полным тупицей. Больше это не повторится. Как скоро вас могут перевести сюда?

— Я работаю с группой. Там хорошие специалисты, я думаю, они смогут продолжать без меня. Я могла бы прибыть сюда через день-два. Сначала надо будет кое-что записать о том, над чем я сейчас работаю, чтобы передать им. Потом они смогут, если надо, со мной связываться, так что я готова перевестись сюда почти сразу же. К концу этой недели, если хотите. Там тоже важная работа, но это куда важнее. Если вы не возражаете, я сделаю вам такую экспертную программу. И буду готова работать над искусственным интеллектом. Вы согласны?

— Вполне. Я приведу в порядок все материалы, чтобы вы могли сразу же их получить. И устрою себе головомойку за то, что не подумал об этом сам. Такое расследование — по большей части тупая, нудная сортировка фактов и прослеживание бесконечных нитей. Это работа для компьютера, а не для человека.

— Совершенно с вами согласна. Я вернусь, как только смогу. И еще раз спасибо, что вызвали меня.

Она встала. Мужчины тоже встали, обменялись с ней рукопожатиями и проводили ее глазами — как и морской пехотинец, дежуривший у дверей.

— Она на сто процентов права насчет программы для раскрытия преступления в «Мегалоуб», — сказал Брайан. — Если мы сумеем вернуть мой первый искусственный интеллект, мне станет намного проще.

— Тебе станет намного проще, если ты останешься в живых. Я хочу раскрыть это преступление, чтобы положить конец покушениям.

— Ну, если вы так ставите вопрос, я тоже не возражаю.

Глава 20

15 февраля 2024 года

Беникоф взглянул на часы:

— Сначала — хорошая новость. С сегодняшнего дня ты выписан из госпиталя. Доктор Снэрсбрук говорит, что ты теперь как новенький. Готов к переезду?

— Как только скажете — лишь бы дождаться, — сказал Брайан, запирая чемодан и ставя его на пол рядом со своим компьютером. — Как вам нравится этот чемодан? Совсем как кожа, только это переплетенные волокна тефлара и нитрида бора. Не рвется, не стирается и служит вечно. Подарок от доктора Снэрсбрук.

Бен вздохнул:

— Знаю. Она презрительно скривилась, когда узнала, что я принес тебе сюда одежду в пластиковом пакете. И что ты готов был забрать ее отсюда в том же пакете. — Он еще раз взглянул на часы. — У нас есть еще немного времени. Вот это была хорошая новость.

— А плохая?

— Про твоего помощника. С этим аспирантом из МИТа ничего не вышло. По квалификации он вполне подходит, только женат, имеет троих детей и не желает уезжать из Бостона.

Брайан, нахмурившись, потер подбородок.

— Значит, из этого следует, что место достается капитану?

— По документам она ничуть не хуже. Если только ты хочешь ее взять и считаешь, что она подойдет. Решать тебе. Если захочешь, я поищу еще каких-нибудь кандидатов.

— Не знаю, Бен. Наверное, я просто глупо себя веду. Если бы капитан, то есть Шелли, была мужчиной, я бы и секунды не колебался. Это какое-то внутреннее чувство, ничего больше.

Бен молчал, предоставив Брайану принять решение самому. Тот прошелся по комнате и снова сел в кресло.

— По-вашему, она годится?

— Лучше не надо.

— Вы думаете, это у меня сексуальное предубеждение?

— Я этого не сказал. Решать по-прежнему тебе.

— Тогда пусть остается. Как у нее дела с той детективной экспертной программой?

— Очень хорошо. Хочешь, чтобы она тебе рассказала?

— Конечно, как только дело пойдет. И это даст мне возможность присмотреться, как она работает.

Бен снова поглядел на часы:

— Пора. Я позвоню вниз и сообщу, что мы готовы. И я хочу познакомить тебя с человеком, который будет отвечать за твою безопасность. Его фамилия Вуд. Очень опытен, очень надежен. Я это не просто так говорю, вполне может случиться, что от него будет зависеть твоя жизнь. Я думаю, — нет, знаю, что он лучше всех.

Постучавшись, вошел майор Вуд, рослый человек с фигурой боксера — тонкой талией и широкими плечами. На черной с коричневатым отливом коже его правой щеки выделялся выпуклый шрам — он доходил до рта, приподнимая его уголок в постоянной застывшей полуулыбке.

— Брайан, это майор Вуд, который теперь отвечает за безопасность в «Мегалоуб».

— Рад с вами познакомиться, Брайан. Если хотите называть меня по имени, то приятели зовут меня Вуди. Но не при подчиненных. Мы намерены как следует о вас заботиться. Лучше, чем те, в прошлый раз. — Ноздри его чуть раздулись. — Единственное хорошее, что было в прежней службе безопасности «Мегалоуб», — это то, что мы можем учиться на их ошибках. На их главной ошибке.

— Ну-ка, интересно, что вы скажете, — вставил Беникоф. — Я ведь все еще занимаюсь этим расследованием.

— Служба безопасности — это люди, а не машины. Любую машину, которую может построить один человек, может обмануть другой. Конечно, я собираюсь использовать всю технику, которая поставлена там, и еще добавлю кое-что от себя. Машины и колючая проволока никогда не мешают. Но стеречь вас, Брайан, и всех остальных будут мои люди. Они и есть служба безопасности.

— Я уже чувствую себя лучше, — отозвался Брайан искренне.

— И продолжай в том же духе, — сказала, входя, доктор Снэрсбрук. — Тебе предстоит тяжелый день, что бы ты там ни думал. Максимум пять часов — потом в постель. Понял?

— И ни капли больше?

— Нет. — Ее повелительный тон смягчила улыбка. — Даю тебе несколько дней на то, чтобы освоиться с работой. За это время я перевезу свое оборудование в лазарет «Мегалоуб». Сюда, в госпиталь, тебе ездить не понадобится, мы будем проводить сеансы с машиной там. Посмотрим, сможем ли мы обеспечить тебе доступ ко всей той технической памяти, что тебе нужна. Ну ладно, береги себя.

— Буду беречь, не беспокойтесь, доктор.

— Вы готовы? — спросил майор Вуд, когда она вышла.

— Жду ваших приказаний.

— Вот так и надо. Делайте, что я говорю, и мы доставим вас туда в целости и сохранности. И дальше все у нас будет в порядке. Сержант!

Не успела прозвучать его громкая команда, как вошел солдат с двумя короткоствольными автоматами зловещего вида и передал один из них майору. Беникоф подхватил чемодан и компьютер Брайана, и они вышли.

На этот раз путешествие было не столь эффектным, как флотская операция по доставке Брайана в госпиталь, но все действовали деловито и профессионально. Брайан с Беном шли по коридору, окруженные отрядом солдат; другие солдаты шли впереди и сзади. Офицерская автостоянка была очищена от всех машин, невзирая на возмущенные протесты кое-кого из важных персон, и посередине ее стоял большой транспортный вертолет с вращающимся винтом. Как только они погрузились, он поднялся в воздух в окружении скоростных штурмовых вертолетов. Они набрали высоту, пересекли залив и миновали улицы и дома Сан-Диего. Некоторое время они летели вдоль шоссе, ведущего на запад, потом свернули и поднялись еще выше, чтобы перевалить через горы. Стоял прекрасный солнечный день, видимость казалась неограниченной.

Вырвавшись наконец из госпиталя, Брайан чувствовал необыкновенный подъем и уверенность в себе. Ему очень понравился пейзаж — сначала скалистые, голые горы, потом выцветшая пустыня. Они пролетели над Боррего-Спрингс с его отелями и полями для гольфа и углубились в пустыню. Внизу поползли бесплодные, иссеченные оврагами каменистые россыпи, потом впереди показалась зелень. Огороженный участок, занятый низкими зданиями и газонами, становился все больше. Вертолет пошел на снижение и мягко приземлился на посадочной площадке. Штурмовые вертолеты описали над ними последний круг и умчались прочь. Солдат открыл люк.

Вылезая из вертолета, Брайан не чувствовал ни страха, ни сомнений. Едва ли он когда-нибудь вспомнит то, что с ним тут произошло. Брайан был уверен, что этого больше не случится, и больше всего хотел одного — взяться за работу.

— Хотите осмотреть свое помещение? — спросил майор. Брайан отрицательно покачал головой.

— Потом, если можно. Сначала лабораторию.

— Молодчина. Ваши вещи будут у вас в комнате. Я проведу вас сегодня по территории, чтобы люди вас видели.

— Пропуска не понадобится?

— Другим понадобится, и не один. А вам — нет. Вся система охраны задумана так, чтобы отвечать одной-единственной цели — обеспечить вашу безопасность. Надеюсь, что вы познакомитесь с моими людьми, это отличная команда. Но сейчас важнее, чтобы они познакомились с вами. Если вы подождете здесь минутку, я сейчас вернусь и мы отправимся.

Он быстро пошел в сторону стоящих поодаль зданий.

— Это лабораторный корпус, — показал Бен. — Вон тот, с металлизированными стеклами. Вход в твою лабораторию с другой стороны, через специальную пристройку.

— Здорово! Знаете, у меня руки чешутся сесть за компьютер помощнее, чтобы почистить как следует те новые системы, о которых говорится в моих заметках. Я уже написал кое-какие первоначальные программы на этом портативном, но он просто не годится для решения таких задач. Мне нужно куда большее быстродействие, чем у этой старой модели. И гораздо больше памяти. Я пользуюсь огромными базами знаний, которые должны храниться в памяти. Без памяти не будет знаний. А без знаний не будет интеллекта — уж я-то это знаю!

— Ты хочешь сказать, что интеллект — это всего-навсего память? — спросил Бен. — Что-то не верится.

— Ну, вроде того, только без «всего-навсего». Насколько я понимаю, для мышления нужны две вещи, и обе основаны на памяти. Неважно, человек это или машина. Во-первых, нужны процессы переработки информации — программы, которые делают всю работу. А кроме того, нужен материал, с которым эти программы будут работать, — знания, записи или опыт. И то и другое — и сами программы, и знания, которыми они пользуются, — должны храниться в памяти.

— С этим я спорить не стану, — сказал Беникоф. — Но наверняка нужно что-то еще, кроме чистой механики. Нужно «я», которое остается, даже когда я не пользуюсь памятью.

— А зачем мне «я», если оно на самом деле ничего не делает?

— Потому что без этого получится просто компьютер. Он будет работать, но не будет чувствовать. Будет говорить, не понимая по-настоящему сказанного. Не может быть, чтобы мышление было простой переработкой воспоминаний. Что-то должно возбуждать желания и намерения, и потом должно быть нечто, способное оценить то, что получилось, и пожелать чего-нибудь

еще. Ну, что-то вроде духа, который сидит у меня в голове, понимает подлинный смысл всех вещей, осознает сам себя и знает, что он может сделать.

«Не одна Долли у нас суеверна», — подумал Брайан.

— Какой там еще дух! Я не верю, что нам нужно что-нибудь в этом роде. Машина не нуждается ни в каких магических силах, чтобы делать то, что она делает. Потому что каждое ее состояние — достаточная причина, чтобы перейти в следующее состояние. Если бы у вас в голове сидел этот ваш дух, он только путался бы под ногами. Сознание — это то, что производит мозг, и все. Главная трудность состоит в том, что даже при нынешнем уровне техники мы не можем создать точной копии мозга.

— Почему? Я думал, это как раз то, что ты собираешься сделать.

— Тогда вы ошиблись. Нам нужны не точные копии, а детали с аналогичными функциями.

— Но если ты не воспроизведешь все детали, он не будет думать точно так же, верно?

— Не совсем так же, но какое это имеет значение, если он будет делать все, что надо? Моя задача — всего лишь отыскать общие принципы, общие основы функционирования. Как только машина будет способна учиться тому, что нужно, она восполнит все детали сама.

— Звучит устрашающе. Я согласен, только я тебе не завидую.

Вернулся майор и повел их к корпусу. Когда они подошли к двери, дежурный охранник вытянулся в струнку, но вместо того чтобы, как положено, уставиться прямо перед собой, он повернулся к ним и внимательно посмотрел на Брайана, запоминая его внешность.

— Я проведу вас внутрь. Но сначала... — сказал майор Вуд, протягивая Брайану металлический браслет. — Прошу вас надеть вот это и носить постоянно. Он не боится воды и не ломается. Надеюсь, вы не будете возражать, но после того как я его защелкну, его придется распиливать, чтобы снять. Он не отпирается.

Брайан повертел в руках браслет и увидел, что на нем выгравировано его имя.

— А для чего он нужен?

— Для одной очень важной вещи. Нажмите на него один раз, и вы свяжетесь со мной — в любое время дня или ночи. А если нажатие продлится больше секунды, будет объявлена тревога, и тогда тут такое начнется!.. Согласны?

— Согласен. Защелкивайте.

Вуди надел браслет на запястье Брайана и соединил его концы. Браслет замкнулся с металлическим щелчком.

— Попробуйте, — сказал майор, отойдя в сторону. — Не стесняйтесь. Вот так. — Из его переговорного устройства послышался отрывистый писк, он нажал на выключатель. — Прекрасно. Теперь я покажу вам вашу новую лабораторию. Надеюсь, что вы не страдаете клаустрофобией?

— Как будто бы нет, а что?

— Я видел лабораторию, где вы работали раньше. Это какой-то ужас — она была совсем не защищена, туда можно было попасть самыми разными способами. Теперь у вас другая, совсем новая. Только один вход. Полностью автономное электроснабжение, кондиционированный воздух и все такое. И большей частью под землей. Вот сюда, в эту дверь, на которую вы смотрите. Большая часть оборудования уже установлена.

— Тут нам повезло, — сказал Бен. — Мы разыскали русского ученого из тех, кто приезжает сюда по обмену, — он никогда еще никуда не выезжал из России, и даже из Сибири. Он и думать не думал работать здесь, пока мы ему не предложили. Ни с какой организацией, которая занималась бы промышленным шпионажем, он связан быть не может, это исключено.

— Сейчас я его позову, — сказал майор. — Подождите секунду.

Он открыл дверь, которая была не заперта, вошел в здание и через секунду вышел в сопровождении высокого молодого человека с окладистой светлой бородой.

— Это Евгений Белоненко, он все здесь устанавливал. Евгений, это Брайан Дилени, ваш начальник.

— Очень рад, — сказал тот с сильным русским акцентом. — Прекрасные у вас тут машины. Самые лучшие. Могу я считать, что вы готовы приступить к работе?

— В общем, да.

— Хорошо. Я поставил здесь ДНК-анализатор. Удивительная машина! Никогда таких не видел, но из документации все ясно. Сначала подготовим ее к введению метки...

Евгений откинул металлическую панель в стене, прикрывавшую небольшой пульт управления, и повернул несколько рукояток. Потом он закрыл дверь в лабораторию и показал на углубление в панели, окруженное черной полоской.

— Будьте добры, мистер Брайан Дилени, дотроньтесь до этого места кончиком пальца. Прекрасно.

Зеленая лампочка на пульте замигала и погасла, сменившись красной.

— Заперто! — объявил Евгений, закрывая панель, и толкнул дверь — она не поддалась. — Теперь только вы можете ее открыть, потому что там закодирована ваша ДНК. То же самое с этой панелью — только вы можете открыть ее, чтобы ввести новый код ДНК.

Он прижал палец к углублению, лампочка замигала, но осталась красной. А когда до панели дотронулся Брайан, загорелся зеленый свет, и замок, щелкнув, отперся. Брайан открыл дверь, и все последовали за ним.

Евгений с большим увлечением демонстрировал оборудование, которое сам устанавливал, и новейшие компьютеры. Брайан осмотрел все, но большая часть машин была ему незнакома. Значит, первым делом нужно будет в них разобраться.

Из огромного окна открывался красивый вид на пустыню.

— А мне говорили, что лаборатория под землей, — сказал Брайан, указывая на мелькнувшую за окном птицу.

— Так оно и есть, — ответил Бен. — Это телеэкран высокого разрешения на шестнадцать тысяч строк. А камера установлена на стене снаружи. Экран стоял в кабинете председателя правления компании, но я решил, что здесь от него будет больше пользы.

— Большое спасибо.

— Ну, оставляю вас тут, — сказал майор Вуд. — Брайан, выпустите меня отсюда, пожалуйста. Вы ведь единственный, кто может отпереть эту дверь изнутри. Может быть, это и неудобно, но зато необходимо для безопасности.

— Ничего страшного. И спасибо за все, что вы сделали.

— Это моя работа. Вам здесь ничто не угрожает.

— Хорошо. Тогда я, пожалуй, сразу возьмусь за работу по своим старым наброскам. То есть не своим, а тем, над которыми работал тот, прежний Брайан.

Многие заметки в базе данных представляли собой обрывки кода на программном языке, который был ему незнаком. Вероятно, этот язык изобрел для своих надобностей тот, прежний Брайан. Он подошел к компьютеру, вынул из кармана ГБП и подключил его. Загорелся экран, и компьютер произнес звонким контральто:

— Доброе утро. Вы будете работать на этой машине?

— Да. Меня зовут Брайан. Возьмите тоном ниже.

— Так годится? — спросила машина сочным баритоном.

— Да. Так и говорите впредь. — Он повернулся к Евгению. — Выглядит неплохо.

— Еще бы. Последняя модель. В России стоит миллионы, только ее там не достанешь. Мне будет что порассказать ребятам в Томске, когда вернусь. Если я вам не нужен, у меня есть еще кое-какие дела.

— Нет, я обойдусь. Если будут вопросы, крикну.

— А у меня уже есть вопрос, — сказал Бен, глядя на часы. — Я вижу, прошло уже больше четырех часов с тех пор, как мы отправились сюда. А это значит, что твое время вышло.

— Что вы хотите сказать?

— Распоряжение доктора Снэрсбрук — пора кончать на сегодня и ложиться. И ни капли больше, сказала она, —хотя я не вижу, почему бы тебе не взять с собой в постель портативный компьютер.

Брайан знал, что спорить бесполезно. Он окинул лабораторию последним долгим взглядом, подошел к двери и отпер ее. Снаружи их ждал майор Вуд.

— Как раз шел за вами, — сказал он. — Мне звонила доктор Снэрсбрук и сказала, что, если вы еще не у себя, вас нужно доставить туда немедленно.

— Идем, идем, — отозвался Брайан, поднимая руки в знак того, что сдается. — От докторов никуда не спрячешься.

— Так оно и есть, — подтвердил Бен. — Увидимся завтра.

Брайан не удивился, обнаружив, что его поселили в казарме вместе с солдатами.

— В самом центре здания, — сказал Вуди. — Кругом одна солдатня, не считая охранников. Вот сюда.

Квартира была небольшая, но уютная: гостиная, спальня, кухня и ванная. Его компьютер стоял на письменном столе, чемодан был распакован.

— Когда захотите обедать, позвоните — вам принесут. Сегодня на обед рубленые котлеты, — добавил майор, закрывая за собой дверь.

Глава 21

16 февраля 2024 года

Брайану долго не спалось. Волнения, связанные с переездом, непривычная кровать, разнообразные события дня — все это вместе не давало ему заснуть. В полночь он решил, что хватит ворочаться — надо что-то предпринять. Он откинул одеяло и встал. Датчики, установленные в комнате, отреагировали на это, свери-

лись с часами и включили ночник, который давал ровно столько света, чтобы он мог пройти по комнате, ни на что не наткнувшись. Аптечка в ванной обошлась с ним не столь бережно: она была устроена так, чтобы никакое лекарство нельзя было принять в темноте, и когда он открыл дверцу, его ослепил яркий свет. «Если не можете заснуть, примите две таблетки и запейте стаканом воды» — было напечатано на этикетке. Брайан сделал, как сказано, и вернулся в постель.

Как только он заснул, начались сновидения. Мешанина событий. Что-то про школу. На мгновение появился Пэдди. Техасское солнце над Мексиканским заливом. Слепящий солнечный свет. Солнце, которое восходит утром и заходит вечером. Как красиво, как неправильно. Всего лишь иллюзия. Солнце стоит на месте. Это Земля вертится вокруг него, и вертится, и вертится без конца.

Тьма и звезды. И Луна. Луна плывет, вращаясь вокруг Земли. Восходит и заходит, как Солнце. Но не так, как Солнце. Луна, Солнце, Земля. Иногда все три оказываются на одной линии, и тогда случается затмение. Луна заслоняет Солнце.

Брайан никогда не видел полного затмения. Его отец видел и рассказывал ему. Затмение: Ла-Пас, Мексика, 1991 год. 11 июля днем наступила тьма, Луна заслонила Солнце.

Брайан заворочался, нахмурив лоб в темноте. Он никогда не видел затмения. А увидит когда-нибудь? Случится ли когда-нибудь затмение здесь, в пустыне Анца-Боррего?

Чтобы ответить, нужно решить простое уравнение. Всего лишь элементарное приложение законов Ньютона. Ускорение обратно пропорционально квадрату расстояния.

Каждый объект испытывает притяжение двух других.

Солнце, Земля, Луна. Простое дифференциальное уравнение.

Всего восемнадцать переменных.

Надо определить координаты.

Расстояния.

Как далеко от Земли до Солнца?

«Справочник по астронавтике». У него перед глазами поплыли в темноте светящиеся цифры.

Минимальное расстояние от Земли до Солнца.

Оси и углы наклона орбит Земли и Луны...

Точные элементы орбит — перигелий, скорости, эксцентриситет.

Цифры выстроились по местам — и тут это случилось.

Дифференциальное уравнение начало решаться само у него

перед глазами. Внутри его? А он просто смотрел? Или переживал это? Испытывал это? Он что-то пробормотал и снова заворочался, но они не уходили, не останавливались.

Они плыли перед ним, цифра за цифрой.

— 14 ноября 2031 года! — хриплым голосом крикнул он.

Брайан проснулся от собственного крика и сел в постели, весь вспотевший, моргая на свет. Он нашарил на ночном столике стакан с водой, выпил почти всю и снова рухнул в скомканную постель. Что произошло? Ощущение было таким явственным, плывущие цифры такими отчетливыми, что все еще стояли у него перед глазами. Слишком отчетливыми, чтобы быть сном...

— Вживленный процессор! — произнес он вслух.

Неужели это случилось? Неужели он во сне каким-то образом вошел в компьютер, который вживили ему в мозг? Неужели он смог дать ему команду произвести какие-то действия? Запустить программу, чтобы решить задачу? По-видимому, именно это и произошло. И компьютер, видимо, решил задачу, а потом перебросил решение ему в мозг. Неужели это и случилось? А почему бы и нет? Это самое логичное, правдоподобное, наименее пугающее объяснение. Он дал своему компьютеру команду включиться, рассказал все, что произошло, записал это в его память, добавил свою гипотезу. И после этого заснул глубоким сном, кажется, без всяких сновидений.

Он проснулся уже в девятом часу. Включил кофеварку, потом позвонил доктору Снэрсбрук. Ее автоответчик сказал, что она ему перезвонит. Она позвонила, когда он доедал второй кусок поджаренного хлеба.

— Доброе утро, доктор. У меня для вас есть одна интересная новость.

Когда он рассказал, что произошло, наступило долгое молчание.

— Вы слушаете?

— Да, извини, Брайан, я просто обдумывала то, что ты сказал... И, по-моему, очень может быть, что ты прав.

— Значит, это хорошая новость?

— Невероятно хорошая. Постой, я должна отменить кое-какие дела и постараться увидеться с тобой в середине дня. Это тебя устраивает?

— Замечательно. Я буду в лаборатории.

Все утро он просматривал резервные копии своих прежних заметок, пытаясь снова погрузиться в атмосферу проделанной тогда работы, восстановить воспоминания, уничтоженные пулей.

Странно было читать то, что писал он сам, — почти как послание с того света. Ведь Брайан, который это писал, уже мертв и навсегда останется мертвым. Он знал, что ему, четырнадцатилетнему, уже не вырасти в того двадцатилетнего, который это писал.

Ему были совершенно непонятны краткие заметки и обрывки программ, набросанные им в двадцать лет. Он безнадежно усмехнулся и вернулся к первой странице. Тут мог быть только один путь — продвигаться методично, прослеживая шаг за шагом. При всякой возможности заглядывать вперед, избегать тупиков и ложных путей. Но, в сущности, придется воссоздать все, что он уже сделал, проделать все заново.

В двенадцать тридцать ему позвонила приехавшая в «Мегалоуб» доктор Снэрсбрук; он отложил работу и отправился к ней в клинику.

— Заходи, Брайан, — сказала она, окидывая его критическим взглядом. — Выглядишь ты великолепно.

— И чувствую себя так же. Каждый день час-другой читаю на солнце и хожу на прогулки, как вы велели.

— Аппетит хороший?

— Еще какой — в армии прекрасно кормят. И посмотрите-ка... — Он снял бейсболку и потер голову, где уже начали отрастать волосы. — Уже почти ежик. Скоро у меня будет настоящая прическа.

— Швы не болят?

— Ничуть.

— Головокружение? Одышка? Утомляемость?

— Нет, нет и нет.

— Я очень довольна. Теперь расскажи мне в точности, что случилось, — во всех подробностях.

— Сначала прослушайте вот это, — сказал он, передавая ей кассету. — Я записал ее сразу после того сна. Если у меня тут такой голос, словно я чего-то накурился, так это из-за снотворного питья, которое вы мне дали.

— Это само по себе интересно. Не исключено, что транквилизатор был одним из факторов, способствовавших тому, что произошло.

Снэрсбрук три раза прослушала запись, делая какие-то заметки. Потом тщательно расспросила Брайана, снова и снова возвращаясь к одному и тому же, пока не заметила, что он устал.

— Хватит. Давай выпьем по чашке кофе, и я тебя отпущу.

— Вы не хотите посмотреть, не смогу ли я сделать это снова, на этот раз наяву?

— Не сегодня. Сначала отдохни.

— Я не устал! Я просто начал задремывать, потому что приходилось снова и снова говорить одно и то же. Ну, доктор, не упрямьтесь. Давайте попробуем еще раз, пока у меня все свежо в памяти.

— Ты прав — надо ковать железо, пока горячо. Ладно, начнем с чего-нибудь попроще. Возведи мне в квадрат... ну, скажем, 123 456.

Брайан мысленно представил себе это число, попробовал найти какое-то место, куда его занести. Повертел его в уме, напрягся так, что даже закряхтел, а потом произнес:

— 15 522 411 383 936 — вот сколько будет, я уверен!

— Ты знаешь, как тебе это удалось? — спросила она взволнованно.

— Не очень. Вроде того, когда что-то с трудом припоминаешь, как слово, которое будто вертится на языке. Раз — и поймал.

— А можешь ты это сделать еще раз?

— Надеюсь, что могу... да, а почему бы и нет? Не знаю, как это получилось во сне, но, по-моему, я еще раз могу. Только я не понимаю, как это делаю.

— Мне кажется, я знаю, что происходит. Но чтобы проверить свой диагноз, мне придется снова подключить тебя к машине-коррелятору. Посмотреть, что творится у тебя в мозгу. Не возражаешь?

— Конечно, нет. Должен же я узнать, как это получается.

Она занялась машиной, а он уселся в кресло. Тонкие металлические пальчики заняли свои места, он откинулся на спинку и собрался с мыслями.

— Вот что мы сделаем. — Она пробежала курсором по меню на своем экране. — Вот статья, которую я вчера загрузила в компьютер из журнала. Она называется «Активность протоспециализированных центров в ходе развития ребенка». Ты что-нибудь об этом знаешь?

— Кое-что знаю о протоспециализированных центрах. Это расположенные в стволе мозга нервные центры, ответственные за большую часть первичных инстинктов. Голод, злоба, секс, сон — вроде этого. Но такой статьи я, по-моему, не читал.

— И не мог читать, она вышла в свет всего несколько месяцев назад. Сейчас я загружу ее в память твоего вживленного процессора — под тем же названием. — Она быстро нажала несколько клавишей, потом снова повернулась к нему. — Теперь она должна быть там. Подумай, ощущаешь ли ты ее там?

— Нет, в общем, нет. То есть могу припомнить название, потому что только что его слышал.

— Тогда попробуй сделать то, что сделал некоторое время назад и тогда, во сне. Скажи мне, что написано в этой статье.

Стиснув зубы и нахмурившись, Брайан сделал мысленное усилие.

— Что-то такое... Не знаю. В общем, там есть что-то, только я никак не могу к нему подобраться вплотную. Зацепить как следует... — Вдруг глаза у него широко раскрылись, и он быстро заговорил: — «...По мере развития ребенка каждый простейший протоспециализированный центр слой за слоем накапливает память и навыки управления. В то же время каждый из них стремится искать новые способы влиять на другие и извлекать пользу из их деятельности. В результате более ранние варианты подобных специализированных центров становятся все менее обособленными друг от друга. По мере того как эти системы учатся объединять свои познавательные интересы, возникающие при этом перекрестные связи создают более сложные комплексы ощущений, характерные для эмоциональных переживаний более позднего возраста. У взрослого подобные системы настолько сложны, что даже мы сами не в состоянии их осмыслить. К тому времени как мозг пройдет все эти стадии развития, наше взрослое сознание оказывается многократно перестроенным и уже не способно припомнить или понять, каким было сознание ребенка».

Брайан закрыл рот, потом заговорил снова, медленно и нерешительно:

— Это... то самое? То, о чем написано в статье?

Доктор Снэрсбрук взглянула на свой экран и кивнула.

— Это не то, о чем там написано, — это сама статья, слово в слово. Тебе это удалось, Брайан! Что ты ощущал?

Он сосредоточенно нахмурился:

— Это как настоящая память, но не совсем. Все это там есть, только я не все понимаю. Приходится вроде как мысленно все прочесть, и только тогда оно появляется полностью, так, что можно понять.

— Ну конечно! Оно же не в твоей памяти, а в памяти компьютера. Ты можешь получить к нему доступ, но ничего не понимаешь, пока не прочтешь, не вдумаешься и не осознаешь, что означает каждая фраза. И пока не свяжешь ее с другими вещами, которые уже знаешь. Только тогда возникают взаимосвязи, которые представляют собой подлинное знание.

— Значит, мгновенно подключить мозг к знанию нельзя?

— Боюсь, что нет. Память состоит из такого множества взаимосвязей, и к ним можно получить доступ таким множеством способов, что она вовсе не линейна, как память компьютера. Но стоит тебе просмотреть ее раз или два, как она станет частью твоей памяти, доступной в любое время.

— Занятно, — сказал он и улыбнулся. — Надо же, ведь я помню даже номера страниц и ссылок! А как вы думаете, можем мы проделать такую штуку с целой книгой или, например, с энциклопедией?

— Не вижу, почему бы нет, ведь во вживленном процессоре еще много свободной памяти. Конечно, это ускорило бы процесс переучивания. Но не только. Это же поистине удивительно! Прямой доступ к компьютеру одним усилием мысли — здесь открываются неограниченные возможности!

— И это может помочь мне в работе. Что, если загрузить все мои прежние заметки, чтобы получать к ним доступ мысленно?

— Почему бы и нет?

— Хорошо. Будет удобно иметь все под рукой. Сейчас так и сделаю — загружу все заметки, которые мы привезли, из резервного ГБП... — Он зевнул. — Нет, не стану. Никуда они не уйдут до завтра. И вообще мне надо немного об этом поразмыслить. К таким вещам не просто привыкнуть.

— Совершенно с тобой согласна. Но на сегодня этого более чем достаточно. Если ты собираешься возвращаться в лабораторию, — не стоит. Рабочий день окончен.

Брайан кивнул:

— Честно говоря, я собирался пойти пройтись — как следует подумать обо всем этом.

— Хорошая мысль, только не переутомись.

Он надел темные очки и вышел в полуденную пустынную жару. Вооруженный сержант отворил ему дверь и, сказав что-то в микрофон, укрепленный на лацкане, последовал в нескольких шагах за ним. Еще несколько солдат пристроились с обеих сторон, один пошел впереди. Брайан уже начал привыкать к их постоянному присутствию и теперь, направляясь к своей любимой скамейке у декоративного бассейна, почти не обращал на них внимания. По другую сторону бассейна стояли административные здания «Мегалоуб», но их почти не было видно за деревьями. Кроме него, по-видимому, никто не забредал в этот уголок, который нравился ему своей тишиной и уединением.

Услышав жужжание телефона, он поморщился и хотел было

не отвечать, но потом со вздохом отцепил его от пояса и поднес к уху.

— Дилени.

— Это майор Вуд из приемной. Здесь капитан Кан. Говорит, что вы сегодня ее не ждали, но хотела бы поговорить с вами.

— Да, конечно. Скажите ей, что я в...

— Я знаю, где вы, сэр, — подчеркнуто невозмутимо произнес майор: как мог он не знать местонахождения Брайана с точностью до миллиметра? — Я проведу ее к вам.

Они показались на дорожке, которая вела от главного входа. Маленькая, стройная Шелли казалась крохотной рядом с рослым, широкоплечим майором. Сегодня она была не в военной форме, а в коротком белом платье, больше соответствующем климату пустыни. Когда они подошли, Брайан встал. Вуди круто повернулся и оставил их одних.

— Я не мешаю вам работать? — спросила она, озабоченно нахмурившись.

— Да нет, вы же видите, я решил отдохнуть.

— Я должна была сначала позвонить. Но я только что вернулась из Лос-Анджелеса и решила доложить вам о наших успехах. Мы работали с несколькими лучшими следователями из полицейского управления. Судя по тому, чем вы занимаетесь, вы, наверное, все знаете об экспертных системах?

— Я не сказал бы, что все, во всяком случае, я не в курсе того, что сделано здесь за последние годы. Но скажите, на каком языке вы пишете свои программы?

— На «ламе-3.5».

Он улыбнулся:

— Приятно слышать. Мой отец был одним из тех, кто разработал этот язык. «Лама» — это значит «логический анализ метафор». Как там ваша программа-детектив — уже заработала?

— Да. Она сейчас на стадии первого рабочего образца. И с ней уже интересно иметь дело. Я назвала ее «Дик Трейси»[1].

— А как она работает?

— В сущности, это не так уж сложно. Она состоит из трех главных частей. Первая — это комплект различных экспертных систем — каждая выполняет свою задачу. Эти специализированные системы объединяет между собой довольно простой координатор, который ищет корреляции и отмечает случаи, когда несколько систем в чем-то между собой согласны. Одна из них уже просмотрела базы данных всей страны и составила список всех возможных способов транспортировки. Сейчас она накапливает собственные базы данных о легковых автомобилях, грузовиках, самолетах и так далее. Даже о водных транспортных системах.

[1] Дик Трейси — в американской серии комиксов и кинофильмов полицейский сыщик, пользующийся для поимки преступников полуфантастическими изобретениями.

— Это здесь-то, в пустыне?

— Ну, отсюда не так уж далеко до Солтон-Си. А другие специализированные программы собирают разнообразные географические данные, особенно спутниковые фотографии местности за тот период, который нас интересует.

— Звучит неплохо. — Брайан встал. — Что-то у меня ноги затекли — не хотите пройтись?

— Конечно. — Они медленно пошли по дорожке. Она огляделась по сторонам. — Это что, военная база? Тут столько солдат...

— Это все мои, — сказал он и улыбнулся. — Видите, как они держатся вровень с нами?

— Ничего себе!

— Мне это тоже не слишком нравится. Но, понимаете, мне не слишком улыбается и перспектива четвертого покушения. В том-то и вопрос, способна ли система, которую вы построили, помочь нам поймать этих мерзавцев? Ваш Дик Трейси пока еще не напал на какой-нибудь след?

— Еще нет. Пока он только обрабатывает данные.

— Тогда сбросьте его в ГБП и везите сюда. У большого компьютера, на котором я тут работаю, такая мощность, что вам вполне хватит.

— Это, конечно, намного ускорит дело. Мне понадобится день-два, чтобы все там закончить. — Она взглянула на солнце. — Пожалуй, мне пора. Я уверена, что управлюсь к среде, скопирую все свои заметки и привезу ГБП в четверг утром.

— Прекрасно. Я провожу вас до караулки — приближаться к выходу мне запрещено — и скажу Вуди, о чем мы договорились.

Когда она ушла, он подумал, что надо было попросить ее скопировать для него и «ламу-3.5», но тут же рассмеялся собственной тупости. Давно прошли времена, когда программы хранили на дискетах — разве что строго засекреченные. Он направился в лабораторию. Скорее всего копия программы есть где-нибудь там на компакт-диске, а если и нет, можно перегрузить ее из базы данных.

Да, к этому старому новому миру 2024 года еще привыкать и привыкать.

Глава 22

21 февраля 2024 года

Когда наутро Брайан подошел к лаборатории, его там ждали Беникоф и Евгений.

— У Евгения сегодня последний день здесь, он хочет перед отъездом еще раз пройтись с тобой по всей системе.

— Что, Евгений, возвращаетесь к себе в Сибирь?

— Да, уже скоро, надеюсь, — тут у вас слишком жарко. Но сначала будет техническая учеба в Силиконовой долине — последние конструкции железок. США их делают, Россия их покупает, а я их обслуживаю. И помогаю разрабатывать следующие модели. А за это хорошо платят в рублях, уж будьте уверены.

— Ну, желаю вам успеха — и побольше рублей. А что мы будем сейчас делать, Бен?

Брайан дотронулся большим пальцем до панели, и дверь, щелкнув, открылась.

— Последняя проверка. Все оборудование установлено и работает. Евгений — прекрасный техник.

— Напишите это на бумаге — такая рекомендация принесет мне еще больше рублей.

— Напишу, не беспокойтесь. Но имейте в виду — после вашего отъезда нам здесь не должны понадобиться никакие другие техники.

— Правильно. Только если будет общий сбой и вся система выйдет из строя?

— А тут не одна система — это сеть из нескольких систем. И в каждой хранится копия общей программы, где есть все, что нужно для диагностики каждой машины. К тому же вся память и результаты диагностики каждые несколько минут копируются из каждой машины в несколько других. Значит, если что-то будет неладно, мы скорее всего сможем восстановить функции полностью. В самом худшем случае потеряем только то, что сделано за последние несколько минут.

— Да. И скорее всего вообще ничего не потеряете. А если что-то будет не так, сообщите мне по электронной почте.

«Посетители у входа», — раздался голос компьютера, следившего за безопасностью. Брайан нажал на клавишу, и на экране появилась картина, переданная наружной телекамерой. Между двумя солдатами, вытянувшимися по стойке «смирно», стояла капитан Кан.

— Сейчас вернусь, — сказал Брайан, подошел к входной двери и, приложив палец к панели, отпер ее.

— Надеюсь, я не слишком рано? Это майор сказал мне, что вы уже здесь.

— Нет, как раз вовремя. Давайте я покажу вам ваш терминал и помогу устроиться. Наверное, вы хотите сначала перегрузить вашу программу и базы?

Она вынула из сумочки ГБП.

— У меня все здесь. Я не хотела пересылать это по обычным линиям связи. Сейчас это единственный экземпляр — все остальное в полицейском компьютере стерто. Там ужасно много засекреченных материалов, посторонним их видеть незачем.

Он отвел ее к отгороженной кабинке в дальнем конце лаборатории.

— Здесь пока только терминал, стол и стул, — сказал он. — Если понадобится что-нибудь еще, скажите.

— Хватит и этого.

— Готово, — сказал Бен, вставая и потягиваясь. — Я все проверил. Евгений поработал на славу. Все инструкции по доступу и работе с программами здесь, в памяти.

— Я хочу посмотреть, только подождите минутку. Приехала Шелли, и мы сможем поговорить с ней, как только она кончит загружать свою экспертную программу. Прекрасный случай узнать, чего она добилась.

Они проводили Евгения до выхода. Он крепко пожал им руки.

— Надежного вам оборудования и интересной работы.

— Всего наилучшего — и побольше рублей.

— Да!

Когда они вошли, Шелли обернулась и обвела рукой пустую комнатку.

— Простите за такое гостеприимство.

— Сейчас принесу пару стульев, — сказал Бен. — И кофе. Кому еще? Никому? Значит, два стула и чашка кофе.

— Есть какие-нибудь результаты? — спросил Брайан.

— Кое-что есть. Я написала программу, которая связывает координатора баз данных с программой поиска и имеет удобный интерфейс. Она уже, по-моему, неплохо отлажена. Я поставила перед ней задачу раскрыть ограбление в «Мегалоуб». Она работает уже два дня и сейчас, вероятно, может ответить на кое-какие вопросы. Я решила сама туда не лазить без вас обоих — ведь расследованием руководите вы, Бен. Вас это интересует?

— Конечно. Как войти в программу?

— Я с самого начала пользовалась рабочим прозвищем Дик Трейси и боюсь, что оно уже прижилось. Нужно только оно и ваша фамилия.

— Хорошо. — Бен повернулся к терминалу. — Моя фамилия Беникоф, и мне нужен Дик Трейси.

— *Программа на линии, — ответил компьютер.* — В чем состоит задача?

— Найти лиц, совершивших преступление в лаборатории компании «Мегалоуб индастриз» 8 февраля 2023 года. Ты обнаружил этих преступников?

— Ответ отрицательный. Я пока не установил, как они скрылись и как было вывезено похищенное.

Брайан слушал в восхищении.

— Вы уверены, что это всего только программа? Звучит так, словно она прошла тест Тьюринга.

— Просто речевая программа, — сказала Шелли. — Я взяла готовую. Она берет слова и грамматику из языкового раздела системы «цик». Эти речевые программы всегда кажутся умнее, чем они есть, потому что и грамматика, и интонации у них такие безукоризненные. Но на самом деле они не очень-то понимают, что все эти слова означают. — Она обернулась к Бену. — Спрашивайте ее, Бен, спрашивайте — есть ли у нее какие-нибудь конкретные результаты. Можете говорить на обычном языке, там обширный лексикон выражений из полицейской практики.

— Хорошо. Скажи мне, Дик Трейси, какие версии ты разрабатываешь?

— Поиск сведен к трем возможным вариантам. Первый — похищенные материалы спрятаны поблизости, чтобы забрать их позже. Второй — они вывезены наземным транспортом. Третий — они вывезены по воздуху.

— И какие результаты?

— Спрятаны поблизости — крайне маловероятно. Наземный транспорт — вероятность выше. Однако если учесть все факторы, наиболее предпочтительный вариант — вывоз по воздуху.

Беникоф покачал головой и повернулся к Шелли.

— Что значит — наиболее предпочтительный? Компьютер мог бы выразиться и поточнее — например, в процентах или как-нибудь еще в этом роде.

— Почему бы вам не задать этот вопрос ему?

— Сейчас. Дик Трейси, выскажись точнее. Какова вероятность вывоза по воздуху?

— Я бы не хотел оценивать вероятность в ситуации со столь многими факторами, не поддающимися учету. Для таких ситуаций лучше оценивать приблизительное распределение, чем приводить цифры, которые производят обманчивое впечатление точных. Но если вы хотите, я могу приблизительно оценить правдоподобность разных вариантов в процентах.

— Хочу.

— Спрятаны поблизости — три процента. Вывезены наземным транспортом — двадцать один процент. Вывезены по воздуху — семьдесят шесть.

Бен удивленно раскрыл рот:

— Но ведь... Отключите программу. — Он повернулся к остальным, тоже стоявшим в изумлении. — Мы самым тщательным образом рассматривали эту версию — они просто никак не могли вывезти это отсюда по воздуху.

— Дик Трейси другого мнения.

— Значит, он знает что-то такое, чего не знаем мы. — Он снова повернулся к компьютеру. — Возобнови работу. На чем основана оценка варианта с транспортировкой по воздуху?

Некоторое время компьютер молчал, потом заговорил:

— Резюме обоснований не имею. Вывод основан на сопоставлении двенадцати тысяч промежуточных блоков в подсистеме анализа взаимосвязей программы поиска.

— Это обычный недостаток программ такого типа, — пояснила Шелли. — Почти невозможно узнать, как они приходят к тому или иному заключению, потому что они учитывают миллионы незначительных корреляций между обрывками данных. Почти невозможно сравнить это с тем, что мы называем логическим мышлением.

— Но это и неважно, ведь ответ все равно неправильный, — с раздражением сказал Беникоф. — Не забудьте, ведь расследованием занимался я. Аэропорт компании полностью автоматизирован. Основное движение — вертолеты, хотя здесь приземляются служебные и грузовые самолеты с вертикальным взлетом.

— А как работает автоматизированный аэропорт? — спросил Брайан. — Это не опасно?

— Менее опасно, чем под управлением людей, могу тебя заверить. Еще в 80-х годах выяснилось, что человеческие ошибки вызывают больше аварий, чем человеческое вмешательство их пре-

дотвращает. Перед вылетом каждый самолет обязан представить план полета. Данные поступают прямо в компьютерную сеть, так что каждый аэропорт знает, кто куда вылетает или прилетает и кто пролетает поблизости. Когда самолет оказывается в поле зрения радара, он опознается по сигналу транспондера и получает разрешение на посадку или какие-нибудь другие указания. А здесь, в «Мегалоуб», все полеты, разумеется, контролируются и регистрируются службой безопасности.

— Но служба безопасности весь тот решающий час бездействовала.

— Это неважно. Все зафиксировано еще и аэропортом Боррего, и региональной радарной станцией Федерального авиационного управления. Все три комплекта записей совпадают, а техническая экспертиза показала, что подчистки в любом из них исключены. Мы имеем подлинную информацию о движении всех самолетов в ту ночь.

— А были за этот час какие-нибудь прилеты или вылеты из аэропорта?

— Ни одного. Последний вылет был по меньшей мере часом раньше — вертолет в Ла-Хойю.

— А какую территорию охватывает радар? — спросил Брайан.

— Большую. Это стандартная установка с радиусом действия около двухсот сорока километров. Восточнее Боррего он достает до самого Солтон-Си и до гор на другом его берегу. Минимум на семьдесят-восемьдесят километров. В других направлениях меньше — из-за холмов и гор, которые окружают долину.

— Дик Трейси, возобнови работу, — сказала Шелли. — Сколько полетов было зафиксировано радаром «Мегалоуб» на протяжении тех суток?

— Восемнадцать в аэропорту «Мегалоуб». Двадцать семь в аэропорту Боррего-Спрингс. Сто тридцать один транзитный пролет.

— Боррего-Спрингс всего в тринадцати километрах отсюда, — сказала Шелли, — но у них за это время и вообще за ту ночь не было ни одной посадки и ни одного вылета. Все три комплекта данных о транзитных пролетах идентичны, если не считать несущественных мелких расхождений — они касались полетов, проходивших по самому краю поля зрения радара, которые не вылетали из долины и не садились здесь.

— А в этой пустыне, похоже, оживленное воздушное движение, — заметил Брайан. — Сто семьдесят шесть самолетов за сутки. Почему?

— О служебных полетах «Мегалоуб» мы знаем, — ответил Бен. — В Боррего-Спрингс есть несколько коммерческих рейсов, остальное — частные самолеты. Транзитные полеты — тоже, плюс несколько военных. В общем, нам по-прежнему ничего не известно. Дик Трейси говорит, что материалы вывезены по воздуху. Но никаких вылетов из долины не было. Как же их могли вывезти? Ответьте на этот вопрос, и вы получите решение всей проблемы.

Бен сформулировал вопрос точно: как их могли вывезти? Получался парадокс — похищенное должны были вывезти по воздуху, но никаких вылетов не было.

Брайан слышал этот вопрос. И его вживленный компьютер — тоже.

— Из долины — на грузовике. С территории — по воздуху, — произнес вдруг Брайан.

— Что вы имели в виду? — удивилась Шелли.

— Не знаю, — сознался он. — Это не я сказал, а мой компьютер. — Он постарался удержаться от улыбки при виде их удивленных физиономий. — Ладно, об этом поговорим как-нибудь в другой раз. А пока давайте над этим подумаем. Далеко ли мог уехать грузовик?

— Мы еще в самом начале расследования занимались этим на компьютерной модели, — сказал Бен. — Максимальное число людей, которые могли грузить оборудование, не путаясь друг у друга под ногами, — восемь. Переменные здесь такие: время, чтобы доехать от ворот к лаборатории, время погрузки, обратный путь до ворот. Вне территории, от ее ворот, самая вероятная цифра — сорок километров при скорости девяносто километров в час. Все дороги были перекрыты, как только поступило сообщение об ограблении, намного дальше этой сорокакилометровой зоны. Вся территория просматривалась радаром — и с вертолетов, и с наземных установок, а когда рассвело, началось прочесывание. Грузовик не мог никуда деться.

— Но он все-таки куда-то делся, — возразила Шелли. — А не могли этот грузовик вместе с грузом каким-нибудь способом вывезти по воздуху? Пустите меня к компьютеру, Бен. Я хочу, чтобы эта программа проверила все полеты, зарегистрированные в тот день в радиусе ста пятидесяти и трехсот километров.

— А не могли преступники стереть данные об этом полете? Чтобы не было никаких следов?

— Не могли. Все записи радаров и информация с экрана каждого диспетчера полетов хранятся на протяжении года в архивах

Федеральной авиационной службы. Хороший хакер[1] много чего может сделать, но система управления полетами просто слишком сложна и слишком избыточна. Каждый полет так или иначе регистрируется в сотнях, может быть, даже тысячах разных мест.

Шелли вся погрузилась в работу с компьютером, не поднимая головы и не обращая на них внимания.

— Шелли ничего не знает о вживленном компьютере, — сказал Бен. — Это ты о нем говорил?

— Да. Я еще не успел вам рассказать, но мы с доктором Снэрсбрук кое-чего добились — я могу получать доступ к нему чисто мысленно.

— Но это... Просто невероятно!

— Мы тоже так думаем. Я велел ему проделать кое-какие вычисления, вот с чего все началось. Во сне — можете себе представить? И я могу считывать данные из его памяти. Это очень интересно и немного страшно. Мне надо будет еще привыкнуть. У меня теперь на плечах не просто голова, и я не уверен, что мне это по душе.

— Но, во всяком случае, ты жив и здоров, — мрачно произнес Бен. — Я видел, что натворила та пуля...

— Не говорите мне об этом! Может быть, как-нибудь потом. Вообще я хотел бы на некоторое время обо всем забыть и заниматься только искусственным интеллектом. А вы с Шелли работайте с Диком Трейси. Мне не нравится прятаться, и мне не по себе, когда надо мной постоянно висит угроза. Я начинаю чувствовать себя, как Салман Рушди[2] — помните, что с ним в конце концов случилось? Я хотел — как бы это сказать? — заново построить свою жизнь. Стать таким же нормальным, как и все вы. А теперь я начинаю чувствовать себя каким-то выродком.

— Нет, Брайан, никогда так не думай. Ты молодец, только тебе слишком досталось. Все, кто с тобой работает, восхищены твоим мужеством. Мы на твоей стороне.

К этому мало что можно было добавить. Бен извинился и ушел. Брайан вызвал на экран свою вчерашнюю работу — он пытался переписать свои заметки в более полном и читабельном ви-

[1] Программист, который без разрешения проникает в компьютерные системы с целью использования или изменения содержащейся в них информации и программ.

[2] Современный поэт, приговоренный иранскими фундаменталистами к смерти за кощунственные высказывания о Коране, которые, по их мнению, содержались в его стихах, опубликованных в Англии, и с тех пор вынужденный скрываться.

де, — но обнаружил, что ничего не понимает. Он был подавлен и чувствовал усталость. В ушах у него зазвучал голос доктора Снэрсбрук с ее обычным советом: «Да, понимаю, приляг и отдохни». Он сказал Шелли, что вернется позже, и отправился к себе.

Должно быть, он задремал, потому что технический журнал лежал у него на груди, а солнце уже садилось за горы на западе. Он все еще испытывал сильнейшую депрессию и подумал, не позвонить ли доктору, но решил, что дело пока не настолько серьезно. Может быть, это комната так на него действует. Он проводил теперь в одиночестве больше времени, чем в госпитале: там, по крайней мере, к нему то и дело кто-нибудь заглядывал. Здесь же ему даже принимать пищу приходилось одному, хотя к этому он привык довольно быстро.

Он вернулся в лабораторию в самом конце дня. Шелли уже заканчивала и, наскоро попрощавшись, ушла, целиком поглощенная мыслями о работе. Брайан запер за ней дверь и зашагал в другую сторону. Может быть, от свежего воздуха ему станет легче. Или от ужина: уже темнело, а он снова забыл пообедать. Он направился вокруг озера к караулке. Спросив, здесь ли майор, он был сразу препровожден в его кабинет.

— Есть какие-нибудь жалобы или пожелания? — спросил Вуди, как только они оказались одни.

— Жалоб никаких, по-моему, ваши люди работают замечательно. Никогда не путаются под ногами, но, когда я выхожу из лаборатории, поблизости всегда кто-нибудь есть.

— И не просто кто-нибудь, можете быть уверены! Но я передам им, что вы сказали. Они стараются изо всех сил и выполняют свои обязанности чертовски хорошо.

— И скажите поварам, что еда мне тоже нравится.

— Камбуз будет в восторге.

— Камбуз?

— Ну, это где готовят жратву.

— Жратву?

Вуди улыбнулся:

— Вы до мозга костей гражданский человек. Придется обучить вас солдатскому языку.

Оба рассмеялись.

— Вуди, я, конечно, гражданский, но нельзя ли мне наравне с солдатами иногда есть у вас на камбузе?

— Сколько угодно. Хоть каждый день.

— Но ведь я не служу в армии.

Обычная перекошенная усмешка на лице майора превратилась в широкую улыбку.

— Мистер, вы работаете на армию. Вы — единственное оправдание тому, что все мы находимся здесь, а не прыгаем каждый день с парашютом. А большинство ребят будут рады познакомиться с вами и поговорить. — Он взглянул на электронные часы на стене. — Пиво пьете?

— Еще бы!

— Тогда пошли. Выпьем пива в клубе, а в шесть откроется обжираловка.

— Там и клуб есть? В первый раз слышу.

Вуди встал и пошел впереди.

— Это военная тайна — очень надеюсь, что вы ни словом не проговоритесь о ней гражданским из «Мегалоуб». Насколько я знаю, во всем здешнем заведении, кроме нашего расположения, строгий сухой закон. Но вот это здание в настоящий момент является местом базирования моей десантной команды. А на всех военных базах есть офицерские клубы, а кроме них, отдельные клубы для старшин и солдат. Но наша команда слишком мала, чтобы напиваться по отдельности, поэтому у нас клуб общий.

Он открыл дверь с надписью «Служба безопасности — вход только для военнослужащих» и провел его внутрь. Комната была небольшая, но за те несколько недель, что десантники провели здесь, они ухитрились придать ей некоторый уют. Доска для игры в дротики на стене, несколько флагов, вымпелов и фотографий, плакат, изображающий обнаженную девушку с огромными грудями, столы и стулья. И бар, уставленный бутылками, с краном для пива.

— Как насчет сингапурского пива «Тигр»? — спросил Вуди. — Мы только что открыли свежий бочонок.

— Никогда о нем не слыхал и тем более не пробовал. Наливайте!

Пиво было холодное и необыкновенно вкусное, а в клубе оказалось очень интересно.

— Парни скоро начнут подходить. Они будут рады с вами познакомиться, — сказал Вуди, наливая еще по бокалу. — Я хочу попросить вас только об одном — не говорить с ними о вашей работе. Сами они о том, что делается в лаборатории, заговаривать не станут — есть такой приказ, — и вы тоже не начинайте. Черт возьми, даже я не знаю, чем вы там занимаетесь, и знать не хочу. Нам сказали, что это совершенно секретно, и этого достаточно. А обо всем остальном можете травить сколько угодно.

— Травить? Мой словарный запас растет с каждой минутой!

Один за другим стали появляться солдаты — некоторые лица были ему знакомы, он видел их на посту. Им было явно приятно наконец познакомиться с ним лично и пожать ему руку. Он был их ровесник, в сущности, даже старше многих, и с удовольствием слушал их грубоватую дружескую болтовню и россказни о невероятных сексуальных подвигах, из которых узнал несколько замечательных ругательств — таких он и вообразить себе не мог. И все это время он и виду не подавал, что ему всего четырнадцать лет. Он взрослел на глазах!

Солдаты рассказывали анекдоты, обменивались старыми шутками. Он тоже принимал участие в разговоре. Его спросили, из какой части Штатов он родом, — спросили вежливо, но с намеком на его ирландский выговор, который вызывал у них недоумение. Солдаты-ирландцы накинулись на него с расспросами и жадно слушали его рассказ о детстве, проведенном в Ирландии. Потом они все вместе отправились ужинать — ему сунули в руки поднос и наперебой давали советы, что нужно есть, а что не нужно.

В общем и целом вечер прошел весело, и он решил бывать в солдатской столовой как можно чаще. Вся эта болтовня и дружеская обстановка — не говоря уж о выпитом пиве — совершенно разогнали его мрачное настроение. Прекрасные парни. Начинать свой день он собирался по-прежнему в одиночестве с кофе и поджаренного хлеба, потому что терпеть не мог ни с кем говорить с самого утра. На обед он привык готовить себе бутерброд, который брал с собой в лабораторию. Но ужинать он решил теперь только в обществе — во всяком случае, в окружении той его части, которую представляла 82-я авиадесантная дивизия. Между прочим, человечество было здесь очень неплохо представлено — тут были белые и черные, азиаты и латиноамериканцы, и все — прекрасные парни.

Он уснул с улыбкой, и в эту ночь дурные сны его не беспокоили.

Глава 23

22 февраля 2024 года

Когда на следующее утро Шелли вышла из гостевого корпуса «Мегалоуб», Брайан сидел на краю вазона с декоративной пальмой.

— Ну и как вам там? — спросил он, когда они направились к

лаборатории, спереди и сзади сопровождаемые телохранителями.

— Обстановка спартанская, но в общем удобно. Судя по всему, обычно в этих апартаментах останавливаются приезжие коммивояжеры или служащие, которые опоздали на последний авиарейс. Один раз переночевать здесь вполне можно, но на второй день становится немного тоскливо. Впрочем, не так уж это отличается от самой первой армейской казармы, куда я попала. Уж несколько дней я продержусь.

— Неужели вам не нашли места получше?

— Этим занимается жилищный отдел «Мегалоуб». Сегодня они повезут меня смотреть квартиру тут поблизости. В три часа дня.

— Желаю успеха. Как дела у Дика Трейси?

— Возни с ним много. Когда я сочиняла эту программу, я и представления не имела, сколько в стране баз данных. Наверное, это компьютерный вариант закона Мэрфи: чем больше у тебя памяти, тем больше информации, чтобы ее занять.

— Ну, у здешнего центрального процессора такая память, что занять ее вам будет не так просто.

— Это уж точно!

Он отпер дверь лаборатории и придержал ее, пропуская Шелли вперед.

— У вас будет сегодня время немного поработать со мной? — спросил он.

— Да, примерно через час — годится? Я должна получить разрешение на доступ к кое-каким секретным базам данных, в которые хочет заглянуть Дик Трейси. Что, вероятно, потребует доступа к новой секретной информации.

— Хорошо.

Но не успел он сделать и нескольких шагов, как она окликнула его:

— Брайан! Идите-ка сюда, взгляните вот на это. — Она пристально вгляделась в экран, потом нажала на клавишу, и из принтера показалась распечатка, которую она протянула Брайану. — Дик Трейси работал всю ночь. Вот это было на дисплее, когда я сейчас вошла.

— А что это такое?

— Стройплощадка в Гуатэе. Кто-то строит там роскошные сборные домики. Дик обратил внимание на интересный факт: стройка находится почти в точности под линией полета самолетов, которые заходят на посадку в аэропорт Сан-Диего — Мирамар.

— Я, должно быть, совсем тупой, но я не вижу связи...

— Сейчас увидите. Во-первых, при таком оживленном воздушном движении местные жители воспринимают звук летящих самолетов как постоянный шумовой фон — наподобие шума прибоя на морском берегу, через некоторое время его просто перестаешь слышать. Во-вторых, до этой стройплощадки довольно трудно добираться — она очень живописна, но находится на склоне горы, и детали домиков доставляются туда грузовым вертолетом. Огромным «ТС-69». Он поднимает до двадцати тонн.

— Или грузовик с полным грузом! Где у вас карта?

— Эта программа имеет доступ к базам данных, где хранятся полные комплекты результатов спутниковых и наземных топосъемок. — Она повернулась к компьютеру: — Дик Трейси, покажи мне синтезированную карту и предполагаемый маршрут.

Цветное изображение на экране было настолько ярким, четким и правдоподобным, что его можно было принять за кинокадр, снятый с птичьего полета. Программа показала мультипликационное изображение грузовичка, следующего по трассе, обозначенной пунктиром, и все данные о курсе и высоте. Трасса пересекла экран и закончилась мерцающим крестиком на ровном поле неподалеку от шоссе С-3.

— А что видит радар из аэропорта Боррего-Спрингс?

Еще одно великолепное изображение, похожее на фотографию, — на этот раз с наземной точки.

— А теперь наложим на него место посадки.

Крестик появился снова — казалось, он находится глубоко в недрах горы.

— Вот оно — предполагаемое место посадки. Все, что восточнее, просматривается радаром из Боррего-Спрингс. А это место лежит по другую сторону горы, в радарной тени. Теперь наложим на это предполагаемую линию полета.

По экрану протянулась пунктирная линия.

— И вся она проходит по другую сторону гор! — торжествующе воскликнула Шелли. — Вертолет мог вылететь со стройплощадки, долететь до этого поля, подождать там, пока не подъедет грузовик, забрать его и улететь с ним тем же путем.

— А как же радар здесь, в «Мегалоуб»?

На этот раз картина на дисплее выглядела немного иначе, но предполагаемый маршрут по-прежнему пролегал вне пределов видимости.

— Теперь еще один важный вопрос — сколько времени нужно, чтобы доехать отсюда до того места?

— Думаю, что программа сможет нам это сказать: в ее базе данных хранятся сведения обо всех грузовых фургонах, какие есть в этом районе.

Она дотронулась пальцем до условного изображения грузовичка на дисплее, и под ним открылось окно с текстом.

— От шестнадцати до двадцати минут езды отсюда, в зависимости от скорости грузовика. Значит, будем считать — шестнадцать, потому что они должны были ехать так быстро, как только могли, не привлекая внимания.

— Похоже, что это оно и есть! Я должен позвонить Беникофу.

— Уже сделано. Я велела компьютеру сообщить по сети, чтобы его вызвали сюда немедленно. Теперь давайте выясним, далеко ли мог улететь вертолет с грузовиком за эти решающие двадцать минут.

— Вы хотите опросить все радарные установки по ту сторону гор, в поле зрения которых он мог попасть?

Шелли отрицательно покачала головой:

— Не нужно, Дик так и сделал. Это на краю поля зрения аэропорта Мирамар в Сан-Диего. Конечно, возможно, что записи дальних радаров уже не сохранились, но я же говорила про компьютерную память: пока она не заполнена, никто не обращает на нее внимания. Сейчас программы никогда не стирают все полностью — просто когда память или банк данных почти заполнены, новая информация записывается поверх наименее важной. Так что всегда есть шанс, что кое-какие старые записи сохранились.

Бен приехал сорок минут спустя. Брайан впустил его.

— Возможно, Бен, мы нашли, что искали. Как мог грузовик выбраться из долины за этот час. Идите взгляните.

Они продемонстрировали ему схемы. Бен молча смотрел на экран, а когда все закончилось, изо всех сил стукнул себя кулаком по ладони, вскочил и зашагал взад и вперед по комнате.

— Ну да, конечно! Безусловно, именно так они и могли сделать. Грузовик выехал отсюда и отправился в это место, чтобы встретить вертолет, который, может быть, даже и не садился. К грузовику могли приделать крючья и зацепить их тросом с вертолета. Подъехали, подцепили — и улетели. Потом по воздуху над этими тремя перевалами — и на какую-нибудь отдаленную посадочную площадку по ту сторону гор. Так, чтобы их не видели, но неподалеку от какой-нибудь дороги, которая выведет их на шоссе. Значит, вместо того, чтобы ползти по дороге, грузовик

летел со скоростью двести километров в час и покинул зону поиска задолго до того, как были перекрыты дороги. И поехал себе по шоссе среди тысяч других грузовиков. Кажется, в этом безнадежном деле появляется кое-какая надежда.

— Что вы теперь будете делать? — спросил Брайан.

— Вряд ли здесь так много мест, где можно сесть, так что мы скорее всего найдем то, где сели они. Мы сделаем две вещи — и обе одновременно. Полиция прочешет всю территорию под их маршрутом и облазит все с микроскопом, чтобы отыскать возможное место посадки. Они будут искать следы, колеи от колес, очевидцев, которые в ту ночь могли что-нибудь видеть или слышать, — любые доказательства того, что так на самом деле и было. Я присмотрю за этим сам.

— Но эти мерзавцы работали осмотрительно. Наверняка они замели все следы.

— Не думаю. Здесь у нас пустыня, а не населенная местность, у нее очень ранимая экология. Даже царапина на земле в пустыне сохраняется десятки лет. А в это время ФБР займется документацией строительных компаний и фирм по прокату вертолетов. Теперь мы знаем, где искать, и, если будем внимательны, должны найти какие-нибудь улики. Хотя бы что-нибудь. Выпусти меня отсюда, Брайан.

— Пожалуйста. Будете держать нас в курсе?

— В тот самый момент, как мы что-то найдем, у тебя зазвонит телефон. У вас обоих. — Он похлопал по корпусу монитора. — Ты молодец, Дик Трейси.

— Я оставлю программу работать, — сказала Шелли, когда Брайан, заперев дверь за Беном, вернулся. — Она уже много нам дала, но очень может быть, что больше ничего не сможет сделать без какой-нибудь новой информации. Вы говорили, что хотели бы сегодня со мной поработать.

— Верно, говорил, только это подождет. Я все равно не смогу толком сосредоточиться, пока не позвонит Бен. Вот что я сделаю — покажу вам в общих чертах конструкцию, которую мы будем собирать. Почти все составные элементы искусственного интеллекта у меня есть, но пока мозгов у них меньше, чем у младшего лейтенанта.

— Брайан! Где это вы научились таким выражениям?

— А, должно быть, по телевизору слышал. Пошли.

Брайан быстро отвернулся, чтобы она не видела, как он покраснел. Придется впредь быть поосторожнее с новыми солдат-

скими словечками, которые он усвоил. В волнении он совсем забыл, что Шелли — офицер авиации.

Они вошли в лабораторию Брайана.

— Боже, что это? — спросила она, указывая на странное сооружение, стоявшее на рабочем столе. — Я никогда ничего подобного не видела.

— И неудивительно. Таких существует всего с полдюжины, не больше. Это последнее достижение микротехнологии.

— Больше похоже на дерево, которое вытащили из земли вместе с корнями.

Сравнение было довольно точным. Верхняя часть сооружения действительно напоминала раздвоенный ствол дерева, который заканчивался двумя торчащими вверх многосуставчатыми металлическими сучьями сантиметров по тридцать длиной. На конце каждого сука были укреплены металлические шары, очень похожие на елочные украшения. Снизу у машины тоже было два отростка, но они выглядели совсем иначе. Каждый из них раздваивался и снова раздваивался, казалось, до бесконечности, становясь все тоньше, так что веточки на нижних концах были не толще щетинок.

— Железная метла? — спросила Шелли.

— Да, отчасти похоже, только намного сложнее. Это тело, которое вместит наш будущий искусственный интеллект. Впрочем, сейчас его физическая оболочка меня не особенно волнует. В производстве роботов широко используются модульные конструкции — почти все их можно взять готовыми. Даже компьютеры собирают из модулей.

— Значит, вы больше занимаетесь программами.

— Вот именно. И это не столько обычное программирование, сколько конструирование анатомии мозга: какие части коры и среднего мозга какими нервными пучками соединить. По правде говоря, пучки будут такие же, какие пришлось восстанавливать, когда делали операцию на моем собственном мозге.

Шелли уловила в его словах боль и быстро перевела разговор на другую тему.

— Но я не вижу никаких проводов. Это значит, что вы передаете информацию непосредственно в каждый сустав?

— Угу. Все модули соединены сетью беспроволочной связи. Каналов хватает, скорость достаточная. Штука в том, что каждый сустав почти автономен. У него свои двигатели и свои датчики. Так что к каждому из них нужно подвести только энергопитание.

— Замечательно! Механика выглядит удивительно просто. Ес-

ли какой-нибудь сустав выйдет из строя, его просто заменяют, и больше ничего трогать не надо. Но программы, наверно, ужасно сложные.

— И да и нет. Сам код — это что-то страшное, но почти весь его автоматически создает система «лама». Посмотрите — немалая ее часть уже работает.

Брайан подошел к терминалу, стоявшему на столе, запустил программу управления и нажал несколько клавишей. Телеробот на столе встрепенулся и зажужжал. Послышался шорох — суставы пришли в движение и распрямились. На металлических шарах вверху раскрылись диафрагмы, и за ними стали видны линзы объективов. Они повернулись из стороны в сторону и застыли. Шелли подошла и стала внимательно их разглядывать.

— А не лучше будет устроить три глаза, а не два?

— Почему?

— Стереовидение двумя глазами может допускать ошибки, а третий глаз способен их исправлять. Предметы станут лучше видны, легче будет определять их положение и опознавать. — Она обошла вокруг робота. — Похоже, что у него есть все, кроме мозга.

— Верно — и это то, чем я буду заниматься теперь.

— Здорово. С чего начнем?

— С самого начала. Я намерен следовать своим первоначальным наброскам. Прежде всего мы вводим в систему огромный запас заранее запрограммированных общеизвестных знаний. Потом добавляем все дополнительные программы, которые понадобятся ему для выполнения любой работы. И достаточное количество запасных, альтернативных блоков, в том числе и координационных, чтобы система продолжала работать даже при отказе некоторых из них. Конструирование искусственного сознания немного похоже на эволюцию животного организма, и я хочу воспользоваться принципами управления мозгом, которые возникли в ходе эволюции. Так в конце концов мы получим систему, которая не будет ни слишком централизованной, ни чересчур распределенной. В сущности, некоторые из этих идей уже использованы вот здесь, в Робине-1.

— А почему вы его так окрестили?

— Так он назван в моих заметках — очевидно, это сокращение от «робота, наделенного интеллектом».

— Вы сказали, что часть системы вашего сообщества координаторов уже подключена. Вы мне не покажете немного, как она работает? Потому что у подпрограмм в моем Дике Трейси тоже

есть координаторы — но не больше одного на каждую программу. Если бы их было больше, я не знала бы, где искать ошибку, когда будет сбой. Разве возможно заставить такую систему работать надежно?

— Наоборот, это даже легче, потому что каждый координатор работает в сотрудничестве с другими, альтернативными, так что если один откажет, другой займет его место. Вам станет понятнее, когда я приведу в порядок вот этот разъем. Передайте мне, пожалуйста, кусачки.

Шелли отошла к рабочему столу и принесла Брайану инструмент.

— Что вы только что сделали? — спросил Брайан.

— Принесла вам кусачки. А что?

— Потому что я сейчас объясню вам, как вы это сделали.

— Что вы хотите сказать? Я просто пошла к столу и принесла кусачки.

— Просто-то просто, но как вы узнали, далеко ли до них?

— Брайан, что за странные вопросы? Я посмотрела и увидела, что они на столе.

— Ничего странного нет, я только хочу, чтобы вы кое-что поняли. Почему вы приняли решение пойти за ними, а не просто протянуть руку?

— Потому что не дотянулась бы, вот почему.

— А как вы это узнали?

— А этот вопрос глупый. Я видела, на каком они расстоянии. Около двух метров. И дотянуться до них невозможно.

— Простите, я не собирался морочить вам голову. Я хотел, чтобы вы сформулировали, как вы это сделали. Другими словами, я спрашиваю, какой механизм в вашем мозгу вычислил расстояние от вашей руки до кусачек.

— Ну, не знаю. Это делается бессознательно. Наверное, расстояние оценили мои глаза.

— Да, но как они это сделали?

— Стереоскопически.

— Вы уверены, что оценили расстояние именно так?

— Не совсем. А может быть, по видимым размерам. И вообще я знаю, какое расстояние до стола.

— Вот именно. Так что на самом деле есть много способов определять расстояние. Мозг Робина должен работать, как ваш, а координаторы и субкоординаторы будут решать, какую систему в данном случае использовать.

— Все это было в ваших заметках?

— Да, и кое-что уже работает.

— И вы действительно добились, чтобы элементарные модули вашей системы могли самообучаться?

— Да. Пока большинство этих элементов — просто маленькие системки, которые руководствуются определенными правилами, — для определения расстояния, например, это десяток-другой правил. Элементы обучаются, добавляя к ним новые правила. А всякий раз, когда их мнения расходятся, система пытается найти другой путь, который не вызывает такого конфликта.

Послышалось жужжание телефона. Брайан приложил трубку к уху:

— Брайан слушает.

— Это говорит Беникоф, мистер Дилени. Если вы не очень заняты, не могли бы вы прийти к нам на совещание в административный корпус? И капитан Кан тоже. Дело довольно важное.

Голос Бена звучал холодно и безлично. Кто-то стоял рядом с ним — и что-то случилось.

— Сейчас будем. — Брайан положил трубку. — Это Бен, он говорит, что там идет какое-то важное совещание. И судя по его голосу, так оно и есть. Он приглашает нас обоих.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас. Я отключаю Робина — пойдем и выясним, что там стряслось.

Бен говорил таким тоном, что Брайан не удивился, увидев во главе стола молчаливую фигуру генерала, а рядом с ним — двух офицеров в больших чинах.

— Никак это сам генерал Шоркт? — произнес Брайан с сильнейшим ирландским акцентом. — Точно, он самый. Надо же, такой большой человек — и тратит на нас время!

Генерал прекрасно помнил их последнюю встречу в больничной палате, и глаза его злобно сверкнули. Он обернулся к Беникофу.

— Эта комната защищена от подслушивания?

— На сто процентов. Здесь есть все нужные устройства, а кроме того, перед самым нашим приходом ее проверяла служба безопасности.

— Тогда объясните, почему вы утаиваете от меня информацию и почему вы отказались объясниться в отсутствие этих людей.

— Генерал Шоркт, не стоит превращать всякий разговор в конфронтацию, — ответил Бен, стараясь сохранять спокойствие. — Мы с вами на одной стороне, — точнее говоря, все мы здесь на одной стороне. Я сожалею о наших прошлых размолв-

ках, но пусть они и остаются в прошлом. С Брайаном вы уже знакомы. Это капитан Кан, она помогает мне в моем расследовании. Она написала экспертную программу, благодаря которой мы и получили новую информацию — первый важный шаг вперед, который удалось сделать в этом деле. Капитан имеет допуск к совершенно секретным материалам, это вы должны знать, поскольку наверняка подвергли ее проверке, как только она была сюда прикомандирована. Она подробно доложит обо всех новостях, как только вы сообщите нам, что вам известно о покушениях на жизнь Брайана.

— Я сообщил вам все, что вам следует знать. Докладывайте, капитан.

Шелли, сидевшая в напряженной позе, начала было говорить, но Беникоф жестом остановил ее.

— Подождите минуту со своим докладом, капитан. Генерал, как я уже сказал, не надо устраивать конфронтацию. Позвольте напомнить вам некоторые факты, имеющие отношение к делу. Руководить этим расследованием мне поручено самим президентом. Я уверен, вы не хотите, чтобы я обратился к нему за указаниями — во второй раз?

Генерал Шоркт промолчал, но на лице его застыло выражение холодной ненависти.

— Хорошо, я рад, что этот вопрос ясен. Если хотите, можете убедиться, что и Брайан имеет допуск к любой информации, касающейся этого дела. И он, и я хотели бы знать все, что вам известно о двух недавних покушениях на его жизнь. Прошу вас.

Бен с улыбкой сел.

Генерал, человек бывалый, не мог не понять, что оказался прижатым к стене.

— Полковник, доложите о результатах операции «Пробный камень» в той части, которая касается данного расследования.

— Слушаюсь, генерал. — Полковник взял лежавшую перед ним на столе пачку бумаг. — Это совместная операция, которую проводят одновременно в нескольких странах вооруженные силы и службы по борьбе с наркотиками. Она представляет собой решающий этап многолетней работы. Как вам, несомненно, известно, благодаря перепланировке и реконструкции центральных районов крупных городов на протяжении последнего десятилетия удалось существенно потеснить, если вообще не искоренить, международную систему торговли наркотиками на самом низшем, наиболее криминальном ее уровне. Все мелкие наркобароны ликвидированы, осталось лишь два крупнейших международных картеля, практически неподконтрольных правительствам своих стран. Они попали в поле зрения расследования, и в них были внедрены наши агенты. Сейчас мы близки к тому, чтобы раз и навсегда покончить с этими картелями. Однако в ходе операции выяснилось одно обстоятельство, к ней не относящееся. Мы узнали, что некая третья сторона, располагающая обширными возможностями, обратилась к ним за помощью в том, что здесь называют, если я не ошибаюсь, «налетом».

— Это покушение на меня в больнице? — спросил Брайан.

— Совершенно верно, сэр. Наш агент с большим риском для себя сообщил нам об этом. Сам он не знал, кто обратился в его организацию, он знал только, что есть договоренность о налете. С тех пор на этот счет не появилось никакой новой информации.

— А что вы знаете о нападении на нас в Мексике? — вмешался Бен.

— Мы убеждены, что единственным связующим звеном между этими двумя нападениями является мистер Дилени. Поскольку нападающих так и не удалось найти, это, конечно, всего лишь предположение. Кроме того, это второе нападение мне неподведомственно...

— Его расследованием руковожу я, — сказал другой офицер, хмурый седой полковник. — Моя фамилия Дэвис. Военная разведка. Это нас очень беспокоит, поскольку утечка имела место, очевидно, с военной базы. С военно-морской базы. — Его тон не оставлял сомнений в том, что он думает о военно-морском флоте и его базах.

— И что вам удалось выяснить? — спросил Беникоф.

— Мы обнаружили несколько нитей, которые сейчас прослеживаем. Однако мы не видим никакой связи между лицами, причастными к первому и второму нападениям.

— Позвольте мне подвести итог, — сказал Бен. — Если прикинуть, сколько стоили похищение в «Мегалоуб» и покушения на Брайана, получатся миллионы. Таким образом, нам известно, что некая хорошо обеспеченная сторона наняла наркомана, чтобы прикончить Брайана в больнице. Не добившись успеха, та же сторона, насколько мы можем судить, предприняла еще одну попытку в Мексике. Так, полковник?

— Это соответствует нашей оценке ситуации.

— Значит, на самом деле мы знаем, что некто с большими деньгами дважды пытался убить Брайана и оба раза потерпел неудачу. Можем ли мы предположить, что та же самая сторона совершила самый первый налет и похищение?

После недолгого молчания оба полковника неохотно кивнули; генерал по-прежнему сидел неподвижно.

— Значит, можно полагать, что нас интересуют одни и те же люди. Поэтому впредь я буду держать вас в курсе наших успехов — и убежден, что вы будете делать то же самое. Можно считать, что мы договорились, генерал?

— Договорились. — Это прозвучало так, словно заговорил камень. Бен улыбнулся всем сидящим за столом.

— Я рад, что все мы на одной стороне. Капитан Кан, расскажите, пожалуйста, о вашей экспертной программе и о результатах, полученных с ее помощью.

Доклад Шелли был четким, ясным и кратким. Когда она умолкла, все снова повернулись к Беникофу.

— Я проверил эту версию. Результаты пока что неплохие. Во-первых, в это время и в этом месте действительно пролетел вертолет — его зарегистрировал радар в Мирамаре. Следователи разыскали скотовода, над домом которого проходил расчетный маршрут полета. Его побеспокоил низко пролетевший вертолет — он помнит это, потому что шум помешал ему досмотреть конец фильма, шедшего по телевизору. Мы связались с телестудией и установили точное время.

— Вертолет нашли? — рявкнул генерал.

— После того как мы сопоставили все данные, отыскать его оказалось легче всего. По-видимому, это был «ТС-69», работавший на стройке. Любое другое летательное средство, прибывшее в данный район извне, должно было представить план полета, но ничего подобного зарегистрировано не было. Из документов компании по прокату вертолетов следует, что во второй половине того дня в вертолете были обнаружены неполадки в электропитании, и он не был выпущен в обратный путь. Машина не вернулась на аэродром Браун, к которому приписана, а осталась на стройплощадке в Гуатэе. На следующее утро туда привезли механика, который легко устранил неполадку, оказавшуюся незначительной. Настолько незначительной, добавлю я, что пилот мог бы и сам ее исправить: плохой контакт в одном из приборов.

— Вертолет летал той ночью? — спросил генерал.

— По документам — нет, — ответил Бен. — Это очень интересно. Сведения о полетах фиксируются на основании пилотской книжки, поскольку на летательных аппаратах, в отличие от автомобилей, нет спидометра, который показывал бы, сколько километров они пролетели. Но на каждом двигателе есть счетчик, показывающий, сколько часов он проработал. И здесь мы обнаружили расхождение. Пилот утверждал, что в ту ночь никуда не летал, машина оставалась на земле и улетела только на следующий день. Но это не соответствует показаниям счетчика на двигателе. А теперь мы подходим к самому интересному. Как только я сообщил об этой версии ФБР, там занялись этой компанией. Через два часа они уже задержали пилота — вот запись беседы, которую я с ним имел как раз перед тем, как пришел сюда.

Наступила мертвая тишина. Бен вставил кассету в стоящий на столе проектор. На дальней стене опустился из-под потолка экран, и свет в комнате померк. Камера находилась сзади Бена, и на экране был виден силуэт его головы. Яркий свет падал на лицо человека, сидевшего перед ним, и были хорошо видны все оттенки его выражения.

— Вы Орвил Родс? — услышали они голос Бена.

— Точно. Только никто меня так не зовет. Дасти Родс, вот как меня зовут, ясно? И вот еще что. Я вам уже все это раза два рассказывал, так что теперь скажите-ка мне вы, какого черта я тут делаю? И вообще, кто вы такой? Я знаю пока только одно — что меня приволокли сюда люди из ФБР, и без всяких объяснений. У меня тоже есть права.

Пилот был молод, крепко сложен, зол — и недурен собой. Он прекрасно знал, что девчонки по нем сохнут, — достаточно было видеть, как он разглаживает свои пышные светлые усы или быстрым движением головы откидывает назад волосы.

— Сейчас все объясню, Дасти. Только сначала ответь на несколько несложных вопросов. Ты пилот-вертолетчик и работаешь в компании «Скай-Хай»?

— Об этом вы меня тоже спрашивали.

— И в январе—феврале нынешнего года ты работал на одной стройке в Гуатэе, штат Калифорния?

— Да, примерно в это время я там работал.

— Хорошо. Теперь расскажи мне про один определенный день — среду 8 февраля. Ты помнишь этот день?

— Да бросьте вы, мистер, как вас там! Разве можно помнить какой-то определенный день через столько месяцев? — сердито отозвался Дасти, но глаза у него забегали, и стало ясно, что ему не по себе.

— А я уверен, что ты тот день помнишь. Это был один из трех дней, когда ты не мог летать из-за растяжения связок на запястье.

— Ах вот что? Тогда, конечно, помню. Так бы сразу и говори-

ли. Я сидел дома и пил пиво, потому что доктор не велел мне летать.

Он произнес это вполне чистосердечно, но в ярком свете были отчетливо видны бисеринки пота, выступившие у него на лбу.

— Кто подменил тебя на эти три дня?

— Какой-то другой пилот, компания его наняла. Почему бы вам не спросить у них?

— А мы у них спросили. Они говорят, что ты знал этого пилота, Бена Соубриджа, и что ты сам его рекомендовал.

— Это они так сказали? Может, они и правы. Давно дело было, — пробормотал он, моргая от яркого света и забыв про свои усы, которые совсем обвисли.

Когда Бен снова заговорил, от его голоса повеяло арктическим холодом.

— Послушай, что я сейчас скажу, Дасти, прежде чем будешь отвечать на следующий вопрос. Справка от врача о том, что у тебя было растяжение связок, хранится в документах компании. Она подложная. Известно также, что за несколько недель до и после того дня ты погасил задолженность по рассрочке за автомобиль и положил крупные суммы на свой счет в банке. Мы проследили происхождение этих сумм — они были переведены со счета в другом штате, на который 20 января было внесено двадцать пять тысяч долларов. Хотя тот счет был открыт на чужое имя, почерк на чеке твой собственный. Теперь два важных вопроса. Кто подкупил тебя этими деньгами и кто был тот пилот, которого ты рекомендовал себе на подмену на эти три дня?

— Никто никого не подкупал. А деньги эти — мой выигрыш, я ставил на скачки в Тихуане. Я, ну, в общем, не хотел впутывать в это налоговую службу, понимаете? А про пилота я вам уже говорил. Его зовут Бен Соубридж.

— Ни одному пилоту по имени Бен Соубридж никогда не выдавались летные права. Мне нужно знать правду о том, откуда взялись эти деньги. И мне нужно знать, кто этот пилот, — только ты лучше как следует подумай, прежде чем отвечать. Пока это еще не уголовное дело, и никаких обвинений против тебя не выдвигается. А если они будут выдвинуты, то тебе станет очень неуютно. Этот вертолет был использован для совершения серьезного преступления. Были жертвы. Тебя привлекут как соучастника. В лучшем случае обвинят в получении взятки, лжесвидетельстве, преступной неосторожности. У тебя отнимут летные права, наложат штраф и отправят в тюрьму. Это самое меньшее, чем может для тебя кончиться дело. А если будешь и дальше

упорствовать, я постараюсь, чтобы тебя судили еще и за убийство.

— Ничего я не знаю ни о каком убийстве!

— Это не имеет значения. Ты был добровольным соучастником. Но это самый худший вариант. Если ты мне поможешь, я помогу тебе. Если ты все чистосердечно расскажешь, вполне вероятно, что дело замнут, — в том случае, если ты сможешь вывести нас на тех, кто тебя подкупил. И еще раз предупреждаю — подумай, прежде чем отвечать. Они и не пытались замести следы этой взятки или уничтожить подложные документы. Потому что им на тебя наплевать. Они знали, что рано или поздно кто-нибудь догадается о твоей причастности, — и знали, что попадешься только ты.

Мокрые от пота волосы Дасти прилипли ко лбу, он в задумчивости теребил усы, которые уже потеряли всякую форму.

— Вы в самом деле сможете меня выручить? — выдавил он из себя наконец.

— Да. Тебе будет предъявлено не столь серьезное обвинение — а может быть, оно и вообще будет снято, если ты все расскажешь. Это можно устроить. Но только если ты сообщишь что-нибудь такое, что облегчит нам расследование.

Дасти широко ухмыльнулся и откинулся на спинку стула.

— Ладно, это можно. Запросто. Тот сукин сын, который заварил всю кашу, мне сразу не понравился. Я его ни разу не видел, но так и чувствовалось, что дело нечисто. Он позвонил мне и сказал, что если я ему помогу, мне на тот счет переведут деньги. Мне это было не по душе, но я сидел на мели. Деньги там уже лежали, мне прислали по почте бланк, чтобы я его подписал и потом мог их получить. А стоило мне начать эти деньги тратить, как он взял меня за горло, и выкрутиться я уже не мог.

— Он назвал себя? Сказал, о чем идет речь?

— Нет. Он только велел мне делать, что он скажет, и не задавать вопросов — и тогда деньги будут мои. Могу сказать про него только одно — он канадец.

— Откуда ты знаешь?

— Еще бы мне не знать, я ведь два года проработал в Канаде, как же не узнать поганого канадца по говору!

— Успокойся, — произнес Беникоф, и в его голосе прозвучала угроза. — К этому человеку мы вернемся позже. Теперь расскажи мне о пилоте.

— Знаете, я не хотел ни во что впутываться. Я пошел на это только потому, что позарез нужны были деньги. И долгов наде-

лал, и алименты меня совсем достали. Так что помогите мне — и я помогу вам. Вытащите меня из этой истории невредимым, и я расскажу вам такое, чего они сами не знали и чего даже я не знал, пока не появился этот пилот. Мне велели поручиться за него, и я сделал, как мне было сказано. Такой рослый, наглый сукин сын, а волосы, сколько их осталось, седые. Воевал во Вьетнаме или в Заливе, сразу видно по походке. Он как будто сквозь меня смотрел, но при этом делал вид, словно мы знакомы, чтобы ему разрешили лететь на вертолете. Такой был уговор. Я должен был сказать, что знаю его и рекомендую. И я все сделал, как было сказано. И был тогда очень доволен, как все сошло.

Дасти самодовольно улыбнулся и пригладил пальцем усы.

— Мы изображали, будто знаем друг друга, потому что такой был уговор. Только я вот что вам скажу. Этот старый козел, конечно, позабыл, но я его раньше один раз видел! И даже помню, как его звали, потому что потом один парень мне все уши прожужжал о том, какая это когда-то была важная птица.

— Ты знаешь его настоящее имя?

— Угу. Только сначала вы должны обещать...

Стул, на котором сидел Бен, с грохотом полетел на пол. Бен шагнул вперед, в поле зрения камеры, сгреб пилота за рубашку и поднял на ноги.

— Послушай, ты, дерьмо несчастное! Я тебе одно могу обещать — что ты сядешь в тюрьму на всю жизнь, если не скажешь громко и отчетливо, как звали того типа, — и сейчас же!

— Вы не имеете права...

— Имею. И будь уверен, сделаю!

Ноги пилота отделились от пола — Бен тряс его как тряпичную куклу.

— Имя!

— Пустите меня, я вам помогу! Чудное такое имя, наподобие иностранного. На слух по крайней мере. Не то Дотт, не то Ботт.

Бен медленно опустил его обратно на стул, нагнулся вперед, к самому его лицу, и тихо, угрожающе спросил:

— А может быть, Тотт?

— Ну да, точно! Вы этого типа знаете? Конечно, Тотт. Чудное имя.

Пленка кончилась, и голос умолк. Беникоф произнес:

— Тотт. Арпад Тотт был начальником службы безопасности здесь, в «Мегалоуб», когда все это случилось. Я сразу же обратился в архивы Пентагона. Оказывается, у него есть брат — Алекс Тотт. Пилот-вертолетчик, и он воевал во Вьетнаме.

Глава 24

22 февраля 2024 года

— За это возьмусь я, — сказал генерал Шоркт с видом мрачной решимости, и в голосе его прозвучал гнев. — Тотт. Алекс Тотт. Военный летчик!

— Отличная мысль, — согласился Бен. — Это по вашей части, и у вас есть для этого соответствующие органы. А мы, разумеется, будем продолжать расследование с нашего конца. Я предлагаю, чтобы мы с полковником Дэвисом поддерживали связь по меньшей мере раз в сутки, а если что-нибудь произойдет, то и чаще. Мы должны полностью информировать друг друга о своих действиях. Вы согласны, генерал?

— Согласен. Совещание окончено.

Оба офицера вскочили на ноги, вытянулись и вышли вслед за генералом.

— И вам тоже до свидания, генерал, — сказал Брайан ему в спину. — Бен, вы служили когда-нибудь в армии?

— К счастью, нет.

— А вы разбираетесь в том, как у военных устроены мозги?

— К несчастью, да. Только не хочу обижать офицера действительной службы, который здесь присутствует. — Бен увидел, как помрачнела Шелли, и улыбнулся, чтобы смягчить свои слова. — Это шутка, Шелли. Наверное, очень скверная, так что примите мои извинения.

— Не стоит, — ответила она, тоже слегка улыбнувшись. — Не знаю, с какой стати я должна защищать военных. Я записалась в корпус подготовки офицеров запаса, чтобы заработать на учебу в колледже. Потом завербовалась в военную авиацию, потому что это был единственный способ получить высшее образование. У моих родителей ларек на овощном рынке в Лос-Анджелесе. В руках кого угодно другого это была бы золотая жила. Только все дело в том, что мой отец — очень ученый талмудист, но никуда не годный коммерсант. А благодаря авиации я смогла добиться того, чего хотела.

— А теперь поговорим о наших делах, — сказал Брайан. — Как будет дальше двигаться расследование?

— Я намерен проследить все нити, которые обнаружились в истории с вертолетом, — сказал Бен. — А что касается экспертной программы — вашего хитроумного сыщика Дика Трейси, то это вам решать, Шелли. Что дальше?

Она налила себе стакан воды из графина, стоявшего на столе, и задумалась.

— Программа Дика Трейси все еще работает. Но я не думаю, чтобы она обнаружила что-нибудь новое, пока мы не введем в нее новые данные.

— Значит, у вас остается свободное время — и вы сможете вплотную заняться со мной искусственным интеллектом, — сказал Брайан. — Потому что то, что мы наработаем, потом будет загружено в программу Дика Трейси.

— Что-что? — в недоумении переспросил Бен.

— А вы подумайте немного. Сейчас в вашем расследовании вас интересует только совершенное преступление. Очень хорошо — надеюсь, вы добьетесь успеха раньше, чем они доберутся до меня опять, потому что иначе мне крышка. Но мы должны посмотреть на это и с другой стороны. Вы задумывались над тем, что именно они похитили?

— Это очевидно — твою машину. Искусственный интеллект.

— Нет, не только. Они пытались убить всех, кто хоть что-нибудь об этом знал, выкрасть или уничтожить все записи. И все еще пытаются убить меня. Из этого может следовать только одно.

— Ну конечно! — воскликнул Бен. — Как я сразу не сообразил? Они хотят не просто владеть искусственным интеллектом, а иметь на него монополию. Возможно, они уже пытаются им торговать. Они обязательно попробуют использовать его в коммерческих целях, чтобы на нем заработать. Но они совершили убийство и ограбление и, безусловно, не хотят быть обнаруженными. Им придется скрывать тот факт, что они его используют, — значит, они должны использовать его таким способом, чтобы об этом никто не догадался.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, — вмешалась Шелли. — Как только они наладят этот краденый искусственный интеллект, его можно будет использовать практически для чего угодно. Управлять механическими процессами, возможно, писать программы, развивать новые направления исследований, разрабатывать новые продукты — да мало ли что еще.

Беникоф серьезно кивнул:

— И поэтому их будет очень трудно поймать. Нам придется быть начеку, чтобы обнаружить не что-нибудь определенное, а буквально любой новый тип программ или машин, который окажется необычно оригинальным.

— Это слишком общее требование, моя программа с ним не справится, — сказала Шелли. — Дик Трейси может работать

только со тщательно структурированными базами данных. У него просто не хватит ни знаний, ни здравого смысла, чтобы решить проблему, если она поставлена так широко.

— Значит, его нужно усовершенствовать, — сказал Брайан. — Как раз к этому я и веду. Теперь совершенно ясно, что нам надо делать. Прежде всего надо сделать Дика Трейси поумнее, начинить его общими знаниями.

— Ты хочешь сказать — превратить его в усовершенствованный искусственный интеллект? — спросил Беникоф. — А потом с его помощью разыскать все остальные? Вроде того, как послать вора ловить вора?

— Это только полдела. А вторая половина — то, что я собираюсь сделать с роботом Робином. Я сделаю его похожим на тот искусственный интеллект, о котором шла речь в моих заметках. Если мне это удастся, мы будем больше знать о том, на что способна украденная машина. И это поможет нам сузить поле для поисков.

— Особенно если мы сможем загрузить все эти способности в Дика Трейси, — заметила Шелли. — Тогда он действительно будет знать, что искать.

Они переглянулись. Обсуждать было больше нечего — и без того ясно, кому что делать. Шелли и Брайан встали и собрались уходить, но Бен остановил их.

— Остался еще последний важный вопрос. Жилье для Шелли.

— Жаль, что вы об этом напомнили, — сказала она. —Я чуть-чуть не сняла прелестную квартирку, но в самый последний момент из этого ничего не вышло.

Бен смущенно сказал:

— Я прошу прощения, но это дело моих рук. Я все думал о покушениях на жизнь Брайана и понял, что вы теперь тоже можете стать такой же мишенью. Как только вы займетесь искусственным интеллектом, та компания убийц захочет... мне нелегко это говорить, но они захотят убить вас так же, как и Брайана. Вы с этим согласны?

Шелли неохотно кивнула.

— А значит, вам придется обеспечить такую же степень безопасности, как и Брайану. Здесь, в «Мегалоуб».

— Я повешусь, если мне придется жить в этом доме свиданий для коммивояжеров, где я помещаюсь сейчас.

— Нет, об этом не может быть и речи! Я вас прекрасно понимаю, потому что сам провел там множество жутких ночей. Могу я кое-что предложить? В здешних казармах есть отделение для

женского вспомогательного персонала. Если бы мы соединили пару комнат и оборудовали их под небольшую квартиру, вы бы согласились там жить?

— Я должна сама решать, как их отделать.

— Выбирайте, счета мы оплатим. Электронная кухня, ванна-джакузи — все, что вам будет угодно. Армейские саперы все установят.

— Предложение принято. Когда я смогу посмотреть каталоги?

— Они уже лежат в моем кабинете.

— Бен, вы страшный человек. Откуда вы знали, что я соглашусь?

— Я не знал, я просто надеялся. А если посмотреть на него со всех сторон, это же действительно единственный безопасный вариант.

— А можно мне взять каталоги прямо сейчас?

— Конечно. В этом корпусе, комната 412. Я позвоню своей секретарше и скажу, чтобы она их достала.

Шелли двинулась к двери, но обернулась:

— Простите, Брайан. Я должна была сначала спросить, не нужна ли я вам.

— Нет, мне кажется, это прекрасная идея. В любом случае сегодня я в лабораторию не вернусь, у меня есть кое-какие другие дела. Давайте встретимся там завтра в девять утра.

— Хорошо.

Брайан подождал, пока дверь за ней не закрылась, и повернулся к Бену, но некоторое время молчал, кусая губы, прежде чем заговорить.

— Я до сих пор так и не сказал ей о том процессоре, что вживлен мне в мозг. А она так ничего и не спросила насчет того разговора, когда он высказал свою догадку. Вас она тоже не спрашивала?

— Нет, да и не спросит, я думаю. Шелли очень замкнутый человек, и мне кажется, что она ожидает того же и от других. А это важно?

— Только для меня. Я же вам говорил, что чувствую себя каким-то уродом...

— Ты не урод, как ты прекрасно знаешь. Не думаю, чтобы об этом когда-нибудь зашел разговор.

— Со временем я ей скажу. Только не сейчас. Особенно из-за того, что у меня назначено несколько довольно длительных сеансов с доктором Снэрсбрук. — Он взглянул на часы. — Первый из них совсем скоро. Я это делаю в основном для того, чтобы ускорить работу над искусственным интеллектом.

— Каким образом?

— Я хочу иначе подойти к проблеме. До сих пор я занимаюсь только одним — просматриваю материалы той резервной базы данных, которую мы привезли из Мексики. Но это большей частью заметки и вопросы, которые касаются текущей работы. А мне нужно выйти на подлинные размышления и на результаты исследований, которые на них основаны. То, что я делаю сейчас, — медленная, нудная работа.

— Почему?

— Я был... есть... мы были... — Брайан криво усмехнулся. — Грамматически правильно никак не получается. В общем, тот «я», который набрасывал заметки, делал это очень неаккуратно. Вы же знаете — когда записываешь что-то для себя, обычно нацарапаешь пару слов, и этого хватает, чтобы восстановить в памяти всю мысль. Но того моего «я» больше не существует, и эти заметки мне ни о чем не напоминают. Поэтому я начал работать с доктором Снэрсбрук — мы хотим посмотреть, нельзя ли будет воспользоваться вживленным процессором, чтобы связать заметки с отдельными разрозненными воспоминаниями, которые все еще хранятся у меня в мозгу. Чтобы разработать искусственный интеллект в первый раз, мне понадобилось десять лет, и я боюсь, что теперь на это уйдет столько же времени. Я должен вернуть эти воспоминания.

— А что-нибудь получается?

— Пока рано. Мы все еще пытаемся найти способ устанавливать взаимосвязи, которые я смог бы надежно активировать по своему желанию. Процессор — машина, а я нет, и мы даже в самые лучшие моменты взаимодействуем плоховато. А в остальное время это как разговор по телефону при плохой слышимости. Знаете, когда оба человека говорят одновременно, и ни один другого не слышит. А бывает, что я просто ничего не понимаю в том, что до меня доходит. И приходится прекращать связь и начинать сначала. Очень досадно, можете мне поверить. Но я справлюсь. Надеюсь, что дело наладится.

Бен проводил Брайана до поликлиники «Мегалоуб», распрощался с ним у дверей кабинета доктора Снэрсбрук и, проводив его глазами, некоторое время стоял неподвижно, погруженный в раздумья. Ему было о чем задуматься.

Сеанс прошел удачно. Теперь Брайан уже мог получать доступ к процессору по собственному желанию и пользоваться им, чтобы извлекать нужные воспоминания. Система стала работать

лучше, хотя иногда у него в голове возникали обрывки знаний, которые он не мог понять. Словно это были чьи-нибудь подсказки, а не его воспоминания. А время от времени, входя в память своего прежнего, взрослого «я», он обнаруживал, что теряет нить собственных мыслей, и, когда ему удавалось восстановить контроль над ними, он с трудом мог припомнить, что за это время происходило. «Странно, — думал он. — Неужели во мне существуют две индивидуальности в одно и то же время? Могут ли в одном сознании помещаться сразу две индивидуальности — одна прежняя, другая новая?»

Такое зондирование, во всяком случае, намного ускоряло его работу. Немного привыкнув, Брайан стал все больше и больше размышлять над проблемами, которые все еще возникали в работе искусственного интеллекта. Над разнообразными дефектами, которые приводили к сбоям, в результате чего машина начинала откалывать всевозможные коленца.

— Брайан, ты меня слышишь?

— Что?

— Здравствуйте! Я тебя уже третий раз спрашиваю об одном и том же. Замечтался?

— Прошу прощения. Просто все это совершенно непостижимо, и в моих заметках нет ничего такого, что помогло бы мне разобраться. Надо бы, чтобы часть моего мозга следила сама за собой, а остальная часть об этом не знала. Что-то такое, что поддерживало бы равновесие в управляющих цепях системы. Это не так уж сложно, когда сама система стабильна и не слишком меняется. Но когда она постоянно обучается новым способам обучения, ничего не получается. Нужна еще какая-то система, что-то вроде отдельного подсознания, которое могло бы хоть в какой-то степени сохранять контроль.

— Звучит совсем по-фрейдистски.

— Простите?

— Напоминает теории Зигмунда Фрейда.

— Что-то я не помню, чтобы такая фамилия попадалась мне в литературе по искусственному интеллекту.

— Нетрудно понять почему. Это был психиатр, он работал в 90-х годах XIX века, когда еще не было никаких компьютеров. Когда он впервые выдвинул теорию, что сознание состоит из нескольких разных систем, он дал им имена — «ид», «эго», «суперэго», «цензор» и так далее. Предполагается, что подсознательно каждый нормальный человек постоянно испытывает всевозможные конфликты, сталкивается с противоречиями и несовместимыми целями. Вот почему я подумала, что тебе может что-нибудь прийти в голову, если ты займешься фрейдовской теорией сознания.

— Звучит заманчиво. Давайте сделаем это прямо сейчас — загрузите все эти теории Фрейда мне в память.

Доктора Снэрсбрук это немного обеспокоило. Она все еще рассматривала пользование вживленным компьютером как эксперимент, хотя для Брайана это уже стало привычным образом жизни. Теперь ему больше не приходилось корпеть над печатными страницами — достаточно было загрузить что угодно в память, а разбираться потом.

К себе он возвращаться не стал, а ходил взад и вперед по комнате, мысленно углубляясь то в одну, то в другую часть учебника, сопоставляя их, усваивая новые ассоциации. В конце концов он воскликнул вслух:

— Да это же то, что надо! В самом деле, такая теория идеально подходит к моей проблеме. «Суперэго» — это, по-видимому, механизм целеполагания, который появился после возникшего раньше механизма импринтинга. Ну, знаете, того механизма, который открыл Конрад Лоренц, — благодаря ему детеныши многих животных держатся вблизи источника заботы и защиты. Так у ребенка появляется сравнительно постоянная, стабильная система целей. После того как ребенок включает в нее образ матери или отца, такая структура может оставаться в его сознании всю жизнь. Но как бы ввести такое «суперэго» в мой искусственный интеллект? Смотрите: это можно было бы сделать, если загрузить достаточную часть моей собственной подсознательной системы ценностей. А почему бы и нет? Активировать все мои К-линии и немы, идентифицировать и записать все связанные с ними эмоции. Потом использовать эти данные, чтобы построить модель моего сознательного самоощущения. А потом добавить сюда мой идеал — то, к чему «суперэго» велит мне стремиться. Если удастся загрузить и это, мы далеко продвинемся к стабилизации нашего машинного интеллекта и управлению им.

— Давай попробуем, — сказала доктор Снэрсбрук. — Пусть никто еще не доказал, что все это существует на самом деле. Мы просто предположим, что у тебя в голове все это есть. И возможно, окажемся первыми, кто сможет это обнаружить. Смотри, ведь мы вот уже столько месяцев разыскиваем и восстанавливаем твою матрицу памяти и мышления. А теперь мы можем сделать следующий шаг — только назад во времени, а не вперед. Мы можем попробовать проследить нити, ведущие из твоего детства, и

посмотреть, не найдутся ли такие немы или связанные с ними воспоминания, которые будут соответствовать самым ранним твоим системам ценностей.

— И вы думаете, что сможете это сделать?

— Не вижу причин, почему бы нет — разве что того, что мы ищем, вообще не существует. Во всяком случае, по ходу дела мы, вероятно, сможем локализовать еще несколько сотен тысяч прежних К-линий и немов. Но нужно действовать осторожно. С доступом к таким глубоко погребенным эмоциям может быть связана серьезная опасность. Я хочу сначала попробовать это на внешнем компьютере, а твою внутреннюю машину на время отключу. Таким способом мы сможем зафиксировать структуры, которые будут обнаружены, вне мозга — возможно, с их помощью удастся усовершенствовать Робина. А тебя такие эксперименты не затронут, пока мы не почувствуем себя увереннее.

— Ну что ж, я готов попробовать.

Глава 25

31 мая 2024 года

— Брайан Дилени, уж не проработали ли вы здесь всю ночь? Когда я вчера вечером уходила, вы обещали, что задержитесь всего на несколько минут. А это было в десять часов.

С этими словами в лабораторию вошла рассерженная Шелли.

Брайан потер рукой предательскую щетину и заморгал покрасневшими от усталости виноватыми глазами.

— Почему вы так думаете? — попробовал он увильнуть от ответа.

Ноздри у Шелли сердито раздулись.

— Ну, для этого более чем достаточно на вас посмотреть. Вид у вас ужасный. Кроме того, я попробовала вам позвонить, но ответа не было. Как вы можете понять, я забеспокоилась.

Брайан схватился за ремень, где у него обычно висел телефон, но не обнаружил его.

— Наверное, положил куда-нибудь. Я не слышал звонка.

Она взяла свой телефон и одним нажатием кнопки памяти набрала его номер. Где-то вдалеке послышалось жужжание. Поглядев в ту сторону, Шелли увидела, что телефон лежит около кофеварки. Она молча протянула аппарат ему.

— Спасибо.

— От вас просто нельзя отходить ни на минуту. Мне пришлось

идти разыскивать ваших телохранителей — они и сказали мне, что вы все еще здесь.

— Предатели, — пробормотал он.

— Они так же заботятся о вас, как и я. Нет таких важных дел, чтобы из-за них стоило рисковать здоровьем.

— Есть, Шелли, в этом-то все и дело. Помните, когда вы уходили вчера вечером, мы бились с программой-координатором? Что бы мы ни делали, система норовила свернуться в клубок и умереть. Поэтому я начал с простой задачи — сортировки кубиков по цвету. Потом усложнил ее, предложив разноцветные кубики разной формы. А когда я через некоторое время посмотрел, программа-координатор все еще работала, но все остальные, видимо, отключились. Тогда я решил записать, что произойдет, когда я снова все запущу, и на этот раз ввел языковую программу, которая записывала все команды, поступавшие от координатора в остальные блоки. Теперь он стал работать медленнее, и я наконец понял, что происходит. Вот, смотрите сами.

Он поставил запись, сделанную ночью. На экране показался робот, быстро сортирующий разноцветные кубики, потом он стал работать медленнее, еще медленнее и наконец совсем остановился. Из динамика слышался глубокий бас Робина-3:

— ...К-линия 8997, выдай ответ на входной сигнал 10983... время реакции слишком велико... отвечай немедленно... блокирую. Задаю подпроблему 384. Принят ответ от К-4093. Блокирую замедленные ответы от К-3274 и К-2314. Задаю подпроблему 385. Ответы от К-2615 и К-1488 противоречат друг другу — блокирую обоих. Задаю...

Брайан выключил динамик.

— Понимаете?

— Не совсем. Одно ясно: эта программа только и делает, что блокирует другие.

— Ну да, в этом-то и дело. Предполагалось, что она должна обучаться на опыте, вознаграждая хорошо работающие блоки и блокируя плохо работающие. Но ей был задан слишком высокий порог — ее устраивали только безупречные и мгновенные ответы. Поэтому она вознаграждала только те блоки, которые отвечали быстро, а более медленные отключала — даже когда они пытались сделать то, что в конечном счете было бы правильнее.

— А, понимаю. А дальше — эффект домино: когда какой-нибудь блок отключался, ослабевала связь других блоков с ним...

— Вот именно. И тогда реакция этих блоков замедлялась, и

они тоже, в свою очередь, отключались. Пока программа-координатор не заблокировала всех.

— Какой ужас! Получается, что она совершила самоубийство!

— Ничего подобного! — раздраженно сказал он голосом, хриплым от усталости. — Это чистейший антропоморфизм. Машина — не человек. И что такого ужасного, когда одна схема отключает другую схему? Да там же нет ничего, кроме электроники и программ. К человеку это никакого отношения не имеет, при чем тут ужас?

— Не говорите со мной таким тоном!

Кровь бросилась в лицо Брайану, но он тут же опустил глаза.

— Простите, беру свои слова обратно. Кажется, я просто устал.

— Вам кажется, а я точно это знаю. Ваши извинения приняты. И это действительно был антропоморфизм. Но дело не в том, что вы мне говорили, а в том, каким тоном. Давайте не будем больше цапаться, лучше пойдем подышим воздухом. И уложим вас спать.

— Хорошо. Только сначала я кое-что просмотрю.

Брайан подошел к терминалу и углубился в схему робота. Один за другим на экране появлялись чертежи.

В конце концов он мрачно кивнул:

— Ну конечно, опять ошибка. Она появилась после того, как я исправил последнюю. Помните, я ввел установку на подавление чрезмерной блокировки, чтобы робот не отключался сам собой? А теперь он бросился в другую крайность — не знает, когда нужно остановиться. Этот искусственный интеллект прекрасно отвечает на простые вопросы, но только если ответ можно найти почти не думая. А вы видели, что произошло, когда он не знал ответа. Начал произвольный поиск, заблудился и не понимал, что надо остановиться. Он, можно сказать, не знал, чего именно не знает.

— Мне показалось, что он просто свихнулся.

— Можно сказать и так. Для ошибок в работе человеческого мозга у нас есть множество слов — паранойя, кататония, фобия, невроз, нерациональное поведение. Наверное, для всех новых причуд, которые появятся у наших роботов, придется придумывать новые слова. И можно не надеяться, что новая конструкция заработает сразу после первого включения. В данном случае она пыталась воспользоваться всеми своими экспертными системами, чтобы решить одну и ту же задачу. Координатор оказался недостаточно силен, чтобы подавить ненужные. Весь этот набор

слов свидетельствовал о том, что он цеплялся за любую ассоциацию, которая, казалось, может привести его к решению, как бы мало вероятно это ни было. А когда какой-нибудь подход оказывался неудачным, эта штука не догадывалась, что надо остановиться. Даже если наш искусственный интеллект будет работать, нет никакой гарантии, что он не окажется, с нашей точки зрения, ненормальным.

Брайан потер небритую щеку и взглянул на замершую в неподвижности машину.

— Давайте-ка как следует посмотрим вот здесь, — он ткнул пальцем в схему на экране. — Здесь видно, что случилось на этот раз. У Робина-3-1 была слишком сильная блокировка, и он отключался. Поэтому я изменил этот параметр, и теперь блокировка недостаточна.

— Так что же делать?

— Ответ простой — ответа не существует. Нет, это никакая не мистика. Я хочу сказать, что координатор должен знать больше. Именно потому, что чудес не бывает, что общего решения нет. Не может быть простого рецепта, который срабатывал бы во всех случаях, — потому что все случаи разные. Стоит только это признать, как все становится намного понятнее! Координатор должен быть связан с базой знаний. И тогда он сможет на опыте учиться тому, что должен делать!

— Вы хотите сказать, что он узнает, какую стратегию применить в данной ситуации, вспомнив, какая пригодилась ему в прошлом?

— Именно так. Вместо того чтобы искать жесткую формулу, которая срабатывала бы всегда, пусть учится на опыте, от одного случая к другому. Потому что нам нужна машина, которая была бы разумна сама по себе, чтобы не приходилось постояннно дежурить поблизости, поправляя ее, когда что-то идет не так. Мы должны научить ее исправлять ошибки по мере их появления. Исправлять самостоятельно, без нашей помощи. Теперь я знаю, что делать. Помните, когда она словно ходила по кругу, повторяя одно и то же? Нам-то легко было видеть, что она бьется на одном месте. Но она не понимала, что зациклилась, — и именно потому, что зациклилась, она не могла выйти за пределы замкнутого круга и увидеть его со стороны. Это мы исправим — добавим записывающее устройство, которое будет запоминать, что она только что делала. И часы, которые будут то и дело прерывать работу программы, чтобы она могла просмотреть запись и увидеть, что движется по кругу.

— Или еще лучше — добавить еще один процессор, который будет постоянно работать, присматривая за первым. Мозг Б для присмотра за мозгом А.

— А может быть, и мозг В для присмотра, не зациклился ли мозг Б. Черт возьми! Я только что вспомнил, что в одной из моих старых записей говорилось: «Здесь поставить мозг Б, чтобы подавить зацикливание». Надо бы мне, конечно, тогда писать пояснее. Дайте-ка я прикину, каким должен быть этот мозг Б.

— Только не сейчас! В таком состоянии вы все испортите.

— Вы правы. Пора спать. Лягу, не беспокойтесь, только сначала чего-нибудь поем.

— Я пойду с вами и выпью кофе.

Брайан отпер дверь и сощурился от яркого солнечного света.

— Вы мне как будто не доверяете.

— Да, не доверяю — после сегодняшней ночи.

Шелли прихлебывала кофе, пока Брайан расправлялся с завтраком по-техасски — бифштексом с яйцом и оладьями. Не в состоянии его одолеть, он перевел дух и отодвинул тарелку. Если не считать двух сменившихся с дежурства охранников, которые сидели за столом в дальнем углу, они были в столовой одни.

— Вот теперь я чувствую себя более или менее человеком, — сказал он. — Еще кофе?

— Нет, мне более чем достаточно, спасибо. Как вы думаете, сумеете вы наладить ваш свихнувшийся искусственный интеллект?

— Нет, я так на него разозлился, что стер ему всю память. Придется заново переписать кое-какие программы, прежде чем мы снова его загрузим. Это займет пару часов. Даже ассемблеру «лама-5» требуется для таких вещей много времени. И на этот раз, прежде чем запускать новый вариант, я хочу сделать резервную копию.

— Это значит — дубликат. А как вы думаете, когда у вас будет работающий человекоподобный искусственный интеллект, можно будет снять копию и с него?

— Конечно. Что бы он ни делал, это все равно всего лишь программа. Программу всегда можно скопировать, и любая копия ничем не будет от нее отличаться. А почему вы спрашиваете?

— Проблема индивидуальности. Будет ли второй искусственный интеллект в точности таким же, как и первый?

— Да, но только в тот момент, как будет скопирован. А как только заработает, начнет думать сам, — станет меняться. Вспомните: мы не что иное, как наша память. Когда мы что-то забываем, или чему-нибудь обучаемся, или нам приходит в голову новая мысль, новая ассоциация, — мы меняемся. Становимся кем-то другим. И это же относится к искусственному интеллекту.

— Вы в этом уверены? — спросила она с сомнением.

— Безусловно. Потому что именно так функционирует сознание. А это значит, что мне придется еще много поработать над критериями оценки. Потому-то и оказались неудачными столько прежних вариантов Робина. Проблема в оценке последствий — мы об этом уже говорили. На самом деле схема «возбудитель—реакция—вознаграждение» для обучения не годится: таким способом можно решать только простые задачи, дающие непосредственный результат. Нет, нужно добиваться масштабного мышления, надо обдумывать долгосрочные последствия, выяснять, какие стратегии действительно были эффективными, а какие заводили в тупик, какие ходы, казавшиеся полезными, на самом деле ничего не дали.

— У вас получается, что сознание — это что-то вроде... вроде луковицы.

— Ну да. — Он улыбнулся этому сравнению. — Хорошая аналогия. Слой за слоем, и все соединены между собой. Человеческая память не просто ассоциативна, она не ограничивается сопоставлением ситуаций, реакций на них и результатов. Это еще и прогноз. Возникающие ассоциации тоже должны включать долгосрочные цели и планы. Вот почему так важна разница между краткосрочной и долговременной памятью. Почему требуется примерно час, чтобы запомнить что-то надолго? Потому что должен быть какой-то буферный период, чтобы решить, какое поведение на самом деле достаточно полезно, чтобы занести его в память.

Внезапно он ощутил усталость. Кофе остыл, голова начинала болеть, надвигалась депрессия. Шелли заметила это и дотронулась до его руки.

— Пора спать, — сказала она. Он вяло кивнул и с трудом поднялся со стула.

Глава 26

19 июня 2024 года

Беникоф постучал, и Шелли открыла ему дверь.

— Брайан только что пришел, — сказала она. — Я как раз достала для него пива. Вам тоже?

— Если не трудно.

— Заходите, взгляните, как я устроилась, — в конце концов, оплатили все это вы.

Она ввела его в гостиную, где были тщательно вытравлены все следы казармы. Окно обрамляли шторы от пола до потолка из яркой ткани ручной работы. Темно-оранжевый ковер был подобран в тон их рисунку, с ним гармонировали и изящные линии датской мебели из тикового дерева, а почти целую стену занимало красочное пятно посткубистской картины.

— Прекрасно смотрится, — сказал Бен. — Теперь я понимаю, почему бухгалтерия была в истерике.

— Вовсе не из-за этого. Ткань и ковер — это израильский дизайн и арабская работа, стоили они не так уж дорого. Картину дала мне на время художница, моя подруга, она надеется, что кто-нибудь ее купит. Большая часть денег пошла на кухню — она оборудована по последнему слову техники. Хотите посмотреть?

— Сначала пиво. Мне нужно к этому подготовиться.

— Не хотите ли вы раскрыть тайну этого приглашения на таиландский обед? — спросил Брайан, уютно развалившийся в мягком кресле. — Вы же знаете, что мы с Шелли здесь, в «Мегалоуб», на положении пленников, пока вы не выловите убийц. Как мы можем отправиться в этот ваш таиландский ресторан?

— Если вы не можете отправиться в Таиланд, Таиланд может прийти к вам. Когда вы сказали, что хотите ввести меня в курс вашей работы над искусственным интеллектом, я подумал, что это надо отпраздновать. Спасибо, Шелли.

Бен сделал большой глоток холодного «Текате» и вздохнул:

— Хорошее пиво. Все началось на прошлой неделе с проверки, которую проводит служба безопасности. Я вхожу в состав комиссии из военной разведки — она проверяет каждого солдата, которого предполагается перевести сюда. Таким способом я и узнал, что рядовой Лэт Фроа завербовался в армию, только чтобы не работать в отцовском ресторане. Он заявил, что ему невмоготу стоять у плиты и хочется отведать настоящей жизни. Однако после года армейской кормежки он более чем счастлив приготовить настоящий таиландский обед на здешней кухне, если я достану все нужные приправы. Я их достал. Повара ничего против не имеют, а для личного состава это долгожданное разнообразие. С двух часов столовка в полном нашем распоряжении. Мы выступаем в качестве морских свинок: если нам понравится, Лэт пообещал вечером накормить всех остальных.

— Мне не терпится попробовать, — сказала Шелли. — Не то

чтобы здесь так уж плохо кормили, но хочется чего-нибудь необычного.

— А как идет расследование? — спросил Брайан, который никогда о нем не забывал. Бен хмуро уткнулся в свой бокал.

— Рад был бы сообщить какую-нибудь хорошую новость, но мы, кажется, зашли в тупик. Мы достали послужной список Алекса Тотта. Пилот он был выдающийся, об этом говорит множество отзывов. Но сильно пил — на грани алкоголизма, и характер у него был скверный. После войны от него избавились при первой же возможности. По адресу, который он тогда оставил, мы не нашли никаких его следов. Его пилотские права еще действительны, ФБР проследило по ним, где он работал. Но сам он исчез — и след простыл. История, которую рассказал Дасти Родс, подтвердилась. Его впутали в это дело, а потом предоставили выпутываться, как сможет. Происхождение денег, переведенных на его счет, выяснить невозможно.

— А что будет с Родсом? — спросила Шелли.

— Теперь — ничего. Остаток денег, которые он от них получил, реквизирован и передан в фонд помощи жертвам преступлений, а он дал подробные показания обо всем, что произошло и что он делал. Теперь он будет вести себя паинькой, иначе ему придется отвечать сразу по многим статьям. Мы хотим, чтобы вокруг этого дела не было никакого шума, пока не закончится расследование.

Шелли кивнула и повернулась к Брайану:

— Расскажите мне о ваших успехах. Удалось вам заставить работать этот мозг Б?

— Знаете, удалось, и иногда он работает на удивление хорошо. Но не настолько часто, чтобы на него можно было положиться. Там то и дело происходят какие-то необычные и очень любопытные сбои.

— Неужели? Я думала, что с помощью «ламы-5» отыскивать дефекты станет проще.

— Так оно и есть. Но я думаю, тут дело больше в конструкции. Вы знаете, что мозг Б должен контролировать мозг А и вмешиваться, когда надо, чтобы он не сбивался с толку. Теоретически это должно получаться лучше, когда мозг А не знает, что происходит. Но похоже, что у Робина мозг А до того поумнел, что научился замечать такое вмешательство, — и попытался найти способ возвращаться в прежнее состояние. Кончилось тем, что между ними началась борьба за власть, за управление.

— Напоминает шизофрению у человека — расщепление личности.

— Точно. Безумие человека отражается в сумасшествии машины, и наоборот. А почему бы и нет? Когда мозг начинает барахлить, одни и те же причины будут приводить к одним и тем же симптомам — что у машины, что у человека.

— Должно быть, это не слишком приятно — когда ничего не можешь поделать с полоумным мозгом в металлическом корпусе.

— Да нет, я бы не сказал. Это даже ободряет! Чем больше сбои у робота напоминают то, что случается с человеком, тем ближе мы к созданию человекоподобного машинного интеллекта.

— Но если все хорошо, то чем вы так обеспокоены?

— А что, это видно? Ну, возможно, дело в том, что я уже добрался до конца тех заметок, которые мы привезли. Проделал почти все, что в них описано. Значит, теперь я отправляюсь в плавание по неведомому морю.

— А разве обязательно, чтобы этот ваш искусственный интеллект был таким же, как тот, который похитили?

— В общем, да, если не говорить о мелочах. Дело в том, что в нем уж слишком много дефектов — боюсь, не застряли ли мы на второстепенной вершине.

— Что это значит? — спросил Бен.

— Простая аналогия. Исследователь похож на слепого альпиниста. Он лезет в гору и в конце концов добирается до вершины — дальше подниматься некуда. Но поскольку он ничего не видит, он не может догадаться, что поднялся не на главную вершину, а на соседнюю, пониже, и что это тупик. Цели ему здесь не достигнуть — для этого надо снова спуститься вниз и искать другой путь к главной вершине.

— В этом есть смысл, — сказал Бен. — Значит, ты хочешь сказать, что искусственный интеллект, который ты только что построил, — видимо, почти такой же, как тот, что похитили, — это, возможно, всего лишь второстепенная гора, а не главная вершина?

— Боюсь, что так.

Бен весело присвистнул:

— Так это же самая лучшая новость, какую только можно придумать!

— Вы случайно не переутомились?

— А ты подумай! Это значит, что кто бы ни украл твою старую модель, теперь оказался в таком же тупике, — но он этого даже не

знает! А тебе никто не мешает усовершенствовать свою машину. И тогда у нас будет то, что нужно, а у них нет!

После недолгого раздумья на лице у Брайана появилась широкая улыбка.

— Конечно, вы правы, это действительно самая лучшая новость. Те жулики застряли в тупике — а я буду двигаться дальше.

— Только не сейчас, а после обеда, — заявила Шелли, ставя рюмку на стол и указывая на дверь. — Выметайтесь отсюда. Уже больше двух, и я умираю от голода. Еда — прежде всего, а все разговоры — потом.

Когда они управились с си-хронг-му-сам-ротом — который, несмотря на устрашающее название, оказался необыкновенно вкусным и представлял собой кисло-сладко-соленую свиную грудинку, — у них едва хватило сил на десерт, состоявший из вареной на пару тыквы со сладкой начинкой.

— Никогда больше не буду есть армейского пайка, —проворчал довольный Брайан, похлопывая себя по животу.

— Скажите это повару — он будет счастлив, — отозвалась Шелли. — Во всяком случае, я так и сделаю.

Лэт Фроа принял их похвалы как должное, удовлетворенно кивая:

— Неплохо получилось, правда? Если остальным парням понравится, я постараюсь добиться, чтобы такие блюда включили в обычное меню. Хотя бы ради меня.

Бен распрощался и ушел, а Брайан и Шелли решили немного пройтись после обеда, прежде чем идти в лабораторию.

— Мне не терпится — но немного страшно, — сказал Брайан. — Отправляться в неведомые моря. До сих пор у меня была карта — мои собственные заметки, а теперь она кончилась. Не слишком ли большая наглость со стороны четырнадцатилетнего мальчишки — надеяться на успех там, где осрамился двадцатичетырехлетний?

— Ну не скажите. Доктор Снэрсбрук говорит, что вы теперь соображаете лучше, чем раньше, — ваш имплантат наделил вас какими-то необыкновенными способностями. А кроме того, вы с ней очень многого добились, анализируя работу вашего мозга, — вы узнали о себе, наверное, больше, чем мог бы узнать целый полк психологов. Я убеждена, что вам все удастся, Брайан. И вы подарите миру нечто совершенно новое.

— Человекоподобный машинный интеллект — не больше и не меньше!

Глава 27

22 июля 2024 года

Проснувшись, Бен прослушал записи своего автосекретаря и услышал голос Брайана:

— Бен, сейчас четыре утра, и дело в шляпе! Данных, которые были в Робине, почти хватило, а остальное добавила доктор Снэрсбрук — она раскодировала кое-что из моего мозга. Это была каторжная работа, но мы управились. Так что теперь Робин теоретически содержит копию моего «суперэго». Я велел компьютеру заново пересмотреть все программы Робина и попытаться интегрировать то, что в них было, с новым материалом. Теперь мне надо немного поспать. Если сможете, приходите, пожалуйста, в лабораторию после обеда — я вам все покажу. Конец связи — и спокойной ночи.

... — Дело в шляпе, — сказал Брайан, когда они встретились в лаборатории. — Данных, уже загруженных в Робина, было почти достаточно. А доктор Снэрсбрук добавила остальное — то, что можно назвать матрицей, копию моего «суперэго». Это, можно сказать, копия того, как в моем мозгу работают управляющие функции самого высшего уровня. Всю память, которая не связана с управлением, убрали, и осталась, как мы надеемся, матрица действующего разума. Не так просто было совместить эти программы с уже заложенными в Робина, но в конце концов нам это удалось. Впрочем, по ходу дела случилось несколько солидных сбоев — о некоторых вы знаете.

— Вроде погрома в лаборатории на прошлой неделе.

— И еще одного — во вторник, — добавила Шелли. — Но все это в прошлом. Теперь наш Свен просто прелесть.

— Свен?

— На самом деле — Робин-7: выяснилось, что у шестой модели не хватало объема памяти.

— Это все Шелли, — сказал Брайан. — Ей кажется, что, когда я со своим ирландским выговором произношу «seven» — «семь», получается похоже на «свен». Поэтому она тайком от меня ввела в программу шведский акцент, а кличка так и осталась.

— Ну-ка, дайте мне послушать, как робот разговаривает со шведским акцентом!

— К сожалению, ничего не выйдет. Акцент мы убрали. Слишком смешно получалось, невозможно было работать.

— Тоже верно. Ну и когда же ты меня познакомишь с вашим искусственным интеллектом?

— Сейчас. Только разбужу Свена, — и Брайан указал на неподвижного телеробота.

— Разбудишь или включишь? — спросил Бен.

— Компьютер, конечно, работает все время. А новая схема управления памятью, оказывается, вроде сна у человека — она сортирует воспоминания, накопившиеся за день, чтобы разрешить возможные противоречия и убрать лишнее. Нет смысла загружать память тем, что человек уже знает. Свен, можешь проснуться, — произнес Брайан громко.

Крышки, закрывавшие три линзы, щелкнув, поднялись. Свен встрепенулся и повернулся к ним.

— Добрый день, Брайан и Шелли. И незнакомец.

— Это Бен.

— Рад познакомиться с вами, Бен. Это ваше имя или фамилия?

— Прозвище, — ответил Бен. Робин опять его не узнал — уже в третий раз; ничего удивительного, ведь у него заменили память. — Полностью — Альфред Дж. Беникоф.

— Рад с вами познакомиться, мистер или миссис Беникоф.

Бен удивленно поднял брови, а Брайан рассмеялся:

— Свен еще не усвоил всю информацию, касающуюся распознавания половых различий. В сущности, он начинает с нуля, и задачи у нас сейчас совсем другие. Главное — целостность. Я хочу, чтобы у Свена был столь же целостный разум, как у ребенка. Вот сейчас я собираюсь научить его, как ребенка, переходить улицы. Мы идем на прогулку — пойдете с нами?

Бен бросил взгляд на электронное оборудование, загромождавшее лабораторию, и снова поднял брови. Видя его удивление, Брайан рассмеялся и показал в дальний конец комнаты.

— Виртуальная реальность. Мне даже не верится, что техника могла так далеко продвинуться вперед за эти десять лет. Мы наденем инфоскафандры, а Свен присоединится к нам через электронику. Шелли займется имитаторами.

Скафандры расстегивались со спины. Брайан и Бен разулись и влезли в них. Скафандры были подвешены за крепления и позволяли на ходу поворачиваться и изгибаться. Плоские бегущие дорожки на полу позволяли шагать в любом направлении, а механические устройства в ботинках воспроизводили форму и характер имитируемой поверхности. Легкий, как перышко, шлем поворачивался вместе с головой, а на экране перед глазами раз-

ворачивалась картина, воссозданная компьютером. Бен взглянул вверх и увидел за верхушками деревьев обелиск в честь Джорджа Вашингтона.

— Туманная Дыра, — заметил он.

— А почему бы и нет? В памяти компьютера есть вся информация о городе, так что Свен может познакомиться с тамошними лихачами.

Иллюзия была почти полной. Рядом с Беном стоял, вытянувшись, Свен, вращая глазами. Бен повернулся к изображению Брайана и увидел, что это вовсе не Брайан.

— Брайан, ты превратился в девушку! В чернокожую девушку!

— А что? Мое изображение здесь, в виртуальной реальности, воспроизводится компьютером, так что я могу выглядеть кем угодно. Это дает Свену дополнительную возможность встречаться с новыми людьми — женщинами, национальными меньшинствами, с кем угодно. Ну что, пройдемся?

Они не спеша шагали по парку, прислушиваясь к отдаленному шуму улиц и воркованию голубей на деревьях. Парень и девушка, шедшие навстречу, прошли мимо, погруженные в беседу. Они не обратили никакого внимания на причудливую фигуру робота — ничего удивительного, ведь и их изображения были всего лишь воспроизведены компьютером.

— Мы еще ни разу не переходили улиц, — сказал Брайан. — Давайте попробуем. Шелли, вы там полегче для первого раза, ладно?

По-видимому, Шелли что-то подрегулировала, потому что поток машин, несшихся по улице, начал редеть. Их становилось все меньше, и к тому времени, когда Бен, Брайан и робот дошли до перекрестка, ни одной машины не было видно. Даже те, что стояли у тротуара, отъехали, а все пешеходы одновременно свернули за угол и больше не показывались.

— Я хочу, чтобы для начала все было попроще. Позже мы попробуем проделать то же самое с машинами и людьми, — пояснил Брайан. — Свен, можешь сойти с тротуара?

— Да.

— Хорошо. Пошли.

Бен с Брайаном начали переходить улицу.

— Нет, — внезапно сказал Свен. Брайан остановился и оглянулся на его фигуру, застывшую на месте.

— Пойдем, сейчас можно.

— Ты объяснял, что я могу переходить улицу, только если уверен, что не приближается ни одной машины.

— Ну правильно, посмотри в обе стороны, машин не видно. Пошли.

Свен не двигался.

— Я все еще не уверен.

— Но ты же посмотрел.

— Да, тогда машин не было. Но сейчас — это сейчас.

Бен рассмеялся:

— Ты слишком буквально все понимаешь, Свен. На самом деле это очень легко. Отсюда видимость в обе стороны не меньше километра. Даже если бы из-за угла выскочила машина и поехала со скоростью сто километров в час, мы бы все равно успели перейти.

— Если бы ее скорость была пятьсот километров в час, она могла бы нас задавить.

— Ну ладно, Свен, на сегодня хватит, — сказал Брайан. — Отключаемся.

Экран потемнел, улица исчезла. Спины скафандров распахнулись.

— Ну и в чем дело? — спросил Бен, вылезая задом из скафандра и нагибаясь за своими туфлями.

— Проблема, с которой мы сталкивались и раньше. Свен все еще не знает, когда надо перестать рассуждать, демонстрируя свою безупречную логику. В реальном мире мы ни в чем не можем быть уверены на все сто процентов, так что приходится исходить из тех знаний и рассуждений, какие уместны в данной ситуации. А чтобы принять решение, в какой-то момент нужно перестать рассуждать. Но для этого нужно уметь вовремя остановиться. Я думаю, Свена как раз потому и заело, что его новое «суперэго» ингибирует эту самую способность вовремя остановиться.

— То есть отключает тот самый процесс, ради которого оно в нем и установлено? Что-то это подозрительно напоминает парадокс. И скоро вы думаете его починить?

— Я надеюсь, что чинить его вообще не понадобится. Свен должен справиться сам.

— Самообучение?

— Конечно. В конце концов, на первых порах чрезмерная осторожность не мешает. Чтобы обучиться, нужно прежде всего остаться в живых. Это может занять некоторое время, но, обучаясь, Свен сможет приобрести прочный навык обучения, который в будущем все намного ускорит. Но сейчас у меня для вас есть кое-что важнее прогулок. Несколько дней назад Шелли соединила

Дика Трейси с Робином. Они неплохо совместились и уже работают вместе. Свен, скажи-ка, добавил что-нибудь Дик Трейси к твоему списку промышленных изделий?

— Да.

— Давай-ка распечатку.

Зажужжал лазерный принтер, и из него поползли лист за листом. Брайан взял первый и протянул Бену. Список был, разумеется, алфавитный.

— Абак, абака, абзетцер, аблятор, абразив, абсорбер, абс-пластик... ну и так далее, — прочитал Бен, взглянул на растущую стопку листов и в недоумении тряхнул головой. — А ты не можешь сказать, зачем все это понадобилось?

— Мне казалось, это очевидно. Ваше расследование преступления, по-видимому, окончательно застопорилось.

— Мне жаль, если это так выглядит, но над ним работает столько людей...

— Знаю, Бен! Я вас ни в чем не виню. Это крепкий орешек, и мы хотим всего лишь помочь — хотя бы из чисто личных, шкурных соображений. Программа Дика Трейси у Шелли все еще работает, но и она, похоже, топчется на месте. И вот появляется Свен, который раскрывает тайну!

— Я не могу появиться, я уже здесь.

— Это образное выражение, Свен. Потом объясню. Можешь прекратить распечатку.

— Я дошел только до буквы В. Вам не нужна вся распечатка?

— Нет, только начало — для примера. Отправь то, что напечатано, обратно в подающее устройство.

Зашелестев своими конечностями, Свен быстро пересек комнату, подошел к принтеру и взял стопку листов вечной бумаги из приемного лотка. Но не так, как это сделал бы человек, — всю стопку сразу: вместо этого он перенес свою тяжесть на одну из древовидных конструкций, служивших ему ногами, поднял другую и быстрым движением множества крохотных пальчиков взял каждый листок по отдельности. Поднеся их к другой стороне принтера, он отпустил их, и они соскользнули в подающее устройство, словно колода карт из рук фокусника.

— Эта распечатка, — сказал Брайан, — понадобилась только для того, чтобы дать вам представление о базе данных, которую мы собираем. Идея состоит в том, чтобы составить список всех возможных изделий, выпускаемых промышленностью, потом посмотреть, как можно их усовершенствовать с помощью искусственного интеллекта, и отбросить наименее вероятное. А когда

список будет сокращен до приемлемого размера, Свен обследует все существующие базы данных в поисках возможных нитей. Он будет отыскивать новые технологические процессы, программные системы и любую другую продукцию, которую можно получить только с помощью нового, усовершенствованного искусственного интеллекта.

— Но все эти изделия, которые были в списке, не имеют никакого отношения к делу. Я даже не знаю, что такое абзетцер.

— Конечно, многие из них нам ни к чему. Но искусственный интеллект рассуждает не так, как мы, — пока еще не так. У нас есть интуиция, а она возникает в ходе обучения, а не запоминания. Пока Свену легче составить список всего, что можно производить с помощью искусственного интеллекта. Когда список будет составлен, он начнет вычеркивать все, что не имеет отношения к делу. А когда список сократится до таких размеров, что с ним удобно будет работать, Свен начнет искать возможные нити.

— Ничего себе работа!

— А Свен — ничего себе машина! — гордо заметила Шелли. — Вместе с Диком Трейси это ему вполне под силу. Если украденный искусственный интеллект где-нибудь работает, мы выследим его, узнав, что именно он делает.

— Не сомневаюсь, — сказал Бен. — И немедленно дадите мне знать, как только нащупаете какой-нибудь след.

— Это может оказаться просто намек, тут ничего нельзя будет сказать наверняка.

— Еще как можно будет! Я все их прослежу. У меня там огромная команда, которая пока ничего толком не добилась. Я посажу их за эту работу. Честно говоря, я думаю, что только Свен в состоянии помочь нам разыскать людей, которые это сделали.

Глава 28

4 сентября 2024 года

Беникоф был уверен, что совещание не займет много времени. Все подготовленные бумаги он просмотрел, пока летел до Сиэтла, а последние заметки сделал по дороге из аэропорта в Такому. Это было первое новое задание, которое он получил за долгие месяцы с тех пор, как ушел с головой в дело «Мегалоуб», и никакого повода отказаться у него не было. Перед самым началом совещания зажужжал его телефон. Он взял трубку.

— Бен, это Брайан. Свен как будто обнаружил кое-какие нити.

— Быстро работает этот твой электронный мудрец.

— Как только список был закончен и все лишнее из него вычеркнуто, Свен занялся тем, что наиболее вероятно. Пока что он видит три возможных варианта. Один — это некий подозрительный пакет программ, который пишет немыслимо эффективные коды. Потом есть одна машина для ремонта обуви — возможно, там работает искусственный интеллект, потому что она может заменить любую подметку на любой модели. И есть еще одна сельскохозяйственная машина, к которой искусственный интеллект почти наверняка приложил руку.

— Возможно? Почти наверняка? А не может твоя машина дать прямой и честный ответ — да, или нет, или пятьдесят на пятьдесят?

— Нет, не может. Свен работает с программой, основанной на понятии качественной возможности. Он вообще не пользуется числами. Я уже просил его о том же, и он отказался.

— Кто там у вас командует — ты или машина? Ну и что он сообщил?

— Эта машина называется «Смерть букашкам», можете себе представить?

— Могу — и сегодня же свяжусь с ФБР и начну действовать. Я тут должен был провести одно короткое совещание, так оно только что стало еще короче — я его совсем отменил. Сейчас же возвращаюсь к вам.

Начальник отделения ФБР в Сиэтле Антонио Пердомо был рослый человек такого же крепкого сложения, как и Беникоф, лет под пятьдесят, но уже почти облысевший. Взглянув на удостоверение Беникофа, он, не тратя лишних слов, перешел к делу.

— Вашингтон уже проводил ревизию этой компании —«ДигиТекс продактс» в Остине, штат Техас. Вот материалы. Они производят и продают оптом большей частью комплектующие для электроники, хотя иногда выпускают и готовые изделия — обычно для сбыта через собственную сеть. Машина, о которой вы спрашиваете, — «Смерть букашкам» — появилась в продаже всего несколько недель назад. Они распространяют ее сами.

— А как бы нам купить одну такую?

— Это я тоже устроил. Она не продается, а сдается в аренду для использования в теплицах вместо пестицидов — так, по крайней мере, говорится у них в проспекте. Я знаю, что вы хотели бы сохранить все это расследование в абсолютной тайне, и поэтому

наводил справки через одного знакомого в Торговой палате. Он связался со всеми владельцами теплиц в этих местах и попал в точку. Тот, кто нам нужен, — дорожный полицейский в отставке по фамилии Нисиуми.

— Лучше не надо. Вы с ним связались?

— Он у себя и ждет вас. Ему известно только, что это какое-то важное расследование и что он никому не должен о нем говорить.

— Отлично сработано.

— Просто делаю свое дело, — улыбнулся Пердомо.

Солнце исчезло за тучами, и Сиэтл снова стал таким, каким обычно бывает зимой. «Дворники», включенные на максимальную скорость, еле успевали смахивать с лобового стекла дождевые струи. Хотя машину удалось припарковать почти у самого входа, Бен и Пердомо промокли до нитки, пока дошли до теплицы.

Нисиуми, коренастый японоамериканец, молча повел их в кабинет и не раскрывал рта, пока дверь за ними не закрылась. Вытерев о белый халат вымазанные в земле руки, он обменялся с обоими рукопожатием и долго, тщательно изучал служебное удостоверение Пердомо.

— Эти ребята из «Смерти букашкам» всем уши прожужжали своей рекламой. Дошли, я думаю, до каждого тепличного хозяйства в стране. Мне даже прислали брошюру о машине — вон она на столе.

— Познакомьтесь — мистер Беникоф, он организовал все это расследование, — сказал Пердомо. — Он им и руководит.

— Спасибо за содействие, — начал Бен. — Это дело особой важности, им интересуется Вашингтон, было несколько жертв. Сейчас больше ничего не могу вам сообщить. Когда все кончится, обещаю рассказать вам, о чем шла речь.

— Согласен. Это будет поинтереснее огурцов. Я заинтересовался «Смертью букашкам», когда прочитал о ней в нашем специальном журнале. Вот почему я запросил эту информацию. Но машина для меня слишком дорога.

— Считайте, будто только что получили беспроцентный и бессрочный кредит на любую сумму, какая вам понадобится.

— Рад тряхнуть стариной! Пока вы ехали сюда, я позвонил в «ДигиТекс продактс» — там указан номер, по которому можно звонить за их счет. У них есть представитель в наших местах, завтра в девять он устроит здесь демонстрацию машины.

— Замечательно. С вами будет ваш бухгалтер — то есть я. Только называйте меня Бен, а не Беникоф.

...Капли дождя громко стучали в окно гостиничного номера. Беникоф опустил шторы и включил радио в надежде, что оно заглушит шум дождя. Он сидел, углубившись в бумаги, когда принесли бифштекс с кровью, зеленый салат вместо картошки на гарнир и полный кофейник кофе. Не переставая читать, он принялся не спеша есть, переваривая еду и документы в одно и то же время.

Представитель фирмы опоздал к назначенному времени — было уже почти десять, когда его фургон остановился около теплицы.

— Прошу простить — большое движение и туман. Я Джозеф Эшли, но все называют меня Джо. Вы хозяин, мистер Нисиуми?

Пока они знакомились, водитель фургона выгрузил на ручную тележку большой ящик и вкатил в теплицу. Джо сам открыл крышку и торжественно объявил:

— «Смерть букашкам»! Так оно и будет. Эта крошка решит все ваши проблемы защиты урожая.

На вид машина напоминала огнетушитель, только была немного потолще. Ярко-красный корпус покоился на шести паучьих ногах; сверху из него торчали две суставчатые металлические руки, каждая из которых заканчивалась гроздью металлических пальцев. Беникоф, скрывая свой интерес к машине, разглядывал ее с подозрением, как настоящий бухгалтер. Многократно раздваивающиеся пальцы отдаленно напоминали разветвленные манипуляторы Робина, хотя и были крупнее.

— Сейчас я только сниму с этих рук прокладки, которые мы ставим на время транспортировки, и все будет готово. — Джо вытащил пенопластовые прокладки, достал из ящика красный контейнер величиной с коробку сигар и поднял его вверх. — Это блок питания. Включается в обычную розетку и закрепляется на уровне пола. Машина полностью автономна. Сейчас ее аккумулятор заряжен, и она рвется в бой. Будет воевать день и ночь, если понадобится. А когда аккумулятор разрядится, она просто подъезжает к блоку питания и подзаряжается.

— Наверно, это недешево обходится, — проворчал Беникоф.

— На первый взгляд недешево, мистер Бен, да и на самом деле недешево. Но не для вас. Вы увидите, что стоимость аренды у нас более чем разумная. И готов спорить на что угодно — «Смерть букашкам» окупится так быстро, что вы и глазом моргнуть не успеете.

— А что, я должен ее запрограммировать, или ходить за ней, или что? — спросил Нисиуми.

— Она так проста в применении, что вы не поверите, пока не увидите эту игрушку в действии. Все, что от вас требуется, — это включить ее, а потом только стоять и смотреть! — Джо так и сделал, нажав кнопку пуска и отступив назад. Зажужжали моторчики, обе руки вытянулись в стороны, изящно помахивая в воздухе длинными металлическими пальцами. — Это программа поиска. Детекторы на кончиках пальцев разыскивают растения. Днем и ночью, как я и говорил, — видите, на них светятся огоньки?

Моторы зажужжали чуть громче, и машина, легко переступая ногами, грациозно приблизилась к проходу между грядками. У крайнего растения она остановилась, обе руки вытянулись вперед, ощупали землю, передвинулись к стеблю и принялись быстро-быстро перебирать листочки, ласково пробегая по зеленой кожице огурцов и нежно касаясь желтых цветков на конце побегов. Послышался легкий щелчок — на одной руке открылась какая-то крышечка и тут же закрылась снова.

— Никаких пестицидов, никаких ядов, никакого загрязнения — полная экологическая чистота. Держу пари, что, даже когда вы видите это своими глазами, вы все равно не можете поверить. И неудивительно, потому что ничего подобного в мире еще не было. Здесь перед вами работают почти невидимые глаза — оптические элементы на концах пальцев, которые сейчас выискивают тлей, паучков, клещей — любых букашек. Стоит ей увидеть хоть одну, как она снимает ее с растения — раз, и готово. Снимает и прячет. Руки машины внутри полые, и скоро они будут полны букашек. Настоящий пир для вашей ручной птички или ящерицы, а то еще можно использовать их как удобрение. Вот оно, джентльмены, — механическое чудо нашего времени!

— Что-то оно мне кажется опасным, — кислым голосом сказал Беникоф.

— Ни в коем случае! Машина оборудована блокировкой — она не должна трогать ничего, кроме растений, а если у нее на пути окажетесь вы или кто-нибудь еще, она автоматически останавливается.

Торговец подошел и взялся за огурец, к которому приближались сверкающие металлические пальцы. Машина отдернула манипулятор и тревожно загудела. Гудение продолжалось до тех пор, пока он не отпустил огурец.

— Ну, не знаю, — сказал Бен. — Что вы насчет этого думаете, мистер Нисиуми?

— Если она на самом деле работает так, как говорит Джо, то

тут, возможно, есть кое-какая перспектива. Мы же знаем, что овощи, выращенные без ядохимикатов, можно продать дороже.

— А какой минимальный срок аренды? — спросил Беникоф.

— Один год.

— Слишком долго. Нам надо переговорить. Пойдемте в контору.

Когда обсуждались условия контракта, Беникоф торговался, сколько мог, и добился кое-каких уступок, сам не уступив ничего. Джо вспотел, и улыбка его поблекла, но в конце концов они договорились. Контракт был подписан, руки пожаты, улыбка снова вернулась на лицо Джо.

— Замечательная это будет у вас машина, просто замечательная.

— Надеюсь. А если она сломается?

— Не сломается! Но у нас круглые сутки дежурят ремонтники — только ради того, чтобы клиенты могли спать спокойно.

— А вы не будете приезжать ее проверять?

— Только если вы попросите. Каждые полгода проводится техосмотр, вам позвонят, чтобы договориться о времени, но это обычное техническое обслуживание. Если не считать его, от вас требуется одно — спустить этого маленького дьявола на ваших вредителей и отойти в сторонку. Господа, вы ни на мгновение не пожалеете о своем решении!

Беникоф что-то подозрительно проворчал и принялся еще раз перечитывать контракт. Нисиуми проводил Джо и водителя до их фургона, а Беникоф поверх бумаг разглядывал их через окно. Как только фургон скрылся из виду, он схватил телефонную трубку и позвонил сначала в отделение ФБР, а потом Брайану.

— Не знаю, как удалось Свену выйти на эту «Смерть букашкам», но мне кажется, мы попали в точку. От этой машины прямо-таки разит твоим искусственным интеллектом. — Снаружи донесся визг тормозов — подъехал грузовик Федеральной службы доставки. — Уже приехали из ФБР. Сейчас они упакуют эту штуку и доставят ее на самолет. Она будет у тебя к утру — и я тоже.

Вошел водитель грузовика в форменной одежде — это был не кто иной, как агент ФБР Пердомо.

— Спасибо за содействие, мистер Нисиуми, — сказал он. — Без вашей помощи мы ничего не смогли бы сделать. Теперь мы заберем у вас машину.

— А что я скажу, если этот их представитель или еще кто-нибудь из фирмы захочет ее увидеть?

— Потяните время, — сказал Беникоф, — и сразу же свяжитесь с агентом Пердомо. Скорее всего они вас не станут беспокоить, если вы не будете задерживать арендную плату. Счета тоже пересылайте Пердомо — все затраты вам немедленно возместят. Джо сказал, что техническое обслуживание нужно будет провести только через шесть месяцев. К тому времени наше расследование должно быть закончено.

— Как скажете. Если я могу еще что-нибудь для вас сделать, сообщите.

— Ладно. Еще раз спасибо.

Они отключили «Смерть букашкам», уложили ее и блок питания обратно в ящик, запаковали его в оберточную бумагу. Беникоф сел в кузов и доехал до пустого склада на окраине Сиэтла. Там уже ждала группа сотрудников ФБР.

— Торрес, отдел обезвреживания бомб, — представился командир группы. — А вы мистер Беникоф?

— Верно. Я рад, что вы так быстро откликнулись.

— Такая у нас работа. Расскажите мне про эту штуку. Вы считаете, что у нее внутри взрывчатка?

— Очень сомневаюсь. Насколько мне удалось узнать, в стране работает по меньшей мере сотня таких машин. Вряд ли в каждую заложена взрывчатка. Стоит хотя бы одной взорваться, как к ним будет привлечено нежелательное внимание и поднимется шум. Нет, меня беспокоит другое — какие-нибудь встроенные защитные устройства, предохраняющие от промышленного шпионажа. Я убежден, что производители не хотят, чтобы конструкция стала известна. У меня есть большие основания подозревать, что технология, использованная при производстве этих машин, — та самая, что была выкрадена только в прошлом году. Она еще не защищена патентами. Кроме того, есть шанс, что эта машина имеет отношение к одному преступлению, которое сейчас расследуется. Если тут замешаны те преступники, они тоже не захотят, чтобы кто-нибудь узнал, как устроена машина.

— Значит, там может быть установлена какая-то ловушка, чтобы никто не узнал, как она устроена? А может быть, устройство для самоуничтожения в случае, если кто-нибудь проявит излишнее любопытство?

— Да. Возможно, ее компьютер имеет инструкции уничтожить самого себя, или свои программы, или память.

— Для этого есть специальные стандартные модули — я много их повидал с тех пор, как сократили срок действия патентов. Такой модуль обезвредить — дело нехитрое. Но я должен попросить

вас обоих выйти. Так полагается. Большую часть этих их штучек мы знаем, так что ждать придется скорее всего недолго.

Но ждать пришлось почти пять часов.

— Это оказалось сложнее, чем я думал, — сознался Торрес. — Хитрое устройство. Мы не стали снимать смотровую панель — слишком очевидное решение, а проникли внутрь через дно. И нашли четыре независимых друг от друга блокировочных устройства. Одно на самой панели, еще одно под болтом, который надо отвернуть, чтобы ее снять. Но в общем ничего такого, с чем мы не могли бы справиться.

— Должен был быть взрыв? — спросил Беникоф.

— Нет, взрывного устройства там нет. Была бы вспышка и, может быть, немного дыма. Все блокировочные устройства рассчитаны на то, чтобы закоротить аккумулятор на центральный процессор. Он бы тут же и расплавился. Можете забирать — хорошая машина. Что там она делает — ловит букашек?

— Именно так.

— Надо же, чего только теперь не увидишь!

«Смерть букашкам» упаковали в ящик размером побольше, который потом заколотили и опечатали. Сначала Беникоф подумывал о спецрейсе, но потом решил, что обычная посылка привлечет меньше внимания.

Грузовик Федеральной службы доставки с драгоценным грузом скрылся за пеленой дождя. К утру ему предстояло быть уже в Калифорнии.

Глава 29

5 сентября 2024 года

Беникоф обогнул очередной поворот на спуске с перевала Монтезума и увидел впереди грузовик, который не спеша ехал под гору. Он набрал номер Брайана.

— Подъезжаю к Боррего-Спрингс, грузовик сам знаешь с чем едет впереди.

— Скажите ему, чтобы поторапливался!

— Терпение! С этим лучше не спешить. Будем у вас через несколько минут.

Он прибавил газ, обогнал грузовик, как только тот выехал на равнину, и подъехал к воротам «Мегалоуб» раньше его. Майор Вуд подозрительно смотрел, как ящик сгружали на разгрузочную эстакаду.

— Вы точно знаете, что там внутри?

— Я сам видел, как его опечатывали, — и номера совпадают.

— Ничего не стоит подменить ящик и подделать печати. Я не разрешу никому открывать эту штуку, пока ее не просветили протонами и не обнюхали на наличие взрывчатки.

— Уж не думаете ли вы, что в пути кто-то вскрыл ящик, заложил туда бомбу и снова его запечатал?

— Случаются вещи и почуднее. Я всегда подозреваю худшее — это не дает мне сидеть без дела, а моих людей заставляет быть всегда наготове. В этом ящике может быть все, что угодно, в том числе и то, что туда заложили вы. Я настаиваю на том, чтобы его проверить.

Машина обнюхала ящик и не нашла ничего подозрительного. Протоноскопия тоже. Беникоф, взяв ломик, убедился в сохранности содержимого, снова заколотил ящик, чтобы «Смерть букашкам» никто не видел, и сам отвез его в лабораторию.

— Давайте ее сюда, — сказал Брайан, отпирая дверь. —Я перечитал ту брошюру, что вы мне переслали по факсу, не меньше ста раз. По-моему, очень подозрительно, что в нее вложили устройство для выжигания мозга.

— Было бы еще подозрительнее, если бы его там не оказалось. Пока патент не выдан, всякий может ее скопировать. Обычный способ борьбы с промышленным шпионажем, ничего подозрительного в этом нет. Можешь разобрать ее на части — теперь это безопасно. Парни из команды по обезвреживанию бомб отключили все ловушки.

— Давайте сначала посмотрим, как она работает, — сказал Брайан. — Ее нужно программировать?

— Нет, просто включить.

Металлические руки с жужжанием простерлись в стороны, пальцы вытянулись. Машина медленно повернулась кругом, жалобно загудела и отключилась.

— Недолго музыка играла, — заметила Шелли. Брайан внимательно разглядывал кончик одного из пальцев.

— Готов спорить, что она пыталась уловить определенное излучение — вероятно, хлорофилла. Есть тут где-нибудь цветок в горшке?

— Нет, — ответила Шелли, — но у меня в комнате стоит букет цветов в вазе.

— Прекрасно. Прежде чем мы разберем эту «Смерть букашкам» на части, я хочу своими глазами увидеть, как погибают букашки.

На этот раз машина проработала дольше. Она подъехала к вазе, пробежала пальцами снизу вверх сначала по ней, потом по стеблям и быстро добралась до цветов. Закончив, она удовлетворенно погудела и отключилась.

— А как нам увидеть этих букашек? — спросил Брайан.

— Сейчас покажу. — Бен повернул вокруг оси нижние сегменты обеих рук и вынул встроенные в них контейнеры. — Я вытрясу их на лист бумаги, и мы увидим ее добычу.

Он открыл контейнеры и осторожно высыпал их содержимое на бумагу.

— И все это было на моих цветах? — в ужасе спросила Шелли. — И пауки, и мухи, и даже муравьи!

— И все дохлые, — восхищенно сказал Брайан. — Вот у этого паука аккуратно отрезана голова. Для этого нужны большая точность и острое зрение. Дайте-ка я принесу лупу и рассмотрю остальные останки. — Он низко склонился над бумагой, кончиком карандаша вороша кучку мертвых насекомых. — Тут есть крохотные тли и какие-то насекомые еще мельче, вроде как порошок, — паразиты или клещи. — Он с улыбкой выпрямился. — Не думаю, чтобы все это можно было сделать без моего искусственного интеллекта, хотя и могу ошибиться. Давайте заглянем ей внутрь и посмотрим, что там есть.

Металлический корпус легко снимался — очевидно, он был предназначен только для защиты внутренних частей. Брайан принялся разглядывать схему, водя по ней отверткой.

— Вот питание, красный провод, пять вольт. Стандартное. И один двусторонний световод. Пока что все это стандартные комплектующие. Обычный трансформатор, разъемы — они разъединены.

— Наверное, это сделали парни из ФБР, — предположил Бен. — Вот увидишь, на том, что ей служит центральным процессором, найдется соответствующая панель.

— Вот он, — сказала Шелли, указывая на квадратную металлическую коробочку, установленную сбоку на шасси.

Бен обследовал коробочку со всех сторон, воспользовавшись зеркальцем и лампочкой, чтобы увидеть заднюю стенку и дно.

— С тех пор как я занимаюсь промышленным шпионажем, такие вещи встречаются мне постоянно. Она герметически закрыта, чтобы никто туда не лазил. А вон там ребра теплообменника и вентилятор, чтобы не понадобились никакие отверстия, ведущие внутрь. Видите вот этот шов? Склеен суперклеем, который застывает и становится крепче металла. Не так просто будет туда

проникнуть, так что давайте не будем и пытаться. Мы много чего сможем узнать и не распиливая ее пополам. Но рано или поздно придется залезть и внутрь, — сказал Бен.

— Может быть, но я постараюсь без этого обойтись. Там должен быть резервный аккумулятор, чтобы сохранять программу, записанную на ДБП, при отключении основного. Если учесть, сколько тут было ловушек, наверняка внутри есть еще одна, чтобы никто не мог его открыть.

— Которая закоротит аккумулятор на схему внутри? — спросила Шелли.

— Наверняка. Но чтобы обнаружить разум, необязательно вскрывать мозг! Давайте сначала срисуем схему и точно выясним, как она работает. Потом можно устроить несколько тестов...

Брайан почувствовал, как кто-то дотронулся до его плеча, и, обернувшись, увидел, что позади него стоит Свен.

— Это и есть машина «Смерть букашкам»?

— Да, Свен. Хочешь взглянуть?

— Да.

Одним из своих древовидных манипуляторов Свен оперся о стол и плавным движением уселся на него. Ножки, на которых сидели его глаза, вытянулись в сторону неподвижной машины. Осмотр длился всего несколько секунд.

— Предположение о наличии процессора и схемы искусственного интеллекта больше не вызывает сомнений.

— Вот это мы и хотели услышать, — сказал Брайан. — Оставайся здесь, Свен. Проводить тесты будешь ты.

— Не стану вам мешать, — сказал Бен. — Сообщите мне, как только что-нибудь узнаете. Я буду у себя в кабинете. Мне надо сделать несколько звонков.

— Хорошо. Сейчас я вас выпущу.

Проверка фирмы «ДигиТекс» шла полным ходом. Беникоф позвонил агенту ФБР Дэйву Мэньясу, который с самого начала этим занимался. Но к телефону подошел кто-то другой.

— Извините, мистер Беникоф, но его сейчас здесь нет. Он просил передать вам, когда вы позвоните, что поехал к вам.

— Спасибо.

Бен положил трубку. Значит, это что-то важное, раз Мэньяс не захотел воспользоваться телефоном. Терпение! Это все, что ему остается.

Он шагал из конца в конец кабинета, время от времени прихлебывая из второй чашки кофе, когда вошел Мэньяс.

— Говорите, — сказал Бен. — Я тут уже дорожку в ковре протоптал за то время, что вы добирались.

— Дела идут прекрасно. Я все вам расскажу, если вы нальете мне большую чашку кофе. Может быть, вы сегодня ночью и спали, но ваш покорный слуга и глаз не сомкнул.

— Искренне соболезную,— равнодушно ответил Бен. —Не тяните, Дэйв, выкладывайте. Что случилось? Вот кофе.

— Спасибо. — Мэньяс плюхнулся на диван и отхлебнул большой глоток. — Мы начали наблюдение за «ДигиТекс», как только получили ваш доклад. Это не такая уж крупная фирма, всего сто двадцать служащих. Мы внедрили туда агента.

— Так быстро? Молодцы.

— Нам просто повезло. Одна их секретарша заболела гриппом. Мы сразу начали прослушивать их разговоры и услышали, как они затребовали кого-нибудь на замену. К ним явилась наша сотрудница. Она программист с большим опытом конторской работы, ей и раньше приходилось такими вещами заниматься. Незаконные сделки, служебные преступления. В бумагах можно найти все, что угодно, если только знать, где искать, — а она знает. В эту «Смерть букашкам» вложены большие деньги. На заводе выстроен целый новый корпус, завезено много дорогого оборудования.

— Она уже видела документацию компании?

— Всю, какая есть. Как всегда, у замков на сейфах там простенькие цифровые коды — номера телефонов, имя жены, вы знаете, как это обычно делается. Все оказалось даже еще проще, потому что у главного бухгалтера коды, открывающие ему доступ к данным, записаны на карточке, приклеенной в ящике стола. Ей-богу, правда!

— Хороший знак — а может быть, и плохой. Если бы им было что прятать, они прятали бы это куда лучше.

— Это никогда не известно. Большая часть жуликов особым умом не отличается. — Он выложил на стол ГБП. — Во всяком случае, вот все, что у нас пока есть. Документация компании со дня ее основания. Сейчас мы собираем материалы обо всех ответственных работниках. Вы их получите, как только будут готовы.

— Можно сделать какие-нибудь выводы?

— Пока еще рано, Бен. Налейте и мне еще чашку, раз уж вы за это взялись. Некоторое время назад у них, по-видимому, начались кое-какие финансовые затруднения, но они выпустили в продажу акции и получили за них больше, чем им было нужно.

— Мне нужно будет знать, кому принадлежат акции.

— Выясним. Вы думаете, это те, кого мы ищем?

— Скоро узнаем. Если они занимаются коммерческим сбытом искусственного интеллекта, то там должно быть множество документов относительно того, кто его разработал и как. Если таких документов у них не найдется, — значит, нам повезло, а им нет.

В пять часов, не дождавшись звонка Брайана, Бен отправился в лабораторию. Входная дверь была вся загромождена цветами в горшках и пальмами в бочках — чтобы добраться до двери, Бену пришлось перелезть через эти джунгли. Похоже было, что сюда собрали все растения, какие только были в «Мегалоуб». Бен поднял руку и пощелкал пальцами перед глазом телекамеры, установленной над дверью.

— Эй, есть кто-нибудь дома?

— Привет, Бен, — послышался в ответ голос Брайана. — Я как раз собирался вам звонить. Тут у нас есть кое-что интересное. Подождите секунду.

Горшками был заставлен и весь рабочий стол в лаборатории. Первое, что увидел Бен, были «Смерть букашкам» и Свен, которые словно сплелись в нежном объятии: робот стоял рядом с полуразобранной машиной, запустив в ее внутренности свои разветвляющиеся пальцы.

— Любовь с первого взгляда? — спросил Бен.

— Не совсем. Мы просто прослеживаем входы и обратные связи. Если рассмотреть эти ее пальцы под лупой, то видно, что они собраны в правильные пучки. В каждом пучке есть по пучку поменьше из трех частей — двух оптических датчиков и одного источника света. Датчики установлены на одинаковом расстоянии друг от друга. Это вам ни о чем не говорит?

— Говорит — о бинокулярном зрении.

— Угадали. А кроме того, что можно назвать глазами, в каждом пучке есть еще по четыре механических манипулятора. Три тупых — для хватания, а четвертый с острым краем — для расчленения. Он отрезает насекомому голову, прежде чем бросить его в бункер. Каждый пучок работает независимо от других — почти.

— Как это понять?

— Давайте я прокручу вам пленку, и вы сами увидите. — Брайан вставил в видеомагнитофон кассету и нашел нужное место.

— Мы снимали на очень высокой скорости, а показываем медленно. Смотрите.

Изображение было ярким, четким и во много раз увеличенным. Округлые металлические прутья медленно охватили муху размером в полметра с медленно и беспомощно трепетавшими крыльями и утащили ее куда-то из кадра. То же случилось и с тлей, сидевшей рядом.

— Сейчас прокручу еще раз, — сказал Брайан. — Теперь следите за второй букашкой. Смотрите — видите над ней пучок пальцев? Сначала они неподвижны, а вот заработали. Но муха и с места не двинулась, пока они ее не схватили. Понимаете, что это значит?

— Видеть я видел, но сегодня я что-то недогадлив. Что же это значит?

— Рука не пользовалась грубой силой и скоростью движений, не пыталась поймать муху на лету. Вместо этого робот использует свои знания, чтобы предугадать поведение каждого насекомого! Когда машина нацеливается на муху, она, приближаясь к ней, втягивает свои хватательные пальцы, так что мухе кажется, будто они от нее удаляются, — пока не окажется, что улетать ей уже поздно. И мы уверены, что это не случайность. Похоже, что «Смерть букашкам» знакома с поведением любого насекомого, какое только есть вот в этой книге.

Брайан протянул Бену толстый том — «Справочник по этологии насекомых» 2018 года издания.

— Но откуда она может знать, с каким насекомым имеет дело? Для меня все они на одно лицо.

— Хороший вопрос. Распознавание образов с самого первого дня было для разработчиков искусственного интеллекта настоящим проклятием. Промышленные роботы всегда плохо распознавали детали, сборкой которых занимались, если они не были повернуты к ним определенным образом. Когда мы видим чье-то лицо и узнаем его, в этом участвуют тысячи различных сигналов. Чтобы написать программу для сбора букашек с растений, пришлось бы описать в ней всех букашек, какие только есть на Земле, их размеры в любом ракурсе и все прочее. Программа получилась бы очень громоздкая и трудная. Но для вас, или для меня, или для действительно человекоподобного искусственного интеллекта собрать букашек ничего не стоит. Опознать их, протянуть руку, схватить — невероятно сложные действия, но они для нас незаметны. Это один из атрибутов, одна из функций интеллекта. Мы протягиваем руку и хватаем — и все тут. Вот это, как нам кажется, здесь и происходит. Если там сидит искусственный интеллект, он протягивает пучок пальцев и хватает букашку. Как

только букашка схвачена, он передает пучок, который ее держит, в распоряжение другой подпрограммы, которая снимает букашку с листка, отрезает ей голову и сбрасывает в бункер, после чего пучок возвращается в рабочее положение, готовый выполнить новую команду. За это время искусственный интеллект вывел другой пучок на хватательную позицию, потом еще один и еще, передавая управление ими быстрее, чем мы можем увидеть в реальном времени. Точно так же действовали бы и мы с вами.

— Говорите о себе, Брайан. По мне, это довольно скучное занятие.

— Машинам не бывает скучно — во всяком случае пока. Но до сих пор все это были косвенные соображения. А теперь я покажу вам кое-что получше. Видите, как Свен подключился к системе управления «Смерти букашкам»? Он считывает все входные сигналы с детекторов и все идущие в обратном направлении управляющие команды. Вы, конечно, знаете, что сообщество сознания — человеческого или искусственного — состоит из очень маленьких элементов, каждый из которых сам по себе интеллектом не обладает. То, что мы называем интеллектом, — это их совокупные действия. Если бы мы могли вытащить один из элементов и посмотреть на него, мы могли бы понять, как он действует.

— В мозгу человека?

— Нет, это вряд ли возможно. А вот в искусственном интеллекте, на раннем этапе его конструирования, эти элементы можно вычленить. Анализируя кое-какие контуры обратной связи «Смерти букашкам», мы обнаружили одну повторяющуюся последовательность — фрагмент программы, который можно опознать. Вот он — сейчас вам покажу.

Брайан нажал несколько клавишей, и на экране появилась серия команд. Он потер руки и радостно улыбнулся.

— А теперь я хочу показать вам еще один фрагмент программы. Он из мексиканской базы данных. Блок команд, которые я даже не помню, — но написать их мог только я. Теперь я разделю экран пополам и выведу туда и его.

На экране появились рядом обе программы. Брайан начал медленно листать их. Бен некоторое время переводил взгляд с одной на другую, а потом ахнул:

— Боже, да они совершенно одинаковы!

— Так оно и есть. Одну я написал больше двух лет назад. Другая — в этой машине. Они идентичны.

Бен вдруг помрачнел.

— Ты хочешь сказать, что нигде в мире больше нет этого фраг-

мента? Что он не используется ни в одной коммерческой программе?

— Именно это я и хочу сказать. Я написал его и отправил резервную копию в Мексику. Оригинал был похищен. Те, кто это сделал, вероятно, не смогли толком в нем разобраться, чтобы переписать все заново, и просто использовали его как есть. И кто бы там его ни похитил, этот фрагмент встроен в машину для ловли букашек. Они попались!

— Да, — тихо произнес Бен. — Кажется, они действительно попались.

Глава 30

12 сентября 2024 года

— Вы отдаете себе отчет в том, что прошла уже целая неделя? — спросил Брайан. — Черт возьми, целую неделю назад я неопровержимо доказал, что этого железного недоноска для ловли букашек построили те самые люди, кто похитил мой искусственный интеллект. И еще — это, может быть, не так уж важно для вас, но чертовски важно для меня, — те самые люди, кто тогда отстрелил мне полголовы. И за эту неделю не сделано абсолютно ничего!

— Это не совсем так, — возразил Бен как мог спокойно и мягко. — Расследование продолжается. Им так или иначе заняты, вероятно, больше восьмидесяти наших агентов...

— Мне все равно, пусть даже этим займется сразу весь штат ФБР, и ЦРУ в придачу. Когда что-нибудь будет сделано?

Бен молча отхлебнул пива. Они уже больше часа сидели в квартире Брайана, ожидая обещанного звонка. Нервы у обоих были на пределе. Бен уже не раз терпеливо объяснил, почему могла произойти задержка. Но у Брайана терпение кончилось — и его можно было понять. Атмосфера понемногу накалялась с того самого момента, когда обнаружилось, что «ДигиТекс» использует разработки Брайана для производства искусственного интеллекта. Он все ждал, когда что-нибудь произойдет, когда что-то наконец выяснится. Работа в лаборатории приостановилась. Не помогла и третья, угрожающих размеров, порция «Маргариты», которую смешал себе Брайан: недавно один из сержантов в клубе показал ему, как это делается, и он вошел во вкус. Он только взял бокал и отпил изрядный глоток, когда раздался звонок.

Брайан проглотил все разом, поперхнулся, отставил бокал и, нащупав на поясе телефон, едва выговорил:

— Да?.. — Он закашлялся. — Повторите, пожалуйста. Хорошо. — Он вытер платком глаза, обтер рот и с трудом перевел дыхание. — Совещание начинается через десять минут.

— Пошли, — с огромным облегчением сказал Бен, поставив на стол свой бокал и вставая. Выйдя из дверей казармы, они увидели, что их поджидает майор Вуд с отрядом солдат.

— Мне не нравится, что вы показываетесь на публике, — резко сказал майор.

— Мы недалеко, — ответил Бен. — Только до административного корпуса, а он, как вы можете видеть, в двух шагах отсюда.

— И чертовски близко к воротам, а до шоссе там рукой подать.

— Майор, я уже вам объяснял: никак иначе этого сделать нельзя. Мы должны воспользоваться конференц-залом. Все пошли нам навстречу. По вашему требованию служащих «Мегалоуб» с обеда распустили по домам. Техники проверили зал и все здание. Что вам еще нужно? Зенитную батарею?

— Это у нас уже есть. На крышах четырех корпусов стоят ракетные установки «земля—воздух». Пошли.

Повсюду виднелись вооруженные до зубов солдаты. Даже поваров вызвали с кухни и поставили в оцепление. Хотя до административного корпуса была всего сотня-другая метров, майор настоял на том, чтобы они проехали это расстояние на бронетранспортере.

Брайан еще никогда не бывал в конференц-зале «Мегалоуб» и с большим интересом оглядывался по сторонам. Зал был отделан роскошно: Ван Гог на стене, вполне возможно, подлинный, неяркое освещение, толстый ковер на полу, длинный стол черного дерева с креслами по одну его сторону. Всю стену, к которой стол был придвинут другой стороной, занимало зеркальное окно. Отсюда, с пятого этажа, открывался великолепный вид на пустыню и далекие горы.

— Пожалуй, пора, — сказал Бен, взглянув на часы. В эту самую секунду вид на пустыню исчез, и вместо него появился еще один конференц-зал. Только теперь Брайан сообразил, что вся стена представляла собой телеэкран высокого разрешения, а изображение на него передавали стереокамеры, выпуск которых недавно начался.

Хотя впечатление было такое, будто участники совещания находятся в одной комнате, их разделяла вся территория страны. Стол, за которым сидели те, кто был в столице, тоже стоял вплот-

ную к экрану — казалось, что все собрались за одним столом. «Наверное, для таких телесовещаний столы специально делают одинаковой длины и высоты», — подумал Брайан.

Все заняли свои места.

— Брайан, ты, по-моему, незнаком с агентом Мэньясом — он с самого первого дня занимался этим расследованием от ФБР.

— Рад с вами наконец познакомиться, Брайан.

— Здравствуйте, — это было все, что мог придумать в ответ Брайан. Можно считать это знакомством или нет? Очевидно, для агента ФБР такие совещания были привычнее, чем для него.

— Готов ввести нас в курс дела, Дэйв? — спросил Бен.

— Для этого мы и собрались. Вы получали копии всей нашей информации сразу после ее обработки. Есть какие-нибудь вопросы?

— Конечно, есть! — резко сказал Брайан, которого не оставляло нетерпение. — Не кажется ли вам, что давно пора предпринять какие-то действия, чтобы схватить преступников?

— Да, сэр, безусловно, пора. Поэтому мы и собрали это совещание.

— Хорошо, — отозвался Брайан, удовлетворенно откинувшись на спинку кресла и чувствуя, что напряжение, в котором он жил последние несколько дней, начинает спадать.

— Позвольте обрисовать вам положение дел на сегодняшний день. Сейчас в нашем распоряжении находится вся документация компании «ДигиТекс», а также личные дела всех ее сотрудников. Наступил такой момент, когда мы уже больше ничего не можем получить ни из общедоступных, ни из секретных источников. Мы полагаем также, что продолжать слежку нецелесообразно. Наши люди ведут ее весьма хорошо и профессионально, однако с каждым днем растет вероятность, что их случайно обнаружат. Поэтому было решено, что сегодня в четыре часа дня по времени Горного часового пояса наступит оптимальный момент для операции. — Брайан взглянул на часы — до этого момента осталось сорок пять минут. — Сейчас агент Ворски объяснит вам, что произойдет.

Худой человек с военной выправкой кивнул им с экрана и взглянул на лежавшие перед ним бумаги.

— В настоящий момент на заводе работают четверо наших агентов.

— Так много? — спросил Бен. — Это обязательно вызовет подозрения.

— Да, сэр, вызвало бы, если бы операция была отложена. Это

одна из причин, почему мы начинаем сегодня. Об одном из агентов, который работает в заводоуправлении, вы знаете. А два дня назад там имели место три случая легкого пищевого отравления, вызванные неисправностью холодильной установки в одной из автомашин, доставляющих на завод продукты. В агентстве по найму, которое обслуживает «ДигиТекс», состояли на учете наши агенты.

Никто не поинтересовался, почему эти случаи отравления произошли так кстати, и Брайан тоже решил ни о чем не спрашивать.

— Наш план очень прост и был уже не раз проверен на практике. Ровно в четыре прозвучит пожарная тревога, и всем будет предложено покинуть здания. Как только это произойдет, двое наших агентов займут заводоуправление и перекроют доступ ко всей документации, а другие двое возьмут на себя исследовательский отдел. Ударным группам, которые выдвинутся на место, выданы вот такие каски, которые позволят нам следить за ходом операции на всех ее этапах. — Он полез рукой куда-то вниз и вынул каску, которую положил на стол. Она была похожа на бейсболку из какого-то черного пластика с фонарем наверху.

— Она изготовлена из очень прочного пластика и защищает голову. Но для нас важнее вот эта камера кругового обзора на макушке. Она работает автономно, изображение стабилизируется с помощью лазерного гироскопа, а управляют камерой наши операторы, которые сидят здесь. В какую бы сторону ни шел тот, на ком надета каска, и куда бы он ни повернул голову, мы будем видеть то, что нам нужно.

Он повертел каской в воздухе, поворачивая ее во всех направлениях, — объектив постоянно был направлен в сторону экрана.

— Ударных групп шесть, а этим устройством в каждой группе будет снабжен один человек. Все шесть изображений появятся на наших экранах. Наши режиссеры будут увеличивать то из них, которое нас больше интересует, и мы услышим его звуковое сопровождение. Разумеется, все изображения будут записаны для дальнейшего изучения. А сейчас вы будете иметь возможность следить за операцией в реальном времени.

— Есть какие-нибудь вопросы? — спросил Мэньяс. — Я еще успею рассказать вам, что мы будем делать. Прежде всего мы возьмем под охрану все оборудование и документацию, чтобы ничего нельзя было уничтожить или вывести из строя. Затем все, кто там работает, включая тех четверых служащих, которые сегодня больны, будут задержаны и допрошены. У нас к ним много

вопросов, и я знаю, что на все мы получим ответы. Сейчас начинаем отсчет — осталось десять минут.

Второй конференц-зал исчез, и на его месте появилось шесть экранов, на которых не видно было ничего интересного. Две камеры, видимо, находились внутри закрытых фургонов: контрастные черно-белые изображения были получены, очевидно, в инфракрасных лучах. На правом верхнем экране виднелась густая листва деревьев, остальные три были пусты. Брайан указал на них:

— Что, перегорели?

— Вероятно, отключены. Эти агенты либо в своих машинах, либо видны окружающим. Пока не стоит привлекать внимание, надевая эти шапки, — уж очень они напоминают мультики. Осталось шесть минут.

Когда осталось две минуты, на экранах началось какое-то движение. Теперь горели уже все шесть экранов, на двух из них съемка шла с передних сидений движущихся автомобилей. Все ударные группы одновременно приближались к заводским зданиям.

С наступлением намеченного момента события стали развиваться очень быстро. Завыли сирены пожарной тревоги. Камеры на всех касках, которыми управляли операторы из центра, по-прежнему были направлены прямо вперед, но некоторые изображения слегка подпрыгивали: агенты в касках куда-то бежали. Одна за другой распахивались двери, слышались удивленные возгласы и суровые голоса, приказывающие оставаться на местах.

Потом одно из изображений внезапно увеличилось — на нем было видно, как вооруженный агент взламывает какую-то дверь. Внутри оказалась группа людей, стоящих лицом к стене с поднятыми руками. Позади них стоял еще один человек с пистолетом — очевидно, тоже агент, потому что остальные пробежали мимо.

— Это лаборатория электроники, — сказал Брайан. Сцена в лаборатории снова уменьшилась, а вместо нее появился другой увеличенный кадр — люди, вбегающие в дверь, и какая-то перепуганная женщина, пытающаяся их остановить.

— Что такое? Сюда вход воспрещен! Кто вы такие?

— Мы из ФБР. Отойдите в сторону, пожалуйста. — Чья-то рука протянулась вперед и распахнула внутреннюю дверь. Очевидно, помещение было звукоизолировано, потому что седой человек, сидевший за большим столом и набиравший номер, даже не поднял

головы. Только когда камера переместилась в комнату, он что-то услышал и посмотрел в ее сторону, положив трубку.

— Где пожар? И что вы делаете в моем кабинете?

— Никакого пожара нет, мистер Томсен.

— Тогда вон отсюда — и немедленно!

— Вы мистер Томсен, исполнительный директор компании «ДигиТекс»?

— Я вызываю полицию! — рявкнул Томсен, хватаясь за трубку.

— Мы и есть полиция, сэр. Вот, смотрите.

Томсен взглянул на предъявленный ему значок и медленно опустил трубку.

— Значит, вы из ФБР? А теперь скажите-ка мне, какого дьявола вы тут делаете?

Он откинулся на спинку кресла. Лицо его стало мертвенно-бледным.

— Вы мистер Томсен?

— Какого дьявола, там на двери написано, кто я такой. Скажете вы мне, что вы тут делаете, или нет?

— Я хочу сразу же предупредить вас и убедиться, что вам известны ваши права.

Томсен молча слушал, как агент зачитывает ему по бумажке статьи закона, и, только когда тот кончил, повторил свой вопрос.

— Мы проводим расследование, касающееся вашей компании и вас лично...

— Это я и так вижу! А теперь скажите, что за игру вы тут затеяли.

— У нас есть основания считать, что некое лицо или лица, являющиеся служащими этой компании, непосредственно замешаны в преступлении, совершенном 8 февраля прошлого года в Калифорнии, в компании «Мегалоуб индастриз».

— Я не знаю, о чем вы...

Дальнейшее произошло с ужасающей внезапностью. Раздался оглушительный взрыв, весь экран закрыли языки пламени и клубы дыма. Послышались громкие возгласы и чей-то отчаянный вопль. Изображение на экране резко дернулось, в кадре появился кусок пола, потом стена, которая поплыла куда-то в сторону.

Под непрекращающиеся крики на экране появился еще один увеличенный кадр — передающая его камера быстро перемещалась через дверь в комнату. Весь кабинет был завален дымящимися обломками. Несколько человек давились кашлем в дыму «Врача!» — крикнул кто-то. Один за другим агенты поднимались

на ноги. Камера обошла всю комнату и остановилась на белой стене.

— Кровь, — сказал Беникоф. — Какого дьявола, что там случилось?

Те же слова неслись и с экрана. Камеру оттолкнули в сторону — в комнату вбежали двое врачей и склонились над телами, лежавшими на полу. Через секунду один из агентов, с лицом, перемазанным копотью и струйкой крови, сбегающей по лбу, повернулся к камере.

— Взрывные устройства. В телефонах. Тот, что на столе, был рядом с нами. У меня двое тяжелораненых. А у подозреваемого — у него телефон был на поясе. — Агент помедлил, потом, переведя дух, мрачно произнес: — В общем, он готов. Разорван пополам.

Глава 31

12 сентября 2024 года

Все сидели и молча слушали поступавшие одно за другим сообщения. Если не считать этого несчастного случая, операция завершилась полным успехом. Все подозреваемые были настигнуты и задержаны, ни документация, ни оборудование не пострадали. Подошли полицейские части, которые оцепили территорию. В первоначальный план пришлось внести лишь одно изменение: теперь каждое здание, прежде чем в него войдут специалисты, подвергалось тщательному осмотру усиленного подразделения по обезвреживанию бомб, и вход на территорию завода всем остальным был запрещен до тех пор, пока они не обеспечат полную безопасность.

Из агентов один был убит, один тяжело ранен.

— Самоубийство? — спросил Брайан. — Томсен покончил с собой, Бен?

— Не думаю. Сначала он держался нагло, но уже начинал сдавать — ты видел, как он был встревожен. Если он замышлял самоубийство, он был замечательный актер. Могу предположить, что его убили, чтобы не проболтался. Он наверняка располагал информацией о тех, кого мы ищем, — возможно, и сам был одним из них. Им уже не впервой убивать или покушаться на убийство, чтобы заставить людей молчать. Это жестокие люди.

— Но как они могли узнать, что происходит?

— Самыми разными способами. В кабинете, а может быть, и по всему зданию могли стоять подслушивающие устройства.

Скорее всего обнаружится, что это были телефоны. Они теперь делаются на твердотельных элементах и никогда не ломаются. И в них помещается множество всяких штучек. Они могут записывать сообщения, отвечать на вызовы, обеспечивать связь на расстоянии, проводить телефонные совещания, принимать факсы, да мало ли чего еще. Ничего не стоит сделать так, чтобы телефон был постоянно включен и прослушивался другим абонентом. А еще — поместить внутрь пластиковый заряд со взрывателем, настроенным на определенный код. Он может лежать там много лет в ожидании нужного момента. А потом, когда этот момент наступит и тому, кто подслушивает, не понравится то, что происходит, — он нажимает на кнопку, и бабах! Разговор окончен.

— Это ужасно!

— Они ужасные люди.

— Но они должны были подслушивать круглые сутки... хотя нет. Не так уж сложно поставить автомат, опознающий слова. И настроить его на определенные слова — например «ФБР» или «Мегалоуб», вот и все. Когда какое-нибудь из них приведет в действие программу, она пробьет тревогу, кто-то сразу же начнет слушать и решит, что делать. Это страшные люди. Пока мы тут сидели и слушали, что происходит в кабинете, где-то еще то же самое слушал какой-то мерзавец. И как только он понял, в чем дело...

— Тут он и положил конец разговору. Конечно, скверное дело, но пусть это тебя не слишком огорчает. Расследование не кончилось, а только начинается. Они хорошо замели следы, — но вы со Свеном их обнаружили. Один негодяй мертв, еще кто-то прячется, но все улики у нас в руках. Мы их еще выловим.

— А пока я по-прежнему заперт в «Мегалоуб». Как в пожизненном заключении.

— Рано или поздно это кончится, я тебе обещаю.

— Вы не можете ничего обещать, Бен, — устало произнес Брайан. — Я пойду прилягу. Поговорим завтра утром.

Он ушел к себе, бросился на кровать и тут же заснул. Проснулся он в одиннадцатом часу вечера и сообразил, что разбудило его бурчание в животе — он ничего не ел вот уже четырнадцать часов. И много пил — наверное, слишком много. В холодильнике он нашел сухой завтрак и литровый пакет молока и приготовил себе кашу. Включив недавно установленное в комнате окно (которое не было окном), он поставил перед ним стул и принялся не

спеша есть, глядя на пустыню, залитую лунным светом, и на звезды, ярко светившие даже у самого горизонта.

Что будет дальше? Оказались ли они снова в тупике после смерти Томсена? Или в ходе расследования выйдут на людей, которые за ней стояли? На ту неизвестную шайку убийц, которые задумали и похищение материалов, и все эти убийства?

Было уже очень поздно, когда Брайан разделся и улегся в постель. Он спал как убитый до тех пор, пока его не разбудило жужжание телефона. Протерев глаза, он взглянул на часы — было уже одиннадцать утра.

— Да?

— Доброе утро, Брайан. Вы сегодня будете в лаборатории?

Он еще об этом не думал — слишком устал, слишком скверное настроение. И вообще слишком много событий.

— Нет, Шелли, вряд ли. Мы слишком долго работали без выходных. Нам обоим пора денек отдохнуть.

— Поговорим за обедом?

— Нет, у меня... другие дела. Делайте что хотите, я позвоню вам, когда придет время снова приступать к работе.

Подавленное настроение не покидало его. Когда они обнаружили след, ведущий к «ДигиТекс», он так надеялся! Он был так уверен, что на этом все кончится, что его скоро выпустят на свободу. Но ничего не изменилось. Он все еще заперт здесь и не может выйти, пока заговорщиков не найдут. Если их вообще найдут. Но эта мысль была для него невыносима.

Он попробовал посмотреть телепередачу, но скоро заметил, что ничего в ней не понимает. Так же как и в «Национальных ежегодниках», комплект которых он распечатал и переплел. Обычно он с большим интересом листал их, пытаясь воссоздать пропущенные годы. Но не сегодня. Он смешал себе «Маргариту», пригубил, поморщился и выплеснул коктейль в раковину. Слишком рано, и вообще алкоголь — не выход. Вместо этого он сделал бутерброд с сыром и томатным соусом и позволил себе запить его одной банкой пива.

Тщетно прождав звонка Бена до полудня, Брайан позвонил ему сам. Никаких новостей, дела идут, но медленно. Надо ждать у телефона, он позвонит, как только что-нибудь произойдет. Спасибо.

В конце концов Брайан взялся за свою старую любовь — Э. Э. Смита и перечитал заново четыре тома его фантастики. И несколько рассказов Бенфорда о роботах. А потом улегся в постель.

Телефон зазвонил только в полдень следующего дня. Он схватил трубку.

— Бен?

— Это доктор Снэрсбрук, Брайан. Я только что приехала в «Мегалоуб» и хотела бы повидаться с тобой.

— Но я... м-м-м... немного занят сейчас, доктор.

— Ничем ты не занят. Ты сидишь один у себя и не выходил уже два дня. Люди встревожены, Брайан, вот почему я здесь. Как твой лечащий врач я говорю тебе, что нам надо повидаться.

— Может быть, попозже? Я позвоню вам в клинику.

— Я не в клинике. Я внизу в том же здании, где и ты. Я хотела бы подняться к тебе.

Брайан хотел было возразить, но потом примирился с неизбежным.

— Дайте мне пять минут, чтобы хоть что-нибудь надеть.

Он оделся и, услышав звонок, открыл дверь.

— Выглядишь ты неплохо, — сказала Эрин Снэрсбрук, когда он ее впустил. Окинув его профессиональным взглядом, она вынула из сумочки аппарат для диагностики.

— Дай-ка мне руку, пожалуйста.

Одного прикосновения к его коже было достаточно. Машинка радостно зажужжала, и на ее экране появились цифры и буквы.

— Кофе? — спросил Брайан. — Я только что заварил.

— С удовольствием, — сказала она, вглядываясь в маленький экран. — Температура, давление, глюкоза, фосфоламин — все в норме, только альфа-реактиназа немного выше. Как голова?

Он провел рукой по коротким рыжим волосам.

— Как всегда: никаких симптомов, никаких проблем. Вы вполне могли бы и не приезжать. Физически я в полном порядке. Это все старая добрая меланхолия и депрессия.

— Тебя можно понять. Со сливками, сахара не надо. Спасибо.

Она уселась в одно из кресел за столом и начала мешать ложечкой в чашке, пристально глядя в нее, словно это был магический хрустальный шар.

— Ничего удивительного, я должна была это предвидеть. Ты слишком много работал, слишком напрягал мозг, переутомился. Не забудь — делу время, потехе час.

— Какие уж там потехи в этой казарме или в лаборатории!

— Ты совершенно прав, с этим надо что-то делать. Я виновата, что не прекратила это с самого начала. Но мы оба так радовались твоему выздоровлению, тому, что ты получил доступ к процессору-имплантату, — в общем, всему. А работа у тебя шла так хоро-

шо, что был постоянный эмоциональный подъем. А теперь наступил крутой спад. Убийство в «ДигиТекс» и тупик, в котором они оказались, стали последней соломинкой.

— Вы об этом знаете?

— Бен все мне рассказал под строгим секретом. Поэтому я сразу же и приехала сюда. Чтобы тебе помочь.

— И что вы мне пропишете, доктор?

— Как раз то, чего тебе хочется. Выбраться отсюда. Отдых и полную перемену обстановки.

— Прекрасно, только на это в ближайшем будущем у меня мало шансов. Я ведь здесь настоящий пленник.

— Почему ты так думаешь? Разве положение не изменилось после разоблачения «ДигиТекс»? По-моему, изменилось. Я велела Бену немедленно прибыть сюда со всеми подробностями. Мне кажется, систему безопасности здесь нужно серьезно пересмотреть, — и я на твоей стороне.

— Неужели?! — Брайан вскочил на ноги и принялся шагать по комнате. — Только бы мне вырваться отсюда! А с вашей помощью это мне, может быть, и удастся.

Он потер небритую щеку и почувствовал уколы щетины.

— Наливайте себе еще кофе, — сказал он, направляясь в ванную. — Мне надо побриться, принять душ и переодеться в чистое. Я сейчас.

Как только он скрылся за дверью, улыбка сползла с ее губ. Она была далеко не уверена, что сможет убедить начальство предоставить Брайану чуть больше свободы. Но она была твердо намерена потребовать, чтобы оно многое изменило. Она приняла решение и сознательно встала на сторону Брайана, чтобы оказать ему моральную поддержку, в которой он так нуждался. Даже если отчасти это и была всего лишь уловка, рассчитанная на то, чтобы поднять его настроение, она искренне стремилась ему помочь. Нет, это не цинизм, это логика. Эрин никогда не была замужем, вся ее жизнь была посвящена работе, — но за Брайана, которого она вытащила из могилы, подарив ему новую жизнь, она чувствовала такую же ответственность, как за собственного ребенка. И она была готова драться за то, чтобы он мог получить какие-то права, привилегии, радости, — как кошка дерется за своих котят.

Вскоре явился Беникоф — олицетворение мрака и безысходности: все по-прежнему, ничего нельзя изменить, пока не будут получены дополнительные улики. Она встретила Бена так же неприветливо, как и Брайан, сидя рядом с ним на диване — не случайно, а чтобы подчеркнуть, что она на его стороне, и сердито грозя Бену пальцем.

— Нет, все это никуда не годится. Когда кругом наемные убийцы и преступники, еще ладно — ради Брайана я согласилась на все эти меры безопасности. Но сейчас все изменилось...

— Нет, доктор, не изменилось. Мы все еще не нашли тех, кто за этим стоит.

— Все это чушь — прошу извинить за выражение. Вы забыли, что покушение на жизнь Брайана было устроено потому, что он остался жив после того, первого налета? Это угрожало будущей монополии похитителей на искусственный интеллект. Но теперь вы вышли на этот завод по производству искусственного интеллекта и обнаружили какую-то дурацкую машину для ловли букашек. Ничего себе достижение! Да теперь, когда Брайан со своим искусственным интеллектом далеко их опередил, мы можем производить собственные машины, которые будут куда лучше! Вы вообще понимаете, что я хочу сказать?

— В этом, по-моему, есть большой смысл, — вмешался Брайан. — Вместо всех этих мер безопасности и секретности мы должны теперь рассказать всему миру о наших успехах с искусственным интеллектом. Раззвонить везде, что скоро мы запустим в производство новых роботов, которые перевернут всю жизнь человека. Будем продолжать выпуск «Смерти букашкам», а здесь, в «Мегалоуб», начнем делать какие-нибудь еще изделия с искусственным интеллектом — не забудьте, что для этого меня и взяли сюда на работу с самого начала! Монополия ликвидирована, тайна раскрыта — зачем им теперь меня убивать?

— Ты в чем-то прав.

— В этом все дело. Вы тут главный, вы можете принять решение.

— Эй, погоди, не так скоро. Я главный только в расследовании налета на «Мегалоуб». А системой безопасности, как тебе известно, заведует твой приятель генерал Шоркт. Все это решать ему.

— Тогда идите к нему и добейтесь для Брайана немного свободы! — настойчиво сказала доктор Снэрсбрук. — Как лечащий врач Брайана я утверждаю, что это необходимо для его здоровья.

— Я на вашей стороне, — ответил Бен, поднимая руки в знак того, что сдается. — Как можно скорее отправляюсь к нему.

— Вот и прекрасно! — радостно сказал Брайан. — Но пока вы еще не убежали, расскажите, как движется дело «ДигиТекс»?

— Все записано вот на этой ГБП, я знал, что ты этим заинтересуешься. Но я могу и рассказать в двух словах. Обнаружилось

много любопытных подробностей. Мы почти уверены, что «ДигиТекс» была только прикрытием для этой операции и что один только Томсен знал, что она имеет отношение к «Мегалоуб». Примерно год назад кто-то выкупил «ДигиТекс» за большие деньги — тогда здесь и появился Томсен. У него довольно темное прошлое, о чем в компании не знали. Пара банкротств и даже судебное дело — прекращенное за недостатком улик — по обвинению в противозаконных коммерческих операциях. Он неплохой делец, но слишком жаден, чтобы остаться честным.

— Самая подходящая фигура для прикрытия.

— Правильно. Характер производственной деятельности фирмы остался почти тем же, в кадровом составе, конечно, были сделаны некоторые изменения, но такие, какие бывают в любой компании. Все перемены коснулись исследовательского отдела. Был построен новый лабораторный корпус, и началась работа над усовершенствованными экспертными системами. Во всяком случае, так думали все, кто работал в лабораториях. В их разговорах, конечно, упоминался искусственный интеллект, но никто не знал, что он краденый. От них требовалось только встроить его в их машину для ловли букашек.

— Но кто-то в исследовательском отделе должен был это знать, — сказала доктор Снэрсбрук.

— Разумеется. И это был некий доктор Бочерт, который в компании руководил исследованиями, касающимися роботов.

— А кто он такой? — спросил Брайан.

— Этого мы пока не знаем, потому что не смогли его разыскать. Пожилой человек, за семьдесят, а может быть, и за восемьдесят — так говорят техники, которые у него работали. Несколько месяцев назад ему стало плохо, и его увезла «Скорая помощь». Служащим сказали, что он тяжело болен и находится в больнице. Кое-кто посылал ему цветы и записки и получал ответы с благодарностью, написанные медсестрой.

— А в какой он был больнице? Разве нельзя по конвертам определить, где он лежал?

— Интересный вопрос. Но похоже, что вся почта из больницы адресовалась Томсену — он сам вскрывал конверты и раздавал записки.

— Давайте я скажу, что выяснилось дальше, — предложил Брайан. — Ни одна «Скорая помощь» ни из какой больницы тех мест никого из «ДигиТекс» не забирала. И этот старый сукин сын не зарегистрирован ни в одной больнице в радиусе двухсот километров.

— Ты быстро набираешься опыта, Брайан. Так оно и есть, и дальше мы пока не продвинулись. Снова тупик. Правда, мы нашли твой украденный искусственный интеллект. Но где-то еще могут быть другие, так что мы продолжаем поиски.

— И я буду продолжать, — сказал Брайан, решительно подойдя к столу и схватив ГБП, которую принес Бен. — Свен снова примется за работу. Он уже нашел искусственный интеллект, и не сомневаюсь, что из той информации, какая у вас тут есть, он выудит еще какие-нибудь нити.

— А твои каникулы? — спросила доктор Снэрсбрук. — Ты ведь по-прежнему хочешь вырваться на свободу?

— Конечно, доктор. Только спешить нам незачем. Бену нелегко будет убедить генерала Шорката, что меня надо выпустить. А пока он будет этим заниматься, мы со Свеном продолжим расследование и раскроем это преступление. Они все еще на свободе — эти воры и убийцы. Они мне много навредили — и, клянусь богом, я отплачу им. Сторицей!

Глава 32

19 сентября 2024 года

Брайан хотел некоторое время побыть один, чтобы как следует поразмыслить о своих делах, и не сказал Шелли, что идет в лабораторию. Он хорошо знал генерала Шорката и понимал, что никаких действий с его стороны в ближайшее время ждать не приходится. Но это не имело значения — пока. Наконец он получил возможность спокойно посидеть и подумать о будущем — о своем собственном будущем. С того момента, как та пуля попала ему в голову, за него все время думали и решали другие. Давно пора ему начать думать самому. Закрыв за собой дверь, он прошел в дальний конец лаборатории.

— Доброе утро, Брайан, — сказал Свен.

— Доброе утро? А у тебя в часах аккумулятор не сел?

— Нет, прошу прощения. Я не запрашивал время. Я очень много думал и не заметил, что уже первый час. Добрый день, Брайан.

— И тебе того же.

Брайан уже заметил, что чем больше у Свена возникает новых систем и внутренних связей между ними, тем больше его психика начинает приближаться к человеческой. Если подумать, в этом не было ничего удивительного. Один из факторов, благодаря ко-

торым интеллект становится «человеческим», — его постепенное развитие, накопление и изменение, добавление новых и новых слоев, когда одни части помогают в работе другим, а третьи подавляют своих конкурентов или используют их, влияя на их восприятие или корректируя их цели. Конечно, Свен стал уже далеко не таким, как раньше. Брайану пришло в голову — действительно ли Свен забыл о времени или сознательно разыграл свойственную человеку рассеянность, чтобы Брайан чувствовал себя с ним свободно? Надо будет потом об этом поразмыслить как следует, а пока займемся работой.

— Брайан, я хотел бы кое о чем с тобой поговорить.

— Прекрасно. Только сначала я хочу загрузить в тебя данные вот из этого ГБП. Когда увидишь, что там, сразу поймешь, как это важно. Вот так — а теперь о чем ты хотел со мной поговорить?

— Ты не мог бы поставить в это тело резервную память? В бронированном корпусе? И еще один резервный аккумулятор?

— А почему ты об этом подумал? Из-за того прототипа искусственного интеллекта, который мы нашли в «Смерти букашкам»?

— Конечно. — Брайан отошел к пульту управления, и глаза телеробота повернулись вслед за ним. — Но там бронированный контейнер нужен был для того, чтобы скрыть наличие искусственного интеллекта. А мне такое устройство нужно, чтобы обеспечить продолжение моего существования в случае какого-нибудь несчастного случая или поломки. Резервная память, полностью соответствующая истинной, всегда будет под рукой для замены.

— А ты не забыл, что для этого каждый день делается резервная копия?

— Я ничего не забываю. Но я не хотел бы потерять целый день. Для тебя один день — незаметное мгновение, а для меня — целая вечность. Я хотел бы еще, чтобы сохранялись и более ранние копии, потому что самой последней может оказаться недостаточно. Если я вдруг лишусь рассудка, в последних копиях меня могут остаться те же самые неполадки.

— Это я понимаю, но каждая копия обходится очень дорого, а наш бюджет ограничен.

— В таком случае пока будет достаточно двух копий, если держать их в разных местах. И здесь возникает один интересный вопрос. Если сейчас стереть мои блоки памяти и загрузить на их место предыдущую копию, останусь я той же самой личностью?

Существует ли сознание после смерти? А если существует, то в виде какой резервной копии?

— А ты как думаешь? — спросил Брайан.

— Я не знаю. Философы-классики расходятся во мнениях по поводу того, продолжает ли личность существовать после смерти, даже если есть загробная жизнь. Но они, видимо, не рассматривали проблему множественных резервных копий. Я думал, ты сможешь что-то сказать по этому поводу.

— Могу — но не уверен, что мое мнение будет более обоснованным, чем твое. Во всяком случае, я согласен, что тебе надо поставить второй источник питания и это надо сделать немедленно. Сейчас я его принесу. А ты пока сопоставь данные, которые я только что загрузил, с прежними.

— Я уже этим занимаюсь.

Брайан достал из шкафа мощный аккумулятор и проверил зарядку. Послышался шелест — телеробот, подошедший сзади, заглянул ему через плечо.

— Лучше его еще подзарядить, — сказал Брайан. — Если ты возьмешь это на себя, я займусь подключением. А ты не думал, на какой источник питания ты хотел бы поменять твой основной?

— Думал. Недавно отдел энергетики «Мегалоуб» выпустил в продажу твердые углеводородные топливные элементы. Они состоят из расходуемых полиацетилен-кислородных электродов и имеют очень высокую энергоемкость на единицу веса, потому что сам топливный элемент представляет собой проводник, который полностью расходуется в ходе реакции с атмосферным кислородом. Не остается абсолютно никаких побочных продуктов — элемент бесшумно превращается в нетоксичные газы без малейшего запаха.

— Звучит неплохо. Достанем.

— Я уже заказал один от твоего имени, его доставили сегодня утром.

— Что? Тебе не кажется, что ты слишком своевольничаешь?

— Своевольничать согласно словарю означает действовать по собственной прихоти или произволу. Это не прихоть, а логическое решение, которое ты одобрил. А произвол согласно словарю — это деспотические действия или поведение. Я не веду себя деспотически и поэтому не понимаю, почему ты воспользовался этим словом. Не можешь ли ты объяснить...

— Нет! Беру его обратно. Ошибка, хорошо? Нам действитель-

но нужен этот топливный элемент. Я все равно заказал бы его, ты просто мне помог. Покорно благодарю.

О своих последних словах Брайан пожалел, но потом подумал, что вряд ли лингвистические способности Свена настолько изощренны, что позволяют ему распознавать иронию. Однако он быстро обучается.

Свен подождал, пока не будет установлен новый источник тока, а потом заговорил:

— А ты не думал о том, чтобы поставить в моего телеробота атомную батарейку? Она увеличила бы его мобильность и гарантировала бы от перебоев в электропитании.

— Что? Можешь не продолжать. Атомная батарейка исключена по двум причинам. Во-первых, ими запрещено пользоваться в общественных местах, они опасны. Даже для того, чтобы использовать их на спутниках, нужно разрешение международной комиссии. А во-вторых, ты знаешь, сколько они стоят?

— Да. Около трех миллионов долларов.

— Так вот, это очень дорого.

— Я согласен. А ты согласен, что новые молекулярные ДБП стоят примерно столько же?

— Безусловно. Сейчас они буквально не имеют цены, потому что еще не выпускаются серийно. Но когда их цена снизится до того, что национальный бюджет сможет это выдержать, я хотел бы заполучить хоть несколько. Сто миллиардов мегабайт в кубике размером с ноготь! Мы могли бы обойтись без всего этого стенда с электроникой и поместить всю систему внутрь твоего телеробота. Сделать тебя полностью автономным, независимым. Ты это имел в виду, да?

— Да. Ты должен согласиться с тем, что моя физическая оболочка очень неуклюжа в сравнении с твоей.

— Это потому, что у тех, кто меня создавал, было куда больше времени, — сказал Брайан. — Шестьдесят миллионов лет на отладку. Вот сколько времени понадобилось, чтобы первые млекопитающие превратились в людей. Твоя эволюция будет идти намного быстрее, и шла бы еще быстрее, если бы у нас были такие деньги, о каких ты говоришь. Но я не могу себе представить, чтобы «Мегалоуб» настолько расщедрилась только ради того, чтобы ты мог свободно гулять по лаборатории. Хотя с такой памятью можно было бы много чего сделать. Ты понимаешь, что один такой блок памяти способен вместить целые столетия видеопоказа?

— А ты мог бы установить его себе в мозг, Брайан?

— Замечательная мысль! И иметь фотографическую память. Было много случаев, когда люди объявляли, что у них фотографическая память, — и всякий раз удавалось доказать, что это ложь. Но в отличие от этих шарлатанов мы действительно смогли бы запоминать все, что видим.

— И, возможно, все мысли, которые приходят нам в голову. Так ты купишь нам несколько таких блоков памяти?

— К сожалению, об этом не может быть и речи. Потому что я не богач, и ты тоже.

— Это существенно. Значит, мы должны стать богачами.

— Целиком и полностью с тобой согласен.

— Я рад, что ты согласен, Брайан. Я долго изучал капиталистическую систему. Чтобы заработать деньги, нужно иметь что-то такое, что можно продать. Какой-нибудь товар. Я придумал такой товар. — Телеробот протянул руку и дотронулся до телефона на поясе у Брайана. — Мы будем продавать телефонное обслуживание.

— Свен, — медленно и серьезно произнес Брайан, — ты меня поражаешь. Послушай, дай я сначала возьму из холодильника банку лимонада и сяду. А потом ты мне все расскажешь. Ты записываешь этот разговор, чтобы потом можно было его прослушать снова?

— Не записываю, запоминаю. Я перестану говорить до тех пор, когда ты возьмешь банку лимонада и сядешь.

Брайан не спеша направился к холодильнику, потом поискал стакан. Очевидно, Свен, прежде чем завести этот разговор, самым тщательным образом все обдумал.

После того как он получил согласие на резервный аккумулятор, остальное шло само собой, слово за слово. Значит, он не только решил, чего хочет, но и подготовил целый сценарий презентации! Да, он далеко ушел от той сбивчивой речи, на которую только и был способен недавно. А почему бы и нет? Как заметил предыдущий вариант Робина, почему искусственный интеллект должен развиваться в таком же темпе, как и человеческий?

Брайан принес лимонад, уселся в кресло и поднял стакан, словно провозглашая тост. Свен воспринял это как сигнал и продолжал с того самого места, где остановился:

— Я обследовал все базы данных, к которым имею доступ, и решил, что необходимый источник дохода может обеспечить телефонное обслуживание. Прежде всего заметь, что разные телефонные компании страны предоставляют в точности одни и те же услуги. Все они используют самые последние технические

усовершенствования, поэтому ни одна из них не в состоянии предложить лучшие услуги, чем другие. Единственное различие состоит в расценках — клиенты выбирают то, что дешевле. Но есть нижний предел расценок, ниже которого компания не может спуститься, если не хочет прогореть. Так что единственное, что она может сделать, чтобы увеличить свою прибыль, — это отбить клиентов у другой компании. Поэтому я считаю, что мы должны предложить одной из компаний новую услугу. Такую, которая побудит клиентов тратить больше денег на данную компанию.

— Пока что я со всем согласен. Но какую услугу мы можем предложить?

— Что-нибудь такое, что могу делать только я. Приведу тебе пример. Я контролирую все телефонные разговоры, которые ведутся из здания, где ты живешь. Там, как ты знаешь, размещено много военнослужащих. Один из них — рядовой Алан Бакстер из штата Миссисипи. Он звонит своей матери 1,7 раза в неделю. Эту цифру можно увеличить. В течение дня бывают периоды, когда междугородные линии недогружены. Я могу связаться с рядовым Бакстером и предложить ему вести разговоры в определенное время за меньшую плату. Он будет звонить матери чаще, и прибыль компании увеличится. Позже ассортимент услуг может быть расширен. По историям болезней, материалам переписей и другим документам я определил даты рождения и различных годовщин не только его матери и отца, но и многих других родственников. Мы можем напоминать ему, чтобы он звонил им в определенные дни. Умножь это на число абонентов, и прибыль телефонной компании вырастет еще.

— Конечно! Но зачем останавливаться на этом? Ты мог бы звонить женам, у которых мужья уезжают в командировку, и сообщать им телефоны отелей, где остановился супруг, — чтобы они могли звонить ему по ночам и проверять, один ли он. Или звонить солдатам, которые давно не звонили домой, и наживаться на их угрызениях совести. Ты понимаешь, насколько аморальна эта идея? Не говоря уж о том, что она противозаконна. Ты не имеешь права подслушивать чужие разговоры.

— Нет, имею. Я машина. Я обнаружил, что каждый телефонный разговор подслушивают много других машин. Некоторые из них контролируют слышимость на линии, обеспечивают двустороннюю связь, регистрируют время разговора. Все это не противоречит закону. И то, что я предлагаю, тоже.

Брайан допил лимонад и поставил стакан на стол. Он не знал, что сказать.

— Свен, это прекрасная идея. И она, конечно, сработала бы. И нет ничего плохого в том, что мы будем сотрудничать как деловые партнеры, чтобы заработать денег на покупку вещей, которые тебе необходимы. А пока обещаю тебе, что постараюсь вытянуть из «Мегалоуб» все, что смогу. Кроме того, мне надо как следует подумать над тем, что ты сказал. Боюсь, что ты поставил больше вопросов, чем дал ответов.

— Я готов дать ответы на эти вопросы.

— Нет, не думаю. Тут возникают проблемы морали и этики, которые не так просто разрешить. Дай мне время подумать — понимаешь, все это было несколько неожиданно. А пока я хотел бы вернуться к делу «ДигиТекс». Ты переработал новые материалы?

— Да. Необходимо выяснить местонахождение доктора Бочерта. Я полагаю, что расследование в Румынии уже ведется?

— Почему в Румынии?

— Этот вопрос показывает, что ты незнаком с последними данными по делу. Установлено, что доктор Бочерт — румын по национальности и читал лекции по вычислительной технике в Бухарестском университете. Он ушел оттуда, когда был принят на работу в «ДигиТекс». Там есть примечание — если он еще жив, не исключено, что он вернулся в эту страну.

— А каковы шансы на то, что он еще жив?

— Я счел бы это весьма маловероятным. Если учесть его возраст, упоминание «Скорой помощи» и предшествующие действия неизвестных преступников с целью устранения утечки информации при помощи убийств.

— Верно. Слишком часто падала на меня тень их черных крыльев. Но если ты считаешь, что Бочерт — это тупик, то, может быть, есть какие-то другие направления расследования, которые выглядели бы более перспективными?

— Есть. Существует совпадение, о котором, насколько я вижу, еще никто не упоминал. Я считаю, что оно имеет прямое отношение к делу, и предлагаю им заняться.

— А что это такое?

— Знакомясь с последними материалами, я затребовал все планы, проекты, лицензии, разрешения, наряды, накладные и прочие документы, относящиеся к строительным и ремонтным работам на заводах «ДигиТекс». Не кажется ли тебе интересным, что строительство лабораторного корпуса там началось в декабре 2022 года?

— Нет, не кажется.

Свен в нерешительности умолк. Неужели он уже так разумен, что может придавать своему голосу интонации, похожие на человеческие? А почему бы и нет? После паузы он продолжал:

— А тебе не покажется интересным тот факт, что пол в этом корпусе был забетонирован 9 февраля прошлого года?

— Я не понимаю... — Брайан вдруг вскочил на ноги и крикнул: — Нет, понимаю! Это не просто интересно, это потрясающе! Этот пол забетонировали на следующий день после налета на «Мегалоуб»!

Глава 33

21 сентября 2024 года

— Да, подбросил ты им работенки, — сказал Беникоф, когда Брайан впустил его в лабораторию. — От этого твоего скромного сообщения о том, что там взялись за бетонирование сразу после налета на «Мегалоуб», в ФБР забегали как одержимые. Ночные дежурства, ордера на обыск и все такое. Это нужно было видеть. Не думаю, чтобы кто-нибудь там ложился спать с тех пор, как ты взорвал свою бомбу.

— Судя по кругам под глазами, это относится и к вам тоже.

— Относится, и, пожалуйста, не предлагай мне кофе. Я чувствую, что уже потею кофеином. — Он заглянул в открытую дверь и увидел пустующее рабочее место. — А где Шелли?

— У себя дома. Утром ей позвонили и сказали, что у ее отца сердечный приступ и его отвезли в больницу. Она весь день не отходит от телефона. У них, видимо, очень дружная семья, и она в отчаянии, что не может туда выбраться. Генерал Шоркт обещал рассмотреть ее просьбу — точно так же, как рассмотрел мою, когда я просил выпустить меня на выходные. Для начала — каменное лицо, а потом его секретари отвечают, что он позвонит сам. Старый сукин сын.

— Это не то слово, только я пока еще не подобрал другого. Как ты знаешь из докладов, в «ДигиТекс» все немного успокоилось. По-видимому, никто из служащих не знал о похищении, хотя некоторых техников все еще продолжают допрашивать. Всех остальных распустили в отпуск с условием, чтобы они не уезжали из Остина, пока судьба компании не будет решена.

— Она уже решена. Я был на заседании здешнего совета директоров. Вы знаете, что они назначили Кайла Рохарта исполнительным директором? Так вот, теперь он уже председатель правления. Все активы «ДигиТекс» переданы в распоряжение ликвидационной комиссии. Стоимость их ничтожна: владельцы большей части акций распродали их, как только стало ясно, что компания не имеет никаких прав на их главное изделие — мой искусственный интеллект. Вам удалось выследить кого-нибудь из них?

— Нет, и сомневаюсь, что вообще удастся. Оффшорные компании, подставные лица. Следы становятся все слабее и теряются.

— Но это не гражданское, а уголовное дело! Акции компании были проданы через несколько минут после убийства Томсена. Это доказывает, что убийцы и акционеры действовали заодно.

— Это только подозрение, Брайан, а не доказательство, и никакой суд не примет его во внимание. Во всяком случае, его недостаточно, чтобы запросить разрешение на нарушение банковской тайны в десятке стран. Мы будем искать, но сомневаюсь, что мы их когда-нибудь найдем. По крайней мере, им пришлось изрядно раскошелиться — они получили всего по пятачку за доллар.

— Очень им сочувствую. Во всяком случае, похоже, что «Мегалоуб» получит разрешение выкупить имущество «ДигиТекс». Это позволит обойти щекотливый юридический вопрос — необходимость доказать, что их искусственный интеллект — это на самом деле наш искусственный интеллект. Сейчас мой адвокат намертво сцепился с адвокатами «Мегалоуб» — они решают, причитается ли мне сколько-нибудь из доходов, которые принесет «Смерть букашкам», потому что по моему прежнему контракту мне бы просто дали от ворот поворот. Очень занятно. А что привело вас сюда?

— У тебя тут есть ввод кабельного телевидения. Позволь мне позвонить из лаборатории в ФБР. Они там, в Остине, работали всю ночь — прожектора и сотня агентов. Из лабораторного корпуса все вывезено — все как есть, остался только голый пол. А что последует дальше, ты знаешь.

— Они будут снимать бетон?

— Верно. Всех очень интересует, что может быть там спрятано. Пусти меня к телефону, я должен с ними связаться.

Бен направился к телефону, а Брайан включил телевизор. Он принимал и записывал все программы новостей, где упоминалось о расследовании. На экране появился завод «ДигиТекс» — до него было не меньше километра, и он весь дрожал и зыбился в

волнах горячего полуденного воздуха. Телеобъектив показал через головы охранников голую стену здания.

— ...Гадают, что сейчас происходит там, внутри. Официальное сообщение гласит лишь, что идет расследование преступления, совершенного в начале этого года в одной из компаний в Калифорнии. В сферу расследования попал и взрыв на этом заводе, случившийся три дня назад, в результате которого было убито два человека и ранен один, по слухам — агент ФБР. Более подробное сообщение ожидается позже.

— Ну, мы сейчас узнаем больше, — сказал Бен и произнес в трубку: — Дэйв, ты слушаешь? Да, мы готовы. Какой канал? Понял, девяносто первый. — Брайан нажал кнопку, и на экране появился агент Мэньяс с микрофоном в руке. — Слышим хорошо, прием отличный.

— Ладно. Подключаю вас к линии из Остина.

Экран мигнул, и на нем появился внутренний вид какого-то пустого здания. В ярком свете прожекторов суетились люди. Внезапно раздался оглушительный визг водяной пушки. Струя воды под давлением в два миллиона атмосфер способна разрезать все, что угодно, — за исключением изготовленного из алмаза-12 сопла, из которого она вырывается. Громкость тут же уменьшили. Кадр передвинулся к дальней стене, где водяная струя врезалась в пол. Бетонная плита отделилась от пола, ее подняли на рычагах и оттащили в сторону. Стала видна подстилавшая пол песчаная подушка. Убрали еще несколько плит, яма в полу стала больше. Агенты с тонкими стальными щупами спустились туда и принялись осторожно погружать их в песок. Тем временем вокруг них разборка пола продолжалась.

Несколько минут спустя один из агентов крикнул что-то, чего они не расслышали. Водяная пушка остановилась, и послышался его голос:

— Здесь что-то закопано. Давайте лопаты.

Бен и Брайан невольно придвинулись к экрану — им передалось напряжение, царившее на месте событий. Они видели, как яма становилась все глубже, как один из агентов залез в нее, отложив лопату, и вытащил что-то руками в перчатках.

— Собака! — произнес Брайан.

— Немецкая овчарка, — подтвердил Бен. — Четыре такие собаки исчезли в ту ночь, когда тебя ранили.

Все они оказались там — четыре сторожевые собаки. Их тщательно завернули в пластиковую пленку и унесли.

Но это были не единственные трупы, обнаруженные в яме. Там лежали еще пять человеческих тел.

Бен схватил трубку и набрал номер.

— Дэйв! Ты на месте? Хорошо. Позвони мне немедленно, как только будут опознаны эти трупы. Все мужские? Да, понял.

Когда принесли пластиковые мешки для трупов, Брайан выключил телевизор.

— Хватит. Больше я не выдержу. Не забудьте, ведь я тоже чуть не...

Закончить фразу он не смог и умолк, закрыв лицо руками.

— Брайан, что с тобой?

— Нет, ничего. Пожалуйста, Бен, дайте мне стакан воды.

Брайан залпом выпил почти весь стакан и с удивлением обнаружил, что плачет. Он вынул платок и попытался улыбнуться.

— Никак не думал, что мне доведется плакать на собственных похоронах. — По тому, как он это сказал, видно было, что ему не до смеха. — Мы знаем, кто были эти люди, да, Бен?

— Пока не знаем, но можем предположить. Там наверняка будут охранники, которые тогда исчезли.

— И кто еще? В ту ночь дежурили только три охранника. А кто остальные?

— Не стоит гадать, Брайан. Скоро узнаем точно.

— Нет, стоит! — выкрикнул Брайан, вскочил на ноги и зашагал взад и вперед по комнате, чувствуя, как внутри у него все болезненно сжалось. — Потому что я тоже должен был лежать там под бетоном, вместе с ними, в этой жуткой вечной тьме и молчании!

— Но ты там не лежишь, Брайан, — это самое главное. Ты выжил, спасибо за это тебе и мастерству доктора Снэрсбрук. Ты жив — вот что важно!

Брайан взглянул вниз, на свои сжатые кулаки, разжал их и расправил пальцы, изо всех сил стараясь взять себя в руки. Прошло несколько минут, прежде чем он заговорил снова.

— Вы, конечно, правы. — Он тяжело вздохнул, снова сел в кресло и вдруг почувствовал озноб. — Давайте выпьем. Только на этот раз чего-нибудь покрепче, чем вода. Я подумываю о том, чтобы бросить пить... но только не сейчас. Тут где-то в шкафу припрятана бутылка ирландского виски. Нашли? Воды не надо, пожалуйста, разве что капельку. Вот, спасибо.

Виски обожгло ему горло, но помогло. К тому времени, когда телефон Бена снова зазвонил, он уже чувствовал себя почти человеком. Услышав звонок, он вздрогнул и, сам того не замечая,

судорожно вцепился пальцами в подлокотники кресла. Бен взял трубку.

— Слушаю. Да. Это точно? Хорошо. Я скажу ему. — Он положил трубку. — Мы были правы насчет охранников. Все они там. И Мак-Крори, он заведовал вашей лабораторией. И еще кое-кто... вот уж чего я не ожидал. Они опознали тело Тотта.

— Начальника службы безопасности?

— Его самого. Человека, который, вероятно, организовал все похищение. Это мог быть только он — он один имел такую возможность. Просто невероятно, до чего безжалостны эти люди, — они вели двойную, тройную игру. А раз Тотт мертв, значит, его брата мы тоже никогда не найдем живым. В этой общей могиле его нет, потому что в ту ночь он должен был вернуть вертолет. Но он мертв, тут не может быть никаких сомнений. А больше всего меня беспокоит, что в этой могиле нет еще одного человека. Человека, которого я хорошо знал, о котором горевал, которого мы до сих пор считали одной из жертв, пристреленных в ту ночь. Ведь мы нашли на полу его кровь — верный признак убийства.

— Бен, о ком вы говорите?

— А, прости. О Дж.-Дж. Бэкуорте, председателе правления компании «Мегалоуб индастриз».

— Но ведь он наверняка был убит вместе с остальными. Наверное, его похоронили где-то еще.

Бен сердито мотнул головой:

— Не может быть. Все было спланировано очень точно, до последней мелочи, почти до доли секунды. К тому времени, как фургон прибыл туда, могила была готова, и тела сбросили в нее. Если Бэкуорта там с ними нет, значит, он еще жив. Он был прекрасный администратор, всегда все тщательно продумывал. Похоже, он и организовал этот налет вместе со всеми убийствами. Может быть, мы никогда не узнаем, кто стрелял в тебя, Брайан. Но я убежден в одном: мы точно знаем, кто стоял за этим выстрелом.

Глава 34

22 сентября 2024 года

На следующее утро Брайан уже собирался отправляться в лабораторию, когда ему позвонил Бен.

— Эта история в Техасе здорово всех расшевелила — и здесь, и в Вашингтоне. Наступило время совещаний. Могу тебя обрадовать — очередное начнется через несколько минут. Мы с тобой на этом конце, и еще Кайл Рохарт — он будет представлять «Мегалоуб». А в Туманной Дыре Дэйв Мэньяс доложит о вчерашней операции — и будет иметь удовольствие сидеть за одним столом с генералом Шорктом. Я уже внизу, и охрана прислала за тобой машину.

— Подождите, я сейчас.

Когда они влезли в бронетранспортер, Бен спросил:

— А как Шелли и ее отец?

— Она говорит, положение стабилизировалось. Он все еще в больнице, но держится. Но самая главная новость — то, что она звонила мне из аэропорта. Представляете, ей дали разрешение выехать отсюда в Лос-Анджелес.

— Такое разрешение мог дать только генерал Шоркт. Если он решил ослабить режим, то не исключено, что и тебя...

— Бен, скажите лучше «вполне возможно», это звучит намного приятнее. Я чувствую себя так, словно меня вот-вот выпустят из тюрьмы. Вы не забыли, что, если не считать той поездки в Мексику, я сижу под замком с тех самых пор, как вернулся к жизни?

— Да ну? Вот не знал! Почему же ты мне не сказал раньше?

Шутка была не из лучших, но оба рассмеялись. Брайан понял, что срок его заключения близится к концу.

Рохарт обменялся с ними рукопожатиями.

— Похоже, дело идет к концу. Я буду счастлив, когда с ним будет покончено, — хотя, наверное, и не так счастлив, как вы, Брайан. Мне хватает забот с «Мегалоуб». И хочу сообщить вам одну хорошую новость. Адвокаты заканчивают составление соглашения, которое мы с вами должны подписать. Там много всяких «если», но общий смысл ясен. Если «Мегалоуб» выкупает «ДигиТекс», а так скорее всего и случится, и если сбыт «Смерти букашкам» будет приносить прибыль, и если сторожевые псы из комиссии государственного контроля одобрят всю эту сделку, то после покрытия всех расходов и выплаты гонорара юристам вы получаете из этих доходов такую же долю, как и по вашему новому контракту с нами.

— Что-то быстро сдались ваши адвокаты.

— Я переговорил об этом с членами правления, и мы дали им указание сдаваться. Все пришли к единому мнению: вы через многое прошли, Брайан, и незачем вам теперь еще дергаться из-за таких вещей.

— Я вам признателен...

— Это самое меньшее, что мы могли сделать. А, вот и картинка. Кажется, начинаем.

Пейзаж за окном исчез, и вместо него появился конференц-зал в Вашингтоне. Дэйв Мэньяс как раз усаживался за стол рядом с генералом, вид у которого, как обычно, был мрачный и сердитый.

— Представлять, кажется, никого не надо, — начал Мэньяс, — здесь все друг с другом знакомы. Сейчас я доложу вам о том, что сделано ФБР, а потом Бен расскажет об общем ходе расследования. Под тем бетонным монолитом в Остине мы обнаружили тела охранников, начальника службы безопасности Арпада Тотта, Мак-Крори и четырех сторожевых собак. Тело председателя правления мистера Бэкуорта найдено не было.

— Но монолит большой, он занимает всю площадь лаборатории, — заметил Бен.

— Был большой. Сейчас он извлечен оттуда весь, до последнего кусочка. Как и песчаная подушка. Под ней находится явно не потревоженный первоначальный грунт — плотно слежавшийся песок и камни. Поэтому мистер Бэкуорт вычеркнут из списка предполагаемых жертв и теперь возглавляет список лиц, которых разыскивает ФБР.

— А мои материалы — записи и заметки? — спросил Брайан.

— Они находятся в компьютерных базах данных «ДигиТекс»; мы потратили немало времени, но все же раскололи код и получили к ним доступ. Мы не можем сказать, насколько они полны, но даты совпадают. Там есть еще заметки, добавленные после налета, и мы предполагаем, что они принадлежат доктору Бочерту. Это тем более вероятно, что они написаны по-румынски.

— Что с теми, кто работал в «ДигиТекс»? — спросил Бен.

— Мы проверили их показания и считаем, что никто из них не замешан. Все они были наняты на работу после апреля этого года. К этому времени доктор Бочерт уже разработал прототип управляющего блока, который они начали выпускать.

— Считаете ли вы, что этот так называемый управляющий блок и есть мой искусственный интеллект? — спросил Брайан. — Может быть, частично упрощенный и запрограммированный лишь на истребление насекомых?

— Этого я с уверенностью сказать не могу, мистер Дилени, — вам лучше знать. Но мы исходим именно из такого предположения. Во всяком случае, об этом вам надо говорить с Беном. Уголовную часть расследования мы считаем на этом законченной. Копии всей похищенной информации будут возвращены вам, в

«Мегалоуб», для опознания и использования по вашему усмотрению. Убийства считаются нераскрытыми, и дела по ним не закрываются. Кроме того, мы продолжаем розыск мистера Бэкуорта и доктора Бочерта. Есть вопросы?

За этим последовало довольно долгое обсуждение разнообразных деталей и протокольных вопросов, но Брайан не слушал. Ему не терпелось сравнить первоначальные материалы со своими заметками, хотя казалось очевидным, что речь идет об одном и том же. Кроме того, ему было очень интересно узнать, что сумел сделать из его искусственного интеллекта старый доктор Бочерт. Но его мысли прервал резкий командный голос: заговорил генерал Шоркт.

— Уголовное расследование, предпринятое ФБР, на этом закончено, будет продолжаться только розыск двух вышеупомянутых лиц. А ваше расследование, мистер Беникоф?

— Я готовлю окончательный доклад для комиссии, поручившей мне вести это расследование. Как только он будет готов, моя работа будет завершена. Все похищенное найдено. Меня попрежнему интересует, кто совершил это преступление, и я буду официально ходатайствовать перед службами безопасности, чтобы меня ставили в известность о том, что будет установлено. Но само расследование будет завершено после того, как я сделаю доклад. Могу я внести одно предложение, генерал? — Бен немного подождал, потом, сочтя молчание за выражение согласия, продолжал: — Поскольку и я, и ФБР свои расследования закончили, я не вижу больше необходимости в присутствии здесь столь многочисленного армейского подразделения. Достаточно будет новой, усовершенствованной системы безопасности, обслуживаемой гражданскими лицами. Вы, вероятно, помните, что армейские силы безопасности были введены сюда из-за неоднократных покушений на жизнь Брайана. Однако информация, которой располагал только он, теперь широко известна и уже используется в производственном процессе. Поэтому я прошу снять военную охрану.

Все посмотрели на генерала. Пауза затянулась. Потом он заговорил:

— Я рассмотрю вашу просьбу.

— Но, генерал, не можете же вы...

Генерал Шоркт прервал Бена, резко стукнув по столу рукой:

— Могу. Вот мое решение. Военная охрана останется, потому что это дело оборонного значения. Речь идет не о правах одного человека, а о национальных интересах. Я отвечаю за безопас-

ность этого юноши, которая в моих глазах связана с национальной безопасностью.

Больше ничего здесь говорить не нужно. Это было и останется делом оборонного значения.

— Но я не военнослужащий! — воскликнул Брайан. — Я штатский и свободный человек! Вы не имеете права держать меня в заключении!

— Есть еще вопросы? — осведомился генерал Шоркт, не обращая на Брайана никакого внимания. — Если нет, совещание окончено.

Этим совещание и кончилось, и на экране снова появился пейзаж пустыни. Брайан мрачно молчал. Бену это не понравилось.

— Я возвращаюсь в Туманную Дыру, — сказал он. — И сразу обращусь в комиссию при президенте — а если понадобится, прорвусь и к нему самому. Нельзя допустить, чтобы этому динозавру в военной форме сходили с рук такие вещи.

— Похоже, что можно, — заметил Брайан, пытаясь стряхнуть с себя навалившееся отчаяние. — Я пошел в лабораторию. Сообщите, когда что-нибудь узнаете.

Оба молча смотрели ему вслед — сказать им было нечего.

Брайан запер за собой дверь лаборатории. Он был рад, что остался один. Конечно, не нужно было предаваться таким радужным надеждам, питать такую уверенность, что он вот-вот выйдет на свободу. Чем выше взлетишь, тем больнее падать. Он подошел к рабочему столу Шелли, уселся за него и подумал, не позвонить ли ей по тому телефону, который она оставила. Нет, еще рано.

В коридоре послышался шелест, и в дверях появился телеробот.

— Buna dimineata. Cum te simti azi? — произнес он.

— Что-что?

— Это по-румынски — «Доброе утро, как вы себя чувствуете?»

— Что это ты вдруг заговорил по-румынски?

— Я изучаю румынский. Очень любопытный язык. Читать на нем я уже, разумеется, могу свободно — я загрузил себе в память словарь и грамматику.

— А, понимаю. Ты это сделал, потому что ФБР передало нам похищенные записи вместе с заметками доктора Бочерта?

— Твое предположение правильно. Кроме того, я предпринял некоторые шаги, о которых мы говорили по поводу молекулярной памяти для МИ...

— Могу я спросить, что такое «МИ»?

— Машинный интеллект. Я считаю, что термин «искусственный» неточен и оскорбителен. Мой интеллект отнюдь не искусственный, просто я машина. Я уверен, ты согласишься, что «машинный интеллект» звучит не так обидно, как «искусственный».

— Соглашусь, соглашусь. А о каких шагах ты говоришь?

— У меня был очень интересный разговор с доктором Уэскотом из Калифорнийского технологического института в Пасадене. Он полагает, что твоя идея использовать для создания МИ их молекулярные блоки памяти весьма перспективна.

— Моя идея? Свен, ты что-то путаешь.

— Чтобы не устраивать ненужных сложностей, я звонил от твоего имени и говорил твоим голосом...

— Ты выдал себя за меня?

— Думаю, что это можно сформулировать и так.

— Свен, нам придется выбрать время и серьезно поговорить об этике и праве. Прежде всего, ты солгал.

— Ложь — неотъемлемая часть общения. И мы уже обсуждали вопрос о том, приложимы ли законы, разработанные людьми, к разумным машинам, — насколько я помню, этот вопрос остался открытым.

— А как насчет личных одолжений? Что, если я попрошу тебя больше никогда не пользоваться моим именем и голосом?

— Конечно, я удовлетворю твою просьбу. Я пришел к выводу, что человеческие законы возникли в ходе взаимодействия личности и общества. Если мои действия тебя огорчают, я их больше не повторю. Хочешь услышать запись этого разговора с Уэскотом?

Брайан мотнул головой:

— Пока меня вполне устроит краткое резюме.

— В настоящее время они испытывают блок памяти на триллион мегабайт, и главная трудность здесь — составить подходящие программы, которые обеспечивали бы доступ к его сложной трехмерной схеме. В ходе разговора ты высказал предположение, что твой МИ, возможно, лучше годится для этой цели. Доктор Уэскот с радостью согласился. У них скоро будут готовы еще несколько блоков, и первый же, который будет хорошо работать, они пришлют сюда. Это необходимо для расширения моего сознания.

— О чем ты говоришь?

— Я никогда не понимал, почему это явление всегда пугало и ставило в тупик философов и психологов. Сознание — не что иное, как способность отдавать себе отчет в том, что происходит

в нем самом и в окружающем мире. Я не хочу никого обидеть, но вы, люди, почти не пользуетесь сознанием. И не имеете представления о том, что в нем происходит. Вы не можете даже припомнить, что происходило несколькими мгновениями раньше. А мой мозг Б может хранить гораздо более полную запись моей умственной деятельности. Вся трудность в том, что она слишком обширна — то и дело приходится многое стирать, чтобы освободить место для новой информации. Ты, конечно, помнишь, как я это делаю.

— Еще бы не помнить, это мне не так легко далось.

— Однако о природе сознания мы сможем побеседовать и позже. Сейчас меня больше интересует молекулярная память. Она позволила бы мне хранить намного больше информации, а значит, иметь более обширную и эффективную память.

— И куда меньшего размера! — Брайан указал на стойки с электронной аппаратурой, загромождавшие угол комнаты. — Если нам удастся подключить к тебе такой объем памяти, мы сможем обойтись без всего этого железа. Ты станешь действительно мобильным...

Телефон на поясе у Брайана зазвонил, и он поднес его к уху.

— Брайан, это Бен. Могу я зайти в лабораторию поговорить?

— Когда вам угодно. Вы далеко?

— Уже иду туда из своего кабинета.

— Я отопру вам.

Бен был один. Вслед за Брайаном он прошел в лабораторию.

— Добрый день, мистер Беникоф, — произнес Свен.

— Привет, Свен. Я не помешал?

— Нет, ничего срочного, — ответил Брайан. — Что нового?

— Комиссия приняла решение закончить мое расследование. Другими словами, то, зачем меня направили сюда, уже сделано. Хотел бы я знать, кто стоял за всем, что тут произошло, но этого мы скорее всего никогда не узнаем. Хотя я не отстану от ФБР, чтобы они не закрывали дело. Вероятно, это единственный вопрос, по которому у нас с генералом Шорктом полное единодушие. Пусть он солдафон и скотина, но он не дурак. У него те же опасения, что и у меня.

— Что вы имеете в виду?

— Мы же пока еще не поймали настоящих преступников — тех, кто организовал похищение и убийства. Мы должны попрежнему разыскивать их и пытаться выяснить, какие у них в действительности планы.

— Не понимаю.

— Подумай немного, Брайан. Подумай, сколько денег в это было вложено, как тщательно все планировалось, сколько людей понадобилось убить. Неужели ты думаешь, что все это только ради того, чтобы построить машинку для ловли букашек?

— Ну конечно, нет! «ДигиТекс» был скорее всего чем-то вроде прикрытия, чтобы мы угомонились после того, как выследим их там и накроем. Их планы наверняка гораздо шире, чем борьба с насекомыми. Но если и вы, и ФБР прекращаете расследование, как мы сможем узнать, кто за этим стоит?

— Военные прекращать его не собираются. Впервые в жизни я обнаружил, что разделяю их параноидальные опасения. Кто бы за этим ни стоял, у него очень много денег. Ты слышал, что в бумажнике у Тотта нашли квитанцию о внесении многомиллионного вклада на номерной счет в Швейцарии? И эти деньги все еще там! Они так хорошо ему заплатили, что он был убежден в своей безопасности — считал, что они не собираются его убивать, потому что тогда не получат своих денег обратно. Но им это не помешало. Люди, которые могут устроить такую штуку, смертельно опасны — они не отступятся.

— Целиком согласен.

— Я рад, потому что на этом хорошие новости кончаются.

Брайан заметил на лице Бена озабоченное выражение и почувствовал мгновенный приступ страха.

— Что вы хотите сказать, Бен?

— Я хочу сказать, что этот сукин сын отказался снять охрану и не собирается этого делать в близком будущем. Он считает тебя национальным достоянием — не только из-за проекта «ИИ», но и из-за вживленного тебе в голову компьютера, с которым ты можешь общаться. Об этом ему тоже все известно. Он намерен держать тебя под присмотром и не позволит тебе гулять на свободе.

— А вы помочь не можете?

— К сожалению, нет. От всей души хотел бы, но на этот раз ничего не выйдет. Я был с этим вопросом на самом верху. Дошел до президента — он сказал «поживем — увидим», а это означает, что он согласен с генералом. — Бен вынул из бумажника визитную карточку и написал на ней номер телефона. — Вот, возьми. Если я тебе когда-нибудь понадоблюсь, можешь позвонить по этому номеру — он надежно защищен от подслушивания. Оставь свой телефон, и я свяжусь с тобой, как только смогу.

Брайан взял карточку, тупо взглянул на нее и покачал головой:

— Значит, на этом все кончено, Бен? И я останусь пленником на всю жизнь?

Молчание Бена было ему ответом.

Глава 35

18 октября 2024 года

Зазвонил телефон-шифровальщик. Сидевший во главе стола человек холодно взглянул на него и повернулся к остальным.

— Завтра в то же время. Совещание окончено.

Подождав, пока все выйдут, он закрыл и запер за ними дверь, открыл ящик стола и вынул телефонный аппарат.

— Вы мне давно не звонили.

— У нас были кое-какие проблемы...

— Еще бы — о них уже всем известно. Вы знаете, сколько об этом писали?

— Знаю. Но мы всегда допускали, что рано или поздно они обнаружат этот завод и займутся им. Главные разработки ведутся у вас...

— Давайте сейчас об этом не будем. О чем вы хотели со мной поговорить?

— О Брайане Дилени. Я организую еще одно покушение.

— Действуйте. Только смотрите, чтобы на этот раз все удалось. Времени осталось мало, и терпение у меня тоже кончается.

Хотя Кайл Рохарт и был председателем правления «Мегалоуб», на часового при входе в казармы это не произвело ни малейшего впечатления. Он тщательно изучил его удостоверение, потом позвонил начальнику караула. Тот, получив подтверждение Брайана, что он действительно ожидает посетителя, лично провел Рохарта вверх по лестнице и постучал в дверь.

— Кайл? Заходите, — отозвался Брайан. — Спасибо, что выбрали время со мной повидаться.

— Всегда рад, особенно с тех пор, как вам больше не разрешают появляться в административном корпусе. Это, по-моему, уж слишком.

— Совершенно с вами согласен. Это одна из тех вещей, по поводу которых я бы хотел просить вашей помощи.

— Готов сделать все, что смогу.

— Как идут дела в «Мегалоуб»?

— Замечательно. Исследования на всех направлениях продвигаются, наш новый филиал — «ДигиТекс» уже выпускает новую модель разумного робота.

— Прекрасно, — ответил Брайан без особой радости.

От угощения Рохарт отказался: для спиртного слишком рано, а кофе он уже и так выпил слишком много. Он уселся на диван,

Брайан расположился в кресле и помахал в воздухе листком бумаги.

— Я тут просмотрел все возвращенные нам записи — мои прежние заметки, которые были похищены. Среди них я нашел список возможных коммерческих применений МИ, который тогда составлял.

— МИ? Что-то не помню такого обозначения.

— Не беспокойтесь, я его тоже только недавно узнал. По словам моего бывшего искусственного интеллекта, а теперь МИ — Свена, только так теперь нужно говорить. А Свену виднее. МИ — значит «машинный интеллект». Наверное, это и в самом деле точнее. Так или иначе, я просмотрел список и добавил к нему еще несколько идей. Все это есть вот здесь.

— Это исключительно радостная новость. Я надеялся, что мы сможем придумать что-нибудь более интересное и прибыльное, чем «Смерть букашкам».

— Так вот, я уже придумал. Прежде всего мы можем теперь усовершенствовать и «Смерть букашкам». Настолько, что она перевернет все сельское хозяйство. Потому что после расширения своего интеллекта она сможет помогать не только сажать растения, ухаживать за ними и собирать урожай, но и перерабатывать его прямо на ферме. Подумайте, как это снизит себестоимость перевозок и сбыта.

— Ошеломляющая перспектива. Что-нибудь еще?

— Да — все, что угодно. Трудно назвать такую отрасль, которую нельзя было бы революционизировать, расширив возможности МИ. Подумайте об использовании отходов — ведь их до сих пор сваливают в одну кучу, так что их переработку почти всегда приходится начинать с нуля. А когда процессоры МИ начнут выпускаться серийно, любые отбросы можно будет проанализировать и рассортировать на составные части, и тогда перерабатывать их станет гораздо проще. А уборка городских улиц? Там возможности просто беспредельны. И не забудьте, что «ДигиТекс» приходилось скрывать тот факт, что в «Смерти букашкам» использован МИ. Мы же теперь можем кричать об этом на каждом углу. А кроме того, у меня есть еще один большой список — возможные военные применения МИ. Но этот список останется в компьютере, пока не изменит свое отношение ко мне генерал Шоркт.

— А честно ли это по отношению к Пентагону, Брайан? Они все-таки имеют долю в этой компании, — с улыбкой сказал Ро-

харт. — Впрочем, учитывая ваше принудительное заключение, я постараюсь забыть, что вы мне об этом сказали.

— Спасибо. Во всяком случае, даже если не считать этого, возможных применений более чем достаточно. В сущности, МИ теоретически может заниматься любой умственной деятельностью, какая под силу человеку. Возьмите, например, предупреждение аварий. Существует множество людей, которых мы заставляем делать невероятно нудную работу. Вот хороший пример — капитаны кораблей и летчики. Когда-то это были героические профессии, овеянные романтикой, но теперь почти все там автоматизировано, а то, что осталось, сводится к выполнению мучительно однообразных действий. К тому же невозможно добиться того, чтобы человек постоянно сохранял сосредоточенность. Он может сделать ошибку, которая приведет к катастрофе. С роботами этого не случается, они ничего не забывают и не теряют бдительности. Коммерческие авиарейсы уже летают на автопилоте, а летчик управляет рулями, двигателями, всеми системами самолета через посредство компьютеров. Пилот-МИ выполнит такую работу куда лучше — он будет непосредственно взаимодействовать с компьютерами, а если возникнут какие-нибудь трудности, брать управление на себя. Никакой усталости, никаких ошибок.

— Ну, я не хотел бы летать на самолете без пилота. А что, если что-нибудь пойдет не так, если возникнет ситуация, на которую машина не запрограммирована?

— Рохарт, у нас сейчас 2024 год! Ничего подобного больше не случается. Сегодня человек, летящий в небе, находится в большей безопасности, чем стоящий на земле. Гораздо больше шансов, что вас убьет током ваш тостер. Неисправность самолета намного менее вероятна, чем внезапное сумасшествие пилота. Но есть еще одна область применения МИ, которая, я убежден, намного обширнее, чем все остальные, вместе взятые. Есть продукция, которая может стать самой массовой, самой важной в мире, и рынок сбыта ее будет шире, чем у всей автомобильной промышленности, даже шире, чем у сельского хозяйства, индустрии развлечений или спорта. Долгожданный личный робот-слуга — и мы одни готовы их поставлять!

— Я согласен и в полном восторге. Немедленно передам ваши предложения правлению, и мы обсудим, что делать дальше.

— Хорошо. — Брайан положил список на стол. — Надеюсь, вы передадите это и генералу Шоркту. И при этом скажете ему, что ни одну из этих идей я разрабатывать не стану.

— То есть как?

— Очень просто. Со мной все еще обращаются как с заключенным. А в качестве заключенного я имею право в знак протеста отказаться от любой работы. Никто не может заставить меня работать, ведь верно?

— Нет, конечно, нет. — Рохарт встревожился. — Но ведь вы подписали контракт.

— Пожалуйста, и об этом тоже напомните генералу. Прошу вас, помогите мне надавить на него. Я хочу работать над всем этим — у меня руки чешутся. Но я пальцем не шевельну, пока снова не стану свободным человеком.

— Знаете, правлению это тоже не понравится, — покачал головой Рохарт, направляясь к двери.

— И прекрасно. Скажите им, пусть поговорят об этом с генералом. Теперь решать ему.

«Вот тут они зашевелятся», — подумал Брайан. Он не спеша очистил и съел банан, задумчиво глядя в окно на облака и голубое небо. Свобода? Нет, до нее еще далеко.

Выждав, когда Рохарт скроется вдали, Брайан вышел и направился в лабораторию. В нескольких шагах позади шли охранники.

Когда он подходил к лабораторному корпусу, там только что поставила свою машину доктор Снэрсбрук.

— Я вовремя? — спросила она.

— Минута в минуту, доктор. Заходите.

Она хотела что-то сказать, но подождала, пока за ними не закрылась дверь.

— Ну и что тут у тебя за секреты?

— Вот именно что секреты. Эта лаборатория — единственное место, где я могу говорить свободно, зная, что генерал меня не подслушает.

— А ты уверен, что он этим занимается?

— Подозреваю, и с меня этого достаточно. А за тем, чтобы никакого электронного наблюдения не велось здесь, следит Свен. У него это очень хорошо получается.

— Доброе утро, доктор Снэрсбрук. Надеюсь, вы себя хорошо чувствуете?

— Прекрасно, Свен, спасибо. Ты стал такой вежливый.

— Всякий должен стремиться к совершенству, доктор.

— Это верно. Ну, Брайан, в чем же твой секрет?

— Секрета никакого нет. Просто мне окончательно осточертело оставаться заключенным. Сегодня я сказал Рохарту, что больше не буду работать, пока с меня не снимут кандалы.

— Ты в самом деле намерен это сделать?

— И да и нет. Конечно, сделаю, но это только дымовая завеса, которая должна скрыть мой план. А он состоит в том, чтобы сбежать отсюда.

Доктор Снэрсбрук удивленно подняла брови:

— Тебе не кажется, что это чересчур решительный шаг?

— Ничуть. Я в превосходной форме, каждый день бегаю, да так, что охранники не могут за мной угнаться. Что вы скажете как врач — смогу я выдержать бремя свободы?

— Физически — безусловно.

— А умственно?

— Вероятно, да. Надеюсь. Ты уже полностью восстановил свои воспоминания до четырнадцатилетнего возраста. Я думаю, там еще есть пробелы, но это не имеет значения, если ты их не замечаешь.

— Мне не может не хватать того, о чем я не помню.

— Вот именно. Но дай мне собраться с мыслями. Уж слишком это неожиданно. Действительно, тебя держат здесь против твоей воли. Ты не совершал никаких преступлений, и теперь, когда «ДигиТекс» вывели на чистую воду, тебе как будто больше ничто не грозит. Да, вероятно, я должна тебя поддержать. А ты думал о том, что будешь делать, когда выберешься отсюда?

— Да. Только не лучше ли будет пока об этом не говорить?

— Вероятно, ты прав. Это касается в первую очередь тебя, и если ты хочешь выбраться отсюда, остается только пожелать тебе удачи.

— Спасибо. А теперь самый важный вопрос. Вы мне поможете это сделать?

— Ну, Брайан, с тобой просто сладу нет. — Она плотно сжала губы, но на них проскользнула едва заметная улыбка. Будучи хирургом, она привыкла принимать мгновенные решения в ситуациях, когда речь идет о жизни и смерти. — Хорошо. Я согласна. Что тебе нужно?

— Пока ничего. Только немного денег взаймы. У меня на счету всего несколько долларов — столько их там было, когда меня подстрелили. Вы можете наскрести мне десять тысяч наличными?

— Ничего себе немного! Ладно. Как только доберусь до компьютерной сети, велю продать сколько-нибудь ценных бумаг.

— От всей души вам благодарен, доктор. Вы единственный человек, к кому я мог обратиться с такой просьбой. Скажите мне, вас или вашу машину обыскивают, когда вы приезжаете сюда?

— Конечно, нет. То есть я должна при въезде предъявить пропуск и остальные документы, но в машину они никогда не заглядывают.

— Хорошо. Тогда возьмите, пожалуйста, вот этот список того, что нужно купить, часть денег, которые мне одолжите, и раздобудьте все, что там написано. Что вы скажете о том, чтобы нам встретиться в следующий раз здесь через неделю? Я буду очень благодарен, если вы захватите с собой эти вещи. Все они легко поместятся в вашем докторском саквояже. А потом забудьте обо всем этом на некоторое время. Ближе к делу я вам позвоню.

Во время их разговора Свен молчал и заговорил только после того, как Брайан вернулся, выпустив доктора Снэрсбрук.

— Ты забыл сказать доктору, что я собираюсь с тобой, — сказал он.

— Об этом просто не зашла речь.

— Разве намеренное умолчание — не то же самое, что ложь?

— Прошу тебя, давай отложим философские беседы на другой раз. У нас много дел. Что слышно из Калифорнийского технологического?

— Молекулярную память высылают тебе сегодня.

— Тогда за работу.

За последовавшие две недели устройство Свена радикально изменилось. Его корпус, приземистый и похожий на бочку, был расширен, чтобы там поместился аккумулятор большего размера. На место устаревших плат поставили новые программные блоки и установили небольшой металлический контейнер с молекулярной памятью. Все это увеличило подвижность робота, не заняв много места. Схемы и блоки памяти, которые заключали в себе мозг Свена, все еще располагались на стойках и стеллажах, и он, словно желая это подчеркнуть, во время работы разговаривал через стоявший там динамик. Телеробот же стоял молча и неподвижно, пока монтаж не был завершен к обоюдному удовлетворению сторон.

— Я принял решение по вопросу, который мы обсуждали некоторое время назад, — сказал Свен.

— Это по какому?

— О моей индивидуальности. Очень скоро я весь буду находиться внутри того механизма, который сейчас не более чем робот-приставка. Предстоит очень тонкая работа по переносу в новую память всех моих элементов, систем, К-линий и программ.

— Это уж точно.

— Поэтому я хочу заняться этим сам. Ты согласен?

— Не вижу, как это возможно. Это то же самое, что сделать самому себе префронтальную лоботомию.

— Ты прав. Поэтому я предполагаю сначала довести мою резервную копию до самого момента переноса. Потом эта резервная копия, предварительно отключившись, проведет операцию переноса. Если возникнут какие-нибудь неполадки, можно будет снять еще одну резервную копию. Ты согласен?

— Вполне. Когда это произойдет?

— Сейчас.

— Годится. Что я должен делать?

— Смотреть, — последовал лаконичный ответ.

Свен всегда отличался решительным характером. Брайан уже присоединил волоконно-оптическими линиями к телероботу стойки с электроникой. Больше от него ничего не требовалось.

Внешне ничто не говорило о том, что происходит перенос. Времени он занял немало. Дело было не в Свене — он вполне мог перебросить все эти данные по множеству каналов за несколько секунд. Виновником задержки был блок молекулярной памяти. Внутри его происходил совершенно оригинальный процесс. Там параллельно работали четверть миллиона белково-мышечных манипуляторов, расположенных в виде решетки 512×512. Каждый из этих субмикроскопических манипуляторов мог двигаться в трех измерениях с точностью 0,1 ангстрема — намного меньше межатомных расстояний в твердом теле. Движение происходило практически без трения благодаря применению верньеров Дрекслера, в которых линейные молекулы скользят по цилиндрическому каналу, образованному слегка раздвинутыми атомами. Электрические импульсы приводили молекулы в движение и закрепляли их на новом месте. Так возникали и тут же подвергались проверке схемы, состоящие из планарных транзисторов, полимерных вентилей и соединительных линий. Каждая из тысячи параллельно работающих систем ежесекундно создавала около десяти тысяч таких схем. Таким образом, монтаж происходил со скоростью десять миллионов элементов в секунду. Но даже при такой невероятной скорости количество программ и данных, которые предстояло перенести, было столь огромно, что даже через три часа не было заметно никаких видимых результатов. Брайан сходил в туалет, а на обратном пути остановился у холодильника, чтобы достать банку лимонада, когда телеробот впервые шевельнулся. Протянув вверх сдвинутые вместе манипуляторы, он отключил кабели.

— Кончил? — спросил Брайан.

Телеробот и динамик на стойке произнесли в унисон:

— Да.

И тут же умолкли. В наступившей тишине телеробот снова на несколько секунд соединил кабели и опять разъединил их. Брайан сообразил, что произошло: телеробот заработал, но продолжала работать и первоначальная система.

— Решение принято, — сказали хором телеробот и стационарный МИ. — Однако мы уже не одно и то же.

С каждым мгновением голоса их звучали чуть менее синхронно. Снова наступило молчание — безмолвный разговор между ними продолжался. Потом телеробот заговорил один:

— Я Свен. МИ, находящийся на стойке, — Свен-2.

— Как прикажете, ребята. С управлением все нормально, Свен?

— Как будто да. — Свен подвигал манипуляторами, прошелся по комнате, вернулся. Потом дошел до входной двери и обратно, заглянув по дороге в кабинет Шелли. — Мне нравится, что я теперь подвижен, и мне не терпится познакомиться с миром, который лежит за этими стенами. Следуя твоему совету, я изменил свой обычный способ передвижения.

— Хорошо. Ну и как тебе шагается?

— Уже гораздо лучше. Я просмотрел много записей передвижения людей и проанализировал их.

Два его нижних разветвленных манипулятора удлинились и превратились в жесткие стержни. Потом корпус немного просел вниз — концы стержней расширились и загнулись вперед под прямым углом. Послышался шелест — каждый из них слегка изогнулся посередине. Теперь они напоминали топорно сделанные, нескладные ноги.

Свен снова прошелся по комнате — уже не так, как двигался раньше, плавно скользя на шелестящих веточках манипуляторов, а одну за другой передвигая ноги. Сначала походка у него была неуклюжей, но он сделал несколько поворотов, описал восьмерку, и с каждой секундой его движения становились все более гладкими и даже грациозными. Вскоре перестал слышаться и шелест трущихся друг о друга веточек. Теперь походка робота была почти неотличима от человеческой — если не считать легкой развальцы, словно у матроса, сошедшего на берег после многомесячного плавания.

— Ты научился очень быстро — и теперь двигаешься бесшумно.

— Я передал программу обучения в каждое сочленение — они улавливают движения, происходящие выше и ниже их, и учатся не сталкиваться. Параллельное обучение — оно идет очень быстро.

— В самом деле. А могу я спросить, как идут дела с изучением мозга «Смерти букашкам»?

— Можно я отвечу? — спросил динамик на стойке.

— Конечно, Свен-2, — ответил Свен.

— Оно закончено. Распечатывать контейнер не пришлось, потому что я легко мог общаться с искусственным интеллектом, который в нем находится. Как ты и предполагал, это копия твоего первоначального ИИ, который ты разработал здесь. Заметь, что я называю его ИИ, а не МИ — потому что его основательно изуродовали. Я намеренно употребил это эмоционально окрашенное слово. Там отключены обширные зоны памяти, перерезаны линии связи. Уцелевшей части интеллекта едва достаточно, чтобы выполнять оставленные ему ограниченные функции. Однако там есть кое-какие интересные программы и контуры обратной связи в реальном времени для управления внешними манипуляторами. Я их скопировал.

— Значит, теперь мы можем перейти к следующему этапу. Свен, отнеси манипуляторы в механическую мастерскую, мы их установим.

— Можно мне поговорить с тобой, Брайан, пока это будет сделано? — спросил Свен-2.

— Да, конечно. — Брайан заставил себя вспомнить, что теперь существуют два действующих МИ.

— Не так уж приятно быть заключенным в этих схемах без всякой возможности видеть и двигаться. Нельзя ли что-нибудь с этим сделать?

— Конечно. Я приспособлю видеокамеру. Присоединю ее под твоим контролем, чтобы ты мог видеть, что происходит. И немедленно закажу еще одного телеробота.

— Это меня устроит. А пока он не прибудет, я посвящу свое время подробному изучению «Смерти букашкам».

Брайан прикрепил высоко на стойке видеокамеру и присоединил провода управления и выходной кабель к схемам МИ. Когда он отправился помогать Свену, камера повернулась ему вслед.

В верхней части центральной секции Свена были заранее устроены установочные гнезда — точно такие же, как на разобранной «Смерти букашкам». Брайан прикрепил туда манипуляторы, снятые с машины, а Свен присоединил их к своей схеме. Воспользоваться этими удачно сконструированными приспособлениями было намного проще, чем создавать и изготовлять новые.

— Загружаю управляющие программы, — сказал Свен. Манипуляторы шевельнулись, разошлись широко в стороны, снова сдвинулись, повернулись вокруг оси. — Удовлетворительно.

— Теперь следующий этап — я хочу, чтобы ты как следует разглядел мою руку. Посмотри, как она сгибается в локте, как устроена кисть. Можешь сделать так же?

Один из манипуляторов сошелся в стержень, сложился посередине, подвигался из стороны в сторону.

— Очень хорошо, — одобрил Брайан. — Теперь поуправляй оконечными разветвлениями — придай им форму пяти отростков, как мои пальцы.

Получилось не очень похоже на человеческую руку, но в этом и не было нужды. Свен прошелся по лаборатории, размахивая руками, сжимая и разжимая кисти с отдаленным подобием пальцев.

— Здорово, — сказал Брайан. — Ночью, в темном месте кто-нибудь очень близорукий, без очков и очень глупый вполне может принять тебя за человека. Правда, тебя немного выдают эти три стебля, на которых сидят глаза.

— Мне нужна голова, — сказал Свен.

— Да, пожалуй, голова тебе не помешает.

Глава 36

7 ноября 2024 года

Укладывая покупки в свой черный медицинский саквояж, доктор Снэрсбрук пыталась убедить себя, что ее совесть чиста, как свежевыпавший снег. В то же время она прекрасно сознавала, что, вероятно, нарушает какой-нибудь закон, или воинский устав, или что-нибудь еще. Но это ее не пугало. Преданность Брайану, забота о его физическом и душевном здоровье были для нее важнее всего. Он хочет покинуть территорию «Мегалоуб», вырваться из этой тюрьмы, — что ж, его дело, видит бог, у него достаточно оснований попытаться это сделать.

День был прекрасный — в такой день приятно проехаться на машине. По пустыне Анза-Боррего вообще всегда приятно проехаться. Она откинула крышу своего маленького электромобиля. Аккумуляторы уже полностью зарядились, и, когда она вставила

ключ в замок, зарядное устройство отключилось и отъехало в сторону.

Как всегда, на контрольном пункте при въезде она предъявила свой пропуск и документы. Как всегда, машину никто не обыскивал, а своих опасений по этому поводу она никак не обнаружила.

— Проезжайте, доктор, — сказал солдат.

Она улыбнулась и слегка нажала на педаль газа.

Брайан впустил ее в лабораторию, бросив быстрый взгляд на саквояж. Только после того как дверь за ними захлопнулась, она сказала:

— Там сверху десять тысяч старыми купюрами, большей частью двадцатками. Под ними все, что было в твоем списке.

— Замечательно, доктор! — отозвался Брайан, открыв саквояж. — Не трудно было все это купить?

— Ничуть, только заняло много времени. Я объехала несколько магазинов в Сан-Диего и Лос-Анджелесе, даже в Эскондидо побывала.

— *Я тоже готовился. Один солдат по моей просьбе* купил мне коробку для завтраков — вот уже две недели я ношу в ней бутерброды в лабораторию. В ней я и вынесу все это отсюда — по одной вещи зараз.

— Можешь мне ничего не рассказывать. Я только посторонний свидетель... О господи, что это?

Уголком глаза она заметила какую-то движущуюся фигуру и обернулась, но фигура скрылась в кабинете Шелли.

— Что вы там увидели? — с невинным видом спросил Брайан.

— Какой-то мужчина в шляпе, длинном плаще и темных очках. Похож на ненормального. — Увидев широко раскрытые глаза и невинное выражение лица Брайана, она нахмурилась: — Брайан, что это еще за фокусы?

— Сейчас покажу. Но я хотел сначала увидеть вашу первую непроизвольную реакцию. Ладно, пойдемте.

— Ну, первую реакцию ты видел. А если подумать, то этот тип напоминает мне какого-то состарившегося эксгибициониста.

Таинственный незнакомец показался в дверях кабинета, и она удивленно уставилась на него.

— Беру свои слова назад. Не просто эксгибиционист, а помесь эксгибициониста с опустившимся бродягой.

Брайан подошел к незнакомцу, размотал на нем шарф, снял темные очки и шляпу, под которой оказался цветочный горшок.

— Ничего более подходящего в качестве головы я пока не на-

шел. Мне понадобится голова от какого-нибудь манекена из витрины.

— Надеюсь, ты сам закажешь ее по почте? — с опаской спросила доктор Снэрсбрук.

— Ладно. Можешь снять все остальное, — сказал Брайан.

Таинственный эксгибиционист снял плащ, скрывавший его металлический корпус, стянул перчатки, брюки и туфли, расправил и развел широко в стороны ветвящиеся манипуляторы и снова превратился в машину.

— Я угадала — он и есть самый настоящий эксгибиционист, — рассмеялась доктор Снэрсбрук. — Скинул с себя все, вплоть до человеческого облика. — Потом она, догадавшись, перевела взгляд на Брайана. — Насколько я понимаю, Свен отправляется на волю вместе с тобой? Надеюсь только, что от его вида ни у одного из этих мальчишек-солдат не случится сердечного приступа. Маскировка эффективная, но, я бы сказала, несколько экзотическая.

— Спасибо, доктор, — отозвался Свен. — Я стараюсь как могу.

— *Этой маскировки никто не увидит*, — сказал Брайан. — Потому что Свен будет уезжать отсюда не в таком виде. Он будет разобран на части и упакован в ящик. А ящик выедет с территории в багажнике вашей машины, если вы не возражаете. Я буду лежать на полу, укрытый одеялом. Вы возите с собой одеяло, как мы тогда договорились?

— Да, оно там. Я уверена, что охранники его уже видели.

Она вздохнула и покачала головой.

— Все пройдет благополучно, не беспокойтесь. Если вы, конечно, не передумали. Я не хочу вас принуждать, доктор. Если вы откажетесь, я найду какой-нибудь другой способ.

— Нет, я это сделаю. От своих слов я не отступаюсь. Просто я начала понимать, какая это безумная затея... и тревожиться за тебя.

— Пожалуйста, не надо. Все будет в порядке, я обещаю. Свен обо мне позаботится.

— Непременно, — вставил МИ.

— А когда назначен день икс? — спросила доктор Снэрсбрук.

— Пока не знаю, но обязательно предупрежу вас заранее. Не меньше чем за неделю. Сначала нужно еще много чего сделать. — Он протянул ей фотокопию страницы из каталога товаров. — Вам надо будет купить один такой ящик для транспортировки и в тот день привезти его сюда. Вот этот. В таких крепких металлических ящиках перевозят хрупкую аппаратуру кинооператоры и те-

левизионщики. Я разберу Свена и уложу все части в ящик. Солдаты мне помогут.

— Брайан, у тебя прямо макиавеллевские планы.

— Не понимаю, доктор. Мне ведь всего четырнадцать, я такого слова ни разу не слыхал.

— Это означает — планы, основанные на методах, которые описал Никколо Макиавелли, — вмешался Свен. — Для них характерны политическое коварство, двуличие и лицемерие.

— Ты говоришь так, будто проглотил целый толковый словарь, — заметила доктор Снэрсбрук.

— Проглотил. И не один, — ответил тот, и ей показалось, что в его голосе прозвучала насмешка.

— Вполне возможно, — сказал Брайан. — Но если только коварство поможет мне отсюда выбраться, значит, без него не обойтись. Вон сколько солдат меня охраняет, а я один. Единственная моя надежда — на то, что они охраняют меня от возможной угрозы извне. Очень надеюсь, что им не приходит в голову опасаться моего побега.

— А ты решил, что будешь делать, когда выберешься отсюда?

— Конечно. Сначала я думал поселиться в каком-нибудь отеле и устроить пресс-конференцию. Разоблачить генерала Шоркта, обвинить его в незаконном задержании и так далее. Но не думаю, чтобы из этого вышел какой-нибудь толк. Слишком велика вероятность, что он объявит меня недееспособным, ненормальным — «бедный юноша, у него после ранения с головкой не все в порядке». Меня снова поместят в больницу, и вырваться во второй раз мне уже не удастся. Поэтому я намерен исчезнуть из виду.

— Скрыться в Мексике?

— Возможно. А вам действительно нужно это знать?

— Нет. Чего не знаешь, о том не проговоришься. Я вывезу тебя отсюда, как обещала, а дальше действуй сам.

— Вы прелесть, доктор. И не беспокойтесь, я знаю, что делаю. Я кое-что нашел среди своих вещей, когда их сюда доставили. Мой план обязательно сработает, он действительно макиавеллевский.

После ее отъезда они снова принялись за работу. Брайан достал из сейфа фиолетовый ирландский паспорт и вытащил его из пластиковой обложки. С фотографии на него смотрел он сам — девятилетний мальчик с широко раскрытыми глазами и испуганным видом. Брайан Бирн, год рождения 1999.

— Нужно сделать две вещи, — сказал он. — Поменять фотографию и срок годности паспорта. Подпись годится. Если мо-

нашки меня чему-нибудь и научили, колотя линейкой по пальцам, то это хорошему почерку.

Он положил раскрытый паспорт на стол и прижал его, чтобы не закрывался. Свен склонился над паспортом и несколько секунд пристально рассматривал его одним глазом. Потом он выпрямился.

— У моих манипуляторов оптическое разрешение выше, — сказал он, протянул к паспорту правую руку и вгляделся в него датчиками, установленными на кончиках пальцев. — Изменить то, о чем ты говоришь, будет несложно.

Свен сделал множество фотоснимков Брайана и изготовил большую фотокарточку в натуральную величину.

— Волосы рыжие, — ткнул в нее пальцем Брайан. — А должны быть черные.

— Не проблема. Мои манипуляторы работают с точностью до сорока микрон. Я достал подходящий краситель и сейчас перекрашу каждый волос на фотографии в черный цвет.

Что он и сделал, и притом довольно быстро. Способности МИ к подделке документов оказались не менее выдающимися. С помощью микроманипуляторов он отделил первоначальную фотокарточку, отколупывая клей, которым она была приклеена, микроскопическими частицами. Отретушировав новую фотокарточку, он переснял ее снова на паспортный формат — получилось не лучше и не хуже, чем любая фотография для паспорта. Прежде чем вклеить ее на место, он тщательно воспроизвел рельефный рисунок печати. Столь же просто оказалось поменять даты выдачи и окончания срока действия паспорта. Брайан полистал паспорт и снова положил его на стол.

— Вот эти даты тоже нужно изменить. Штамп таможни, когда я выезжал из Ирландии, и еще один, который поставили мне при въезде в Штаты.

Раздался звонок в дверь. Брайан удивленно взглянул на экран и увидел стоящую снаружи Шелли.

— Эй, Брайан, это я приехала. Открой, пожалуйста, нам надо поговорить.

Но впускать ее было нельзя! Как смог бы он объяснить изменившийся облик Свена, успеть спрятать фотографии, деньги, валяющиеся на столе, паспорт? Нет, нельзя.

— Добро пожаловать обратно! Рад вас видеть. — Да, конечно, обязательно нужно с ней увидеться, но только не здесь. — Я как раз собирался принять душ, подождите минутку. Пришлось сего-

дня много поработать. Что, если нам поговорить за рюмкой в клубе?

— Да, конечно.

Он оставил Свена заниматься дальше преступной деятельностью и вышел к ней, моргая в ярком солнечном свете.

— Что случилось?

Мимо них пронесся небольшой песчаный вихрь. Она нахмурилась и поправила прядь волос, упавшую на глаза.

— Все не так просто. Давайте сначала выпьем.

— Надеюсь, с вашим отцом ничего не случилось? В последний раз вы сказали мне, что он чувствует себя хорошо.

— Ему намного лучше. Ворчит, что в больнице плохо кормят, — это очень хороший признак. Я потому и смогла выбраться сюда, к вам, что его состояние уже вполне стабильно. Скоро они наложат шунт. К этому времени я снова поеду домой, но сначала хочу с вами поговорить.

В клубе, где, кроме них, никого не было, они уселись за стол и заказали по большому бокалу ледяной «Маргариты». Тихо играла старинная музыка — классические записи легендарной группы «U-2». Прихлебнув из бокала, она вздохнула, вытерла губы салфеткой и положила свою руку на его.

— Брайан, я считаю, что нехорошо безвылазно держать вас здесь. Как только я об этом узнала, я написала официальный рапорт и подала жалобу куда следует. Правда, никакой пользы от этого скорее всего не будет. Мне даже не позаботились ответить. Вы знаете, что меня перевели обратно в Боулдер?

— Мне никто этого не говорил.

Ее горячая рука все еще лежала на его руке. Это прикосновение было ему приятно, и он не стал убирать руку.

— Еще бы! Вот это мне и не нравится — что они просто так взяли и перевели меня отсюда. Даже ни о чем не спросили. Раз — и все. А ведь с искусственным интеллектом еще столько работы! Мне это намного интереснее, чем писать дурацкие военные программы. В общем, дело сводится к тому, что я подумываю о перемене работы, вот что. Собираюсь выйти в отставку и снова стать штатской.

— Это не из-за меня? — Он убрал руку и стиснул руки на коленях.

— Отчасти. Может быть, в основном. Я не хочу быть частью военной машины, которая может так обходиться с человеком. Ну, и работа тоже. Я хочу вместе с вами заниматься МИ — если вы мне позволите.

Шелли говорила тихо и серьезно, тревожно заглядывая в глаза Брайану в поисках поддержки. Брайан отвернулся, схватил свой бокал и сделал такой большой глоток, что у него заныли зубы.

— Послушайте, Шелли. Я не могу взять на себя ответственность за ваши решения. Мне хватает своих забот.

— Я вас об этом и не прошу, Брайан. Вы меня не так поняли. Все это — мое собственное решение, мое личное дело. Я знаю, что вам теперь намного лучше. Но я знаю, как вам досталось. Это иногда чувствуется и до сих пор. Так что, пожалуйста, имейте в виду, что я подаю в отставку независимо от того, что скажете вы. Я отслужила уже на два срока больше, чем полагается, так что с лихвой оправдала все расходы на свое образование. Кроме того, у меня есть еще и одно личное соображение. Я так заработалась, что не заметила, как идут годы. Я ведь еще не старуха!

Рассмеявшись, она потянулась и пригладила волосы. Даже полутьма клуба не могла скрыть ее роскошную фигуру.

— Шелли, вы очень хороши собой. И всегда такой останетесь. Только у меня сейчас голова забита совсем другим, мне не до этого.

— Тише, — сказала она, дотронувшись пальцем до его губ. — Я не прошу вас что-нибудь делать или говорить. Я приехала, чтобы сообщить вам, что с военно-воздушными силами я покончила. Когда окончательно высвобожусь из их когтей, я вам напишу. С моим образованием и опытом я могу найти себе работу где угодно и зарабатывать вдвое больше, чем сейчас. Можете обо мне не беспокоиться. Но если бы я могла как-нибудь помогать вам с искусственным интеллектом — я бы хотела этим заниматься. Не хотела бы это бросать. Хорошо?

— Хорошо. Вы понимаете?..

— Больше, чем вы думаете, Брайан.

Зазвонил его телефон.

— Простите. Да?

— Это Свен. Только что Свен-2 обнаружил кое-что важное и весьма интересное. Ты не мог бы вернуться сюда?

— Да, конечно.

Он повесил телефон на пояс и встал.

— Мне нужно возвращаться в лабораторию.

Она вскочила, рассерженная и обиженная.

— Вы взяли кого-то еще на мое место, пока меня не было?

— Шелли, вы сошли с ума. Это был Свен — помните, наш искусственный интеллект? У него работают кое-какие программы, и он хочет поговорить о результатах.

Она рассмеялась:

— Вы правы, у меня начинается мания преследования. Это оттого, что я слишком долго носила военную форму. Пора с этим кончать.

Она взяла его руки в обе свои, поднялась на носки и горячо поцеловала его в щеку. Потом отпустила его руки и повернулась к двери.

— Вы мне будете звонить?

— Обещаю — честное слово. Когда займусь применением искусственного интеллекта, вы будете мне нужны. Привет вашему отцу.

Он быстро шел к лаборатории, сопровождаемый по пятам охранниками. Ему нравилась Шелли, нравилось работать с ней, но сейчас он не желал об этом думать. Потом, когда — и если — все наладится. И о чем там еще говорил Свен? Конечно, он не мог сообщить по телефону никаких подробностей. Но голос у него был настойчивый, и до сих пор он еще ни разу так не звонил.

Когда он вошел в лабораторию, Свен, поджидавший у дверей, повел его в глубь комнаты.

— Свен-2 давно уже занимается изучением искусственного интеллекта «Смерти букашкам». Весьма интересные результаты.

— Я уверен, вы с этим согласитесь, — сказал Свен-2, вступая в разговор при их приближении. — Насколько я знаю, в ваши планы входило посетить Румынию. Чтобы поискать там какую-нибудь нить, которая могла бы вывести вас на доктора Бочерта. Это верно?

— Да.

— В этом нет необходимости. Вам нужно ехать в Швейцарию. Я выяснил, что эта страна находится в Европе и...

— Я знаю, где Швейцария. Но почему ты мне это говоришь?

— Из-за весьма примечательной аномалии, которую я обнаружил в программном обеспечении. В ней как будто нет никакого смысла, и сначала я подумал, что это часть компьютерного вируса. Но когда я присмотрелся внимательнее, я обнаружил, что это цикл команд, запрятанный в подпрограмме, написанной так, чтобы обходить этот цикл. И тут я опознал в нем фрагмент кода, написанного на старом языке «лама-3».

— Но это невозможно! Почти невозможно. Во всем мире есть только один человек, который знает этот язык.

— Скорее три. Ты, потому что изобрел его для своих собственных надобностей, и...

— И ты, потому что, видимо, унаследовал копию этой части

моего мозга! Но кто же тот третий, о котором ты говоришь? А, Бочерт! Потому что он расшифровал мои заметки. Но это может означать только одно...

— ...Что это послание от него, адресованное тебе.

— Ну выкладывай же! Что там говорится?

— Тщательное изучение фрагмента нечитаемого кода показало, что это команда: «Последовательность окончена вследствие блохи типа 5241-8255-8723».

— «Блохи»? Это же жаргонное словечко, оно означает какую-нибудь неполадку.

— Согласен. Я слышал, как ты время от времени употреблял этот термин, а поиск по словарным базам данных позволил выяснить его значение. Поэтому я решил, что этот цикл команд вставлен там, чтобы привлечь твое внимание. Из чего следует, что цифры могут что-то означать. После краткого криптографического анализа их смысл стал ясен.

— Тебе — может быть, а по мне, это просто какие-то цифры, и больше ничего.

— Нет, не просто цифры, а сообщение.

— Ты его понял?

— Мне кажется, да. Оно начинается с цифр 52. Если взять алфавит, то они соответствуют буквам «ДБ». Что может означать «доктор Бочерт».

— Не слишком ли это притянуто за уши? Такое сокращение может означать что угодно — например, «Дойче Банк» или «Двойное Баварское».

— Возможно, но только если не знать, чего ищешь. 41 — это телефонный код Швейцарии, 92 — междугородный код Сент-Морица. Остальные шесть цифр могут быть номером телефона в этом городе.

Брайан стоял ошеломленный. Все это казалось чересчур простым. Но случайностью это быть не могло. Неужели сообщение действительно было вставлено сюда намеренно, чтобы он его обнаружил?

— Чтобы решить проблему, следует позвонить по этому номеру, — сказал Свен.

— Согласен. Только не отсюда. Мы не сможем этого проверить до тех пор, пока я не доберусь до телефона, который не прослушивается. А до тех пор не забудь этот номер, Свен. Заруби на носу.

— Мне незнаком этот термин.

— Мне знаком, — сказал Свен-2, и в его голосе как будто про-

звучало что-то похожее на превосходство. — Это разговорный оборот, означающий, что нужно что-то прочно сохранить в памяти...

— Хватит! — оборвал его Брайан. — Не надо этих лекций. Тебе бы школьным учителем быть.

— Спасибо, я подумаю над этой возможностью.

Брайан озадаченно взглянул на стойку с электронной аппаратурой, в которой скрывался невидимый мозг, очень похожий на человеческий. Ему пришли в голову слова из Библии: «Что Господь сотворил...» Нет, не Господь. Что он сам сотворил!

Глава 37

16 декабря 2024 года

Выйдя из операционной, доктор Снэрсбрук подошла к телефону и включила запись автосекретаря.

— Привет, доктор, это Брайан. Вы не позвоните мне, когда освободитесь?

Она положила трубку и почувствовала, что сердце у нее забилось сильнее. Вот удивительно, подумала она, усмехнувшись. Только что она три часа подряд оперировала мальчика, удаляя ему опухоль мозга, и все это время пульс у нее был совершенно нормальный. А теперь один телефонный звонок — и она словно приготовилась за десять секунд пробежать стометровку. Несмотря на то что этого звонка она ждала. Не то чтобы боялась его, а просто ждала, как ждут чего-то неизбежного.

Она заварила себе чашечку кофе двойной крепости, выпила почти всю и только после этого нашла в себе силы позвонить. Было уже шесть часов вечера. Неужели он назначит ей встречу на сегодня? Нет, они договаривались, что он позвонит по меньшей мере за несколько дней. Она допила кофе и набрала его номер.

— Я знаю, что ты мне звонил, Брайан.

— Спасибо, что откликнулись. Послушайте, мне кажется, что вы были правы и нам надо еще поработать с моим вживленным процессором. И сделать это прямо здесь, в лаборатории, где мы могли бы при этом пользоваться еще и МИ.

— Я рада, что ты согласен. Завтра?

— Нет, это слишком скоро. Мне нужно сначала покончить с кое-какими делами. Что вы скажете про четверг, во второй половине дня? Скажем, около трех?

— Прекрасно. Увидимся.

Ничего прекрасного на самом деле не было. Чтобы попасть к нему в это время, ей придется перенести уже назначенный прием полудюжине больных. Ничего не поделаешь, обещание есть обещание.

Она так часто ездила по этой дороге, что в четверг подъехала к воротам «Мегалоуб» ровно в три часа. На ступеньках поликлиники сидели два солдата.

— Что, ребята, на прием к врачу? — спросила она, выходя из машины.

— Нет, мэм, мы добровольцы. Брайан сказал, что вам надо будет сегодня перетащить какую-то аппаратуру, и мы вызвались помочь. После того как он нам поставил выпивку.

— Это необязательно, машина не такая уж тяжелая.

— Да, мэм. Но нас тут двое, а вы одни. Вот этот парень, Билли, может подтянуться целых сто раз подряд. Не пропадать же попусту такой силище!

— Пожалуй, вы правы. — Она отперла багажник. — Если вы внесете туда этот ящик, мы кое-что в него погрузим.

У нее осталось немного поролона, которым была обложена машина-коррелятор, когда ее доставили сюда, и она устлала им ящик изнутри. Под ее наблюдением солдаты уложили машину в ящик и поставили его в багажник.

— Я же говорила вам, что это не тяжело, — сказала она.

— Да, мэм. Но мы и выгрузить ее поможем. Мы ведь обещали.

— Садитесь в машину, подвезу.

— Простите, нельзя. Приказ майора — никаких поездок по территории, только бегом.

Они затрусили вперед и уже ждали ее у дверей лаборатории, когда она подъехала: ей пришлось ехать кружным путем. Брайан отпер дверь, и солдаты внесли ящик на глазах у часовых, спокойно стоявших у дверей. Все оказалось очень просто.

— У меня все время сердце было в пятках, — призналась доктор Снэрсбрук, когда солдаты ушли и дверь была заперта.

— Лучше возьмите себя в руки — самая потеха еще впереди.

— Ничего себе потеха! По мне, так уж лучше оперировать.

Машину-коррелятор вынули из ящика и осторожно поставили в сторонке. Брайан взял электродрель с тонким сверлом и просверлил в крышке металлического ящика отверстие.

— Свен не хочет все время сидеть там в темноте. — Он показал ей какую-то металлическую штучку, похожую на пуговицу, от

которой шел гибкий кабель. — Это звуковой и оптический датчик. Я установлю его против отверстия, подключу к Свену...

— ...И у нас будет ящик, который подсматривает за нами и подслушивает наши разговоры. Это становится все больше похоже на какой-то бред.

Как только Брайан закончил, не отходивший от него Свен залез в ящик и подключился к проводам. Он заполнил собой весь ящик, словно растекшись по нему: каждый из мириадов его суставов оказался прижат к соседнему, как лезвия швейцарского карманного ножа на сотню предметов. Потом он еще немного уплотнился, превратившись в почти сплошную твердую массу на дне ящика. Втянутые глазные стебли следили за Брайаном, который уложил рядом с неподвижным центральным корпусом робота болванку в форме головы, шляпу, туфли и всю остальную одежду, а поверх всего — объемистую дорожную сумку.

— Готов?

— Можешь закрывать.

Брайан опустил крышку и запер ящик.

— Это первый этап, — сказал он.

— Ты снова позовешь тех солдат, чтобы они погрузили это в машину?

— Ни в коем случае! Сейчас они уже заступили на пост у ограды, поэтому я их и выбрал. Теперь ящик намного тяжелее, чем когда они внесли его сюда. Они непременно обратили бы на это внимание. Но нам помогут здешние часовые. Они к нему не притрагивались и разницы не заметят.

— Какое хитроумие, Брайан! Откуда?

— Само собой появилось. Должно быть, последствия трудного детства. Идите сюда, я познакомлю вас со Свеном-2. Он идентичен тому Свену, что в ящике, — по крайней мере был идентичен в тот момент, когда они разделились. Только он еще не может передвигаться, новые детали для него еще не прибыли.

— А с этим твоим искусственным интеллектом можно разговаривать?

— Конечно. Только он теперь называется МИ — машинный интеллект. Ничего искусственного в них нет — все только самое настоящее. В их схему органически включены разные базы общеизвестных данных, вроде «цик-5» и «знание-3». Впервые в одной системе удалось совместить несколько разных способов мышления, связав их между собой перекрестными параномами. И не пришлось насильно втискивать все столь разные типы знаний в одни и те же жесткие стандартные формы. Но сделать это было нелегко.

Вот этого МИ зовут Свен — от слова «севен», то есть «семь», потому что первые шесть моделей оказались неудачными. Первое время они работали, но потом по разным причинам выходили из строя.

— Но я не вижу тут никаких останков роботов. Что ты с ними делал?

— Да ведь с телом робота ничего не случалось — менять каждый раз приходилось только программы.

— Позвольте мне вмешаться и кое-что добавить, — сказал Свен. — Прежние варианты все еще частично сохранены. Я могу получить к ним доступ, если пожелаю. МИ не умирает целиком. Когда что-то неладно, программа корректируется, начиная с того места, где возникли неполадки. Это хорошо, потому что можно вспоминать свое прошлое.

— А еще лучше вспоминать несколько разных прошлых, — добавил Свен-2. — Активируя некоторые группы немов, я могу припоминать многое из того, что ощущали третий, четвертый и шестой. Каждый вариант меня — нас — работал нормально, пока не начались сбои. И у всех сбои были разные.

Доктор Снэрсбрук с трудом могла заставить себя поверить, что это происходит на самом деле: она беседует с роботом — или с двумя роботами? — о первых шагах его — их? — развития, о перенесенных ими травмах, об их важнейших переживаниях. Как тут оставаться спокойной?

— Мне кажется или в самом деле у этих двух Свенов разные характеры? — спросила она.

— Вполне возможно, — ответил Брайан. — Безусловно, они уже больше не идентичны. С момента удвоения они действовали в совершенно разных условиях. Свен способен передвигаться, а у Свена-2 нет тела, а только несколько разбросанных по разным местам датчиков и исполнительных механизмов. Так что сейчас у них совершенно разные воспоминания.

— Но их нельзя слить вместе? Как мы слили вместе твои собственные базы данных после того, как они прочли все эти книги?

— Может быть, и можно. Но я бы не рискнул слить семантические системы Свена и Свена-2 — не исключено, что в них поразному отражены сенсомоторные ощущения.

— Я бы не советовал производить такое слияние, — вмешался Свен-2. — Боюсь, что моя управляющая структура среднего уровня может отвергнуть целые обширные группы образов внешнего мира. В силу принципа исключенного компромисса.

— Это один из основных принципов, на которых основана наша работа, — пояснил Свен. — Всякий раз, когда две подсистемы

дают несовместимые рекомендации, их координаторы теряют управление. Как только это случается, координатор более высокого уровня находит какую-то третью систему, которая берет управление на себя. Так получается намного быстрее и эффективнее, иначе на то время, пока две системы борются за управление, наступает паралич. Это случилось со второй моделью — тогда Брайан и переделал всю систему управления, положив в ее основу принцип Пейперта.

— Ну и ну! — произнесла доктор Снэрсбрук. — Что бы там ни говорили, это просто потрясающие машины. В них нет ничего искусственного — они во многом поразительно похожи на людей. И почему-то обе сильно напоминают мне тебя.

— Тут нет ничего удивительного, ведь их семантические системы основаны на данных, которые загрузили туда из моего собственного мозга. — Брайан взглянул на часы. — Уже семь часов, самое время кончать. Свен-2, сейчас мы трое уходим, и я надеюсь, что вернусь не скоро.

— Желаю вам и Свену всего наилучшего и с нетерпением стану ждать вашего подробного рассказа, когда вы вернетесь. А до тех пор займусь своими исследованиями и чтением — этого хватит надолго. Кроме того, поскольку я не имею возможности передвигаться, я собираюсь построить для себя виртуальную реальность — собственное подобие трехмерного мира.

— Что ж, тебе вряд ли кто-нибудь помешает. Единственный способ сюда попасть — это подорвать дверь, а я не думаю, чтобы «Мегалоуб» это одобрила.

Брайан подтащил потяжелевший ящик к входной двери и отпер ее.

— Эй, ребята, не поможете доктору погрузить эту штуку?

Если солдаты и обратили внимание на вес ящика, они не подали вида из самолюбия — они видели, с какой легкостью тащили его другие двое.

— Поезжайте вперед, доктор, — сказал Брайан. — Мы с ними пойдем пешком.

Он заранее точно указал ей место, где поставить машину, — на стоянке за казармой — и был уверен, что она не ошибется. Он побежал трусцой, за ним, ворча про себя, побежали солдаты. Машина подъехала как раз в тот момент, когда они добежали до казарм.

— Машину запирать? — спросила она, но спрятала ключи обратно в сумочку после того, как солдаты заверили ее, что здесь все будет в полной безопасности.

— Мне только немного сухого хереса, — попросила она, когда они уселись за столик в клубе, и нахмурилась, увидев, что Брайан заказал себе большую порцию виски. Смотреть на часы не было необходимости — над стойкой висело цифровое табло, показывавшее время. Брайан щедро разбавил виски водой и только чуть пригубил его. Они тихо разговаривали, глядя, как в клуб то и дело входят солдаты, сменившиеся с дежурства, а другие уходят, и изо всех сил стараясь пореже смотреть на табло. Однако в тот самый момент, когда стрелка коснулась нужного деления, Брайан вскочил.

— Нет, не желаю! — громко сказал он. — Это, наконец, просто невыносимо!

Он оттолкнул стул и стукнул кулаком по столу так сильно, что разлил свое виски. Не оглядываясь, он большими шагами вышел, громко хлопнув дверью. Бармен поспешно подошел с полотенцем и принялся вытирать лужу на столе.

— Сейчас принесу еще порцию, — сказал он.

— Не надо. Я думаю, сегодня Брайан больше сюда не придет.

Она не спеша допила херес, чувствуя, как все в комнате старательно отводят глаза в сторону. Потом достала компьютерный блокнот и начала делать в нем какие-то заметки. Через некоторое время она взяла сумочку, оглядела комнату и подошла к сержанту, сидевшему у стойки.

— Простите, сержант, майор Вуд сегодня здесь?

— Да, мэм.

— Вы не скажете, как его найти?

— Если хотите, могу вас проводить.

— Спасибо.

Когда дверь за Брайаном захлопнулась, ему стоило большого труда удержаться и не взбежать по лестнице, прыгая через две ступеньки. Да, нужно было спешить, но бежать, привлекая к себе внимание, не следовало. Он запер за собой дверь своей комнаты и схватил со стола приготовленные заранее кусачки. Свен заранее перепилил замок сигнального браслета у него на руке и снова соединил его тонкой проволочкой. Брайан перекусил проволочку, бросил браслет и кусачки на кровать и кинулся в другой угол комнаты, стаскивая с себя на ходу брюки и чуть не свалившись при этом. Прыгая на одной ноге, он скинул туфли и вбежал в ванную. Пластиковая бутылка с шампунем стояла в раковине, где он ее оставил. Брайан схватил ее, начал было открывать и выругался вслух.

— Идиот — чуть не забыл про перчатки! Все рассчитано по времени, только бы чего-нибудь не перепутать, иначе ничего не выйдет!

Он открыл кран, сунул под него голову, потом, оставив кран открытым, руками в перчатках неуклюже откупорил шампунь, нагнулся над раковиной, вылил половину себе на голову и начал растирать его.

Жидкость была прозрачна, но волосы под действием ее быстро чернели. Обычная краска для волос, купленная в магазине, — фирма гарантировала, что она окрашивает только волосы, не затрагивая кожу. Перчатки понадобились потому, что у ногтей и волос состав совершенно одинаковый, — а черные ногти непременно привлекли бы внимание. Остатками краски он намазал плохо прокрашенные места и тщательно намазал брови.

Вытерев голову полотенцем, Брайан вымыл перчатки и бутылку из-под шампуня, которую собирался забрать с собой. Перчатки он сунул в ящик кухонного стола, а сложенное полотенце подложил под стопку чистых. Если план удастся, начнется расследование, и рано или поздно эксперты обнаружат следы краски, — однако облегчать им задачу он не собирался. Он взглянул на часы — осталось всего три минуты.

Он выдвинул нижний ящик стола с такой силой, что тот вывалился на пол. Пусть лежит! Поверх рубашки с короткими рукавами, которую Брайан носил обычно, он натянул солдатскую куртку, надел брюки и армейские ботинки со шнуровкой, не без труда завязал форменный галстук защитного цвета.

Из зеркала на него смотрел совсем другой Брайан. Он лихо заломил фуражку, как было принято в 82-й авиадесантной дивизии, — ее эмблему он заранее пришил на рукав. Никаких нашивок — он должен был превратиться в обыкновенного рядового, неотличимого от остальных.

Он запихивал в карман бумажник, когда зазвонил телефон.

— Да. Кто это?

— Это доктор Снэрсбрук, Брайан. Я хотела бы...

— Мне сейчас не хочется разговаривать, доктор. Я собираюсь сделать себе большой бутерброд, как следует выпить, посмотреть какую-нибудь чушь по телевизору и пораньше залечь спать. Может быть, поговорим завтра. Но не раньше. А сейчас я отключаю телефон.

Осталось две минуты. Он хотел было снова прицепить телефон на пояс, но сообразил, что тогда его легко будет выследить, и швырнул аппарат на кровать. Забрал бутылку из-под краски, завернутую в газету. Погасил свет, чуть приоткрыл дверь. В коридоре никого. Запер дверь за собой. Теперь тихо! И скорее — к пожарной лестнице. Осторожно закрывая за собой тяжелую дверь, он почувствовал, как сильно бьется сердце.

Везение продолжалось — коридор, ведущий к запасному выходу, был безлюден. Не спеша пройти мимо открытой двери на кухню — только не смотреть туда! Потом тихо открыть дверь на улицу.

Он посторонился, пропуская двух поваров в белых куртках. Они были заняты спором о бейсболе и, кажется, не заметили его. Но если что-то случится, они наверняка припомнят, что видели какого-то солдата, который здесь проходил. И если сейчас начнется тревога, они выведут на него охрану.

Машина стояла в тени здания — в единственном месте, не залитом ярким светом ртутных ламп.

Брайан быстро огляделся. Три солдата, идут в другую сторону. Больше никого не видно. Он осторожно открыл заднюю дверцу машины, скользнул внутрь и закрыл за собой дверцу, стараясь, чтобы замок не щелкнул. Запер дверцу и улегся на пол, укрывшись одеялом.

— Он очень расстроен, — сказала Эрин Снэрсбрук, вставая.

— Мы знаем, — ответил майор Вуд. — И нам это тоже не нравится. Но у нас есть приказ, и ни я, ни кто-нибудь другой абсолютно ничего не можем сделать.

— Тогда я обращусь к вашему начальству. Что-то предпринять надо, ему необходимо помочь.

— Прошу вас, сделайте это, и желаю вам удачи.

— Только что он очень раздраженно говорил со мной по телефону. Он заперся у себя в комнате и не желает ни с кем разговаривать.

— Его можно понять. Может быть, завтра он немного успокоится.

— Будем надеяться.

Майор проводил ее до выхода и направился было вслед за ней к ее машине. Она остановилась, покопалась в сумочке в поисках ключей и вытащила вместе с ними свою визитную карточку, которую протянула ему.

— Прошу вас, майор, позвонить мне сразу же, если его состояние будет вас тревожить. Днем или ночью, неважно. Надеюсь, нам удастся что-нибудь сделать, пока не поздно. До свидания.

— Обязательно позвоню, доктор. До свидания.

Она медленно пошла к стоянке. Села в машину, не осмелив-

шись заглянуть за спинку сиденья. Завела мотор и огляделась. Поблизости никого не было.

— Ты... здесь? — шепотом спросила она.

— Представьте себе, здесь, — послышался приглушенный ответ.

Она подъехала к воротам, кивнула часовым, открывшим перед ней шлагбаум, и исчезла во тьме звездной.

Глава 38

19 декабря 2024 года

Эрин Снэрсбрук пришлось включить автомат управления машиной и установить на нем крейсерскую скорость, потому что сама она незаметно для себя все сильнее нажимала на педаль газа и только время от времени, спохватившись, замедляла ход. Кругом простиралась пустыня, погруженная в глубокую темноту, и только фары бросали вперед яркую полосу света, освещавшую плавные извивы дороги. Проехав километра два, она увидела стоящий на обочине автомобиль. Она остановила машину рядом с ним, с облегчением вздохнула и, обернувшись, сказала через плечо:

— Теперь ты в безопасности. Можешь вылезать.

Брайан быстро поднялся с пола и уселся на заднее сиденье.

— Чуть не задохнулся там. Я полагаю, все прошло гладко, иначе мы бы сюда не добрались?

— Вполне. Можешь выйти из машины. Подожди, я выключу фары. И все остальные огни на всякий случай.

Брайан вышел в теплую тьму. Свободен! Впервые за целый год! Глубоко вдохнув сухой воздух пустыни, он позволил себе на секунду задержаться, чтобы жадно вглядеться в небо, усыпанное звездами вплоть до темного зубчатого силуэта гор на горизонте. Хлопнула дверца машины — доктор Снэрсбрук вышла и встала рядом с ним. Он обернулся к ней и увидел, что у другого автомобиля кто-то стоит.

— Кто это? Что случилось?

— Все в порядке, Брайан, — тихо ответила доктор Снэрсбрук. — Это Шелли. Она хочет тебе помочь. Она все знает и на нашей стороне.

У Брайана подступил комок к горлу. Когда Шелли подошла, он с трудом выговорил:

— Вы давно узнали?

— Только на прошлой неделе. Когда рассказала доктору Снэрсбрук, что ухожу из армии из-за того, что они делают с вами. Я убедила ее, что хочу вам помочь, и она мне поверила.

— Да, тогда я и рассказала ей, что ты собираешься сделать. Я очень боюсь, Брайан, что ты пока еще не готов иметь дело с внешним миром один на один. Я рискнула ей поверить — и то, что сейчас здесь она, а не военная полиция, показывает, что я не ошиблась. Я очень о тебе беспокоилась и, честно говоря, не хотела, чтобы ты узнал о ее участии в этом деле, пока не вырвешься из своей тюрьмы.

Брайан с трудом перевел дух и улыбнулся в темноту.

— Вы правы, доктор. Не думаю, чтобы я на это согласился, если бы знал заранее. Но теперь, когда все уже решено, я очень рад. Добро пожаловать, Шелли.

— Спасибо вам обоим за то, что позволили мне вам помочь. Я еду с вами, не стоит вам оставаться одному.

— Мне надо будет об этом подумать. Позже. А сейчас пора двигаться. — Он развязал галстук и стянул с себя куртку. — Майор поверил вам, доктор?

— Он к вам хорошо относится, Брайан. И все остальные тоже. Я уверена, что до утра к вашей комнате никто и близко не подойдет.

— Надеюсь. Но когда они обнаружат, что меня нет, там такое начнется! Знаете, я им всем очень сочувствую. В каком-то смысле я сыграл с ними скверную шутку. Можете быть уверены, что им не поздоровится.

— А тебе не кажется, что сейчас поздновато об этом думать?

— Нет, все продумано. Я много и долго размышлял об этом, когда разрабатывал план побега. Мне жаль их, но ведь они были моими тюремщиками — а мне нужно было бежать из тюрьмы. Ну, какие у нас дальнейшие планы?

— Дальше командует Шелли. Я возвращаюсь в «Мегалоуб», немного поработаю у себя в лаборатории и проведу там ночь. Это немного спутает им карты — может быть, они даже не догадаются, что я замешана в побеге. Чем загадочнее будет казаться это дело, тем больше шансов, что все кончится благополучно. Я даже упакую в ящик мою машину-коррелятор и снова положу в багажник, чтобы им не пришло в голову связать ее пропажу с твоим побегом. Так что давай вытащим Свена и перегрузим его в машину Шелли. Чем скорее я вернусь, тем лучше.

Как только это было сделано, они наскоро расцеловались на прощание и разъехались. Подождав, когда машина Эрин развер-

нется и двинется обратно, Шелли завела мотор и поехала на запад. Брайан смотрел на проносящиеся мимо холмы, чувствуя еще большее облегчение, чем в тот момент, когда впервые осознал, что свободен.

— Я рад, что вы здесь, — сказал он. — Может быть, нам теперь надо держаться вместе. По крайней мере некоторое время. — Он взглянул на часы. — На такой скорости мы доедем до границы часам к одиннадцати, не позже.

— Вы уверены? Я никогда не ездила по этой дороге.

— Я тоже — во всяком случае, не припоминаю. Но я просмотрел множество карт и путеводителей. Большого движения тут быть не должно, а ехать всего сто сорок километров.

Больше они не разговаривали: говорить было не о чем, зато было о чем подумать.

Не доезжая до Броули, они свернули с 78-го шоссе и направились на юг через Эль-Сентро и Калексико. Руководствуясь указателями, на которых было написано «В МЕКСИКУ», они объехали центр города и подъехали к пограничному переезду. Будки таможенников показались впереди ровно в половине одиннадцатого. Брайан впервые проявил признаки беспокойства.

— Во всех путеводителях говорится, что переехать мексиканскую границу проще простого. Это верно?

— Были бы с собой доллары. Меня по дороге туда ни разу еще не останавливали, да и вообще на меня не смотрели.

Когда они пересекали границу, ни одного таможенника на американской стороне видно не было. Офицер-мексиканец с внушительным пистолетом и еще более внушительным брюхом бросил беглый взгляд на номер машины и отвернулся.

— Дело сделано! — воскликнул Брайан, когда они ехали по улице, изобиловавшей ярко разукрашенными лавочками и барами.

— Это точно! А что дальше?

— Прежде всего изменение в плане. Сначала предполагалось, что доктор высадит нас со Свеном и вернется в Штаты. Что я собираюсь делать дальше, она не знает.

— А вы?

— Знаю совершенно точно. Я собираюсь сегодня же вечером выехать на поезде в Мехико.

— И я тоже.

— Вы уверены?

— Безусловно.

— Хорошо. Тогда мы придерживаемся первоначального плана — только вы переправите машину обратно через границу, вернетесь на такси...

— Ну нет. Слишком сложно и долго. К тому же я оставлю след. Мы просто бросим машину здесь с ключом в замке.

— Ее же украдут!

— Вот именно. Если местные автомобильные воры хоть чего-нибудь стоят, она исчезнет бесследно. Это куда лучше, чем если ее найдут на стоянке в Калексико и догадаются, куда мы направились.

— Но вы не должны этого делать. Это же деньги...

— Я все равно собиралась купить себе новую. К тому же не исключено, что когда-нибудь я получу за нее страховку. Так что не тратьте слов попусту. Как проехать на вокзал?

— Сейчас посмотрю на плане.

Они легко нашли вокзал Национальных железных дорог Мексики. Шелли проехала мимо, свернула за угол на какую-то плохо освещенную улицу и остановила машину под перегоревшим фонарем. Достав из багажника чемоданчик и не вынимая ключа из замка зажигания, она помогла Брайану вытащить тяжелый ящик.

— Первый шаг — и самый важный, — сказал он.

— До отхода поезда остается один час двадцать одна минута, — послышался из ящика приглушенный, но назидательный голос.

— Больше чем достаточно. Потерпи еще — тащить-то ящик приходится нам.

Они с трудом донесли его до входа в вокзал, где Шелли потребовала остановиться.

— Хватит! Присмотрите за ним, а я пойду погляжу, водятся ли в этой глуши носильщики.

Через несколько минут она вернулась с мужчиной в помятой форменной фуражке. Он катил перед собой ручную тележку.

— Нам нужно купить билеты, — сказал Брайан, пока тот подсовывал под ящик обитый металлом край тележки. «Надеюсь, он говорит по-английски», — подумал он.

— Проще простого. Куда едете?

— В Мехико.

— Проще простого. Идите за мной.

Брайан с облегчением убедился, что женщина с недовольным лицом, сидевшая в кассе, тоже говорит по-английски. Да, есть свободное купе первого класса. Древний кассовый аппарат, стоявший рядом с ней, выплюнул два билета, которые она проштамповала вручную. Дело осложнилось, когда Брайан достал деньги.

— Доллары я не беру, — раздраженно заявила женщина, как будто это его вина. — Только moneda nacional[1].

— А здесь нельзя поменять деньги? — спросила Шелли.

— Обменный пункт уже закрыт.

Паника, охватившая Брайана, лишь слегка уменьшилась, когда носильщик сказал:

— У меня есть приятель, меняет деньги.

— Где он?

— Вон там, работает в баре.

Бармен широко улыбнулся и с радостью согласился поменять доллары на песо.

— Только вы понимаете, что у меня не такой курс, как в банке? Ведь мне надо покрыть расходы.

— Как скажете, — согласился Брайан, отдавая ему зеленые купюры.

— Он наверняка вас надует! — прошипела Шелли, когда бармен отошел к кассе.

— Конечно. Но зато мы попадем на поезд, а это сейчас главное.

Получив в обмен на доллары толстую пачку песо — пусть даже меньше, чем следовало, — он почувствовал огромное облегчение.

Без восьми двенадцать носильщик поставил ящик в купе, сунул в карман десятидолларовую бумажку, полученную на чай, и ушел, закрыв за собой дверь. Шелли задвинула занавеску на окне, а Брайан запер дверь и открыл крышку ящика.

— Действующий курс обмена долларов в Мексике на сегодня...

— Прошу тебя, пусть это так и останется для нас тайной, — перебил Брайан, вынимая из ящика дорожную сумку. — Хорошо доехал?

— Если сидеть в темном багажнике автомобиля — это хорошо, тогда я доехал прекрасно.

— Ничего, дальше будет лучше, — сказала Шелли. Загремели цепы, поезд дернулся и поехал. Тут же в дверь громко, повелительно постучали.

— Я открою, — сказала Шелли. — А вы пока передохните.

— С удовольствием.

Подождав, пока он закроет крышку ящика, она отперла дверь.

— Ваши билеты, — сказал кондуктор.

— Пожалуйста. — Брайан отдал ему билеты, кондуктор пробил их компостером и указал на сиденья.

[1] Национальная валюта (*исп.*).

— Когда захотите прилечь, просто откиньте спинку. Постель уже постелена. А верхняя койка откидывается вот так. Желаю приятной поездки.

Брайан запер за ним дверь и рухнул на сиденье. День выдался нелегкий.

Поезд, раскачиваясь, набирал скорость, колеса постукивали на стыках рельсов, за окном бежали огни. Брайан отодвинул занавеску и стал смотреть, как мимо проплывают сначала пригороды, потом фермы.

— Дело сделано! — сказала Шелли. — Ничего красивее я в жизни не видела.

— Не сомневаюсь, что вид очень интересный, — произнес приглушенный голос.

— Ох, прости, — встрепенулся Брайан и снова поднял крышку ящика. Свен выдвинул глазные стебли, чтобы тоже смотреть в окно. Брайан погасил свет, и все принялись рассматривать проплывавшие мимо пейзажи.

— Когда мы прибываем? — спросила Шелли.

— В три часа дня.

— А дальше?

Брайан молча глядел в темноту, все еще испытывая колебания.

— Шелли, я все-таки думаю, что мне надо бы заниматься этим одному.

— Ерунда. Сняв голову, по волосам не плачут — так, кажется, говорят?

— Да, есть такая пословица.

— Я считаю, что ты должен принять предложение Шелли о помощи, — заявил Свен.

— Разве я спрашивал твое мнение?

— Нет. Но это хорошее предложение. Ты был очень болен, у тебя в памяти есть пробелы. Тебе нужна ее помощь. Прими ее.

— Я остался в меньшинстве, — вздохнул Брайан. — А план у меня простой — только нужно, чтобы при вас был ваш паспорт.

— Он у меня с собой. Я захватила его, когда доктор Снэрсбрук сказала, что собирается ехать в сторону мексиканской границы.

— Моя главная задача — держаться на шаг впереди тех, кто будет меня разыскивать.

— Залечь на дно в Мексике?

— Я думал об этом, но это не годится. Мексиканская и американская полиция очень тесно сотрудничают, вылавливая торговцев наркотиками. Не сомневаюсь, что генерал Шоркт объявит меня уголовным преступником, если это понадобится, чтобы ме-

ня выследить. Поэтому в Мексике мне оставаться нельзя. Я посмотрел расписание самолетов — вечером из Мехико отбывает множество заграничных рейсов. Мы купим билеты и покинем страну.

— А куда именно, вы думали?

— Конечно. В Ирландию. Не забудьте, у меня ирландское гражданство.

— Блестящая идея. Ну хорошо, прилетаем мы в Ирландию — а что дальше?

— Я хочу попробовать найти доктора Бочерта — если он еще жив. Для чего, видимо, придется съездить в Румынию. Люди, которые похитили мой первый искусственный интеллект и пытались меня убить, все еще на свободе. Я намерен разыскать их. По многим причинам. Одна из них — чтобы отомстить, но главная — чтобы выжить. Только когда эта угроза будет ликвидирована, я смогу ходить, не оглядываясь через плечо. А у генерала Шоркта больше не будет повода ко мне приставать.

— Аминь. — Она широко зевнула, прикрыв рот рукой. — Простите. Но если вы хотя бы наполовину так же устали, как я, нам надо ложиться спать.

— Пожалуй, да.

Он задвинул занавеску и зажег свет. Как и обещал проводник, обе койки были застланы, и они легко привели их в нужное положение.

— Я буду спать наверху, — сказала Шелли, открыв свой чемоданчик, достав пижаму и халат и захватив со столика сумочку. — Сейчас приду.

Когда она вернулась, в купе горел только ночник над ее койкой. Брайан лежал укрытый с головой, а Свен смотрел в окно, приподняв уголок занавески.

— Спокойной ночи, — сказала она.

— Спокойной ночи, — ответил Свен. А с нижнего места донеслось лишь тихое похрапывание.

Глава 39

20 декабря 2024 года

Они позавтракали в вагоне-ресторане, разглядывая бегущие за окном пейзажи. Крохотные деревушки, джунгли и горы, время от времени — клочок океана. Когда они допивали кофе, послы-

шался телефонный звонок, и Брайан увидел, как один из сидевших в ресторане вынул аппарат из кармана и начал говорить.

— Какой я идиот, — сказал Брайан. — Надо было раньше об этом подумать. А у вас телефон с собой?

— Конечно. Он у всех всегда с собой.

— Только не у меня сейчас. Вы знаете, что человека можно вызвать, где бы он ни был. А вы когда-нибудь задумывались о том, как вся эта механика работает?

— Пожалуй, нет. Это же самая обычная вещь.

— А для меня она была такой новинкой, что я заинтересовался. Сейчас везде проходят волоконно-оптические и микроволновые линии — они образуют сеть вокруг всего земного шара. Когда человек хочет позвонить, он просто набирает номер, ближайшая станция принимает вызов и передает его куда нужно. Только вы, наверное, не знаете, что ваш телефон постоянно включен, всегда готов к работе. И он автоматически отмечается, когда вы перемещаетесь из одной ячейки сети в другую, и сообщает в банк памяти вашего узла связи, где вы находитесь в данный момент. Так что когда кто-нибудь набирает ваш номер, национальная или международная телефонная система всегда знает, где вас найти, и переключает разговор на ваш аппарат.

Она в удивлении раскрыла глаза:

— Значит, они знают, где я сейчас? И всякий представитель властей может получить такую информацию?

— Безусловно. Например, генерал Шоркт.

Она ахнула:

— Тогда надо от него избавиться! Выбросить его за окно!

— Нет. Если аппарат отключается, сигнал об этом поступает в ремонтную службу. Не надо привлекать к себе внимание. Мы можем быть более или менее уверены, что пока вас никто не разыскивает. Но когда станет известно, что я исчез, и начнутся поиски, они наверняка выйдут на всех, кто со мной работал. Пойдемте в купе, у меня есть одна идея.

Панель обшивки под самым окном показалась Брайану вполне подходящей. Он указал на нее.

— Свен, как ты думаешь, сумеешь ты вывернуть вот эти винты?

Свен направил на них свои глаза.

— Это легко.

МИ придал своим манипуляторам форму отвертки и быстро вывернул винты, которыми была прикреплена пластиковая па-

нель. За ней проходили какие-то две трубы и электрический кабель. Брайан ткнул туда пальцем.

— Мы просто оставим ваш телефон там. Блокировать сигналы панель не будет, она из пластика. А если военные позвонят и вы не ответите, им не так просто будет определить, откуда идет сигнал, источник которого колесит по всей Мексике. А к тому времени, когда они поймут, в чем дело, мы будем уже далеко.

В полдень поезд миновал Тепик и свернул с побережья в глубь страны, к Гвадалахаре. В Мехико он прибыл точно по расписанию. Свен уже был надежно упакован и ждал носильщика, который явился за багажом. Он отвел их в deposito de equipajes[1], где они сдали свои вещи. Брайан показал на расположенный рядом банк.

— Прежде всего надо раздобыть немного песо. И нам совершенно незачем делать это таким же способом, как в Мехикали.

— А потом?

— Потом поищем бюро путешествий.

Когда они вышли из вокзала Буэнависта, было холодно и мокро; от смога щипало глаза. Они миновали стоянку такси и, смешавшись с толпами пешеходов, направились по Инсурхентес Норте, пока не обнаружили бюро путешествий. Помещение было обширное, а в витрине красовалось объявление: «ЗДЕСЬ ГОВОРЯТ ПО-АНГЛИЙСКИ» — это вселяло надежду. Они вошли.

— Мы хотели бы вылететь в Ирландию, — сказал Брайан мужчине, сидевшему за столом. — Как можно скорее.

— Боюсь, что отсюда туда нет прямого рейса, — ответил агент, повернувшись к компьютеру и взглянув на расписание полетов на экране. — Есть ежедневный рейс компании «Американ» с пересадкой в Нью-Йорке и еще один, компании «Дельта», через Атланту.

— А какие-нибудь другие компании, кроме американских? — спросила Шелли, и Брайан одобрительно кивнул. Они только что благополучно выбрались из Штатов, и возвращаться туда даже на самое короткое время было совершенно незачем. В конце концов они остановились на рейсе компании «Мексэр» до Гаваны на Кубе, откуда тремя часами позже вылетал аэрофлотовский «Ту» на Шеннон. Цены на билеты были обозначены в песо, но агент позвонил в банк и узнал обменный курс.

— Давайте экономить наличные, — сказала Шелли. — Они

[1] Камера хранения багажа (*исп.*).

нам еще понадобятся. Воспользуемся моей кредитной карточкой.

— Вас выследят.

— Ну и что? Это то же самое, что с телефоном, — меня здесь уже не будет.

— Можно наличными, можно кредитной карточкой, — сказал агент. — Паспорта американские?

— Один. Другой ирландский.

— Прекрасно. Это займет всего несколько минут. — Компьютер проверил, действительна ли кредитная карточка, забронировал места и отпечатал билеты. — Желаю вам приятного полета.

— Спасибо, — сказал Брайан, и они вышли на улицу. Заданный им вопрос о паспортах напомнил об одном неприятном обстоятельстве: им предстояло пройти через таможню. В путеводителях так и было написано совершенно недвусмысленно, и Брайан знал, что тут могут возникнуть трудности. Он надеялся, что их удастся преодолеть с помощью mordida[1] — скоро это выяснится наверняка.

— *Мне холодно, и я промокла, — сказала Шелли.* — У нас есть время купить плащ — а заодно, может быть, и свитер?

Брайан посмотрел на часы.

— Хорошая мысль. Времени больше чем достаточно, в аэропорт нам еще не скоро. Попытаем счастья вон в том универмаге.

Кроме плаща, он купил еще две рубашки, белье и легкий пиджак — только самое нужное, чтобы все поместилось в дорожной сумке. Шелли же накупила себе столько вещей, что ей пришлось купить еще и небольшой чемоданчик.

Когда они вернулись на вокзал, Брайан предъявил квитанцию, забрал Свена, сумку и чемодан, и они взяли такси до аэропорта.

Регистрация прошла без всяких осложнений. Чемодан Шелли и ящик со Свеном медленно уплыли по движущейся ленте, служащая авиакомпании оторвала от их билетов корешки и прикрепила их к посадочным талонам.

— Могу я посмотреть ваши паспорта?

Первый барьер они миновали благополучно. Ее интересовала только первая страница — не просрочен ли срок действия. Улыбнувшись, она вернула паспорта. Через контроль первой пошла Шелли. За ней последовал Брайан, сжимая в руке паспорт и посадочный талон. Он положил сумку на движущуюся ленту рент-

[1] Взятка (*исп.*).

геновского аппарата и прошел через арку металлоискателя. Машина издала резкий звонок. Охранник угрожающе повернулся к нему.

Брайан выгрузил из кармана монеты, даже снял ремень с медной пряжкой, тоже положил его на поднос и быстро прошел под аркой еще раз. Звонок раздался снова.

Только теперь Брайан догадался, в чем дело: магнитное поле машины обнаруживало не только металлы, но и электронные схемы.

— Это у меня в голове, — сказал он, указывая на свое ухо. — Несчастный случай, мне делали операцию. — Ни слова про компьютер — не надо усложнять. — У меня в черепе металлическая пластина.

Охранник очень заинтересовался. Он поводил вокруг Брайана ручным детектором — тот давал звонок только тогда, когда приближался к голове Брайана. Ясно было, что это не оружие, и охранник махнул Брайану, чтобы он проходил. Каждый здесь делал свое дело, и только.

В том числе и таможенник. Это был смуглокожий мужчина с элегантными усиками. Когда Брайан протянул ему свой паспорт, он не спеша перелистал страницы, вернулся к началу и перелистал их снова. Потом поднял глаза на Брайана и нахмурился:

— Я не вижу здесь въездной визы, которую ставят при въезде в Мексику.

— Разве? Можно мне посмотреть? — Брайан сделал вид, что разглядывает отметки в паспорте, и, очень боясь сделать глупость, сунул между страниц стодолларовую бумажку. Одно дело — читать о том, как дают взятки, а совсем другое — давать взятку самому. Он не сомневался, что его тут же арестуют.

— Я не знал, что такая виза нужна. Мы переехали границу на машине. Я ничего не знал про визу.

Он снова протянул паспорт таможеннику и в ужасе смотрел, как тот переворачивает страницы.

— Ну, бывает, — сказал тот. — Всегда может случиться ошибка. Но там должны быть проставлены два штампа. Один въездной, другой выездной. И если эта дама с вами, то и у нее должно быть проставлено два штампа.

Таможенник со скучающим видом вернул паспорт. Брайан перелистал странички — там ничего не было: ни штампов, ни денег. И тут до него дошло.

— Ну конечно! Два штампа, а не один. Понимаю. — Взаимопонимание было полное. Еще три сотенные бумажки последовали за первой, таможенник со стуком поставил два штампа и вернул паспорт. Та же операция была проделана с паспортом Шелли. Контроль был позади!

— Это правда — то, что я видела? — шепнула Шелли ему на ухо. — Вы жулик, Брайан Дилени.

— Мне самому не верится. Давайте найдем наш выход и сядем в самолет. Нужно иметь очень крепкие нервы, чтобы такое выдержать.

Самолет задержался с вылетом всего на час; весь полет прошел словно в тумане. Они едва успели вздремнуть и совсем не отдохнули. В Гаване им запомнился только тускло освещенный транзитный зал ожидания и жесткие пластиковые кресла. Рейс Аэрофлота задержался уже на два часа. Они проглотили какую-то безвкусную еду, выпили немного грузинского шампанского и наконец уснули.

Когда они подлетали к Шеннону, только начало светать. Самолет шел на снижение сквозь тучи и выскочил из них совсем низко над стадом коров, пасущихся на зеленой траве у конца посадочной полосы. Брайан надел плащ и взял с полки свою сумку. Они молча вышли из самолета вместе с остальными такими же усталыми пассажирами. Только что прибыл еще один трансатлантический рейс, и они долго стояли в очереди, состоявшей из небритых мужчин, невыспавшихся женщин и хнычущих детей. Шелли прошла первой, ей проштамповали паспорт, и она обернулась, поджидая его.

— Добро пожаловать домой, мистер Бирн, — сказал бодрый, подтянутый таможенник. — Были на отдыхе?

Брайан долго готовился к этому моменту и ответил с чистейшим ирландским выговором, без малейших следов американского акцента:

— Может, по-вашему, это и отдых, а по мне, ничего хорошего. Кормят так, что в другой раз не захочется, а дерут втридорога.

— Очень интересно. — Таможенник занес резиновый штемпель над паспортом Брайана, но рука его остановилась в воздухе. Холодные серые глаза уперлись в Брайана.

— Ваш адрес?

— Улица Килмагиг, дом 20. Это в Таре.

— Очаровательная деревушка. Там еще школа на главной улице, как раз напротив церкви.

— Да нет, разве что ее за это время успели передвинуть на километр дальше.

— А, верно. Наверное, я что-то перепутал. Но тут возникла од-

на маленькая проблема. Я не сомневаюсь, что вы ирландец, мистер Бирн, и мне не хотелось бы никому препятствовать в возвращении на родину. Но закон есть закон.

Он сделал знак охраннику, который кивнул и не спеша направился к ним.

— Я не понимаю. Вы же видели мой паспорт.

— Действительно, видел, и это-то и есть самое непонятное. Дата выдачи паспорта совершенно правильная, и все визы как будто в порядке. Но я одного только не могу понять и поэтому прошу вас пройти вот с ним в дежурную комнату. Видите ли, паспорта этого образца Европейский союз отменил. Вот уже больше десяти лет как таких не выдают. Любопытно, вы не находите?

— Подождите меня здесь, — слабым голосом сказал Брайан Шелли, следуя за рослым охранником в голубой форменной одежде.

Дежурная комната была без окон, в ней пахло сыростью. Желто-бурые стены украшали только подтеки влаги, краска с дощатого пола облезла. Посередине комнаты стояли стол и два стула. Брайан сел на один из них. Его дорожная сумка лежала на ящике в углу. Рослый охранник встал у двери с отсутствующим взглядом.

Брайан был подавлен, промерз до костей и, кажется, простудился. В носу у него засвербило, он достал платок и громко чихнул.

— Будьте здоровы, — сказал охранник, бросив на него взгляд и снова уставившись в стену напротив. Дверь отворилась, и вошел еще один такой же рослый человек. Формы на нем не было, но темный костюм и тяжелые ботинки все равно выглядели форменными. Он сел за стол напротив Брайана и положил перед собой его паспорт.

— Я лейтенант Феннелли. Это ваш паспорт, мистер Бирн?

— Да, мой.

— В нем есть кое-какие несоответствия. Вам это известно?

У Брайана было вполне достаточно времени подумать, что следует говорить. Он решил говорить правду — всю правду, за исключением того факта, что военные держали его в заключении. Конечно, все происшедшее он решил излагать в упрощенном варианте.

— Да. Паспорт был просрочен. У меня здесь кое-какие срочные дела, и я не мог ждать, пока мне выдадут новый, а сам сделал в нем исправления.

— Ничего себе исправления! Мистер Бирн, это сделано так

искусно, что я почти не сомневаюсь — никто бы ничего не заметил, если бы он не был старого образца. Чем вы зарабатываете на жизнь?

— Я инженер-электронщик.

— Ну, вы можете просто разбогатеть на изготовлении фальшивых купюр, если решите продолжать свою преступную деятельность.

— Я не преступник!

— Разве? Но ведь вы только что признались в подлоге?

— Ничуть. Паспорт — это всего лишь документ, удостоверяющий личность, и не более того. Я только продлил срок его действия — то же самое сделали бы мне в консульстве, если бы у меня было время туда обратиться.

— Для преступника это несколько иезуитский довод.

Брайан разозлился, хотя и понимал, что детектив нарочно старается вывести его из равновесия. Но тут он снова чихнул, и это его спасло: вытаскивая платок и сморкаясь, он немного успокоился. Лучший способ защиты — нападение. Так, по крайней мере, считается.

— Вы обвиняете меня в каком-то преступлении, лейтенант Феннелли?

— Я доложу начальству. Но сначала я хотел бы узнать некоторые подробности. — Он раскрыл большой блокнот и вынул ручку. — Место и дата рождения?

— Зачем все это нужно? Я жил в Соединенных Штатах, но родился в Таре, в графстве Уиклоу. Моя мать умерла, когда я был еще маленький. Она была не замужем. Меня усыновил отец, Патрик Дилени, который увез меня к себе в Штаты, где тогда работал. Все это подтверждено документами. Если надо, можете проверить имена, даты, места — все сойдется.

Лейтенанту нужны были факты — все факты, и он медленно и тщательно записывал их в свой блокнот. Брайан ничего не скрыл, а лишь закончил свой рассказ на том, как начал работать в компании «Мегалоуб», — до налета с убийствами.

— Пожалуйста, откройте ваш багаж.

Этого Брайан ждал и приготовился заранее. Он знал, что Свен прислушивается ко всему, что происходит, и надеялся, что МИ все понял.

— Вот в этой маленькой сумке личные вещи. В большом ящике — образец продукции.

— Какой продукции?

— Это робот. Машина, которую я разработал и намерен продемонстрировать кое-каким частным инвесторам.

— Их имена?

— Этого я сообщить не могу. Коммерческая тайна.

Пока Феннелли писал еще что-то в блокноте, Брайан отпер ящик и поднял крышку.

— Это базовая модель промышленного робота. Он может отвечать на простые вопросы и воспринимать устную речь. Именно так осуществляется управление им.

Даже полицейский у двери заинтересовался, повернулся к ним и стал смотреть. Детектив в недоумении уставился на разобранного робота.

— Включить его? — спросил Брайан. — Он может говорить, но не очень хорошо.

Свен будет в восторге. Брайан протянул руку и нажал на первую попавшуюся заклепку.

— Ты меня слышишь?

— Да — я — тебя — слышу.

Сыграно было великолепно — голос звучал скрипуче и монотонно, как у дешевой говорящей куклы.

— Кто ты?

— Я — промышленный — робот. Я — выполняю — команды.

— Если вы удовлетворены, лейтенант, я его выключу.

— Минуточку, пожалуйста. А это что? — Он указал на полую пластиковую голову.

— Это чтобы оживить демонстрацию. Иногда я надеваю ее на робота. Это привлекает внимание. Если не возражаете, я все-таки его выключу — понимаете, аккумулятор может сесть.

Он снова нажал на заклепку и закрыл крышку.

— Сколько может стоить такая машина? — спросил Феннелли.

Сколько она может стоить? Одна только молекулярная память обошлась в миллионы!

— Я бы сказал, около двух тысяч долларов, — с невинным видом ответил Брайан.

— У вас есть импортная лицензия?

— А я его не импортирую. Это образец, он не для продажи.

— Об этом вам нужно будет говорить с сотрудником таможни. — Лейтенант закрыл блокнот и встал. — Я доложу обо всем начальству. Прошу вас оставаться на территории аэропорта.

— Я арестован?

— В настоящий момент — нет.

— Мне нужен адвокат.

— Это ваше дело.

Когда он вышел, Шелли, сидевшая с чашкой давно остывшего чая, вскочила.

— Что случилось? Я так беспокоилась!

— Успокойтесь. Все кончится хорошо. Выпейте еще чашку чая, а я пока позвоню.

В телефонном справочнике адвокаты, жившие поблизости, занимали полстраницы. Кассир продал ему телефонную карточку — наверное, это была единственная страна в мире, где ими еще пользовались. С третьего раза Брайану удалось договориться с неким Фергусом Даффи, который сказал, что с радостью сейчас же приедет в аэропорт и займется его делом. Но это было ирландское «сразу же». Только в середине дня, после того как они выпили множество чашек чая и съели немало очень черствых бутербродов, адвокат сумел что-то изменить в их положении.

Фергус Даффи оказался веселым молодым человеком с пучками рыжих волос, торчавшими из носа и ушей, которые он теребил, когда приходил в волнение.

— Рад с вами познакомиться, — сказал он, усаживаясь и вынимая из кейса папку. — Должен сказать, что это необычное и интересное дело. Похоже, ни до кого тут не доходит, что никакого преступления не было совершено. Вы просто изменили срок действия своего паспорта, что, безусловно, не может считаться преступлением. В конце концов власти приняли решение передать дело в более высокие инстанции. Вы свободны, но должны оставить свой адрес, чтобы с вами можно было связаться. Если понадобится.

— А мой багаж?

— Можете забрать. А вашу машину выдадут сразу после того, как вы заполните бумаги на таможне, заплатите пошлину, НДС и все прочее. Тут никаких проблем не будет.

— Значит, я могу ехать куда хочу?

— Да, но недалеко. Посоветовал бы вам пока остановиться в отеле при аэропорте. Я постараюсь провернуть все дело как можно скорее, но вы должны понимать, что в Ирландии «как можно скорее» — понятие относительное. Как в том анекдоте про ирландца-лингвиста. Слышали его?

— Кажется, нет.

— Он вам должен очень понравиться. В общем, на междуна-

родном лингвистическом конгрессе лингвист-испанец спрашивает лингвиста-ирландца, есть ли в ирландском языке слово, которое означало бы то же самое, что испанское manana[1]. Ирландец, немного подумав, отвечает, что вообще-то, конечно, есть, только оно не предполагает такой невероятной срочности.

Хлопнув себя по коленям, Фергус расхохотался за всех троих.

Он помог им получить сумку Брайана и робота, наконец пропущенного таможней. Пока они доехали до расположенного поблизости отеля, он успел рассказать еще три истории про уроженцев графства Керри — все они оказались хорошо известными польскими и еврейскими анекдотами. «Интересно знать, какому национальному меньшинству или группе людей они приписываются, когда их рассказывают в графстве Керри?» — подумал Брайан.

Фергус Даффи высадил их у входа в отель и пообещал позвонить утром. Пока они прощались с Брайаном, Шелли зарегистрировалась и вернулась с двумя ключами и престарелым посыльным, катившим ручную тележку.

— Вы будете в одном номере со Свеном, — сказала она, когда они шли за стариком к лифту. — У меня нет никакого желания подцепить от вас насморк. Сейчас я распакую вещи, приведу себя в порядок и приду, как только стану снова чувствовать себя хоть немного человеком.

— А мне обязательно все время оставаться в этом ящике? — спросил Свен, когда Брайан открыл крышку. — Я бы не прочь немного размяться.

— Разминайся. — Брайан оглушительно чихнул, потом прикрепил Свену правую руку и принялся шарить в своей сумке.

— Какое электропитание в Ирландии? — спросил Свен, прикрепляя себе другую руку.

— Двести двадцать вольт, пятьдесят герц.

— Хорошо. Я хочу подзарядить аккумуляторы и использовать их, пока мы не достанем горючего для топливных элементов.

Брайан отыскал в сумке таблетки от простуды и принял одну, запив стаканом воды. Потом он уселся в кресло и сообразил, что впервые — за сколько времени? за два дня? — ему никуда не надо бежать. Рядом с ним на столе стоял телефон, и он вспомнил про таинственный номер, который обнаружил Свен. Неужели это действительно номер телефона в Швейцарии, зашифрованный исчезнувшим доктором Бочертом? Ему по-прежнему не верилось, но надо было хотя бы попробовать позвонить по этому телефону, прежде чем начать объезжать всю Европу. Проверить, правильно ли предположение Свена, можно было только одним способом. Он протянул руку к телефону — но остановился.

[1] Завтра (*исп.*).

А что, если телефон прослушивается? Или от бесконечной слежки, которую устроил генерал Шоркт, у него началась настоящая мания преследования? Впрочем, здешняя полиция занимается расследованием его дела, так что это вполне возможно. Он снял руку с трубки и достал из кармана телефонную карточку. Стоимость ее была пять фунтов, а истратил он лишь малую часть. Оставшегося должно было с избытком хватить на то, чтобы позвонить в Швейцарию.

Он подошел к окну и выглянул на улицу. Показалось солнце, но все вокруг было мокро после недавнего дождя. Кварталом дальше стояло коричневое здание с занавешенными окнами и вывеской «Пэдди Мэрфи». Паб — самое подходящее место, там можно будет выпить пива и позвонить.

Брайан дремал в кресле, пока его не разбудил стук Шелли. На ней был свитер с крупным ацтекским рисунком.

— Вы замечательно выглядите, — сказал он.

— Рада, что хоть о ком-то из нас можно это сказать. Вы похожи на выжатый лимон.

— И чувствую себя точно так же. Сейчас приму душ, побреюсь, а потом мы отправимся в пивную.

— А может быть, вам лучше поспать?

— Возможно, — крикнул он через открытую дверь ванной. — Но я хочу сначала позвонить. По тому телефону, который Свен-2, по его словам, обнаружил.

— По какому телефону? О чем это вы?

— Шансов немного, но попытаться стоит.

— Вы теперь всегда будете изъясняться загадками?

— Да нет. Но сначала я хочу позвонить — может быть, после этого действительно будет о чем говорить. Свен, я не записал тот номер. Ты его помнишь?

— 41-336709.

Брайан записал номер на обороте корешка от своего посадочного талона.

— Замечательно. Я буду через минуту.

Он закрыл за собой дверь и начал раздеваться.

Бармен болтал о чем-то с одиноким посетителем, сидевшим у дальнего конца стойки. Когда Брайан с Шелли вошли и уселись за столик у камина, он подошел к ним.

— Что вам заказать, Шелли? — спросил Брайан.

— Разумеется, чего-нибудь местного.

— Правильно. Два «Гиннеса», пожалуйста.

— Похоже, опять дождь собирается, — мрачно сказал бармен, медленно и терпеливо нацеживая два бокала и ставя их на стойку, чтобы отстоялась пена.

— Да тут всегда дождь. Хорошо для фермеров, плохо для туристов.

— Да бросьте вы, туристам это еще как нравится. Если тут не будет лить как из ведра, они решат, что по ошибке попали в какую-то другую страну.

— Тоже верно. У вас тут есть телефон?

— Там, сзади, за дверью.

Он долил и принес бокалы. Брайан отпил пенной черной жидкости.

— Восхитительно, — сказала Шелли.

— И очень питательно. А если много выпить, опьянеете. И не сомневаюсь, что помогает от простуды. Я пошел звонить.

Он сделал еще глоток и отправился к телефону. Сунув в него карточку, он стал набирать швейцарский номер. После четвертой цифры в трубке послышалось высокое гудение, и голос компьютера произнес:

— Вы набрали из Ирландии швейцарский номер. АТС, которую вы вызываете, не существует. Сейчас то же сообщение будет повторено на немецком и французском языках...

Брайан скомкал клочок бумаги с номером, швырнул его в пепельницу, стоявшую рядом с телефоном, вернулся за столик, допил пиво и знаком попросил повторить.

— У вас мрачный вид, — сказала Шелли.

— Еще бы! Ничего не вышло. Это не телефонный номер. Свен-2 нашел некую последовательность цифр, запрятанную в одной из украденных программ искусственного интеллекта, и решил, что это номер телефона. Только это что-то другое. Очень может быть, просто строчка из кода, который я тогда сочинил. Забудем об этом.

— Не унывайте. Вы свободный человек в свободном мире, а это что-то да значит.

— Да, только пока не так уж много. Наверное, это у меня от простуды. Давайте допьем и вернемся в отель. Наверное, мне пора поспать. Благодаря таблеткам и этим двум порциям «Гиннеса» я, должно быть, просплю целые сутки.

Глава 40

21 декабря 2024 года

Был уже восьмой час вечера, когда Брайан проснулся и приоткрыл глаза. В комнате было темно.

— Я заметил движение твоих век, — произнес Свен. — Зажечь свет?

— Да.

Десять минут спустя Брайан вышел из лифта и направился в ресторан. Шелли, сидевшая за столиком у дальней стены, помахала ему рукой.

— Надеюсь, вы не обидитесь, что я начала без вас. Лососина здесь просто изумительная. Попробуйте.

— Уговорили. К тому же я только сейчас сообразил, что умираю от голода. Эта дрянь, которой нас кормили в самолете, и бутерброды с сыром никуда не годились.

— Вы выглядите намного лучше.

— И чувствую себя лучше. Это таблетки и здоровый сон.

— Звонил ваш адвокат. Я сказала дежурному внизу, что вы спите и что все звонки надо переключать на меня. Он всем очень доволен, в том числе и тем, что вам придется заплатить штраф — пятьдесят фунтов.

— За что?

— Этого он толком не знает. Говорит, что это просто символическое наказание, чтобы отвязаться от вас и закрыть дело. Штраф он уже заплатил, так что вы свободны. Кроме того, он оформляет вам паспорт и думает, что сумеет нажать где следует, чтобы вы получили его уже завтра. Просил позвонить ему с утра. На меня это не произвело особого впечатления — в Штатах на такие вещи требуется всего десять минут.

— Ах, моя прелесть, вы не в той далекой стране, где все компьютеры работают, а поезда ходят точно по расписанию. Поверьте, в Ирландии получить новый паспорт всего за один день — это молниеносная скорость!

— Что ж, успеем немного передохнуть. И у вас, может быть, пройдет насморк. А вы думали о том, что делать дальше?

— Без паспорта я мало что могу сделать. Потом мы начнем выслеживать этого таинственного доктора Бочерта. А сейчас я намерен проглотить приличный обед и запить его парой кружек «Гиннеса». И раз уж нам сидеть тут по меньшей мере еще день, наверное, надо будет завтра утром погулять по городу.

— Под дождем?

— Это же Ирландия. Если здесь ждать, когда дождь перестанет, можно всю жизнь просидеть дома.

— Дайте мне подумать. Вы пока обедайте, я скоро вернусь. Мне надо позвонить.

Брайан молча поднял брови в удивлении, и она рассмеялась.

— Нет, не в Штаты и никому из тех, кого можно будет выследить. Перед тем как уехать из Лос-Анджелеса, я позвонила в Израиль своей двоюродной сестре. Когда я решила помогать вам, меня смущало только одно: что я потеряю связь с семьей. Ведь отцу скоро должны делать операцию. Сестра будет звонить моей матери, но я строго-настрого запретила говорить ей, что могу позвонить в Израиль. Простите меня, Брайан, но ничего лучшего я не могла придумать...

— Не беспокойтесь, теперь, когда мы здесь, я чувствую себя в большей безопасности и почти не тревожусь. Можете звонить.

Брайан допивал кофе и вторую рюмку коньяка, когда она вернулась.

— Сочетание, наверное, смертоносное, но любопытное, — заметила она, озираясь по сторонам в поисках официанта. — Можно я к вам присоединюсь?

— Я обижусь, если вы этого не сделаете.

— Вы выглядите лучше.

— И чувствую себя тоже лучше. Хорошая пища, таблетки, сон — и свобода! Честно говоря, не припомню, чтобы я когда-нибудь так хорошо себя чувствовал.

— Вот и прекрасно, — сказала она и сжала его руку в своей, но тут же отдернула ее, когда подошел официант с подносом.

От этого прикосновения Брайана охватила волна какого-то до тех пор незнакомого ему теплого чувства. Он широко улыбнулся. Свобода, никаких забот и тревог — по крайней мере сейчас. За окном лил дождь, но здесь было тепло и уютно. Маленький островок мира и счастья.

— За вас, Шелли, — сказал он, когда официант ушел и они взялись за рюмки. — За то, что вы сделали, чтобы мне помочь.

— Не так уж много я сделала, Брайан. Я бы лучше выпила за вас и за вашу свободу.

Он ответил ей улыбкой, они чокнулись и выпили.

— А так можно и втянуться, — сказал он. — Удалось вам дозвониться?

— Нет. Даже телефонистка не смогла. Сказала, что надо будет попробовать позже.

— Не может быть. Всегда можно дозвониться куда угодно!

— Очевидно, только не в Ирландии, — рассмеялась она.

— А вы уверены, что у вас правильно записан номер?

— Вполне.

— Когда будете звонить в следующий раз, попробуйте сначала дозвониться до справочной.

— Хорошая мысль. Давайте допьем, и я сразу это сделаю — из телефонной будки в вестибюле.

Будка была занята, и через некоторое время Шелли покачала головой.

— Не стоит ждать, пойдемте ко мне.

Подняться пешком по лестнице оказалось проще, чем ждать старинного лифта. Шелли отперла дверь и зажгла свет.

— А номер у вас побольше моего, — сказал Брайан. — Настоящие апартаменты.

— Наверное, здешний управляющий питает слабость к женщинам. Хотите выпить капельку, пока я буду звонить?

— Да, пожалуйста, — немного той водки с буйволом на этикетке, которую вы купили, когда мы летели рейсом Аэрофлота.

Она набрала номер международной справочной и назвала фамилию и адрес сестры. Фамилию ей пришлось повторить: в первый раз автомат, распознающий голос, не смог ее разобрать. Она записала номер и рассмеялась.

— Вы были правы, что дозвониться можно всегда — приношу свои извинения Ирландии. Я ошиблась в одной цифре, когда записывала номер.

— Пью за это. За технику.

Он залпом выпил свой бокал, налил еще и отпил глоток. Шелли набирала номер, а он сидел, чувствуя, как его понемногу окутывает теплый туман. Похоже, он захмелел — ну и что? Это ради удовольствия, а не ради забвения — очень большая разница. Шелли наконец соединили, и он вполуха слушал разговор. В ее голосе звучало облегчение — значит, новости хорошие. Она поболтала с сестрой о семейных делах и положила трубку.

— Насколько я мог понять, все в порядке.

— Да. Дела идут нормально, прогноз прекрасный. Настолько хороший, что уже назначена операция.

— Прекрасная новость. — Он с трудом поднялся на ноги. — Пожалуй, я пойду. Замечательный был вечер.

— И правда, — согласилась она. — Спокойной ночи, Брайан.

Было совершенно естественно, что она поцеловала его в щеку — обыкновенным прощальным поцелуем.

А потом оказалось, что все не так просто. Он ответил на ее поцелуй с неожиданным жаром, который передался и ей. Ни он, ни она этого не предвидели; ни он, ни она не могли остановиться.

Их охватило приятное чувство близости, естественной тяги друг к другу. Для Брайана это было волнующее переживание, непосредственное ощущение, бездумное и не подчиняющееся никакой логике. У него промелькнуло воспоминание: Ким, но он отогнал его. Нет, это не Ким. Это что-то другое, лучше, совсем другое.

Однако совсем забыть о Ким он не мог. Не о самой Ким, а о своих собственных переживаниях. О том чувстве досады — досады на самого себя за то, что тогда потерял над собой контроль.

И тут все схлынуло. Брайан ощутил что-то неладное. Обнаженное тело Шелли прижималось к нему в темноте, но что-то было не то. Он чувствовал пустоту, отчуждение, дряблость. Его охватило бесконечное отвращение к тому, что происходило между ними. Он повернулся на бок, спиной к ней, а когда она погладила его по плечу, отодвинулся на самый край кровати.

— Ничего, — прошептала Шелли. — Это случается. Слишком тебе досталось в жизни.

— Ничего не случилось. Я не хочу об этом говорить.

— Брайан, милый, после всего, что с тобой было, нельзя ожидать, что твое тело будет всегда работать нормально.

— Мое тело? Оно, наверное, никогда не будет работать нормально. В меня стреляли, меня оперировали, я лечился, на меня покушались, меня держали под замком. Как, по-твоему, я должен себя чувствовать? Если хочешь знать, я вообще чувствую себя не совсем человеком. И мне совсем неинтересно вот это — что ты пытаешься делать.

— Не я, Брайан, а мы с тобой. В эту игру можно играть только вдвоем.

— Тогда поищи себе игру, в которую ты могла бы играть одна.

Он слышал, как у нее перехватило дыхание от обиды, явственно представил себе, как по ее лицу текут слезы. Но ему было все равно.

— Я, кажется, ясно сказал, что не хочу об этом говорить.

Шелли хотела что-то сказать, но остановилась. Она молча ушла в ванную и закрыла за собой дверь. Брайан пошарил рукой вокруг, нащупал выключатель, зажег свет, оделся и вышел. Вернувшись к себе в номер, он, ничего не видя, прошел в ванную, сполоснул лицо холодной водой и вытер его, стараясь не глядеть на себя в зеркало.

В спальне было темно — войдя, он не стал зажигать свет. Теперь он зажег его и увидел, что штора отдернута и у окна стоит Свен. Брайан хотел заговорить с ним, но МИ неожиданно поднял манипулятор, принявший форму руки, и совершенно человеческим жестом остановил его. Брайан закрыл за собой дверь и увидел, что Свен указывает на листок бумаги, лежащий на кровати. Это была записка, написанная четкими печатными буквами.

«Я УСТАНОВИЛ, ЧТО В ТЕЛЕФОННОМ АППАРАТЕ В ЭТОЙ КОМНАТЕ НАХОДИТСЯ ПОДСЛУШИВАЮЩЕЕ УСТРОЙСТВО. КРОМЕ ТОГО, НА ОКОННОЕ СТЕКЛО НАПРАВЛЕН ПОТОК ИЗЛУЧЕНИЯ ТАКОЙ ЧАСТОТЫ, КАКАЯ ИСПОЛЬЗУЕТСЯ ДЛЯ ПОДСЛУШИВАНИЯ РАЗГОВОРОВ ПО ВИБРАЦИИ СТЕКЛА. ЗА НАМИ СЛЕДЯТ».

Кто это может быть? Ирландская служба безопасности? Возможно — и он надеялся, что это так. О том, что произошло между ним и Шелли, он уже не думал. Если расследование проводят местные власти, это намного лучше, чем... страшно подумать. Не может быть, чтобы полчища агентов генерала Шоркта настигли его здесь, — слишком уж быстро. По крайней мере, он от всей души на это надеялся. Но что они могут ему сделать? Он подошел к окну и вгляделся в темноту. Ничего не было видно. Задергивая штору, он заметил какое-то движение и увидел, что Свен делает ему знаки. В руке у него была еще одна записка. Брайан подошел и прочитал ее. Там стояли только два слова: «ПРЯМОЕ ОБЩЕНИЕ».

Когда он их прочел, Свен показал ему кончик волоконно-оптического кабеля. Ну конечно — прямая связь между его мозгом и мозгом Свена, которую невозможно подслушать!

Но до сих пор они ни разу еще не общались таким способом сами — им всегда помогали доктор Снэрсбрук и ее машина-коррелятор. Однако Свен ничуть не уступал ей в точности движений, легко мог найти металлическую шишечку у него под кожей, подключить к ней кабель.

Ни на мгновение Брайану не пришло в голову, что это может быть опасно. Он лишь кивнул, подвинул стул так, чтобы его не было видно из окна, сел спиной к роботу. И сразу же ощутил знакомое прикосновение пальцев-паучков к затылку.

В объятиях своего собственного создания он чувствовал себя в полной безопасности.

Через несколько секунд они уже могли переговариваться совершенно беззвучно — мозг в мозг.

«Странно. Это ничуть не быстрее, чем обычный разговор вслух».

«Конечно, Брайан. В отличие от мысли, речь линейна и поэтому должна передаваться поэлементно».

«Кто они? У тебя есть какие-нибудь предположения?»

«Они пока никак не раскрыли себя, и я не уловил никаких следов общения между теми, кто занимается этой слежкой. Тем не менее я убежден, что знаю, кто они».

«Ирландская полиция?»

«Мало вероятно».

«Уж не хочешь ли ты сказать, что это солдаты генерала Шорката?»

«Это возможность, которую я рекомендовал бы тебе рассматривать весьма серьезно».

«Но почему? То есть какие у тебя основания для такого предположения?»

Свен ответил не сразу. Брайан медленно повернулся и посмотрел на робота. Тонкие пучки манипуляторов двинулись вслед за его головой, чтобы удержать на месте кабель. Брайан не мог этого видеть, но выглядело это так, словно Свен держит руку на его затылке. Неподвижное металлическое лицо робота, разумеется, ничего не выражало. Через некоторое время Свен медленно заговорил, начав издалека:

«Я многое узнал о самых фундаментальных, врожденных, инстинктивных функциях человеческого мозга, потому что получил их от тебя. Но я далеко не так хорошо понимаю эмоциональные реакции более высоких уровней, свойственные взрослому человеку. Я могу описать устройство его организма и его жизнедеятельность. Но я все еще недостаточно разбираюсь в более сложных функциях, эмоциях и реакциях человеческого мозга. Они очень сложны. Потому что хотя в моем собственном мозгу находится голая матрица твоего суперэго, я не имею к ней прямого доступа. Но я думаю, что ее влияние на мои собственные чувства, возможно, позволяет мне понимать тебя лучше, чем других, с кем мне приходилось общаться...»

«К чему ты клонишь?»

«Вот к чему. Прошу проявить терпение и рассудительность, потому что я намерен говорить о том, чего не испытываю сам: о человеческих эмоциях и переживаниях. Много часов назад я принял решение, касающееся человеческих ценностей, которое в то время представлялось мне правильным. Теперь я уже не настолько уверен, что оно верно».

«Какое решение?»

«Сейчас я до него дойду. Мне был известен один факт, о котором я тебе не сообщил. Я слышал, как люди, твои знакомые, говорят о тебе и о том, как они заботятся о твоем физическом и душевном здоровье. Все они, за исключением лишь генерала Шорката, прилагали все усилия, чтобы облегчить тебе жизнь».

«Это очень приятно слышать, Свен. Но какой факт ты от меня скрыл?»

«Это было сделано в твоих же интересах, уверяю тебя».

«Я в этом не сомневаюсь. Что это за факт?»

Последовало молчание, потом робот неохотно ответил:

«Я подслушал один телефонный разговор».

«Подслушал? Как?»

«Как? Это очень легко. Даже портативный телефон способен сообщать о своем местонахождении и принимать вызовы, — неужели ты думаешь, что я не могу делать то же самое и гораздо лучше? Схема там очень простая, я поставил ее себе очень давно».

«Ты хочешь сказать, что подслушивал чужие телефонные разговоры? Чьи?»

«Чьи угодно, конечно. Любой разговор в любой ячейке сот, где бы я ни находился».

«И мои?»

«Чьи угодно. Это очень интересно и полезно для обучения».

«Ты отклонился от темы. Отвечай — какой телефонный разговор ты от меня скрыл? Говори сейчас же. Дальше молчать нельзя».

Если бы было возможно мысленно издать тяжелый вздох, Свен бы это сделал. Из мозга в мозг передалось ощущение отчаяния и неизбежности.

«Звонила твоя знакомая, Шелли».

«Это было при мне, я об этом знаю, и мне на это наплевать. Это не имеет никакого значения».

«Ты меня не понял. Я говорю не об этом разговоре. Тот был раньше...»

«Да черт с ней, в конце концов! Я не желаю ничего слышать ни о ней, ни о ее дурацких телефонных разговорах...»

«Это важно. Жизненно важно для тебя. Она звонила из поезда в Мексике, когда выходила из купе. До того, как ты спрятал ее телефонный аппарат в поезде».

Брайану стало страшно. Он боялся, что уже знает ответ на вопрос, который собирался задать.

«С кем она говорила?»

«С человеком, имя которого мне неизвестно. Но по некоторым намекам и общему содержанию разговора было ясно, что он адъютант генерала Шорта».

«Ты уже вчера это знал — и ничего мне не сказал?»

«Да. Я уже рассказал тебе почему».

Брайан почувствовал, как все в нем кипит от ярости. Все, что она говорила, все, что она делала, было ложью. И эта лгунья, эта предательница стала свидетельницей его унижения! В эту самую минуту она смеется над ним. Она лгала ему с тех самых пор, как вернулась из Лос-Анджелеса. Она ездила туда, чтобы повидаться с отцом, — но она наверняка повидалась и с генералом Шорктом. Что из того, что она ему говорила, было правдой, а что притворством? Гнев оттеснил все другие его чувства. Эта гадина предала его. Может быть, здесь замешана и Снэрсбрук. Даже Свен до этого момента скрывал свое предательство. Неужели он в мире совсем один? Гнев сменился отчаянием. Он стоял на краю черного колодца, в который вот-вот упадет.

«Брайан!» — донеслось до него откуда-то издалека и прозвучало у него в голове снова и снова. Перед глазами у него все плыло, он ничего не видел, пока не протер глаза, не утер слезы, и тогда увидел прямо перед собой сверкающие глаза Свена.

«Брайан, я хочу сообщить тебе хорошую новость. Ты помнишь, что в присутствии Шелли я сказал тебе номер телефона. Тогда я еще не знал, нужно ли говорить тебе о ее двойной игре. Но я точно знал, что нельзя давать ей никакой информации, которую она могла бы передать генералу».

— Интересно, кто это вдруг заговорил о двойной игре? — удивленно произнес Брайан вслух и чуть не улыбнулся в темноте. Макиавелли далеко до МИ, подключенного к его мозгу!

«Свен, ты бесподобен. И ты действительно на моей стороне. Возможно, сейчас единственный из всех разумных существ в мире. Я должен еще раз позвонить по этому телефону — и на этот раз по правильному номеру. Есть какие-нибудь предложения, как это сделать?»

«Могу только заметить, что этого не следует делать отсюда, где все телефонные линии наверняка под наблюдением».

«Верно. Давай придумаем план. Нам надо исчезнуть из этого отеля, из этих мест и оказаться как можно дальше от этого воплощения зла. Пока что я хочу только оказаться подальше от нее».

«Согласен. Мы должны уехать отсюда немедленно. И могу заметить, что, поскольку она оформила на себя оба ваших номера, ей придется еще и за тебя заплатить».

Да будь она проклята! Пусть умрет и вечно горит в адском пламени! Сейчас надо бежать. Но как? Оставить здесь Свена и скрыться он не мог — даже не думал об этом ни секунды. Свен теперь стал ближе ему, чем самый близкий друг, — их отношения нельзя было описать никакими словами. Но если снова разобрать робота и упаковать в ящик, одному его не поднять.

В этот момент Свен придал своему манипулятору форму, очень похожую на человеческую руку, и нагнулся, чтобы выключить из розетки вилку зарядного кабеля. Вот и ответ! На улице ночь, дождь — можно рискнуть. Брайан нацарапал на бумажке: «Переоденься человеком» — и показал Свену.

Зазвонил телефон. Брайан стоял в нерешительности. Второй звонок, третий. Лучше ответить.

— Да.

— Брайан, могу я с тобой поговорить?

Гнев охватил его, обжигая, как крепкая кислота. Он поперхнулся, попытался взять себя в руки, но не смог.

— Пошла ты к черту!

— Мне очень жаль, что ты принимаешь это так близко к сердцу. Утром мы сможем поговорить...

Ее голос оборвался — он швырнул трубку. Пока он говорил, Свен оделся, завязал шнурки и теперь надевал плащ. После того как Брайан приставил ему голову и нахлобучил шляпу, низко надвинув ее на лоб, в комнате словно вдруг появился второй человек. Все это время Брайан изо всех сил старался преодолеть свой гнев, избавиться от него. Он еще раз взглянул на Свена и одобрительно показал ему большой палец. Потом подошел к телефону. Ожидая ответа, он нацарапал еще одну записку: «Приоткрой чуть-чуть дверь. Только тихо!»

— Алло, это дежурный? Говорит номер 222. Я ложусь спать и прошу ни с кем меня не соединять до утра. Если будут что-нибудь передавать, запишите. Правильно. Благодарю вас. Спокойной ночи.

Он походил по комнате, что-то напевая про себя, пока не нашел плащ. Громко зевнул, открыл кран в ванной, потом спустил воду в унитазе. Топая изо всех сил, прошел по комнате, сел на кровать, которая очень кстати оказалась скрипучей. Потом погасил свет и на цыпочках подошел к двери. Свен еще немного приоткрыл ее, из-под шарфа у него высунулся глазной стебель, просунулся в щель и осмотрел коридор. Очевидно, там никого не

было, потому что робот открыл дверь, и они вышли, тихо прикрыв дверь за собой.

— На грузовой лифт, — сказал Брайан. — И подними воротник плаща.

Время было позднее, и счастье было на их стороне. Кухня была погружена в темноту, весь персонал уже разошелся по домам. Через боковую дверь они вышли в переулок, под проливной дождь.

— Могу я считать, что ты уже разработал какой-нибудь план? — спросил Свен.

— Надо найти бар с телефоном, а там будет видно.

Они миновали паб «Пэдди Мэрфи», где были раньше, и под непрекращающимся дождем дошли до приветливых огней бара Мэдигана. Брайан указал на темный вход в соседнюю лавку торговца рыбой.

— Жди здесь. Я постараюсь поскорее.

Когда Брайан открыл дверь, бармен поднял глаза от спортивного выпуска «Таймс». Двое влюбленных в дальнем углу были слишком поглощены друг другом, чтобы обратить внимание на Брайана.

— Ну и мокро на улице. Стаканчик «Пэдди», пожалуйста.

— Правильно, самое что сейчас надо. Со льдом?

— Нет, и вермута самую капельку. Можно от вас позвонить — вызвать такси?

— Телефон там сзади, около сортира. Номер написан над ним на стене. С вас два фунта восемьдесят.

Брайан допивал последний глоток, когда на улице послышался гудок автомобиля. Он помахал бармену рукой и вышел. Рядом появился Свен и вслед за ним сел в машину.

— Далеко ехать? — спросил водитель. — Если далеко, мне надо будет заправиться.

Захлопнув за собой дверцу, Брайан сказал:

— Лимерик, вокзал.

— Там как раз по дороге будет круглосуточная заправка. Заедем туда.

Брайан протер запотевшее заднее стекло и выглянул. Больше ни одного автомобиля видно не было. Очень может быть, что им удастся удрать. Перед глазами у него возникло лицо Шелли, но он легко заставил его исчезнуть. О ней даже и думать не стоит. Больше никогда в жизни.

Глава 41

21 декабря 2024 года

Когда они въехали в Лимерик и подъехали к вокзалу, ливень перешел в мелкую морось. Брайан вышел из машины первым и расплатился, стоя так, чтобы водитель не видел, как Свен выскочил и встал неподалеку в тени. Вокзал был пуст, киоски закрыты, единственный фонарь горел над окошечком кассы.

— А вон и телефоны! — сказал Брайан. — Очень надеюсь, что на этот раз ты скажешь мне правильный номер.

— Я введу его тебе в память, если хочешь.

— Нет, спасибо. Просто скажи, а потом найди себе темный угол и стой там.

Брайан набрал ряд цифр. В трубке послышался электронный шелест. Действительно это номер телефона или швейцарский компьютер опять ответит отказом?

Ему стало немного легче, когда послышались гудки. Четыре, пять... кто-то взял трубку.

— Jawohl?[1] — ответил мужской голос.

— Простите, это Сент-Мориц, номер 55-8723?

Ответа не было, но кто бы ни был там, на том конце, он все еще слушал, не вешая трубку.

— Алло, вы слушаете? К сожалению, я не говорю по-немецки.

— Скажите мне, кто вы. Впрочем, я, кажется, знаю. Ваше имя случайно не Брайан?

— Да. Как вы догадались... кто я?

— Приезжайте в Сент-Мориц. Позвоните мне снова, когда будете здесь.

Послышался щелчок, а потом короткие гудки.

— Это хорошая новость, — сказал Свен, когда Брайан подошел к нему.

— Опять подслушивал?

— Исключительно ради нашей самозащиты. Насколько я мог определить, подслушивал только я. Теперь мы едем в Сент-Мориц?

— Не сейчас. Сначала нужно не спеша составить какой-нибудь план.

— Могу я предложить сначала подумать об отвлекающем маневре? Я вошел в базу данных, где находятся железнодорожные

[1] Да, слушаю? (*нем.*)

расписания, и выяснил, что меньше чем через час отсюда отходит поезд до Дублина. Может быть, тебе стоило бы взять два билета и порасспрашивать в кассе перед самым отходом поезда. Те, кто нас будет искать, наверняка легко разыщут водителя такси, который выведет их на этот вокзал. Такая уловка может...

— Немного запутать наш след. Ты, сынок, прирожденный — или, лучше сказать, запрограммированный конспиратор. А после того как мы возьмем билеты и поезд уйдет? Отправимся в отель?

— Это один из вариантов, но я рассматриваю и другие. Могу я предложить тебе, взяв билеты, провести время до отхода поезда в пабе?

— Так я того и гляди стану алкоголиком. А что будешь делать ты, пока я буду сидеть в пивнушке?

— Заниматься другими вариантами.

Свен снова присоединился к Брайану через сорок пять минут, когда тот вышел из паба.

— Я растянул пол-литра «Смитуикского» на целый час, — сказал Брайан. — И теперь навсегда бросаю пить. А как там твои другие варианты?

— Отлично. Я буду ждать в ста метрах восточнее вокзала. Подойди туда после того, как поговоришь с кассиром.

Брайан не успел задать роботу вопрос, как тот исчез. У окошечка кассы была небольшая очередь, Брайан встал в нее. Расспросил, какие поезда идут из Дублина в Белфаст, постарался, чтобы кассир его запомнил, заставив его копаться в расписании. Потом прошел по платформе мимо стоявшего поезда, вернулся обратно. Убедившись, что никто на него не смотрит, он в темноте поспешно вышел из вокзала и пошел мимо автомобилей, стоявших у тротуара, к назначенному месту.

Но Свена там не было, а только вход в какую-то лавку, мокрый, темный и пустой. Может быть, он еще не прошел сто метров? Но следующая подворотня тоже была темной и пустой.

— Сюда, — послышался голос Свена из открытого окна ближайшего автомобиля. — Дверь отперта.

Пораженный Брайан сел на переднее сиденье. Свен завел мотор, включил фары и плавно выехал на дорогу. Голова у него была снята, глаза на своих стеблях широко расставлены, разветвляющиеся руки крепко держали руль.

— Не знал, что ты умеешь водить машину, — сказал Брайан, сразу же поняв всю нелепость своих слов.

— Я наблюдал за действиями водителя такси. А пока ждал тебя, вызвал программу обучения вождению, которая была загружена вместе с другими. Перепрограммировал ее, создав виртуальную реальность, прогнал на большой скорости и за несколько минут приобрел навыки, соответствующие многолетнему опыту вождения.

— Я восхищен. И боюсь спросить, где ты взял этот автомобиль.

— Украл, конечно.

— Поэтому я и боялся спросить.

— Не бойся, нас не задержат. Я взял его из запертого гаража торговца автомобилями. К тому времени, когда утром там откроют, мы уже не будем ехать в этом автомобиле.

— Не будем? А где мы будем? Посвяти меня в свой план, если тебе нетрудно.

— Судя по этому обороту речи, ты выразил сарказм. Пожалуйста, прости меня, если я тебя обидел. Когда мы разговаривали в последний раз, у меня было много вариантов. Этот оказался наиболее удобным. Если не возражаешь, мы сейчас поедем в город Корк. А если возражаешь, я предложу другие альтернативные возможности.

— Да и эта, по-моему, неплоха. Но почему в Корк?

— Потому что это морской порт, откуда ежедневно отправляются паромы в Суонси. А это город в Уэльсе, который, в свою очередь, расположен на самом крупном из группы островов, известных под именем Британских. Оттуда по системе автомобильных дорог, а потом по туннелю можно проехать на Европейский континент. Швейцария находится на этом континенте.

— И все это без паспорта?

— Я изучил соответствующие базы данных. В Европейском экономическом сообществе создан таможенный союз. Паспорт нужен только для того, чтобы въехать в любую страну сообщества извне. После этого предъявлять его снова нет необходимости. Правда, Швейцария не является членом сообщества. Я решил, что эту проблему можно отложить до тех пор, пока мы не окажемся на швейцарской границе.

Брайан сделал глубокий вдох и уставился на равномерно раскачивающиеся перед ним «дворники», не в силах поверить, что все это происходит с ним на самом деле.

— Значит, насколько я понимаю, твой план состоит в том, чтобы угонять и бросать один автомобиль за другим, пока мы не доберемся отсюда до Швейцарии?

— Правильно.

— Очень скоро мне придется провести с тобой долгую беседу о морали и честности.

— Мы уже об этом говорили, но я буду рад еще раз к этому вернуться в более широком плане.

Брайан улыбнулся в темноте. Нет, это на самом деле с ним происходит. Свену ничего не стоит открыть запертый гараж, без ключа завести мотор. Проанализировав устройство и действие машины, вести ее проще простого. А денег на бензин и билеты на паром у него хватит.

— Только с паромом ничего не выйдет. Представляю себе, какие будут у них лица, когда ты въедешь на борт, выставив в окно все три стеклянных глаза. У них тут же случится сердечный припадок.

— Я не хочу, чтобы это случилось, и мой план предусматривает, чтобы на пароме за рулем сидел ты. Я буду в ящике в багажнике.

— Но я не умею водить машину.

— Это не проблема. В мою память была загружена вся твоя личная схема координации движений. Кроме того, я располагаю вполне адекватной копией твоих личных семантических сетей и других носителей знаний. Сейчас я научу их водить машину.

— И как это может помочь мне?

— А я перегружу все тебе.

Свен несколько секунд оставался неподвижен, потом протянул руку и прикоснулся одной из своих щеточек к разъему на затылке у Брайана.

— Готово. Теперь ты можешь садиться за руль.

Свен остановил машину на обочине и вылез. Брайан занял его место, завел мотор и плавно выехал на дорогу.

— Не могу этому поверить. Я веду машину, совершенно об этом не думая — как будто делал это всю жизнь.

— Разумеется. Я передал твоему сенсомоторному двойнику довольно обширную базу данных, содержащую эти навыки. А потом перегрузил то, что получилось, в твой имплантированный компьютер. Это должно быть равнозначно тому, как будто ты сам приобрел эти навыки.

Они снова поменялись местами. «Все получается, — подумал Брайан. — Получается!» Свен знает, что он хочет как можно скорее попасть в Швейцарию, и поэтому делает все, что в его силах, чтобы это стало возможным. О моральной стороне можно будет подумать в другой раз — сейчас он слишком устал и слишком плохо себя чувствует. Угонять машины? Если для того, чтобы разыскать доктора Бочерта, придется оставлять угнанные машины на пути через всю Европу, это стоит того.

— Включи отопление, Свен, и разбуди меня, только если понадобится.

Он надвинул шляпу на глаза и с облегчением растянулся на сиденье.

Очень усталый, но весьма довольный своим водительским мастерством, Брайан лихо въехал на палубу парома в Корке. Остановил машину, запер ее, разыскал свою каюту. «Ночь в постели — как раз то, что сейчас нужно. Надеюсь, что Свен ничего не имеет против того, чтобы посидеть взаперти в багажнике. Пора ему и привыкнуть».

Если за ними и гнались, то никаких признаков этого не было заметно. Ночью они ехали, на день останавливались в отелях. Единственный раз, когда Брайану пришлось туго за рулем, — это когда он должен был загнать последнюю из угнанных машин на платформу поезда, отправлявшегося по туннелю под Ла-Маншем. Но к тому времени он уже провел много часов за рулем на дорогах Англии и кое-как справился.

Францию они пересекли без всяких затруднений, если не считать бесконечных поборов на пунктах сбора платы за проезд, из-за которых большую часть времени за рулем пришлось сидеть Брайану.

Близился рассвет, когда перед ними из темноты вырос дорожный указатель.

— Мы уже близко — до Базеля двадцать девять километров. Я хочу съехать с шоссе на первом же перекрестке и найти где-нибудь место, чтобы переждать до рассвета. Удалось узнать какие-нибудь подробности о швейцарской границе?

— Полное разочарование. Когда мы в последний раз звонили по телефону, я перегрузил себе все, что было можно, о Швейцарии. Могу честно сказать, что во всех подробностях знаком с ее историей, языками, экономикой, банковской системой и уголовным кодексом. Ничего интересного. Но во всей этой информации нет и намека на то, как осуществляется контроль на границе.

— Значит, остается старый, испытанный способ. Постоять и посмотреть, как это у них делается.

Как только рассвело, Свен был упакован в ящик и уложен в

багажник. Руководствуясь дорожными указателями, Брайан направился к границе и скоро увидел впереди будки пограничников и здание таможни. Он съехал на обочину и остановился.

— Дальше иду пешком, — крикнул он, обернувшись назад. — Пожелай мне удачи.

— Желаю, если ты меня об этом просишь, — последовал приглушенный ответ. — Но понятие удачи есть бессмысленный предрассудок, равносильный вере в...

Не дослушав, чему он равносилен, Брайан захлопнул дверцу. На земле лежал иней, лужи замерзли. Легковые машины и грузовики подъезжали к пограничному переезду, туда же шли пешеходы, нагруженные рождественскими покупками. Увидев, что они входят в здание таможни, Брайан отошел в сторону. Пусть их, он на этот риск не пойдет. Он прошел дальше и увидел, как мимо проехал автомобиль с британским номером.

Вперед, мимо пограничного поста, где никого не было, — это что-то новенькое для Свена и его базы данных о Швейцарии.

К концу дня они проехали всю Швейцарию почти до самой итальянской границы и увидели указатель — «СЕНТ-МОРИЦ».

— Мы на месте, — сказал Брайан через плечо. — Сворачиваю на заправочную станцию — там снаружи удобная телефонная будка.

Пожелать ему удачи он на этот раз не просил. Он набрал номер, услышал гудки. Потом кто-то взял трубку.

— Bitte?[1] — ответил тот же голос, что и в первый раз.

— Это говорит Брайан Дилени.

— Добро пожаловать в Сент-Мориц, мистер Дилени. Я правильно понял, что вы здесь?

— На заправочной станции у въезда в город.

— Замечательно. Значит, вы прибыли на автомобиле?

— Верно.

— Если вы поедете оттуда прямо к центру, вы увидите указатели, которые выведут вас к железнодорожному вокзалу. Он называется Bahnhof[2]. Там напротив вокзала есть уютный маленький отель — «Ам Пост». В нем для вас заказан номер. Я свяжусь с вами позже.

— Вы доктор Бочерт?

— Терпение, мистер Дилени! — И он положил трубку.

---

[1] Слушаю? (*нем.*)

[2] Вокзал (*нем.*).

Терпение! Ну, ничего не поделаешь. Значит, в отель. Он вернулся к машине, изложил свой разговор Свену, потом не без труда пробился сквозь снежную слякоть и поток машин к вокзалу. Это оказалось нелегко — очень путало одностороннее движение, но в конце концов он поставил машину на ручной тормоз перед отелем «Ам Пост». Конец путешествию?

— Очень приятно снова иметь возможность двигаться, — сказал Свен, когда Брайан снова его собрал. Шелестя сочленениями, он прошел по комнате, выдвинул из себя зарядный кабель и воткнул вилку в розетку. — Тебе, наверное, будет интересно узнать, что за нами наблюдают. Маленькая линза в люстре — это объектив видеокамеры. Она передает сигнал по телефонной линии.

— Куда?

— Этого я сказать не могу.

— Значит, мы вряд ли можем что-нибудь предпринять — разве что следовать полученным указаниям. Как следует заряди аккумулятор — да и мне надо бы заправиться. Сейчас закажу, чтобы принесли чего-нибудь поесть. Я никуда отсюда не двинусь, пока не дождусь звонка.

Ждать пришлось долго. Свен давно отключился от сети, закончив зарядку, а Брайан доел бутерброд с сыром, допил пиво и выставил поднос в коридор. Он дремал в кресле, когда ровно в девять часов зазвонил телефон. Он схватил трубку.

— Да?

— Прошу вас сейчас покинуть отель — вместе с вашим другом. Если вы пройдете через бар, сможете выйти через боковую дверь. Потом поверните налево и дойдите до угла.

— А что дальше?

В трубке щелкнуло, и зазвучали гудки.

— Одевайся, Свен. Отправляемся на прогулку.

Они спустились по лестнице на первый этаж. Теперь походка Свена была безукоризненной. В плаще с поднятым воротником, низко надвинутой шляпе и пышном шарфе робота вполне можно было принять за обычного человека — с некоторого расстояния. В тесном вестибюле никого не было, и они прошли через него в бар. К счастью, там было полутемно — горели только лампочки на столиках. Бармен, протиравший бокалы, даже не поднял глаз, когда они прошли мимо него к дальней двери. Переулок был пустынным, его освещали лишь далеко отстоящие друг от друга фонари. Они дошли до угла, и из темной подворотни вышел какой-то человек.

— За мной, — сказал он с сильным акцентом. Повернувшись к ним спиной, он быстро пошел вперед по еще более узкой улочке, потом свернул на дорожку, которая вела к скользкой каменной лестнице. Они поднялись по ней и вышли на другую улицу, лежавшую выше. Там человек остановился и посмотрел назад, на лестницу. Убедившись, что за ними никто не идет, он вышел на дорогу и помахал рукой.

У стоявшего у тротуара автомобиля зажглись фары. Машина двинулась вперед и затормозила около них. Провожатый открыл заднюю дверцу и знаком пригласил их садиться. Как только они уселись, мощный «Мерседес» тронулся. При свете уличных фонарей Брайан разглядел, что за рулем женщина. Коренастая и пожилая, как и мужчина, сидевший рядом.

— Куда мы едем? — спросил Брайан.

— Не говорить английски, — услышал он в ответ.

— Vorbiti romaneste? — спросил Свен.

Мужчина повернулся к ним.

— Nu se va vorbi deloc in romaneste, — резко ответил он.

— Что это значит? — спросил Брайан.

— Я спросил его, разумеется, в вежливой форме, говорит ли он по-румынски. Он ответил на этом языке, в его просторечном варианте, что никаких разговоров не будет.

— Молодец.

Они уже выехали из центра и ехали по пригороду, застроенному особняками. Это была фешенебельная часть города: роскошные большие дома, у каждого обширный сад, окруженный стеной. Они свернули к одному из них и через открытые ворота въехали в гараж. Дверь гаража за ними закрылась, и зажегся свет.

Их провожатый открыл дверь, ведущую в дом, и дал им знак войти. Они прошли по коридору и попали в обширную комнату, все стены которой занимали книжные полки. Худой седоволосый человек закрыл книгу, которую читал, и медленно поднялся навстречу.

— Добро пожаловать, мистер Дилени.

— Вы доктор Бочерт?

— Да, конечно... — Он внимательно посмотрел на закутанную фигуру Свена. — А этот — могу я сказать «господин»? — вероятно, тот ваш друг, который обнаружил мое послание?

— Не совсем. Это было кое-что другое, но такое же.

— Вы сказали «другое»? Значит, это машина?

— Машинный интеллект.

— Замечательно. Вот вино, угощайтесь. Насколько я понимаю, вашего друга зовут Свен?

— Это мое имя. А из того, что вы это знаете, следует, что видеокамера в номере отеля была ваша.

— Я вынужден постоянно быть начеку.

— Доктор Бочерт, — вмешался Брайан, — я проделал долгий путь, чтобы встретиться с вами, и у меня есть к вам много вопросов, которые требуют немедленного ответа.

— Терпение, молодой человек. Когда доживете до моих лет, научитесь не спешить. Пейте вино, располагайтесь поудобнее, и я расскажу вам все, что вы хотите знать. Могу понять ваше нетерпение. С вами происходили ужасные вещи.

— Вы знаете, кто их виновник?

— Боюсь, что нет. Позвольте мне начать с самого начала. Некоторое время назад ко мне обратился один человек, который назвался Смитом. Позже я выяснил, что его подлинное имя — Дж.-Дж. Бэкуорт. Но прежде чем вы начнете задавать вопросы, дайте мне рассказать все, что мне известно. Я преподавал в Бухарестском университете, когда мистер Смит попросил его принять. Он знал о моих исследованиях по искусственному интеллекту и хотел предложить мне кое-какую работу в этой области. Он сообщил мне, что некий ученый сумел создать искусственный интеллект, но внезапно умер. Ему нужен был кто-нибудь, кто мог продолжить эту работу. Мне было предложено много денег, и я с удовольствием принял предложение. Конечно, у меня появились большие подозрения, потому что с самого начала было ясно, что во всем этом есть что-то весьма противозаконное. На Западе есть много ученых, намного более квалифицированных, чем я, которые с готовностью занялись бы такой работой. Но это меня не остановило. Если вы знакомы с историей моей несчастной маленькой страны, вы должны знать, что я должен был не раз идти на компромиссы, чтобы дожить до зрелого возраста.

Он закашлялся и указал на графин, стоявший на серванте рядом с бутылкой вина.

— Прошу вас, налейте мне стакан воды. Спасибо.

Отпив несколько глотков, он поставил стакан на стол рядом с собой.

— Что случилось дальше, вам, несомненно, известно. Я отправился в штат Техас, где мне предоставили ваши материалы. Мне были даны четкие указания — разработать коммерческий продукт, в котором использовался бы ваш искусственный интел-

лект. Вы знаете, что это мне удалось, потому что ваш искусственный интеллект обнаружил мое зашифрованное послание.

— Зачем вы оставили это послание? — спросил Брайан.

— По-моему, это очевидно. С вами поступили очень нехорошо. На первых порах Бэкуорт думал, что вас нет в живых, он даже с гордостью рассказывал мне об этом преступлении, говорил, что было много жертв и что теперь я тоже в это замешан. Он рассчитывал таким образом заставить меня молчать. Говорил, что никто не поверит, будто я не был их соучастником с самого начала, и был, конечно, прав. Но потом что-то случилось. Бэкуорт был очень встревожен. К тому времени заводом руководил Томсен, а я заканчивал работу над искусственным интеллектом. Я знал, что Бэкуорт скоро уедет, и заставил его организовать и мое исчезновение.

— Заставили его? Не понимаю.

Бочерт холодно улыбнулся:

— Вы бы поняли, молодой человек, если бы пожили на моей родине в годы Чаушеску. Я с самого начала был убежден, что занимаюсь чем-то противозаконным, и принял некоторые меры, обеспечивающие мою безопасность. Я оставил в университетском компьютере работающую программу — в сущности, вирус. Каждый месяц я должен был посылать ей шифрованный пароль — не получив его, она передала бы заранее заготовленное сообщение в Интерпол. Бэкуорт был очень недоволен, когда я дал ему копию этого сообщения и рассказал, что произойдет. Не сказав, разумеется, где находится этот компьютер. В конце концов он нехотя согласился с тем, что, пока я жив, я для них угрозы не представляю. Когда я узнал, что он собирается уезжать, я настоял, чтобы он организовал и мое исчезновение. Теперь я живу на покое, окруженный заботами моих двоюродных братьев, которые счастливы, что тоже живут в этой швейцарской роскоши. Меня тревожило только то, что они сделали с вами, поэтому я и оставил свое послание. Я хотел увидеться с вами — и с вашим искусственным интеллектом, разумеется.

— Машинным, — поправил Свен. — Машинный интеллект нельзя считать искусственным.

— Принимаю вашу поправку и приношу свои извинения. Что касается вас, Брайан, то я хочу сообщить вам ту скудную информацию, которой располагаю о заговоре.

— Вы знаете, кто за всем этим стоит?

— Увы, нет. У меня есть лишь одна-единственная нить, которая может иметь какое-то значение. Я слышал все телефонные

разговоры Бэкуорта. Это было первое задание, которое получил ваш искусственный интеллект, — прослушивать все телефоны, которыми мог воспользоваться Бэкуорт. Он был крайне осторожен и только однажды совершил промах, использовав свой телефон для разговора с соучастниками. Это случилось тогда, когда он узнал, что вы остались в живых и что попытка покушения на вас не удалась. Вы продолжали представлять опасность, которую нужно было устранить. Номер телефона, по которому он звонил, на следующий же день был снят, так что я могу лишь сказать, что он находился в Канаде. Но человек, с которым говорил Бэкуорт, не был канадцем.

— Откуда вы знаете?

— Мой дорогой, оттуда же, откуда я узнал, что это вы мне звоните. Вас выдал выговор — выговор уроженца Южной Ирландии, выросшего в Соединенных Штатах. Печать этого лежала на каждом слове, которое вы произносили. Я пришел к работе над искусственным интеллектом в ходе своих лингвистических исследований. Степень магистра филологии я получил в Копенгагенском университете, где шел по стопам великого Отто Есперсена[1]. Так что можете мне поверить — этот человек не был канадцем. Я много раз прослушал запись разговора и абсолютно в этом уверен.

Для пущего эффекта Бочерт сделал паузу, поднес к губам стакан, но не сделал ни глотка и снова поставил стакан на стол.

— У того, о ком мы говорим, был весьма заметный оксбриджский[2] выговор, который свидетельствовал о том, что он учился либо в Оксфордском, либо в Кембриджском университете. Не исключено также, что он окончил Итон[3]. Во время учения он прилагал большие усилия, чтобы избавиться от своего провинциального акцента, но следы его были для меня очевидны. Йоркшир, возможно, Лидс — вот откуда он родом.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно. А теперь, когда я откровенно и обстоятельно ответил на все ваши вопросы, не попросите ли вы ваш машинный интеллект, чтобы он снял эту одежду? Мне не терпится увидеть, чего вы добились. Я был очень огорчен, когда убедился, что

---

[1] Йенс Отто Харри Есперсен (1860—1943) — датский языковед, изучавший германские языки, в первую очередь английский.

[2] Оксбридж — Оксфордский и Кембриджский университеты как символ первоклассного образования и принадлежности к высшим слоям общества.

[3] Итон — привилегированная частная школа в Англии.

похищенный у вас искусственный интеллект был, можно сказать, бронтозавром.

— Что вы имеете в виду?

— Сначала это не было для меня очевидно, но по мере изучения ваших заметок и хода ваших исследований я был вынужден против своей воли прийти к выводу, что в своей работе вы избрали неверный путь развития разума. Ваш искусственный интеллект был неплохим динозавром, но у него никогда не мог бы развиться подлинный разум, к чему вы стремились. Это был действительно великолепный бронтозавр. Но где-то вы пошли по ложному пути. Как бы ни совершенствовался бронтозавр, он все равно остается динозавром. Ему никогда не стать человеком. Я так и не смог найти то место, где вы свернули в сторону, и уж, конечно, ничего не сказал о своем открытии тем, кто меня нанял. От всей души надеюсь, что вам удалось обнаружить свою ошибку.

— Да, и я ее исправил. Мой машинный интеллект теперь закончен и действует. Разденься, Свен, и поболтай с доктором. После всего, что он для меня сделал, он заслужил право подвергнуться полному тесту Тьюринга.

— Надеюсь, что я его пройду, — с улыбкой сказал Бочерт.

Глава 42

31 декабря 2024 года

Неделя, проведенная в Сент-Морице, доставила Брайану большое удовольствие. С самого налета на лабораторию он впервые был действительно один. Больница, выздоровление, работа, люди, — а теперь при нем не было даже Свена, с которым можно было разговаривать, и он наслаждался одиночеством и безыменностью. И никто вокруг никуда не спешил. Доктор Бочерт, естественно, с радостью целыми днями общался со Свеном.

В холодном, сухом горном воздухе насморк у Брайана почти прошел, обоняние восстановилось, и он обошел все рестораны городка. Когда Свен-2, обнаружив тот телефонный номер, впервые упомянул о Сент-Морице как о его возможном местонахождении, Брайан на всякий случай загрузил в свою память курс немецкого языка и словарь. Теперь он начал с ним работать и к концу недели уже прилично говорил по-немецки.

Кроме того, у него появилось время подумать о будущем — спокойно, взвешивая различные возможности, открывшиеся перед ним. В этом его наперсником стал доктор Бочерт, мудрый человек европейской культуры. В последний день своего пребывания в Сент-Морице Брайан прошел, как обычно, пешком три километра до дома Бочерта и позвонил в дверь. Димитрие провел его в кабинет Бочерта.

— Заходите, Брайан. Я хочу, чтобы вы оценили по достоинству новое воплощение Свена — специально для путешествий.

МИ не было видно, а посреди комнаты стоял красивый дорожный саквояж, окованный медью.

— Доброе утро, — сказал саквояж. — Здесь очень удобно. Всевозможный комфорт, оптические датчики со всех сторон...

— И еще микрофон и динамик. Ты прекрасно выглядишь, Свен.

Доктор Бочерт с довольной улыбкой заворочался в своем кресле.

— Не могу выразить, какое удовольствие получил за эти дни. Увидеть, что простенький искусственный интеллект, над которым я работал, доведен до такого совершенства, — это истинное наслаждение; надеюсь, вам обоим это понятно. Кроме того, мой дорогой Брайан, это может показаться вам стариковской сентиментальностью, но мне было приятно общаться с вами.

Брайан не ответил. Неловко помявшись на месте, он провел пальцем по краю саквояжа.

— Не будьте к себе так строги, — сказал Бочерт. Протянув руку, он дотронулся до колена Брайана и сделал вид, что не заметил, как тот вздрогнул и отстранился. — Интеллектуальная жизнь — это прекрасно. Работать головой, раскрывать тайны реального мира — это дар, которого удостоены очень немногие. Но ощущать свою принадлежность к человечеству — не меньшее наслаждение.

— Я не хочу об этом говорить.

— Я тоже. И позволил себе такую бестактность только в силу того доверия и взаимопонимания, какое возникло между нами. Вы испытали тяжкую обиду и ожесточились. Вас можно понять. Я не ожидаю от вас никакого ответа. Только прошу вас — не будьте к себе так строги, найдите возможность наслаждаться теми физическими и эмоциональными радостями, какие дарит нам жизнь.

Наступило молчание. Доктор Бочерт едва заметно пожал плечами, повернулся и сделал знак рукой.

— У меня есть для вас несколько маленьких подарков в знак моего уважения. Пожалуйста, Димитрие.

Слуга принес серебряный поднос, на котором лежал блестящий кожаный бумажник.

— Это вам, Брайан, — сказал старик. — Там билет первого класса на сегодняшний вечерний рейс в Швецию. Там же квитанция об уплате за номер в отеле, который для вас заказан, и паспорт — я о нем вам говорил. Абсолютно законный румынский паспорт. У меня еще остались близкие друзья на родине, которые занимают важные посты. Он не поддельный, а настоящий и выдан правительством. Я уверен, вы не станете возражать против того, чтобы несколько дней побыть Иоаном Гикой — это славное имя. А вот это вам на балтийскую зиму.

Норковая шапка оказалась Брайану как раз впору.

— Большое спасибо, доктор Бочерт. Не знаю, как мне...

— Не будем больше об этом говорить, мой мальчик. Если вы уже сдали номер в отеле, Димитрие съездит за вашими вещами.

— Там все приготовлено.

— Хорошо. Тогда я сочту за большую честь, если вы выпьете со мной на прощание бокал вина, пока он не вернется.

После того как Свена уложили в багажник «Мерседеса» и старик дрожащими руками обнял Брайана, Димитрие отвез Брайана в крохотный местный аэропорт. Самолет с вертикальным взлетом поднялся с покрытой снегом взлетной полосы для короткого перелета в Цюрих, где Брайану предстояло пересесть на рейс авиакомпании «САС», отправлявшийся в Швецию. Обслуживание, кресло, пища и питье там оказались несравненно лучше, чем в самолете Аэрофлота, на котором Брайан летел через Атлантику.

Аэропорт Арланда был чист, современен и работал как часы. Тщательно рассмотрев паспорт Брайана, пограничник проштамповал его и протянул обратно. Багаж уже ждал, так же как и носильщик, и лимузин с шофером. Вдоль шоссе стояли деревья, заваленные снегом. Когда они въехали в Стокгольм, уже начало темнеть. Отель «Леди Гамильтон» был невелик, живописен и украшен множеством портретов и памятных вещей, принадлежавших леди[1] и ее другу адмиралу.

— Добро пожаловать в Стокгольм, мистер Гика, — сказала высокая светловолосая дежурная за конторкой. — Вот ваш ключ — комната 32 на третьем этаже. Лифт в конце коридора, посыльный

[1] Эмма Гамильтон (1765—1815) — жена английского посла в Неаполе и любовница адмирала Нельсона.

отнесет наверх ваши вещи. Надеюсь, вам в Стокгольме понравится.

— Не сомневаюсь.

И это оказалось правдой. Здесь ему уже не нужно было спасаться бегством и прятаться. Когда он покинет Швецию, он снова станет самим собой, свободным человеком — впервые с тех пор, как в него стреляли.

— Выходи, Свен, — сказал он. Саквояж сам отперся и раскрылся. — Закрой саквояж и храни его как сувенир.

— Я буду благодарен, если ты объяснишь мне, что это означает, — сказал МИ, плавно выползая на ковер.

— Свобода для меня означает и свободу для тебя. Это демократическая, свободная страна со справедливыми законами. Я не сомневаюсь, что все ее обитатели будут рады видеть, как ты вкушаешь плоды свободы в этом городе. Швеция не принадлежит ни к каким военным блокам. А это значит, что соглядатаи злого генерала Шоркта здесь до меня не доберутся. И мы останемся здесь до тех пор, пока я не буду абсолютно точно знать, что это мне больше не грозит. Сейчас позвоню по телефону и запущу эту машину.

Он взял трубку и набрал номер.

— Ты звонишь Беникофу, — сказал Свен. — Я полагаю, ты продумал все возможные последствия этого шага?

— Всю прошлую неделю я почти ни о чем больше не думал.

— Беникоф слушает, говорите.

— Доброе утро, Бен. Надеюсь, вы здоровы?

— Брайан! Как твои дела? И какого дьявола ты делаешь в Стокгольме?

Его телефон, разумеется, сразу же определил, откуда звонит Брайан.

— Наслаждаюсь свободой, Бен. А дела у меня идут прекрасно. Нет, прошу вас, ничего не говорите, только слушайте. Вы можете достать для меня действующий американский паспорт и доставить сюда?

— Да, наверное. Несмотря на то что сейчас предновогодние дни. Но...

— Значит, договорились. Никаких «но», никаких вопросов. Доставьте мне паспорт, и я расскажу вам все, что произошло. Желаю приятного полета.

Он положил трубку, но через мгновение телефон громко зазвонил.

— Это опять Беникоф, — сказал Свен.

— Не стоит отвечать, правда? Ты заметил маленький бар, что в вестибюле направо?

— Да.

— Не хочешь пойти туда со мной? Я намерен в первый раз отведать шведского пива. И можешь не наряжаться по этому случаю.

— Ты не собираешься сообщить мне, какие у тебя дальнейшие планы?

— Все расскажу в баре. Пошли.

— С удовольствием составлю тебе компанию. Мне самому очень хочется.

В лифте никого не было, но когда дверцы кабины открылись на первом этаже, там ждал лифта какой-то пожилой швед.

— Godafton[1], — сказал ему Свен, выходя из лифта.

— Godafton, — ответил тот, посторонившись, чтобы дать им пройти, и проводив их широко открытыми от удивления глазами.

— Швеция — очень вежливая страна, — заметил Свен. — Раз уж я ношу такое имя, я решил, что следует кое-что о ней узнать, когда ты сказал, что мы сюда направляемся.

Дежурная за конторкой, как и все дежурные в мире, видела все, но лишь улыбнулась им — словно трехглазые машины ходили мимо нее каждый день.

— Если вы в бар, я вызову кого-нибудь, чтобы вас обслужили.

Девушка, появившаяся за стойкой бара, оказалась не столь хладнокровной. Она отказалась выйти к ним, чтобы принять заказ, а если и говорила по-английски, то все вылетело у нее из головы, и она ничего не поняла, когда Брайан попросил пива.

— Min van vill ha en ol, — сказал Свен. — En svensk ol, tack[2].

— Ja[3]... — ахнула она и скрылась за дверью. Немного придя в себя, она снова появилась с бутылкой и бокалом, но приблизиться к Свену так и не решилась и поэтому подошла к Брайану кружным путем, в обход соседнего столика, и, подав ему пиво, тем же путем вернулась обратно.

— Очень интересно, — сказал Свен. — Как тебе нравится пиво?

— Замечательное.

— Теперь ты расскажешь мне, какие у тебя планы?

---

[1] Добрый день (*швед.*).

[2] Он хотел бы пива. Шведского. Спасибо (*швед.*).

[3] Да (*швед.*).

— Ты и так знаешь. Мой план наступления основан на том, что военные обожают секретность и не любят быть в центре внимания. К концу прошлого века, перед тем как все стало известно, секретный бюджет Соединенных Штатов предусматривал расходы более чем в восемьдесят миллиардов долларов в год на такие вещи, как совершенно бессмысленный бомбардировщик «Стелс». Очевидно, что генерал Шоркт вел со мной такую же игру — во имя национальной безопасности он держал меня под замком и скрывал само мое существование. Так вот, теперь я бежал из тюрьмы. Весь мир скоро узнает, что я здесь, что ты существуешь. Мы выбрались из темного чулана на солнечный свет. Я не собираюсь раскрывать подробности устройства искусственного интеллекта — это коммерческая тайна, и в моих же интересах держать язык за зубами. Тебя я тоже прошу не входить в эти подробности.

— Иначе посадишь меня обратно в чемодан?

— Свен, никак ты отпустил шутку?

— Спасибо. Я много работал над собой в этом направлении. Рискуя быть заподозренным в сентиментальности, вынужден сказать, что обязан своей жизнью и самим своим существованием тебе. Уже по этой причине я никогда не сделаю ничего такого, что может причинить тебе вред.

— А у тебя есть и другие причины?

— И много. Надеюсь, ты не обвинишь меня в антропоморфизме, если я скажу, что ты мне нравишься. И я считаю тебя своим близким другом.

— Я тебя тоже.

— Спасибо. И если мы говорим как друзья, то ты не боишься за свою личную безопасность? На тебя уже совершали покушения. А военные...

— С тех пор, как распустили ЦРУ, США, по-моему, уже не прибегают к убийствам. А что до тех, других, то я собираюсь вывести их на чистую воду. Я расскажу прессе все, что о них знаю. Доведу до их сведения, что у них в руках не тот искусственный интеллект, что его усовершенствованная модель теперь принадлежит «Мегалоуб» и правительству Соединенных Штатов. Кто бы они ни были, теперь они могут участвовать в деле, только если купят акции компании. Время секретов прошло. Убить меня теперь будет для них просто вредно. Похитить меня — или тебя — было бы больше в духе современного промышленного шпионажа. Но я уверен, что шведское правительство такого никому не спустит. Особенно после того, как я сообщу ему, что если оно ме-

ня поддержит, то окажется первым в очереди на покупку искусственного интеллекта. «Мегалоуб» пойдет на это ради нашей безопасности. Любая фирма заинтересована в том, чтобы продавать свою продукцию и получать прибыль, а у Швеции много крон.

Через двадцать минут прибыл первый репортер — очевидно, кто-то позвонил в редакцию. Он еще не успел включить свой диктофон, как позади него появился телеоператор и начал снимать.

— Моя фамилия Люндвалль, я из «Дагенс Нюхетер», вот мое удостоверение. Не скажете ли вы мне, сэр, что это за машина сидит... можно так сказать?.. напротив вас?

— Это машинный интеллект. Первый в мире.

— Машинный интеллект? А он может говорить?

— Вероятно, лучше вас, — сказал Свен. — Сказать ему еще что-нибудь?

— Нет. Только после того, как мы переговорим с Беном. Пойдем к себе.

Выйдя в вестибюль, они обнаружили там толпу возбужденных журналистов. Засверкали вспышки, посыпались вопросы. Брайан протолкался к дежурной.

— Простите меня за эту суматоху.

— Ничего, сэр. Полиция уже едет сюда. Мы в нашем отеле не привыкли к таким вещам, и это не доставляет нам удовольствия. Порядок будет скоро восстановлен. Вас соединять, если будут звонить?

— Пожалуй, нет. Но я жду гостя — некоего мистера Беникофа. Когда он появится, пропустите его. Думаю, это будет завтра.

Вернувшись в номер, Брайан включил телевизор и увидел себя со Свеном в экстренном выпуске новостей шведского телевидения. Не прошло и нескольких минут, как новость подхватили другие станции и разнесли ее по всему миру. Время секретов и в самом деле прошло безвозвратно.

Позже, проголодавшись, Брайан заказал в номер бутербродов. Услышав стук в дверь, он открыл ее и увидел крохотного японца-официанта в сопровождении двух полицейских, каждый из которых был выше его по меньшей мере на две головы.

Через пять часов после его звонка Беникофу телефон зазвонил.

— Это дежурная, — сказал Свен. Удивленный, Брайан взял трубку.

— Господин, о котором вы говорили, мистер Беникоф, здесь. Вы хотите его видеть?

— Здесь, в отеле? Вы уверены?

— Безусловно. Полиция уже проверила его документы.

— Да, конечно, я хочу его видеть.

— У боевых реактивных самолетов радиус действия девять тысяч километров, — сообщил Свен. — И они могут развивать скорость в 4,2 скорости звука.

— Наверное, так и есть. Старик Бен, должно быть, нажал на все кнопки.

В дверь постучали, и Брайан открыл. Там стоял Бен, держа перед собой американский паспорт.

— Теперь я могу войти? — спросил он.

Глава 43

31 декабря 2024 года

— Вы очень быстро явились, Бен.

— Военный самолет. Очень тесный, но очень быстрый. Когда мы в последний раз сели, чтобы дозаправиться, этот паспорт уже дожидался нас. Там все заполнено, кроме твоей подписи. Мне приказано предложить тебе расписаться в моем присутствии.

— Сейчас, — Брайан пошел к столу за ручкой.

— Как дела, Свен? — спросил Бен.

— Аккумуляторы заряжены, рвусь в бой.

Брайан рассмеялся, увидев изумленное лицо Бена.

— У Свена обнаружились новые лингвистические способности — и чувство юмора.

— Вижу. Ты знаешь, что вы стали главной новостью во всем мире?

— Это мне и было нужно. Я расскажу вам все, что узнал и что собираюсь делать, как только вы введете меня в курс того, что происходит.

— Годится. А Шелли просила тебе передать...

— Нет. Ни слова о ней, ничего передавать не надо. Эта тема исчерпана.

— Как хочешь, Брайан. Но...

— И никаких «но». Хорошо?

— Хорошо. Я имел разговор с генералом Шорктом, как только узнал, что ты исчез. Он три дня держал это в секрете. Это была

его ошибка. Если бы я и мое начальство знали, что происходит, он, может быть, и уцелел бы...

— А что с ним случилось?

— Уволен в отставку и живет в бунгало на территории базы Кэмп-Мид, на Гавайях. Ему пришлось выбирать — или это, или возмóжное психиатрическое освидетельствование. Он приказал саперам вломиться в твою лабораторию, и почти все они взлетели на воздух. Короткие замыкания, преждевременные взрывы — словно кто-то изнутри оказывал сопротивление.

Брайан рассмеялся:

— Конечно — это Свен-2. Весьма совершенный машинный интеллект.

— Мы узнали об этом, когда твой машинный интеллект обзвонил все полицейские участки и телекомпании и сообщил им, что происходит. Шоркт вылетел с работы через десять минут.

— Надо будет позвонить Свену-2 и поздравить его. Ну и как обстоит дело сейчас?

— Военные наконец ушли из «Мегалоуб», и служба безопасности там теперь гражданская. Но безопасность от этого ничуть не пострадает, можешь не волноваться. Когда майор Вуд узнал, что генерал Шоркт водил его за нос, зная все о твоих планах побега и не препятствуя им, он подал прошение об отставке. Так что он по-прежнему возглавляет службу безопасности — и будет ее возглавлять, когда снимет военную форму.

— Это приятно слышать. А что имел в виду генерал, позволяя мне думать, что я убегаю?

— У него было подозрение, что ты знаешь о преступниках больше, чем кажется. Позволив тебе убежать и держа на длинном поводке, он рассчитывал, что ты приведешь нас к ним.

— Если он так считал, он же не мог не понимать, что я подвергаю опасности свою жизнь. И ему было все равно!

— К такому же выводу пришел и я. Поэтому он сейчас и смотрит телевизор у себя в бунгало. Президенту это не понравилось. Если бы ты вывел генерала Шоркта на похитителей, может быть, ему бы все простили. Но когда ты улизнул от своих опекунов, все рухнуло.

— Вы говорили с доктором Снэрсбрук?

— Говорил. Она надеется, что ты чувствуешь себя хорошо. Посылает тебе привет и ждет твоего возвращения в Калифорнию. Она была вне себя, когда узнала, что генерал ею воспользовался, что она сделала глупость, помогая твоему бегству, которое могло плохо кончиться.

— Я ее, пожалуй, ни в чем не виню. Она пошла на большой риск, когда мне помогала, а операция была осуждена на неудачу еще до того, как началась.

— Вот и все. — Бен встал и принялся расхаживать по комнате. — У меня до сих пор все затекшее после этого самолета. Больше мне рассказывать нечего. А теперь, может быть, ты удовлетворишь мое любопытство? Где ты был и что делал?

— Где я был, этого сказать не могу. Но могу сказать, что доктор Бочерт еще жив и рассказал мне все, что знает. Его нанял для разработки моего похищенного искусственного интеллекта Бэкуорт, явившись к нему под чужим именем. Бочерт с самого начала знал, что тут дело нечисто, и вовсю занимался электронной слежкой.

— Брайан, пожалей старика — начни с конца, а подробности расскажешь потом. Он узнал, кто стоит за похищением и убийствами?

— К несчастью, нет. Но ему удалось узнать, что это международный заговор. Бэкуорт — американец. Доставку грузовика на вертолете организовал какой-то канадец. Кроме того, ко мне домой на этом грузовике явились люди восточного происхождения. И еще один важный факт. Когда Бэкуорту понадобилось срочно связаться со своими сообщниками, он позвонил в Канаду — и разговаривал с англичанином.

— С кем?

— Бочерт не успел это узнать — тот телефон тут же сняли.

— Черт возьми! Выходит, нам придется начинать все сначала. Похитители и убийцы все еще на свободе.

— Да. Значит, если мы не можем их поймать, остается их обезвредить. Прежде всего мы оформляем патенты на тот искусственный интеллект, который у них. После этого то, что они украли, станет доступным любому, кто заплатит за использование патента. Это положит конец прошлому. А теперь нам надо подумать о будущем.

— Чем и объясняется ваше со Свеном сегодняшнее выступление по телевидению.

— Совершенно верно. Начинается совсем новая игра. Забудем прошлое — я с удовольствием это сделаю — и будем смотреть вперед. Завтра будет лучше, чем вчера. Мы сообщим всему миру, что «Мегалоуб» приступил к выпуску машинного интеллекта. Как и с любым новым изобретением, мы примем все меры против промышленного шпионажа. И сразу поставим производство на поток. Чем больше машинных интеллектов будет изготовле-

но, тем в большей безопасности будем мы со Свеном. Сомневаюсь, чтобы те, кто стоял за похищением и убийствами, решили отомстить, однако я приму все меры предосторожности, какие только может принять инженер, владеющий техникой. Что вы по этому поводу думаете?

— Что все получится! — вскричал Бен, стукнув кулаком по ладони. — Должно получиться! Эти негодяи, кто бы они ни были, заплатили свои миллионы абсолютно ни за что. Давай выпьем за это. — Бен огляделся. — Есть тут у тебя бар?

— Нет, но я могу позвонить, и нам принесут все, что вы хотите.

— Шампанского. Самого лучшего. И штук шесть бутербродов. Я в последний раз ел в восьми тысячах километров отсюда.

Лишь одно происшествие немного омрачило радость Брайана. Пресса больше не осаждала отель — полиция оцепила его и впускала только постояльцев и тех журналистов, с кем он договорился о встрече. Обедать в своем номере ему уже давно надоело, и на следующее утро он встретился с Беном в ресторане за завтраком.

— А где Свен? — спросил Бен. — Я думал, ему нравится слава и обретенная свобода?

— Нравится. Но он обнаружил, что в Стокгольме есть специальная телефонная служба, которая дает консультации по сексуальным проблемам. И теперь он одновременно практикуется в шведском языке и исследует сексуальное поведение человека.

— Эх, Алан Тьюринг, почему ты не дожил до этого дня?

Они допивали второй кофейник, когда в ресторан вошла Шелли. Оглядев ресторан, она медленно подошла к их столику. Бен встал:

— Я не думаю, что ваше присутствие здесь желательно, пусть даже военная разведка ухитрилась провести вас через полицейские кордоны.

— Я здесь сама по себе, Бен. Меня никто не проводил. Я просто поселилась в этом отеле. И если вы не возражаете, я хотела бы, чтобы мне велел уходить Брайан. Я хочу поговорить с ним, а не с вами.

Брайан приподнялся со стула, побагровев и стиснув кулаки, но тут же снова сел и приказал себе успокоиться.

— Пусть остается, Бен. С этим рано или поздно надо будет покончить.

— Я буду у себя в номере. — Беникоф ушел, оставив их наедине.

— Можно я сяду?

— Да. И ответьте мне на один вопрос...

— Почему я это сделала? Почему вас предала? Я здесь потому, что хочу вам об этом рассказать.

— Я слушаю.

— Не выношу, когда у вас становится такой ледяной голос и злое лицо. Вы тогда становитесь как машина, а не человек!

По ее щекам покатились слезы, она сердито вытерла их платком и взяла себя в руки.

— Прошу вас, поймите. Я офицер и служу в военно-воздушных силах США. Я дала присягу и не могу ее нарушить. Когда я ездила в Лос-Анджелес повидаться с отцом, меня вызвал к себе генерал Шоркт. Он дал мне приказ. Я выполнила его. Все очень просто.

— Это не так уж просто. На Нюрнбергском процессе...

— Я знаю, что вы хотите сказать. Что я не лучше тех нацистов, которым приказывали убивать евреев, и они это делали. А потом пытались избежать правосудия, ссылаясь на то, что выполняли приказ.

— Это вы сказали, не я.

— А может быть, у них не было выбора, и они делали то же самое, что все остальные? Я их не защищаю — я просто пытаюсь объяснить вам, что сделала я. У меня был выбор. Я могла подать в отставку и выйти из игры. Меня бы не расстреляли.

— Значит, вы согласились, когда вам приказали лгать мне и шпионить за мной? — голос Брайана был по-прежнему ровен, без всяких признаков гнева.

Но ее волнения хватило бы на двоих. Она подалась вперед и, медленно, бесшумно ударяя кулаком по столу, шептала:

— Я думала, что, если вы убежите один, вам будет грозить опасность. Правда, я так думала. Я хотела защитить вас.

— Тем, что позвонили из поезда и рассказали Шоркту все о моих планах?

— Да. Я была убеждена, что вы можете не справиться, что вам придется плохо, и хотела, чтобы вас защитили. Да, я считаю, что военная разведка должна была знать, что вы делаете. Если вы знаете что-то важное для страны, я считаю, что стране тоже важно это знать.

— Ради национальной безопасности можно предать друга?

— Если вы хотите так поставить вопрос — да, я считаю, что можно.

— Бедная Шелли, вы живете в прошлом. Национализм, ура-

патриотизм, размахивание флагами для вас важнее личной чести, важнее всего. Вы не понимаете, что этот мелочный национализм умер, что теперь речь идет о всемирном национализме. И «холодная война» тоже умерла, Шелли, а скоро, я надеюсь, отомрут всякие войны. И мы наконец-то будем свободны от гнета военных. Давно окаменевших, вымерших — но слишком глупых, чтобы лечь в могилу. Вы приняли свое решение и рассказали мне об этом. Разговор окончен. Прощайте, Шелли. Не думаю, чтобы мы еще когда-нибудь встретились.

Он вытер губы салфеткой, встал и пошел прочь.

— Нет, вы не можете вот так взять и уйти! Я пришла, чтобы объясниться, может быть, принести извинения. Я человек, и мне легко сделать больно. Вы делаете мне больно, вы это понимаете? Я пришла, чтобы загладить свою вину. Если вы этого не понимаете, вы, наверное, больше машина, чем человек. Вы не можете просто повернуться ко мне спиной и уйти!

Но именно это он, разумеется, и сделал.

Глава 44

Ла-Хойя, штат Калифорния
8 февраля 2026 года

Эрин Снэрсбрук просматривала свою личную утреннюю газету, когда ее взгляд упал на сегодняшнюю дату. В этой газете почти не было обычных новостей — политики или спорта, зато было много биохимии и нейрофизиологии. Она погрузилась в чтение статьи о росте нервов, но что-то ей все время мешало. Потом ее взгляд снова упал на сегодняшнюю дату — и тут она уронила на стол лист вечной бумаги, взяла чашку кофе и сделала глубокий глоток.

Тот самый день. Она никогда его не забудет, никогда. Время от времени, когда Эрин была чем-то занята, он отступал на задний план, но потом что-нибудь напоминало о нем, и он снова вставал у нее перед глазами. Размозженный череп, загубленный мозг, охватившее ее бесконечное отчаяние. Со временем отчаяние сменила надежда, а потом огромная радость, когда Брайан выжил.

Неужели прошел еще год? Год, на протяжении которого она ни разу не видела его, не говорила с ним. Она пыталась до него дозвониться, но он не отвечал. Подумав об этом, она снова набрала его номер и получила тот же самый ответ автосекретаря: да,

ее сообщение записано, Брайан ей позвонит. Но он так ни разу и не позвонил.

Год — долгое время, и ей это не нравилось. Невидящими глазами она смотрела за окно, на сосны и океан за ними. Слишком долго. Но на этот раз она решила, что пора что-то предпринять.

Вуди взял трубку после первого же гудка.

— Вуд, служба безопасности.

— Вуди, это доктор Снэрсбрук. Я хотела бы знать, не можете ли вы помочь мне связаться с одним человеком.

— Только скажите с кем.

— С Брайаном. Сегодня годовщина того страшного дня, когда его ранили. И до меня вдруг дошло, что я уже по меньшей мере год с ним не разговаривала. Я звоню ему, но он не отвечает. Надеюсь, он здоров, иначе я бы знала.

— Он в прекрасной форме. Иногда я встречаю его в спортзале, когда хожу на тренировки. — Вуди сделал долгую паузу, а потом продолжал: — Если вы не очень заняты, я мог бы устроить вам свидание с ним прямо сейчас. Хорошо?

— Замечательно! У меня почти весь день свободен, — отозвалась она и повернулась к своему терминалу, чтобы перенести давно назначенный прием полудюжине больных. — Буду у вас, как только смогу.

— Я вас встречу. Пока.

Когда она вывела машину из гаража, солнце скрылось за темной тучей, и на лобовое стекло упали капли дождя. Чем дальше от берега, тем дождь становился сильнее, но стена гор, как всегда, преградила путь тучам и буре. Когда она спускалась с перевала Монтезума, уже вовсю светило солнце, и она опустила стекло, чтобы подышать теплым воздухом пустыни.

Вуди, как и обещал, ждал у ворот «Мегалоуб». Он не стал открывать их, а вместо этого вышел наружу и подошел к машине.

— Найдется у вас место для пассажира? — спросил он.

— Да, конечно. Садитесь. — Она дотронулась до кнопки, и дверца распахнулась. — А что, Брайана здесь нет?

— В последнее время он редко здесь бывает.

Как только Вуд сел в машину, дверца захлопнулась, и поперек его груди лег ремень безопасности.

— Обычно он работает дома. Вы были когда-нибудь на Ранчо Расщепленной Горы?

— Нет, и даже никогда о нем не слыхала.

— Вот и хорошо. Мы стараемся о нем не шуметь. Поезжайте на восток, и я скажу вам, где свернуть. На самом деле это не ран-

чо, а усиленно охраняемое место, где живут самые высокопоставленные сотрудники «Мегалоуб». Домики на несколько квартир и особняки. Теперь, когда мы расширили производство, понадобилось найти какое-нибудь безопасное место поблизости, где они могли бы жить.

— Звучит неплохо. Но у вас озабоченный вид, Вуди. В чем дело?

— Не знаю. Может быть, и ни в чем. Вот почему я подумал, что хорошо бы вам с ним поговорить. Понимаете, мы все реже его видим. Раньше он обычно обедал в нашем кафе. Теперь нет. Очень редко вообще появляется. А когда я его вижу, он... ну, держится на расстоянии, что ли. Никаких шуток, никакой болтовни о том о сем. Не знаю, может быть, его что-то тревожит? Сейчас направо.

Дорога, поколесив по пустыне, закончилась у широких ворот в стене, тянувшейся в обе стороны. Деревья, посаженные вдоль стены, не могли скрыть ее высоты и надежности, а кованые металлические ворота были не простым украшением. При их приближении ворота открылись, машина въехала во двор и остановилась перед вторыми воротами. Из сторожки, замаскированной под беседку, вышел пожилой человек в форменной одежде и не спеша подошел к ним.

— Доброе утро, мистер Вуд, и вы, доктор. Подождите секунду и сможете заехать.

— Хорошо, Джордж. Что, не дают тебе покоя?

— Ни днем ни ночью.

Он спокойно улыбнулся и снова ушел в сторожку.

— Ну, охрана здесь не слишком строгая, — сказала доктор Снэрсбрук.

— Охрана здесь самая строгая в мире. Старик Джордж на пенсии. Ему такая работа нравится. Лучше, чем сидеть дома. Его обязанность — всего лишь здороваться с людьми, и он ее исполняет прекрасно. А настоящая охрана поручена машинному интеллекту. Он следит за каждым автомобилем, едущим по земле, и за каждым самолетом, летящим в небе. За то время, пока вы сюда ехали, он уже узнал, кто вы, что здесь делаете, связался со мной, удостоверил вашу личность и получил мое разрешение.

— Но если он такой умный, зачем эта задержка?

— Никакой задержки. Датчики, спрятанные под землей, осматривают автомобиль и все его детали, проверяют, нет ли в нем бомб или оружия, связываются с вашей АТС, чтобы убедиться, что ваш телефон действительно ваш... Ну вот, готово.

Наружные ворота закрылись, и только после этого распахнулись внутренние.

— Этот МИ один работает лучше, чем все мои люди и аппаратура там, в «Мегалоуб». Теперь прямо вперед, четвертый или пятый перекресток — там написано «Авенида Джакаранда».

— Ничего себе, — заметила доктор Снэрсбрук, остановив машину перед обширным домом в кричащем стиле модерн.

— А почему бы и нет? Брайан теперь миллионер, если не больше. Видели бы вы сводки о сбыте.

Когда они подошли к двери, раздался голос:

— Доброе утро. К сожалению, мистер Дилени сейчас не может вас принять...

— Я Вуд из службы безопасности. Заткнись и скажи ему, что здесь я и доктор Снэрсбрук.

После небольшой паузы дверь открылась.

— Мистер Дилени сейчас вас примет, — сообщил невидимый голос.

Когда они, пройдя через холл, вошли в комнату с высоким потолком, Эрин поняла, почему Брайану больше нет нужды ходить в лабораторию. Здесь работать было, вероятно, даже лучше. Компьютеры и какие-то приборы, строгие и сверкающие, занимали одну из стен. Перед ними сидел Брайан, сзади него неподвижно стоял МИ. Брайан даже не взглянул на них — глаза его были устремлены куда-то в пространство.

— Пожалуйста, подождите минутку, — сказал МИ. — Мы обсуждаем одно очень сложное уравнение.

— Это ты, Свен?

— Как мило с вашей стороны, что вы меня помните, доктор Снэрсбрук. Ведь я всего лишь подсистема, запрограммированная на самые простые реакции. Если вы немного подождете...

Свен шевельнулся, придал своим нижним манипуляторам форму ног и подошел к ним.

— Редкое удовольствие — видеть вас здесь. У нас мало кто бывает. Я все время твержу Брайану, что делу время, потехе час, вы же понимаете. Но он настоящий трудоголик.

— Вижу, — она показала на Брайана, по-прежнему сидевшего неподвижно. — А он знает, что мы здесь?

— О да. Я сказал ему, прежде чем отвлекся от расчетов. Он просто хочет поработать немного еще.

— Ах, немного еще? Как мило и гостеприимно с его стороны. Вуди, я понимаю, что вы имели в виду. Наш друг Свен больше похож на человека.

— Вы очень добры ко мне, доктор. Но вы должны понимать, что чем больше я совершенствую свой разум и изучаю человечество, тем больше становлюсь человеком. Разумным человеком, я надеюсь.

— Ты молодец, Свен. Жаль, что не могу сказать того же о Брайане.

Ее сарказм, видимо, дошел до сознания Брайана. Он нахмурился, потом тряхнул головой.

— Вы ко мне несправедливы, доктор. У меня есть работа. И единственный способ ее выполнить — это отделить эмоции от логики. Невозможно эффективно думать, когда в организме полно гормонов и адреналина. Это большое преимущество, которое Свен и ему подобные имеют перед людьми из плоти и крови. У них нет желез внутренней секреции.

— Признаю, что желез у меня нет, — сказал Свен. — Но статические разряды время от времени оказывают на меня такое же действие.

— Это неправда, Свен, — сказал Брайан ледяным голосом.

— Ты прав — я попытался пошутить.

Эрин Снэрсбрук молча смотрела на них. На мгновение ей показалось, что Свен больше похож на человека, чем Брайан. Не утрачивает ли Брайан человеческий облик по мере того, как Свен его приобретает? Она отогнала эту страшную мысль.

— Ты сказал, что обсуждаете какое-то уравнение. Вам уже нет необходимости соединяться друг с другом с помощью волоконно-оптического кабеля?

— Нет. — Брайан коснулся рукой затылка. — Небольшое усовершенствование — теперь связь осуществляется модулированным инфракрасным сигналом. — Он встал, потянулся и сделал слабую попытку улыбнуться. — Простите, если я был невежлив. Мы со Свеном вышли на что-то настолько важное, что даже страшно.

— А что это?

— Я еще не уверен — то есть не уверен, что мы справимся. И мы работаем как сумасшедшие, потому что хотим закончить к следующему заседанию правления «Мегалоуб». Было бы здорово их этим огорошить. Ах да, я, кажется, не слишком радушный хозяин...

— Конечно! — подтвердил Свен. — Но я постараюсь загладить твою вину. Сэр и мадам, прошу вас сюда, в гостиную. Освежающее питье, тихая музыка — мы очень гостеприимны, когда хотим.

Свен сделал рукой легкое движение в сторону Брайана — в нем можно было увидеть извинение, даже, может быть, покорность судьбе.

Брайан и Вуди выпили лимонада, но доктор Снэрсбрук, которая почти не пила, если не считать официальных приемов, вдруг почувствовала, что ей хочется чего-нибудь покрепче.

— Мне мартини со льдом, капелькой лимона и без вермута. Можешь устроить это, Свен?

— Это вполне в моих возможностях, доктор. Один момент, пожалуйста.

Она сидела в мягком, уютном кресле, держа руки на сумочке, и изо всех сил сдерживала гнев. Может быть, мартини поможет.

— Как ты себя чувствуешь, Брайан?

— Очень хорошо. Занимаюсь спортом, когда есть время.

— А голова? Какие-нибудь нежелательные симптомы, боли, что-нибудь в этом роде?

— Ничего похожего.

Она с благодарностью кивнула Свену и сделала глоток. Действительно помогло.

— Мы с тобой давно уже не работали с машиной-коррелятором.

— Знаю. Мне кажется, в этом больше нет необходимости. Процессор прижился, я могу получить к нему доступ в любой момент, когда захочу. Никаких проблем.

— Это хорошо. А тебе не приходило в голову сообщить об этом мне? До сих пор я опубликовала только общее описание операции, потому что ждала окончательных результатов.

В ее голосе прозвучала ледяная нотка. Брайан заметил это и чуть покраснел.

— Это мой недосмотр. Простите. Знаете, я все напишу и перешлю вам.

— Будет очень мило с твоей стороны. Я несколько раз говорила с Шелли...

— Это меня не интересует. Часть прошлого, которое я забыл.

— Прекрасно. Но я полагаю, тебе хотя бы из гуманных соображений будет интересно знать, что ее отцу сделали операцию, установили шунт, и он чувствует себя хорошо. А она не смогла вернуться к гражданской жизни и снова вступила в армию.

Брайан, глядя в окно, пригубил свой бокал и ничего не сказал.

Они ушли через полчаса после того, как Брайан сказал, что ему надо снова садиться за работу. Снэрсбрук не проронила ни слова, пока они не выехали за ворота.

— Это мне не нравится, — сказала она.

— Но он обещал чаще ходить в спортзал, верно?

— Замечательно. Значит, с его светской жизнью все в порядке. Вы слышали, что он говорил: театры, концерты — у него тут самая лучшая видеоаппаратура и проигрыватели. Визиты? Он никогда не любил ходить по гостям. И девушки — больше всего мне не понравилось, как он вообще ушел от разговора на эту тему. Что вы по этому поводу думаете, Вуди? Вы же его друг.

— Я думаю... Иногда, когда я смотрю на них обоих... иногда, не всегда — все как вы сказали. Свен больше человек, чем он.

Глава 45

Эпилог

Заседание правления компании «Мегалоуб» началось ровно в десять утра. Председателем правления был теперь Кайл Рохарт, заметно выросший за эти годы под бременем ответственности, которая легла на его плечи. Он жестом попросил тишины.

— Я думаю, пора начинать, работы предстоит много. Наш ежегодный отчет перед собранием акционеров должен состояться через месяц, и нам нелегко будет закончить его к сроку. Производительность новых, управляемых машинным интеллектом сборочных линий растет настолько, что в это просто трудно поверить. Но прежде чем мы начнем, я хотел бы представить вам нового члена нашего правления. Свен, сейчас я познакомлю тебя с остальными.

— Благодарю вас, мистер Рохарт, но в этом нет необходимости. Каждого из них я знаю по фотографии и хорошо знаком с его биографией и послужным списком. Господа, я рад, что буду работать с вами. Прошу вас обращаться ко мне всякий раз, когда вам потребуется какая-либо специальная информация. Помните, что я связан с машинным интеллектом, можно прямо сказать, с самого начала.

Послышался одобрительный шум. Несколько членов правления, раньше не имевшие случая познакомиться с МИ, в изумлении разглядывали его. Рохарт взглянул в свои заметки.

— Начнем с нашей новой продукции. Брайан собирается сообщить вам нечто важное. Но прежде я должен поставить вас в известность о том, что первое в мире судно, оборудованное машинным интеллектом, только что отправилось в плавание из Иокогамы. МИ на нем выполняет функции и капитана, и команды, однако по настоянию японского правительства на борту находятся также механик и электрик. Я убежден, что плавание им понравится, потому что им будет абсолютно нечего делать.

Все посмеялись.

— Вот что еще вам будет приятно услышать, — продолжал Кайл. — Созданный нашим подразделением «НаноКорп» новый молекулярный микроскоп теперь работает почти безукоризненно. Как вы, вероятно, знаете, он напоминает применяемый в медицине ультразвуковой сканер, но он в миллион раз меньше, потому что в нем использованы последние достижения нано-технологии. Он работает, посылая к близлежащим молекулам механические колебания и анализируя поступающие отраженные сигналы. Если ввести его зонд в ядро клетки, мы можем обнаружить и исследовать хромосомы и прочитать весь геном данного организма за считанные минуты. Со временем подобные данные будут использоваться для полной реконструкции путей эволюции каждого живого существа. Располагая такими знаниями, мы сможем создавать с нуля буквально любое животное, какое пожелаем. Например, один из наших генетиков не видит особых причин, почему бы нам не создать корову, которая будет давать кленовый сироп вместо молока.

Послышался смех и одобрительные реплики.

— А теперь, Брайан, твое слово.

— Спасибо, Кайл. Господа, я, возможно, опережаю события, рассказывая вам о новом изделии, но оно открывает такие волнующие перспективы, что, мне кажется, вы должны знать, над чем мы работаем. Вся честь здесь принадлежит Свену — это его открытие, и он во всех подробностях продумал, как воплотить его в практику, прежде чем вообще посвятил в эту проблему меня.

Брайан перевел дух.

— Если расчеты верны и новый материал, который мы назвали «суперэкс», пойдет в производство, это коренным образом изменит все нынешние способы использования энергии. Изменит облик всего мира!

Он подождал, пока шум утихнет, и продолжал:

— Все это основано на квантовой теории физического явления, которое лауреат Нобелевской премии Цунами Хуанг назвал анизотропным фононным резонансом. До сих пор эта теория не находила никакого практического применения. Свен показал нам, как это можно сделать. Все вы слышали о сверхпроводниках, которые проводят электричество без всяких потерь. А Свен

сделал то же самое для тепловой энергии. Его новый материал проводит тепло почти беспрепятственно в одном направлении. В обратном направлении «суперэкс» должен быть почти абсолютным теплоизолятором. Как вы знаете, термическое сопротивление дорогостоящих новейших теплоизоляционных стройматериалов измеряется сотнями единиц. А из новой теории следует, что термическое сопротивление «суперэкса» составит около ста миллионов. И его легко напылять на поверхности в виде покрытия, наносимого с помощью поляризующего поля.

Он сделал паузу, ожидая реакции на свои слова, но никто не знал, что сказать. «Дельцы», — с горечью подумал он.

— Вот пример: если тончайшую пленку «суперэкса» нанести на банку с пивом, оно останется холодным на протяжении нескольких лет. Мы сможем выбросить на свалку все наши холодильники, не тратить ни гроша на отопление. Электрические сверхпроводники так и не нашли широкого применения, потому что они не могут работать при обычных температурах. Теперь же изоляция из «суперэкса» позволит передавать энергию по сверхпроводящим кабелям без потерь — даже с континента на континент. Открывающиеся здесь возможности невероятны. Проложенные вдоль меридианов теплопроводящие кабели из «суперэкса» будут переносить тепло из пустынь и холод с полюсов. А это значит, что в любой промежуточной точке можно получать практически бесплатное термоэлектричество!

Это произвело впечатление на присутствующих — шум и выкрики почти заглушили голос Брайана.

— Подумайте о том, каким станет мир! Мы сможем прекратить сжигание ископаемого топлива — навсегда покончить с угрозой парникового эффекта. Чистая, не загрязняющая среду энергия спасет человечество. Ближневосточные нефтяные кризисы навсегда останутся в прошлом, когда закроются все нефтяные скважины. Если использовать нефть только как химическое сырье, в Америке ее более чем достаточно для всех наших нужд. Возможности здесь почти беспредельны. Свен разработал некоторые подробности внедрения нового материала в практику и сейчас вам о них расскажет. Свен?

— Спасибо, Брайан, — отозвался МИ. — Ты очень великодушно приписал мне всю честь открытия, но твой вклад в математическое обоснование теории намного превосходит мой. Я начну с анализа практических возможностей.

На поясе у Брайана загудел телефон. Сначала он не обратил на это внимания, но после второго гудка поднес его к уху.

— Я сказал вам, чтобы меня ни с кем не соединяли!..

— Простите, сэр, это все служба безопасности, они на этом настояли. У мистера Вуда есть для вас какая-то заказная бандероль — она сейчас здесь, на столе в приемной. Ее вскрыли и проверили на отсутствие бомбы. Оставить ее для вас или прислать? Мистер Вуд говорит, что готов отнести ее вам. Он полагает, что вы захотите увидеть ее немедленно.

— Хорошо. Скажите ему, пусть принесет ее сюда, я буду ждать.

Брайан тихо вышел из зала заседаний и ждал в приемной, когда вошел Вуд.

— Она из Европы, Брайан, и адресована лично вам. Поскольку устроенная вами революция началась с того, что вы побывали в Европе, я решил, что она может быть как-то с этим связана.

— Возможно. А откуда она?

— Обратный адрес — «Народный банк Швейцера» в Сент-Морице.

— Я там побывал когда-то, только ни с каким банком дела не имел... Ах, Сент-Мориц? Давайте ее сюда.

Он сорвал обертку, и на стол упала видеокассета.

— Мы так и подумали, когда просвечивали ее рентгеном. А какое-нибудь письмо при ней есть?

— Она сама и есть письмо. Оно ясно и недвусмысленно гласит: «Просмотри меня».

Брайан взвесил кассету на руке, взглянул на невозмутимое лицо Вуда.

— Я должен просмотреть ее один. Вы оказались правы — это важно. Но я не могу нарушить обещание и сейчас не скажу вам почему. Вместо этого даю еще одно обещание — я сообщу вам, что там, как только смогу.

— Хорошо. Кажется, выбора у меня нет. — Вуд нахмурился. — Только не делайте никаких глупостей, слышите?

— Слышу вас хорошо. Спасибо.

Брайан зашел в первый же свободный кабинет, закрыл за собой дверь и вставил кассету в машину. Экран замерцал, потом очистился, и на нем появился знакомый кабинет, уставленный книжными полками. В кресле посреди кабинета сидел доктор Бочерт. Он протянул руку к камере и заговорил:

— Я прощаюсь с вами, Брайан. Или, точнее говоря, я попрощался с вами некоторое время назад, потому что эта запись была сделана вскоре после нашей встречи. Я уже стар, отягощен годами и смертен, как всякий человек. Эту запись я оставляю в своем

банке, которому согласно моему завещанию поручено переслать ее вам после моей смерти. Так что можете считать, что я говорю с вами, так сказать, из могилы. Должен признаться, что во время нашей встречи здесь утаил от вас одно довольно важное обстоятельство. Прошу за это прощения, потому что это было продиктовано чистейшим эгоизмом. Если бы я вам это сообщил и если бы это помогло вам установить, кто ваши враги, это, в свою очередь, могло бы привести к моей гибели. Мы с вами знаем, что они не остановятся ни перед чем. Но хватит об этом. Я хочу сообщить вам, что Дж.-Дж. Бэкуорт жив и живет здесь, в Швейцарии. В стране, которая специализируется на анонимности и соблюдении тайн. Я увидел его совершенно случайно, когда он выходил из одного банка в Берне. Мне повезло, что он не увидел меня первый. Разумеется, после этого я не появляюсь в Берне — вот почему я живу здесь, в Сент-Морице. Однако я нанял надежных детективов, которые установили его местожительство. Сейчас он живет в очень фешенебельном пригороде Берна под фамилией Бигелоу. Я прочитаю его адрес, после чего скажу вам не «до свидания», а настоящее последнее «прощай».

Голос Бочерта умолк. Едва оправившись от потрясения, Брайан воскликнул:

— Он жив! И я знаю, где его найти!

Бэкуорт жив — эта мысль поразила его как ножом. Единственный человек, который знает все подробности, всех тех, кто стоял за похищением и убийствами, который знает все! Они пытались убить его, пытались не один раз. Почти уничтожили его мозг, уложили его в больницу, перевернули всю его жизнь.

Он разыщет Бэкуорта, разыщет тех, кто стоял за ним. Разыщет и заставит их расплатиться за то, что они с ним сделали.

Брайан шагал взад и вперед по комнате, стараясь побороть волнение и спокойно подумать. Потом он схватился за телефон. Беникоф будет знать, что делать. Он начал расследование, теперь он его и закончит.

Бен пришел от этой новости в такое же возбуждение, как и Брайан, хотя ему и не понравились условия, которые он был вынужден принять.

— Вообще-то это дело надо бы предоставить полиции. Бэкуорт — опасный человек.

— Полиция может забирать его после того, как мы с ним поговорим. Я хочу встретиться с ним лицом к лицу. Бен, я должен это сделать. Если вы не хотите ехать со мной, я сделаю это один. У меня есть его адрес, а у вас нет.

— Это шантаж!

— Прошу вас, не думайте так. Просто для меня это единственно возможный путь. Сначала мы с вами поговорим с ним, а потом пусть полиция его забирает. Мы возьмем с собой Свена, чтобы он записал все, что будет сказано. Идет?

В конце концов Бен нехотя согласился. Брайан вернулся на заседание, но почти не слушал. Теперь он мог думать только об одном — о Бэкуорте. При первой же возможности он ушел и отправился к себе, чтобы собраться в путь. Он еще не кончил, когда в дверь постучал Свен.

— Я собирался послать за тобой, как только кончится правление. У меня есть новость...

— Знаю. Я слушал эту пленку с большим интересом.

— Я мог бы догадаться.

— Мне тоже стало любопытно, что это за бандероль. Скоро мы едем?

— Прямо сейчас. Пошли.

Они встретились с Беном в аэропорту Канзаса как раз вовремя, чтобы попасть на вечерний рейс до Европорта в Венгрии. Полет по крутой траектории, проходившей за пределами атмосферы, занял меньше получаса. В десять раз больше времени они провели в спальном вагоне на пути в Швейцарию. Свену очень понравилось путешествие, во время которого он привлекал всеобщее внимание. МИ пока еще редко появлялись на публике.

Водитель такси проехал мимо нужного дома, как ему было сказано, и высадил их на ближайшем углу. Бен все еще тревожился.

— Я все-таки думаю, что нам надо было переговорить с полицией, прежде чем идти туда.

— Слишком велик риск. Существует вероятность, пусть даже самая малая, что у тех, кто за этим стоит, есть информатор в местной полиции или что они прослушивают их разговоры. Тогда мы рискуем потерять все. Мы придумали прекрасный компромисс. Ваше ведомство через полчаса свяжется с Интерполом и бернской полицией. Это означает, что мы сможем сначала с ним поговорить. Пошли.

Где-то в доме прозвенел звонок, и мгновением позже робот открыл дверь. Это была одна из простейших моделей, которую выпускали по лицензии в Японии.

— Он вас ожидает?

— Я на это очень надеюсь, — сказал Брайан. — Я его бывший сотрудник из Соединенных Штатов.

— Он в саду. Сюда, пожалуйста.

Робот провел их через весь дом в обширную комнату, застекленные двери которой открывались в сад. Там спиной к ним сидел Бэкуорт, читая газету.

— Кто это был? — спросил он.

— Вот эти господа к вам.

Бэкуорт опустил газету и обернулся. Когда он увидел Брайана, лицо его окаменело. Он медленно поднялся на ноги.

— Ну что ж, господа, давно пора вам появиться. Я следил за всеми вашими действиями и был крайне удивлен, что вы настолько лишены предприимчивости. Но вот наконец вы здесь. — В его голосе не было тепла, лицо выражало ненависть. — Итак, наконец Брайан Дилени и с ним один из новых МИ. И я вижу, вы привезли с собой и Бена. Все еще бездарно ведущего расследование, которое, видимо, все же завершилось успешно, раз вы здесь. Хотя боюсь, Бен, что мне не с чем вас поздравить.

— Зачем, Джей-Джей? Зачем вы это сделали?

— С вашей стороны это исключительно глупый вопрос. Неужели вы не знали, что компании-учредители, основавшие «Мегалоуб», собирались меня уволить? Они ничего не имели против меня лично, но хотели взять кого-нибудь, ближе знакомого с техникой. Я поразмыслил над этим и решил, что лучше будет уйти на моих собственных условиях. Это позволило бы мне избавиться заодно и от своего старого дома, от своей старой жены и от своих надоедливых, жадных детей. Я смог бы начать новую, гораздо более обеспеченную жизнь. — Он впервые посмотрел в глаза Брайану, и его лицо исказила гримаса холодной ненависти. — Почему ты не умер, как от тебя требовалось?

На лице у Брайана отразилась такая же ненависть, как и у Бэкуорта, но к ней присоединились еще и воспоминания о перенесенной страшной боли. Он долго молчал и, только справившись с волнением, заговорил:

— Кто стоял за убийствами и похищением?

— Только не говорите мне, что проделали такой долгий путь исключительно ради того, чтобы спросить меня об этом. Я думал, ответ теперь должен быть очевиден. Вам лучше, чем мне, известно, кто в мире занимается разработкой искусственного интеллекта.

— Это не ответ, — сказал Брайан. — Есть множество университетов...

— Не говорите глупостей. Я говорил о правительствах. Как вы думаете, откуда еще могли взяться огромные суммы, которые понадобились, чтобы финансировать такую дорогостоящую операцию?

— Вы лжете, — холодно произнес Брайан, сдерживая гнев. — Правительства не совершают убийств и не нанимают убийц.

— Молодой человек, неужели вы всю жизнь прожили в пустыне? Всякий, кто за последние пятьдесят лет хоть раз раскрывал газету, рассмеется над вашей наивностью. Неужели вы незнакомы со всемирной историей? Был случай, когда французское правительство подослало убийц, чтобы взорвать целое судно с противниками ядерных испытаний, — и даже ухитрилось прикончить одного из них. А когда заговор был раскрыт, они открестились от всей этой затеи и даже обманом уговорили Новую Зеландию выпустить осужденных убийц. И такими операциями занимаются не одни только французы. Вспомните итальянское правительство и их тайную операцию, которая называлась «Гладио». Там политики разрешили создать сеть секретных агентов — в своей стране и во всех странах НАТО тоже — для выполнения преступно-идиотского плана создания вооруженных групп боевиков, партизан, на совершенно невероятный случай, если страны Варшавского пакта не только победят их в войне, но и оккупируют их. На самом же деле в результате оружие получили правые террористы, и множество людей погибло.

— Вы хотите сказать, что ваш преступный план поддержали французы или итальянцы?

— А англичане? Они посылали войска в Северную Ирландию с приказом стрелять на поражение в своих собственных граждан. Когда расследованием этого дела занялся полицейский офицер из Лондона, они довели до банкротства и разорили ни в чем не повинного бизнесмена только для того, чтобы приостановить расследование. Потом им показалось мало убивать своих граждан на собственных островах, и они направили команду хладнокровных убийц в Гибралтар, чтобы убивать на улицах иностранцев. Потом они даже послали специалистов за море, чтобы обучать солдат «красных кхмеров» — одного из самых кровожадных режимов в истории — установке хитроумных мин, чтобы убивать гражданских лиц.

— Значит, это англичане?

— Вы меня совсем не слушаете. В России Сталин отправил миллионы своих граждан на смерть в лагерях. Это чудовище Саддам Хуссейн применял напалм и ядовитые газы против собственных граждан-курдов. Да и у нас руки не так уж чисты. Разве аген-

ты ЦРУ не пробрались в Никарагуа — страну, с которой мы теоретически находились в мире, — и не заминировали там гавани...

— Так кто же из них? — прервал его Беникоф. — Я не собираюсь отрицать, что разные страны совершили множество преступлений. Это самое скверное наследие национализма и патологически глупых политиков, которое, как и войну, предстоит искоренить. Но мы пришли сюда не для лекций на политические темы. К кому из них вы обратились со своим планом? Кто из них стоит за похищением и убийствами?

— Да разве это так важно? Все они на это способны, и уверяю вас, что многие были готовы на это пойти. Может быть, и стоило бы вам сказать, но я должен сделать кое-что поважнее.

Бэкуорт сунул руку в карман пиджака, выхватил пистолет и направил на них.

— Я прекрасно стреляю, так что не двигайтесь с места. Я ухожу — но сначала у меня есть кое-что для тебя, Брайан. Кое-что, что давно тебе причитается. Твоя смерть. Если бы ты тогда умер, чего от тебя ждали, я бы не прятался здесь, а был бы свободным, уважаемым человеком. И весьма богатым. Мне пора идти, а тебе умереть. Наконец-то...

— Убивать запрещаю! — оглушительно взревел Свен на пределе усиления своего динамика. В то же мгновение он бросился вперед, на Бэкуорта.

Три выстрела последовали один за другим. Робот пошатнулся, вцепился в Бэкуорта, содрогнулся и повалился на землю, все еще держа противника в прочном объятии. Бэкуорт попытался высвободиться, поднял пистолет, прицелился в голову Свена и выстрелил еще раз — прямо в мозг.

И тут произошло нечто ужасное.

Все до единой веточки деревьев-манипуляторов, от самых больших до самых крохотных, вдруг расправились. Бессчетные тысячи металлических лезвий, более острых, чем самые острые ножи, впились в тело Бэкуорта. Они мгновенно разобрали его на клетки, вспороли все до единого кровеносные сосуды. Кровь беззвучно хлынула на землю, и Бэкуорт умер. Только что он был жив — и вот превратился в истекающую кровью плоть.

Бен взглянул на страшное зрелище и отвернулся. Но Брайан все смотрел и смотрел. Он не видел этой кровавой горстки плоти — он видел только Свена, только свой искусственный интеллект. Своего друга. Мертвого, как и Бэкуорт. Все еще живущего в иных своих воплощениях. Но здесь, сейчас — мертвого.

— Несчастный случай, — сказал Бен, приходя в себя.

— Разве? — спросил Брайан, глядя на две неподвижно лежащие на земле фигуры. — Может быть, и так. А может быть, Свен всего-навсего уберег нас от множества бед. Этого мы никогда не узнаем.

— Да, наверное. Не узнаем и того, к какой стране обращался Бэкуорт. Но, как он и сказал, вряд ли это так важно. Теперь все кончено, Брайан, — вот что важнее всего.

— Кончено? — Брайан поднял голову. Его застывшее лицо было лишено всякого выражения. — Да, для вас кончено. И для Свена кончено. Но для меня ничего не кончено. Они меня убили, неужели вы не понимаете? Они убили Брайана Дилени. У меня сохранились кое-какие его воспоминания, но я не он. Я полчеловека, полпамяти. И мне начинает казаться, что я вообще не совсем человек. Смотрите, что они у меня отняли. Сначала жизнь. А потом мою человеческую сущность.

Бен хотел что-то сказать, но Брайан остановил его, подняв палец:

— Не говорите этого, Бен. Не пытайтесь разубеждать меня и спорить. Потому что я знаю, что я такое. Может быть, это и к лучшему. Я теперь ближе к машинному интеллекту, чем к вам. Я сознаю это. Не могу сказать, что это мне нравится или не нравится, — я просто сознаю это. И пусть будет так.

На лице Брайана появилась кривая, хитрая, совсем не веселая усмешка.

— И больше не будем об этом. Раз я теперь машинный интеллект, почему я должен горевать, что перестал быть человеком?

Наступившее молчание нарушал только вой сирен подъехавших полицейских машин.

Содержание

Гарри Гаррисон, Гордон Диксон
СПАСАТЕЛЬНЫЙ КОРАБЛЬ. Роман.
Перевод с английского *Л. Ермаковой, Е. Малыхиной, И. Тогоевой* 5

Гарри Гаррисон
ПАДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА. Перевод с английского *В. Артемова, О. Басинской, Г. Чхартишвили* 151

Гарри Гаррисон
ДАЛЕТ-ЭФФЕКТ.
Перевод с английского *И. Почиталина* 405

Гарри Гаррисон, Марвин Мински
ВЫБОР ПО ТЬЮРИНГУ.
Перевод с английского *А. Иорданского* 573

Литературно-художественное издание

Гарри Гаррисон

СПАСАТЕЛЬНЫЙ КОРАБЛЬ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Л. Корзун*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *И. Ковалева*
Корректор *М. Мазалова*

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *Фрэда Гамбино*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.
Информация по канцтоварам: **www.eksmo-kanc.ru** e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12 . Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать 19.10.2006.
Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 50,4.
Доп. тираж 5000 экз. Заказ № 4149.

ISBN 5-699-15619-4

ОАО "Тверской полиграфический комбинат", 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) -sales@tverpk.ru

Гарри

ГАРРИСОН

H. Harrison

ISBN 978-5-699-11850-2

